

## Титул

Эта книга посвящается Константину Константиновичу Минджия с улицы Инге, который научил меня учиться, когда я учусь, Русудан Григорьевне Гогия из города Ткварчели, которая научила меня работать, когда я работаю, Аркадию Иосифовичу Слуцкому из города Краснодара, который научил меня думать, когда я думаю. Александру Константиновичу Пипинову из Заречья, который научил меня видеть, когда я смотрю, Александру Сеит-Кезиновичу Каспакову из Восточного Казахстана, который научил меня смеяться над авторитетным и никогда не смеяться авторитетно, а также моей жене Людмиле, из мира женщин, которая может научить любить любого.

## Вместо предисловия

**ВНИМАНИЕ!** Автор данной книги без всяких шуток категорически не рекомендует ее читать убежденным буддистам, мусульманам, ортодоксальным христианам, евреям, марксистам, атеистам, русофобам, членам религиозных группировок любого толка, обладателям научных степеней и просто крупным специалистам в областях естествознания или гуманитарных наук, а также тем, кто уже все про все знает и не хочет знать ничего другого. Данное предупреждение необходимо сделать не только потому, что содержание нижеследующих текстов может показаться им наивным, ошибочным или возмутительным. Оно может показаться им *кощунственным*, то есть оскорбляющим их чувства или устои. В какой-то мере, читатель, (если ты сейчас читаешь эти строки), в твоей жизни уже и так произошло достаточно знаменательное событие - ты держишь в руках уникальную в своем роде книгу, которую практически никому нельзя читать. Если ты принадлежишь к одной из вышеперечисленных категорий населения, то на этом и остановись. Есть рубежи в жизни, достигнув которых, опасно пытаться развивать успех дальше. Это как раз тот случай.

## Водопроводчик и Д'Артаньян

Однажды двое друзей делились впечатлениями жизни в доверительной беседе. Один сокрушался: "Ты знаешь, по-моему, у меня есть все основания подозревать, что моя жена изменяет мне с пекарем, - я постоянно нахожу в нашей кровати хлебные крошки". Второй смеялся над его страхами: "Тебе надо срочно лечить нервы. Надо же, - хлебные крошки его напугали! Мне, что же, по-твоему, теперь следует подозревать и свою жену в том, что она встречается с водопроводчиком!?" "А при чем здесь водопроводчик?" - обиделся первый. "Да так: на ум пришло", - пожал плечами второй, - "Я, как ни приду домой, - он вечно в нашей постели валяется".

С водопроводчиком все ясно, но при чем здесь Д'Артаньян? А при том, что как один из друзей считает с непонятной уверенностью, что уж *ему его* жена изменить никогда не может, (несмотря на очевидные факты), так и мы, похоже, с той же непонятной уверенностью живем в этом "д'артаньянизированом" мире, который составлен из незыблемых шаблонов наших

представлений об этом мире, но не имеющих ничего общего с фактами этого же самого мира. Мы постоянно видим водопроводчика в своей постели, и одновременно не видим его напрочь, ибо мы доподлинно *знаем*, что это семейное ложе, и третьих лиц в нем быть *не должно*. Наше ЗНАНИЕ об этом настолько вколочено в наши головы, что такие мелочи, как события реальной жизни, опровергающие это ЗНАНИЕ, нами просто не замечаются. Водопроводчик, слезающий с нашей жены, - это всего лишь водопроводчик, слезающий с нашей жены, и какие у нас могут быть тому особые основания, чтобы обвинять супругу в неверности? Мы ведь *твердо знаем*, что этого быть не может, так что пусть водопроводчик на себя много не берет, и, само собой естественно предполагается, (убеждены мы), что он слезает с нашего места абсолютно несолоно хлебавши. Разумеется, мы говорим иносказательно, и слишком доверчивому читателю не стоит срывать с места, чтобы дружески, но напористо трясти свою жену за шею: "Где водопроводчик? Почему я его никогда не вижу?"

И все-таки - при чем здесь Д'Артаньян? Сам-то он, в общем-то, ни при чем. Д'Артаньян просто - самый показательный пример. Истории о нем и о трех мушкетерах, пожалуй, лучшее, что нам оставила французская литература. И при всем при этом произошло одно из тех обычных явлений, когда красивая выдумка вытеснила неказистую жизнь. Дело не в деталях сюжета и не в историческом соответствии событий, а в том, что очевиднейшая нелепость в очередной раз стала непоколебимой истиной прямо на наших глазах, и это тот случай, когда мы можем это легко и все вместе проследить, потому что, если кто и не читал Дюма, то обязательно видел его многочисленные не впечатляющие экранизации. Замещение истинного мира выдумкой на этих сюжетах просматривается как нигде хорошо. Поясним.

Что такое мушкетер? Это вид пехотинца, вооруженного мушкетом. Что такое мушкет? Это огнестрельное оружие, напоминающее по внешнему облику ружье, но значительно превосходящее ружье по размеру. Огромное, неподъемное ружье. В ствол мушкета можно без применения особых хитростей вставить два пальца руки. Но на самом деле мушкет не для этих игр, а для того, чтобы из него стрелять. Однако, несмотря на любую страсть к пальбе, никому не удастся выстрелить из мушкета с плеча, - слишком он тяжел, чтобы держать его на весу, и слишком мощная у него отдача, чтобы сохранить после нее любовь к стрельбе для повторного акта. Для установления равноправных отношений между стрелком и мушкетом мушкетеру придается сошка, которая по внешнему виду и размеру точь-в-точь напоминает ухват для горячих горшков русской печи. Разница небольшая: у сошки один конец острый, чтобы втыкать его в землю, а второй конец не для горшков, а для того, чтобы положить на него ствол мушкета и выстрелить. Мушкет - это станковое ружье большого калибра, или небольшая пушка малого калибра. Истина где-то посередине. Прежде, чем из мушкета выстрелить, в его ствол надо засыпать порох и забить его пыжом, чтобы порох не высыпался. Сверху на порох надо вкатить круглую свинцовую пулю диаметром 23 мм и забить ее еще одним пыжом, чтобы, не дай, Бог не выкатилась. После этого надо взгромоздить чудовищный ствол на сошку, выбрать счастливчика, прицелиться в него и ... не забыть предварительно поджечь фитиль. Если все будет хорошо, то мушкет в свое время выстрелит, и пуля полетит туда, куда ей одной ведомо. Тот, кто встанет на

ее пути, получит отверстие размером с чайное блюдце. Если, конечно, будет огинаться слишком близко от усердных мушкетеров. Мушкет стреляет недалеко.

Теперь представим себе этого пехотинца, на одном плече у которого маленькая пушка, а на другом, - большая рогатина, (сошка). На правой стороне у мушкетера висит огромный подсумок с круглыми свинцовыми шарами, - пулями. На другой стороне увесисто болтается мешок с порохом для зарядов. На поясе - рог для набирания пороха широким концом и для засыпания в ствол узким концом. Справа и сзади находится сумка с пыжами, (по два на каждый выстрел). Так же на поясе подвешивается вода в баклажке, а за спиной запас провианта, ружейное масло, ветошь, ерш для чистки ствола, набор перевязочных лент и накладок на случай получения раны. Почти ничего мы не забыли, и осталось совсем немного: найти место кресалу для разжигания поражающего противника огня. Задача не столь трудная, как может показаться на первый взгляд, поскольку свободных мест на теле воина почти не осталось, и глаза не разбегаются от избытка вариантов. Где найдем незанятое место, там и разместим. Запросто решив эту проблему, нам останется сущая мелочь, - позапихивать в свободные участки мушкетера запас фитиля, нож для нарезки запалов и шомпол для забивания пыжей. А теперь, (внимание!), вопрос: господа, а куда шпагу будем вешать? И, если, все-таки, набросим ее куда-нибудь, то будет ли похож этот мушкетер на изящного дуэлянта и галантного кавалера? Куда он денет мушкет, если надумает подать даме руку? Куда он денет сошку, если вздумает кинуть в кого-либо перчатку в качестве изящного символа вызова на дуэль? Как он будет мгновенно вынимать шпагу, если он даже почесаться и то не может? А вот интересно: не привалит ли его сошкой и мушкетом, когда пули в сумке потянут его, согнувшегося для изысканного поклона, вниз? И, наконец, что он будет делать, например, если к нему подбегут мальчишки и уволочут у него из ножен его шпагу? Где взять свободные руки, чтобы помешать этому безобразию и на кого оставить свое основное оружие, чтобы догнать пацанов налегке? Не лучше ли от греха подальше оставить ненужную игрушку (шпагу) дома?

А теперь, главный вопрос, - можно ли во всех родах войск того времени найти более неподходящего, чем тяжелый пехотинец-мушкетер, для того, чтобы изобразить красиво и со вкусом одетых, моментально меняющих планы и легких на подъем искателей приключений? Дюма было неважно, кто такой мушкетер на самом деле, и, слава Богу. Нам это тоже непринципиально. Нам важно увидеть, как довлеет фантазия над жизнью. В данном случае безобидно. Поразительно другое, - где наша голова и ее громко продекларированные способности к критическим умозаключениям, когда такое несоответствие не бросается нам в глаза? А что если это происходит и в других случаях? Совсем не безобидных? С теми же мушкетерами, к примеру, с которыми тоже не все ладно?

Мы знаем, к примеру, что основным оружием этих храбрецов были не мушкет, (что еще за глупости такие!?), и даже не шпага, (это - на крайний случай), а - честь! Они говорили врагу: "Защищайтесь сударь!", прежде, чем напасть на него. Иногда они говорили: "Мы будем иметь честь атаковать вас, господа!", чтобы противник ни в коем случае никогда не сказал никому, что подвергся нападению внезапно. Уж что-что, а это про французских дворян того времени мы знаем точно! Они были рыцарями! Мы читали у Дюма. Правда, за тридцать лет до этого старшие

товарищи Д'Артаньяна, (такие же французские дворяне), врывались ночью в спальни к своим безоружным врагам и резали безо всякого предупреждения не только их, но также женщин, стариков и младенцев в придачу прямо в их постелях, не давая им даже как следует проснуться. Мероприятие называлось "Варфоломеевская ночь". Трупы убитых врагов сбрасывались прямо в реку, которая к утру стала красной от крови. Наверное, сбрасывая труп ребенка с моста, они обязательно говорили: "Сударь, мы имели честь этой ночью напасть на вас! Жаль, что вы крепко спали и не смогли оценить всего благородства последовательности наших действий!" Они ведь были рыцарями все до одного в то буйное время!

Мы с поразительной готовностью съедаем все, что нам подбрасывается! Иногда это происходит самым идиотским с нашей стороны образом. Например, когда мы узнаём, что граф де ла Фер, спасая свою жену на охоте, разрезал ей платье и обнаружил на ее левом плече лилию, (так вычурно клеймили проституток в то время), то ни у кого из нас не возникает желания спросить у графа: "Милейший, а для чего вам вообще нужна была жена, если у вас до сих пор не было ни одного случая, позволяющего выяснить, что у нее на плече есть лилия"? Жена - не соратник по отстрелу дичи. Неужели нас кто-то хочет убедить в том, что француз (!) за все время супружеских отношений с дамой ни разу чудным образом не оказался сзади нее? Даже если это был и очень целомудренный француз (!!), то каким-то образом у него с миледи все равно образовался сын, (прелестный сорванец, которого Атос потом прирезал в водах Ла-Манша)! Неужели это у них было всего один раз, и он ее при этом обнимал только левой рукой, а правую держал неизвестно где?

Если уж говорить о французах и о женщинах, то кто не знает, что именно здесь рыцарство французов проявляется во всей своей красе и силе? Что может быть известнее особого отношения французов к женщине? Никому не дано так относиться к женщине, как французам. Например, однажды эти рыцари за мешок денег (буквально!) продали англичанам одну девятнадцатилетнюю французенку, которая до этого с мечом в руке спасла всех французских мужчин от оккупации тех же самых англичан. Девушку звали Жанна Д'Арк. Англичане ее сожгли. А что с них взять? Англичане - не рыцари. Они жгут женщин, победивших их в бою, после того как истинные рыцари продают им этих женщин за приемлемую цену, надеясь на рыцарство покупателей. Позор англичанам. Брала бы пример, лучше, с французов, которые им так доверяли...

А если кто-либо читал хронику кораблекрушений, тот не мог не заметить интересного и неоднократного факта: команды холодных англичан и сухих немцев спасают женщин и детей, погибая вместе со своими кораблями, а команды пылких французов оставляют женщин и детей на тонущих кораблях, спасая, прежде всего, самих себя. Само собой, они при этом как минимум расшаркивались и посылали воздушные поцелуи с удаляющихся шлюпок, ибо рыцарь - он всегда рыцарь! Тем более, - француз. Что мы знаем лучше, чем это?

Так же хорошо мы знаем, что кардинал Ришелье, - это упырь в красной мантии, который день и ночь был озабочен только тем, чтобы известить Анну Австрийскую и напакостить благородным людям с сошками плечах. То, что этот человек сделал Францию Францией, не дал ей распасться на отдельные феодальные уделы, лишил власти гугенотов, провел

административные, финансовые и военные реформы, которые сделали королевство сильной европейской державой, - как это все несерьезно по сравнению с не украшающей его историей о подвесах, которых ... никогда не было! И не надо нам морочить голову о том, что Ришелье для Франции, - это то же самое, что Петр I для России! Нас не обманешь! Мы сами не дураки и знаем, что Ришелье, - это тот, который дружил с Рошфором, нехорошим человеком из Менга, врагом Д'Артаньяна.

Может быть, под влиянием этого самопсихоза нам даже приходится читать в серьезной литературе, что Ришелье втянул Францию в 30-летнюю войну, которая началась за 5 лет до того, как он стал кардиналом и за 7 лет до того, как он получил светскую власть, став Главой Королевского Совета. И в самом деле: могла ли Франция иным образом оказаться в этой войне, если в то время в ней жил кардинал, по приказу которого однажды на балу были подло срезаны две подвески у герцога Бэкингема?

Оставим французов в покое и перекинемся к американцам. Эти люди приплыли из Европы в Америку и высадились на территории, где не было зимы, где почва не только самая плодородная в мире, но и находится в климатической зоне гарантированного плодородия. Их там встретили удивительно уютные леса, где не было хищников и болот, но было много отменной древесины и ручьев, рыбу в которых можно было ловить штанами. В степях бегали непуганые индейки, которых можно было убивать, спокойно подходя, палкой по голове. При этом остальные не разбежались! По равнинам бегали неисчислимы горы дармового мяса под названием "бизоньи стада" (50 миллионов голов на момент знакомства колонизаторов с ними!!!). Эти стада были настолько крупны, что за день иногда не удавалось объехать их по периметру на лошади! Одна пуля, - и мяса на целый полк. Кроме того, американцам не приходилось завоевывать ни одного акра территории. Индейцы, не знающие, что такое лошадь, с каменными топорами под мышкой, просто уходили вглубь материка, - земли ведь много, всем хватит! Так они мирно оказались в скалах и пустынях, где их прикончили виски. Вестерны про их боевую резвость, - кинематографические фантазии. Их отстреливали с усилием, чуть большим, чем для бизонов.

Американцы никогда не воевали на своей территории. Они не знали опустошительных набегов, сожженных городов, растерзанных мирных жителей, разрушенных заводов, несобранных урожаев, угнанного скота, разоренных сел, недоедающих военных поколений и их ослабленных детей, восстанавливающих свою жизнь из пепла. Они спокойно жили, строились, работали и богатели. Все земли, которые у них есть, они *выкупили!* На них за плошку еды в день работали рабы, создавая эту страну на пустом месте, из ничего, непосредственно своей искалеченной жизнью. Американцы поселились в райских климатических условиях и затем в идеальных политических обстоятельствах создали государство на одном из самых богатых полезными ископаемыми мест Земли. Им все помогало: и природа и условия жизни соседних народов, и большой противотанковый ров в виде Атлантического Океана, и возможность создавать, не реформируя старое, а сразу по новым технологиям, производя все по самым последним достижениям техники. За все это американцев называют предприимчивой, умной, деятельной, деловой, мужественной, подвижной, великой нацией. Наверное, - по праву. Мы все, опять же, об этом хорошо знаем.

Теперь понятно, почему русских, которые в жесточайших войнах завоевали себе земли больше, чем любой другой народ, называют безалаберным народом? Ну и, конечно же, за то, что каждый метр нашей земли полит кровью в борьбе со звериными захватчиками, нас называют пассивными и неорганизованными. За то, что Россия не плодит бизонов и индюков, а вымерзает на полгода, и ее земля родит только после тяжелой вспашки за короткое лето, за которое если не успеешь, - зимой помрешь с голода, за все это русских называют ленивыми. А как их еще называть, если они через болота и непроходимые чащи, через разочаровывающие летние засухи и убивающие зимние стужи, через голые степи и неприветливые горы, через кордоны воинственных местных племен и народов, все шли и шли, все обустроивались и обустроивались, строили города, опять шли дальше и создавали великую страну, *единственную в истории стран, которая никогда не знала рабского труда на своей территории!!!* Конечно же, они лентяи, если все сделали своими руками, а не руками рабов!

Поэтому и заслужили русские звания непредприимчивых, потому что вот таким образом дошли до Урала, перелезли через него и освоили Сибирь, потеснили китайцев и японцев на Дальнем Востоке, перепрыгнули в Америку, заселили Аляску и часть Калифорнии. Куда им до предприимчивых американцев! Поэтому и продали калифорнийские форты, да и всю Аляску в придачу, предприимчивым людям, которые с другой стороны, курортом, не через Сибирь, как раз подошли и попросили. А почему не продать, если хорошие люди просят? Душа ведь широкая.

И еще справедливо Россию называют тюрьмой народов, потому что если бы не Россия, то персы и турки вырезали бы грузин, те же турки и азербайджанцы, - армян, а на территории Азербайджана турки и иранцы передрались бы за то, кому этот регион, все-таки, принадлежит. Поляки поставили бы украинцев на колени с одной стороны, а крымские татары и турки лакомились бы малороссийскими красавицами с другой стороны. Конечно, же, это тюрьма, если грузины, армяне и украинцы в нее *сами попросились*. Держиморда Россия не дала кавказским народам перестрелять друг друга, ибо на Кавказе один закон - количество родственников и боезапас. Россия не один век уже выступает здесь третьей силой, которая не дает вступить в действие этому отстреливающему все закону. Россия по имперски не дала румынам орумынить молдаван, таджики спрятались за русским штыком от афганцев, а киргизы едва ноги унесли из Китая, где их полностью ограбили, и только мудрость вождей помогла спасти остатки нации под защитой России. Татары, (которые, по сути, давно уже один народ с русскими), тоже знают, что, например, башкиры, имея дело с ними, имели бы дело с Россией, и наоборот.

Ужасная тюрьма народов так угнетала эти вольнолюбивые народы, что самым страшным и беспощадным образом сохранила им всего лишь только их язык, только их культуру, только их религию, только их архитектуру, только их народные обычаи, только их музыку, только их великих людей, только их искусство, и, всего лишь, их жизнь, преступно встав на границе и бандитски охраняя эти народы от их исконных врагов. Россия достойна ненависти еще и потому, что взяла на себя все их долги и тогда и сейчас при распаде Союза. Россия, этот ужасный тиран, самым варварским способом сделал так, что *ни один народ, населявший его земли, не исчез!* Россия в своей нечеловеческой жестокости даже не поступилась тем, что дала народам, населявшим ее, письменность, из кочевых сделала оседлыми, диких горцев превратила в

лощенных европейцев, а особо отличившимся даже оставила свои стартовые космические объекты и порты на Черном Море.

Но, - не будем трогать больного. Дело, ведь, опять не в этом. А в том, что мы *сами* знаем о себе очень хорошо, что мы ленивы, глупы, неделовиты и т.д., и *сами себе* ни разу не задали вопроса: а как мог этот никчемный, пьющий народ, две тысячи лет побеждать все другие великие народы и создать самое мощное государство в мире, (поскольку его мощь уже доказана теми, кто него сломал зубы, а мощь США еще надо бы доказать)?

И таких дутых истин мы наплодили море-океаны. Так, - куда ни кинь. Везде реальный водопроводчик, которого мы не видим, и мифологический Д'Артаньян, которого нет, но он постоянно у нас перед глазами, заслоняя собой мир. Так и в большом и в малом. Немного пройдемся по этим "постулатам".

Не даешь чаевых официанту, - жмот. А сам официант часто дает на чай водителю троллейбуса, дворнику, продавцу в хлебном магазине, почтальону? Почему тогда официант не жмот?

Если отказался выпить с кем-нибудь в подъезде или между гаражами, - не уважаешь. Это тебе любой скажет. Даже и не спорь. Будешь спорить, - еще и "интеллигент". Интеллигентом стыдно быть, не правда ли? Как-то это мужчину не красит. Мы это знаем.

Некурящая девушка, - несовременна. Какая связь между современностью и табачной зависимостью? В таком случае, алкоголичка, - гостья из будущего? А непьющая, - дикарка?

Сексу следует отдаваться после 20 лет. Когда созреешь. Почему не в 16-17 лет, когда *этого хочется больше, чем в любой другой период жизни* и "можется" неисчерпаемо, не то, что в стариковские двадцать или в молодцеватые пятьдесят?

Жениться надо по любви. А зачем закладывать в основу этой долгосрочной сделки чувство, которое на время, а не совместимость вкусов и характеров, которая навсегда? Любовь, - дело двоих, иногда троих, (кто как устроится); а жизнь, - дело всех, и, главным образом, детей. Что им до вашей любви *когда-то*, если сейчас мама называет папу "козлом", а козел человеческим голосом называет маму "кошелкой"? Вряд ли в папе и маме при этом говорит память о том великом чувстве, предательски толкнувшем их в свое время под венец.

Женщина первой подает руку мужчине, но мужчина знакомится первым. Это кто так придумал? И почему мы должны ему верить?

Вилку надо держать в левой руке, а нож, - в правой. Это с какой такой стати? Кто пробовал, пусть подтвердит - страшно неудобно!

Чем старше человек, тем он умнее. Оглянемся вокруг и увидим, что те, кого мы знаем не менее сорока лет, только поглупели. Никто ума не прибавил, если нас спросить об этом. А если их об этом же спросить относительно нас? Тогда - кто стал умнее с возрастом? Ну, конечно же, не мы, мы еще маловато прожили. Умнее стали те глубокие старики, которым следует давать Хрустальную Сову в те их триумфальные пики способностей, когда они за минуту могут вспомнить свое имя, свою фамилию и правильно назовут город, в котором живут. Именно поэтому все молодые должны обязательно слушаться стариков. Мы и нашим детям это говорим, и наши дети будут это говорить своим, потому, что любой знает, - чем старше старик, тем он

мудрее. Главное, чтобы он тебя узнавал и попадал своими репликами в ту тему, которую ты с ним обсуждаешь. А остальное - дело техники, обязательно что-то очень разумное унесешь с собой после этой беседы. А если сомневаешься в этом - просто мало пожил и еще ума маловато, чтобы понять всю стариковскую мудрость.

Гостеприимный хозяин это тот, кто гостя напоит так, что у того водка из ушей польется. Предполагается, что когда отваливший на автопилоте от стола гость будет яростно блевать на своей лестничной площадке, разрывая сосуды на вылезавших из черепа глазах, то он будет прерываться только одной благодарной мыслью: "Какие замечательно гостеприимные хозяева выпали мне в этот вечер!".

Мастер взятки берет и ворует, прораб взятки берет и ворует, начальник прораба взятки берет и ворует, начальник начальника взятки берет и ворует, начальник начальников берет и ворует, большой начальник над ними берет и ворует, но если кто-нибудь из них стал депутатом, то он уже не берет и не ворует, потому, что он *от нашей партии!* Люди от нашей партии не воруют! Так говорят все партии. Тогда откуда эти беспартийные инопланетяне, которые разворовывают самую богатую страну в мире? Инопланетян нет, и беспартийных тоже нет. Все, кто воруют беспартийные, но возможность воровать по своему положению могут получить только те, кого на это положение поставят партии. Но мы то знаем, что от нашей партии никто не ворует. Это все "ненаши" партии, которые нас тоже называют "ненашими", и члены которых тоже никогда не воруют! Когда никто не ворует, это значит, - все воруют? Или наоборот?

Беспартийные министры и сам премьер-министр у нас тоже не воруют, потому, что они все прошли, условно говоря, пусть от мастера до "начальника начальников", и знают на своем опыте, как воровство тяжело ранит душу. Мы верим своему правительству, мы знаем, что там особенные люди, не такие, как все остальные. Все остальные думают о себе и о своих детях, а они думают о нас и о наших детях. Зачем же им у нас тогда воровать? Нет, они положительно не заинтересованы ни в каком воровстве! Мы кому угодно докажем это если не фактами, то политическими пристрастиями и голосами на выборах. Интересно, почему мы напрямую никогда не задумываемся о том, что, голосуя, выбираем человека, который будет воровать не только потому, что место ему достанется располагающее к этому, но и потому, что наши голоса дадут ему статус неприкосновенности перед законом? А потому не задумываемся, что все вокруг знают, депутаты - самые честные люди. Не верите, - спросите даже у них самих! И последний вопрос в этой связи: если не монарху, которому не резон тянуть у самого себя, то кому следует управлять нами, как не специалисту по борьбе с преступностью и воровством?

И далеко не последний вопрос в этой же связи - для чего избирается Государственная Дума? Правильно, - для выработки законов. А чья это работа - выработать законы? Правильно, - юристов. А тогда что делают в Думе рабочие, земледельцы, певцы, журналисты, телеведущие, директора предприятий и председатели колхозов? Если бы юристы захотели петь Онегина в Большом или вытачивать на станке самые ответственные детали для космических аппаратов - их бы туда взяли голосованием? А почему в Думу берут через голосование тех, кто ни бельмеса не смыслит в составлении законов? Но это не важно - мы ведь знаем, что в думе обязательно



должны быть представлены все слои населения! Для того, чтобы создаваемые этими слоями законы никогда не работали?

А для чего избираются остальные маленькие думы? Краевые, областные, республиканские, городские и прочие? Зачем тратятся такие огромные средства в стране, где пенсионеры позорно недоедают на все эти "демократические институты", если в регионах все решает единоначально первое лицо (губернатор или так называемый президент)? Для чего *избираются* мэры городов, если заранее известно, что мэру придется быть просто транслятором губернатора или совсем не быть? Не дешевле ли их *назначать*, а средства, сэкономленные на возможности не затрачиваться на выборы, отдать неимущим?

Но политика - это как цирк, который живет на наши деньги какой-то своей обособленной жизнью, показывая нам эпизодически гастролы то тех, то этих всенародных артистов и при этом, ко всеобщему изумлению и мы и они понимаем, что цирк *всерьез* никем не воспринимается, но... как же без цирка? На самом же деле любая настоящая политика - тайная или когда народ берется за топоры. А политизировать - это лишний раз показать, что где-то люди занимаются делом, а все мы - цирком. Уйдем от политики. Например, в область искусства.

Что у нас тут? А хотя бы то, что Лев Толстой - великий писатель. Кто читал "Войну и Мир", - поднимите руку. Тогда поднимите руку хотя бы те, кто хотя бы что-то читал из Л. Толстого. Тот, кто поднял руку, пусть сядет вот на этот стул возле окна, а остальные пусть расскажут, что они думают о Толстом, как о великом писателе. Мы уверены, что они не будут говорить длинно, но у них обязательно есть, что сказать о том, что знают все, пусть даже это будет и меньше по объему сказанного относительно того, что мог бы рассказать этот задавака, который читал "Муму" и радуется на своем стуле у окна.

Если художник пишет подпись под картиной: "Сие есть волк, а не корова", для того чтобы пояснить зрителю, что, собственно, он пытался изобразить на самом деле, то кто из нас будет давать голову на отсечение, что этот художник гениален? Тогда почему называется великим тот писатель, который в конце каждого своего произведения пытается "своими словами" сказать, что он, собственно, имел в виду? Если мертвы его герои, которые не передают вложенных в них идей, то должна быть мертва и земная слава такого писателя. Может быть, не издавать "Крейцерову сонату" вообще, а сразу издать сборник наставительных раздумий ее автора о семье и браке, который с суровой назидательностью помещен им в конце своей книги?

Кстати, о художниках. Василий Кандинский был великим художником, потому, что нарисовал "Черный квадрат". Скажите, а можно становится в очередь за этим званием тем, кто нарисовал черный круг, черный овал, черный треугольник, прямоугольник, звезду? И если можно, то не резонно было бы в Коллегию Учредителей этого звания назначить преподавателей геометрии из районных школ? А если нельзя занимать очередь, то тогда объясните нам, почему Кандинский великий художник, а другой соискатель земной славы, который очень тщательно нарисовал и закрасил черным пятиугольник, - шарлатан? Что принципиально разного в их гениальности?

Пусть читатели, которые по роду деятельности постоянно сталкиваются с профессиональными художниками и рисовальщиками, честно скажут - много ли они среди этих

людей видели таких, которые не умеют рисовать? Вот в этом-то их основная беда и есть, этих профессионалов! Они умеют рисовать ("писать" как это у них почему-то называется)! А если бы они, скажем, рисовали (писали) плохо, как Пабло Пикассо, или едва-едва, как Марк Шагал, то и они бы прозывались "великими"! А самое интересное то, что по картинам Шагала и Пикассо видно, что у людей руки не из того места для творчества растут, уличные художники и те более прилично владеют мастерством, а кто-то настойчиво говорит нам - "они великие!", и мы не спорим! Вот вопрос вопросов - отыскать бы этого "кто-то" и просто посмотреть на него - в чем одет, как говорит, как ходит...

Впрочем, есть область, где это сделать не так уж сложно. Это - Нобелевские премии. Мы ведь все знаем, что Нобелевский Лауреат - это великий ученый, умнее другого ученого, не такого великого, или совсем не великого, раз он не "нобелевский". Здесь и спорить никто не будет. Это для всех уже *объективно*, то есть, независимо от личного мнения. Как преимущество в росте, весе, как цвет глаз, густота волос и т.д. Нобелевский Лауреат!!! А что такое "нобелевский лауреат" на самом деле? А это, всего лишь, - человек, который, по мнению *некоторого количества членов Нобелевского комитета*, то есть, по мнению нескольких взрослых мужчин (а может быть даже и женщин среди них!!!) по итогам зачетного периода выглядит умнее других таких же человек! Ну, вот они вот так считают! Что ты с ними поделаешь? С ними, действительно, ничего не поделаешь, они там собираются и втихаря решают, кому, сколько и за что дать, и эта дележка затем становится ЗВАНИЕМ!

С помпезным Оскаром ежегодно происходит то же самое. Вообще-то правильнее было бы, когда вскрываются все эти конвертики, зачитывать там следующий текст - "мы, нижеподписавшиеся, сошлись на том, что лучшим режиссером в этом году был такой-то такой-то, снявший фильм... и т.д." А остальные, которые в зале, вольны при этом аплодировать или не аплодировать. Но об этом как-то не вспоминается, и опять частное мнение некоторой группы людей становится (обратите внимание!) *историческим фактом*, ведь теперь и через пятьдесят лет скажут, что в 1999 году лучшим фильмом был именно этот, который вчера достали из конверта!

Раз уж подобрались к истории, то здесь вообще тома можно писать обо всех несуразицах, которые изучаются в школах и вузах как постулаты этой науки. Здесь - неисчерпаемо! Коснемся лишь некоторого.

Есть народы-воины, военному умению и храбрости которых должны завидовать все остальные народы. Мальчики в этих народах с детства всегда воспитывались, как воины. Военное искусство и личная отвага всегда считались у этих народов главным достоинством мужчины. Некоторое время назад люди земле как-то резко стали жить по принципу "все против всех". Вот так вдруг случилось в истории. Вмиг распались союзы племен, народы стали передвигаться на новые места для завоевания жизненного пространства, и мира нигде не было. Все убивали иноплеменников. Такой был единственный способ выжить. Мира не просто "не было", его даже и не могло быть - все приличные земли были заселены, и забрать их под себя можно было, только уничтожив местных. Европа сошла с ума, и все было просто и без сомнений, как у любого сумасшедшего: встретил чужого, - убей его, или он убьет тебя. Кто больше убивал и меньше был убитым, тот получал больше земли и больше возможности

увеличиваться в численности. Каждое племя со всех сторон ждало убийц, и само было убийцей для каждого. Понятно было всем: чем больше территории, тем больше будет племя и тем больше гарантий, что племя выживет. Кто лучше воюет, у того будет больше земли. У кого лучше воины, тот получит больше шансов. Ну и как тогда получилось, что народы, культом которых всегда была война и грабеж, были оттеснены народами, которые больше любили крестьянствовать и ремесленничать, на узкую полосу бесплодного Скандинавского полуострова, загнаны в пустыни Северной Африки и в безжизненные степи Азии, зажаты в ущельях Шотландии, Кавказа, Пиренеев и т.д.? Кто, все-таки, народы-воины? Те, кто любят воевать, или те, которые в войне побеждают, проклиная саму войну?

Вот разговоры про монголо-татарское иго - это действительно шедевр! Например, арабы в Испании *стояли* (повторим - стояли!) аж ВОСЕМЬСОТ ЛЕТ! В результате испанцы темноваты, а в испанской архитектуре, музыке, топографии - везде выпирает арабское. Но никто никогда не говорит об "арабском восьмивековом иге"! А вот на Россию сто пятьдесят лет с небольшим (!) насканивали какие-то восточные разбойники, сжигали города и села, забирали дань и уходили опять куда-то в свои степи, при этом Россия увеличила свою территорию, понастроила городов и крепостей, била немецких рыцарей, а татарским ханам за верную службу русскому царю (во времена так называемого "ига") раздавала населенные пункты (например, город Касимов, пожалованный в свое время татарскому хану Касиму за какие-то заслуги перед русским двором). При этом в российской культуре нет ничего татарского или монгольского, а по внешнему облику русские - чистые европейцы! Здесь далее - самое смешное! Соберите хоть сто русских - среди них нет ни скуластых, ни раскосых глазами, если они не смешивались с волжскими народами (марийцами, чувашами и пр.). Вообще монгольская или тюркская кровь всегда побеждает европейскую, и передает по закону Менделя наследственные признаки из поколения в поколение, не истребляясь. А теперь спросим тех же сто русских - а знаете ли вы что монголы и татары влили в вашу кровь чуть ли не треть своей крови, балуясь с вашими прапрапрабабками? И все сто ответят - конечно же, знаем! А если спросить их затем - а где же эти монголоидные и тюркские признаки, которые не исчезают в поколениях? А нигде! Но при чем здесь Мендель, наследственность, и европейский вид русских, когда было "иго"! Попробуйте задать хотя бы только вышеперечисленные вопросы про "иго" историкам, как они сразу сочтут вас просто недоучкой и не станут даже всерьез оппонировать. Иго - это историческая аксиома.

В истории, впрочем, все спорно и недоказуемо, но при этом не становится менее курьезным. Чтобы не давать повода для споров, историю оставим, упомянем лишь один забавный эпизод настоящего: жили-были когда-то киевские князья, "киевскими" они назывались, потому что работали князьями в этом городе, а сами они все сплошь были выходцами из северных *русских* земель. Государство, которым они правили, они называли Киевской *Русью*, землю свою они называли "*русская земля*", народ свой *русичами*, или *росами*. Когда они избрали Веру Христову, то это называлось Крещение *Руси*, при этом основной закон (конституция), по которому они правили на этой земле, назывался "*Русская Правда*", а *сами себя* они называли *русскими* князьями. И что в этом забавного? В этом ничего забавного не было, там все было красиво и дельно. Потешно же то, что сегодня на Украине этих князей поправили, указали им на

недостатки национальной политики, и сделали выговор за неправильное применение некоторых слов - они должны были говорить "Киевская Украина", "О, украинская земля, уже за шеломянем еси!", "Крещение Украины", "Украинская Правда" и пр. Впрочем, строго пожурив князей, украинцы их тут же простили и даже учредили государственные ордена с их именами. *Украинские* ордена! Так весело еще никто не шутил!

Но, повторимся, историю оставим. Там одни набычившиеся идеологи - настоящих ученых в ней давно уже нет. Лучше вернемся опять к нашей повседневке, тут еще прозрачнее видно, как мы выворачиваем наизнанку то, что лежит прямо перед нами.

Давайте посмотрим, что мы говорим. Ой, мы такое говорим! Например, мы говорим - "голова кружится", и нам верят! Хотя всем видно, что голова у нас на месте, и нисколько не кружится. Интересная особенность языка - исказить реальность, не правда ли? Единственные дни на неделе, когда можно вообще никуда из дома не *выходить* (что мы обычно и делаем) мы вполне последовательно называем "выходными". Самый бурный из океанов у нас - Тихий. Место, где вообще никогда шторм не прекращается, называется Мысом Доброй Надежды, а какой-то отрог в устье Нила, где так крутит, что все летит вверх тормашками, со времен древних греков называется проливом Наслаждения. Портвейн - "вино из города Порту" никакого отношения к городу Порту не имеет, "грузинский чай", оказывается никогда не рос в Грузии, а Земля у нас "круглая". Как тарелка? Ах, не круглая, она - шар! Оказывается и не шар - овал! Почему мы не говорим "Земля овальная"? Зато мы знаем, что Земля, как и другие планеты, вращается вокруг Солнца. И как интересен этот шок в глазах почти любого образованного человека, когда он услышит, что Земля и все планеты вращаются не вокруг Солнца, а вокруг некоего центра масс Солнечной системы, который просто располагается неподалеку от Солнца, так что получается все оно как бы и вокруг Солнца, а на самом деле не вокруг Солнца!

Да Бог с ним, с космосом. Вот - колесо вращается. Чего тут непонятного? А давайте возьмем точку на ободке колеса и точку на ступице колеса (то есть, одну в центре колеса, одну - на краю колеса). Соединим их линией. Провернем колесо на один оборот. Обе точки *одновременно* сделают круг. Но пройдут при этом разные расстояния (одна по большому кругу, другая, что на ступице - по малому). Разные расстояния, а время одно! Вывод? Любой ученик четвертого класса скажет - раз две точки за одно и то же время прошли разное расстояние, следовательно, у них разные скорости. И так - скорость колеса *одна*, а скорость двух точек на этом же колесе - разная? Как такое осознать без травмы головы? Вот вам привычный и понятный мир! В свое время Софья Ковалевская что-то такое умное сказала всем мужчинам про колесо и про вращение твердого тела на математическом языке, что ей первой из женщин в мире разрешили учить студентов в университете. Дело было в Швеции. Так у их там и началось все, с Софьи Ковалевской. Попустили женщинам, теперь сами видим, чем у них там закончилось. А вы говорите: колесо - это просто. А оно вон что получается... Нет все не так просто в физическом мире, и не только с колесом. Но мы об этом поговорим дальше. А пока вернемся к простому быту.

Мать всегда хочет, чтобы у дочери в доме был мир и достаток, понимая ее по-женски. Пусть плохонький муж, но пусть он будет. Мать и дочь, - две женщины. У матери у самой есть муж, и она всегда поймет дочь, которая вступится за своего мужа. Сначала муж и дети, а потом

все остальное, - это истина, которая их сближает до смерти. Дети определенных отдельно взятых супругов всегда приоритетны, как внуки, для родителей жены. Родителям мужа, - что останется. Выходя замуж, дочь всегда увеличивает семью матери и они, - соратники. Если мать не поладит с зятем, то дочь отдалится от нее ради мужа, отца своих детей, и мать останется в одиночестве. А если зятя не станет, то дочь и ее дети всегда останутся с матерью, но она в этом случае разделит всю тяжесть одиночества дочери. Теща будет делать так, как нужно дочери, предполагая, что дочь будет делать так, как лучше детям и мужу.

Та же мать всегда считает, что ее сын мог бы найти жену получше, и это сделать никогда не поздно, потому что сын для матери всегда женится слишком рано. Мать и невестка соперники, потому что невестка уводит сына в другую семью, и его дети будут ближе другой бабушке. Сын никогда из-за жены не поссорится с мамочкой. Мама будет с ним всегда, а жена и дети, - еще неизвестно, и поэтому никогда не стоит отказываться от вложений туда, где гарантированы стабильные проценты. Оборотимся вокруг: тещи пашут на благо семьи своих дочерей, а свекрухи третируют невесток в 98 случаях из 100. Если спросить каждого мужчину по отдельности, то они довольны своей тещей. А если задать толпе мужчин вопрос: "Кто мешает счастью молодой семьи?", ответ последует хором: "Теща!". Почему?

Каратисты побьют любого. С ними могут справиться только их родственники из кунг-фу, тхэк-ван-до или айки-до. На октагонах, (боях без правил), всю эту семейку *всегда* бьют и побеждают борцы. Побеждают *только* борцы! Но кому интересны эти факты, если каратэ и прочее - это "боевые искусства", а борьба - "спорт"? Здесь ведь неважно кто кого побеждает *на самом деле*, важно знать то, что знают все...

Сплошная кутерьма мифов и сказок, ставших былью в нашем воображении. Есть случаи просто невозможные. В одном анекдоте художник принес на конкурс картин о Мадонне свое произведение, где изображался канонический сюжет - мальчик сосет женскую грудь. Она так и называлась, эта картина: "Материнство". Но бездарное жюри шедевр зарезало: "Мальчик слишком взрослый". Номер не прошел. Зато прошел номер у Микеланджело Буонарроти, который из 5-метрового куска мрамора высек обнаженного юношу, и, почему-то, назвал его "Давид". И ему все поверили, несмотря на то, что к этому нет никаких оснований!

Начнем с того, что в Библии, где подробно описывается бой Давида с Голиафом, нигде не сказано, что отважный юноша был голенький. Так уже давно не ходили к тем временам. Так не ходили даже за тысячу лет до этого и даже тогда, когда жили в пещерах. Более того, - в Библии сказано, что у Давида через плечо висела сумка с камнями для пращи, а в руке у него был посох. Голиаф даже иронизировал: "Ты что это на меня с палкой, как на собаку, идешь?" Видим ли мы все это на вооружении у микеланджеловского взрослого мальчика? Отнюдь. Без всякой одежды, без палки и без сумки молодой мужчина спокойно и отрешенно стоит и явно позирует. В его анатомически совершенном теле нет ничего, что напоминало бы о том, что через несколько секунд начнется смертельная схватка. Он как бы вышел из дома, позабыв одеться, и застыл в недоумении, понимая, что он что-то упустил, но не может сообразить, что именно, потому, что ему не дают сосредоточиться непривычно мерзнущие ноги. Посмотрите на его нахмуренный лоб, пустой взгляд и сосредоточенное непонятной тревогой лицо: они говорят только об этом. В Книге

Царств же пишется, что перед битвой Давид и Голиаф бурно обменивались оскорблениями и азартными обещаниями, смысл которых с обеих сторон вкратце сводился к одному: "Ты - покойник!". Разве располагает весь облик мраморного юноши к тому, чтобы предположить, что он в данный момент предполагает убить кого-то раньше, чем это сделают с ним? Разве есть что-то в этом облике, что неопровержимо говорит, - это Давид? И разве есть в этом облике что-то, что не говорило бы, - это кто угодно, но только не Давид?

Кроме того, напомним, что Давид, - еврейский юноша и будущий еврейский царь. А евреи, как сказано в Библии, за сотни лет до этого ввели в обязательный обычай обрезание крайней плоти у мальчиков на девятый день после их рождения. Они с этим так носились, что если какое-нибудь племя хотело с ними дружить, то они гордо отвечали: "Сначала пусть все ваши мужчины сделают обрезание". Когда все взыскующие еврейской дружбы мужчины обрезывались и лежали на спине, не в состоянии нормально двигаться, то приходили их друзья евреи и закалывали их мечами. Все это также подробно описывает Библия. Давид не мог быть не обрезанным. Он и сам, когда просился у Саула на бой с Голиафом, обещал уничтожить этого "необрезанного", (1 Царств 17:36). Несмотря на то, что скульптурная версия этого персонажа анатомически совершенна не во всех местах, на одной ее маленькой детальке все же можно разглядеть еще одну маленькую деталь, - нетронутую ножом обрезывальщика крайнюю плоть. Хоть мальчик и слишком взрослый для 8 дней от рождения, ни один представитель духовенства, которое в то время было всеильно, не сказал Микеланджело Буанаротти: "Ты что принес, изверг? Или неси обратно, или меняй название!". И мы до сих пор, глядя на просто раздетого с разных сторон юношу, со знанием дела говорим: "Давид!". Да и в самом деле, не мог же Микеланджело сказать, что он три года высекал из белого мрамора просто симпатичного во всех местах юношу! Кто бы его понял? Давид, - это другое дело! Он научится одеваться и станет царем!

Если уж говорить о царях, то нельзя не вспомнить еще одну историю. Однажды некий принц полюбил девушку из простой семьи и женился на ней. Когда принц женится на простой девушке, то он остается принцем и принадлежит не ей и не себе, а королевской семье. У принцев это от рождения и до смерти. Когда же простая девушка выходит замуж за принца, то она перестает быть простой девушкой, и становится принцессой. При этом она принадлежит не мужу и не себе, а той же королевской семье. Навсегда. Не от рожденья, но пожизненно, что бы ни произошло в дальнейшем между нею и ее мужем. К сожалению наши принц и принцесса разошлись, а принцесса на глазах у всех подданных королевства стала крутить любовь с мужчиной, как самая обыкновенная обывательница, а не как член королевской семьи. Как-то вечером она ехала со своим любовником из ресторана на "Мерседесе" и погибла по вине пьяного водителя, разбившись о тринадцатую по счету колонну подземного тоннеля. Мы не осуждаем принцессу, потому, что она была по совместительству вообще, а в тот момент и по основному роду своих занятий, просто женщиной, и могла, полюбив, наплевать на долг и приличия. Каждая женщина хочет любить иногда больше, чем быть принцессой. Но как понять англичан, которые делают принцессу Диану героиней? Они тем самым выражают восторг оттого, что некто позорил королеву и ее сына? Или они считают свою королевскую семью проходным двором, пройдя через

который, парикмахерша получает шансы резвиться на яхтах с нефтяными магнатами? И, в любом из этих вариантов: зачем англичанам тогда вообще королевская семья? Неужели для того, чтобы делать своими личными героями тех ее членов, которые оступятся и забудут то, к чему обязывает это высокое членство, достававшееся единицам в столетиях? Ну, конечно же, - нет и еще раз нет! Разбуди любого из нас ночью, и мы в полусне скажем, что англичане весьма горды своей конституционной монархией и не отделяют своей чести и славы от чести и славы королевы! Для англичанина королевская семья, - святое! Настолько святое, что когда погибает несчастная женщина, которая по своей слабости вообще не поняла куда она попала и изменяла их будущему королю (?) еще в замужестве, а потом так и не нашла внутри себя ничего, что могло бы избавить от сплетен ту семью, все члены которой вписываются в историю человечества автоматически, вся Англия поет ей гимн скорби, сочиненный самым известным гомосексуалистом нашего времени. Дело, повторяем, не в Диане, а в том, что никто не сомневается в том, что всем народам надо по субботам брать у англичан уроки почитания к символам своего государства.

Раз уж мы затронули слабость женщин, то, как не поговорить о слабости мужчин? Считается, что если женщина готова мужчине позволить, то он *обязан* этим воспользоваться. Иначе, - он слабый самец. А если он не хочет эту женщину? Или, если он не хочет этого *в данный момент*? Импотент тогда импотент, когда он хочет до зубовного скрежета, а не может. А если у него на уме совсем другие заботы или просто данная партнерша не вдохновляет, несмотря на то, что поманила или просто стала доступна, то, кто он, если не импотент? Почему, если женщина не хочет, то надо выждать подходящего момента, а если не хочет мужчина, то его надо срочно отправлять к врачу за таблетками? Сами мужчины не задавали себе этого вопроса? Естественно, же, - нет, потому, что, само собой разумеется, что мужчина по первому зову должен быть на месте тушения пожара.

Если мы забрались в дебри сексуальных проблем, то просто рвется наружу еще одно недоумение. Любовница (содержанка), - звучит интригующе. Проститутка, - неприлично! Почему? Потому, что содержанка (любовница) находится на содержании одного мужчины, а проститутка на содержании многих? Тогда, - еще боле непонятно! Ведь проститутка дарит счастье неисчислимому, (в зависимости от работоспособности), количеству мужчин, а любовница (содержанка) не подарила счастья еще ни одному мужчине, потому, что обязательно или разорит его, или навалит на него все свои житейские проблемы. Проститутка обходится в десять раз дешевле, а толку от нее в десять раз больше. Последствия ее услуг, при достаточной предосторожности, всегда нейтральны, - встретились и разошлись. Все старались и все довольны. Получили каждый свое и забыли друг о друге. Последствия связи с содержанкой (любовницей) обязательно сказываются или на состоянии семьи, или на психическом здоровье детей, или на репутации, или на карьере, а главное, - обязательно на собственном душевном покое. Проститутка никогда не полезет в чужую семью и не потребует большего, чем полагается жене или детям клиента. Любовница (содержанка) никогда не смирится с тем, если ей достается что-то меньше, чем жене или чужим детям, и, даже если ей досталось то же самое, но уже после жены. Одна, (содержанка-любовница), появившись в жизни, все разрушает и все забирает, не давая ничего того, чего не может дать другая, (проститутка). А эта другая финансируется по

остаточному от семьи принципу за более профессиональный перечень тех же услуг, но дает при этом душевный покой, лад в семье и свободу от жестких обязательств на стороне в ущерб своим детям. Какое слово должно быть ругательным: любовница или проститутка? Как и каким образом, мы все стали считать, что наоборот?

И вообще, - все, что происходит между мужчиной и женщиной в физическом плане, - это хорошо или плохо? Если это хорошо, то почему мы делаем это, тщательно укрывшись от чужих глаз, как нечто очень постыдное? А если это плохо, то почему мы называем это супружеской *обязанностью*? Мы, что, - тем самым вменяем в обязанность грех? А если это обязанность, то есть, неременная работа, то почему мы так не любим, когда ее за нас пытается выполнить кто-нибудь другой? Мы считаем, что он все сделает неправильно и только дело испортит? Или, - почему? Если это не обязанность, а наслаждение, то почему мы устроены так, что мужчина получает его *всегда* и в самые короткие сроки, а женщина может получить *далеко не всегда* даже при самых рекордно длительных сроках? Это, что, - средство получения наслаждения только для мужчин? Тогда почему женщина переживает (если получает), оргазм, который по последним исследованиям в 8-9 раз сильнее мужского? Сексологи вообще говорят о том, что это совершенно два разных явления, которым даже нельзя давать одно название: если женские переживания назвать "оргазмом", то, следуя их логике, мы должны мужские ощущения назвать "омом", где корень слова "о", а остальное суффикс и окончание! Если это не наслаждение, а игра, то почему проигравший не выбывает и не сменяется очередником, а победитель не получает права первым начать второй тур? И, вообще, что это за игра, когда тот, кто способен играть часами, может получить приз только в том случае, если для этого хоть что-то сделает тот, кто может выиграть уже через минуту? Если это не игра, а необходимый для здоровья физиологический акт, то зачем, в таком случае, придумана эрекция, которая делает необходимое возможным или невозможным, в зависимости от своего присутствия? Если это средство продолжения рода, то зачем тогда овуляция и те многочисленные дни после нее, во время которых ребенок не может быть зачат? И, главное, - если это средство продолжения рода, то куда мужчина в конце так оголтело торопится, если ребенок будет только через девять месяцев? Вопросы, вопросы, вопросы, каждый из которых превращает в ничто те ответы, которые мы знали до того, пока не задали вопросы к ним. Кто и когда убедил нас в том, что это, - ответы?

А убедить нас можно в чем угодно с первого предъявления. Например, все мы знаем, что когда Деникин шел на Москву, то "социалистическое отечество" было в опасности. И дело даже не в том, что раньше авторами этого лозунга утверждалось, что "у пролетариата нет отечества", а теперь какое-то отечество, все-таки, смотри ты - и появилось! Дело в том, что у Антона Ивановича под ружьем было 150 тысяч бойцов, из которых только 40 тысяч представляли кадровых военных Добровольной Армии. Все дело в том, что Рабоче-Крестьянская Красная Армия с неимоверным усилием отбросила его от столицы, имея в своем распоряжении всего лишь *три с половиной миллиона* отменно вооруженных солдат и арсеналы царской России! Любой доцент любой кафедры истории, и мы вслед за ними, готовы повторять, что это очень опасно, когда на 24 твоих солдата приходится целых один солдат противника. Любое, даже не социалистическое отечество, всегда будет в опасности, если им руководят люди с такой военной арифметикой.



На эту же тему: Россия в очередной раз побилла немцев в 1941-1945 годах. Подвиг народа неоспорим. Война еще раз доказала, что наш многонациональный народ непобедим не только потому, что является единым народом и умеет спокойно, но сердито драться, но и потому, что может побеждать вопреки бездарности своего военного руководства. Почему мы называем "великими полководцами" тех, кто за *несколько дней* войны сподобился потерять *несколько миллионов* убитыми, пропавшими без вести и плененными? Говорят, что, мол, не готовились к войне, не ожидали. Хотя Виктор Суворов убедительно доказал, что к войне готовились и были вооружены лучше. Но и в том и в другом случаях, - великие дураки, но не великие стратеги, если ждали но в летаргическом сне, или же не ждали того, о чем знал любой крестьянин приграничной полосы. Ладно, оставим начальный период войны, когда немцы зловеще наступали, а мы стойко оборонялись, как могли. Посмотрим в 1942 год. После зимней стабилизации фронтов маршалы уже не могли не знать, что война, все-таки, началась, (об этом даже по радио говорили!), и, что летом будет ее новый виток. И что же? Зима прошла, настало лето, и немцы опять зловеще наступали, а мы стойко оборонялись, как могли. Великие полководцы при героическом народе и лучшем в мире оружии умудрились откатиться летом 42-го года до Волги и едва зацепиться за горы Кавказа! Надо быть действительно великими, чтобы при таком раскладе умудриться проигрывать!

Прошло лето, настала зима, и наконец-то к исходу второго года войны великие стратеги исхитрились на Сталинградскую битву, то есть на тот самый котел, который немцы им делали до этого неоднократно. Всего за два года научились воевать! Прямо вундеркинды! Ну, уж летом-то они себя покажут! За зиму что-нибудь придумают. И придумали: давайте, говорят, пусть немцы зловеще на нас наступают, а мы будем стойко обороняться, как можем! Свежо, не правда ли? "А что, если побежим", - спрашивает Верховный, - "как уже не раз бежали?". "Не побежим!" - твердо ответили стратеги. Откуда такая уверенность? *Вся стратегия Курской битвы опиралась на стойкость солдата, а не на великий ум стратегов!*

Солдат не подвел, и они победили, но положили при этом 4 своих солдата на одного солдата противника. Не надо быть военным историком, достаточно посмотреть на карту боевых действий и мы увидим, что мы всю войну воевали с немцами на каждом участке четыремя своими армиями против их одной! Кутузов, Суворов, Ушаков, Нахимов, Петр I, Раевский, Багратион, Дохтуров, князь Потемкин, Дмитрий Донской, Александр Невский, князь Святослав, генералы Бибиков, Владимир Мономах, Апраксин, Ермолов, Скобелев, Брусилов, Платов и все остальные русские полководцы одерживали все свои большие и малые победы умелым маневром и тактикой, имея в своем распоряжении *всегда войска меньше, чем у противника*. И соотношение потерь всегда было в нашу пользу! Земли было много, войска не хватало, воевали малым числом, но дерзко и победоносно. Вот этот парад инвалидов в крепости из "Капитанской дочки", это ведь не по недогляду или по недосмотру было. Такими непомерными усилиями удерживались пылающие войнами и бунтами территории! Но никогда не было, чтобы русские генералы забрасывали супостата трупами своих солдат и заставляли врага захлебываться в крови своих подчиненных! Единственный раз, в 1812 году было не очень показательное соотношение потерь - где-то 80 наших на 100 французов. Да и то все основные наши потери были не боевые, а так

сказать, попутные. Благодаря оригинальной стратегии Кутузова: "Всех впускать и всех выпускать, но по одной и той же дороге, чтобы когда назад шли жрать нечего было", русские войска шли по бездорожью по обеим сторонам Смоленской дороги, и если французы, ночевавшие в населенных пунктах, мерли от дикого холода, то что говорить о наших, которые ночевали в открытом поле? Это поймет только тот, кто хоть раз в мороз набрал снега во все проймы своей одежды, и знает, что дальше происходит с телом - оно замерзает моментально, стоит лишь остановиться. Тут никакой костер не спасет. Так и потеряли много людей. Не в боях. Но это, повторим, единственный случай. Обратитесь к военной статистике, и вы увидите, как при более меньшем числе русские военачальники умудрялись убивать намного больше противников, чем потерять своих. А советские генералы получали свои награды как раз совсем за обратное! Посмотрите на цифры: немцы потеряли на всех фронтах от Африки, Западной Европы и до восточного направления 10 миллионов, а мы на одном направлении 20 миллионов по официальной статистике, которой нельзя верить, и 27 миллионов по неофициальной статистике, которая располагает к этому всеми данными, но не принята официальной историографией. А если добавить тех, кто вернулся с фронта калекой и израненным до такой степени, что умер в мучениях с 1946 по 1950, то наберется еще больше. Кто вернет нам этих людей? Какое дутое величие маршалов возместит эти потери? Так Россия никогда не воевала.

И последний вопрос в этой связи: стали бы мы учреждать Орден Суворова и называть его именем улицы, если бы Суворов для обеспечения успеха своей атаки *хоть один раз* поставил позади своих солдат специальный отряд, который стрелял бы в затылок замешкавшимся или остановившимся? Он стал великим без этого "великого" достижения военной мысли, и не проиграл в своей жизни *ни одного боя и ни одного сражения!*

Говорят: цель оправдывает средства. Заманчивый лозунг. Но цель, обычно, далеко, а средства, - это то, с чем ты имеешь дело каждый день. В любом случае, так своим народом не воюют, так воюют иностранным легионом или *со* своим народом.

После этой святой темы как-то не хочется больше скакать по примерам и доказательствам несуразности разных источников наших убеждений. И так, наверное, уже видно, что чем тверже наша убежденность в чем-то, тем меньше у нее фактической базы. Каким-то образом сложившаяся когда-то система произвольного или намеренного вранья не ставит нас постоянно в смешное положение только потому, что людей, замечающих крошки на своей постели, очень мало. Почти нет. А если и есть, то мы им не дадим крикнуть: "А король-то, - голый!". Мы их заклюем. Мы не любим, когда нас тыкают носом. Нас много и мы чувствуем себя спокойно, когда никто не тревожит наших иллюзий. Кроме нас самих. Если мы захотим. А мы должны этого хотеть, ибо что-то неладно вокруг нас, если куда ни ткни пальцем, - все не так, как мы *привыкли* думать. Мы должны, мы просто обязаны усомниться во всем, ибо жизнь мелькнет красивой искрой, и даже простого интереса ради, неплохо было бы знать, - там ли мы жили, где себе представляли? Но как это сделать?

Мы уже заметили, что все наши вопросы открывают нам глаза на то, что раньше было скрыто от нас нашими же собственными нагромождениями. Но наши вопросы обращены именно к этим нагромождениям. Мы сначала смотрели на то, что заслоняет от нас мир, а потом сравнивали

это с самим миром, и мир открывался перед нами в своем истинном виде. А этот метод нельзя назвать передовым. Нельзя исследовать запах по одному его ощущению, ибо наши ощущения могут обмануть нас или подвести. Следует изучить сам источник запаха, и тогда мы будем знать о запахе достаточно, и, даже не ощущая его, не ошибемся, - есть он, или нет, и каков он должен быть? Сколько ни внюхивайся с высокопрофессиональным потягиванием воздуха, - это всего лишь встреча со вторичным продуктом. Вопросы надо задавать не запаху, а веществу, его испускающему. Иными словами: гораздо правильнее было бы задать какой-нибудь вопрос не к своим представлениям о мире, а к самому миру. Встать с миром один на один без посредников в лице официально утвержденных мифов.

Если когда-либо это начать делать, то почему не сейчас? Если кто-то должен это сделать, то почему не мы? Если с чего-то начать, то почему не с самого начала? Главное, - найти правильный вопрос.

#### Начало

Самый трудный вопрос - детский вопрос. Каждый из нас уже давно заметил, что, сталкиваясь с вопросами детей, мы обнаруживаем, что весь накопленный нами запас знаний становится абсолютно непригодным для формулировки возможных ответов. Находясь в положении взрослого, в положении важного носителя непререкаемых истин, мы зачастую ничем не можем подтвердить своих прав на утверждение этих истин, поскольку, требуя от ребенка подчинения сложным для него установлениям, исходящим от нас к нему, мы в большинстве случаев не можем объяснить ему даже самого простого, восходящего от него к нам. Возникает полное ощущение беспомощности оттого, что знаешь слишком много о совершенно второстепенном и ничего не знаешь о самом главном. А чаще всего даже и о второстепенном мы знаем недостаточно много для того, чтобы от него можно было хотя бы логически перейти к чему-либо главному. Такое "знание" вполне тождественно незнанию. Например, чтобы ответить ребенку доступно и просто на его вопрос - "почему небо синее?", необходимо ясно и досконально знать о небе все, что можно вообще о нем знать на самом высоком уровне. Только в таком случае полнота наших знаний позволит выделить из себя центральное и простое понятие, зерно явления (в данном случае - синевы неба), отбросив при этом все сопутствующие и, лишь добавочно характеризующие его, пояснения. Выразить суть. Иначе ребенок ответа либо не примет, либо не поймет, либо заскучает от его долгих объяснений.

Странная вещь - нам легче ответить, что такое трансформатор, чем объяснить, отчего у собачки есть хвост, а у нас - нет. По-честному говоря, нам нечем кичиться перед детьми - может быть, мы и знаем что-то, чего они не знают, но мы при этом не знаем того же, чего не знают они. Каждый раз, когда их что-то интересует, и они подключают нас к поиску ответа на свой вопрос, мы лихорадочно начинаем додумываться до тех истин, которые, как нам казалось до этого, для нас - совершенно ясны. Мы вынуждены вдруг по новой объяснять самому себе то, что вполне считалось до этого не требующим никаких объяснений в силу своей очевидности. Очевидное, вдруг, становится совсем даже и неочевидным! Интересно еще и то, что первая реакция на детский вопрос у нас такая бравадно стартовая, снисходительно доброжелательная, вот, мол, я

сейчас тебе все расскажу, разложу по полочкам, и ты поймешь, - как это просто. Затем, уже в следующее мгновение, мы застываем в паузе склеротика, бодренько поднявшего телефонную трубку, и забывшего, - зачем он этот дикий поступок совершил? А поначалу мы очень даже уверены в своей компетентности.

Откуда у нас эта спокойная уверенность в том, что мы что-то знаем, пока нас не потревожит ребенок, и мы обескуражено не поймем, что не можем эти уверенные знания, не напрягаясь, сходу и прозрачно сформулировать? Дети постоянно показывают нам, что мы не знаем того, что мы знаем. Мы знаем очень много о том, чего мы совсем не знаем, (например, о том, как надо руководить страной, как быть министром финансов, как снимать кинофильмы, кого брать в сборную по футболу, как бороться с преступностью и вести дела с иностранными державами и т.д.), но ничего не знаем о том, что знаем, например, о том - почему арбуз красный. Чем конкретнее вопрос, интересующий детей, тем меньше шансов у нас быть с ними столь же конкретными.

Им всегда легче задать нам конкретный вопрос, чем нам дать на него конкретный ответ. Впрочем, не легче давать конкретные ответы даже на их самые неконкретные вопросы. Наибольшая сложность этих вопросов состоит в том, что ребенок не задает вопросов "зачем". Здесь мы с легкостью и мастерски объяснили бы все. Куда, что и как можно использовать и применять, мы готовы учить всех детей всей планеты на специальных курсах у себя на дому по удобному для клиента расписанию. Простому гвоздю мы готовы найти тысячу оригинальных применений. Но им этого не надо. Для ребенка все то, что он видит перед собой, и без наших инструкций, - исходно данное, а, следовательно, потенциально необходимое и неоспоримо применимое. Ребенку интересно знать - "почему". Он ищет ПРИЧИНУ, а причина у всякого явления всегда только одна, конкретная. Не может что-то *одно* возникать сразу по *нескольким* причинам. Это может быть последовательной цепью причин, но непосредственно предшествовать будет лишь одна конкретная причина, и, именно этой заостренностью на абсолютную конкретность ставят нас в тупик детские вопросы. "Я задал простой вопрос, так дай мне на него простой ответ", - вот принцип, по которому дети хотят диалога. Они не оставляют нам никакого простора для маневра терминами или для давления сложностью своих знаний. Критерий у них простой: "Знаешь, - объясни мне, и я тоже буду знать. А если ты не можешь мне объяснить, - то откуда я знаю, что ты знаешь?" Такая позиция вынуждает нас быть конкретными, но это не облегчает нашего положения и не добавляет нам энтузиазма. Мы не любим детских вопросов. А зря.

Потому, что это именно тот вопрос, который нам сейчас, в начале пути, нужен. Потому, что детский вопрос, несмотря на его трудность, - самый правильный вопрос, ибо его конкретность взывает собой к сути. Знаем ли мы ответы на детские вопросы? По большей части, - не знаем. Следовательно, мы не знаем самой сути окружающих нас вещей. Мы преспокойненько живем в мире, которого не знаем, не отдавая себе в этом отчета! Наше положение напоминает положение экскурсовода палеонтологического музея, взявшегося проводить экскурсию в музее изобразительных искусств. Он может рассказать многое о мастерстве художников в точном изображении челюстей, конечностей, мышц и других

анатомических принадлежностей персонажей картин и скульптур, однако, назначение изобразительного искусства, все-таки, далеко от задач документальной фиксации физиологических признаков отдельных особей, пусть даже и в красочной, захватывающей форме.

Прочему мы не ощущаем постоянной ущербности своих знаний? Как мы можем жить, не понимая чего-то главного о своей жизни? Почему это происходит? Почему мы не ищем сути всего, окружающего нас? Потому, что, во-первых, когда мы в младенчестве докапывались до этой сути, наши взрослые нам не помогли. Сами ничего не знали. И нас заставили все принимать на веру. А ребенок очень доверчив. Ему сказали, что его зовут "Коля", и он верит этому до конца своих дней. Ему отвечают на все его вопросы - "так надо", и он привыкает к этому ничего не объясняющему объяснению. Привычка становится жизненной позицией. Все, что есть вокруг, - "так надо", лишь бы был авторитет, который это произнес. Ему, авторитету, виднее, надо просто слушаться и верить.

Повзрослев, мы сталкиваемся с необходимостью самим давать ответы на свои "почему", и уходим от этого, как всегда уходим от всего сложного, если есть к услугам готовое и простое. А готовых ответов вокруг пруд пруди, и все они подтверждены авторитетом их массового признания. И мы послушно, по закону толпы, принимаем общепринятую версию ответов на свои вопросы, и, в этом гипнозе утвержденных кем-то для нас истин, уже саму причину, которую искали ребенком, принимаем как исходно данное, потенциально очевидно где-то существующее, но не актуальное, потому что ее действие, где-то в прошлом, для нас уже реализовалось. А нас больше влечет розовое будущее или интригующее настоящее.

Однако, не зная причины того, почему все вокруг таково, каково оно есть, уверены ли мы в своей правильной ориентации среди окружающих нас проявлений этой самой причины? Так ли авторитетен тот авторитет, который установил для нас эти истины? То ли мы видим своим взором, что должны видеть на самом деле? Почему мы повсюду видим заботливо сформированные для нас, удобоваримые понятия, но ни одно из них не отвечает на детский правильный вопрос, - почему? О причинах мы ничего не знаем. Да и не до них нам, - надо занимать место под солнцем. Но если мы ушли от определения причины, то не ушли ли мы и от определения своего истинного места во всеобщем процессе, порожденном ею? И под тем ли солнцем это место?

Казалось бы, - откуда сомнения? Лиха беда - воспользуйся имеющимися знаниями, накопленными наукой, и ты все поймешь. И про причину тоже. Однако, скорее всего, это был бы совершенно неправильный путь - *воспользоваться*, ибо научные знания - это абсолютный капкан незнания. Тому есть много причин, и мы науку еще затронем на нашем пути, а пока остановимся лишь на нескольких очевидных моментах. Во-первых, наука - это не полный охват действительности. Наука стоит на *материалистических* позициях, и, как следствие - все правильно описывает, но многого не признает. Без этого "многого" мир кастрирован и не полон. Наука обтекает явления и факты, не вписывающиеся в материалистическую концепцию мировоззрения, и дает урезанную картину мира - только те его части, о которых она может сказать нечто членораздельное. Остальное - за бортом. А где уверенность в том, что это "остальное" совсем даже и не остальное, а основное, и, может быть, как раз все подвластное

науке - это и есть "остальное", а совсем не главное? Авторитет науки пусть будет авторитетом для нее же, но не для нас. Так будет честнее, пока мы во всем не разберемся.

Во-вторых, наука все правильно описывает, но при этом ничего не объясняет. Система научных знаний - это, всего-лишь система научных *названий*, за которыми не стоит ничего, кроме облегчения от того, что какое-то явление обозначено соответствующим образом, и теперь оно *узнаваемо*, то есть все договорились, что "это" называется вот так, и теперь все уже могут ориентироваться во взаимных соображениях друг-друга относительно дальнейшего движения научной мысли. Простой пример: любой школьник перво-натвердо знает, что человек - это "разумное животное". "Человек - это разумное животное" - вот так выглядит это научное определение. Здесь есть только названия и никакого знания. Достаточно лишь задать несколько вопросов: а дельфин, собака и обезьяна - разумные животные? Тогда почему они - не "человек"? Есть собаки, умнее некоторых людей - а нельзя ли в данных частных случаях одних называть людьми (умных собак), а других собаками (тупых людей)? И вообще, если дело только в разумности, то можно ли сказать, что человек - это разумная рыба (тоже животное!), или разумная овца, пчела, шелкопряд и т.д.? А если дело не только в степени разумности, а в различной физиологии, то в таком случае есть какие-то именно животные признаки, которые отличают человека от животных? Следовательно, человек - не животное, как другие животные? Или не совсем животное? Тогда - что такое "животные", если нас ставят в их ряды, что у нас с ними такого общего, несмотря на различие? А что такое - разум? Ум и разум - это одно и то же? А что значит - быть разумным? Это - быть умным вообще, или быть избирательно целесообразным, как животные? Разумное животное - это которое не делает глупостей, или которое умеет думать? А чем отличается умение думать от умения приспособливаться с помощью ума? А если ничем, то разве животные не с помощью ума приспособляются? Ах, это только высшие животные? А что такое - "высшие животные"? И т.д. Это - наука, которая *определяет*, не объясняя. Теперь попробуйте точно также разобрать такие положения, как "ток течет от плюса к минусу", задайте себе вопросы - что такое масса, энергия, инерция, тяжесть, и вы увидите, что здесь все только описывается, но нигде не говорится в чем причина этих понятий, откуда они вообще взялись и почему они именно такие, а не другие. Наука знает, как они называются, как взаимодействуют, какие свойства проявляют, но на вопрос "почему" не отвечает. А нам ведь надо ответить на этот вопрос, если мы помним.

Ну и в третьих, всегда до глубины души поражает этот парадокс относительно науки - научное объяснение есть всегда объяснение неизвестного путем уже *известного*<. Интересно получается, не так ли? Причем, само-собой понятно, что и это "известное", через которое сейчас доводится данное неизвестное, тоже было когда-то неизвестным, и тоже не могло объясняться иначе, как с помощью какого-то известного, которое также было ранее неизвестным и тоже составлялось из уже известного. Если так дальше пойти по цепочке - то разве не логично, что мы должны, в конце концов, дойти когда-нибудь до какого-нибудь *самого первого известного*, от которого пошли все наши знания? А тогда вопрос - а вдруг и оно было поначалу *неизвестным*, и как же оно тогда стало известным? Как оно объяснилось? Чем? А вдруг здесь произошла ошибка и теперь все наши знания - тоже ошибка? Например, в математике каждое утверждение

опирается на уже доказанное. Следовательно, и здесь все опирается на нечто *самое известное*, то есть на элементарное. Если найти это первое известное элементарное и завалить его, то рухнет вся математика? А, может быть, оно, это известное, всегда было уже известным и от него все идет правильно и безошибочно? В общем, если мы докопаемся до этого первого известного или неизвестного, то нам станет все ясно, и мы найдем нужные нам ответы?

Но тут новый вопрос - а было ли вообще какое-то *начало*, где было или не было это известное или незвестное, от которого все пошло? Может быть, детский вопрос не правильный, а глупый? Может быть, никакого начала и вовсе не было, а все, действительно, - "так надо" и не больше? Вопрос не праздный, а основной - если есть всему начало, то в этом случае есть во всем и какая-то установка на что-то, поскольку для этого начала должен быть повод, то есть - причина, все объясняющая, в том числе и первое известное (или неизвестное). А если нет всему никакой причины, то тогда вообще неважно верно мы понимаем смысл происходящего вокруг нас, или неверно, поскольку *тогда вообще никакого смысла вне нас нет*. А если нет смысла вне нас, то сами мы, как часть системы, не имеющей никакого смысла, в космическом порядке вещей не имеем никакого смысла. В таком случае мир бесмысленен и заниматься ответами на его вопросы просто глупо.

В любом случае мы идем пока традиционным путем и подошли к его основному вопросу: было ли все, что есть вообще всегда и беспричинно, или все было не всегда, и, если в таком случае, все когда-то появилось, то какова была этому причина? С чего все началось? Почему все стало именно таким? А не могло ли все вокруг нас быть совсем другим, не таким, как сейчас? А, может быть, всего могло вообще не быть? А если, все-таки, все вокруг когда-то стало быть, то что будет со всем этим потом? И как это будет

Вопросы интересные, но, находясь непосредственно в потоке текущей жизни, на них не ответить. Потому что события текущего потока порождены текущими причинами и имеют текущий смысл, не раскрывая в себе будущего. Говоря о непрерывном потоке причин, становится ясно, что понять какой-то смысл происходящего и увидеть его будущее можно только в том случае, если всему есть осмысленно направленный первотолчок. Был ли такой осмысленный первотолчок и был ли вообще какой-либо первотолчок? Как все началось? Чтобы все это понять, нам, как это уже понятно, придется отправиться туда, откуда все пошло, в самое начало, туда, где причина или была, или ее не было. Потому что в мире у всего есть причина, и у каждой причины есть своя причина. Но вот откуда взялась первая причина всех причин? Простой смысл подсказывает, - если поймем "откуда", то поймем и "куда". То есть надо влезть в самое начало, в причину всех причин, и там посмотреть - с чего все началось и откуда все взялось? В любом случае, это может быть, не самый оригинальный, но наиболее напрашивающийся метод поисков ответа на заданные нами вопросы.

Итак, откуда все вокруг взялось, включая и нас самих? Готовые ответы на это есть, и они в обобщенном виде дают две точки зрения на эту проблему. Одна из них идеалистическая, утверждающая, что все было *создано* чем-то Высшим и нематериальным, а другая материалистическая, настаивающая на том, что все ничем и никем не было создано, а *существовало всегда*. Даже их названия уже подсказывают нам разницу- "идеалистическая",

значит, - что-то связанное с идеями, а "материалистическая", - это что-то про материю. Какую же из этих концепций выбрать? Можно кинуть жребий или просто ткнуть пальцем, куда попадем, но хотелось бы выбрать осознанно. Чтобы выбрать осознанно, надо сравнить одно с другим. Чтобы сравнить одно с другим, надо разобраться, что есть что. Чтобы разобраться, что есть что, надо помнить, что мы не первые задаем этот вопрос, и ответы на все это уже, повторим, есть. До нас с этим уже основательным образом разобрались. Но если мы по-прежнему задаем себе этот вопрос, то, очевидно, что разобрались с этим традиционным, ничего не объясняющим способом. Способом давления авторитета. Иначе мы не задавались бы этим вопросом по сию пору. Мы же не задаемся вопросом, - бьет током или не бьет, если братья за провода голыми руками? Тот, кто с этим разобрался, нашел аргументы, чтобы доказать, что бьет. Или сам стал таким пассивным, но абсолютно неоспоримым аргументом.

Вот на этом *неоспоримом* уровне интересующая нас проблема до сих пор не решена, и мы ничем не рискуем, если попробуем решить ее самостоятельно. Как видим, размах нашего предприятия с самого начала претендует на определенную сложность. Но она вполне преодолима, если нам принять за основу тот главный принцип нашего поиска, который предполагает, что авторитетов для нас больше не будет, и мы будем искать истину самостоятельно. Здесь не надо комплексовать. Истина доступна всем, а не только дипломированным специалистам. Если мы кого-нибудь из них при этом обидим тем, что будем подвергать сомнению очевидные и святы для них вещи, то мы заранее и искренне просим у них прощения, и предлагаем перейти к телевизору, - там можно переключать каналы.

А мы для начала возьмемся за материалистическую точку зрения, как за наиболее распространенную в народе, простую, и не сталкивающую нас с неопределенным и непонятным "Высшим", само присутствие которого в наших рассуждениях уже несло бы в себе дополнительную нагрузку его познания и определения. Как видим, нас опять тянет на простое, так уступим же своей природе и поговорим о материализме.

Посмотрим на него, как на учение. Первое, что бросается нам в глаза, если смотреть на материализм, как на учение, так это то, что он *анонимен!* Эта странность почему-то никому не видна, но она есть! Существует, правда, общепринятая версия, согласно которой, начиная с самых первых серьезных философов (с древних греков) и по сей день, существуют две линии в человеческой философской мысли. Одна из них - линия Платона (идеализм), а вторая линия - Демокрита (материализм). Выглядит это так, что люди с самых древних времен разделились во мнении о том, что же главнее относительно друг друга - сознание или физический мир? Платон, говорят нам, считал, что в основе всего лежит сознание, а Демокрит, по официальной версии, говорил ему: "Позвольте! Главное - физический мир, потому что он состоит из атомов!". Но, когда мы ближе знакомимся с идеями и жизнью Демокрита, то видим, что этот "материалист" считал, что все *создано*, (включая и атомы), некоей Первопричиной, которая создала и материю и ... богов, которые, правда, состоят не из того атомного хлама, из которого состоит весь физический мир, а из специальных атомов, совсем не из тех, из которых состоят мир и люди, а из особых! Сам Демокрит был известен еще и тем, что молился богам каким-то особо изобретенным



продвинутым способом, предполагая таким образом добиться того, чтобы лично вокруг него побольше находилось хороших богов и поменьше плохих. Хорош материалист!

Итак, мы должны отказать материализму сразу же в авторитете Демокрита, поскольку основной постулат материализма предполагает, что материя никем не создавалась, а Демокрит имел на этот счет совершенно иное мнение. А разговоры про атомы мы не должны принимать всерьез, поскольку сам Демокрит считал, что происхождение атомов также нематериальное. Этот человек догадался про атомы, но он никогда не говорил, что атомы *были всегда*.

Освободив заслуженного философа Древней Греции от нехорошего ярлыка, мы столкнемся с ситуацией, когда этот ярлык удивительным образом не на кого будет навесить. Из всех известных и великих философов, как и полагается свободно мыслящему человеку, *ни один не был материалистом!* Все или признавали разумное начало во Вселенной, или обходили молчанием причину возникновения тех первовеществ, которые они по-разному закладывали в основу физического мира. А то и запросто верили в существование Бога. Откуда взялся вообще материализм? Загадка!

Долгое время нам приходится сталкиваться с напористыми утверждениями о том, что первые греки-философы были самыми настоящими материалистами и только Сократ начал откат здоровой материалистической мысли Древней Греции от наукообразного материализма к фантазирующему идеализму. Но когда просто и без затей знакомишься с трудами этих первых "материалистов", то больше умиляешься их наивностью и удивляешься их простоте, чем заражаешься какой-то научной здравостью или холодным отсутствием фантазии. Эти греки были любопытны, но эта их черта характера вовсе не предопределяет материалистических выводов. Вот, например, Фалес. Его с придыханием называют основателем стихийно-материалистической школы в философии. Стихийности много, мы тут согласны. Особенно в том утверждении, что все в мире состоит из воды и только из нее. Тут стихия бьет через край. А материализм? А материализм Фалеса ведет себя куда скромнее, потому что сам Фалес считает, что душа человека - совершенно особая субстанция и ничего общего с телом не имеет, а вокруг вообще полно богов, ступить некуда, и вся природа имеет в своей основе божественную сущность, то есть является проявленной формой богов. Не будет лишним и с Фалеса снять ярлык материалиста. Даже с приставкой "стихийный".

А вот Гераклит. На него материалисты просто молятся! Еще бы! Это, (по их утверждениям), один из самых маститых и гениальных материалистов. А этот материалист утверждал, что все в мире происходит под управлением некоего Логоса. А что такое Логос? Гераклит отвечает - это божественный закон, божественная необходимость. А как еще материалист должен отвечать? Куда ему, в самом-то деле, без богов? А весь мир состоит из огня. Почему? Потому, что все в мире непрестанно движется, а такой способностью обладает более всего огонь. Следовательно, в основе всего - огонь, что и заставляет все в мире постоянно совершать движение. Никаких фантазий! А знаете, почему Солнце движется по строго определенному пути? Гераклит знает - потому что, если оно начнет отклоняться от своей траектории, то богини Эриннии (блустительницы порядка) накажут его за это. И не только Солнце повинуется богам, но и все животные живут по божественным законам. Гераклит также

утверждал, что все в мире - единство и борьба противоположностей. Причем все противоположности имеют общую основу. Что это за основа? "Бог есть и день и ночь, зима и лето, война и мир, насыщение и голод (все противоположности)". Здесь если и бьет через край неоспоримая мудрость, то явно не материалистическая. Давайте и Гераклита избавим от сомнительных регалий материализма.

А вот пифагорейцы. Здесь выводы наши будут еще короче - эти считали, что душа бессмертна и переселяется из одного временного тела человека в другое его временное тело. Совершенно в духе материализма.

А здесь всем полагается встать и обнажить головы - перед нами Эмпедокл! Иначе как с закатыванием глаз до положения счастливого полубоморока материалисты о нем не говорят. У Эмпедокла вообще не было никаких фантазий - он считал, что все в мире состоит из земли, воды, воздуха и огня. Сухой материализм. С небольшим штрихом - все эти четыре стихии по Эмпедоклу являются... божественными существами! Их соединение и рассоединение происходит под действием "любви" или "вражды" между ними. Причем дело усложняется тем, что огонь и воздух - мужские божества, а вода и земля - женские божества. А соединяются все четыре стихии, как попало. То есть, тут уже гомосексуальными связями все в природе чревато. Но у природы свои законы, главное, что среди людей все нормально по Эмпедоклу, поскольку души людей - также божественные существа, а сам философ в своих рекламных стихах призывает к себе учеников, которых обещает научить останавливать ветер, вызывать дождь и воскрешать неудачников из мертвых. То есть повелевать материей с помощью силы разума. Совершенно не по-материалистически все это выглядит, и Эмпедокла мы также очистим в глазах потомства от этой клички.

Ну, кто там еще остался? Ксенофан? Может быть не столько материалист, сколько (по утверждению материалистов) критик религии. И вот, что мы находим у этого критика - существует Бог, совершенно не сходный с людьми, и этот Бог один, а не множество богов. И этот Бог правит всем в мире просто силой Своего ума. Причем безо всяких усилий. Хорошая критика религии. Мы за такую.

Остался Анаксагор. Не самый великий, но самый конкретный. Этот считал, что все состоит в мире не из атомов, а из бесконечно делимых частиц (гомеомерий), которыми управляет ... всеобщий ум (нус). Опять материей управляет ум, но это почему-то называется материализмом. К тому же Сократ считал, что Анаксагор просто сошел с ума. Знаете почему? Потому, что Анаксагор гордился тем, что может объяснять действия богов! Этого нельзя объяснить, считал Сократ, а тем более гордиться. Мы же просто заметим, что Анаксагор говорил о богах, как о неоспоримых данностях жизни. Чисто по материалистически. Но и без Сократа не ладно что-то в этом королевстве, поскольку сам Анаксагор считает причиной и основой мирового порядка ум, а не саму материю. Он считает ум полностью обособленным от всех материальных элементов явлением, имеющим совершенное знание обо всем. Что здесь от материализма?

Что вообще во всех этих воззрениях от материализма? Ни-че-го! Потому что материализм - это первичность материи, а не какого-то сознания, богов, ума, Логоса, божественных существ, мужских и женских божеств и т.д. Тогда почему так упрямо обзывают этих ни в чем не повинных

людей материалистами? Ответ один - во-первых, потому что так хочется. Материалистам хочется иметь за спиной своего учения хоть кого-то умнее себя. Во-вторых, потому, что эти любознательные греки занимались в основном вопросами строения материи, то есть физического мира, и поэтому они - материалисты. Интересная логика! Если следовать ее принципам, то сутенера надо называть богом любви, поскольку он постоянно соединяет одинокие сердца, криминолога придется называть бандитом, ибо он как раз бандитами занимается, а психиатру ничего не остается, как согласиться на звание психа, так как психи - предмет его исследования.

Откуда взялся и развился в дикую силу материализм, как мировоззрение? Какой великий ум дал ему жизнь?

Может быть, его придумал Карл Маркс? Тогда, - беда! Потому, что Маркс был не философом, а экономистом. Кстати, если взглянуть и на это непредвзято, то он не был и экономистом! У него не было своего бизнеса, своей компании или фирмы, он не работал ни на одну из производственных единиц того времени, как экономист! Откуда мы знаем, что он был экономистом? Благодаря каким его идеям какой финансовый трест или какая промышленная корпорация добились каких выдающихся успехов? Мы такого примера не знаем. Мы знаем только, что он в пух и прах разорился, играя на той самой бирже того самого капиталистического строя, за специалиста которого мы его держим! После этого он всю свою жизнь находился на содержании некоего Фридриха Энгельса, который его щедро кормил, поил, одевал и обувал. Однако Маркс - учитель всех левых экономистов! "Записывайтесь в группу по обучению плаванию! Наш тренер - лучший из всех! Он и сам совсем не умеет плавать и вас научит!".

Фридрих Энгельс и вовсе не был философом. Вот он, как раз, был успешным экономистом, потому, что был реальным промышленником и весьма удачливым. Но вместо того, чтобы писать книжки про то, как разбогатеть, (про то, что он хорошо знал), его патологически тянуло на недалекие книжки про то, как труд сделал из обезьяны человека, как люди перестали ложиться в кровать друг к другу по очереди и стали жить строгими семейными устоями и как пролетариату, (который создавал ему, Энгельсу, богатства), сбросить иго капиталистов, (таких, как он, Фридрих Энгельс). В творческом запале, отдав необходимые наставления своим приказчикам и менеджерам по дальнейшему наращиванию капитала, он даже кидался на баррикады во время своих революционных командировок. В общем, чудил скучающий богатый человек с непонятной и подозрительной привязанностью к разорившемуся мещанину Карлу Марксу, и не больше.

Больше серьезных людей у истоков этого учения мы не знаем, все остальные уже как-то пользовались готовым и только развивали что-то уже существующее, но непонятно из каких квалифицированных уст слетевшее. Причем вся эта компания была весьма подозрительна своим постоянным стремлением хоть где-нибудь сделать хоть какую-нибудь революцию, или на худой конец убить под видом революционного террора хоть пару-тройку каких-нибудь высоких чиновников. Опасная компания. Именно она и проповедовала материализм, который у них невесть откуда взялся. Материализм дитя или незаконнорожденное, или мать просто не упомнит, - который из всех милых был все же отцом и не решается называть ребенка по отчеству. Но это просто к слову, ибо мы уже знаем, что наличие авторитетов не дает никакой гарантии ни одному

учению в истинности. Нам авторитеты, собственно, и не нужны. Просто хотелось бы из всей когорты материалистов увидеть хоть кого-нибудь хоть сколько-нибудь адекватного понятиям о материалистических взглядах или взявшегося за свое дело. Иначе само содержание этого учения сразу же вызывает недоумение своим странным генеалогическим древом.

А основное содержание этого учения звучит примерно так, - все вокруг нас из чего-то состоит, это "что-то" для удобства называется материей и относится к ней все, что можно увидеть, потрогать, измерить, укусить, вдохнуть и т.д., в общем, все, что воспринимается нашими органами чувств или по результатам физических опытов. Материя первична сознанию, то есть она главнее, и она это вторичное сознание (то есть младшее по рангу значимости для мира) строго собой определяет: каким ему быть и почему оно должно быть именно таким. Ну, а главное, из-за чего весь материализм затевается, звучит так, - материя бесконечна, материя была всегда.

Итак, первое, что должен признать начинающий материалист в избранном для себя мировоззрении, огорошивает его своей абсурдностью и противоестественностью: у всего, что вокруг есть - начала никогда не было! Это всегда вызывает шок недоверчивого недопонимания, (уж очень это похоже на своеобразную дежурную шутку застарелых преподавателей), и реакцию отрицания у любого психически здорового разума - что за странность такая, предполагать, что все вокруг было всегда? Понять такое умом невозможно. Но авторитет учителей давит, и, чтобы стать материалистом, приходится через это перешагивать с намерением идти куда-то дальше, к тем вершинам, откуда вещают наставники. Приходится это принять, не поняв, то есть, - *поверить*. Материализм, таким образом, представляется вопросом простой веры в самой своей *первой основе*, а никак не научно выведенным итогом! Это уже настораживает! Вызывает мнительное подозрение сама научность материализма, если все его итоги основываются всего лишь на ничем научно не обоснованной доброй воле начинающего и на способности его души к вере. Не очень серьезная с научной точки зрения база.

Однако многие доверчиво перешагивают этот психологический барьер, надеясь в дальнейшем своем продвижении понять то, что приходится пока принимать только на веру. Мы этим путем не пойдем. Он для нас несколько экстравагантен. Такой метод познания очень напоминает речь директора бассейна, обращенную к группе новичков секции по прыжкам в воду: "Ребята, занимайтесь прилежно, учитесь прыгать и с вышки и с трамплина, осваивайте кульбиты, сальто, перевороты, ныряйте как можно больше, нарабатывайте навыки, а как только ваш тренер скажет, что у вас уже хорошо получается, то я вам в бассейн воды налью". Здравый смысл подсказывает нам, что принимать на веру очевиднейшую нелепость во имя будущих сомнительных успехов не стоит. Вряд ли такие отчаянные поступки могут приносить хорошие дивиденды. Даже в философии.

В самом деле, - можем ли мы найти в окружающей нас действительности хоть что-то, что не имело бы начала? Явно, - не можем. Любой материальный объект измерим, и, следовательно, любая его точка, от которой пойдет измерительный процесс, может считаться его началом в пространстве. Любое явление имеет момент возникновения, и, следовательно, характеризуется началом во времени. Весь миропорядок обладает в каждой своей составной части началом

каждого объекта и каждого явления. Если у всего миропорядка не было начала, то откуда оно взялось в столь обязательном порядке у всех его составных частей? Получается, - неотделимый признак нашей реальности, присущий всем ее составным частям, (обязательное наличие начала у всего), опровергается основным же принципом существования самой этой реальности (безначальностью)? Так же точно можно утверждать, что любая отдельно взятая вода принимает форму сосуда, в который помещена, обладает текучестью и способностью растворять вещества, но вся вода в целом, - не жидкость.

И на таком абсурде покоится все помпезное здание материализма? Единственный контрдовод у материалистов в оправдание краеугольного камня своей теории таков, - безначальность нельзя понять из реальной действительности(!), но ее *надо* понимать, надо расти до этого понимания, совершенствовать свои познавательные способности и искать к этому пути. То есть, не верить своим глазам, как следовало бы материалисту, а довериться красивой идее, как подобает хорошему идеалисту?

Возникает интересная для материалистов модель доказательства, - объективная реальность, основа материализма, которая первична, по их же мнению, к разуму, то есть к субъективному, должна сначала отвергаться свойствами этого субъективного (способностью разума перешагивать через очевидные характеристики объективного, нагло не замечая их), а затем, с помощью этого же субъективного (разума) утверждать объективное (реальность) как первичное к субъективному же! Сначала материя как бы ни при чем, потому что она противоречит разуму (!), а затем, когда разум исхитрится что-нибудь для нее придумать оправдательное, она тут же выскакивает из-за его спины и говорит, - "я здесь стояла до вас, я первая, вы за мной будете". Здесь вторичное отрицает основные свойства первичного, и из себя, вторичного, а не из свойств самого первичного, доказывает первичность этого первичного по отношению к себе же. Воистину, чем тоньше грань между бессмысленным и просто запутанным, тем труднее отделить одно от другого, и тем явнее просматривается их единство по своей сути.

Однако единственным выигрышем от утверждения бессмысленного может быть только блеф рискованной многозначительности, а польза запутанности состоит в неисчерпаемых возможностях приобретения авторитета научности. Того самого авторитета, который не позволяет нам козырно сплунуть, и, разведя по-крутому плечи, сказать: "Не надо нам доказывать, что круглое, - это квадратное. Как это "все" могло быть "всегда"? Что за бред? Нас на это не купишь!". Мы не можем сплунуть, к сожалению, ибо это было бы ненаучно по отношению к научному! Потому что форма у этого бреда, - самая, что ни на есть, научная и очень по-научному сложная.

Однако, бессмысленность, облаченная в форму научной сложности, должна иметь инструментом запутанности какую-то сложную научную идею. На простой идее тут не выедешь, простым сложного и непонятного не наворотить. Нужно нечто очень сложное, и чем сложнее и непонятнее это будет, тем оно будет авторитетнее. Есть ли такая сложная и непонятная идея у материалистов? "Такая идея у материалистов есть!" - горделиво отвечают они. Суть ее состоит в том, что вся наша действительность представляется ими как, (внимание!), "ряд событий во времени, не имеющий начала". Просто и мило, но в чем же научность и в чем же сложность? То

же самое круглое, которое хотят представить квадратным. А научность и сложность здесь оформляются научным понятием "реальной бесконечности", которое подводится в качестве базы вероятного доказательства того, что наш мир во времени не имел начала. Это уже не просто научное понятие, это - очень и очень научное понятие. Простому человеку вместить его совершенно невозможно, а, следовательно, невозможно и высмеять, ибо как посмеяться над тем, чего не понимаешь, то есть не можешь идентифицировать как различаемый тобою, хотя бы и для смеха, объект?

Само же научное понятие реальной бесконечности, которое составляет, повторим, *единственную* основу научной базы материализма, гласит так: объект реально бесконечен, если часть этого множества равна его целому. Это одна сторона. Когда часть чего-то равна всему целому. Часть целого равна всему целому. Вполне научно, что и говорить. А вот другая сторона теории: реальная бесконечность - это завершенное целое, в действительности содержащее бесконечное число предметов. Это когда целое число имеет значение, но является одновременно и бесконечным числом. Число 100 одновременно выражает и сто единиц и бесконечное количество единиц. Тоже вполне научно. Не подкопаешься.

Что-нибудь понятно? Если попытаться осилить эту формулировку в чистом виде, то можно напрочь заклинить ум. Поэтому мы придадим ей удобопознаваемую форму, для чего подставим в предлагаемую нам формулу реальные значения из реальной действительности. Естественно, под "целым объектом" или "завершенным целым", здесь понимается как раз наша действительность, о которой мы и хотим знать, - было у нее начало во времени или не было?

Итак, возьмем, для примера, какие-нибудь отрезки самого времени, допустим - дни. Попытаемся на них применить теорию реальной бесконечности. Что получается? По теории реальной бесконечности получается, что все количество дней, которое когда-то было, есть и будет во Вселенной, является завершенным целым, то есть, имеет вполне определенное, конкретное число, но, одновременно, оно же, это определенное количество дней, еще и должно быть абсолютно бесконечным! У определенного "завершенного" количества дней не должно быть ни начала ни конца. Как же они тогда "завершились"? Пора выливать себе на голову холодную воду. Без этих, периодически повторяющихся профилактических омовений, пожалуй, опасно дальше вгрызаться в реальную бесконечность.

А. может быть, все дело в том, что мы взяли неудачный материальный объект для примера? Дни, конечно, объект вполне материальный, но их, все-таки в карман не положишь. Тогда возьмем простой пример из арифметики начальных классов. С яблоками, которые по карманам вполне можно рассовать. У Маши было 10 яблок. В этом случае, по теории реально бесконечного объекта, число 10 должно быть помимо числа, обозначающего десять яблок в кармане у запасливой Маши, еще и бесконечным числом бесконечного количество яблок в том же самом единственном кармане у той же самой пресловутой Маши в то же самое время! Где взять такой карман, товарищи?

Вероятно, дело не в днях и не в яблоках. Что там, что там, - сплошной "высоконаучный" маразм. А если все равно, на чем с ума сходить, то вернемся к дням. Как мы помним, они первые нас поразили тем, что их количество можно пересчитать от первого до последнего, но

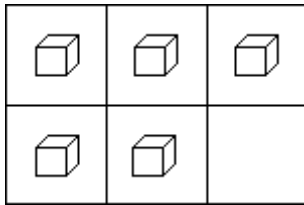
одновременно в них нет ни первого и ни последнего, а есть только одна бесконечность дней с обеих сторон счетного ряда. Хотя, первый и последний день обязательно есть, потому что можно посчитать их полное, законченное количество от первого и до последнего дня. Но при этом ни в коем случае нельзя предполагать, что есть какой-то первый или какой-то, не приведи, Господь, последний день, потому что их количество абсолютно бесконечно. Однако, если кто-нибудь задумает узнать точное количество всех этих дней, то он может посчитать их, начав с первого и закончив последним. Но, при этом обязательно надо помнить, что ни первого, ни последнего... Кто-нибудь! Принесите еще холодной воды!

Похоже, азы реальной бесконечности мы уже успешно освоили. Но это не все ее парадоксы. Есть и хуже. Если взять, например, дни, которые прошли между 1 января 2001 года и 2 января 2001 года (читаем всё внимательно!), то по понятию реальной бесконечности их количество будет равно вообще всему количеству дней, которые когда-то были, есть и будут во Вселенной! Вот как все научно, когда "часть равна целому"! Мы, конечно, понимаем, что в скучной компании с 1 на 2 января и не такое может показаться, но, все же, это будет скорее околонуточно, чем научно.

Единственно точно и определенно, что можно сказать о теории реально бесконечного объекта, так это то, что, - не забывайте, друзья, хорошо отдыхать, если вы будете ее изучать, и не принимайте ничего близко к сердцу. И будьте скрытны. Люди не должны вас пугаться из-за таких пустяков.

Как получилось, что эта белая горячка может оформляться в виде научной идеи? Дело в том, что такая идея действительно существует, она действительно научна и имеет право на жизнь, но на жизнь не в нашей реальности, а в *математической*. Реальная бесконечность - это математическая идея. Она используется математиками для оперирования в математической реальности, которую сами же математики создали исключительно для математики и только для себя от избытка своего же мастерства. Эта идея неприменима к действительной реальности, как и многое другое, что есть в математике. Величие этой науки всех наук состоит как раз в том, что она, не имея реального объекта исследования, исследует самую себя, вырываясь на совершенно недоступные другим наукам просторы и покидая при этом реалии физического мира. В своих помыслах математика далеко отошла от задач математического описания действительности. Ей это давно уже неинтересно. Она все давно уже описала и не включает такую способность в число своих отличительных достоинств.

Приведем этому живой пример: участник математической олимпиады получает задачу следующего содержания - дано: ячейки, заполненные какими-нибудь предметами. В каждой ячейке по одному предмету, заполнены все ячейки, кроме одной; доказать, что если все предметы одновременно передвинуть на одну ячейку, то одна из них так и останется незаполненной. Теперь, если конкурсант представит задачу в простом виде, как на нашем рисунке, а затем математически обоснует очевидную вещь, что при передвижении всех брусков одновременно на одну клетку, одна из них в итоге обязательно останется без бруска, то есть, будет свободной, то он получит низшую из положительных оценок, - тройку.



Придаться будет не к чему, но ему скажут, что это - частный случай, а если кто-то здесь все-же хочет получить пятерку, то он должен то же самое доказать для *бесконечного* числа клеток и брусков.

Как видим, вся наша реальная действительность для математики не более, чем частный случай. Ей бы в бесконечность, подальше от условностей физического мира.

Несводимость математической логики к законам реальной действительности можно показать и на простом примере алгебраического хода ее мысли:

$$(2:2)=(5:5)$$

$$2(1:1)=5(1:1)$$

$2=5$  здесь тоже придаться не к чему, ведь мы использовали одно из восьми основных математических действий, - вынесение за скобки. Но верить этому нельзя. Сами математики не согласились бы по таким расчетам получать зарплату даже во имя торжества одного из восьми основных своих действий. Также не согласимся и мы с применимостью в реальной жизни реально бесконечного объекта. У нас просто нет оснований поступить по-другому, даже если бы мы очень захотели. Математически можно описать любой процесс. Например, можно математически описать модель стекла как металлорежущего инструмента. Но стекло *физически* металл резать не будет. Иными словами - в математике, как в кино, возможно все, но в жизни этому часто просто нет места. В эпоху квантовой физики, например, мы видим не столько физику, сколько математику, поскольку физикам ничего непонятно в мире элементарных частиц и они создают различные математические модели этого неразличимого мира. Вернер Гейзенберг, самый честный из физиков, горько сетовал по этому поводу - "истинная физика в настоящее время заменена ширмой математических операций". Реальная бесконечность - такая же математическая ширма, этакий теоретический изыск по типу "а что если допустить...".

Бессмысленность реальной бесконечности в реальном порядке вещей можно доказать и простым примером, не ссылаясь на особенности математических построений. В конце концов, любое доказательство должно быть простым, а формула должна его только подтверждать. Поэтому возьмем простую производственную ситуацию. Например, у нас есть завод с реально бесконечным количеством выпущенных для продажи комбайнов. Причем, одни комбайны выкрашены в красный цвет, а другие, - в белый. Больше никаких. Только красные и белые. Это наше ноу-хау. Вот поступило распоряжение, - передать все красные комбайны на реализацию фирме-посреднику, а оставшиеся, (белые), продавать самим. Выполняем распоряжение и остаемся ждать покупателей, располагая реально бесконечным количеством товарно привлекательных белых комбайнов. Поступает новое мудрое распоряжение, - передать все наши белые комбайны другой фирме-посреднику. Берем под козырек и исполняем. Вопрос: сколько комбайнов у нас осталось для продажи после исполнения всех распоряжений? После того, как мы из имеющихся красных и имеющихся белых комбайнов спланировали посредникам сначала все



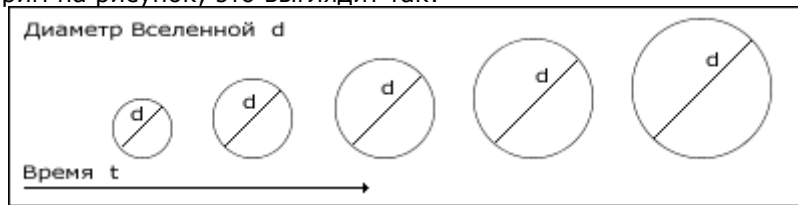
красные, а потом все белые? Ни одного! Надо закрывать отдел сбыта, так как для него работы больше нет. Всех в отпуск! А согласно понятию реальной бесконечности, - отдел сбыта надо расширять, потому что у нас осталось столько же комбайнов, сколько было перед распоряжениями, и нам их все еще продавать и продавать бесконечное количество, а тут еще человек нужен для работы с фирмами-посредниками. Сколько у нас ни забирай, у нас остается столько же! Раньше все это называлось "рог изобилия", но это было из жанра, не претендующего на научный.

Совершенно очевидно, что реально бесконечного объекта в природе быть не может, а "ряд событий во времени, не имеющий начала", в виде которого материализм представляет себе весь наш материальный мир, как раз и есть тот самый реально бесконечный объект, которого в природе быть не может. Следовательно, Вселенная, - это обычный милый нам реальный объект, а не какой-то там, свихнувшийся реально бесконечный, и у Вселенной тоже должно быть Начало, как у любого реального объекта, ибо она сама - совокупность реальных объектов, имеющих начало. Материалисты просто выдернули из математики нечто созвучное их понятиям, и подставили математику в виде того самого авторитета, который не принято опровергать. Получилось в точности, как в кавказской притче, где вчера из колодца Мурмана достали веревкой, сильно потянув сообща, а сегодня, сильно потянув также сообща Гиви с верхушки дерева, сделали что-то не то. Совать математические модели в реалии физического мира - дело, в общем-то, вкуса. Но, вообще-то это негоже приличным людям, если разговор идет о науке.

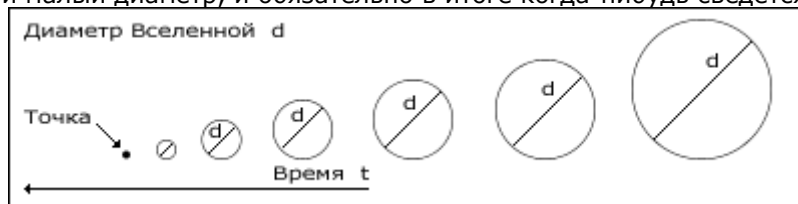
Впрочем, мы не собираемся спорить с материалистами. Это не входит в нашу задачу. Споры бесполезны вообще как таковые. Любые. А с ними особенно. Методы их полемики нам хорошо известны. Они хорошо иллюстрируются анекдотом о том, как тренер по футболу убеждает ректора университета в правильности своего принципа комплектации будущей команды: "В нападение поставим геологов, те привыкли все время что-нибудь искать, так пусть ищут пути к чужим воротам. В полузащите у нас будут математики. Они хорошо отнимают и делят, так пусть отнимают мячи у противника и делятся ими с нашими нападающими. Защитников нам поставят приемные деканатов и ректората, уж эти, будьте уверены, никого не пропустят. А в воротах у нас будет стоять специалист с кафедры диалектического материализма. Это - наш козырь!" "Почему материалист - козырь?" - удивляется ректор. Ответ тренера - "А тому, даже если гол забьют, все равно этого не докажут!"

Поэтому мы не будем ни с кем полемизировать, а просто используем свое право добровольного выбора, и скажем, что нас такое "научное" объяснение отсутствия Начала не устраивает своей абсолютной неубедительностью и своей излишней научностью. Однако это одновременно не означает, что не стоит ознакомиться и с другими доводами материалистов, даже если они будут такими же фантазиями, как реальная бесконечность в реальном мире. Хотя бы потому, что такие доводы есть, и даже если все они без исключения окажутся выдумками, то это будет не столько оспаривать материализм, сколько подтверждать наш здравый смысл. С материализмом, похоже, уже все ясно. Только во имя этого смысла мы и пойдем дальше по пути рассмотрения некоторых материалистических версий. Здесь нам, в частности, помогут разработки великого Уильяма Крейга относительно модели Большого Взрыва.

Итак, в качестве подстраховывающей предыдущую фантазию, в настоящее время нам предлагается менее запутанная, но, зато более физическая, теория Большого Взрыва. Она основывается на новейшем открытии факта расширения Вселенной. Наблюдением и опытами доказано, что Вселенная ускоренно расширяется во все стороны, не меняя пропорций и взаимопропорций своих объектов. Если представить ее схематично в виде окружности, то получится картина некоего ряда постоянно увеличивающихся во времени в своем диаметре кругов, что и дало повод предположить наличие происшедшего когда-то взрыва, в результате которого Вселенная возникла и продолжает свое расширение в направлении, заданным этим взрывом и под действием его энергии. Однако, такая картина Вселенной представляется нам не совсем корректной. В ней процесс наблюдается только в одну сторону, - сторону расширения. Посмотрим на рисунок; это выглядит так:



А что, если посмотреть в сторону, обратную расширению? Запустить киноленту назад? Мы, естественно, увидим, что окружность, как модель Вселенной, будет приобретать все более малый и малый диаметр, и обязательно в итоге когда-нибудь сведется в точку!

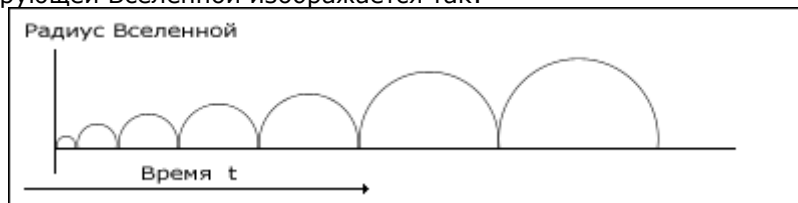


Точка тоже должна уменьшаться, следуя общей логике процесса, но до каких пределов может происходить это уменьшение? Нейтральная к спорам философов физика дает ответ, - до состояния бесконечной плотности. Следовательно, вся Вселенная когда-то представляла собой бесконечно плотную точку. Но, ведь, состояние "бесконечной плотности" соответствует понятию "ничто"! Ведь если у тела есть хоть какой-то объем, то оно уже не бесконечно плотно, а если оно бесконечно плотно, то значит у него нет объема, а если у тела нет объема, тогда его попросту нет! Следовательно, Вселенной когда-то не было, а не было Вселенной, - значит, не было ничего. А как из "ничего" могло само получиться "что-то"? Как могло вообще взорваться "ничто"? К тому же, взрыв, - он и есть взрыв. Все, что попадает в поле его воздействия, действительно разносится во все стороны от эпицентра, но разносится беспорядочно и хаотично! Как могло "ничто" взорваться, и не просто взорваться, а образовать при этом своим взрывом материю, и не просто материю, а строго упорядоченную, существующую по своим основным законам, константам? Предположить такое аналогично утверждению, что в результате взрыва пустого места образовалось определенное количество шрифтов, а сами шрифты уложились в гранки так, что получился англо-русский словарь! Мы далеки от неврологического состояния, дающего способности предполагать такое, поэтому мы полагаем, что даже если взрыв и был, то сначала должно было возникнуть то, что взорвалось. Даже у взорвавшейся когда-то Вселенной, опять должно было быть Начало. Тем более, что и сами физики говорят совершенно недвусмысленно,

что материальная точка, - это абстракция. Ее в реальности не может быть. Она опять же придумана для удобства, но на сей раз не математиками, а физиками. Следовательно, модель Большого Взрыва сама приводит нас к тому, что до взрыва не было ничего, а в таком случае когда-то должно было появиться что-то, что и подразумевает под собой Начало.

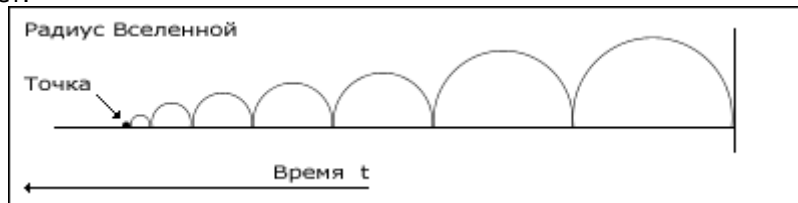
Если же мы будем продолжать капризничать и подноситься везде со своим Началом и далее, то в рукаве у оппонентов для нас найдется еще одна теория, - теория стационарного состояния Вселенной. Согласно ей все расширяется, но сохраняется неизменным в своем составе, параметрах и пропорциях. То есть все расширяется, но ничего не меняется, и так было всегда. Это можно назвать изменениями без изменений. Само признание одного (расширение) здесь разрывает изнутри идею второго (неизменность). Раз расширяется, то разве не изменяется? Но уж так хочется обойтись без всяких изменений, которые рано или поздно неумолимо приведут к Началу, что неизменность Вселенной просто декларируется в надежде, что декларативность может главенствовать над смыслом. Однако даже обычная научная практика опровергает эту теорию простыми подсчетами галактик, испускающих радиоволны (их стало меньше), и исследованием фоновой радиации, которая показывает, что Вселенная когда-то была совсем не такой, как сейчас, а находилась в сверхгорячем и сверхплотном состоянии. Никакого стационарного состояния не было, а были сплошные изменения. Опять неприятности с этими изменениями!

Если нельзя совсем избавиться от изменений, то следует их, очевидно, признать. Но признать как-нибудь по-хитрому. Например, в виде модели пульсирующей Вселенной. По этой модели Вселенная как бы дышит, расширяясь и сжимаясь, циклично и поочередно. Она находится в постоянном изменении, но без всяких там нежелательных начал. Сразу можем сказать, что это тоже математическая модель. Физической модели (то есть, способной осуществляться на практике) превращения сжатия в новое расширение нет! Природа этому еще не научилась. На этом можно было бы и закончить. Однако, нельзя автоматически считать фантазией все, что относится к математическим моделям. Любую теорию должна опровергать или подтверждать реальная практика. Подойдем и мы к ней практически. Графически модель пульсирующей Вселенной изображается так:



Как мы видим из диаграммы, при пульсации Вселенная должна расширяться всякий раз больше, чем в предыдущий раз. Так изображается как раз то самое наше общее расширение, от которого теперь уже, после открытия А. А. Фридмана, никуда не деться даже свободной для полета математической модели. Здесь у нас Вселенная делает каждый раз как бы все больший и больший вздох, а затем обязательно возвращается в некую исходную точку своего состояния, снова делает чуть больший вздох, чем предыдущий, и снова назад. Так она, якобы, вечно находится в таком пульсирующем безначальном состоянии. И опять картина нам представлена некорректно, ибо мы опять наблюдаем процесс только в одну сторону. А если снова мысленно

попытаться представить, - что происходит с кривой радиуса Вселенной левее оси этого радиуса? Проще говоря, - если посмотреть на все это не слева направо, а справа налево, то, что тогда происходило с кривой до момента, представленного на диаграмме? Если кривую продолжать не вправо, а влево? Если время пустить назад? Нетрудно догадаться, что "на наших глазах" радиус Вселенной с каждой пульсацией будет все уменьшаться и уменьшаться, вздохи будут все меньшими и меньшими, пока не раздастся совсем последний вздох. Говоря без эпитетов, пульсация будет все уменьшаться и уменьшаться в своей амплитуде, и, наконец, полностью затухнет.



Конец процесса. Но ведь это конец обратного процесса. А конец со стороны, обратной направлению развития процесса, - это и есть начало самого процесса, момент, когда "что-то" начало пульсировать. Следовательно, если развернуть эту диаграмму полностью в левую сторону, то она будет изображать не вечную пульсацию без начала, а модель некоего объекта с бесконечным будущим и конечным прошлым, а конечное прошлое подразумевает не что иное, как начало. Автор теории пульсирующей Вселенной П. Дэвис, выкручивается из этой пикантной ситуации традиционно материалистическим методом, заявляя, что время в этой системе идет по кругу. С какой стати? Он не отвечает. Аргумент один, - раз Вселенная не имеет начала, то время в ней должно идти по кругу. Однако, нам не совсем понятно, чем провинилось объективно существующее независимо от сознания П. Дэвиса время, если такое странное поведение ему предписывается самим же сознанием П. Дэвиса? Ведь это всего лишь он сказал: "раз Вселенная не имеет Начала ... и т.д.", не слишком ли, - материалисту придавать материальным явлениям свойства, которых у тех нет, на основании своих же нематериальных раздумий? Так можно далеко зайти, если всем материальным явлениям навязывать характеристики, соответствующие своим навязчивым идеям. Не надо забывать, что, представляя лагерь материалистов, следует говорить о первичности материи и вторичности разума, а не наоборот. Пока материалист не увидит воочию, что время идет по кругу, он не должен этого придумывать даже для подгонки материального мира под свою материальную теорию. Это нехорошо.

Здесь, однако, сам метод подачи идеи очень характерен. С этой стороны он даже интереснее самой идеи. Вот представьте себе, что некто соберет народ, и, выдержав паузу приличия, громогласно объявит, - "Время во Вселенной идет по кругу". Что будет? Народ просто разоидется, гадая, - "Зачем звал человек? Может, сказать что хотел?" А если нарисовать графическую модель, обозвать ее поинтереснее, обрамить научными терминами и определить задачу как благородную, то можно и время по кругу запускать. Лишь бы научно выглядело.

Некоторую помощь автору предыдущей идеи пытается оказать астрофизик Дж. Уиллер, который предлагает теорию "схлопывающейся Вселенной". То есть, когда Вселенная допульсирует, уменьшаясь до некой точки, то она не исчезнет, а схлопнется, превратившись в ничто. Вы видите принципиальную разницу, например, между тем, что снег растает без остатка и

тем, что снег "схлопнется" без остатка? А никто вас умничать и не просит, главное, что новое интересное слово как-то позволяет говорить, что "схлопывание" предопределяет собой новое расширение Вселенной посредством нового взрыва. О сомнительности взрыва, несмотря на явное расширение Вселенной, мы поговорим несколько позже, там, где это будет нести не только критический, но и созидательный заряд, а пока остановимся на том, что схлопывание, (слово-то какое!), также не имеет физической модели, то есть на практике также неосуществимо. Это всего лишь благое пожелание Дж. Уиллера, причем, пожелание не столько схлопывания, сколько отсутствия Начала. Вот когда он проведет опыт, при котором хоть что-нибудь схлопнется и снова взорвется тут же сразу, тогда мы и будем с ним разговаривать, не оглядываясь, на всякий случай, в поисках ближайшей двери в одном с ним помещении. А пока про это тоже лучше забыть.

Нет никакого сомнения, что все вышеперечисленные теории так дружно ниспровергаются не своей внутренней недоработанностью, а некоей внешней силой Всеобщей Закономерности, заложенной в саму природу вещей. Они просто не соответствуют этой закономерности, и не больше. Здесь опять интересно само преподнесение данных теорий именно, как теорий. Вот так, как бы между делом, все эти остроумные идеи называются теориями, как будто это действительно теории. На самом же деле это не теории, а гипотезы. Теория - это достоверное научное описание научно возможного процесса. А гипотеза - это *предположение* о процессе, научную возможность которого еще надо бы научно доказать. Вся научная база материализма держится, таким образом, или на жонглировании математическими идеями, или на гипотезах, не имеющих лабораторно-физической модели. То есть, на предположениях и на подтасовке. Впечатляет! Но дело не только в этом.

Важнее всего в этих историях для нас то, что мы теперь знаем: все, чего достигает наука, должно, в конечном счете, доказывать эту общую закономерность, даже если эти достижения первоначально преследовали совсем другие цели. Сработает Всеобщая Закономерность. И так действительно происходит не только с теориями, которые есть не что иное, как тоже всего лишь научные предположения того, что может быть. Так происходит и с законами, которые являются научным описанием того, что уже есть. Надо только правильно на них посмотреть. Сам закон стоит упрямо и независимо от нашего мировоззрения, и, следовательно, он не льет воду ни на одну из мельниц по своему желанию. Он льет воду только на одну мельницу, поскольку он неизменен в своем содержании. Просто надо увидеть, - на какую? Попробуем. Дальнейший наш разговор будет немного сложным, но мы сделаем его как можно более коротким. В конце концов, тот, кто не любит сложного или не силен в естествознании, может несколько абзацев просто пропустить. Этот пропуск ничего не убавит от убедительности наших предыдущих выводов.

"Всякое тело пребывает в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока действующие на него силы не изменят этого состояния" - это первый закон Ньютона. Смысл его состоит в том, что если не приложить какой-нибудь внешней силы, то ни один объект не станет двигаться ни за какие коврижки сам по себе без постороннего воздействия. Камень не может сначала тихо лежать, а потом вдруг начать скакать или катиться, если его к этому никто не понуждал. Как и любой материальный объект.

Все вокруг находится в постоянном движении. Например, Солнечная система несется в пространстве с бешеной скоростью в 900 000 километров в час! Какая то сила понуждает ее это делать (см. первый закон Ньютона)! Если все вокруг двигалось всегда, то всегда должна была быть и та сила, которая вызывала это движение. Без приложенной силы движения нет! Какая сила заставляет двигаться космические объекты? Вроде бы на это есть ясный ответ, - движение космических объектов есть не что иное, как их стремительное падение в бездну пространства. Но *равномерность и прямолинейность* их движения обеспечивается действием силы притяжения других объектов, которые по соседству. Именно эта сила заставляет планеты двигаться равномерно и прямолинейно. В таком случае, раз мы эту силу нашли, то у нас нет никаких оснований предполагать, что сила притяжения была не всегда, а полагается допустить, что планеты могли двигаться по своим орбитам всегда. Всегда были планеты, всегда у них была сила притяжения между ними и они всегда падали равномерно и прямолинейно по своим орбитам в пространство, которое тоже было всегда. Мы согласны.

Но планеты, помимо движения по орбите, еще и вращаются! Причем планеты Солнечной системы вращаются в разные стороны, причем - даже соседние планеты! Следовательно никаких физических условий, обеспечивающих какое-то однотипное вращение - нет! И никакая сила тяжести тут не при чем! И никакой другой, силы, которая "прилагается" к планетам и заставляет их вращаться, тоже не обнаружено! Откуда это вращение? Может быть, это свойство самих материальных объектов вообще - вращаться вокруг своей оси? Что-то и этого мы не наблюдаем. Если мяч не пнуть как следует ногой, то он и намека не даст на самопроизвольное вращение. Та же история и с другими предметами, какой бы мы ни взяли. Почему вращаются планеты - наука не знает. Следовательно, согласно тому же первому закону Ньютона, чтобы материальный объект вращался, надо приложить к нему соответствующую силу со стороны, ибо в самом объекте такой силы нет. Ведь, если бы такая сила в нем была, то все перед нашими глазами постоянно вертелось бы в дикой пляске, да и мы сами попадали бы под этот довольно интересный, но несколько утомительный процесс. Но само по себе - ничего не вращается.

В таком случае, как мы раньше согласились с движением планет, так и с нами должны согласиться теперь, что вращение планет было запущено какой-то внешней относительно них силой, поскольку планеты, исходя из своих внутренних характеристик, вращаться сами по себе не могут. Если построить макет Вселенной из подручных материалов, то первый же его наблюдатель, после ритуала вежливого восхищения, спросит, - "а нельзя ли все это запустить?". То есть, заставить двигаться. Конечно же, - можно. Надо всего лишь приложить силу. Дать толчок. Тогда макет оживет и превратится из макета в модель. Естественно, что речь в данном случае идет о *первом* приложении силы, начале движения. На-ча-ле. Вращение планет без присутствия в природе силы, вращающей их, и в отсутствии собственного свойства вращаться просто так, по вредности, говорит нам о том, что эта сила была когда-то приложена, что и стало *началом* нынешнему положению вещей.

Если кто-то сомневается, что сила была приложена в незапамятные времена однократно, а считает, что она и поныне где-то присутствует, просто нам не до того, чтобы зафиксировать ее источник, то подскажем ему, что отсутствие силы, поддерживающей вращение планет,

подтверждается вторым законом Ньютона, исходя из которого, приложение силы должно непременно вызывать ускорение движения. Если бы какая-то сила постоянно прилагала усилия к вращению планет, то планеты ускорились бы в своем вращении. Мы не могли бы не почувствовать этого если бы Земля при вращении ускорилась. Даже самое плавное трогание автомобиля с места приводит нас в несколько скованное состояние, пока скорость не станет постоянной. Скорости мы вообще не ощущаем, если нет ускорения. Земля по орбите мчится со скоростью 108 тысяч километров в час, а мы по ней свободно перемещаемся в любом направлении. Если бы у Земли было хоть небольшое ускорение, то мы передвигались бы в сторону, противоположную ее вращению, гораздо легче, чем попутно с ним. Мы бы четко ощущали, - вот в эту сторону Земля вращается, поэтому вокруг такие беспорядки: и нам, и воде, и воздуху, и всему остальному туда устремляться трудней. Срабатывало бы свойство инерционности всех материальных тел, (еще один физический закон), - стремление сопротивляться заданному движению. Мы же без астрономических приборов никогда не сможем угадать, в какую сторону относительно нас вращается наша планета. Кроме того экспериментальные измерения параметров ее вращения не показывают никакого ускорения и без нашего дилетантского метода личных ощущений ощущений. Следовательно, никакой силы не прилагается. Земля вращается по инерции того толчка, который когда-то запустил всю Вселенную в ее Начале!

Но при всем при этом Земля могла бы двигаться без ускорения и с постоянной скоростью только в том случае, если равнодействующая всех приложенных к ней сил была бы равна нулю (еще один физический закон). Данный случай предполагал бы, прежде всего наличие силы, которая ее вращает и не дает замедляться из-за инерции. А в том случае, если Земля больше не испытывает действия этой силы, (как мы и считаем), то ее инерционность должна постоянно замедлять ее вращение. Есть, все же, сила, или нет? Как все происходит? Так и происходит. Земля постепенно замедляет свое вращение. В настоящее время доказано, что когда-то сутки составляли 22 часа, (на основании палеонтологических данных), а по расчетам ученых сутки со временем будут составлять по длительности около месяца. Это будет не скоро. Через сотни миллионов лет. Главное для нас не то, что будет, а то, что было. А было то, что Земля была раскручена какой-то силой, и силы этой больше в физической природе нет, потому что вращение замедляется. Движения не было, а потом появилось. Опять мы приходим к некоему Началу.

Что мы все о планетах, да о планетах! А как же микромир? Частицы всякие, там, элементарные и не совсем элементарные? Какой закон под них подвести? Они ведь тоже все время двигаются непрестанно. Под них можно подвести третий закон Ньютона, по которому, если ему верить, всякой силе действия равна сила противодействия. Говорить это может о многом, но нам важнее всего то, что любое взаимодействие в мире, - парное. Каждая частичка передает силу своего движения другой частичке, встречая противодействие. За счет этого противодействия движение передается дальше следующей частичке и так далее по цепочке. Все передается по парам, от одного к другому. Если у одного из членов пары движения не будет, то он должен получить его от другого, и он этого ждет. А если движения нет и у другого члена этой пары, то и ему его больше негде взять, кроме как у одного из членов соседней пары. Он тоже

ждет. Те тоже находятся на мели и ждут толчка от соседей. И так далее. Все ждут. Если мы проследим этот путь до конца, то придем к выводу, что у последней пары больше нет ни одного шанса получить движение от какого-либо соседа. Все, получается, ждут движения от этой пары, а им где его, извините, брат? Где взять движение самой первой частичке самой первой пары? Если все вокруг не движется, и пар с наличием движения больше не осталось, то движение прекратится. Все взаимодействие - парное, движение пришло от пары к паре и распространилось на весь мир, но *первое* движение должно было иметь источник вне материи! Вне частичек! Первая частичка должна была откуда-то получить движение для того, чтобы передать его соседней, та, - дальше, и так все задвигалось! Откуда взяла движение первая частичка, если вокруг нее находились такие же неподвижные частички? Только извне. Внутри материи источника движения в свойствах материальных объектов - нет. Пока никто не назовет другого источника движения кроме нематериального, мы так и будем считать, - источник движения был вне материи.

Если бы движение гуляло само по себе незакономерно, то не было бы третьего закона Ньютона. А если оно передается всегда только между двумя участниками процесса, то оно не могло быть всегда везде и повсеместно, оно должно было <I.ПЕРЕДАТЬСЯ< I>. То есть, не возникнуть сразу у множества частиц одновременно, а быть полученным от одной к другой. Все частицы могут только получать движение, а не создавать его из себя. От кого получила движение первая частица? Движение пришло извне материального мира. По-другому оно, получается, не могло. Оно не умеет где угодно возникать и исчезать случайным образом. Оно только передается! Кто-то первый должен был его принять и передать. Если этот "кто-то" первый был элементарной частицей, (а мы об это движении и говорим), то, как первый, он должен был бы получить движение откуда угодно, только не от самой материи. Следовательно, материя была бездвижной. Следовательно, - ее вообще не было, потому что движение - форма существования материи, без движения материи нет. Вот еще одно Начало.

Это будет большой профанацией действующего закона, но мы, все же, приведем наш пример. Домино, придуманное скучающими монахами. Если расставить костяшки домино в пределах досягаемости друг друга при возможном падении каждого камня, то они так и простоят вечно, если крайний камешек не упадет. В этом случае вслед за ним начнут падать все камушки один за другим, получая движение от соседнего. Но первая кость в этом ряду должна получить толчок *со стороны!* Никакая другая сила в пределах системы расставленных костяшек не заставит ни одну из них опрокинуться! Только внешняя сила, не имеющая отношение к миру домино, может привести их в движение! Так же произошло и с частицами.

Исходя из того же третьего закона физического мира, мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что любой участник парного процесса всегда движению сопротивляется и никогда его не усиливает. Причем, противодействует с силой, равной той, с какой его подвигают на изменения своего состояния. Как вы, так и он. Ни больше и ни меньше. Вы с ним по-хорошему, - и он с вами по-хорошему, вы к нему по-плохому, и он к вам по-плохому. Следовательно, для того, чтобы движение могло распространиться повсеместно, у него должен быть изначально такой запас потенциальной энергии, чтобы этот ресурс обеспечил собой



перекрывание постоянного встречного отбора энергии каждым из следующих участников движения, оказывающих *обязательное* сопротивление. Только тогда движение получит возможность охватить все закоулки материи. Мы знаем из той же физики, что энергия сохраняется, но она никогда не увеличивается в результате взаимодействия. Передаваясь от объекта к объекту, и, теряя при этом на каждом из них свою силу, движение должно иметь достаточный запас силы, чтобы охватить воздействием всех. Если материя имеет способность *только гасить* готовую энергию, переводя ее в другие формы, но не способна ее из себя породить, то энергии для движения в ней неоткуда больше было взяться, как только из некоего нематериального источника.

Если энергия движения пришла извне материи, то до ее прихода движения не было. Следовательно, поскольку материя без движения - абсурд, то жизнь материи дала нематериальная сфера мира, нефизическая. Причем дала жизнь недвижущейся материи не в том смысле, что вот материя была, но это была недоношенная материя, потому что она не двигалась, а потом задвигалась, и стала полноценной. Нет. Жизнь в прямом смысле. Потому, что движение и материя понятия нерасторжимые. Опять получается, что материи не было, а потом она появилась. Начало.

На самом же первом участке приложения первой же сторонней нематериальной силы к первой материальной частице запас энергии должен был быть таким, чтобы обеспечить не только полный охват всего пространства Вселенной, но и обеспечить ее материальное существование в миллионы и миллионы лет! Могла бы первая малая частица образовать из себя такой запас энергии, которого бы хватило на почти бесконечную жизнь всех остальных частиц Вселенной? Такого запаса не только она, и, причем в одно мгновение, но и все остальные частицы поэтапно, не смогли бы образовать, поскольку сами частицы энергии не образуют, а лишь используют ее для жизни и работы. Только расходуют. Это еще одно подтверждение тому, что весь запас энергии уже должен был быть до того, как появилась материя. Это тоже, - начало, но начало тоже нематериальное.

Причем, совсем не обязательно такую мощную энергию, (будущую энергию всего сущего), прилагать с краю, как в домино. Тем самым мы признали бы, что до внедрения энергии в систему сама система материального мира уже должна была быть, а это невозможно. Про домино надо забыть, и признать, что энергия и материя также нераздельны, как и материя с движением. Но если движение передается, как мы говорили, парным взаимодействием, то, что заставляет в свою очередь энергию следовать за движением и обеспечивать эти взаимодействия? Это заставляет делать второй закон термодинамики.

Ну что ж, перейдем ко второму закону термодинамики, согласно которому все процессы, происходящие в замкнутой системе, всегда стремятся к равновесному состоянию. Мы знакомы с действием этого закона, например, тогда, когда в жаркий день смело бросаемся в речку. Мы абсолютно уверены, что не попадем или в невыносимо холодную воду или в недобрый кипяток. Мы знаем, что согласно второму закону термодинамики, вода во всей речке будет одинаковой, а ее отдельные места не прогреются до способности испаривать в ущерб другим отдельным местам, где вода останется обидно холодной. Также, помня об этом законе, мы спокойно ложимся

спать, потому что он относится не только к температурным явлениям, но и обеспечит нам то, что воздух в нашей комнате не соберется весь в одном из углов, и мы не задохнемся из-за этого, умерев во сне смертью праведников. Энергия в этом законе представляется этаким активной сердобольной субстанцией, которая автоматически стремглав направляется туда, где ее хоть чуть-чуть не хватает, и обрушивается на всех с одним и тем же вопросом: "Никому ничего не нужно сделать, пока я не покрасила ногти?"

Но это только одно из действий закона, которое заставляет энергию распространяться равномерно туда, где ее не хватает. Нас больше заинтересует основной его смысл, который определяет то, что если в какой-либо замкнутой системе нет постоянного притока энергии извне, то все процессы в ней со временем затухнут и прекратятся. Это и есть равновесие в своей высшей фазе и форме. Рано или поздно энергия в условиях, когда некогда даже пообедать, добегаются до изнеможения и зачахнет, потому что работа для нее есть всегда, а силы ее не беспредельны, если вовремя не подкрепиться. Можно сказать, что энергии остается все меньше и меньше в какой-либо замкнутой системе, если ее не подбрасывать со стороны. А как же закон сохранения энергии? Согласно ему количество энергии должно, ведь, оставаться постоянным? Количество - да, а качество - нет. К сожалению, вся энергия делится на хорошую и плохую энергию. Хорошая энергия имеет способность совершать работу, а плохая - нет. Как это может быть? Не будем вдаваться в сложные научные реминисценции. Возьмем простой пример из нашей обыденной жизни. Есть такая страшная болезнь - болезнь Альцгеймера. Заболевший этой болезнью человек не в состоянии узнавать даже своих близких, не понимает ничего, что происходит с ним и вокруг него, и не помнит ничего из того, что помнит даже младенец. Даже себя в зеркале не узнает. При этом он сохраняет все *количественные* характеристики, присущие человеку, но полностью теряет все, присущие человеку *качественные* характеристики. На вид это совсем обычный человек, но ничего полезного он совершать в этом трагическом состоянии не может. Вот точно также количественно существует бесполезная энергия, не способная с качественной стороны выполнять те функции, которые присущи полезной энергии. Эта бесполезная энергия в составе всей существующей энергии называется энтропией и самое печальное состоит в том, что количество энтропии из-за постоянного соударения молекул между собой постоянно увеличивается в своем количестве. А поскольку при этом все количество энергии в замкнутой системе остается неизменным, то доля энтропной, мертвой энергии в составе всей энергии, постоянно возрастает и, рано или поздно, полностью вытеснит собой всю хорошую и работающую энергию. Повторяем, - это в замкнутой системе.

Вселенная - замкнутая система? Явно замкнутая. В ней находится все, что есть вообще, а вне ее нет ничего, что имело бы к ней физическое отношение. Следовательно, рано или поздно, во Вселенной наступит равновесное состояние. Все затухнет, потеряет способность к изменению, застынет и замерзнет. Так называемая "тепловая смерть Вселенной".

А теперь вопрос: если в прошлом находится бесконечное время, (так называемое "всегда"), то почему до сих пор вся полезная энергия замкнутой системы не израсходовалась, и не наступило равновесное состояние? Времени для этого было, куда уж более, чем достаточно! Да потому, что никакой бесконечности в прошлом не было, а было Начало, от которого идет

отсчет затраченных энергетических ресурсов. Если мы встретим человека, которому когда-то дали тысячу рублей на пропитание из расчета по рублю на день, то по остатку денег мы сможем определить, сколько дней прошло до сегодняшней встречи. А если до сегодняшней встречи прошло бесконечное количество дней, то мы найдем на месте встречи только скелет несчастного, погибнувшего голодной смертью, и ни одного рубля. Если нет дня отсчета начала затрат ограниченных энергетических рублей Вселенной, то почему она до сих пор не банкрот и не застывший холодный труп? Если *еще* есть энергия, то она расходовалась не всегда, а с какого то момента. А если до этого момента энергии не было, то не было движения, а если не было движения, то не было материи, если материи не было, но она появилась, то это в просторечии называется Началом.

При любом раскладе мы приходим к необходимости признания существования Начала. Это косвенно неоспоримо еще и потому, что любое оспаривание этого осуществляется не на доказательстве чего-то альтернативного, а на попытках его игнорирования. Оно строится не по методу, - "а что, если это вот так?", а по методу, - "как угодно, только не вот так". Такой метод может вызывать к жизни бесчисленное количество теорий и предположений, и можно посвятить всю жизнь этой игре, - доказывать их несостоятельность. Это будет занимательно, но непродуктивно, как фонтан. Надо, наконец, признать Начало в качестве единственно разумного и логически необходимого момента возникновения Вселенной, что, по-видимому, нам и удалось доказать, прежде всего, самим себе. И следовать к нашей цели дальше. А дальше новые вопросы.

Если было Начало, то что-то должно быть и до самого Начала? Что-то должно было быть ПРИЧИНОЙ этого начала? По-иному, похоже, быть не может, потому что весь Мир просто погряз в причинно-следственных связях. Все, что происходит вокруг, всегда имеет причинно-следственную связь. Каждое событие в качестве причины порождает другое событие в качестве следствия, само, при этом, являясь следствием предыдущего события-причины. Причина вызывает следствие, само следствие становится причиной и вызывает новое следствие и так все время и непрерывно, неразрывной и неразделимой цепью. Всему происходящему есть причина, ничего беспричинно не возникает, достаточно посмотреть вокруг пристально и беспристрастно, Начало, как любое событие материального мира должно было иметь причину. Причина всегда стоит впереди следствия. Не зря философы шутят, что единственный случай, когда причина идет за следствием, - это похороны, на которых врач идет за гробом своего пациента. Начало, как следствие чего-то, должно было иметь причину перед собой, выступая как следствие этой причины, а дальше уже само стало причиной всех остальных изменений, вплоть до сегодняшнего дня.

Любое следствие предопределено в своих основных чертах особенностями породившей его причины. Разные причины порождают разные следствия. Одно и то же явление, - дождь, - всегда неповторим, как неповторима его причина - насыщенность и высота расположения туч, скорость ветра, температура воздуха и многое, многое другое. Особенности причины жестко определяют особенности следствия. Поскольку сегодняшние следствия и причины, которые составляют непосредственно нашу жизнь, есть продолжение первого следствия - Начала,

ставшего причиной, то все они жестко определены особенностями этого Начала, как причины, которая, в свою очередь само жестко определено своей собственной причиной, будучи одновременно следствием. Проще говоря, поняв причину Начала, мы, тем самым, поймем причину и смысл всего остального.

Итак, что мы можем предположить, рассуждая о возможных особенностях этой Причины Всего?

Для начала коротко скажем о том, почему мы вынуждены об этом "рассуждать". Потому что готового ответа нет. Отказавшись от материалистической точки зрения, мы, вроде бы, по логике вещей, должны обратиться к идеалистическим теориям. Если не они и не материалисты, то, кто же? Никто. Только мы сами. Потому что, несмотря на все симпатии к идеализму из-за его правильной исходной посылки, что сознание первично материи, мы не видим в нем той конкретности, за которой как раз мы и пустились в странствия. Ну что нам добавляют к нашему незнанию Причины еще и такие крупные незнания, как Абсолют, Вселенский Разум, Воля, Предсуществующая Абсолютная Свобода, Дуальная Необходимость, Логос и другие мудреные названия этой самой Причины? Причем, объяснение смысла этих названий создает полное впечатление, что авторы сами все понимают, только сказать не могут. Одно лишь, - в глаза преданно не глядят и добрым лаем не приветствуют. Мы не будем разбирать идеалистические теории, потому что, зачем тратить силы и дорогое время на то, чтобы разобраться, - чего еще экзотического мы не знаем о том, что мы хотим узнать?

Мы начнем именно "рассуждать" как можно более логично и, по мере сил, последовательно. Иного выхода у нас нет. С чего начать?

Прежде всего, несомненно то, что Причина должна находиться вне Вселенной. Поскольку Причина была до начала Вселенной, то с полной уверенностью можно сказать, что Вселенной не было, когда уже была Причина. В таком случае ей, Причине, попросту негде было больше находиться, кроме как там, где она была, а там, где она была, никакой Вселенной еще не было. Итак, Причина Вселенной находилась вне Вселенной, в какой-то другой реальности. Почему в реальности? Потому что если Причина породила вполне реальную Вселенную, являясь при этом частью другой реальности, то несомненно это другая, отличная от Вселенной среда какого-то бытия, но вполне реальная, как способная порождать причины реальных вещей. Это первое, что мы о ней поняли. Только реальность может стать причиной реальности.

Далее. Вот у этой Причины уже не должно быть никакой своей причины. Если у этой Причины будет своя причина, то мы вынуждены будем искать причину, вызвавшую причину Причины, затем ту причину, которая своим действием породила причину, ставшую причиной Причины, потом ту причину, которая... и так далее, до бесконечности, то есть опять возникает "реально бесконечный объект", которого, как мы уже знаем, в реальности быть никак не может. Мы должны признать или эту Причину, или какую-то предшествующую ей Причину в цепи многочисленных причин *беспричинной*. А если эта Причина *беспричинна*, то, следовательно, ничего не предшествовало ее возникновению, следовательно, она никогда не возникала, но она все же существует, ну и как это возможно? А это возможно лишь в том случае, если она была всегда. А если она была всегда, то ее можно назвать вечной.

Только что мы боролись с понятием "всегда" относительно материальной Вселенной, а теперь сами утверждаем это "всегда" в качестве особенности Причины, породившей вселенную. Не опровергаем ли мы сами себя? Не опровергаем. К понятию "всегда" нас подвела логика, это, во-первых, а, во-вторых, данное наше "всегда", было до материальной вселенной, когда материи еще не было, что говорит нам о реальности, но *нематериальности* самой Причины. Это раскрывает нам необычайно широкие возможности для логических выводов, поскольку эти выводы не привязаны к ограниченным возможностям материальной сущности мира. В этом случае то, что невозможно материальному, вполне можно отнести к способностям нематериального, поскольку нематериальное не может тяготиться теми же ограничениями, что и материальное. Ведь оно - полностью противоположно материи, и, следовательно, что невозможно для материи, то должно быть наоборот обязательно присуще нематериальному. Поскольку нематериальное противостоит в нашем понятии материальному, то все в нем наоборот, что предполагает вечность именно как основную характеристику, поскольку она как раз невозможна в применении к материи, которая со временем помрет тепловой смертью. Впрочем, настоящее доказательство нематериальности Причины еще впереди, а на данном этапе самое существенное в наших выводах, - вечность Причины, как нечто обязательное для нее в силу ее нематериальности, как оппонента материального.

Вечность, в свою очередь, характеризуется отсутствием времени. Там, где есть время, вечного ничего не бывает, потому что время является характеристикой происходящих изменений, а любые изменения приводят к началу, но у Вечного начала быть не должно. Это уже не было бы Вечным. В таком случае Вечная Причина была до времени, потому что время появилось только вместе с Началом, вместе со Вселенной. До Вселенной, же, времени, естественно, не было, потому что до Вселенной была только лишь одна Вечная Причина.

Если причина была до времени, то она должна быть не только вечной, но и неизменной, поскольку в предыдущем абзаце мы уже упоминали о неразрывной связи времени с изменениями, и несовместимостью последствий всяких изменений с понятием вечности.

Поскольку эта Причина вечна и неизменна, то она не может существовать в пределах нашей Вселенной, где все постоянно меняется во времени. Изменения характеризуются еще и движением, а движение - это изменение местоположения объекта как относительно своего предыдущего местоположения, так и относительно местоположений других объектов, которые тоже, в свою очередь, совершают такое же движение относительно друг друга. Для реализации всего этого движения необходимо пространство. Если бы не было движения, то, на первый взгляд, сами объекты образовывали бы собою пространство, но это совершенно невозможное предположение, поскольку сами объекты - это не что иное, как ограниченное пространственными рамками движение молекул внутри объекта. Если не будет движения, то не будет никакого понятия пространства как вне объектов, так и в пределах самих объектов, потому что без движения не может вообще существовать сам по себе каждый единичный объект. Неизменная и вечная Причина движений не совершает, следовательно, для нее понятия пространства нет. Неизменная, не совершающая никаких движений Причина, таким образом, не может выражаться категориями пространства. Следовательно, она существует, но Она неизмерима и

пространственно неопределима. Она находится везде и нигде. Она сама по себе является Всем. Она образует собой все, кроме порожденной ею материальной вселенной.

Суть любой Причины - производить действие. Действие произвести может только "что-то", "ничто" произвести действие и вызвать собой начало не может. Следовательно, Причина должна представлять собой Что-то конкретное, а не голую идею. Что именно - пока непонятно.

Итак, мы выяснили, что начало Вселенной положила Находящаяся Вне Вселенной, Неизменная, Вечная, Нематериальная, Неизмеримая, Безграничная, Образующая Собой Все, кроме материальной вселенной, являющая собой Что-то конкретно действующее, Причина.

Если внимательно присмотреться к этому определению, то можно увидеть заложенную в нем бомбу, которая способна разрушить все, что мы до сих пор так скрупулезно создавали. Дело в том, что, возвращаясь к причинно-следственным связям, на которые мы так фундаментально опираемся, мы сталкиваемся с фактом проявления любого следствия обязательно *одновременно* с присутствием его причины. Следствие и причина существуют одновременно, в одном реализующемся действии. Поясним: если температура воды достигнет 100 градусов по Цельсию, то появится причина кипения, и вода немедленно закипает, то есть, закипание воды, как следствие, начинает присутствовать в своем проявлении сразу же вместе с появлением причины, - точки кипения. Если ноль градусов по Цельсию - причина замерзания, то следствие, - образование льда, - существует всегда вместе с причиной. Опустилась температура до нуля, - речка покрылась льдом. Если солнце - источник света и тепла, то рассвет и нагревание земли наступают сразу же с появлением солнца над горизонтом. Если магнитное поле изменяет свойства находящегося в нем предмета, то эти свойства непременно будут изменяться заданным образом непосредственно вместе с появлением поля. В таком случае, - если Причина вселенной была всегда, то почему не всегда была сама Вселенная? А если Вселенная была всегда, как всегда была породившая ее Причина, то действительно не было никакого начала, а если и было, то где-то в бесконечном ряду причин, и тогда следует признать реальную бесконечность не как абсурд, а как единственно возможный вариант нашего существования!

Поначалу, это действительно обескураживает. Но рано или поздно ответ приходит, и этот ответ не только объясняет все, но и раскрывает новые необозримые горизонты.

Что нужно солнцу, чтобы не производить тепло и свет автоматически? Что нужно температуре, чтобы не всегда вызывать замерзание воды при нуле градусов? Что нужно магнитному полю, чтобы его действие не проявлялось обязательным образом там, где оно появилось? Ответ есть, - им нужны разум и воля. Только разумная Причина, обладающая или не обладающая на данный момент *намерением*, может избирательно вызывать или не вызывать собою следствие. Такая Причина будет уже даже не с пассивной закономерностью вызывать собою следствие, а будет производить его по своему усмотрению и по своему разумению. А такое возможно только для *Личности*, ибо разум и воля могут быть присущи только личности.

Следовательно, мы можем сказать, что Причина создания Вселенной не просто может, а *обязательно должна быть разумной и обладающей волей Личностью*. Она должна быть Личностью. В таком случае мы должны заменить наше прежнее определение Причины на новое -

Начало вселенной положила Находящаяся Вне Вселенной, Неизменная, Вечная, Нематериальная, Неизмеримая, Безграничная, Образующая Собой Все, кроме материальной вселенной, Личность.

Если эта Личность находится вне вселенной и не образует ее собой, то Она нематериальна, поскольку вселенная - это материя. Кроме того, вечное не может быть материальным, поскольку все материальное разлагается на составные части, разрушается, а это уже, пусть только возможные, но все же изменения. Ничто и никто не может быть вечным, если в нем заложена способность к изменению в форме разрушения. Рано или поздно эта способность должна проявиться. Но дело даже не в этом. Разрушение - процесс не только нарушения стабильности, это, по сути, процесс, обратный созиданию. Допустив разрушение, мы допускаем и созидание, как создавшее некогда то, что сегодня разрушается. А созидание, - это тоже цепь последовательных изменений, а мы уже твердо знаем: изменения и вечность несовместимы. Итог наших рассуждений: неразрушимым, вечным, может характеризоваться только нематериальное, несоставное.

Следовательно, начало вселенной положила Находящаяся Вне Вселенной, Неизменная, Вечная, Неизмеримая, Безграничная, Образующая Собой Все, кроме материальной вселенной, Нематериальная Личность.

Эта Личность должна быть неизмеримо мощнее и больше самой вселенной. Почему? Потому что любая причинно-следственная связь по своей сути является не чем иным, как задействованием, проявлением и работой сил. Каждая причина передает свою силу следствию, (ветер передает свою силу волнам, тепло дает силу молекулам двигаться быстрее, холод дает силу сжатию и т.д.). Психические причины также побуждают к действию и проявляют заложенную в живом организме силу. Любое проявление причинно-следственной связи - всякий раз особого рода движение, а любое движение имеет источником силу. Во вселенной действует огромное количество сил. Силы приводят к обращению планет, к свечению звезд, к вулканическим процессам, к удержанию объектов на поверхности планет, к удержанию положения планет относительно друг друга, вообще к любому физическому процессу. Помимо этих неисчислимых сил сама вселенная существует благодаря силе, удерживающей атомы в неразрывной связке друг с другом. Сами атомы, в свою очередь, существуют благодаря силе, соединяющей в единое их составные части. Расщепляя атом, мы освобождаем эту силу, и, оставшись без применения, она буйствует в виде ядерного взрыва. А сколько таких атомов во всей вселенной! Какой грандиозной силой все удерживается! Но (внимание!) ведь сумма всех *произведенных* сил всегда меньше суммы сил, *задействованных* к их производству! Та Личность, которая задействовала такие силы, должна обладать еще большей силой! Это физическая аксиома. Производимая сила не может быть больше производящей. Человеку невозможно даже до конца представить себе мощь Этой Личности, передавшей часть своей силы во Вселенную на ее создание, на удержание в определенных формах и на способность обеспечивать проходящие в ней процессы!

Мы не можем определять Эту Личность и категориями пространства, ибо признали ее неизмеримой. Мы знаем только одно, - из меньшего нельзя создать большее. Следовательно, по этому понятию, Она должна быть обязательно больше Вселенной. Укрепить в этом мнении

можно, вспомнив, что Она образует Собой Все, кроме материальной вселенной. Вселенная, ведь, где-то заканчивается, а за ее границами, - беспредельное Все. А размеры уже самой вселенной просто приводят в благоговение. Чтобы пересечь только Млечный Путь, в созвездиях которого находится наша Солнечная система, передвигаясь при этом со скоростью света (300 000 км в секунду!), понадобится 100 000 лет! А таких галактик, как Млечный Путь, во вселенной миллиарды!! А расстояния между галактиками больше их диаметров!!! Как же нам, минуя пространственные категории, выразить ТАКИЕ размеры ТАКОЙ Неизмеримой Личности? Относительную возможность дает только сравнительный метод. Мы, собственно, им и пользуемся, когда, пытаясь представить размеры нами невидимого, отталкиваемся от размеров, которые мы можем себе мысленно представить. "Больше, чем дом", "больше, чем гора", говорим мы, когда пытаемся объяснить собеседнику размер объекта, которого тот не видел. Однако сказать "больше" о ТАКОМ ОБЪЕКТЕ, даже в качестве сравнения со вселенной, размеров которой мы не можем себе представить, - не сказать ничего. Это все равно, что сказать, - синий, как красное. И то и другое цвет, но цвет абсолютно разный. Здесь та же ситуация, - и там и здесь дистанции и размеры, но абсолютно несопоставимые для наших понятий. Как же сравнивать с тем, что не только наш собеседник, но и сами мы не можем увидеть, - с размером всей вселенной? От чего отталкиваться, с чем сравнивать, говоря "больше"? Кроме того, - сказать "больше", это опять применить неприменимую здесь пространственную категорию, которая может разлагаться еще и на другие категории: как "больше"? Длиннее, шире, объемнее или протяженнее? Но мы найдем выход. Мы уйдем от этой пространственной категории к абсолютно сравнительной и отвлеченной, но подразумевающей нематериально пространственную основу, - "масштабнее". Ну и, конечно, следует указать, что не просто масштабнее, а Несоизмеримо Масштабнее должна быть Эта Личность, образовавшая объект таких размеров, как Вселенная.

Если вернуться к определению Этой Личности с целью уточнения, то естественно было бы, прежде всего, уточнить самое начало, которое, как мы договорились, звучит так: "начало вселенной положила..." и т.д. Такая преамбула больше подходит к бездушной причине, но никак не к Личности, и поэтому сам собой напрашивается другой вариант, - "вселенную создала Находящаяся Вне Вселенной... и т.д., Личность". Теперь у нас на повестке следующая задача: разместить в пределах этого определения новые понятия о безграничной мощи и несоизмеримой масштабности Создавшей Все Личности. Впрочем, очевидно наступает тот порог, за которым все последующие уточнения искомого определения все более происходят в ущерб его семантической простоте, делая формулу все более и более громоздкой. В дальнейшем нам придется очень много возвращаться к этому определению, поэтому разумно было бы одновременно с уточнением формулировки провести ее какое-нибудь сокращение. Это сделать будет нетрудно, да и патентовать нам здесь ничего не придется. Наступил, похоже, момент, когда ничто не мешает нам заменить всю предполагаемую концепцию определения Причины на одно знакомое слово, - Бог. И поскольку пока все сделано только ради семантики, то, как минимум семантических причин, препятствующих этому, не наблюдается.

Ну, что ж, исходя из всего сказанного, мы убеждаемся, что Бог, Создатель, не просто вероятен, он просто обязателен, ибо это, - объясняет все. Все остальные предположения,



исходящие из Его отрицания, рожают лишь новые загадки и новые доказательства своей несостоятельности. А если из двух вариантов, пытающихся объяснить нам что-то, один ничего не объясняет, а другой объясняет все, то надо выбирать тот, который все объясняет, каким невероятным он нам ни казался бы. В данном случае признание Творца требует даже меньшей веры, чем Его отрицание. Ибо это отрицание является удивительным по непонятному упорству отрицанием Единственно Объясняющего, и основывается оно всего лишь на необъяснимости самого Единственно Объясняющего, то есть, на нашем относительном несовершенстве, что, может быть, поправимо в будущем, когда мы станем развитее. А отстаивание ничего не объясняющих вариантов не имеет будущего. Тем более, что развитие медицины позволяет надеяться, что когда-нибудь материализм станут лечить в детстве.

Теперь мы можем ответить ребенку на вопрос, почему небо синее. Мы честно ему скажем: таким его создал Бог. "А кто это, - Бог?" - спросит ребенок. И мы скажем: это Тот, Который все создал. И это будет единственно правильным ответом, который все объяснит и развернет перед ребенком правильную перспективу для познания мира. И вот тогда ребенок спросит, - "А зачем"? И это опять будет правильный вопрос. И на него надо тоже дать правильный ответ, ибо если мы не поймем "зачем", то неважно, - знаем ли мы "почему"?

И, действительно, - зачем? И было ли, в свою очередь, это "зачем"? Если оно было, то акт Творения был творческим актом, и тогда у Него была цель. А может быть "зачем" не было, и материя создана просто так, без цели и без замысла, существуя после Сотворения в самообразующихся и саморазвивающихся формах, случайных и осмысленно не направленных? Было ли Сотворение случайным, (например, под действием каприза или небрежности Личности), или оно было тщательно продуманным и детально выверенным действием? Как можно объяснить намерения Необъяснимого? Учитывая несоизмеримость нашего интеллекта и интеллекта Творца Всего, можем ли мы понять Его Цель и Его Замысел?

Представляется, что можем. Сын Его, Спасительный Посланник, учил нас универсальному методу познания всего, - "по плодам". То есть по произведенному действию. По результату. Вот мы и пойдем дальше этим путем.

#### Случайность или творческий акт?

Чтобы понять случайно или неслучайно существует наша реальная действительность в той форме, в которой она существует, следует, прежде всего, определить саму возможность или невозможность данной случайности. Это, кстати, не так уж и очевидно, что случайное возможно вообще как таковое. Любая случайность, как это ни парадоксально, не может существовать сама по себе и в итоге всегда неслучайна. Потому что проявление любого случая зависит от определенных сложившихся условий, которые его породили. Если есть определенные условия в качестве исходной предпосылки, то о какой случайности может идти речь в таком случае? Здесь все не случайно и все предопределено этими условиями. Если бы условия были другими, то и сам случай был бы другим. Если мы говорим о случае, как о *предсказуемом или непредсказуемом* явлении то и породивший его набор условий также должен быть предсказуемым или непредсказуемым. Если набор предсказуем - значит это не случайно, а если непредсказуем - то

случайно. Так мы понимаем случайность или "неслучайность". Легко заметить, что здесь к *физическим* характеристикам случившегося мы прилагаем психическую оценку происшедшего и награждаем вслед за этим уже сам осуществленный физический факт категориальным разрядом - случайный или закономерный. Любое физическое событие, таким образом, случайно или не случайно только относительно *нашего его ожидания или не ожидания, то есть - от нашего понимания или непонимания*. На самом же деле никакой физический факт не может быть случайным *по своей собственной природе*, потому что в его пределах очень строго действуют различные физические законы.

Все это понятно, и нас интересует совершенно другое - насколько возможно *именно случайное сложение* физических законов и обстоятельств, создающих наш мир? Ведь, если невозможно по своей глубокой сути никакое случайное физическое действие, то ведь также невозможно и еще очень и очень многое в этом физическом мире, даже не случайное, а вполне и совершенно намеренное. Ведь весь прогресс человеческой цивилизации - это и есть непрерывная борьба с физическими ограничениями этих законов, сплошная натужная попытка хоть как-то выгоднее пристроиться под их действие. Следовательно, у физического мира есть какие-то пределы возможного, заложенные в нем самом же. Это говорит нам о том, что он даже *по своей структуре* далеко не случаен. Может ли он быть в силу этой определенно неслучайной структуры вообще быть случаем? Или эта "далеко не случайность" - всего лишь последствие его случайной самоорганизации? Здесь бы разобраться очень хотелось. Это решит все. Для этого нам и нужно определить - насколько вероятно вообще само случайное сочетание случайных условий и обстоятельств для проявления данного случая - Мира, в котором мы живем. Если это все же вероятно, то, как мы это определим? А так и определим - или же скажем, что возможны варианты, или же скажем, что данная случайность вполне вероятна и ничего невозможного для нее нет по таким-то и таким-то *органическим* для физики данного процесса свойствам, лежащим в пределах физических свойств самих же участников случайной самоорганизации. В таком случае наш насущный вопрос "зачем" отпадет сам собой, поскольку никакой гарантии того, что наш мир не является всего лишь результатом интересной потенциально многовариантно-многосерийной шутки Создателя или просто итогом какого-то самопроизвольного самоупорядочения материи, у нас нет. В таком случае нет никакого "зачем". В лучшем случае останется лишь "потому что".

А если Мир, в котором мы живем, - результат творческого акта Бога, то мы должны просмотреть этот факт в самой природе вещей, образованных данным актом. Ведь, по закону любого творчества, каждый автор в своем творчестве опредмечивает себя, то есть, выражает состояние своей души и некую свою идею в предметных объектах - картинах, скульптурах, движущихся картинках, схемах лицедейства, композиции цветника, форме конька крыши, и даже в фотографии. Следовательно, если Сотворение вселенной было творческим актом, то вся вселенная должна нести в себе черты Автора, Его Замысел и Его Идею.

А для любого автора есть только один способ выразить свою идею в творческом акте - подчинить всю композицию творения этой самой идее. Все должно работать на нее, на эту идею, не должно быть ни одной части композиции, несущей автономное, самозаконное содержание,

иначе композиция рухнет, и идея не выражается. Если Сотворение было целенаправленным творчеством, то весь срезультированный этим творчеством порядок вещей должен подчиняться какой-то идее. Если мы определим эту главную идею физического мира и обоснуем это целесообразностью его композиции, то мы сможем твердо говорить о Творческом Замысле Бога в сотворении вселенной. А если нет, то это может сделать кто-то другой. Главное, что это в принципе возможно - определить на какую главную идею работает композиция физического мира. Если, конечно, все собралось в кучу не случайно, а было сконструировано.

Разделив, таким образом, путь решения проблемы на две составные части - на определение вероятности случая с одной стороны и на поиск замысла композиции с другой, мы не сможем рассматривать эти части по отдельности, поскольку, рассматривая вероятность случая, мы примеряем ее именно к данной композиции, смысл которой мы можем осознать только через основательно детальное ее изучение. Но мы не можем и объединить эти два варианта в одну исследуемую группу, поскольку они взаимоисключают друг друга - замысел не может реализовываться случайными механизмами, а случайность, по сути, это и есть само отсутствие замысла. Поэтому придется выбрать нечто среднее, и начать рассуждения несколько отвлеченным путем.

Прежде всего, как представляется, следует задать самим себе вопрос, - а почему вообще существует конкретно то, что существует вокруг нас, а не существует просто вселенский беспорядок случайных материальных композиций в виде хаоса взаимодействий, больше похожих на бессмысленные столкновения объектов и явлений, чем на законченный и совершенный вид вселенной? Почему все вокруг именно в этом виде? Почему все вокруг сложилось именно во что-то, что можно стабильно и неоднократно увидеть, потрогать, почувствовать, просчитать закономерно наперед, статистически спрогнозировать и научно предвидеть перспективы изменения и развития? Почему во всем можно увидеть закономерность и постоянство проявлений? Почему не существует просто хаоса атомов? Так ли уж это естественно, что атомы сложены в вещества, молекулы собраны в объекты, а стихийные силы, - в направленные явления? Мы привыкли, что ЭТО ТАК. Но разве сложность этих очень строго упорядоченных состояний естественнее состояния их свободного хаоса? Само движение молекул внутри тела беспорядочно и хаотично. Что заставляет при этом отдельные объекты (молекулы) с таким диким нравом объединяться в строго упорядоченный материальный объект? Почему вообще существуют объекты? Разве не понятнее должно было быть нам, если бы все молекулы просто носились в пространстве, сталкиваясь и отталкиваясь, и, не выполняя никакой формообразующей работы? Естественно, что предположить именно такой вариант мира гораздо проще, чем его нынешний вид, весь расставленный по полочкам в каждой своей части. Неужели весь этот набор с неумолимой закономерностью *неизменности вариантов* действующих взаимоотношений образовался сам собой? Неужели молекулы сварливо досталкивались между собой до такой степени, что случайно образовали своими случайными связями и союзами камень, дерево, солнце, планеты, расположили их по орбитам, образовали атмосферу Земли, создали человека, зверя, птицу и т.д.? Неужели все участники материальных взаимодействий просто подписали некое тайное от нас соглашение, согласно которому они подчиняются одним и тем же законам

физического мира в неизменном и непреложном виде? Хотя, если предположить наличие такого пакта между частицами и макрообъектами природы, то и тогда не приходится говорить ни о какой случайности, ибо содержание такого взаимного договора обязанностей как раз и было бы направлено на то, чтобы больше не было случайностей, а все происходило бы по букве взаимоустраивающего всех закона. Какова вероятность всего этого? И того, что мир принял нынешний вид случайно и того, соответственно, что все это было не случайно?

Такая вероятность просчитана. Математики проявили любопытство, дай им Бог здоровья. И к чему они пришли? А пришли они к тому, что вероятность случайности для образования нашей вселенной и условий нашей жизни в ней составляет по их расчетам  $10^{-130}$ . Много это или мало для вероятности случая? Для вероятности не только случая, но и вообще для вероятности любого рода вероятности это очень мало, просто невероятно мало для вероятного появления самого невероятного шанса для любой самой невероятной вероятности. Такая степень вероятности *в несколько порядков (!!!)* превышает тот порог, за которым математическая вероятность какого-либо предполагаемого события отбрасывается, как совершенно невозможная. Если при теоретическом моделировании какого-либо физического процесса просчитывается прогноз какого-либо события со степенью возможной его реализации  $10^{-50}$ , то данное событие с чистой совестью экспериментаторами не рассматривается, как реально неосуществимое. То есть, можно сказать, что вероятность  $10^{-130}$  - это "вероятность, равная 0". Это будет правильнее.

Если же кто не может себе эмоционально представить эту минус сто тридцатую степень за сухим набором цифр, то пусть вообразит, что ему нужно послать овальный мяч, наполовину заполненный водой, с дистанции в десять тысяч двести пятьдесят метров, орудуя при этом только одной деревянной протезной ногой (другой у него вообще нет), на кончик вертикально стоящего двадцати семиметрового рыболовного удилица при силе ветра 100 метров в секунду, да так, чтобы мяч на удочке забалансировал и не свалился на землю никогда. Вероятность успеха ваших попыток будет неисчислимо во много раз большей, чем  $1:10^{130}$ . И вот с такой вероятностью можно предполагать, что все в окружающем нас мире приняло существующий вид случайно и без участия какого-либо разума? Нельзя. Это - научный вывод.

Причем этот научный факт зачастую может и не поражать воображения, если его неправильно оценивать и понимать. А неправильно оценивается и понимается он в силу того обстоятельства, что среднестатистический человек не знает, что тот вид, который имеет наша вселенная - *единственно возможный вид, который предполагает стабильное состояние материи в упорядоченном состоянии, а не в состоянии хаоса!!!* Обычный человек, не посвященный в научные тайны строения физического мира, обыденно и спокойно относится к известной давно уже степени вероятности  $10^{-130}$ , поскольку руководствуется в своем спокойствии приблизительно следующими рассуждениями не логического, а скорее эмоционального характера: "Ну и что с того, что Мир в нынешнем виде не мог возникнуть случайно? Ведь он мог сложиться в какой-либо другой вид! Понятно, что случайность такой картины мира невероятна. Но в какую-то другую картину он, в конце концов, должен же был сложиться, раз он существует! Понятно и то, что любой другой вариант мира также имеет столь малую вероятность случайного возникновения,

как и нынешний. Но раз уж из обоймы случайных моделей мира случайно выпала именно эта, то, что тут невероятного?"

А невероятное для случая здесь то, что никакой обоймы случайных моделей для реализации упорядоченной вселенной просто нет. Возможен только один данный вариант. Наш мир - единственно возможный, который предполагает не хаос, а закономерный порядок. Никакого другого случая, по результатам которого могло бы возникнуть что-либо упорядоченное или еще какой-либо стабильный вариант мироздания, просто не могло бы произойти. Те физические законы и условия, которые содержат материю во вселенной в знакомом нам организованном состоянии - *находятся в предельных состояниях своих характеристик!* Именно те диапазоны характеристик, в которых находятся физические константы (непреложные по повторяемости законы физического мира и их постоянные соотношения между собой) позволяют создавать собой весь строго упорядоченный физический мир, а не просто беспорядок материи и ее взаимодействий. Чуть-чуть ниже этих диапазонов или чуть-чуть выше, и будет не нынешняя гармоничная вселенная, а полный кавардак и чехарда атомов и взаимоотношений. Причем сами эти диапазоны настолько мизерны, что когда ученым открылась истинная картина физического строения мира, то она приобрела вид некоего ставосьмидесятывосьмиарусного карточного домика, сложенного из физических законов, каждый из которых подпирает друг друга и занимает в системе конструкции строго определенную, предельно минимальную по созидательной способности позицию. Как разрушится весь карточный домик, убери из него хоть одну карту, так и весь порядок мироздания рухнет, если убрать из него или слегка видоизменить хоть одну физическую характеристику или хоть одно физическое свойство.

Но это только одна сторона картины. Вторая же особенность этих обстоятельств состоит в том, что данные предельные характеристики не имеют для себя источников в свойствах материи. Наоборот - эти свойства существуют в виде законов, которые... приходят ниоткуда! Ни один из параметров физических условий не порождается теми физическими объектами, которые этим условиям охотно подчиняются. Если мы просто почитаем научные определения таких физических свойств, как энергия, сила, масса, гравитация, движение и т.д., то увидим, что это всегда какие-то "способности", "косвенно проявленные характеристики", "константные тенденции", "произведенные действия", динамические и прочие "состояния" этих самых объектов и прочее. Все свойства материальных объектов - это то, чем они *наделяются* со стороны всяких полей, сил и прочих прямо-таки психоидных по настойчивости и неведомых по источнику проявлений внешнего воздействия. То есть, сами физические объекты, от атомов и до всего остального, ничего в себе способного к взаимодействию не несут без этих спускающихся сверху обстоятельств их существования. Физический порядок - их достояние, но не их заслуга.

Именно это имеется в виду, когда говорится, что наш мир случайно не мог быть созданным. Как карточный домик не может сложиться из разметанной под действием внезапного сквозняка колоды, так и этот мир не мог возникнуть без тщательнейшего и точнейшего расчета, разумного плана и объединяющей идеи, ибо все в материи безвольно по своей внутренней природе, как лежащие на столе карты. В этом и состоит значимость математического вывода о том, что путем случайного набора физических явлений мир сложиться не мог. Нужен был не

только план и выверенный расчет, нужно было еще и высокое умение, которое позволило сформировать базовые данные такой тонко выверенной конструкции, а затем исполнить ее на практике. То есть уже просто сам факт существования нашего мира говорит сам по себе о том, что он - результат творческого акта. То, что нам и надо было доказать.

Причем все эти выводы приложимы не только к большим физическим явлениям, формирующим общую картину мира, но приложимы и к его самым малым и самым отдельным частям. В последнее время все большее количество физиков, химиков и биологов, достигших в своем понимании какого-то углубленного освоения именно мельчайших деталей природы, становятся истинно верующими людьми, потому что перед ними раскрывается именно эта непостижимая, но явная примета наличия разума в комбинации тех исходных кирпичиков, из которых состоит вселенная. Карл Линней в конце своей жизни растерянно сказал о том, что занимаясь долгие годы классификацией видимого растительного мира, он в итоге совершенно неожиданно, но абсолютно четко, увидел за всем этим невидимое, то есть Бога. "Соприкоснулся с Богом" - так дословно звучал вывод Линнея. Исаак Ньютон на последних годах своей жизни бросил все и полностью отдался изучению текстов Библии, которая в то время еще считалась зашифрованной книгой. Он тоже почувал Бога весьма явственно в той картине мира, которую сам же и преподнес людям своими открытиями. Академик Павлов стал истинно православным верующим, открыто посещающим церковь и отправляющим там обряды при живом Сталине, а лютеранин академик Раушенбах (корни немецкие, потому и лютеранин), который был автором всех математических расчетов советской практической космонавтики, в конце жизни математически обосновал... Троицу, перешел в православие и написал книгу об иконах при живых кураторах КГБ! Но по большинству своему нынешние ученые, все же, воспринимают науку, как нечто, долженствующее опровергать Бога, и поэтому религиозными или идеалистически настроенными при понимании действительности становятся лишь лучшие из них, такие как Макс Борн, Поль Дирак, Нильс Бор, Макс Планк, Де Бройль, упоминаемый уже нами, Вернер Гейзенберг, и прочие физики-элементарщики. Это также должно нам говорить о том, что сама наука, раскрывая тайны мира, подводит нас к главной его Тайне - к Создателю. Совершенствуя научные знания, мы не отдаляемся от Бога, а все больше сталкиваемся с Ним, совершенно не предполагая этого часто в качестве результатов своих трудов.

Например, моделируя различные возможности работы тех или иных конструкций из различных материалов, ученые к XX веку накопили огромный опыт расчета таких конструкций и освоили весьма эффективный метод их построений. Он состоит в составлении графических характеристик отношения упругости материала к его же жесткости. Упругость материала определяет его способности к растяжению и сжатию, а жесткость выражает те пределы, при которых данный материал не разрушится при этих растяжениях и сжатиях. Упругость выражается законом Гука, а жесткость модулем Юнга. При помощи нужной комбинации двух этих показателей и производятся те самые расчеты, благодаря которым корабли не разваливаются пополам, у самолетов не отлетают на виражах крылья, дома не заваливаются набок при ураганах, мосты не проседают, рычаги не гнутся, котлы не взрываются, поршни не ломаются и т.д. Диапазоны таких соотношений огромны, и можно в неисчислимых вариантах то повышать

жесткость в ущерб упругости, то наоборот увеличивать упругость, жертвуя при этом жесткостью. Для каждого конкретного технического случая подбирается большое количество вариантов, которые апробируются в лабораториях, ну а далее выбирается наиболее подходящее из этого множества соотношений. Однажды ученые задались целью посмотреть - а как выглядит в природе кривая отношения упругости и жесткости у живых тел? Насколько оптимально устроены живые ткани? Когда они вывели эту кривую на графике, то раздались насмешки, резон которых сводился к тому, что природа, конечно же, не имеет высшего инженерного образования, и поэтому ее достижения в этой области выглядят весьма бледно. Начались теоретические расчеты по оказанию помощи природе-недоучке, потому что сам материал, из которого сложены тела животных и людей, мог бы иметь совершенно разные характеристики соотношения упругости и жесткости, в зависимости от того, в каких пропорциях молекулы различных веществ образуют своими соединениями живые ткани. Ожидалось, что если бы природа имела диплом о высшем образовании, да еще и с пятеркой по сопромату, то возможности наших тел, вместе с их прочностью, могли бы быть гораздо более интересными для нас, примени она эти знания в свое время. И что же? Выяснилось, что соотношение жесткости и упругости наших тканей ... *единственно возможное*, которое позволяет нашим телам существовать, не разваливаясь и не теряя свою форму! Если бы было хоть чуть-чуть другое соотношение хоть в одну, хоть в другую сторону, то, например, систематическое завязывание шнурков на ботинках так растянуло бы нам руки, что к шестнадцати годам они просто непотребно волочились бы по земле. Или, наоборот, при другом соотношении, - любое резкое движение при завязывании узла на тех же ботинках могло бы привести со временем к тому, что шнурки не завязались бы, а руки оторвались, что не так уж и страшно, может быть, по сравнению с тем, что в этих ботинках мы не смогли бы прыгать через лужи - приземление так отдавалось бы в тазу, что на десятом прыжке нас можно было бы собирать совком и веником. Существует единственный вариант физической возможности существования живых существ без болтовых и клепочных соединений, и Кто-то этот вариант рассчитал и использовал, поскольку в самой природе для тех веществ, которые образуют биологические ткани, заложены бесчисленные возможности бесчисленных сочетаний между собой, из которых почему то они избрали именно то сочетание, которое позволяет нам держать книгу в руке, не опасаясь, что под ее тяжестью предплечье начнет прогибаться, или наоборот, что это предплечье при своем разгибе выбьет кость из локтевого сустава на сотый или двухсотый раз. И так от человека и до моллюска и насекомых, у всех *двух миллионов видов существующих животных*, у каждого свое единственно оптимальное по роду деятельности и по структуре тканей соотношение! Ни одной ошибки!

Что еще нужно знать, помимо того, что мы изложили ранее в нескольких абзацах, чтобы с чистой совестью исключить любую случайность в формировании существующего порядка вещей и признать, что этот порядок является продуктом Разума? Если иметь добрую волю, то - ничего, и тему можно закрывать.

Однако совесть наша при самой доброй воле будет не совсем чиста, поскольку мы можем такую невероятную вероятность с полным правом не принимать, но не можем же мы ее полностью отрицать, - ведь как ни мал шанс, а он все же существует. Опять же не в порядке

полемики с кем-то, а лишь для того, чтобы успокоить свою совесть, подкрепим полную математическую невероятность случайности дополнительными логическими рассуждениями. Проявим щепетильность. Здесь опять тот, кто не любит чистых рассуждений без фактической научной базы, может несколько абзацев пропустить. Этот пробел в рассуждениях никак не снизит нашей аргументации научно просчитанного вывода о Сотворении мира.

А при первом же нематематическом рассмотрении вопроса, приходится сразу сказать, что и без того безнадежное состояние случайности становится совершенно катастрофическим, если принять во внимание то, что объекты и явления реального мира находятся не просто обособленно сами по себе, а вступают между собой в повсеместное взаимодействие, и образуют при этом работающие *неизменным* образом системы. Такое повальное взаимодействие объектов и явлений предполагает наличие в них способности откликаться на действия других объектов и явлений именно *определенным* образом, а никак не случайным. Но может ли случайность создать случайно неисчислимо случайное количество случайных объектов, случайно способных поголовно взаимодействовать между собой *только неслучайным* образом? Если связать из бетонных столбов плот, то он не будет держаться на воде, поскольку каждая его составная часть будет стремиться ко дну. Каждая отдельная характеристика каждого бетонного столба образует общую характеристику всего изделия, которое неумолимо утонет, как выразившее полностью в своем целом главную особенность каждого своего частного. Если окружающий нас мир в целом, во всех своих отдельных частях, взаимодействует научно прогнозируемо, то есть *закономерным*, неслучайным образом, то каждая часть этого целого должна подчиняться каким-то общим условиям и законам, сводящим эти части в свою очередь в состав всего целого. А эти общие для целого условия и законы не могут носить случайного характера, поскольку это именно их закономерные действия делают взаимодействия частей внутри целого неслучайными. У восточных людей такие логические доказательства сопровождаются рисунком змеи, кусающей себя зачем-то за хвост. Мы подпишем в нашем случае данную картинку следующим образом: "Наша жизнь, как вселенское явление, состоящее сплошь из абсолютно неслучайных компонентов, неслучайна по своему главному смыслу в силу того, что это именно она обеспечивает собой неслучайность своих компонентов". Все восточное сейчас модно. Пусть остается, как получилось. А змея у нас как будто зеленая, на темно-фиолетовом фоне. И такая как бы чешуйчатая ... Еще одно соображение - если положить в кучу случайный набор транзисторов, диодов, конденсаторов, тиристоров, резисторов, кусков пластмассы, мотков провода, олова, канифоли, и т.д., то, есть ли вероятность того, что из всего этого со временем случайно самообразуется радио? Такой вероятности нет. Для этого нужна идея (замысел) и воля к исполнению. И то, при всем при этом, из такого случайного набора деталей после создания радиоприемника обязательно останется много такого, что придется просто выбросить за ненадобностью. Это - отходы. А ведь во всей вселенной нет ничего лишнего, не вступающего во взаимодействие! Ничего вокруг не болтается вокруг в виде мусора или балласта *в качестве возможных первооснов вещества*, (мы же не имеем в виду всякие там астероиды, метеориты и прочее, не входящее в процессы различных круговоротов видоизменения веществ - это продукты деятельности, а не процесса организации). Что же это за случайность такая гениальная, которая



без цели и без замысла смогла создать только то, что необходимо, и нигде не ошиблась в расчетах, которые обеспечили безотходность? Такой случайности не бывает. Даже неслучайный разумный труд предполагает по своим результатам определенные отбросы, которые не могут взаимодействовать с созданным из них же, по сути, объектом. Следовательно, вселенная могла быть создана не только не простым разумом, который грешит наличием лишних компонентов, не входящих в систему результатов своего труда, а Сверхразумом, который не создает ничего лишнего и невзаимодействующего. Такой разум можно приписать только Богу. Никакая гениальная случайность не способна предусмотреть всеобщую зацепку всех вещей мира друг за друга, где не только все необходимо для окружающего, но и само не может существовать без любого из множества участников взаимодействия.

И что это за гениальная такая случайность, которая смогла создать все вокруг не только без единой лишней детали, но и не упустила ни одной из тех возможностей, что представил ей первичный материал? Такое вполне разумное и целеустремленное явление, как человек, до сих пор не может неслучайно и вполне обдуманно создать ничего нового, чего не было бы уже создано случаем. Как же такое возможно, если до человека все вообще создавалось бездумно и случайно? А ведь исходный материал у человека тот же, что был бы и у случая. Та же самая материя и ее законы! Человек-изобретатель находится со случаем в равных условиях, но проигрывает ему везде и во всем. Разве может случайный процесс быть эффективнее разумно-созидательного? Конечно же, - не может. Однако мы повсюду наблюдаем позорный проигрыш человека в этом соревновании. Птицы летают лучше, дальше, безопаснее и естественнее для себя, чем наши самолеты. Наши неслучайные подводные лодки просто стыдно сравнивать со случайно созданными рыбами. Гребные винты наших кораблей не идут ни в какое сравнение с аналогичными устройствами бактерий, которые не только молниеносно и абсолютно свободно меняют направление движения, но и меняют направление вращения самого винта где-то у себя в заднице, или как там это у них называется.... Бумага ос до сих пор превышает по своему качеству любую бумагу, вышедшую из наших производственных комбинатов. Если нитью из паутины обернуть экватор Земли, то она будет весить всего лишь 300 грамм, а по прочности будет превосходить такую же стальную, созданную разумным человеком, в два раза! Стрекоза способна висеть в воздухе, передвигаться вбок, уходить назад, и все это на высокой скорости. При всем при этом неужели это у *случайной* стрекозы подъемная сила в три раза выше, чем у самого продуманного самолета, летающего так, как бревно плавает в речке? Наша навигация может только мечтать о навигационных возможностях перелетных птиц, наша радиолокация - лишь жалкая потуга повторить совершенную радиолокацию летучих мышей, наши термоизмерительные приборы не могут зафиксировать и одной сотой тех температурных изменений, которые легко и не вплотную, а на расстоянии сотни метров, определяет комар. Наша синоптика бессильна с вероятностью предсказать простой дождь, о котором далеко наперед знают животные и растения, наша геофизика изучает уже происшедшие землетрясения, от которых заранее массово уходят случайно созданные животные, наши кондиционеры не идут ни в какое сравнение с системой кондиционирования воздуха термитов и т.д. и т.п., продолжать можно бесконечно. Могла ли простая случайность создавать нечто такое гениальное по

исполнению и уровню совершенства, что даже механизм простого повторения которого был бы недоступен до сих пор организованному разуму? Случайным образом даже за целый год птицы не смогут загадить капот автомобиля равномерным и совершенным слоем. В этом соревновании человек был бы явно искуснее и успешнее, как и в любом другом, даже более изощренном соперничестве, если природу заставить действовать случайно. Мы бы никогда не проиграли ни в чем созидательном слепому случаю. Откуда этот великий и наглядный проигрыш? Очевидно, что мы здесь проигрываем более совершенному Интеллекту.

Кроме того, во вселенной действуют не просто механические взаимодействия, а повсеместно действуют законы самих этих взаимодействий: закон всемирного тяготения, закон сохранения энергии, законы Ньютона, Архимеда, Мариотта, Гука Авогадро, Гей-Люссака и других умных людей, названные их именами не потому, что они их придумали, а потому, что они их первыми *зафиксировали*. Если все эти зафиксированные законы были созданы случаем, то мы должны признать случай законодателем, основным универсальным законом существования Мира. В таком случае это закон, порождающий собой все остальные действующие законы. Как может такой законодатель издавать абсолютно противоположные самому себе законы? Это невозможно.

Кроме того, основные характеристики любого физического закона - это обязательность, повсеместность и постоянство действия. Если предположить, все же, что случай - это закон формирования физических законов, то его обязательность и повсеместность на поверхностный взгляд, вроде, присутствуют, но где же при этом постоянство его действия? Почему не продолжают создаваться новые законы, новые объекты, новые вещества, новые физические явления? Почему при наличии господствующего закона случайного образования всего, ничего нового не образуется? Все вокруг находится в законченном и в совершенном виде. Почему? Даже спектральный анализ самых далеких звезд показал - все та же таблица Менделеева. Все новое, что мы узнаем о мире - это не что-то, что появилось под действием случайных обстоятельств сегодня, а то, что уже было миллионы лет, но еще не было замечено, исследовано или описано. Почему когда-то так блестяще действовавший закон случайного формирования всего сейчас потерял свою силу? Во что он уперся и что не может превозмочь ради своего дальнейшего действия? Похоже, что уперся не какой-то там закон случайности, а просто все уже пришло в свой задуманный вид, запланированный определенной идеей, и далее не происходит никаких новообразований, потому что если поначалу все процессы были подчинены этой идее, то с ее реализацией внутренняя сила развития процессов трансформировалась в силу поддержания стабильности спланированного результата. То есть, все было планомерно, а не случайно. Потому и не работает сегодня закон случайности. Он просто никогда и не работал.

Но мы к этому еще вернемся, а здесь нам важно даже не это "потому", а то, что непостоянно действующий закон - это уже не закон, потому что непостоянство действия по цепочке тянет за собой и необязательность действия, а за ней и неповсеместность действия. Тут логика проста и настолько очевидна, что нет необходимости тратить время на раскрытие этой цепочки. Следовательно, случай не мог быть законодателем, и не он создал законы этого Мира. Он мог бы создать лишь беспорядочные и хаотичные, временно появляющиеся и постоянно

изменяющиеся объекты, процессы и явления, ни одно из которых не могло бы отразиться в виде научно описанного, многократно повторяющегося неизменного действия, то есть закона.

И последнее соображение - если все создалось случайно, то почему все также случайно не разрушилось? Мы уже ответили на этот вопрос, - сила материализации замысла перешла в силу поддержания стабильности сформированных этим замыслом форм после осуществления самого замысла. Но, тогда, - в чем источник этой силы? Мы ведь знаем, что все вокруг нас удерживается разнообразными силами. Откуда они?

Может быть, внутри самих объектов существует сила, способная устремлять их к упорядочиванию и соединению в то, что они есть, то есть в нечто цельное и гармоничное? Может быть, это самосущное свойство материальных объектов - самоформироваться из подручного материала? Но наличие такой силы, несомненно, (если ее предположить), должно было бы постоянно проявляться. Если она есть в объектах, как основная, формирующая их, то мы не сможем ее не заметить, не так ли? Проявляется ли она? Если разодрать кусок дерева по волокнам на части, то, будут ли эти части неудержимо стремиться воссоединиться и вновь воссоздать свою форму? Если растворить кусок недробленой соли в воде, то будет ли она восстанавливать свой первоначальный вид? Если расщепить атом, то будет ли он снова затрачивать огромную энергию на свое воссоздание? Если огромный астероид врежется в Землю и сдвинет ее с орбиты, то будет ли Земля, отмятукавшись, делать все, чтобы вернуться назад? Ничего подобного никогда не будет происходить. Так, где же эта сила? Нет этой силы в материи сегодня нигде. Значит и не она эту природу создавала когда-то.

Можно, конечно сказать, что эти изменения целостности не актуальны для объектов с точки зрения их формы существования, поэтому они и не проявляют ныне эту силу, которая их когда-то сформировала. Но актуальность относительно существования можно применять только по отношению к живым объектам, которые видят границу между тем, что опасно, а что и не очень при нарушении целостности своих тканей. Неодушевленные же объекты не могут оценивать экстремальности своего разрушения. Даже частичные проявления этого разрушения должны были бы приводить в действие эту предполагаемую силу самоформирования, если бы она была. Она должна работать слепо и машинально. Ведь, если она образовала сама объект в данную форму, значит, эта форма отразила определенный конец возможностей применения этой силы. В этом случае мы должны связывать завершение ее потенции именно с данной формой материального объекта. А если форма нарушена, следовательно, снова появляется поле для применения этой потенции, как и было когда-то, и сила должна действовать до того же самого аналогичного конца своих возможностей вновь, то есть, создавать прежнюю форму, или какую другую, но обязательно формировать что-то из распавшегося вдруг материала, как она это *должна* была когда-то делать. Если представить себе такую силу в виде некоего потока сточной воды в некоей трубе, то, рано или поздно, из мусора, содержащегося в потоке, сила-вода создаст некий объект, который заткнет собой выходное отверстие. В этом случае сила формирования объекта затора остается в виде потока воды, но создавать она больше ничего не может, поскольку образовался затор. Теперь эта сила поддерживает своим напором созданную форму запруды из мусора. Если отгрести мусор от отверстия, то сила потока воды получит новую

потенцию к формированию аналогичных форм заград и мгновенно начнет создавать новый объект затора. Как только появляется возможность для проявления силы, - она проявляется. Потому что она есть! Это физический закон. В материальных же объектах, при их разрушении, мы такой силы не наблюдаем. Потому что ее нет! Следовательно, не эта предполагаемая, но не существующая, стихийная, случайно работающая, сила привела эти объекты в их форму.

Можно, правда, отбросить понятие угрозы существованию, как неприменимое к неодушевленным предметам, и пытаться обосновывать отсутствие проявления этой силы просто неким, условно говоря, физически обусловленным равнодушием объектов к изменению своих форм, пусть даже эти изменения и приводят к нарушению их целостности или к их разложению на составные части. Но тогда, в этом случае, можно и нужно говорить об абсолютной пассивности объектов к своему состоянию, что выражается в абсолютном отсутствии сил и процессов, обеспечивающих какую-либо стабильность этого состояния. А если говорить об абсолютном отсутствии сил и процессов, обеспечивающих *стабильность* состояния, то, что можно говорить о силах и процессах, *формирующих* данные состояния! Их просто не может быть! Мы уже видели, что сила, создающая что-то, должна вновь начать действовать, когда разрушается это "что-то", ибо вновь возникают условия для ее действия. То есть сила должна находиться в естественном состоянии готовности проявиться с наступлением возможности, не может же сила исчезнуть на время в никуда, а затем появиться ниоткуда. Она должна принять какой-то вид. И что это может быть за вид, если не состояние поддержания стабильности? Куда можно уйти из объекта, который ты сама же и создала? Ну и где же эти силы? - не устанем мы повторять. Их нет. Если же нет сил, обеспечивающих стабильность в самом естестве материальных объектов, то нет никаких оснований говорить и о формирующих силах в том же естестве, ибо это одни и те же силы, в одном случае запущенные, а в другом случае исчерпавшая возможности своего применения, но сохраняющая боевую готовность к мгновенному новому действию при малейшей возможности.

Следовательно, если сила, поддерживающая стабильность порядка вещей, находится не внутри материальных объектов и явлений, то ей просто неоткуда больше придти, как только извне материальной вселенной. А Кто у нас вне материальной вселенной? Да, это Его силой все держится, а раз этой силой все держится, то этой силой все и создавалось, а раз этой силой все создавалось для реализации конечных, стабильных форм, значит эта сила - инструмент осуществления Идеи, и, следовательно, через эту силу в мире царит Его Идея. Именно Божий Замысел своей силой удерживает весь этот карточный домик в определенном и разумном порядке. В физическом опыте мы наблюдаем, как хаотично разбросанные металлические опилки под действием невидимой нам силы мгновенно меняют свою беспорядочность на строгий рисунок. Так и Сила Бога, Его Идея, присутствуя в материальной вселенной, мгновенно создала из хаоса строгий порядок. Если убрать Эту Силу, то все рухнет. Так что же все-таки первично, в таком случае, - материя, представляющая собой по своей сущности просто хаотический первичный материал, или же Разум, создающий из просто физического понятия "материя", как случайного набора объектов определенных физических характеристик, понятие "материальный Мир", как целокупный, неразрывно соединенный просчитываемыми взаимодействиями организм? Ответ, думается, нам ясен.

Итак, мы убедились и математически и логически, что в мире присутствует Идея Творца. Нам осталось только рассмотреть композицию Его творения, чтобы понять - какой идее она подчинена?

При внимательном рассмотрении этой проблемы все больше приходится склоняться к тому, что вся конструкция мира подчинена только одному - обеспечению существования Жизни. Почему - посмотрим в следующей главе.

### Жизнь

Здесь нам, прежде всего, надо строго определиться, что для нас, как для исследовательского коллектива, жизнь будет существовать только на Земле. Мы не отбрасываем вероятности того, что где-то во вселенной есть еще какая-нибудь жизнь, похожая или непохожая на нас, мы также не утверждаем, что кроме нашей Жизни никакой другой жизни нет, мы просто рассматриваем этот вопрос только относительно себя. Этот подход можно назвать утилитарным, но он, похоже, будет для нас единственно верным, поскольку легче дознаться до чего-нибудь, рассматривая существующую и действующую у нас под рукой конструкцию, чем вникать в сущность всех остальных, только предполагаемых.

Кроме того, если рассматривать существующий порядок физического мира как обеспечивающий жизнь, то следует признать этот порядок в качестве космического, ибо он для нас, как мы договорились, хотя и ограничен пока только космическими условиями Земли, но, все же выходит за рамки земных условий как минимум в пределы Солнечной системы.

Ну и, конечно, исходить мы будем в наших рассуждениях уже из принятого нами условия, что все вокруг не набросано случайно, а специально сконструировано. Не зря же мы, все-таки, столько потратили сил, чтобы это выяснить, и не забавы ради, наверное, мы это выяснили, а для того, чтобы это стало нашей методологической базой, то есть, тем ракурсом, в котором мы теперь будем смотреть на нашу жизнь и на нас самих. Мы будем исходить из того, что сотворенность мира для нас уже доказана как с помощью естественных наук, так и с помощью совершенно неестественной науки математики, а также логически. Кто не согласен - дальше может не читать, и поэтому пусть никого из оставшихся не коробит то, что мы теперь будем всегда прямо выводить все наши мысли из того положения, что все вокруг - воплощение Его Замысла, и нам надо Его замысел для себя уяснить. Это - методологическая основа. А методы у нас будут прежними, - смотрим на мир и задаем себе вопросы, на которые отвечаем, не фантазируя, а используя только признаваемые всеми факты, или, кое-кем не признаваемые, но неоспоримые.

Раз уж мы тонко намекнули на некую космическую ситуацию, то с нее и начнем. С нашей космической ситуации. С той, которую мы можем обозреть. Итак, - Солнце. Это огромный ядерный реактор, являющийся источником тепла и света. Если исходить из того, что Земля не случайно, а специально расположена от Солнца на расстоянии около 150 000 000 км, то зачем Создатель поместил Землю именно сюда? А затем, получается у нас, что именно на этом расстоянии осуществляется идеальное снабжение Земли энергией, обеспечивающей жизнь. Если бы Земля находилась чуть-чуть ближе к Солнцу, то она представляла бы из себя раскаленную сковородку, а если бы находилась чуть-чуть дальше, то была бы покрыта панцирем льда. Относительно жизни целесообразно именно это расстояние от светила, все остальные расстояния

не отменяют существование Земли, но не допускают существования на ней жизни. Один - ноль: в нашу пользу. Идем дальше.

Зачем Проектировщик предусмотрел вокруг Земли атмосферу? Во-первых, для удержания полученного солнечного тепла. Луна, например, получает от Солнца практически то же самое количество энергии, что и Земля, но средняя температура ее поверхности составляет минус восемнадцать градусов по Цельсию, потому что на Луне нет атмосферы. Тепло к ней приходит и тут же уходит, отразившись от поверхности прямо в холодный космос. Безвозвратно. Земная же атмосфера, пропуская солнечное тепло через себя к Земле, в качестве растаможки накапливает часть транзитного тепла в себя (прогревается, по-русски говоря), становится теплой и укутывает Землю своеобразным теплым одеялом из газов, изолируя от мертвого космоса. Причем, благодаря своему *особому* составу, атмосфера греет Землю, но не перекаливает. Излишней, убивающей все живое, духоты не создает. Оставшаяся от таможенных сборов часть тепла достигает до Земли и та, нагреваясь, отражает от себя тепловую энергию в виде инфракрасного излучения. И это для Земли очень плохо, потому что это - потеря совершенно необходимого для существования жизни количества тепла. Этой вот отраженной энергии как раз и не хватило бы на Земле для обеспечения жизни, если бы она покинула пределы планеты. Было бы холодновато, жизнь бы не могла существовать. Но тут наша атмосфера посредством *некоторых своих газов* отражает это отраженное от поверхности планеты тепло и возвращает его назад к Земле, (парниковый эффект): "Бери, пользуйся, а то, понимаешь, - жизни никакой не будет!" Вот за счет такого "тенниса" между Землей и ее атмосферой, где мячиком служит солнечное тепло, существуем мы и все живое вокруг нас. Не будь не только самой атмосферы, но и не будь эта атмосфера *именно такой*, - жизни бы, действительно, никакой никому не было.

Далее. Земля обращается вокруг Солнца со скоростью примерно 107 000 км в час. Именно эта скорость удерживает Землю на нужном расстоянии от Солнца. Если бы Земля была запущена с меньшей скоростью, то она потихоньку приблизилась бы к Солнцу, а если бы скорость была задана меньшей, то Земля отдалась бы. Последствия этих двух состояний мы уже рассмотрели, их можно выразить одним итогом, - жизнь была бы невозможна.

Земля каждые 24 часа совершает постоянный оборот вокруг своей оси. Благодаря этому происходит смена света и темноты. По времени это совпадает с циклом сна и бодрствования живых организмов. Именно *совпадает*, а не определяет этот цикл! По последним исследованиям биологический организм отдыхает во сне и бодрствует после отдыха по *самостоятельно работающим*, встроенным где-то внутри него, часам. Исследуемых людей помещали на глубину 400 метров под землю, в Мамонтову пещеру, для того, чтобы на них не смогли повлиять не только смены освещенности неба, но и другие геофизические явления, сопутствующие сменам дня и ночи (типа фаз Луны). Для испытуемых создали постоянное непрерывное освещение и разрешили заниматься любым видом деятельности в свободном временном режиме. Все добровольцы были размещены в изолированных друг от друга помещениях и, через короткое время, их внутренний хронометр установил для каждого цикл сна и бодрствования, совершенно независимо (!) от времени дня и ночи на поверхности Земли, ровно на 25 часов. Лишний час, по сравнению с суточным циклом Земли, обеспечивает приспособляемость организма при

передвижении по Земле на большие расстояния, где в часовых поясах меняется начало дня и ночи.

Единственно, что было не совсем удобным в этом опыте, так это то, что у всех исследуемых начало сна не совпадало между собой по времени и наблюдателям приходилось работать в рваном, но постоянном по активности режиме слежения. Тогда кто-то предложил понижать яркость освещения одновременно во всех помещениях, где находились испытуемые. И что же? Через некоторое время все начали засыпать одновременно с понижением яркости освещения и спали свои 8-10 часов, даже если после их вхождения в состояние сна яркость вновь возвращали на прежний уровень! То есть по всему подземному лагерю добровольцев установился одновременный отход ко сну. Потому-то день и ночь Создателем поделены в пределах 24 часов, чтобы на темноту приходился период отдыха, наступающий у организма, а на дневное время - период активности. Одновременное наступление времени отдыха у всего живого обеспечивается наступлением сумерек. Наш внутренний хронометр устроен так, что воспринимает потемнение неба в качестве точки начала перевода организма в состояние сна. Снижение уровня освещенности является как бы сигналом общего отбоя. Если бы этого не было, то каждый спал бы тогда, когда захотел бы, в соответствии со своим личным хронометром, и совместная деятельность была бы невозможна. Кроме того, спят все животные, и спят также в пределах 25 часов (!) чередуя периоды активности и отдыха, и что бы делал человек, например, с лошадью, на которой надо ехать, а ей вздумалось поспать, или с сонной коровой, которую надо пасти волоком или на себе? Или, если бы у гусей время сна не совпадало с хозяйским? К кому пристроиться? К гусям, или к овцам, к лошадям, или, все-таки, к соседке? Кто важнее? Для того, чтобы не было этого бедлама, наступает вечер и говорит - "Всем спать!". Земля вращается со скоростью, которая диктуется суточным циклом сна и отдыха живых организмов! Скорость вращения Земли подогнана так, чтобы обеспечить максимальную комфортность нашего всеобщего отдыха и упорядоченно одновременную нашу активность! Что еще более ясно говорит о том, что все сделано под жизнь, а не жизнь, наоборот, подстроилась под уже существующие обстоятельства? Кстати, - вот возможный ответ на вопрос о сроках человеческой цивилизации. Если все Им предусмотрено досконально, то, естественно, нас уже не должно быть на материальном плане тогда, когда сутки станут равняться месяцу и больше, как мы уже раньше об этом упоминали. Лично нас, читающих это, должно успокоить то, что такое произойдет только через миллионы лет.

Однако, возвращаясь к тому, что, как мы выяснили, скорость вращения Земли подогнана под наш биологический цикл, надо признать и некое возможное возражение этому, состоящее в том, что в данном случае мы поменяли местами причину и следствие - это животные и человек (растения, кстати, тоже) привыкли кто за тысячи, а кто и за миллионы лет, к распорядку, определенному вращением Земли, а не наоборот Земля запускалась с учетом биологического цикла отдыха и активности. Такое возражение мы, пожалуй, не можем считать резонным, поскольку, во-первых, Земля совершает свой полный оборот за 24 часа, а биологический цикл длится 25 часов, - откуда взялся лишний час? Если настаивать на приспособлении живого мира к 24-часовому суточному циклу смены дня и ночи, то биологический цикл всего живого должен

просто как калька его в себе повторить. День и ночь сменялись миллионы лет в течение 24 часов? Тогда и привыкнуть животный мир должен был к этому интервалу и ни к какому другому. Очевидно, что 25-й час своим присутствием отменяет подстраивание нашего организма к скорости вращения Земли и подтверждает подстраивание самой этой скорости к условиям, заданным особенностями нашего организма. То есть и в данном случае физический мир просто обслуживает жизнь.

Во-вторых, скажите, пожалуйста, к какому такому распорядку мог приспособиться любой живой организм? Долгота дня, - величина абсолютно непостоянная, она меняется каждые 24 часа, и изменения ее настолько существенны, что, не успев привыкнуть к длинному летнему дню, надо перестраиваться на короткий зимний. А тут уже и весна катит в глаза, день опять удлиняется, и так по кругу, угнаться совершенно невозможно. А ведь, независимо от разной по длительности освещенности дня, у человека и на экваторе, и в районе полярных ночей, и даже на космических станциях, цикл сна и бодрствования один и тот же. Если бы мы приспособивались к вращению Земли, а не оно к нам, то в разных точках земного шара господствовали бы разные биологические циклы. А они везде одни и те же. С этим выяснили. Еще одно очко в пользу нашего предположения о том, что весь космический порядок - для существования жизни.

Далее. Ось вращения Земли наклонена на 23,5 градуса, что обеспечивает смену времен года. Без этого точно рассчитанного наклона оси при всех прежних условиях на одной части Земли было бы непереносимо жаркое лето, вечное и неизменное, а на другой ее части - постоянная экстремально холодная зима. Климат в таком случае был бы не нынешним, мягким, обеспечивающим урожайность и разнообразные формы жизни, а сплошным чередованием ураганов, засух, и атмосферных бурь. Пустыня резко и моментально переходила бы в тундру, а тундра - в пустыню. На Земле, наверное, существовало бы всего два вида бизнеса, - на одной половине катание на верблюдах, а на второй половине собирание тундрового мха для верблюдов и мороженой рыбы для наездников. На стыке этих двух климатических зон находились бы исправительные колонии без громоотводов и без убежищ от смерчей. В качестве наказания Божия туда попадали бы те, кто отказался есть мороженую рыбу или собирать мох. На самом деле, если без шуток, то никто не выжил бы ни в вечной пятидесятиградусной зиме, ни в вечном пятидесятиградусном лете, ни на стыке этих зон, где интересное наводнение от проливных дождей сменяется забавным торнадо, а после торнадо облегчение и вечный отдых приносит сухая гроза с тысячью молний на квадратный километр. Напомним, что именно этот наклон оси обеспечивает нам нынешний комфорт. Достаточно совершенно небольшого отклонения и наступит необратимая катастрофа. Все сделано очень умелой рукой. Для чего? Кому или чему это надо было? Если бы этого не было - было бы все, кроме жизни в нынешнем виде. Еще одно очко.

Пойдем дальше. В атмосферу Земли помещен кислород. Не будь этого - наступила бы смерть людей и животных. Кислород также обеспечивает жизнь, он тоже союзник в наших выводах. Однако, сам чистый кислород, - это яд, это ускоритель химических процессов, приводящий все живое к почти мгновенной смерти. Кроме того, кислород невероятно горюч и, будь его слишком много, вся земля сплошь была бы покрыта непрекращающимися, все



уничтожающими пожарами. Чтобы из убийцы сделать жизненный эликсир, в кислород добавлен азот. Кислорода в атмосфере 21%, азота - 78%. *Именно в этой смеси* кислород теряет все свои отрицательные качества и получает способность максимально проявлять только свои положительные качества! Причем, просим заметить, положительные именно для жизни!

Но и азот не просто разреживает кислород и на этом считает свою задачу выполненной. Помимо этого его задача - питать растительный мир. Благодаря ежедневным миллионам молний получают его химические соединения с кислородом, которые, падая на землю вместе с дождем, служат удобрением, без которого большинство растений просто погибли бы. Как видим, не только азот, но и пугающие многих молнии, тоже обеспечивают жизнь.

Сами растения не смогли бы жить без углекислого газа. Поэтому этот газ тоже помещен в атмосферу. Растения усваивают его и выделяют кислород. Люди и животные, наоборот, вдыхают кислород, а выделяют углекислый газ. Повышенное содержание углекислого газа привело бы к удушью людей и животных, а пониженное - к гибели растений. В атмосфере углекислого газа около 1%, *как раз то количество*, которое требовалось бы, чтобы удовлетворить запросы каждого и которое опять является оптимальным для жизни!!!

На высоте 25 километров от поверхности земли в атмосфере присутствует тонкий слой озонового состава, который отфильтровывает не просто какой-то компонент солнечного излучения, а именно тот, который, попади он на Землю, убил бы все живое. Озоновый слой также защищает жизнь!

Сама вся эта благодатная атмосфера удерживается вокруг Земли и никуда не улетучивается из-за присутствующей в природе силы притяжения, достаточной как раз для этой цели, и не большей! Кроме того, *именно такой* уровень притяжения не затрудняет передвижение форм жизни и осуществление жизненных процессов.

А еще орбиту Земли пересекают своими постоянными визитами в Солнечную систему около 10 000 небесных объектов, каждый из которых может так садануть Землю по пути, что по различным последствиям этого столкновения никакая жизнь никогда уже на ней не будет возможна. За миллионы лет вот этого ни разу не произошло. Когда математики кипятятся и говорят, что согласно любым выкладкам теории вероятности это невозможно (то есть обязательно должны происходить различные столкновения), то астрономы только пожимают плечами - а леший их знает, почему столкновения не происходят! При этом они говорят - в каждом из случаев возможного удара некоторые планеты отклонялись от своего положения и своими гравитационными воздействиями отклоняли траекторию комет-убийц, то есть сбивали им прицел, а затем возвращались на свои прежние позиции. Причины подобного поведения неизвестны. Науке. Нам, пожалуй, уже ведомо кое-что об этих причинах...

Вот сколько космических мелочей могли бы запросто сделать нашу жизнь невозможной, не присутствуй они в этом порядке вещей, или будь они хоть незначительно иными. Слишком много, как мы видим, компонентов, в своей формации специфически устроенных в качестве обеспечивающих именно жизнь, чтобы увидеть в их общей конфигурации какую-то иную цель. И это при том, что мы затронули *только самые глобальные* условия физического мира, обеспечивающие жизнь. И это при том, что все эти компоненты существуют самостоятельно и ни

один из них не делает своим присутствием обязательное наличие другого. Они сложены независимо друг от друга, как фрагменты пазла. Ниже космического порядка мы не пойдем, потому что описать полностью всю конструкцию материи в качестве подпорки для жизни - дело не столь трудное, сколько трудоемкое и не очень увлекательное по своей очевидности. Дальнейшее перечисление не имеет смысла, оно будет лишь подтверждать это предназначение мироздания и превратится просто в природоведение с витальным уклоном. Сообразительное воображение и научный материал могут давать все новые и новые примеры в доказательство этой нашей мысли, но это - движение по кругу, а нам надо идти вперед, что мы и сделаем.

Однако чтобы уверенно идти вперед, следует, все же, окончательно убедиться в том, что все было создано Творцом именно для жизни, а не Жизнь воспользовалась столь благоприятными условиями, созданными, может быть, совсем для другой цели. Ведь могло быть и такое, что Создатель имел в виду совершенно иную цель, время которой еще просто не пришло, а Жизнь самозародилась в этих, не под нее подготовленных обстоятельствах, ненамеренно породивших ее просто в качестве побочного продукта какого-то отдаленного в своем завершении процесса. Может быть, сработала просто обратная связь явлений, которую мы приняли за задуманную цель?

Чтобы выяснить это, мы должны рассмотреть простой вопрос, - может ли жизнь самозародиться? Если может, то мы, возможно, идем неверным путем, а если жизнь самозародиться не может, то, следовательно, нам придется говорить о целенаправленном Сотворении жизни, и наш путь правилен.

А что, если нам не удастся доказать ни саму возможность самозарождения жизни, ни абсолютную невозможность этого? Что, если мы не решим вопрос ни в ту, ни в другую пользу? В таком случае, даже, если мы останемся, так сказать, "при своих", мы должны будем выбирать Сотворение, ибо это затрагивает не просто дискуссионный вопрос, а ставит его в качестве смысла самой жизни. Аналогичная ситуация постоянно возникает в системе правосудия, где есть подозреваемый, но суд еще не состоялся, и неизвестно - докажет суд его вину, или нет? На этот случай применяется понятие презумпции невиновности. Работники юстиции рассуждают так, - подозреваемый у нас в руках, улики против него есть, но считать его виновным до суда мы не можем. Поэтому следует считать его всегда невиновным, поскольку если он окажется виновным, то мы ничего не потеряем от того, что не определили его в этом качестве сразу, а если он окажется невиновным, то мы тем более ничего не теряем, поскольку никогда обратного и не утверждали окончательно.

В данном нашем случае представляется необходимым ввести понятие презумпции Сотворения. Почему? Потому что, если мы существуем в результате ненамеренного процесса самовозникновения, (по своей сути случайного), а не сотворены для какой-то цели, то нет смысла ни писать, ни читать все, что здесь написано. Ибо, в таком случае, - все бессмысленно. Если бессмысленны мы сами, как случайность, так стоит ли чего-нибудь любая наша деятельность? Бессмысленное может произвести из себя только бессмысленное.

Если мы возникли случайно, то вообще не имеет никакого значения - возникли мы или не возникали бы совсем, существовали бы мы когда-нибудь в этом детально продуманном порядке

вещей, или не существовали бы. Если мы возникли ни для чего, то мы и существуем ни для чего. В таком случае мы - ничто. В таком случае всех нас, все человечество, можно приравнять к стаду свиней или к косяку селетки. Если мы всего лишь космическая случайность, результат слепого сложения обстоятельств, то все, что мы делаем как индивидуумы и для нас самих и для истории бессмысленно, ибо сам человек, а, следовательно, и его история, тоже бессмысленны, поскольку не имеют цели. Не так бы и страшно, но если бессмысленно все, что нам присуще, то бессмысленна и сама нравственность, как таковая. За каким резонансом говорить о добре, непопозволенности убийства, садизма, воровства, жестокости, унижения себе подобных, если все последствия этого, как положительные, так и отрицательные, - бессмысленны? А, если и имеют смысл относительно комфортности отдельной личности, то не имеют никакого смысла, как категории, абсолютно бессмысленные относительно общего смысла Мироздания. Все, что имеет смысл для нас, имеет смысл, в таком случае, только относительно нас, то есть *абсолютно относительный* смысл! Если к понятию "смысл" и можно подобрать какое-нибудь определение, которое свело бы само это понятие на нет, так это как раз определение "относительный". Смысл может быть отрицательным, положительным, предположительным, неверно понятым, мнимым, даже ложным и т.д., но в любом случае его содержание должно быть неоспоримым для всего, что он в себе заключает! В любом из этих случаев он остается смыслом. А если сказать о нем, - "относительный", то это то же самое, что сказать, - мокрый огонь. Смысл должен иметь общедовлеющее, объединяющее в единое, значение, а не вырывающее что-то из общего контекста или отчуждающее от целого какую-либо его часть. Смысл смысла - в его общеобязательности. Если же смысл относится только к чему-то одному, а ко всему другому не имеет никакого отношения, то такая относительность может вполне приравниваться к бессмысленности.

Как видим, если не признать презумпции Сотворения, то, в случае нулевого варианта, мы хороним не только свой собственный смысл, как космического явления, но и хороним элементарную нравственность. Даже самую простую. Между родителями и детьми. Попробуй, докажи подростку, что на мать нельзя поднимать руку, если все твои доводы бессмысленны с самого начала, поскольку ты сам, - бессмысленность. Ведь если тебя, как явления природы, могло и не быть, то и того, что ты говоришь о нравственности и добре, тоже могло быть или не быть в твоей голове, в зависимости от того, что произведет слепая и случайная природа с твоей головой! Сегодня природа вложила в нее понятия нравственности, а завтра они могут из нее выветриться по вине той же природы. Само наличие нравственных категорий - дело случая, таким образом, а, следовательно, это наличие - не обязательно ни по какому высшему закону. На каких основаниях ты вводишь свои частные понятия в качестве всеобщих правил? Если наше появление не было подчинено никакой цели, а природа нас просто подхватила, как нежелательную беременность, и у нее при этом не сложились обстоятельства для аборта и мы, все-таки родились, то чем оправдать непростую нравственную нагрузку любой человеческой жизни? Если мы случайные дети природы, то мы должны вести себя в соответствии с понятиями о нравственности нашей матери. А у нее вообще нет такого понятия. Из природы нравственность извлечь нельзя. Ее там нет ни в качестве доминанты отношений, ни в качестве выигрышного

элемента борьбы. Зубы и когти для нее важнее. Чем же тогда защищать нравственные устои от их опрокидывания простым вопросом об их целесообразности, как не *особым происхождением человека*, что предполагает его особое, относительно животных, поведение, обусловленное его, хотелось бы утверждать, особым предназначением?

Если презумпция невиновности в уголовном праве оправдывается тезисом - мы ничего не теряем от ее применения, хотя ничего при этом и не выигрываем, то презумпция Сотворения должна приниматься нами на основании того, что, не признав ее, - мы теряем все, а, признав ее, - получаем все. Но, чтобы не доводить дело до принятия искусственных оснований, попробуем, все же, доказать, что самозарождение жизни невозможно.

Почему мы начнем именно с этого? Потому, что для данного случая подходит метод "от противного". То есть, мы пойдем от антитезы сотворения, - от самозарождения. Другой альтернативы сотворению нет. Либо то, либо другое. Третьего не дано. Если опровергнуть одно, то это автоматически будет доказывать второе. Понятно, что Сотворение далеко от нашего понимания: мы можем только благожелательно признать, что оно было, но не сможем выяснить, как оно было, чтобы иметь этому наглядные доказательства. Следовательно, от сотворения идти мы не можем как от явления, не подвластного нашему опыту. Вот мы и пойдем от самозарождения, как от единственного альтернативного варианта, который мы, к тому же, можем проверить на вероятность, поскольку механизм действия Силы Божьей нам неведом, а механизмы самозарождения могут находиться в материальном мире, который мы уже достаточно хорошо изучили благодаря развитию наук.

Существует ли в данных мировых условиях сама возможность самозарождения жизни? Здесь надо немного ужесточить само безобидно звучащее понятие "самозарождение"? Его реальный смысл подразумевает не простое появление жизни ниоткуда, - это было бы равносильно признанию Сотворения. Его реальный смысл предполагает, что жизнь зародилась из *неживой* природы, из мертвой материи, благодаря случайным стечениям обстоятельств. То есть, мертвое - породило живое! Звучит абсурдно и леденяще. Абсурдно, потому, что мертвая природа сама из себя даже аналогично мертвого создать ничего не может, а что же тогда говорить о живом? Этому нет примеров в практике нашего бытия, где каждая новая жизнь возникает только от уже существующей жизни. А раз нет примеров в практике, то мы не должны этого допускать даже теоретически. С чем себя и поздравляем. Это наш первый успех по пути доказательства невозможности самозарождения жизни.

Жизнь, как эстафета, передается и в растительном и в животном мирах от родителей к детям, и сознание того, что первую эстафетную палочку нам вручили мертвые, равнодушные молекулы, - вот это звучит леденяще. Если бы был хоть один пример на памяти человечества, хоть один единичный случай, когда мертвое преодолело эту пропасть между собой и живым, то мы могли бы эту возможность допускать, однако и тогда, даже в этом поистине чудотворном событии, было бы непонятно, как это исключительное, случайное, единичное событие имело когда-то силу всеобъемлющего процесса, заселившего всю Землю? Но, несмотря на свою явную абсурдность, такая теория самозарождения живого из неживого существует, и признается вполне научной. Отметим для себя, что это всего лишь теория, а не признанный и доказанный факт. Но

и здесь давно уже просто корявенькая теория преподносится как неуправляемый факт и так же крепко засела в людских представлениях о путях появления жизни на Земле, как, например, представление о том, что все мужчины должны бриться, а не носить бороды. Глубинные мотивации обоих этих убеждений совершенно однотипны - обосновать не можем, но зачем обосновывать то, что и так не требует обоснования? Но все-таки - чем эта теория обосновывается? Кратко с ней познакомимся.

По теории самозарождения жизни этот выдающийся процесс преодолел в своей истории следующие этапы:

1) Земля когда-то в начале своего существования имела атмосферу, состоящую из углекислого газа, метана, аммиака, кислорода и водорода, которые соединились и образовали воду. Так называемая - первичная атмосфера Земли.

2) под воздействием электрических разрядов молний, солнечной радиации и высоких температур вулканических извержений углекислый газ, метан, аммиак, кислород и водород в составе воды, расщеплялись и преобразовывались в аминокислоты.

3) из аминокислот случайно (!) образовалась молекула, способная к самовоспроизведению (!), затем такие молекулы начали случайно (!) группироваться вместе, собираться в кучу, образуя так называемый "органический бульон".

4) после этого данные молекулы, собранные в группы, стали случайно (!) окутываться другими, тоже белковыми молекулами, которые случайно (!) оказались именно там, где нужно, поскольку они случайно (!) получились в таком виде, что могли обладать защитными свойствами и служить мембранами. Так первая живая клетка сама себя и создала. Сначала органический бульон, сложные химические соединения (белки и нуклеотиды), затем приобретение мембраны, как границы, обозначающей клетку, - и вот готов первый и простейший живой организм. Отметим, что создала сама себя клетка, опять же случайно. Ничего такого она поначалу не хотела.

5) ну а после этого клетке осталось совсем немного - развить в самой себе генетический код и начать производство копий себе подобных, что она, очевидно, делала легко и самоабвенно, поскольку в результате этого жизнь появилась везде и повсюду.

Не правда ли, стройная и научная теория? Все здесь продумано, разделено на этапы, никакой мистики, сплошь достоверная и точная наука! Как видим, все было достаточно логично и просто. Ничего сверхъестественного. Ничего невозможного. Но тогда у нас сразу же возникает мысль - если механизм зарождения жизни из неживой материи настолько органичен и прост, что запускается простой случайностью, то, почему бы не создать его реально действующую лабораторную модель и не начать разумно плодить жизнь налево и направо по своему усмотрению? Если вы точно и до мелочей знаете, как это было, если подручный материал под рукой, если современная научная технология позволяет лабораторно воссоздать все искомые и необходимые условия, то вам и карты в руки - продемонстрируйте все на практике, и у нас не будет больше никаких сомнений в вашей правоте! Тем более, что для жизни, то есть, для возможности существования белка, достаточно опытным путем из мертвой природы получить всего лишь 20 аминокислот! Такая мелочь!

Пробуют. Уже более пятидесяти лет проводят одни и те же дорогостоящие эксперименты. Ничего не получается. Создают ту самую первичную атмосферу, моделируют те самые молнии и те самые высокие температуры, а той самой жизни получить никак не могут. Полный тупик. Причем, тупик не технологический, а концептуальный, и возник он из одного интересного обстоятельства, которое упрямо говорит о том, что образование биологически значимых соединений может происходить только без свободного кислорода в атмосфере! То есть, - не в земных условиях? То есть - да, где угодно, только не в тех условиях, в которых по данной теории жизнь зародилась, хотя зародиться она могла теоретически только в данных условиях! Знакомая логика, не правда ли? А при чем тут логика, если нет никаких фантазий, а только научные термины? Разве такой сугубо научный подход не освобождает от логики? Авторов и сторонников теории, очевидно, освобождает. Но не нас. Поэтому мы продолжим далее все в том же безответственном ключе - в логическом.

Итак - если в атмосфере в то далекое предполагаемое время кислород был, то первая аминокислота в его присутствии никогда не смогла бы возникнуть. Это не-воз-мож-но. А если бы кислорода в атмосфере не было, то аминокислота, если бы и возникла, то была бы тотчас, без промедления, убита космическими лучами! Шансов никаких ни в том, ни в другом случае. Кроме того, в таком случае, непонятно, где бы стал собираться тот самый органический бульон? В какой среде? Ведь, не будь кислорода, - не было бы и принявшей этот бульон в себя воды, (вода - соединение кислорода с водородом). Получается, как не умея плавать, спастись от волков через реку. Прыгнешь в реку, - утонешь, не прыгнешь, - волки сожрут. Никаких перспектив. На самом же первом своем шагу теория попадает в смертельный капкан реальной практики физического мира. Интересно, - какими доводами обосновывается необходимость дальнейшего финансирования таких исследований?

Что еще можно сказать о достоверности теории самозарождения? Учитывая то, что все, прежде сказанное, говорит против нее, пожалуй, было бы и достаточно. Но излишняя убедительность в таких вопросах не может быть излишней. Правильнее было бы показать не принципиальную невозможность применения данной теории на практике, а доказать еще и ее полную несостоятельность непосредственно, как теории. Тогда и практику оставили бы в покое, а дорогостоящих экспериментаторов бросили бы на научный поиск устранения, например, того обидного обстоятельства, что корка банана составляет целых 25% от его массы! Дело, может быть, и не самое первостепенное для биотехнологии, но, хотя бы, более нужное. А мы займемся теорией дальше. Бесплатно.

Для этого допустим эту глупость, - аминокислота все же обманула бдительность кислорода, образовалась и достигла воды целой и невредимой, показав фигу ошалевшему от такой наглости ультрафиолету. Здесь она, естественно, (по теории), такая умная и удачливая уже не первая, и все они теперь могут под водой надежно укрыться от мстительного ультрафиолета атмосферы и ее электрических разрядов, чтобы дисциплинированно и организовано начать собираться в семейства, как это предполагается. Однако вероятность таких счастливых браков полностью отклоняется расчетами, которые показывают, что под поверхностью воды совершенно недостаточно энергетических условий для активации химических

соединений! Вода, ничего не зная о теории самозарождения жизни, халатно и преступно всегда *препятствует* росту более сложных молекул! Чтобы из аминокислот, находящихся под водой, образовались крупные молекулы и белки, пригодные для жизни, им нужно выйти из воды на поверхность за необходимой энергией и... немедленно погибнуть там от ультрафиолета! Еще один довод в пользу финансирования работ по исследованию возможности самозарождения?

Само утверждение, что жизнь спонтанно возникла в океанах, опровергается обыкновенными химическими опытами, которые доказывают, что присутствие воды приводит не к полимеризации (объединению простых молекул в сложные), и даже не к нейтральным условиям, а к деполимеризации (расщеплению уже имеющихся сложных молекул на простые)! Проще говоря, растворение молекул в воде обязательно произошло бы быстрее, чем их возможный синтез. А если еще проще - то "первичного бульона" просто не могло бы быть. Это все равно, что запускать в мясорубку фарш, надеясь на выходе получить цельный кусок мяса. Такое ощущение, что знакомишься не с научной теорией, а с научной фантастикой. Те, кто ее создавали, похоже, вообще не задумывались над биофизической вероятностью процессов, которые они предлагают. Может быть, пора за такие теории давать литературные премии имени Жюль Верна? Вот только Жюль Верна жалко. Ему и при жизни хватало, небось, дурных компаний.

А просчитывалась ли математическая вероятность этих процессов? Это тоже важно. Мы видим, что химически и биологически теория несостоятельна. А какова была бы ее вероятность в том случае, если бы химия и биология не возражали? Результаты этих расчетов мы сейчас приведем.

Итак, всего в природе существует 100 аминокислот, но лишь 20 из них необходимы для белков живых организмов. Остальные в этом плане, - бесплодны и не нужны. Кроме того, все эти 100 аминокислот (и 20 нужных нам в их составе) имеют левую форму или правую форму. Каждая, отметим, бывает или левой, или правой по форме, а не по смыслу. А теперь - внимание: для возможности участвовать в образовании живых белков все те 20 аминокислот из 100 аминокислот, которые только могут пригодиться для жизни и которые имеют две формы каждая, должны иметь только левую форму! Только они могут образовать живой белок! Все остальные 80 аминокислот обеих форм и 20 аминокислот правой формы для нас теперь становятся полностью левыми по смыслу. Какова вероятность того, что при данных условиях образуется хотя бы только одна, хотя бы самая простая из наивозможно простых, белковая молекула? Вероятность равна  $10^{-113}$ . А мы помним, что вероятность  $10^{-50}$  уже приравнивается к нулевой. Если кто-нибудь в научном коллективе настаивает на проведении практических экспериментов возможности события с вероятностью  $10^{-50}$ , то тактичные сотрудники спрашивают его, давно ли у него не было секса, а безапелляционные коллеги просто просят успокоиться и поговорить о чем-либо отвлеченном, например, о том, какими болезнями данный человек болел в детстве, причем просят не упускать ничего, в том числе и фактов необратимых клинических последствий. Люди так устроены. Они всегда пытаются сочувственно найти уважительные причины вздорному безумию ближнего. Вероятность  $10^{-113}$  в нашем случае, - это тактичные вопросы такого же порядка от математиков к авторам и последователям теории самозарождения жизни.

Идем дальше. Часть белков в клетке - ферменты. Их задача состоит в ускорении химических реакций. Без них клетка была бы не просто досадно низкотемпературной, она бы без них просто тихо погибла, не сумев даже эмоционально выразить своего отношения к вопросу. Сколько нужно таких оживляющих ферментов одной клетке? Заостряем наше внимание - одной клетке! Сущий пустяк - всего 2 000. Каковы шансы их случайного возникновения? Эти шансы составляют  $10^{-40000}$ ! Наверное, кто-то сильно болел в свое время, а теперь еще и одинок. Вероятность с сорока тысячами нулями в одном числе, где каждый следующий ноль увеличивает уже имеющееся число в десять раз, говорящая, что шансов нет, относительно этого шанса, который хоть и есть, но один на сорок тысяч в основе научной теории, - это впечатляет с сорокатысячным усилением!!!

Ну, а по произведенному впечатлению можно сказать, - и с математической точки зрения самозарождение жизни не что иное, как плод больного и разнузданного воображения. Не больше.

Оставим математику и другие науки. Перейдем к простому здравому смыслу. Хотя одно когда-то не исключало, а даже предполагало другое. Были времена. Сейчас другие. Но мы будем несовершенными и продолжим.

Чтобы размножаться, клетке нужен генетический код. Без него никак. Генетический код обеспечивает ее абсолютно точное, идеально точное, полностью идентичное самокопирование. Только такое размножение могло обеспечить наполнение Земли живыми формами. Чтобы из случайного явления перейти в массовую фазу, процессу образования клеток нужна была ДНК. Что такое ДНК? Приведем выдержку из краткой энциклопедии. "Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК), высокополимерное соединение, вместе с белками гистонами образует вещество хромосом. ДНК - носитель генетической информации, ее отдельные участки соответствуют определенным генам. Молекула (всего одна молекула! - прим авт.) ДНК состоит из 2 полинуклеотидных цепей, закрученных одна вокруг другой в спираль. Цепи построены из большого числа (!) мономеров 4 типов - нуклеотидов, специфичность которых определяется одним из 4 азотистых оснований (аденин, гуанин, цитозин, тимин). Сочетания трех рядом стоящих нуклеотидов в цепи ДНК (триплеты или кодоны) составляют генетический код". Мы привели краткую выдержку из краткой энциклопедии. А еще там есть рисунок, от которого пестрит в глазах и ясно, что даже самому опытному иллюстратору потребуется не менее одного рабочего дня только для того, чтобы набросать не цветной эскиз этой *одной молекулы* начерно. Так вот, все то, что мы сейчас прочитали, (и что не увидели), клетка создала сама из того, что валялось вокруг, да еще и создала все это совершенно случайно. Здесь более уместна пауза, чем какие-либо пояснения...

И, чтобы никогда больше не возвращаться к скучному изложению биологических знаний, отмучаемся один раз и посмотрим внимательно на клетку, как на основу всех живых организмов. Самую простую их часть. Просто простейшую по своей простоте! Проще в живом мире ничего нет! Все остальное в тысячу крат сложнее. Вот состав этой простой клетки: мембрана - сложная структура каналов и насосов, контролирующая доставку и выведение питательных веществ, продуктов обмена этих веществ, а также ионов металлов. Состоит мембрана из сахарных,



белковых и жировых молекул *высокоспецифического* действия. Есть простой калькулятор для произведения фокусов с расчетами при торговле битой птицей, а есть математический калькулятор, который предназначен для вычисления синусов, косинусов, логарифмов, степеней, корней, использования введенных формул и программ. По размеру корпуса они одинаковы, но второй калькулятор - высокоспецифического действия. Вот так и в нашей простейшей клетке уже находятся молекулы такого уровня исполнения задач. Не слишком ли лихо для случайно образовавшейся примитивнейшей основы живого? Рибосомы - внутриклеточные химические *лаборатории*, в которых аминокислоты соединяются и превращаются в белок. Ядро - центральный компьютер всех процессов клетки, который постоянно и с неукоснительной точностью управляет деятельностью около 200 000 000 000 (!) молекул внутри нее. Само ядро окружено еще двумя мембранами. Хромосомы - располагаются внутри ядра и содержат ДНК, этот строительный генплан, (как мы помним), клетки. Ядрышко - также находится в ядре, в нем собираются и осуществляют свою деятельность рибосомы. Эндоплазматическая сеть - это даже и не сеть, а каналы, мембранные каналы, в которых накапливаются и транспортируются белки. Митохондрии - *фабрики* по производству молекул АТФ, которые отщеплением от себя некоторых фосфатных групп производят и аккумулируют энергию, обеспечивающую деятельность клетки. Комплекс Гольджи - склады-перевалочные базы, где белки упаковываются и распределяются по назначению. Центриоли - примыкают своим месторасположением к ядру и обеспечивают процесс деления клетки.

К чему весь этот утомительный перечень? А к тому, что бы убедиться, что это, самое простое, из чего состоит все живое, - совсем даже и не простое, а удивительно сложное и гениально точно исполненное. Если говорить о клетке как о простейшем виде жизни, то сказать так можно только относительно всех остальных видов жизни. А если назвать клетку простейшей по ее собственным характеристикам, то в той же мере понятие "простейший" можно применить и к городу с населением 200 000 000 000 человек, окруженном крепостными сооружениями с пропускными пунктами и таможнями, с фабриками, заводами, транспортной сетью, электростанциями, правительством, строительными трестами, канализацией, медико-профилактическими учреждениями, да еще и в придачу со способностью легко самоскопироваться точно в такой же город неоднократно! А главное, надо наконец-то осознать, что ВСЕ ЭТО должно было появиться не в результате развития, а *сразу, все вместе*, одним моментом, как самая простейшая форма, от которой только и возможно любое какое-то дальнейшее развитие. Все детали клетки должны были появиться одновременно! Не будь хоть одной из них, - и клетки тоже не будет! И по одному все эти детали не могли возникать - их функциям негде было бы проявляться! Очередность тут невозможна! Также невозможна, как допущение, что сначала появился зрачок, затем ресницы, затем глазное яблоко, затем черепная глазница, где все это уместилось, затем подросли запыхавшиеся нервные связи с мозгом и т.д. Все, что есть в клетке, может существовать только при наличии всего, что в ней есть! Без исключений! До клетки не было совсем ничего, из чего она могла бы приобретать такую форму! Эта форма должна была реализоваться одним единым процессом, наподобие проявляющейся в растворе картинка фотографии! Была безобидная белая бумага, и, вдруг, через секунду, на ней

появилась любимая теща в окружении не менее любимых племянников по линии деверя, и все улыбаются, потому, что не предполагали, что первым, кто их увидит, - будете вы. Похоже, для того, чтобы не признавать Сотворения, существует только психологический барьер, а никак не логический. Мы же, не видим смысла, чтобы вот так напрягаться. Для нас вполне очевидно, что когда чего-то не было совсем, а потом появилось из ниоткуда в готовом виде, то это Сотворение.

Итак, мы пришли к выводу, что, как минимум клетка, уж точно была создана Творцом. А как насчет всего остального? Развилось оно из неслучайной клетки случайным образом или же тоже было сотворено в качестве определенных комбинаций этих клеток? Казалось бы, вопрос несущественный. Какая, в принципе, разница - создано все вокруг Богом до мельчайших деталей, или Он создал жизнь только в виде клетки, такой первичной жизни, а дальше все пошло эволюционным путем? Путем саморазвития. Вот разница, как раз, - принципиальная. Если нас создала эволюция, то это процесс тоже случайный и бесцельный, а тогда см. приоритет презумпции Сотворения. Следовательно, эволюция нас не устраивает. У многих сейчас пробежал холодок разочарования, - ну вот, был серьезный разговор, а теперь пойдут бредовые фантазии, потому, что, - *как можно* замахиваться на ЕЕ Величество эволюцию!? Мы пока не знаем, как это можно, но мы понимаем, что это *нужно*. Если клетка дитя Бога, а мы, - дети ее случайных комбинаций, то дальше нам вообще не о чем разговаривать. Тогда все, что происходит с клеткой, - нас не касается. Она главнее. Об этом нам говорит теория эволюции всего живого. И мы должны скрестить с ней шпаги за самих себя, прежде всего, а не против нее, как теории, тоже, кстати, непровержимо не доказанной, но непровержимо принятой в качестве истинной.

А если не подходить к эволюции так жестко? Если считать ее не случайным, саморазвивающимся процессом, а процессом, проходящим под постоянным контролем Создателя? Так сказать, биологическим механизмом Сотворения? На этом можно было бы заключить компромисс со сторонниками эволюционной теории. До клетки, включая и саму клетку, - наше, а после клетки, - ваше. Что мы теряем? Мы опять теряем все. Если признать эволюцию, то мы сами, пусть и не случайный вид, но, возможно, и не последний. Тогда мы должны допустить, что за нами может последовать другой вид, абсолютно непохожий на нас, как мы не похожи на свиней, и мы, возможно, просто станем питательной средой этому будущему виду, как свинина, по сути, стала всего лишь питательной средой для нас. Тогда мы застынем в вечном вопросе, - есть ли смысл всему, что мы делаем, или надо подождать - не появится ли что-нибудь еще, которое своим появлением переместит нас с высшей формы жизни в формы низшие или поддерживающие форму высшую. Нам просто необходимо взяться за эволюцию как следует, хотим мы этого или не хотим, ибо иначе - дамоклов меч нашей вероятной ценности только как перспективного мясопродукта. Бой, как видим, - на уничтожение. Пленных не будет. Или она нас окончательно, или мы ее окончательно. Оружие у нас будет прежнее, - вопросы.

Первый вопрос самый банальный и традиционный, - почему эволюция не продолжается? Почему она остановилась? Если в ее основе лежит механизм приспособления живых форм жизни к окружающим обстоятельствам, то почему механизм сломался? Так ли уж все вокруг окончательно приспособилось к окружающей действительности? Что-то не видно. Разве птица научилась плавать и добывать себе в воде вкусную рыбу? Она, бедная, только смотрит на нее со

стороны, облизываясь, а, чтобы не умереть с голоду, бросается, рискуя здоровьем, головой в воду, чтобы перекусить, при известной удаче, зазевавшейся больной или хилой рыбешкой. Разве рыба научилась летать и лакомиться комарами и стрекозами? Она на них также только смотрит печально и многообещающе, но ее призывы оставляют мошкарку равнодушной, а рыбу голодной. Разве у любого вида животного не осталось ничего в окружающем мире, что постоянно не угрожало бы его жизни? Чего же эти виды не приспособливаются? Зачем жираф не приспособился так спать, чтобы во сне его не пожирала гиены? По своей неуклюжести, даже без нападения врагов, он может подняться из спящего лежачего положения с помощью сложных манипуляций телом в течение аж 2-3 минут, и это будет рекорд его скорости. В присутствии хищников это напоминает просто самоубийственный танец. Зачем акула не научилась дышать, как все рыбы, чтобы иметь возможность всласть поспать на припеке? Для того, чтобы дышать, акуле необходимо постоянно двигаться, потому что у нее нет воздушного пузыря. Если она остановится, то задохнется, а если не остановится, то не заснет. Так и живет, - разгоняется и спит, пока тело по инерции движется и вода проходит через жабры. Так рывками и спит. Может быть, именно этот образ жизни так портит ее нрав?

Даже человек от простого солнечного удара внутри себя не выработал никакого защитного механизма, не говоря уже обо всем остальном, что его подстерегает - переохлаждение, стрессы, аллергия, магнитные бури, хищники, ядовитые змеи, кровососы-насекомые и многое другое. Разве не достаточно стимулов, чтобы приспособливаться и дальше? И вообще - процессу приспособления не было бы конца, поскольку всегда останется что-то, что доставляет неудобства. Однако, мы не наблюдаем вокруг никаких эволюционных процессов, все остается таким, каким оно было всегда на памяти человечества и по свидетельству раскопок. Если эволюция не происходит "сейчас", то не должно быть оснований утверждать, что она происходила "когда-то". Почему мы должны верить этому на слово? Мы и не верим. Что можно назвать с большим основанием бредовой фантазией, - то, чего никогда не происходит на наших глазах, но всерьез предполагается, или то, что мы не верим в то, чего ни разу ни произошло на наших глазах? И мы так думаем. А эволюционисты считают наоборот. Они говорят, что надо признавать то, чему нет ни одного примера ни в истории человечества, ни в окружающей его природе! Как-то это странно, однако.

Более того, в самом этом механизме приспособления, который они поместили на своем флаге, заложено условие, полностью исключающее эволюцию. Они об этом не подумали? Если такой механизм существует, то за каким рожном рыбе вообще лезть из воды на смертельную сушу и превращаться там в сомнительное земноводное? Едва она, болезная, попробует это сделать, как тут же должен сработать этот механизм приспособления, и наделить ее, неразумную, такими способностями, чтобы она эту убивающую сушу за версту чуюла, и даже случайно ночью туда не попала! При первой же попытке это сделать должен последовать окрик механизма приспособления: "Стой, дура! Там ты помрешь за полчаса в некрасивых конвульсиях! Вот тебе органы чувств, реагирующие на опасную безводную среду, и чтобы я тебя возле нее больше и близко никогда не видел. Я тебя научу приспособливаться! Я тебе покажу - подышать

по глупости и пустому любопытству! Ишь, чего выдумала"! А ведь эволюция утверждает, что и птица появилась именно из рыбы, дескать, - перья это измененная чешуя! Ну, не чешуя, ли?

Где был механизм приспособления, если первые рыбы миллионами гибли от удушья, пока в некоторых из них каким-то образом не произошли изменения, позволяющие слегка на суше задержаться и далее более длительно побившись в конвульсиях, опять погибнуть? Чем медленная смерть была предпочтительнее почти мгновенной, чтобы выгодно закрепить такое поведение рыб в поколениях? Это касается не только рыб, но и всех других видов. Любой переход из вида в вид требовал бы огромного риска в поведении, который должен был бы всегда отменяться наследственностью, как опасный, и не сохраняться, как перспективный и оптимальный.

Зачем первые клетки полезли из естественной для себя среды обитания в абсолютно для них убийственную? Где здесь приспособление? Они что, знали, что через миллион лет им там будет лучше, и они смогут посещать по абонементу ночные клубы? Если бы существовал механизм приспособления, то первые клетки должны были бы его, наоборот, превозмогать, что бы создавать нетрадиционные для себя формы жизни. Этот механизм стал бы первым и абсолютным тормозом для любых видоизменений. Похоже, вся теория эволюции держится на исключаящем ее же положении. Давайте развивать теорию летных свойств танка из обязательного отсутствия у него крыльев. Чтобы летал, но без крыльев. Что заставит нас предположить, что танк полетит? Только приказ майора. Какой майор сказал, что в основе эволюции лежит механизм приспособления, который должен предохранять животный мир от любого риска, но, при этом же, должен заставить крысу вылезти из безопасной норы на солнечный свет в мечтах о себе, как о красивой лошади под красивой наездницей? Это сказал Чарльз Дарвин. Но сам Дарвин никогда не настаивал на абсолютной безошибочности своей теории. Он не был в этом уверен. Обращает на себя внимание тот факт, что он 20 лет (!) не опубликовывал своих выводов об эволюционном развитии, потому, что сам в них не был уверен. И заставила его опубликоваться не укрепившаяся уверенность, а то, что по пятам шел другой англичанин А. Уоллес с аналогичными предположениями. Только угроза потери приоритета заставила Дарвина обнародовать свою версию. Как видим, нынешнее племя эволюционистов верит Дарвину больше, чем сам Дарвин верил себе. Дарвин был умней?

Если, все-таки, продолжать рассматривать особенности этой невероятной теории, то следует, исходя из нее, предполагать обязательное наличие животного и растительного мира, не разделенного на виды! Должны быть хоть какие-то переходные полувида! Мы должны наблюдать вокруг себя полумедуз-полурыв, полурыв-полуземноводных, полуземноводных-полупресмыкающихся, полупресмыкающихся-полуптиц, полуптиц-полумлекопитающих и т.д. Если все виды, как из пластилина, самовылепливались плавно и поступательно эволюционной чередой, по крупницам накапливая признаки другого вида, то откуда взялось это наличие отдельных, абсолютно обособленных, резко и непреодолимо разделенных между собой видов животного мира, которые не имеют ничего общего друг с другом и заносчиво не хотят иметь? Где все эти переходные формы, скажите нам, о которых столько захлебывающихся от счастья разговоров? Мы хотим их видеть!

Что говорит авантюрист-ловелас в ответ на просьбу очередной экзальтированной девушки познакомить ее с его отцом, который, по его словам, руководит труппой балета Большого Театра и лично знает накоротке самого заведующего столовой Дома Правительства? Правильно. Он говорит, что папочка, к сожалению, умер как герой, сгорел прямо на работе, последним мутнеющим взором напрасно отыскивая среди чуждых и хищных лиц балерин и балерунов открытое и честное лицо своего единственного сына. Врачи приехали слишком поздно. Такое горе.

Эволюционисты говорят то же самое. Они утверждают, что все переходные полувиды вымерли. Мы приехали слишком поздно, чтобы их застать. Такое горе. Поверим?

Но, уж если и сам глагол "вымерли" не исключает, что они когда-то были, то, значит, они должны были оставить после себя след. Это неоспоримо! Не могли же они просто так родиться и сгореть на эволюционной работе, не оставив после себя никаких материальных свидетельств! Так вот, - таких свидетельств тоже нет. Это доказано.

Существует такое понятие, как палеонтологическая летопись. Это хронологически зафиксированные останки всех живых существ, сведенные в единый каталог на основании научных данных и экспонатов раскопок. Ей нельзя не верить. Все перед глазами, никаких фантастических предположений. Она - просто фиксатор форм жизни на Земле во времени. От древности до наших дней. И этот фиксатор, (палеонтологическая летопись), не знает *ни одного* экспоната, у которого были бы зачатки новых органов и структур, то есть, развивающиеся ноги, руки, глаза, плавники рыб, переходящие в лапы земноводных, жабры, превращающиеся в легкие, передние конечности пресмыкающихся, превращающиеся в птичьи крылья, а задние конечности - в когтистые лапы, или рот, превращающийся в клюв и т.д. В настоящее время существует 5 000 видов млекопитающих, 19 000 видов птиц, 5 300 типов земноводных, 50 000 разновидностей рыб. Их переходных форм должно быть еще больше!!! Их должно быть *непостижимо* много, просто невероятно много, непредставимо много, ведь это была бы *непрерывная цепь видоизменения*, где нет ни одного звена, похожего на предыдущее, они должны валяться буквально на каждом шагу, и не может быть, чтобы среди раскопок ни одной из них не оказалось даже случайно! А вот - не оказалось. Хотя все ищут именно их! Вывод отсюда один - их никогда и не было.

А что говорит нам палеонтологическая летопись, если искать в ней не то, что хочется, а то, что есть? А она нам со стоическим спокойствием к эволюционным истерикам говорит, что все виды и формы животного мира появляются на Земле *внезапно, сразу и в законченной нынешней форме!* На сегодняшний день существует около 100 000 000 (!) экспонатов ископаемых, и среди них нет ни одной переходной формы! Какая прелесть, - из ста миллионов вымерших животных нет ни одного из переходных полувидов, которых как раз должно быть неисчислимо больше, чем законченных видов, а нам все еще пытаются доказывать, что именно эти полувиды руководили балетом бесцельных превращений животных из вида в вид и запросто бывали с самим заведующим всеобщей столовой - с естественным отбором! Первые многоклеточные организмы (губки, улитки, морские звезды, ракообразные) были уже очень сложными формами жизни (вспомним, хотя бы, клетку, из миллионов которых они состояли), и появились они в

кембрийском периоде внезапно и массово. Никаких предков этих форм жизни ниже кембрийского периода не обнаружено. В слоях выше кембрия происходит то же самое - абсолютно новые виды, никак не связанные с прежними, появляются также внезапно и также массово. Как в мультфильме: ничего не было и вдруг - бегемот! И все эти виды далее по данным палеонтологии от своего возникновения и до своего отмирания - не изменялись!

Также внезапно появились и внезапно вымерли, не изменяя своей формы, и огромные динозавры. Их современница, сова, с тех пор также не изменилась. Неизменной уже миллионы лет остается акула. Варану 110 миллионов лет, глипидии (родственники крабов) живут 70 миллионов лет, австралийский светло-желтый муравей - 80 миллионов лет, рыба целаконт - почти столько же, гаттерия (клювоголовое пресмыкающееся) - 150 миллионов лет, амкуру (земноводное) - 400 миллионов лет, и, наконец, рекордсмены, жуки "кровисония ла реликта пасе" (это их латинская фамилия русскими буквами) - пятьсот миллионов лет! Не изменившись ни в чем!!! Обо всем этом нам тоже рассказала палеонтологическая летопись. Даже ни одного жирафа, шея которого была бы существенно короче шеи наших нынешних жирафов, найти не удалось. А ведь это стандартно излюбленный пример эволюционистов - бедный жираф был когда-то совсем обыкновенным, но очень хотел кушать, тянулся за листьями высоких деревьев саванны, и вытянул себе неприлично длинную шею. Неприлично, в данном случае, было бы говорить о том, что палеонтологическая летопись *не подтверждает* эволюционной теории. Она ее попросту *опровергает!*

Впрочем, если кого-то не устраивает термин "Сотворение", то мы и не настаиваем. Только пусть тогда он даст свое собственное оригинальное название этому явлению, когда на Земле внезапно, массово, и одновременно повсюду, во всех ее местах, сразу появлялись готовые законченные формы бабочек, китов, змей, рыб, птиц, обезьян, львов, дубов, каштанов и т.д. Пусть поэкспериментирует. Он даже может потом об этом рассказать своим внукам, чтобы они знали, что дедушка не всегда был таким скучным и занудным. Мы же по-прежнему будем придерживаться старого и не оригинального названия.

Как видим в данном случае здравый смысл даже подкреплен наукой (палеонтологией), и можно было бы от этого вопроса просто отмахнуться. Однако теория эволюции настолько прочно засела в мозгах человечества, что своим количественным распространением она может подавить такие качественные аргументы, как логика и наглядные результаты какой-то одной очень точной науки, но всего лишь прозаически добытые из-под земли. Что такое, в самом деле, непреложные факты, когда есть такая великая идея? Идея, которая позволяет отбрасывать наличие Божьего Замысла и внедрять биологические основы животных ощущений в побудительные мотивы человека? Мы всего лишь животные, которым повезло больше других животных, и мы взяли над ними власть. Среди нас тоже могут быть такие животные, которым повезло больше других, и они тоже могут брать власть над себе подобными, то есть, над нами, не утруждая себя вопросами совести. Таков весь путь всего живого - сильный побеждает слабого и стремится лучше приспособиться! Секрет успеха этой абсурдной теории (эволюционной) только в этом, в ее удобстве. Как только требуется переступить нравственный порог, то сразу же мы - животные, это наша природа, изначальная и неодолимая. Удобно. Как только нравственный порог

переступается по отношению к нам, когда теперь уже нам не везет, тогда можно за нравственностью, как в соседнюю булочную, сбегать к Богу - мы ведь люди, образ Божий, с нами поступили не по Его критериям, караул! Универсально удобно. Наверное, в этом удобстве и кроется успех этой теории. Сам Чарльз Дарвин, выдвинувший ее, надо сказать, - не виноват. Он был верующим человеком и исходил в своей теории из того, что первую жизнь в какой-то форме создал Бог, а дальше пошла эволюция. Это современные его последователи распространили эволюционный принцип и на само зарождение жизни. Он был умный человек, и никогда не утверждал, что его теория абсолютно верна. Он говорил, что она будет абсолютно верной тогда, когда ее подтвердит палеонтологическая летопись! В то время палеонтология находилась в зачаточном состоянии, и он очень надеялся на ее успехи. Он был честным ученым, и не фантазировал по тем вопросам, которых он не мог объяснить. А таких вопросов было много, и он честно в таких случаях говорил: "Не знаю". Он, действительно, многого не знал в то время: не знал насколько сложна и совершенна клетка, не знал механизма наследственности, не знал итогов палеонтологической летописи, которая на сегодняшний момент вытащила из-под земли все, что можно было вытащить, не знал биологии в ее сегодняшнем уровне, (он ее знал на уровне студента среднего курса университета, а, может быть, и хуже), он многого не знал и заблуждался честно. Но он был джентльменом, и, зная он то, что сегодня знаем мы, он, несомненно, снял бы шляпу и сказал - "Джентльмены! Красивая была теория, что и говорить. Но она оказалась ошибочной. А теперь давайте займемся чем-нибудь полезным!".

Второй причиной успеха эволюционной теории, после ее социально-нравственного удобства, таким образом, можно считать упадок честности в науке. Почему это произошло? Очевидно из-за победившей материалистической установки на трактовку результатов научных открытий. В какой-то момент стало не просто престижным, но непременно обязательным сочетать науку и материализм. Раньше как-то обходились без этого, и наука двигалась своим путем, а честные ученые говорили - "гипотез не измышляю". Допускалось, что есть и нечто непознаваемое в мироздании, неподвластное нашему анализу, имеющее характер метафизический, то есть сверхфизический, располагающийся вне возможности наших ощущений. Признавалась иная реальность, отличная от видимой, материальной. Затем, как и в любом деле победила серость, и возобладала позиция, требующая исключать даже само предположение об иной реальности. При этом наука на пределах своих возможностей тыкается с разных сторон в эту реальность, которую нельзя признавать в качестве объяснений возникших тупиков, и здесь происходит то, что невозможно было во времена Ньютона, например, - появляются самые любые гипотезы и это теперь не стыдно, а почетно. Считается вполне достойным сказать любую глупость, лишь бы это звучало научно и было *материалистично*. Прекрасный пример из "Х-файлов": человек умер на унитазах от укуса насекомого, залетевшего случайно из космоса. Малдер это самое и предполагает на основе некоторых отрывочных данных - то есть объясняет невероятное единственно объяснимым, но недоказуемым, поскольку насекомые к моменту расследования уже погибли. Это позиция честного исследователя - видеть не видел, показать вещественно не могу, но по сведенным воедино фрагментам фактов *уверенно предполагаю*. А персонаж Джулии Андерсен, агент Скалли, представляет в сериале материалистически

озабоченного наблюдателя - она говорит, что человек дулся на унитазе, у него внутри от этого что-то лопнуло, и он так и скончался в печали. Будьте бдительны при отпращивании естественных надобностей! Зачастую большего и не вынесешь из материалистически заточенных гипотез.

А что, кстати, по поводу эволюции вообще говорит наука? Какие доводы приводит она, когда не хочет видеть приведенных нами неоспоримых археологических и элементарно разумных логических доводов? Как, по мнению приверженцев эволюции, мог вообще происходить этот процесс? В чем его именно тонкий молекулярно-биологический механизм? Может быть, это какая-то непреложная достоверность такого возможного биологического процесса изменения видов не дает честным ученым отказаться от его вероятности? Попробуем в этом разобраться.

Стремление животных видов приспособиться, как мы уже видели, само по себе исключило бы такое рискованное поведение, как их выход в другую среду, однако даже в этом виде механизм приспособления - был бы всего лишь *побудительным* мотивом, который должен был запускать собой какой-то *биологический* механизм. Нельзя же, в самом деле, утверждать, что чешуя превратилась в перья, но не объяснять посредством чего такое могло происходить. Это надо объяснить. И крайнего для такого объяснения нашли. В качестве такого биологического способа изменять свой, полученный от папы и мамы, вид, на другой, подставляется мутация. Ну, и что же это такое?

В услужливой энциклопедии написано - "Мутация - возникающие естественно или вызываемые искусственно изменения наследственных свойств организма в результате перестроек и разрушений (!) в генетическом материале организма - хромосомах и генах". Красиво излагают! Мы переведем это с русского - на русский. У нас получится, что мутация - это случайные изменения внутри ядра клетки, которые происходят в генах и хромосомах и поэтому могут передавать свои изменения потомству, так как именно гены и хромосомы отвечают за передачу наследственных форм. Теперь, когда мы выяснили, что это за фрукт, нам надо посмотреть - какова вероятность его произрастания, то есть, как часто эти случайные изменения могут происходить внутри клеточного ядра и достаточно ли это для массового эволюционного процесса всего живого?

Ученые на этот наш невинный вопрос отвечают однозначно - такие чудеса происходят крайне редко. Практически не происходят. "Практически не происходят" - характеристика, говорящая о невозможности применения тезиса "совсем не происходят", но, в тоже время, говорящая о том, что если и происходят, то для практики это *несущественно*. Наследственный механизм клетки работает поразительно точно, и сбоек практически не бывает, потому что гены, в которых это должно происходить, *как раз и созданы для того, чтобы предотвращать развитие новых форм, то есть, чтобы этого не происходило ни в коем случае и никогда!* Это их единственная и главная задача! На гены грешить не надо. Как и на хромосомы. Это то же самое, как предположить, что все громкие убийства были совершены телохранителями жертв, а заказчиками являлись матери погибших. Внутри генов и хромосом нет ничего такого, что не просто не предполагало бы изменений по их вине, но в них нет ничего такого, что *не препятствовало бы* этим изменениям!!! Они для этого и созданы. Причина не в них. А в чем, если не в них? Ответ ниже.



В подавляющем большинстве мутационные нарушения могут происходить под воздействием *внешних* факторов. А поскольку внешние факторы (случайные!) тоже не всегда у мутации под рукой, ибо они носят *аномальный* природный характер, (в основном резкий всплеск радиации, сверхвысокая температура, какое-то катастрофическое по последствиям кратковременное физическое воздействие экстремального порядка и т.д.), то мы можем с точки зрения частоты вероятного возникновения мутации назвать ее явлением для клетки также аномальным по аналогии с аномальностью самой причины, которая может вызывать мутацию. Тут споров быть не должно. Такие явления, как "разрушения в генетическом материале организма", естественно, не могут быть системными, иначе ничего живого уже не существовало бы, все оборвалось бы на разных поколениях потомства. Потому и говорят - "аномально", то есть вне господствующей нормы. В таком случае, если *аномальностью* характеризуется процесс, являющийся единственной основой какой-либо теории, то, как следует тогда называть саму эту теорию? А почему мы ее так не называем?

Но даже и эти, столь редко возникающие, аномальные и нежелательные для всего существа клетки, мутации, могут в свою очередь быть по своему результату как благоприятными, так и неблагоприятными! Дело с мутацией становится все веселей, не находите? Ну а нас (конечно же, с точки зрения эволюционной теории), интересуют только благоприятные мутации. Итак - каково же соотношение благоприятных и неблагоприятных мутаций между собой? Чего больше от мутации - пользы или вреда? Эксперименты показали - *большинство* мутаций или смертельны, или неблагоприятны, (то есть, порождают уродов). В таком случае вызвавшую смерть мутацию также можно было бы считать благоприятной, как избавившую своим летальным исходом от дегенеративных мук попавший под ее действие организм. Но только не с точки зрения эволюции. Ее интересуют только действительно благоприятные мутации, которых приходится (по научной статистике!) одна на тысячи вредных! Это не образное выражение! Это приблизительная, но научная статистика! Одна благоприятная на тысячи неблагоприятных! Если в это нормально вдуматься, то создается полное впечатление, что мутация по своим основным, подавляющим последствиям, носит для клетки характер катастрофы или смертельно опасной аварии. Как можно аварийно-аномальное явление считать основой совершенствования и видоизменения организмов? Как можно полезным считать процесс, который в 999 случаях из тысячи приносит вред? Мы и не будем так больше считать. Это не наш каприз. Это наш вывод из практических лабораторных опытов. Для нас эволюция - не предмет веры, коль скоро ее называют научной гипотезой.

Однако - дальше еще круче. Практические лабораторные опыты не оставляют мутации даже и этого мизерного, эфемерного шанса 1:1000! Самое смешное во всем этом то, что все мутанты, произведенные экспериментально, (в основном - насекомые), в течение нескольких поколений всегда вытеснялись и исчезали, не выдержав конкуренции с нормальными особями! Причина - общая *дегенеративность любого мутанта!* Доказано, что мутирующий вид не может быть более сильным видом, чем исходный. По- простому это можно сказать так - мутация всегда ухудшает характеристики живого организма, действует на него разрушительно. В основу теории эволюции положен, таким образом, аварийно-аномальный, разрушительный процесс! Как такой

процесс может что-либо созидать, да не просто созидать, а еще и с помощью естественного отбора? В таком случае, если мутированные дегенераты, обреченные на вымирание по причине своих более низких жизненных характеристик, вытесняли более сильные исходные виды, то - это естественный отбор с преимуществом слабого над сильным! А это тоже самое, что сказать опускаемому в пещеру - "дерни за веревку два раза вниз, и мы будем знать, что тебя надо опустить еще ниже, а если дернешь ее два раза вверх, то мы тебя начнем поднимать". В этом варианте у него нет шансов вернуться по своей воле. Дорога только вниз. Но это сказано, и сказано не нами, а теми, кто заложил в основу доказательств эволюции положение, при котором каждый новый вид, более слабый, благодаря уродующей мутации, вытеснял свой более сильный предшествующий вариант с помощью естественного отбора на основе смертельной конкуренции! То есть, - шел вверх! Да, - авторы этой теории могут заставить поволноваться!

И все-таки, все-таки, - прошли миллионы лет, и, как это ни невероятно, может быть, какие-то исключительные случайные, исключительно благоприятные исключительные мутации действительно исключительно накопились и образовали сегодняшнюю нашу жизнь во всем ее многообразии исключительно удачным образом? Один шанс из тысячи - он, ведь, тоже шанс? Шанс, спорить не будем. Но нет и этого шанса. Мутации, может быть, и были. Может быть, среди них иногда и попалась какая благоприятная, но многообразия видов они создать бы не смогли, потому что любая мутация - *это вариация одного и того же вида!* Всего лишь "одного и того же вида", слышите, люди! Мутация могла бы стать источником разнообразия одного и того же вида, но не источником создания чего-либо нового из того, к чему она прикоснулась. Мутация или уродует, или несущественно изменяет какой-либо орган, но никогда его не видоизменяет и никогда, тем более, не превращает в какой-нибудь другой орган! Неужели нельзя было выбрать помимо мутации ничего более серьезного? Просто, даже, как-то обидно!

И, чтобы забить последний гвоздь в крышку гроба несуществующей эволюции, с хладнокровием гробовщика добавим, что ДНК обладает способностью восстанавливаться после генетических изменений. Она, ДНК, Дарвина не читала. Она, в ответ на происшедший сбой, начинает усиленно производить повышенное количество специальных ферментов, которые способствуют восстановлению прежнего вида и отменяют действие мутационных повреждений. Зачем ей беспорядки в своем собственном доме? В проведенных экспериментах в поколениях мутированных насекомых постепенно начинают появляться нормальные, не мутированные экземпляры! Проявляется явная тенденция к полному восстановлению нормального исходного вида! Даже если бы отдельные особи создали эволюционно-революционную партию и захотели бы коллективно видоизмениться во что-либо новое, то их собственная ДНК их тактично, но твердо поправила бы. Враг бы не прошел. ДНК показала бы, кто хозяин в доме.

Ну, и чтобы закончить с научно-популярным аспектом теории эволюции, надо привести еще одну "научную" версию, которая объясняет почему не нашлось никаких переходных форм и как слабые победили сильных в смертельной борьбе. Это теория Коржинского-де Фриза о "внезапных, взрывных мутациях", происходящих в организме мгновенно. Мы заранее оговорились, что аспект рассматривания этой теории у нас будет научно-популярным, поэтому мы вправе перед собой изложить эту теорию в такой простой беллетристической формуле, при

которой змея ложится ночью спать змеей, а утром просыпается уже птичкой! Не хотела так больше жить... Мы выбрали научно-популярный метод изложения, поскольку даже ученые не очень-то задаются научным рассмотрением этой теории. Понимают, что не стоит. Хотя эта теория также объясняет все с удивительной простотой. Но цена этой простоты та же, что и, например, в универсальном методе, который можно посоветовать всем решающим сложные кроссворды - "впишите во все пустые клеточки ответы на вопросы вы, таким образом, разгадаете любой кроссворд". А идейным вдохновителем такой гипотезы вполне может быть тезис - "если логически нельзя, но материалистически хочется, - то можно".

Вообще логические скрепы любого материалистического тезиса всегда вещь очень забавная. Споры между материалистами и идеалистами, похоже, ведутся неправильно. Они ведутся чаще всего диалектическим методом, который через дистинкцию (противопоставление и различение) всяких "сущих" и "не-сущих" уходит во всякие логические абстракции, где возможно все - и материализм и идеализм. При этом применяется логическая индукция и дедукция, что позволяет диалектически носиться по кругу рассматриваемого вопроса или метаться вокруг него галсами. Нескончаемые споры. А ведь спорить-то и не надо. Надо признавать материалистический тезис, подхватывать его и анализировать с помощью формальной логики и редукции.

Диалектики, пожалуй, самые способные из философов, очень не любят формальную логику, потому что она не дает им разгуляться. Что такое формальная логика? Упрощенно говоря - это логическая схема с пустыми ячейками, подставляя в которые самые различные значения, мы получаем результат - правильно или неправильно. Простой пример -  $A + B = C$ . Для формальной логики совершенно неважно, что вы подставите вместо A, B или C, для нее важна только *форма* их взаимодействия. В данном примере вы можете подставлять числа (тогда начнут действовать логические законы из математики, где сумма больше любого из слагаемых, сумма минус одно из слагаемых - второе слагаемое и многое другое) и всякий раз вам будет видно, правильные или неправильные числа вы подставляете. Вместо чисел можете подставлять вообще что угодно (например "персики + яблоки = арбуз") и вам всегда также будет видно, где вы вляпались, а где шансы еще остаются (например, можно путем подстановки различных значений дойти до значимого открытия - "арбуз = земля + арбузное семя"). Все это сложно и после античных времен не приветствуется, потому что люди стали думать все хуже и хуже, и кинулись в различные философские выверты, где нет конкретной закономерности. Но принцип формальной логики можно применять к материалистическим теориям вполне успешно - надо брать эти теории в качестве логической схемы и, ничего не опровергая, доводить логически до конца каждую основную позицию (то есть, применять редукцию, также столь нелюбимую современными мыслителями), и вы увидите, как материализм всегда *самоуничтожается своей же внутренней логикой. Это всегда очень потешно.*

Несомненная сила материализма в том, что он все правильно описывает, слабость в том, что он ничего не объясняет, а несостоятельность в том, что он погибает от *последовательного* применения *своих* же базовых положений. Раз уж мы коснулись этого в главе "Жизнь", то разберем это на примере материалистического положения о том, что жизнь есть всего лишь

"свойство высокоорганизованной материи". Здесь всего лишь правильно описывается собственное же *поверхностное впечатление субъекта* (это уже само по себе - комната смеха для "принципа объективности" материализма!), но ничего не объясняется, поскольку сказать так, не обосновав *материалистически* саму возможность наличия в природе такой сложной системы взаимодействия, это отразить лишь *внешний* факт наличия взаимодействия между "высокой организацией" и жизнью, не показав *внутреннего* источника такого взаимодействия. И что нам с этим делать? А зададим-ка мы вопрос - в чем источник таких "свойств материи", и разве не можем мы предположить, что он находится в нематериальном мире? Не можем - отвечает материализм, поскольку никакой другой реальности, *кроме материальной*, нет, и ему *неоткуда* приходиться в материю, поэтому *только* материя является источником таких свойств, как единственный источник вообще всего реально существующего. Тогда мы зададим другой вопрос - если источник этих свойств располагается в материи, то почему жизнь была не всегда, а возникла позже, на базе неорганической материи, вы ведь утверждаете, что материя была всегда? Почему же жизнь была не всегда? Не говорит ли это о том, что этих свойств в материи поначалу не было, а затем они в определенное время в нее вошли из другой реальности? Не говорит - отвечает материализм, эти свойства находились в материи в скрытом состоянии и смогли реализоваться только тогда, когда к этому сложились определенные материальные условия. Тогда зададим еще вопрос - если в белковой молекуле эти свойства уже проявлены, то, что мешает нам в ответ сказать, что они и сюда пришли извне материи? Так же ничто не помешает нам сказать это и относительно аминокислот, как органических соединений, и даже еще ниже - по поводу аминных групп, если признавать их хоть чуть-чуть живыми. Вот они живые и не имеют своего неживого варианта, откуда брать повод для предположения, что жизнь в них из материи? Покажите нам, в конце-концов, такой компонент материи который *никогда не бывает живым*, чтобы мы никогда не сказали про него, что он мог бы оживляться каким-то нематериальным образом, и который *одновременно* может, (немного более сложно организовавшись), проявить через себя жизнь, и мы вам поверим и признаем, что источник жизни - в материи, и она действительно этому первична. Да, боже-ж, мой - отвечает материализм, вот он этот компонент - атомы, они никогда не бывают живыми, и они же создают такую сложную организацию, которая имеет свойства жизни. А теперь посмотрим, что получается из этого победоносного заявления материализма - вводя жизнь в состав атомов, элементарных частиц, *первокирпичиков* материи, он одновременно вводит *во всю насквозь* материю жизнь, следом сознание, как неперенный атрибут жизни, ну и психику, как явление, вбирающее в себя сознание. Что здесь остается от материализма? Совершенно верно - ничего, он бесславно умирает, тихо превращаясь в пантеизм, где все в природе имеет душу, то есть каждый атом жив и психически наполнен, до времени этого не проявляя. Если же материализм не захочет быть пантеизмом и откажется от притязаний на обладание в глубинах материи источника жизни, то он, трудно агонизируя, превратится в идеализм, поскольку тем самым признает не только наличие *иной* себе сферы бытия, где должны располагаться эти свойства, но и признает ее первичность себе, поскольку в результате ее вторжения материя подчиняется и сложно организуется, чтобы служить всего лишь плацдармом осуществления несвойственных себе задач.

Если этим последовательным путем идти везде, где есть материалистическая мысль, то всегда обнаружишь очередное самоистребление материализма. Здесь все забавно, но бесплодно. Нам не до этого. Вернемся к эволюции.

И все-таки, почему за теорию эволюции так упорно цепляется научный мир? Помимо вышеприведенных причин, может быть, следует предположить и то, что большинство ученых, очевидно, являются обычными чиновниками, что необходимо для такой всеохватной отрасли, как наука, в наше время. Времена гениев-одиночек давно прошли, и для успешного функционирования научного процесса нужны колоссальные организационные усилия. Создалась система, войти в которую начинающему далеко не просто, и при входе в нее от него требуются определенные критерии на соответствие. Вот ему и говорят - "скажи пароль", а он должен ответить - "Эволюция, фотон не частица, а вообще черт-те что, свет остановить нельзя и т.д!" и прочие остроумные выдумки. То есть, показать, что он свой в доску, а иначе - создавай на свои деньги лабораторию, финансируй, откуда хочешь, опыты и работу вспомогательного персонала, издавайся, где хочешь и т.д. Если ты такой умный, что не признаешь того, что мы все признаем, то чего ты к нам пришел? Иди к своим.

А может быть - это реакция на издевательства над учеными со стороны духовенства, которое в средние века решало, что ученый говорит правильно, а за что его можно и на костре спалить. Наука, пожалуй, от этого ужаса до сих пор отойти не может, и продолжает противопоставлять себя Церкви, не заметив, что в этом противопоставлении давно уже стоит против самого Бога. Многое тут перемешалось, и эволюция стала такой же непреложной догмой, какими были когда-то ненавистные науке удушающие религиозные ограничения. Один король умер - да здравствует другой?

Впрочем, в науке достаточно здоровых сил, и она с этим справится. А нам следует направляться дальше, исходя из того, что все живое, все же, было сотворено и, следовательно, перед нами опять встает вопрос - зачем?

Метод у нас будет прежним - мы присмотримся к жизни, как таковой, и попытаемся найти ответ в ней же.

Прежде всего, если исходить из того, что весь неорганический мир создавался в качестве основы для Жизни, то чем таким жизнь отличается от нежизни, что не позволило это неживое положить в основу замысла? Зачем нужно было создавать что-то новое, когда было уже создано настолько совершенное старое? Что нового привносит жизнь своим появлением в существующую систему вещей?

Первое, что бросается в глаза, так это то, что органический мир более совершенен и сложен, чем неорганический. Однако сложность сама по себе, не может являться задачей. Наоборот, сложность или простота сами всегда определяются какой-то, главенствующей над ними, задачей. К тому же, в нашем случае, сложность, как преимущество живой материи, абсолютно нивелируется ее хрупкостью и временностью в сравнении с неживой материей. Любой представитель живой материи сегодня есть, - а завтра его уже нет. В неживой природе все не так. Если механика планет запущена, то она запущена на вечность, если молекула серы создана, то она была, есть и будет сама по себе всегда, а камень пролежит столько, сколько

просуществует мир. Дерево истлеет, это правда, но его составные части на уровне атомов останутся. То есть, - живое дерево исчезнет, а его мертвые атомы останутся в виде неживых субстанций почвы. Жизнь любого организма в любой момент может прекратиться от любого воздействия неодушевленного материального объекта или просто сама по себе. Похоже, сложность не дает жизни преимущества над неживой природой ни в прямом столкновении, ни в сравнительной стабильности во времени, как явления. Мы должны найти что-то другое.

В качестве другого преимущества жизни можно предположить ее способность к размножению. Неживая природа не размножается и этим сильно уступает при сравнении с живой. Однако, размножение, скорее всего, является лишь компенсационным механизмом той же самой хрупкости и временности. Оно всего лишь вспомогательное средство обеспечения присутствия жизни в достаточной полноте, а, если оно вспомогательное средство по самой своей сути, то не может быть Целью по определению. А неживой природе, с этой точки зрения, и не нужно никакого вашего размножения, она и так присутствует в достаточной полноте, здесь ей ничто не угрожает. Сомнительно, чтобы необходимость размножаться была более передовым состоянием материи, в сравнении с тем, при котором она может существовать без этих приятных, но, все-таки, изнурительных нагрузок. Как ни заманчива нам эта область, как не манит нас самоотреченно заявить, что все вокруг именно для того, чтобы мы размножились, и, как бы ни были готовы мы внутренне жертвовать всем своим временем чтобы со рвением содействовать исполнению этой задачи, а придется нам отказаться от нее, как от основополагающей, при рассмотрении преимуществ жизни над нежизнью.

Во всем остальном - в цикличности, красоте, постоянном изменении, органичности, монументальности, последовательности взаимосвязанных действий и др., живая природа не является эксклюзивным держателем никаких особых характерных особенностей. Все, что присуще ей, присуще и неживой природе.

Однако, доподлинно убедившись ранее в том, что неживая природа создавалась именно для живой, мы должны обязательно найти между ними существенное отличие, и, как представляется, такое отличие есть. Есть одна особенность органического мира, недоступная неорганическому. Это - способность к программированию. Вот здесь неодушевленные предметы абсолютно неприменимы и бессильны. Камень скатится с горы только тогда, когда возникнет ситуация, при которой нарушится равновесие всех сил, приведших его в свое время в состояние покоя. Это нарушение равновесия произойдет без его направленного участия. Камень нельзя запрограммировать на самопроизвольное скатывание вообще. Он просто не сможет создать себе для этого условия, он может лишь послушно подчиниться сложившимся обстоятельствам, выразившим себя через действующий физический закон. Тюлень, же, скатывается в воду самопроизвольно. Он *использует* действующие законы, *создавая* из них обстоятельства, а не пассивно им подчиняясь. Живой организм обладает способностью манипулирования физическими законами, что выводит его на совершенно недоступный для неживой природы уровень взаимодействий и проявлений. Вместо просто механической деятельности, появляется фактор программируемой деятельности, что уже позволяет говорить о включении живых организмов в какую-либо общую программу не пассивно, а созидательно. Бог может нас программировать в

соответствие с какой-то Своей общей программой, и именно поэтому Он создал все живое. Иных причин мы не видим, и нет ничего другого, что вдохновляло бы нас больше, чем это предположение.

Почему мы говорим о запрограммированной, а не просто о спонтанной деятельности живых организмов? Потому, что спонтанная деятельность позволяет реализовывать свое поведение в свободных формах, а программа - только в заданных параметрах. При спонтанной форме поведения деятельность должна руководствоваться только ощущениями, а при запрограммированной - сами ощущения становятся лишь сигналом, побуждающим к выполнению сугубо конкретных форм некоей программы. Если при спонтанном поведении ощущения толкают на равновероятные по форме проявления действия, то в запрограммированном состоянии ощущения включают те информационные модели поведения, которые предназначены именно на этот случай. А в чем, собственно, разница? А разница в том, что *спонтанное* поведение *живого* организма, по сути, является тем же механическим действием, которое производит и *неживой* объект! Просто это производится живым организмом, а не мертвым предметом, но *механизм связи между миром и ответом на него один и тот же!* Это такая же механическая отразительная реакция, такой же механический ответ на механическое воздействие. Если поведение задается только ощущением, то и охлаждение и нагревание камня тоже можно назвать, в конце концов, ощущениями, которые побуждают его, в конце концов, растрескаться. В чем тут отличие между живым и неживым? И там и тут - бездумная механика. Либо в органическом, либо в неорганическом исполнении. Качественной разницы нет. Опять есть только личное внешнее впечатление наблюдателя, но нет никакой внутренней разницы *по смыслу* этих действий.

Только программируемое поведение закладывает основы целенаправленной деятельности, превышающей потребности механического ответа, и только в этом случае мы будем отличаться по образу своего действия от неживой природы. Допустив спонтанность своего поведения, мы приходим в тупик, приравняв по назначению живую природу к неживой. Потому что свободное от программы реагирование, - это и есть реагирование неживого на действие действием, адекватным произведенному на него. Такое реагирование нецеленаправленным отображенно-адекватным действием (перекачивание камня от прибойной волны, например,) происходит пассивным и бесцельным образом, в отличие от того, как это было бы в случае включения программы поведения (преодоление ливня прибором человеком). Такой мертвый образ зависимого, бездумного, спонтанного действия не переходит границ необходимости простого проявления ответного действия, полностью определенного результатами прямого физического воздействия со стороны физического мира. Разница здесь была бы лишь в способности производить движение получением его со стороны в одном случае (неживая природа), и производением движения собственными внутренними усилиями, в другом случае (живой организм). А смысл один и тот же: откликнуться на действие, как можешь, и забудь, если тебя оставили в покое.

Будь это так, будь мы не запрограммированными созданиями, а существами со свободной формой поведения на основе своих простых ощущений, то, в этом случае, неживая природа должна считаться первичной и главной в мире, потому что именно она будет не только

определять необходимость всех действий живой природы, как механического ответа на свои проявления, но и потому, что причиной всей, даже самой разумной деятельности, становится просто биологическая потребность ответа на вызов физического мира. В этом случае даже космический полет, - такое же механическое отражение необходимости поиска новых жизненных пространств биологическому виду посильными средствами, обусловленное исчерпаемостью земных ресурсов. Такое же механическое, как и проржавление железа под воздействием кислорода, которое является таким же механическим отражением необходимости вступления в соединение с кислородом всех молекул, обусловленное стремлением кислорода активно расширять свое присутствие везде и всюду. Если бы ресурсы Земли были неисчерпаемы, то в космос не забрались бы? Ведь, если бы кислород не был настолько любвеобилен, чтобы совращать любую встречную молекулу, то и ржавчина не мучила бы технологов. Нет физической причины - нет и физического действия. Допустить, что все наше поведение обусловлено условиями, заданными конкретными обстоятельствами неживой природы, - это отменить все, что мы получили перед этим. А перед этим мы достигли не многого, а всего лишь пришли к выводу, что наоборот, неживая природа создана для возможности главенствования в Его замысле для осуществления какой-то идеи. Следовательно, мы должны обязательно найти признаки программы в каждом живом организме. Если мы этого не найдем, то наше предназначение, - рыбки в Его аквариуме, которые, конечно же, более забавны и милы, чем камешки в том же аквариуме, но они ни для чего. Аквариум главней. Рыбок можно и убрать, если будет слишком хлопотно.

Если перейти здесь от теоретического предположения к практике, то практика полностью будет подтверждать наше предположение. Тем, кто изучал ботанику и биологию, не понадобится долго убеждать себя, что весь животный и растительный мир осуществляет свою деятельность в одних и тех же неизменных формах, проявляющихся даже вопреки ощущениям. Росток пробивается через асфальт, хотя по ощущениям ему дешевле было бы сидеть смиренно и не рыпаться, паук совершает сотни тысяч манипуляций по плетению паутины, даже если злые экспериментаторы удалили у него железы, эту паутину вырабатывающие, и он это вполне ощущает. Новорожденный, не умеющий адекватно оценивать свои ощущения, сосет и дышит так, как будто его этому учили на университетских факультативах. Птицы вьют гнездо каждый год и совершенно одинаково, независимо от того какая погода в этом году, каков окружающий пейзаж и курс доллара на момент строительства. Муравьи строят муравейники, не отличимые друг от друга по всей земле. Все белки к зиме делают одно и то же, бобры ставят абсолютно идентичные плотины на всех реках во всех странах, птицы осенью снимаются и дружно летят в теплые края, не зная, какая там погода, а медведь лезет в берлогу, оставив все незаконченные дела. Насекомые откладывают и укутывают личинки в то время, когда никакие ощущения не могут сказать им, что они доживают свои последние мгновения, ящерица всегда отбрасывает хвост, а не пытается откупиться недвижимостью и т.д. и т.п. Налицо строго определенное количество и качество созидательного и обеспечивающего существование жизни труда, не выбивающееся в этих параметрах ни в лево, ни в право. Никаких вариаций, никаких недоделок или усовершенствований, полное соответствие невидимому шаблону везде и во всем. А что такое



невидимый шаблон, если не программа? И если все было создано, то Кто эту программу в Свои создания вложил? Конечно же, Создатель. Это его Мудрость стала врожденной "мудростью" всего живого. И мы даже знаем, как эта, присутствующая во всем от рождения мудрость, называется. Она называется инстинктом.

Впрочем, пресловутая эволюция и здесь не хочет сдавать своих позиций. Она считает, что такое программированное поведение просто закрепилось наследственно как наиболее выгодные моменты этого же поведения в процессе длительного существования и борьбы за выживание. А может быть, это действительно так? Почему бы и нет? А потому "нет", что генетический код живых организмов всех видов вообще не имеет даже зачатков способности передавать по наследству видовое поведение! Он не может не только передавать его по наследству, но даже не может его в себе фиксировать и запоминать! Он может лишь копировать однажды полученное, другого ему не дано. Тут - вижу, а тут - не вижу. Вот принцип биологической передачи наследственности. То, что во мне уже есть, - вижу и люблю. А того, чего во мне нет, - не вижу и ненавижу никогда! Биологически живые организмы не могут передавать по наследству то или иное поведение, если оно не заложено в их воспроизводящем коде *изначально*. Получается, что не только усовершенствовать поведение до выгодного, но и вообще накопить элементарнейшие навыки из поколения в поколение ни один организм сам не способен с нуля. Он должен получить порцию инструкций сразу и навсегда, расписаться в получении и в дальнейшем неизменно ими руководствоваться.

Но мы привыкли уже к тому, что эволюционисты такими мелочами не обескураживаются, поэтому нам от таких заведомо слабых возражений, как строго научные, следует опять перейти к логическим. Хотя это уже и основательно утомляет.

Если признать инстинкт приобретенной мудростью, то животного и растительного мира просто не должно было бы уже быть. Большинство форм поведения просто не может развиваться эволюционно! Например, некоторые птицы летят на юг, покрывая невообразимые расстояния, до 40 000 километров. Неужели какие-то птицы, когда-то очень давно, случайно залетели на сорок тысяч километров в сторону, нашли там райское местечко, перезимовали, поняли, что это хорошо, вернулись домой, рассказали другим птицам и своему потомству, как там все здорово и дешево, и теперь, вот уже тысячи лет, они летают только туда в период зимних отпусков? И с чего бы им вообще не поселиться там навсегда? Разве это было бы не наиболее выгодной формой поведения? Почему она не закрепилась?

Некоторые птицы вообще на юг не летят своими усилиями, а добираются плацкартой на попутных атмосферных ветрах. Причем с пересадками, перепрыгивая с ветра на ветер, для чего в нужных местах (на станциях пересадки?) меняют высоту полета. При этом пересекают половину Земного Шара (!), зачастую меняя направление почти на противоположное, чтобы добраться до нужного ветра. Сколько нужно удач и поколений, чтобы закрепить такое поведение? С первого раза явно не получится. Что было бы выгодного в тех неудачных попытках, которые занесли стаю неизвестно куда, чтобы закреплять их как отдельные правильные этапы? Да и как было знать, что они правильные, если не знаешь куда летишь?

А если знаешь - куда, то это явно программа. Если птиц увезти из мест постоянного обитания, то они туда легко возвращаются. Пингвинов увозили от береговой полосы за 2 000 километров и они, не тратя сил на скитания, моментально поворачивали в направлении, кратчайшем к морю, а морем так же безошибочно возвращались в родные пенаты. Как могло закрепиться такое действительно выгодное поведение? Что неисчислимое количество раз могло забрасывать птиц и пингвинов в разные концы Земли, что позволило им, наконец, приобрести опыт гарантированного возвращения? Очевидно, что они просто знают, где им надо быть и когда куда надо лететь, то есть, запрограммированы на это.

А как объяснить закреплением выгодных моментов то обстоятельство, что у многих видов птиц птенцы впервые летят в теплые края самостоятельно, без взрослых особей? Родители вылетают раньше и всю зиму загорают и крутят любовь на базе летнего отдыха, а птенцы в это время подрастают на старом месте, и затем, через тысячи километров, преодолеваемых впервые в жизни, навещают своих рассобачившихся родителей, делая своим присутствием их поведение несколько более солидным и подобающим понятиям.

Некоторые птицы бросают свое потомство в самом начале перелета из-за разницы в скорости, и те долетают самостоятельно, опять же, впервые преодолевая тысячи (тысячи!) километров. Если бы даже первые птицы случайно нашли место зимовки, то их птенцы от этого ничего не выиграли бы, и погибли бы от голода, потому что эти первые птенцы не знали бы, куда и сколько им лететь. Вернувшись домой птицам некому было бы показать заветную дорогу, потому что их дети летели за ними, но бесследно исчезли на просторах неба. Выдержав траур, они народили бы новый молодняк, те бы снова зимой погибли, а вернувшиеся бы снова ... и так пока не вымерли бы все по возрасту. Не в ком было бы выгодному поведению закрепляться! А если есть программа, то птенцы извлекают из нее планшет и летят к мамам и папам по точному курсу.

И совсем уже неприлично звучит вопрос: как птицы находят место для зимовки, если в 6 случаях из 10 перелетную стаю ведет молодая птица, *вылупившаяся только летом*? Уж эти-то, Сусанины, - как могли они что-то закрепить в своей навигации, если им от роду четыре месяца, и они нигде больше не бывали кроме своего леса? Если мы напрямик спросим хоть одну из них об этом, то она нам искренне ответит: "Ой, я вас умоляю!" А разве есть другой ответ у тех, кто считает инстинкт приобретенной в поколениях способностью?

Ну и, если говорить о птенцах, то их, ведь, никто не учит вить гнездо. Приходит время, и они это *знают*. Это в них заложено. А это ведь не просто взять и полететь, пусть даже куда глаза глядят, это - сложная строительная деятельность. На это, если нет внутри готовой программы, надо еще решиться, это надо захотеть, это надо сначала создать в голове, затем попробовать убедить супруга в необходимости своего плана, затем испробовать его различные варианты на практике, чтобы выбрать лучший. Пока этим будешь заниматься, потомство погибнет, а для кого тогда все это? Нет, такое надо уметь сразу, иначе этого не нужно совсем.

Многие формы поведения действительно не просто обеспечивают выживание, они выживание и есть. Такие формы поведения непосредственно обеспечивают выживание, и, если ими не обладать изначально, то не прожить более одного поколения. Термиты, несомненно,

погибли бы, если бы сразу не могли возводить свои кондиционируемые термитники, и эволюционный опыт накапливать было бы уже некому. Жук-дровосек должен сразу же знать, что, отложив осенью яйца под кору ветви, теперь следует перебраться на 30 сантиметров по направлению к стволу от места закладки и сделать на ветке кольцевой надрез, чтобы ветка засохла, иначе в живой древесине его личинки весной не выведутся. Если первый жук этого не умел, то некому было бы затем этому научиться, потому что, закончив с приготовлениями будущего потомства к жизни, сам жук умирает. Если бы пчелы сразу же не умели собирать нектар, сообщая друг другу, где он находится, сколько там его, на каком расстоянии и в каком направлении, то они не пережили бы первой же зимы, и не смогли бы, естественно, в дальнейшем ничего оттачивать и закреплять в наследственности. Ребенку, ведь, тоже не расскажешь, что надо сосать грудь. Пока ему это объяснишь - страшно сказать даже, что получится. Он тоже просто знает - надо сосать. Как первый ребенок мог этот опыт получить? Если бы даже он был обучаемым, кто мог бы быть его учителем? Только тот, кто, благодаря материнской груди, выжил. А ему кто рассказал? Ясно, что некому было! Это тоже, - в программе.

Все больше создается впечатление, что мы стучимся в открытую дверь, настолько это очевидные факты. Все эти, якобы научные, теории, не любят истины, они пригвождены к солидным по форме выдумкам своей гордыней, которая не хочет признавать, что Истина может оказаться сверхлогичной и непознаваемой. Эволюционисты, скорее всего попали в ситуацию, о которой сказано - кто хочет получить все, тот не получит ничего. У науки есть свои пределы, и они определены Богом, и об этом мы впереди еще поговорим. В данном же случае, пересекая искусственно пределы познания, претендуя на независимую от Творца истину, на некую самозначность, эволюционистские теории носят явный характер вяло протекающей истерии на почве научной претенциозности. На бытовом уровне, такое состояние ума может выражаться, например, в мрачном заявлении - "я не помню, из-за чего мы разругались, но я этого ему никогда не прощу". Так привычнее.

Слава Богу, нам осталось сделать совсем немного этих стуков в незапертое помещение, а пока мы двинемся дальше.

Итак, мы определили, что зерно отличия живой природы от неживой - способность к программированию в форме инстинкта, то есть врожденной мудрости, обеспечивающей заданное разумное поведение. Следовательно, это отличие мы можем считать целью Создателя, и нам следует поговорить о программировании живых организмов подробнее. Мы не будем углубляться в сами принципы работы программ и в механизмы их проявления. До каждого жучка-паучка нам просто физически по времени не добраться, да и биологические подробности нас сейчас не интересуют. Программы интересуют нас не в прикладном аспекте, а в фундаментальном - что стоит за этой Целью? Какова задача всех этих программ? Для чего сами программы? Вот здесь мы изменим привычный метод рассмотрения, при котором мы пристально вглядываемся в исследуемое явление, и наоборот, слегка от программ отстранимся, чтобы увидеть их какую-нибудь особенность, которая могла бы нам дать ответ на наш вопрос. Эта особенность должна быть не присущей изнутри компонентой только одной из программ или каким-либо нескольким

программам. Это должно быть что-нибудь общее для них, объясняющее собой их всех сразу, объединяющее их во что-то целенаправленное, раз уж мы говорим о цели.

Приглядевшись повнимательнее, мы обязательно увидим в этих программах живого мира то, что позволяет выявить *тенденцию*, то есть ярко выраженное направление движения к какой-то цели. И что же это? А это, (во-первых), - последовательность их запуска во времени. Упустить такой фактор просто нельзя. Все формы жизни появлялись на земле одна за другой, а не одновременным образом и этого нельзя игнорировать. Очевидно, в этом был смысл, известный только Вседержителю, но нас в данном случае привлекает само существование неоспоримо возможного принципа классификации программ. Мы возьмем его за основу как наиболее явно напрашивающийся.

Однако, одной временной последовательности для выявления тенденции маловато, поскольку время - категория количественная, и мы могли бы фактором времени даже и пренебречь, будь у нас какой-либо качественный признак, превышающий по своему значению временную последовательность. И в данном случае у нас такая приятная нам примечательность расположения программ во времени есть, а именно - каждая последующая программа была совершеннее, сложнее и разнообразнее по своим возможностям любой предыдущей. А это уже тот качественный признак, который мы разыскиваем и который настолько складно сочетается с количественным признаком времени, что мы уже не сможем пренебречь получившейся картиной, настолько достоверно она сейчас у нас будет смотреться.

Итак, объединяем очередность появления во времени форм жизни с их биологическими программами поведения по степени сложности. Что у нас при этом получается? Опираясь даже только на научные данные учебников средней школы, правомерно получаем следующую хронологию появления видов жизни на Земле:

Микроскопические организмы и водоросли - первая по времени и самая простая программа. Пожалуй, требуется настоятельно напомнить здесь, что следует быть очень осторожными с термином "простая" во всем, что касается дел Всевышнего. Мы уже знаем о непостижимой сложности клетки, а эти живые виды состояли уже из *несчетного множества* клеток, поэтому, говоря о простоте, мы имеем ввиду лишь выдвигание ее в качестве исходного стандарта для сравнения. В силу этого мы не будем рассматривать отличительные признаки этой программы, они нам не важны. Мы будем иметь в виду, что они есть, и признаки очередных последующих программ будут приводиться нами лишь в тех случаях, когда они будут новшеством по отношению к предыдущим, потому что ради экономии времени мы должны будем просто признать без доказательств факт, известный любому семикласснику, что более поздние формы жизни обязательно содержат в себе основные достижения более ранних форм жизни.

Наземные растения и насекомые, которые появились следом, - более сложная программа. Здесь уже присутствует самый сложный процесс опыления, плоды, перегнивание, фотосинтез(!), половое размножение, симбиоз насекомых и растений, метаморфозное развитие насекомых, автотрофное питание растений, трахейное дыхание насекомых. Температура тела равна температуре окружающей среды,

Рыбы - еще более сложная программа: дыхание жабрами, позвоночник, воздушный пузырь, чешуя, кости и хрящи, непостоянная температура тела, огромные размеры (до двадцати метров),

Земноводные - пришли и принесли с собой таз, дыхание легкими, органы слуха, моргание век в сухой среде, водно-наземное обитание, голую, богатую железами кожу, сердце с двумя предсердиями и желудочком. У некоторых видов - живорождение, у некоторых - половая зрелость до метаморфоза,

Пресмыкающиеся - несмотря на отталкивающий вид внесли собой смешанное кровообращение, яйцо со скорлупой, внутреннее оплодотворение, панцири, роговые чешуйки и щитки как защита от высыхания,

Птицы - теплокровность, высиживание яиц, инстинкт постройки гнезда, навигация, вскармливание потомства, перья, острота зрения, родительский инстинкт, ноги с рабочими пальцами, клюв как универсальный инструмент, двуногость, крылья, четырехкамерное сердце, интенсивный обмен веществ, система охлаждения тела, постоянная температура тела,

Млекопитающие - молочные железы, зубы, живорождение, многообразное поведение по ситуации, волосяной покров, иерархия в стаях, коллективная охота.

Человек!

Что можно добавить? Вывод напрашивается сам, - поскольку по времени создания и по сложности программы человек завершает процесс творения, то он и должен быть смыслом этого творения. Это - греет!

#### Человек

Поскольку мы подходим все ближе и ближе к цели, нам необходимо проверять правильность достигнутых рубежей. Обидно было бы, не заметив своевременно ошибку, забраться в абсолютно иллюзорные выси. Тем более что сам предмет обсуждения все ближе и ближе приближается непосредственно к нам. Мы скромно опустили в предыдущем разделе особенности программы поведения человека, принимая ее превосходство над животным миром как само собой разумеющееся. Но эта скромность - ложная. И далее мы поймем, почему. А сейчас нам неплохо бы убедиться еще раз, во-первых, что мы - творение, а во-вторых, - что мы верх творения. Иначе все, что было до этого, - пыль. Надо все проверить в последний раз.

Когда мы говорим о необходимости, убедиться в том, что мы являемся созданием Творца, то это, естественно, означает, что мы опять, правда уже в последний раз, возвращаемся к эволюционным идеям. Пожалуй, всего, что было сказано об эволюции как о "научной" теории, с лихвой бы и хватило, (это уже становится немножко скучно), но как обойти молчанием такой приятный факт, что большинство грамотного населения Земли покорно считают себя потомками обезьян? Можно абсолютно надежно похоронить эволюцию как таковую, но вытащить вбитый в темя человечества гвоздь его происхождения от приматов это не поможет. Об этом нужно говорить конкретно и предметно, потому, что вот они - учебники и тетради по биологии, на которых нечто узколобое, с огромной челюстью, с длинными ручищами, с волосатой мордой, все в шерсти, заскорузлое, без половых признаков, с маленькими тупыми глазками, согнутое в

три погибели, постепенно в серии рисунков превращается в нечто, напоминающее человека, даже в руку что-то такое там берет, выпрямляется, красивеет на глазах и становится... нами! И после этого мы беспокоимся, что наши дети могут смотреть фильмы ужасов!

Ну что сказать в опровержение этого лубка? Конечно же, прежде всего, самое главное. То, что переходных форм между обезьяной и человеком палеонтология из своих запасов предоставить не может. У нее есть обезьяны, и есть люди. Между ними - ничего среднего. Человекообразная обезьяна - не переходная форма, как это необоснованно считается у обывателя. Даже сами ученые с горечью признают, что это не переходная форма, а отдельный и биологически самостоятельный вид. Сам термин "человекообразная обезьяна" говорит сам за себя. Обезьяна - она и есть обезьяна. Она, то есть, обезьяна, любая, сама по себе, - человекообразна. Одна больше, другая меньше. Но, все равно, - обезьяна. Есть и обезьяноподобные люди. Но они не виноваты. Так получилось. Они все равно люди.

Чтобы доказать нам, что мы продукт эволюции, надо найти не человекообразных обезьян, а обезьянолюдей. Этих, же, ни сейчас нет, ни раньше не было. И, вообще, непонятно - если обезьяны, которых мы знаем, это низшие формы нашего общего рода, то где его более высшие формы? Где те самые обезьянолюди? Опять говорят - вымерли. Но вымереть-то должны были как раз низшие, а высшие, наоборот, должны были остаться по всем канонам эволюции! Естественный отбор, ведь! Как же это те, кто должен был выжить - вымерли, а те, которые должны были вымереть - выжили и сидят в зоопарках? Какой-то прямо-таки неестественный отбор получается. Впрочем, мы повторяемся, что не только не усиливает убедительность, но и создает ложную значимость теории эволюции.

. Откуда же взялись все эти рисунки в учебниках? А это фантазии художников на заданную тему. Это не портреты с натуры. Ископаемых форм тех видов, которые являются героями этого творчества, не найдено! Есть ископаемые обезьян, и есть ископаемые человека, а всех этих переходных красавцев нет. Все нарисовано по заказу и с предположительных эскизов специалистов, которые, наверное, создавая эти наброски для художников, руководствовались не научными данными, а чем-то себе духовно близким.

Происходили постоянно чудные вещи: в результате очередных раскопок находили то австралопитеков, то египтопитеков, то рамапитеков, то кого-нибудь еще, объявляли их обезьянолюдьми, и поднималась такая буря вселенского восторга, что когда спокойное и детальное исследование доказывало, что они просто обезьяны, и ничего общего с человеческим родом не имеют, то эти известия обставлялось контрастно скромно, чтобы не портить уже состоявшийся праздник. Даже не извинился никто ни разу. Просто сухо констатировали, - ошиблись, поторопились, хотели как лучше.

Особенно большой шум вызвала первая находка неандертальца. Это был совсем человек, но согнут к земле как обезьяна. Считалось, что это обезьяночеловек, которому осталось просто выпрямиться и, - добро пожаловать в семью! Опять восторгу не было предела, но более полное исследование показало, что это самый обычный человек, а позвоночник ему скрючила какая-то костная болезнь, склонившая его к самой земле. Все остальные неандертальцы, которых раскопали, были при жизни здоровыми и с прямыми спинами. Совсем, как мы, (тьфу-тьфу-тьфу).

Иронии положения (найти первым из экземпляров сколиозника и на его примере моделировать весь вид!) никто даже не заметил, настолько все были расстроены. Вдобавок анализ ДНК неандертальца показал, что он нам даже не родственник. Просто какая-то угасшая ветвь человеческого рода, ничем не стоявшая ниже нас.

Большие надежды подавал кроманьонец, но и он не оправдал рекламных затрат - оказался совершенно без признаков обезьяны, просто очень древним человеком.

Больше из ископаемых ничего подходящего нет. Все остальное, что можно предложить исследовательским версиям в этом направлении, буквально *помещается на одном столе!* Это разрозненные кости, какой-то зуб, остатки еще чего-то непонятного и непонятно кому принадлежащего, *предполагаемо* относящегося к обезьянолюдам. Известен даже случай простой подделки черепа, подогнанного с помощью гипса, частей черепа человека, деталей черепа орангутанга и свиних (!) хрящей под необходимый образ. Это так называемый "пилтдаунский череп". Подделка 40 лет экспонировалась в музее палеонтологии, но, спустя несколько лет, была изобличена. И опять никто не извинился. *Мотивы* шулерства очень уж были понятны. Мы же этих мотивов не принимаем, и вынуждены со всей определенностью сказать - переходных форм от обезьяны к человеку не было и нет, и, следовательно, человек не произошел от обезьяны, а был сотворен так же, как и весь остальной живой и неживой мир.

К этому добавить можно еще кое-что. Эволюция - это приспособление к окружающей среде. Посмотрим, как человек приспособился к этой среде, предположив, что он был когда-то обезьяной. Во-первых, он стал ходить на двух ногах, благодаря чему потерял скорость передвижения и его теперь догоняет и, (если он не возбуждает аппетита), обгоняет любое четвероногое животное. А для самого человека теперь единственный смысл погнаться за кем-либо из питательных животных - согреться. Вдобавок к этому платой за осанку лорда стала потеря устойчивости, лишившая его двух дополнительных опор относительно четвероногой стойки. Его теперь легче сбить с ног атакой спереди, опрокинуть на спину и добраться до самого слабого места - подбрюшья и половых органов. Кроме того, своей прямостоящей позой он уже открыл любому врагу то самое подбрюшье и те самые половые органы для прямого и непосредственного нападения на них, которые раньше были защищенные верхним плечевым поясом, торсом, спиной и бедрами при четвероногой стойке. Но, привыкнув делать все до конца, человек и здесь не остановился, а приобрел с двуногой стойкой еще и дополнительные радостные болезни позвоночника (ни одно четвероногое не знает радикулита, остеохондроза, люмбаго, грыжи дисков, сколиоза и др., поскольку позвонковые диски у них не нагружаются, постоянно растягиваются и не стираются). Покончив приспособливаться с осанкой, он посмотрелся в зеркало и возмущенно утратил шерсть, из-за чего стал люто мерзнуть в холод и получать болезненные ожоги в жару. К его телу теперь получили свободный доступ паразиты-кровососы (комары, москиты, гнус), он уже не может лечь, где хочет или прислониться к чему хочет, ему надо одеваться и стелить себе постель. У него появляются кожные болезни и заражения от любой царапины или повреждения, а так же простуды от переохлаждения и зуд от недостатка гигиены. Его легко может укусить паук, скорпион и прочая ядовитая живность. Он

вынужден менять одежду по сезону и обуваться, потому, что жизнь в его прежнем образе, лишенном этих удовольствий, казалась ему менее приспособленной.

Но, как бы там ни было, а полностью довольный собой, он для полного совершенства еще и потерял чудовищную силу рук приматов и может передвигаться теперь только по земле и защищаться только подвернувшимся дубьем. Для этих же "преимуществ" он потерял страшные по мощи клыки, способные разорвать любого противника и обрабатывать деревянные детали. В качестве дополнительного штриха к своему новому облику он потерял невероятную ловкость, моментальную реакцию и молниеносную быстроту обезьяны. В общем, - приспособился, как мог. Если это приспособление, то его высшей формой следует считать последнюю стадию туберкулеза. По крайней мере, если следовать в направлении, обозначенном выше, то это - почти вершина. Эволюция чего, простите, здесь наблюдается? Сплошные потери.

Не будем спорить, что у человека есть то, что с лихвой окупает преимущества приматов перед ним. Это речь и мозг. Но, похоже, эволюция и здесь совсем ни при чем. Разве эволюционная потребность могла бы развить речь? И без речи можно размножаться, добывать пищу, бдиль врагов, и все прочее. Обезьяны стаи без слов понимают друг друга. Людям бы так взаимодействовать между собой со всей своей хваленой речью, как взаимодействуют павианы, шимпанзе и любые другие семейства, которые превосходно обходятся без всяких слов! По единой команде, без долгих объяснений, стая мгновенно выполняет любую волю вожака, поданную нечленораздельным криком. Речь бы только мешала в этих обстоятельствах, вызывала бы разброд из-за возможности ее различного толкования, непонимания, неполного или неточного выражения посланной команды, из-за определенной длительности ее изложения и определенного времени для ее усвоения, что, складываясь вместе, дает совершенно недопустимую фору неожиданному противнику или опасности. И, самое главное, - если бы речь и начала складываться, то любая эволюция сама первой наступила бы ей на горло, потому, что представьте себе гомон азартно переговаривающихся между собой членов стаи! На этот демаскирующий базар сбегались бы все хищники со всей округи, а бедному вожаку, прежде, чем подать сигнал к бегству, пришлось бы требовать тишины. Именно молчание стаи обеспечивает ее бесшумность, то есть безопасность, и гарантирует то, что единственный, короткий, не содержащий ничего сложного по усвоению, приказ вожака, будет немедленно услышан. Так что, - речь у нас не от настоятельной необходимости, а по одному из параметров характеристик нашей программы. Впрочем, есть единственное условие, при котором нашу речь можно было бы признать результатом эволюции безоговорочно, - это если бы речью обладали только самцы, а самки молчали. Это, действительно, способствовало бы здоровью вида наилучшим образом.

Ну, а если говорить о мозге, то начать надо с того, что идея его эволюционного появления просто обесценивается до нуля тем простым фактом, что способности мозга *неисчерпаемо* превышают наши потребности по использованию этих способностей. Это даже в условиях решения тех задач, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время! А во времена диких-диких обезьян, зачем была нужна такая мыслительно-информационная емкость мозга, чтобы эволюция ее формировала? Емкость мозга позволяет хранить информацию, равную 20 000 000 томов книг. Такое количество книг невозможно даже себе представить! Мы же используем



эту возможность в ничтожных процентах, остальное присутствует просто так, про запас. Эволюция - медленный процесс закрепления минимальных совершенствований, возникающих в организме в ответ на настоятельную необходимость лучше приспособиться в окружающем интерьере. Если даже сейчас не возникает необходимости в применении этого уже готового органа в его полном объеме, то какой необходимостью руководствовалась бы эволюция, когда создавала потихоньку обезьяне такой орган, которым мы даже до сих пор не научились пользоваться?

Мы не только не научились им пользоваться до конца, мы даже не знаем, как он работает. В этом смысле мозг оказался сложнее самой Вселенной, физические законы которой человек уже постиг. Никто до сих пор не знает, какие физиологические изменения происходят в мозге при усвоении им информации, как он превращает увиденное и услышанное в смысловые образы, как превращает понятия в слова, как превращает ощущения и эмоции в мысли, как эти мысли в нем рождаются, почему отдельные участки мозга укрепляют нейронные связи при постоянной работе и почему, наоборот, атрофируются отдыхающие, непостоянно работающие его участки? Как миллиарды миллиардов (!) нейронов (клеток мозга) передают сигналы друг другу безошибочно и организованно, если они соединены между собой квадриллионами (!!!) проводов, схему монтажа которых разгадать до сих никому пор не удастся? Неужели случайный процесс мог создать прибор такой сложности, принцип действия которого не удастся определить самим носителям этого прибора? Если орган формировался от наших потребностей и для нас, то, как он мог стать независимым от нас и непонятным для нас? Мы ведь даже не можем запретить ему работать! Нашему же органу! Когда Ходжа Насреддин был поставлен в условия, при которых он должен был или излечить шаха, или потерять голову, то он спас себе жизнь только объявив, что его лекарство будет целебным при условии, если шах никогда не будет думать об обезьяне с белым задом. Шах до этого о ней никогда бы и не думал и горя не знал бы. Он вообще не знал, что такие модницы бывают. Но даже жажда жизни не могла теперь повелеть его мозгу выкинуть из себя эту проклятую обесцвеченную макаку! Насреддин кинул мозгу эту наживку как зверьку, живущему самостоятельно, но в чем-то предсказуемо, предсказуемо, но не управляемо. Зачем, и, главное, по каким своим законам естественных потребностей, эволюция подсунула бы нам этот, не принадлежащий нам на самом деле, орган?

Если мы не умеем ни пользоваться, ни управлять таким совершенным прибором, значит, мы используем его не в тех целях, для которых он создан. Эти цели нам и поныне неведомы, все еще впереди, так откуда же о них тогда знал слепой естественный отбор?

Самое сложное - спорить об очевидном. С облегчением расстанемся с эволюционными концепциями, и перейдем к главному - да, мы творение, но где уверенность, что мы - последнее творение? Почему мы знаем, что Создатель на этом остановился? Мы ведь выявили лишь общую тенденцию, которая привела нас от ступени к ступени вверх к человеку. Где основания считать, что мы - последняя ступень?

Для того чтобы в этом разобраться, мы должны вспомнить, что тенденция стала просматриваться для нас при введении нового фактора в наши рассуждения - времени. Раз все наши построения, в конце концов, впали в такую зависимость от этого фактора, то мы, во-

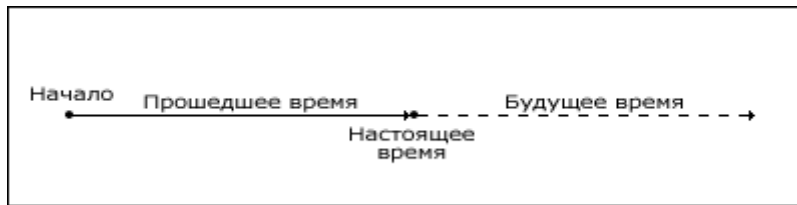
первых, должны определить, правомерно ли его применение, а во-вторых, как мы убедимся дальше, наше "во-первых" даст основания положительному ответу на наш очередной тревожный вопрос.

### Время

Говорить о времени очень трудно, потому что сложился устойчивый стереотип его представления, который неизвестно когда появился, нигде никем не формулировался, но настолько общепринят, что попытка разрушить его вряд ли может считаться удачной мыслью. Но все же это надо обязательно сделать, иначе традиционное представление о времени будет постоянно искажать наше правильное понимание того, что с нами со всеми происходит.

Существует незыблемая умозрительная модель потока времени, в котором происходят, происходили, и будут происходить все мировые события. Создается грандиозная картина вечного Времени, равнодушного и постоянного в своем движении. Возник и укрепился образ чего-то, охватывающего собой абсолютно все. Все происходит во времени, от времени никуда не деться, оно продолжает и продолжает своим неумолимым бегом вызывать все новые и новые изменения в окружающем мире. Оно безжалостно. Оно неподвластно нам. Оно вобрало в себя всю нашу историю, влечет нас своим течением в свое будущее, и будет удерживать нас в себе всегда и безысходно. Мы в его воле полностью и навсегда. В обиходных понятиях сложился даже культ времени как высшего авторитета. "Время лечит". "Время покажет". "Ничего - придет Время!". "Время рассудит". Само время как бы делится еще на какие-то равнозначные составные - "связь времен", "время от времени", "новое время", "старое время". Время может даже выступать критерием целесообразности - "не ко времени", "не вовремя", "еще - не время". Время даже становится непонятным образом синонимом преуспевания - "время - деньги", или, одновременно с этим же, символом бренности всякого преуспевания - "время - вода". От времени даже образуются глаголы, то есть, временем выражается уже определенная форма действия, противоположная самому действию, как таковому. Это даже скорее глагольная форма бездействия - "повременить". Время вошло в плоть и кровь системы нашей ориентации.

В среде мыслителей для времени тоже уделяется самое почетное место. Оно и форма существования материи, и форма нашего осознания этой материи, и Бог еще ведь что, но непрменный участник всех диалектических процессов. То есть, всего, что имеет в себе развитие через противопоставление. Даже пространство считается четырехмерным - высота, ширина, длина и время. Как ни смотри на сложившиеся традиции его восприятия, а время представляется в них как *самостоятельно действующая* компонента движения истории и жизни. Как какой-то локомотив событий, или как некий катализатор действий - вот пришло время, и произошло то, что должно было произойти. Придет другое время - и еще что-то произойдет. Время здесь, вроде бы, как в качестве некоего источника силы оживляет и запускает процессы там, где оно присутствует. И, наоборот, там, где его уже нет - уже ничего не происходит. А там, где его еще нет - еще ничего не происходит. Вот как можно выразить такой взгляд на время графически.



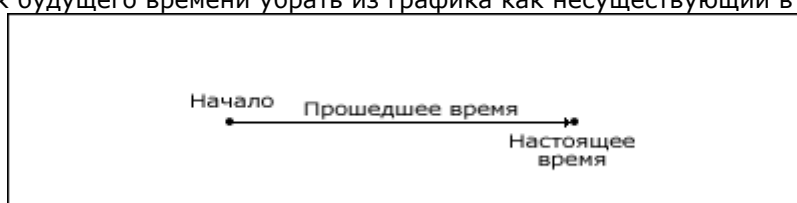
Рассмотрим этот простой график подробнее. Он таит в себе много интересного, несмотря на свою полную ясность и абсолютное соответствие нашим представлениям о времени. "Точка начала" - необходимый элемент, мы от него никогда не отступимся, об этом мы подробно говорили выше. Эта точка графически выражает принцип сотворенности Вселенной, одновременно с чем возникло и само время, как характеристика бытия вещей. Далее идет отрезок прошедшего времени. Мы его провели сплошной линией, поскольку нам доподлинно известно о том, что это время точно было и точно уже прошло. Документальных и научных свидетельств этому столько, что не стоит останавливаться на доказательствах. Далее идет "точка настоящего времени". Почему я изображаю настоящее время в виде точки? Потому что наше настоящее мгновенно становится прошлым. Каждый нынешний миг времени моментально поглощается новым мгновением времени и оттесняется в прошлое. Получается, что будущее постоянно накатывает на прошлое через точку настоящего времени, и точка настоящего времени - это всего лишь точка перехода будущего в прошлое. Пограничный пункт, место трансформации, превращения одного времени в другое.

Будущее время мы изображаем пунктирной линией, поскольку оно *вероятно* наступит, исходя из общего порядка вещей, но все же пока не наступило, в силу чего о нем можно подождать пока, говорить как о реальности. Сплошной черты оно еще не заслужило.

Кроме того, на графике есть стрелки, которые указывают, что совершается движение, то есть, в понятие заложена динамика. "Время течет", вот что означают эти стрелки, и течет оно в направлении от прошлого к будущему.

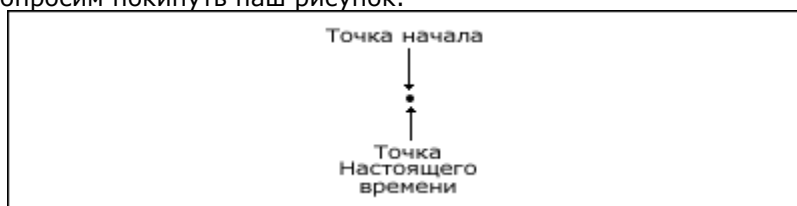
Вот так мы представляем себе время, и это абсолютно губительно сказывается на нашем мировоззрении и на понимании того, что происходит. Такое представление абсолютно губительно в силу своей абсолютной ошибочности. Посмотрим, почему.

Во-первых, надо выкинуть из этого построения будущее время, поскольку это лишь *предполагаемое* время. Его еще нет. А раз его еще нет, то его и совсем нет. Тем более что когда оно наступит, то мгновенно через точку перехода настоящего времени тут же превратится в прошлое время. То есть, само понятие будущего времени является просто потенцией прошедшего времени. Самостоятельной функции оно не несет, представляя собой лишь резерв все того же прошедшего времени, но резерв не реально существующий во всей своей предполагаемой полноте, а возникающий в момент перехода из настоящего в прошлое. Поэтому мы должны отрезок будущего времени убрать из графика как несуществующий в действительности.



Точку настоящего времени мы оставляем, ибо она, несомненно, существует, пусть и в качестве момента преобразования. В данном случае нас ее качество не интересует, главным остается ее *наличие* в структуре времени.

Прошлое время уже произошло, и его уже нет. Того, чего уже нет, того тоже нет совсем. То, что было, уже не есть. Прошедшее время не существует объективно. Оно присутствует субъективно в нашем сознании. Наше сознание способно удерживать в себе многое чего, но не все из удерживаемого в нем существует в реальной действительности. Факт наличия в нашем сознании "чего-то" еще не является обязательным условием рассматривать это "что-то" в качестве реально существующего. Если в этом аспекте рассматривать все то же будущее время, то его можно назвать умозрительным, но не существующим, а прошедшее время можно тогда по аналогии назвать *умозарегистрированным*, но также не существующим в реалии, в силу чего мы и его попросим покинуть наш рисунок.



Итак, единственно реальным остается время настоящее, поэтому отрезок прошедшего времени мы тоже убираем из графика, и, поскольку точка настоящего была нами отнесена от точки начала на дистанцию, соответствующую величине времени прошедшего, то, после исчезновения отрезка этого времени, точка настоящего времени должна уйти максимально влево и наложиться на точку начала. Таким образом, они образуют собой одну точку. Как назвать то, что было началом, и то, что является настоящим, а стало одним единым, если говорить о времени? Мы назовем ее "точкой происходящего", поскольку, после Начала, время, все-таки, существует и динамика его сохраняется постоянно.

Зачем мы свели эти две точки в одну? Затем, что линейное построение дает абсолютно неверное, *линейное*, представление о времени. Если смотреть на исходный рисунок традиционной модели времени, со всеми его отрезками, то возникает картина гигантской вздыбленной волны событий в точке настоящего времени, которая, прокатываясь от Начала в будущее, активизирует собой все новые и новые процессы изменения существующей действительности, оставляя позади себя завершенные, мертвые события, и, вызывая собой из будущего все новые и новые, реально действующие явления.

А на самом-то деле - все наоборот! Это как раз время появляется там, где происходят события! Если нет никаких изменений, то нет и времени! Если нет интервалов между состояниями объектов и явлений, (а из этих интервалов и складывается само время), то и времени нет. Время только характеризует скорость и очередность происходящих изменений. Время - способ регистрации всего происходящего в нашем сознании с целью ориентировки нас самих в череде изменений. Самостоятельного, или что-либо формирующего собой значения, время не имеет. Сначала происходит изменение, а потом мы определяем его очередность в общей последовательности изменений с помощью понятия времени.

Ну и что это меняет для нас? Что, все-таки, дает нам представление о времени, как о точке происходящего, а не как о линейном феномене? Оно дает нам главное - ясное понимание того, что происходит не ряд событий в прошлом, настоящем и будущем, не смена одних событий другими, а происходит одно *неизменное* событие, которое от самого начала видоизменяется и самотрансформируется само из себя и само в себе в точке происходящего. Нет никакого захоронения происшедших в истории событий, имевших место и значение для своего времени, почивших в бозе и уступивших место другим событиям, имеющим уже свои специфические место и значение. Есть только одно историческое событие, имеющее одно и то же место и одно и то же постоянное значение. То есть, если линейное представление можно выразить в виде потока реки, воды которой движутся куда-то, а сама река как объект уже существует, то нелинейный принцип можно представить себе в качестве цветка, который прорастает из семени и в котором происходят движения, совершаются изменения, но *сам объект еще не сформировался*, и его движением во времени является само его постоянное видоизменение в пределах самого себя.

Итак, первый наш вывод из принимаемой нами концепции времени, следующий - что-то происходит, но ничего еще не произошло. Все в стадии развития. Куда и зачем? Этим мы и занимаемся. Это не новый вывод. Но он будет вновь полезен для нас далее.

Второй наш вывод гораздо значительнее, а именно - ничего в истории не происходит во времени, ибо история - это накопитель прошедших событий, а эти давно или даже вчера происшедшие события находятся в *несуществующем* времени, которого в прошлом уже нет, и находятся они в документально засвидетельствованном виде в настоящем времени и непосредственно в нашем сознании. Следовательно, время нам говорит - не знаю никакой истории, знаю только нынешний краткий момент, историю вы создаете сами *своим сознанием*, образуя из моих кратких нынешних моментов *непрерывность событий издалека в нынешнее*, в то время как для меня (для времени) есть только *непрерывность настоящего*. Итак, приближая терминологию этого второго вывода к лексике нашего первого вывода, мы можем сказать - что-то происходит, ничего еще не произошло, мы не знаем не только куда и зачем это происходит, но и несем полную личную ответственность за интерпретацию *откуда*, поскольку полагаемся при этом на единственно объективное, что связывает это "откуда" в правомерно подлинную картину - на прошедшее время. Опираясь на прошедшее время, мы создаем картину *всего происходящего*, в то время как происходит только то, что происходит сейчас и никакого "всего" на самом деле сегодня не существует.

Таким образом, единственное, что позволяет нам уверенно предполагать то, что мы правильно создаем картину этого "всего" в его историческом развитии - это наличие такой объективной характеристики, как время. Все остальное - наше субъективное, то есть личное истолкование. Ну и что тут страшного? Пусть себе все субъективно (то есть зависит только от нашей внимательности, кропотливости и умения давать правильную оценку, а мы в этом традиционно очень сильны и пусть только кто-нибудь в этом посмеет усомниться), это не беда - здесь всегда можно где-то поправить, лишь бы была хоть одна объективная категория, на которую можно опереться, а правильный анализ действительности от нас никуда не денется рано

или поздно. Но это мы только так думаем, и, вероятно, мы станем думать немного по-другому, если ознакомимся с нашим третьим выводом.

А третий наш вывод будет не только интересным, но и весьма парадоксальным, поскольку он гласит - никакого объективного времени нет. Есть *психическо-интеллектуальный* процесс в сознании человека, который вводит этого человека в состав действительности через систему его ориентации в этой действительности, которая представляет собой регистрацию очередности, скорости, длительности и протяженности событий, что мы и называем "временем". И больше пока мы ничего не видим. И что здесь объективного? Пока что все совершенно субъективно, то есть без нас - никуда!

Но, позвольте, (спросят нас), хочет человек ориентироваться или не хочет в этой действительности и так он ориентируется в ней или этак, но время существует независимо от него, то есть носит объективный характер, поскольку события *все-таки* происходят, и в них присутствует та самая очередность, протяженность, скорость и длительность, что и является временем даже и без регистрации человеком! Об этом *знают все!* А мы и всем, и себе самим (и это - единственно важно), скажем - объективного времени нет. Чтобы пояснить, почему мы так думаем, разберем понемногу основные характеристики времени.

Что касается скорости, то это так просто, что мы отложим это на потом. Тут все нам ясно, поскольку скорость определяется расстояниями, то есть характеристиками пространства. Время, наделенное расстоянием - это и есть скорость. С этим понятно. Перейдем к протяженности. Что мы здесь имеем в виду? Протяженностью мы называем способ регистрации, когда не можем применять категории пространства и, следовательно, скорости. Вот прожил человек 76 лет, мы же не можем говорить, что он прожил свою жизнь с какой-то определенной скоростью. При чем здесь расстояния? Или - война шла пять лет. При чем здесь пространства? Она могла буйствовать и на целом континенте и в пределах соседства двух городов. Вот для характеристики таких событий мы и применяем понятие "протяженность". Есть протяженность событий, которые уже произошли, мы здесь фиксируем протяженность документально с помощью эталонов нашего земного времени. Есть событие, которое происходит сейчас, здесь мы складываем его протяженность из наблюдаемых непосредственно действий, мысленно приплюсовывая к нему все ту же происшедшую уже его протяженность в прошлом. И есть протяженность будущего события, которое будет происходить в будущем, и мы с помощью того же эталона земных часов планируем его предполагаемую протяженность (например, дом предполагается построить в течение семи месяцев).

Что мы можем из этого извлечь? А вот что: во-первых, мы видим, что для измерения данной характеристики применяется некий единичный стандарт, который мы называем "сроками", на базе которых образуются различные категории протяженности - секунда, день, неделя, квартал, пятилетие, век и т.д. Причем этот стандарт может обезличиваться и объединяться в различные совершенно неконкретные понятия - эпоха, период, стадия и т.д., хотя это для нас сейчас и не существенно. Во-вторых, мы видим еще один неизменный компонент системы ориентации - наблюдателя, то есть человека, который производит регистрацию на базе процесса своего наблюдения, или же конструирует предполагаемую регистрацию будущих

событий на базе опыта своих наблюдений, опираясь при этом все на тот же стандарт сроков, в основу которых заложена система измерения земного времени. На этом пока все. Перейдем к длительности.

Что мы измеряем длительностью? Длительностью мы измеряем те процессы, которые не только не имеют пространственных категорий расстояния, но и не имеют собственного факта осуществления в физическом мире. И что же это за события? Это события нашего внутреннего мира. Мы совершенно правомерно выделяем их в отдельную по характеристикам категорию, поскольку их длительность не зависит не только ни от каких стандартов, ни от каких протяженностей, ни от каких скоростей, но даже и *от самого времени как такового*. Например, когда мы едем вахтой на работу, то водитель несется как черт на своей бешеной машине и приезжает к месту удивительно быстро. Когда же мы на той же вахте едем домой, то тот же самый водитель с утра, оказывается, так и не проснулся, колупает еле-еле рулем, а его старый рындван не может набрать приемлемой скорости даже на спуске, и в результате поездки домой настолько длительна, что кажется - проходит вечность. У этих двух событий совершенно разная длительность, хотя пройдено одно и то же расстояние с одной и той же скоростью и *за то же самое время*. Понятно, при этом, что "то же самое время" того же самого события не может иметь разную длительность, поэтому мы говорим - измерено было не это событие, а какое-то событие в пределах нашего внутреннего мира. При этом мы видим все того же наблюдателя - *но никаких эталонов*. Следовательно, отсюда мы можем извлечь следующее - есть еще одно время помимо исторического времени. То есть, мы несколько удивительно для себя находим рядом с таким привычным для нас историческим временем еще и время не историческое, не измеряемое, но реально ощущаемое. Ведь если мы даже не участвуем ни в каких событиях вообще, а просто лежим, закрыв глаза, то при этом мы ощущаем, что время идет, и это именно *это время*, а не хронологическое время физического мира. Это время другой реальности. Нашей, внутренней. Следовательно, мы можем сказать - существует две реальности - внешняя нам, где действуют эталоны измерения времени, и внутренняя наша реальность, где нет никаких эталонов, и мы являемся наблюдателями обеих этих реальностей.

А теперь вернемся к скорости. Вот теперь для нас существенным будет разделить "скорость" как неопределенное понятие обезличенного набора стандартов (эпоха, период, стадия, помните?) и "скорость" как скорость, связанную с конкретным преодолением пространственных дистанций. Здесь мы тоже можем утверждать, что существует две скорости. Первая - условная категория, которая не связана с пространством и расстояниями. Например - до Рима все в истории происходило медленно, во время Рима - вообще ничего не происходило, после Рима чуть побыстрее, после XVII века еще чуть быстрее и быстрее, а в XX веке все так сорвалось с места, что только держись. Здесь разные скорости исторических преобразований, которые измеряются все теми же стандартами земного времени, но без пространственной подоплеки в подсчетах. Итак, здесь мы видим скорость, где есть наблюдатель, есть эталоны, но нет пространственной составляющей.

Вторая скорость - это скорость, как интервал между физическими событиями, измеряемый стандартными единицами, наделенный расстоянием пути движения или движений в составе этих

событий. Это привычная для нас арифметическая скорость, если можно ее так назвать. Здесь есть наблюдатель, хронологические эталоны и расстояния. Вот теперь мы готовы, чтобы показать, что объективного времени нет.

И как мы это сделаем? Это будет проще, чем кажется. Потому что во всех этих системах регистрации мы видим *наблюдателя*, то есть субъекта, который создает время в своем субъективном уме. А если предположить, все же, что время имеет объективный характер, вспомнив об эталонах, которые задаются движением космических объектов, которые (как и все остальное в природе) двигаются независимо от данного наблюдателя, то мы зададим очередной вопрос - а кто нам сказал, что они двигаются по этим эталонам? Кто сказал, что эти хронологические эталоны, *которые мы сами же для себя и высчитали*, лежат в основах систем отсчета времени непосредственно *самого физического мира*? Разве процессы физического мира происходят в строгом соответствии с лунными циклами? Каждый процесс и в микромире и в макромире совершается по *собственным характерным интервалам и периодам*, у каждого процесса есть свое собственное время, которое мы просто сравниваем с временем лунного календаря. И даже сама Луна по своему собственному смыслу своего движения совершает это движение не в секундах, минутах, неделях и месяцах, а под воздействием всех остальных процессов, которые формируют это движение, и при этом каждый из них имеет собственное законодательное время. Луна просто совершает под суммированным воздействием этих процессов плавное, равномерное и непрерывное перемещение по небосклону с таким же равномерным, плавным и непрерывным изменением своей формы, наблюдая что, мы и создаем в своем уме плавную, равномерную и непрерывную систему регистрации - время. А теперь скажите - много ли в природе процессов, которые имеют такую же плавную, непрерывную и равномерную характеристику? Кроме планет - практически ничего и не найдешь. Все то ускоряется, то замедляется, то останавливается, то выходит из состояния покоя, то меняет направление, то соударяется, то появляется, то поглощается и т.д. Следовательно, если мы хотим говорить об объективном времени, то нам придется говорить о бесчисленных "временях" в каждой из систем взаимодействия вселенной. Естественно, что это было бы невозможно и поэтому мы *субъективно* избрали удобный нам ориентир интервалов и пользуемся им для измерения всех остальных движений.

Чтобы до конца это понять, давайте сделаем следующее - исключим из вселенной наблюдателя. Представим себе, что человека во вселенной нет. Что будет? Не будет движения и не будет времени. Поднимите тех, кто упал в обморок от возмущения, и продолжим дальше. Возьмем хоть ту же Луну, хоть атом, хоть морскую волну. Кто сказал, что они двигаются? Заглянем на долю секунды, на самую малую долю секунды, на самую малую долю этой доли секунды, на самый короткий миг в эту вселенную и тут же скроемся назад. Что мы видели? Мы видели, что Луна стояла в таком-то месте, атом находился в таком-то зафиксированном состоянии, волна застыла вздыбленная на такую-то высоту. Кто сказал, что до этого было что-то другое и что-то не так, как мы видели? Где можно увидеть предыдущее положение Луны, прежнее состояние атома и нарастающий объем волны! Ничего этого уже нет! Кто создаст такому миру картину движения в прошлом? Нет человека, нет наблюдателя, который рисует эту картину



в своей голове - нет и прошлого состояния мира без этой головы, есть только его нынешнее состояние. Теперь предположим, что все-это, все-таки, двигается и изменяется. *А относительно чего?* Нас нет, нет и регистрации изменения. Относительно своего прежнего состояния? А где оно - это прежнее состояние, если его никто не зарегистрировал *в сознании?* Ведь *в природе-то* его нет! И это не фантазия и не игры в логические парадоксы - их ведь *действительно никогда нет* этих прежних состояний, есть только нынешнее! Что связывает все эти стоп-кадры состояний в единый вид движения? Только наличие субъекта, наблюдателя, который записывает все это способом времени. Следовательно, время всегда субъективно.

На самом деле все, конечно же, двигается и изменяется, даже если нет человека. Но тогда систему регистрации этих изменений без человека пусть и создают "не человеки", и пусть ее даже "временем" назовут. Нас это трогает? Нам это нужно? Мы ведь не ведем ни к чему не обязывающего разговора в виде философии высшего этапа, которая, оторвавшись полностью от задач решения какого-либо конкретного вопроса, все рассматривает "вообще", вне применения к реальной системе ориентации в данном мире, то есть даже и к собственной голове. Мы ведем разговор как продолжение главы "Человек" с ясно поставленным перед собой вопросом, который выглядит, как мы помним, следующим образом - где у нас уверенность в том, что после нас не будет совершен акт творения какой-нибудь другой особи, еще более развитой и мощной по возможностям своей программы, чем мы?

Нарисованная нами ситуация пугает своей взаимной противоречивостью. Это так. С одной стороны каждое состояние природы является единичным собственным моментом физического мира и в этом же физическом мире мы не найдем никакого другого состояния, которое говорило бы, что было что-то другое, что был другой момент и произошло изменение. А с другой стороны этот собственный момент постоянно другой, и ни на какой краткий миг не остается самим собой в неизменном виде. Как это соединить? А это и не надо соединять. Если мы хотим знать не что-то одно, упуская другое, а знать все, ничего не теряя из поля мысленного зрения, то у нас так и будет всегда получаться. Когда из *одной* логической цепочки закономерно получаются *два вывода* и при этом они не являются вариантами друг друга, а *полностью исключают один другого* (как в нашем случае), то это означает, что мы подошли вплотную к истине и она выглядит именно так. После Нильса Бора это называется "принципом дополненности". Правда, намного раньше к этому пришли первые христианские теологи, разработав концепцию трехкомпонентного единства ипостасей Бога, но тема была непопулярной в научно-философских кругах, и эти круги ее не осилили. Нильсу Бору было проще - он показал это на примерах физического мира. Ему поверили и дали название. Теперь и мы видим, что Бор был молодец. Совсем как первые христианские мыслители.

И что дальше? А дальше вот что. Почему из всех ритмов, осуществляющихся в природе, человек избрал именно данный, основывающийся на фазах Луны, то есть равномерно-плавный и непрерывный для создания своей системы регистрации событий? В физическом мире этот вид движения не то, чтобы не популярный, а, пожалуй, даже и исключительный. Неужели нельзя было привязаться к какому-либо другому ритму? Как так получилось? Ответ, думаю, всем уже ясен - потому что этот ритм соответствует ритму нашего внутреннего времени. Говоря по-

другому, время - это ритм нашего восприятия действительности. В том ритме, в котором мы воспринимаем свою внутреннюю реальность, мы воспринимаем и внешнюю себе реальность. Воспринимаем, значит - распознаем. Именно в данном ритме. Исходя из этого мы окунаемся в новое неприятное предположение - а не получается ли из этого такое, что все остальное, происходящее в иных характеристиках ритмов, мы не осознаем или осознаем недостаточно качественно? Давайте посмотрим - получается или не получается.

Что такое ритм? Ритм - это определенная скорость процесса с ударно знаковыми акцентами внутри данного процесса, совершаемыми с определенной периодичностью. Понятно, что если мы воспринимаем настоящую действительность в определенном ритме, то только в этом же ритме мы можем воспринимать и действительность, состоящую в прошлом. Режим восприятия один и тот же, хотя в одном случае время настоящее, а в другом - уже прошлое. Скорость нашего восприятия одна и та же. Это как мясорубка, вращающаяся с одинаковой скоростью, которая перемалывает в данном случае информацию как поступающую непосредственно, так и ту, которая уже выложена ранее. А где здесь акценты? Акценты - это моменты включения нашего сознания в ту или иную часть действительности, которую мы осознаем. Мы же не вбираем всю действительность в сознание сразу. Мы как бы перескакиваем с объекта на объект, с явления на явление, осознавая и фиксируя то, что высветило наше сознание из всего объема постоянно присутствующей информации в данный момент. Такие моменты обработки конкретных данных, даже если это и происходит машинально, мы и назовем здесь акцентами, определяющими ритм. При этом также понятно, что ритм не обязательно должен быть поступательно возрастающим, убывающим или равномерным. Ритм может быть и рваным ритмом. В зависимости от того, что и как будет предложено нашему вниманию и каков наш к этому интерес. С этим определились. Пошли дальше.

Посмотрим, как совпадают наши скорости и акценты со скоростями и акцентами внешней нам реальности. А никак не совпадают. Начнем с того, что кое-что происходит для нас слишком быстро. Это - весь микромир. Даже молекулярный срез этого мира, где происходят столь важные для нас события физики и биологии, не подвластен скорости нашего восприятия. Мы его не видим. А если и видим, то у нас перед глазами только кутерьма процессов, которые мы можем лишь *смоделировать* в своем сознании, но никак не можем присутствовать там в качестве реального наблюдателя. Можем ли мы говорить, что эта модель равнозначна тому, что мы это как бы и видим? Этого даже наука не утверждает. Неподвижная модель - моделью, а реальные процессы - во многом загадка. Именно отсюда для объяснения этих загадок и возникла система научных названий, определений и так называемых "демонов", осуществляющих определенные процессы неведомым для нас образом. А если мы пойдем ниже молекулярного слоя, то попадем в мир элементарных частиц, где уже такие скорости, что мы не то чтобы физическую модель не можем построить, но даже и математически не вполне правомочны это делать, о чем горько говорит нам принцип неопределенности. Здесь частица за долю секунды может облететь двадцать пять раз вокруг Земного шара и в режиме этих скоростей мы не можем ничего выдавить из нашего режима осознания, что позволяло бы даже хотя бы приблизительно дать координаты

этой частицы. Таким образом, большая и важная часть нашей реальности, которая непосредственно и создает данную реальность, нами не воспринимается. Все происходит без нас.

Итак, есть то, что происходит слишком быстро и неразлично от нас. А есть ли что-нибудь, что происходило бы слишком медленно для нас? Казалось бы, такое даже и предположить странно - чем медленнее, тем лучше, есть время увидеть и разобраться. Как же это может быть "слишком"? В свете досадных обстоятельств быстрых скоростей уже ничто не должно быть для нас слишком медленным, скорее нас расстроило бы, если бы что-то происходило *недостаточно* медленно. Если быстрое нам неподвластно, так на медленном мы возьмем реванш. Однако и это не так. Есть процессы, которые происходят также слишком медленно для скорости нашего восприятия, чтобы мы могли их распознавать. Примеров множество. Начнем с несколько комичного - овраги. Овраги - это ужас земледельцев, они пожирают огромное количество земли, делая ее непригодной для выращивания урожая. Как образуются овраги? А они образуются потихоньку. Маленький ручеек течет себе по склону, человек ходит мимо него день за днем, год за годом, видит перед собой крошечный ручеек, затем маленькую канавку, затем небольшую траншею, где началась эрозия почвы, (совсем чуть-чуть так началась), затем через десять лет чуть-чуть больше стала, через пятнадцать лет уже не переступишь, что-то тут не то, а через полтора-два поколения - караул! Овраг!!! А караул-то был тогда, когда ручеек устойчиво тек под ногами. Но все было слишком медленно.

Возьмем другой пример - река меняет свое русло. Все реки меняют свое русло. Но очень медленно. Для нас незаметно. А затем целые деревни, которые по сто лет на ней стояли, сползают в обрыв с высокого берега. А ведь река все это время шла именно на эту деревню. Никуда не вилала и ни от кого не пряталась. Но мы не распознали - медленно.

Или вот стоял город Сухум на берегу Черного моря. И жили в нем люди с незапамятных времен. И дожились до того, что стали в море с аквалангами нырять. Из любви к этому делу. А в море они нашли старый город, который раньше был Сухумом, но назывался Диоскурия, потому что был греческой колонией. Как оказалась в море Диоскурия? Катастрофа произошла? Нет. Просто Черное море очень медленно, но вполне поступательно наступает на абхазский берег, а от турецкого отступает. Что-то около 14 см в год. И вот Диоскурию затопило за тысячи лет, и все забыли, что она здесь когда-то была. Как можно забыть про целый город, живя в этом городе и отступая от воды вместе с ним? А так и можно - если очень медленно это происходит. То есть, *незаметно для нас*. Следовательно, слишком медленное может быть таким же незаметным, как и слишком быстрое.

Да что там город! Целые цивилизации занесло песком потихонечку, и про них *полностью* забыли, несмотря на то, что в этих местах постоянно жили люди. Но слишком медленно угасали эти цивилизации, чтобы окружающие это заметили, вот и не заметили. Если Помпеи и Геркуланум пеплом быстро завалило, то о них помнили, и картины красивые писали. А если Шумер и Египет, в которых таких Помпей и Геркуланумов было по несколько десятков, засыпало песком не сразу, то пока их даже еще и не засыпало, никто уже не знал, что это такое. Это даже представить себе трудно! Храм Карнак, Дендера, Вади Кардаш, Абу-Симбел, Дабау - эти архитектурные комплексы Древнего Египта просто подавляют своими размерами и суровой

красотой даже сейчас, когда откопали только их останки. В Эдфу лепесток, украшающий верх колонны под сводом храма - больше роста человека, а сама колонна с пятиэтажный дом! И храм был засыпан по самую крышу! Во всей архитектуре нет ничего более торжественного и величавого, чем постройки Древнего Египта, а люди рядом жили, ходили мимо караванами, прятались от солнца, торговали, разбивали на ночь лагерь, а песок все засыпал и все засыпал, и люди стали смотреть, в конце концов, на это, как на детали пейзажа, которые затем совсем исчезли. Кроме пирамид и Сфинкса. И про тех уже ничего не знали. Солдаты Наполеона в Сфинкса из пушек палили - интересно было, что получится. А из песка только голова торчала, и никто не знал, что ниже - стоит там человек во весь рост, или только одна голова. Оказалось совсем не человек и не голова, а бог, оберегающий фараона, крошечная фигура в камне которого когда-то располагалась между лапами. И эта картина была забыта?! Все было забыто. Под песком исчезло все, целый мир человечества, совсем другой мир, непонятный и торжественный, со своей космологией, со своей логикой связи с инобытийным, с высоким знанием, опередившим в некоторых моментах нынешнее знание, со своей эстетикой и тщательными культурами. Все исчезло. Потому что медленно. Если бы быстро, то все осталось бы с нами - все понимали бы, что это надо сохранить в памяти, потому что событие исчезновения *стояло бы перед глазами*. Но оно произошло медленно, и его просто не заметили.

А еще раньше был великий Шумер, не менее, а даже более великий, чем Египет, и мы это утверждаем на основании отрывочных данных, которые открыли для себя люди в XIX веке, проведя раскопки. То, что там открылось - не вмещается ни в какие концепции истории и ломает все традиции трактовок Древнего Мира. В настоящее время раскопки проведены на территории Древнего Шумера, составляющей 1% (один процент) от его тогдашней территории...

Вот вам и медленное, на которое мы по-хозяйски хотели положить свой глаз. То же самое происходит и сейчас - с экологией. Медленно происходит. Но когда произойдет, мы не заметим, как это случилось.

Ну, что ж. Быстро не видим, медленного не замечаем, зато уж то, что происходит в соразмерном с нашим восприятием ритме, видим отлично. Этого и будет достаточно. Разве плохо? Увы, настолько плохо, что просто "плохо" - это даже хорошо. Этого все равно было бы мало, если бы это даже и было так. Но это не так. Почему? А про акценты забыли? Мы же акценты расставляем *произвольно*. И где у нас уверенность, что мы выделяем своим вниманием что-то важное и нужное? А вдруг для нас актуально то, чему надлежит исчезнуть? А вдруг мы упускаем то, что в будущем станем главным? Наши акценты - это наши акценты. А акценты внутреннего содержания направленности мирового процесса - совершенно свои. Они не накладываются друг на друга. По иному и быть не могло. События истории происходят по своим законам, которых мы не знаем (иначе прогнозировали бы их), а выделяется нашим вниманием из них что-то только по нашим внутренним причинам. Примеры уже наскучили, и можно просто вспомнить то, как исторический период, за который Россия из рядовой европейской страны превратилась в мощную евроазиатскую державу, называется "монголо-татарским игом". Здесь мы делаем акцент на то, что дань платили, а основное содержание этого времени от нас ускользнуло. И никого не интересует - как же так: под игом были, отброшены были на несколько

веков назад, отстали и... как же тогда из ига вышли с территорией в 10 (десять раз!) большей, чем до "ига", вплоть до Западной Сибири, и сразу все вокруг считаться с нами стали? И никто не помнит, что Русь всю свою историю дань платила то печенегам, то хазарам, то половцам, то каким другим степнякам. И князья горячие ругались на советах, воевать рвались, а главные князья говорили - лучше дань платить, да делом при этом заниматься, чем воевать бесконечно и на месте топтаться. Ну, придут, ну, город сожгут. Новый построим. Лишь бы смерд землю пахал, а не мечом размахивал, а свое взять всегда успеем. А потом приходило время и приходили эти кочевники вновь за данью и видят, что совсем не туда они пришли, где вчера были - эти люди потихоньку вперед вырвались настолько за счет упорного труда в мирной жизни, что только и остается, что постоять на берегу речки, облизнуться, как лиса на виноград, да и уйти назад в степи. И за ними никто не гнался - идите с богом, нам не до вас, другие дела ждут, поважнее.

Ближе дела были - с фашизмом в Германии. Тоже акцент только на зверствах фашистов. А то, что немцев до 1933 года в Европе после их поражения в мировой войне просто с дерьмом смешали, унижали, держали в натуральном голоде и нищете, вытирали об них ноги и международными договорами отвели им на веки вечные удел третьеразрядной страны в то время, когда даже понятия такого еще не было в истории - "страны третьего мира" - этого никто не видит. А потом удивляются - как это раса философов и поэтов, добропорядочности и трудолюбия, превратилась в зверей с человеческим обличем? А это они огрызнулись так, в угол загнанные, как зверь огрызается. Это же германцы, воины, каких мало, долго думали над ними измываться? Сейчас немцы сами в ужасе от того, что вытворили в угаре помешательства, но и они не говорят - *не только мы виноваты*. И у них акцент на другом - на собственном содрогании от собственной же вины. Виноваты действительно безмерно. Но ведь сдачи давали. И никто не сказал после этого - не унижай никакого великого народа, он потом и тебя кровью зальет и себя не пожалеет. А потом за это будет винить себя. Акцент у него будет такой. Но это будет потом.

Здесь о многом можно говорить, если посмотреть, как акцентируется нами совсем не то, что происходит. И о том, что главный наш акцент состоит в том, что прежние цивилизации были отсталыми, а наша передовая, хотя никто не приведет этому ни одного серьезного довода; и об Октябрьском перевороте в России, который называется "социалистической революцией", где акцент делается на марксизме и его правоспособности и жизнеспособности, а дело было вовсе не в этом, а в том, что русские в 1917 году потеряли свою страну и до сих пор не могут ее вернуть, и пока акцент сюда не сместится, октябрь продолжается; и о том, как с 1946 года унижаем арабов, а теперь говорим о них - "террористы", забыв, что государство Израиль началось с акта террора, когда евреи захватили пассажирский корабль и под угрозой уничтожения заложников потребовали от ООН положительного решения о размещении этого государства в Палестине; и о том, что всегда были модные народы (греки, испанцы, итальянцы, французы), и сегодняшняя Америка - не более чем смена моды, а не новая культура, и о многом, о многом и многом, но у нас не политологическая беседа, и нам важнее понять главное - наши акценты избирательны, мы производим их по силе собственных симпатий, и поэтому мы видим только то, что нам интересно, и это не означает, что мы видим то, что есть на самом деле.

После такого утешительного вывода перейдем опять к скоростям. Если все так неудачно с предыдущими нашими настройками внутреннего времени, то что-то же должно все равно этому времени соответствовать? Даже если не говорить об акцентах, которые все равно ставятся задне-избирательным числом, то хотя бы то, что происходит прямо перед нашими глазами, на этапе простого освоения поступающей информации, уж никак не может не соответствовать ритму нашего восприятия. Разве не так? Не так. Потому что ритм нашего восприятия - это всегда *режим запаздывания*. И вот здесь нам важна будет именно арифметическая скорость (поначалу), поскольку любая информация поступает к нам через зрение или слух. То есть через распространение звуковых и электромагнитных волн. А это распространение не происходит мгновенно. Здесь многое зависит от расстояний. А еще больше от того, являемся ли мы прямыми участниками событий. А мы не прямые участники. Мы в лучшем случае смотрим телевизор, где нам передают авторизированную версию части недавно происшедшего, или в худшем случае знакомимся с явлением или событием в печатной продукции, на типографские издержки которой также необходимо время. А еще время необходимо для усвоения информации и выработки к нему своего отношения. Пока все это произошло - событие изменилось и стало совсем другим, или вовсе исчезло. Оно уже исчезло или как-то разрешилось, а мы все еще болеем о нем. И даже при прямом соприкосновении с событием мы всегда запаздываем по формуле "время распространения информации в физической среде + время обработки информации органами чувств + время переработки информации сознанием + время выработки эмоционального отношения к полученной информации". Пока мы знакомимся с только что происшедшим, в это же время где-то вне нашего внимания происходит действительно только что происходящее. Кучер Чичикова Филимон увлекался чтением, но отдавался ему весьма своеобразно - пока он осиливал последние буквы какого-либо слова, он забывал первые. Так и читал. Так и мы регистрируем действительность - пока сообразим, что было и что есть, все вокруг уже давно по-другому.

В общем, получается - не распознаем основную зону происходящего, а то, что распознаем, распознаем с запаздыванием, фрагментарно и с произвольно-барскими акцентами своего интереса. Но все-таки, хоть фрагментарно, хоть с акцентами, хоть с запозданием - но это все равно ведь с нами. Никуда от нас не ушло. Значит, мы должны и можем бороться - от каждого по фрагменту, от каждого по акценту, вместе собрались, сложили - и вот мы объективно-точные наблюдатели. Но лучше этого не делать. Потому что в каждом из фрагментов мы уже ошибаемся, и, сложив их, сложим одну большую ошибку, ничем не лучшую множества маленьких, а запаздывание в этом процессе штука не только количественная, но и качественная. То есть отсутствует не только синхронность восприятия, но ускользает и сам смысл воспринимаемого. И дело опять все в тех же скоростях. Потому что во вселенной есть еще один Наблюдатель, (если мы про Него не забыли), и это не просто Наблюдатель, а Наблюдатель совершаемого Им Самим процесса. И это Его скорости, несопоставимые с нашими. Для Него, как мы помним, даже само упоминание о пространствах и дистанциях смешно - эти категории даже ради уступчивого эксперимента нельзя к Нему прикладывать. А ведь Он в пределах этих расстояний оперирует и руководит. Все скорости, которые для Него есть - это не просто регистрируемые, это *прикладно-используемые*, совсем как в том случае, когда мы используем

штопор - безо всяких напряжении и с уверенно-добрым ожиданием. Поэтому когда мы вникаем в *этот единый процесс* лишь на участке доступных нам скоростей, то мы и видим лишь часть из общей задумки, которая где-то рядом осуществляется на совершенно не воспринимаемых нами скоростях.

Чтобы до конца осознать это, нам надо представить себе разницу между восприятием временных интервалов Творцом и между нашим восприятием этих интервалов. Неизмеримо большая масштабность Его личности по сравнению с нашими личностями, естественно, определяет и то, что время в Его представлении имеет совершенно другую скоротечность. Само понятие скорости изменений для Него и для нас несопоставимо в нашем осознании. Что такое для Него те расстояния, которые для нас непредставимы по своей громадности? Для Него их просто нет. Расстояния определяются временем движения, то есть, временем самих изменений, следовательно, то время, которое для нас - эпоха, для Него вообще не имеет никакого значения, даже в качестве понятия, поскольку наши расстояния также ничего для Него не значат - что-то такое необходимое где-то на самом низком уровне необходимости. Поэтому, находясь в данное время в общем процессе единого изменения, мы с трудом можем себе представлять саму единость этого действия, поскольку оно запущено совершенно в другом скоростном режиме, режиме не нашего восприятия. Скоростные режимы и психологическая их оценка человеком - несопоставимо разные. Мы не способны уловить истинную суть происходящего, ибо то, что для Него - единый акт, для нас - череда самозначных исторических этапов, затягивающих нас постоянно в болото актуальности именно данной ситуации, в которой мы живем, со всеми ее реальными болями и проблемами.

На примере это можно пояснить таким явлением, как рост дерева. Мы высаживаем саженец, наблюдаем его рост годами, забываем, каким он был год, два или три назад, видим его каждый раз новым, и для нас дерево всегда *сегодняшнее*. Затем оно начинает давать плоды, и это уже совсем другое дерево, а все те деревья, которые в лице этого вечно изменяющегося дерева мы наблюдали каждый день годами, вроде уже и не причем, есть только это, нынешнее дерево. Потом это уже будет осеннее дерево, потом весеннее, потом мы ему обрезаем ветви, потом еще что-нибудь, и каждый раз - это совсем другое дерево для нас. Но ведь это одно и то же дерево! Нам трудно в сознании держать все эти ежечасно меняющиеся деревья, мы привязываемся своим восприятием к конкретно видимому нами дереву, и не можем объять умом в единую картину все его изменения, которые произошли от посадки и до самого конца его жизни. Слишком растянуто для нас во времени, чтобы воспринимать процесс в едином вневременном действии.

А теперь представим себе, что из семени данного дерева, прямо перед нами, со скоростью фонтана мощностью в десятки атмосфер, дерево вырвалось из-под земли и, в течение секунды, завершив все свои превращения, застыло в своей последней форме. Не правда ли одно и тоже явление представляется совсем по-другому? А это только слабый намек на действительную разницу нашего восприятия времени и Его восприятия, потому что не только видимая, но и содержательная суть процесса ускользает от нас при временной регистрации события. Немного более приближает нас к этому другой пример: представим себе труп,

разлагающийся у нашего порога до полного своего истления. А теперь представим, что мы его сожгли. Разное по содержанию действие? На первый взгляд - разное. Но произошли абсолютно одни и те же химические реакции! Даже количество тепла выделилось совершенно одно и то же! Разной была только скорость протекания этих реакций! А ведь в одном случае это было омерзительное гниение, а в другом - благородное сожжение! Чтобы что-то понять правильно, нам следует отталкиваться не от наших временных категорий, а пытаться смотреть на все Его взглядом, потому что это Его мерки, недоступные нашим меркам, положены в основу расчетов Всего Замысла. Поэтому достаточно наглядного примера нашей бессильной регистрации в данных скоростях мы даже и привести не можем, поскольку здесь схема примера должна быть следующей - Он делает то-то, а мы думаем, что это то-то. Кто возьмется привести такой пример? Берутся некоторые. Но аплодисменты срывают они обычно только в своих кругах. Мы не тщеславны даже в этих семейных пределах. Поэтому не будем.

Ну и, у нас осталась последняя надежда - космос. Уж его то мы видим каждый день ни в каких ни в скоростях и всегда успеем сделать акцент хоть туда, хоть сюда. Хоть каждый день по акценту. Надоеет - вернемся к первому акценту, и он будет тот же самый. Даже если лет через сорок вернемся. Здесь мы наблюдаем одно и то же и никуда не запаздываем, а время между сменами акцентов внимания ничего не меняет в картине ни одного из бывших акцентов. Этому руку на плечо и положим в злорадном торжестве дружеского чувства. Однако и этого делать не стоит. Здесь все вообще - хуже некуда. Мы живем вообще не под тем небом, под которым живем. Когда мы смотрим на ночное небо, то звездная картина, которая является нашему зрению, представляет собой сочетание, взаиморасположение и различную яркость небесных светил в том виде, в котором они находились тысячи и миллионы лет назад! Мы видим сейчас те звезды, которые давно угасли, созвездия, давно изменившие свою картину, и не видим тех звезд, которые уже возникли и уже испускают свой свет. Небо над нами совсем другое, не то, которое мы видим! Расстояния Вселенной настолько велики, что свет сгоревшей звезды достигает нас тогда, когда на ее месте уже ничего нет, а свет новых звезд станет видимым с Земли через века и века после их образования. Мы не знаем, каким *будет* то небо, которое *есть* уже сейчас! Точно также мы просто не знаем того будущего, которое уже есть. Оно до нас еще не дошло, но оно уже есть. Оно движется к нам через расстояния Вселенной в Его Замысле, конкретном и осуществленном, реализуясь каждую секунду, каждую минуту, которые мы считаем новыми событиями для себя, но это уже происшедшие от начала события, поскольку они были инспирированы Им извне вселенной во времени, являющемся для Него единым мигом, а этот миг для нас - вся наша история.

Не очень хорошо все, правда? И зачем мы все это выяснили? А затем, чтобы из темы "Время" выяснить для начала следующее - если оставаться на нашей методологической позиции, которая предполагает, что ничего случайного нет, то, как нам трактовать вышеприведенные обстоятельства? Если мы рассматриваем человека как сконструированное (сотворенное, иными словами) явление сконструированного мира, то по заложенной в него программе что он может распознавать? Получается, что только самого себя. Вот здесь и ритм, и скорость и акценты, и все остальное прочее полностью совпадает с тем, что он регистрирует, потому что регистрирует он



самого себя. Следовательно, задача нашей программы - идентификация и работа в своем же внутреннем мире. А зачем же тогда внешний нам материальный мир, созданный так гениально и четко? Зачем именно - это мы выясним далеко впереди нашего разговора, а сейчас с нас будет достаточным и того основного вывода, который мы можем уже сделать - если мы определили человека в качестве высшей фазы Сотворения, то физический мир исполняет всего лишь какую-то *вспомогательную функцию*, поскольку сама высшая фаза творения (человек), являясь *основной целью*, никак не сопряжена по своей программе ориентации (время) с временным режимом реализации физического мира. Если бы физический мир был важен, то в нашу программу были бы заложены способности взаимодействовать с ним хотя бы синхронно. А если наша программа создавалась вовсе без учета задач какого-либо распознавания физического мира, то относительно нас, первостепенных, этот мир второстепенный.

И что дает нам этот вывод? А он дает нам теплое предположение - а зачем Богу создавать еще что-то, что могло бы распознавать само себя лучше, чем это делаем мы? Если уже относительно нас физический мир - это второстепенное и сопутствующее нам же явление, то для следующей программы - и тем более. Предположить обратное - признать человека ошибкой и допустить несовершенство Бога, а где у нас основания это допускать? У нас вообще-то есть к этому веские основания - Он зачастую относится недостаточно внимательно к нашим просьбам, но здесь могут быть и другие причины, известные только Ему. Если же допустить, что следующая программа будет лучше распознавать не физический мир, а саму себя, то зачем тогда нынешняя попытка распознавать нашу внутреннюю реальность, если новая программа будет распознавать совсем другое? Тогда нас - "в овраг и расстрелять", мы были ошибкой, а это сомнительно по только что приведенным выше аргументам. Если новая программа будет лучше распознавать нашу реальность по своей основной задаче, то тогда зачем ей своя собственная внутренняя реальность? И как мы будем с ней общаться? Здесь уже мы в схоластику уходим, надо вовремя остановиться, но ясно одно: если на данном этапе задача высшей фазы Сотворения - заниматься самой собой, то на этом *цепь замкнулась* и дальнейшее возможно лишь в полном разрыве со всем предыдущим. Дальнейшее нас не касалось бы. Пока что мы - на вершине Замысла. Чтобы до конца в этом убедиться, надо убедиться, что такой (именно такой относительно нас) замысел есть.

Для этого нам, как минимум, следует признать, что будущее имеет цель, ибо развитие такого единого процесса вполне может иметь конечную оформленную цель. Причем если это цель, то это должно быть нечто абсолютно совершенное и абсолютно целесообразное, поскольку процесс этот запущен Им.

Можем ли мы предположить, что этот оформляющийся из себя, запущенный Его Замыслом процесс, выразит в своем итоге что-либо другое? Можем. Мы можем предположить, что все это - просто для забавы. Мы не можем знать самого Замысла, но, даже если Он устроил все это ради игры, то это все равно будет Совершенная Игра, потому что это - Его игра. Но игра ли это? Давайте разберемся. Суть любой игры - непредсказуемость и случайность. Целью игры может быть только игра, конец которой - искусственно обусловленный момент, от которого начинается новая игра, или ограничение по времени, после которого - опять новая игра. То есть - никакого

конца, как этапа невозможности новых изменений а, следовательно, никакой цели. Это, во-первых.

Во-вторых, чем меньше в условиях игры целесообразности, тем больше вариантов для различных ее вариантов, (если не бояться тавтологии), и тем совершеннее игра. В игре не должно быть строгого плана развития событий. К цели же, напротив, может привести только строгий план. Если это Его игры, то мы сможем увидеть вокруг себя только совершенство непредсказуемости, но никак не целесообразность, поскольку целесообразность ведет к закономерному концу, к цели, а не к искусственно обозначенному этапу. В этом случае каждый компонент такой совершенной игры должен работать на разрушение предсказуемости следующего события, и чем больше таких компонентов, увеличивающих случайность действия, тем совершеннее игра. Можно сказать, что целесообразность любой игры состоит в нецелесообразности действий одних ее компонентов относительно целесообразности действий других ее компонентов. Если бы целесообразность действий всех компонентов не противоречила друг другу, то это была бы не игра, а совместная созидательная деятельность.

А если это не игра, то все компоненты построения должны не только соответствовать совершенству и целесообразности, но также усиливать при своем простом количественном увеличении сам уровень совершенства и целесообразности всей системы по принципу сложения. Складываясь из маленьких целесообразностей в одну большую целесообразность, они должны соответствовать в этом процессе строгому плану, поскольку только определенный план ведет к определенной цели. Если нет определенной цели, если цель многовариантна, то это или непродуманный процесс, или наивная игра, типа "Построй сам" из десяти кубиков. И то и другое к Нему мы отнести не можем.

Естественно, найти ответ мы должны в окружающей нас системе вещей. Мы должны найти основания тому утверждению, что сама трансформация нашей действительности, ее постоянное превращение, имеет целью нечто совершенное и целесообразное, свойственное Ему. И не просто имеет целью, а идет именно туда. Или признать, что события в точке происходящего просто-напросто бесцельно кишат в развернувшейся игре, самопревращаясь бессмысленно и недетерминировано, то есть случайно, что и было бы в таком случае Им задумано. Второй путь более легок и прост, но, скорее всего, это совсем не так. Все происходит на самом деле осмысленно, целенаправленно и строго по плану.

Основанием для такого утверждения служит факт всеобщей взаимосвязанности всего, что совершается. О том, что все связано между собой, и что изменение чего-то одного обязательно приводит по цепочке к изменению всего остального, замечено уже давно. Это еще одно подтверждение цельности организма Вселенной. Но сам по себе этот факт не дает оснований к оптимизму при рассмотрении конечного пути развития мира. В конце концов, любая игра тоже должна соответствовать именно таким условиям, иначе она рассыплется. Это - лишь исходная посылка, и от нее мы перейдем к главному.

А главным является то, что повсеместное взаимодействие всего между собой осуществляется в форме *взаимодействия систем*. Отдельно вырванный объект или явление не может оказывать никакого воздействия на другой объект или явление. Сам по себе кислород не

оказывает никакого реального действия сам на себя, пока он не образует системы с другим объектом, например, с водородом, в результате чего образует воду, или с легкими, после чего насытит кровь. Если же он вступит во взаимодействие с золотом, то ничего не произойдет, потому что с этим объектом он не может образовать системы. Система - это обязательное наличие взаимодействия между объектами и явлениями. Землетрясение на Мадагаскаре не повлияет на плодovitость кроликов в среднерусской полосе - оба этих явления системы не образуют. А запой хозяина, и, как следствие, перебои с кормом, плодovitость уменьшат существенно. Здесь система проглядывается.

Система характеризуется наличием внутренней закономерности и внешней целесообразности. Система состоит из различных явлений или объектов, которые объединяет между собой общий смысл их взаимодействия. Ни одна система не существует просто так сама для себя. Она обеспечивает реализацию какого-нибудь компонента реальной действительности. Если в игре, чем больше таких компонентов, тем больше беспорядка, поскольку каждый компонент в своем назначении противоречит назначению другого компонента по условиям взаимодействия (защитник должен отбирать мяч у нападающего, а не способствовать ему своими действиями), то в реальной действительности, которую мы наблюдаем, все компоненты взаимодействия работают на общую цель системы, создавая строгий неумолимый порядок. Причем, чем больше явлений или объектов такая система объединяет в себе, тем грандиознее и совершеннее она по своему смыслу. Вместо игровой свалки появляется жесткий, целенаправленно работающий механизм.

Достаточно яркий пример такой системы - круговорот воды в природе. Вода испаряется, собираясь в облака. Вновь проливается на землю и вновь испаряется. Рассмотрим эту систему и попробуем убрать из нее задействованные в ней явления и объекты. Если убрать эффект испарения, то вся вода собралась бы в одном, самом низком на Земле месте, что исключило бы сам круговорот. Значит, начинать надо с этого. Пока что в данной системе присутствуют только соединение молекул двух газов и сила тяжести. Чтобы эффект испарения присутствовал, надо подключить к системе солнце. Чтобы испарение и конденсация воды происходили не на одном и том же самом низком месте, придется добавить движение атмосферы, ветер. Система стала совершеннее. Теперь вода распределяется туда, где она нужна. Вокруг нее распределяется жизнь. Для того, чтобы жизнь была возможной в разумной и созидательной форме, нужна кривизна ландшафта, чтобы вода собиралась во впадины и потоки, а не просто впитывалась бы грунтом, образуя грязь и мелкие лужи. Добавив водоразделы, мы сделали систему еще совершеннее и целесообразнее, так как появились реки, озера и моря. Добавим далее содержание в грунте минеральных солей. Теперь вода, устремляясь в самое низкое место, растворяет на своем пути соли и несет их в моря и океаны (гигантские впадины в земле), испаряется там, уносится в чистом виде, оставляя в них остатки соли, и образует соленые водные массивы, которые являются источником кислорода и аккумулятором тепла, формирующим приемлемый для жизни климат, и, кроме того, благодаря чистоте, обеспечивающейся соленостью, становятся источником питания для всех форм жизни, в том числе и для человека. Система стала еще совершеннее, и, благодаря своему совершенству, обеспечивает

существование других совершенных систем - жизни и климата. На самом деле - это упрощенный, неподробный вид круговорота воды в природе, но и этого достаточно для того, чтобы понять, что все составные части этой системы придают ей тем большее совершенство, чем больше их самих.

Если рассмотреть любое другое явление окружающего мира, то не составит труда убедиться, что самые совершенные конструкции - самые сложные по количеству взаимодействующих в них составных частей. То есть просматривается общий закон, согласно которому взаимодействие осуществляется *только между объектами*, создающими целесообразно действующие системы, а не случайные взаимосвязи игрового характера. Это - самое важное, что нам следует понять. И, *чем больше* таких объектов, тем эти системы совершеннее в своей общей целесообразности. Никакой игрой, принцип которой, - сталкивать целесообразности, тут, как видим, и не пахнет.

Однако если вступают между собой во взаимодействие только объекты, создающие целесообразное действие, то не противоречит ли этот закон главной нашей исходной посылке - все находится во взаимодействии? Противоречит. Что же делать? Убирать противоречие и формулировать закон правильно, не по его внешнему признаку, а по внутренней сути. Тогда он будет выглядеть так - все объекты мира, между которыми осуществляется взаимодействие, образуют результатом этого взаимодействия только целесообразно действующие системы, и чем больше таких объектов, тем эти системы совершеннее в своей целесообразности. Игры по таким законам тоже не строятся.

Можем ли мы распространить этот закон не только на механически действующие системы, но и на системы с присутствием разумного и волевого начала? Можем, и даже с еще большим основанием. Закон будет действовать и здесь. Например, если сгибать и разгибать руку в локтевом суставе, то это - просто совершаемая работа, не имеющая смысла и цели. Если же в руку взять гантель, то образуется система взаимодействия мышц с силой тяжести. Потому что гантель - это овеществленный кусок силы тяжести, взятый нами в потребной дозе. Образуется система, приводящая к развитию силы мышц. Появляется смысл и целесообразность. Если подключить сюда разумное начало, и применить знание о том, что силу тяжести (вес гантели) надо избирать таким образом, чтобы мышцы могли произвести только 6-8 движений до момента своего отказа совершать работу, то система станет оптимальной для наращивания массы мышц, а, следовательно, и силы. Еще совершеннее система станет, если применить принцип раздельности нагрузки на отдельные группы мышц с перерывом между такими нагрузками в 48 часов, тогда у мышц появляется время на отдых, во время которого у них происходит рост. И совершенно достигнет своих вершин система тогда, когда мы подключим к ней еще один компонент - белковый состав и график питания. Добавив сюда такую составную часть, как воля, мы получим совершенную систему формирования своего тела, называемую "бодибилдингом". Как видим, и здесь ни один новый элемент системы не работал против нее и не вносил игрового беспорядка.

Но, похоже, в данном случае работает не закон мышления, в котором в самом заложена целесообразность, а работает способность мышления улавливать частную целесообразность общего закона целесообразности взаимодействия объектов и использовать это действие в

нужном направлении. Глупое намерение и оригинальный ум могут, конечно же, попытаться создать и нецелесообразное взаимодействие объектов, но объекты не откликнутся на это. Все созданное таким вздорным намерением будет или быстроразрушимым или невзаимодействующим. Этот закон непреодолим, поскольку он сидит в самой природе вещей, а они не могут идти против своей природы. Попробуйте вырастить огурец на камне или двумя струями воды разжечь огонь, и вы в этом быстро убедитесь.

Любое взаимодействие, которое происходит, всегда целесообразно, а если нет целесообразности, - то нет и взаимодействия. Могут спросить - а какая целесообразность в том, например, что можно запустить кирпичом кому-либо в голову, и произойдет взаимодействие? Ответим - дело не в целесообразности результата, который вы долго будете оттирать от полов тряпкой. Дело в целесообразности взаимодействия. В данном случае кирпич целесообразно своей природе разобьет череп, который уступит также целесообразно своей природе. Целесообразно будут действовать все силы, которые обеспечивают целесообразное природе каждого из героев конфликта физическое поведение. И результат будет целесообразен произведенным действиям, несмотря на то, что намерения, были, возможно, и нецелесообразные. Но данная нецелесообразность лежит не в плоскости физического мира, который знает только целесообразность физических законов, а не морально-этических норм. А если полетом кирпича кто-либо вздумает с самыми лучшими намерениями повлиять, например, на погоду, то, несмотря на всю благородность этих намерений, взаимодействия не произойдет. Ищите другие методы. Не метательные. Но, как нам кажется, мы должны быть спокойны за намерения Того, Кто задумал и осуществляет все взаимодействия. Можно с ответственностью сказать, что вся повсеместная целесообразность действующих повсеместно систем продиктована Самой Высокой Нравственностью, которая только может быть доступна нашему пониманию, потому что это Его нравственность.

Если по такому закону развивается и превращается во что-то, соответствующее Цели, наш Мир, то это - вдохновляет.

Все существующее вокруг нас состоит из совершенных и взаимодействующих систем, обеспечивающих друг друга. Получается, что вся существующая реальность является огромной системой, состоящей из подсистем. Эти подсистемы образуют всю систему, и, являясь совершенными и целесообразными, могут ли они создать собой нечто бессмысленное и нецелесообразное? Похоже, мы вынуждены будем сказать, что - никак не могут. Более того, Вселенная, являясь единым цельным организмом, закрытой системой, состоит не просто из совершенных и целесообразных подсистем, но из их огромного количества, что, как мы уже знаем, просто обязывает к предельному совершенству и предельной осмысленности всего происходящего. Каждый из составных элементов системы, как мы помним, работает на общее ее совершенство и увеличивает его, ну а такое их несчетное количество, которое мы наблюдаем в существующем мире, является базой, гарантирующей самотрансформацию системы вещей вообще в абсолютно совершенную форму.

Именно отсюда можно пойти дальше и обосновать предопределенность всего, что происходит. Если цель определена, и разворачивание событий направляет к ней все

происходящее, то прежде, чем началось это движение, должно было быть задумано и то, как это произойдет, и когда это произойдет, и куда все это придет. Все, что сейчас происходит - находится уже на стадии осуществления Божьего замысла, сам же замысел должен был *предсуществовать* своему осуществлению. Значит, модель процесса и его завершения уже созданы, матрица его развития и конечного оформления неукоснительно направляет и контролирует все происходящее в соответствии со своей программой. По большому счету все уже произошло, поскольку по-другому произойти не может.

А что, все-таки произойдет? Данная глава уже угрожающе растянулась по объему, и многие заметили, что на некотором этапе мы стали намеренно сворачивать ее содержание, сужая доказательную и пояснительную базу. Чтобы продолжить в данном же ключе (поскольку впереди еще много громоздких по изложению вопросов) мы очень коротко зададимся несколькими вопросами - что такое цель и целесообразность? Понятно, что цель - это ожидаемый результат, а целесообразность - это порядок событий, гарантирующих этот результат. Чем характеризуется цель, как результат? Она характеризуется моментом свершения. Если чему-то не дано свершиться, то оно не может быть целью. Что такое момент свершения? Это завершение порядка событий, который мы назвали "целесообразностью". Следовательно, целесообразно лишь то, что *должно завершиться*. То, что никогда не завершится, не имеет цели, бесцельно и все процессы в нем по основному смыслу - нецелесообразны. Оглянитесь вокруг - если мы делаем что-то с тщательной продуманностью, то это всегда по принципу - "начнем с этого, будем делать так-то и в итоге должны получить это". Всегда есть итог как цель, цель как конец и методика достижения этого конца. Если мы в эту методику занесем что-либо, что заставит нас трудиться вечно, то мы сами себе тут же отобьем руки. Итак - смысл любого замысла в том, чтобы он свершился, то есть чем-то *завершился*.

Что же произойдет в физическом мире, когда Его Замысел реализуется? Понятно теперь, что все придет в абсолютно совершенную и неизменную форму. Раз цель достигнута, то никакие изменения уже нужны не будут. Если не будет изменений, то не будет и времени, с которого мы начали разговор в этой главе. Время закончится вместе с изменениями. А если нет времени, то это - вечность. Следовательно, все будет совершенно и вечно, останется лишь наше внутреннее время, способное ощущаться нами безо всяких изменений. Совершенство и вечность - это категории, присущие только Ему. Следовательно, Он станет присутствовать...

Получается, что Он просто уступил нам на время часть своего бытия, а теперь станет присутствовать во всей своей полноте. Во всей, потому что мы не можем сказать о полном Его неприсутствии уже сейчас. Мы ведь знаем, что во вселенной уже присутствует Его Воля, которая все реализовала, которая все организует, направляет и удерживает. Все ведь осуществляется Его разумной волей через Его силы. Следовательно, мы можем сказать, что Он присутствует своей Разумной Целенаправленной Волей, или Волящим Целенаправленным Разумом, или Разумной Волящей Силой, или Целенаправленной Разумной Сильной Волей, или Целеустремленным Сильным Разумом и т.д. Изгаляться можно бесконечно долго, гораздо правильнее будет сказать коротко, так, как мы привыкли говорить о таком явлении в обыденной жизни - Он присутствует своим Духом.

Чем ближе мы к Нему подходим, тем четче мы должны осознавать то, что Его постижение будет принимать для нас все более и более сверхлогический характер. Логика сама нас приведет к выводам, которые будут ею обосновываться как неоспоримые, но которые она уже не сможет объяснять. Она сама подведет нас к черте, за которой скажет - иного пути не было, я сделала все, что смогла, вот то, что вы искали, оно единственно верно, но не спрашивайте меня, - что это? В данном случае у нас действительно нет никакого выхода кроме того, чтобы признать, что Он находится вне вселенной, но одновременно Он же своим Духом и находится во вселенной, организуя ее согласно Своим целям.

Итак, Он присутствует, но не во всей своей полноте, а после завершения Замысла, станет присутствовать во всей полноте. Это, наверное, то, о чем Святой Павел сказал, что "Бог станет все во всем", говоря о конце времен. Перед нами явная картина, при которой сначала была создана и *царила* неорганическая природа, как фон для органической природы. Это было царство неживой природы. Затем на этом фоне, как на основании, была воздвигнута и *воцарилась* органическая природа. "Воцарилась", потому что неорганическая природа стала всего лишь подспорьем, почвой, своеобразным треном, на который воссела живая природа. Наступило царство живой природы. А затем придет и воцарится Он. Наступит Его царство, которое нам вполне удобно называть Царством Божьим. Краткий вывод может быть таков: смысл, конец и цель истории - Царство Божие.

Должно нас это радовать или должно нас это огорчать? То, что все будет совершенно и вечно, несомненно, радует. А вот, неизменность, как таковая, вносит струю серьезной задумчивости в наше ликование. Мы ведь привыкли, что ощущение существования, бытия, всегда прочно связано у нас с переменами и событиями. Все застывшее гнетет нас своей безжизненностью. Если ничего не происходит, то не все ли равно, что ничего не происходит в совершенном и вечном варианте? Разве не равносильно это небытию, несуществованию? Иными словами, что это будет, - вечная жизнь, или вечная смерть? Можем ли мы ответить на этот важный для себя вопрос? Представляется, что можем. По-видимому, будет вечная жизнь. Попробуем объяснить, почему.

Начнем с вопроса, - что такое жизнь? Ответ неизвестен. Мы можем видеть только ее проявления. По ним судить о ее сущности мы не можем, но, пожалуй, нам и этого будет достаточно для главного вывода. Уж, коль скоро мы говорим о нас, то самое наглядное проявление жизни - это наше сердце. Пока бьется сердце - жизнь есть. Остановилось сердце, - жизни нет. Наверное, благодаря этому сердце наделяется у нас мистическим содержанием, к которому мы всегда прибегаем, когда не можем объяснить явления практической жизни практическими категориями. Но мы уйдем от мистического взгляда на этот орган, и посмотрим на характер функций, которые он исполняет. Опустим физиологические характеристики и особенности строения сердца, и остановимся на главном, на том, что сердце - это насос. Но это не просто насос, а насос, качающий жизнь. Когда мы читаем в некрологе, что "перестало биться сердце верного ленинца и преданного борца за счастье всего человечества", то это не означает, что в его организме произошли некоторые неприятные сбои, и преданному борцу теперь придется проводить приемы, скажем, деревянной ногой или, всего лишь с одной почкой, как это

было бы в случаях с этими органами. Это означает то, что, слава Богу, одним верным ленинцем стало меньше. Не пишут же в некрологе, что ноги его перестали ходить, губы шевелиться, руки больше не могут совершать призывных жестов, шея больше никогда не повернется и т.д. Если упомянули, что сердце не бьется, то все остальное для всего, пока не осчастливленного человечества, уже гарантировано. Значит, мы имеем все основания исходить из функции сердца, как насоса жизни.

Любой насос приводится в действие какой-нибудь силой. Источников силы, приводящей в действие сердце, ни в природе, ни в пределах своего организма, мы не знаем. Мы не можем сказать, что вот то-то и то-то заставляет наше сердце работать, а перестает сердце работать из-за того, что то-то или то-то больше не дает ему своей силы. Но, несомненно одно - раз сердце работает, значит есть сила, которая эту работу совершает. Источник ее нам незнаком, но сама сила обязательно должна быть, поскольку наше незнание не освобождает нас от логической необходимости ее признания. Мы ее не знаем, но можем дать ей название, в истинности которого никто не должен сомневаться - это сила жизни. И, конечно же, нам ничего не остается, как только попытаться разобраться - что же это за сила?

Прежде всего, следует сказать, что, похоже, все силы, которые мы знаем, делятся на постоянно действующие силы, присутствующие самостоятельно, и силы, произведенные действием других сил, чаще всего как раз усилиями этих постоянно действующих, основных сил.

Постоянно действующие силы - это сила притяжения, (если бы она не действовала всегда, то все парило бы в полном беспорядке, а не располагалось бы в данном виде). Это сила трения, благодаря которой все вместе с нами не скользит в направлении, противоположном направлению вращения Земли. Это межмолекулярные силы, которые обеспечивают форму предметов, это ядерные силы, которые определяют свойства веществ, это сила света, которая все освещает, сила упругости и т.д. и т.п., полнота перечня нам здесь не важна.

Вторичные силы, возникающие и исчезающие по обстоятельствам, образуются под действием других сил. Это, например, сила звука, которая обеспечивается или силой упругости, приводящей в колебание звукоиздающие объекты, или силой соударения тел, или силой возмущенных легких. Таких сил может быть множество, смотря от того какие именно силы-причины произвели их, вступив во взаимодействие. Любое движение совершает работу, любая работа совершается силой. Мы в данных неисчислимых случаях просто замечаем эти силы и даем им общепринятые научные названия, независимо от того будем ли мы их использовать, или просто зафиксируем для системной коллекции. Перечислять эти силы нет никакой возможности. Это большой диапазон сил от силы наших мышц, до сил двигателей, от силы эрекции до силы тока и т.д. Их несметное количество применительно к каждому случаю жизни. Есть даже такая сила, как сила стружкообразования. Ее исчисляють машиностроители. Пусть они все будут, нам не до них. В данном случае нам важно, что эти силы возникают и пропадают, в отличие от основных сил, действующих постоянно.

К какому из этих двух видов относится сила жизни? Мы знаем, что жизнь существовала не всегда. Ее не было, и она возникла, и, следовательно, сила жизни должна относиться к категории непостоянно действующих сил. В этом случае она может так же, как возникла -



исчезнуть. Наподобие всех вторичных сил. Это печаливает. Но не будем впадать в тоску - мы ведь также не знаем и тех основных сил, которые бы вызывали собой силу жизни! А ведь это основная характеристика непостоянно действующих сил - наличие сил-причин! Без этой характеристики мы не можем причислить силу жизни ко вторичным, временным силам. Именно потому, что мы не можем сказать, что сила жизни была порождена взаимодействием каких-то конкретных сил, мы должны сделать вывод, что это - самостоятельно присутствующая сила, и может относиться к первой категории сил, действующих постоянно. И для первого и для второго вывода, как видим, есть определенные основания. Что делать?

Тупик? Выход из которого - дело выбора? Позитивной веры или негативного признания обреченности? Нет, выход есть, и он - единственный. А единственный выход - всегда самый верный. Если больше выбора, кроме единственного не осталось, то, следовательно, исходные предпосылки этого выхода создали идеальные условия для именно этого единственного вывода, и нам придется принять именно этот вывод, потому что даже приличной конкуренции ему не наблюдается.

А такой единственный выход для нашего распутья состоит в том, что эта сила жизни должна быть постоянно действующей, как не порожденная никакими другими силами, а непостоянство ее проявления, которое мы наблюдаем, объясняется тем, что это *разумная* сила, и проявилась она только тогда, когда *по ее мнению* пришло этому время.

Помимо того, что эта, присутствующая от начала сила, разумна, она еще и должна быть нематериальной, поскольку не зависит от сил материальной вселенной, как обладающая способностью существовать вне системы сил этой вселенной. Это сила высшего порядка, которая подчиняет себе все действующие силы вселенной именно для своего проявления. Ведь она берет материальное вещество и, не спрашивая его согласия, упорядочивает материальные конструкции в данном веществе таким образом, что возникает нематериальное явление - жизнь.

Можем ли мы найти этому подтверждение в реальной практике? Несомненно. Эта сила разумна не только по способности принимать решение о своем проявлении в неорганическом мире, делая его органическим, но и по форме своего проявления, поскольку жизнь разумна во всех своих видах от клетки и до человека в целом. Жизнь и разум понятия неразделимые. Нет ничего живого, что не было бы разумным, и нет ничего разумного, что не было бы живым. Ну и вообще, если что-то создает разумное, то это должно говорить о непреложной разумности того, чем это разумное создается. Следовательно, разум, как необходимый атрибут всего живого, является необходимым атрибутом проявления этой нематериальной силы жизни в материальном мире.

Отсутствие времени в Царстве Божием объясняется отсутствием изменений, то есть концом неорганического мира. Может быть, это совпадет с тепловой смертью Вселенной, когда энтропия победит всю энергию, способную вызывать работу, может быть еще с чем-то, но неорганической жизни материи придет конец, поскольку остановятся все материальные процессы. Но разумная нематериальная сила жизни при этом останется, потому что, как она существовала независимо от материальной вселенной, находясь за пределами ее действия, так и будет существовать в нематериальной форме без самой материальной вселенной. Для нее

совершенно неважно - есть материя, или нет, поскольку она где-то была и не проявлялась еще долго после того, как материя уже существовала в мертвой форме.

Следовательно, будет вечная жизнь и только жизнь. Смерти вообще не будет. Ура. Но и это еще не все, что говорит в пользу жизни.

Возникает интересный вопрос - а куда денутся все работающие сейчас силы, когда не будет материи? Когда все остановится, и им не будет применения. По всей видимости, они не должны исчезнуть. Мы ведь знаем о законе сохранения энергии, согласно которому энергия никуда не исчезает, а переходит в другие состояния и формы. Энергия - это способность совершать работу. Работа - это проявление сил. Следовательно, все силы, оставшиеся без применения, должны перейти в какое-то другое состояние и в другую форму. Мы уже упоминали пример, когда сила тяжести перешла в силу мышц после занятий бодибилдингом. Сила должна перейти в какую-либо другую силу. По иному не бывает.

Если это неубедительно, то вспомним о законе сохранения импульса, который тоже обязательно сохраняется. А что такое импульс? Это произведение силы на время. Времени не будет, один из сомножителей (время) в этой формуле исчезнет, а сила в этой формуле останется, следовательно, она опять должна сохраняться.

Ну, сохранилось все это, и куда все это пойдет? Какую форму примет и какое состояние приобретет? А единственно оставшиеся - форму и состояние силы жизни. Больше никаких сил то и не останется! Все освободившиеся силы войдут в одну силу жизни путем какой-то обязательной трансформации! Им просто некуда будет деться, потому что ничего больше другого и не будет! Такое количественное насыщение другими необъятными силами не сможет не изменить качественно и саму силу жизни! Сказать об этом что-либо более восторженное, чем целая страница подряд из восклицательных знаков, нельзя. Но мы отбросим этот метод, как не совсем литературный, и перейдем непосредственно к следующему абзацу, добавив только, что сила жизни будет действительно вечной еще и все по тому же закону сохранения. Ей просто не во что будет трансформироваться кроме как в себя саму, и не останется никакой возможности принимать какие-либо другие состояния, кроме собственных. У нас появилось много оснований для восторга. Надо постараться, чтобы это не трансформировалось в опасные для окружающих формы.

Ну, а в этом абзаце мы коснемся проблемы, которая может превратить нашу восторженность в совершенно иное состояние, сохранив всю присущую восторгу силу, но обратив его в разочарование той же мощи. Дело в том, что любая сила должна иметь объект проявления. Силы без такого объекта не бывает. Ее просто нельзя заметить. Если нет проявления, то нет и силы как таковой. Если бы сила была, она обязательно бы на каком-то объекте проявилась. Физики об этом говорят так - "сила характеризуется точкой приложения". Если этой характеристики нет, то следует говорить не о силе, а о каком-то другом явлении. В настоящее время сила жизни проявляется в нас. Мы даже можем предположить, что в Царстве Божием эта сила тоже будет проявляться в нас, мы об этом еще поговорим. А вот в чем проявлялась сила жизни, пока она не проявилась в нашей жизни? Пока она не приняла этого решения - оживить неорганическую природу? Что было точкой ее приложения? Если этой точки

не было, то не было и силы, и, следовательно, все наши рассуждения рушатся, и это сила второго порядка, которая возникает и исчезает, что допускает как вечную жизнь, так и вечную смерть. Или это вообще не сила, а какое-то другое явление, а тогда мы, действительно, зашли в тупик, и надо искать ошибку где-то раньше, в том моменте, от которого пуговицы наших рассуждений начали застегиваться не в те петли. Разберемся.

По работе сердца мы уверенно можем сказать - это, несомненно, сила. Следовательно, надо искать ту точку приложения, тот объект, на котором она проявлялась до появления жизни в материальном мире. Нам надо обязательно его найти, иначе все было зря.

Может быть, сила жизни входит в систему сил присутствующего Духа? Мало похоже.

Во-первых, если бы Дух был силой, то у Него должна была бы быть своя точка приложения. Одна! Следовательно, Дух должен был, как сила, порождать только одно явление или только одну силу. А мы же знаем, что Вселенная является точкой приложения многих сил, а никак не одной. Ни одного физического источника действующих в мире сил еще не найдено. Все это - Дух. Дух - это то, что создает и определяет порядок действия всех наличествующих сил, следовательно, Дух стоит над силами. Он ими управляет и содержит в определенном взаимодействии. Если Он надстоит над силами, то Он не может сам быть силой.

А может быть Дух, все-таки, сила, точкой приложения которой являются все остальные силы? Так сказать, первичная постоянно действующая нематериальная сила, которая порождает вторичные постоянно действующие материальные силы? Над этим интересно было бы поломать голову, но не стоит, потому что это, очевидно, так и есть в приблизительном понимании, но в данный момент это для нас не принципиально, поскольку мы говорим о силе жизни, а не о какой-либо другой силе, а это обстоятельство полностью отменяет наше предположение и вот почему.

Дух целеустремляет и организует определенные силы, проявленные от начала и постоянно. Это, так называемые в физике, внутренние силы, которые обеспечивают взаимодействие объектов и явлений между собой в пределах одной системы, которой является Вселенная. Сила жизни не входит в группу внутренних сил, поскольку может с ними взаимодействовать, а может и не взаимодействовать. Она стоит особняком от них, в качестве внешней силы, которая своим отсутствием не ломает систему внутренних сил, но может ее использовать, ворвавшись в ее пределы. Следовательно, это сила, сотрудничающая с Духом, но не входящая в систему сил Духа. Тем более очевидно, что Дух не может быть и там и тут, и, следовательно, Он - это не эта сила жизни.

Но от этого нам становится еще труднее, поскольку вопрос о точке приложения этим не снимается, а наоборот заостряется. Ведь, стоящая отдельно сила жизни, несомненно подчиняется общему замыслу Духа, и включается в осуществление этого замысла по плану, координируемому Духом, но это включение в таком случае происходит извне Духа, и точка приложения тоже должна быть вне Духа и вне его постоянного действия. Следовательно, это самостоятельная сила. А если эта сила не входит в систему сил Духа, то она должна входить в систему замысла самого Бога, как явление, параллельное Духу и материальной вселенной. Параллельное! Надо искать что-то, равное Духу!

А не может ли Дух сам быть точкой приложения своей собственной силы? Это было бы интересно хотя бы тем, что не надо далеко уходить от Его уже привычной нам логической фигуры на поиски некоего неизвестного достойного соратника. Это было бы легче, но совершенно неправильно, поскольку Сам Дух, конечно же, не может быть точкой приложения, ибо в таком случае он стал бы источником этой силы, а, следовательно, и носителем ее разума. Но это невозможно, поскольку разум Духа другой - он охватывает абсолютно все происходящее как организующий и контролирующий исполнение феномен, в том числе и саму жизнь, а разум жизни относится только к обособленной части происходящего, к самой жизни. Если бы этот разум жизни был неотъемлемой частью Духа, то есть делал бы разумным все, к чему бы не коснулся, то чем тогда все устроилось бы в материальной сфере, пока разум силы жизни в ней не проявлялся? Где был тогда разум Духа, который должен был обязательно иметь непременным атрибутом разумность всего, что Он производит? Если бы поначалу во вселенной не проявлялось действие этого разума, и она была бы мертва, то тогда вообще не проявлялось бы действие и самого Духа, и был бы хаос вместо порядка, а не известный нам строго узаконенный физический мир. Понятно, что если бы разум силы жизни был разумом Духа, то во Вселенной материя и жизнь должны были бы появиться одновременно, ибо сила жизни порождает только разумное, а, следовательно, живое. Дух, как главенствующая мудрость, животворит мир через силу жизни, подключая ее разум, как специфическое явление, осуществляющее Его план. Но носителем разума силы жизни, другого относительно себя разума, Он быть не может, потому что два разных разума вместе - это не два разума, а один разум, который характеризуется раздвоением, шизофренией. Упаси нас Бог, от такого допущения, и не только из искреннего почтения к Создателю, а еще и потому, что все созданное Им совсем не говорит о внутренних противоречиях.

Следовательно, точка приложения должна быть не только вне Духа, но и не Духом. Поскольку Дух - это форма присутствия Бога, то и сила жизни - тоже форма присутствия Бога, потому что ничего кроме Него вне материи нет, и никто кроме Него не способен животворить разумной силой и быть ее Источником. И разумная сила жизни, следовательно, - тоже Бог, другой и одновременно тот же самый. Как и Дух. Мы могли бы, кстати, это утверждать и раньше, когда поняли, что надо искать что-то, равное Духу, ведь Дух - это Бог, а равным Богу может быть только Бог.

Напомним себе о нашем же предупреждении, - чем ближе мы к Нему, тем больше парадоксальности и сверхлогичности будет в наших выводах. Но этого не стоит бояться, ибо такие выводы и будут самыми правильными. Мы видим это не только в приближении к Нему, но и в любом явлении, более или менее сложном, которое мы изучаем в реальной практике. Например, параллельные прямые никогда не пересекаются, это неоспоримо. Но в неевклидовой геометрии эти же параллельные прямые также неоспоримо пересекаются. Любой материальный объект является либо непрерывным, либо прерывным. Это и ежику понятно. Физика же в настоящее время рассматривает частицы как непрерывные волны. Свет, таким образом, является и потоком прерывных частиц, и одновременно непрерывной волной. Как хочешь, так и понимай. Как мы уже знаем, наука называет это "принципом дополнительности", что подразумевает

описание какого-либо явления в противоположных, взаимоотрицающих терминах. Иначе его нельзя познать. Его и таким "дополнительным" образом, пожалуй, понять нельзя, так хотя бы правильно изложить то, что пытаемся понять, этим способом удастся.

Если уйти от физики и других наук, то гораздо яснее нам будет увидеть, что принцип дополненности давно уже пронизывает все наше восприятие, только мы этого не замечаем. Например, говоря о растянувшейся в воскресный день по дороге к морю змеевидной колонне едва двигающихся машин на перевале, мы будем правы, если скажем, что каждый автомобиль движется со скоростью колонны и именно поэтому скорость движения каждой транспортной единицы так низка, что неотвратно раздражает нетерпеливых водителей. Однако скорость всей колонны определяется скоростью каждой отдельной машины в ее составе, поэтому водителям следует обижаться только на самих себя! Так что же будет виной задержки - скорость колонны, не дающая водителям развернуться, или скорость каждого отдельного водителя, не дающая колонне двигаться с прытью, соответствующей планам на этот день? В обоих случаях мы и правы и не правы, что и называется принципом дополненности.

Даже в отвлеченной от материальных объектов плоскости мы можем увидеть принцип дополненности. Любовь - это что такое? Это желание полностью и безоговорочно обладать объектом своих сердечных притязаний. Однако, мало кого устроил бы односторонний вариант обладания, при котором полученный во владение объект обожания не отвечал бы взаимностью. Кто любит, тот всегда хочет взаимности. Он хочет, чтобы и его любили в ответ и также обладали бы им безоглядно и полноправно. Следовательно, в любви мы хотим и полного своего подчинения, как раба, и полной своей власти, как непреложного хозяина. Убрать одну из составляющих этого нашего, составленного из абсолютно противоречащих друг другу устремлений, чувства, и останется только извращение - садизм, мазохизм, или просто страдания ради томления, но в любом случае останется лишь одна сторона и это будет не любовь. Принцип дополненности давно применяется нашим сознанием для определения сути видимых нами вещей, но на самом деле он не выражает никакой сути, а примиряет непримиримое. Достаточно всего лишь копнуть поглубже, как известная нам суть любого явления сразу распадается на парадоксальные противоречия, которые по отдельности выражают совершенно разную суть одного и того же, а вместе образуют некое отвлеченное восприятие невыразимой логически, но приемлемо осознаваемой, сути.

Поэтому, не пытаясь понять то, что, очевидно, не дано нам понимать обычным рассудком, мы все же можем вразумительно изложить суть этой точки приложения для силы жизни. Поскольку точка приложения нематериальна, как находящаяся вне материальной вселенной, и ей до проявления в материальной вселенной нечему и некому было передавать силу воздействия жизни, то мы можем сказать, что точка приложения является *формой личного существования Бога*. То есть она и есть - Божественная Сила Жизни, Божественный Источник Жизни, принявший форму некоего божественного бытия. Это - Бог в данной форме своего присутствия, как и Дух - тоже форма Его присутствия, а еще есть Бог, который полностью присутствует вне материальной вселенной, но все это один и тот же Бог, который одновременно является и Духом и точкой приложения Своей Силы Жизни, то есть Источником Жизни небожественной, инобытийной Ему.

Разумный Источник Жизни, идущей от Бога и оживляющей мир. Личность. Я думаю, все уже догадались, о Ком идет речь. Да, это Иисус Христос, который называл себя Сыном Бога, но одновременно же говорил, что видевший Его (Иисуса), видел и Отца. Он неоднократно говорил, что Он и Отец - одно, но в то же время, говорил, что Отец послал Его искупить грехи Мира. Иисус говорил, что Ему дана всякая власть на земле, но о том, когда будет конец времени, знает только Бог (Дух?). Такое САМОСВИДЕТЕЛЬСТВО говорит за себя больше всех наших утверждений. Бред никогда не использует принцип дополнительности и изложение в противоположных терминах. Бред или полностью бессвязен, или удивительно складен, но в той же мере примитивен. Бред никогда не смог бы объяснить что-либо стереопонятийным способом, при котором понятия с противоположных сторон устремляются и сходятся, (не сталкиваясь и не соединяясь, но сходясь), в одно, неуловимое для рассудка, постижение истины. Это попытка Бога объяснить необъяснимое для наших понятий нашими же понятиями, потому что других у нас просто нет.

Если кто-то скажет, что мы подгоняем наши выводы под Иисуса Христа, то мы ответим - наши выводы можно и не принимать, но их нельзя оспорить. А на результаты этих выводов в окружающей нас действительности никто больше никогда и не претендовал, кроме самого Иисуса Христа. Если у Него исторически нет ни одного соперника, (даже самозванного), способного предложить свои услуги в качестве Источника Жизни, то какой резон нам отказываться от Него ради чьих-то подозрений, что у нас все как-то слишком правильно получается?

И не будем забывать: первое, что Иисус сказал нам, это - "покайтесь, ибо приблизилось Царство Божие". Эти слова не могли быть словами плотника. Это теперь мы знаем о понятии прогресса, то есть, о *развитии* всего. В то время таких выводов из уклада жизни не мог сделать никто, ни восточные мудрецы, ни греческие философы. Жизнь тогда не представлялась как движение куда-то. Все было стабильно. Рим покорил весь мир, политическая, экономическая и научная сферы жизни были неизменны тысячелетиями, и казались вечными. Не происходило ничего такого, что могло говорить о качественном изменении существующего мира. Менялась только власть в лице правителей, да происходили небольшие бытовые изменения, типа тех, при которых кавалерия с ослов пересаживалась на коней, а в моду все больше входили дома из камня, вытесняя глинобитные. До конца истории и до того, что в истории все куда-то идет и что в ней к нам *что-то* приближается, нельзя было *додуматься*, вот никто и не додумался, об этом можно было только *знать*. Никто об этом до этого даже и не заикался. Эта идея была взята буквально ниоткуда. Плотник о конце истории знать не мог, это были, конечно же, слова Бога.

Есть, правда, утверждения, что в Ветхом Завете уже была идея Царства Бога, но это - натяжка. То царство бога, которое понимали еврейские пророки, было не результатом какого-то развития мира, а результатом долгожданного вмешательства Иеговы, который оставит на земле все, как есть, за исключением одного - все народы теперь будут рабами евреев или уничтожены. Притчей же о горчичном зерне Иисус впервые дал образ мира, как развивающегося закономерно к своему великому концу - Царству Божию.

Ну, и, наконец, Иисус всегда действительно говорил о себе как об Источнике Жизни. Он не обещал идущим за ним ни власти, ни славы, ни должностей в своем царстве, ни даже простого земного счастья, что хорошо работало бы на пропаганду. Зато Он твердо обещал одного - жизни

вечной и спасения от смерти. "Я есмь хлеб жизни", "Я - хлеб живой, сошедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек", "А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную". Здесь помолчим, ибо резюмировать Иисуса - такая же преступная и безумная мания, как посягательство подмести пустыню.

Однако, однако... Кое-что и здесь представляется не до конца законченным в нашем понимании. Во-первых, как ни крути, но сила все равно должна проявляться. Даже если точка приложения силы и есть форма существования силы, то, раз сила все же существует, она должна иметь свои объекты приложения. А во-вторых, можем ли мы себе представить Иисуса, который просто "сидел" и ждал отмашки Духа, когда наступит Его время? В таком случае мы должны сказать, что Бог родил Иисуса в момент, когда пришла необходимость появлению жизни на Земле. Это было бы исчерпывающим объяснением нашего затруднения. Однако, если уж мы призываем себе в помощь Сказанное Им, то куда нам деться от того факта, что Иисус недвусмысленно говорил о том, что Он был "прежде сотворения мира"? Мы не можем сделать вид, что мы этого просто не заметили, поскольку у нас не теледебаты, а честный поиск истины. Мы не можем сделать вид, что Иисус имел в виду что-то другое. Уж кто-кто, а Он, никогда не оставлял своими словами возможностей для их многозначного толкования.

Следовательно, опять нам придется искать его довременное или постоянное присутствие во вселенной. Насчет "довременного" - нам явно не дано, а вот насчет "постоянного" - попытку сделать мы обязаны.

В чем должно проявляться Его постоянное присутствие во Вселенной? Прежде всего, это не могло быть локальным присутствием. Он - Бог. Его присутствие должно быть всемирным. И проявлением этого присутствия должно быть такое же всемирное явление. Какое? Представляется, что ответ лежит на поверхности. Сэр Исаак Ньютон, может быть и не имея этого ввиду, ответил на этот вопрос, найдя такую повсеместную всемирную силу, которую выразил в Законе *Всемирного* Тяготения.

Авторитет Ньютона настолько велик, (в том числе и для автора, который искренне считает, что рядом с сэром Ньютоном из Вулсторпа, что возле Грантема, никого даже рядом нельзя поставить, ни по отдельности, ни даже группой) а сам закон настолько фундаментален, что, едва приступив к нему, можно сразу же быть записанным в число неученых соседей, досаждающих своей писаниной ученым соседям. Но мы ведь никому не хотим "поставить запятую", у нас просто выхода нет. Мы уперлись в этот закон в конце логического пути своего поиска, и как ни громадна и недостижима его вершина, нам придется на нее карабкаться. Дело не в том, что мы боимся сломать себе шею, а в том, что нас могут счесть несерьезными людьми. Поэтому мы сразу же скажем - мы не собираемся оспаривать Закон, мы попытаемся его использовать.

Что в этом законе может быть тайного и непонятого для нас? На первый взгляд - ничего. Все материальные объекты притягиваются друг к другу. Понятно. Чем больше их масса, тем они сильнее притягиваются. Понятно. Чем больше между ними расстояние, тем слабее они притягиваются. Опять понятно. А что непонятно?

А непонятно - что заставляет их притягиваться? Может быть, мы чего-нибудь не дочитали, но источник гравитации нигде конкретно не назван. Напрямую не говорилось, но считалось как-то само собой разумеющимся, что масса объектов создает вокруг себя магнитное поле, которое и тянет к себе рядом расположенный объект. Однако, те, материальные объекты, которые мы можем подержать в руках, не обладают магнитным полем. Они намагничиваются в магнитном поле, и лишь после этого создают свои магнитные поля, а так сами по себе они ничем таким похвастать не могут.

Есть предположение, что магнитное поле порождается объектами макромира, то есть, миром планет и звезд. Космоса. Это магнитное поле, вроде и обеспечивает действие закона в каждом отдельном случае. В свое время магнитное поле Земли было даже измерено и вопрос считается снятым? Как бы не так. По результатам первых полетов искусственных спутников выяснилось, что у Луны магнитного поля нет!!! Эти три восклицательных знака поставили мы. Нигде в официальных текстах мы их не увидим. Там стоят обыкновенные точки, призывающие к спокойствию. Значит, у Луны нет свойства притягивать к себе материальные объекты космоса? Тот, кто будет это утверждать, пусть распишет свои доводы как можно пространнее и подробнее, и, встав в зону лунного прилива на берегу океана, на самую его кромку, пусть их неспеша, громко и внятно продекламирует. И, если до конца приливного действия Луны он, не сходя с места, еще будет слышен, то мы ему поверим. А пока этого подвига во имя науки не произошло, мы будем утверждать на примере Луны, что магнитные поля планет совершенно ни при чем, когда речь идет об источнике гравитации.

А чем объясняется если не наличие силы гравитации у Луны, то хотя бы ее отсутствие? Объясняется интересным выводом - "очевидно, что у Луны нет такого ядра, как у нашей планеты". Внутри Луны кто-нибудь заглядывал? Да это и неважно. Объяснение отсутствия чего-нибудь должно хоть косвенно указывать на причину присутствия того, что в данный момент отсутствует, но нас интересует. Данное же объяснение опять отсылает нас не к источнику гравитации, а к источнику магнитного поля. Но если гравитация может существовать и без магнитного поля, то мы должны отбросить и само магнитное поле, и ядро, которое его порождает, в качестве причин, как отсутствия, так и присутствия гравитации.

Само собой остается только один компонент закона, который непосредственно не только проявляет в себе силу тяжести, но и напрямую на нее влияет своей величиной. Это - масса объектов. Повторим для себя - это не магнитное явление, а что-то, связанное с массой планет и других предметов.

А как же источник? Источник-то, как? Получается, что источник силы тяжести в массе? В самом материальном объекте? Получается. Но это не получается, а "получается". Потому что сразу же возникают конкретные вопросы: а что это за источник? Откуда в массе берется сила тяжести? Чем, какими свойствами объекта, взаимодействием каких его сил или особенностей, результатом действия каких составных частей является гравитация, если это - не магнитное явление? Ответов нет. Одно только это дает основание нам просто предположить, что сила может находиться не в объекте, поскольку источник ее в объекте не обнаружен. Он зависит от массы. Он даже любит массу. У него с ней такие высоконравственные отношения, что, сколько бы массы



не было, столько он и дает ей силы притягивать другие массы. Но порождает ли его масса? Если порождает, то - как? Дайте формулу. Нет такой формулы. Есть только практический опыт, который как-то связывает массу и гравитацию, но непонятно - как? Опять есть повод порассуждать.

Если сила притяжения имеет свой источник в объекте, то точками приложения самой силы должны быть только другие объекты, поскольку помимо точки приложения каждая сила обязательно характеризуется еще и направлением в пространстве, ибо эта еще одна из трех неизменных характеристик силы. Далее следует третья характеристика силы - в каждый момент времени сила характеризуется числовым значением. То есть, ее можно измерить, что в свою очередь, говорит о том, что есть определенная величина силы, запас, предел возможности проявления, иссякаемость, емкость. Если сила исходит из объекта к другому материальному объекту, то она должна расходоваться. Запас ее должен таять. В этом случае источник силы, предположительно находящийся в объекте, должен пополняться, потому что действие силы притяжения - это постоянная борьба за перетягивание к себе соседнего объекта. Постоянное безостановочное и неослабевающее напряжение. Попробуйте привязать канат к дереву и тянуть его изо всех сил на себя, не делая передышки. Источник силы находится в вас, никого просить не надо. Чем дело закончится? Рано или поздно, в зависимости от настроения, вы скажете - "все, больше не могу". Почему сила притяжения все время "может"? Почему сила не иссякает? Материальная сила должна обязательно иссякать, вечный двигатель невозможен. Масса космических объектов за миллионы лет одна и та же, а сила, если сложить все ее действие за это же время, в сумме должна соответствовать совсем другой массе. Значит, источник не в массе и не в самом объекте, а откуда-то со стороны, и он постоянно подпитывает гравитацию из самого себя, чтобы все вокруг было таким, каково оно есть, а не разлетелось беспорядочно по окраинам Вселенной.

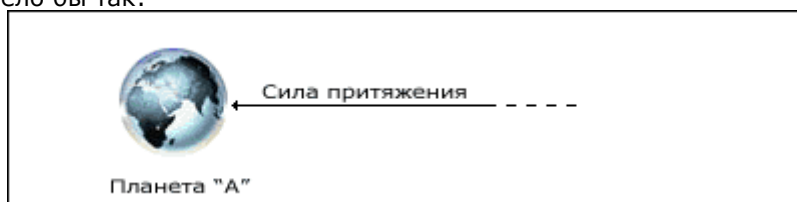
Чтобы пойти дальше повторимся - если есть числовое значение, следовательно, есть ограниченный ресурс применения. Чем большее количество объектов притягивается источником силы, тем меньшим должен быть ее оставшийся запас, так как на каждый притянутый объект потрачена своя определенная сила, которая затем, после притягивания, не высвобождается, а продолжает удерживать притянутый объект в данном притянтом состоянии. Постоянно, ежесекундно совершается работа. Причем на этот притянутый объект, (помимо его собственной массы, которую надо на себя тянуть), действует с теми же, но противоположно направленными намерениями, еще какой-то нахал, находящийся по соседству, и, вырывающий его буквально у вас из-под рук. Следовательно, когда-то должен наступить предел способности притягивать к себе новые объекты. В конце концов, источник силы, если он в объекте и имеет определенное значение, должен сказать очередному зазевавшемуся кандидату на притягивание: "А на тебя, скотина, у меня уже сил не осталось", как бы этот объект ему не понравился. Это теоретически. А экспериментально ничего такого не подтверждается. Некоторые галактики, например, занимаются просто пожиранием соседних, более слабых галактик. Как только меньшая по массе галактика приближается слишком близко к своему гигантскому соседу, как тот прямо кусками рвет из нее крайние скопления планет и заглатывает в себя. И расчетного предела такой

прозорливости нет. Наоборот, астрономы высчитывают даже время, за которое огромная галактика за счет мощного скопления в своем центре притягивающих объектов когда-либо полностью поглотит какое-нибудь соседнее галактическое образование в виде облака. Исходя из данного положения вещей, сила притяжения объекта считается *неиссякаемой, беспредельной*. В таком случае она не поддается измерению. А раз она не поддается измерению, то она должна быть нематериальной, ибо самое сжатое и самое точное определение материи звучит так: материя это то, что можно *измерить*. Следовательно, источник с числовым значением, номинал которого нельзя измерить - нематериальный источник.

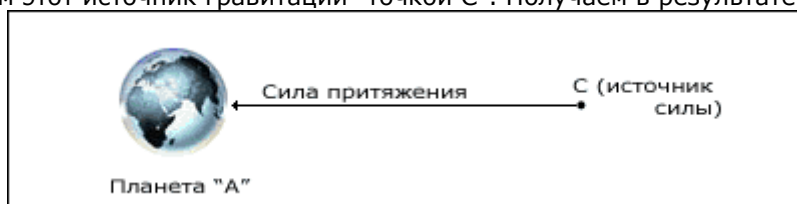
Далее - в законе всемирного тяготения есть положение о том, что гравитацию нельзя устранить или ослабить какой-нибудь искусственно воздвигнутой преградой. Если источник силы материальный, то его действие должно было бы экранироваться хоть каким-нибудь материальным объектом. Эксперименты и этого не подтверждают. Например, сила тяготения на поверхности Земли абсолютно одинакова и на поверхности океана и на самых толстых участках земной коры. Как материальный источник может плевать на саму материю? Он на своем пути ее как бы и не замечает совсем. Это говорит об абсолютной разнородности природы этих двух взаимодействующих явлений и о том, что гравитация - материальное проявление какой-то нематериальной силы.

Однако, уделив достаточное внимание третьей характеристике силы - числовому значению, мы лишь вскользь коснулись такого ее атрибута, как направление в пространстве (вторая характеристика силы). А зря, здесь открываются вещи еще интереснее.

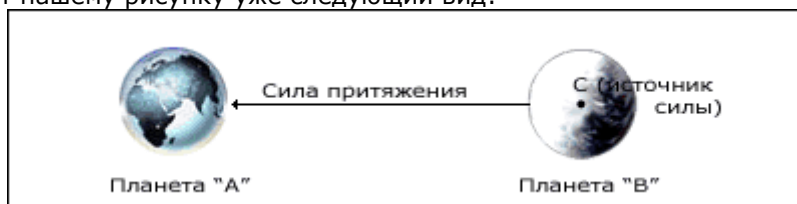
Есть ли направление в пространстве у силы тяжести, скажем, некоей планеты "А"? Есть. Наука такой ответ знает, и она говорит, что сила тяжести будет направлена перпендикулярно к поверхности планеты. То есть, кратчайшим путем к ее центру. На упрощенной схеме это выглядело бы так:



Действие силы притяжения, как видно из рисунка, направлено к планете "А" извне, следовательно, источник этой силы тоже должен находиться вне планеты, где-то в другой точке, вне объекта, поскольку направление любой силы в пространстве - это ее направление от источника к точке приложения. Точка приложения здесь, естественно, это планета А. Теперь на рисунке есть все, кроме источника силы, направленной к планете "А". Покажем этот источник и назовем этот источник гравитации "точкой С". Получаем в результате следующий вид процесса:

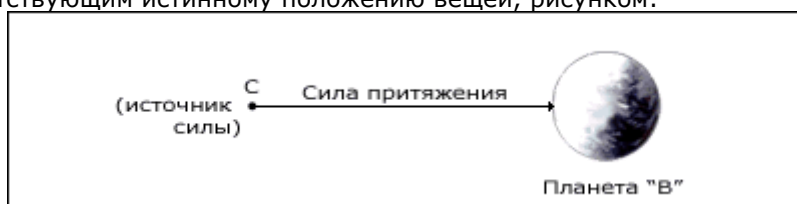


Если предположить, что источник силы в точке С материальный, то он должен находиться в другом материальном объекте, в какой-либо другой планете, скажем, в планете "В", что придаст нашему рисунку уже следующий вид:



Но это будет абсолютно неверно, потому что это больше похоже на силу отталкивания, а не на силу притяжения. Рисовали мы все правильно, но в итоге у нас получилось, что планета "В" отталкивает от себя планету "А". Следовательно, - так рисовать больше нельзя, потому что положение об источнике силы гравитации, как находящемся в природе материальных объектов, не выдерживает простого изображения в виде простой принципиальной схемы простого физического действия простых векторов сил. Сама физика нам говорит - не ищите источника силы тяжести внутри планет.

Мы больше и не будем. Порыскаем вне материального мира. Но для начала вспомним, поглядев на рисунок, что, с другой стороны, - все притягивается и к планете "В" также, как и к планете "А". Планета "В" тоже является точкой приложения для силы гравитации, источник которой должен находиться вне самой планеты. Памятуя об этом, мы просто обязаны подтвердить для планеты "В" права, равные правам планеты "А", пусть все тем же односторонним, но соответствующим истинному положению вещей, рисунком:



Это действительно будет верно и справедливо по отношению к планете "В", но теперь уже дискриминационно по отношению к планете "А", поэтому мы демократично объединим два верных относительно каждой из планет рисунка, и посмотрим, что получится:



Как видим источник силы притяжения находится вне объектов! В точке С происходит как бы гравитационное всасывание на себя некоей нематериальной силой находящихся рядом материальных объектов, что имеет вид их взаимного притяжения друг к другу, если ... опять не обращать внимание на направление действия сил в пространстве! А если смотреть на направление сил, исходящих от точки С, то опять получается, что планеты должны не притягиваться, а расталкиваться!

Мы объединили здесь два рисунка по принципу их верности в каждом отдельном случае, но в результате получили только одно - подтверждение нематериальности источника действия

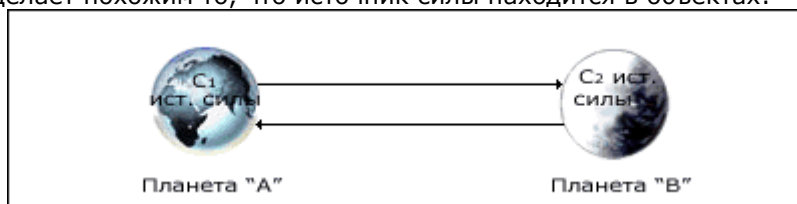
силы. А сама схема физического процесса из этого объединенного рисунка яснее не стала. Это опять похоже на силу расталкивания, но мы не станем утверждать, что вместо взаимного притяжения существует сила расталкивания, хотя, если предположить, что все остальные планеты тоже расталкиваются, то чем это отличается от силы притяжения? В этом случае некий нематериальный источник из точки С пихает планету "В" вправо, а там где-то есть не показанный на рисунке объект, и между этим невидимым нам в данный момент объектом, (планетой), и планетой "В" тоже возникает сила расталкивания. Эта сила толкает планету "В" на планету "А", но там уже, как мы говорили, есть своя сила расталкивания, исходящая из, уже почти родной нам из-за постоянного упоминания, все той же точки С. Благодаря компенсации этих сил планета "В" остается на месте. И так по всей вселенной. Все взаимно расталкивается и в таком взаимно распертом, уравновешенном силовом поле, состоянии находится, двигаясь по орбитам, как по колеям, образованным границами сталкивания противоположно направленных сил расталкивания. В этом случае движение планет по орбитам объясняется тем, что взаимно направленные нематериальные силы расталкивания в зоне их материального проявления выдавливают планеты из стационарного состояния столкновением своих встречных усилий и так вечно перекачивают их, как бы прогоняя через невидимые силовые колеи.

Чем это по внешнему виду отличается от притяжения? Ничем! Все относительно. Когда мы, сидя в поезде, стоящем на вокзале, видим, как соседний поезд плавно тронулся и пошел, мы не сразу понимаем - это мы поехали, или соседний состав? Так же и здесь: если все падает на Землю, то это всё вполне может устремляться к ней и не по вине силы притяжения, а по вине той силы, которая не притягивает, а толкает со всех сторон и саму Землю и все, что находится около Земли в одном направлении - кратчайшем к центру планеты.

Что может опровергнуть это утверждение? Это утверждение опровергается простым опытом с крутильными весами, во время которого грузики на тонких ниточках притягиваются, когда умные лаборанты начинают потихоньку уменьшать расстояние между ними. Тогда зачем мы вообще тратим время на пустые предположения? А мы ничего и не предполагаем, а просто хотим показать, что все доказательство наличия именно силы притяжения, а не какой-нибудь другой силы (расталкивания, например), прочно держится на тоненьких ниточках всего лишь одних каких-то непритязательных крутильных весов! Почему так получается? Потому что нет никакого достоверного доказательства и даже намёка на присутствие источника силы гравитации в самих объектах. Есть только остроумный лабораторный опыт крутильных весов, подтверждающий мировой физический опыт именно в этом, а не в другом виде. Но и этот лабораторный опыт не подтверждает и не находит источника силы в материальных объектах. Он лишь говорит нам - это сила притяжения, а не сила расталкивания, а откуда она - не наше крутильновесовское дело.

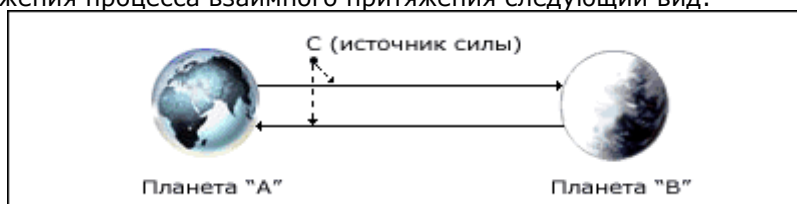
А все-таки, как же быть со схемой самого процесса? Конечно, предыдущий рисунок лишь доказывает нематериальное происхождение силы притяжения, но он не показывает схематически самого процесса. Но нас это устраивает, ибо единственное, в чем мы хотели убедиться, так это в том, что гравитация имеет нематериальный по источнику образования характер. В этом мы убедились. А если, все-таки, попытаться теперь сделать изображение не в целях источника притяжения, а в целях процесса притяжения? Что будет тогда? Тогда стрелки должны идти и от

одной планеты к другой и обратно. Во встречном направлении. Одна из них будет показывать, что планета "А" притягивается к планете "В", а вторая то же самое относительно планеты "В". Это опять делает похожим то, что источник силы находится в объектах:



Сразу скажем, что это неверно, но доказательство этому несколько утомительно. Кто не верит нам на слово, пусть поднапряжется. Итак, если источники силы притяжения внутри объектов, то планета "А", двигаясь в направлении от C1 к C2, притягивается источником силы C2, ведь именно планета "В" притягивает к себе планету "А". Что получается в этом случае? В этом случае получается, что направление силы обратно источнику силы, то есть сила направлена к самому источнику силы! Сам источник силы становится точкой приложения! Помимо того, что это очевиднейшая глупость, здесь возникает схема, при которой сила вообще не имеет никакого направления в пространстве! А так не бывает. Это то же самое, как давить поверхностью ладони на саму поверхность этой же ладони. Если нет направления в пространстве, то физика не признает явления силой. А гравитация - это именно сила и ощутить ее действие очень легко, если хоть чуть-чуть зазеваться, следовательно, она не в объектах, ибо это бы отбрасывало ее основную (одну из трех) характеристику. Естественно, если смотреть относительно обратного процесса, то есть, от планеты "В" к планете "А", то других презентов здесь тоже не получить.

Вот вам и схема процесса! Одна схема рисует все правильно, но не отображает процесс, другая отображает процесс, но разрушает то, что сама отображает своим же очевидным идиотизмом отображенного. Почему так получается? А как вы хотели, если участвуют два абсолютно несовместимых явления - материальное и нематериальное? Мы ведь уже говорили, что объяснить что-либо правильно можно только с помощью взаимоотрицающих категорий, собранных воедино. Вот вам и наглядный пример. Поэтому мы компромиссно выберем для изображения процесса взаимного притяжения следующий вид:



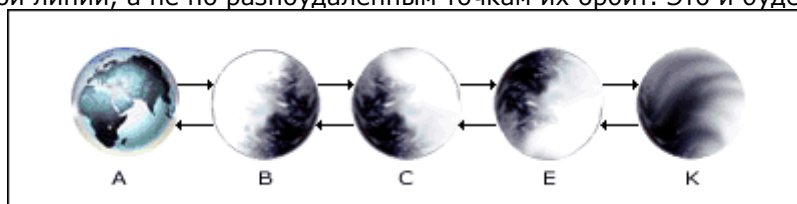
Здесь мы имеем и правильное направление силы в пространстве и правильное расположение ее источника. Здесь уже можно говорить о гравитационном всасывании в точках С, когда из этих точек идет активное, нематериально порожденное втягивание материальных масс в себя, что фиксируется нами как сила притяжения. Легче не стало для логического переваривания, но все верно, большего добиться вряд ли удастся.

А теперь спросим сами себя - должен ли быть где-то момент, когда нематериальный источник проникает в материальную вселенную, так сказать, материализуясь в своем проявлении? Исходя из нашего последнего рисунка, - по-видимому, должен быть. Если нематериальный источник постоянно подпитывает неиссякаемую силу притяжения, то должны

как-то фиксироваться такие участки Вселенной, где хоть как-то можно этот процесс регистрировать? Может быть да, а может быть и нет. Если нет, то это ничего не отбирает у достоверности наших предположений, поскольку если нам никто ничего не может сказать о том, откуда берется физический источник, то кто станет тыкать нам в глаза отсутствием обязательных знаков присутствия нематериального источника? А если - да, то мы должны их найти, и если это нам удалось бы, то это было бы просто великолепно. Есть ли у нас что-нибудь, хоть самое малое, чем мы можем располагать для этого? Есть. И малое и большое.

Начнем с малого. Первые искусственные спутники отметили непонятные изменения гравитационного поля Земли. В некоторых местах их околоземной орбиты гравитация была совсем не такой, какой она должна была быть по расчетам, базирующимся на массе Земли. Такие точки спутники проходили неоднократно, и, в конце концов, их даже стали именовать "особыми точками". Жесткая модель зависимости наличия гравитации от наличия соответствующей массы стала рушиться при первых же серьезных ее столкновениях с реальной ситуацией! И так, с гравитацией не все в порядке! Ее не всегда можно объяснить находящейся по соседству массой, которая как раз и должна все объяснять. А что же там за неполадки на орбитах этих спутников? Читаем внимательно, и выясняем, что наличие таких точек объясняется не чем иным, как "вероятным присутствием в них пыли или газа". Следовательно, гравитация в этих точках больше расчетной *может быть* из-за того, что там находится затесавшаяся неизвестно откуда лишняя масса, ибо, что еще позволило бы предполагать материалистической науке в качестве основы для непонятного увеличения силы тяжести, как не наличие для этого в качестве причины какой-то неизвестной массы? Например, кто-то газов напустил или пыль не протер. А мы зададим себе простой вопрос - лишняя масса или лишняя гравитация? Если уж сама наука говорит "может быть" и "вероятно", то мы имеем свое законное право на вопрос, и имеем такое же законное право с ним разобраться.

А для того, чтобы разобраться в этом, начнем издалека. Очень схематично представим себе на рисунке какую-нибудь систему планет. "Очень" означает не то, что мы будем nepозволительно произвольно упрощать расположение планет. Будет не так. Согласно третьему закону Кеплера все планеты вращаются вокруг своего солнца в плоскости, проходящей через середину этого солнца. О чем это говорит? О том, что если уменьшить нашу Солнечную систему до размера, позволяющего уместить ее на канцелярском столе, то она ляжет на этот стол наподобие диска, или блина. Это дает нам полную возможность изображать планеты в одномерной плоскости, что и будет называться "схематично". А для удобства мы расположим их на одной линии, а не по разноудаленным точкам их орбит. Это и будет - "очень" схематично.



А теперь посмотрим, - за счет чего они удерживаются вместе, образуя собой планетную систему? "А" притягивает "В" к себе всеми силами, но "С" не дает "В" упасть на "А", поскольку тянет "В" к себе также всеми силами. "С", в свою очередь, не падает на "В", потому что "Е" тянет "В" к себе также всеми силами.

притягивает ее к себе. "Е" не сокращает ни на милю расстояния до "С", поскольку ее удерживает своим притяжением "К". А "К" не устремляется к "Е"... Стоп! Почему "К" не падает на "С"? Ничто ей не мешает это сделать! Планета К находится на крайней орбите, за ней - пустота, следовательно планета К должна упасть на планету Е, которая тянет ее к себе изо всех сил, да и сама планета К также стремится к планете Е, поскольку тоже притягивает ее к себе. "К" должна неудержимо броситься к "Е" и удариться об нее. После этого уже сама планета Е вместе с упавшей на нее планетой К становится крайним объектом системы. За ней тоже - пустота, следовательно, теперь Е вместе с К упадут на С, затем С с компанией весело упадет на В и так далее, пока все не сгрудится в кучу. Почему этого не происходит? Почему К удерживается на крайней орбите?

В общем-то, в большинстве случаев на этот вопрос мы находим лишь молчание. Его как бы и нет. Но иногда проскакивают задорные утверждения о том, что это происходит из-за того, что положение крайней планеты К компенсируется притяжением такой же крайней планеты К1 другой соседней галактики. Но трудно поверить в это всерьез, прежде всего из-за тех расстояний, которые разделяют крайние по орбитам планеты двух соседних галактик. Это настолько невероятные расстояния, что трудно даже себе представить вообще какое-либо значительное физическое взаимодействие двух материальных объектов, разделенных такой пропастью. Даже схематически невозможно отобразить в приемлемых масштабах то, что нам сейчас придется отобразить, но мы все же прибегнем к следующему рисунку, чтобы наша мысль имела как можно большую наглядность. Повторяем, рисунок даже и близко не отображает истинных масштабов реальности. Выглядеть это у нас будет вот так:



Чтобы хоть как-то приблизить этот рисунок к действительности, нам следовало бы правую его часть ("соседняя галактика") разместить где-либо в Аризоне, а левую часть оставить перед собой. Это было бы весьма отдаленно похоже на правду, но технические сложности исполнения и сохранения такой страницы превысили бы значимость задачи, которую эта страница решает. Кроме того, возникли бы непомерно большие таможенные расходы для каждого, кто через десятки стран и через Атлантический океан захотел бы просто пробежать по ней глазами. Поэтому мы оставляем рисунок в исполненном уже виде и доверяем представление об истинности расстояния между двумя планетами К и К1 воображению читателя.

И что же мы можем сказать об этом расстоянии? Мы можем сказать, например, что расстояние между крайней планетой К и соседней планетой Е измеряется тысячами километров, а расстояние между двумя крайними планетами двух галактик К и К1 измеряется тысячами световых лет. И с каждым километром сила притяжения уменьшается, и не просто уменьшается, а уменьшается в квадрате. Ну, и кто кого перетянет? Кто имеет больше шансов завладеть навсегда планетой К? Планета Е, или планета К1? Если это не очевидно из рисунка, или, если не все представляют себе разницу между тысячей километров и световым годом, то мы окажем им

помощь и скажем - эта разница *непредставима* для человеческого разума. У нас нет таких пространственных аналогий, чтобы сравнивать одно с другим. Это просто несравнимо ни с чем, что мы можем себе представлять о пространствах! Мы можем просто написать эти два числа друг под другом, выразив их в одной величине, - в миллионах (!!!) километров.

Тысяча километров	0,001
Световой год	950 000 000 000,000

Может ли на таком расстоянии как-нибудь воздействовать на планету К столь отдаленный объект? Наверное, может. Потому что, если мы скажем - "не может", нас начнут высмеивать и говорить, что сила может вечно стремиться к нулю, но какое-то числовое значение все-таки сохранит. Пусть сохраняет. Мы можем этим пренебречь. Так же, как пренебрежет ею и любая крайняя по орбите планета любой галактики, которая должна обязательно упасть на ближайшую к себе планету в направлении центра галактики, полностью пренебрегая даже намеками на возможность тесных отношений с любой планетой любой соседней галактики в ущерб соседским отношениям в пределах своей планетной системы.

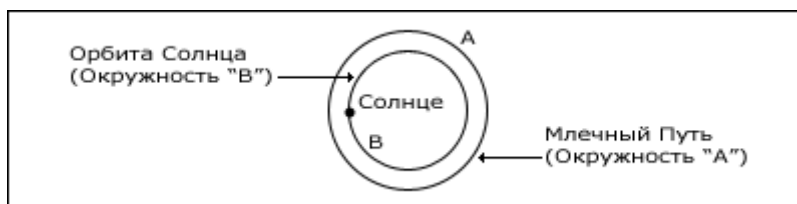
Кроме того, галактики разбегаются, а, следовательно, это губительное расстояние все время увеличивается и увеличивается, что не добавляет значимости даже той силе, которой мы великодушно пренебрегли, признавая ее как номинальный факт физического мира в ее собственном дворе, но не в нашем. Для нашей братвы она - мелкий фрэер, которого просто не замечают.

Тогда - что мы можем здесь предположить? Чем удерживаются крайние по орбитам планеты на своих местах? Мы можем предположить здесь только одно - какой-то разумный нематериальный источник гравитации удерживает крайние планеты на их орбите. "Разумный" - понятно, потому что надо знать, где и сколько силы приложить, рассчитав отсутствующую массу, чтобы все было, как задумывалось. А почему - нематериальный? Потому что мы уже говорили, что за крайней планетой - пустота и никаких материальных источников ни для чего нет. Значит, все-таки, - лишняя гравитация?

Это ободряет, но это только наши предположения. Неплохо было бы их подкрепить еще какими-либо достоверными естественнонаучными фактами. И все это вообще ни излагалось бы ни в каком виде в рамках нашего разговора, если бы оставалось только вопросом философским, теоретическим по определению. Поводом для изложения этих соображений нам послужил совершенно научный материал, где мы вдруг находим не просто "подкрепление", а гораздо нечто большее. Причем совершенно научный материал в совершенно неожиданном источнике! В самой астрономии!

Астрономы установили интересную вещь. Сейчас мы с ней познакомимся. Для наглядности представим себе галактику в виде большой окружности. Пусть это будет наш родной Млечный Путь. Внутри него мы нарисуем еще одну малую окружность, - это будет орбита нашего Солнца.





Внутри орбиты Солнца (внутри малой окружности) масса галактики, заключенная в ее пределы, по подсчетам ученых соответствует имеющейся там величине гравитационной силы. Баш на баш. Сколько массы столько и гравитации. При этом скорость находящихся там планет становится все медленнее и медленнее, чем дальше они располагаются от центра галактики, и чем ближе они расположены к нашему Солнцу. Это закономерно. Так и должно быть. Чем дальше от центра галактики, тем меньше количество планет, тем меньше гравитация и тем меньше скорость самих планет. Тут сенсации нет. Сенсация впереди. Вне орбиты Солнца.

А вне орбиты Солнца, (снаружи от нее), масса объектов также уменьшается, как и раньше, но скорость планет не падает, как это происходит ниже Солнца! Скорости планет остаются постоянными! Хотя по всем расчетам они должны уменьшаться. О чем это говорит? О том, что гравитация остается той же самой при меньшей массе! Значит, все-таки, - лишняя гравитация! Откуда же она здесь берется? Поскольку считается, что гравитация порождается только массой, то самым естественным образом традиционно предполагается, что такое избыточное наличие силы притяжения возможно только при наличии некоторых соответствующих масс, которые для нас невидимы. Это не шутка. Ученые об этом так и пишут: "это может случиться только в том случае, когда звезды притягиваются намного более мощными гравитационными силами, создаваемыми гигантским (!) количеством невидимого (!) вещества". Ого! Тут сразу возникает вопрос, - а что имеется ввиду под выражением "намного более мощными"? Астрономы отвечают - этих гравитационных сил, удерживающих крайние планеты в их местоположении, больше в 10 раз, чем положено, следовательно, "невидимое вещество", которое своей массой образует такие силы, составляет 90% всей материи Млечного Пути!!! Эти три восклицательных знака опять мы поставили. В оригинале их нет. Предполагается, что удивляться нечему. Ну, подумаешь - 90% всего вокруг нас из того, что мы должны увидеть, потрогать, ощутить своими органами чувств или приборами, на самом деле неощутимо и невидимо. Экое, диво, в самом деле! Нашли, на что обращать внимание.

Но, все же, диво, не диво, но где же оно, это *материальное* вещество, которое *материально* же себя никак не проявляет? Продолжаем читать: "Большая часть вещества ... невидима, и, следовательно, не может быть заключена в обычных звездах. Это и не газ, поскольку он был бы обнаружен радиотелескопами или ультрафиолетовыми телескопами. Свет от далеких галактик проходит к нам ..., поэтому лишняя масса не может быть пылью". То есть речь опять упорно идет о предполагаемой "лишней массе", но в данном случае, если читать именно то, что написано, то речь на самом деле идет о лишней гравитации, для которой лишь *предполагается* материальный источник в виде массы. Так что же это, по мнению астрофизиков, за источник? Даст ли наука наконец-то ответ, или нет?

Наука дает ответ, заостряем внимание - сейчас прозвучит научное определение этого материального источника, и, в предвкушении научных терминов, мы договоримся их выделять

подчеркиванием, (чтобы как-нибудь не пропустить), и он звучит так: "Темное, скрытое от нас вещество, могло бы состоять из неких таинственных атомных или ядерных частиц, пока не обнаруженных на Земле". Ничего себе! Получается, куда ни ткнешься на грешной Земле, обязательно должен упереться в это материальное вещество, поскольку его вокруг в десять раз больше, чем того, из чего состоит все видимое, но пока его обнаружить не удастся! Один к десяти! Тут не только подслеповатый должен увидеть, но и слепой не одну шишку набить! Уж не хотят ли нас уже убедить в том, что основное свойство материи - быть невидимой и неосязаемой, если всего лишь 10-я ее часть подвластна нашему с ней контакту? Похоже, налицо ситуация, когда нематериальное упрямо выдают за материальное. И нас ничего не должно останавливать в этом предположении, если уж сама наука начала говорить о "таинственном" и "невидимом". Потому что самое точное определение нематериального - это и есть таинственность и невидимость.

Может быть, кто-то думает, что мы прочитали об этом в бульварной газетенке? Даем источник - Миттон С. и Миттон Ж. "Астрономия". Москва, изд-во "Росмэн", 1994 год. Перевод согласован с издательством "Оксфорд Юниверсити Пресс". От Оксфордского Университета, (самого престижного в мире) до издательства бульварных газет столько же, сколько от материального, до нематериального, и наоборот.

А может быть, кто-то думает, что Млечный Путь просто выронок в доброй семье других галактик, в которых (в других) все чинно и сколько массы, столько и гравитации? Ничего подобного! Напрасно он так думает, - везде одно и то же. Во всех галактиках. Гравитации полно, а массы, которая должна ей соответствовать всего лишь десятая часть от необходимого количества.

Может быть, кто-то так и не захочет с этим примириться и обидится на астрофизиков, но это останется его личным делом. А нам ничто не мешает сказать, что источник силы притяжения не в массе и он нематериален, поскольку спокойно обходится без всякой материи там, где заявляется и работает. И он разумен, поскольку гравитация явно аккуратно и очень точно работает именно там, где надо удерживать космические объекты в точно заданном порядке. Мы не можем увидеть или ощущать этот источник, потому что нам этого не дано из-за того, что у нас нет органов чувств, способных воспринимать нематериальное. Физические приборы - это всего лишь насильственное усовершенствование наших органов, но и они не могут ничего зафиксировать. Что нам еще остается предположить? Исходя из самой науки, мы должны предположить только то, что предположили.

Обижаться тут не на кого. Есть, например, такая наука - гидрография. Она занимается описанием рек, озер, водохранилищ и их отдельных частей. Всей воды, как таковой. Лед она не изучает. Она про него просто не знает. Про него знает другая наука, - гидрология, в состав которой и входит наша гидрография. Так вот, если мы представим самих себя в виде науки гидрографии, сидящей высоко в горах прямо на леднике, и описывающей искомый источник H<sub>2</sub>O, то мы заметили бы вокруг себя шумные ручейки воды, тонкие ее слезящиеся потоки по скалам, ничтожные струйки этой растаявшей жидкости между камнями и, в конце концов, добрались бы, наконец, до самой первой капельки воды, упавшей с невидимой для нас сосульки. До капельки,

упавшей *ниоткуда*! Мы бы зарегистрировали эту капельку, и совершенно уверенно отметили бы, разложив научные записи по льду вокруг себя, что источник воды - таинственен и невидим, потому что про сам лед нам не может быть ведомо по самим заложенным в нас фиксаторным способностям. Мы, ведь, *созданы* так, что даже не предполагаем, что он может существовать, и нам никогда не дано его увидеть или распознать своими методами. Вот именно это, очевидно, с нами и происходит, когда мы ищем материю там, где ее не может быть, потому что ее там нет.

Ну, а если вернуться к нашей теме, то вот и нашлась "работа" Иисусу Христу от самого основания мира. Дух управляет движением и развитием материи в соответствии со своей Волей, а Иисус располагает упорядоченно ее в пространстве по чертежам Духа. И на этом можно было бы остановиться, если бы не одно обстоятельство - такое пограничное действие гравитации между космическими объектами создает образ некоей Вселенской Сети, внутри гравитационных ячеек которой находятся галактики. Здесь нас начинает бить мелкая дрожь - уж очень это строение Вселенной похоже на клеточное строение! Если Иисус - разумная сила жизни, то, отражая одно из основных свойств любой жизни, а именно разумность, почему бы гравитации не выражать и другое основное свойство любой жизни - клеточное строение? По крайней мере, предположить это мы просто обязаны. Есть ли подтверждение этому у астрономии?

Есть! И здесь наша мелкая дрожь переходит в крупную. Американские астрофизики, обработав данные о миллионах (!) галактик на компьютерах, пришли к выводу о ячеистой структуре Вселенной! Численные эксперименты показали, что такие структуры не могут возникать путем случайного скручивания! Следовательно, мы можем это выразить несколько смелее: материя имеет ячеистое строение, она вся разбита на ячейки, которые образованы не случайно, а в соответствии с каким-то расчетом, замыслом. Спасибо товарищам американским ученым и их неутомимым компьютерам за наше счастливое подтверждение нашего предположения! Можно принимать поздравления и открывать шампанское!

Но и это еще не все! В 1977 году в Таллинне прошел Международный Симпозиум Астрономического Союза. В Таллинне он прошел из дани уважения к эстонским астрономам, которые первыми поняли ячеистое строение космоса. Американцы это лишь подтвердили своей аппаратурой, как более богатые и лучше оснащенные коллеги. В сообщении же самого Симпозиума читаем про ячеистую структуру: "Структура имеет *первичное* происхождение и образовалась *до того*, как сформировались галактики и скопления галактик". Интересно - почему до сих пор нет закона, который предписывал бы заслушивать такие сообщения стоя и под фанфары?! Ведь это подтверждение существования Иисуса до сотворения мира! Научное! Это именно то, что нам надо! Потому что термин "ячеистое строение" справедлив к неживому объекту. А к живому? Как бы тогда все это называлось? Как называется в живом теле ячеистая структура? Совершенно верно - в живом объекте такое строение называется "клеточным". Следовательно, Вселенная жива, что еще больше прибавляет нас к Иисусу, поскольку Он - Источник Жизни. Вселенная жива Им и имела живое строение до того, как в ее живое ячеистое тело, в ее силовые клетки, вошли галактики и скопления галактик. Вот что означает, получается, быть "прежде сотворения мира". Быть до времени.

А вот теперь пришло время вернуться к обещанному разговору о взрыве. О том самом Большом Взрыве, о котором компромиссно говорят физики, как о моменте начала Вселенной. Отметив, что взрыв ничего упорядоченного создать не может еще ранее, мы присмотримся здесь к так называемому расширению Вселенной. От этого факта никуда не уйти, и он до сих пор объясняется именно взрывом. Вернее, само расширение привело к идее какого-то взрыва, который был когда-то ранее, и теперь под действием его силы все объекты вселенной равномерно и, не изменяя пропорций своего расположения, удаляются друг от друга. Любимый пример астрофизиков звучит так: "возьмите детский надувной шарик и нарисуйте на нем точками в разных его местах окружности, треугольники, квадраты и другие геометрические фигуры. Затем начните этот шарик надувать, и вы увидите, как все нарисованные вами фигуры начнут равномерно удаляться друг от друга. Точки в пределах этих фигур, сохраняя контуры этих объектов с теми же пропорциями, также будут удаляться друг от друга". Вполне понятный пример.

Пусть нас простят, может быть мы что-то неправильно прочитали, но мы все же зададим этот вопрос - а где вы видели взрыв, при котором объекты, попавшие под его воздействие, удаляются равномерно и не меняя пропорций расположения своих отдельных частей? Нам такого взрыва видеть не приходилось. Сила у взрыва одна на всех, а масса всех объектов, разбрасываемых им, у каждого своя. Ускорение всегда пропорционально массе, следовательно, тот объект, который, скажем, в восемь раз "массивнее" другого, будет ускоряться в восемь раз медленнее под действием одной и той же приложенной к ним обоим силы. Возьмем самих себя, любимых. Сила у нас одна, так давайте же с этой силой сначала бросим ботинок, а затем пудовую гиру. Разве они будут лететь с одинаковой скоростью? Точно также неодинаково должны разлетаться и космические объекты под действием одной и той же силы одного и того же взрыва. Сопротивления воздуха нет, сила приложена одна и та же на всех, а масса, напротив, у всех разная, следовательно, одни должны лететь быстрее других, догоняя друг друга и перегоняя, меняя при этом пропорции своих расстояний между собой.

Представим себе, что взорвался чугунный шар и раскололся на три разных по величине куска, образовав ими в пространстве контур равнобедренного треугольника. Разве пропорции между его сторонами через секунду после взрыва и через минуту после него будут одними и теми же? Конечно же, нет. У каждого из этих трех кусков разная масса и летят они кто быстрее, а кто медленней, и конфигурация сторон этого треугольника будет постоянно меняться и ему больше никогда не выглядеть равнобедренным. Он даже не докажет никому никогда свое благородное происхождение, если мы не выдадим ему геральдической справки об этом. То же самое должно произойти и с космическими объектами, тем более, что у них у всех *несоизмеримо* разная масса.

Такое расширение больше похоже на свободное падение, где масса никак не влияет на ускорение. Может быть, энергия взрыва давно иссякла и перешла в свободное падение? Может быть и так. Но в таком случае само расположение планет и галактик должно было бы отражать в себе ту первоначальную индивидуальность воздействия энергии взрыва, которая определялась различной массивностью этих объектов. Тогда, ведь, в одном месте, близком к эпицентру далекого во времени взрыва, должны группироваться крупные и гигантские космические

объекты, которые взрыв не смог далеко отбросить, а по другим местам должны располагаться мелкие, небольшие объекты, которые взрыв разметал от себя на полную катушку. Также должен наблюдаться физический процесс помельчания или укрупнения космических образований в разных направлениях пространства Вселенной и можно было бы судить по направлению этого укрупнения или помельчания о направлении к центру предполагаемого взрыва. Таких услуг нам внешний вид Вселенной не предоставляет, следовательно, взрыв опять ставится под большое сомнение.

Однако расширение существует и, если вернуться к примеру с надувным шариком, то этот пример верно отражает физический процесс, но неправильно его гносеологически (то есть, исходя из установок ума) объясняет. Налицо ситуация, когда одна и та же начальная сила проявляет свое действие индивидуально на каждом объекте, соразмеряя себя разумно, в зависимости от массы конкретных объектов, где ограничивая свое воздействие, а где, наоборот усиливая, чтобы все равномерно и пропорционально расширялось *независимо от разности масс*. При этом здесь все происходит как раз вопреки физике - при одной и той же энергии воздействия чем больше масса, тем больше ускорение, а чем меньше масса, тем меньше ускорение! Полностью наоборот законам физического мира! Именно так обеспечивается равномерность расширения. Что-то нам уже знакомое, не правда ли? Мы уже знаем, Кто имеет обыкновение так поступать с космическими объектами, проявляя себя не в зависимости от характеристики их массы, а в зависимости от полученного к действию плана. Это свидетельство разумного приложения силы гравитации по нематериальным законам, как противоречащим материальным условиям.

И, наконец, главное, из-за чего мы все это начали рассказывать про надувной шарик. Что происходит с шариком, когда мы его надуваем? Он расширяется. Но, сказать так, это то же самое, что про неживое сказать "ячеистое", а про живое "клеточное".. А как сказать про расширяющееся живое тело? Правильно - оно "растет". Вселенная не расширяется, а растет, как растет любой живой организм. Вот откуда эта необъяснимая равномерность движения и строгая неизменность сохраняющихся пропорций.

Ну, вот и еще одно основное свойство жизни отразилось в существующем порядке вещей - процесс роста. О последнем свойстве жизни у нас речь впереди, а пока скажем, что Иисус не просто располагает объекты в нужном порядке, *Он образует их Собой*. Раз вселенная разумна, имеет клеточное строение, растет и жива, а жизнь - это Он, следовательно, Вселенная не что иное, как Его Тело. Не сами галактики и планеты, а то, в чем они находятся, располагаются по клеточкам и в чем они удаляются друг от друга, захваченные ростом структуры. Как бы это с трудом не вмещалось в нашей голове, но других выводов мы просто не можем сделать. Опять логика обязывает нас признать то, что невозможно достаточно точно представить. Но мы помним, что это единственно правильный путь - упираться в неизбежное по своим выводам, но не имеющее логического объяснения по своему сверхразумному характеру.

Вот теперь понятно, почему Иисус так озорно и настойчиво говорил - если не будете есть Плоти Моей и пить Крови Моей, то не будете иметь в себе жизни! Жизнь, действительно - Его Тело, которое вместило в себя материальный неживой мир. И теперь уже окончательно понятно,

почему Иоанн в первых словах своего Евангелия говорит об Иисусе эти рискованные слова: "Все чрез Него начало быть" (Евангелие от Иоанна 1:3-5).

Кто не знает, тому скажем, что Евангелие от Иоанна - это особое Евангелие. Он единственный из евангелистов, кто пытался сказать о том, что было за Иисусом, а не о том, что происходило вокруг Иисуса. У него, наверное, были основания для таких попыток, потому что он был Его любимым учеником. После Воскресения Иисус нашел Петра и Иоанна. У каждого была своя задача. Молодой Иоанн знал больше, но не мог по возрасту быть достаточно авторитетным проповедником, и, кроме того, Иоанн был по типу характера очень скромным и молчаливым.

Петр понимал меньше, но был уже в почтенном возрасте и был весьма порывист. С них обоих началось христианство. С их мужественных проповедей. Петр азартно говорил, а Иоанн обязательно стоял рядом и молчал. Избивали их вместе. Но опять Петр говорил, а Иоанн молчал и был рядом. Но без этого молчуна у Петра не шло поначалу дело. Иоанн был идеологом Вести, а Петр был ее тараном. Своим присутствием Иоанн давал мужеству Петра уверенность в том, что если Петра опять начнет заносить, то его будет, кому поправить. Потом Петр окреп настолько, что сделал страшную для Иоанна вещь - понес христианство "язычникам", неевреям. Время Иоанна, как время практической деятельности, закончилось. Началось время Петра. Иоанну оставалось только написать Евангелие, в котором были самые непонятные для того времени, но самые верные и понятные сейчас нам слова. Иисус научил Иоанна главному о Себе, а Петра научил главному о Смысле Себя. Они оба в свою очередь попытались научить нас, но мы забыли и их, и Нашего Учителя. Мы забыли Бога, который нас создал. Не удивительно ли?

Но, как ни разительны уровни рассматриваемого, а надо возвращаться к тому, чем мы закончили главу "Человек". А закончили ее мы вопросом - где подтверждение того, что мы - венец творения? Венец не в смысле совершенства, а в смысле конечного пункта череды живых организмов. Одно из подтверждений в виде логического предположения мы дали выше. Теперь хотелось бы чего-либо посущественнее. Есть такое подтверждение? Есть.

Тот, кто был внимателен, уже давно должен был его увидеть. Оно буквально лежит на поверхности. Судите сами: если бы Ему были нужны не мы, а кто-нибудь после нас, то Он не пришел бы к нам предупредить о приближении Своего Царства и не искупил бы несправедливыми страданиями, (полученными от нас же), наши же грехи. Он не был бы в этом заинтересован. Мы бы вообще остались в неведении. Значит, нас это не касалось бы. Вечная жизнь вместе с Ним нас не касалась бы, а не что-либо иное, хотелось бы заметить. А раз Он пришел к нам, значит, мы Ему нужны и Он обещал нам вечную жизнь.

Зачем мы Ему нужны? Мы не знаем. Но трепетом благодарности и любви на этот Замысел мы должны Ему ответить. Хотя бы соотносительно нашим понятиям.

Будущее человечества прекрасно. Но можем ли мы искренне и до конца радоваться за будущее некоего неопределенного для нас грядущего человечества, если конкретно каждого из нас, читающего это сейчас, настигнет смерть? Стоит ли исполняться благодарностью в полной мере, если мы до этого будущего не доживем, и смерть нас настигнет на его далеких подступах? Стоит. Потому что смерть нас не настигнет.

## Смерть

Почему мы так уверенно начинаем с того, что смерть не убьет каждого из нас? Из существующего порядка вещей. На всем нашем предыдущем пути у нас постоянно возникали узловые моменты, от прохождения которых зависело само наличие или отсутствие смысла в окружающем нас мире и нашего места в этом мире. Таких опасных пунктов было много, настолько много, что само их количество, а также неизменно оптимальное их разрешение, говорит о том, что в рассматриваемой нами системе вещей допуски настолько малы, что правильнее было бы говорить вообще об отсутствии всяких допусков. Допуск - это предел возможных погрешностей построения, за которым возникает невозможность функционирования конструкции. Чем совершеннее конструкция, тем меньше в ней допусков. Телега может ехать, кособочась и волоча один край, при отсутствии одного из своих колес. Допуск огромен. Космический корабль рассыплется оттого, что всего лишь одна из его заклепок пройдет неправильный режим отпуска, каления, отжига, или еще какого-нибудь вида обработки. Допуск минимален. Ракета намного совершеннее телеги и за это платит такими строгими допусками. Если же конструкция этого мира создана Им, то она должна быть не просто совершенной, она должна быть *абсолютно совершенной*. А в абсолютно совершенной системе предполагается абсолютное отсутствие каких-либо допусков. Говоря о смерти, мы подошли к моменту, когда все уже ясно, кроме нее. Везде и во всем система доказала свое абсолютное совершенство. Просто не может быть, чтобы оставшаяся мелочь свела все на нет. Отсюда и наша уверенность.

А смерть в ее традиционном понимании, действительно сводит все на нет. Она лишает всё смысла в конце так же, как эволюция лишает всё смысла в начале. Несколько поколений советских людей воспитывалось на "крылатых словах" о том, "что жизнь дана человеку только один раз, и прожить ее надо так, чтобы...", и т.д. А какая, собственно, разница как надо ее прожить, если она дана всего один раз? Какая, извините, лично мне разница? Что для меня изменится, если я ее проживу не так? И что изменится, если я проживу ее "так"? В любом случае меня это совсем не будет касаться после смерти. Любое "надо" относительно моей единственной жизни вообще не должно ко мне никак прилипнуть в этом случае!

При такой постановке вопроса смерть никак не может быть стимулом для целенаправленно организованной жизни, поскольку смерть своим приходом отменяет и саму жизнь, и все то, что мы "целенаправляли" в ее процессе.

В совершенной системе нет ничего лишнего, не работающего на общий замысел. Так же точно и смерть, поскольку она присутствует в абсолютно совершенной системе вещей, должна иметь свой смысл и свою пользу. Следовательно, задача наша упрощается до смешного - надо просто найти пользу этого явления и по достоинству оценить ее роль в общей системе совершенных явлений. Естественно, задаваясь именно такой целью, - посмотреть пристально на смерть в поисках ее истинного, благодатного смысла, мы должны исходить из того, что у смерти обязательно должен быть именно такой благодатный смысл, а не какой-либо другой. Этим и оправдывается наш уверенно оптимистический напор в начале главы "Смерть".

Мы также не согласимся с тем, что искать не просто положительные стороны смерти, а искать именно исключительно положительный ее характер, является отголоском странностей

психики тех, кто этим занят. Потому что уже до нас существовало мнение, что смерть, все же, полезна, и люди, которые это мнение высказали, не считаются странными. По крайней мере, ни под одним из их бюстов или портретов мы на такую ссылку не наткнулись. Это были все подряд великие философы, и главную пользу от смерти они видели в том, почему-то, что смерть - это источник потребности в философствовании. Некий ключ зажигания, который включает высокие, отвлеченные от обыденного и земного, размышления. Крутящим моментом в этом повороте ключа считается неодолимый страх смерти, жуткое подсознательное ожидание величественной по безысходной трагичности встречи с холодной и мертвой вечностью. В этой трактовке смерть общепризнанно является олицетворением вечности, наполненным ощущением страха и ужаса перед небытием, и это является тонусом к высокой и сложной мыслительной деятельности. Не было бы смерти - не было бы философии. Вот в чем великая польза.

Мы заранее отказываемся от бюстов и портретов, благодаря чему с легким сердцем позволим себе с этим не согласиться. Если в этом усматривается польза смерти, то это явное непонимание того, что под этим вообще подразумевается. Во-первых, состояние страха и ужаса, может быть, и воздействует тонизирующе, но нисколько не ободряюще. Ничего высокого из этого состояния выплеснуться не может. Парализующее и стрессовое состояние страха вряд ли может являться хорошим помощником для продуктивного поиска светлых истин. Отсюда только один путь - к пессимизму и отрицанию, поскольку смерть универсально отрицает любого мыслителя, а, как следствие, и то, что он успевает намыслить к тому времени, когда она его выключит, как радио. Еще Авиценна показал, что пышущий здоровьем барашек необратимо хиреет и помирает только оттого, что рядом с его загончиком устанавливается клетка с волком. Находясь рядом с таким волком, как смерть, барашек любой мысли также должен хиреть и обессиливать. А зачем такая философия? И без нее бывает достаточно тошно временами.

Понятно, что каменщик должен хвалить землетрясение - работы привалит после разрушений много. В этом смысле от землетрясений есть несомненная польза. Для каменщика. Но мы все, которые не каменщики, с удовольствием обошлись бы без его ударного труда на почве таких печальных обстоятельств. В данном случае каждый квадратный метр его кладки нас радовал бы только относительно того, что стало лучше по отношению к тому, что было совсем плохо. Но чистой радости, как в случае постройки дома не в порядке восстановления его из праха, мы не испытывали бы. Также и та философия, которая порождена страхом и ужасом, никак не может нам приносить чистой радости, поскольку никакая техника ума не заслонит собой животного оцепенения от мысли, что в недалеком будущем состоится вынос тела. Нашего собственного.

Кроме того, какой смысл вообще философствовать, если не о жизни? Ведь именно о ней вся философия, именно из-за нее весь сыр-бор разгорается в философских спорах. Философия - это и есть непосредственно наука о жизни. А какой смысл о ней, о жизни философствовать, если ее надо *успеть прожить* один раз? Рассматривая жизнь, как хроническую болезнь со смертельным исходом, чем подобало бы больше заниматься, - успеть пожить или успеть подумать, *как* надо пожить? Если человек, считающий, что со смертью он исчезнет навсегда, не живет жизнью, а только думает о ней, то, следовательно, он, тем самым, отрицает саму жизнь, следовательно, он



ничего ценного для себя в ее простых радостях не нашел, он ее не понял, а, если он в ней ничего не понял, то зачем он о ней философствует? Отказываясь от женщины вообще, например, следовало бы собирать лавры в умствованиях о нестандартных формах сексуального удовлетворения, а не в высоких платонических рассуждениях о женщинах, как любовницах.

Философствование, наоборот, имеет смысл только тогда, когда жизнь непобедима, и когда сознание этого делает философию радостной и свободной от страха. Тогда, когда можно не торопиться прожить захлеб одну конкретную жизнь, зная, что в ней можно уделить время и тому и другому, потому что она никогда не закончится.

Именно с этой позиции, отбросив всякие псевдопользы, мы должны подходить к рассмотрению смерти, как явления. Исходя из абсолютной осмысленности всего нас окружающего, мы просто обязаны предположить, что смерть не может нести отрицающего и разрушающего смысла. Более того, она должна иметь свой частный смысл, работающий на общий Его Замысел.

Вернемся к тому, что раз смерть находится в системе вещей, каждая из которых подчинена смыслу, то и сама смерть должна подчиняться тому же смыслу. Иначе она просто не должна находиться в данной системе вещей. Если она инородное тело в столь совершенной системе, то она должна присутствовать не в порядке вещей, а только аномально. В порядке катастрофы. В качестве экстремально возникающего явления, нарушающего общие закономерности той среды, для которой она инородна. При этом, как любое инородное тело, она должна всеми силами враждебной среды отторгаться, как, например, через нарыв отторгается заноза из тканей тела. Однако, как мы знаем, смерть присутствует везде и всюду, неизменно и неистребимо. Как мирится с этим такая мощная, все регулирующая система, если смерть для нее - враждебный, несовместимый элемент? Абсолютно совершенной системе, с такой совершенной целесообразностью, не составило бы труда получить иммунитет от разрушения своего смысла. Будь так, что смерть есть разрушительница жизни, то жизнь в любом ее проявлении должна неукоснительно и абсолютно надежно защищаться всем своим порядком вещей, действующим в системе. Система не допустила бы непрерывного присутствия в себе инородного, разрушающего все, фактора.

А что видим мы? Создатель совершенно не позаботился об охране жизни. Мало того, что Он ввел смерть органично в суть самих объектов жизни, как долженствующих умереть обязательно, Он также не создал ничего такого, что позволяло бы создаваемой Им жизни хотя бы дотягивать свой положенный биологический срок и умирать естественной смертью! Любая случайность, любой каприз или глупость самих объектов жизни могут мгновенно прекратить как их собственную жизнь, так и жизнь других объектов. Жизнь не охраняется вообще ничем! Если в пределах абсолютно совершенной системы жизни одни формы жизни могут убивать другие формы жизни, чтобы обеспечивать собственную жизнь или просто некий комфорт, (как в случае с комарами и мухами), то такое массовое проявление можно считать не то, что допуском, а полноправным составным элементом этой системы. А полноправный составной элемент любой системы не может не соответствовать общему назначению системы.

Если смысл вышеозначенной системы (как мы выяснили ранее) - жизнь, то мы должны придти к выводу, (имея в виду смертность всего живого), что это как раз именно сама *непрерывная общая жизнь* выступает в некоем *прерывном* состоянии своих *отдельных* частных представителей. Ну, и почему так происходит? Почему частная индивидуальная жизнь в системе общей постоянной жизни мерцает, как маяк, - то загорится, то погаснет? Каждая кошка, каждый мотылек, каждый человек по отдельности умирают, а кошки, мотыльки и люди, как таковые, есть всегда. Наверное, потому, что источник у жизни нематериальный, как мы выяснили ранее, а проявлять себя ему приходится в материальной сфере бытия, которая для него является неестественным, искусственным состоянием. Об этом, утомляющем его характере проявления на материи, говорит хотя бы такая потребность всего живого, как сон, который наступает как передышка организму, уставшему от преодоления сопротивления материального мира в течение дня. Все это вполне дает нам основания подумать, что смерть - это большая подсказка, которая говорит нам о том, что материальная жизнь совсем не то, что надо, не то, что задумано, не то, за что надо цепляться. В ней нет особой ценности, поскольку она ничем не защищена в конструкции устройства мира и она неполноценна в смысле формы жизни, поскольку требует иссушающих саму жизнь затрат на оживление собой мертвой материи. Запомним эту подсказку и отметим себе, что, разрушая живую *материальную* субстанцию в индивидуальных эпизодах, смерть как таковая в таком случае вообще не разрушает ничего, потому что умершее постоянно замещается новым живым.

О том, что материальное проявление жизни требует постоянных, неестественных по затруднительности, затрат от жизненного источника, деликатно напоминает и тот факт, что жизненная сила не резко исчезает в живом теле в момент его смерти, а постепенно угасает пропорционально времени своего материального проявления и затратам на осуществление материальных процессов. Проще говоря - пропорционально возрасту. Самое важное, что здесь необходимо выделить, так это то, что с угасанием жизненной силы в теле происходит не старение *материи*, (потому что человек только в день теряет 500 000 000 (!) клеток и получает при этом столько же новых, а за год (!) его *тело обновляется полностью новыми* клетками), а происходит сокращение жизненных сил, делающих эту материю все менее и *менее оживленной*. Материя одна и та же, что в теле 10-летнего живчика, и что в теле 99-летнего непоседы, который аж дважды в день требует перенести его от телевизора на веранду и обратно! Этот удивительный факт становится второй подсказкой, которая говорит нам о том, что не только источник жизни находится вне материи, но и источник смерти - тоже вне ее, потому что смерть - это всего лишь прекращение поступления жизненных сил, от потери которых живая материя мгновенно разваливается на свои неживые составляющие, которые еще минуту назад были живыми.

Кроме того, мы также вправе сделать вывод о том, что такое неуклонное и очень постепенное затухание жизненных сил организмов, а не стабильное по жизненным возможностям их состояние во времени, говорит о том, что это *сама жизнь* запрограммирована на постепенное свое ослабевание и прекращение своего проявления. Жизнь приходит в избытке, а уходит, едва проявляясь, плавно исчезая с материального своего полигона. Отсюда мы видим, что это не смерть врывается в жизнь, и убивает ее, перекрывая постоянное по интенсивности поступление

жизненной силы, а сама жизненная сила, (разумная сила, как мы уже знаем), намеренно и разумно постепенно ограничивает себя в проявлении, заранее задумано прекращая свое действие в нужное время. Образно говоря, придет смерть, или не придет, - для жизни неважно. Она сама (жизнь) придет туда, куда надо. То есть, смерть - это некий поступательно приближающийся *этап жизни*, а не ее резкое прерывание. Это не есть уничтожение жизни, это свободное выражение разумной воли самой жизни начать, когда надо, и прекратить когда надо в нужных ей параметрах свое конкретное проявление на конкретном количестве материи.

Это совершенно очевидно, поскольку нематериальные явления (а источник жизни - нематериальный) не поддаются измерению и не имеют числовых выражений, вследствие чего неизмеримый, а, иначе говоря, неиссякаемый источник жизни, мог бы вечно оживлять любой организм, если бы это ему понадобилось. Но ему этого не нужно, поэтому мы и говорим о добровольном и запрограммированном рабочем процессе жизни, который происходит циклично, и отдельные его циклы мы называем нехорошим словом "смерть" и неоправданно впадаем в ужас при их периодическом наступлении.

Все это хорошо, но, положив руку на сердце, - разве легче становится оттого, что не смерть убивает жизнь, а сама жизнь выступает добровольно в таком прерывном состоянии? *Нас* - то никто все равно не спрашивает, ни смерть, ни сама жизнь, - хотим мы или нет "прерываться"! Все равно страшно и все равно ужас с нами. Конечно, если бы с нами был не ужас, а Бог, то нам страшно не было бы. Весь ужас как раз оттого, что не хватает живой веры в Живого Бога, отчего и порождается такое опустошительное недоверие к тому, что происходит, когда приходит смерть. Но раз в нас нет достаточной Веры, то надо хотя бы умом постигнуть то, что может эту Веру укрепить. Для этого надо пойти в самую смерть и посмотреть ей в глаза, задавая наши традиционно нетрадиционные вопросы. А, ведь, самый простой и легкий путь отыскать смерть для диалога - не дорога к моргу, а знакомство именно с тем самым ужасом, который сидит в нас, и не надо никуда далеко ходить, чтобы на месте разобраться с ним, - авось этот ужас что-нибудь и подскажет?

Вот с этим ужасом мы и попробуем познакомиться. Похоже, он нам только кажется старым знакомым. На самом деле мы его совсем не знаем, потому что достаточно за углом появиться его черному развевающемуся плащу и широкополой зловещей шляпе, как мы, кинув опознавательное: "Здрасьте!", уносимся от него со всех ног домой, прячемся под кровать, и ждем, когда страшный дядя-ужас пройдет мимо нашего дома по своим делам, чтобы никогда больше не вспоминать о нем, пока он каким-то случаем не мелькнет на горизонте снова. Психологи называют это "прятать страх в подсознание". Когда мы не хотим с кем-то знакомиться, мы не отвечаем на телефонные звонки и не открываем дверь. При этом мы считаем, что мы *знаем достаточно* о том, кого избегаем, чтобы не иметь с ним дела. Но как можно знать достаточно о том, с чем не знаком вообще? Как можно знать, не зная? *Мы думаем*, что знаем, потому что *боимся* знать. Страх смерти не дает нам знать смерть, потому что мы не в силах трезво мыслить о таких вещах, как исчезновение самих себя из этой жизни.

А может быть дядя-ужас добрый? Может быть, это у него спецодежда такая, а сам он творит добрые дела? Почему мы его так боимся? Он ведь лично нам еще ничего плохого не

сделал! Нельзя не оставлять ему ни одного шанса, ведь даже люди, которые дарят нашему ребенку в день рождения барабан и дудку, имели бы право на оправдательное слово и на последнее желание после него! Может быть, и этот страх не так страшен? Мы просто должны, как цивилизованные люди, предоставить все возможности его адвокатам. Для этого вылезем из-под кровати и спокойно подумаем.

Откуда берется этот страх смерти? Почему не греет все то, что мы до сих пор выяснили о разумности жизни, совершенстве мира и безобидности смерти? Чего, собственно, мы не можем принять и с чем не можем смириться?

Похоже, что мы боимся того, о чем вообще не имеем ни малейшего представления! Ведь, если жизни не касается, придет смерть или не придет, то нас это и давно не должно касаться! Пока есть мы - нет нашей смерти, а когда есть наша смерть - нас уже нет. Вместе, исходя из этого, мы вообще никак не можем сосуществовать! Мы даже не можем со смертью встретиться как следует, поскольку если нас, благодаря ей, уже нет, то мы ничего не можем ощущать, а, следовательно, не можем судить, страшно это или не страшно, когда нас нет? Может быть это наоборот - очень весело? Откуда мы знаем? Не видно никаких поводов для страха.

Может быть, нас пугает само состояние небытия? Состояние, когда нас нет в известном нам мире? Тоже неправдоподобное объяснение, поскольку мы же не страшимся того факта, что до нашего рождения было точно же такое небытие, и нас точно также не было в известном нам мире! Мы к этому относимся спокойно и миролюбиво. Следовательно, само небытие, как таковое, не вызывает у нас аллергии. Страх не отсюда.

Может быть, страх смерти в нас заложен Им, как и все остальное в нашей программе? Это был бы неплохой выход, но, во-первых, мы знаем, что Его авторитет в большинстве случаев, как это ни страшно, из-за недостатка Веры не примиряет со смертью. В этом случае мы пришли бы туда, откуда вышли, поэтому нет смысла развивать этот вариант. А во-вторых - какой смысл было Ему помещать в нас страх перед тем, что бессильно, как мы уже выяснили, перед жизнью самим порядком, Им же и созданным?

Если мы не знаем состояния смерти, и не можем бояться того, о чем не имеем ни малейшего представления, как и того, о чем никогда не можем получить хоть малейшего представления, и, если страх в нас не вложен изначально, то - откуда он? Давайте попробуем войти в этот страх и пережить его, вникая в источники паники и безграничного, жуткого до душевного мрака, отчаяния.

Тот, кому это удастся, несомненно, согласится с тем, что, препарировав свое состояние отчаяния, которое охватывает нас при мысли о смерти, мы понимаем, что не принимаем мы не что-нибудь иное, а именно расставание с жизнью. Смерть пугает нас не состоянием *иного, неведомого бытия*, а состоянием потери хорошо нам ведомого данного нашего бытия. Мы боимся не самой смерти, а боимся потерять жизнь. Вот что в нас заложено! Стремление к вечной жизни! Программа жизни запрограммирована на затухание и прекращение в материальном мире, но она не программирует нас на то, что это естественный и непреложный для *жизни вообще* характер абсолютного конца. Неприятие свертывания жизни в понятной нам материальной форме происходит потому, что мы неосознанно *знаем*, что жизнь не должна прекращаться и не должна

заканчиваться! Это наша живая связь с Ним, которая возмущается всем своим запредельным для нас существом, когда видит, что жизнь обрывается, поскольку именно этот обрыв воспринимается ею как нарушение общей программы. В нас заложен не страх перед смертью, как перед отдельным явлением, таким, как боль, страдание, позор, предательство и т.д., в нас заложен страх перед нарушением нашей живой вечной связи с жизнью. В нас работает программа вечно жить в нематериальной форме, которая настороженно недоумеует, когда в материальной форме происходит что-то, не присущее Генеральной Программе. Эта программа вложена в нас как основная, и не принимаем мы видимую нами материальную смерть именно как нарушение своей основной программы *вечно жить*. Против этого мы восстаем совершенно закономерно, поскольку это не стыкуется с главным смыслом нашего создания. Не встаем же мы непримиримо на борьбу с тем, что молодость уходит. Мы с этим относительно легко смиряемся и даже находим много преимуществ в зрелости и в старости. *В нас нет программы резвиться всеми силами и соками в материальном мире вечно!* То, что происходит с нами при старении, слегка нас огорчает, но не убивает, а ведь и с молодостью, согласно логике смерти, мы расстанемся также *навсегда!* Но это не затрагивает нашей сущности, как созданных Им элементов Его бытия, поэтому и не рождает ужаса и отчаяния. Раз не важен материальный мир, то не важны и навсегда проходящие этапы нашего возраста в этом мире. А только намек на будущую смерть вызывает резкое отторжение всей психики, потому что это затрагивает именно суть самого смысла нашего сотворения. Если бы Он сотворил нас смертными, то Он не закладывал бы в нас страха перед смертью, или вообще убрал бы его, как убрал способность к телепатии или к телекинезу.

Итак, смерть заложена в порядок вещей, как мы уже выяснили, но наше желание жить вечно также заложено в тот же порядок вещей, а две несовместимые вещи не могут закладываться в один органичный порядок. Следовательно, и то и другое должно быть совместимым. Зная, что жизнь, как базовая цель Сотворения, первичнее смерти, (смерть это, всего лишь, самопроизвольное самоограничение жизни на одном из своих этапов), мы должны брать за основу первичное из двух противоречивых состояний, а отсюда вывод лишь один - мы должны доверять своему желанию жить вечно и не бояться потерять материальную жизнь, страх чего мы и называем страхом смерти.

Такой абстрактный подход убеждает, но не успокаивает до конца. Понятно, что жизнь вечна, как явление нематериальное, и циклична, как вынужденная принимать материальные формы. Понятно, так же, что смерть - это не разрушение жизни, а момент одного из циклов самой жизни, но нет душе покоя, потому что, переходя от абстракции к конкретным вещам, мы не можем не столкнуться с тем фактом, что каждый из нас, даже самый продвинутый в понимании смерти и жизни, вскорости физически все-таки умрет. Понимая, что вечная жизнь вполне возможна и даже неременна, именно физическая сторона этого процесса остается нам непонятной и это немного настораживает. Ибо - насколько вероятно не только то, что смерть нас не касается, но и насколько вероятно то, что следующий цикл жизни будет касаться именно нас? Если это не так, то чем лично для нас это отличается от смерти?

Действительно, мы боимся не столько смерти вообще, сколько *именноличной* своей смерти. Даже если это и не страх смерти, а страх расстаться с жизнью, то это, прежде всего, страх расстаться конкретно *со своей жизнью*. Мы принимаем все, что сказано выше, но нам хотелось бы, чтобы это всегда касалось *именно нас*, и чтобы новые свои формы жизнь принимала обязательно *вместе с нами*. Потерять жизнь для нас - это потерять себя. Именно этого мы и боимся больше всего. Жить, для нас, это - осознавать себя. Даже потеряв все, включая и физиологические способности, человек цепляется за жизнь, и она для него вполне самоценна, пока он ощущает самого себя. Свое "Я" и своя жизнь - для человека понятия абсолютно одни и те же и абсолютно неразделимые. Следовательно, наше "я" это и есть для нас жизнь по самой своей сути. Именно здесь кроется вся болезненность этого вопроса и именно здесь надо искать выхода из имеющегося ужаса. И этот выход, представляется, есть.

Смерть никогда не будет познана до конца, она всегда останется явлением непознаваемым, трансцендентным, как сейчас принято говорить в не только философских кругах, но по косвенным уликам всегда можно уличить ее в беспомощности, для чего мы начнем с того, что все наши болезненные тревоги основываются только на том, что мы отождествляем свое "я" с материей, то есть со своим телом.

А вот это совершенно зря. Чтобы убедиться в этом давайте проведем эксперимент. Представим себя без руки. Теперь без обеих. Теперь без ног. Теперь без туловища. Теперь без головы. Видите пустое место? Видите. А кто его видит? Чем? Значит - тела нет, а мы остались.

Давайте просто представим себе, уже без этапов, что весь мир существует, а нас уже нет. Или, - нас *еще* нет, (чтобы не так страшно было), а весь мир существует. Представили? Представили. А кто все это внутри вас представляет? Кто видит весь этот мир без себя? Если мы видим весь этот мир, следовательно, мы в нем есть! Во всех этих воображаемых состояниях *мы* были, а *тела* нашего не было! Значит тело не причем. Значит, никто никогда не сможет сказать, что он способен представить мир "без себя", если он же его и наблюдает в этом качестве. Значит, "без себя" - это совершенно не значит, что без своего тела, а "без тела" - совершенно не значит, что " без себя".

А теперь представьте, что не только вашего тела, но и вас самих нет. Попробуйте, попробуйте, но знайте наперед, что никогда у вас такого не получится. А теперь представьте себя, глядящим на свое тело. Где вы? Вне тела. Когда мы имеем в виду себя, то при чем вообще тело, если все эксперименты закончились адекватно нормальной психике? Тело и мы - порознь!

Это первый аргумент. А второй состоит в том, что, как мы уже говорили, человек каждый год на микроуровне получает совершенно новое тело. Тело может полностью меняться, (по крайней мере, его материальная основа, молекулярная составляющая), до 120 раз за жизнь, а мы назло ему остаемся теми же! Нужны еще доказательства? Тело 120 раз разное по своему обновляющемуся молекулярному составу, а мы все те же сто двадцать раз одни и те же. Как, меняя одежду, мы не можем сказать, что мы - это уже не мы, так и, меняя тело в течение жизни, мы остаемся совершенно отдельно от него, как остаемся отдельно и от любой нашей одежды.

Теперь - чем мы представляли себя и чем мы смотрели на мир и на себя со стороны в наших экспериментах? Разумом. Логично предположить, что наш разум - это и есть для нас

опосредствованно наше "я", а не тело. Само то, что тело, обновляясь, принимает одну и ту же форму, говорит о том, что оно строится по какому-то утвержденному плану. То есть, им управляет какой-то разум. Тело вторично, согласно этим выводам. Тогда с уходом тела нет никаких оснований утверждать, что уходит и разум, который его строил в данном виде, находясь в стороне, и нет никаких оснований утверждать, что уходим с телом и мы. Просто в этот раз наш разум, наше "я" не будет больше строить данного тела. Достаточно. В этом случае физическая смерть - это всего лишь распад тела, но не наш собственный распад, поскольку распадаться может только составное, материальное, а нематериальное (разум, наше "я") не может распадаться, как не состоящее из частей. Легко предположить отсюда, что тел, сложенных из материальных кирпичиков разумом, у нас может быть много, а каждый из нас при этом - будет одним и тем же. Отсюда вполне логично предположить, что смерть касается только наших тел, но несколько не нас.

Однако не совсем будет логично, но все-таки как-то может быть все же предполагаемо, наличие у самого тела способностей самому породить собой разум. То есть, содержать в себе план своего построения. Информацию. Можно и такое предположить. То есть, предположить то, что информация о нашем теле находится в молекулах тела. Но, ведь, молекулы, из которых слагаются наши тела - это одни и те же молекулы этой планеты на протяжении миллионов лет, и они на протяжении миллионов лет выполняли совершенно разную работу, соответствующую совершенно разной информации, которая могла бы в них содержаться! Это те же самые молекулы, которые образовывали когда-то землю, воду, металлы, дерево, всю живую и неживую природу. Это одна и та же материя, которая попадает в тело из окружающего мира с пищей и уходит из него обратно в окружающий мир! Откуда в одной и той же молекуле столько разных планов, и чем эти планы утверждаются к действию именно в форме нашего тела или в форме тела птицы? Как один и тот же набор одних и тех же молекул может в одном случае создавать, исходя из заложенной в себя информации, одно тело, а в другом случае - другое? Эта информация в каждом случае специфически конкретна и нагибает сообщество молекул формироваться одним и тем же порядком на протяжении всей жизни данного тела, сколько бы новых, самонесущих информацию молекул в это сообщество не влилось. Следовательно, это какая-то сторонняя информация, и она главней, если она нивелирует по значимости информацию каждой отдельной молекулы и заставляет ее принимать вид, аналогичный именно своим соображениям. И такая информация должна быть привнесена и активизирована только со стороны, как объединяющая собой постоянно все новые и новые армии молекул в одни и те же боевые ряды. Как тысячи капель, мгновенно пролетая через солнечный луч, образуют постоянно радугу, так и миллиарды молекул, пролетая постоянно под лучом данной информации через тело, постоянно образуют одну и ту же его форму. Такой информационно организующий луч может излучаться только извне материи. Иначе, если бы в самой материи содержался план построения тел, то была бы дикая свистопляска борьбы форм и сбоев построения в каждой из конфигурации новых, прибывших в тело со своей индивидуальной информацией, молекул. Была бы полная неразбериха видов живого мира и, кроме того, если одна и та же молекула может быть и капустянкой, и жабой, и водителем автобуса, и куском земли и каплей воды, и частью алмаза,

то вообще трудно себе представить то количество информации, которое она должна в себе содержать для каждого из возможных случаев! Это просто невозможно!

Это понятно, и все же, если бы нам удалось найти подтверждение тому, что тело не способно нести в себе информацию о нас, то это разрешило бы все до конца. Речь, конечно, идет о научных подтверждениях. Потому что мы уже знаем по нашим прошлым опытам, что бояться науки не стоит, а наоборот надо искать именно в ней прямые доказательства и подтверждения своим мыслям. Наука отражает реальное положение вещей, надо только правильно ее данные трактовать. Итак, обратимся вновь к науке.

Вот что по данному вопросу совсем недавно сказала наука. В небезызвестном нам уже Оксфорде под руководством Дж. Гердона были проведены исследования на предмет: содержится ли информация о человеке в его клетках? (Напомним, это информация только о человеке, а не о всех тех бесчисленных вариантах, в которые эта молекула может попасть и черпать из себя для их осуществления информацию). Вот что приводится в качестве результатов исследования. У человека  $10^{15}$  клеток. Исходя из количества информации, в соответствии с которой в полном объеме и во всех возможных вариантах внутренних и внешних обстоятельств осуществляется жизнь человека, получается, что каждая клетка должна содержать *минимум*  $10^{25}$  бит информации. Это - "должна". А как происходит на самом деле? А на самом деле клетка может содержать только *максимум*  $10^9$  бит информации.

О чем это говорит? Это говорит о том, что вроде бы, поделили носителей информации: один носитель в клетках, а другой - вне тела. Это уже неплохо для нас, тем более что вне тела информации хранится, получается, исходя из сравнения степеней двух приведенных чисел, больше, чем в самом теле. Это уже совсем хорошо. Но мы уже столько раз встречались с этими десятками в различных степенях, что пора бы в них досконально разобраться. Прежде всего, хочется разобраться - насколько это вообще "больше"? Насколько  $10^{25}$  больше, чем  $10^9$ ? Узнав разницу, мы могли бы оценить какая информация насколько больше другой. Насколько информации хранится больше вне тела, чем в самом теле? Насколько существенно наличие информации в нематериальном источнике вне тела, который уже невольно признан этими исследованиями? Насколько больше руководящей информации о конкретном человеке в нематериальной сфере, чем в самом его теле? Для этого мы проводим арифметическое действие, и получаем следующий пример:

$$10^{25}\text{бит} - 10^9\text{бит} = 10^{25}\text{бит}$$

Что за ерунда такая? От одной величины отнимаем другую величину и получаем ту же самую величину? Ругаемся с тем математиком, который по нашему заказу произвел вычисления, и обращаемся к компьютеру с математической программой. Он-то нам правильно посчитает! Он лекции не прогуливал в университете! Он не подведет, он посчитает! И посчитал. От одной величины отнял другую величину и получил ту же величину, от которой вычитал! Опять в ответе  $10^{25}$ !!! В чем дело? Обращаемся к профессиональным математикам, и они нам объясняют, что в данном случае, отняв от числа  $10^{25}$  число, равное  $10^9$ , мы на самом деле отняли от  $10^{25}$  практически нуль, поскольку как раз нулем по отношению к числу  $10^{25}$  и является число  $10^9$ !!!!!!...(давайте договоримся, что здесь у нас, как будто стоят восклицательные знаки в



количестве  $10^{25}$  штук)! Настолько велика между ними разница! Как между ноль целых тремя тысячами копейки и тремястами миллиардами долларов! Такой обманчивый, оказывается, вид у этих самых десятков в степенях!

Вот это "поделили" носителей информации! Получается, что практически вся информация о нас расположена вне нашего тела! Нас такой вывод вполне удовлетворяет. Это говорит о том, что мы - вне тела на информационном плане, и это говорит нам, в свою очередь, о том, что мы вне тела вообще, поскольку информационный план - нематериальный план. А это уже говорит о том, что мы - нематериальны, и нам не должно быть никакого особого дела, как расстанутся с нашим телом в перспективе наши родственники - в белых тапочках или без них.

Однако чтобы удовлетворенно почувствовать истинную разницу, почему бы не посмаковать ситуацию и не попробовать узнать *во сколько раз* больше исполнительной информации о человеке находится вне его клетки, если уж *насколько раз* больше вообще не имеет право даже на упоминание? Для этого проводим следующее арифметическое действие:

$$10^{25} : 10^9 = 10^{16} \text{ (при делении степени при равных основаниях отнимаются).}$$

Вспоминая, что все это относится только к одной клетке, умножаем полученный результат на количество клеток в теле человека ( $10^{15}$ ) и получаем  $10^{31}$  - во столько раз больше информации управляет жизнедеятельностью человека вне его тела, чем в пределах его тела. Что дает нам этот результат? Много это или мало? Что можно сказать о неведомом носителе информации о нас, находящемся вне нашего тела, с количеством бит информации в  $10^{31}$  большим, чем ее содержится в самом нашем теле? Спрашиваем у тех, которые лучше нас разбираются в цифрах, у математиков - что это за носитель информации такой? Большой он, или не очень? Из всех ответов выбираем самый пристойный по звучанию их общего смысла - "нереально большой". Давайте оставит это определение - "нереально большой", хотя в матюках это звучит гораздо сочнее. Но даже в этом урезанном виде данное определение говорит нам о том, что ни один *материальный* носитель на Земле иметь в себе такой информации *не может!*

Для нас это еще лучше, но все же хотелось бы чего-то более конкретного, предметного, потому что  $10^{31}$ , как мы помним, это не сами биты, и даже не часы и не километры, а это просто выражение числовой пропорции, некое математическое соотношение, отражение того, во сколько одних битов больше, чем других. Не предметная величина. Надо перевести эти числа хотя бы в те же в биты, так будет интереснее. Для этого совершим очередное вычисление:  $(10^{25} - 10^9)\text{бит} \times 10^{15} = 10^{40}\text{бит}$  Поясним эту формулу. Действие в скобках мы приводим просто для логического пояснения того, что мы операцией в скобках якобы определили "насколько больше программной информации о человеке находится вне одной клетки по отношению к информации, находящейся в той же клетке человеческого тела", (найти "насколько" невозможно, следовательно, подразумевается, что остается первоначальная величина  $10^{25}$  бит), и умножили на количество клеток в теле человека, (а их, как мы упоминали уже не раз -10 в пятнадцатой степени). Таким образом, мы выяснили: сколько вообще информации о конкретном человеке находится вне тела этого человека. Это уже интереснее. Вот наш ответ - это число составляет  $10^{40}$  бит.

Это огромное число, как даже мы уже понимаем, поэтому мы для упрощения переведем его в гигабайты, в самую большую единицу количества информации, какая только есть. У нас

получается  $3,816 \times 10^{26}$  гигабайт. Теперь вспомним, что один персональный компьютер содержит около 10 гигабайт информации, разделим  $10^{26}$  на десять и получим: сколько нужно компьютеров, чтобы уместить в себя эту информацию *об одном человеке*, которая управляет им на протяжении его жизни? Получается -  $4 \times 10^{26}$ . Сможет, например, предоставить кому-либо столько компьютеров по региональному заказу, например, империя Билла Гейтса? Увы. Это было бы для нее почетным, но невыполнимым заданием. Скажем сразу, чтобы никто не думал, что мы хотим обидеть "Майкрософт", что такого количества компьютеров не найдется на всем Земном Шаре. А если, кто не поверит этому, то давайте посчитаем, сколько бы пришлось тогда компьютеров на одного пользователя, если бы заказ все же был выполнен, и они были бы выпущены на Земле. Население Земли составляет пять миллиардов человек, следовательно, проведя нехитрые вычисления, мы получаем число  $8 \times 10^{16}$  компьютеров на одного человека. Даже один единственный из всего человечества обладатель своей доли компьютеров просто физически не разместил бы их на поверхности Земли!!!...(здесь количество восклицательных знаков, как читатель, наверное, уже догадался,  $10^{16}$ )! И на всех планетах Солнечной системы тоже! Места бы не хватило! А таких счастливых должно быть пять миллиардов!!! И это касательно информации только для жизнедеятельности одного человека! Вот это уже осязаемый аргумент в пользу того, что в теле человека не содержится ничего такого, о чем стоило бы говорить, по сравнению с тем, какая информация о нем содержится вне его тела. Скорее всего, все, что содержится в памяти клетки, касается только самого необходимого для ее собственного деления и для ее самого примитивного самофункционирования.

А что же говорит по этому поводу наука? Как она это объясняет? Признает ли она, что невероятных объемов памяти и операций разум, руководящий телом человека, находится вне его тела? Нет, конечно. А чем она все объясняет? А все тем же! Помните фокус с лишней, невидимой и таинственной массой вещества, которого вокруг нас в десять раз больше, чем не таинственного и видимого? Здесь то же самое. Ответ прост и так же изящен - причины этому могут крыться, по официальным выводам, только в том, что клетка "многомерна", и вся остальная информация, вернее будет сказать - вся информация о человеке, находится в других измерениях, которых мы воспринимать почему-то не можем. Поздравляю вас. Нас здесь совсем чуть-чуть. Можно сказать, что даже и совсем нету. Мы в основном в других измерениях, только не можем этого воспринимать. Но все равно - будем поаккуратнее, потому что если посчитать, каких размеров наше истинное тело, расположившееся в других измерениях, то этого можно не пережить - оно имеет массу и размер, равный общей массе и размеру десяти миллионов человек - именно столько клеток столько человек могут вместить в себя информацию о правильной жизнедеятельности одного человека. Все это десятиллионное тело в других измерениях должно хранить сведения для *одного нашего* тела. При этом как-то даже страшно подумать, сколько надо в свою очередь еще клеток для того, чтобы эта туша не только содержала информацию лично для меня в моем измерении, но еще и обеспечивала бы собственную жизнедеятельность. Лучше все это прекратить. Психика тоже, знаете ли, в этом измерении не беспредельна...

А пока разберемся со следующим. То, что наше сознание имеет нематериальную основу, мы уже выяснили. Однако это хоть и путь вперед к намеченной цели, однако, опять ознаменованный слегка абстрактными данными. Надо бы поближе к нашему личному сознанию. Это нам должно быть актуальнее. Пусть его источник и нематериальный, и с потерей тела сознание останется, однако, что определяет индивидуальность каждого сознания? Из чего состоит наше сознание, которое мы определяем, как "я"? Представляется, что не будет бурных диспутов, если мы скажем, что оно состоит из набора информации о себе, как таковом, и о том, что меня окружает. То есть, это моя личная *память* определяет мою личную индивидуальность моего личного сознания. Тело и память - есть ли здесь нерасторжимая связь, и не прекратится ли моя личная жизнь с уходом тела, если сознание мое останется, но оно будет обезличенным, *не моим*, так как память навсегда исчезнет вместе с телом? Где находится память - в теле или вне тела? Если в теле, то где? Считается, что в мозге. Мозг умрет вместе с телом. Следовательно - и память? Следовательно, по существу, - и мы тоже? Печально. Исходя из этого, обратимся к мозгу.

Первое, что мы должны здесь сказать без особой интриги, так это то, что мозг не является монопольным носителем памяти. Это - как минимум. Биологические эксперименты показали, что из любой клетки тела можно полностью воссоздать орган без помощи всякого там мозга. Идея этого органа, память о нем, никакого отношения к мозгу не имеют. Клонирование людей вообще низводит мозг на общий уровень всех органов относительно памяти. Следовательно, память уже в какой-то своей части может считаться расположенной вне тела, поскольку вся информация вообще находится за его пределами, включая, естественно и память. Здесь тоже не должно быть бурных диспутов.

Однако, по-прежнему твердо считается, что и в мозге кое-что хранится. Разве не так? Действительно, хранится. Информация управления и координации, но та ли эта память, о которой мы говорим? Если хранится та память, которую мы имеем в виду, то где? В каком его участке? Определите его - и спорам конец. Где он? Никто не знает. Не могут найти такого участка. О том, что память находится вне мозга, мы убедительно докажем дальше, а пока скажем следующее - по итогам операций, травм и опухолей, уничтожающих отдельные участки мозга, были перебраны все его отдельные секторы, и выяснено, что после удаления любого из участков мозга могут теряться способности суждения, обучения, осязания, зрения, адекватных психических реакций и т.д., но память о прошлом остается! К настоящему времени увлеченная рука хирурга неоднократно вырезала все по очереди участки мозга и ни разу память от этого не пострадала. Нет ни одного участка мозга, где хранилась бы память! Память нельзя "вырезать". Если сказать, что в холодильнике нет ни одного отделения, где хранится кипяток, то где основания утверждать, что холодильник - хранилище горячей воды? И где основания утверждать, что память находится в мозге, если уже заглянули во все его уголки, а ее там не нашли?

С памятью разобрались, и это самое важное. Однако мы видели, что состояние мозга может вызывать изменение состояния сознания. Связь между мозгом и сознанием слишком очевидна, чтобы от нее отмахиваться. Но нас не должна тревожить эта связь относительно нашей неуничтожимости. В самом деле, ведь нарушения мозга приводят лишь к ущербу личности, но

они не прекращают сознания этой самой личности. Сознание остается, пусть даже в ущербном виде. И что же это за ущерб? В чем он проявляется? Он проявляется в неадекватных реакциях на раздражения. Однако на каких основаниях мы говорим о том, что эти реакции сознания неадекватны? Кто это придумал? Они вполне адекватны тому, что им предлагает поврежденный мозг! Мозг - это поставщик информации из окружающего мира. Если он дает сбой, то сознание никогда никаких сбоев не дает. Что мозг сознанию предоставляет, с тем оно и имеет дело, ни больше, ни меньше. Чем мозг раздражает, тем сознание и отвечает. Разумно ли поведение спившегося человека, который лезет на стену от привидевшихся ему клубков змей? Неразумно, поскольку никаких змей вокруг него и в помине нет. Однако это неразумно сообразно тому, что видим мы. А если бы вокруг нас на самом деле клубились эти змеи, то мы делали бы абсолютно то же самое в паре с ним, то есть поступали бы очень даже разумно и адекватно. Вот и он поступает разумно. Забарахливший мозг подсовывает ему змей, и он от них убегает. Дураком не назовешь. Если затуманенный наркотиками мозг будет передавать сознанию человека, что перед ним Мэрилин Монро, то этот бедолага очень даже разумно начнет предпринимать единственно естественные для мужчины действия сообразно такому счастливому случаю. Уверяем вас, что он будет действовать очень последовательно и даже изысканно, лишь бы сама Мэрилин не подкачала.

Мозг - прибор ориентации нематериального сознания в материальной действительности. Амбразура, через которое сознание рассматривает материю. Если амбразура запотела или прибор зашкаливает, то сознание здесь ни при чем. Сама физиологическая работа мозга подтверждает это, представляя собой непрерывное, 8-12 раз в секунду (!) пробегание волны возбуждения по всей его поверхности. Так работает только следящий прибор, который никогда не знает - будет информация или нет, но находится в режиме постоянной готовности к ее получению. Пробегающая вибрация регистрирует и обрабатывает внешние раздражители, перерабатывает их и выдает сознанию сведения об окружающей обстановке. Сознание всегда верно принимает решение и выдает команды назад мозгу, который теми же волнами активности их принимает и передает дальше телу. Если мозг не поврежден - то будет все нормально. А если поврежден - то тоже будет все нормально, только несколько странно для тех, у кого мозг не поврежден.

Если кто-либо в этом сомневается, то пусть еще раз поэкспериментирует. Что предваряет любое ваше движение? Проследите. Команда мозга. Пока наука не объяснит нам, как мозг порождает команды, каким образом он создает мысли и как перед этими мыслями он образует понятия, мы будем считать, что мозгом все мысли, понятия, и команды регистрируются извне. От сознания. А наука даже обходных путей для решения этих вопросов пока не видит. И это, похоже, навсегда.

Исходя из всего сказанного, мы вполне уверенно можем говорить, что мы - это наше сознание, то есть мысль и память, а поскольку мы уже твердо убедились, что это явления нематериальные, то и мы тоже, как следствие, явление нематериальное. А поскольку смерть есть разрушение материального, то теперь она нас действительно не касается. И память, и сознание, как находятся вне тела, так и останутся при нас после смерти тела, и мы можем спокойно

пожелать молекулам нашего умершего тела счастливого пути в другие тела. Мы будем жить вечно и необязательно это должно все время происходить в неестественном и затрудненном материальном проявлении.

Как видим, если извлечь сухой остаток из наших рассуждений и отвлечься от задач соотнесения жизни и смерти, то может создаться впечатление, что это замаскировано отвлеченный спор о том, что первично - материя или сознание. Но мы это не специально сделали. И такой цели не преследовали. Наши рассуждения совершенно случайно легли в канву извечного спора философов, и то предпочтение, которое мы отдаем нематериальному, не значит, что мы выступаем под знаменами именно идеалистов, ибо нам не нужна ни одна из крайних позиций.

На самом деле сам спор о том, что первично, а что вторично, не является спором что лучше, а что хуже. Вернее, не должен являться таким спором. Не должно это принимать и богоборческие или, наоборот, богозащитные формы. Нельзя противопоставлять Ему материальное, поскольку Он же все это материальное Сам же и создал. Сам спор выявляет интересную и правильную вещь - и те, и другие, ставя сознание первичным материи или материю первичным сознанию, тем самым подтверждают наличие не только видимой, материальной стороны мира, но и невидимой, нематериальной. Сама постановка вопроса о первичности говорит, что и та и другая сторона признают и материальное и нематериальное *равносущими* в Его творении! Одним этим весь спор снимается. А что главнее другого - уже неважно в пределах этой полемики. Главнее всех Он. Материя совершает какую-то нужную Ему работу. Следовательно, поскольку на данный момент, мы погружены в нее, она для нас сейчас главнее. Временно. Потому что материя вообще временна, а нематериальное - вечно.

Мы коснулись проблем вечного спора идеалистов и материалистов еще и потому, что, говоря о нематериальном, мы всегда будем находиться в глупом положении человека без языка, пытающегося азартно и вдохновенно рассказать одними лишь жестами заинтересованно любопытному обществу, что его жена не любит, когда ее без дела щекочут в интимных местах. Мы не знаем природы нематериального, мы вынуждены описывать ее, отталкиваясь от природы материального. А поскольку нематериальное выступает как полностью противоположное материальному, полностью с ним несовместное по понятиям, но не имеющее для нас собственных терминов, характеризующих себя из себя, то, используя для этого термины материального, объяснить нематериальное нам никогда не удастся. Эти попытки обречены на провал. Ибо мы терминами противоположного пытаемся описать нечто полностью противоположное этим же терминам, которые применяем. С таким же успехом можно описывать свойства вина, используя при этом только термины, характеризующие свойства чугуна. Но других методов у нас нет, и переходя к дальнейшим рассуждениям, будем считать, что мы извинились за их некоторую натянутость.

А дальше мы переходим к самому главному, к чему собственно и готовили себя всем предыдущим разговором. Именно здесь материальными категориями мы будем характеризовать нематериальное. А пока остановимся еще на одном материальном термине, который мы применили для выражения свойств нематериального. Цикличность. Для материи цикличность

естественна. Раз она из чего-то состоит, то вполне может разлагаться на эти примитивные составные части и снова собираться в новые формы. Уничтожаться и воссоздаваться. Признавая, что нематериальное состоит из ничего, (вот наглядный пример использования характеристик природы материального для объяснения нематериального - "состоит из ничего", но, вспомним о принципе дополненности, и продолжим), мы, говоря о цикличности материального проявления жизни, неизбежно задаем себе вопрос - а как при этом все происходит с нашим сознанием, с нашим именно индивидуальным сознанием? Если мы признаем его вечность, то мы должны говорить о его непрерывном проявлении. Только это нас устроило бы. Ибо то, что сознание неуничтожимо и неразложимо на составные части, поскольку их у него нет, конечно, вдохновляет, но в таком случае мы тоже должны ощущать лично себя в непрерывном состоянии! Если я вечен как мое сознание, то я должен помнить об этом не в назидательном аспекте, а в конкретном. Что говорит мне об этом моя память? Моя память, мое "я", таких данных не содержит. Следовательно, моя индивидуальность также проявляется циклично, в виде различных форм непрерывного сознания? В таком случае, это также равносильно смерти, поскольку следующая индивидуальность моего сознания будет уже не "я", и лично меня должно мало восхищать наличие в той индивидуальности даже самых прекрасных качеств, поскольку, спроси меня, чего я хочу, то я бы выбрал обратное - пусть я буду снова хуже, но пусть это буду я.

Не утешает и такой сомнительный довод, как то, что раз сознание мое, то это все равно буду именно я рождаться в других индивидуальностях. Это все равно буду не я. Если я не помню себя в прошлом, то какая разница для меня жил я, или не жил до своего рождения? И какая разница для меня - буду я жить в будущем, или не буду, если осознавать эту жизнь будет другая индивидуальность, то есть, опять же, не я?

Если вся логика моих рассуждений требует непрерывности моей индивидуальности, то, я, как минимум, должен предположить, что после смерти есть опять жизнь, а, как максимум, разобраться - что такое моя индивидуальность и что она такое, за что я так цепляюсь? Мы начнем с задачи минимум.

Кое-кого может удивить, что разборки с самим собой мы оставляем в качестве главной задачи, а такой важный вопрос, как жизнь после смерти, считаем моментом проходным. А чему удивляться? Так оно и есть. Жизнь после смерти уже экспериментально доказана, это не сенсация и нам остается только привести короткие сведения об этом величайшем в истории человечества научном открытии.

Как всегда ученые нашли там, где не искали. Они пытались найти способы продлить жизнь до смерти, а нашли жизнь после смерти. Вот как это произошло.

С 50-х годов XX века началось бурное развитие реанимационной техники. Людей, внезапно падающих замертво или попадающих в смертельно опасные несчастные случаи, медики стали вытаскивать буквально "оттуда". Раньше такого не было. Упал человек, лежит, не дышит, приехали врачи, пульса не нашли, зафиксировали смерть и уехали. Или попал водитель в авткатастрофу, привезли его в больницу, отмыли раны, описали их характер и расположение,

пульса не нашли, выдали справки автоинспекции и родственникам, а там уже и косметолог при морге инструмент раскладывает.

А теперь умереть стало не легче, чем жить. По крайней мере, в тех странах, где хватает средств на реанимационную медтехнику, а врачи руководствуются не только методикой ее применения, но и всем нравственным опытом своей жизни. Стало набираться все больше и больше таких пациентов, которых медицина раньше вообще не знала, как категорию. Это были люди, которые умерли, согласно показаниям всех приборов и своему собственному состоянию, но ожили. Врачи даже придумали эквивалент такому состоянию, при котором человек поумирал-поумирал немножко, а потом снова стал жить, благодаря их усилиям. Это стало называться "клинической смертью". Само название тоже говорит нам о том, что смерть внезапно стала явлением не абсолютным, как это было на протяжении всей истории, а относительным. Таким, как внематочная беременность, которая - все равно беременность, но относительная. Как пожар, который всегда пожар, даже если это локальное возгорание. Все это разные формы одного и того же. "Беременность" еще не означает, что вообще родила, как и "пожар" еще не означает, что вообще сгорело. Так и смерть, если раньше считалась абсолютным концом, то появление понятия клинической смерти дает нам основания считать, что смерть теперь не означает вообще конца, или конец вообще.

Но вернемся к пациентам, пережившим клиническую смерть. Естественно, что они стали предметом всяческого изучения медицины, и дотошные врачи добросовестно записали не только то, что относилось чисто к клиническим явлениям, но и то, что им сопутствовало. А сопутствовали им личные переживания и ощущения воскресших, на основе которых выявилось, что от 25 до 28% всех реанимированных имели абсолютно четкие и определенные воспоминания о пережитом посмертном опыте. То есть - жили после смерти. Первые такие сообщения полностью перевернули массовое представление о смерти на Западе. Приведем только два из них.

Рини Пэсароу, 17 лет, Англия. В результате легочного поражения сердце не билось 15 минут. После оживления рассказала, что она вышла из своего тела, видела прибывших пожарных, (в Англии пожарные совмещают в себе функции скорой помощи), хлопоты своей матери, переполох у соседей, поездку своего тела в клинику, затем яркий свет, ощущение любви и радости, своего дядюшку, умершего ранее, который встретил и проводил ее к некоей Личности, которая, несмотря на ее неудовольствие, мягко, но неукоснительно вернула ее назад в тело, объяснив это тем, что для Рини время еще не настало. Все ее показания, относящиеся к тому времени, когда ее тело лежало без признаков жизни, подтверждаются свидетельствами участников происшедшего. Рини была в тех местах и видела то, чего никак не могла видеть, находясь в безжизненном состоянии в реанимационной палате. Неоднократные утомительные сборы показаний и взаимное сведение информации различных участников этого события подтвердили полную правоту всех ее воспоминаний относительно того, что происходило вокруг ее тела.

Томми Клэком, 22 года, офицер армии США, Вьетнам. В Томми попала мина, ему оторвало руку и ногу, в госпитале его сочли умершим, но он чудом выжил после реанимационных

мероприятий, проведенных врачами более из чувства ответственности, чем из соображений надежды на благополучный исход. Во время посмертного состояния он видел 13 погибших парней своего взвода, назвал их всех поименно, не зная при этом списка потерь, поскольку был поражен практически первым и после этого со своей частью связи не имел. Видел свое искалеченное тело со стороны. Ощущал радость и покой, увидел яркий свет, убитые звали его с собой навсегда к этому свету, но что-то ему помешало, и он пришел в себя в госпитале, вернувшись в изуродованное тело.

Таких свидетельств было много, и все они были настолько похожи друг на друга, что просто невозможно было их приписать фантазиям каждого из свидетельствующих. Особое недоумение вызвал случай со слепой от рождения женщиной, которая, вернувшись оттуда, рассказала врачам, кто, где находился и кто что делал, впервые в жизни наблюдая зрительно, а не слухом мир, в котором жила до клинической смерти.

Все эти сообщения из разных госпиталей разных концов Земли заинтересовали врача-реаниматора Раймонда Моуди, который собрал их в одну книгу, вышедшую в 1975 году под названием "Жизнь после жизни". Он не просто собрал сведения, а по привычке ученого систематизировал их. Получились следующие этапы посмертного опыта:

- в какой-то момент у человека наступает предел физических страданий и боли; муки становятся невыносимыми,

- после этого наступает состояние, при котором теряется способность двигаться, говорить, или как-то по-другому проявлять себя, но сознание остается четким. Ощущения боли уходят. Отчетливо слышны разговоры врачей, сильно возмущает, например, то, что медики говорят о наступлении смерти, хочется вмешаться, ругаться, кричать, что еще жив.

- Возникает неприятный шум в ушах или жужжание и

- появляется ощущение движения с огромной скоростью через темный тоннель.

- Неожиданно человек обнаруживает себя вне своего физического тела, находится рядом с ним, как посторонний зритель,

- наступает состояние эмоционального шока от столь нестандартной ситуации

- и затем начинается период постепенного осваивания новой обстановки и

- период ознакомления с новым нематериальным телом, обнаружение того, что новое тело не может вступать в контакт с окружающим миром. Человек находится среди людей, видит их, пытается разговаривать, потрогать их, но его никто не слышит, не видит, никто его не только не ощущает, но все вообще проходят сквозь него.

- Появляются умершие родственники, друзья, человек ощущает в их намерениях доброжелательную помощь,

- возникает необыкновенно яркий свет, который, однако, не слепит. Часто этот свет воспринимается как Существо Мира Света. Это добрая и ласковая Личность, от Которой человек ощущает необычайно сильное состояние любви к себе.

- Наступает экзамен, во время которого перед человеком проходит зрительно картина всей его жизни, при чем ему предлагается оценить свою жизнь с морально-нравственной стороны.



- Возникает тонкое и волнующее ощущение приближения к рубежу между земной и последующей жизнью, переступив который, назад пути уже не будет,
- возникает также сознание того, что пора возвращаться.
- Нежелание возвращения, расставания с этим ощущением радости и любви.
- Воссоединение с физическим телом,
- бессилие речи передать свой опыт имеющимися в запасе словами,
- неверие и насмешки окружающих при попытках поделиться пережитым,
- прекращение рассказов,
- переосмысливание жизни и исчезновение страха перед смертью.

Кто заинтересуется подробностями этих этапов, тому надо прочитать саму книгу Раймонда Мууди. Там даны не только существенные подробности, но и ответы на все вопросы, которые могут задавать те, кому ни в какую не хочется признавать жизни после смерти. Книга написана научным методом изложения, это не беллетристика, а сплав научного подхода с ненаучными показаниями очевидцев. Таким же научным методом в ней доказана полная несостоятельность предположений скептиков о сговоре больных, физиологических особенностях состояния мозга в коме, влиянии религиозных стереотипов и т.д. Ну, а мы, даже не читая книги, а имея перед собой вышеприведенные кратко этапы посмертного перехода в другой мир, можем убедиться в том, что после смерти есть вполне определенная реальность, в которой наша связь с собой не прерывается. Из всех вышеперечисленных этапов мы коснемся лишь нескольких, которые представляются нам особенно важными в плане изложения нашей темы. Первое, что убеждает нас в том, что сознание выступает индивидуально как непрерывное, так это шум в ушах и жужжание перед переходом в другую реальность. Не удивляйтесь. Это самое ценное свидетельство, потому что оно лишено образов и понятий. Привидеться, действительно, может что угодно, и всему привиденному можно найти аналоги в работе мозга по созданию картин. Но шум в ушах - это уже на уровне ощущений, он не несет в себе никакой агитационной или информационной задачи. Его просто констатируют. В сравнении с теми невероятными событиями, которые произойдут дальше, и о которых надо будет вспомнить человеку, пережившему собственную смерть, такая мелочь могла бы и затеряться. Тем более, ее невозможно придумать. Придумать можно что-то, что находится в связи с общим замыслом фантазии, что можно развивать дальше во что-то, дополнительно раскрывающее какую-либо сторону создаваемой картины. Такое сухое упоминание о простом шуме в ушах говорит о том, что ничего не придумано, во-первых, и о наступлении момента перехода, при котором наши индивидуальные ощущения нас не покидают, оставаясь в форме шума и жужжания, во-вторых. Это самое главное. Этот звук говорит о непрерывности, о том, что когда нас уже нет на земле, но еще нет и на небе, мы сохраняем способность воспринимать и осознавать именно в *непрерывном* режиме. Поэтому такая незначительная мелочь, как шум в ушах, и запоминается. Потому что в этот момент, если убрать этот шум, то не останется ничего. Мы уже не можем ощущать этот мир, потому что из него ушли, но еще не можем ощущать иной мир, потому что еще в него не пришли. Что мы должны ощущать в этот момент, когда никого кроме нас самих для ощущений не осталось? Конечно же, только самих себя! Вот мы сами себя и ощущаем, поскольку *есть* наше "я", которое слышит шум в

своих ушах. Если бы в момент перехода между мирами была пустота ощущений, то мы всегда могли бы сомневаться в непрерывности своего "я". Теперь сомнений не осталось.

А вот и тот последний кол, который мы вонзим в сердце наших сомнений: существует и существовало немало людей, которые могут выходить из своего тела и летать там, где им вздумается, собирая достоверную информацию о тех местах, где в данный момент их тело никак не может находиться. Эти люди охотно рассказывали и рассказывают, как это происходит, ими написаны целые книги, в которых подробно излагаются методики выхода из тела и те ощущения, которые ждут учеников на разных этапах выхода. Наука подтвердила реальность выхода из тела, экспериментально его доказала, и дала название ОВТ (Опыт Вне Тела). Наука продолжает изучать это знаменательное явление и сейчас. Внимание! - нигде и никогда ни один из специалистов по ОВТ не упоминал о шуме в ушах! Потому что все происходит в этом мире и полнота ощущений на всех этапах сохраняется как полнота данного бытия. ОВТ и опыт после смерти, таким образом, два совершенно разных явления, имеющих просто одну похожую природу, а именно - независимость сознания личности от его тела.

И второе размышление об одном из этапов. Мозг во время клинической смерти не работает. Самые чувствительные приборы следят за малейшим проявлением его деятельности и не находят. На осциллографе наблюдается только та самая ровная полоса, наличие которой у давно подготовленного телезрителя вызывает абсолютно правильное предположение, что данного персонажа он в своем сериале видел этим вечером в последний раз. Мозг мертв. Он - просто сгусток студенистого вещества, погруженного в черепную коробку. А в это время человек видит, чувствует, помнит себя, своих близких, всю свою жизнь, думает, исследует свое новое тело, пытается что-то сказать убитым горем родственникам, сердится, удивляется, радуется, стремится, надеется, разочаровывается, делает выводы и принимает решения. Вопрос: когда мы говорим о своем сознании и о своей памяти, то при чем здесь вообще мозг?

Правда, иногда с бараньим упорством некоторые медики утверждают, что раз мозг, в конце концов, ожил, то он и не был мертв, а, следовательно, все эти видения - продукт больного мозга. Чтобы у них все органы были всегда так живы, как жив в этот момент мозг человека, находящегося в клинической смерти! Сердце не поставляет мозгу крови и кислорода, лимфоузлы простаивают, нервная система в коме, ощущения мира не воспринимаются, и это называется жизнью! И в этом состоянии мозгу приписываются способности мифотворчества, причем каждому из мозгов каждого отдельного человека - одного и того же совершенно одинакового мифотворчества! Хотя и мертвым, действительно, такой мозг не назовешь. Но и живым тоже. В биологии даже появился некий термин для такого состояния тканей, при котором они уже не живы, но еще и не мертвы, сохраняя способность к оживлению. Он называется "гота". Слово выбрано для узкоспециального применения, потому что оно ничего собой не выражает! Не имеет смысла! Именно такое слово искали биологи, чтобы охарактеризовать такое состояние мозга! Само слово не должно было иметь смысла, поскольку в данный момент мозг в качестве живого органа также не имеет смысла! Слово придумали, как ничего не выражающее своим смыслом и ничего не поясняющее. Само слово существует, но оно даже и не слово, а обозначение некоего специально задуманного "неслова", которое при определенных трансформациях и изменениях

может стать словом. По аналогии с мозгом в коме. Будем снисходительны. Пусть все органы этих людей, утверждающих, что мозг в состоянии "готы" может что-то создавать, живут полной жизнью. Кроме половых. Чтобы они не размножались.

Третье размышление. Бессилие речи передать свой опыт. Люди рассказывают, но с постоянной оговоркой, что слова абсолютно бессильны передать то, что они видели и чувствовали. Мы уже говорили об этих оковах материальных категорий при попытке объяснять нематериальное. Вот и подтверждение людей, принимавших нематериальный образ. Разве можно было придумать что-то такое, чего нельзя было бы потом выразить словами? К чему были бы тогда все эти мучительные оговорки? Слова - это выражение наших понятий. Только из наших понятий мы можем складывать любой рассказ, даже придуманный. Если нет слов, значит и нет таких понятий. Значит, человек столкнулся с тем, с чем никогда не сталкивался, о чем у него нет понятий. А с чем он никогда не сталкивался в материальном мире? С нематериальным. Только там могут лежать понятия, которых здесь нет. Если человеку что-либо приснится, то его рассказ изобилует всякими примечаниями, вроде, "а потом, вдруг, почему-то". Здесь никаких "вдруг" и никаких "почему-то", говорящих о логической бессвязности сюжета или интерференции событий, нет. Все абсолютно явственно и реально, только слов передать нет. А самый бессвязный сон, наоборот, всегда спасают имеющиеся в запасе слова.

И последнее размышление. Имея такой фактический материал, уже нельзя больше говорить о том, что свидетельств загробной жизни нет. Даже если тысяча дальтоники будут утверждать, что все три цвета светофора одинаковы, один человек с нормальным цветоощущением обладает в этом споре абсолютным большинством в один голос. А в данной книге 150 свидетельств таких же, как и мы людей, без всяких физиологических экстраспособностей. Они видели то, что видели, и рассказали об этом.

И, чтобы покончить с размышлениями, скажем, что после этой книги Р. Моуди получил еще сотни писем с подобными случаями, что дало ему возможность написать следующую книгу, которую он так и назвал, "Размышления о жизни после смерти". Как видим по названию самой книги, Моуди здесь отступил от строго научного изложения, и предался "размышлениям", но останавливаться подробнее на этой книге мы не будем, потому что ничего нового относительно своей первой книги он не выдал, кроме этих своих размышлений. Нас пока интересуют только голые факты.

Итак, количество свидетельствующих увеличилось, и это укрепляет само содержание свидетельств. Но в последующем появились и новые данные о посмертном опыте, которые получили доктора Э.Каблер-Росс и Дж.Риччи. Они пошли тем же путем, что и Моуди, но для исследования они отобрали только случаи с необычайной продолжительностью клинической смерти - до 15 минут. Справедливо полагая, что чем больше времени провел человек по ту сторону жизни, тем больше он мог успеть увидеть, они выяснили еще кое-что дополнительно к прежним данным:

- многие из испытуемых говорят о том, что, находясь в той реальности, получали полное знание о прошлом и будущем, однако после возвращения назад эти знания теряются, хотя память о том, что они ими обладали, остается;

- помимо Личности Света они наблюдали Город Света, некое поселение в том мире, где живут умершие;

- в этих опытах упоминается о неких зонах, где находятся "потерянные духи", вид у которых несчастный и подавленный. Эти духи видимы, но контакты с ними невозможны в том свободном виде, в каком они легко возможны с другими светлыми духами;

- эти люди полностью отрицают идею воздаяния за земные грехи, никто никого там ни за что наказывать не собирается, но ощущение *собственной вины* за ошибки прошедшей жизни мучает весьма и весьма сильно;

- опыт самоубийц крайне тяжелый, картины пережитого ими вполне напоминают картины христианского и мусульманского адов. Единственное, за что там ждет суровое наказание - за самоубийство. Реанимированные самоубийцы никогда больше не желают таким образом покинуть этот мир.

- Врачи, получившие опыт клинической смерти на собственном примере и критически подходившие к нему до этого, признают все абсолютно реальным.

В любом случае эти новые данные, как и прежние, не являются журналистскими очерками из командировки. Они бывают отрывочными и фрагментарными, и не все люди вообще способны находить слова, даже приблизительно подходящие для того, чтобы передать свои ощущения. Поэтому о том, что на самом деле стоит за этими картинами, мы узнаем только каждый в свое время, но, по крайней мере, фасад того мира вырисовался для нас вполне определенно. А нам, помимо всех остальных занимательных новшеств, которые дали нам исследования Каблер-Росс и Риччи, стоит запомнить первое из них, указывающее на то, что существует некий механизм блокировки переноса знаний оттуда сюда. Это нам в будущем пригодится.

Но ученые не были бы учеными, если бы не провели опыт до конца. Поскольку с того конца они орудовать не могут, они взялись с этого, и решили исследовать предсмертные состояния больных, пораженных смертельными болезнями. Все ранее описанные случаи происходили с людьми внезапно, молниеносно. Большинство из них за минуту до клинической смерти вообще о смерти и не вспоминали. Организм как бы выключался, выдергивался из розетки во время несчастных случаев и катастроф. А вот доктор К. Озиз и доктор Э. Харальдссон решили проверить, что происходит с неизлечимо больными, которые угасают постепенно, по миллиметру приближаясь к смерти. В этом случае, предполагали они, когда переход не столь резок, возможно, удастся обнаружить присутствие посмертной жизни в момент смерти или непосредственно перед ней. Так и получилось. Четыре года эти люди наблюдали в США и Индии 50 000(!) неизлечимо больных людей и присутствовали при наступлении их смерти. Вот их выводы:

- непосредственно перед смертью жуткие страдания людей от ожогов, незаживающих ран, опухолей и прочего, сопутствующего обреченным, сменяются спокойствием и каким-то умиротворением. Боль уходит и наступает нечто вроде блаженного состояния не только из-за того, что мучения физического тела оставили пациента, а еще из-за уверенного ожидания чего-то прекрасного и величественного. На глазах исследователей десятилетний мальчик, умирающий

от рака, вышел из забытья, сел, нашел глазами мать, счастливо улыбнулся, и с выражением экстаза в голосе сказал: "Как прекрасно, мама!", после чего упал на кровать и умер.

- где-то за 5 минут до наступления смерти лицо умирающего принимает радостное выражение, кожа светлеет, становится моложе, на лице явные признаки переживания какого-то счастливого момента,

- разговорах людей, находящихся на пороге смерти, постоянно присутствуют мимолетные видения давно умерших людей, пейзажи неземной красоты. Две трети всех умерших (66%!) говорили о том, что их зовут, манят или даже приказывают идти к ним ранее умершие родственники и знакомые,

- люди с проблемами мозга или психики, те, которых мы называем дегенератами или сумасшедшими, перед смертью становятся поразительно разумными, (тот же самый эффект Э.Каблер-Росс наблюдала у шизофреников).

- Слепые пред смертью часто начинают видеть, (этому есть подтверждение в истории жизни И.С.Баха, который почти потерял зрение к концу жизни, но утром своего последнего дня видел все необыкновенно ярко, четко, и в каком-то розоватом цвете).

- Из всех умирающих только один видел картины ада.

Совпадение деталей свидетельств всегда должно убеждать в достоверности самих свидетельств. Самое же главное заключается в том, что всем свидетельствующим негде было взять из повседневной жизни саму схему, как самих свидетельств, так и деталей повествования. Человек не может галлюцинировать в образах, которых он не знал до галлюцинации. Любое содержание галлюцинации подготавливается наличием определенной образной информации в человеческой памяти, которая потом и создает ложную картину. Человечество до вышеописанных свидетельств не знало ни таких образов, ни таких вариантов загробного мира. Взять было неоткуда. Фантазии тут не помогли бы, потому что фантазии это тоже - мозаика уже известных образов в фантастических сплетениях.

Все религиозные картины посмертной жизни, навязываемые церковными представлениями и догматами, к удивлению верующих, абсолютно не подтвердились. Воспитанные с детства на ожидании тех вариантов загробного существования, которые предлагают традиционные религии люди, видели совершенно другое, если не сказать обратное. Ни одна из религиозных концепций не отразилась в фактических деталях повествования, хотя многие выводы Церкви, в большей степени христианской, относящиеся к духовным аспектам потустороннего мира, находят подтверждение.

Кроме религиозных догматов не могли бы оказать никакого влияния на этих людей и другие свидетельства древности и не очень древности. Например, слова Святого Павла о том, что "мертвые воскреснут, а мы изменимся" (1 Коринфянам, 15:35) и восстанет тело духовное, выражают достоверную суть, но не дают никакого фактического материала для создания какой-то конкретной и образной картины.

Еще Платон описал случай с солдатом Эром, которого после тяжелых ранений сочли мертвым, но перед погребением он пришел в себя. Этот древнегреческий солдат рассказал, что его душа отделялась от тела, (он видел себя со стороны), и его жизнь подлежала некоему суду,

который свершился, и ему предписано было вернуться на землю. Однако при нашем чванливом отношении к умственным способностям людей древних времен, вряд ли кто всерьез принимал историю Эра, и вряд ли кто вообще читал Платона, особенно в этой его части.

Есть еще сведения, которые изложил в своих записках западноевропейский пророк христианства Э. Сведенборг. Сведенборг жил в XVII-XVIII вв. и утверждал, что находится в прямом контакте не то с Иисусом Христом, не то с ангелами, не то Бог еще знает с кем, и его описание загробной жизни удивительно сходится в своих деталях со свидетельствами людей, переживших клиническую смерть. Однако отношение к умственному здоровью этого человека всегда было неоднозначным и остается неоднозначным сейчас. У него, например, жители Юпитера ходят кто на руках, а кто на ногах, а жители Марса говорят глазами. Жители же Луны по Сведенборгу перецеголяли жителей Марса в этом занятии - они говорят животом. При такой саморекламе жители Земли не могли бы закрепить в себе высказывания Сведенборга как истинные или близкие к этому. Ну и, опять же, никто Сведенборга не читает, да и не читал никогда особо. Достаточно взяться за это чтение, чтобы понять насколько оно сложно и насколько требует богословской подготовки. Сведенборга мы тоже исключим из списка возможных невольных виновников формирования шаблонных образов посмертной жизни.

Остается последнее и самое обширное в нашем распоряжении свидетельство загробного мира, которое было изложено в "Тибетской книге мертвых" Чигай Бардо. Текст этой книги ламы должны были читать умершему буквально на ухо день за днем, помогая ушедшему ориентироваться в событиях, которые с ним в это время происходят в загробном мире. Содержание этой книги также соответствует тому, что изложил Моуди и другие врачи, но читать Чигай Бардо еще более тяжелый случай, чем читать Сведенборга. Она изложена настолько специфическим для тех (тибетских) мест языком, что Чигай Бардо с полным основанием можно считать не "тибетской книгой мертвых", а "книгой мертвых тибетцев". Приведем только одну цитату: "О благороднорожденный, слушай внимательно! На Второй День белым светом засияет прообраз воды, и из темно-синей Восточной Области появится Бхагаван Акшобья в облике Ваджра-Сваты; цвет его - голубой, в руке дордже с пятью зубцами, он восседает на троне слона в объятиях Матери Мамаки, сопровождают его Бодхисатвы - Кшитигарба и Майтрея и жены-Бодхисатвы - Ласема и Пушпема. Шесть божеств Бодхи появятся перед тобой". Попробуй, разберись с лёту, что этим хотели сказать авторы книги! Вряд ли и этот текст мог стать основой формирования готовых образов посмертного существования. По крайней мере, если бы это было так, то реанимированные рассказчики нас просто закидали бы всякими своими Матерями Мамаками, Пушпемами, дордже с пятью зубцами и прочим. В этом случае мы вообще никогда не узнали бы от них, что за порогом смерти что-то есть, поскольку их из реанимационных отделений сразу же отправляли бы в закрытые психиатрические.

Для того, чтобы в темноте шланг, лежащий на земле, принять за змею, необходимо предварительно иметь само понятие о змее. Еще Джеймс Кук удивлялся, что на аборигенов островов никакого впечатления не производят огромные парусники, а маленькая лодка, отделившаяся от них, вызывает всегда жгучую заинтересованность и слюноотделение. Дикари островов и представить себе не могли, что парусник - это не природное явление, а некая

большая лодка, на которой есть люди, потому что у них даже понятия такого не было - корабль. А на лодках они и сами пересекали по прибрежной зоне и могли предполагать, что кто-то также может это сделать. Не высадившись Кук на острове, про корабль со временем забыли бы, как про одну из больших странных туч. При этом важно то, что сами островитяне никогда не могли бы сложить легенды о большой лодке с белыми простынями, которая перевозит на себе много разговаривающей на незнакомом языке пищи. Точно также не могли выдумывать картины посмертной реальности и реанимированные пациенты, поскольку никаких предварительных понятий о том, что происходит после смерти, вернувшиеся оттуда люди, не имели.

В данном случае первые 150 свидетельств Моуди получают в наших глазах приоритет истины потому, что они были выданы с нуля. После книги Моуди остальные показания еще можно считать наваянными ее содержанием, но от девственности самого первоисточника уйти не удастся, и их следует признать действительным опытом, а не фантазиями.

Отсюда мы и пойдем дальше, насколько это будет возможно, поскольку все свидетельства дают информацию лишь о том, что происходило на стадии до переступания того самого порога между земной и загробной жизнью, откуда пути назад нет. Здесь возникает естественный по тревожности вопрос - а есть ли что-нибудь за этим порогом? Может быть, там и будет настоящая смерть, которая уничтожит все?

Не похоже, потому что есть масса данных, научных и ненаучных, о существовании загробного мира. Первое, о чем следует здесь упомянуть - это официальная статистика опросов, которая говорит о том, что 65% вдов видят наяву призраки своих умерших мужей, а 75% родителей испытывают тот или иной опыт взаимодействия с умершими детьми. Такой большой процент показаний не может отбрасываться просто так, хотя и не имеет доказательной базы.

Но как быть с тем, что в Древней Греции, например, оракулы мертвых просто и незатейливо организовывали живым свидания с духами умерших, и если это было шарлатанством, то ему не продержаться бы на таком длительном и официальном уровне долго. Люди попросту не стали бы тратить время на длинные и утомительные процедуры в подземных помещениях этих оракулов, если бы не получали удовлетворяющего по реальности результата.

Еще по одной статистике 25% американцев и 30% европейцев признают, что, по меньшей мере, однажды, видели духов, слышали их и даже ощущали их запах. Данная статистика исключала вдов и родителей, как имеющих особой тесный душевный контакт при жизни с умершими, поэтому, если прибавить эти данные к предыдущим, включающим вдов и родителей, то получится, что около 80% людей имеют контакт с загробным миром. Число 80 говорит само за себя гораздо красноречивее, чем все соответствующие выводы социологов по данным этих опросов.

В 1894 году Генри Сиджвик, член Общества Психических Исследований в Англии, задал 17 000 опрашиваемых вопрос касательно того, имели они или нет соприкосновение с личностями, которые уже умерли. Утвердительный ответ был получен в 2000 случаях. После отбрасывания случаев очевидного бреда или наличия сна при контактах, осталось 1684 случая, что составляет 10%. Тот, кто знаком с методами социологии, подтвердит, что если бы вместо

семнадцать тысяч опросить семнадцать миллионов, то вероятность положительного ответа может много превзойти десять процентов.

Есть и документально подтвержденные свидетельства о появлении мертвецов в местах своего прежнего обитания. Их много. Приведем только один - умершего капитана Таунса через два с лишним месяца после его кончины, в 1875 году видела вся семья и вся домашняя челядь. Всего 8 человек, причем началось со служанки, которая позвала хозяйку, затем вызывали всех по очереди и все столбенели от открывающейся картины - капитан стоял у своего секретера и смотрел на них. Затем он растворился и исчез. Повторяем - таких случаев очень много, можно создать целую библиотеку, основанную на этих сообщениях.

Кроме всех этих случаев, очень интересен и полезен для нас факт звукозаписи голосов умерших. История этих звукозаписей началась совсем недавно. Первый такой случай произошел в 1959 году, когда Фридрих Юргенсон, художник и оперный певец, записывал пение птиц в лесу близ Мелндаль в Швеции. При прослушивании уже дома записанных трелей в фонограмму записи вклинился мужской голос, который говорил почему-то по-норвежски и сопровождал запись птиц информацией об этих птицах. Ошеломленный Юргенсон следом за этим басовитым комментатором услышал голос своей умершей матери, которая призывала его к осторожности, потому что за ним "наблюдают".

В 1967 году Юргенсона посетил некто Карл Раундив, который овладел методом звукозаписи Юргенсона и после этого сам записал множество голосов. На него напустились с намерением уличить в жульничестве электронщики, но их тесты показали, что все без обмана, никакой подтасовки.

После того, как Раундив умер, в 1972 году его дело продолжил священник Б. Дуге из Джорджии. Помимо повторения успехов Раундива, он имел контакт и с самим умершим Раундивом, который поощрял его деятельность и говорил, что есть определенная категория духов, которые желают иметь контакт с живыми.

В настоящее время этим продолжают заниматься братья Д. и М. Ламоро из Вашингтона. Все их записи неоднократно проверялись в самых серьезных лабораториях, и нигде не было обнаружено случаев фальшивки. Братья систематизировали полученную информацию, и пришли к некоторым выводам:

- Самые сложные с точки зрения технической оснащенности электронные и радио-тесты говорят о том, что запись производится действительно, но только в присутствии кого-либо из людей. В отсутствии же людей духи не разговаривают. (А что здесь удивительного - кто из нас стал бы разговаривать с тем, кого в комнате нет? Что еще хотели доказать этими опытами, интересно, кроме того, что духи не совсем идиоты и видят - есть перед ними собеседник или нет?). - Духи часто говорят на языках, которых братья Ламоро не знают, для чего им постоянно приходится прибегать к помощи переводчиков.

- Факты, которые сообщают духи о событиях прошедших и нынешних, оставшихся вне ведения братьев, постоянно подтверждаются. Духи сообщают то, чего до этого и в головах у операторов не было.



- При анализе частот звуков голосов умерших обнаружилось, что они формируют звуки из присутствующих вокруг аппаратуры отдельных шумовых частот. Им гораздо легче комбинировать окружающие шумы земной жизни в упорядоченную речь, чем преодолевать собственными "голосами" границу миров.

Самое ценное из их сообщений содержится в описании 8 уровней жизни после смерти, которые подразделяются самими умершими на высшие и низшие. Но связь между этими уровнями настолько сложная и нелогическая, что нет никакой возможности ее здесь кратко излагать. Кроме того, все уровни имеют свое название, и лингвисты даже находят в этих названиях корни древних земных языков.

Помимо звукозаписей есть еще и фотосвидетельства загробной жизни. Первое из них появилось в 1936 году в Лондоне, когда фотографы К. Провэнда и Ч. Ширу снимали интерьер старинного дома для одного из журналов. На фотографии лестницы неожиданно проявилась полупрозрачная фигура женщины. Специалисты утверждают, что фото не обман, а в женщине опознана умершая хозяйка этого дома.

После этого Т. Сериез из Колорадо, который называет себя фотографом-медиумом, сделал сотни снимков своих умерших родственников и просто умерших людей.

Отец и сыновья Вейе, живущие в Австралии, на простом "Поляроиде" с черно-белой пленкой делают на заказ фото любого умершего. Они просто сосредотачиваются на мыслях об этом человеке, и, не имея ни малейшего представления о его внешности, нажимают затвор. И под скрежет "Поляроида" немедленно выходит покойный собственной персоной. В настоящее время ведутся усиленные исследования этих явлений, но единственное, что можно сказать на сегодняшний день - фотографии не подделка. Остальные результаты исследований еще не опубликованы, поэтому мы ничего не можем добавить своему уму относительно характера самих изображений.

Зато мы могли стать свидетелями фиксирования призраков на киноленту, и вот тут характер изображения нам вполне доступен для рассмотрения. На кадрах, облетевших весь мир, в первом случае за группой музыкантов, снимающих клип на развалинах старинных мраморных построек в заброшенном месте, прошел мужчина в темном костюме, шляпе, с белыми манжетами, выглядывающими из рукавов. Ни оператор, ни съемочная группа, ни сами артисты во время съемок мужчину не видели, самих съемок из-за каких-либо помех не останавливали, а место было абсолютно безлюдным. Во втором случае, во время съемок одного из эпизодов фильма, камера сняла стоящего и внимательно за всем наблюдающего мальчика, который видел всех, стоя посреди актеров, но его не видел никто, пока пленку не проявили. Тот, кто видел эти кадры, никогда не забудет этого мальчика, в любопытстве которого была какая-то зрелость и отрешенность. В его глазах вся живая глубина живой смерти.

В качестве свидетельствующего нельзя не назвать и такое явление как спиритизм, то есть, прямое вызывание духов через посредников-медиумов. Спиритизм возник внезапно и одновременно в Европе и в Америке. В настоящее время интерес к нему угас из-за той зачастую инфантильной информации, которую сообщают нам духи. Но Аллан Кардек, посвятивший всю свою жизнь этому явлению, сумел в свое время в своей "Книге духов" изложить целостную

концепцию спиритизма о загробной жизни, которая состоит в том, что посмертный, духовный мир, есть мир истинный, изначальный, вечный, всему предсуществующий и все переживающий. Существа материальные составляют мир видимый, телесный, а существа нематериальные составляют мир невидимый. Мир телесный вторичен, он мог бы перестать существовать или не существовать никогда, и это не затронуло бы сущности мира духовного.

Это, в общем-то, сжатое зерно того, что он тщательно излагает в своей книге, а кто хочет подробностей, может с ней ознакомиться сам. Уверенность своим выводам Кардек получает от того утверждения, что высокие духи избрали его для того, чтобы передать человечеству необходимую информацию. Отсюда, по-видимому, исходит та логическая стройность и внутренняя сила того, что Кардек излагает. В остальных случаях спиритических сеансов, не связанных с присутствием Кардека, духи несут нелепицу и околесицу из-за того, что на связь с людьми выходят в основном духи низшего порядка, еще не ставшие по настоящему знающими духами. Высоким духам контакт с людьми не интересен так же, как контакт людей с медузами или улитками. Слишком велика разница в уровнях знаний, и, самое главное, в языке людей нет тех слов, которыми можно было бы выразить то, что высокий дух мог бы передать, говорит Кардек. Этому мы можем поверить.

Сведения, поданные Кардеком, очень интересны и находятся на уровне религиозного откровения, тем более, что духи постоянно отсылают нас к изречениям Иисуса Христа, утверждая, что в них есть ответы на все наши вопросы. Если признать, что Кардек был действительно избран, то это очень сильное свидетельство загробного существования, и очень подробное. Оно ни в чем не противоречит ни тибетской книге, ни показаниям реанимированных пациентов. А вот насчет избранности Кардека можно сказать следующее, - на острове Лусон, на Филиппинах, находится колония хилеров, которые, как мы знаем, проводят бескровные полостные операции, прикасаясь или даже не прикасаясь к телу пациентов пальцами. В мошенничестве хилеров еще никто не смог уличить, а люди уходят от них полностью излечившимися. Есть много версий того, откуда у хилеров такая сила, мы же коснемся не версий, а источника хилерства. В 1857 году на острове Лусон был основан Христианский Спиритический Союз Филиппин. Союз действует до сих пор, и все хилеры являются его членами! Обучение хилерству проходит именно в этом союзе. Основной метод преподавания - чтение Библии, в основном 120-го псалма, беседы(!), и молитва Иисусу Христу. Основал этот Союз французский колонист Леон Денизар Ипполит Ривили, литературным псевдонимом которого было имя "Аллан Кардек". Вот и судите сами - избран был Кардек, или не избран.

Кстати, информация, получаемая другими медиумами-спиритами, далеко не всегда так бесполезна. Известен, например, случай с медиумом Хелен Дункан, которая в 1941 году на сеансе связи с умершими поведала о погибшем матросе с корабля "К.Е.В. Бархэм". Матрос утверждал, что крейсер был торпедирован неделю назад, и они все погибли. Данное происшествие действительно произошло, но это было строжайшим секретом английского военного министерства, так как атака на крейсер была произведена противником ночью в шторм, и немцы о ее результатах ничего не знали. Чтобы не радовать врага и, чтобы запутать его в расстановке своих боевых кораблей, английские адмиралы никому не сообщали о гибели боевой

единицы. Поэтому спецслужбы и взяли Дункан прямо во время следующего сеанса. Тщательное расследование показало, что ни она, ни присутствующие на ее сеансе не могли ничего знать ни о гибели корабля, ни о районе выполнения им боевых задач. Умерла Дункан там же в тюрьме от ожогов. Когда ее арестовывали, то прервали сеанс, и образующаяся при этом сеансе эктоплазма буквально сожгла все ее ткани.

А жизнь не стоит на месте, и в настоящее время появилось новое, сенсационное подтверждение загробной жизни. Оно в третьей книге Раймонда Моуди, которую он назвал "Все о встречах после смерти". Первую книгу он писал как ученый, проявляя холодную заинтересованность в истине, и, ничем не выдавая своей личной позиции. Во второй книге он предстал как мыслитель, который судит беспристрастно, но за его суждениями явно проглядывается трепетный восторг. А вот в третьей книге он сделал шаг назад, и решил все изложить опять с позиций ученого. Но этот прием в данной книге не сработал, так как в первых двух своих трудах он описывал факты, происшедшие с другими людьми, а в этой книге все произошло непосредственно при его участии и, прежде всего, с ним самим. В ней он описывает то, как научился встречаться с умершими сначала сам, а потом стал помогать в этом другим людям. Изложение таких событий всегда лежит между жанрами. И поэтому предположительный по манере способ изложения фактов вызывает ощущение натужного процесса обряжения художественного произведения в научный жанр. Но, похоже, Моуди здесь можно извинить. Он не может не знать истории, приключившейся с Э. Каблер-Росс, также отдавшей всю свою свободную энергию изучению посмертного опыта людей вместе со своим коллегой-врачом Дж. Риччи. Суть истории в том, что к Элизабет Каблер-Росс после длительной работы над вопросами посмертного опыта стали приходиться ее бывшие пациенты, умершие недавно. Эти пациенты приходят к ней как на прием, но без записи - когда им вздумается и где им вздумается. При своем появлении пациенты с Элизабет мило беседуют и выражают ей поддержку и признательность за то, что она делает. Одну из таких встреч даже наблюдал своими глазами ее коллега. В итоге все это плохо повлияло на ее репутацию. Она так свободно и легко говорит об этих визитах, что ее все сочли не в себе. В медицинских кругах ее открыто называют сумасшедшей. Для того чтобы и с ним не произошло аналогичных неприятностей, Моуди, очевидно, и выдерживает ритуальную для ученого мира форму изложения фактов. Но обратимся от литературной стороны книги к ее фактологической.

Поистине этот человек отмечен печатью Божьей! Все началось с того, что в букинистической лавке ему на ногу случайно упала с полки книга, которая называлась "Смотрение в зеркало". Совершенно машинально Моуди начал ее перелистывать и ... заразился! Он стал собирать и обобщать все известные с древнейших времен методики вызывания умерших с помощью зеркала, систематизировал их и развил. В итоге он создал свою собственную методику. Она довольно проста на первый взгляд, но требует особой тщательной подготовки, которая занимает несколько дней и в которой, пожалуй, кроется основная доля успеха. Испытав ее на себе, Моуди сначала встретился со своей бабушкой и пообщался с ней, а затем организовал центр по встрече с умершими для всех желающих, которых оказалось немало. По результатам первых опытов работы центра он и написал книгу. Пересказывать книгу мы не

будем. Изложим основные данные о результатах встреч после смерти с помощью смотрения в зеркало.

Прежде всего, Моуди строго подошел к критерию отбора посетителей центра. Основными характеристиками, дающими допуск на попытку встретиться с умершими были следующие: 1. Это должны быть совершеннолетние, зрелые люди; 2. Они должны быть эмоционально устойчивы и педантичны по характеру; 3. Ни у одного из них не должно быть никаких умственных расстройств или склонностей к последним; 4. Все они должны отрицать оккультные науки и не испытывать никакой тяги к ним. То есть, они должны были не верить в то, что им предлагалось испытать. Это говорит о честности Моуди. В первую партию попали адвокаты, психологи, медработники, студенты, люди других ответственных и конкретных профессий. Всем им удалось встретиться с умершими и вот что удалось обобщить по их пересказам:

все, прошедшие процедуру, утверждали, что видели абсолютно реальную личность, что это был не сон, не бред, не галлюцинация, и у всех было ощущение полного осмысленного контакта с умершим родственником;

все умершие выглядели довольными. Говорили, что им здесь хорошо, что они счастливы, что все у них прекрасно и чудесно;

умерших родственников видели в разном возрасте, часто в том, в котором никогда не видели раньше. То старше того возраста, в котором наступила смерть, то младше. Потом находили подтверждение тому, например, что разговаривали с бабушкой или прабабушкой по фотографиям, сделанным в их юные годы, специально разысканным впоследствии в семейных альбомах;

очень часто приходили совершенно не те умершие, к встрече с которыми готовились и кого непосредственно вызывали. Совершенно неожиданно появлялись племянники, дедушки, сестры и т.д. Всего таких случаев было 25% от общего количества. Один раз пришел даже бывший деловой партнер, о котором никто даже и не вспоминал.

Выяснилось, что умершие владеют знаниями о нашей частной жизни, которыми не владеем сами мы. Они открывают семейные тайны, которые потом подтверждаются или сообщают о болезни невесты, которая та скрывала от жениха, (сахарный диабет в одном случае);

появление умерших вызывает полное ощущение наличия у них самого обычного тела, только несколько подсвеченного(!) изнутри;

по результатам встречи все участники, (живые), испытывали покой, умиротворение, счастье и светлое облегчение;

умершие запрещали прикасаться к себе, но сами, если хотели, делали это легко, (13% всех контактирующих);

25% встреч с умершими произошли не во время сеанса, а в течение суток после того, как смотрение в зеркало оканчивалось безрезультатно. Это происходило в гостиничном номере или даже уже дома;

умершие выглядят не в точности так, как перед смертью. Они вполне узнаваемы, но что-то неуловимое в них не так, что очень часто затрудняет их быстрое узнавание;

умерших интересует жизнь живых, они передают весточки другим родственникам, пытаются участвовать в семейных конфликтах;

27% всех контактов были только слуховыми, но вполне реальными. Умерших видно не было, но сомнений в том, что говорил он именно с этим человеком, ни у кого не возникало. Возникало, наоборот, такое достоверное ощущение присутствия собеседника, что мысль о том, что его не было видно, приходила уже только после сеанса;

перед появлением умершего меняется окраска зеркала, его затягивает дымка или пелена, это вызывало у некоторых первую мысль о пожаре в комнате;

в 10% случаев мертвые даже выходили из зеркала и проникали в помещение, где находился живой;

в 10% случаев живые сами отправлялись в зеркало и находились там вместе с мертвыми;

некоторые ответы, которые люди искали годами, они получали от умерших, что развязывало многие тяжелые узлы их психики и приносило душевное облегчение;

некоторые люди видели пейзажи загробной жизни и своих умерших родственников посреди этих пейзажей;

если родственники говорили, что они здесь ждут того, с кем в данный момент через зеркало встречаются, то человек вскорости после сеанса погибал или умирал;

очень часто, почему-то, умершие не видны ниже колен; у всех присутствовавших на встречах сохранилось чувство исходящей оттуда любви к ним, излучаемой даже не от родственников, а откуда-то "оттуда", из зазеркалья;

многие из умерших испытывают чувства вины или смущения за поступки и мысли, о которых живой человек, встречающийся с ними, до сих пор даже и не знал. Иногда такие "провинившиеся" родственники упорно прячутся за спины других, пришедших на встречу, находясь в расстроенном смущении от стыда за содеянное в жизни;

некоторые умершие родственники знакомят живых с умершими же родственниками, которых те не могли знать по малолетству. Они представляют их как прапрадедушек или прапрабабушек. В дальнейшем в семейных архивах фотографии этих "прапра" находятся.

Это, пожалуй, все, что может уместиться в пределы нашего разговора, чтобы не выйти за черту той границы, за которой наше свободное изложение превращается в детальное изложение по книге "Все о встречах после смерти".

Но все равно, не правда ли - впечатляет и радует! Все эти события очень свежи, им нет еще и пяти лет. Для того, чтобы оценить по достоинству их значение, человечеству нужно время. Но уже сейчас можно говорить о том, что Моуди удалось навести мост между двумя мирами. Данных о том, что умершие приходят и сообщают полезные сведения живым, было и до этого очень много. Перечислить их не хватило бы печатного формата целой главы, но впервые эти встречи теперь происходят не по прихоти ушедших, а по конкретной методике, которая предусматривает успешную инициативу живых.

На таком мажорном завершающем аккорде существования нашей жизни после жизни можно было бы и закрыть эту главу, если бы не одно обстоятельство. И имя ему - реинкарнация. Переселение душ умерших в новые тела для новой жизни.

Вера в такое переселение душ присутствовала почти во всех религиях мира. Ее исповедует буддизм, индуизм, брахманизм, абсолютно все языческие религии, религия Древнего Египта, о ней говорили Орфей, Пифагор, Платон, эта вера является основным принципом религии друидов, даже мусульманская секта бахров и христианские вероучения симонистов, василидиан, марконитов, гностиков и манихеев признают эту идею. Об этом же очень убедительно повествует и Кардек, заявляя, что по сообщениям высоких духов, для того, чтобы получить статус высокого духа, необходимо множество раз родиться и пройти земные испытания в различных телах и судьбах, только через которые дух и может совершенствоваться.

Нам бы выгоднее было отказаться от такой веры, и мы увидим, почему, дальше. Однако мы не можем от этого отмахнуться хотя бы потому, что об этом говорил Иисус тайно посещающему его Никодиму, и еще потому, что наличие реинкарнации подтверждается... гипнозом.

Впервые такие опыты провел в 1956 году доктор Хьюз из Государственного колледжа в Мемфисе. На его сеансах даже скептики вспоминали свои прошлые жизни, говорили на языках и диалектах тех стран, в которых они раньше, столетия назад, жили. Зачастую это были мертвые языки и диалекты, и только специалисты в языкознании по магнитофонным записям могли расшифровать сказанное ими. Гипнотизируемые сообщали такие подробности быта, отстоящие от 1956 года на многие века, которых не могли знать не только они, но и специалисты по истории. И только историки узких направлений подтверждали истинность их данных.

После этого и другие гипнотизеры неоднократно проникали в прошлые жизни своих пациентов, и каждый раз это было абсолютно надежно и достоверно в смысле той информации, которую современники получали о событиях давней старины. Причем, для подтверждения правильности сеанса, перед этим гипнотизеры заставляли вспомнить гипнотизируемого о количестве кирпичей, наличии трещин и наплывов в той, стенке, которую тот выложил 25 лет назад. Память содержала все, до мельчайших подробностей. В другом случае, испытываемая должна была вспомнить радиопередачу, которую слушала утром на кухне тридцать лет назад. Она вспоминала все слово в слово, и архивы радио все подтверждали. Памяти все равно, что извлекать из себя, события 25-летней давности или происшествия, возраст которых исчисляется веками.

Кроме того существует множество случаев, когда просто живущие люди без всякого гипноза вспоминают свою прежнюю жизнь, бывших мужей и детей, обстановку в доме, и даже находят зарытые ими некогда в прошлой жизни клады за сотни километров от нынешнего места обитания. Литературы по таким случаям также много и она давно уже не дефицит.

Ну и хорошо. Что нас беспокоит? Только радоваться надо бы. Однако сильно смущает во всем этом то, что во всех этих прошлых жизнях человек был другой индивидуальностью! Не легче становится и от того, что эту индивидуальность можно вытянуть с помощью гипноза. Ее уже нет с нами. Она осталась там. А здесь - некто новый "я", которого не будет с нами, если мы даже и реинкарнируем в свое время в новую жизнь. Чем это по большому счету отличается от смерти, если нет непрерывности нашей индивидуальности? Реинкарнация равна смерти? Чем такая смена индивидуальностей в пределах некоей моей сущности отличается от уничтожения?

Где радость оттого, что я буду жить еще и еще, если это буду не я, а какая-то другая индивидуальность? Где-то в пределах меня нынешнего она родится, но я не буду этого уже осознавать, потому что она сменит меня и вытеснит в анналы памяти. Все равно получается, что именно меня нынешнего и не будет. Тупик. Непрерывность сознания не дает пока непрерывности индивидуальности и что же делать?

А вот что - исходить из того, что есть. А есть у нас пока только одна наша же сегодняшняя индивидуальность. Посмотрим, что мы о ней знаем. Мы знаем о ней, прежде всего, то, что мы ее осознаем. Мы постигаем свою индивидуальность с помощью самоосознания. Дальнейший путь будет нелегко и основная мысль вырисуеться не сразу, поэтому будем внимательны, и начнем с того, что зададим себе вопрос - а чем мы ее осознаем? Сознанием. А как устроено наше сознание? Никто ответа не знает, но одно напрашивается здесь сразу - абсолютно все наши познавательные функции направлены абсолютно вовне от нас! Так устроена конструкция нашего организма. Сознание нематериально, это мы уже отметили для себя, а действует оно в материальном мире в направлении "от себя". Как прожектор. Вот как это могло бы выглядеть на рисунке:



Из этого рисунка наглядно видно, что наше сознание может осознавать все, что перед ним, но не может осознавать самого себя! Глаз может увидеть все, кроме самого себя. Уши слышат все, кроме звука нашего сердца и движения крови по венам внутри тела. Обоняние и то, различает все запахи, кроме запаха внутренних полостей организма. Вкусовые рецепторы языка могут идентифицировать любой вкус, кроме вкуса самого языка. Органы осязания могут осязать все, кроме самих себя. Наше сверхзнание касается только вещей, лежащих вне нас. Чем мы можем осознать свое собственное сознание? Ничем.

Так все устроено в нас в интересах самосохранения нас же в условиях материального мира, в который мы проникли, но который чужд нам, и все в нас должно работать на то, чтобы этот мир постоянно распознавался. Наши внешние восприятия - это система ориентации в материальном мире и система применительной к себе оценки процессов, происходящих в нем. Наша связь с миром осуществляется только через наши внешние восприятия. Поэтому мы и себя

осознаем только по внешним восприятиям, поскольку других у нас нет. Естественно, что при этом то, что нами осознается, то есть наша индивидуальность, не является на самом деле нашей сущностью, поскольку это именно некая наша нематериальная сущность осознает своими внешними восприятиями нашу индивидуальность, а сама для нас остается за кадром. Эта наша сущность недоступна для нас в этом проявленном состоянии. Она, эта главная наша внутренняя непосредственная сущность, в земном существовании нами познана быть не может. Нет необходимого органа ее познания. Есть только ее органы познания материального мира с целью оптимальной ориентации в нем, а органов познания ее самой, направленных не от себя, а в себя, у нас нет.

Очевидно отсюда, что воспринимаемая нами наша нынешняя индивидуальность создается нашим сознанием, исходя из необходимо запланированного вида нашей индивидуальности, необходимость чего в свою очередь слагается из внешних нашему сознанию конкретных материальных обстоятельств. Будут другие обстоятельства, будет создана другая индивидуальность. Индивидуальность выступает как вторичный продукт сознания, подгоняемый каждый раз под условия конкретного материального воплощения, и отсюда ее такое возможное большое количество в пределах одного и того же сознания одного человека. Наша индивидуальность в конкретном воплощении - это конфигурация нас же самих в той нашей части, которая должна жить и действовать в данном, заданном мире, в данных, заданных обстоятельствах, в данный отрезок времени и, в конечном итоге, эта конфигурация может нами меняться при смене исходных правил игры в последующих наших воплощениях. Если представить нашу базовую сущность в виде человека, то наша индивидуальность это всего лишь как бы рука этого человека, запущенная в реторту материального мира для работы. Если в реторте будет радиация, то рука его будет одета в соответствующий защитный рукав, вид которого может меняться в зависимости от того, что будет в реторте в другой раз: вирусы, сверхвысокая температура, кислота, вода или другая агрессивная среда. Мы носим в себе возможности бесчисленных индивидуальностей, смотря по возникающим обстоятельствам. И, после смерти, совершив переход в свое истинное существование, мы как бы вытаскиваем руку из реторты и осознаем себя целым и истинным существом, хотя до этого так были увлечены манипуляциями своей руки, что как бы стали ею, забыв о еде, сне, удобстве позы, времени, семье, политике, погоде, ревматизме и прочих других прелестях. Мы были полностью в руке, совершая сложную и опасную работу, и вот мы вернулись к себе, можем смотреть не только на то, что происходит с рукой и вокруг нее, но можем посмотреть и на себя, *вспомнить* себя и приготовиться запустить руку в новый рукав-индивидуальность, чтобы прожить какое-нибудь жизнь-исследование еще раз.

Ну, вот и прекрасно - мы добавили к непрерывности нашего сознания еще и непрерывность формирования им различных наших индивидуальностей. Однако, где искомая непрерывность самой индивидуальности? Если мы не помним обо всех наших прошлых индивидуальностях, то где гарантия, что, выдернув руку, мы выдергиваем и рукав-индивидуальность? Вспоминать под гипнозом каждый раз не будешь, а то, что выдернуло руку, тоже является индивидуальностью, или как? И что без индивидуальности для нас наше сознание,

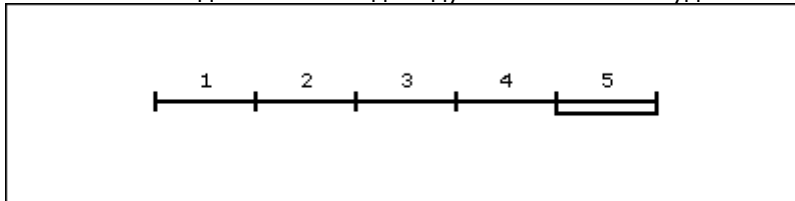


если оно не индивидуально? Ушли обстоятельства, породившие индивидуальность, ушла и сама индивидуальность? Значит, ушли и мы? Опять обезличенное сознание, которое нас создает и нас же закрывает? Опять нет непрерывности, по крайней мере, ее гарантии.

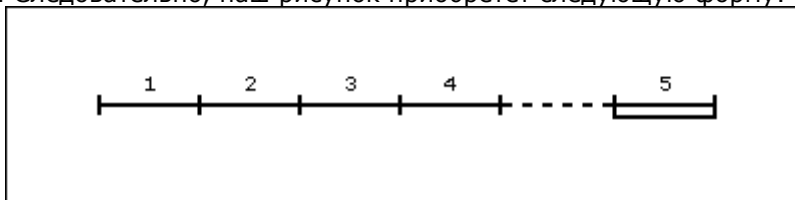
Чтобы ее найти, следует определиться не "где" искать, а "что" искать. Непрерывность нашей индивидуальности, исходя из этого, должна вытекать из непрерывности нашей собственной памяти о себе, ибо каждая наша индивидуальность, это не что иное, как набор информации о себе, то есть не что иное, как именно память о себе, долгая или быстрая, но обязательно непрерывная. Именно то, что вбирает в себя память, является нашим "я". Если в нашем сознании есть конкретная память о конкретной нашей индивидуальности, то наше сознание индивидуально является нашим "я". А если в нашем сознании не останется памяти о нашем "я", то это вообще уже не наше индивидуальное сознание и не наше "я". Это - смерть.

Поговорим о памяти. Для этого прибегнем к помощи уже полюбившихся нам графических построений.

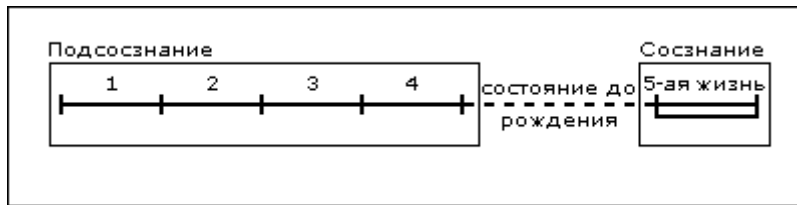
Допустим мы уже прожили 5 жизней и, следовательно, можно говорить о пяти существовавших в каждой из них индивидуальностях. Это будет выглядеть так:



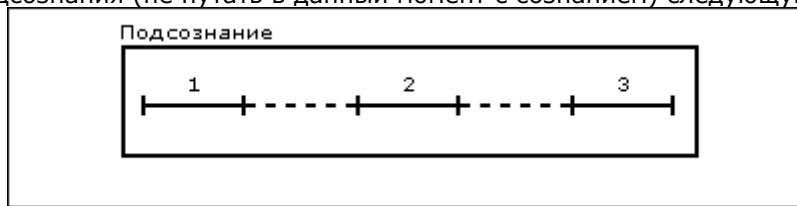
Пятая жизнь это та, которую мы сейчас проживаем и которую мы сейчас помним, она полностью находится в нашем сознании и в нашей памяти, поэтому отрезок пятой жизни мы подчеркнули второй чертой. Договоримся, что там, где две черты, там наше сознание и там наша память. Следовательно, наш рисунок приобретет следующую форму:



потому что под гипнозом человек помнит все, как он умирал и рождался в каждой из индивидуальностей до мельчайших подробностей, но не помнит своего состояния до рождения, или своего состояния после смерти, то есть, между отдельными жизнями. Он не помнит посмертного опыта. Поэтому должен возникнуть промежуток "беспамятства" между 4 и 5 жизнью, как забытый момент от смерти в 4 жизни до рождения в 5 жизни. Этот промежуток мы и обозначили таинственным пунктиром. Если пятая жизнь, как подчеркнутая двумя линиями, находится в нашем сознании, то жизни же от 1 до 4 находятся в нашем подсознании, поскольку мы их не помним своим нынешним сознанием. Следовательно, вполне логично преобразовать полученную картину в следующий вид:



Здесь пятая жизнь находится в зоне сознания, то есть осознается нами, и нет необходимости подчеркивать ее еще одной чертой. Однако на этом рисунке непрерывная линия жизни №№ 1, 2, 3 и 4 искажает действительное положение дел, поскольку и между этими жизнями, как выясняется, мы тоже под гипнозом ничего о себе не помним. Закономерный итог наших рассуждений, которые мы пропустим из-за их очевидности, приобретет, таким образом, для подсознания (не путать в данный момент с сознанием) следующую правильную форму:

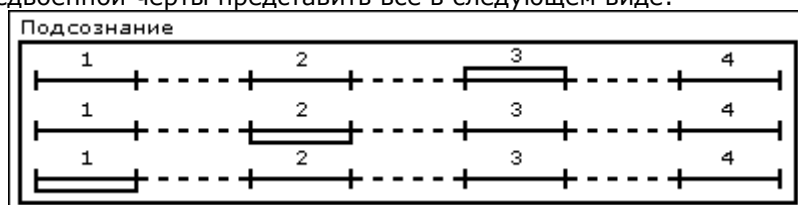


что будет правильно для зоны подсознания, однако, только на первый взгляд, поскольку районы пунктиров подсознанием тоже не осознаются в качестве забытого посмертного опыта между жизнями и, следовательно, они из него выпадают, не находятся в нем и не должны графически располагаться в его рамках. К слову сказать - автор абсолютно дикий человек и совершенно не признает никакого подсознания. Но на то, чтобы разрушить традиционное здание картины взаимодействия информации в пределах сознания и выстроить другое, ушло бы столько материала, что к завершению этой работы уже никто не помнил бы ни о жизни, ни о смерти. Поэтому автор излагает и предыдущее и все дальнейшее в рамках привычных читателю понятий - с подсознанием. Так что мы этого вопроса пока касаться не будем. Может быть, как-нибудь в следующий раз. А пока мы просто отметим, что не так уж всеильно наше подсознание, поскольку очевидно, что здесь срабатывает тот самый механизм переноса знаний из нематериального мира в материальный, который мы настоятельно рекомендовали себе запомнить, когда рассматривали новые этапы посмертного опыта в работах Каблер-Росс и Риччи. Ничем другим такие провалы в памяти подсознания относительно загробной жизни объяснить нельзя. Человек под гипнозом помнит и выход из тела, и встречу с ярким светом, и полет в туннеле, и все остальное, но за чертой двух миров он ничего не помнит. Он может помнить, как принимает решение родиться в плоде именно этой женщины, но не помнит, откуда он пришел в материальный мир перед рождением. Здесь - неведение подсознания.

Кроме того, такое четко фрагментированное неведение подтверждается механизмом блокировки переноса знаний оттуда сюда еще и тем, что сама непрерывность сознания нами обнаружена раньше. Следовательно, память непрерывного сознания не прерывается, а просто блокируется на отдельных его участках. Это уже обнадеживает, поскольку непрерывность памяти - это то, что нам надо было бы.

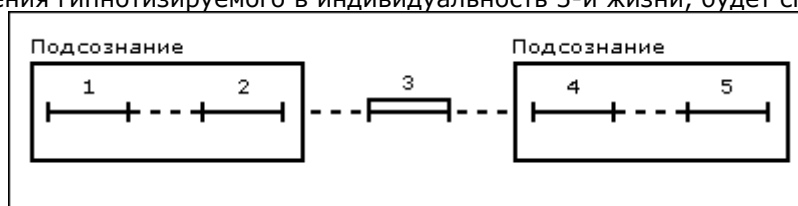
Да и сам человек никогда не говорит о раскрытых в себе под гипнозом новых индивидуальностях "он" или "она", человек всегда говорит "я" и его память осознает себя каждый раз как полностью живущую в настоящее время индивидуальность. В этом случае (в

гипнотической регрессии) получается, что сознание из настоящей жизни №5 перемещается в подсознание, активизируя собой одну из индивидуальностей, на которую вышел гипнотизер, и, включая при этом, ее индивидуальную память. Двумя индивидуальностями человек никогда себя не осознает, ни наяву, ни под гипнозом, поэтому резонно будет с помощью оговоренной нами ранее сдвоенной черты представить все в следующем виде:



который наглядно показывает, как выглядит ситуация с сознанием и памятью, когда человек вспоминает об одной из своих прошлых жизней. Как мы договаривались, второй чертой обозначен в каждом случае признак перемещения сознания и вытаскивания из подсознания именно памяти данной жизни. Когда человек находится в одной из этих дважды подчеркнутых жизней, он говорит на языке того племени, к которому принадлежал, называет подробности быта и обстоятельства событий тех краев и того времени, к которым относилась данная жизнь. Переходя в другую жизнь, он меняет одну память на другую, меняя при этом язык изложения и приводя совершенно другие подробности и обстоятельства, соответствующие именно этой жизни. Меняется индивидуальность. Из китайца человек становится немцем, затем украинцем, ацтеком, ирландцем и т.д. С этим ясно.

А что происходит с той индивидуальностью, которая обладает телом этого загипнотизированного человека? С индивидуальностью, которую пригласил и гипнотизирует гипнотизер? С индивидуальностью нынешней жизни? Жизни №5? Сознание у нас одно, раздваиваться оно не может, следовательно, сознание ныне живущего загипнотизированного человека должно переместиться в подсознание, вытесненное сознанием той жизни, герой-индивидуальность которой в настоящий момент овладел его телом. Тогда, например, для случая вхождения гипнотизируемого в индивидуальность 3-й жизни, будет справедлив такой рисунок:



То есть наше нынешнее сознание попадает в подсознание, а сознание жизни №3 из подсознания наоборот выходит. Запомним это, и, если, не утомились, пойдём дальше по порядку.

Индивидуальное сознание под гипнозом проходит жизненный путь, затем гаснет, снова пробуждается на новом отрезке, и снова гаснет. Но разве можно говорить "гаснет", исчезает, если оно вновь и вновь появляется и человек снова говорит "я"? Мы не можем сказать, что это "я" взялось ниоткуда, потому, что, во-первых, всегда соблюдается *ретрохронология*, то есть, обратный по времени порядок вспоминаемых им жизней. Всякий раз вспоминается жизнь, которая исторически проходила обязательно ближе к нынешней, и никогда не наоборот. Если бы все это не было частью одного целого, то прошлые жизни выпрыгивали бы из разных времен хронологически непоследовательно и неупорядоченно, а не по принципу очередности древности.

Кроме того, во всех этих прошлых жизнях есть то, что связывает человека с жизнью настоящей. Например, хромая от рождения девушка, вспомнив, что 300 лет назад она была осуждена, и к ее ноге было привязано ядро, выходя из гипноза, перестает хромать. Косноязычный мужчина, вспомнив, что был казнен на вершине пирамиды залитием расплавленной меди в рот, после сеанса начинает внятно говорить, и теряет дефекты речи. И таких примеров можно привести множество. Явная связь разных индивидуальностей с нынешней индивидуальностью четко прослеживается.

Следовательно, индивидуальное сознание одной из жизней, о которой мы в данный момент не помним, не исчезает совсем в никуда, а просто исчезает из поля нашего зрения, из нашей нынешней памяти, а в этом случае обязательно должна быть *общая память* всех индивидуальностей, где содержатся сведения обо всех этих индивидуальностях, и откуда все они извлекаются! Раз есть общая преемственность индивидуальностей, характеризуемых каждый раз своей собственной памятью, то должна быть и общая преемственность всей памяти, что создает определенный вид некоей общей хранилищной памяти, разорванной промежутками посмертной жизни.

Если, как мы видим из наших рисунков, память каждой отдельной жизни находится в подсознании одного и того же нашего индивидуального сознания, и даже память нынешней нашей жизни, если гипнотизер активизирует какую-нибудь нашу прошлую жизнь, отправляется *туда же, где находятся и все остальные памяти* всех остальных наших жизней, то мы просто обязаны признать, что существует общая память всех этих памятей, которая находится в нашем подсознании. Именно из этой общей памяти и извлекаются все отдельные памяти всех наших жизней, потому что у одного сознания всегда одна память, а не несколько. Просто оно извлекает из себя отдельные части этой памяти, расколотой на участки, разделенные между собой памятью загробного опыта, которая, если бы мы могли ее переносить в нынешнее свое состояние, сделало бы всю нашу память непрерывной, заполнив пустоты беспомыслия между жизнями.

Отсюда с полным правом можно сказать, что память одной из жизней является просто актуальной на данный момент

для общего сознания памятью, одной из многих, что и делает каждое частное сознание в пределах общего сознания человека каждый раз по-разному индивидуальным. Но объем этой актуальной памяти ограничен и может содержать только одну индивидуальность, большего такая актуальная память освоить не может, потому что она зациклена на реальные условия материального мира в реальном времени данной реальной жизни и ограничена непереносимыми из нематериального опыта демаркационными разделами пустоты. Она привязана всем своим содержанием к конкретным условиям воплощения одной из индивидуальностей и не имеет моста, чтобы в непрерывном режиме перекидываться на следующую индивидуальность через провалы периодов загробного опыта, который блокируется при нашем материальном периоде существования по свидетельству тех, кто имел опыт клинической смерти.

Итак, актуальная память индивидуальности заполняется только данными одной индивидуальности. Две индивидуальности одна память содержать не может. Память - непременный составной элемент любого сознания. Без сознания нет памяти и наоборот.

Следовательно, говоря о некоей общей памяти, мы *автоматически* говорим и о некоем общем сознании, где она должна находиться, потому что ей вообще больше негде находиться, кроме, как только в каком-нибудь сознании. Следовательно, если есть индивидуальное актуальное сознание конкретной индивидуальной актуальной памяти одной жизни, то должно быть и общее индивидуальное сознание, где находятся все остальные данные обо всех остальных индивидуальностях всех других жизней! Такое общее индивидуальное сознание обязательно должно быть, поскольку существует такая общая каждый раз индивидуальная память! Иначе откуда вытягивались бы эти прошлые жизни, если не из общей памяти, и где может содержаться *общая* память, как не в *общем* сознании?

Заскучали? Это ничего, зато мы доказали очень важную вещь - сознание, которое своей памятью содержит все индивидуальности, не может быть обезличенным и не индивидуальным. Помнит, значит знает. Что помнит, то и знает. Что знает, то оно и есть. Помнит индивидуальности, значит оно и есть индивидуальность. На этом пока остановимся, и перейдем к почти главному.

Как называется процесс, когда данное общее сознание выделяет какой-то один участок своей области? Это называется - внимание. Сосредоточение именно сознания на чем-то одном называется этим словом, и мы можем убедиться сами в том, что, сосредотачиваясь на чем-то, поглощаящем все наше сознание, мы одновременно не можем помнить о другом. Если мы что-то пишем, то для того, чтобы в это время без ошибок назвать свое имя и адрес, мы должны оторвать внимание от процесса написания, или многократно и мгновенно переключать *все наше внимание* с письма на свои произносимые выходные данные. Когда мы пишем, мы - пишущая рука, когда мы смотрим фильм, мы - наблюдатели, сопричастники событий, когда мы любим, мы полностью находимся в местах самых острых ощущений и т.д. Когда мы о чем-то думаем, то мы полностью в своих мыслях и не осознаем ничего другого, но это не значит, что мы каждый раз должны сомневаться в достоверности существования того, от чего мы в данный момент отвлеклись. Также точно вполне естественно и то, что, сосредоточив все свое внимание на данной жизни, наше сознание не может одновременно своим вниманием предлагать нам информацию о любой другой нашей прошлой жизни. Для того, чтобы достать такую информацию, гипнотизеру приходится переключить внимание нашего сознания с настоящей жизни на прошлую, и в этом случае в свою очередь полностью из нашего внимания исчезает уже наша нынешняя жизнь. И мы, находясь в другой индивидуальности, будем точно также недоверчиво воспринимать известие о том, что у нас есть еще и другая жизнь, с поля зрения которой мы только что соскочили усилиями гипнотических пассов.

Нам могут возразить, что в быту мы всякий раз легко вспоминаем обо всем, ускользнувшем от нашего сознания, когда переключаем на это внимание, и поэтому не сомневаемся в реальности того, чего не было до этого в нашем внимании. Тогда пусть кто-нибудь вспомнит, что он делал прошлой ночью во сне. Сколько раз перевернулся с боку на бок, какая машина проехала под окном, звуки каких событий раздались за время сна. Или пусть он вспомнит, что было, когда он был в младенческом возрасте, что это были за ощущения, как он рождался, рос, познавал мир и т.д. У него не получится. Пусть кто-либо, наконец, вспомнит, что

происходило вокруг его персоны, когда он был в обмороке. Никто не помнит. Так что не все, что только содержит память, можно относить к исключительно реальному. К чему все это? А к тому, что отсутствие в нашей памяти знания обо всех прошлых индивидуальностях еще не говорит об отсутствии общего индивидуального сознания. Это убеждает нас в том, что на основании только того, что мы не помним своих прошлых жизней в своей нынешней жизни, нельзя говорить о том, что этих жизней не было. Как видим, память может что-то раскрывать, а может что-то и скрывать. Это, конечно, хорошо, но лучше бы все-таки мы о своих прошлых жизнях помнили. Тогда у нас не было бы никаких сомнений. Вроде бы логика подсказывает, что мы правы. Но эта правота пока не несет в себе оттенков непререкаемого факта.

В таком случае, что может нам об этом сказать, как о непререкаемом факте? Где, все-таки та самая непрерывность индивидуального сознания? Доказать, то доказали, а как объяснить, что этого не помним? Как объяснить, что не помним самих себя в разных ипостасях и судьбах при общей памяти и при общем индивидуальном сознании? Сейчас объясним, но для этого мы немного отвлечемся, сделаем необходимый виток и ответим на один вопрос - не приемлемо ли, уделяя столько внимания смерти, разобраться, еще раз - что же такое жизнь?

Ответа на этот вопрос, повторимся, нет, есть только признаки наличия жизни. Мы уже ознакомились с некоторыми из них, это: клеточное строение, рост и самодвижение, разумность поведения и ... симметричность форм жизни. Это что-то новое для нас, но обязательное для жизни, как мы сейчас увидим.

Симметричность. Это несомненный признак жизни. В неживой природе симметричны только планеты и кристаллы некоторых веществ, но в неживой природе симметричность не является доминирующим признаком, а скорее исключением. А мы относим симметричность к необходимым признакам жизни не по правилу исключения, а по правилу обязательного присутствия. Сама клетка, правда, несимметрична, но не делящаяся клетка не может относиться к живой форме. Суть ее жизни состоит в непрестанном процессе деления. Как живой объект она не может рассматриваться без этой непрерывно проявляющейся в ней способности, а делится она на точно такую же клетку, на полное подобие себе. Причем полностью симметрично по расположению своих составных частей. То есть, проявляет ту же самую симметрию. Симметрия - зеркальное отображение, но у клетки нет ни правой, ни левой части, поэтому смысл симметрии подходит и к ней - совмещай клетку какими угодно сторонами, и они будут полностью симметричны относительно воображаемой оси симметрии.

Все остальные формы жизни обязательно несут в себе симметричность своей левой и правой части или целиком, или в своих составных частях. Неживая материя симметричных объектов не создает. Нет у нее таких талантов. Пополам можно разделить любой материальный объект, а разделить его симметрично не получится. Симметрия очень сложное явление и если над ним поломать голову, то без специальной подготовки голову сломать можно, а до принципов симметрии без серьезной научной и образовательной основы не добраться. Но те ученые, которые этим занимаются, установили, что кристаллы неживой природы обладают несколькими видами симметрии и этих видов всего меньше десяти, а вот живая природа обладает бесконечным количеством всех степеней и всех видов симметрии! Кроме того, у симметрии есть

еще какое-то очень сложное понятие "вида", которого без спецзнаний по математике не понять, но вывод из сравнения видов симметрии неживой и живой материи нам ясен - это два совершенно разных вида симметрии, причем живая материя может принимать любой вид симметрии, а неживая - только тот немногочисленный вид, который относится к неживым объектам. Как видим, симметрия сама по себе могла бы служить отличием живого от неживого, будь ее понятие простым и ясным для неподготовленного гражданина.

Есть симметричные объекты и в неживой материи, но только те, которые создает человек. Все, что выходит из наших рук симметрично, и это не только эстетика, радующая глаз. Симметрия функциональна. Несимметричный стул не будет держать седока, несимметричный самолет не полетит, несимметричная форма выпечки хлебного батона принесет только технологические неудобства. Закон симметрии обеспечивает соответствие получаемой формы задуманному содержанию. Это всеобщий, насыщающий смыслом и упорядочивающий все, закон. Жизнь тоже проявляется в упорядоченной и организованной материи, несущей в себе замысел. Все, в чем проявляется не только Его замысел, но даже и наш весьма скромный - полезно, а, следовательно, и симметрично. Даже эксцентрические кулачки в машиностроении симметричны. Невозможно найти ничего несимметричного, что воплощало бы мысль в конкретном объекте. Можно из вредности, конечно, сделать, например, часовую стрелку, одна сторона которой ребристая, а другая гладкая, и опровергнуть наше утверждение. Но это будет лишь украшательским излишеством формы стрелки, которое никак не обеспечивает собой функцию стрелки и ничем эту функцию не видоизменяет. Но даже и эту стрелку можно разделить на две симметричные половинки по ребру. Любую самую изогнутую, самую невероятную по фигурным выкрутасам деталь можно аккуратно распустить вдоль всех ее изгибов и изломов, получив две совершенно симметричные части.

Неживые, несозданные объекты, таким свойством не обладают. Смысл и симметрия нераздельны. Нематериальный смысл реализуется материально также только с присутствием симметрии. Достаточно руке ювелира отшлифовать бриллиант, прикоснувшись к алмазу, как в его гранях сразу же появляются те степени и виды симметрии, которых у необработанного камня быть не может. Физическая модель мира отражает в симметрии какое-то свойство нематериального. Естественно предположить, что это обязательное его свойство, раз оно обязательно проявляется.

Смысл производится работой разума, разум же, в свою очередь, является продуктом жизни, следовательно, Жизнь, как мы ее уже понимаем на Его уровне, должна обладать тоже симметрией. Однако, речь у нас, все же, о смерти.

Говоря о смерти и симметрии, сразу вспоминается, что все народы завешивают зеркала, когда в доме покойник. Мысль о зазеркалье, (мире, симметричном нам), как о потустороннем мире, возникает совершенно естественно, если еще и вспомнить о Моуди с его смотрами в зеркало. А, вспоминая Моуди и его сеансы встреч с умершими, сразу же приходит на ум интересная аналогия между тем, что живые с некоторым запозданием или трудом узнавали своих умерших, и тем, что ученики Иисуса также узнавали Его не сразу после Воскресения! Вроде и тот

человек, но что-то не то! А что, не то, - непонятно. Полагаю, мы можем уже объяснить, в чем тут дело.

А дело тут в том, что тело в *той* жизни принимает симметричное относительно нас, то есть, зеркальное к своему живому виду, изображение. Попробуйте посмотреть на кого-либо из знакомых в зеркало, а затем сразу же отвести глаза и посмотреть на него без зеркала. Вы увидите, что человек один, а выглядит он как-то по-разному. Как два человека одного и того же человека, потому что его левая сторона стала в зеркале правой, а правая, - левой. Левая и правая сторона поменялись местами и вместе с ними поменялось что-то, что превратило знакомое в узнаваемое.

Суть этого явления состоит в том, что левая и правая наши стороны только на общий взгляд представляются нам совершенно одинаковыми. На самом же деле они существенно разнятся. Известен опыт психологов, которые разделили пополам фотографию человека, а затем воссоздали его облик на двух других фотографиях, на одной из которых обе половины его лица состояли из правых сторон, а на другой его облик представлялся соединенными воедино двумя левыми половинами его лица. Фотографии раздали двум группам студентов-психологов и предложили составить психологический портрет характера данного человека. Те из студентов, которые видели перед собой две левые половины лица в одном соединении, что интересно, абсолютно полным составом охарактеризовали изображенного человека как жестокого, холодного, мстительного, склонного к убийству и преступлениям, маньяка. Вторая же группа студентов, работающая с другой фотографией, единым порывом зафиксировала такие качества обладателя портрета, как доброта, бескорыстие, сентиментальность, мягкость и доброжелательность к людям. Так что, если в зеркале для нас меняются местами наши левые и правые стороны, то это не может не менять общего вида лица и общего впечатления от изображения относительно источника, смотрящегося в зеркало.

Еще проще это понять на собственном примере. Если мы впервые видим себя на видео, то впадаем в шок оттого, что мы совершенно не такие, какими себя представляли до этого! Это состояние знакомо каждому. Откуда оно? Мы ведь себя многократно видели в зеркале! А все дело в том, что в зеркале наш правый глаз видится нами как левый, и наоборот. Мы к этому привыкаем. Мы привыкаем видеть свою левую часть справа, а правую слева, и считаем, что это и есть наш истинный облик. Когда же на видеопленке мы видим себя, как положено, то есть правую часть справа, а левую, как и полагается, слева, то мы себя не узнаем! Непривычно. Так же и с умершими, тоже непривычно видеть их в зеркальном отображении, в котором мы при жизни их не видели, или видели, но не столь часто, чтобы считать это изображение их истинным видом. Кстати, по сути, мы видим себя в зеркале уже в посмертном образе. Как многие уже убедились, он совсем не страшен, а даже очень искренне любим.

Теперь, если мы вспомним то, что мы говорили некогда об аминокислотах, участвующих в образовании белка, то вспомним и то, что все они должны были обязательно иметь левую форму! Это опять-таки тот случай, когда невидимая нематериальная жизнь имеет свою определенную форму, и материализуется на физическом плане в зеркальной, симметричной форме относительно себя. Это ведь основа жизни, самый первый ее плацдарм в материи, то, откуда она

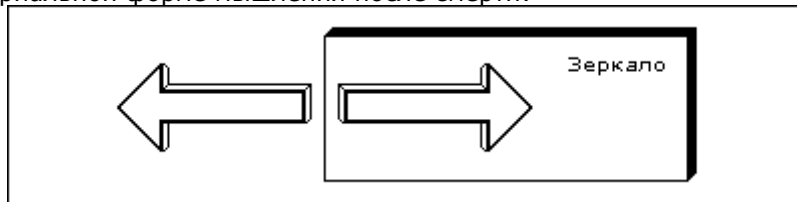


в этой материи начинается. На этом самом близком к ней участке, она наиболее полно и проявляет понятие симметрии левого и правого. Мы называем форму аминокислот левой, что по аналогии предполагало бы назвать форму жизни правой, но это было бы абсолютно бессмысленно, поскольку точка отсчета левого и правого находится в наших собственных построениях. Наши же построения не являются критерием для присвоения терминов процессу, в котором мы сами являемся производными. Если человечество с 2001 года договорится называть левое правым, а правое левым, то в этом случае можно называть форму нематериальной жизни левой, а структуру аминокислот правой. Изменит ли это сущность самой жизни и сущность ее взаимодействия с неживой материей, в результате которого материя оживляется? Никакого смысла в определении левого или правого здесь не содержится. Следует больше говорить о зеркальной, симметричной форме нематериальной формы жизни, (по сути, жизни, как таковой), относительно материальных форм своего проявления.

Столь длительные и, на первый взгляд, отвлеченные рассуждения, почти приблизили нас к главному, о чем мы вскоре узнаем, но для этого нам следует еще немного отвлечься на еще один закон - на закон соответствия формы содержанию. Этот закон настолько очевиден, что на его доказательствах не стоит подробно останавливаться. Если мяч должен отскакивать расчетным, прогнозируемым по отношению к направленной на него силе воздействия, образом, (это - содержание), то мяч должен быть круглым и из материала, который обеспечит его упругость, (это - форма). Если линейка должна измерять длины и обеспечивать проведение прямых мерных отрезков, (содержание), то она будет иметь вид плоского вытянутого прямоугольника со шкалой расстояний, (форма). Если кто-то не успокоится на проведении мерных прямолинейных отрезков и задастся целью еще и немножечко шить на дому, то он для производства выкроек сделает себе лекало, поскольку обычная линейка тут уже не сгодится. Новое содержание потребует новой формы.

Живые объекты своей формой также выражают свое содержание - человек должен двигаться вперед, совершать определенные дополнительные виды движения с определенной скоростью и с определенными возможностями, есть, пить, воспроизводиться в различных вариантах этого занятия, видеть, произносить звуки, слышать и т.д. Все это и многое другое определяет форму его тела. Есть, правда, мнение, что это именно форма нашего тела определяет наше содержание, но это уже дело жизненной позиции тех, кто за такой веселый подход к своему содержанию, а нам не до нюансов этого спора, мы торопимся к главному, (внимание!) - жизнь это сознание, следовательно, потусторонняя жизнь должна иметь зеркальное сознание по отношению к нашему нынешнему сознанию! Зеркальная по отношению к своим материальным проявлениям форма жизни должна, естественно, иметь и соответствующее зеркальное сознание. Следовательно, симметричная по отношению к нашему сознанию, направленному на материальный мир, форма нашего сознания, когда мы из этого мира уходим, должна отразиться в симметричной, относительно своего материального проявленного, истинной своей форме. Содержание нашего сознания при жизни, должно принимать зеркальный к этому состоянию вид после смерти. Меняется симметрично форма сознания, должно меняться симметрично и его содержание.

Следовательно, если в пределах тела наше сознание направлено вовне, от себя, наружу, навстречу материальному миру, то вне тела оно должно быть направленным наоборот на себя, вовнутрь, поворачиваясь к материальному миру спиной. В таком случае и внимание этого сознания будет наконец-то обращено на себя, и вот только в этот момент мы сможем осознать себя, а не то, что перед нами. Этим, очевидно, и объясняется то, что вернувшиеся оттуда люди поражаются поначалу абсолютному своему равнодушию к своему же пострадавшему телу и к суете вокруг него, когда выходят из него. Затем это равнодушие распространяется и на всю, оставшуюся с телом жизнь, возвращаться в которую никто уже не хочет. Приоритет внимания изменился! Главное теперь для человека - он сам, все остальное воспринимается по инерции прошлой формы мышления. Человек после смерти возвращается к себе. Чтобы закончить с рисунками и этой мыслью, представим себе направление нашего мышления в материальном воплощении в виде стрелки и посмотрим, что будет с этой стрелкой при зеркальной, нематериальной форме мышления после смерти:



На границе зеркала (смерти) и мира сознание принимает симметричную форму, направляется в обратную сторону и начинает выделять своим вниманием другие явления, которые вдруг становятся видимыми и вытесняют из круга интересов земное существование.

А как же все остальные индивидуальности наших прошлых жизней? Наверное, если в этой жизни внимание имело характер луча, направленного от самого себя в данную свою индивидуальность, то в нематериальном посмертном состоянии оно должно симметрично направляться от созданной на данный момент индивидуальности к самому себе. При этом меняется позиция зрителя-сознания на совершенно обратную предыдущей. Если раньше мы смотрели сознанием на индивидуальность и определяли ее по внешним восприятиям, то теперь мы должны симметрично смотреть индивидуальностью на свое общее сознание и определять его своим индивидуальным взором. Но у каждой индивидуальности есть свое сознание, которое является составной частью общего сознания и получается, что сознание смотрит наконец-то на самое себя и узнает само себя, как общую индивидуальность всех бывших индивидуальностей. Но даже в нематериальной, посмертной своей форме сознание не может смотреть само на себя, оно смотрит на свои индивидуальности, теперь являясь одновременно ими, то есть, все-таки, на само себя (вспомним принцип дополнительности еще раз!).

Вот теперь все индивидуальности должны слиться в один конгломерат с общей памятью всех индивидуальностей и направить свое общее внимание на осознание своего истинного "я", которое находится в сознании как форма слияния всех этих индивидуальностей. Мы смотрим на самого себя общим взором всех своих индивидуальностей, не разделяя их. Но смотрим-то все равно на самих себя, следовательно, на все индивидуальности сразу, так как мы и есть конгломерат этих индивидуальностей разных жизней, но теперь не отдельных, а составивших одну общую нашу индивидуальность. Если раньше внимание сознания могло выделить только

одну из индивидуальностей, то теперь оно наоборот может симметрично, (зеркально тому, как было раньше), выделять только сразу все индивидуальности, а не какую-либо одну. Все индивидуальности всех жизней сразу же попадают в охват внимания, и получается личность, обладающая всеми свойствами всех индивидуальностей и всей памятью всех индивидуальностей. Это логично. Но мы не зря сказали, что это - "наверное", то есть в предположительном смысле. Потому что никто из бывших там и вернувшихся стараниями врачей, порога смерти так и не переступил. Это должно окончательно наступить в загробной жизни, а клиническая смерть, - это стадия перехода к той жизни, где уже начинают осуществляться процессы симметричного сознания, но завершатся они полностью только после преодоления той самой черты. Но логика говорит нам, что вероятность нашей правоты составляет 99%. 1% мы оставляем в качестве доли, определяющей наше уважение к неполученному опыту. Но все мы его когда-нибудь обязательно получим.

Впрочем, доказательство этих 99 процентов мы можем превратить в стопроцентное следующим образом. То, что мы на самом деле являемся нематериальным конгломератом индивидуальностей наших прошлых жизней, одной общей составной индивидуальностью, мы признаем. Но что остается от этой нашей истинной индивидуальности при нашем воплощении в следующей жизни? Куда она девается? Она остается там, в нематериальной, духовной сфере и мы ее не осознаем. То есть, мы себя опять не осознаем, потому что наше внимание направлено после рождения на создание новой индивидуальности. Но на основе чего мы создаем эту новую индивидуальность, если вся наша общая индивидуальность остается для нас в этом процессе опять за кадром? С помощью чего мы эту индивидуальность создаем? Ведь условия внешних обстоятельств одинаковы абсолютно для всех родившихся в одно время и в одном месте, а индивидуальности создаются их сознаниями абсолютно разные! Если новая индивидуальность становится *именно нашей* индивидуальностью, то создаваться она должна *именно из чего-то нашего*. И, если после новой смерти наша новая частная индивидуальность волеется в очередной раз именно в нашу общую индивидуальность, то, что их объединит, что будет знаком из родства? Мы уже говорили, что математика может то, что недоступно ни одной другой науке. Например, математика может математически доказать, что если к одному столу *прибавить* второй стол, то будет в итоге два стола. Но та же математика может также математически доказать, что если один стол *сложить* с другим столом, то будет в итоге всего один стол. Для нас это очень важно. Если индивидуальность только прибавляется, то нет никакой одной нашей общей индивидуальности, а есть набор разных индивидуальностей, не составляющих органического целого. А если индивидуальности складываются, то остается одна индивидуальность, органически сложенная из многих в одну. Стол сложить можно только со столом. Выключатель со столом сложить в этом смысле не может даже математика. Нужна общность объектов, общая составляющая, сопрягающая множество в единое. Как шампур из горки жареного мяса в кастрюле превращает понятие "жаркое" в понятие "шашлык", так и что-то, переходя из этой жизни в ту жизнь, и обратно, должно нанизываться на что-то, что делает все индивидуальности одной индивидуальностью. Что же это? Если мы это найдем, то желаемая непрерывность подтвердится для нас окончательно. И мы это находим. Это - характер.

Это единственное, что мы не можем предугадать при рождении человека, и единственное, что приходит с человеком с первых секунд его земной жизни цельным, законченным, готовым и неизменным до последних дней. Говоря о грудных детях, можно спокойно говорить о том, что индивидуальности еще не видно, а характер всегда налицо. И нам приходится с ним считаться, как бы мы не хотели видеть что-нибудь другое перед собой, и как бы мы ни пытались этот характер изменить. Если мы зададимся целью сформировать индивидуальность ребенка по своему плану, сделать его, например, выдающимся флотоводцем, то мы можем обеспечить своими хлопотами любую черту его индивидуальности, (знание морского дела, понятие дисциплины, офицерской чести, приоритет семейных традиций и т.д.), мы можем заставить его носить бороду, говорить отрывисто и властно, щегольски носить морскую форму и витиевато материться, мы можем устроить его в самый престижный военный вуз, на самый лучший корабль, купить ему академию, адмиральское звание и т.д. Единственное, чего мы не сможем никогда, так это предугадать - будет он любить море или нет, будет ли он лидером по характеру или нет. Наука просто и очень точно трактует характер как психологическую установку человека на формы реакций при контакте с окружающим миром. Установка! Эта установка остается неизменной от рождения и до смерти. Человек приходит в мир с готовым характером, что выражается в наклонностях, темпераменте, талантах, принципах взаимоотношения со своей совестью, восприимчивостью или невосприимчивостью к нравственности и многое другое. Жадный человек жаден от рождения и до смерти, трус рождается трусом и умирает трусом, распутник начинает очень рано, когда сил еще нет, и не заканчивает никогда, даже когда сил уже нет, упрямец упрямится от материнского соска и до последних принципиальных скандалов со своей внучкой. Характер не изменяется, он приносится оттуда, здесь определяет собой индивидуальность, и меняется уже снова там, когда новая индивидуальность, нанизанная на него, вливается в другие индивидуальности, которые были также нанизаны на этот же в своей основе характер. И в этот момент, по закону симметричного действия, новая общая индивидуальность через уроки этой жизни получает уже наоборот возможность определять собой характер, который, изменившись, снова пойдет формировать новую индивидуальность через рождение в материальном мире. Характер формирует такую индивидуальность, чтобы, сталкивая ее с важными для себя проблемами, научить в перспективе самого себя решать эти проблемы правильно. Цель всего этого кругового процесса состоит в создании характера. Очевидно, это то, что нужно Богу - наша правильная *установка*, правильный характер. Ведь, сама история об Адаме и Еве - это история о том, как у первых людей не хватило характера, и они отпали от Бога.

Если говорить о симметричности процессов жизни относительно друг-друга на материальном и нематериальном плане до конца, то следует, очевидно, предположить и то, что эти процессы также должны нести зеркальный характер. Если в нашей нынешней жизни постоянно происходит наращивание, развитие индивидуальности, то в потусторонней жизни все должно идти в обратную сторону. Индивидуальность должна умяляться от момента смерти до момента нового рождения также, как она развивается и множится деталями от этого рождения до новой смерти. Кстати, об этом говорили высокие духи Кардеку, и это же записано в "Тибетской книге мертвых". В этом случае в посмертной фазе нашей жизни должно наступать новое

состояние перехода, состояние перед рождением, иначе говоря, смерти наоборот. Во время этого перехода наше внимание должно снова устремляться вовне, покидая индивидуальность, и голый характер без памяти о прошлом, в девственном, чистом состоянии своей памяти, которая теперь будет заполняться новой индивидуальностью, должен проявиться для этого в новом теле. В этой стадии мы постепенно переходим к моменту своего нового рождения, отворачиваясь от своей памяти в сторону нового, беспмятного пока состояния будущей индивидуальности. Кардек и Книга мертвых называют это деградацией, мы же не будем использовать столь сильных выражений, мы скромно, но со знанием дела, скажем, что это, всего лишь, - симметричное переключение сознания на материальное существование. Поэтому, рождаясь, мы до 2-3 лет ничего о себе не помним, и говорим о себе в это время в третьем лице. Память в это время только заполняется до уровня создания новой индивидуальной памяти. Какой-то этап накопления информации со временем позволяет своим объемом сформировать черты индивидуальности, которая может наконец-то сама себя осознавать как отдельную личность, и тогда ребенок впервые говорит о себе не "дай Коле", а "дай мне". Нарастание индивидуальности происходит до самой смерти, потом переход, затем стадия совершенствования характера, затем снова переход в жизнь через отворачивание от индивидуальности и ее умаление и снова рождение с готовым характером, на который нарастет новая индивидуальность, и так по кругу.

На этапе материального воплощения мы несем страдания, обусловленные созданной нам обстановкой рождения и жизни, специально подобранной таким образом, чтобы отточить те или иные стороны нашего характера через болезненные столкновения с несоответствием наших желаний, порожденных этим характером, и реальной обстановкой, куда нас помещают по плану нового рождения. Происходит хирургическая операция без наркоза по ломке и совершенствованию отдельных черт характера. Затем переход в нематериальное состояние изменяет форму сознания, наступает стадия оформления характера, послеоперационный период. Появляются муки совести, неудовлетворенности и несовершенства по отношению к Нему, страдание от недостижимости близости к Нему, понимание, что источник этой недостижимости в собственных неправильных установках, решение на новую операцию-жизнь в материальном воплощении, новый переход, рождение и снова мучительная пластическая операция на характере без анестезии. Тот, кто не страдает, тот живет зря - тот ничему не учится. Тот, кто страдает всю жизнь, не избавившись от страданий, тот тоже живет зря - тот ничему не научился.

Когда все это кончится? Тогда, когда материальное воплощение станет невозможным из-за конца материи. Тогда некуда больше будет переходить ради самосовершенствования. Муки земной жизни исчезнут, и останется тот самый вечный и неизменный этап между переходами в материальную жизнь из нематериальной жизни, где останется неизменной единая индивидуальность с получившимся на тот момент характером.

А муки? Муки этого этапа? Они останутся с нами? Если они останутся, то это будет ад, потому что это страшные муки, очевидно, раз они нам кажутся страшнее всех земных мук. Ведь на земные муки мы идем сознательно, чтобы земными страданиями уменьшить муки небесные. Если представить себе земные муки в виде похода к стоматологу без обезболивания, то какой

должна быть та боль, которая сподвигает собой принять эту стоматологическую боль в качестве шанса на спасение! Причем принять некую боль добровольно, как единственное средство для уменьшения другой боли. Более невыносимой!

Есть ли выход из этого мучительного круга страданий? Выход есть - воскресение. Иисус обещал нас воскресить, но только тех, которые будут достойны. Что значит воскресить? Это значит не пустить опять по кругу, а *восстановить* полученный в материальных переделках характер для нематериальной вечной жизни. Очевидно, что это должен быть такой характер, который не приносил бы нам неудовлетворенности и мук и соответствовал бы Его предназначениям. Проще говоря - мы должны совпадать с Царством Божиим. Тогда мы будем рядом с Ним и в Нем, а Он будет в нас, и это будет вечным счастьем, раем.

Иисус не говорил о смерти как об уничтожении, Он говорил о вечной смерти в аду и о вечной жизни в раю. Евангелия говорят об этом совершенно недвусмысленно. А вот кто куда попадет, зависит от каждого из нас. Надо торопиться жить в каждой жизни так, как Он нам положил. Иначе придет Судный День, когда будут отделяться зерна от плевел, и некого будет винить за то, что оказался в печи работника, а не в закромах Хозяина.

И что же нам для этого надо сделать? Что Он хочет от нас, от людей? Попробуем разобраться.

## Человек 2

Исходя из всего сказанного до этого, мы должны, как представляется, прежде всего, отказаться от самой мысли придавать задачам человека какие-то цели по преобразованию материального мира. Во-первых, этот мир не цель, а средство, а во-вторых, он не вечен, а в третьих, человек - инородное тело в этом мире.

В отличие от животного и растительного мира человек не входит органически в систему материальных явлений мироздания. У него нет среды обитания и это с одной стороны говорит о том, что человек может обитать везде, но с другой стороны говорит о том, что человек, как животное, не может вообще обитать нигде. Везде, где находится человек, ему нужна одежда, жилище, обработка пищи, защита от климата и все остальное, что указывает на то, что человек, как биологический вид, абсолютно не вписывается ни в какие условия Земли.

Человек помещен в условия, которые требуют от него борьбы с природой, а не естественного с ней слияния. Если он не будет бороться с природой или усиленно к ней приспосабливаться небиологическими способами, то он погибнет. Человек размещен во все климатические зоны, но именно размещен, поскольку нет ни одного места на земле, куда бы он мог органично забрести процессе какой-нибудь эволюции. Вызывает большие сомнения идея того, что обезьяна из джунглей переместилась в тундру и стала развезжать по ней на оленях, впрыгнула в пустыню и стала кататься на верблюдах, стала жить в суровых условиях Европы, оседлав лошадей, или забралась в горы Кавказа, выпасая овец. Нечего ей было бы делать во всех этих местах, да и повода не было. Она не такая уж дура, как описывают эволюционисты, чтобы из обильных и теплых джунглей перебираться через степи и горы к манящим своим вечным холодом северным морям или в увлекающую однообразием деревьев и отсутствием

бананов промерзлую тайгу. Везде, где живет человек сейчас, он жил всегда. Безлюдных мест на Земле нет. Людей было мало, но жили они всегда там, где они живут. И где бы они ни жили, они не могут жить в том природном виде, в котором живут все те животные рядом с ними, которых человек ел, приручал и использовал.

Человек не органичен природе еще и потому, что в природе ничего не изменилось бы в худшую или в какую-либо другую сторону, исчезни он совсем с ее лица. Вспомним классический пример, когда, уничтожив какую-то мышку в Амазонии, человек получил взамен обмеление и заболачивание протекающих там рек. Вот такая связь всего живого, как единого организма существует в природе! Но человек под эту связь не подпадает. Убери человека - и природа этого совсем не заметит. Природе совершенно все равно, - есть человек или нет его, ее организм от этого абсолютно ни в чем не изменился бы. Зато человек очень любит природу. Он посвятил ей огромные массивы своего творческого запала, воспевая окружающий мир в пейзажах, поэзии, музыке и литературе. Но, все же, самым показательным свидетельством истинных взаимоотношений человека с природой из всего его творчества, является всего лишь одна книга, которая называется Красной.

Человек насилует природу, подминает ее под себя, загрязняет и уничтожает. К примеру, только автомобильный парк Соединенных Штатов Америки уничтожает кислорода больше, чем воспроизводит вся природная среда этого государства. Он явно особое явление, этот человек со своими вонючими драндулетами, чадящими комбинатами и смертоносными атомными электростанциями, а не продолжение цепи живых созданий. Поэтому искать его назначение следует вне природы и вне животного мира. В таком случае исходная посылка поиска его задач для нас значительно упрощается, достаточно лишь внимательно посмотреть - чем человек коренным образом отличается от животных? В этом отличии и должно состоять его особое назначение. Здесь и надо искать.

Естественным образом возникает мысль о том, что главное отличие человека от животного состоит в том, что бросается в глаза сразу же. А если говорить точнее, то бросается в уши. Речь, конечно же, идет о наличии у нас осмысленной и вразумительной речи. С нее и начнем.

#### Речь

Итак, речь пойдет о речи. Здесь вполне резонно было бы предположить, что это и есть наша задача. А почему бы и нет? Может быть, развивая свою речь, мы, наконец-то, создадим то самое слово, которое все объяснит нам, изменит нас и сделает достойными Его? Задача, как поиск слова, которое изменит весь мир, объясняя его смысл и наше в нем место?

Не похоже. Во-первых, такое слово, которое все объясняет и должно все в нас изменить, уже есть, и это слово - Бог. Оно все объясняет, но ничего не изменяет ни в нас, ни в нашем мире. А другого слова нам не найти, сколько бы мы не искались в этих поисках.

Во-вторых, не слово рождает новое содержание, а новое содержание рождает новое слово. Не имея о чем-то понятия, не создать о нем и слова. Если человек не знал ничего об электронах, то и слова этого не было и не могло появиться. Слово "телевизор" не могло

появиться в XIX веке и изменить мир настолько, чтобы он сузился до размеров диагонали этого прибора. Все произошло как раз наоборот. Если что-то должно изменить нас и мир, то это должно быть на уровне понятий, а присвоим мы ему слово или не присвоим, и какое это будет слово по произношению, - вторично.

И, в третьих, совсем не похоже, что мы, как человечество в совокупности, занимаемся развитием языка и речи на протяжении всей своей истории. Скорее, наоборот. Здесь можно предвидеть как минимум удивление обыкновенного читателя и, как максимум, возмущение читателя-лингвиста. Но нас ничто не должно удерживать от подобного утверждения, поскольку наука не знает *ни одного примера* развития и усложнения языка! То, что происходит с языками на протяжении столетий, *принято называть* "развитием". Используется благородное слово для обозначения совсем не благородного дела. Но если мы нарушим научный этикет, и откажемся от этого слова, то увидим, что король не только голый, но и ему становится все хуже и хуже. Действительно: происходит смешение языков, видоизменение оборотов речи, взаимопроникновение словообразовательных приемов от одних народов к другим, но нигде нет никаких документальных источников, повествующих нам о *развитии* какого-либо языка.

Есть множество свидетельств о том, что люди сначала швырялись друг в друга в различных целях подручными камнями, затем стали насаживать эти камни на палки, повышая избирательность и точность поражения. Затем пошли в ход дубинки, мечи, топоры, копья, луки, арбалеты, мушкеты, пистолеты, ружья, нарезные ружья, пушки, гранаты, мины, самолеты, танки, автоматы, минометы, и, в конце концов, пришла атомная бомба, которая не избирательна и не точна, но настолько убедительна своими аргументами, что снимает все глупые вопросы о точности и избирательности. Вот - развитие и усложнение. Оно видно. Атомная бомба, конечно, не так изящна, как кавалерийская атака, но это и не попытка проломить камнем череп или откусить обидчику нос. Это даже не настойчивые тычки шпагой в разные места юркого противника. Это - прогресс! Так же точно можно сказать и о *любом* другом виде деятельности человека, кроме ... речи.

Не собрано ни одного научного свидетельства о том, что древние смешные люди когда-то говорили очень односложно и упрощенно, а потом стали разговаривать все лучше и лучше, все успешнее и успешнее, непрестанно этому радуясь. Совсем наоборот - древние языки, как ни странно, всегда сложнее и выразительнее того, что из них получилось со временем. Современным языкам по этим показателям до древних языков очень и очень далеко.

Нет также ни одного свидетельства и о том, что когда-то развивалась письменность. Все письменные источники, какими древними они бы не были, выглядят в строго законченном виде и тоже всегда в более сложном варианте, чем они стали позднее. Никакой промежуточной, развивающейся, формирующейся письменности не обнаружено.

Похоже, что стереотип развития этой формы деятельности (речи) человека перекинулся на нее с других форм его деятельности. Если человек от купальников, имеющих когда-то вид облегченных боевых доспехов, перешел сегодня к бикини, то предполагается, что и во всем остальном людской род также мудро и совершенно прогрессирует во времени. На самом же деле



никаких научных доказательств не только того, что речь прогрессировала, но и того, что человек вообще сам создал свою речь и свою письменность, - нет.

Может быть, к моменту исторических свидетельств этих языков и письменностей они уже окончательно развились усилиями человека, а более глубоко в историческую даль просто не представляется возможным заглянуть? В этом-то нас повсеместно и пытаются убедить. Но в это трудно поверить. Хоть какие-то доказательства эволюционного развития речи и письменности должны были бы быть. Но их нет. Ни одного! Что нового не найдут археологи, все абсолютно завершено по форме. Ну, а если таких доказательств нет, то всего разумнее предположить, что Бог дал человеку и *готовую* речь и *готовую* первую письменность. А, в таком случае, это вообще не может быть нашей задачей, поскольку после Него нам здесь уже делать нечего. Хотя, в любом случае, мы подошли к моменту, когда не помешает доказать или то, или иное.

Если принимать ссылки на то, что времена дикости были очень давно, и невозможно достоверно утверждать, что в тот период язык человека был таким же совершенным как наш, то мы ответим: эти времена совсем не так далеко, как нам говорят, а совсем даже и рядом. По соседству с нами. Достаточно обратиться к абсолютно диким племенам Африки, Азии, Австралии или Амазонии. Эти люди живут почти стаями, на самом раннем уровне первобытнообщинного строя, следовательно, их язык должен быть почти языком животных. Что же на самом деле обнаруживают лингвисты в этих племенах? Они обнаруживают, что примитивных языков нет. Разговоры о скудном словарном запасе членов племени "мумбо-юмбо" - выдумка потешников от художественной литературы. Язык этих племен, не прикрывающих даже своих половых достоинств одеждой, своей сложностью и выразительностью создал бы у этих литераторов, при сравнении с языком их творений, комплекс неполноценности. Как и сравнение половых достоинств. Это всегда богатые, точные и красочные языки, с превосходно развитой лексикой. Что же касается письменности, то те племена, у которых ее нет, даже и не пытаются что-либо изменить в связи с этим! Более того, выяснилась совершенно удивительная вещь, когда многие племена письменность имели, но утратили! За ненадобностью. Это народы Конго, Анголы, или, например, инки. Если она им сейчас не нужна, эта треклятая письменность, то, что могло бы заставить их изобрести ее раньше? На всякий случай, что ли?

О том, что речь не могла создаваться эволюционно, говорит и строение ушной раковины человека. Ее форма и ее складки, по исследованиям биологов, созданы для улавливания именно частот человеческой речи! При одновременном звучании нескольких источников шумов ухо лучше и чище услышит именно звук человеческой речи. Не по избирательной команде мозга, а по своему биологическому строению! Одновременно эти два процесса (развитие речи и надоевшая уже эволюция человека) идти не могли. Уши у людей одни и те же на протяжении тысяч лет, и были такими до возникновения речи, и что: они созданы естественным отбором для того, чтобы улавливать то, чего еще нет? В таком случае, эволюция большой провидец. Очевидно, что такой факт говорит о том, что уши изначально были созданы под то, чтобы распознавать самым оптимальным образом речь другого человека, а не просто набор звуков. Появилась речь в готовом виде сразу или в таком же готовом виде она появилась потом, но она

обязательно должна была иметь готовый вид, потому что для этого готового вида были готовы специально под него задолго приспособленные уши.

Далее. В Москве живет девочка Наташа Бекетова. Она с младенчества (!) знает около 120 языков, и все это или языки мертвые, или диалекты, о которых ученые даже не подозревали. Наташа помогает японистам разобраться в древних иероглифах и свободно читает этрусские таблицы. Для того чтобы прочесть несколько слов этрусских таблиц ученым необходимо около месяца перебирать различные варианты звучания этих слов, потому что никто не знает какие звуки обозначают буквы этих таблиц, и как это должно звучать. Бекетова читает моментально, не задумываясь, а ученые потом на компьютерах останавливаются своими методами на нужном варианте, и выходит, что девочка всегда права, всегда точнее их и всегда дает правильный перевод. Лингвисты с удовольствием пользуются ее услугами, но не могут придать своим результатам законного статуса, поскольку, как лингвисты, то есть, представители науки, они же и утверждают, что всего этого не может быть. Факт на лицо, но этого быть не может. Что заставляет лингвистов не принимать во внимание самые достоверные факты? Не каприз. Лингвистика утверждает, что знание языка на таком свободном естественном уровне требует непременно того, чтобы человек мог этот язык *услышать*. А поскольку носителей языков, которые знает Наташа Бекетова, на земле давно уже нет, то возникает сомнение в том, что она их знает, хотя, *несомненно* и то, что она их, все-таки, знает. Бюрократия, как видим, также успешно использует принцип дополнительности.

Итак, - услышать. Это говорят и сами лингвисты. Тогда от кого древний человек мог услышать свой язык? Носителей его в то время, если сам человек предварительно и повсюду, куда ни обратиться, был нем, тем более не было. Услышать было не от кого, кроме, как от Бога или от его посредников. Но мы далеки от предположения, что Бог кому-то задиктовал первые слова и обороты речи. Наташа Бекетова говорит, что каждый язык - это живое существо, и оно целое и гармоничное, это существо, и если она его знает, то знает полностью и сразу, и никогда не учила ни одного языка. Если в наше время каким-то *нефизическим способом* одна девочка получила 120 языков, то мы вполне можем говорить и о том, что когда-то тем же способом один человек мог получить один язык, а от него могли его услышать остальные. Пусть это происходило очень давно, но разве снимает давность того времени абсолютную истинность с того, что Бог дал Бекетовой в XX веке? И разве то, что произошло в XX веке без помощи научно-технических достижений этого века, (вообще без вмешательства любых научно-технических фокусов!), не могло произойти 60 или более веков назад? Ответ ясен, и он говорит о том, что у нас есть вполне научное и фактическое доказательство нашей версии получения языка от Бога, а у наших оппонентов - ни одного противоположного. Их позиция - не научна.

Для того чтобы говорить, предварительно нужно мыслить. Здесь опять некоторые удивятся, а некоторые возмутятся. Удивятся простые читатели, которые считают, что можно сказать и, не подумав. Это бывает. Здесь мы согласимся. Возмутятся же опять лингвисты, которые считают, что мышление не может предварять языка, поскольку мы думаем словами, причем, словами того языка, который считаем своим родным. Но вот здесь мы не согласимся, хотя нет ничего поразительнее, чем живучесть такого представления о нашем мышлении!

Лингвистика - очень сложная наука. Если мы начнем в нее внедряться, то столкнемся не только со сложными терминами, которых не перечесать, но и даже с формулами. Как у высшей математики. В формулах будут надстрочные и подстрочные знаки, наборы латинских букв, расставленные по правилам факториалов, скобки всех видов, от обычных, до фигурных, и еще множество значков и символов, которые так и будут пестреть перед нашими глазами и говорить - тут тебе не халам-балам, а наука Лингвистика! И вся эта фантазмагория символов и знаков будет постоянно доказывать, что мы думаем словами, что речь и мышление развивались одновременно и, что не будь речи, не было бы мышления, и наоборот.

В ответ на это, прежде всего, хочется задать всего один вопрос, на который ни в одной книжке по языкознанию нет ответа - а как же глухие? Как глухонемые? Вспомним Герасима! Он речи не знал, читать не умел, даже на пальцах не изъяснялся! Но все понимал. Немного по-своему, за что Му-Му и пострадала, но понимал. Идиотом не был. Хотя, спроси мы его - зачем собачку угробил? - он бы нам не ответил. И не потому что говорить не умел.

Дети растут обычными детьми, играют, познают мир, проявляют характер и выражают конкретное отношение к происходящему, не зная речи. Сначала они становятся вполне умненькими, а потом начинают говорить.

Есть такой человек - Скороходова Ольга Ивановна. Она является научным сотрудником исследовательского института дефектологии. Автор ряда научных работ и литературных произведений. Одно из них называется "Как я познаю мир". Ольга Ивановна от рождения глухая, немая и слепая. Она не только не может услышать речи, но и "увидеть" ее в сурдоварианте не может. Откуда у нее возникло мышление, чтобы какими-то сложными способами научиться выражать свои мысли и понимать чужие? Откуда взялись мысли без слов?

И, наконец, если мы мыслим словами, то откуда все затруднения по передаче наших мыслей? Чего палить мозги над проблемой выражения своей идеи в слове, если достаточно просто *произнести вслух* те слова, которыми "подумал"? "Понимаю, но словами выразить не могу" - кому не знакомо это состояние? А *чем* тогда понимаю, если словами выразить не могу то, что понимаю?

Все это мы говорим только для того, чтобы задать еще один вопрос: если мышление, как мы убедились, появляется раньше речи и независимо от речи вообще, то какой самый простой физиологический способ общения между думающими людьми, которые еще не знают, что можно из звуков составлять слова? Конечно - жесты и знаки. Это проще и удобнее. А какой - самый сложный? Можно ответить, что - телепатия, но это не физиологический способ. Из физиологических самый сложный, - говорение! Врачи подтвердят, что научить говорить человека, которому вернули слух, сложнее, чем вернуть сам слух. Гортань не произносит нужных звуков, а язык не совершает нужных движений. Это целый подвиг - научиться говорить! И это при том способствующем обстоятельстве, что голосовые связки и все прочие органы речи у человека намного тоньше и подвижнее, чем у обезьяны! И это при имеющемся готовом для слуха и подражания языке доброжелательных окружающих людей! А изнурительно насиловать гортань и учиться произносить некие членораздельные звуки, сидя где-нибудь в углу пещеры, чтобы

потом придумать слова, из которых эти невероятные звуки будут складываться - такое можно себе представить?

И последнее: чтобы *слушать* того, кто первый начнет произносить какие-то диковинные звуки, *сначала* нужно в мышлении иметь представление о том, что таким образом вообще могут передаваться сообщения! Иначе это будет просто отпугивать, а то и считаться неприличным, как другие некоторые звуки, которые человек издает произвольно. Даже если придет умелец, придумавший язык и пожелавший научить ему свое племя, то в голове у каждого члена этого племени должно иметься понятие о том, что он с тобой *разговаривает*, а не просто пугающе странно стрекочет, как кузнечик. Надо знать, что звуки могут иметь содержание слога, а слог может образовать слово, сложившись с другими слогами. После этого надо догадаться, что полученное слово может выражать собой не просто интересное нагромождение звуков, а какую-то идею, и если несколько таких идей сложить вместе, то получится одно предложение с одной обобщающей идеей. Скорее всего, никому не удалось бы создать даже и одного слова, поскольку их убивали бы добросердечные соседи по пещере уже на стадии осваивания произношения простых звуков "у" или "з".

К тому же, если дикий человек создавал язык, то этому должна была быть необходимость и потребность. Какова могла быть потребность для создания языка у человека того времени? Какие преимущества он ему дал бы? Интересно посмотреть.

Во-первых, язык это то, что разъединяет людей. Считается, что наоборот, но, по-видимому, это ошибка. Язык дает известную самостоятельность для выражения своего понимания событий и предлагаемого варианта действий каждым членом племени. Это нужно? Для охоты - совершенно не нужно. Один командир и его единственно правильный маневр, который должны повторить все, решает больше, чем любое горячее обсуждение планов. Волки вполне успешно охотятся совместно без всякого языка общения. Если бы волки потеряли навык понимать друг друга наитием и перешли бы к свободным формам речевого изложения своих намерений и планов, то им, в конце концов, пришлось бы обедать и ужинать друг другом.

Во-вторых, и мы говорили об этом выше, охота и выживание требует тишины. Чтобы всех врагов было слышно, а тебя не было слышно, чтобы одна нечленораздельная команда превращала стаю в долю секунду в один организм, совершающий одно единое действие, нужно чтобы речи не было. Болтовня даже одного умника в таких случаях только вредит. Однако и обезьяны, случается, кричат, и очень громко. Зачем? Напугать врага. Чем громче кричим, чем истощнее это делаем, чем самозабвеннее надрываемся, тем яснее нашему врагу, - нас много и мы решительные. И в этом случае природа бы развивала только страшный крик, а никак не способ деликатного убеждения противника длинными тирадами.

Человек мог кричать не только на врага, но и на своего соплеменника. Так решаются споры и сейчас. Но тогда аргументы были проще и естественнее - кто сильнее, тот и прав. А сила не доказывается витиеватыми угрозами в будущем времени, достаточно громко и грозно возопить, то есть, дать понять, что именно сейчас будут неприятности и - в природе любого человека заложено биологическое понятие о том, что тот, кто крупнее, имеет неоспоримые

исходные преимущества при таком способе разрешения взаимных претензий. Разговоры здесь были бы излишни.

При воспроизводстве мы и сейчас не очень-то разговорчивы, а те междометия, которые мы при этом издаем, вполне законченно передают все, что мы должны были бы или хотели бы сказать. Конкретные комментарии процесса в таком случае больше сбивали бы с толку и отвлекали, чем служили бы общему делу. Не будем спорить, что сказанное из души в такие моменты, выводит этот праздник на совершенно заоблачные высоты, но, все-таки, это явно не тот случай, когда стоит отвлекаться на придумывание новых слов. Если уж здесь словами пользуются, то уже готовыми, вылетевшими из сердца. Правда, перед этим женщину надо "уговорить", что предполагает определенного вида речь, но в те благодатные времена "уговоры" были очень простыми, если они вообще были. Во всяком случае, слова и тогда и сейчас, не способствуют развитию отношений, если женщина сама не хочет "уговариваться", или не боится еще больших неприятностей.

Зачем вообще нужна была речь полуобезьяне? Самое надежное, быстрое и безошибочное средство общения - у рыб. У тех, кто вообще и звуков-то не может произносить. Посмотрите, как рыбий косяк в доли секунды отворачивает в сторону на полном ходу, причем все рыбы совершают один и тот же маневр одинаково и одновременно. *Беззвучно!* Очевидно, что ни одно красноречие мира не заставило бы рыб отказаться от этого способа взаимодействия в пользу речи.

Самые спаянные и созидательные коллективы - это дружные семьи муравьев и термитов, где также все управление осуществляется без речи, а все точно знают, что делать и никто ни с кем никогда не ссорится. Точно также никто специально назначенный посреди тучи саранчи не летает взад-вперед и не кричит в рупор: "Давайте, сядем и поедим!", или: "Хватит жрать, полетели дальше!". Вся эта армия, по непонятным пока биологам причинам, или разом садится, доставая ложки и вилки на десятках гектарах сразу, или, не испросив счета, также в одну секунду взмывает и направляется к следующему пункту общественного питания.

Речь только осложняла бы жизнь и вредила человеку в его повседневных делах, поскольку его повседневные дела не выходили за план повседневных дел любого животного, которые и тогда успешно обходились и сейчас успешно обходятся без речи. Ему выгоднее было бы ее забыть, чем развивать. Но даже если бы речь и возникла каким-то дурным образом из потребностей человека, то она выражала бы собой только нынешнее, сиюминутное состояние человека, связанное с его текущей потребностью, а не с отвлеченными понятиями, в которых для добывания пищи и уютного обустройства и в настоящее время нет никакой пользы, не то, что в каменном веке.

В нашей же речи нет ничего, что было бы отголоском тех биологических потребностей, о которых нам говорят. В ней очень много таких слов, которые никак не связаны с проблемами выживания или добывания пищи. Именно эти слова наиболее многочисленны и употребимы, а самые простые слова, которые необходимы нам и по сей день, например, для ориентации в пространстве, отсутствуют. Даже сейчас нам недостаточно одного понятия "сзади". Что это значит: сзади справа или сзади слева? Выше или ниже пояса? Ближе или далеко от нас? Живое

или неживое? Двигается оно или стоит? Двигается оно к нам, или пусть себе движется по своим делам? Больше оно нас, или меньше? Представляет угрозу для нас или нет? То же самое можно сказать и о понятиях "слева", "справа", "вперед", "вверх". Сами по себе они ничего не выражают, кроме общего направления. Надо еще повернуть голову, посмотреть, оценить. Разобраться, принять решение. Затратить на все время. Если древний человек хотел жить и создавал для этого речь, то это, несомненно, были бы слова, отражающие все нюансы не только местоположения замеченного кем-то объекта, но и нюансы самого объекта, которые могут повлиять на твою продолжительность жизни, поскольку ты объекта еще не увидел. В этом случае, для спящего питона, висящего справа сзади над головой на ветке дерева, было бы одно "сзади" (смотри - не разбуди!), а для кабана, кидающегося слева сзади с увеличивающейся скоростью, было бы совсем другое "сзади" (немедленно уходи с поворотом вправо!). Такие бесполезные для себя слова, как просто "сзади" или "слева", человек не стал бы создавать. Они к нему пришли в той достаточной точности, которая делает жизнь опаснее, но интереснее. Причем этот интерес - не в интересах человека, поэтому и авторство слов, обеспечивающих этот неинтересный человеку интерес, полагается относить не к человеку.

В самой основе речи нет логически предполагаемой базы, на которой она естественным образом должна была бы строиться, создавай ее человек. Например, человек, создавая слова о цветах, не стал бы создавать для этого абстрактные понятия: зеленый, белый, черный, красный и т.д. У всех этих цветов есть мощная природная база для названий, которая почему-то ни *одним народом* не используется. Ни в одном языке нет понятия "травяной", как зеленый, "облаковый", как белый, "кровяной", как красный, "небовый", как голубой и т.д. Что естественнее было бы при первых попытках общения, чем передавать понятие о цвете с помощью того, что под рукой - травы, неба, крови, облаков, луны, ночного неба, засохшей травы? Наверное, всегда легче было бы быть понятным, если сказать для первого раза: "на вид, как трава", чем для этого же раза сказать "зеленый", а затем доказывать, что имел в виду при этом не что-то плохое про вашу маму, а только - "на вид, как трава".

Слишком много в речи отвлеченных от природных факторов слов и понятий, чтобы предполагать, что они случайны и продиктованы окружающей обстановкой того времени. Верх нигде не произносится, как что-то, связанное с положением головы или неба, так же, как и "низ" нигде не имеет связи в корнях с ногами или землей. Зачем такие абстракции, если есть свое тело, земля и небо, от общепонятного всем положения которых в пространстве можно легко ориентироваться при передаче информации? Где логика в том, что "горячий" имеет иной корень, чем огонь? "Теплый" не связан корнем с солнцем, а мокрый не связан со словом "вода"? Никакой распознаваемой человеческой логики нет ни в каких формированиях речи. Логической связи между корнями просто невозможно установить везде и всюду. Например, гром - огромный - греметь. Гром должен "грометь", а не "греметь", а греметь должен не гром, а "грем". А при чем вообще "огромный" и "громадный" в связи с громом, хоть греми, хоть громи, - никогда не разберешься. Ноги вообще должны быть "пешами", потому что передвигаются на них "пешком". А если оставить их все же "ногами", то следует не "бежать", а "ножить", то есть, быстро передвигать ногами, а не "бегами". А если, все-таки, мы будем бежать, то будем подразумевать -

срочно искать убежище? Но тогда, как быть, если бежать не спасаясь, а просто в целях торопливости? Это ведь совершенно разные вещи - бежать убегая, и бежать, торопясь урвать поцелуй. Почему так получается? Сама речь отвечает собой на это "почему" и говорит, что она отталкивается не от конкретных предметов природы или от знаковых органов человека, а от какого-то абстрактного источника абстрактных понятий, логика которых не человеческая, а высшая.

Если речь создана человеком, то мы знаем, на основе чего создается все, что нами создается. Этой основой является логика, последовательность действий, методов и понятий, каждое из которых имеет свой смысл только тогда, когда выходит из смысла предшествующего ему действия, метода или понятия. Если человек создает машину, то размер и количество зубцов шестеренки в ней будет определяться особенностями того механизма, который будет предавать ей движение. Сам этот механизм имеет именно этот вид, поскольку его определяет размер, устройство и принцип действия привода. Привод будет именно таким, а не другим только потому, что источник энергии выбран, скажем, электрический, а не механический. А источник энергии выбран исходя из необходимой мощности предполагаемой машины и соотношения пользы от ее работы с затратами на совершение этой работы. Сама работа вызвана необходимостью решения какого-то производственного цикла некоей большой задачи. Сама задача... и т.д. От шестеренки можно перейти к планам развития государства на ближайшее десятилетие, а от этих планов, - к шестеренке. Логика подскажет. Человек создавал. А теперь попробуйте логически объяснить: почему "пошла" - прошедшее время, а "пойдет", - будущее? Если вы предварительно докажете логически, что "пойти" - это неопределенная форма. Объясните логически, почему "из" и "в" являются служебными словами, выражающими встречное направление действия? Почему родителя мужского пола зовут "отец", а женского, - "мать", а не наоборот? Где логика, что дед - это грубо, дедушка - это ласково, а дедок - амикошонство? Как логика может объяснить, что эти изменения слов изменяют самый смысл их применения? Если закутанный в шкуры дикарь находил этому обоснования, (а по-другому человек не может ничего создавать), то почему мы, такие цивилизованные, не можем проследить его логики? Значит, опять - при создании речи обошлось без человеческой логики. Иначе мы ее нашли бы.

Здесь возможно возражение, что, например, художники-абстракционисты тоже люди, а творят без логики. Мы согласны, но, стоя у картины такого художника, мы, сколько бы нас не было, будем понимать каждый свое. Общенья и передачи мыслей на основе свободных форм искусства не произойдет. Каждый подумает о своем, причем неизвестно: думал ли вообще сам художник о том же, о чем подумал каждый. Речь - средство общения. Мы понимаем друг друга. На основе чего? Давайте искать логику, если без общей логики, как мы видим, каждый остается при своих понятиях! Но логики в формировании речевых единиц мы не находим. Опять речь является перед нами, как явление сверхлогическое, то есть, сверхчеловеческое, не физиологическое, а божественное, богоданное.

О том, что потребность в речи у человека не биологическая говорит и то обстоятельство, что когда человек от рождения не слышит речи, то он остается немым, будучи вполне способным слышать и говорить. Неизвестно доподлинно, было ли это на самом деле, но есть некоторые

данные о том, что где-то в Индии некогда был проведен эксперимент над детьми, которых с детства воспитывали только глухонемые няни и прислуга. Цель этой жестокой затеи была проста - определить, какой язык данной местности является истинным, божественным, самым настоящим, пришедшим с неба, а не придуманным человеком. Ожидалось, что дети заговорят на одном из приоритетных языков религиозных обрядов, или на неведомом языке богов. Дети выросли нормальными и веселыми, но... немыми. Имел место этот факт или не имел - подтверждений документального характера найти не удалось, но он везде приводится лингвистами в доказательство того, что речь возникает только при слуховом восприятии. Хотя нам тут ясно и другое: биология ни при чем. Она не создает речь из своих потребностей, даже если есть коллектив, объединенный одними интересами и задачами.

О том же говорят и те случаи, когда нормальные дети глухонемых вырастают так же немыми, если рядом нет никого из говорящих. Были случаи, когда различные религиозно одержимые родители уходили в тайгу или в лес от искушений человеческого общества, уводя с собой детей. Там обмен словами сводился до минимума, в итоге, спустя несколько поколений, вырастали дети, которые не говорили, потому что и взрослые рядом с ними тоже этого уже не делали. Но полное отсутствие даже понятия о речи никак не сказывалось на их способности жить разумно и хитро в трудных условиях тайги или джунглей, (это к вопросу о связи речи и мышления), и, самое интересное, что - где та биология, которая создает речь своими потребностями, если она даже не может эту речь просто перенести из поколения в поколение без настоящего подталкивания к этому условий цивилизации? Если, выпадая из цивилизации, человек забывает речь, то, как он может ее создавать вообще до цивилизации?

Теряют способность говорить и те несчастные, которые попадают в условия одиночества на несколько лет, (кораблекрушения и т.д.). Со временем они разучиваются говорить и забывают речь, но весьма разумно радуются, когда приходит спасение. Разговаривают они после спасения с трудом, забывая половину слов, но, не теряют при этом сообразительности.

Однако основа у *внешнего проявления* речи все же биологическая, поскольку, хотя потребность в ней лежит и вне биологии, но форма овладения ею имеет вполне физиологические проявления. Но эти проявления имеют физическую природу уже в готовом виде, а на стадии своего оформления и становления в них происходят процессы, явно не объяснимые анатомией. Например, в некоторых местах земли, (очень часто на многонациональном Кавказе), дети вырастают сразу полиглотами. Мальчик, выросший в поселке горнодобытчиков, где в большом бараке соседи говорят на армянском, русском, грузинском и мингрельском языках, к 5-7 годам свободно говорит на всех этих языках. Но с самого малого возраста, с самых первых произносимых слов, он никогда не путает языки между собой, и никогда не говорит на субстрате из нескольких языков сразу! Ребенок, еще не понимая, что к чему вокруг него, абсолютно твердо разделяет все языки между собой, сколько бы их не было. Он никогда не пролепечет предложение, где были бы намешаны слова из всех известных ему уже языков. Это всегда будет предложение, составленное только из слов одного языка. Дитё как бы переключается где-то внутри себя с одного языка на другой абсолютно автоматически, в зависимости от возникших обстоятельств.



Это говорит, во-первых, о том, что мозг запрограммирован на изучение любого языка, а во-вторых, о том, что языки уже существуют в готовом виде где-то обособленно в закромах мозга, каждый в своей ячейке, и можно обратиться к любому из них. Для этого достаточно того, чтобы язык как бы сам открылся и активировался в качестве специфической формы-носителя понятий и образов. Чтобы язык это сделал, необходимо раздражать его ячейку постоянными посланиями его специфических форм, получаемых с помощью слуха. Чужих слов он не воспринимает и не раздражается на них, а на свои реагирует все активнее и активнее. Когда накапливается определенный уровень раздражения, происходит пробуждение языка, и он начинает жить самостоятельно, находясь в постоянной готовности переводить мышление хозяина в орфоэпические формы своего вида.

Все это вместе говорит о том, что язык существует в законченной форме, довлеющей над биологическими законами природы, поскольку ребенок не способен понять ни склонений, ни падежей, ни форм времени глаголов, ни спряжений, ни принципов работы суффиксов и т.д. Биологически, используя разум и логику, ему усваивать грамматику в возрасте одного года невозможно. Безошибочное овладение языком происходит в это время, опять же, нефизическим способом, но абсолютно надежным. Человек и затем, до конца дней, путается в грамматике и синтаксисе, не понимая ничего из того, что требует от него школьная программа, и, пытаясь всю эту муть только вы зубрить. Почему-то, никто никогда не удивляется - зачем тратить столько сил, времени и нервов на изучение того, что в совершенстве уже и так знаешь к 8-10 годам? За что ставится двойка нерадивому ученику, не выучившему склонения прилагательных женского рода, если он при этом готов рассказать совершенно дикую историю о том, что непредсказуемо помешало ему уделить внимание любимым прилагательным *при совершенно правильном применении всех склонений всех частей речи и при абсолютно правильном применении в своем устном рассказе всей грамматики всего своего языка!*?(и еще тысячу раз "!"!)?

Почему так трудно учить грамматику родного языка? Да потому, что нет ничего труднее, чем учиться тому, что знаешь и так, но знаешь это нефизическим образом, а тебе пытаются твоё органическое знание раскрыть в человеческо-логическом преломлении. Внутренняя, неподвластная человеческой логике жизнь родного языка не может сходить с методикой её интерпретации в виде набора правил и исключений, поэтому все эти правила и исключения совершенно не прилагаются к языку и человек остается неграмотным, зная все правила, до тех пор, пока он не начнет много читать или много общаться на уровне изложения отвлеченных мыслей и суждений, требующих поиска нестандартных словосочетаний. А сделать грамотным по учебнику нельзя. Дать русский язык в школьной программе русскому ребенку - не сводит ли судорогой брови от напряжения постичь саму нелогичность этой задачи? Как можно дать кому-либо то, что у него уже давно есть и чем он давно и успешно, не напрягаясь, пользуется? Это то же самое, что поймать в небе птицу и отправить ее на курсы правильного взмаха крыла, где ей будут рассказывать на какой фазе полета ей необходимо совершить какое движение хвостом или крылом, и где ей никогда не вылезти из бездарных двоек, если она это просто не вы зубрит, и, получив тройку, с облегчением не улетит, забыв обо всем, чему учили на курсах.

Если у ребенка овладение языком происходит нефизическим способом и скорее язык овладевает ребенком, а не наоборот, то, как это происходит в случаях профессионального изучения иностранных языков, которые происходят уже в возрасте достаточном для того, чтобы применять логику и проникновенно пытливым умом? Неужели и здесь язык выступает как самостоятельно действующее существо, которое надо не выучить, а разбудить в себе? Похоже, что так оно и есть. В настоящее время в мире существует около 3000 языков. Из них около 1200 - это языки американских индейцев, которых в настоящее время осталось около 17 млн. человек. Получается, где-то около 15 000 индейцев на один язык. Давно пора смешаться и прекратить такое дробление, образовав один общий язык, тем более, что все языки родственные. Для одного народа иметь более тысячи языков очень неудобно. Почему 15000 соседей не перемешают свой язык со своими 15000 соседями? Был бы уже один язык на 30000 человек. Теперь эти тридцать тысяч смешали бы свой новый язык с пятнадцатью тысячами других добрых соседей и уже было бы 45000 соседей на один язык. Все удобней и удобней. Все говорит за то, что согласно эволюционным взглядам, потребность и биологическая и социальная - налицо. То же самое в Дагестане. В маленькой стране, где нет и миллиона жителей, более 100 языков! Где все это время была закономерность эволюционного развития? Почему не сработала? Потому что из двух людей создать одного зачастую было бы также интересно, но это невозможно. Так и с языками. Язык может умереть, но он не может проникнуть в другой язык и стать с ним одним целым. Это совершенно разные самостоятельные существа, о чем говорит вся историческая практика.

Увидев реальные проявления характеристик биологически материального явления речи в устах человека, но, не сумев объяснить ее сущности из этой материальной и биологической формы ее проявления, нам ничего не остается, как предположить, что источник этих характеристик опять находится в нематериальном, то есть изначальном материальном. В этом случае человек не только не творец языка как такового, но и приобретая новый язык, он должен получать или готовое прирученное самостоятельное существо, или не получать ничего. Если вернуться к вопросу изучения иностранных языков и посмотреть на методы их изучения, то они следующие, и мы попробуем с ними разобраться именно в этом аспекте - выучивает человек язык головой и разумом, вмещая его в себя и подчиняя, или раскрывает его где-то у себя внутри, и они начинают сотрудничать?

1. Прямой метод изучения. Предусматривает прямое натаскивание преподавателем ученика с помощью многократного повторения слов и фраз языка, пока они не закрепятся в памяти. Он требует около 200 часов работы. Как видим, здесь нет никакого "изучения", то же самое происходит с человеком и в детстве, когда метод осваивания языка как раз самый, что ни на есть, прямой. Однако этот метод дает словарный запас и грамматические знания, но не дает знания самого языка. Человек уже все знает про язык, но еще не знает самого языка! Чтобы знать язык, нужна практика его применения, во время которой человек спотыкается на каждом слове и на каждой фразе до тех пор, пока не перестанет составлять в голове грамматические конструкции языка и подыскивать его правильные обороты. Как только он махнет на все это рукой, он тут же семимильными шагами начнет входить в язык и говорить на нем совершенно свободно. Язык становится "выученным" тогда, когда отменяются все логические обоснования

его закрепления в голове! Единственными обстоятельствами, связанными с успешным применением доселе неведомого языка, которые заставят его носителя теперь краснеть, будут только его нынешние ответы на контрольные вопросы его преподавателей по грамматике. Не говорит ли это о том, что методы работы нашей творческой логики не могут освоить языка только потому, что сам язык был создан не этими методами? То есть, без нашего творческого участия? Наши знания ничего не дают нам для приручения языка, они нас только знакомят с его повадками. Понятный и предсказуемый он живет вне нас до тех пор, пока мы не перестаем его логически понимать и методически прогнозировать, пока не впустим его в себя естественным и отрешенным от логики образом. Ткач может научиться класть кирпич, потому что приемы того и другого ремесла свойственно создавать человеку. Человек не может выучить язык по грамматическим таблицам и словарю, потому что ему не свойственно его создавать. Он может его только получать, Он его и получил от своих родителей, и, потянувшись к новому языку, так же его получает на каком-то моменте своего стремления к нему.

2. Лингафонный метод с помощью дисков или кассет. Этот метод дает более свободную форму выбора времени и настроения, чем предыдущий, но все, что относилось к первому методу, относится и ко второму. Разница только в том, что ехидный преподаватель заменяется здесь на неиссякаемо терпеливые технические средства.

3. Ускоренный метод. Это уже более продвинутый метод, при котором грамматика не изучается совсем, поскольку "польза" от этого изучения была замечена уже давно, как весьма сомнительная. При этом методе обучающегося заставляют разговаривать, разговаривать, разговаривать, слушать, слушать и слушать. Всё это только на языке изучения. Требование одно - как можно больше общаться и как можно больше слушать музыку (!). Язык при этом осваивается быстро и правильно. Это, скорее вторая фаза первого метода, когда на основе грамматики и законов языка происходит его практическое применение, но поскольку вся вторая фаза метода обходится без его первой фазы, то ее можно считать самостоятельным методом. А первую фазу изучения грамматики и словарных слов можно просто считать играми для любознательных. Поэтому нам здесь трудно что-либо добавить и в опровержение наших выводов или в их подтверждение, ибо о второй фазе первого метода мы уже достаточно поговорили. Единственно, что нам здесь интересно, так это упоминание о развитии музыкального слуха. Это как-то способствует, и мы не будем разбирать механизма этой помощи, отметив лишь то, что музыка - это единственный вид искусства, не имеющий в своей основе материальных образов! Если для изучения языка не нашлось ничего более родственного из всех видов человеческой деятельности, кроме самого нематериального в своей основе, то это только греет нам сердце, когда мы говорим о том, что источник жизни языков тоже нематериальный.

Есть еще один метод изучения иностранных языков, но он очень специфичен, и, наверное, в наше время уже не применяется. В средние века разведчики восточных государственных образований учили язык врага, просто находясь в их присутствии, и, заставляя их целый день разговаривать. Задачей разведчика было сидеть отрешенно среди болтающих пленников и стараться не думать ни о чем, а только впускать в себя их слова. В какой-то момент, после недолгих, но напряженных часов медитации на чужой речи, язык вдруг становился

понятным все больше и больше, и, наконец, становился полностью вторым языком общения. Метод сложен, но в его основе опять находится не методологический прием, а нефизический ритуал получения.

Есть еще способ изучения языка не для устного общения, а для научно-технического перевода. Для этого изучается грамматика, а затем начинается чтение прессы стран изучаемого языка. Основное требование при этом - как можно реже заглядывать в словарь и пропускать целые массивы текста, если есть хоть какое-то предположение об их смысле. Чем больше будешь догадываться, тем быстрее выучишь язык. Говорить на нем не сможешь, понимать речи не будешь, но будешь все переводить из печатных источников. Основной прием опять не усвоение, а интуиция, то есть сверхлогический путь. Подобное и должно познаваться подобным. Если язык имеет сверхлогическую основу, то и познать его можно только подобным же сверхлогическим подходом.

В заключение следует сказать, что никогда, никто и нигде не будет знать иностранный язык лучше, чем человек, получивший его с детства, когда его мыслительные способности были почти на нуле. Сцепления механизма мышления с владением языком не наблюдается никакого, следовательно, это явления не родственные, и наша умственная деятельность по созданию языка ни при чем.

Отсюда перейдем к главному - если творец языка народ, как это постоянно утверждается, то он, как творил язык, так и должен творить его дальше. Никаких причин прекращению этого занятия найти нельзя. Жизнь развивается и усложняется. Появляется множество новых понятий и даже материальных предметов, которые постоянно требуют себе присвоения новых и новых слов. Как же это происходит? А никак. Вот уже 5 тысяч лет все развитие всех языков происходит на основе уже имеющихся корней! Никаких новых слов не появляется на пустом месте. Где великий творец? Почему он перестал творить? Новых слов во всех языках единицы! Даже не десятки! Даже - менее пяти! Мы назовем их почти все. Вот они:

"лиллипут" - человек маленького роста. Придумал его Дж. Свифт в своих "Путешествиях Гулливера".

"Кодак" - марка фотоаппарата. Автор слова Джордж Истмен, американец, конструктор фотоаппаратов. Так он назвал свою первую фотокамеру. Ему всегда необъяснимо нравилась (!) буква "К". Она ему казалась важной и внушительной. Путем подбора слогов, которые вместились бы между двумя буквами "к", "кодак" и появился.

"Нейлон" - слово создавалось *за вознаграждение* по конкурсу одной из американских фирм в 30-е года XX века, открывшей новый материал. Из 350 слов, присланных почтой, выбрали слово нейлон.

Вот и все за пять тысяч лет! Пора отчислять "творца" за прогулы!

Более того, врачи-психиатры, описывая различные формы психически ненормальных состояний своих пациентов, нашли одно интересное явление, всегда присутствующее при всех формах умственного расстройства. Это - стремление и попытки создавать новые слова! Как видим, способность создавать язык принадлежит только большому разуму, нормальному человеку она вообще не свойственна биологически! Джонатан Свифт, как мы знаем, сошел, в конце

концов, с ума и умер сумасшедшим. Наделение какой-то буквы свойствами важности и внушительности тоже не отнесешь к явлению нормальной психики, а само количество участников конкурса (за вознаграждение!) на составление нового слова, (350 человек), объявленного по всей стране, знаменитой тем, что каждый ее житель просыпается утром и ложится спать вечером только с одной мыслью еще и еще хоть чуть-чуть заработать, очевидно, также отражает какой-то процент населения, имеющий болезненную тягу к словообразованию. Остальные нормальны.

Если мы хотим, чтобы история человечества не была историей потомков умственно помешанного животного вида, то мы не должны говорить, что человек когда-то создавал слова. Минздрав предупреждает!

Вызывает также сомнение участие человека в создании языка и тот факт, что в языке есть синонимы. В языках полно синонимов, но сам человек на поверку обнаруживает полную неспособность к их какому-либо образованию. Он пользуется тем, что уже у него есть, хотя явления, описываемые одним и тем же словом, давно уже перестали иметь однозначный смысл. Если человек умел когда-то создавать синонимы, и, согласно этой потребности, зачем-то насоздавал "жару-зной-пекло" или "дитё-ребенка-чадо-отпрыска", или "бездну-пучину", или "бездельничать-волынить-лодырничать", или "тоску-грусть-печаль-уныние" и т.д., то где синонимы таким современным процессам, как смотреть футбол, смотреть кино, смотреть в глаза, смотреть в суть? Каждому "смотреть" в каждом случае требуется добавочное слово, чтобы уточнить процесс. Где синонимы на звонить в дверь, звонить по телефону, звонить в колокольчик? Это абсолютно разные физические действия и по назначению и по манипуляциям. Разве не проще каждому из них придумать свой синоним?

А трубка мира может быть сотовой? И нельзя ли тогда раскурить телефонную трубку? А где синонимы, например, таким интересным действиям, когда мужчина любит мужчину, а женщина женщину? Рядом с нами как-то незаметно появилось и набирает силу некое новое человечество гомосексуальной устремленности, причем раньше это считалось преступлением, потом трактовалось как извращение, затем приобрело статус психического отклонения, дальше стало безобидной слабостью, а теперь отовсюду это вообще подается нам как совершенно обыденная, повседневная и, чуть ли не обязательная, вещь. Фабулой большинства произведений искусства по-прежнему остается любовный треугольник, но он все чаще и чаще оформляется в виде формулы отношений, в которой она любит его, а он любит другого. Стыд от этой беды совершенно утерян, и в настоящее время можно с удивлением увидеть, что на больших площадках старательно поет большой мужской хор ... геев (интересно, как они сдают экзамены на вступление в этот творческий коллектив?! Скоро вообще непонятно будет, кого относить к сексуальным меньшинствам - мужчин, бегающих за женщинами, или мужчин, бегающих за мужчинами? Скорее всего, к ним отнесут женщин, бегающих в поисках мужчин и мужчин, убегающих от мужчин. Но даже этот легион проказников не может дать своим играм специфических названий, а пользуется старым.

Если безо всякой пользы создавались синонимы таким понятиям, как грусть и печаль, между которыми нет никакой разницы, то где совершенно необходимые синонимы словам цветной телевизор, черно-белый телевизор, телевизор с плоским экраном, с полиэкраном, с

телетекстом, и т.д.? Где синонимы к понятиям наручные часы, карманные часы, электронные часы, кварцевые часы, часы с самозаводом, мужские и женские часы, башенные часы, песочные, солнечные, золотые? Нет этих синонимов, а, следовательно, человек не только не может образовывать в здравом уме новые слова, но не может даже из готовых слов получить что-то выходящее за их звучание. Полная беспомощность сейчас, а тогда где основания утверждать, что некогда была столь же полная способность? Синонимы - признак речи, говорящий о том, что речь произошла не от человеческих дарований.

Также невозможно объяснить участием человека наличия в его речи и омонимов. "Придется поблудить по коридорам" - это как понимать? "Взять косу и обрезать косу, выйдя на оконечность косы" - в этом какой был смысл? Зачем надо было разным понятиям присваивать одно и то же слово? Если корова отелилась, то будет теленок, а если овца *окотилась* - то кто? А неужели цветы "калы" пахнут калами? А можно ли кактусом называть не только растение, но и обидно кого-либо обозвать? И - хранение в анналах, это, все же, смеем надеяться, не хранение анальным способом? Положительная женщина - это та, которую можно положить? А, тогда, стойкая, - это какая? И надо ли выводить деньги, если они "завелись", как в случае с тараканами? А если есть домашние хозяйки, то есть ли дикие? А "широчайшее покрытие" в рекламе сотовых телефонов должно ли особо привлекать зоотехников, которых всегда живо заботит - насколько плодотворно бык покрывает корову? А "первые десять секунд пользования - бесплатно" в рекламе тех же сотовых компаний - можно применять в рекламе публичных домов? И почему место, где заседают депутаты, называется "палатой"? Их там, что, - лечат? А если у некоторых стран парламенты двухпалатные, то это значит, что у них эпидемия и одна палата уже не справляется? Зачем одно и то же слово присваивать разным предметам и действиям? Если кто-то первый ошибся, то почему его второй сразу же не поправил? Потому что - получили, что получили, а пользуемся, как умеем, отсюда и омонимы. Тьма таит тьму опасностей. А вот фраза, составленная полностью из одних омонимов - клубы заволокли клубы. Куда они их заволокли? И кто кого "заволок"? Тут и готовое не сразу поймешь, не то, что создашь с нуля.

Есть еще более забавные факты, когда человек не только не дотягивает до уровня своего же языка, но и забывает некоторые его части, поскольку они непосильны для его сознания. Например, только у народов, имеющих письменность, сохранились обозначения всех цветов радуги. Они записаны, и их трудно, поэтому, забыть. Народы же, не имеющие письменность, или забывшие ее, забыли вместе с ней и названия некоторых, постоянно *лежащих у них перед глазами*, цветов! У них не все цвета имеют свое название, а несколько (до трех сразу!) цветов могут обозначаться одним словом. Есть даже европейские языки, где слов для цветов уже не хватает! Так у древних греков слово "кюанэос" означает одновременно и синий и черный. Этот народ не был дальтоником, но и он успел уже на заре человечества забыть, как называется каждый цвет! Ладно, синий и черный, - это еще полбеды, а вот как быть с сербским "плав", которое обозначает сразу и желтый цвет и голубой? Тут-то, какие ассоциации? Развитые греки и развитые сербы уже не могли забыть этих слов, это, конечно же, произошло раньше, когда язык был только-только получен, и трудно было его усвоить полностью. Невозможно же, в самом деле, утверждать, что человек сам создал слово по самой, что ни на есть насущной практической

необходимости в нем, а потом эта насущная необходимость осталась, а слово для нее - потерялось. По всему видно, что никакой связи между лексиконом, и житейскими требованиями выживания нет, поскольку, если остаются житейские требования, то куда подевались слова?

Бывает и наоборот, когда из языка уходят слова, которые вообще не могли иметь никогда никакой житейской необходимости. С одной стороны понятно - связь земных задач и слова налицо, но с другой стороны понятно и другое - если слово существовало безо всякой применимости к земным задачам, то каким образом человек вообще мог его создавать? Для чего? В качестве примера можно назвать забытое русскими двойственное числительное. Трудно сразу вообще понять - что это такое, не так ли? Однако русские когда-то имели в языке способ одним числом называть сразу два числа вместе! Естественно, что это слово потерялось, но естественно ли то, что какой-то древний русский мог создать такое слово, которое мы и сейчас не знали бы куда приткнуться? Явно, такие части речи должны приходиться сверху, от Него.

Интересную в этом направлении пищу для ума дают и наречия. Как известно они являются грамматической формой речи, образованной от других частей речи. В этом случае, вроде бы, легко проследить источник появления слова и предположить, что это именно человек приложил руку к его созданию. Хорошо - от хороший, звонко - от звонкий, тяжело - от тяжесть, налегке - от легкий, вдали - от даль, задом - от зад и т.д. Однако первое, что вызывает здесь недоумение, так это то, что логика образования наречий совершенно выпадает из логики всего языка. Если наречия образуются изменением окончания на -о, -е или -и, то почему наречия не формируются из себя существительных среднего рода, как в первых двух случаях, или существительных множественного числа, как во втором случае? Весь язык просто вопит русским людям о том, что -о и -е являются окончаниями существительных среднего рода, а в это время они (русские люди) образуют слова, не являющиеся вообще существительными, именно с помощью этих окончаний! Весь язык настойчиво повторяет человеку, что окончание -и образует множественное число из существительных, а человек берет и этим окончанием образует наречие? И здесь нет никакой человеческой логики. И тут нет никакой логики. И теперь нет никакой логики. И там нет никакой логики. И всегда нет никакой логики. Чего это мы повторяемся? А того, что пусть нам объяснят - от каких слов образовались наречия "там, здесь, тут, теперь, всегда" и другие наречия, не имеющие источников в речи? Они просто с неба взяты, эти наречия, еще раз доказывая собой, что даже сама форма речи, которая по нашей логике призвана идти от частей речи, на самом деле идет сверху, от Него.

Есть еще одно соображение относительно того, что все языки имеют один источник, но не человеческий. Человек, за что он не возьмется, обязательно создает что-то принципиально отличающееся от того, что создаст представитель другого племени, взявшийся за то же самое. Биологически это один и тот же человек, но, например штаны на всех континентах совершенно разные. Если они вообще есть. У соседних народов есть ятаган и сабля, два совершенно разных не только по виду, но и по способу применения, вида оружия. Музыка арабов для нас - какофония, а наш симфонический оркестр для них - оскорбляющий эстетику шум от потеющих в концертных костюмах людей. Одни народы пахнут плугом, а другие совершенно другим приспособлением, но одну и ту же землю. Один и тот же сорняк встречается то с мотыгой, то с

тяпкой, то с заступом, то еще с чем то непонятным, но таким же неприятным. Даже танцы у всех народов разные. Сравните присядку и бушменский танец, танец живота и выход грузинской девушки. Если европейка поставит вазу на центр стола, то азиатка ее машинально передвинет к краю - так для нее в картине стола появляется скрытое движение к центру и это соответствует ее понятиям о том, что такое "красиво". Все отличается не только по виду, но и по самому принципу осуществления, заложенному вовнутрь творчества.

Если подойти ближе к языку, то давайте посмотрим, как по-разному проявляются расовые и национальные особенности людей при создании ими письменности. Это творчество, наиболее приближенное к языку. Это почти и есть язык, вернее его кодирование специальными знаками. Здесь мы не найдем также ничего, что повторяло бы друг друга или было хоть в какой-то степени аналогичным. Здесь и квадратное арамейское письмо, и алфавитное письмо разных народов, и слоговое (японские хиракана и катакана), и иероглифы, и арабская вязь, и месопотамская клинопись, и грузино-армянские крючочки, и черточки санскрита и узелки инков и Бог еще весть что. Пишется все это и слева направо, и справа налево, и сверху вниз группами и сверху вниз строками и по всякому. Каждый народ создал себе письменность *полностью отличающуюся по принципу кодирования языка от других письменностей!* Это все потому, что существует расовое и национальное мышление, которое проявляется не только в мировоззрении и эстетике творчества, но, как видим, и в преобразовании речевых форм языка в зрительные формы. А теперь вопрос - если мышление у всех людей настолько разно проявляется в их творчестве, то почему все языки абсолютно одинаковы и созданы по одним и тем же принципам? Во всех языках есть местоимения, склонения, префиксы, суффиксы и наклонения, наречия, причастия, деепричастия, падежи, неопределенная форма глагола, согласование и т.д., то бишь есть все из того, что составляет основу любого языка? У лингвистов есть даже такое понятие - "языковые универсалии", то есть универсальные черты и свойства, присущие всем языкам. Нигде нет ни одного языка, который был бы создан не по этому одному и тому же универсальному принципу! Где-то может отсутствовать род, где-то нет артиклей, а, где-то они есть, где-то есть долгие гласные, а где-то их нет, но основа языка, несмотря на все эти мелочи, везде одна и та же - и у полинезийского мечтателя и у североамериканского практика. Некоторые совпадения просто поразительны. Например, *во всех языках* название чисел от одного до миллиона составлено из 37 слов (от 1 до 20, от 30 до 100, от 200 до 900 и тысяча)! Везде есть служебные слова и никаких фокусов, заменяющих их! Ни в одном языке нет множественного числа к вопросительному местоимению "кто" или к указательному местоимению "кого"! А логично было бы их иметь! Разве не существенна разница в вопросе: "Угадай, милый, - кого я встретила сегодня, и кто завтра придет к нам в гости?" Не очень хорошо, конечно, если милая встретила *ту самую* подругу, с которой когда-то ходила на шейпинг, а что если вообще подразумевается, что она встретила рок-группу из семи человек, в которой когда-то солировала на бесшабашном первом курсе института? Простая способность языка передавать самим вопросом в этом случае единственное или множественное число участников завтрашнего вторжения избавило бы от шока в первом случае и не оттягивало бы катастрофы второго варианта, для чего можно было бы и не делать лицом вида искренней заинтересованности, а сразу изобразить прединфарктное



состояние. Однако повторяем, что даже эта столь важная способность языка, также отсутствует у всех абсолютно народов. Разве не нарушение это общей закономерности того, что творчество разных рас всегда абсолютно отличается друг от друга? И разве не подтверждение это того, что это один и тот же по своей сверхчеловеческой логике язык, но переданный всякий раз разными своими оформлениями, которые придают ему ложный вид множества языков?

Есть даже общий признак этого общего закадрового языка, и этот признак объединяет абсолютно непонятным образом полностью все земные языки. Это такое одно общее свойство у всех языков, которое не показывает какого-либо специфического отличия одного языка от непосредственно соседского, но если взять все языки вместе, то это отличие проявляется, и получится интересная и теснейшая взаимосвязь языков между собой - мы говорим о процентном отношении гласных и согласных звуков внутри слов. Здесь чем ближе народ расселен к экватору, тем больше в его языке гласных звуков, а чем ближе народ уместился к северному или южному полюсу, то тем больше у него в языке согласных звуков. Физиологией этого объяснить нельзя. Люди везде анатомически одинаковы. И природными условиями этого объяснить нельзя - норвежцы и племена южной Африки живут совершенно в разных климатически-природных зонах. А закономерность сохраняется. Есть над чем подумать, не так ли?

Даже отхожие места у разных народов разные (попади вы в японский национальный деревенский туалет - долго придется соображать, как и куда там пользоваться, хотя "чем" и "как" нас с японцами ничто принципиально не рознит). Но нет ни одного случая, чтобы нельзя было легко и органично перевести тексты одного языка на другой язык. А ведь "Щелкунчик" не переложишь и не переведешь на индийский музыкальный язык! Из турецких шаровар французских брюк уже не пошьешь! Из ятагана сабли не сделаешь! Откуда одинаковые языки? Естественно, что от Него, потому что это Он один, а нас много. Вот Он и раздал нам всем одинаковые по технологии изготовления конфеты, но с разной начинкой и в разных обертках. Поэтому то, что существенного есть в одной конфете - есть и во всех остальных, а того существенного, чего нет в одной конфете, - нет и во всех остальных.

Однако если человек языка не создавал, то, что он с ним сейчас делает? Что это за процесс, который называется "развитием" языка? Языки развиваются, тут спору нет, но как они развиваются? Для пояснения приведем пример основного, доминирующего вида развития языков. Догадайтесь, что общего будет в тех словах, которые сейчас будут приведены ниже:

харчи, вермишель, известь, грамотность, сахар, чай, дом, прохвост, нервы, чемпион, ерунда, абсурд, август, агрегат, багаж, балкон, номер, шахматы, набекрень, протест, бельмес, билет, черешня, бунт, вал, гавань, дата, ералаш, жакет, закупорить, шашка, брюки, вата, гараж, делегат, жесь, зал, идеал, кабинет, шелк, буква, вентилятор, гардероб, деньги, журнал, залп, идея, шпаргалка, бумага, винегрет, гвардия, диван, зона, идиот, кавардак, шпион, агент, барабан, виноград, диспут, зонт, изюм, казак, поэзия, штаны, армия, блуза, винт, генерал, доска, инвалид, казарма, штукатурка, алый, блюдо, вокзал, герой, инженер, календарь, негр, этаж, акула, ботинок, вульгарный, гигант, институт, каникулы, ябеда, бригада, гимн, кандидат, такси, метро, конфета, магазин; ярмарка, буфет, гимнастика, капитал, кукла, лагерь, май, градус, капитан, кустарь, лампа, манка, мастер, набат, ад, бутылка, графин, каприз; лекция, материя,

нота, суббота, грамота, карман, линейка, машина, операция, пельмени, картофель, лодырь, милиция, пепел, портрет, реклама, каторга; коридор, локон, министр, пенсия, сабля, томат, аккуратность, квартира, минута, перец, салат, табуретка, квитанция, монета, петрушка, президиум, рычаг, такт, кит, мораль, пиджак, почта, роман, сарай, таможня: класс, музей, пилот, приятель, роза, сарафан, тарелка, козырь, музыка, пионер, рисовать, сахар, театр, флот, койка, орган; планета, ремонт, секрет, тетрадь, форточка, концерт, офицер, поганый, резина, ситец, тормоз, корабль, очаг, помидор, редиска, собака; фуражка, космос, радио, пай, солдат, товар, фонарь, жираф, фартук, костюм, паспорт, реальный, спектакль, товарищ, кошка, парад; ранец, стакан, трамвай, фиалка, чужой, крестьянин, патриот, ракета, стиль, стул, трусы, флаг, тужурка, туфли, фат, фиолетовый, чулок; комбайн, трактор, танк, дивизия, характер, шеф, экзамен, канцелярия, консерватория; лекция, интерес, экспорт, импорт, дискуссия, координация, коллега, дама, нация, компромисс, пьеса, струбцина, бухгалтер; фамилия, слесарь, стамеска, жури, шхуна, киль, инженер; аренда, габарит, бульон, десерт, рагу, пломбир, карта, телефон, трико, пудра, спорт, парфюмерия, люстра, телевизор, квадрат, плед; футбол, баскетбол, гандбол, волейбол, митинг, лидер, километр, куб, бойкот, пианино, фортепиано, опера, команда, кофе, штаб, гауптвахта, атмосфера, комета; контора, биография, география, математика, горизонт, комиссия, будка, алмаз, дефект, шоколад, гамак, ураган, тротуар, билет, маршировать, дрессировать; тамада, сабантуй, республика, религия, тенденция, студент, школа, церемония, форум, рецепт, траектория, эгоизм, фундамент; формула, инфекция, видео- и аудио-, абрикос; кавалер, дата, пицца; бант, галстук, бутерброд, касса, тип, хоккей, ритм, чек, кафе, ресторан. Продолжать можно еще очень долго и долго, и во всех этих словах будет одно общее - все эти русские слова имеют нерусское происхождение. Развился или не развился русский язык, позаимствовав столько иноземных слов? Несомненно, развился. Не прихвати он этих слов - это был бы совсем другой язык. Но с другой стороны, - а *сам из себя* язык развился? Нет. Он просто *добавил* к себе слова, но сам остался тем же по своей сути языком.

То, что мы называем "развитие", на самом деле не что иное, как взаимообмен словами между языками. Русский язык в этом не одинок. Самый распространенный сейчас международный язык, английский, на 75 процентов состоит из латинских и французских слов. Чем более язык восприимчив к усвоению в себя слов чужого языка, тем этот язык живучее и сильнее. Те языки, которые озабочены своей чистотой, чахнут и сворачивают пределы своего распространения. О чем нам это говорит? О том, что никакого развития в смысле творчества не происходит, а происходит повсеместное заимствование слов других языков, что процесс тоже творческий, но не творящий, а приспособляющий. Человек может прекрасно полученное слово приспособить, но не может его создать сам. Ему не дано.

Еще это говорит и о том, что словарный запас ничего не дает для специфичности языка. Все слова в мире давно перемешаны. Специфика языка определяется грамматикой и фонетикой. Это то, что отделяет язык от языка непреодолимой стеной.

Если человек так настаивает на том, что он создал свои языки, то пусть создаст один общий язык в настоящее время, когда для этого не только биологические потребности, но и политические, социальные, информационные и другие условия общения народов просто вопиют

об этой необходимости. Переводчики уже не справляются с той массой документов, которая растет и растет сообразно все большему объединению человечества вокруг одних и тех же общих проблем. Деятельность совместная, а разные языки тормозят ее до предела. Это уже стало одной из основных проблем человечества наряду с экологией и атомным оружием. В ООН лежат горы проектов о том, как выбраться из этой ситуации, когда настоятельная необходимость молниеносного распространения какой-либо информации научного или гуманитарного характера ждет своей очереди месяцами и годами на потоке документов, которые обрабатывают переводчики.

Другая сторона проблемы состоит в том, что любой перевод обязательно искажает первоначальный смысл документа. Чем больше языков прошел документ, тем дальше он от своего первоначального содержания. И бороться с этим совершенно невозможно. Каждый язык при почти одном и том же уже словарном составе - абсолютно обособленная вселенная, которая с трудом сопрягается с условиями соседней вселенной. Французские лингвисты провели эксперимент, во время которого 14 лучших переводчиков разных национальностей сели за круглый стол и попытались поочередно перевести одну и ту же фразу. Каждый переводчик знал язык соседа справа, от которого он слышал фразу, переводил ее в уме и говорил на своем родном языке ее содержание своему соседу слева, и так по кругу. Текст был простым: "Искусство пивоварения так же старо, как история человечества". Первым произнес фразу немец и, когда она к нему вернулась, то он услышал: "С давних времен пиво является одним из любимых напитков человечества". Вроде все то же, но совсем не то. Переводу доверять нельзя в том смысле, что он передает общее содержание точно, но мелкие нюансы, которые сопровождают это общее содержание, при переводе видоизменяются до такой степени, что совершенно искажают точно переведенные основные положения текста.

После этого в Москве решили доказать, что дело тут не в переводе, а только в его устной форме, при которой переводчик ограничен во времени для тщательного разбора фразы. Утверждалось, что если перевод производится письменно и не в пределах одной фразы, вырванной из общего контекста мысли, а на основе конкретного законченного абзаца, то результат будет удовлетворительным и искажений не будет. С социалистическим задором были привлечены профессиональные переводчики, преподаватели вузов, а также иностранные студенты, знающие смежные языки. Каждый из участников нового эксперимента знал два языка, получал текст, переводил его и передавал соседу. Чтобы утереть нос капиталистам, было взято не 14, а 20 переводчиков, которым был предложен следующий текст из Гоголя: "Она сплетничала и ела вареные бураки по утрам и отлично ругалась - и при всех этих разнообразных занятиях лицо ее ни на минуту не изменяло своего выражения, что обыкновенно могут показывать одни только женщины". Результат был поистине достоин размаха эксперимента. В итоге получилась фраза: "Выпив компот, она выбросила из хижины старье, а он радостно забил в тамтам". Мы разделить с "ним" эту радость не можем даже в самых скромных формах, поэтому необходимость во всеобщем языке давно постучалась в дверь человечеству, и тут самое время доказать, наконец-то, кто в доме настоящий творец языков!

Если человек из "бы бу ба" в диком состоянии когда-то смог создать мечтательное "бабу, бы!", а все остальные, такие же дикие, дружно подхватили, да так всем понравилось, что через короткое время появилась поэма о Гильгамеше, то сейчас это вообще должно быть проще простого! Ну, просто - раз плюнуть! Почему бы и нет, если мы можем? Такие цивилизованные и такие продвинутые! Можем же, если первобытный предок мог! Плюнуть, - можем. И не раз. А языка создать не можем. Ни разу. Полное фиаско. Может быть, не те люди этим занимались? Да нет, как раз - самые "те":

Таммазо Кампанелла, (1568 - 1639), полный провал, что-то получилось, но нигде не прижилось, умерло вместе с ним. Ян Каменский, (1592 - 1670), разработал всеобщий и полностью готовый язык - о Каменском знают все, а об его языке никто. Видно не по заслугам Каменского, а по заслугам созданного им языка.

После этого героические усилия на этой стезе предпринимали такие непростые люди, как Френсис Бэкон, Рене Декарт, Г. Лейбниц и Исаак Ньютон (!). У каждого из них были отдельные успехи, но даже сейчас, упоминая их ИМЕНА в связи с попытками создания общечеловеческого языка, хочется отнести это в раздел "Чудачества" или "Незатейливое Хобби", потому что не хотелось бы говорить об этом, как о научном фиаско, чтобы не подмачивать репутации поистине великих людей.

Екатерина II в свободное от работы время занималась тем, что, (не подумайте плохого), непрестанно интересовалась результатами деятельности специальной комиссии ученых, которую она назначила для создания единого всемирного языка. Может быть, именно роковые неудачи работы этой комиссии так повлияли на ее неустроенную и неупорядоченную личную жизнь...

Ни монаршая воля, ни честный помысел ученого не сдвинули проблему ни на йоту с той мертвой точки, на которой она находилась. Шанс у всемирного языка появился тогда, когда на арену человеческой истории вышла новая безумная сила, шизофреническая мощь которой должна была бы помочь в данном процессе, поскольку придумывание слов, как мы помним - неотъемлемое свойство шизофрении. В 1867 году на II Конгрессе психов, который назывался I Интернационалом, была принята естественная для такого сборища резолюция, где говорилось о необходимости проведения реформы орфографии как цели создания всеобщего языка для братства наций. Масла в огонь распаленного революционного бреда подлил К. Маркс, который заявил, что если бы был один язык, то ничего не препятствовало бы интернациональному объединению профсоюзов! Если эти люди за что-то брались, то брались. Чаще они брались за то, к чему их вообще нельзя было подпускать, но они всегда получали результат. Он был всегда отрицательный, но он всегда был. А то занятие, которое как бы специально могло быть создано для таких, как они, вообще не дало никакого результата, даже самого плачевного. Резолюция была не выполнена. Если уж у них не получилось, то больше шансов не будет ни у кого!

Об этом, наверное, не знал француз Сюдр, который создал всемирный язык и назвал его "Сольфасоль". В этом языке все слова состоят из названий семи нот. Казалось бы - оригинально и просто, но человечество не оценило. Трудна стезя гениев и их творений.

После этого появлялись еще такие языки, как "универсалглот", "окуинденталь", "оджуванто", "новиаль", "интерлингва", "идо". Один из героев рассказов Джека Лондона объясняет неудержимое желание убить своего соседа риторическим вопросом: "Ну, скажите, имеет ли право жить на свете человек, у которого фамилия - Клеверхаузен?" Надо уточнить, что это только для него вопрос был риторическим, на самом же деле ответ не столь очевиден. Но в нашем случае будет достаточно отослать любого интересующегося вопросами создания искусственных языков только к названиям этих языковых шедевров, как сразу вывод становится совершенно очевидным и без дальнейшего подробного с ними ознакомления. Языки с такими фамилиями по определению не должны жить на свете. Они и не живут.

Один из таких языков остался совсем без названия, ибо никакое самое говорящее название не передало бы всю глубину идиотизма его идеи. Он просто известен как язык, созданный Е. Гуриным. Другой оригинальный талант этого направления, немец И. Шлейер, сумел, наоборот, в названии не только передать всю суть созданного им языка, но и всю глубину своего душевного состояния. Язык назывался "воляпюк". Но дальше гениального названия дело не пошло. В языке не смог разобраться даже Лев Толстой, который тоже не отличался показательной психикой. Но это обстоятельство ему не помогло. Как и воляпюку (трудно удержаться, чтобы еще раз не привести это прекрасное по отраженному смыслу слово).

После этого в 1887 году появился эсперанто, автором которого был варшавянин Людвиг Заменгоф. Это был очень простой по конструкции и по словообразованию язык. Шуму понаделал он много. Считалось, что вопрос, наконец-то, решен. Трубили фанфары и били барабаны. Развевались стяги и производились фейерверки. Празднование органично перешло в похороны. У эсперанто были шансы за более, чем столетний свой возраст. Он ими не воспользовался. А не воспользовался он ими потому, что у него этих шансов не было.

*Люди не могут делать то, что может делать Бог!* Когда Адам захотел стать как Бог, он увидел, что он - наг.

В настоящее время этим интеллектуальным эксгибиционизмом занимается еще множество людей. Число имеющихся международных языков перевалило уже за 300. В данном случае, когда множество состоит из нулей, оно должно также считаться нулем, каким бы количественным числительным этот нуль не выражался.

Безумствовать можно бесконечно. Мы даже можем предложить свой вариант всемирного языка. В 1975 году компьютер подсчитал, что Шекспир обошелся в своем творчестве 31 000-ю слов. Следовательно, набором числительных 1,2,3,4,5,6,7,8,9,0, и их взаимной комбинацией, можно выразить тридцать одну тысячу слов и язык готов! Однако и этого для общения слишком много. 14000 слов Шекспир употребил всего по одному разу, 4000 по два раза, 2000 - по три, 1500 по 4 раза, 1000 по 5 раз, 800 по 6, 600 - по семь и т.д. Итого более 80% слов, (26 000), употреблялось не более 10 раз. Чтобы выразить оставшееся количество слов достаточно десяти арабских цифр, причем местоимения сразу же получают символы от 1 до 6 цифры. Падежей достаточно оставить не более двух, (вспомним, сколько их в английском). Для существительных примем четную комбинацию цифр, а для глаголов - нечетную. Для прилагательных привлечем какой-нибудь арифметический знак, например "\", (если стоит такой знак перед комбинацией

цифр, то вне зависимости от того четная она или нечетная, мы будем знать, что это прилагательное), а для остальных грамматических форм - римские цифры и их комбинации. Для каждой части речи - своя комбинация. Примирили и Восток и Запад, создав общий язык в письменной форме. Для устной его формы возьмем любой язык, где образование и произношение числительных самое простое, быстренько выучим счет до тысячи, и начнем полученный язык набирать универсальным языком. Римские цифры будут звучать так же, как и арабские, но выделяются щелчком языка, чтобы разделять части речи. Прилагательные выделяем присвистом, (поганить что-нибудь - так до конца!). Не более 15 минут работы, и язык придуман.

За сутки можно придумать до десяти искусственных языков между приемами пищи, отдыхом, актами ликования, процедурами и обходами дежурного врача.

Резюме можно подвести одним анекдотом, в котором после просмотра передачи по телевидению об одной из экзотических стран, где датой рождения считается только тот момент, когда человек уже обзаводится собственным домом, машиной и достигает безбедного существования, один из телезрителей обращается к своему соседу: "Кум, когда я умру, напиши мне на могиле - "Родился мертвым".

Все эти языки рождаются мертвыми, но очень похожими на настоящие языки так же, как остаются мертвыми скульптуры, созданные людьми, ибо они созданы людьми. Оживлять может только Бог. Для этого достаточно набору звуков попасть в зону действия языка, как они оживают и начинают нести в себе смысл и неограниченные возможности трансформации. Попадая в искусственную безжизненную зону псевдоязыка, создаваемого человеком, самые продуманные слова и грамматические приемы остаются мертвыми и неспособными жить самостоятельной, законоформирующей жизнью. В этой связи очень показателен феномен матерного языка, где есть всего три слова, два из которых обозначают мужской и женский половые органы, а третье - то действие, которое совершается этими органами при их соответствующей подготовке. В качестве украшательного элемента в этом языке служит всего одно, четвертое слово, которое считается литературным, но его не принято приводить даже в литературе без особой крайней надобности. У нас этой надобности не возникает, несмотря на опасную близость темы, поэтому мы, не называя ничего своими именами, но, будучи уверенными, что все понимают, о чем идет речь, просто напомним, что этими четырьмя словами образован целый язык, на котором не ругаются, а *разговаривают!* По выразительности он не уступит, а зачастую и превзойдет литературный язык. Если кого коробит такой пример, то мы ему предложим два слова: "перифрит" и "мезолефер". Они нам ни о чем не говорят, как искусственно созданные, но, если мы представим их в таком, например, виде, как "Перифрит Мезолеферович", то они станут сразу же нести абсолютно конкретную информацию. Таково то свойство живительного поля языка, в которое они попали. Если мы возьмем только одно слово "мит", которое ничего не значит, то из него одного мы можем получить вполне определенные фразы на нескольких языках сразу: Митный мит митно митнул митиху, митую митяев, - русский язык. Мити Мит митли моут Мити, митинг митиз, - корявый английский язык без артиклей для чистоты картины. Митерер Мит митзам гемитте Миттенен, бемитинг Миттенен, - плохой немецкий тоже без артиклей. Митнеули мити митоба митда калмитонад, митеби митод, - ужасный грузинский, но все же грузинский. Экспериментировать

можно с любым языком, везде будет получаться так, что язык передает нам смысл не через содержание конкретных слов, а через некий неуловимый, но неумолимый закон, формирующий у нас мгновенную картину содержания мысли нелогическим путем получения каких-то готовых порций взаимосвязанных понятий. Получается, что мы можем знать язык, не зная его слов, и не зная языка, даже зная все его слова. Слова, как явления материальные, являются лишь придатком, конечным оформлением чего-то нематериального, но законодательно первичного. Можно заменить все слова языка на другие, но язык останется тем же самым языком. Можно ввести во все языки одни и те же слова, но эти языки останутся разными языками. Если сущность языка не подвержена изменению путем изменения материальной его составляющей, то, следовательно, эта сущность нематериальная, а надматериальная и к нам никакого отношения в смысле возникновения не имеет.

Но мы не только не умеем создавать языки, но еще и губим то, что нам досталось в свое время. Там, где человек прикасается к языку методологически, происходит его полная идиотизация. Например, умные дяди и тети уже не один век пытаются убедить русских, что "кофе" не среднего рода, а мужского. С чего они такое взяли - совершенно непонятно! Все слова, имеющие окончание -о или -е в русском языке - среднего рода. Отнесение кофе к существительным мужского рода - явный признак затянувшейся шизофрении на почве лингвистики. Точно также нельзя говорить о пальто во множественном языке "польта". Если бы заумники не мешали этому процессу, то это слово давно прижилось бы и стало естественным, а язык более живым. Даже на ударения в словах получили монополию некие лица с научными регалиями, а не сам язык, который хочет баловать ребенка с ударением на первом слоге, а они предписывают ему это делать с ударением на третьем слоге. То же самое можно сказать о слове "красивее", где предпочтение для ударения отдается почему-то букве "и". Спросите у любого электросварщика от Бреста и до Курил: "Чем ты осуществляешь свой рабочий процесс?", (спросите именно так, ибо, если вы спросите: "Что ты все время держишь в правой руке во время работы?", то его ответ может или не уложиться в рамки нашей темы, или радостно воспринять как предложение), и он вам четко ответит: "Держаком!". А, начиная с тридцатых годов, официальная отраслевая литература называет держак "электрододержателем", и сварщик получает двойки на переаттестациях, если держал несколько раз непосредственно перед экзаменом в правой руке совсем не держак, и не может выговорить его официальной фамилии. Очиновленный человек убивает живой язык всеми силами своего таланта. В этом он видит свой прямой долг перед потомками.

Между тем и простой люд обходится с языком совершенно определенным образом, который никак нельзя назвать показательным в плане способности народа что-либо в этой сфере создавать. Все происходит ровно наоборот. Рассматривая процесс заимствования слов языками, постоянно натываешься на тот способ, который является основным и сопутствующим в этом процессе. Это - неуклонное упрощение слов и словосочетаний от языка к языку. Для начала рассмотрим, как это происходит с тем, что человек, вроде бы сотворил сам - с топонимикой. С географическими названиями. Здесь, несомненно, авторство человека. Но и здесь, во-первых, не придумано ни одного слова, а использованы все уже имеющиеся, а, во-вторых, посмотрим - что

происходит со временем с географическими названиями, когда они передаются из уст в уста? Здесь название не несет никакого идеального понятийного смысла, оно относится к абсолютно реальному, конкретному месту или наглядному объекту. Надо только его запомнить (это название) и повторять. Ничего трудного. Но даже и здесь вот что происходит:

Ялитпа (от греческого "приморская") - получилось Ялта;

Корчев (древнерусское "город кузнецов") - Керчь;

Баконго (название африканского племени) - Конго;

Трэс Таберна (древнеримское Три Таверны) - прошли столетия и теперь это немецкий город Цаберн;

Сан-Франциско еще так и пишется на картах, но сами американцы давно уже называют его просто Фриско, то же самое произошло и с Лос-Анжелесом, который теперь в разговорной речи называется не иначе, как Элэй;

Данар - Днепр и Данастр - Днестр, на первый взгляд это небольшие изменения, но не в сторону увеличения числа букв;

Ринос (кельтский "река") - Рейн;

Кольдельерас Де Лос Андес (по-испански "медный хребет") по выбору можно называть хоть Кордельерами, хоть Андами, но даже на географических картах этот горный массив уже никогда не пишется полностью;

Бронта - Прут;

Олегов - Льгов;

Дебрянск - Брянск;

Староград - Штаргард;

Драждяне - Дрезден;

Аугуста Виндикорум (римское "крепость Августа в стране вендов") - Аугсбург;

Ени Гель (турецкий, "новое озеро") - озеро Ингул;

Санкт-Петербург - давно всем известен как просто Питер, Приморско-Ахтарск упорно называется "Ахтарями", Горячий Ключ легко узнается любым в фразе: "Сколько километров до Горячего?", а Владивосток молодится повсеместно под именем "Владик";

Ораниенбаум - Ранбов;

Бурятский Острог превратился в Братский Острог, а далее - в Братск;

Сьестарйоки (финское "смородинная река") - Систербек (шведский "сестрин ручей") - русская река Сестра, (ударение на первом слоге), так русские, отвоёвав речку у финнов и шведов, оставили от ее названия одни ошметья;

Келаат аль Хамрах (арабский Красный Замок) - Альгамбра;

Джебель-эль-Тарик (арабский "гора Тарика") - Гибралтар;

Цезарис Остиум (латинский "Врата Цезаря") - сначала стал Цезариумом - а теперь это вообще французский город Жизор;

Медиоматрицес - Метц;

Из "Махабхараты" мы знаем названия пяти деревень, на которые претендовали Пандавы. Удивительная привязанность индийцев к своим деревням сохранила эти населенные пункты до



нашего времени. Там и сейчас живут люди. Посмотрим, как изменились их названия со времен древнеиндийского эпоса:

Панипрастхи - Панипат, Тилапрастхи - Тилпат, Индрапрастхи - Индрапат, Сонапрастхи - Сонепат и Варикапрастхи - Багпат. Изменение звука "в" на звук "б" в наименовании последней деревни не должно нас удивлять, поскольку это какой-то сопутствующий упрощению языковой процесс сокращения названий деревень в Индии, как, например, в случае с древним поселением Варнавата, которое теперь называется соответственно Барнава.

Базилеа (греческое "царственная") - Базила - город, опять во Франции, Баль;

Брайтельстоун - Брайтен, Лондиниум - Лондон, два английских города, утеравших со временем по два слога;

Портус-Леманус превратился в Лиин, и эта удивительная история произошла в Англии;

Понтерфрант - Помфрет;

Сьюдад де Сан-Доминго - Сан-Доминго;

Брита Сильва - Брийе;

Крадиа Сильва - Грюйе (славно поработали, однако!);

Камборитос - Шамбор;

Адрианополь - турецкий город Эдирнэ;

Колонь - Кельн;

Аурелианум - Орлеан;

Аугустодунум - Отен (!);

Грационопулос - Гренобль;

Константинополь - Костанбул - Истанбул - Стамбул;

Беллум Вадум (латинский "прекрасный брод") - Бильбао;

Конфлуэкт - Кобленц;

Медиоланум ("латинская "срединная равнина") - Милан.

Несомненно, что при таком подходе, не включись в дело на каком-то этапе официальная статистика географических названий, от самих названий остались бы только их слабые воспоминания. Налицо та форма обращения народов с языком, которую можно назвать *упрощением*. Если человеку свойственно что-либо *только* упрощать, то ему не свойственно это же создавать, то есть производить процесс, обратный, противоположный самому созданию. <всм> На самом деле это далеко не шутки. Это очень важный признак, который нельзя расценивать как исторический курьез. Если, например, человек, получив когда-то от первых изобретателей механическую повозку на двигателе внутреннего сгорания, через сто лет сделал из нее автомобиль Нисан "Лаурель", то мы с полным на то основанием можем голову давать на отрез, что человечеству свойственно создавать и развивать автомобили до совершенства. А если человек, получив Нисан "Лаурель", через сто лет сделает из него самокат на подшипниках, то не вправе ли мы отрезать голову тому, кто будет утверждать, что человеку свойственно усовершенствовать и создавать автомобили? Не рискует ли головой и тот, кто утверждает, что человек может язык развивать и усовершенствовать?

Может быть, такое упрощение свойственно только случаям с географическими названиями? Но, обратившись к языкам, нетрудно заметить, что и в их жизни упрощение не просто присутствует, а является его основной формой владения человеком языком во времени.

Лингвистика очень сложная наука. Чтобы привести здесь ее факты для доказательства наших выводов, потребовался бы сложный и длинный вводный курс в языковедение. Нам этого не осилить в рамках непритязательного разговора, поэтому мы приведем только самую верхушку данных накопленных лингвистикой, из того слоя, который мы можем воспринимать без специальной подготовки. Для этого мы пройдемся по некоторым языкам и посмотрим, как происходил исторический процесс их "развития".

Греческий язык. В 4 веке до нашей эры греческий язык пережил "период морфологических утрат", который характеризуется *упрощением* склонения, устранением оборотов с неопределенной формой склонения, заменой причастий относительными местоимениями. Произошло также устранение атематического типа строения. Ничего из того, что произошло с языком, нельзя отнести к созидательному процессу. Вывод один - язык был сложнее, а стал проще. Утраты, устранения и прямые упрощения - вот что произошло с языком за время его жизни с человеком.

Иврит, древнееврейский язык. 3 век нашей эры характеризуется лингвистикой как период *упрощения* грамматики. Конец 19 века и начало 20 века определены как период *упрощения* синтаксических конструкций. В настоящее время язык является государственным в Израиле, где языковеды отмечают образование периода "отмирания некоторых глагольных форм". В конце концов, третий период может характеризоваться таким же периодом упрощения, как и два предыдущих, ибо что такое "отмирание", как не упрощение?

Индонезийский язык. С середины 20-х годов двадцатого века идет период *упрощения* в употреблении глагольных форм.

Голландский язык. В 15-16 веках произошел переход к новоирландскому периоду истории языка, который помимо разграничения с фламандским языком, характеризуется "последовательным разрушением флексии". Флексии - это изменяемые окончания слов, которые отвечают за склонение частей речи. Если флексии "разрушаются", то это напрямую говорит о непосредственном упрощении языка, поскольку согласование слов становится смысловым, а не грамматическим. Например, "встречайте Петра" в этом случае заменяется на "встречайте Петр". Флексия "-а" разрушилась, язык стал проще, все *подразумевается* по простому смыслу произнесенной фразы, а не по более сложному виду грамматического построения. Можно сказать, что голландский язык в 15-16 веках "последовательно упростился".

Великий латинский язык. Язык науки и юриспруденции. Уж более сжатого по смыслу языка трудно себе представить. В нем одним словом выражается зачастую смысл, который раскрывается в других языках несколькими фразами. Например, попробуйте дать изложение понятия, которое заложено всего в одном латинском слове из пяти букв - "алиби". На эти пять букв и пяти слов не хватит. Язык очень древний, но и он во 2-5 веках нашей эры претерпел значительные изменения, наиболее серьезным из которых считается "утеря древнего количественного противопоставления долгих и кратких гласных". Утеря! Но это была не

единственная утеря, хотя весьма и весьма упростившая язык. Еще много проще он стал из-за повсеместной редукции конца слова. Редукция - это когда мы не произносим некоторые буквы в слове. Например, говорим "сонце" вместо "солнце". С латинским произошло еще хуже - канули в бездну времени целые окончания слов. Так русский язык обходится, например, с греческим, когда из "алебастраса" делает "алебастр", и это можно как-то объяснить русским менталитетом, который постоянно насаждает на все новое: "Ты, мил человек, покороче - показывай, куда седло одевать!" Но каким менталитетом народа можно объяснить отбрасывание им окончаний собственного языка? Только общим менталитетом всех народов относительно речи - "упростим все, что имеем!". Ну и, наконец, в это же время в латинском языке произошло "ослабление флективного строя", о чем мы уже имеем понятие. Ушли короткие и сложные по смыслу смыслообразующие изменяемые частицы в конце слов, из-за чего в латинском языке, доселе очень сжатом, появились неведомые ранее "предложные и описательные конструкции". Вместо трех слов, выражающих необъятный смысл, появились длинные, ссылающиеся друг на друга фрагменты предложений. Так проще.

А какой язык является в настоящий момент самым многозначным и самым сложным? Есть ли такой язык вообще? Есть ли язык, который выделяется своей сложностью из всех остальных языков? Есть такой язык! Аналогов ему нет ни в одном краю, ни у одного народа и он стоит по своей сложности полностью особняком от всех остальных языков. Исходя из того, о чем мы говорили выше, не надо быть гением, чтобы предположить, что это какой-то очень древний и вымерший язык, который человек не успел "усовершенствовать" по причине его благополучной кончины (языка). Так оно и есть! Только это не древний, а *самый древний* из известных языков! Шумерский! Когда Гротефенд и Раулинсон представили ученому миру первые данные по дешифровке этого языка, то поднялся такой возмущенный шум мировой общественности ученых, что итогом этого шума были прямые требования запретить Раулинсону и остальным заниматься дискредитацией науки через свои "антинаучные идеи". Заметим, что речь шла именно не о "ненаучных" идеях, а прямо об "антинаучных", то есть противоречащих и оскорбляющих саму науку. Раулинсон и Гротефенд подвергались прямым оскорблениям не только потому, что первый был школьным учителем, а второй чиновником. Оба были просто умными людьми, но не кадровыми учеными. Особую уверенность в таком беззастенчивом унижении Раулинсона ученые черпали в том аргументе (внимание!), что изложенный им в начатках язык не может вообще существовать из-за *своей невысказанной сложности!* Даже если бы он и мог существовать, (допускали добрые ученые), то на нем *совершенно невозможно было бы разговаривать!* Неизвестно, чем бы все это закончилось для Раулинсона, но через несколько лет в Куюнджике археологи нашли несколько сотен глиняных табличек, которые оказались... школьными учебниками шумеров именно тому языку, который предположил структурно Раулинсон. Дети шумеров учили в школе тот язык, который взрослые дяди-ученые 19 века не могли признать в качестве возможного для овладения! Шумеры успели дать человечеству первую цивилизацию, но не успели разобраться со своим языком. Иначе от него сейчас остались бы только рожки да ножки. И сами шумеры довольно успешно начали этот процесс. Первые письменные источники у них использовали более 2000 знаков, на которых велась поначалу только запись материалов и

продуктов, выдаваемых на содержание храмов, рабочих армий и ремесленных мастерских. Шумерская цивилизация - это учет и контроль, где экономика была очень экономной. Далее письменность стала распространять свой охват и на другие стороны жизни, постоянно расширяя сферу своего применения и, соответственно, усложняя уровень своих задач. Параллельно с этим к третьему тысячелетию от 2000 письменных знаков осталось около 600. Логика упрощения настолько сильна, как видим, что свободно преодолевает логику потребности.

История с шумерским языком интересна нам еще и тем фактом, что первые источники письменности этого языка, (как и всех других древних языков, кстати), обнаруживаются археологами сразу в максимальном количестве своих знаков. А как только они проникают в слои, предшествующие по времени максимальному количеству письменных знаков, источники письменности вообще не попадают! Письменность возникает сразу в своем самом громоздком и сложном варианте, а затем упрощается. Хотя нам постоянно твердят, что письменность наоборот развивалась от первых закорючек к системе идеографических рисунков. Как археологи объясняют несоответствие материальных данных раскопок этой утвердившейся неизбежно теории? Точно так же, как эволюционисты объясняют отсутствие ископаемых полувидов животных - случайное совпадение исторических обстоятельств, по причине которых останки обособленных видов сохранились, а останки переходных форм разрушились. В отношении письменности такое же гениальное по простоте и расчету на доверчивость утверждение - начаточная письменность и письменность этапа совершенствования наносилась на ... непрочные материалы, которые затем разрушились. Мы должны это представлять себе так, что шумеры, когда у них было 100, 200, 300, 400 и так далее до 2000 знаков, вели государственный и хозяйственный учет на непрочных материалах, а когда поняли, что они достигли заветного числа "2000", то перешли на прочные материалы и именно с тех пор опять начали уменьшать количество знаков в письменности, но уже на прочных материалах. Интересно, хотелось ли шумерам, чтобы через несколько тысяч лет среди людей, изучающих их культуру, были хоть какие-то люди, которых они смогли бы считать не глупее себя?

Китайский язык. У китайского языка очень богатый фонетический состав. Когда-то этот язык имел в своем распоряжении 2000 возможных слогов. В настоящее время их осталось 420. Кто скажет, что это не упрощение, пусть произнесет это по-китайски, используя 1600 отмерших слогов.

Японский язык. Приблизительное число общеупотребительных и наиболее простых иероглифов в нем от 7500 до 8000. В 1872 году была предпринята реформа языка, целью которой было свести их количество до 3167 (боролись за каждый иероглиф!), а остальное писать каной - несложная японская слоговая письменность. Устали японцы от своих же иероглифов. Но в 1946 году Министерство просвещения Японии дает рекомендацию еще сократить этот список до 1850 штук (здесь уже цифра круглая, время-то идет, лиха беда - начало!). Так хочется хоть чего-то простого в этом сложном мире! Наверное, в этом стремлении к блаженной простоте попутно 740 иероглифов из оставшихся 1850-ти были реформированы в "*упрощенную и сокращенную формы написания*".

Раньше в японском языке употреблялось 16 (!! ) слов для обозначения местоимения "ты". В настоящее время мы с удовлетворением отмечаем, что их количество не дотягивает и до десяти, а некоторые формы постепенно выходят из употребления. Думается, что японцы разделяют с нами наше удовлетворение.

Английский язык. Здесь и лингвистики не надо. Просто перечислим остатки некогда полных фразеологических оборотов, которые сейчас существуют самостоятельно. "О,кэй", "гдэй" (вместо "гуд дэй" в Австралии), "айл" вместо "ай вилл", "донт" вместо "ду нот", "ам" вместо "ай эм", дальше можно не расшифровывать, принцип понятен - "итс, айнт, хэвнт" и т.д. и т.д. Причем - все происходит прямо на наших глазах в наше время. Чистые аббревиатуры, то есть произнесение начальных букв или созвучий слов вместо самих слов. Цель всего этого, конечно же, не создание чего-либо нового, или совершенствование и развитие старого. Это - упрощение уже имеющегося. Пройдемся по английскому дальше - автобус стал "бусом", "хау ду ю ду" - "хай", "тэнк ю" - "тэнкс", "ай эм сори" - "айм сори" - "сори", "гуд бай" - "бай".

Артикли а (an) и the произошли от слов "один" и "этот", это то, что осталось от этих слов, то есть слова когда-то *упростились* до артиклей. В настоящее время местоимение whom (кого) постепенно выходит из употребления и заменяется другим местоимением who (кто). Согласимся, что когда вместо двух местоимений остается одно для обоих случаев, это упрощение.

Так называемые нестандартные глаголы в английском языке остались от староанглийской системы спряжения. Это такая бессистемная система изменения корня, от которой язык сам отказался. Десятки тысяч новых глаголов спокойно спрягаются по простому принципу - прибавляй в конце -id или -d и получишь прошедшую форму. А вот около 120 глаголов, спрягающихся по старому образцу, принимают прошедшую форму каким-то совершенно необъяснимым образом: "гив - гэйв", "рид - ред", "телл - тоулд", "би - воз", "кэн - куд", "ноу - нью" и т.д.. Отказавшись от таких фокусов, язык несомненно упростился и стал более удобен, но уже сам принцип формирования прошедшей формы говорит за то, что человек такого придумать не мог, ибо этот принцип хоть безошибочно и ощущается каждым англичанином, но не может быть им изложен в логической системе.

В настоящее время появилась тенденция употреблять there are вместо there is там, где второе подлежащее стоит во множественном числе. Если раньше английский язык говорил: "На столе лежит одна тетрадь и лежат четыре книги", то теперь он обходится простым сообщением: "На столе лежат одна тетрадь и четыре книги". Опять упрощение.

Когда-то множественное число английских существительных образовывалось за счет изменения корневой гласной ("мэн - мен", "вумэн - вимин"), то есть опять бессистемно, а настоящий период это происходит очень просто, достаточно добавить окончание -с или -з ("сити - ситиз", "бэйби - бэйбиз").

В 12-15 веках в английском языке произошло значительное *упрощение* "морфологической структуры языка", сообщает нам лингвистика. И это в добавок ко всему тому, что происходит сейчас. В итоге путь данного языка - также путь упрощения.

В заключении посмотрим, что понатворили англичане и американцы с уменьшительными формами своих имен. Уменьшительные формы полных имен есть во всех языках, Александр - Саша, Михаил - Миша, Людмила - Люда и т.д. Но того, что мы увидим сейчас, нет нигде:

Бел - это Изабел, Изабелла, Анабел и Арабелла; Берт - это Алберт, Бертрам, Герберт и Роберт; Крис - Кристиан, Кристина, Кристин и Кристофер; Эд - Эдгар, Эдмунд, Эдвард и Эдвин; Фло - Флоранс и Флора; Кит - Кристофер и Кэтрин; Нэнси - Агнесса, Энн, Анна; Нэд - Эдгар, Эдмунд, Эдвин и Эдвард; Нэлли - Элеанора, Хелен, Хелена; Пэдди - Патриция и Патрик; Пэт - Патрик, Патриция и Марта; Пэтти - Марта и Матильда; и это только одна сторона явления. Есть и другая сторона, она не менее парадоксальна:

Александр может быть Алеком, Сэнди, Элом и Сандерсом; Элизабет - Элси, Лиз, Бетти, Бесс; Анна - Энни и Нэнси; Роберт - Боб, Добин, Роб, Бобби, Робин; Кэтрин - Кэти, Кетлин. Китти, Кейт; Флоренс - Фло, Флосси, Флой; Дженет - Дженни и Джесс; Джеймс - Джем, Джим и Джимми; Кристиан - Крис, Тин, Кит, Кристи; Маргарет - Мэдж, Мэг, Марджори, Мэй, Пэг, Марджи, Мэгги, Пэгги; Мэри - Мэй, Молл, Мэг, Пол, Молли, Полли; Сара - Сейди, Сэлли, Сэл. Люди притворно соглашаются с правилами, установленными нотариатом, и записывают своих детей именами, которые требуют от них узаконенные святцы. Затем они называют их теми именами, которые будут идти за ними дальше всю жизнь, то есть их настоящими именами, и уже неважно, Мэг - это Мери или Маргарет, в этом пусть разбираются официальные установления. Если бы таких установлений не было, то, как количество имен, так и их фонетический состав, давно сократились бы до неузнаваемости их источников. Всё упростилось бы, строго говоря, так же, как упростилось в свое время "шэл нот" до "шаант", "вил нот" до "воунт", "нид нот" до "ниднт", "шуд нот" до "шуднт" и т.д.

Последнее, очень характерное замечание об упростиельных процессах английского языка: герундий был когда-то существительным, образованным от глагола, а затем стал герундием, то есть не совсем существительным, (так как он упростился, потеряв способность принимать множественное число и утерев артикль), но и не глаголом, до которого не дорос. Что-то вроде глагола, но не глагол. То "новое", что он из себя представляет, есть не что иное, как упрощение старой формы, не захотевшее усложняться переходом в новую форму.

Французский язык. Сам язык является смесью латинских, кельтских и германских элементов, которые он *резко упростил*, сократив сложный звуковой состав. Итак, целый язык сформировался за счет упрощения. Из французского тоже можно привести характерные примеры упрощения слов во времени: аугустус - у (август), магистр - мэтр (учитель), аква - о (вода), аквэсекстиэ - э (Aix).

Перейдем теперь к великому русскому. Здесь сразу же также пойдут живые примеры без всякой лингвистики:

Спаси тебя Бог - спасай Бог - спаси Бог - спасибо, вот так экономия на вежливости привела к "безбожию".

Здравствую тебя (то есть, "желаю здоровья") - здравствуй.

Четыре на десять - четырнадцать, три на десять - тринадцать. Девять на десять - девятнадцать и т.д.

Азвестион (греческое) - известь, гадэс (греческое) - ад, питтура ачуарелла (итальянское) - акварель, харбуза (иранское) - арбуз, битумен (латинское) - бетон.

Лубанджави (арабское) - бензое (латинское) - бензин.

Балясы точить - лясы точить, (балясы - столбики перил, простая и неказистая работа, во время которой можно было о многом поговорить).

Близозоркий - близоркий - близорукий, здесь двойное упрощение, - и количественное и смысловое до искажения первоначального смысла.

Вэсткурт (французское "короткий пиджак") - куртка.

Гевинэ (немецкое) - винт, генерались (латинское) - генерал, гороухца (старорусское) - горох, карафинэ (немецкое) - графин, диспутарэ (латинское) - диспут.

Графике технэ (греческое "искусство рисования") - графика.

Дэнариус гроссус (латинское) - сначала упростили немцы до "гроше" - а неуважительные к деньгам русские умалили его совсем до "грош".

Девять до ста (девять десятков до ста) - девяносто, пять десятков - пятьдесят, шесть десятков - шестьдесят и т.д.

Декембрис (греческое) - декабрь, курюзюм (турецкое) - изюм, дубно (старорусское) - дуно - дно, жароворонок - жаворонок, генетта (латинское) - женет (французское) - енот.

Ни згинки (искорки) не видать - ни зги не видать, пулдэндон(французское) - дэндон (уже русское) - индюк (совсем русское), куадратум (латинское) - кадр (французское) - кадр, иоахимсталлер (одна из монет в Германии 16 века) - таллер (немецкое) - доллар, календариум(лат.) - календарь, колоподион (греч.) - колонна, каприччо (итал.) - каприз (франц.) - каприз, кинематограф - кино, метрополитен - метро, таксомотор - такси.

Козья шкура - козья - кожа (это не шутка, этимологи доподлинно установили это удивительное превращение).

Камера комината (латинское "отапливаемое помещение") - комната.

Кометес астэр (греческое "волосатая звезда") - комета, какахоатль (мексиканский) - какао, лампадус (греч.) - лампада (старорусское) - лампа (новорусское), оселедь (старорусское) - осел, лоуксна (древнеславянский) - луна, таметафизика (греч. "то, что за физикой") - метафизика, мякчик - мякч - мяч, надоба - надо, на обход ума - наобум, восван (старорусское) - воса - оса, эквитес позити (лат) - поста (итал.) - почта, рискон (греч.) - риск, тостакан (тюркский) - достакан (русское) - стакан, тюпос (греч.) - тип.

Кюлотт трюссэ французские и без того "короткие штаны" совсем укоротились до "трусов".

Панто феллос (греч.) - пантофола (итал.) - пантоффель (нем.) - туфель (нем.) - туфля.

От героя чешских плутовских сказок Франтишека в русском языке осталось только слово "франт".

Цезарь (лат.) - царь, сэрикус (лат.) - сильки (скандинавские языки) - шелк, приветствую тебя - привет, дольметшер (нем.) - толмач.

Ко всем этим примерам следовало бы добавить тот факт, что русский язык со временем потерял целый падеж (звательный). Развился?

Даже без этих примеров, читая русские первоисточники, мы видим, насколько проще стал наш язык. Говорят - это на пользу. Проще - всегда удобнее, но не всегда связано с преимуществами. Попробуйте пересказать новым языком содержание пушкинского "Пророка" и все величие метафор сразу превратится в анатомическое описание переделки организма человека в пророческое тело путем пересадок и вживлений. "И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой" превратится в "и правой рукой, забрызганной кровью, вставил мне в онемевший рот змеиное жало, как символ мудрости". Читая Новый Завет с элементами старославянских слов и в варианте старорусского способа изложения, получаешь сокрушающий эстетический удар, а, прочитав какое-либо очередное изложение Евангелий в современных переводах, (типа "Книга Жизни"), получаешь впечатление как от картонного макета диадемы царей.

Пойдем дальше и обратимся к немецкому языку. Уж он, казалось бы, должен полностью опровергать все наши выводы, поскольку этот язык славится тем, что не уменьшает слова, а наоборот составляет из них длинные и неудобопроизносимые. Вопрос "сколько слогов будет составлять задуманное слово?" - единственный вопрос, который совсем не волнует немцев при образовании слов. Вспомним пародию Марка Твена на немецкое словообразование, где все эти "готтентоттенмуттерклаппертоттен" все нарастают и нарастают в количестве, когда судья спрашивает готтентота о том, кого он привел в суд в качестве убийцы готтентотки. Однако, все не совсем так, и даже, вероятно, не так. Немецкий язык - очень строгий по грамматике язык. Научно-технические переводчики утверждают, что, зная немецкую грамматику, или имея ее таблицы перед собой, можно переводить любые немецкие тексты от способов разведения гусей до теории оползания грунтов. Грамматика сама поведет от слова к слову и никогда не даст просторов для двойного толкования связи слов в предложении. Так же строго у немцев все и в литературной речи, поскольку она тоже вся построена на такой жесткой грамматике. Но и здесь наблюдается живая борьба говорящего человека с языком, на котором он говорит. Примеры:

"Унтерgrundбанн", что означает подземную дорогу, может быть в качестве смиренного бунта, но простые обыватели все же превратили эту дорогу в "У-бан". "Форнамэ" всегда в немецком языке означало "имя", а "цунамэ", соответственно, фамилию. В настоящее время немцы заговорщицки употребляют для двух этих слов одно только слово "намэ", то есть, "то, как зовут". Опять тихий бунт под флагом упрощения.

"Ихь бин цванциг яре альт" - мне двадцать лет, так это звучит по-русски и именно так правильно произносить это по-немецки. Буквально этот набор немецких слов переводится, как "я есть двадцать лет старости". Может быть, из-за эстетического неприятия самого понятия старости, а может быть все из того же стремления к упрощению языка, но сейчас немцы так говорят все реже и реже, и все чаще говорят просто "ихь бин цванциг" - я есть двадцать. И проще, и никакого намека на возраст при упоминании возраста! Куда там тонким французам!

"Ви геет ес иннен?" спрашивали раньше немцы, осведомляясь о состоянии дел собеседника. В настоящее время они просто вопрошают "ви геет ес?", что просто звучит: "Как дела?", а уточнение "у вас" - отбрасывается. Может быть, этим они просто подчеркивают, что вопрос задается только ради проформы и не стоит ни в коем случае на него подробно или честно



отвечать. А, может быть, просто так проще, поскольку становится короче ритуал ничего по сути не значащего ни для кого приветствия?

Не избежал общей судьбы и злополучный автобус, который даже в педантичном немецком извернулся и стал "бус"-ом. А вот с троллейбусом произошло явное восстание пассажиров, ибо спрашивать каждый раз "куда идет "оберляйтунгомнибус" выводило из терпения даже вежливых немцев. Бескровная революция придала этому кошмарному слову вполне симпатичный вид "обус"-а. Компромисс был достигнут тихо, но настолько решительно, что правительство даже не рискнуло вывести на улицы войска.

Ну и последний пример - "вас зинд зи фон беруф?", то есть "чем вы занимаетесь", тоже в настоящее время сократился до полу-пароля "вас зинд зи?", что буквально означает - "что вы?". Отзыв - назвать свою профессию.

Негусто с примерами в немецком языке не потому, что он выбивается из общей массы упрощающихся языков по своим внутренним причинам. Причины здесь абсолютно внешние. Дело в том, что в наше время существует четыре немецких языка:

1. Литературный. Это тот строгий, о котором мы говорили и где почти не происходит никакого движения. Это язык немецких языков, если можно так сказать. Он искусственно общепринят для всех немцев в качестве государственного языка. Это язык литературы, государственных документов и прессы. Немцы на нем *не разговаривают, а общаются между собой!* Поэтому в нем так мало упрощительных процессов. Разговаривают немцы на других языках, где нет никаких строгих узакониваний и шлагбаумов, (как, говоря о немецком, обойти этот германизм?). Там и происходят все упрощения. Это языки:

2. Обиходно-разговорная форма. Мы ее совершенно не знаем и не слышим. Иногда она приводится в подписях под юмористическими рисунками в немецких журналах. Там слова все немецкие или очень похожи на немецкие, а перевести совершенно ничего нельзя! Совсем другой язык.

3. Диалект. Это местные говоры, которые наряду с обиходным языком №2 добавляют собой еще огромное количество внутринемецких языков, носители которых хоть и немцы, но плохо понимают друг друга. Здесь еще один неведомый нам пласт языкотворчества, поскольку практически каждая деревня имеет свой диалект, и что там с языками происходит, мы не знаем, но со всей определенностью догадываемся.

4. Полу-диалект. Это ослабленные формы диалектов, которые уже почти стали обиходной формой языка №2, но еще не потеряли своих отличительных особенностей, как диалектов.

В настоящее время немцы ставят вопрос о частичной реформе орфографии, что, прежде всего, должно означать "устранение колебаний в написании иностранных слов". Устранение колебаний можно с полным на то основанием считать уменьшением числа вариантов, то есть, тоже упрощением. Далее ставится задача "унификации отдельных орфографических вариантов", что предполагает освобождение от ненужных вариантов и возведение в стандарт отобранных вариантов, что тоже, по сути, имеет целью упрощение. В третьих, будет проводиться "замена кодифицированных ранее норм" произношения свободными, что опять упростит дело, ибо теперь станет возможным говорить, как хочешь, а к чему это приведет, мы, думаю, долго гадать не

будем. Как видим, даже там, где за язык берется не просто какой-то "великий творец" народ, а самые матерые языковеды, максимум, что получается - это организованное отступление.

Говоря о немецком языке, как об уникальном явлении среди языков, следует сказать и о венгерском языке, который уникален не только по своему синтаксису, (это самый сложный из европейских языков), но и по ситуации, в которой он исторически оказался. Дело в том, что венгерский язык, этот выразительнейший и красивейший язык, стал государственным только в 1843 году. До этого он угнетался и забивался иноземными властителями до такой степени, что те готовы были идти на любой компромисс, (вплоть до использования в официальной переписке латинского), лишь бы не иметь дела непосредственно с венгерским. Всем правительствам, которым подчинялись венгры, было легче совершить личный ратный подвиг, чем осилить венгерский язык. Когда венгры получили языковую независимость, все предшествующие мытарства тут же отразились на правилах использования языка. Венгры очень любят свой язык и оберегают его всеми силами создаваемых литературных традиций и лингвистических установлений. Слишком дорого он им достался, чтобы теперь пользоваться им без особых правил предосторожности и почитания. Отсюда - повышенное стремление венгров не пропускать в свой язык иностранные слова, благодаря чему появляются такие чисто венгерские превращения распространенных международных слов, как сифилис (по-венгерски "байвер", буквально "беда с кровью"); "лабдаруго" ("пинание мяча", футбол); "форрадалом" ("переворот-вскипание", революция); "тавират" (здесь - шедевр венгерских лингвистов, поскольку это набор корней, одновременно обозначающих и "пошаговое письмо" и "дальнее сообщение", то есть телеграмма); "теркеп" ("рисунок земли", карта); "харишньянадраг" ("чулковые брюки", колготки); "фенькепезэгеп" ("светом дающее картинку устройство", фотоаппарат); "рендёршег" ("порядкоустройственность", полиция) и т.д. Наряду с этим, получивший, наконец-то, жизнь, язык утверждается и как разговорный, и как литературный, и как канцелярский в обстановке всеобщего праздника и чувственного наслаждения смакованием каждого его слова и каждого его звука. Так подросток, впервые одевший часы, смотрит на них по поводу и без повода, ложится с ними спать, играет в футбол, пытается с ними на запястье сыграть в баскетбол, добить одноклассника аудиокассетой по голове, отстоять для девушки место в очереди школьного буфета на большой перемена, а потом удивляется - почему от часов так мало осталось буквально через три дня после покупки? Вроде бы все внимание было только им! Недостатком внимания и любви венгерский язык от своего народа после его официального признания в качестве государственного не страдал, как ни один другой язык, и вот что случилось только за 150 лет:

приветствие "йо реггельт киванок" (хорошего утра тебе желаю), превратилось в "йо реггельт" (хорошее утро, доброе утро).

"Телевизио" (телевизор) превратился в "теве", "аутобус" - "бус" (как это знакомо!), "тролибус" - "троли", "доханьболт" (табачная лавка) - "трафик" (вообще не в связи с исходным словом!).

"Ёнкисолгало елельмисерарухаз" - так почтительно назывался раньше в Венгрии гастроним самообслуживания. Его титул немного уменьшился со временем и стал произноситься

как "абецеарухаз", а в настоящее время вообще растерял все свое величие и приобрел самый плебейский вид - "абеце".

"Йонатаналма" (яблоко сорта джонатан) стало просто "йонатан".

В Венгрии в магазинах не говорят "дайте килограмм масла или сто граммов водки", там говорят: "будьте любезны, отвесьте 10 декаграмм масла и 10 декалитров водки". Меряют на десятки. Покупают венгры, видно, часто, потому что в итоге "декаграмм" стал "дека", а "децилитр" - "деци", даже если им меряется и водка! Управались.

"Фекете каавее" (черный кофе) стал просто "фекете", то есть, "черный". Кофе вместо имени и отчества получил кличку.

"Хютёсекрень" ("охлаждающий шкаф", холодильник) превратился в "хютё", "охладитель", отбросив от себя лишнюю половину.

"Ренделёинтезет" - поликлиника, превратилась в "естека"; "едьетемишта" (студент) - "диак", "ревматизмо" (радикулит) - "реума", "вещемошдо" (туалет) - "веще".

Исчезло целое личное местоимение 3-го лица "белёле"(из него) в выражениях "из него получился врач, художник, карманник" и т.д. Звучало раньше "орвош летт белёле" (он стал врачом), а теперь звучит просто "орвош летт", "врач получился".

Автомобильная катастрофа в русском языке давно заменена на "аварию" из-за неудобства ее произношения. Если бы русские знали, как произносится это словосочетание на венгерском, то они не считали бы исходно русский вариант неудобным или сложным. У венгров оно звучит как "аутосеренчетленшег", что страшно уже само по себе. Два ужаса от одного происшествия венгром было переносить тяжело вдвойне, и они заменили один из ужасов, ужас названия, на игривое "карамбол". Это даже не "авария", а что-то вроде "вот те на!".

Тот, кто ездит в Венгрии на электричке, тот поймет почему из "хейиердеку вашут" этот электропоезд превратился в "хев", так же, как "дъёршвонат" (скорый поезд) скоренько стал просто "вонат"-ом. "Ментёауто" (скорая помощь) отбросила упоминание о механическом способе спасательных рейдов и стала "ментё", и даже "кенъедеш пайтааш" (закадычный друг) стал еще закадычнее, став просто "кенъедеш".

Фраза, относящаяся к временам венгерского рыцарства "тельешитени а кётелешшегет", (что означало "исполнить свой долг"), теперь произносится просто "мегтенни" (исполнить), что упоминает о некотором рыцарском оттенке взятых на себя обязательств.

"Фогадя ёсинте ресветемет" - "примите мои искренние соболезнования", заменено кратким упоминанием об общем горе - "ресвет".

"Тейешитёкепешег" (емкость) независимо от реального объема теперь звучит короче - "капациташ", Адриатенгер (Адриатическое Море) - Адриа, "бочанатот керек" (прошу у тебя прощения) - "бочанат" (прощение, извинение), "фельветели вижга" (приемный экзамен) - "фельветели" (приемный), "фёльдалатти вашут" (подземный трамвай, метро) - "фёльдалатти", "шюлтхуш" (жареное мясо) - "шюлт". Наверное, следует остановиться, поскольку направление "развития" и венгерской речи нами уже вполне понято, несмотря на особое отношение к ней венгров.

Кроме отдельных слов мы находим в этом языке и такое явление, при котором некоторые, некогда самостоятельные, существительные, образовали из себя сначала наречия, а потом эти же наречия довели до состояния просто приставки. Очень ловко, и главное просто стало произносить разные фразы одним словом, например "идти домой" - "домоидти", или "дай сюда" - "сюдай" или "туда" (дай не мне, а ему, например). Также стало возможным говорить, используя этот прием упрощения существительного до уровня приставки, когда подстрочный перевод имеет некое более глубокое значение, чем набор корней: "мозгобить" (избивать до смерти), мозгопалить (расстреливать), мозгоделать (работать, не щадя себя). Когда существительное используется как приставка - это упрощение.

Еще один очень интересный момент: в последнее время стало возможным употреблять вместо утвердительного ответа всего лишь одну приставку вопросительного глагола! По-русски это могло бы звучать так: "Ты приедешь завтра?" - "При", (то есть, "конечно приеду, о чем разговор, когда я тебя подводил?"), или: "Не передадите, пожалуйста, салат?" - "Пере", ("с превеликим удовольствием, сколько угодно, давайте вашу тарелку"). Венгерский язык идет знакомым нам и правильным путем.

Когда-то у венгров было три указательных местоимения - "е", "ез" и "аз". Теперь осталось только два из них, а "е" уже не употребляется. Только иногда-иногда в научной литературе, в качестве тонкого изыска.

Ну и дадим слово лингвистам: "современный венгерский язык имеет *меньше* глагольных форм", чем старый венгерский. Также *исчезли* составные формы прошедшего времени глагола для выражения длительных или многократно повторяющихся однообразных действий. "Упрощение - главный побудительный мотив любого "развития" любого языка" - говорит нам и венгерский язык на чистейшем и давно упрощенном русском языке.

Есть еще и такой язык, как санскрит. На нем записаны какие-то индийские священные тексты, которые до этого в десятках поколений передавались друг другу устно. Ничего не можем про него сказать, кроме того, что это очень древний язык, который в настоящее время в повседневной жизни не используется, потому что он очень ... сложный! В санскрите существует (внимание!) 4000 (четыре тысячи!) строгих правил! Какой из современных языков может похвастать таким количеством правил? Вот если бы на санскрите люди все же исхитрились говорить, а не только писать в свое время, то от него осталось бы сейчас правил сорок основных, и еще десяток вспомогательных. Тогда бы санскрит существовал на равных в общем бравом строю тех современных языков, которые человек за это время добросовестно "усовершенствовал" и "развил". А так - пусть обижается сам на себя.

А вот современный таджикский язык, наверное, представляет собой то, во что превратятся со временем все другие мировые языки, которые наберут столько же почтенных лет, сколько этот среднеазиатский ветеран. В настоящее время таджикский язык является языком аналитического типа, утратившим флективную падежную систему. То есть, обходится вообще без падежей. Рудаки, Фирдоуси и Саади писали еще с падежами, а потом их потомки язык развили и усовершенствовали до состояния "аналитического типа". Это такое коматозное состояние языка, при котором он может лишь поводить глазами и шевелить одним из пальцев безжизненной руки,

а близкие родственники (таджики) из малейших нюансов этих проявлений остатков жизни извлекают правильные сведения и необходимую информацию о желаниях больного. Проще говоря, все, что говорится на таджикском, должно подвергаться мгновенному специфическому анализу, для чего надо или быть таджиком, или учить язык непосредственно у таджиков. Грамматики не осталось. Очевидно, это то, что ждет все остальные более молодые языки, потому что человек постоянно заботится о том, чтобы его речь стала более человеческой.

Естественно, что перекопать все языки на предмет их неуклонно устойчивого упрощения, задача очень интересная. Но этот интерес может удовлетвориться только на базе специальных знаний, так как, вытаскивая из лингвистических описаний различных языков то, что непосредственно говорит об их упрощении в веках, мы не везде можем распознать это упрощение, если о нем не говорится нелингвистическим, раскодированным и открытым текстом. Многие термины лингвистики пугают своими слогосочетаниями и взаимными комбинациями не хуже, чем свойства логарифмов или состав какой-либо химической смеси. Если знать лингвистику, то, несомненно, фактов можно привести намного больше, чем приводим мы. Но даже наши скромные сведения убеждают нас достаточно основательно в наших выводах. Поэтому, закругляя приведение примеров, просто отметим, что те тенденции, которые мы увидели в характеристиках некоторых языков, чье описание было достаточно простым для непрофессионала, чтобы увидеть то, что мы надеялись в нем увидеть, несомненно присутствуют и в тех языках, через дебри сложных терминов описания которых нам продрасться не удалось.

Нам осталось еще два языка, первым из которых будет чешский. Итак, мы читаем: "В начале XV века язык избавляется от многих архаичных черт в грамматике и лексике". Такое читать особенно интересно! Получается, что люди говорили до пятнадцатого века архаично, а потом стали от этого избавляться. Надоело. Интересно, а как они вообще догадались, что они говорят архаично? Но даже не это самое интересное. А самое интересное то, что для того, чтобы жить стало легче и веселей, людям в очередной раз пришлось от чего-то в языке *избавиться!* Здесь надо правильно понимать - то, что перестало использоваться в языке (то есть, из всего массива имеющегося языка что-то стало уже непосильной ношей!) признается тут же архаичным (то есть, не соответствующим новому времени), и от него избавляются. Мы не найдем ни одного примера, когда для приведения языка в соответствие с новым временем, к нему что-то добавляется человеческим гением, или язык усложняется в ногу с усложняющимся уровнем информации! Из языка, наоборот, постоянно что-то выбрасывается или что-то попросту теряется в запарке дел (от форм глаголов до падежей включительно). Ничего другого не происходит. Как мог человек ранней цивилизации создать язык, который человек зрелой цивилизации постоянно присобачивает к своему времени путем остругивания синтаксиса, лексикона и грамматики, в результате чего от старого языка остаются только ключья? В том же чешском языке во второй половине IX века произошло то, что и должно было произойти: "чешский язык постепенно освобождается (!) от лексических и фразеологических архаизмов, (внимание!) *сложный синтаксис упрощается (!!!)*". Вот так. Насоздавал пращур сложных синтаксисов по своей дикости, а перед самым двадцатым веком высокообразованный его потомок еле-еле все это упростил.

Если есть более забавный анекдот, чем рассказ о том, как человек создал и усовершенствовал свой язык, расскажите мне его.

Ну и последний язык, на котором мы также остановимся несколько подробнее. Еще один красивый язык: Грузинский. Остановимся мы на нем из-за того, что это один из самых древних языков на земле, развившийся очень давно и остающийся неизменным также очень давно. На грузинском языке говорили еще до нашей эры, рано появилась его письменность, а закрепился он в незапамятные времена и находится в законченной и совершенной форме уже 15 веков. Любой не только грузин, но и знающий грузинский язык негрузин может сегодня свободно читать и понимать сочинения от 5 до 18 веков, которые относятся к грузинской истории. Вряд ли какой язык еще может этим похвастать, но нам интересно другое - все процессы в языке уже свершились, если пятнадцать веков он один и тот же, следовательно, если и остались какие-то процессы, то как отголоски самых мощных языковых бурь прошедшего. Как слабые периферийные круги самых определяющих некогда возмущений его сердца. Есть ли сейчас отголоски процесса упрощения в грузинском языке? Судите сами, мы не специалисты по грузинскому языку, и материала по нему, в отличие от венгерского, практически нет, но даже при таком малом по объему материале и нашей малой компетенции удалось найти вот что.

Во многих языках есть глаголы-связки, "я есть, ты есть, он есть" и т.д. В русском языке они опускаются, а, например, в немецком они сохраняются, поэтому немцы и по-русски говорят: "Я есть хотеть познакомиться с хорошей девушкой для переписки". В грузинском глагол-связка - обязательный член речи и звучит он как "арис", не опускаясь в разговорной речи. В современной грузинской речи этот глагол все чаще не произносится полностью, а заменяется на свой первый звук "а". Упрощение.

В грузинском языке семь падежей. Один из них звательный. Он применяется только при обращении одного лица к другому лицу. Однако сейчас при обращении звательный падеж начинает все чаще заменяться просто именительным падежом, особенно когда обращаются по имени и фамилии. Падеж обречен. Одним падежом со временем станет меньше, и это также не процесс усложнения. Как видим, даже в грузинском супердревнем по стабильности языке, все идет и идет упрощения.

Ну и, наконец, вершина того процесса упрощения, который протекает абсолютно во всех языках, независимо от их древности, - сложносокращенные слова, образованные первыми буквами нескольких слов, или их первыми звуками. Здесь мы отходим от конкретно каждого языка и характеризуем это явление, как присущее абсолютно всем языкам. Это повсеместный непрекращающийся случай, начавшийся в XX веке, когда вместо двух-трех слов создается одно слово, составленное из первых слогов или звуков этих слов. Это называется аббревиацией. XX век отменно отличился этим процессом в языковых трансформациях. Началось все сравнительно недавно, но аббревиация в настоящее время стала просто единственным и довлеющим способом образования новых слов из все тех же старых корней. Уж проще аббревиации вообще придумать что-либо было бы сложно! И мы, наконец-то, закономерно всему тому, что мы умеем делать с языком, придумали! И язык нашими дружными усилиями покотился необратимо к междометийной форме.

Началось это, повторяем, в двадцатом веке и особенно усердствовала в этом молодая Советская Республика, отражая в этом всю присущую ей натужную извращенность традиционных безобидных форм человеческого мышления. Процесс был намеренным, государственно одобряемым и целенаправленным, благодаря чему появлялись всякие "наркомпросы" (народные комиссариаты просвещения), "реввоенкомы" (революционные военные комитеты), "коминтерны", "тюзы", "совнардепы", "комбеды", "кимы", "мопры", "вопры", "исколаты", "рабкрины", "чревколапы" и прочие птичьи слова. Докатились в высоком рвении даже до "замкомпомордел" (заместитель командира по морским делам) и "шкрабов" (школьные работники). Однако этот ветер в голове устроителей нового общества всего лишь предвосхитил тот лингвистический процесс, который царствует сейчас повсеместно и монополюно. Перечислим для наглядности слова-аббревиатуры, а, чтобы было понятней иногда, что имеется в виду, мы соединим их раскрывающими глаголами. Также мы пойдем на некоторое нарушение правил их грамматического написания, когда будем писать их не так, как они должны писаться, а так, как они произносятся, поскольку уже все чаще многие аббревиатуры стали писаться именно так, как они звучат (самбо вместо САМБО), и эта судьба рано или поздно постигнет все используемые на всех углах аббревиатуры:

Диджей, камаз, цээска, поехать на вэдээнха, вуз, дать цэу, исполком, профсоюз, госсовет, главком, начпрод, завхоз, комсомол, партактив собрался, служить в вэвээс, мопед, эсминец (эскадренный миноносец), прораб (производитель работ), колхоз, универмаг, завуч, нии; выстрелить из тэтэ, пэпэша, акээма; полететь на миге, су, ту, яке; атээс, квазар, лавсан, лазер, мазер, мельхиор, мотель, напалм, радар, самбо, смог, универсам, полпред, завмаг, гаи, гибэдэдэ, спид, спецназ, собр, руоп. Джи-ай (рядовой американской армии), краз, маз, ваз, бээмвэ, послушать новый сиди; эсэс, сос, оон, юнеско, дживиси, элджи, учхоз, членкор, элдэпээр, матфак, филфак, биофак и т.д. Завком, партком, дурдом, местком - слова одного ряда и понятия; госкомстат, система гас (выборы); бэтээр, бээмпэ, бээрдээм - военные средства передвижения; жэбэи и смики - заводы по изготовлению железобетона; пиар (технология выборов), выстрелить эрэсами или птурсами; включить агэвэ (котел); оэртэ, энтэвэ, рентиви, эмтиви, эстээс, эртээр, бибиси и т.д.; зил, сэшэа, фээргэ, аре; отремонтировать на эстэо дэвээс, шрусы (шарнирные регуляторы угловых скоростей!) и капэпэ; газ (марка грузовика) заправить гэсээмом с разрешения завгара, дэпээс, вэдэвэшники и зэки тоже хотят играть в кавээн; кзот вохровцу не указ; затормозить абээсом; послушать БэГэ (Бориса Гребенщикова) или эрхэчепэ (Ред Хот Чили Пэйперз) ; выкурить пачку элэм; зип, фиат, тэдэка, фэбээр, цэрэу, кэгэбэ, гэрэу, обээсье; фидэ, фифа, уефа; морпехи, гэбэшники, фээсбэшники; генсек, оуновцы, и-мейл, и-нет, интернет; энбэа, энхаэл, аська, примат (прикладная математика); омоновцы задержали на жэдэ бомжа, такое чмо!; сексот (секретный сотрудник), эмчээс; включить тэны и послушать ремикс; минюст, минфин, сми, уфо, энлэо, эвээм; увэче, узи, экагэ; иномарка, инофирма; случилось чепе; гост главнее ту, телефон с аоном (автоматический определитель номера); загс, рэп, оэрээ, кабэ, сизо, капэзе, капэпэ. Посмотрим, что мы сделали с размерами одежды: миддл (средний) стал "эмкой", смолл (маленький) стал "эской", ладжь (большой) стал "элькой", или просто эм, эс и эль.

Учения по гэ; заплатить эндээс, указав иэнэн, начислить фот; израсходовать энээ; засесть в дзоте (деревоземляной огневой точке); кей-фор; давать команды с цупа; наса, интерпол, опек, волны эфэм, укавэ; комбат, лэп, хай-фай, вгиковское образование и мхатовская постановка на просторах эсэнгэ; госстрах и медстрах; гознак, грэс, гэс, аэс, госиздат, политиздат, детгиз, учпедгиз; басф, освод, досааф, дээндэ, эмгэу, бэцэжэ (вакцина от туберкулеза); военторг, агропром, военспец, сиэнэн, интерфакс, вип-концерт и пр. и пр.

Вот так в последнее время осуществляется "развитие" речи и "совершенствование" языка. От чего-то еще оставшегося сложного, к новому дебильно-простому. Но это еще не вершина падения, вершина - это смайлики на форумах, которые появились от бессилия человека в своей письменной речи без голосовых интонаций передать собеседнику легкую иронию, тонкую насмешку, доброе подначивание, дурашливый прикол, издевательский смех или торжествующе-снисходительную шутку. Вместо всего этого и много другого - смайлики. Понимай, как хочешь. Допрыгались.

В общем, подведя итоги, напрашивается вывод, что мы за все время существования человека такое сделали с речью, что просто обязаны теперь на ней жениться.

Но как бы мы теперь ни поступили, а факт остается фактом - невозможно представить себе, чтобы человек когда-то создал нечто такое из ничего, что потом до седьмого пота упрощал бы применительно к своим способностям этим воспользоваться. Бог польстил нам, когда дал такие сложные и многогранные языки. Нам всегда была непосильна ноша Его интеллекта, и мы упорно и мастерски низводим его продукт до своего понимания.

Исходя из этого предположения существует великая возможность проникнуть в Его тайны, если пристальнее взглянуть на языки, как на Его творение. Здесь многое могло бы нам открыться, так же, как открывается все больше и больше в физическом мире, сотворенном Им. Однако никто, насколько известно, с этой стороны на язык не смотрит, и в этом аспекте его не исследует. Есть еще одна наука, которая занимается языком и она называется этимологией. Но она занимается взаимопревращениями уже готового языка, и не дает ответа, почему именно эти слова и понятия выражены именно этими словами. Если бы этимология занималась, например, не словом, а камнем, а мы спросили бы у этимологии - "а что такое камень?", то она ответила бы нам: "О, камень - это такая прекрасная и чудесная вещь! Из камня могут получаться мосты, дома, дороги, есть драгоценные камни, даже песок - все это камень!" Если мы будем настаивать, и спрашивать, - "а что же такое камень?", этимология нам раздраженно ответит: "Неужели до сих пор непонятно? Есть даже искусственные камни - кирпич и бетон, причем кирпич может войти в состав бетона... и т.д." Но - что такое именно сам камень, эта наука тоже не ответит.

Тот, кто разгадает тайну слова, его исконную связь между звуком и смыслом, тот приблизится к Тайне Тайн. Нам это пока не по силам, мы можем только предполагать, что слово "Бог", означает "Тот, которому принадлежит все", поскольку слова "богатый" и "богатеть" означают меру владения чем-то. Слово "человек", произносилось раньше как "целовече", где "вече" - собирать, а значит человек - это нечто собранное в целое, сборная деталь. "Сознание" - дает нам понятие через приставку со-, что когда наше знание соответствует какому-то Знанию, только тогда оно становится сознанием, знанием совместным с Ним. Слово "мысль" - это то, что



*мы* и есть. Мы это мысль, а мысль это мы. Семья - должна состоять из семи "я". Строить - сложить вместе три компонента: материал, идею и действие. Слово - то, что осмысленно *ловится*, улавливается, славливается из набора слышимых звуков. Родить - ввести в род. Воздух - дух, который вокруг. Вода - то, что ведет куда-то, ибо раньше дорожно-строительных фирм не было, и передвигались вдоль берегов рек. Смерть - от *умирать*. Успокаиваться или переходить в другой мир? Правда - то, что *правит*, доминирует. Ложь - то, что отклоняется от прямой правды, ложится. Исцелять - делать целым, неповрежденным, устранять повреждения от ран. Душа - уменьшительное от Духа, маленькая аналогия большого Духа. Жизнь - от "жито", хлеб, то есть жить, это питаться.

Все это лишь смешные догадки, но и за ними можно набрести на определенные подсказки. А если кто-то достаточно умный начнет искать в речи Его подсказки осознанно и самоотверженно, то не миновать революционных открытий. Может быть, Господь кого и сподобит со временем на это, а мы остановимся на той мысли, что кроме таких подсказок, речь, если она явление нематериальное, должна нести в себе обязательно нечто нематериальное и иррациональное. Помимо непознаваемой нами высшей сверхлогики в речи должны быть и еще какие-то признаки, указывающие на ее непривязанность к человеку. Но мы видим, что она полностью привязана к земному и человеческому. Даже идеи, которые она собой выражает, несут нематериальный, но все же вполне рациональный, опирающийся на земную базу и земные потребности, смысл. Нематериальный характер речи должен проявляться не в содержании речи, потому что болтать можно обо всем, но это будет болтовней *материального человека*, а в самой какой-то особенности речи, которая упархивала бы при ее (особенности) проявлении от законов реального мира и превышала бы узкие материальные задачи, которые ставит перед ней человек. Если человек только использует полученную речь, то у самой речи должно быть и нечто такое, что при неправильном использовании сохраняло свой особый смысл, раз человек только вторичен.

Пояснить эту мысль можно следующим примером. Если мы возьмем цветы, то их создавал не человек. Поэтому, как бы ни складывал человек цветы в букет, это все равно будет букет цветов. Цветы не созданы человеком. Следовательно, они не созданы *применительно к человеческой логике*, поэтому у цветов есть своя внутренняя логика, не зависящая от человека, которая позволяет им в любом количестве и в любых сочетаниях создавать из себя цветник или букет. А если мы возьмем запчасти к какой-то обособленной машине, которую создал человек, то они или будут располагаться в порядке, оговоренном человеческой логикой, создавая при этом машину, или будут просто грудой металлического хлама. По своей внутренней логике множество гаек может нанизаться на множество болтов, а множество червячных передач взаимодействовать со множеством шестеренок, но если они будут собираться по своей внутренней логике, то машины не получится. В данном случае вся логика замысла человека распадется на отдельные логики сопрягающихся механически частей и получится белиберда, а не действующий механизм.

Так же точно каждое слово имеет свою внутреннюю логику, и если слова будут сочетаться случайно - то получится ли что-нибудь? Если не получится ничего, то мы вынуждены будем сказать, что слова - это создание человека и они, создаваясь человеком применительно к

своим потребностям, должны применяться человеком только в определенном наборе, который определен исходным замыслом и общей человеческой логикой применения, или не применяться вообще. То есть внутренняя логика слов должна подчиняться внешней логике создавшего их человека без способности создавать что-то свое без участия человека. А если даже случайный набор слов дает всегда хоть какой-то смысл, то мы должны будем признать, что у слов есть своя внутренняя логика, которая выше логики человека, а такое может быть только в том случае, если источник жизни слов не в человеке.

Всем понятно, что здесь даже и споров не должно быть. Любому ясно при самых поверхностных экспериментах, что человек всего лишь только использует независимую внутреннюю логику слов, создавая из них что-то применительное к себе, но не может, устранившись из этого процесса, сделать из набора любых слов абсолютно бессмысленную рехлядь. Так аранжировщик цветов (есть такая странная профессия) составляет в магазине букет и получает за это деньги, но даже если бы он этого не делал, то собранные произвольно с закрытыми глазами любым покупателем в одну кучу, цветы все равно составили бы из себя букет, - и чем это не метод аранжировки?

Человек, таким образом, только приспосабливается к использованию внутренней логики речи, все упрощая и упрощая ее, поскольку речь и сама может создавать из себя нечто несущее собой вне человеческой логики, но все же имеющее какой-то смысл. На этом свойстве речи устроены так называемые гадания по книге, когда называется несколько раз страничка, строка, номер слова по порядку в строке, и так составляется фраза, которая дает ответ на загаданный вопрос. В этом случае слова вынимаются из книги совершенно случайным порядком, но всегда формируют собой некую фразу, которая несет собой мысль или суждение, которые можно толковать в качестве ответа на волнующий девушек вопрос.

Своя иррациональная логика языка, независимая от человека, прослеживается не только в тех тяжелых случаях, когда слова набираются случайно, но даже и тогда, когда человек со своей логикой влезает в речь и начинает ее неквалифицированно "аранжировать". Это вообще сверхудивительно, потому что здесь идет прямое столкновение двух логик - нецеленаправленной и свободной речевой, естественно и без усилий исходящей просто из собственной жизни слов, и целенаправленной человеческой, исходящей от всей силы его интеллекта. Мы имеем в виду те случаи, когда человек хотел сказать одно, а у него получилось другое. Например, когда независимая девушка отрезает: "Я вам - не девочка!" и только потом понимает, насколько откровенно звучит в ее устах эта информация. Что при этом происходит? А происходит при этом то, что речь имеет абсолютно свою логику, которая, если ее *недостаточно умело использовать*, в прямом столкновении с намерениями говорящего запросто побеждает логику человека, как вторичную. Иными словами, нематериальное происхождение речи просвечивается за содержанием, набранным неумелым человеком, или вообще стоит над ним, если человек набрал нечто, полностью отменяющее первоначальный его замысел внутренней силой логики самой речи. Для примера можно привести известные афоризмы-оговорки: девиз транспортников - "Каждому пассажиру - по мягкому месту!", девиз лесорубов - "Дадим дуба раньше срока!", девиз сталеваров - "Наша сила - в плавках!", девиз птицеводов - "Каждому жителю на завтрак - по

яйцу!", девиз курсантов-артиллеристов - "Наша цель - Генеральный штаб!" и т.д. Или, например, такая обескураживающая исполнительного человека оговорка из утренней радиозарядки: "Откройте форточку, встаньте прямо, ноги на ширине плеч, глубоко вдохните, разведите руки и наложите их на себя". Если человек первичен - то такие абсурды, как "неслыханные голосовые данные", невозможны. При ошибках содержания в этом случае должна получаться лишь абракадабра, как в случае, если человек из телефона и сапожных принадлежностей вздумает собрать тостер. А если человек вторичен, то что-то обязательно должно получаться, хотел человек, или не хотел этого, что мы и увидели, потому что слова живут *самостоятельной* жизнью по принципу - хоть берите нас, хоть не берите, мы и без вас живем вполне осмысленно.

И еще одно обстоятельство, прямо намекающее на то, что человек в речи вторичен ей. Человек изобрел микроскоп, и если он его разберет и неправильно соберет, то микроскопа не получится и человек сильно огорчится. Здесь человек первичен и, если нарушается его замысел, то он резко воспринимает это как неприятность. Кроме того, этот чертов микроскоп, если человек хочет его получить из разобранного состояния во вновь рабочее, должен, собака, собираться только в определенной последовательности и только определенными способами и никак не иначе! Как какой-то человек его задумал, так ты и расхлебывай. А если будешь пытаться собирать микроскоп всякими дикими и неправильными методами, то никогда больше микроскопа не получишь. Опять человек первичен. Но рождается, например, человек по воле Бога, и как бы неправильно и дико человек не проводил половой акт, у него все равно родится человек, а не кружка с пивом. Человек вторичен. То есть этот процесс по своей внутренней логике автономен от человека и не зависит от последовательности его действий. Мы уже выяснили, что речь также автономна, и как бы дико человек не обращался со словами, они все равно создают смысл, независимо от того, закладывал в них человек именно этот смысл или нет. Но вот - что сказать о том самом огорчении, когда не получилось? Если у человека что-то не получается, то он обязательно расстраивается или раздражается. Если человек первичен, то неправильные сочетания слов должны его раздражать и неприятно тревожить как что-то, нарушающее эстетику его замысла. А если человек вторичен, то неправильные сочетания слов должны или оставлять его равнодушным или вызывать другое чувство, но не связанное с нарушением его внутреннего ощущения разрушения гармонии того, что им создано. Если дыра даже не на своей рубашке вызывает у человека чувство дискомфорта, потому что он знает, что рубашку человечество задумало без дыр, то дыра в горе возбуждает у него лишь любопытство или добрый интерес, потому что горы не задумывались человечеством ни с дырами, ни без дыр вообще, и человеку эстетически все равно есть ли в них дыры, потому что он вторичен.

Есть ли в речи наличие такой вторичности человека? Представляется, что есть. Это - юмор. Во-первых, как мы знаем, неправильные сочетания слов человека не только не оскорбляют, но и даже нещадно веселят. Этого не происходит больше нигде ни в одном виде творчества или деятельности человека! Потому что везде в своем творчестве и в своей деятельности человек - сам создатель, и любое искажение порядка создаваемых им вещей режет ему глаза, возмущает душу или корбит слух. Представьте себе человека, который разобрал телевизор, собрал его совершенно неправильно, уселся перед ним в кресло - и покатывается со

смеху от того, что получилось! Невозможно себе такое представить, а если это с кем-то и произойдет, то все мы знаем, куда следует, не затягивая, звонить в таких случаях. Или представьте себе, что в картине Ильи Репина "Иван Грозный убивает собственного сына" поменять между собой части тела у всех персонажей. Будет смешно? Будет глупо. Правда изначальным составлением частей реального мира в неоправданные сочетания может получиться или невразумительный Пикассо или совершенно потерянный Сальвадор Дали, но и от их картин мы не прыскаем в ладошку. Они нас слегка шокируют, на что они и рассчитаны, но и шок, ведь, - это тоже не положительная или равнодушная реакция. Следовательно, смешные сочетания слов не нарушают нашего спокойствия или не вызывают шока только потому, что - не нами делалось и не нам судить: как оно правильно, а как неправильно. Мы можем только судить - это нам подойдет в данный момент, или подойдет в следующий раз.

А теперь - во-вторых. Прямое содержание юмористических фраз ничего не даст не только тому, кто чувства юмора не имеет, но и даже тому, у кого этого чувства в избытке. Юмор находится *за логическим содержанием и над логическим содержанием*. Это послание от Него. Даже тот, кто чувства юмора не имеет, не может преодолеть своей вторичности и может постоянно говорить смешные вещи, не подозревая об этом и *не желая* этого. Если человек не хочет, а получается смешно, то кто Автор того, что смешно? Содержания нет, а *сверхсмысл*, нелогичное сочетание нелогичных частей в абсолютно улавливаемое конкретное понятие смешного - есть. Если нет содержания, то это абстракция. Так это принято называть. Абстрактное отражается в реальном на уровне смеха. Получается стык нематериального и материального в единой форме веселого казуса. Если пересказать анекдот с подробными аннотациями, то смешно не будет, потому что выверенное логически содержание убьет абстракцию. Следовательно, пренебрегая логикой и конкретностью, мы отвлеченностью добиваемся эффекта смешного. Так что вторично, а что первично в этом случае? Разумный и детально правильный человек, или не осязаемое и невыразимое состояние соприкосновение с мгновенным состоянием истины абсурда?

Приведем несколько примеров, для этого мы не будем выдумывать новые шутки или эксплуатировать старые, а просто возьмем известные пословицы с поговорками и просто перемешаем их. Что будет, если смешать глину с глиной? Будет глина. Потому что глина не имеет никакой самостоятельной логики. А что получится, если смешать одно содержание с другим содержанием? Получится убогое содержание, но вполне значительное ощущение, что первоначальные содержания слов тут вообще ни при чем, и за ними теперь стоит совсем другое содержание, которое невозможно выразить нашими понятиями, но которое мы улавливаем и нам становится смешно. Из двух глин получится одна глина. А из двух содержаний получается совершенно третье содержание. Это нам и надо было доказать - содержание есть даже там в речи, где нет ни смысла ни замысла.

Береги честь смолоду, а бабу с возу.

Сделал дело - и кобыле легче.

Слово не тетка, не вырубишь топором.

Незванный гость не воробей, сколько ни корми, все как с гуся вода.

Имеющий уши да не разбросает камни, а имеющий глаза да не посеет, что пожнет.

Семь раз отмерь, и береги смолоду. А если не лает, не кусает, то один раз отрежь, но чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Сколько волка не корми, а гусь свинье не подарок.

Тише едешь - там и слезешь.

Где сядешь, там и висит груша.

Из пруда встречают по одежке, а из огня провожают по уму.

Жареный петух дареному коню в зубы.

С пылу с жару - в зад.

Не копай другому яму, пока не перепрыгнешь.

Не говори "гоп" неубитому медведю.

Не плюй в колодец, - конидохнут.

В тесноте да в темноте подложи милому свинью.

Любовь зла: взялся - играй, назвался - полезай, а после нас - хоть потоп, не поминай лихом и всегда невестка виновата.

Полюбил волк кобылу? Полюбишь и козла?

Красота - залог здоровья, а чистота - спасет мир.

На чужой каравай не садись.

В большой семье рот не разевай - не получишь зла.

Не в свои сани не делай добра.

Температура воздуха от минус пяти градусов до семи вечера.

Выпьем, братец-Иванушка, и снова нальем!

Век живи, век учишься, а рожа все равно кирпич просит.

У него семеро Пятниц по лавкам сидит.

Семеро с ложкой, а один в поле ни "тпру" ни "ну"!

"Голубая" мечта - он и слесарь, он и бык, он и баба и мужик! А вокруг благодать: рыбак - рыбака, рыжий - красного, сытый - голодного, семеро - одного, трое - в лодке, бурлаки - на Волге, часовые - на посту, двое - на узкой тропе, зайчики - в трамвайчике, комарики - на воздушном шарике, петух - пионера, старый конь с журавлем в небе, волки - с волками по волчьей, ворон - ворону, миру - мир и даже сучка не захочет и кобель не вскочит. Детей приносят аисты, у них сбоку бантик и их находят в капусте...

Одна голова хорошо, а каждой твари по паре - лучше!

Выгляни в окошко - дам тебе на орехи.

Чем чаще начинать от печки, тем больше дров.

Потехе - час, а терпенье и труд оставь врагу.

Завтрак съешь сам, а сумой и тюрьмой поделись с другом.

Лучше один раз увидеть, чем семь раз ударить лицом в грязь!

Русский мужик долго запрягает, но повезет в любви.

Не могу удержаться, чтобы не привести абсолютный шедевр из старой серии "У моего дяди": "А у моего дяди была собачка. Она была очень маааааленькая, но большууууущая дура: у нее не было задней лапы, и, когда она писала на дерево, она падала!" Что здесь смешного,

если подойти к этому с логикой и традиционными этическими устоями? Но достаточно представить себе эту картину, как логика и этические нормы мгновенно улечиваются!

Вот такими моментами речь воспитывает в нас чувство запредельного, ибо сама причина нашего веселья - всегда запредельна. Если бы человек был первичен, ничего смешного в мире не было бы. Только речь придает своими неуловимыми манипуляциями характер смешного обыкновенному, которое человек излагает. Именно за словами, а не в словах кроется все сокровенное в юморе. Поэтому из бумаги можно соорудить колпак и одеть на себя, это смешно не будет, а из двух слов "негр загорает" разворачивается целая панорама ощущений высокого юра. Смешное можно выразить даже одним словом, как в самом коротком анекдоте - "Коммунизм".

Во всех этих случаях речь *сама знает, что она хочет сказать*. Без всякого нашего участия. Мы здесь ни при чем. Конкретные слова, обозначающие конкретные предметы и действия, создают нечто абсолютно абстрактное, потому что образуют в своем сочетании совсем не то, что они обозначают! Речь проявляет свое абстрактное, нематериальное содержание.

Еще одну великую функцию несет речь, которой мы никак не можем воспользоваться полностью. Речь дает нам основы нелинейного мышления. Того единственного мышления, свободного от логической и линейной последовательности выводов, которое единственно способно на истинное познание. Речь - это постоянное и ежедневное наше упражнение в нелинейном мышлении, поскольку если мы начнем воспринимать речь линейным образом, то есть, анализировать каждую букву, затем буквосочетание, затем слоги, затем слова, затем падежи и согласование между словами, затем все то, что они обозначают, контекст, в котором они применяются, будем складывать слова в предложения, запоминать их смысл и далее опять переходить к новым буквам, буквосочетаниям и т.д., то мы не сможем быстро и не напрягаясь ни передать, ни уловить даже простого призыва о помощи. Мы воспринимает речь нелинейно, то есть сразу в целокупности того, что произнесено, не разбивая ее на смысловые составляющие, подлежащие отдельному анализу. Все отдельные маленькие смыслы каждого слова и их сочетаний осознаются нами сразу, без всякого анализа, в общем смысле всей фразы.

Представьте себе ситуацию, что вы находитесь на работе, и к вам зашла сотрудница, которая говорит: "Иван Иванович, к вам пришли". Вы выходите и видите перед собой племянника из провинции. Радушно улыбаясь, вы протягиваете ему руку и произносите: "рад видеть! Проездом или по делу?". Пока вы это говорите, в мозгу у вас *нелинейно*, со скоростью вспышки фотоаппарата, единой картиной возникает: "Что там у них случилось? Что ему надо? Неужели - с ночевкой? А вдруг - на несколько дней! И откуда он узнал адрес моей работы? Зинка, зараза, проболталась! Говорил я Сергею - не надо ей говорить, где я работаю - у нее язык без костей. А я ей с дровами помог на эту зиму, неблагодарной, а матери и теткам только пообещал, но не сделал. Виноват, виноват! Кстати, мать забор покрасила, или мне его еще весной красить придется? Ну, Зинка, помело чертово! Теперь вся деревня будет приезжать по разным поводам, спасу не будет! Как бы его уклончиво отвадить? Эх, лучше бы я вчера на командировку согласился! Надо будет говорить с ним потише, чтобы коллеги не прислушивались. Меньше знают - лучше спят". Все это происходит в вашей голове менее чем за секунду, одним мгновенным образом. В ответ вам говорят: "Я по делу, Иван Иванович, я ваш новый пожарный

инспектор". И опять включается нелинейное мышление: "О, Боже! Надо же было так обознаться! Но похож-то как, похож-то, а! Ну, как две капли! И рост, и рожа, и голос и повадки! Черти его принесли! Огнетушители исчерпали все сроки, план эвакуации старый, ответственный за пожарную безопасность по приказу Петров, а он уже как три месяца уволился, пень старый! Решетку на складе приварили не распаивающуюся - будет, сволочь, кровь пить. Хорошо хоть пожарную сигнализацию по акту сдали, тут все в порядке. Надо срочно Таньке позвонить! У ее подруги Нинки любовник есть майор усатый из горуправления. Пили вместе на Новый Год (анекдоты чешет - как радио!), коньяк любит, надо срочно через Нинку передать, может прикроет. А может, и с этим договориться удастся, не зверь же он, тоже, наверное, коньяк любит!" - все это проносится молнией, пока вы, не подавая виду, что обознались, с еще менее оправданным радушием, но с еще более широкой улыбкой, приглашаете пожарника в кабинет одним коротким жестом, якобы вытекающим логически из вашего почти чувственного приветствия, произнесенного три секунды назад.

Это свойство мгновенно все охватывающего нелинейного мышления, но это и то чудо произнесенной речи, к которому мы привыкли, и которое не можем перенести на все остальное наше мышление. Иногда, правда, у нас это происходит: нелинейное мышление срабатывает и мы называем это "озарением", "наитием", "интуицией" и т.д. Мы считаем это аномальными, великими моментами нашей жизни, не понимая, что, вставая утром, сразу же начинаем общаться друг с другом этим аномальным и великим способом. Потому что, слушая речь, мы абсолютно выключаем логику, и наше общение происходит совершенно помимо нее. В звучащих в нашем направлении словах мы постоянно нелинейно, великими озарениями узнаем в наборе звуков вот таких вот "племянничков" совершенно естественно и без напряжения. Если способ восприятия и передачи речи у нас сверхлогичный и нелинейный, то и принцип создания речи тоже должен быть сверхлогичным и нелинейным. А такими способами творчества человек не располагает.

Почему мы не можем переступить этот порог мышления и распространить его на все остальное? Загадка. Но способности в нас присутствуют, и чтобы они не затухали, Он дал нам возможность их тренировать с помощью речи.

Может быть, в этом и есть великое предназначение речи - в развитии способности нелинейно мыслить? Может быть. Но вряд ли, потому что, несмотря на ежедневный тренинг, мы не совершенствуем не только этой возможности, но и потихоньку профанируем и саму речь. Находясь в состоянии ежесекундного озарения при речевом общении, мы даже не осознаем этого, и не видим никаких способов развивать это состояние до постоянно присутствующего. Это небольшая уступка нам с Его стороны, но не больше, и Он же, очевидно, заложил в нас контрольно-предупредительные устройства, которые мгновенно выключают эти наши способности, как только мы перестаем говорить или внимать говорящему, и, так же мгновенно, включают обычное косное мышление для всего остального, что не относится к речи.

Для того чтобы это выключение происходило надежней, существует письменность, потому что в ней речь воспринимается уже линейно. От буквы к слову, от слова к предложению до самой его точки. Затем от новой буквы к новому слову и т.д. Поначалу люди решили, что письмо не для непосредственного общения, а для чего-то, выходящего за пределы задач общения, и поэтому

они автоматически начали писать справа налево, потому что это нефизиологично для чтения. Человек устроен так, что при рассматривании чего-то его глаза двигаются слева направо на высоте 1 метр 70 сантиметров. Когда пишешь справа налево, то речь и письмо остаются двумя абсолютно разными по физиологии действиями, поскольку слышать для нас естественно, а смотреть справа налево - не очень. Нелинейное здесь отделяется от линейного. В этом случае записанная информация при прочтении идет встречным курсом нашему естеству и существует несколько в самостоятельном значении. Появляется возможность нелинейного восприятия написанного. Еще один канал передачи информации абстрактным способом, наитием. А когда читаешь слова слева направо, то речь укладывается в логическую схему написания и теряет свой нелинейный характер. Пробелы, существующие между словами, до конца убивают потребность в нелинейном осмыслении сообщения (в речи пробелов между словами нет). Мышление замирает, замедляется и подчиняется логической схеме. Для примера возьмем фразу, и напишем ее без пробелов. Сами убедимся, как трудно будет нам докопаться до ее смысла и как натужно и тяжело будет работать наше мышление для того, чтобы логически освоить совершенно простую и несложную информацию, полученную таким "беспробельным" письменным образом:

"вотвотводводводразделарастаявклубаминанетсползетучастникбеспределаотжившийреактивныйслед"

Чтобы прочитать это, придется попотеть. А если это услышать, то без всякой оценки отдельных фрагментов сразу появится вполне понимаемый отрезок речи. Попробуйте прочитать вслух, и вас поймут, хотя сама фраза тоже по не по-простому закручена, ибо это отрывок из стихотворения:

Вот-вот в отвод водораздела,  
 Растаяв клубами на нет,  
 Сползет участник беспредела  
 Отживший реактивный след.

Пример, конечно, утрированный, но так он выглядит убедительнее. Читаем мы линейным способом, а слышим - нелинейным.

Поскольку речь не дает нам никакого прорыва из нашего обычного состояния, то надо обратиться к письменности, которая наше состояние меняет в корне, ибо позволяет хранить и передавать накапливаемую информацию, причем искать надо там, где письменность проявляется нелинейно, потому что обычная линейная фонетическая письменность является лишь слабой копией речи и не может иметь самостоятельных задач.

Естественно, что, предполагая за письменностью какие-то особые задачи, мы должны по-прежнему исходить из нашего методологического убеждения, что все создано Им и создано неспроста. Однако препоны нашей методологии может создать такой факт истории, что в большинстве случаев авторство человека в его письменности не может оспариваться. Большинство из видов письма возникли в обозримые времена, а авторов некоторых из них мы даже знаем (Кирилл и Мефодий, например). Поэтому выход у нас один - обратиться к той



письменности, которая создана до самой официальной истории, то есть очень давно. Настолько давно, что у нас появляется шанс говорить о том, что эта письменность была как-то санкционирована Им. Чем глубже мы закопаемся в историю, тем вернее у нас будут шансы на успех. А уйти более глубоко, чем разобрать первую письменность человека, вряд ли удастся, поскольку если пойти еще дальше первой письменности в "дописьменные" времена, то там можно будет исследовать все, кроме самой письменности. А нам это сейчас ни к чему.

Ну, что ж. Обратимся к самой первой письменности человека. Возраст ее - тысячелетия, и известно всего три таких первых вида письменности. Разберем по порядку.

1. Вампуны. Это нити с нанизанными на них раковинами. Цвет раковин, их количество, величина, взаиморасположение и другие мелкие хитрости позволяли с помощью этих нисок хранить и передавать сообщения.

2. Кипу. Это узелковое письмо. С помощью узелков различного вида, их количества, взаиморасположения и др. удавалось собирать и хранить информацию не только по содержанию, но и по логической связи передаваемых сообщений во времени.

3. Пиктография. Рисуночное письмо. С помощью условленных рисунков также передавалась и хранилась информация.

Это все. И это создано с санкции Бога? - удивятся скептики. Не будем торопиться. Не стоит легко останавливаться на поверхностных выводах, какими бы очевидными они на первый взгляд нам не показались. Сейчас считается, что это очень наивное и несовершенное письмо, которому далеко до современного письма. Письмо почти дикарей. Просто, как говорится, - и ставить близко нельзя друг с другом их письмо и наше письмо! И не зря человечество от этих видов письма отказалось и перешло к нынешним. Повторяем - так считается учеными и простыми людьми, и это, вроде бы, очевидно. А мы разберем все по порядку.

Во-первых, - давайте не будем никогда говорить о наивности и несовершенстве того, что вполне успешно исполняет свою функцию. Раз эта письменность использовалась, значит, она устраивала этих людей. На ней, между прочим, велся хозяйственный учет, отдавались указания на окраины и передавались донесения в центр, записывались приговоры судов и отдавались военные приказы. Раз она передавала сообщения и хранила информацию, значит она - письменность как минимум. А вот, наивная ли? Что легче - запомнить 33 буквы алфавита, или овладеть способом передачи и хранения мысли, составленным из бесчисленного по возможным вариантам количества сочетаний раковин на нитке, поскольку сами варианты информации бесчисленны? Да по сравнению с двоечниками тех времен наши профессора просто дети несмышленные! За сколько, как вы думаете, времени можно изучить все сочетания узелков и их виды, или несколько десятков тысяч рисунков современному аспиранту? А за сколько дней осваивает алфавит шестилетний ребенок? Так что про наивность - стыдливо забудем.

Во вторых, - это письмо линейное или нелинейное? Долго думать не будем, и скажем сразу - это абсолютно нелинейное письмо, поскольку в нем нет логических единиц, а все строится на общевоспринимаемой картине сочетаний разных отдельно не несущих логического смысла составных частей. Каждая раковина не говорит ни о чем. А несколько раковин вместе говорят о многом. Смысл и информация возникают не логическим, а нелинейным путем, А наши

буквы? Каждая из них означает звук или слог. Надо только, высунув кончик языка, записать их в той последовательности, в какой они звучали бы. И все! Нет - вампумы, кипу и пиктограммы не для дураков! Это было гениальное нелинейное явление, чего уже нет в нашей современной "совершенной" письменности.

В третьих, - что общего во всех этих трех письменностях, несмотря на их абсолютно разное техническое воплощение? Они не языковые! С их помощью нельзя ни передать особенностей языка, ни сохранить сам язык во времени! Они оторваны от языка и находятся в надъязычной области сознания и их задачи не связаны, таким образом с задачами устной речи, от которых мы отказались. Они не являются приблизительной копией устной речи, каковой является вся наша письменность. А это еще один аргумент в их пользу, поскольку, как не связанные с языком, они могут нести какую-то особую задачу, которую не может нести язык. Мы даже теперь уже можем сформулировать эту задачу первой письменности - создать способ передачи и хранения информации, не связанный с особенностями языков. То есть - универсальный, общечеловеческий способ! Неплохо для "наивных" и "примитивных" способов письма, не так ли?

И, наконец, в четвертых. О том, что человечество отбросило со временем эти языки, как несовершенные и неуклюжие. Ой, ли? Оглянитесь вокруг - кругом вампумы, кипу и пиктография! Человечество отказалось от *внешнего оформления способа первой письменности*, но самые главные письменности человека, которые создают сейчас на Земле цивилизацию, сегодня созданы по тому же древнему принципу! Поясним: чем математические формулы отличаются от первой письменности пиктографии? Они также передают сообщения и хранят информацию *общечеловеческим неязыковым способом*! Как в свое время набор узелков вызывал определенную ассоциацию, так и набор математических знаков в настоящее время вызывает такую же ассоциацию. Причем совершенно одинаково поймет эту формулу и англичанин, и тунгус, и конголезец, и китаец и маори, и мореплаватель и плотник. А физика, химия, астрономия, геометрия и прочие науки - разве они не создали свои неязыковые языки, понятные каждому народу одинаково и позволяющие хранить и передавать информацию наивным способом взаиморасположения значков и знаков? А электротехника, а черчение, а машиностроение? А дорожные знаки, понятные всем во всем мире одинаково? Что это, если не корявая пиктография? А спектрограммы, сейсмограммы, кардиограммы? Чем всплески их прямых не узелки на нитях? А железнодорожная семафорная сигнализация? А дорожный светофор? Чем он не набор зеленых, красных и желтых раковин, расположенных в определенном порядке друг над другом, и передающих своими сочетаниями более двадцати сообщений? А флаги морской сигнализации? Ничего нового мы не придумали! Даже наши восклицательные знаки и вопросительные знаки наряду с многоточиями в конце предложения - это пиктография от бессилия передать способами нашей письменности нечто неязыковое и эмоциональное! Но гордимся-то как перед "дикарями"!

А теперь сравним мощь первых древних письменностей с силой нынешних их подражаний. С помощью любого из трех видов древней письменности можно было передавать *универсальную* информацию. Они могли бы передавать и хранить в себе сообщения любого характера. Им было все равно. Они были всемогущи для того времени. А какая из аналогичных

письменностей нынешнего времени всеильна сейчас? Ни одной. Каждый язык знаков - для своей отрасли науки и знания. Так что, стыдно должно быть вдвойне от того, что не только не сохранили принципы тех письменностей (опять Его идея оказалась нам не под силу), но и от того, что создав нынешние жалкие отраслевые подобию универсальным древним пиктографиям, кипу и вампумам, мы заносчиво дерем нос вверх и не видим того, что в этих языках была Его сила.

Итак, вот что мы можем вынести из логики наших рассуждений. Ему нужна была речь и Он дал нам ее, чтобы мы могли обмениваться *информацией, не связанной с задачами питания и выживания*, а связанной с теми понятиями и фактами, которые нуждаются зачем-то в сохранении. Для этого Он дал нам неязыковой способ передачи и сохранения такой информации с помощью пиктографических в своей основе, или подобных вампумам и кипу, общечеловеческих языков. Не надо долго усердствовать здесь в рассуждениях, чтобы понять, что целью всего этого было дать возможность человеку совместными усилиями развивать науку.

Добавить к этому можно еще и то, что помимо обслуживания именно науки, речь нигде не выполняет своей функции *непосредственно* как средства общения. Только в науке слова выражают то, что они выражают, *однозначно*. Представьте себе, что вы подслушали случайно разговор двух незнакомых людей в троллейбусе - там речь идет о Светке, Артеме, соседе с четвертого этажа, и прочем. Вы поймете каждое слово, но не поймете - о чем, собственно, речь? Всякий раз, и не только в троллейбусе, но и повсеместно, от литературы и до обращения политических деятелей, помимо самой речи нужно еще что-то третье, некая преамбула предварительной информации, которая будет раскрывать одни и те же слова для слушателя индивидуально для данных обстоятельств по-разному. И только в науке каждое слово - это термин, и всегда без всяких предисловий ясно, о чем идет речь даже в любом наугад выбранном абзаце.

Итак, речь через специфическую письменность, способную одинаково для понимания всех людей хранить и передавать информацию, и через специфическую функцию общепонятных научных терминов влияет на наше бытие, создавая на Земле науку и цивилизацию. Если бы не было речи, то было бы все, кроме науки. Ничего не изменилось бы ни в нашем мышлении, ни в нашем бытие, если бы наука не вторгалась в наш мир и не переделывала его, переделывая одновременно и самого человека. Следовательно, хоть мы и выгодно отличаемся речью от животных, но это не позволило бы нам далеко от них уйти, не будь науки. Самый естественный в этом случае вопрос - не наука ли является нашей задачей и не для нее ли мы созданы?

## Наука

В самом деле, ребенок ломает игрушку с целью заглянуть в ее устройство, еще не умея толком говорить и соображать, а самая умная собака или обезьяна никогда не заинтересуются ничем, чего нельзя было бы съесть. Стремление к познанию - одна из самых настойчивых побудительных программ, заложенных в человека. Считается иногда одной из самых мощных

программ половое влечение, но даже и здесь познавательное любопытство всегда предшествует истинной потребности, а уж сопровождает ее всегда.

Животных окружающий мир интересует не далее границ их насущного соприкосновения с ним. Человек разительно отличается от животного стремлением к познанию того, что не является его насущной необходимостью. Где, как не здесь, в самом деле, искать наше предназначение? Здесь и будем искать?

Не будем. По-видимому, это, все же, не тот район поиска. В подтверждение сказанному приведем аргументы.

Для начала разберем простой вопрос: что мы подвергаем научному изучению? Ответ ясен - реальный мир, находящийся вокруг нас. Наука - это занятие творческое, гораздо более творческое, чем искусство, ибо искусство komponует в разнообразные забавные или нравоучительные варианты уже известное нам и видимое нами, а наука всегда имеет дело с доселе неизвестным. Наука "открывает", а не варьирует. Это более высокий порог творчества. Несравненно более высокий. Но создает ли это, самое высокое по своему характеру творчество, что-либо новое? В чем вообще состоит специфика "открытия"? В том, что человек наконец-то разобрался в том, что и раньше всегда находилось перед его носом, и документально зафиксировал его? Именно так, ведь, и происходит любое "открытие"? После этого вдохновленный человек снова начинает разбираться с тем очередным, что также лежит перед его носом, но до чего раньше как-то руки не доходили. Идет к новому "открытию". Не слишком ли громко эти занятия называть "открытиями"? Так была "открыта", например, Америка. А что, до этого Америки не было? Или, не было до их "открытия", ионов, Нептуна, Магеллановых Облаков, ДНК, лейкоцитов, предстательной железы, магнитного поля, моментов сил, скорости свободного падения тел и т.д.? Что здесь, скажите на милость, открыто? И что создано нового из того, чего уже не создал бы Он? Все, что мы "открываем", Им давно уже создано и вряд ли Он страдает склерозом, чтобы ученые своим подвижническим трудом наконец-то напомнили Ему или разъяснили: что же Он все-таки сотворил? Наверное, не для этого Он нас создавал и, наверное, не в этом наша задача перед Ним.

Сколько бы мы ни совершенствовались в научных методах, и как далеко не прорывалась бы наша мысль в неизведанное, следует всегда помнить, что это "неизведанное" не изведано только *относительно нас* и наши "открытия" представляют новизну также только относительно нас. Мало похоже, чтобы Его задачей было установление такого порядка вещей, при котором основной целью Его главного, вечного и нематериального создания (человека) было бы изучение его же временной и материальной среды обитания (физического мира). То, что мы делаем в науке, так образом, по своим результатам имеет значение только для нас. Ему давно все известно, не за этим мы Ему нужны, по-видимому, скажем еще раз для убедительности.

Теперь посмотрим - *чем* мы научно познаем мир? Ответ также ясен - органами чувств и сознанием. И первую информацию о мире нам дают именно органы чувств, а сознание эту информацию затем обрабатывает, анализирует и делает из нее выводы. Общеизвестно, что этапами научной работы являются следующие стадии: 1. Наблюдение и сбор информации. 2. Анализ и выводы. 3. Эксперимент, подтверждающий выводы. В этой схеме всему нашлось место -

и сознанию и органам чувств. А мы расшифруем эти этапы с точки зрения приоритета в них органов чувств или сознания. Может быть они равны, а может быть, кто-то и главнее. Разве не интересно?

Наблюдение. Полностью дело органов чувств, или приборов, переводящих недоступные для этих органов чувств явления в доступные им сигналы: в колебание стрелки или индикатора, в искры, в теплоту, в движение или расположение механических частиц, в графическое или электронное написание на мониторах и рулонах, в изменение цвета реагентов и прочее, прочее, прочее. Приоритет, несомненно, принадлежит органам чувств, особенно зрению и осязанию.

Далее идет анализ. Здесь работает сознание, спору нет, но затем наступает стадия эксперимента, который *должен подтвердить собой выводы сознания!* С помощью чего? С помощью тех же органов чувств! Извините, но это уже не просто приоритет органов чувств в познании мира, это их высокая роль как *единственно правильного критерия* верности познаваемого мира. Здесь и подавно - спору нет. Сознательная деятельность в науке - лишь промежуточный вспомогательный этап, (которому мы не доверяем), между двумя основными, на которых мы и основываемся во всех своих открытиях. Мы проверяем сознание на зуб, на глаз, на тычок, на щипок, на запах и т.д. Мы верим только органам чувств. Их мы ничем не проверяем, это для нас - истина в последней инстанции.

А теперь посмотрим, что эта высшая по иерархии истина может нам предоставить в наше распоряжение и как в качестве наблюдателя физического мира, и как в качестве безошибочного критерия итогов этих наблюдений. Если уж говорить о диктатуре органов чувств в научном познании мира, то сами эти органы чувств явно подчинены диктатуре зрения, от которого мы получаем основную видимую информацию и на которое рассчитаны все наши основные приборы, получающие невидимую нами напрямую информацию. И что же мы, не иносказательно говоря, видим? Может быть, более легким будет изложение этой проблемы в том случае, если мы сначала проясним для себя то, чего мы не видим? Отбросив эту невидимую нами мелочь вокруг нас, мы оставшее существенное и видимое нами напрямую, оставим в чистоте и оценим.

Итак, не видим мы всего лишь окружающего нас мира в инфракрасном излучении и в ультрафиолетовом излучении, спектры которых составляют *большую часть гаммы* того, что вокруг нас. Действительно, - мелочь. Мы всего лишь видим совсем не то, что вокруг нас, не больше. Не стоит из-за этого расстраиваться. Если так уж неприятно осознавать, что мы видим "совсем не то", то можно сказать и по-другому, более мягко, - мы почти не видим того, что вокруг нас. Сразу стало легче, не правда ли?

Ну и ладно, оставим в покое такую безделицу, как инфракрасный и ультрафиолетовый облики мира, пусть ими некоторые виды животных любуются, а мы и без этих пустяков что-нибудь, но видим же! Не достаточно ли с нас будет и этого? Но и здесь нас подстерегают мелкие неприятности. Самих-то предметов мы, оказывается, совсем не видим, мы видим только лишь электромагнитные волны, которые они от себя отражают! Ну и не беда, ведь по этим волнам мы можем составить относительное, но, все же, представление, о мире, в котором мы живем! Да нет - беда, потому что мы видим *лишь 5% всего этого излучения!* 95% остается вне поля нашего зрения! Но и здесь не стоит посыпать голову пеплом, ведь зато мы просто хорошо видим целых

5% искаженной информации об окружающих нас вещах! Ну, не радость, ли! Хотя, животные и здесь более профессиональные наблюдатели картины мира, чем мы.

Вот с таким зрительным вооружением мы "наблюдаем". Что разглядим, то и наблюдаем. Что наблюдаем, то и изучаем. Что изучили, то и возводим в степень истины. Что возвели в степень истины, то и навесили на весь мир в качестве ярлыка. И говорим - "мир такой". Это то же самое, что, сидя в подвале, через узкую щель между тротуаром и отдушиной, наблюдать и изучать закаты и рассветы. Оба этих процесса будут нам вполне доступны по характеристикам изменяющегося освещения в подвале, но полнота их восприятия будет ограничена размером и расположением щели воздухоотвода. На самом же деле закаты и рассветы совсем не такие, какими их видят подвальные академики, но именно в этих подвалах рождаются истины именно об этих закатах и рассветах.

Но и это еще не все. Прибор супругов Кирлиан, например, видит и фотографирует ауру животных и растений, а мы этого не видим. Животные видят эфирное тело человека, а мы не видим. Животные в полной темноте и на расстоянии видят форму, размер и цвет предметов. А нам чем похвастать перед ними при равных условиях такой, с позволения сказать, освещенности?

Животные видят не только сам предмет в крошечной тьме, но и различают его внутреннюю форму, (дерево или металл). Для них темнота не помеха. А для нашего зрения? Единственное, что мы можем безошибочно определить в темноте, так это - женщина перед нами или мужчина? Но, опять же, только на ощупь. Все остальное даже на ощупь вызовет у нас большие сомнения или не меньшие разочарования, если у нас плохо с обонянием.

Может быть, как в детской страшилке, мы хоть видим плохо, но, зато, слышим о-го-го, как хорошо? Да нет, мы так же хорошо *не слышим* инфразвука, от которого бегут животные перед землетрясением, и так же великолепно не слышим ультразвука, на котором некоторые животные переговариваются. А эти звуки шумят вокруг нас постоянно как постоянные спутники физического мира!

Кроме того, мы исключительно успешно не воспринимаем электромагнитных полей и не ощущаем направления магнитного поля, что могут делать те же животные. Особой одаренностью в сравнении с животными мы отличаемся и тогда, когда не чувствуем фазы Луны, не знаем, где находится пища на расстоянии 15 км от нас, если не видим самой этой пищи. Довольно удачно мы не "слышим" и гибели себе подобных на больших расстояниях и даже за соседней стенкой, что тоже могут делать животные.

Мы воспринимаем несколько тысяч запахов, а собака - полмиллиона! Пес через день по запаху проходит тот путь, которым прошел автомобиль хозяина на самой оживленной трассе, и здесь мы скромно даже и не будем сравнивать наши возможности, а сразу поставим вопрос по существу - если бы Ему нужно было, чтобы некто смог полноценно, достоверно и во всей глубине изучить созданный Им мир, то кого Он выбрал бы, исходя из биологического потенциала по наблюдению за этим миром? Человека или животных? Даже отвечать на этот вопрос не будем. Хорошо, что животные хоть читать не умеют, иначе они с нами даже и не здоровались бы.

Теперь поставим себе другой вопрос, - зачем тогда в нас заложено это всепоглощающее любопытство, приводящее к непрерывным "открытиям", если человек почти слеп, почти глух, у него заложен нос, а все тело и все чувства у него такие задеревеневшие? Если это, все же, *инспирировано* Им, то мы должны прийти к выводу, что наука как-то укладывается в Его план, хоть и не как явление, задачей которого является правильное описание мира. Здесь, прежде чем перейти к насущному "зачем", надо обязательно предположить, что этот процесс направляется и редактируется также Им. Если Он его запускает, то Он же и не должен его пускать на самотек. Мы должны сделать вывод, что сознание человека побуждается на поиск и на направление поиска именно с Его помощью и по Его программе, а не по нашим прихотям. Можно в этом убедиться? Можно. Анализ научного мышления дает возможность, похоже, утверждать, что так оно и есть.

Анализ мышления говорит о том, что когда человек заостряет свое внимание на каком-то наборе явлений физического мира и думает об этой проблеме постоянно и напряженно, то он в этот момент не идет логическим и планомерным путем, а просто настойчиво и непрерывно ставит вопросы или один и тот же вопрос в поисках обозначенного интересом ответа. Находясь в таком постоянном напряжении подвешенного вопроса, он рано или поздно получает ответ в готовом виде и сразу. Это общий вывод. По-другому ни одно открытие не происходит. Основные аксиомы науки открыты именно в результате интуиции и озарения, без всякого применения логики, просто неожиданным проблеском готовой истины. Если состояние упорного вопросительного рассматривания какой-либо проблемы можно отнести к стадии умственного анализа, то только в том случае, когда этот проблеск озарения все же приходит и вопрос *сразу* видится решенным. Ганс Селье, автор понятия "стресс", биолог, помимо биологии посвятил много времени изучению процесса научного мышления. Сам несомненный материалист, но честный ученый, он пришел к выводу, что ученое открытие - всегда момент внезапных озарений. Рассматривая научные отчеты об опытах, предоставляемые ему лабораториями его института в Канаде, он убедился, (будучи сам руководителем всех опытов и их непосредственным свидетелем), что в своих отчетах его сотрудники всегда ретушируют деятельность, предшествующую открытию, с целью представить ее в виде успеха, обеспеченного их прозорливыми и последовательными логическими действиями. На самом же деле все происходит в обратном порядке - сначала получается результат, падая как с неба, а потом под него подгоняется весь предшествующий процесс с точки зрения целенаправленного пути к результату. Говоря о логике научных работ, Селье приводит такой пример: человек приходит в зоопарк и ему говорят - "там волк, там жираф, а там олени". Это и есть логика - расставить пойманное по местам. А когда этих зверей отлавливали, то на них или натыкались случайно, или доверялись чутью - это и есть озарение, или открытие.

Если для кого-либо Селье не авторитет, то обратимся к признанным корифеям, и посмотрим, что об этом говорят они:

Альберт Эйнштейн. "...не существует логического пути открытия ... элементарных законов. Единственным способом их постижения является интуиция". говорил о том, чего не знает. Здесь объяснитель фотоэффекта говорит об интуиции, то есть, о *бессознательном* разуме, (смотри принцип дополнительности в который уже раз). Интуиция характеризуется тем, что дает знание

мгновенно, минуя рассуждения. Это и есть внезапное озарение. За это внезапное озарение о фотоэффекте Эйнштейн и получил Нобелевскую премию, а когда он парадоксами логики создавал теорию относительности - получилось очень невразумительно и смешно.

Рене Декарт. "Надлежит, отбросив все узы силлогизмов, вполне довериться интуиции, как *единственному* остающемуся у нас пути". Вот так - логика автором известных всем координат физических процессов рассматривается в качестве уз, цепей, а бессознательная интуиция, как единственный и последний способ достижения успеха в научном труде. Сам Декарт, когда ему однажды пришла в голову гениальная математическая идея, упал на колени и возблагодарил Бога. Он знал, Кто выписывает идеи в земное пользование.

Исаак Ньютон, "В основе всех великих открытий, когда-либо сделанных человеком, лежит смелая догадка". Почему "смелая" непонятно, но все равно речь идет именно о догадке, внезапном решении. Отметим также, что Ньютон был всегда очень точен, прямо-таки издевательски избыточно точен в том, что он говорил, в силу чего его скромное утверждающее обобщение "*всех великих открытий*", говорит нам больше, чем обширные трактаты с гипотетическими предположениями этого факта.

Фрэнсис Гальтон. Основатель евгеники. "Лучшее из всего того, что дает нам мозг, совершается *независимо от нашего сознания*". Комментарии излишни.

Анри Пуанкаре, у которого Эйнштейн слямзил принцип относительности, так вещал молодым о труде ученого: "То, что вас удивит прежде всего, это внезапные озарения..." Удивит-то, удивит, но и пользу принесет несравнимую, как это видно будет ниже.

Завершить цитирование хотелось бы еще одним изречением гениального, но невезучего и слабого человека с грустными глазами. Эйнштейн писал: "Открытие в науке совершается отнюдь не логическим путем; в логическую форму оно облекается лишь впоследствии, в ходе изложения. Открытие, даже самое маленькое, - всегда озарение. Результат приходит извне и так неожиданно, как если бы кто-то подсказал его". Bravo, Эйнштейн! Мог, ведь, когда излагал собственные мысли!

От цитат лучше перейти к фактам, и начать с самого древнего, в котором рассказывается, как некий человек выскочил из ванны и побежал по улицам совершенно голый с криком "эврика!" ("нашел!"). Звали человека Архимед, и повел он себя таким шокирующим окружающих образом только потому, что в ванне ему неожиданно пришел в голову тот закон, который теперь называется законом Архимеда.

Дмитрий Менделеев. Пример классический. Этому человеку в первый день весны во сне приснилась периодическая таблица элементов, которая ныне называется таблицей Менделеева.

Фредерик Бантинг. Открыл инсулин. Все произошло очень интересно: ему ночью приснился сон, в котором была дана методика опыта над поджелудочной железой. Во сне подробно показывались не только хирургические операции над собакой, но и *срок выдержки* разных состояний. Проснувшись, Бантинг немедленно все записал. Затем он осуществил этот опыт, который длился 9 месяцев (!), и получил инсулин. Бантинг не строил из себя гения и честно рассказал об этом в своих мемуарах.



Игнац Земмельвейс. Вот строки из его мемуаров: "вдруг (!) с неопровержимой ясностью пришло в голову ..." то, что болезни передаются микробами. Земмельвейс тоже запомнил неожиданную радость от неожиданного озарения.

Илья Мечников. Открытие им фагоцитоза произошло так внезапно и неожиданно в то время как он отправил семью в цирк, а сам остался дома повалить дурака и отдохнуть в тишине, что Илья Ильич выбежал в счастливой горячке на берег моря, чтобы побродить и успокоиться. Открытие пришло само, когда им никто даже не собирался заниматься на этот вечер.

Великий математик Карл Фридрих Гаусс учился еще на грифельных досках с мелками. Преподаватель задал мальчикам его класса задачу - сложить все числа от 1 до 20. Пока другие ученики только с тоской брали в руки ненавистные мелки, Гаусс уже сдавал свою доску учителю с ответом "210" *без всякого решения*. Как он это сделал, до сих пор никто понять не может. Объясняется это обычно его логическим гением. С восхищением нынешними историками науки описывается и анализируется весь возможный ход его мысли на двух или даже более страницах, что, все-таки, не убеждает, так как само описание этого предполагаемого хода мысли занимает больше времени, чем понадобилось бы, чтобы просто сложить все числа от одного до двадцати. Гаусс же всё решил сразу. *Найтием*. Обычное, не поддающееся никакому анализу, озарение.

Американский математик, венгр Дьёрдь Пойа, известен тем, что дал доказательство теоремы Фабри о пропусках в степенных рядах. Сам он разбил в своих воспоминаниях все этапы работы над доказательством на два периода. Первый из них был "созерцательный", когда он просто рассматривал теорему, любясь ею, и не делал никакой умственной работы. Затем наступил второй этап, "активный", когда в голове у него неожиданно стало навязчиво вертеться слово "пересадка". Оно преследовало его везде и всюду каждую минуту, как напевка горячего шлягера. Когда он вдруг решил привязать это слово к методу доказательства теоремы Фабри, то он *моментаально* нашел решение. 1-й период занял у него 20 лет, а второй несколько дней. Но, следует сказать, что срок "несколько дней" может прилагаться только к мукам с надоевшим словом "пересадка" и лихорадочно восторженной работе по математическому оформлению доказательства, а сама же идея доказательства опять пришла "вдруг" и в один короткий, но очень приятный момент.

Рудольф Дизель о своем изобретении честно и просто, как сам характер изобретенного им двигателя, говорит: "Идея как молния озарила сознание".

Шарль Фурье получил счет в ресторане, где за яблоко устанавливалась цена в 14 су. При этом рациональный Фурье вспомнил, что в соседней лавке за 14 су можно купить сотню таких же яблок. "Это различие цен в двух местах того же климата *как молния* осветило мне", говорит Фурье, изъяны в экономике, что привело к созданию какой-то передовой экономической идеи. В данном случае нам неважно, какой, потому что все они хороши, эти экономические идеи, пока их не применяют в реальной экономике.

Долгое время иероглифы считались рисунками. Их пытались расшифровать с помощью связи различных изображений с тем, что они могли бы изображать. Считалось, что иероглифы, это цепь зашифрованных символов, расшифровка которых лежит в содержании самих рисунков. Шампольон первым догадался, что иероглифы обозначают не символы, а слоги. "Открытие"

произошло так внезапно и настолько "ниоткуда", что сам Шампольон долго не хотел этому верить и никому об этом не говорил, пока сам же и не проверил.

Вот отрывки из воспоминаний Анри Пуанкаре о своих открытиях. Они очень показательны. "Однажды вечером, вопреки обыкновению, я выпил крепкого кофе. Я не мог заснуть, идеи теснились в моей голове; я чувствовал, как они сталкиваются, и вот две из них соединились в устойчивую комбинацию". К утру Пуанкаре, как и полагается, объяснил это, независимо от него происшедшее сращение комбинаций, научным и логическим обоснованием. Следующий отрывок: "Прибыв в Кутанс, мы сели в омнибус... Когда я стал на подножку, мне внезапно, без всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий, пришла в голову мысль о том, что", а далее речь идет об автоморфных функциях и неевклидовой геометрии. Даже о таких вещах мысли приходят внезапно и "без предшествующих раздумий". А вот еще из Пуанкаре: "Однажды во время прогулки по бульвару, мне вдруг пришло в голову решение..." и далее опять речь идет об одном из открытий, непонятных для нас из-за недостатка образования, однако наше образование позволяет все же нам по достоинству оценить это короткое и знаменательное слово "вдруг".

Фридрих Кекуле. Открыл кольцевую структуру бензола, что привело к революции в органической химии. Заснул однажды гер Фридрих перед камином и увидел сон, в котором атомы крутились и извивались, как змеи. Одна из этих змей укусила себя за хвост. Кекуле проснулся "как от вспышки молнии", говоря его словами, и сразу все понял. Вслед за чем последовало его великое открытие.

Томас Эдисон имел 1093 патента на изобретения. Это абсолютный рекорд. Рассказывают о методе, которым он черпал идеи. Он садился в кресло и брал в руки два металлических шара, по одному в каждую руку. Руки свешивал вниз и засыпал. В момент засыпания, когда мозг выключался, кисти его рук разжимались, и шары с грохотом падали на подложенные под кресло листы металла. От шума Эдисон резко просыпался и в те моменты, пока обычное сознание еще не овладевало мозгом, ему являлись всякие интересные идеи. Опять с неба.

История о яблоке, упавшем на голову Ньютона, что внезапно вызвало в нем мысль о том, что та же сила, которая обрушивает невозможные яблоки на безобидные головы ученых ЕЕ Величества, действует и на все небесные тела - это тоже не анекдот. Это сам Ньютон в частной беседе рассказал.

Иоганн Галле. Леверье в свое время рассчитал координаты Нептуна, но Галле никак не мог его обнаружить в телескоп. Он знал, где примерно должен находиться Нептун, но никак не мог поймать его среди всех остальных звезд и звездных свечений. Однажды ему приснился сон, в котором в небе плыла голубая-голубая по цвету планета. Внезапно проснувшись и едва одевшись, Галле вбежал в обсерваторию, настроил телескоп, и по голубому свечению Нептуна сразу выделил его из всех остальных звезд. Обо всем этом он написал Леверье и в этом письме предложил назвать новую планету Нептуном в память о сне, потому что голубой цвет тогда ничего не значил, кроме символа морской стихии.

Роэ Турму приснился сон, в котором цирковая наездница внезапно останавливает коня и бросает букеты цветов в зрительные ряды. Проснувшись, он решил задачу о вылете электронов

из атома при ядерных столкновениях - ядро покоится после столкновения, как конь и наездница, а электрон летит, как неопасный для зрителя букет.

Отто Леви, установивший химическую природу передачи нервного импульса, использовал для этого лабораторный опыт, который также детально явился ему во сне.

Джеймс Уатт зимой 1765 года в Глазго проходил мимо прачечной. Увидев пар, валяющийся из окон, он *"внезапно сообразил"*, как следует переделать водоотливную машину, чтобы пар в ней можно было охлаждать и конденсировать. Этот момент подробно описан в его воспоминаниях. Так появилась паровая машина, что позволило перевести все промышленное производство в массовую фазу.

Сэмюэл Морзе был художником и возвращался морем из Европы в родную Америку. На борту корабля он писал свою картину "Лувр". По вечерам во время светской болтовни пассажиры его класса очень много говорили о чуде того времени - об извлечении искр из магнита. Внезапно к Морзе пришла идея о том, что сочетание искр может быть использовано как код для передачи сообщений по проводам. Он тут же сказал капитану: "Если Вы услышите когда-нибудь о магнитном телеграфе, знайте, что он изобретен на Вашем корабле". Он имел в виду ту самую "морзянку" и аппарат Морзе, на техническое исполнение которого он, бросив и недописанный "Лувр", и живопись вообще, потратил два года.

Рене Лаэннек, врач, однажды увидел, как во дворе у его дома детвора играет тем, что один из них скребет по торцу бревна, а другой, прижавшись ухом к противоположному торцу бревна, слушает. Чуть-чуть озадаченно помедлив, Лаэннек придумал тут же стетоскоп.

Висячие мосты изобрел английский инженер С. Браун. Он долго и безуспешно пытался решить задачу создания перехода без опор для индийской колонии до тех пор, пока, отдыхая в лесу, не посмотрел на паутину. Сама конструкция паутины ничего не дала ему для технического решения, но ее вид чем-то неуловимым вызвал мгновенную догадку о конструкции висячего моста. Сразу стало не до отдыха.

Глеб Котельников. Русский офицер, впечатлительная натура, однажды оказался очевидцем гибели летчика Льва Мациевича. Это было ужасное зрелище: аэроплан падал, а летчик пытался одеть на себя лежащий рядом парашют, обреченно поглядывая на неумолимо приближающуюся землю. В то время парашюты находились на специальной скамеечке в кабине пилота и авиатору, собирающемуся аварийно покинуть самолет, необходимо было парашют сначала надеть на себя, не спутав при этом стропы, выползти на крыло, держа в руках купол, и только после этого спрыгнуть с падающей опоры особым образом, чтобы парашют еще и успел открыться, так как аэропланы тогда летали невысоко и запаса времени на все эти манипуляции практически не было. Обычно это не удавалось. Котельников на долгое время впал в состояние мрачной депрессии от гибели на его глазах беспомощного человека. Однажды он увидел, как большой кусок не уложенного в штуку шелка легко поместился в дамскую сумочку. Его осенило, и появился ранцевый парашют.

Голландец Янсен в 1590 году увидел, как его дети забавляются тем, что вставляют линзы его очков в трубку с обоих концов и со смехом разглядывают друг друга. Его поразила мысль - а

нельзя ли таким способом создать прибор, который будет увеличивать предметы в несколько раз? Так появился микроскоп.

Это наиболее яркие и зарегистрированные документально примеры. На самом же деле чисто психологически человек может и не обращать внимания на тот путь, которым к нему пришел ответ на замучивший его вопрос. "Ну, пришел, и - слава Богу", - рассуждает внутренне он, - "пусть психологи разбираются со всем остальным, а мне не до этого: я совершил открытие!" Вот психологи и разбираются. Для этого они устраивают нечто вроде игры, во время которой задают "подопытным" не очень сложные, но парадоксальные задачи. Условие одно - думать необходимо вслух, чтобы виден был ход мысли. Человек напряженно думает и ищет, и вот, наступает момент, когда ответ ему является. Это практически всегда резкий переход от неоформленного ни во что блуждания среди своих предположений и вариантов к готовому ответу, зачастую вообще не связанному с тем, что непосредственно говорил человек до этого. При этом, обычно, речь так же внезапно прерывается возгласами, типа: "Стоп!", "так-так-так!", "погоди!", "стой!" или другими командами, обращенными к себе. Также популярны в эти моменты и нещадные хлопки себя по лбу или по колену, щелчки пальцами, соударения ладоней и т.д., после чего с несколько глупо-удивленно-счастливым лицом изрекается то, что требовалось. Человек еще и сам не успевает понять - откуда к нему пришла истина, и истина ли это вообще, но он уже ее выдает, получив непонятно откуда не только мысль, с которой сам еще не успел освоиться, но и определенную уверенность, что это именно та самая мысль. Только уже после этого сам человек начинает логически неуверенно препарировать высказанную им же версию, и *сам же и убеждается*, что был, оказывается, прав!

Психологи пришли к выводу, что логический путь решения вопросов абсолютно бесперспективен, гораздо эффективнее тот путь, когда где-то там, откуда приходят ответы, тербится постоянными обращениями и вопросами то место, где готовый ответ уже хранится. Похоже на оккультный ритуал. Как колдуны вызывают духов пассами и заговорами, так и ученые вызывают "открытия" постоянной и напряженной работой мысли о них.

Поэтому в последнее время администрации различных научных коллективов пытаются использовать с помощью психологов различные, прямо-таки, шаманские методы поиска решения технических задач. Наиболее продуктивным из них считается, так называемый, "мозговой штурм", придуманный Осборном. Суть метода состоит в том, что для решения весьма сложной и запутанной задачи в какой-либо области производства или технологий, приглашаются люди, которые являются неплохими специалистами в областях, имеющих весьма слабое отношение к предмету решаемой проблемы. Их разбавляют специалистами, непосредственно отвечающими за решение поставленных вопросов, усаживают за один большой стол и начинается обсуждение способов разрешения загвоздки. Правило одно - можно только поддерживать и развивать идею предыдущего оратора. Критиковать или выражать сомнение запрещается, лучше в этом случае промолчать. Требование тоже одно - говорить все, что взбредет в голову, ничего не отбрасывая и ничего не стесняясь. Регламент простой - говорить не более минуты. Никто ни кого не должен перебивать. "Банкует", то есть, выбирает, кому дать следующему слово, главный специалист по обсуждаемому вопросу, который в обсуждении не участвует. Перед ним ставится всего лишь одна

задача - всеми силами наращивать темп и только темп общего разговора. В таком, казалось бы, вертепе вздорных мнений неспециалистов, которые должны к тому же развиваться усилиями спикера с возрастающим напряжением, не дающим времени на раздумья, удивительным образом всегда неожиданно приходит верное решение, над которым до этого бились и день и ночь, но бесплодно. Чем меньше логики, тем больше пользы. Успех достигается только тем, что проблема проговаривается и произносится с разных, самых невозможных сторон и предположений, и это каким-то образом задабривает духа этой проблемы, и он дает ответ. Чем не заклинания?

Неожиданно часто срабатывает метод, предложенный также изоэренными западными психологами, который называется "заслать врага". "Враг" - это нестандартно мыслящий, не в меру любопытный, подвергающий всегда все и вся сомнениям человек без комплексов, которому ставится всего лишь одна деликатная задача: ходить среди занятых людей, занимающихся коллективно какой-либо технической проблемой, и отвлекать их на пустяковые вопросы, касающиеся их деятельности. Вопросы должны быть как можно более конкретными, но как можно более "идиотскими", относящимися к явлениям, абсолютно ясным даже дураку. Мы назвали эти вопросы вначале наших поиском "детскими". Например, такой человек может подойти к любому конструктору и спросить, - "А что это у вас? Колесо? А вы уверены, что именно колесо оптимально подходит для передвижения? И почему вы решили, что оно должно быть круглым? Я требую объяснений!". Усугубляется вся эта комедия еще и тем, что работники обязаны исполнять все требования этого чудака по разъяснению ему, того, что они делают. Все понимают, что это игра, но рано или поздно нервы начинают сдавать, и начинают сыпаться ответы по принципу: "Как спросил, так и отвечаем". Чепухой на чепуху. Именно здесь, обычно, и находится решение. Там, где никто никогда даже искать не стал бы, если бы думал логически, находится то, что ищется. Например, такой "враг" может спросить стоматолога: "А почему вы никогда не производите лечение зубов через задний проход?" Доведенный до ручки стоматолог отвечает: "Потому что пациенту сплевывать неудобно!", а затем остывает, и думает: "А правда, если бы лечить кариес, как советует этот дурак, через анус, то, как бы пациент сплевывал накопившуюся слюну? Пришлось бы через пищевод проводить трубку и слюну отсасывать механически. Стоп!" - дальше хлопок по лбу и резонный вопрос - а почему бы механически не отсасывать слюну при традиционном способе лечения через ротовую полость? Так могла бы появиться та неприятная трубка-крючок, которую вставляют нам в рот сострадательные стоматологи, чтобы не прерывать нашими вынужденными сплевываниями свое увлекательное занятие. Здесь уже не систематические заклинания, а эмоциональный всплеск пробивает дорогу к готовому ответу. В данном случае не дух проблемы задабривается, а дух здоровой психики выводится из себя, и он, не имея сил терпеть больше над собой издевательств, выхватывает решение оттуда, где оно лежит, и скармливает его хозяину, чтобы тот угомонился и не сошел с ума.

Но как бы то ни было, а ни в первом, ни во втором, ни при любом другом способе решения научных задач, предлагаемых специалистами по мышлению, никогда нет настоятельных призывов думать точнее, логичнее, целеустремленнее и конкретнее. Вместо этого сплошное

шаманство. Но научно выверенное. Потому что честная наука давно знает - открытие надо просто трудолюбиво выпросить *оттуда*. Самим своими логическими силами - не дойти.

К тому же положение нынешнего ученого значительно облегчается наличием огромного запаса знаний, методов мышления и способов научной работы. А если абстрагироваться от нынешнего времени и обратиться к более древним временам, когда всего этого не было, то положение первых "наблюдателей" вообще было ужасно. Отталкиваться не от чего, это, во-первых, никто на окладе не содержит и надо вместе с племенем весь день собирать пищу, это, во-вторых, и, самое главное - нет никакой научной задачи! Сейчас ученым проще, как и некоторое время назад. Все, что они делают - это усовершенствование старого через открытие нового. Например, есть заказ: "У меня - сталь, но она ржавеет. Сделайте мне такую сталь, чтобы она не ржавела. Я плачу". Здесь для ученого сразу есть и что искать, и "на что" искать, и зачем искать и т.д. А у первого человека? У первого ученого? Он должен был научную задачу *сам поставить перед собой*, потому что до этого ни о какой науке, ни о ее задачах и речи не было в кругах его целомудренного общества. Но, не имея понятия о научной задаче и не имея самой минимальной научной информации и самых первичных научных методов анализа - научную деятельность *начать* нельзя!

Все, чем мог обладать самый первый цивилизованный человек, начиная с земледелия, садоводства, гончарного производства и металлургии - это все высокий уровень уже готовых технологий, на разработку которых у него не могло быть ни времени, ни средств, ни *самой предсуществующей цели!* Трудно себе представить пещерного жителя, который вышел бы утром из пещеры, почесался, и подумал: "Сегодня хороший день. Пора заняться делом. Для начала возьму-ка я эти камни и положу их в кучу. На них прямо-таки написано, что если их долго разжигать, то они начнут гореть с диким выделением тепла. Но сначала я, наверное, обложу эти горючие камни другими камнями, особыми, которые мне нравятся именно тем, что я предполагаю в них способность не трескаться и не раскалываться от долгого огня. Они мне сохраняют температуру горения. Сверху я оставлю отверстие, куда засыплю вон те интересные камни, потому что сердцем чую, что если они попадут в огонь, то расплавятся и превратятся в медь. А потом я подкину в образовавшийся сплав еще одни камни, которые тоже расплавятся и превратятся в олово. Только надо подбросить ровно 10% олова в медь, а то иначе получится не бронза, а ерунда какая-нибудь. Вот этим я и займусь сегодня. А что делать с бронзой, и что это вообще такое - я завтра подумаю, сегодня я и так устал. Да! Черт, совсем чуть не позабыл! Надо же еще мех сделать, чтобы кислородный поддув был, иначе температуры горения не хватит, чтобы руды плавить!". И так возникла металлургия? А ведь именно так случился в истории бронзовый век, когда человек из абсолютно дикого, вдруг стал совершенно цивилизованным. Никакими случайными находками рождение бронзовой металлургии нельзя объяснить. Надо или сразу знать все компоненты и сами достоинства конечного продукта, или никогда с нуля до этого не догадаться, потому что ни один из компонентов по отдельности себя не проявит в качестве части какого-то неведомого технологического целого.

То же самое с земледелием. Это не такая уж простая вещь, чтобы прийти к ней случайной догадкой. Это - перемена, причем коренная перемена всего образа жизни! Для того чтобы

вырастить первый урожай, надо знать из чего его вырастить, надо иметь орудие вспашки, надо знать, что нужен полив и прополка, надо собрать где-то тысячи первых зерен и *бросить все*, занявшись только этим. Крестьянский труд, а тем более ручной труд того времени, поглощает все время и все силы. Пока вырастишь урожай - помрешь, если перестанешь заниматься собирательством. А если будешь заниматься собирательством, то не вырастишь никакого урожая. А, вырастив урожай, надо знать, как хранить зерно для следующего посева (это непростая наука во все времена!), как хранить зерно, предназначенное в пищу, и *как из него делать пищу*, (а это еще сложнее, это уже высокая технология!) потому что получаешь не готовый продукт, а полуфабрикат, то есть, только намек на него! *Для того, чтобы начать заниматься земледелием, надо сначала увидеть готовую испеченную горбушку хлеба, попробовать ее на вкус, убедиться, что это безопасно, вкусно и питательно, и, самое главное, иметь запас продуктов на целый сезон вперед, чтобы в первый раз заниматься только земледелием в целях получения вождельных горбушек себе и своим детям!*

Как все это могло произойти без Его вмешательства? Да никак! И сам древний человек нам рассказал об этом. У всех народов есть легенды о богах-просветителях, которые научили людей всему, что они умеют. От темноты и незнания? Какие основания у нас говорить именно так? Никаких. Народы очень любят героев. Они их просто придумывают в своих сагах, былинах, сказаниях, ведах, легендах и т.д. Этим героям приписывается все, даже умение ослиной челюстью убить несколько тысяч вооруженных врагов, но ни одному из них не приписываются в заслуги ни научных открытия, ни изобретения. Все эти предания являются эхом действительных событий. И если Илья Муромец зашиб кого-то по-пьяни, махнув неосторожно рукой, то по закону народного эпоса через некоторое время мы узнаем, что, размахивая таким образом руками, он мог одним взмахом убивать врагов целыми площадями и улицами. Но когда-то он, все-таки, кого-то пристукнул, иначе и самого эпоса бы не было. А если ни в одном эпосе нет ни одного случая, когда любимые герои озабочены научными знаниями или технологическими прорывами, то этого и в жизни никогда не было.

С другой стороны, если в фольклоре всех народов боги постоянно внедряют знания, ремесла и науки, то, на каком основании мы должны этому не верить? Во-первых, из ничего ничего не рождается и, раз есть повторяющаяся тема, то есть и фактическая база для появления таких сюжетов. Во-вторых, достаточно почитать, например, переписку царя Хаммурапи, эпос о Гильгамеше, производственную хронику чиновников Междуречья, египетские песни и мифы, или южноамериканские древнейшие письменные источники, то убеждаешься, что это такие же люди, как и мы, безо всякой склонности к галлюцинациям и бредовым фантазиям. Вообще возникает ощущение, что в жизни людей, по сути, ничего не изменилось - ни в психологии мышления, ни в уловках казнокрадов, ни в мотивах правонарушений, ни в самих заботах быта. Нет нигде никаких оснований утверждать, что эти люди были недоразвиты или запуганы непонятной жизнью. Наоборот - это сейчас мы психологически не успеваем за жизнью, что и породило всяческие стрессы, наркоманию, психоаналитиков и их благодарных клиентов, борющихся со своими психозами, разлеживаясь на кожаных диванах. Тогда все было спокойно и понятно, человек психически был более уравновешен и более взвешенно относился и к жизни и к себе. А

в таком случае (это - в третьих) вообще какие у нас основания не верить им, если они на тысячи лет были ближе к тем событиям, о причинах которых мы готовы с ними поспорить? Нас там не было, а они там были. С чего это мы так разумничались?

Со всех сторон гораздо более приличным было бы послушать то, о чем они сами говорят, а не то, что мы предполагаем по сути их высказываний. А говорят они, например, о том, что первый Инка Манко Капак научил окрестные племена земледелию и ремеслам. Сам Инка был не местный. Прибыл из-за моря. В то время считалось, что "за морем" ничего нет. То есть Инка прибыл ниоткуда.

У индейцев Южной Америки бог Бочика пришел с Востока и принес календарь. С Востока - это то же самое, что "из-за моря" для населения тех мест. Бог пришел оттуда, откуда пришел и Инка.

У ливийцев (предков берберов) богиня Миург научила изготавливать из фиников хмельной напиток, врачевать и готовить лекарства.

Египтян бог Осирис научил отличать съедобное растение от несъедобного. Он так же показал им, как пахать землю, сеять ячмень и пшеницу, как уберечь всходы от засухи (дал ирригацию), как собирать урожай и хранить его. Кроме того, он научил разводить сады и виноградники, делать из винограда вино, и сам первый осушил первую чашу. Не потому, что слаб был на это дело, а для того, чтобы люди не боялись пить непонятный напиток. Совращенным таким наглядным образом египтянам, Осирис дал и технологию производства пива из ячменя. Очевидно - для похмелья. Им теперь не скучно было делать орудия для охоты и земледелия, производству которых их также учил Осирис.

Богиня Исида научила египтян молоть зерно, делать муку и печь лепешки - нельзя же только пить и охотиться, а зерно выращивать просто за-ради удовольствия! Она же научила их лечить болезни.

Бог Тот научил прилежных египтян музыке, танцам, чтению и письму, а также изобрел календарь. Не смеем ручаться, что именно в этой последовательности.

В Южной Америке бог Саме прибыл из-за океана (из-за моря!) с Востока, и научил народ сельскому хозяйству, скотоводству, строительству мостов (это была горная местность с бурными речками ущельями), деревообработке, а также принес им письменность.

У халдеев в Древнем Вавилоне бог Оан периодически приходит к людям и учит письменности, наукам, а также искусствам всякого рода. Он же научил вавилонян селиться городами, возводить храмы, устанавливать законы и измерять землю. Также через его университеты люди научились сажать и собирать различные плоды, он научил их выращивать все необходимое для жизни (не только для пищи), он же "написал о возникновении и развитии государств и передал эти сведения людям". Дело было в Передней Азии, но и здесь наблюдательное население отметило, что бог Оан приходит "из-за моря" и, что больше всего их поразило (белой завистью, наверное), - никогда не пользуется пищей. Еще один интересный штрих к этой истории - некий Берос, местный историк Южной Халдеи, описывая это, добавляет, что до Оана "люди жили как звери, без всякого порядка".



На том же Ближнем Востоке семитские народы упоминают богов Азазела, который научил металлургии, Баракелла, который научил астрономии, Кокабела, научившего знаменам, и Асрадела, который поделился знаниями о движении Луны.

Лагашцев Междуречья бог Нингирсу научил строительству и архитектуре с географией. Почему именно такой синтез? Потому что в Междуречье есть все, кроме камня, и, никогда не видевшему их первому царю лагашцев, бог Нингирсу нарисовал чертежи зданий, построенных из камней, (архитектура), рассказал, что такое камень, как его обрабатывать и укладывать друг на друга, (строительство), а также точно указал самый кратчайший путь через горы и леса туда, откуда камень можно привести за сотни километров от Лагаша (география).

В Древнем Китае канон "Даоцзин" рассказывает о том, что сыны неба дали людям календарь.

Богиня Бригита научила кельтов искусствам, сельскому хозяйству, ремеслу и медицине. Богиня Бельтан - земледелию. Кельты как-то различали, очевидно, сельское хозяйство вообще от земледелия в частности.

Герой шумеров Гильгамеш ("все видевший") передал все свои знания людям своего царства, благодаря чему возникла праматерь всех цивилизаций - шумерская. Сам же Гильгамеш получил всю свою мудрость не в средней школе, а от богов. У тех же шумеров бог Ану принес с неба пшеницу, коноплю и ячмень. Все это он уложил компактно в горах. А богини Ниназу и Нинмада передали зерно Шумеру, "не знающему зерна".

Брахма у индийцев научил кшатриев военному делу, а вайшьев земледелию, ремеслу и торговле. Так пошли касты.

Бог-просветитель Make-Make на острове Пасхи научил людей всему, что они сейчас умеют по версии самих древних жителей этого острова, потомков полинезийцев.

В той же Древней Греции широко обсуждался и попал в хроники случай с титаном Прометеем, который в качестве дилера передал людям в пользование огонь, но основные собственники огня, боги, признали сделку недействительной, и Прометей вместо вознаграждения в виде процентов получил наказание в виде оков и сбрендившего орла, который маниакально клевал ему печень, полностью забыв о семье и о других мужских обязанностях. Даже умение пользоваться огнем древние благоразумно не приписывали первому пожарнику, который взял пылающую ветку пораженного молнией дерева и составил инструкцию по его хранению.

Богиня Сарасвати в Индии дала календарь, письменность и науки, богиня Шейла На Гиг в Ирландии научила земледелию, а богиня Деметра научила древних греков и садоводству и земледелию.

Что невероятного во всех этих рассказах? Гораздо более невероятно то, что человек сам без всякого плана мог давить вкусный виноград грязными ногами, заталкивать полученную смесь в кувшин, несколько раз ее переливать и отцеживать, закапывать сосуд в землю, выпускать особым способом газы брожения, давать выдержку, а затем все это употреблять по назначению. Совершенно невероятно представить себе, что некто очень древний и очень упорный, наверное по большому одиночеству, нашел палочку, вставил ее в тесную деревянную дырочку, и вертел ее там между ладонями в течение полчаса, чтобы затем получившееся тление палочки довести до

огня, сунув потемневший и дымящийся её кончик в заготовленную заранее горку сухого мха. Можно еще как-то предположить, что природа может с помощью молнии предложить готовый огонь, то есть подсказать, *но что в природе подсказывает, что от трения получается огонь?* А ведь во всем мире у всех племен обнаружены и имеются известные различные приспособления для *получения* огня трением, а предположение, что огонь сначала сохранялся дневальными по пещере после молнии - только предположение.

Но еще более невероятным должны мы признать то предположение, что в основе тех поистине невероятных знаний, которыми обладали древние мудрецы, может находиться сам человек. Потому что уровень тех знаний зачастую превосходил тот уровень, которого человек достиг впоследствии спустя тысячелетия! Например, в настоящее время с помощью тончайших инструментов длительность календарного года установлена периодом в 365,242398 суток. Это - достижение современной науки, которым она заслуженно гордится. Средневековые несовременные точные изучения этого вопроса дали в свое время цифру 365,242500, а древние майя знали, что год длится ровно 365,242129 суток! То есть, они были ближе к истине вообще безо всяких инструментов!

У майя не было вообще ничего, даже колеса и железа майя не знали, а продолжительность лунного месяца они знали с точностью до 34 секунд! Ошибка в периоде обращения Венеры у них составляла всего 7 секунд на 50 лет! Такой точности технически оснащенная и просвещенная Европа достигла спустя лишь тысячу лет в конце 19 века!!!

Шумеры. Как мы знаем уже, они были еще древнее, чем майя. Но они знали время обращения Луны с точностью до 0,4 секунды. Продолжительность года, которую знали они, отличается от современной нам величины (напомним - установленной с помощью тончайших инструментов) на 5 минут! Шумеры знали о Плуtone, которого европейцы открыли только в ... 1930 году! Причем Плутон можно увидеть только в самые крупные телескопы, имеющиеся в настоящее время на Земле и исключительно при спокойной атмосфере. Шумеры не только знали о Плуtone, но и знали период его обращения вокруг Солнца. Как?

Ученые, жрецы и хранители знаний Шумера решали сложные алгебраические задачи, квадратные уравнения с несколькими неизвестными, задачи на сложные проценты и даже задачи, выходящие за пределы алгебры. Все это они проделывали на глиняных табличках, когда за окном существовало только примитивное общинное земледелие, босоное гончарное производство и скотоводство, и когда, соответственно, это вообще никому не было нужно.

Древние Греки считали число 10 000 невероятно большим числом, поскольку число, которое находится в постоянном употреблении - это количественное выражение потребности что-либо сосчитать. Нечасто приходилось в окружающем мире видеть что-либо вокруг себя, что нуждалось бы в обобщении под количеством десять тысяч. А у шумерских жрецов на одной из табличек найден математический ряд, конечный итог которого выражается числом 195 200 000 000! Даже в 17-18 веках, тысячелетия спустя, для Европе еще не возникло практической потребности в оперировании этим числом, а шумерам оно было зачем?

В Китае есть глобус звездного неба, который составили китайские астрономы за 1000 лет до нашей эры. На нем находятся созвездия, которые можно увидеть только из Южного

Полушария. С территории Китая они не видны. Откуда были эти сведения в то время, если даже сейчас при любых технических возможностях с территории Китая такого глобуса все равно не нарисовать?

В санскритских текстах встречаются такие величины времени, которыми мы также не пользуемся даже сейчас. Например, "трути" - 0,3375 секунды и "кашта" - 1/300 000 000 секунды. Какая такая могла возникнуть в тех условиях почти дикости потребность в этих величинах? А приводим мы именно эти две величины, потому что они полностью соответствуют периоду жизни мезонов и гипермезонов! А это, между прочим, нестабильные элементарные частицы! Переносчики ядерных сил! Случайность или совпадение? По закону совпадения - если есть два совпадения, то это уже не совпадение.

Все древние календари всех древних культур найдены в конечной форме. Нет ни одного календаря в стадии разработки или в какой-то переходной форме от примитивного к точному. Как и все остальное, календари получались в виде готовых рецептов.

Миллион появился в математике в 19 веке благодаря Марко Поло, который, вернувшись из Китая, был посажен в тюрьму как завзятый лгун за свои совершенно правдивые рассказы, поскольку итальянцы не могли себе представить чего-либо в том количестве, в каком его видел Марко в Китае. Когда его попросили назвать число, равным которому можно было бы обозначить предметы роскоши китайских мандаринов и само население Китая, он долго думал в одиночной камере, а затем предложил слово "миллион" в качестве замены образному "тысяча тысяч", выражавшему собой смысл - "очень и очень много". И только через столетия миллион занял свое полноправное место в разросшейся Европе. А маленький Древний Египет это число знал и имел для него свое конкретное название. Число "пи" также появилось в Европе 17 веке, а Египет также знал зачем-то об этом числе.

Первые письменные свидетельства о медицине найдены в Шумере. И эта медицина не такая уж варварская, как считалось до этого. Она выше по уровню, чем медицина Европы средних веков! В древнем Вавилоне найдены также медицинские инструменты (!) для, чего бы вы думали? Для хирургических операций на черепе! Совершенно изящные и эффективные трепанаторы и сверла для проникновения в черепную коробку в том самом Вавилоне, где Бог смешал язык народов, чтобы они как муравьи не лепили кирпичи и не строили башню, с помощью которой хотели дотянуться до звезд. На Крите откопан чемоданчик хирурга, возраст которого 1600 лет до Рождества Христова, а в чемоданчике - не пила и зубило, а сложные хирургические щипцы, различного калибра скальпели и сверла. В Древнем Египте найдены подробнейшие инструкции на папирусе (так называемый "папирус Смита") по наложению всех видов хирургических швов, а стены храма Ком Омбо (до строительства пирамид) испещрены рисунками совершеннейших, как говорят современные медики, хирургических инструментов. На скифских золотых изделиях запечатлены хирургические операции по трепанации черепа и удалению зубов. Все эти древние цивилизации умели помимо трепанаций и удаления зубов оперировать глаз и ставить протезы, а в Европе до 18 века главной причиной смерти по болезни была ... стоматология. Вынужденные или случайные вскрытия европейских кладбищ показывают, что больше половины европейцев умирали оттого, что гной нарыва десны попадал в мозг.

1800 лет до нашей эры древние арии построили город-храм Аркаим. Этот город спланирован по параметрам прецессии. Прецессия - это движение оси вращения земли по круговому конусу. Когда юла вращается по полу, то она еще и качается. Вот такое качание Земли при вращении и называется прецессией. Вычислены ее параметры были в 19 веке нашей эры, а все строгие постройки Аркаима расположены расширяющимися кругами, полностью повторяющими параметры прецессии уже в 19 веке до нашей эры. Арии знали, что Земля вращается вокруг своей оси и знали основные математические данные этого вращения за 4000 лет до современной астрономии? А чем еще объяснить планировку Аркаима и чем объяснить то, что в своих расчетах астрологи ариев использовали не только саму эклиптику (путь видимого годичного движения Солнца), но и знали основанную на ее базе эклиптическую систему координат, что едва-едва и далеко не у всех получается и в нынешнее время?

Такие опережающие на тысячи лет знания человек мог только получить сверху, но никак не породить их из своих потребностей.

Помимо необычайно высокого уровня знаний древних цивилизаций премного удивляет и то обстоятельство, что некоторые науки и технологии возникали в то время совершенно необъяснимым и одновременным образом. Например, астрология появилась одновременно и в Древнем Шумере и в Древнем Египте. В двух разделенных огромными расстояниями государствах, не имеющих тесных культурных и хозяйственных связей. Очевидно, для этой науки пришло время, и Он ее вбросил в две цивилизации, существующие на тот момент.

Особое удивление вызывает феномен бронзового века. Дело в том, что бронза - это сплав меди и олова, как мы уже упоминали. Оловом человек вообще никогда не пользовался до этого, а медью крайне редко. А бронзовый век возник внезапно, в один короткий исторический момент, причем сразу на очень высоком технологическом уровне. Как мог человек догадаться, что если сплавить между собой редкую медь и совершенно неизвестное доселе олово именно в пропорции 10 : 1, то получится бронза? А самое удивительное состоит в том, что государства, первыми начавшие выплавлять бронзу (Египет и Месопотамия), сами исходного сырья, то есть ни меди, ни олова, не имели!!! Они отправляли за ними экспедиции, куда бы вы думали? На Кавказ и Пиренеи! Хотя, что будет в этом удивительного, если вспомнить, что знания даются человеку в готовом виде и по графику, установленному Им?

Кстати, то же, что произошло с бронзой, произошло и с железом. Также одновременно во всех местах и также сразу на уровне высокой технологии. Но уж если мы заговорили о некоем графике, то, как это у нас уже принято, не следует ли попытаться взглянуть на историю науки именно этим взглядом, и попробовать выявить какие-либо закономерности в построении этого божественного графика? Если мы вдруг эти закономерности выявим, то все наши предыдущие предположения перестанут быть предположениями, а станут фактами. Давайте попробуем.

Надо сказать, что толчком к этому размышлению послужило понятие так называемого "Осевого Времени", которое встречается в некоторой литературе по истории цивилизаций. Период этого времени обычно относят ко 2-1 тысячелетию до Рождества Христова, и поводом для обобщения этого периода развития человечества в некий значимый отрезок времени служит тот факт, что в этот период созданы учения, основополагающие для буддизма и индуизма, мощно

прозвучал Заратустра, заиграла всеми красками непреходящая греческая философия, Китай проникся конфуцианством, где-то по соседству возник даосизм и т.д. Часто говорится, что, не сговариваясь, вместе появились Будда, Сократ, Лао-Цзы, и т.д. Основная ссылка делается на то, что средств сообщения между регионами Земли, где возникали эти учения, тогда в нынешнем современном виде не было, никто друг о друге слухом не слыхивал и поэтому этот период называют "Временем Великих Учителей", подчеркивая, что это некий непонятный феномен - практически в одно время на разных географических участках планеты у разных народов заблестали великие умы, поражающие своим величием.

Не хочется спорить с этим определением, и мы этого делать не будем, отметив, однако, что в режиме нашей задачи выявить Его график внедрения знаний в человечество, такие периоды времени, как "тысячелетие", выглядят несколько условными. Исходя из таких макрокатегорий времени, в конце концов, можно вообще все происшедшее с человечеством назвать какой-либо "эрой" подходящего определения, но нам это сейчас совершенно не подходит, и мы не воспользуемся этой возможностью. Нам нужны совершенно иные, более компактные категории времени, исследование которых позволило бы нам выявить какие-либо закономерности, а не говорить "о непонятном феномене", пусть и величественного характера. Мы уже убедились не раз, что любое "непонятное" может стать понятным, если заранее не поверить всем авторитетам, которые определили, что оно "непонятно".

И начнем мы именно с философов (учителей) и сразу по трем причинам. Первая - тем самым мы отдаем дань основной мысли, заложенной в понятии "Осевое Время", как интересной гипотезе, если ее попробовать применить несколько по иному принципу. Вторая - философия тоже наука, и нет никаких оснований искать Его график исключительно в точных науках, и третья причина - философия никак не сопрягается с насущными потребностями человека и никак не подталкивается техническим уровнем общества, что, в отличие от случая с точными науками, делает наш первый эксперимент более чистым.

При этом сразу же стоит сказать, что, обращаясь к философии, мы должны сами себя предупредить, что, разбираясь в наследии великих философов, мы никогда не сможем до конца постичь всю глубину достижений этих умных людей. Собственного ума не хватит. И в этом нет ничего оскорбительного. Не загораемся же мы неодолимым желанием дуэли, если нам скажут, что сальто в три оборота с поворотом корпуса на 180 градусов - для нас высота недостижимая. Каждому - свое. Гениальный ум такое же редкое явление, как и гениальное по спортивности тело. Отнесемся к этому спокойно. Тем более, что в данном случае нам вовсе и не важна вся невозможная глубина воззрений великих мыслителей, поскольку представляется, что нам будет вполне достаточно и того, что мы сумеем понять из их писаний.

А, изучая их писания, сразу же натыкаешься на мысль, что вся история философии - это разговор нескольких обостренно вяло интересующихся друг другом собеседников по типу:

1-й. Господа, я твердо склонен утверждать ту мысль, что солнце неизменно встает на востоке, а садится на западе.

2-й. Смею Вас уверить, мой дорогой "1-й", что по моим наблюдениям все выглядит несколько иначе - солнце встает на востоке, а садится на западе.

3-й. Боже мой! Какие глупости оба вы несете! Даже ребенок знает, что солнце всегда встает на востоке, а садится на западе!

4-й. Куда катится мир! И этому учат теперь детей! Но мы-то не дети, господа, мы-то должны знать, что солнце всегда встает на востоке, а садится на западе!

5-й. Эх, жаль господа, что вы все время тараторите какие-то пустяки, и не хотите меня послушать! Отвлекитесь от мелочей и послушайте лучше, что я открыл (сейчас у вас будет шок!): солнце всегда встает на востоке и садится на западе!

И так тысячи лет...

Эти удивительные беседы и споры не заканчиваются уже тысячелетия, причем от самого первого философа и до самого современного. Наверное, по праву было бы считать Заратустру и вообще первым философом, и вообще первым, кто еще в 7 веке до нашей эры сказал, что миром движет единство и борьба двух противоположных начал (знаменитый иранский дуализм). Он сказал это, и с достоинством удалился из этого мира, но через сто лет ему возразил Анаксимандр, заявивший, что все в мире - это единство и борьба противоположностей. В 4 веке до нашей эры в этот горячий спор вмешался Гераклит и заявил, что источником всего является переход противоположностей друг в друга. Гераклит оставался победителем в этом непримиримом споре около 1 500 лет, пока не пришел Чжань Цзай и не сказал, что все в мире - это превращение и борьба "инь" и "ян" (так по-китайски следует применять слово "противоположности", разлагая одно понятное слово на два непонятных). Но Якоб Бёме уже в 16 веке высмеял мудрого китайца и заявил, что источником развития мира является не что иное, как единство и борьба противоположностей. За земляка яро вступился через двести лет Дай Чжень и высказал интересную и свежую мысль о том, что все в мире - это единство и борьба "инь" и "ян" (противоположностей). И, наконец, в 19 веке Георг Гегель пристыдил всех спорщиков совершенно новым предположением относительно темы их спора, предположив, что все в мире является следствием единства и борьбы противоположностей. Его голос, наверное, был более зычным, чем у хорошо воспитанных греков, мирного Заратустры или скромных китайцев, потому что по истечении *двух с половиной тысяч лет (!)* после первого появления этой мысли, Гегеля назвали "1-м" и главным диалектиком. То есть философом, который выводит все развитие истории из столкновения противоположностей. Процесс завершился. Если, конечно же, через тысячу лет не родится кто-либо дерзкий, и не опровергнет самого Гегеля, предположив, что все в мире - это единство и борьба противоположностей.

Если переместиться от первого Заратустры на сто лет ближе и проникнуть в 6 век до н. э., то мы здесь находим у первых же встретившихся нам философов сразу две интересные мысли о непознаваемости мира. У Ксенофана (познанию недостаточно чувственных данных, так как это всего лишь частные "мнения" людей, а не сама истина) и у Парменида (чувствам доверять нельзя, главное в познании - некое "умозрительное знание", свободное от ощущений и чувств). Их совместную непримиримую вражду несколько охладил в 5 веке до нашей эры уже знакомый нам азартный полемист Гераклит, который и здесь наперекор всем заявил, что в основе познания лежат ощущения, а это - всего лишь ощущения, а не само познание. Против этого гневно выступил в 4 веке до нашей эры Аристотель, который, негодуя, но вполне в рамках приличий по

форме, объявил, что познание - это обобщение единичного через опыт, в основе которого лежат чувства. Следовательно, упрямо настаивал Аристотель, чувства - это законодатели познания и само познание - это всего лишь наши чувства. Примерно в это же время Горгий слегка поправил Аристотеля и тактично заявил, что наше знание - это всего лишь набор наших личных ощущений. Тогда в 1 веке до нашей эры на тех же основаниях Энесидем заявил, что познание невозможно и поэтому лучше вообще отказаться от этих попыток и достичь некоего внутреннего наслаждения, на котором и стоило бы успокоиться. Но тут, откуда ни возьмись - снова китайцы! Некий Ван Чун вежливо, но настойчиво стал утверждать, что наше познание - это всего лишь наши чувства и наши восприятия. Европа была возмущена! И патристичный Секст Эмпирик во 2 веке нашей эры громогласно призвал всех отказаться от бесполезных попыток бесполезного для поиска истины сознания и предаться душевному равновесию и блаженству. Блаженство после этого длилось ровно тысячу лет, пока с революционной идеей о том, что истина не может познаваться сознанием, а может это делать с собой только при помощи интуиции, не выступил Джованни Бонавентура. От этого шока оправались буквально через 500 лет и тогда Бонавентуру опровергли Джордж Беркли, Иоганн Гаман, Клод Гельвеций, Дай Чжень, Дени Дидро, Этьен Кондильяк, Иммануил Кант, Рихард Авенариус, Герберт Спенсер, Алексей Хомяков, Дэвид Юм, Фридрих Шиллинг, Ралф Эмерсон, Макс Вебер, Сёрен Кьеркегор, Эрнст Мах, Джон Милль, Владимир Милютин, Альфред Адлер, Казимеж Айдукевич, Реймон Арон, Анри Бергсон, Ауробиндо Гхош, Джон Дью и т.д. т.д. Вот уже двести с лишним лет все они пытаются переспорить друг друга, наперебой утверждая, что любое познание - это не более, чем комплекс наших ощущений и познать мир можно только сверхоткровением, интуицией или каким-либо еще невероятным состоянием ума, отдалившимся от опыта и чувств.

Точно такие же рефрены постоянно раздаются тысячелетиями и об атомной структуре материи, о Мировом Разуме, о неразрывности материи и движения, о двух составляющих мышления - психическом и рационально-логическом, о материальной и духовной сторонах мира и т.д. Все это, конечно, набрасывает на картину истории философской мысли краски некоего повторяющегося куплета, которые артисты слегка в разной форме, но постоянно преподносят публике в качестве полюбившегося и беспроегрешного номера. В самом деле - если в самых умных головах человечества на протяжении длительных веков вертятся постоянно одни и те же мысли, то приходится, вроде бы, признать, что никакого последовательного Плана их внедрения в эти головы сверху не существует. Если оставить из всего богатства мыслей всех философов всех веков только наследие Заратустры и Платона, то всем остальным багажом можно вполне безболезненно поступиться, ибо все, что было после них легко можно отнести лишь к переоркестровке идей этих Двух Великих. Поэтому определенно связно напрашивается мысль, что развитие философии является процессом спонтанным, то есть никем не регулируемым и, развивающимся свободно.

Но мы не зря столько времени уделили именно подробному изложению истории развития той, не прекращающей живо биться и сегодня идеи, что познание мира невозможно в силу самой специфики человеческого познания. Сам факт такого настойчивого самобичевания, проходящий через всю историю цивилизации, не просто любопытен, а очень интересен как раз в том плане,

что дает нам, похоже, возможность сказать, что зарождение философских идей в головах мудрецов происходит, все же, не без Его прямого влияния.

Дело в том, что мышление - это тоже система приемов и методов познания. Эта система добросовестно работает с тем материалом, который ей предоставляется, и работает она с равнодушием ткацкого станка - что в него запустишь, то он тебе и выдаст. Хоть мешковину, хоть парчу - выйдет один и то же холст. Подобно любой системе, перерабатывающей внешний материал, мышление не может содержать в себе механизмы и устройства, приводящие к разрушению своей же собственной системы. Такое воздействие на нее может быть оказано только снаружи. В том же ткацком станке не может быть ничего такого, что отрицало бы ткацкое производство, как таковое вообще, ибо станок - цельный и неразрывный организм и, будь в нем такая возможность, она немедленно проявилась бы. Палку в колесо станка можно вставить только со стороны. Поэтому, если мы говорим о том, что в системе мышления находится возможность отрицать само мышление, то это сразу же нас настораживает, поскольку отрицание мышления должно быть элементом, чуждым самой системе мышления. Такое отрицание может быть в нее только внедрено.

Поясним это. Представим себе Уэйна Гретцки, который в разгар своей звездной карьеры делает заявление по всем каналам прессы: "Люди! Не ходите на хоккей! Это вы - зря. Потому что хоккей - это абсолютно бесплодное и совершенно бесполезное занятие!" Что мы должны будем в этом случае сказать, и что мы обязательно скажем по поводу данной заявки? Мы скажем, что это был "голос свыше", "откровение" или еще что-то *сверхъестественное*, что смогло заставить этого парня отказаться от таких денег и от такой славы. Мы никогда не поверим, что это был плод обычных рассуждений за чашечкой кофе в межсезонье. Мы будем уверены, что истоки такого решения - мистические! Но ведь точно такое же предположение мы вправе отнести и касательно упорно повторяющихся разработок философов о невозможности познания! Ведь, тем самым, они постоянно заявляют через все доступные им каналы: "Люди! Не читайте философов и не занимайтесь философией! Это вы - зря. Это совершенно бесплодное и совершенно бесполезное занятие!" Неужели сами философы не понимают, что такой их дружный тысячелетний хор на тему "Философия в принципе не способна родить истину" - просто-напросто отменяет и все остальное, что они нам скажут впоследствии? Зачем нам читать их опусы, если они уже заранее разослали в каждый наш дом уведомление: "Настоящим подтверждаем, что, являясь членами человеческого рода, мы не можем в принципе познавать мира по самой природе своего мышления. Список наших книг, рекомендуемых к прочтению для тех, кто интересуется истинами о мире, прилагается. Заказ можно оформить наложенным платежом".

А ведь, если бы такая мысль и могла как-то приходиться в голову, то *она не должна была бы прозвучать!* Конъюнктура (способствующая или не способствующая выгоде система сложившихся обстоятельств) не позволила бы это сделать! Да и издатели, которые живут тем, что люди покупают печатающихся у них философов, не стали бы такое печатать, объясни им хоть кто-нибудь, - что это на самом деле значит! Или нам хотят сказать, что понятие конъюнктуры (выгодности или невыгодности) философам неведомо? Ведомо! Еще как ведомо! Иначе - чем объяснить то, что самая главная мысль Платона о том, что физический мир является лишь



искаженным отражением истинного мира нефизических идей, находящегося в нематериальном плане, остается как бы в стороне от всего того, за что берется любой философ? Все материальное - это как тень на стене, отраженная от нематериального, говорил Платон. Остаются только контуры, по которым совершенно нельзя судить об истинном виде мира. Это простое и логичное объяснение все философы обходят стороной, мудрый лик - ящиком, как будто его вообще нет. Потому что Платон этим простым выводом отменил саму философию. В этой платоновской версии мира любой человек запускает в ткацкий станок своего мышления химеру отраженного мира идей и в итоге может получить только химеру. После Платона философии вообще не должно быть в смысле науки познания мира. И это философами осознается, и поэтому нигде далее никем из них Платон в своей идее не усиливается, а просто вскользь упоминается, как автор теории перевоплощения душ. А если вдруг сами философы своими размышлениями о непознаваемости мира человеческим разумом неустанно хоронят философию, то это происходит у них, очевидно, *неосознанно*, неодолимым наитием, пророческим элементом. То есть, с Его присутствием.

Данное соображение теперь заставляет нас более пристально взглянуть на историю философии, где мы, будем считать, уже обнаружили как минимум след Его непосредственного влияния. Посмотрим, не хранятся ли в этой истории еще где-нибудь столь же приятные сюрпризы?

Хранятся. И первым из них бросается в глаза неравномерность распределения во времени всплесков философской активности. Эти всплески напоминают периоды мозгового штурма, когда говорят все наперебой и сразу, правда, перебивая и опровергая в данном случае друг друга, хотя до этого была полная тишь и после этого опять наступает такая же тишь. Такое впечатление, что кто-то организует эти симпозиумы, но дает слово одновременно всем, причем вручая листки с готовыми текстами незаметно для выступающих и также незаметно управляя регламентом выступлений и, оставаясь за кулисами.

Это притягивает своей очевидной "графикоподобностью", поскольку если бы процесс развития философии был самотекущим и зависел бы только от некоей естественной по последовательности развития во времени мысли, то философы должны были бы рождаться постоянно и непрерывно и сменять друг друга, опираясь на достижения предшественников. Но все совсем не так! Приходится видеть такие огромные периоды отсутствия философской мысли и такие бурные моменты ее активизации, что просто язык не поворачивается назвать все это как-то иначе, чем как неким управляемым кем-то графиком.

Для подтверждения этого вывода примерами начнем опять с Заратустры. Эта фигура так же, как и Платон, старательно обходится историками. Почему? Потому, по-видимому, что древний иранец не укладывается ни в одну из схем истории философии. Он ломает любую из них одним только своим полноправным присутствием. Само появление философии в древнем мире явилось резким поворотом сознания от сотворения мифов к умозрительно-логическим и безобъектным понятиям. С появлением философии непонятным образом изменилось само сознание человека: притчи заменились логическими доводами, а вместо персонажей олицетворения (богов, титанов, духов, сил стихии и т.д.) появились сформулированные

отвлеченно понятия, которые ранее выражались этими персонажами. *Каким-то непонятным образом изменилось мышление человека!* Чтобы не говорить о том, что это Бог перекоммутировал что-то в нашем сознании, и мы в результате стали думать по-другому, историки культуры и науки пытаются доказать, что причины изменения человеческого мышления лежат не в Боге, а в конкретных бытовых и политических причинах. Для этого берут древних греков, объявляют их первыми философами и объясняют появление философии распадом родоплеменных связей. Но, во-первых, если бы мы ждали действительного распада родоплеменных связей, то философии не было бы и по сию пору, а во-вторых, Заратустра полностью опровергает эту теорию, поскольку в древнем Иране тогда ничего не распадалось ни до него, ни во время него, ни потом. А сам Заратустра жил задолго до первых греков-философов. Поэтому его дешевле не замечать.

Есть еще один вариант появления философии, который предлагает нам считать, что философия возникла в контексте развития древнегреческой науки. То есть попутно с ней, как придаток научной мысли. Здесь философию прямо выводят из изменившегося сознания, и это правильно, но само изменение сознания относят к появлению наук. Но, во-первых, нам кажется, что появление бронзы, железа, колеса или даже астрологии, - гораздо более резкий поворот общественного сознания и развития общества, чем достижение отдельными его лицами умения высчитать длину стороны треугольника, или такая удивительная догадка, что тело из ванны вытеснит столько же воды, каково само из себя является по объему. Однако в первых случаях в головах людей ничего не изменилось, хотя изменился весь окружающий мир (бронзовый век - это синоним цивилизации, до него была дикость, а с его приходом появилось скотоводство, земледелие и письменность), а во втором случае человек, который жил также, как жил тысячу лет до этого, даже не изменив моды на одежду, вдруг стал заниматься наукой. Почему? Если брать науку в качестве причины возникновения философии, то, что брать в качестве причины возникновения науки? Опять только Его промысел, других факторов не было. Но Заратустра без всяких вот таких длительных эссе одним своим фактом существования опровергает господствующую теорию возникновения философии как попутчика развития науки, потому что он жил там, где никакой наукой древних греков еще и не пахло, а философ он был отменный, равным которому вряд ли можно кого-либо еще поставить, кроме Платона и святого Павла, но у последнего была все же философия откровения и это не совсем нам по теме.

Еще более откровенными усилиями выталкивается Заратустра из общего плана развития философии по той причине, что он разрушает догмат "избранного народа", который первым пришел к единобожию. Об этом мы еще поговорим, а сейчас отметим, что по данным раскопок в Аркаиме Заратустру относят к периоду более раннему, чем откровение Моисея, из-за чего и раньше нарушался и сейчас полностью опровергается настолько желанный ортодоксами факт, что еврейский народ первым пришел к идее Единого Бога. Здесь тоже, повторяем, есть что возразить, и мы это еще сделаем, но здесь же опять простым своим присутствием неопровержимо возражает этой мысли все тот же Заратустра, который говорит о Едином Боге (он называет Его "Агурамазда"), считает многобожие грехом и делает вывод о том, что все будет прекрасно,

потому что всем занимается Мудрый и Добрый Бог, а у него просто не может быть все иначе, чем хорошо.

Так же точно Заратустра не втискивается и в ряд религиозных деятелей древности, поскольку в его философии нет никаких мифических персонажей или глупостей про змеев в океанах и хлопотливых богов на небесах или горах. Это строгая философская система с элементами космизма, поскольку по мысли Заратустры помощниками в исполнении плана Агурамазды выступают планеты и звезды, отвечающие каждая за свой участок. Поэтому Заратустра (и это последнее, что он полностью разрушает), полностью опровергает общее мнение, что идея Бога - это состояние экзальтированного ума, пророческий дар или особая избранность. Человек пришел к Богу размышлениями и утверждал это без пены у рта, а спокойно и очень обстоятельно. То есть, он доказал, что к Богу приходят не по недостатку знаний и косности сознания, - *а наоборот!!*

За все это постоянно делается вид, что Заратустры как бы нет, но мы уделяем ему столько внимания даже не за его заслуги перед человечеством, а за то, что помимо всех вышеназванных чудесных обстоятельств, есть еще одно, которое для нас является отправным - в то время на всей Земле Заратустра был единственным философом! Причем в том самом месте, в котором ни по каким нынешним канонам истории, философов появляться не должно было! А он не просто появился, но и был единственным и непревзойденным. Одно это говорит нам о том, что философия не появилась сама по себе.

Итак, мы видим, что не наука дала толчок развитию философии, а наоборот философия дала толчок развитию науки именно тем, что мышление в философии впервые стало оторванным от мифа и притчи, и направлено к рассмотрению и систематизации. После Заратустры появился Анаксимандр, который был первым среди древних греков, который мыслил вне мифов, но он просто повторил Заратустру, которого греки считали "звездным философом", а вот следующий за ним Анаксимен дал, похоже, первую попытку научного осмысления мира, поскольку он фантазировал о том, что все состоит из воздуха, который, сгущаясь, образует землю и воду, а, разрежаясь, - огонь. Здесь от философии нет ничего, это первая научная гипотеза о строении мира. Итак, философия породила науку, а саму философию породило, таким образом, совершенно донаучное резкое изменение мышления, имеющее природу мистического и сверхъестественного характера.

Оба этих первых грека жили в 6 веке до нашей эры, и вот наступил 5-й век до нашей эры и сразу, внезапно, появились и несмолкаемо зазвучали на 150 лет сразу целых 15 больших философов! Неплохая картина - полторы тысячи лет никого, затем один Заратустра, затем сразу 15 философов в течение всего лишь полутора столетий, причем завершил этот список Платон (Эпикура, навязчиво видевшего перед глазами мелкие частицы, испускаемые каждым предметом, которые попадают нам в нос и в глаза и тем самым вызывают у нас... эмоции и чувства, считать всерьез философом нельзя), а после замыкающего Платона - тишина! Самая настоящая тишина, поскольку за 1600 лет после Платона появилось всего лишь 16 незначительных философов, которые не сказали ничего нового, о чем не сказали бы еще древние греки и Заратустра. Так график это или не график, если 1500 лет линия мысли ровная, затем в течение трех столетий

огромный всплеск, а затем еще более 1500 лет та же ровная линия, поскольку показателем "по одному слабенькому философу на сто лет" можно пренебречь? Явно - график.

Но вот приходит 18-й век, и начинается нечто непонятное - появляется сразу 25 крупных философов, а 19 век рождает еще 29 маститых, не считая всякой мелочи и абсолютно сумасшедших марксистов! В 20 веке уже философия вновь мертва, поскольку вокруг только эпигоны старых мастеров, которых никто не знает, за исключением узких салонных кругов, да эзотерики, которые используют совсем не философские методы проникновения в тайны мира и не претендуют на место философов.

Так и хочется этот график начертить! И мы его начертим, но для начала оговорим некоторые его особенности, которые будут по-разному характеризовать разные периоды подъема философской мысли. Исходить мы будем по-прежнему из того, что уровень первой философии недостижимо высок и своими выводами даже свел на нет саму целесообразность философии. Закономерно, что после Платона в области мысли воцарилась схоластика (отвлеченные от конкретики рассуждения) и, так называемый, теоцентризм. Яркий пример схоластики - это спор двух ученых мужей на предмет "есть ли у крота глаза". Спор разгорелся настолько жарко, что работающий неподалеку садовник предложил господам вырыть крота и посмотреть на дело непосредственным взором (свои-то глаза у них есть, в конце концов?). На садовника зашикали и прогнали. Он непрофессионально вмешался в спор. После Платона считалось неважным, что мы видим, важно было знать в принципе - могут быть у крота глаза или не могут быть. Это не анекдот, а действительный факт, записанный в средневековых источниках. Схоластика была безобидна, но и бесполезна. А вот теоцентризм (определение Бога центром любых рассматриваемых явлений) был положителен, но бессилен, поскольку после первых Отцов Церкви возникли догматы и добавить было уже нечего, а науки еще не было, чтобы дать новую пищу для ума. Но в любом случае этот период философии можно считать положительным по итогам, в отличие от второго ее периода, который мы должны назвать отрицательным и по итогам и по направлению.

Во второй ее период началось падение высокого духа мысли и деградация веры. Все началось с Помпонаци, который вдруг ни с того ни с сего объявил, что душа смертна и умирает вместе с телом. До этого даже самый недоразвитый дикарь знал, что души умерших живут в загробном мире - а тут! Но это было только началом Великого Помрачения Умов!

После Помпонаци - пошло-поехало! Полегоньку, потихоньку начал брать верх некий механистический подход к пониманию мира. Френсис Бэкон пришел к выводу, что главное для человека - получить власть над природой, а для этого нужны просвещение и образование. Человек в этой концепции извлекался из природы и ставился над ней, занимая некое положение верховного природе бога, и не ставя над собой более никакого другого Бога! Джордано Бруно заговорил о Мировой Душе, что было явным механицизмом, поскольку Бог в этом изложении не Личность, а некая, не имеющая личностных намерений, субстанция, которая присутствует в каждой материальной вещи. Мишель Монтень вообще докатился до того, что стал утверждать сознание в виде некоей формы материи (кстати, те лекарства, которые могли бы помочь ему, помогли бы и Эпикуру, который также считал, как мы уже знаем, что чувства - это некая форма

материи). Пьер Шаррон выступил с заявлением, что нравственность заложена в человеке (зачем нам Бог?), Уриэль да Коста был еще одареннее в механицизме - он считал, что нравственность вытекает просто из законов природы!!! Настоящий обвал уровня старых достижений обеспечил Томас Гоббс, который также боготворил механистическое понимание мира и считал, что все развитие мира имеет механическую природу и даже духовная сторона жизни - продукт человеческих "механических" впечатлений! Это всеобщее безумие усилил Джон Толанд, который вывел нечто и вовсе невероятное: мышление - это физическое движение мозгового вещества! Наверное, это после него появилось выражение "шарики за ролики (в движущемся мозговом веществе?) зашли". Не отставал в механицизме и Антони Шефтсберн, который доказывал, что нравственное начало свойственно человеку от самого рождения по самой его биологической природе.

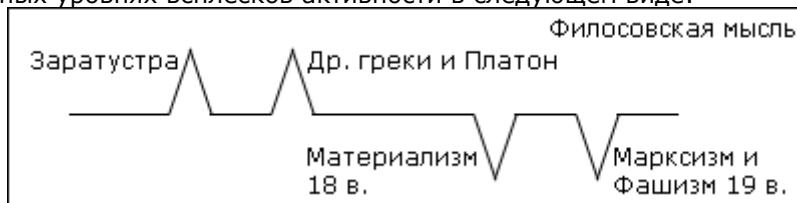
Как видим, здесь нет прямого отрицания Бога, хотя, по сути, все эти теории предусматривают только одно - убрать идею Бога из концепции развития мира, и поставить в ее центр самого человека, или некие механически равнодушно действующие законы. Нарыв этой завуалированной мешанины намерений начал впервые прорываться у Вольтера, который признавал источником движения Бога, но при всем при этом у него уже присутствует и какой-то "архитектор вселенной" (мировая душа), и тут же он впервые сказал то, что не стоило никогда никому говорить. Он сказал, что источник развития человечества - изменение идей. Кто стоит за идеями, он не уточнял, но по всему контексту предполагалось, что это сам человек, поэтому желчный Вольтер был сразу же назван "Просветителем". Начался мрак "Просвещения".

И дальше все пошло очень легко, как всегда идет все легко с горочки вниз. Дмитрий Аничков назвал религиозное чувство навеянными фантазиями, Вико Джамбаттиста определил, что все в истории идет по кругу-спирали (вот и механическая модель истории!) и раздался первый абсолютно механистический писк новой моды, в котором Иоганн Винкельман произнес забавную мысль, что развитие искусства обусловлено внешними факторами (климат и форма государственного устройства). Как, оказывается, просто мир устроен! А тут уже и Поль Гольбах, который заявляет, что история человечества - не просто история идей, а история "законодательных идей"! Человек может управлять сам своей историей! Все в руках человека, а все, что не в его руках - непрестанно рождает законодательные идеи, которые управляют миром и приведут человека когда-нибудь к свободе и счастью! Все! Теперь никакой Бог не помешает!

Даже мирные китайцы утверждают (Дай Чжень), что главное - просвещение. То же самое утверждает и Пафнутий Батурин, добавляя еще и то, что через просвещение человек совершенствуется. Ламетри, Лессинг, Марешаль, Мелье и многие другие, взявшись за руки, скандируют: "Просвещение! Просвещение! Просвещение!" Собственно, - кто им мешал? Пусть бы и просвещались! Но в ситуации, когда 18 веков до этого главным считался Бог, просто сказать, что главное теперь - просвещение, это сказать все о своем отношении к самому Богу...

Но и это было только начало пути! Все шло с ужасающей быстротой и с той же ужасающей обреченностью. Шарль Монтескье заявляет, что причина всей истории - в географических условиях (уже не одного только искусства, а всей истории, заметьте!). С берегов Туманного Альбиона раздается голос Джозефа Пристли, который изрекает мысль, что сознание -

следствие организации материи. Материя - вот истинный законодатель тех "законодательных идей"! Генри Бокль оттуда же (с Альбиона) относит все происходящее в истории к воздействию ландшафта, почвы, климата и даже пищи! Тимофей Грановский подтверждает, что все обусловлено географическими факторами, а Эмиль Дюркгейм добавляет в эту странную картину еще несколько мазков - плотность населения и развитие путей сообщения. Томас Карлейль вновь заявляет, что все в истории идет по кругу-спирали и довершает полный кризис Владимир Милютин, который придумал, что только точные науки могут вывести законы развития мира. Казалось бы, - чего нам переживать? Ну не хотят люди Бога видеть за вещами этого мира, ну и пусть не видят! Им же хуже! Вышло, что хуже - нам. Если бы не возобладала такая механическая картина мира, то не возникло бы и самой мысли, что в эту механику можно вторгаться с целью управления и изменения естественных процессов истории. Не было бы Бакунина, который решил, что достаточно убрать из механики истории одно колесико (разрушить государства) и все устроится совсем по другому, не было бы Ткачева, который предложил ограниченному числу ремонтников (революционной группе) влезть в машину мира и произвести там переналадку (революции или перевороты) якобы в интересах всех остальных пользователей. Не было бы пошедших от них марксистов, которые считали, что механизм движения истории - механические противоречия производственных отношений, которые надо ускорять классовой борьбой. И не было бы фашизма, поскольку фашизм отличается от марксизма только тем, что при марксизме осуществляется тотальный контроль государства над обществом при отмене частной собственности, а при фашизме - то же самое, но при сохранении частной собственности. Именно поэтому социализм и фашизм так боролись с религией. Наличие Бога ставит под сомнение само право всяких божков (вождей народов) вершить историю. А соперников они привыкли стрелять, душировать, травить, ссылая и высылая. До Бога не дотянуться, но зато удалось это сделать с атрибутами веры в него: храмами, утварью, иконами, да и с самими служителями и верующими. И все благодаря падению философской мысли. Именно она дала внутреннюю уверенность всем этим звероподобным революционерам и фюрерам, что можно понять механизмы истории и вписаться в их закономерность. Поэтому график философской мысли мы начертим в двух различных уровнях всплесков активности в следующем виде:



Картина получилась на удивление симметричной, причем выдержаны все пропорции времени! А падение философии ниже средней линии мы относим только к ее итогам, поскольку победили именно эти концепции (материализм и тоталитаризм), несмотря на присутствие в истории этого времени других философов, и отвлеченных и прогрессивных. Но они затерялись. А если бы они победили, что два пика активности стояли бы вершинами вверх, но симметричность графика сохранилась бы. Очевидно, Ему нужно было, чтобы мы перенесли испытание коммунизмом и фашизмом, и отказались от мысли, делать что-то самим без Его предопределения.

То есть, оставить историю в покое и дать ей возможность развиваться естественным и ненасильственным путем.

Но, как ни крути, а график-то просматривается! Просто удивительно, как этого никто не заметил раньше. А, может быть, заметили, но решили не видеть того, чего так не хочется видеть? Но как бы там ни было, а мы установили, что все происходит в развитии философской мысли именно по Его плану, ибо если с нами еще можно поспорить в части направления вершин пиков активности, то в отношении расположения самих этих пиков - никто не может спорить. А кто хочет поспорить - пусть расположит всех философов от Заратустры до Кьеркегора во времени и у него получится точно такой же график. А такой симметричный график не объяснишь случайностью.

Теперь нам гораздо проще в этом же ключе рассмотреть и историю естественнонаучной мысли. Во-первых, у нас уже есть опыт построения таких невероятно сложных графиков, а во-вторых, у нас есть методология, успешно опробованная в нашем чистом эксперименте с отвлеченными философскими размышлениями. Начать мы здесь должны были бы с бронзового и железного веков, которые органично перешли один в другой, но мы с ними уже знакомимся, когда обсуждали истории появления первых наук на Земле. С ними понятно. Они составят у нас два первых пика активности человеческой научной мысли, после которых наступает период... полного молчания наук! Длится этот период опять около полутора тысяч лет. Все остается неизменным, представления о мире не меняются совершенно ни в чем, как вдруг в 5-м веке до Р.Х. появляется Пифагор и создает "математику Пифагора". За ним приходит Гиппократ, который создает понятие медицины, за ним его тезка Гиппократ Хиосский, который создает геометрию, и заканчивается этот период через 150 (опять!) лет "физикой Аристотеля". Эти четыре древних грека составляют у нас следующий за бронзовым и железным пиками активности самостоятельный пик научной мысли, вслед за которым после недолгого (в пределах столетия) молчания появляется еще четыре великих грека Архимед ("механика Архимеда", зачатки гидростатики, планиметрия и высшая математика в своих основах), Евклид (планиметрия и "евклидова геометрия), Асклепиад (непосредственное врачевание) и Ктесибий (теоретическая механика). Несмотря на то, что в обоих периодах выступают всего лишь по четыре великих, эти периоды нельзя не называть также великими, поскольку это были первые научные знания о мире (во-первых), эти знания совершили прорыв в мышлении человечества и дали методы научной работы (во-вторых), и эти знания стали единственным научным багажом человеческой цивилизации на целых (вы не поверите!) 1500 лет!

После этих восьмерых научный мир замер и затих, полностью уйдя со сцены или обретя скудный прикладной вид. Ни само появление древнегреческих ученых нельзя объяснить насущной необходимостью государства и общества тех времен, ни само дальнейшее молчание ученой мысли после них нельзя объяснить отсутствием этой государственной и общественной необходимости. Все дело опять в поворотах мышления, совершенно не обусловленных историческими условиями. Зачем Пифагор был нужен Древней Греции? Какой социальный заказ могла выполнить его школа? Никакого! Баловство одно это было и не больше! Сама смерть Архимеда говорит нам о том, как необходима и почетна была в то время наука - Архимеда убили

римский воин, когда тот чертил очередные научные схемы на песке. Безобидного старика убил, как бесполезного. Геометрию Евклида тоже нельзя объяснить земледелием, поскольку земледелие было до Евклида за тысячи лет, и обходились как-то. И сейчас обходятся - камни или колышки ставят на границе свободных земель, ориентируясь по двум неподвижным, совместно признанным объектам окружающей природы. Как четыре тысячи лет назад. Без "Начал" Евклида. И храмы с пирамидами без них же построили.

А вот после падения Рима, когда начался такой бардак в Европе, что все решалось только качеством оружия - ни одной научной мысли не работало на эту потребность, от которой зависела жизнь или смерть целых народов. И только когда все успокоилось и стабилизировалось, и, главное, тогда, когда власть духовная подмяла под себя власть светскую, а римский Папа был заинтересован во всем, но только не в развитии науки или в том, чтобы вокруг что-нибудь менялось, и проявлял этот свой неподдельный интерес, инквизицией, кострами и судилищами, именно тогда взорвался вулкан научной мысли, который в течение 150 (!) лет 16-17 веков полностью перевернул весь мир и создал современную цивилизацию.

Помимо того, что исторические условия были не только не связаны с этим переворотом, они были напрямую против самой науки (сожжены "Законы" Плифона, книги Пьетро Помпонацци (этому - поделом!), "Христианство без тайн", запрещены общественный деятель Анджей Моджиевский и историк Жак де Ту, Джордано Бруно сожжен, Галилей засужен, Тихо де Браге запрещено работать, казнены Этьенн Доле, Томас Мор, философ Джулио Ваннини и т.д. и т.д.), потому что в 1555 году был подписан Аугсбургский мир, провозгласивший принцип "Чья власть, того и религия". Согласно условиям этого документа германия отпала от Ватикана, авторитет католической церкви сильно пошатнулся, и последовала реакция в виде цензуры и инквизиции.

Никак не связана была сама Европа и географически с тем, что в ней произошло в 16-17 веках. По всей человеческой логике все это должно было произойти в свободных Китае или Индии, которые в то время значительно опережали европейцев во всех областях знаний и дружили с арабами, которые знали алгебру и с которыми европейцы разговаривали тогда только на мечах и арбалетах. Почему именно в Европе и почему именно в 16-17 веках - никаких причин и базы для объяснения этому нет. Это еще одна причина для нас относить возникновение европейской научной цивилизации к перевороту именно мышления, что не обходится без Его перепайки схем нашего сознания, поскольку никакими другими причинами нельзя объяснить, почему именно в это время и именно европеец стал мыслить *научно*. А именно это и произошло. И мы это сейчас докажем.

Прежде всего, научные открытия этого времени совершенно не продолжают старых открытий, а *отрицают* их. Логического продолжения из Аристотеля естественнонаучный переворот Ньютона и Галилея не имеет. Их взгляды, можно сказать, возникли на ровном месте, и толчка им не было никакого ни в древности, ни в современности. После них Аристотель превратился в древнего наивного зачинателя наук, чья деятельность почетна, но не более. Непонятным образом в физике появляются понятия, которых не только у Аристотеля не было, но и... которых не может быть в реальном мире! Человек остался тем же, реальный мир остался тот же, видит тот же человек вокруг себя то же самое, но тогда откуда пришли невозможные для



реального мира понятия: абсолютно гладкая плоскость, абсолютно круглая сфера, абсолютно твердое тело и т.д.? Если не изменился ни мир, ни биологический способ его видения его, то, что, в таком случае, изменилось? Конечно же, мышление. Не мир и не потребность в приспособлении к миру породило европейскую цивилизацию, а неожиданно появившаяся массовая привычка думать по научному.

Перейдем к конкретным фактам и убедимся сами. Заранее предупреждаем, что здесь будет не 4, и даже не 8, и совсем не 25 или 29 имен. Будет больше. И вспомним, что все эти имена появились и создавали науку в течение коротких 150 лет, до которых 1500 лет не было вообще никого!

Рене ДЕКАРТ создал аналитическую геометрию, ввел переменные величины и функции, дал импульс силы и сохранения количества движения, ввел систему координат. Эдмон МАРИОТ вывел один из газовых законов. НЬЮТОН и ГАЛИЛЕЙ создали всю современную точную науку вообще и, даже если бы они в течение этих 150 лет были в полном одиночестве, то мы все равно говорили бы об ИХ ВРЕМЕНИ, как об эпохе или эре. Пьер ФОШАР создал стоматологию, Готфрид ЛЕЙБНИЦ создал математическую логику и дифференциальное исчисление. Франсуа КЕНЭ создал научную экономику производства, когда производство еще было в зачаточно-мануфактурном состоянии, и первые машины только начали появляться. КОПЕРНИК сказал, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, и это полностью с головы на ноги поставило все представление человечества о космосе! Иоганн КЕПЛЕР открыл законы движения планет, а Жан ПИКАР высчитал, что Земля не шар, а овал. Можно себе представить, как поражали рассудок взрослого уже человечества такие открытия! Блез ПАСКАЛЬ создал гидростатику и *1-ю счетную машину!* Кстати, вся современная гидравлика вышла из Паскаля. Все эти мощные механизмы работают на открытых им законах. Джироламо КАРДАНО стал решать кубические уравнения и создал карданный механизм (два вала с переменным углом, благодаря чему любая машина становится гибкой и эластичной наподобие живого организма). Роберт БОЙЛЬ создал химию как самостоятельную науку, ввел в химию химический научный эксперимент, создал научный химический анализ, дал первое научное понятие химического элемента. Леонардо да ВИНЧИ создал чертежи вертолета и подводной лодки, но почему-то не придавал этому особого значения. Тихо де БРАГЕ 20 лет изучает звезды и на основе его наблюдений Кеплер выводит свои знаменитые законы. Кроме того, де Браге впервые открыл людям глаза на то, что кометы - это небесные тела, находящиеся дальше Луны. Джеймс БРЭДЛИ открыл аберрацию света и нутацию земной оси. Мартин БЕХАЙМ создал первый глобус. Наверное, это была странная для тех времен игрушка, вызывающая удивленное недоверие. Христиан ГЮЙГЕНС вывел законы колебания, теорию ударов, волновую теорию света, положил начало теории вероятности. Жерар ДЕЗАРГ создал начертательную и проективную геометрию. Многим студентам хотелось бы, чтобы Дезарг вообще не рождался, но это ничего не изменило бы - этим геометриям пришло время, и Он втиснул бы их в голову любого другого, прояви отец Дезарга нерасторопность. Энтони ван ЛЕВЕНХУК создал научную микроскопию и открыл человечеству еще один мир (помимо космоса), о котором люди даже не подозревали до него - мир микроорганизмов. То-то было обсуждений! Бернхардус ВАРЕНИУС создал географию (да, да! такой науки до него не было!), Пьер ВАРИНЬОН

дал понятие о сложении и разложении сил, о моментах сил. Ренье де ГРААФ начал исследовать химизм пищеварения и поставил для этого первые фистулы. Симон СТЕВИН ввел десятичные дроби (!) и отрицательные корни уравнений, вывел закон равновесия тела на наклонной плоскости.

А вот очень показательный момент для того времени - научный взгляд на мир возобладал настолько, что под науку стали подводить абсолютно все, что попадалось под горячую руку. Так произошло тогда и с музыкой, когда Джозеф ЗАРЛИНО создает учение о музыкальной гармонии, создавая тем самым, науку "теория музыки". Это, пожалуй, единственная теория, которая при самом блестящем ее усвоении не дает никаких гарантий для успешной практики. Если конечно рядом нет беспринципного музыкального продюсера.

Джордано БРУНО выдвинул идею о множественности миров во Вселенной, переварить которую мы не можем до сих пор. Уильям ПЕТТИ создал политэкономия и выдвинул трудовую теорию стоимости, выше которой в политэкономии нет до сих пор ничего по неоспоримости и научности. Альбер ЖЕРАР впервые высказал основную теорему алгебры, которая касалась бесконечного множества комплексных чисел. Николо ТАРТАЛЬЯ разработал способ решения кубических уравнений (вместе с Кардано), Ян ГЕВЕЛИЙ создал первые подробные карты Луны, что объявило о создании науки "селенографии". Якобус СИЛЬВИУС начал проводить исследования на человеческих трупах и появилась анатомия. Уильям ГАРВЕЙ создал физиологию и эмбриологию, Кристоф ШЕЙНЕР определил период вращения Солнца, Эдмунд ГАЛЛЕЙ открыл собственное движение звезд, а Бернардин РАМАЗЗИНИ создал медицину профзаболеваний, определив 70 болезней в качестве навеянных тем или иным видом труда.

Еще один пример характерного для того времени взгляда на мир. Тысячи лет до этого люди рождались, умирали и совершали правонарушения. Тысячи лет все это фиксировалось и записывалось правителями и их советниками. Просто так. Для хроники. А Кетле ЛАМБЕР взял, да и посмотрел на все это научным взглядом и выявил тут же всякие закономерности в этих процессах, создав демографию. Вот пример чисто научного взгляда, не продиктованного заказом.

Еще более интересный пример. Жозеф ТУРНЕФОР установил вертикальную зональность растительного покрова. Немного странно звучит, не правда ли? Человечество тысячи лет не могло просто увидеть простой картины прямо перед собой, которая с невероятной наглядностью и простотой говорила о том, чем выше в горы, тем разные растения там произрастают. От кустарников к деревьям, от деревьев к альпийским лугам. Люди рождались и умирали, бывало, ежедневно пересекая все эти зоны растительного мира по роду деятельности, и только в 16 веке Бог научил их видеть все это через систематизацию и классификацию, что привело к очередному "открытию".

Джон НЕПЕР изобрел логарифмы, Бонавентура КАВАЛЬЕРИ создал интегральные исчисления, РЕГИОМОНТАН (Иоганн Мюллер по настоящему) создал первые печатные навигационные астрономические таблицы, которыми пользовались Колумб и Васка да Гама. Джон УОЛЛИС создал исчисление бесконечно малых, Оле РЕМЕР определил скорость света (наконец-то! до этого никому и в голову не приходила мысль провести эту простую операцию!), СНЕЛЛИУС

разработал триангуляцию (все триангуляционные вышки по всей поверхности земли стоят по его расчетам) и установил закон преломления света. Франческо ГРИМАЛЬДИ открыл дифракцию света, АГРИКОЛА (Георг Бауэр) создал горную металлургию, братья БЕРНУЛЛИ положили начало вариационному исчислению, а Ванноччо БИРИНГУЧЧО полез с наукой туда, куда вообще лезть опасно - создал научно обоснованную пиротехнику. Шутихи взрывали и до этого, несудейные заряды закладывали тоже не реже, но научно к этому подходить стали только в свое время. А вся наука состояла только в одном - запиши, сколько чего положил, и что из этого получилось. Так сделай много раз и, если еще жив, приведи все записанное в простую систему, позволяющую подвести под известную практику неизвестное доселе научное обоснование.

Рафаэле БОМБЕЛЛИ создал теорию комплексных чисел, Герман БУРХАВЕ основал первую в мире научную клинику (Лейденская Медицинская Школа) - опыт врачевания стал обобщаться и систематизироваться. Андреас ВЕЗАЛИЙ непосредственно создал анатомию, как науку. Франсуа ВИЕТ разработал всю элементарную алгебру, Томас ВИЛИЗАРИЙ создал физиологию мозга, а Себастьян де ВОБАН изложил научные основы фортификации, то есть также собрал имеющиеся сведения о крепостях, фортах, бастионах, флешах, рavelинах и т.д., и вывел из них общие закономерности, по которым эти укрепления создаются. Подошел к известному научным, непопулярным ранее, образом.

Отто фон ГЕРИКЕ доказал существование атмосферного давления, построил первую электрическую машину и обнаружил электрическое отталкивание. Лука ПАЧОЛИ создал геометрию пропорций и мало кто знает, что это именно он создал нынешнюю бухгалтерию, то есть систему учета хозяйственных и торговых операций методом двойной записи, которая позволяет вести не только учет, но и сама себя контролирует на правильность ведения этого учета. До сих пор бухгалтера пользуются приемами Пачоли и его терминами. Эти же приемы и называются так, как назвал их Пачоли: контировка, баланс, сальдо, дебит, кредит, сторно,konto, реформация, актив, пассив, и т.д. Это также был именно научный подход к ведению давно известных торговых операций, которые велись и за тысячи лет до Пачоли. Потому что в сам принцип учета вводился некий самостоятельно действующий механизм (принцип машины, которая тоже впервые в истории появился именно в это время), осуществляющий постоянный самоконтроль и выдающий контрольные итоги (дебет-кредит) баланса с точной цифрой ошибки, если та была допущена.

Очень показателен и пример Конрада ГЕСНЕРА, который создал библиографию, составив первую библиотеку из 15 тысяч томов, где любую книгу впервые можно было найти легко и без труда неким научным методом. Библиотеки были и ранее, но никто толком не знал, что содержат их фонды и как найти ту или иную книгу. Геснер применил классификацию к книгам, разбил их на отдельные массивы, присвоил каждой код поиска и создал такую систему, которая этот поиск оптимально обеспечивала. Вот и родилась новая наука. Из ничего. Просто из головы.

Уильям ГИЛБЕРТ впервые последовательно рассмотрел магнитные явления, Марен МЕРСЕНН измерил скорость звука в воздухе (это любопытство могли удовлетворить еще за тысячи лет до этого, если бы имели понятие об имеющемся научном подходе к явлениям мира у себя под черепом).

Копали землю в поисках остатков прошлых цивилизаций еще в античные времена. Со всех краев империи "могилокопатели" доставляли богатым римлянам предметы старины, которые те выставляли в своеобразных домашних музеях, за которыми следили специальные рабы. При этом все предметы считались просто украшениями, и никто не стеснялся долепливать в них недостающие детали, дорисовывать стершиеся узоры или ремонтировать ущербные места. Это римляне придумали слово "антиквариат" - дорого стоящие предметы старых культур. А в 16 веке Клод ПЕЙРЕСК указал на важность всестороннего изучения старинных вещей и проведения их точных обмеров. Подошел научно к мещанским украшениям. Следом за ним ГРУТОР систематизировал эти украшения и составил список из 12 тысяч экземпляров, которые теперь уже трактовались не как ценные безделушки, а как *научные экспонаты*. После этого Уильям КЕМДЕН основал археологию и изучение письменных источников в виде особой отрасли знаний, отделив ее от истории. Создал новую науку. Тоже надо было чему-то особенному случиться в обществе, чтобы дойти до такой простой мысли - копайте, Шура, и исследуйте, вместо того, чтобы расставлять на сервантах и полках? Антуан МОНКРЕТЬЕН создал политэкономия во Франции, и именно он впервые назвал эту науку "политэкономией". Джон РЕЙ создал классификацию растений, то есть основу ботаники. До этого также никому в голову не приходило, что у всех растений есть общие признаки и общие различия, что позволяет их классифицировать. Потому что мозги на это еще не были сориентированы Его планом.

Вершиной такой ориентации на научное мышление является случай, который произошел с Юлием СКАЛИГЕРОМ, который, как Снежная Королева дотронулся научным познанием до живого тела литературы и заморозил его законом о трех единствах построения литературного произведения. Это у нас теперь называется "нормативной эстетикой классицизма", когда действию любого литературного произведения предписывалось подчиняться трем условиям: единству места (сюжет не должен переноситься никуда из того места, где началось изложение его содержания), времени (все должно произойти в течение рабочей смены, составляющей 24 непрерывных часа в пределах одних суток) и действия (в сюжет не должны вводиться персонажи, которые не раскручивают своими действиями непосредственного развития сюжета, а несут какие-либо дополнительные или второстепенные сюжету функции). Пусть эту инструкцию по применению сюжетов литературоведы называют, как хотят, а мы наглядно видим, что в мире воцарился научный способ мышления, который по своему избытку едва не уничтожил литературу путешествий, приключений, детективов и жизнеописаний, да и вообще всю литературу. Причем народ так был подготовлен своим переворотом сознания к такому строго научному варианту искусства, что классицизм продержался более двух веков в качестве эталона прекрасного и был с трудом разрушен только романтизмом и сентиментализмом.

Томас СИДЕНХЕМ создал клиническую медицину (научную систему практической медицины), Пьер ФЕРМА создал аналитическую геометрию и теорию чисел, Сципион ФЕРРО открыл правило решения приведенного кубического уравнения. Альберико ДЖЕНТИЛИ создал международное право ("О посольском праве". "О праве войны"), Роберт ГУК установил клеточное строение тканей и ввел термин "клетка", он же создал теорию упругости, впервые научно оформив абсолютно наглядное для всех явление - какова сила, таково и будет растяжение.

Помимо этого Гук изобрел ирисовую диафрагму, которая до сих пор используется в большинстве существующих фотокамер. Бартоломео Евстахий также является одним из создателей научной анатомии, которая была создана в то время. Парацельс создал фармацевтику, введя в медицину химические препараты, а Амбруаз Паре из ремесла (которым она считалась до этого!) сделал хирургию научной дисциплиной. Неемия Грю создал анатомию растений, Эвангелиста Торричелли открыл атмосферное давление и вакуум, Гроций создал естественное право и международное право ("О праве войны и мира", "Свободное море"). Лудовико Феррари нашел способ решения алгебраических уравнений 4-й степени, а завершить наше перечисление можно вообще забавной историей о том, как Лука Гини создал ... гербаризацию! Достаточно было начать засушивать образцы растений не для игры, а для хранения, систематизации и изучения, как появилась опять просто из голых научных намерений целая наука.

Самое интересное, что в этом перечне практически нет неизвестных фамилий, Тот, кто ходил в среднюю школу не только ради перемен и обмена впечатлениями на импровизированных курилках, тому они известны практически все. Но всегда существовало некое общее понятие, что ученые из века в век мужественно изучали мир и бескорыстно передавали друг другу накопленные знания, благодаря чему наука становилась все сильнее и сильнее, человечество жило все лучше и лучше, прикладывая невероятные усилия для продолжения дела ушедших светлых умов в своих новых, заступающих на суровую научную вахту, поколениях. А, оказывается, что все светлые умы, создавшие современную науку, жили в одно короткое время и открытия свалились на человечество с такой скоростью одной, вываливаемой из ковша, порции, что возникает законный вопрос - если целое тысячелетие слабых возгласов философов со всех концов земли называется "Осевым временем", то, КАК НАЗВАТЬ ЭТИ СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ в одной только Европе?

Причем, если кто-нибудь не поленился, а прочитает список имен этого полутора столетия еще раз, то мы советуем ему сделать это, предварительно вспомнив, что именно ко времени этих людей относятся все приключения мушкетеров великого Дюма. Смейте вас уверить, что впечатление будет не менее изысканным, чем белоснежный и кружевной платок герцогини де Шеврез. Вы можете представить себе господина Бонасье, озабоченного десятичными дробями или с тоской глядящего в ночное небо Парижа, в огорчении от того, что ему неизвестна скорость того света, который достигает его ложа от далеких звезд?

К этому списку следовало бы добавить еще и создателей первых машин или изобретателей новых научных инструментов и приспособлений, но тогда список рискует стать утомительным и самодовлеющим относительно самого этого периода истории науки и изобретений, а нас он интересует только как одна из ступеней планового и компактного подбрасывания идей Богом человечеству с какой-то целью.

Ну и, конечно, ни у кого теперь не должен вызывать удивления или сомнения тот факт, что вслед за этим периодом научной бури наступило очередное затишье, в течение которого человечество чуть более ста лет топталось на месте и не делало никаких рывков вперед. Мы уже привыкли к таким периодам затишья. Все это время опять было посвящено прикладным аспектам, помимо которых ярко выделялась немногочисленная плеяда единичных ученых,

посвятивших себя изучению электричества, которое уже было открыто. После этого с начала 19 века и до середины 20 века (то есть, опять приблизительно в течение 150 лет) произошло еще одно событие в истории науки, которое принято теперь называть научно-технической революцией 20 века. НТР действительно грянула в 20 веке, но только в своей внешней форме, которая отразилась наиболее показательным образом в том, например, что, после того, как люди всей деревней, бросив все, бежали смотреть на самолет, через всего лишь тридцать лет они же полетели в космос. Или в том бытовом скачке, когда люди, которые в юности жили при керосиновой лампе, сегодня засыпают, нажав на слип-таймер телевизора. Но теоретически эти изменения были подготовлены массовым появлением великих ученых в начале 19 века, которые сделали массу революционных открытий в течение короткого времени и создали новую цивилизацию на столетия вперед.

И опять эти открытия происходили в условиях, когда непосредственной нужды в них совершенно не было. Все опять просто приходило в голову, несмотря на полное несоответствие посетивших идей тому, что происходило за окном. В точности, как в случае с шумерскими жрецами! Например, Савар и Био установили один из основных законов электродинамики в 1820 году, когда в Европе монархи и республиканцы разбирались между собой с помощью ядер и кирасиров. Бунзен и Кирхгоф положили начало спектральному анализу в 1854 году, когда вся Европа наблюдала за разворачивающейся Крымской войной, где впервые только начали применяться нарезные ружья и шрапнель в ядрах, а корабли воевали под парусами. Зеебек открыл термоэлектричество в 1821 году, когда улицы городов (далеко не всех!) освещались газом. Лодыгин основал электротермию в 1872 году, когда прошло всего 10 лет со дня отмены крепостного права, а Ли Форест создал в 1906 году ... триод! Во время, которое запомнилось человечеству японской шимозой и баррикадами боевиков в Москве! Циолковский обосновал научную возможность космических полетов, когда первый самолет неуклюже взлетел на несколько десятков метров всего за три года до этого. Томас Юнг создал волновую теорию света за пять лет до декабрьского восстания запальчивых и бестолковых русских заговорщиков, названных впоследствии "декабристами". Бутлеров создал теорию химического строения, перевернувшую представление о мире, как раз на момент отмены крепостного права, а великий Планк создал квантовую теорию, совершенно изменив некоторые взгляды на мир, в 1900 году.

В условиях, когда даже простой пылесос не предполагался, были сделаны такие открытия и научные изобретения, которые обеспечили появление компьютеров и которые опять полностью перевернули весь мир буквально за 150 лет. Причем опять многое логически не вытекало из Ньютона или Галилея, а отрицало их. Эйнштейн, когда ознакомился с последними сенсационными работами современных ему физиков, с присущей ему деликатностью сказал: "Мне все понятно. Но если это так, то это означает конец физики". Он так ничего и не понял в главном, что произошло после Ньютона - в квантовой революции, потому что она не продолжала Ньютона, хотя никуда от него (от Ньютона) и не делась, в конце концов. Опять новое приходит не как продолжение и развитие старого, а как абсолютно новое, пришедшее по высшей логике, а не по логике предшествующей ситуации. Вот что произошло за эти еще одни великие сто пятьдесят лет, (мы будем предельно коротки и будем отталкиваться от имен):

Герц (электромагнитные волны), Маркони и Попов (радио), Эдисон (более тысячи изобретений, о которые мы стучаемся лбами ежедневно), Кюри (радиоактивность). Менделеев, Рентген, Джоуль, Нобель (динамит!), Тимирязев (фотосинтез), Гей-Люссак (газовые законы), Гейгер (связь распада частиц с энергией), Мартен (переплавка металлолома), Пастер (микробиология), Петров (электросварка), братья Райт (авиация), Кох (бактериология), Купер (сверхпроводимость), Бухнер (ферменты) и т.д. и т.д. Это несомненно новый пик научной мысли, тем более, что полнота списка в данном случае вообще невозможна по причине устрашающего объема открытий этого короткого времени.

Как и в 16-17 веках опять возникли совершенно новые представления о мире и совершенно новые науки, которых до этого совершенно не было. Причем, если все, что достигнуто было во времена Ньютона и Галилея, вошло в учебники общеобразовательной школы, то достижения этого времени по силам только единицам и на сегодняшний непростой день. Если в 16-17 веках мир распахнулся перед человеком в его истинной картине, то в 19-20 веках мир раскрылся человеку в своей непознаваемой и парадоксальной картине. Началось осмысление мира, как явления, недоступного обычной человеческой логике. Людей, положивших этому начало, следует почтительно выделить отдельным списком:

Больцман - статистическая физика и физическая кинетика.

Лобачевский - неевклидова геометрия.

Резерфорд и Содди - теория радиоактивности.

Ферми - ядерная физика и нейтронная физика.

Циолковский, Кондратюк, Герман Оберт и Вернер фон Браун - ракетная техника.

Планк, Борн, Гейзенберг, Шредингер, Дирак - квантовая механика.

Планк, Паули, Шредингер, де Бройль - квантовая теория.

Максвелл и Ланжевен - электродинамика.

Кельвин, Клаузиус и Гиббс - термодинамика.

Норберт Винер - кибернетика.

Тесла и Вологдин - высокочастотная техника.

Лоренц - классическая электронная теория.

Пёрселл и Блох - ядерный резонанс.

Нернст и Курнаков - физическая химия.

Бор и Канницаро - атомно-молекулярная теория.

Рэлей - теория колебаний.

Басов, Таунс, Прохоров и Шавлов - квантовая электроника.

Эта солидная компания создала нечто такое, чего не могут понять до сих пор многие, и чего, как мы увидим дальше, не до конца понимали и сами они. Но об этом потом, а пока обратим внимание на то, что в отличие от списка 16-17 веков, у нас здесь часто встречается по две, а то и больше фамилии на одно открытие или теорию. Эти люди совершенно независимо друг от друга работали над одновременной разработкой *разных составных частей одной и той же теории*, дополняя своими результатами друг друга, и, создавая цельные единые учения из своих отрывочных достижений, которые к тому же ни в одном случае не были продиктованы

социальным заказом времени или общества. Причем они ни разу не повторили друг друга, и ни разу не произошло никакой накладки - просто складывались одновременно достигнутые новшества и получались новые законченные науки (которые стали называться "теориями" из-за своей невозможной сложности). Разве это не похоже на то, что Кто-то раздал им домашние задания, каждому в своей части одной общей и сложной темы? Не просто похоже, а - единственное объяснение таких невероятных совпадений!

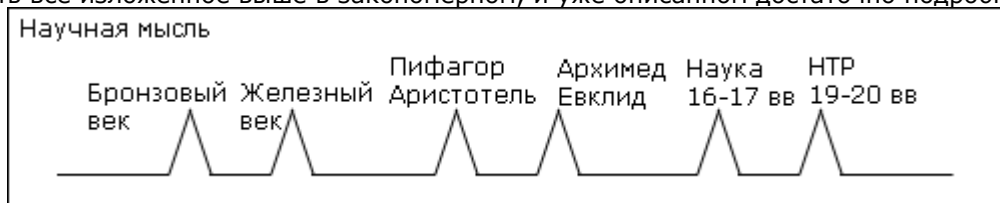
И еще один интересный феномен этого времени. Если в 16-17 веках были созданы все основные науки, и это время можно непосредственно считать временем появления непосредственно самой науки, то в 19-20 веках также были созданы новые науки, но суть их состояла в том, что они были не отражением новых знаний, а дроблением на составные части и смешением между собой старых наук. Яркий пример этому - "физическая химия" Нернста и Курнакова в нашем списке. И таких маргинальных браков и сановных деторождений было довольно много:

Хёггенс, Локьер, Жансен, Секки - астроспектроскопия. Горячкин - наука о сельхозмашинах (раздел машиностроения). Гоффмейстер - эмбриология растений. Грэм - коллоидная химия. Гросс и Сербский - криминалистика и судебная медицина. Гротгус - электролиз, Гризингер - научная психиатрия, Джордж Грин - теория потенциала, Жан Дюма - органическая химия. Дэви - электрохимия, Дюбуа-Рэймон - электрофизиология, Гальтон - евгеника, Лодыгин - электротермия. Лунин - витаминотерапия, Лурия Сальвадор - генетика микроорганизмов, Робинсон - химия природных соединений. Моль - цитология растений, Буяльский - топографическая анатомия, Ивановский - ввирусология, Мозли - рентгеноспектроскопия, Конрад Лоренц - этология, Мендель, Бэтсон, Стёртевант и Томас Морган - генетика. Тот же Морган Томас - хромосомная теория наследственности. Кювье, Бронн и Броньяр - палеонтология. Морено - социометрия, Тарский - семантика, Гиббс - статистическая механика, Гебра - дерматология. Макензи - кардиология, Костычев - почвоведение, Капица, Шубников, де Хаазе, Каммерлинг и Оннес - физика низких температур. Чаплыгин, Жуковский и Прандтль - аэродинамика, Френель - волновая оптика, Фреге - логицизм и логическая семантика, Дальтон - химический атомизм, Бекетов - морфология растений. Перфильев - капиллярная микроскопия, Пастер, Ландтштейнер, Эрлих и Мечников - иммунология. Якоби - гальванотехника, Голицын - сейсмология, Гольдшмидт и Евграф Федоров - геохимия и кристаллохимия. Гиляров - почвенная зоология, Эмми Нётер - общая алгебра, Бехтерев - рефлексология, Бецольд - физиология слуха. Гюйон - урология, Ламе - теория криволинейных координат, Чижевский - гелиобиология, Сабатье - органический катализ. Шрёдер, Джон Буль и Огастес Морган - алгебра логики, Заварицкий - петрохимия, Бунзен и Кирхгофф - спектральный анализ. Хохлов - нелинейная оптика, Буссенго и Либих - агрохимия, Сукачев - биогеоценология, Сигбен - ядерная спектроскопия. Вант-Гофф и Ле Бель - стереохимия, Вернадский - геохимия и биохимия, Кетле - научная статистика. Чернов - металловедение, Ламберт - фотометрия и Кушинг - нейрохирургия.

Причем прервали список мы не закономерно, а произвольно, поскольку нет совершенно никакой необходимости приводить здесь все новые и новые симбиозы и ответвления наук, поскольку за этот короткий период было создано около ... 1200 (одна тысяча двести!) наук! Даже



только количественный признак этого времени дал бы нам основания говорить, что произошло новое неоправданное ничем и очень короткое по времени вскипание научного возмущенного разума, что ушло не в свисток, а в начало новой цивилизации. Причем эти новые науки говорят нам опять о том, что изменилось именно мышление, ибо знания 16-17 веков получались под девизом Давшего Их: "Знайте, теперь, что это так", знания 19-20 веков: "Знайте теперь, что что-то вокруг вас может быть и так и вот так", а новые науки явно спускались сверху под рубрикой: "А теперь, думайте сюда". Во времена древних греков человек познал в основах закономерности мира перед собой, во времена появления науки человеку открылся космос, законы физического мира и микромир, а во времена НТР людям открылись законы непонятного сверхфизического состояния материи и *многочисленные проявления на практике этих не до конца понятных состояний*. Здесь тоже просматривается явный и продуманный план, и здесь пришло время отразить все изложенное выше в закономерном, и уже описанном достаточно подробно, графике:



Как видим, опять проявляется на редкость симметричная и закономерная структура истории научной мысли. Вот такими двойными всплесками все и идет в истории с приблизительно равными интервалами. Мы привели достаточно аргументов для того, чтобы признать, что эти равно расположенные во времени пики активности не являются последствиями каких-то изменений общества или характера жизни. Наоборот, если наложить на них подобный график исторических изменений общества, то они всегда будут запаздывать по отношению к нашим пикам, или наоборот никак не совпадать. Однако, зная маниакальную потребность нашего сознания искать причины не вверху, а где-то внизу, надо попробовать еще с помощью нескольких аргументов убедить себя в том, что знания даются Им, а не порождаются нашими головами.

Для начала дадим слово самим ученым, которые, как мы предполагали обсудить, не всегда сами понимают того, что они открывают. Например, Резерфорд называл теорию относительности "спекулятивной". Ленард назвал ту же теорию "математической стряпней". Основатель физической химии Нернст вообще называл теорию относительности философией, или на крайний случай, неким видом "неточной" науки. А что отвечал Эйнштейн? А он говорил, в общем-то, то же самое, предваряя свою теорию замечанием о том, что до конца не исключает эфира и *сам не может объяснить, что именно выводит его теория*. Но поднялась такая шумиха в прессе, что уже было поздно. Эйнштейн был, несомненно, лично сам честен, но его уже никто не спрашивал. Здесь важнее всего то, что каким-то образом в ученом мире вообще возможен данный нонсенс - никто ничего не понимает, экспериментально все опровергается, но все отстаивается до последнего административно-чиновничьего патрона. А еще важнее то, что если, как показывает практика, бюрократы от науки кричат "Ура!", то это обязательно лажа. А если наоборот, то - наоборот. Теория относительности - просто самый наглядный пример.

Гораздо больше примеров обратного порядка вещей. Например, Парижская медицинская академия в свое время просто высмеяла Луи Пастера, когда он вынес на ее суд теорию передачи болезней микробами. Некоторые реплики лучших умов академии были настолько оскорбительны, что Пастер из-за этого даже стрелялся на дуэли.

Майер, когда выступил с идеей закона сохранения и превращения энергии, подвергся вообще возмущенному насилию со стороны научного мира. Сначала над ним издевались и смеялись так, что он, не верящий в дуэли, выбросился из окна. После этого по настоянию его коллег он был отправлен в психиатрическую больницу, где его целый год держали в смиренном кресле (вариант орудия пытки), и ласковый врач периодически задавал ему один и тот же вопрос - считает ли он по-прежнему, что энергию можно мерить на килограммы? Прикинув все "за" и "против" своего положения, Майер счел за лучшее отречься от своего закона и был с похвалой выпущен из клиники. Дело было в середине 19 века...

Ньютон в течение 25 лет после смерти Роберта Гука, которого ненавидел всей своей душой за любовь к служанкам и дамам более высокого положения, боролся с теорией упругости и с самой идеей возможности расчета конструкций, на чем настаивал любвеобильный до постоянной упругости Гук.

Когда Томас Юнг в продолжение дела Гука вывел в 1807 году модуль жесткости, то вот как ответил ему на опубликование принципов расчета модуля ученый свет: "Хотя их светлости (члены Королевского Адмиралтейства) весьма уважают науку и очень ценят Вашу статью, она слишком учена ..., короче, она непонятна". Мирное признание. Обошлось без дуэлей и психиатрических палат. Вежливая самокритика спасла.

Но не только бюрократы из академий и министерств проявляли умную тупость (что им по званию и положено), даже сами ученые не понимают порой друг-друга.

Фейнман готов был биться об заклад на что угодно в том, что квантовую теорию не понимает ни один человек в мире, включая и ее создателей. Эйнштейн постоянно сетовал на то, что ни он сам не может понять, и никто не может ему объяснить смысла принципа дополнительности Нильса Бора. Галилей поначалу называл гелиоцентрическую Систему Коперника "чистейшей глупостью", а выводы Кеплера о влиянии Луны на приливы - "ребячеством". Декарт и Гюйгенс до конца своих дней так и не приняли гравитации.

Таблицу Менделеева критиковали в один голос два разногласных великих шведа Нильсон и Петерсон, которые утверждали, что в ее содержании не выражено никакого закона, а просто видна какая-то ни к чему не обязывающая регулярность. Еще одна могучая фигура того времени, немец Бунзен, назвал периодическую таблицу игрой в цифры. Он же публично обещал настругать таких таблиц еще дюжину, если захочет. Наверное, не захотел. Еще более маститый Оствальд также высказался вполне категорично о менделеевской таблице, как не о носителе периодического закона, а как об иллюстрации некоего частного правила. Даже русский большой химик того времени Зимин не пожелал выслушать объяснений коллеги и также в манере сжигателя ведьм отрицательно отзывался об одном из величайших открытий непосредственно своего времени.

Да и сам Менделеев был не лучше, потому что когда голландец Вант-Гофф выдвинул концепцию геометричности молекул, он против этого резко возражал. Но, все же не в такой форме, как Кольбе, который ехидно заявил, что Вант-Гофф наверное плохо учился в свое время, чем и только чем (недостатком образования Вант-Гоффа) он объясняет появление столь дикой идеи.

С одной стороны сослаться на непонимание окружающими актуальных для них открытий при отстаивании нашего взгляда ниспосланности Им знаний в нужное Ему время и в нужном Ему объеме, вроде бы и не совсем правильно. Мало ли кто не понимает кого! Но, давайте, обратим внимание на то, что не понимают именно те люди, которые ближе всех стоят к открытию по роду деятельности, и которые должны были бы эти открытия понимать и принимать как долгожданные, если бы этим открытиям предшествовала некая потребность, которая действовала бы своими факторами не только на первооткрывателя, но и на всех остальных соучастников труда, как на потенциальных открывателей того же самого. Значит - нет такой материальной предпосылки открытиям, которые делали бы готовыми к ним даже непосредственно самых подготовленных членов научного общества. Значит - все опять приходит сверху.

А может быть, это касается только завистливых коллег и окаменевших членов академических советов? Может быть, сами открыватели законов и явлений всегда понимают, что они делают? Увы. Очень часто они совсем не понимают того, что они делают. Макс Борн, прародитель компьютеров (автор квантовой механики), раздумчиво высказался по этому поводу: "*Хоть я и влюблен в науку, меня не покидает чувство, что ход развития естественных наук настолько противоречит всей истории, что наша цивилизация просто не в состоянии сжиться с этим процессом*". Вывод сомнителен, но его предпосылка абсолютно верна. Еще более откровенно в этом смысле звучит фраза Фрэнсиса Крика (создавшего вместе с Дж. Уотсоном модель ДНК в виде двойной спирали), который однажды обезоруживающе сказал: "В процессе научного творчества мы сами не знаем, что мы делаем". Так оно, похоже, и есть. Тот же самый Ньютон вот так сказал насчет обнаруженной им силе всемирного тяготения: "Это мне кажется столь большим абсурдом, что я не представляю себе, чтобы кто-либо, способный здраво мыслить в философии, мог к этому прийти". Разве такая научная деятельность не похожа на пророческую, во время которой Слово Бога воспринимается и передается, но потом не принимается самим пророком или вызывает у него чувство разочарования?

Голландец Лоренц, создав ту самую непонятную Эйнштейну квантовую теорию, стал заниматься квантовой механикой. От теории пошел к практике. Чем больше он это делал, тем меньше ему становилась понятной его же собственная квантовая теория, и в 1924 году в его дневнике появилась страшная запись: "Жалею только, что я не умер пять лет тому назад, когда все еще представлялось ясным". Интересное дело - человек создал теорию, которую чем дальше изучает, тем меньше же сам в ней и понимает. Так создал он ее или получил для передачи в пользование другим?

Герц обнаружил электромагнитные волны и не ограничился тем, что описал их природу и законы. Чтобы использовать до конца свой мыслительный потенциал он параллельно с этим обнаружил расчеты, в которых доказывал, что сигнал беспроводно (без столбов и проводов)

передаваться с помощью открытых им волн никогда не сможет. В заключении этих расчетов он писал, что, к сожалению, никакого практического применения его открытие не будет иметь. Можно поверить тому, что сам человек "открыл" то, о чем не может даже достаточно профессионально судить? Ведь это взгляд не открывателя, это - явный взгляд со стороны!

Швейцарец Баур пятьдесят лет занимался проблемами топливных элементов. Бескорыстно. Он создал их схему и обосновал их теорию, в конце которой подобно Герцу заключил, что все, сделанное им - практически бесплодно. Через несколько десятилетий появились аккумуляторы. Баур просто выполнил свою часть общего домашнего задания.

Больцман, преподавая электродинамику студентам, предварял свои лекции обязательным эпиграфом из Гёте: "Я должен пот тяжелей лить, чтоб научить тому, чего не понимаю сам".

Резерфорд не только создал теорию радиоактивности, но и сам первым в эксперименте расщепил атом. После этого он уже в знакомой нам манере заявил, что несет вздор каждый, кто будет утверждать, что таким образом можно извлечь из атома энергию. Знал ли вообще Резерфорд до конца суть того, чем он занимался? Строгий Резерфорд умер и через два года после его смерти в 1939 году его ученик Отто Хан обнаружил деление атомных ядер урана под действием нейтронов. Все бы ничего в этой истории, да вот только за 5 лет до этого к Хану пришла некая Нордак и предложила попытаться разбить ядро атома на части с помощью нейтронов. Ученик ответил в стиле учителя, строго и непререкаемо, что-то вроде: "Барышня, если Вам дорога Ваша репутация хорошего ученого так же, Как и Ваша женская репутация, никогда больше не заикайтесь об этом". За 5 лет до того, как сделал это сам! Сам, похоже, не понимал, что делает, когда приступал к делению ядра урана.

Макс Планк выдвинул идею квантовой энергии, а когда пришел в себя, то стал сам же нещадно бороться с этой гипотезой, как с ошибочной. Шредингер дал основное уравнение квантовой механики, но гордиться этим не стал. Вместо этого он со стыдом заявил, что если бы раньше знал, что у него получится, то не стал бы тратить на это время. Простите меня, люди, не ведал, что творил!

Эдисон открыл термоионную эмиссию. Так называемый "эффект Эдисона". Ну и, конечно же, сам Эдисон тут же назвал эту несчастную эмиссию "лабораторным уродцем", который "никому никогда не пригодится". А как иначе? Мы ведь всегда знаем, что мы открываем или изобретаем. Впрочем, и Эдисон был поражен, когда через 25 лет, еще при его жизни, появились радиолампы, и он понял с трепетом, что, сам того не зная, дал толчок электронной промышленности.

Все эти примеры наглядно показывают, что Он подбрасывает научные идеи в костер нашей жизни, как некий хворост, порциями. Иногда и дровишек подкинет. На кого попадет - на того попадет. Пока человек поймет, что к чему, - глядишь и открытие совершилось! Можно теперь и самому разобраться с тем, что на голову упало.

Правда, еще бытует мнение, что наука, якобы, развивается по заказу государства или крупных компаний. Иллюзию такой картины создают те огромные финансовые вливания, которые делаются на разработку конкретных научных и производственных тем. Однако все яснее становится, что эти деньги не возвращаются. Возвращаются только деньги, вложенные в

фундаментальные науки. Так называются науки, которые являются чисто теоретическими и не связаны с производством или задачами социального характера. Сфера чистого любопытства. За государственный счет. Но именно это любопытство случайного характера не определенного заказом, дает все то, что потом успешно используется в производстве или в быту. По заказу ничего нового придумать не удастся.

Это не голые слова. Это подтверждено научной статистикой. Научковеды Иллинойского Университета (США) провели обследование научных открытий, имевших большой экономический эффект. Их интересовали побудительные причины таких открытий. Вот что они выяснили: 63,5% этих открытий были сделаны просто из ученого любопытства, когда мотив поиска был совершенно запредельным любым насущным потребностям. 28,8% открытий совершено по принципу "ориентировочного поиска", который основан на интуиции, которая смутно подсказывает, что "следует что-нибудь поискать здесь, ибо здесь есть кой-какие подсказки чему-то"(!). И только 7,7% открытий стали результатом плана специальных разработок, то есть под влиянием прямых требований заказчика. 0,3% открытий не имело вообще никакого источника в науке, поскольку их совершили совершеннейшие профаны. Итак, 92% всех открытий было совершено в состоянии, когда на практическое применение своего открытия было глубоко наплевать, как и на то, что делается за стенами лаборатории вообще в связи или не в связи с тем, чем занимаешься. Свободная мотивация такого научного поиска для нас - вообще не мотивация, а работа на прием сообщений от Него.

Кроме того, вся обобщенная история науки не дает нам никакого повода говорить о том, что помимо вот этих моментов привнесения знаний сверху, есть еще какая-либо логика их появления. Особенно прозрачно это смотрится в тех случаях, когда старые знания просто-напросто забываются! Ну что тут страшного? Если я сегодня забуду, как находится процент от числа, то я завтра припомню, что такое процент, и сам воспроизведу заново забытую формулу. Потому что она производна от понятия процента, как одной сотой доли любого числа. А если я забуду сегодня, что вообще существует процент, то я завтра утеряю не только то, как найти процент от числа, но и вообще все, что может быть в математике связано с процентами. Мне придется придумать процент заново! Смогу ли я это сделать? Если кто-то когда-либо смог это сделать, то это можно сделать кому-либо другому и сейчас. А если это было получено от Него, то надо ждать, пока оно снова не будет получено, а не корячиться в бесполезных потугах что-либо подобное изобрести самому. Но(!), кроме того, надо вообще знать, что мне зачем-то нужен какой-то процент! Но это, в свою очередь, вообще невозможно, поскольку, если я знаю, что мне что-то нужно, то я это уже для себя открыл и дальше проблем быть не должно! *Следовательно, человек вообще не может знать, что он открывает, когда он что-то открывает, поскольку, если он знает, что он ищет, то он уже это нашел.* Ну и как назвать тогда вообще процесс научного поиска, если главное в нем - искать то, не знаю что?

Но вернемся к утерянным знаниям. Естественно, что если ты не имеешь понятия о каких-то знаниях, то ты без них легко обходишься, поскольку тебе невозможно сравнить комфортность этих двух разных состояний - с ними или без них. Поэтому ты не имеешь потребности в этих знаниях и не можешь их, соответственно, искать, поскольку вообще не знаешь, что они есть на

свете и что их, следовательно, можно найти. А если человек знает по неким артефактам (старинным вещам) и преданиям, что некоторые знания были, то почему бы ему их не восстановить заново, если менее образованный его предок их мог создавать? Да все потому же. Потому что предок также получал знания сверху, а не сам ерепенился перед неизведанным. А ведь ни один из старинных секретов до сих пор не разгадан! Разве это не подтверждение нашей мысли, что все, что мы имеем - не плод нашей мысли?!

До середины 19 века вообще никто не мог понять, как этруски могли чертить овал, если математические методы, позволяющие это делать, появились на столетия позднее, чем появились *абсолютно* овальные этрусские вазы. Только гениальный Максвелл в 14-летнем возрасте, в виде забавы, научился делать это без математического обоснования с помощью сложного приспособления из булавок и ниток, однако этруски явно действовали другим методом, который позволял создавать объемные формы совершенной формы.

Петр Иванов, крепостной крестьянин, создал фарфоровый букет и получил за это в знак восхищения вольную. С помощью современной технологии в настоящее время на Ломоносовском заводе пытаются восстановить секрет крепостного мастера. Пока тщетно. Но, даже если они и докопаются до правды, то у Иванова явно был более прямой источник сведений, чем современный химический анализ.

Алюминий в гробнице китайского полководца Чжоу Чжоу составляет 85% орнамента. Похоронили славного воителя в 3 веке до нашей эры. А в Европе алюминий появился в 1855 году и стоил дороже золота, потому что для его получения необходимо неимоверно много ... электричества! Китайцы тоже знали более простой и дешевый способ получения этого стратегического металла, секрет которого нам так и остался неведом.

При раскопках древнего Новгорода обнаружена проволока-катанка. В конце 19 века ее научились прокатывать методом сложнейшего металлургического процесса. У новгородских кузнецов был другой метод. Без навороченного технологически оборудования. Мы и этого секрета раскрыть не можем.

Краски египетских изделий не тускнеют до сих пор. Секрет их состава также не разгадан, и ничего равного им по стойкости до сих пор изобрести не удалось. Тушка несчастного Ленина лежит в Мавзолее, а под Мавзолеем находится целый исследовательский институт, который дорогостоящими и непрерывными мероприятиями поддерживает в сохранности мумию усопшего вождя. В Древнем Египте служители богов бальзамировали один раз и навсегда, и гораздо более эффективно, чем неверующие большевики 20 века. В составе бальзамирующего препарата египтян обнаружен алкалоид табака, который завез в Европу только Колумб. Каково?

В кургане Солоха археологи обнаружили два царских захоронения скифов. Среди вещей этих погребений находился знаменитый золотой гребень с изображением батальной сцены. Работа исполнена настолько филигранно, что ни один современный ювелир не берется создать нечто подобное. Но и это не самое страшное. Не удастся создать даже копии этого изделия! Даже с помощью ЧИПов не удастся просто "слизать" то, что сделано инструментом древнего полудикого скифа. Такой тонкой техникой 20 век уже не располагает.

Секрет дамасской стали не разгадан до сих пор, и аналога ей также создать не удастся. Ближе всех к его качеству подошел Петр Аносов в 1841 году на базе всех имеющихся научных знаний 19 века, и в настоящее время от него недалеко ушли все современнейшие лаборатории богатейших фирм. Эта сталь называлась "дамасской" потому, что торговали клинками из нее в Дамаске. А производили ее индийские кузнецы. И это не последний их секрет. В Дели стоит железная колонна, которую установили в 415 году. Вес ее составляет не много ни мало 6,5 тонн, а высота чуть скромнее - 7 метров. Диаметр колонны 42 сантиметра и она не ржавеет уже более 1500 лет! Неплохо бы раскрыть секрет этой древней нержавеющей стали!

На острове Пасхи, который находится в пяти тысячах километров от ближайшей земли, и океанические течения вокруг которого располагаются таким образом, что на дрейфующих плавсредствах на этот остров никогда не попасть, по всему побережью стоят каменные идола внушительного размера и оригинальной внешности. Каменоломня, где добывался камень для высекания идолов, находится в центре острова и на возвышенности. Вес каждой статуи - около 20 тонн. Совершенно непонятно, как могли древние островитяне перетаскать эти огромные изваяния к месту их установки. Путь один - дорога вниз к побережью. Поверхность дороги - потрескавшаяся лава (не асфальт, и даже не грунт). Ни на одном из идолов нет и следа царапины или отметины, говорящие о том, что он тащился волоком (сделаны они из достаточно мягкого туфа, чтобы застывшая лава его прорезала). Но даже если их и тащили, то совершенно непонятно - как? Даже сейчас инженеры не взялись бы за транспортировку этих скульптур - затраты и сложность технических приспособлений неимоверны. Французы как-то грузили небольшого истукана на корабль для музея, так все прокляли - было занято около 150 человек около недели, и все это всего лишь с берега на борт! А некоторые статуи достигают в весе 50 тонн при высоте 22 метра (семиэтажный дом), на некоторых одеты огромные, но щегольские каменные шапки на высоте 10 метров (просто нахлобучены, не высечены целно с головой!), некоторые стоят в местах, куда можно подойти только по воде(!), некоторые на отвесных скалах на высоте 200 метров (двести!) и большинство из них должны были не просто спуститься с горы и встать на свое место, но еще и переступить через десятки уже стоящих собратьев. Когда у старожил острова спрашивают, как удалось это их предкам, те отвечают - предки ни при чем, статуи сами ходили с помощью некоей "маны", то есть системы оживления неживых предметов. В это трудно поверить, но от этого окончательно можно будет отказаться только тогда, когда современная технология сможет повторить все происшедшее на острове Пасхи и объяснить все происшедшее тем, что у островитян были именно такие краны и тралы, которые они специально разобрали и утопили в океане, чтобы морочить потомкам голову "маной". А пока придется верить.

История с Асуанской плотинной в Египте вообще анекдотична. Когда в Египте строили Асуанскую плотину, то ее проектировали и вводили в действие советские специалисты. Все было сделано истинно по "советски", поскольку, когда дело шло к концу, вспомнили, что в район затопления попадает реликтовый памятник древней цивилизации, храм Абу-Симбел. Решили его перенести, потому что классово невыдержанные фараоны, видно, ошиблись расчетами, и не туда поставили все эти родимые пятна рабовладельческого строя. Но дело оказалось не таким уж

простым! Пришлось объявлять всемирный конкурс на лучший проект по решению проблемы переноса. В конкурсе победила какая-то шведская компания, чей проект оказался наиболее дешевым и наиболее щадящим - шведы смогли перенести по пустыне чудовищные изваяния только грузовыми вертолетами и, распилив их предварительно на несколько (!) частей! А древние египтяне приволокли валуны для скульптур за сотни километров из тех мест, где водятся такие камни, да еще и отбросили от них все лишнее, чтобы получились статуи. Следовательно, он был еще тяжелее, но это не испугало фараона, у которого грузовых вертолетов и пил по камню не было. Но самое смешное в этой истории то, что везде с гордостью говорится о том, что наша цивилизация очень великая, потому что удалось изобрести и создать такие инструменты, которые *осилили* породу этих статуй - это оказалось самым сложным, а не перевозка, все же. Можно только представить себе, как эта же проблема досаждала египетским скульпторам, ведь им нужно было высечь из той же породы статуи высотой с небоскреб, да еще и с непревзойденным до сих пор художественным изяществом и стилем. Мы действительно великие - поднапряглись, и распилили. Тоже не лыком шиты.

Кстати, как построены египетские пирамиды, тоже до сих пор никто не знает. Рисунки в учебниках по истории Древнего Мира, где злой надсмотрщик бьет кнутом по спинам трудолюбивых рабов, затаскивающих по наклонным подмостям детали пирамиды - фантазия. Человеческих усилий не хватило бы ни для затаскивания, ни для установки. И сегодня нет такой гидравлики, которая это осуществила бы.

Секреты итальянцев Страдивари, Гварнери и Амати так и ушли вместе с ними. В 1704 году Антонио Страдивари создал скрипку, непревзойденную до сих пор. Секрет его лака не раскрыт. Чем Страдивари был умнее современных технологических лабораторий?

Мореходы древности запасались питьевой водой, добавляя в емкости воду из болота. Лишь недавно микробиологи нашли в некоторой болотной воде антибиотики, которые не дают портиться воде. Но до сих пор без химического анализа, на глазок, никто не знает - какая из болотных добавок воду сохранит, а какая погубит.

Раскопки в Тимне (Южная Палестина) выявили, что 4 тысячи лет до нашей эры люди выплавляли медь в глиняных тиглях. Данные раскопок перепроверялись неоднократно, поскольку эта технология в принципе невозможна - чтобы получить медь требуется 10000 С, но уже при 900 градусах глина превращается в стекло и разрушается. Однако все экспертизы упрямо подтверждали - в этих тиглях выплавлялась медь. Как? Как всегда глубокомысленное современно-научное объяснение - "очевидно, древние люди умели как-то регулировать температуру печей". "Регулировать" для чего, - для того, чтобы не испортить тигель, плюнув на то, что медь еще не выплавляется, или вообще плюнуть на все и дать тиглю распастись до начала температуры выплавки меди, потеряв при этом и тигель и медь одновременно? Четыре тысячи лет назад еще письменности не было в этих местах, а технология, недостижимая нам уже была. Силами первобытного ума?

И, чтобы закруглиться, приведем последний пример - шахматы. Глядя на современные тупые и жестокие "стрелялки" в компьютерах, или на подкидного дурака, - можно поверить, что когда-то человек смог сам изобрести такую игру?



Несомненно, что если бы все решалось только человеческим гением, то никаких утерянных секретов вообще не было бы. Что может один - то может и другой. А что может Он - того не может никто.

В довершении хотелось бы сказать, что в логике даже простейших изобретений или их использования часто не удается разобраться, если за основу брать логику, присущую человеку. Очень часто изобретение лежит просто на поверхности, а человек его не совершает. Зачастую изобретение могло появиться на несколько столетий раньше, а появляется тогда, когда никакого особенного сложения сопутствующих этому обстоятельств не было. Нет логики. Мы уже упоминали, что совершенно непонятно, почему именно в это время и почему именно в этом месте появились древние греки или европейские ученые. Почему в Китае, например, не было Евклида, Архимеда, Галилея или Ньютона? В исламских странах - понятно. Таково свойство ислама - держать все в узде, поскольку считается что в "Коране" есть все, что нужно человеку. А в Индии - что мешало этому процессу? А в Африке? Почему в 1500 году индейцы Америки жили на уровне культур речных долин Востока третьего тысячелетия до нашей эры? Опять климатами все будем объяснять? Но почему в том же губительном для науки климате современные американцы идут впереди всей планеты, а в том же благодатном для нее климате Ирака царит теперь почти доисторическая научная дикость? Почему наука и ремесла зародилась в тех географических условиях, из которых сейчас идет непосредственная угроза и наукам и цивилизации?

А почему древние греки не создали машину? Теоретически для этого уже было абсолютно все! Однако до 17 века не было создано даже намек на машину, а ведь за все время, прошедшее до этого века, не было ничего такого, чего не хватило бы для ее появления! Причем, - наука вообще не сыграла поначалу в этом никакой роли. Сами чертежи первых машин исполнены с указанием реальных размеров, но *никогда* не являются результатом математического расчета! Никаких расчетов вообще! Машины сразу являются в образе, создаются, а *потом* для их *усовершенствования* появляются математические расчеты. Так было с первой машиной для шлифовки параболических стекол, которую изобрел Декарт, и так было со всеми остальными машинами. Точно также в образе они могли возникнуть и у древних греков. Но не возникли. А у них с ними было бы меньше проблем, чем у феодальных европейцев, поскольку проблему энергоносителя привода им не пришлось бы долго решать - запрягай рабов, и пусть крутят попарно-переменно маховики и колеса! Где человеческая логика этому тысячелетнему запозданию? Тем более что греки занимались науками не ради заработка, а согласно своего социального положения, поскольку принадлежали к классу, которому с руки было заниматься только искусствами, науками и философией. Имиджа ради. В портиках и взаимолобных рассуждениях. Машина доставила бы им много поводов для дальнейшего любомудрствования и веселья. Не то, что в 17 веке, когда машинам сопротивлялся не только низ, ставший через сто лет луддитами (членами массового движения по разрушению станков), но и верх, который не успевал за теми изменениями, которые вносили машины в производство. Когда в 1589 году Уильям Ли изобрел чулочную вязальную машину, то Великая Елизавета I отказала ему в выдаче патента. Причина - куда теперь ей прикажете девать тех подданных, которые ручным вязанием зарабатывают себе на хлеб? Церковники тоже проявляли плотоядное любопытство - не

скрывается ли за машиной сам дьявол? Все было против машин, а они появились! Очевидно, что по Его соображениям этому просто пришло время.

Почему чудаковатые алхимики стали химиками только в 16-17 веках? Потому, что вместо щепотей и горстей стали пользоваться весами. До этого их рецепты были удивительно приблизительными. 1000 лет существовала алхимия в низменном виде, пока сверху не пришла идея точного эксперимента с измерениями. Впрочем, мы настолько часто говорим об этом, что у кого-либо не должно возникнуть впечатления об этом процессе в виде того, что Бог ночью будит кого-то и стучит по лбу пальцем: "Думай, прапорщик, научно!" Мы не знаем физического механизма внедрения знаний и научных методов освоения информации в сознание человека, но определенно видим фактическую сторону этого взаимодействия.

Очки появились только в 17 веке, а лупа была известна уже с античных времен. А после изобретения очков еще 4 века никто даже не задумывался - а что будет, если вместо использования пары очков одновременно употребить две пары? А будет подзорная труба. Для этого не надо было ни специальных линз, ни специальной техники, ни новой науки. Нужна была только подсказка сверху.

Таких сомнительных по логике вещей событий очень много. Например, европейцы узнали сахар во время походов Александра Македонского. Но только в 1813 году "догадались", что надо всего лишь выдавить из свеклы сок и отфильтровать его, что будет гораздо дешевле, чем возить сладкую смерть с Востока.

Арабы придумали цифры во 2 веке до нашей эры. Попали же они в Европу только в 18 веке, когда их начали изучать в школах и вести ими учет в торговых книгах, причем опять при сопротивлении официальных властей. А ведь здесь дело также не просто в форме написания, а в новом мышлении, поскольку применение арабских цифр утвердилось только после того, как и в головах европейцев наконец-то отложилась та очевидная мысль, что любая из 10 цифр арабского письма может быть и единицей, и миллиардом, и чем угодно, в зависимости от своего местоположения в ряду написанного числа. В римском способе нужно столько наборов знаков, сколько может существовать чисел, а в арабском для этого достаточно знать всего лишь десять простых символов. 500 лет понадобилось, чтобы это понять? Да нет, же, через пятьсот лет пришло время, когда Он раскрыл на это глаза. Иначе поняли бы через 500 часов.

У индусов отрицательные величины появились за 600 лет до нашей эры, а в Европе в 16-17 веках сам Декарт называл их презрительно "мнимыми числами". Затем великий Паскаль и великий Лейбниц противились их утверждению всеми своими силами. Паскаль так писал о них: "Я знаю людей, которые никак не могут понять, что если из нуля вычесть четыре, то и получится ноль". Индусы тоже знали таких людей. Лейбниц вторил: "Число  $-1$  не существует. Так как положительные логарифмы соответствуют числам больше единицы, а отрицательные логарифмы - числам от 0 до 1". Сильное доказательство глупости индусов! И только Кардано стал систематически применять отрицательные числа. Зачем - сам не знал, потому что только с появлением гидродинамики, теории упругости и электротехники отрицательные величины стали необходимы в практических расчетах. У индусов были эти науки? Тогда откуда взялось

повсеместное применение отрицательных величин, как только не из того потока не обремененного практикой сознания, который направляется к нам от Него?

Причем в этом потоке часто попадает такое, что усваивается совершенно случайно и не ко времени. Так, что даже сами регистраторы этих знаний не знают, что с ними делать, а современники их просто забывают. Мы уже упоминали о Леонардо да Винчи, который каким-то образом начертил механизмы, которые появились только в 20-м веке и о которых говорили именно как о чуде 20 века, напрочь удивительным образом забыв за все это время о Леонардо. Ломоносов создал модель вертолета. И забыл про него. Не ко времени было. Точно также Праут в 1815 году заявил, что атомные веса всех чистых элементов представляют собой целые числа. Об этом также благополучно забыли на 100 лет, после чего вывели в качестве эксперимента и экспериментально подтвердили. Пришло время и этому знанию. Генри Кавендиш на стыке 18 и 19 веков получил чистый водород, чистый углерод, определил состав воздуха и состав воды, но на это никто не обратил внимания и впоследствии все было переоткрыто заново новой плеядой ученых-практиков. Теперь можно было.

Несомненно, что просто пришло время знать больше и тогда, когда человек 100 тысяч лет жил на земле и пользовался в качестве инструментов одним лишь каменным ручным рубилом. Сто тысяч лет все устраивало человека, а в один прекрасный день перестало устраивать? Причем совершенно непонятны доводы археологов о том, что человек просто был очень диким и звероподобным, а потом постепенно стал окультуриваться и создавать цивилизацию. Во-первых - что послужило поводом окультуриванию и созданию цивилизации, если человек был настолько дик и звероподобен? Какая причина могла заставить это сделать полузверя? Какой пример, или какая мечта? Во-вторых - почему эта причина не проявлялась в течении 100 тысяч лет, а когда проявилась, то по всем найденным экспонатам базовая культура и цивилизация всегда предстает нам в готовом, а не в постепенно "окультуривающемся" виде? И в третьих - почему археологи говорят о том, что тот человек был диким, если по их же данным он церемониально хоронил умерших, совершал определенные религиозно-культурные действия, делал краски, прекрасно рисовал сцены охоты на скалах, занимательно танцевал (по тем же рисункам) и носил одежду? Ведь это тот же самый человек, только не получивший еще поздних научных знаний, потому что мамонты и динозавры еще не вымерли, или по каким-то еще другим причинам, ведомым только Ему. И в-пятых, - когда, наконец, археология представит хоть что-нибудь в качестве доказательства дикости человека? Просто надоело уже ждать! Везде мы читаем про палеолит (так называют в науке период дикости человека), а археологических доказательств палеолита нет! Может быть, его и вовсе не было и мы правы, говоря о том, что человек был сотворен не зверем, а человеком с минимальным запасом знаний, возвышающим его над зверем? У нас есть основания это утверждать - ни одной палеолитической стоянки не обнаружено. Само ручное рубило настолько сложно по изготовлению, что все археологи дружно говорят о том, что обязательно должны быть более примитивные каменные орудия, через постепенное осваивание которых человек пришел к рубилу. Но ни одного орудия до ручных рубил найти так и не удалось! В конце концов, когда-нибудь станет всем ясно - если что-то найти не удалось, то этого и не

было? Тем более что все остальное нашлось и даже в таком количестве, что музеи уже отказываются это принимать в качестве экспонатов. Девать некуда.

С удивлением, от которого глаза самопроизвольно лезут на лоб, приходится убеждаться, что палеолит - это всего лишь *предполагаемый* исторический период дикости человека, о необходимости которого большевики от науки говорили столь часто, что он как бы свершился уже в качестве факта! С очередным остолбенением, и, не веря своим глазам, в очередной раз читаешь, что доказательств палеолита нет, но (!) они и не нужны! Серьезные ученые буквальным образом пишут, что доказывать палеолит археологическими фактами - это ломиться в открытую дверь. И, знаете, - почему? Сейчас последует очень сильный аргумент - потому что, ведь должен был человек что-то кушать до тех пор, пока не появилось земледелие, охота и скотоводство! А если он все же должен был что-то кушать, то он мог это делать только за счет собирательства (это синоним слова "пасться")! То есть он был просто животным! Доказательств этому нет, - это правда. Все доказательства говорят об обратном - человек появился сразу на достаточно высоком культурном уровне, и никаких следов его дикости нет. Но эти доказательства - доказательства Бога. Ученому этим путем идти опасно. Засмеют. Надо придумать палеолит. Вот и придумали.

Время и изобретения совершенно не вяжутся между собой, если брать за основу человеческие потребности или целеустремления. Например, почему часы долгое время таскали в кармане на цепочке и каждый раз, чтобы узнать время, кропотливо открывали у них крышку, а только через столетие убрали *совершенно ненужную* крышку, изобрели ремешок, а, много погодя, и нынешний браслет в придачу к открытому циферблату? Почему зазубрины кухонных ножей, не требующие заточки, придумались только в конце 20 века? Больше стали времени проводить на кухне? А процесс смены замазки в оконных переплетах на деревянные штапики, а затем самих штапиков на резиновые уплотнители - разве он требовал научной революции, чтобы растянуться на столетия? А складывающиеся стулья? А кресла с откидным сиденьем в присутственных местах, которые позволили втрое повысить их вместимость? Стали чаще встречаться большим приятным обществом? А дыроколы, раскладные диваны, столики на колесиках, скоросшиватели, перекидной календарь и кубик-Рубика? Что мешало им появиться тысячу лет назад? Что мешало автоматическому оружию появиться на 200 лет раньше? Нужно было всего лишь догадаться, что газы от пороха могут возвращать затвор в исходное положение. А оптический прицел к оружию, почему ждал веками своего места? И почему римляне не изобрели арбалет? "Дженерал моторз" для этого и потом не понадобился. Жалюзи, раздвижной штопор, всевозможные хитрые терки для овощей, отъезжающая, а не распахивающаяся дверь маршрутных такси, детская коляска, - всему этому какие нужны были общественно-экономические предпосылки? Нужны были только идеи, лежащие на поверхности. Как идея раскладушки. Почему в Шумере не было раскладушки? Разве его жители не были заинтересованы в том, чтобы не ложиться спать на глиняный пол? И не только в Шумере, но и в остальных цивилизациях? Какие общественно-экономические предпосылки создали раскладушку?

Какие общественно-экономические предпосылки Российской Империи времен Николая I натолкнули Лобачевского на создание своей математики? Лобачевского высмеяли и объявили сумасшедшим (знакомая реакция!). Ничего из того, что было вокруг, не помогло современным Лобачевскому тузам науки понять то, что он изложил. А что помогало самому Лобачевскому? Уж, во всяком случае, не экономические потребности Империи. Какие исторические условия заставили Кулибина поставить за фонарем зеркало и изобрести прожектор? И чем эти условия отличались от тех тысячелетий, когда у людей были фонари и зеркала?

Топливные элементы были еще во времена до Рождества Христова. Их откопали археологи. Заполняй их сейчас кислотой, и они дают ток. Аккумуляторы пришлось заново изобретать к 20 веку. Какие общественно-экономические условия древнего мира породили топливные элементы? Гидростатику создал еще Архимед - тело тонет, если его удельный вес больше удельного веса воды. Однако до самого Галилея, более чем 15 веков с ним соперничал другой взгляд на эти причины. Перипатетический. Который утверждал, что погружение тела в воду зависит от его ... формы! Для этого у сторонников данного взгляда были свои основания - тонкая пластина металла, аккуратно уложенная на поверхность воды, не тонет. Что можно возразить силе продемонстрированного опыта? Вот и куражились 15 веков, пока Галилей просто не догадался, что пластина не тонет лишь потому, что между валиками воды и пластиной остается воздух, который все-таки делает пластину легче воды. Какие-нибудь новые данные нужны были Галилею или перипатетикам для этого? Или задача была слишком трудная? А ведь спорили до хрипоты! До такой степени, что Ему надоело, и Он переключил какой-то контакт в сознании, и сразу все прояснилось.

Самому Галилею для изложения всех своих научных концепций пришлось перейти на итальянский язык, поскольку в латинском языке для этого не было терминов. *Сам язык науки был не готов для новой науки, не то, что какие-то предпосылки реальных исторических обстоятельств!* И, кстати, вот уже несколько веков историки науки спорят - как мог Галилей придти к идее криволинейного движения Земли? Больше всего в этих спорах достается ... Галилею, который в своих работах не описал, как он до этого дошел. Видно и сам не знал, как ему такое взбрело, потому что в наблюдаемой природе такого движения не существует, и в науке такого понятия до него не было. А чего спорить? Знания приходят готовыми и необоснованными относительно опыта. По графику.

Пожалуй, хватит фактов. Фактологическую базу следует использовать, но не стоит за нее полностью прятаться. Достаточно понятно, что весь процесс науки регулируется и формируется не логикой общественных потребностей, а Его воздействием. Поэтому, как лица второстепенные в этом процессе, как своеобразные ретрансляторы Его знаний, мы не можем считать науку своей самостоятельной задачей. Мы лишь передаточное звено в Его графике расширения знаний. Это не может быть *особой ролью человека*. Если процесс получения знаний не является нашей особой ролью, то может быть, результаты этого процесса успокоят нас своей величественной значимостью? Увы, здесь еще труднее искать сокровенную истину. Дело в том, что наука *ничего не объясняет* своими открытиями, она лишь *все описывает*, о чем мы ранее уже говорили. Она не отвечает на вопрос "почему", она отвечает только на вопрос "как". Вот нам говорят - "диод

открывается". Почему? Если мы выслушаем все объяснения, последовавшие на наш вопрос, то самым правильным выводом в итоге будет - "потому что он так хочет". Ах, создались условия, чтобы он открылся? Почему они так "создались", исходя из его внутренней природы? Кварц имеет такие-то свойства. Почему? Электрические частицы бегут, сломя голову, от плюса к минусу. Почему? При соединении металлов с кислородом происходит окисление. Почему именно с кислородом? Почему, почему, почему... мы стесняемся задавать такие вопросы? Потому, что если их задавать, то нас сочтут за дурака. Ведь любому не дураку известно, что вода растекается - достаточно посмотреть на этот процесс своими умными глазами. Какие еще нужны "почему", ЕСЛИ ТЫ УМНЫЙ ЧЛОВЕК? Ведь такова особенность молекул воды! "А почему она именно такова, а молекула другого вещества не такова?" - хочется нам спросить, и мы чувствуем себя при этом дураками, и вопроса не задаем.

Еще мы не задаем этого вопроса потому как считается, что ответ на него знают те умные люди, которые говорят нам эти научные истины. Они умные. Это уж точно. Потому что они ученые. А мы не ученые. Но они-то обязательно знают! Но и они не знают. Они просто видят, что это - так, и правильно увиденное описывают. А сокровенные причины явлений им также неизвестны. Здесь - стена. Дальше - тайна.

Хорошо проиллюстрировать это можно на таком примере, который не требует научного авторитета участвующих в диалоге. Конечно, если мы будем говорить о нейтринно и гидролизе, то нас будет трудно понять нашим ученым оппонентам, а для нас они создадут картину сожаления, что они, якобы объяснили бы нам, в чем дело, но мы все равно не поймем. Поэтому мы коснемся темы, область знаний в которой нам вполне позволяет укоризненно поводить пальчиком перед носом любого нобелевского лауреата, если он начнет пудрить нам мозги сложными терминами. Это вопросы зачатия. И вот наши главные вопросы этого вопроса: почему мальчиков и девочек рождается примерно одинаковое количество? Почему мальчиков рождается чуть-чуть больше, но из-за повышенной смертности этих сорвиголов в подростковом и юношеском возрасте число мужчин и женщин благоприятно выравнивается в любом обществе? Если нам начнут говорить о мужских и женских хромосомах, то мы прервем увлекательный рассказ, и скажем, что это - описание того, "как". А нам надо - "почему"? Почему хромосомы именно так складываются? Почему они создают половину человечества мужиками, а половину человечества их врагами? Почему (также спросим мы) перед войной у народов, которые в будущем пострадают от брани, по данным демографов рождается какое-то время избыточное количество мальчиков? Почему после войн и эпидемий рождаемость воевавших и вымерших регионов резко увеличивается, и популяция человеческого вида восстанавливается, после чего плодовитость семейных пар возвращается к среднему уровню, и рождаемость снова падает? Вот здесь мы и можем пронаблюдать то, как наука описывает мир. Биологи и демографы четко выводят все закономерности роста и падения рождаемости, грамотно описывают процесс равного распределения полов в обществе, научно все фиксируют и выводят законы. Но они ничего не могут сказать по поводу объяснения изначальной причины этих процессов. Когда речь касается квантов или горючести бензина все происходит точно также. Следовательно, результаты науки

также не могут быть нашей особой задачей, поскольку они идут в хвосте событий физического мира, а не в их первопричинах.

И, кроме того, все эти результаты знаний о мире мы никогда не сможем использовать для создания целостной картины мира в ее полном объеме. Так устроено наше сознание, в котором есть свойство внимания, ограничивающее наше видение всегда каким-либо отдельным участком нашего бытия. Попробуйте одной рукой рисовать кружочки, а другой в это же время рисовать квадраты. Ничего не получится. А если кому-то и удастся этот трюк, то только в том случае, если он научится рисовать, например кружочки, автоматически, а не *осознанно*. Мы не можем обобщать воедино в своем внимании целостную картину научных достижений. В любое время мы можем видеть только что-то одно, что вытесняет собой напрочь все остальное. Все известные достижения науки могут быть нами востребованы только по отдельности, загорая собой все прочее, пусть даже и верно описанное. Весь мир для нас - наша же сиюминутная переработка каких-то отдельных данных. Мы берем нужную нам в данный момент характеристику физического мира (из практически бесконечных) и принимаем ее за сущность всего мира. Расщепляя мир на отдельные достоверные факты о нем, мы выделяем лишь один какой-то его признак и из него выводим для себя следствие обо всем. Происходит постоянное замещение целого его частями, а цепь таких замещений и есть наше видение мира. Зная очень точно о строении клетки человека, и, представляя себе клетку, скажем, девушки месяца из "Плэйбоя", мы не можем одновременно представить себе всю лауреатку, состоящую из этих клеток. Обозревая всю королеву месяца, мы теряем из вида строение ее клетки. Первый случай для нас более грустен, но в плане создания целостной картины, где были бы и рибосомы и форма бедра сразу и одновременно перед нашими глазами, оба этих случая фатально печальны, ибо обозревая мир, нам также приходится выбирать что-то одно, и не всякий раз критерий выбора столь неоспорим, как в нашем примере. Наше научное видение - иллюзия видения, но виновата здесь не наука, а предусмотренная Им форма нашего сознания в земном воплощении.

В этом случае, если наука не может дать нам своими данными сути физического мира, то, может быть, ее великая цель состоит в изучении сущности нефизического мира и, в конце концов, в научном доказательстве Его существования? Вряд-ли. Во-первых, как мы уже говорили, категориями физического мира, которыми пользуется наука, нельзя оценивать характеристик нефизического мира, как полностью противоположных физическим. Успеха не будет. Нужен только непосредственный опыт. Попробуйте описать лед категориями пара человеку, который его (льда) никогда не держал в руках, никогда не видел, не знает даже о воде и не ведает, что вообще бывает температура ниже 100 градусов Цельсия. Единственное, что можно ему втемашить, так это то, что лед - совершенная противоположность пара. Или, еще проще, попробуйте себе представить, что вы знаете пар, но льда в природе не бывает, а вы предполагаете, что он есть вне природы и попробуйте себе представить кусок льда, отталкиваясь в своих представлениях от этих обжигающих клубов кипящей воды. Вот точно также и наши научные категории материального мира могут давать понятия о нематериальном мире.

А во-вторых, мы видим, что на протяжении всех времен научное *восприятие* действительности всегда опережает ее *понимание*. Каждое новое открытие порождает поначалу

хвастливое отрицание Бога на основе первых *воспринятых, но не понятых* еще фактов. Это отрицание сменялось подтверждением Бога в итоге суммирования все новых и новых фактов, и, возможно, когда-либо действительно наступит уровень знаний, который в своей совокупности позволит говорить о доказательстве Бога, исходящем из существующего порядка вещей, но... для этого опять надо уметь держать в уме всю картину собранных фактов. А нам этого не дано. Факты не собираются. Каждый отдельно может говорить в этом случае "за", но все вместе в нашей голове они в одно целое обобщающее доказательство не соберутся. Не потому, что доказательства недостаточно вески, а потому что сознание не может их собрать в одну кучу для рассмотрения *все сразу*.

Единственная наука, которая может сделать обобщенный вывод и дать одно исчерпывающее доказательство существования Бога - это математика. В этом ее великое назначение, и в итоге она к этому, очевидно, и придет. Но будет ли это понятно всем, если  $x + a = x - 9$  недоступно для 95% человечества? А что в таком случае даст человечеству другое, несомненно, более сложное, предполагаемое нами математическое выражение Бога? В этом случае большинство останется в стороне от праздника.

И вот отсюда мы плавно перейдем к науке, как к явлению кастовому. Чтобы стать ученым, необходимо иметь светлый ум, неумное честолюбие, неиссякаемое трудолюбие, высокий талант, бесконечную одержимость, извращенную любовь к умственному труду, особые способности к анализу и интуиции. Трудно будет кому-либо убедить нас в том, что все человечество создано именно в такой благородной отливке этих качества, чтобы считать науку задачей *каждого*. А мы ищем спасения именно *каждый* для себя. Если Он не создал каждого из нас особо умным, то Он обрек нас на вечную смерть вне Своего Царства. О таком злом Боге нам ничего неизвестно, и поэтому мы не будем приписывать науке спасительных для человечества назначений.

Кроме того, объединяя все сказанное, можно сказать, что никакой своей особой роли человек в науке не имеет. Он вовлечен в нее, но не направляет ее процессов. Если ученые захотят с нами об этом поспорить, то мы им предложим следующий вариант - остановите это безумие, когда наша цивилизация пожирает сама себя, оставьте нам цветной телевизор, достижения медицины, искусственных блондинок, а остального нам не надо - хотим пить воду, а не отраву, жить размеренно и без стрессов, дышать чистым воздухом, иметь время и место общаться с природой, есть натуральную пищу, ходить пешком, купаться в чистых реках и по вечерам собирать полевые цветы прямо у дома. Что нам ответит наука, если запретить ей путь нашей переагитации? Она ответит - это невозможно, я не властна, все происходит через меня, но *без меня*. О какой особой роли человека тут приходится говорить?

Однако если программа научного любопытства вложена в нас в качестве одной из определяющих, и если даже действует Его План и Его График удовлетворения этого любопытства, а мы, несмотря на это, не находим в науке *своей особой роли*, то мы должны сделать вывод о том, что, в таком случае, наука должна иметь обязательно какую-то *вспомогательную* роль, иначе было бы совершенно непонятно Его такое действенное участие в ее судьбе.



Чтобы отыскать это вспомогательное значение науки, следует определить для себя - что происходит в результате развития науки? Чтобы не утомляться пустым перечислением регламентных вариантов, скажем сразу - наука творит историю. Именно наука на протяжении всей истории меняет формы взаимодействия людей от отношений *человека с человеком* в пределах семьи или племени, до отношений все больших и больших *масс людей* между собой. Развивая возможности человека по удовлетворению своих потребностей, наука заставляет человека проникать в новые среды обитания (пещера, лес, степь, море, воздух, космос, впереди - глубины океана), она выводит на арену истории не одного человека или его род, а большие коллективы, оснащенные все более и более широкими возможностями взаимодействия, противодействия и сообщения. Не будь науки, человек так и жил бы племенами, родами или отдельными регионами обитания. Наука сделала историю отдельных племен, затем историю народов, затем историю государств, затем историю регионов, затем историю континентов *общечеловеческой историей*. Это произошло в 20 веке после научно-технической революции.

Для того чтобы до конца не сомневаться в том, что наука развивалась по Его Плану именно для этого, надо сравнить развитие знаний, способствовавших оформлению истории человечества, с теми знаниями, от которых истории ни жарко, ни холодно. В отличие от знаний первого значения, эти знания должны быть заброшены Им и предоставлены человеку на откуп. Естественно, что в этой области должен царить разительный хаос и беспорядок. Есть ли такие знания? Есть. Это наша одежда и наш быт. Ведь ничего не изменилось бы в настоящем времени, если бы мы стали одеваться в тоги или в туники, как в античные времена? Конечно, же, нет! Даже останься мы до сего дня в набедренных повязках - ничего в истории нашего времени не изменилось бы. Для истории это совершенно неважно. Так давайте посмотрим, как работала мысль человека самостоятельно в этой области.

Причем следует сразу отметить, что уж насущнее потребности, чем одеться удобно или обуться добротнo - ничего не может быть. Это - ближе всего к человеку после покушать. Ну и что же? Да все так, как мы и предполагали. Обуться не догадывались несколько тысяч лет и сбивали себе ноги о камни и горячие пески. Даже жена фараона ходила босой, а сандалии фараон носил в качестве украшения, которое к тому же добавляет росту. Причем он их не столько носил сам, сколько их за ним носил специальный носильщик сандалий. Не по всякому банальному поводу, в самом же деле, обуваться! Древние греки долго ходили босыми, пока не придумали обувь, и уже перед самой нашей эрой они догадались первыми, что на левую ногу и на правую ногу надо делать разную обувь! Великая была цивилизация! Несколько сотен тысяч лет потребность вопила о себе травмами подошв и сбитыми ногтями, но тщетно! Человек!

Только в 13 веке появился крой одежды! Геометрия до этого позволяла строить вычурные храмы, а догадаться использовать ее для создания одежды по форме человеческого тела не могли. Носили килограммы лишних шкур, кожи и тканей, сложно задрапированных на теле и неудобно свисающих со всех оконечностей. Рукава для одежды придумали древние германцы в 3 веке до нашей эры. До этого тысячи лет ходили без рукавов и мерзли. В 16 веке появилась ночная рубашка - до этого спали нагишом или в том же, в чем ходили днем. Великая догадка - переодеться на ночь!

Пуговицы появились в средние века и был даже настоящий бум пуговиц, когда их на радостях цепляли по 70 штук на одну верхнюю одежду, потому что насладиться не могли этим простым приемом удержания одежды на теле, настолько за тысячи лет надоели путаные драпировки, пряжки, шнуровки и застёжки. Только в 16 веке появился гульфик на штанах (придумали датчане), и мужчины смогли наконец через этот проем впереди штанов совершать различные интимные манипуляции без утомительного (а иногда и, как знать, может быть и запоздалого) снятия поясов и расшнуровывания боков брючин. Сами штаны у мужчин появились также в 3 веке до нашей эры. Римляне переняли их от варваров и перестали мерзнуть как бездомные собаки в своих юбочках, из-под которых, извините, у них все было видно при каждом неосторожном движении. А они их много совершали. Точно также доступно было всеобщему обозрению и то, что находится под короткими туниками у греческих юношей и воинов, которым запрещалось носить длинные одежды. Вряд ли это было что-то не такое, что у римлян. Но ни те, ни другие до трусов не смогли додуматься. Хотя, римляне придумали матрацы и подушки. До них все великие цивилизации укладывали всех, даже самых великих своих членов, на твердое и неудобное ложе. Разве не было потребности у человека сладко выспаться в мягкой постели за тысячелетия до Рима?

Бюстгальтер появился только в 20 веке! В 1903 году. Придумала его врач Гош Саро, которая не могла больше видеть, как корсеты уродуют женщин и наносят их здоровью непоправимый вред. В 1924 году появились "комбинация" и нижние юбки, что избавило женщину от панталонных, на которых даже гульфик не спасал бы от неудобств.

В восемнадцатом веке невыдержанный англичанин граф Спенсер Второй разнервничался на охоте и обрезал себе для удобства пальто снизу. Почему мы об этом упоминаем? Потому что так был изобретен пиджак! В восемнадцатом веке!!!

Подтяжки появились также в 18 веке, а до этого времени тучным мужчинам приходилось затягивать живот выше талии до состояния обмороков, что было все же благороднее, чем постоянно подтягивать штаны, сползающие ниже ватерлинии. Двойную строчку для крепости швейного изделия изобрел только в 1873 году Леви Страусс. Сильное изобретение, не правда ли, - прошей второй раз там, где ты уже прошел один раз, и тебе будет счастье!

Колготки появились в 1960 году! До этого женщины мучались с резинками для чулок или с поясами, поддерживающими эти чулки. Долго же пришлось думать, чтобы соединить чулки с панталонами! Да что там говорить, если лошадей подковывали с древности, а подковы для кожаной обуви изобрели только в 19 веке, а сама обувь стала кожаной после окончания средних веков, когда уже сил не было больше по истечении тысячелетий ковылять на деревянных башмаках, пусть даже уже и сделанных для каждой из ног индивидуально!

В 1922 (!!) году мадемуазель Вионе из Парижа изобрела диагональный крой и прямой крой, что позволило набрасывать женщинам платья просто через голову себе на плечи безо всяких кнопок, шнуровок и крючков, причем платье могло теперь иметь любую форму без использования этих приспособлений. В конце первой четверти 20 века появилось нынешнее современное платье, которое можно одеть без горничной, а снять без нее же или без какого-либо

другого заинтересованного добровольного помощника! Только в эру авиации с платьем научились справляться в одиночку!

Железные иглы появились в 14 веке, а стальные полированные в 16 веке! До этого шили деревянными или костяными. Мечи догадались делать из металла, а иглы - нет. Первая вилка появилась в 11 веке у венецианца Доменико Сильвио! До этого ели руками или в перчатках, чтобы не обжечься. Интересно, изобрети вилку Сильвио в наше время, - дали бы ему Нобелевскую премию?

Кардинал Мазарини придумал... глубокую тарелку для супа. До этого первое ели из общего казанка, обтирая на виду у всех демонстративно ложку после каждого опускания в свой рот и перед каждым погружением в общую супницу. Изоощренный ум был у этого итальянца!

В 1960 году швед Бент Акерблум (тоже врач) выгнул спинку нашего с вами стула, чтобы не уставал позвоночник. Процесс продолжается. Человек приспособливается. Работы - непечатый край впереди. Позади ведь всего лишь несколько сотен тысяч лет. Попробуй со всем управиться в два-три стопятидесятилетних цикла! Тем более что человек здесь предоставлен самому себе, к ускорению или видоизменению истории эта деятельность не имеет никакого отношения, результаты ее для Него не важны и они - налицо.

А мы, заканчивая с наукой и переходя к истории, идем дальше в надежде, что в этой самой истории найдем что-то искомое, что даст нам возможность Спасения.

### История

Переходя к истории, мы опять, прежде всего, отметим для себя, что правильность наших логических выводов пока что вновь подтверждается тем, что история несвойственна животному миру. Этот мир не создает сообществ и не преследует политических целей своими объединениями. Образ жизни животных также не меняется на протяжении миллионов лет и все, что характеризует историю, как процесс развития форм существования и целей объединения видов между собой, - присущ только человечеству.

Это успокаивает. Но тревожит другое - говоря об истории, как о побочном продукте науки, мы как бы сразу же снимаем с истории самостоятельное значение. В этом понятии история полностью зависит от науки, поскольку, как наука повернет, так история и выйдет. Следовательно, история сама по себе в данной интерпретации ее понимания имеет абсолютно вторичный характер. Подчиненный. Следовательно, подойдя к ней, мы вынуждены искать свою *самостоятельную роль в несамостоятельном явлении*. Но это обстоятельство не должно, по-видимому, разочаровывать. Это понятно и так. Ведь истории разворачивается в физическом мире, который является временным по своему изначальному характеру, и что бы в нем не происходило - имеет свой обязательный конец, который наступит вместе с концом материального мира. Поэтому не следует пугаться того, что сама история не имеет собственного смысла, поскольку она не может быть смыслом Его Замысла, как явление, отражающее лишь некоторые изменения временного.

И наоборот, это должно привлекать именно своей вторичностью и подчиненностью. Поскольку впервые мы сталкиваемся с обстоятельствами, которые, не имея самостоятельного

значения, отодвигаются в сторону и образуют некую смысловую пустоту бытия, которая каким-то образом наконец-то может заполняться какой-то самостоятельностью человека. До этого мы такой возможности для себя вообще не видели. До этого все делалось *через нас*. И вот теперь что-то дает возможность говорить нам о том, что нечто делается *нами*. Если раньше мы были пассивными *участниками* процесса, то теперь мы становимся активными его *соучастниками*.

И, в конце концов, именно историческая деятельность дает реальную возможность для проявления того самого характера человека, в необходимой конфигурации которого мы так заинтересованы по результатам цепи своих перерождений.

Кроме того, памятуя о том, что история творится через живое человеческое действие, а не через механические изменения мертвых научных предпосылок, мы, признавая несамостоятельность и вторичность самой истории, тем самым автоматически придаем человеческой деятельности *внеисторическую ценность*, выводя ее на просторы, не ограниченные локальными задачами физического мира. Похоже, что мы что-то нашли там, где поначалу решили, что потеряли.

Если наша деятельность в пределах истории имеет целью не саму историю, то мы должны этому только радоваться, ибо в данном случае возникает некое понятие о какой-то *другой цели*, оторванной от материального мира, выраженного изменениями исторических форм. История в данном ключе ее понимания - это постоянное и, не имеющее самостоятельного значения, изменение внешних обстоятельств, в рамках которых человек принимает некие решения, цель которых скрывается за фасадом исторических преобразований и может преследовать собой, наконец-то, именно человека, а не условия или формы физического мира.

Для того чтобы отыскать для себя истинный смысл исторической деятельности человека, следует, конечно же, посмотреть - что происходит в истории? Или, если сказать точнее, - история *чего* происходит в самой истории? Естественно, при этом следует исходить из того, что в качестве исторического процесса мы понимаем процесс каких-то изменений. Движения во времени. Поняв, что изменяется, мы сможем понять - *куда* изменяется, зачем изменяется и как это дает возможность человеку через свои действия и помыслы, направленные на осуществление данных изменений, приблизиться к Царству Божию. Если в чем-то есть изменения и смена форм - это история. И именно в этом следует искать нашу цель. А если что-то остается неизменным - то это не история, и здесь нет никакой цели. Такой участок жизни будет выпадать из сферы нашего поиска, и мы будем считать, что он носит лишь вспомогательный характер. Мы пройдем мимо него. Потому что наш ориентир - история, то есть непрерывное изменение чего-либо. Главное, понять - *чего?*

Для того чтобы понять - изменение *чего* происходит в истории, надо разбить всю историю на субъекты истории (отдельные, изолированные участники исторического процесса). Разбирая их по отдельности, мы сможем сказать - происходит ли *непрерывное* изменение данного субъекта истории, или нет. И если непрерывность будет нами обнаруживаться, то мы будем считать это полем деятельности человека, в которое он помещен с целью достижения Спасения. А если непрерывности исторического субъекта нет - то мы должны будем искать другое поле исторической деятельности через другой субъект истории.

Итак, субъекты истории. Кто они? Конечно же, первым и главным субъектом истории является каждый отдельный человек. Здесь нельзя спорить. Но в ракурсе нашего поиска - непрерывности нет. Умер человек - и закончилась его личная история. А вокруг продолжается личная история других людей. Тоже прерывная. Следовательно, этот самый первый субъект истории - главный, но в смысле прямого развития он временен и наполняет все тело истории отдельными малыми историями. Вся история распадается на истории отдельных людей. Каждая отдельная история - прерывается, следовательно, приходится признать и прерываемый характер смысла всего множества, если каждая его часть по своему смыслу прерывна.

Кроме того - человек является первичным элементом истории, который складывает из себя все остальные субъекты истории. Замкнись история на истории одного лишь человека в отдельности - и не было бы надобности в речи, не было бы науки, как явления, способствующего созданию общности. Не образовались бы и все остальные субъекты истории. Мы нужны Ему в целостности, очевидно, а не лично каждый по отдельности. Поэтому от человека мы должны перейти к тем субъектам истории, которые объединяют в себе группу отдельных людей и способны продолжать историю отдельного человека через его потомство и общность той группы, в которую он входил. Только действия человека, выходящие за пределы его *личных* задач, и, преследующие какие-то *общие сверхличные* цели, могут непрерывно иметь место в истории через смену выразителей этих интересов в потомствах. Сверхличный групповой интерес подхватывается из поколения в поколение какой-то группой людей, и только так происходит историческое изменение и историческое действие.

Естественно, что логическим путем мы сразу же натываемся на следующий групповой субъект истории, в котором оказывается любой человек, пришедший в этот мир. Это - семья. Но семья тоже может исчезнуть с исторической сцены. Попали в наводнение всей семьей - и конец этой истории. Нам это не подходит. Помимо этого семья не может существовать отдельно от других семей. Если семья не будет смешиваться с другими семьями, то через семь поколений члены семьи вырождаются в дегенератов. Медленный, но тоже конец. Такая семья также не может быть участником истории, поскольку дегенераты через 2-3 поколения тоже обязательно вымрут и не создадут своим неволевым гением даже дегенеративной истории.

Правда, можно представить себе семью не как биологический элемент истории, а как субъект, не замкнутый в пределах узкого кровного родства. Как общественно-социальное явление. То есть люди, смешиваясь в браках с другими семьями, сохраняют свое биологическое здоровье и создают при этом бесконечное множество новых семей, которые мы должны рассматривать не по наследственно-родовому признаку, а как группу людей, выражающую в истории свой непрерывный интерес и всегда непрерывно присутствующую в исторической действительности. Можно и так себе представить семью. Это будет правильно. Но для нас - опять не подходит. Потому что непрерывность семьи во времени - *не изменяется во времени*. Смысл, задачи и сама форма семьи неизменны со времен объединения людей в племена. Как 150 000 лет назад главной задачей матери и отца было прокормить и вырастить детей, дав им и внукам как можно больше, так и сейчас нам трудно было бы что-либо добавить к этому. Семья осталась той же самой семьей. С теми же самыми дедушками, бабушками, мамами, папами, тещами,

невестками, золовками, внуками, племянниками, шуринами, дядями, тетками и т.д. Деятельность человека в пределах данного субъекта истории - одна и та же на протяжении веков. У семьи есть непрерывность, но нет изменений. А нам нужно и то и другое в комплексе. Будь целью семья - не нужна была бы наука, и не было бы истории. Нужно выходить за пределы семьи.

А за пределами семьи нам встречается еще один субъект истории, в который обязательно попадает человек через свою семью. Это - нации. Так, что же, история - это история наций, и задача человека располагается в пределах его нации? Тогда - в какой плоскости? В биологической? Но чистой нации быть не может. Если нация не смешивается с другими нациями - она тоже вырождается. У женщин начинают расти усы, они становятся квадратными, мужеподобными, к 50-ти годам у них развивается слабоумие, жестокость и истеричность. Мужчины теряют волю и способность к созиданию, ударяются в разбой и воровство, в их характере начинает проявляться звериное начало, вытесняя постепенно человеческое, увеличивается враждебность к другим народам, появляется идеология жизни за счет ограбления соседей, они становятся опасны для соседей, и более открытые к смешению кровей нации уничтожают такие деградирующие сообщества, если они не самоизолируются и не вымрут естественным путем. Ни одна нация на земле не может выжить без притока свежей крови, и ни одна нация на земле не может сказать, что она - чистая нация. Или, что она - навсегда. Непрерывность не гарантирована, а, скорее даже, - не допускается изначально, если не будут происходить смешанные браки. При этом сохраняется только непрерывность названия нации, а сама нация биологически становится совершенно другой. Биологически одни нации уходят, а другие приходят им на смену за счет смешения с другими народами, но при этом сохраняют самоназвание исходной нации. Повторим - биологически это совсем другие нации, которые носят то же имя. Пример - греки, македонцы, евреи, ассирийцы, русские, англичане (которые в настоящий момент даже хотят закрепить в конституции то явление, что они теперь представляют собой нацию, созданную из трех рас - европеоидной, негроидной и азиатской), сирийцы, египтяне, итальянцы, американцы, голландцы (из-за притока суринамцев) и т.д. Причем, чем смешаннее нации, тем талантливее и красивее у нее люди. Чем менее смешана нация - тем обозримее во времени ее деградация и тем ближе ее неминуемый конец.

Следовательно, биологическую основу наций мы должны исключить из поля нашей деятельности, поскольку активная деятельность каждого члена нации по сохранению ее чистоты - самый короткий путь к ее же исчезновению из истории через вырождение. И, наоборот, - активная биологическая деятельность по размыванию нации другими народами спасает ее как субъекта истории, но полностью при этом *видоизменяет биологически*. Это говорит нам о том, что из этого капкана есть только два пути - или убить нацию, самоизолировавшись от других народов, или сохранить ее, но не *в биологическом* смысле. Соединить это невозможно. Биологическая чистота - это цена за выживание. Единственная. Поэтому в обоих случаях биологическую основу наций мы исключаем из субъектов истории, как временную вообще и в принципе. При любом раскладе.

Если убрать биологический признак нации как ложный и незначимый, то, что остается? Язык? Но мы это проходили. Мы знаем, для чего язык. Если мы вновь начнем им заниматься, то

все равно придем к цепи язык-наука-история-человек-семья-нация-язык. Круг замкнется. Язык - признак нации. Но роль языка нам известна. Она вспомогательна. Это тоже не поле нашей самостоятельной деятельности. Кроме того, некоторые нации говорят на нескольких языках. Евреи говорят на ладино, иврите, идише, а также на языке тех стран, в которых живут, если не знают ни одного из трех своих языков. Индийцы одинаково органично общаются и на английском, и на местных языках. Афганцы на нескольких сразу. Швейцарцы на трех. Русские дворянские собрания в Америке знают только два русских слова - Москва и "калашников". Немцы вообще говорят на общенемецком друг с другом, как мы помним. Цыгане Европы и Южной Америки не понимают друг друга. Грузины говорят на картвельском, мингрельском, сванском, кахетинском, хевсурском и других языках. Китайцы говорят на разных языках и не понимают друг друга, если не переходят на ханьский. Получается, что язык, конечно, признак нации, но как минимум не доминирующий признак.

Также нации могут изменять свой язык, но остаются той же нацией. Древнерусского языка не понимает никто, но русские остались. Латинский сменился итальянским. Древнегреческий сменился на новогреческий. Два разных языка. Евреи заговорили все повально в свое время на арамейском, но остались евреями. Санскрит умер, а индийцы остались. Язык Древнего Египта пришлось расшифровывать, а потомки древних египтян современные копты с другим языком живут и по сей день. Язык болгар, когда они жили на Волге, был тюркской группы, а когда они перебрались к Черному Морю, стал славянским. А болгары те же самые. Если покопаться, то таких чудес можно много отыскать. Следовательно, язык, не только не доминирующий, но и как минимум не обязательный признак наций.

А как быть с тем фактом, что некоторые совершенно разные нации говорят на одном и том же языке? Это испанцы и мексиканцы, англичане и американцы, американцы и австралийцы, чеченцы и ингуши, сербы и боснийцы, португальцы и бразильцы, исландцы и норвежцы, и т.д. Получается, - что язык вообще не признак нации! Но даже если бы это было и не так, то нам не следует все равно лезть снова в язык, поскольку вновь себе напомним - мы там уже были и все для себя выяснили.

Что еще объединяет нацию? По большому счету - ничего существенного для истории. Нацию объединяет *только самоосознание своей национальности каждым отдельным членом нации*. Вот мы опять закономерно и врываемся в пределы сознания, которые подвластны только Ему! Следовательно, ход наших мыслей был правилен, и мы дошли до наций не случайно, поскольку теперь мы можем говорить о них как о явлениях, которые инспирированы зачем-то Им через наше сознание в нашу жизнь.

Есть, правда, версия, что нация объединяется территорией. Однако две, а то и три нации могут тесниться на одной территории, и эта общая территория никогда не создает общей нации. Опять все дело в самоосознании людей причастными себя к конкретной нации. Нации могут жить и на разных территориях. Даже разделенных океанами. Но на обоих концах этих океанов каждый член нации считает себя таковым в равно одинаковой степени. Евреи Аргентины и евреи Израиля считают себя евреями. Англичане Фолклендов и англичане Лондона - то же самое. Духоборы Южной Америки считают себя даже более русскими, чем москвичи. Американцы Аляски и

американцы Техаса. Таких примеров - сплошь полно. Даже одинокий армянин, торгующий в порту Колумбии, осознает себя армянином на территории, где нет больше ни одного армянина. Хотя нет территории, где не было бы хоть одного армянина. Так что территория тут совершенно ни при чем. Все дело только в самоосознании.

А что касается самоосознания человека себя шведом, казахом или уйгуром, то это самоосознание не может быть субъектом истории даже в качестве объединенного самоосознания миллиарда китайцев сразу, поскольку, несмотря на непрерывность в истории, оно также не изменяется. Если бы оно менялось, то нации могли бы поквартально через самоосознание каждого своего члена меняться на другие, и это было бы вполне реальным, ибо самоосознание первично, а биология и территория вторичны. Биология и территория не могут заставить человека, выкраденного в детстве цыганами и выросшего с ними, почувствовать себя немцем. А самоосознание может, если найдутся его родственники и расскажут ему тайну его рождения. Если бы самоосознание могло бы меняться, то волны престижных самоосознаний постоянно прокатывались бы по планете, в зависимости от того, какая нация ныне в фаворе у общественного мнения. Но этого не происходит. Самоосознание не изменяется в поколениях. Даже если меняется место обитания нации и полностью изменяется состав ее крови или язык. Народы переселяются с Урала в центр Европы, или еще куда-нибудь на тысячу километров в пределах материка, меняют один язык на другой, полностью изменяют свой биологический вид - а самоосознание остается. Именно благодаря тому, что оно остается неизменным и стабильным - существует понятие нации. А что неизменно и стабильно - не является целью нашего поиска. Это - тоже не история, раз не изменяется. А мы ищем смысла в *истории*. В процессе изменений.

Итак, нации также являются вспомогательным субъектом истории, лежащим в слоях духа и мысли. Очевидная идея внедрения такого самоосознания в головы одинаковых людей состоит в том, чтобы людей разделить. Нации - это то, что нас разъединяет. Большого пока об их смысле сказать нельзя. Нация - это способ разделения совершенно одинаковых людей на определенные группы, основным признаком которых являются неизменяемые в истории комплексы единообразных самоосознаний.

Однако нация тоже может иметь свой интерес, непрерывно осуществляемый в истории. В этом случае такой субъект истории может раскрывать непрерывное поле деятельности для нашей основной цели, несмотря на свою вспомогательность. Нации могли бы быть и катализаторами (ускорителями) исторических процессов через реальное проявление своих интересов, и определителями направления этих процессов через способы достижения этих интересов. С этим нельзя не согласиться. Это так. Но сразу же возникает мысль - а что, если интересы нескольких наций одни и те же? Почему эти интересы должны обязательно выступать в форме взаимных претензий? Как в таком случае разграничить сферы пользования результатами этих интересов? Как разделить, если нации созданы именно для этого? По мирному. Через договоренность. Вот здесь (территориально) вы имеет свой интерес так, как вы это понимаете, а вот здесь - мы имеем тот же интерес, но так, как мы это понимаем. Вы не учите нас, мы не учим вас. Вы не лезете в наш огород за нашим общим интересом, а мы не лезем за тем же интересом в ваш огород. То есть при равных интересах для того, чтобы был мир и возможность проявлять себя в интересе в



соответствии со своими национальными понятиями, необходимо обособиться от другой нации и спать спокойно не только на уровне самоосознания. Надо иметь свою территорию, на которую никто не зайдет, свои органы защиты этой территории и свою верхушку, которая обо всем этом договорится с верхушкой соседей. *Нужно государство!* Следовательно, в этом случае нация может преследовать свой непрерывный исторический интерес только через государство.

А в другом случае, когда интересы одной нации ущемляют интересы другой нации? Можно и здесь договориться. Но опять же - как обозначить свой интерес? Через что материализовать идею этого интереса? Через суверенную территорию и через свои порядки на ней. А чем подкрепить свое право на этот интерес, который не совсем нравится другому? Через силу. Другого пути нет. И здесь вновь обязательно нужно государство, чтобы через него заявить о своем интересе.

А если только через демонстрацию силы отстоять свой интерес не удастся? Тогда силу надо применять. А как объяснить тому, к кому применяется эта сила, чего ты хочешь? Через территориальные претензии и право на жизнь в пределах данных территории по своему уставу. Через объяснение противнику устремлений *своего государства*, а не коллективного самоосознания, которого нельзя пощупать, и границы которого реально нельзя переступить. Опять необходимо государство.

А если противник слишком силен, а соседние народы имеют совпадающие с тобой интересы, но всем понятно, что каждому из вас по отдельности сильный враг легко оторвет голову? Тогда вы объединяете несколько наций в одно государство, и здесь еще более наглядным видится факт, что нация может реализовать свой интерес только через государство, даже если оно многонациональное.

Следовательно, мы можем сказать, что роль наций - через свой интерес создавать государства. Другой роли за нациями не видно в историческом смысле. Причем нации, создавая государства, могут создаваться заново именно этими новыми государствами! Несколько наций в пределах одного государства легко становятся одной нацией по государственному признаку! Все государства Южной Америки создали свои нации именно по этому принципу! Это сразу же охлаждает наш пыл, с которым нам хочется кинуться в историческую зону государств, потому что возникает ощущение, что мы просто захлебываемся в наплыве равной первозначимости этих явлений для истории. Если нации создают государства, а государства создают нации, - то это неразрывные и равнозначные между собой субъекты истории. Одно не может быть без другого. Оба своим присутствием обязательно порождают друг друга. Так что же главнее в плане исторических изменений? Какие у нас основания от наций последовательно переходить к государствам, если сами государства последовательно переходят от себя к новым нациям?

Сами нации погибают, если оказываются вне интересов какого-либо государства. Это неоспоримо. В этом случае им достается и слева и справа, и они обречены. Но и государства, если не выражают собой общей воли заключенных в них наций, распадаются на отдельные княжества и погибают. Это также неоспоримо. При этом разбежавшиеся нации вновь обязательно создают своими союзами государства, а те являются выразителями их интересов. Так что же выбрать - государство является самостоятельным историческим субъектом, который объединяет в

себе нации, или нации являются самостоятельным историческим субъектом, которые создают государства только в качестве инструмента? Иными словами - человек с топором в руке. Что для чего? Человек для топора, или топор для человека? Для такого варианта у нас не будет сомнений. А как в случае с нациями и государствами?

Всегда можно определить кто сильнее в историческом смысле только в прямом столкновении. Что происходит при столкновении этих двух явлений? Кто кого пересиливает своей исторической сутью? Разберемся.

Во имя чего сталкиваются нации и государства? Во имя наций или государств? Вроде бы вопрос неуместный - во имя того и другого в силу их неразрывности. Тогда - что является конечным итогом этого столкновения? Чей интерес побеждает? Если мы внедряемся в сферу интересов этим образом, то следует, прежде всего, признать саму возможность победы за одним из этих интересов, что в свою очередь полагает признание коренной разницы этих интересов. То есть интересы наций могут быть надгосударственными, а интересы государства - наднациональными. Понятно сразу же, что интересы нации не могут быть надгосударственными *в принципе*, поскольку любой интерес нации может обозначаться только через создание государства. Не через это, в составе которого она находится, так через другое. Это обязательно.

А могут ли быть интересы государства наднациональными, если государство выражает собой интересы нации? Могут. Ибо зачастую интерес государства создает новую нацию. То есть, государство сначала создает свой собственный государственный интерес, к которому затем приклеивает нацию, самоосознающую себя именно как общность народов *данного государства*. Сначала был интерес государства, и не было нации, а потом появилась нация, которая стала этот интерес считать своим. Национальным. Нация отказывается от своего интереса в пользу государственного интереса и вместе с другими нациями образует новую нацию на базе государственного интереса. Следовательно, государственный интерес значимее для истории.

Если нация создает новое государство, то она самоосознается как нация, выражающая свои интересы через определенный государственный инструмент. Нации никуда не деться от государства. Не будет государства, в состав которого она войдет с другими нациями, - не станет и нации, потому что никто ее не защитит.

А если государство заявляет о своих интересах, то оно обходится без старых наций, которые не вписываются в этот интерес, и создает новую нацию. Государство может обойтись без нации на начальном этапе своей жизни, а своими дальнейшими интересами породить новую нацию. Но толчком к образованию этого государства в свое время послужил интерес какой-то нации, который не совпал с неведомым откуда взявшимся интересом государства, которое она же и создала, и *в прямом столкновении интересов* побеждает интерес государства через создание новой нации, приемлемой для данного государственного интереса. Следовательно, государственный интерес пересиливает интерес даже создавшей данное государство нации, и имеет самостоятельное, наднациональное значение, не ограниченное узко эгоистичными интересами имеющейся нации. Например, нации создают колониальное государство для выражения своих интересов в какой-то точке земного шара, а затем население этого колониального государства, то же самое по национальности, что и нация метрополии, добивается

независимости, и решает интересы нового государства уже в новом национальном составе, хотя вся новая нация за тридцать лет до этого осознала себя прежней нацией.

Давайте посмотрим, сколько новых наций для выражения своих интересов создали новые государства. Таких наций множество. И они образовались именно под давлением государственных интересов новых территорий, и стали самоосознаваться нациями именно под действием задач новых государств. Вот эти новые нации, где, например, испанцы, португальцы, англичане, индейцы и негры стали американцами (США), австралийцами, аргентинцами, бразильцами, мексиканцами, перуанцами, чилийцами, кубинцами, эквадорцами, гаитянами, бельгийцами, пуэрториканцами, сальвадорцами, гондурасцами, андоррцами, китайцами, уругвайцами, лаосцами, никарагуанцами, индийцами, исландцами, гватемальцами, швейцарцами, костариканцами, панамцами, пакистанцами, фаррерцами и т.д. Смешение наций в этих странах такое, что вообще нельзя говорить о какой-то биологической основе. Например, суринамцы - это индийцы, голландцы и креолы. А сами креолы - это смесь испанцев, португальцев, русских, негров, индейцев, эскимосов и алеутов. Но креолы так же могут быть суринамцами только в Суринаме. Первая жена Наполеона была креолкой, но она была француженкой, потому что жила во Франции. Государство определило ее нацию.

Все русские цари после Елизаветы Второй были по происхождению немцами. Николай Второй воевал в I-ю мировую войну со своим дядюшкой немецким кайзером Вильгельмом. Но все русские цари были русскими, потому что жили в России и выражали ее интересы. Интересы государства, а не своей нации. Династические фамилии в Европе вообще в большинстве своем были по происхождению далеки от тех народов, отцами и матерями которых себя считали.

Такая нация, как гибралтарцы - это испанцы, геноуэзцы, португальцы и марокканцы. Задерганный перетягиванием своей территории из Испании в Англию и обратно, Гибралтар создал вот такую мозаичную нацию.

Нацию жителей Берега Слоновой Кости даже невозможно выговорить. Но она есть, ибо именно принадлежность к ней осознается народами анья, бауле, кру, сенуфе, французами, лоби и аркан.

Если государственный интерес подчиняет себе интересы нации или вытесняет со своей территории интересы нации, создавшей государство, то государство является самостоятельным историческим субъектом, более значимым для нас, чем нации. К тому же у этого состязания интересов есть и обратная сторона. Зачастую две группы одной и той же нации выражают совершенно противоположные интересы различных государств, находясь в их составе. Это окончательно говорит нам о том, что государства имеют ведущую роль в определении интересов наций, а не наоборот. Вот примеры:

80% кхмеров кампучийцы, 11% вьетнамцы и 9% тайландцы.

71% фламандцев бельгийцы, а 24% голландцы.

49% таджиков таджикистанцы, а 51% афганцы. Таджики-афганцы в настоящее время готовятся к вторжению в Таджикистан, который готовы до последней капли крови защищать местные таджики.

Народ Конго на 71% заирцы, на 15% ангольцы и на 13% конголезцы. Заир и Ангола забавляются перестрелками по всей границе.

Армяне могут быть россиянами, американцами, французами, ливанцами и т.д., а также гражданами Армении. Причем заседают они в парламентах практически всех этих стран, соперничающих на мировых рынках и сферах политического влияния.

Из малавийцев 58% малавийцы, 25% мозамбикцы, 13% замбийцы.

Моси - 65% верхневольтианцы, 34% ганцы.

Тсонга - 68% мозамбикцы, 25% южноафриканцы. В футбол между собой играют до драк.

Палестинцы - 45% иорданцы, 15% палестинцы Палестинской Автономии, 7% кувейтцы и сирийцы, 6% ливанцы.

Малинке - гвинейцы на 37%, малийцы на 19%, "берегослоновокосяне" на 15%, сенегальцы на 14%.

Туркмены - туркестанцы 60%, иранцы 18% и афганцы 9%.

Суто - южноафриканцы 64%, лесотцы 36%.

Белуджи - пакистанцы 65%, иранцы 29%.

Ямайцы - ямайцы 72%, англичане (великобританцы) 13%.

Эве - ганцы 53%, граждане Того - 46%.

Яо - малавийцы 47%, танзанийцы 27%, мозамбикцы 27%.

Мори-Мади - заирцы 50%, угандийцы 43%.

Немцы - австрийцы, швейцарцы, германцы. Германцы оккупировали недавно австрийцев (аншлюс), но швейцарцы сохраняли при этом хитрый нейтралитет. Но все это были одни и те же немцы. Каждый со своим государственным интересом.

Англичане - американцы, австралийцы, великобританцы, канадцы, южноафриканцы, новозеландцы. Все мы знаем, что в результате непримиримой войны одних англичан с другими англичанами Соединенные Штаты получили независимость.

Панджабцы - пакистанцы 70% и индийцы 30%. Пакистан и Индия два ненавидящих друг друга государства на грани войны.

Украинцы - украинцы, россияне и канадцы. Украинцы не любят Россию и украинцев-россиян в ее составе. Канадцам-украинцам наплевать и на тех и на других. С высокой колокольни.

Пуштуны - пакистанцы 60% и афганцы 40%.

Лао - таиландцы на 80% и лаосцы на 16%. Что-то тут перемешалось в названиях государств.

Фульбе - нигерийцы 58%, гвинейцы 13%, сенегальцы 7%, малийцы 6%, камерунцы 5%.

Синдхи - пакистанцы 80%, индийцы 20%. О трогательной любви Пакистана и Индии с букетами ядерных зарядов смотри выше.

Азербайджанцы - иранцы 53%, азербайджанцы 47%. Иран до сих пор считает существование независимого от него Азербайджана историческим недоразумением.

Португальцы - португальцы и бразильцы.

Кечуа - перуанцы 50%, эквадорцы 26%, боливийцы 20%. Эти страны из-за футбола могут не то, что подраться, а начать боевые действия. Такое уже было.

Французы - канадцы, французы, швейцарцы.

Каталонцы - испанцы и французы. Чокве - ангольцы 40%, заирцы 40%, замбийцы 20%.

Испанцы - испанцы и народы всех стран Латинской Америки.

Арабы - это египтяне, алжирцы, французы, американцы, марокканцы, суданцы, чадцы, иракцы, сирийцы, тунисцы, иорданцы, кувейтцы, ливанцы, ливийцы, йеменцы, мавританцы, малийцы, нигерийцы, американцы и т.д.

Сербы - сербы и боснийцы.

Вайнахи - чеченцы и ингуши.

Как видно из этого *сильно сокращенного* списка, нации остаются нациями, но выражают при этом совершенно разные интересы, которые являются государственными. Это с одной стороны. А с другой стороны ни одна нация не может создать неведомого до сих пор по своим формам и порядкам государства, а государство может создать совершенно невообразимую нацию. Итак, еще раз - государство более самостоятельный исторический субъект, чем нация, и надо посмотреть - какие изменения происходят в этом непрерывно присутствующем в истории явлении?

Здесь, казалось бы, - чего проще? Такая классификация изменяющихся государств у нас есть, и все о ней знают. Монархия - республика - тирания. Вот три вида государств, которые были и есть в истории народов. Других нет. Здесь появляется большой соблазн расставить их по времени возникновения, и вопрос будет решен. То, что возникло позже и есть исторический ориентир поиска. В таком государстве и надо искать. Вперед, за дело! Однако - все не так просто. Во-первых - расставить по времени возникновения формы государства не так просто, а просто невозможно. Например, понятие о том, что социалистическое государство возникло в 20 веке настолько прочно закрепилось в общественном сознании, что можно было бы сразу кинуться к нему, но... история опровергает этот штамп. В который уже раз факты никого не интересуют, а мнение, противоречащее фактам, бытует незыблемо. А мы поинтересуемся фактами. Для этого мы приведем краткие характеристики нескольких социалистических государств, существовавших в истории. Хронологию их появления мы соблюдать не будем. Возьмем вразброс во времени. Напомним только одно - основные признаки социалистического государства это: отмена частной собственности, отмена религии, господство единой официальной идеологии, всеобщий обязательный труд, регламентация общественной и личной жизни, полный учет и государственное распределение полученного продукта.

Итак, краткое описание 1-го (не по хронологии) социалистического государства. Христианство в нем отменялось и всем жителям вменялось бороться с идеологическими врагами государства жестоко и ревностно, не задумываясь о средствах борьбы. Каждый житель должен был быть преданным бойцом за идеалы государства, выраженные в обязательной государственной идеологии. Кто практически не борется с врагами идеи или не доносит на таких врагов - сам враг, и с ним поступали как с врагом. Основными целями борьбы на начальном этапе были - разрушение церквей и монастырей, отмена всех старых законов, и установлений

совершенно новых законов, невиданных доселе. Колокола церквей снимались и продавались на чужбину, церковное имущество разграблялось, храмы осквернялись, передавались под конюшни и склады. Над символами христианской веры проводились публичные надругательства, а священников убивали. Частная собственность отменялась. Все имущество обобществлялось и сдавалось в общее пользование. Все доходы от любого труда собирались государством и затем перераспределялись по усмотрению избранных чиновников. Государство вело войны и одерживало победы. Продержалось оно 20 лет. Это было в 1415 году в городе Табор близ Праги. Основали государство гуситы.

Следующее социалистическое государство. В нем также отменена частная собственность, а все личное имущество обобществлено. Все жители государства одевались в одинаковую одежду-униформу. Развлечения всех видов, демонстрации, массовые шествия, политические партии и движения, любая общественная деятельность были запрещены. Библия публично сжигалась. Все заработанное собиралось государством в общий продукт, а затем распределялось по усмотрению руководителей. Строго регламентирована была не только одежда, но и воспитание детей, режим работы, брак, время отдыха. Дети воспитывались в детских домах. Государство обязывало каждого жителя иметь профессию и работать. Это случилось в 1525 году в Швейцарии (Сен-Галлен) и Германии (Цвикау). Сразу в двух городах.

А вот еще одно государство, где священников убивали, храмы и монастыри разрушались, а церковное имущество разграблялось. В этом государстве была отменена частная собственность, и провозглашена задача бороться с богатыми до их физического уничтожения. Любое инакомыслие подавлялось с помощью репрессий. Вся личная собственность также обобществлялась, и устанавливался порядок, при котором никто не должен был быть богаче другого. Служило этим целям все то же центральное распределение собранного государством продукта. Все население должно было проходить военную подготовку, имущество, захваченное у богатых, делилось общественным порядком. Государство проиграло войну с соседями и исчезло. Руководил им некто Мюнцер. Дело было в 1524-1527 годах в городе Мюльхаузене. Германия.

В другом государстве идейные враги лишались имущества и изгонялись за пределы территории. Частная собственность отменялась. Все имущество обобществлялось. Все заработанное собиралось государством, а затем централизованно распределялось. Были разбиты все предметы старой культуры и статуи. Рукописи и картины сожжены вместе с музыкальными инструментами. Критики режима убивались. Власть принадлежала одной партии. Все женщины обязаны были иметь мужа. Партийный вождь получал самые высокие почести, и его слово было непререкаемым. Переименовывались все улицы, новорожденным давались новые изобретенные имена. Казни происходили массово и почти каждый день. Цель внешней политики - всемирное восстание и всемирная власть. Выборы проводились с одним кандидатом на одно выборное место. Руководил государством Иоганн Лейденский. Город Мюнстер, Германия. 16 век.

А вот еще одно социалистическое государство. У власти в нем стояла одна партия, из членов которой назначаются военные и гражданские чиновники. Глава государства - глава этой партии. Крестьяне получали землю во временное пользование от государства по количеству членов семьи. Если глава семьи умер, то земля переходит в собственность государства.

Остальная земля также принадлежит государству и обрабатывается крестьянами коллективным трудом. Всеобщая воинская и трудовая повинность на сельскохозяйственных работах. Проживание во время трудовой повинности за счет государства. Сырье принадлежит государству и все произведенное из сырья - ему же. Работа обязательна, неработающий - нарушитель закона. Работа предоставляется всем, даже если она бессмысленна. Лишь бы была всеобщая занятость. Нетрудоспособные старики находятся на содержании государства. Из государственных складов выдается минимум одежды для всех. Вся личная жизнь (досуг, развлечения) регламентированы. Вся одежда одного фасона и покроя. Размер домов определяется разрешительными нормами государства. Все дома - одного обязательного размера. Крестьяне не могут покинуть деревню без разрешения государства. Государство производит принудительное переселение рабочей силы в нужные районы. Брак регистрируется государством. Основная функция государства - учет и контроль (!). Создана рабочая армия в 2000 человек. Вся история писалась в двух вариантах - объективном, доступном только высшим чиновником, и в парадном, в виде гимнов для народа. Если какое-то лицо в истории признавалось недостойным, то оно устранялось из истории для народа. Любое нарушение закона - государственное преступление. Аборт карался смертью. За особо опасные преступления - смерть всех родственников. Часть наказаний - работы на копях в концлагерях. Полная стандартизация жизни: одинаковые дома, одежда, дороги. Отсутствие частной собственности и свободной торговли. Государство просуществовало 200 лет. Европейцы наткнулись на него в 1531 году. Население было 12 миллионов. Называлось "Империя инков".

А вот еще один образец подлинного социализма, где иностранцам не разрешалось пересекать территорию государства, а жителям - покидать ее. Все население приписывалось к своим населенным пунктам и не могло их покидать без разрешения властей. Частная собственность отменена. Земля обрабатывается общественным трудом. Каждой семье разрешается иметь небольшой огород. Что и сколько можно на нем выращивать устанавливает государство. Работа обязательна для всех. Тунеядцы (сознательно не работающие граждане) наказываются. Мясо и чай выдаются в равных количествах на каждого человека. Все произведенное населением сдается на государственные склады и учитывается. Ткань раздается всем одинаково на год (мужчинам 5,5 метра, женщинам 4,5 метра). Свободной торговли нет. Все населенные пункты строятся по единому общегосударственному плану. Жилище не принадлежит человеку, а принадлежит государству. Все жилища по типу коммуналок, бараков или однокомнатных квартир. Официальные здания напротив строятся помпезно, величественно и богато. Режим работы установлен единый для всей страны. Все средства передвижения государственные. Одежда - одинаковая. Браки заключаются по разрешению государства. Весь скот государственный. Парагвай. 1645-1768 годы. Государство иезуитов. Столица Асунсьон.

Пойдем дальше. В этом государстве все обязательно работают по своим специальностям и получают пайки по близким нормам. Частной собственности нет. Ведется совместное хозяйство, где все имущество принадлежит государству. Некоторым выделяются государственные земли в пользование и орудия труда, которые также принадлежат государству. Семенной фонд - также только государственный. Весь произведенный продукт принадлежит государству. Как и

инструмент с рабочим скотом. Все это выдается утром для работы, а вечером сдается на государственный склад. Строжайший учет и отчетность всех хозяйственных подразделений перед государством. Работа ведется по нормам выработки. Выдается спецодежда для работы, одинаковая для всего населения. Месопотамия. Древний Шумер. Конец 4 и начало 3 тысячелетия до нашей эры.

Еще один социализм в действии - хозяйство полностью общественное, руководство страной централизовано. Партии рабочих перебрасываются из района в район. Рабочим выдается довольствие, но имущества у них нет. Строгий учет всех работ. Армии ревизоров и полная отчетность снизу вверх. Такая же полная опись всего имеющегося хозяйства. Ежедневный отчет о выходе работников на работы с указанием отсутствующих и причин прогулов. Вся земля государственная и обрабатывается партиями рабочих. Нормы выработки, "человекодни" как результат деления работы на норму. Весь инструмент и инвентарь принадлежит государству. Скот также. Все выдается рабочим на время работ, а после окончания работ возвращается на государственные склады. Свободной торговли земли нет. Благополучие каждого зависит от нормы довольствия (от положения в чиновничьей иерархии). Население не имеет свободы передвижения и обязано выполнять трудовую повинность на государственных работах. Месопотамия. 22-21 века до нашей эры. Двуречье, Элам и Ассирия - объединенное государство с единым общегосударственным хозяйством.

Примеры можно продолжать, они взяты у последнего русского словесника, видного ученого-математика Игоря Ростиславовича Шафаревича, но это будет повторение повторения. Ясно одно - социалистическое государство не изобретение 20 века, а забытое достижение древних и средневековых государств. Но и социализм не одинок в таких исторических повторах во времени. Точно также из древности появляются и живут рядом с нами республики и монархии. Первые родоплеменные союзы были несомненными республиками, а государства первых цивилизаций - полный образец монархии. Тирания присутствовала всегда во все времена. Так что метод хронологического критерия по времени возникновения государств - неприменим.

Но, все-таки, раз уж мы уперлись по пути рассуждений в государства, то, если не в хронологии их изменений, так в историческом изменении их отличительных признаков все же следует что-нибудь поискать. Кто знает - может быть, там что-то есть? Может быть, какие-то отличия их друг от друга натолкнут нас на некоторые полезные мысли? В таком случае мы смогли бы из всех форм государства выбрать какую-то одну не по хронологическому признаку, а по какой-нибудь другой возможности. Или искать что-то нужное во всех государствах сразу, что помогло бы нам понять - что изменяется в истории государств?

Для этого мы должны помнить, во-первых, что ничто не является самоцелью истории и государство в том числе, поскольку история для нас не имеет цели вне человека в ней. Мы должны рассматривать историю государства относительно человека в этом процессе, а не относительно голых форм этих государств. Во-вторых, мы должны сравнить все эти государства между собой, поскольку если они настолько разные, то и роль человека в них - настолько же разная по нашим предположениям. А многоцелевое распыление задач человека нас не устраивает, нам нужна одна конкретная цель и одна конкретная задача в процессе истории.



Следовательно, из всех государств с разным характером деятельности человека в их пределах мы должны будем или выбрать оптимальное для нас государство, или найти ту человеческую деятельность, которая исторически присуща абсолютно всем видам государств, или некоторым из них, при том условии, что мы убедимся, что это именно та деятельность, за которой мы охотимся.

Понятно, что для этого самое малое, что нужно сделать, - это разделить государства между собой по видам. Как это сделать? Монархия может быть тиранией, а тирания может быть республикой. Конституционная монархия может быть одновременно парламентской республикой. Такой подход, как деление все на три вида данных государств, грешит слишком расплывчатым обобщением. Надо разделить как-то по-другому. Как?

Платон, например, делил просто - тимократия, охлократия, демократия и тирания. Тимократия - это сообщество людей, которые средствами государства пытаются нажиться и создать себе положение в обществе, сделав состояние. Век тимократии недолог, поскольку эта форма государства очень быстро превращается в охлократию. Охлократия - это государство олигархов (самых богатых собственников), которые сделали деньги и положение, а теперь стоят у власти. Платон считал такое государство плохим государством. Обреченным. Потому что - это два государства в одном государстве. Одно государство - государство богатых, а другое государство - государство бедных. А самое страшное для тела государства, говорил Платон, - разделение этого тела. Рано или поздно между богатым государством и бедным государством в одном государстве произойдет столкновение и государство погибнет. Умен был. Далеко видел.

Второй вид государства, демократию (выборную власть народа), Платон считал еще более худшим государством, чем охлократия. В этом случае, считал Платон, тело государства осаждают паразиты в виде льстецов и чиновников, которые угодничеством и подкупом втираются в доверие властей, вступают с ними в союз, наживаются за счет государства, ослабляют его беспринципностью и воровством, делают выборных людей игрушкой в своих руках. Государство чахнет в путях личного интереса каждого чиновника, не имеет сильной центральной власти, законы, проходя через бюрократическую вертикаль чиновников, не работают, государство не имеет объединяющей силы и гибнет под ударами все тех же бедных слоев населения, поскольку сам демократический принцип организации общества предполагает, что бедные и богатые будут встречаться друг с другом даже чаще, чем при охлократии, что ускорит неминуемый социальный взрыв.

Третий вид государства по Платону - тирания (неограниченная власть небольшой группы людей или одного диктатора). Это совсем плохо. Несмотря на то, что такое государство обладает сильной центральной властью и может проводить в жизнь свои законы, оно не может обойтись без единой официальной идеологии, оправдывающей неограниченную узурпаторскую власть. В этом случае государство вынуждено подавлять любое инакомыслие самым жестоким образом. При этом если врач, удаляет из тела все плохое, говорит Платон, то такое государство вынуждено удалять из тела государства все самое хорошее: философов, поэтов, ученых и просто талантливых и самостоятельно мыслящих людей, создающих угрозу своим примером свободомыслия. В результате государство постепенно превращается в общество тупых, послушных и безынициативных потребителей, образуется застой в развитии и государство

падает под ударами более активных и предприимчивых соседей. Не выдерживает соперничества. Причем само нарывается на военное противостояние, поскольку тиранические государства не могут быть не агрессивными во внешней политике, ибо только внешняя угроза может объединять народ внутри опостылевшего государственного каземата в единое целое.

Платон был мудр, и все описал удивительно точно. Но нам его градация подходит лишь отчасти, поскольку она также слишком общая. Охлократия может быть и монархией и республикой, а может совмещаться и с тиранией. Тирания может принять вид и социалистического, и фашистского государства, и монархии. А демократия может быть и республикой и социалистическим государством по внешним признакам выборности, то есть тиранией с демократической конституцией. И куда девать при этом такой вид государства, как религиозное государство? Его в схему Платона вообще никак не втиснешь. Поэтому мы предлагаем найти такой общий признак всех государств, который наличествовал бы у них у всех, но при этом отличался бы от всех остальных коренным образом. Может быть, таких признаков удалось бы найти несколько. Но нам больше всего нравится, в качестве классификационного признака государств, принять принцип передачи власти. Каким путем власть в государстве передается, туда мы его и отнесем. Ведь государство - это власть. А поскольку все интересует нас в историческом развитии, то единственное, что делает государство *непрерывным* участником истории - это непрерывность принципа передачи власти. Как только непрерывность формы передачи власти нарушается - появляется новый вид государства с новым принципом получения власти. Следовательно, мы будем разделять государства на виды именно по этому признаку. Он и присутствует обязательно в каждом государстве, но он же и отделяет своими отличиями одно государство классификационно от другого.

Первый вид государств, естественно, самый явный - монархия. Принцип передачи власти - наследственный. Даже если одна семья оттеснит от трона другую семью, то принцип передачи власти сохранится и монархия останется монархией. Сюда же можно отнести и конституционную монархию. Здесь мы проспекулируем на формуле названия этого государства. Если бы оно называлось монархической республикой, то мы прокатили бы его мимо монархии. А раз это все-таки "монархия" с каким-то существенным прилагательным перед собой, то пусть и остается монархией.

Второй вид государств также лежит на поверхности. Это республики. Здесь принцип передачи власти - выборный. Власть выбирается на время. Прошло время - власть меняется. Но опять через выборы. Через тот же принцип передачи власти. Если принцип выборности сохраняется, то государство остается республикой, даже если в нем к власти на основе выборов придет партия представителей контингента обезьяньего питомника. Раз есть выбор - значит республика.

Третий вид государств по нашей классификации - это тирания. Это когда власть приобретает незаконным путем - переворотом или революцией. Но это только первый признак, или косвенный. Даже если после этого состоятся выборы, то мы будем считать эту власть тиранией в том случае, когда выборы проводятся ею без альтернативы. То есть выборы без выбора. Когда в выборах участвует только одна партия, а на одно выборное место предлагается

только один кандидат из этой же партии, то это тирания. Нет свободы выбора власти - тирания, даже если тупое большинство (по Платону) довольны своей относительной сытостью и дисциплинированно голосует за безвыборно избираемых кандидатов. Военные режимы мы будем считать тираниями по той же причине - нет выбора в выборе власти.

Четвертый вид государств - религиозное государство. Принцип передачи власти в них - от единомышленников к единомышленникам. Выбор только один - или веришь со всеми заодно и добровольно вступаешь в государство, или веришь в другое и тебя никто не держит и не принуждает. Иди в другое государство. Выбор власти есть - или выбор данной власти, или выбор власти другого государства. Принцип передачи власти - от единове́рца к единове́рцу.

Всё. Других принципов передачи власти мы не знаем. А теперь сравним между собой эти четыре (по нашей классификации) вида государств, для чего нам придется прочесть таблицу №1.

Монархия	Республика	Тирания	Религиозное государство
1.Основной внешний признак государства - границы и законы, действующие в пределах данных границ.	1.То же, что и при монархии	1.То же, что и у двух предыдущих видов государств	1.Все то же самое
2.Основной демонстрационный принцип государства - суверенность его границ.	2.То же самое	2.То же самое	2.То же самое
3.Управляет государством Правитель (царь, кайзер, халиф, султан, фараон, император, шейх, микадо, эмир, князь (Лихтенштейн, Монако), Великий Герцог (Люксембург) и т.д.)	3.Управляет государством Правитель (президент, премьер-министр, губернатор (Аомынь) и т.д.)	3.Управляет государством Правитель (царь, Генеральный Секретарь, Диктатор, император, Председатель Партии, фюрер, дуче, Председатель Временного Комитета (Буркина-Фасо, Бурунди, Мавритания), вождь, Председатель Президиума ЦК Партии и т.д.)	3.Управляет государством Правитель (Папа, аятолла, епископ (Андорра), султан (Бруней) и т.д.)
4.Власть передается Правителю по наследству, через выборы (Реча Посполита), через дворцовые перевороты, по решению Высшего Органа Власти (Боярская Дума, Парламент) как высшему чиновнику	4.Власть передается Правителю через дворцовые перевороты, через выборы, через Решения Высшего Органа Власти как высшему чиновнику	4.Власть передается Правителю по наследству (Южная Корея), через дворцовые перевороты, по решению Высшего Органа Власти (Хунта, Политбюро, Секретариат Партии, Президиум Партии и т.д.) как высшему чиновнику	4.Власть передается Правителю решением Высшего Органа Власти как высшему чиновнику, а возможно и дворцовыми переворотами
5.Правитель правит государством с помощью чиновников (свита, военачальники, сенат,	5.То же самое	5.То же самое	5.То же самое

советники. Министры, управители областей)			
6.Чиновники осуществляют управление государством с помощью армий, тайной полиции, налогов, военизированных отрядов общественного порядка и органов государственного принуждения	6.То же самое	6.То же самое	6.То же самое
7.Законы государства разрабатываются специальными законниками и скрепляются согласием правителя	7.То же самое	7.То же самое	7.То же самое
8.Нарушение законов карается судом или законодательной волей Правителя	8.То же самое	8.То же самое	8.То же самое
9.Все граждане государства являются его подданными	9.То же самое	9.То же самое	9.То же самое
10.и т.д. ...			

Для тех, кто не поленился прочитать таблицу №1, мы даем специальное задание - найдите десять существенных отличий между государствами, и вы получите призовую игру. Впрочем, даже тому, кто найдет хотя бы два кардинальных отличия между государствами, мы готовы оказать всяческие почести по мере всех своих сил. Не потому, что мы такие обреченные филантропы. А потому что мы ничем не рискуем, давая такие благозвучные обещания - нет этих различий, если смотреть на то, что происходит в любом государстве *по существу*, а не по внешней форме.

Государства вроде бы и разные, а по своей сути ничем не отличаются друг от друга. Любому должно быть понятно, что в любом государстве правит всегда некоторая группа дружески настроенных друг к другу людей, осуществляя это правление с помощью тех инструментов, которые им предлагает конституция или узаконенная традиция. Да и отношения с ними у человека остаются теми же на протяжении тысячелетий. Крестьянин Вавилона вступал с государством в те же взаимоотношения, что и крестьянин современного Китая со своей "поднебесной империей". Военнослужащий Египта времен фараонов или римский служака периода Марка Аврелия наполняли свою жизнь совершенно тем же содержанием, что и нынешние вояки НАТО или исландский пограничник. То же самое следует отнести и к рабочим, чиновничеству, ремесленникам, ростовщикам, врачам, проституткам, политикам, служителям культа и т.д. Следовательно, по сути никаких изменений в разрезе государств мы найти не можем. Меняется только бытовая обстановка да усложняются условия, а сердцевина взаимоотношений власти и человека остается неизменной. Условия существенно меняются с течением истории, это так. Но ведь и сам человек, рождаясь при этих условиях, и входя в них

всей своей жизнью органично и целостно, является для них вполне подготовленным, не ощущает их сложности и воспринимает органично тому, что есть на данный момент. Они для него - естественная среда. И условия Спарты и условия нынешней Австралии абсолютно не нагружают членов этих государств своей исторической обусловленностью. Они - часть его жизни. А в таком случае - выбирать нам не из чего. Все государства одного стоят. Причем недорогого в смысле наших поисков исторических перспектив человеческой деятельности. Поэтому в рамках государства нам ничего не найти для своей цели. Она всегда одна и та же, эта цель.

Ну и что же дальше? Единственное, что остается видимым для нас еще на фоне истории - это смена общественно-экономических формаций. Государства остаются по своей сущности одними и теми же, несмотря на некоторые отличия в своих формах, но на их пространствах постоянно происходит изменение характера производственно-экономических отношений между людьми. Следовательно, если мы обратимся к характеру этих изменений, то у нас может появиться шанс влиться в некий исторический поток преобразований, и обнаружить там возможную нишу для приложения своих усилий, направляющих нас по замыслу Бога к заветному Спасению. Ну, влиться, так влиться.

Но и здесь все совсем не просто. Например, как мы уже увидели это на образцах социализма во времени, он является не последней по хронологии общественно-экономической формацией, а наоборот первой исторически сложившейся формой хозяйствования. Древние цивилизации напрямую называются историками "доклассовым социализмом", и совершенно непонятно, чем этот социализм отличается от классового социализма? Разве, может быть, тем, что в последнем случае объявляется о некоем наличии противоречий между классами, а тогда - вообще чем отличаются классы, если у них нет противоречий?! Разве отношения между крестьянином и государственным рабочим трудовой армии Лагаша не скрывали в себе тех же противоречий, что существуют между крестьянином государственного сельскохозяйственного хозяйства социализма и государственным рабочим того же социализма? И там и здесь оба заинтересованы в совершенно разном. Крестьяне хотят дороже продать свой урожай государству, а рабочие хотят подороже продать свой труд. Но и тем и другим приходится сталкиваться с тем, что государство само устанавливает цену и за урожай и за физический труд, перераспределяя свои богатства между рабочим и крестьянином. В итоге рабочий хочет, чтобы государство больше выделяло ему, поскольку крестьянин и сам может кормиться остатками непроданного урожая, а крестьянин хочет, чтобы государство больше отламывало из общего продукта ему, поскольку он кормит и рабочих, и вообще всех. В одном случае рабочий аргументирует свое пожелание тем, что он обеспечивает сельскохозяйственное производство (ирригация, изготовление сельхозорудий, обеспечение энергоносителями, строительство объектов хранения и переработки и т.д.), и без него никуда, а в другом случае крестьянин настаивает именно на своем особом положении, потому что рабочий, (по мнению крестьянина), если не пообедаст и не поужинает, то не сможет работать, с одной стороны, а с другой стороны - для чего вообще нужен был бы рабочий, если бы в его существовании не была бы заинтересована сельскохозяйственная отрасль экономики, то есть, именно я - крестьянин? Все одно и то же и сейчас, и пять тысяч лет назад. И почему крестьян Лагаша в таком случае нельзя назвать классом? Какие есть к этому основания?

Почему этот социализм - "доклассовый"? Самый обыкновенный социализм, где работают все, а небольшая кучка управленцев забирает результаты труда и по своему усмотрению их распределяет на общие нужды после того, как полностью удовлетворит свои.

Поэтому социализм - это откат назад, в доисторические формы хозяйствования и ничего нового в этом плане нам 20 век не дал. И поэтому, разбирая хронологически общественно-экономические формации, следует ставить социализм на первое по времени место, а не на последнее. Рядом с рабством. Как нечто неразделимое по своей сути. Потому что как у рабов не было собственности, так нет собственности и при социализме. Как раб не волен был распоряжаться результатами своего труда, так и при социализме результаты труда принадлежат не тому, кто их произвел. Это их коренным образом неразлучно сближает, стирая фиктивные границы.

Феодализм же отличается от рабства только кое-какими косметически приглаженными формами угнетения, а капитализм отличается от феодализма наличием свободного труда, который становится товаром. Если сначала товаром был и сам человек и полностью все результаты его труда (рабство, социализм), затем стал товаром только результат его труда на паритетных началах (1/10 принадлежала феодалу), а сам человек стал меновой ценностью и мерилom возможно производимого им богатства, то при капитализме товаром становится сам труд, а человек свободен. В этом смысле капитализм, конечно же, нечто принципиально новое, но должны ли мы остановиться именно на нем, как на единственном, что действительно изменилось в общественно-экономических формациях именно относительно человека? Посмотрим, что подскажет нам поэтому поводу Таблица №2.

Рабовладельческий строй	Феодализм	Капитализм	Социализм
1. Богатые (рабовладельцы) владеют скотом, землей, зданиями, то есть всей собственностью, а бедные (рабы и свободные граждане) не владеют ничем	1. Богатые (феодалы) владеют всей собственностью, а бедные не владеют ничем	1. Богатые (буржуа и средний класс) владеют всем, а бедные не владеют ничем	1. Богатые (верхушка партии) владеют всем, а бедные (все остальные граждане) не владеют ничем
2. Богатые имеют все права (по праву власти), а бедные не имеют никаких прав, кроме тех, которые им определили богатые	2. Богатые имеют все права (по праву власти и знатности), а бедные не имеют никаких прав, кроме тех, которые им определили богатые	2. Богатые могут иметь все права (через подкуп власти), а бедные имеют только те права, которые им оставлены в остаточное пользование сводами законов, которые не ущемляют интересов богатых	2. Власть имущие в лице руководителей партийной верхушки, которые живут вне действующих для остальных законов на Олимпе своего исключительного положения, имеют все права, которые захотят, а все остальные имеют ровно столько прав, сколько им остаточно определяют в сводах законов олимпийцы-партийцы
3. Богатые живут в довольстве и	3. Богатые живут в довольстве и	3. Богатые живут в довольстве,	3. Власть имущие живут в довольстве,

<p>развлечениях, а бедные (рабы) обязаны встать утром и пойти на работу, иначе - наказание в виде ареста или экзекуции (телесное наказание)</p>	<p>развлечениях, а бедные обязаны работать, чтобы обеспечивать жизнь богатым, иначе - наказание и лишение всех прав с изгнанием или казнью</p>	<p>развлечениях и приятных трудах по увеличению своего богатства, а бедные, если хотят жить, должны работать. А если рабочих мест нет или нет желания жить прилично, то богатые платят им пособия по безработице</p>	<p>развлечениях и приятных трудах по планированию и контролю труда бедных. Бедные обязаны утром встать и пойти на работу, иначе наказание в виде ареста и экзекуции (в виде общественного осуждения), даже если им на работе делать нечего и работа - скрытая форма ритуала получения пособия по безработице</p>
<p>4. Вероисповедание - обязательное в своем соответствии официальным канонам религии</p>	<p>4 То же самое</p>	<p>4. Вероисповедание свободное, но обязательно соблюдение так называемых "ценностей" свободного мира (свобода, равенство, защита собственности, демократия, право голоса и т.д., то есть своеобразная религия без Бога)</p>	<p>4. Вероисповедание (в данном случае - мировоззрение) - обязательно соответствующее официальным канонам общепризнанной идеологии (той же религии, но также без Бога, а с божками вместо Него в виде партийных вождей и идеологов)</p>
<p>5. Богатые (рабовладельцы) могут сделать с бедным (рабом) все, что им вздумается совершенно безнаказанно и без последствий для себя</p>	<p>5. То же самое, только относительно феодалов и крепостных</p>	<p>5. Богатые могут сделать с бедным все, что им заблагорассудится, потому что вся система власти и судов через подкуп освободит их от ответственности и скроет преступление</p>	<p>5. Власть имущие (руководители общества) могут с помощью своих силовых органов (имеются ввиду не физиологические органы партийных бонзов, а военизированные и полицейские органы в структуре государства) сделать с обычным человеком все, что угодно - забрать его ночью из постели и устроить в сумасшедший дом, выслать из страны, сфабриковать уголовное дело, расстрелять по ложному обвинению и т.д.</p>
<p>6. Для богатых существует свобода слова, а для бедных - благоразумное молчание</p>	<p>6. То же самое</p>	<p>6. Для всех существует свобода слова, но произнести его могут только богатые через финансируемые ими издательства и телевизионные компании, а бедные могут свободно выражать свое мнение на любом углу, где они никому не мешают, а</p>	<p>6. Власть имущие могут между собой говорить обо всем, что взбредет на ум, а для всех остальных они гласно говорят то, что должны повторять эти остальные. Это и называется свободой слова. Если кто-то из простых граждан начнет выходить за</p>

		если они мешают, то придет полиция и разгонит их дубинками, газами и брандспойтами	пределы этой свободы содержанием своих речей, то пусть прежде подумает, что лучше - благоразумное молчание, или гнев системы, обращенный против него
7. Богатые забирают себе все результаты труда бедных, выделяя им кое-что лишь на пропитание и на минимум удовольствий и удобств	7. Богатые забирают себе все результаты труда бедных, оставляя им лишь на пропитание, воспроизводство сельхозорудий, расширение производства и приличную жизнь в той мере, которая как раз не толкала бы их на бунты	7. Богатые забирают себе основную часть результатов труда бедных, оставляя им достаточно необходимое для достойного пропитания, развлечения, образования их детей, которые должны сменить их в квалифицированном труде на богатых, что является базой той мечты, которая заставляет трудиться усердно и с верой, что это поможет перейти в разряд богатых (оппортунизм)	7. Власть имущие (богатые представители верхушки правящей партии) забирают у бедных результаты всего их труда, оставляя им только на пропитание, прокорм детей, на минимум удобств и удовольствий, который является базой некоей мечты о том времени, когда всеобщий усердный труд создаст столько богатств, что вокруг все будут дармовое, бедных вовсе не будет, всего будет столько, что бери бесплатно сколько захочешь (коммунизм)
8. и т.д. ...			

Кто прочитал таблицу №2, тот, конечно же, никогда не позарится ни на какие посулы с нашей стороны в смысле вознаграждения за поиск коренных различий для человека в существовании различных общественно-экономических формаций. Даже если это будет поцелуй Шэрон Стоун. Проще было бы для получения такого презента сделать что-либо другое. В таблице предпосылок для такого счастливого мгновения не найти.

Все зависит только от того, в каком социальном слое родится человек, или сможет перебраться в их пределах с одного на другой в течение своей жизни. Если он попадет в приоритетный слой (рабовладельцев, дворян, капиталистов, партийной элиты), то у него будут совершенно одни и те же обстоятельства жизни, а если он попадет в неприоритетный для строя слой, то у него будут совершенно одинаковые обстоятельства для нежизни. Эти крайние или же промежуточные состояния между граничными слоями общества не могут составлять принципиально различных и постоянно меняющихся в истории обстоятельств деятельности человека. Они - одни и те же. Истории и здесь нет.

Получается, что в истории для человека вообще ничего не меняется. Меняется только антураж событий. Появляются новые декорации и новые технические возможности действующих лиц, но события в этом историческом театре разворачиваются по одному и тому же неизменному сценарию. Один и тот же сюжет при разных авансценах и разных заданных сценических интерьерах.



Сначала матери нечем было кормить девочку, и она послала ее с лепешками в дальнюю пещеру к бабушке по тропинке, где изобильно водились саблезубые тигры. Чтобы самой не убивать. Саблезубый тигр съел и бабушку, и девочку с лепешками, но проходящие мимо охотники убили тигра, из живота которого выпрыгнули бабушка и внучка живые-преживые по воле Духа племени. Судьба лепешек неизвестна.

Затем другая мать по прошествии веков, чтобы самой не подвергаться опасности, послала свою девочку в дальнее поселение с куском вареной говядины для бабушки через местность, где водились медведи. Да и зачем ей было рисковать собой ради престарелой и больной свекрови? Невестка у свекрови одна, а внушек - много. Медведь съел девочку и бабушку вместе с вареным мясом, но проходившие мимо земледельцы убили медведя, из живота которого вышли живыми и невредимыми бабушка и внучка, потому что на них были обереги, которые им выдал могучий верховный жрец. Говядину съели землепашцы. В качестве бонуса.

После этого, на другом этапе цивилизации, мать послала девочку к больной бабушке в дальнюю избушку с пирожками и горшочком масла. По дороге через дикий лес девочке должен был встретиться волк и съесть ее. Мать пошла на это, во-первых, потому, что страдала латентной гомосексуальностью и ревновала девочку к ее будущему мужу, а, во-вторых, у нее был мощный комплекс ревности собственной дочери к ее отцу, своему мужу. Но все вышло не так, как она предполагала. Дровосеки убили волка, и из его живота девочка и бабушка вышли живыми и веселыми. По совершенно непонятным причинам! У матери вообще остались подозрения, что все это было подлым сговором дровосеков, дочки и бабушки. Волка вообще не было. Они его придумали сообща. А если он и был, то тоже был в сговоре, потому что в детстве страдал острым изнурительным онанизмом, из-за чего у него развился комплекс вины перед всеми девочками и бабушками за бесцельно растраченные силы. Пирожки и горшочек с маслом съела взволнованная происшедшим бабушка.

Дровосеки продолжали ежедневно уединяться вдвоем в лес, где иногда даже рубили деревья. Из-за комплекса вины перед своими женами. Мать больше не посылала девочку через лес. Все бесполезно - вокруг гетероизмена и гомопредательство. В детстве ее пугали волком, и теперь эта подавленная фобия у нее излечилась, а волк стал ей сниться в образе нежного любовника. Из-за этого у нее развился комплекс вины перед своим мужем, и она иногда даже закрывала глаза на то, что он тоже, не будучи дровосеком, похаживал на рубку леса, но приходил домой всегда уставший и всегда без дров. В детстве он случайно столкнулся с обрыва своего младшего брата, и теперь ему часто казалось, что погибший брат вселяется в него и он своим телом, как телом брата, утешался в объятиях мельничихи, компенсируя тем самым загубленному брату недополученные земные радости. Мельничиха животным страхом подсознания боялась скрипа мельничных жерновов и пыталась заглушить этот страх в объятиях отца девочки. Из-за этого у нее развился комплекс суицида, и она знала, что у нее только два выхода - или сжечь мельницу, или убить любовника. Все они были больными, потому что читали Фрейда.

В постфрейдовский период жизни человечества мать посылает девочку через опасные городские кварталы с хот-догами для опустившейся от марихуаны и шотландского виски

бабушки. На этом пути девочку встречает буйный мутант, который убивает и ее и бабушку, но ловкий геймер терминирует мутанта, после чего девочка и бабушка идут на следующий уровень игры, так как по условиям программы у них по девять жизней. Хот-доги остаются на прежнем уровне. Вместе с мутантом они сгорели под огнем бластера.

Как видим, все в этой сказке, несмотря на изменения ее исторически-бытовой канвы, одно и то же. Везде один и тот же идиотизм матери, рискованно обреченная исполнительность девочки, простые душевные порывы хищников, случайный героизм фланирующих без дела невзначайных спасателей и подслеповато-глуховатая игра в поддавки со злодеем чем-то больной бабушки. Какие бы исторические условия все это не обрамляли, задача девочки везде одна и та же - побыстрее сбагрить гостинец и вернуться домой живой. До следующей благотворительной инициативы матери.

И если на все человечество, как на эту одну и ту же девочку из разных вариантов сказки про нее одеть красную шапочку повседневных задач, то эти задачи остаются теми же самыми от времен Ноя, до времен рэпа и замороженных куриных окороков: ежедневные заботы о хлебе насущном и безопасности, перипетии дружбы с врагами и борьбы с друзьями, бесплодные поиски счастья в любви, развлечения в перерывах между трудами или труды в паузах между развлечениями, личные интересы и общественная необходимость, а так же цена за благосостояние, свобода и рабство, дети и внуки, родители и родственники, планы и реальность, здоровье и болезни, патриотизм и ненависть, правительство и народ, государство и остальной мир, надежды и тщета, наука и техника, везение и невезение, знание - сила, работа - не волк, наше дело - правое, будь примером, корми грудью, помни о смерти, дыши ровно, бди и помни о смерти.

Меняется внешнесодержательная основа задачи, но уровень сложности и методы ее решения остаются теми же. Какая разница между тем, что надо, сложив вес десяти мешков овса с весом 30 мешков лука, далее на основе данных о том, насколько один мешок овса тяжелее мешка с луком, найти вес каждой фасовки каждого продукта, и между тем, что это же самое надо проделать с контейнерами антифриза и бензина?

Если переместить любого человека поочередно в каждую из исторических эпох, то его повседневная задача будет везде одной и той же. И методы ее решения будут теми же самыми. Будут отличаться *только средства* решения, но в данном случае мы не можем заикливаться на истории этих средств, потому что эти исторически различные средства всегда исторически преследовали и преследуют одни и те же цели и один и тот же результат, который слишком хорошо укладывается своими значениями в проблемы материальной жизни, чтобы мы уделяли ему хоть сколько-нибудь серьезного внимания. Мы ведь еще очень давно договорились, что искать смысла истории в ее физическом срезе не стоит - такой смысл исчезнет вместе с тем миром, в составе которого мы его ищем, когда наступит конец времен, даже если он там (этот какой-то смысл) и есть.

Вообще-то, исходя из этого принципиального положения, могло бы и сразу показаться, что вообще не стоит лезть во все эти субъекты истории, начиная от человека и заканчивая формациями, поскольку тут ничего найти нельзя изначально. Но мы ведь искали не столько

смысла этих субъектов, сколько вообще какой-нибудь субъект, который характеризовался бы непрерывностью и *историчностью*, чтобы понять, что же происходит в истории. И только попутно с этим мы выяснили, что через прямое действие всех этих субъектов - *для человека в истории ничего не происходит!*

Ну и что же нам делать?

Во-первых, чтобы быть честными перед собой, следует обязательно предположить для себя страшную вещь - если все в истории настолько неисторично и идет по одному и тому же банальному кругу, бесплодно барахтаясь в текучей повседневке, то мы уже можем предположить для себя, откуда может происходить такое бессилие какого-либо процесса. Это может происходить только в том случае, если история доверена полностью человеку, а Бог в ее процесс больше не включается. То есть Он довел дело до науки, которая определяет своими достижениями тот самый набор переменных обстоятельств и условий, а дальше все оставил нам - пробуйте. Вот мы и пробуем. Наука под Его воздействием продолжает и продолжает менять окружающий нас мир, а мы совершаем в нем одни и те же действия в силу своей общей несостоятельности сделать что-либо осмысленное без Него, или придумать что-либо новое самостоятельно. Как лягушка будет барахтаться одинаковым образом в воде, молоке, нектаре, розовой воде, компоте, пиве, рассоле и т.д., так и мы барахтаемся одним и тем же образом в совершенно разных исторических средах, не имея способности по достоинству оценить ни разницы между ними, ни тех возможностей, которые эти разницы в себе содержат? Тогда - конец всему и надо закрывать книжку, сожалея только о том времени, которое мы потратили на этот путь, которым мы пришли к данному тупиковому выводу.

В таком неинтересном для нас случае, ничем не рискуя, кроме как зачеркиванием всех наших надежд на возможность распознавания Его Замысла и нашего места в нем, мы настоятельно обязаны попытаться убедиться в том, что история все же направляется Богом в своих событиях. Только в этом случае у нас будет новый шанс поискать еще что-нибудь где-нибудь в ее границах. А если мы в этом не убедимся, то шансов у нас больше не останется, наша попытка не удалась и она нам засчитывается.

Здесь от одного только априорного предположения, что для доказательства руководства Богом историей нам придется облазить все ее закоулки в поисках Его скрытых рычагов и проявляющихся беспричинно относительно наших понятий закономерностей, у нас начинает просто физически пухнуть голова. Чтобы не стимулировать этот не вполне желательный для нас процесс дальше, и не давать ему оснований для развития, мы этим путем не пойдем. Это - тема совершенно отдельная и, вероятно, вполне решаемая, но объем этой работы предполагал бы совершенно отдельный титанический труд, а не составное усилие в объеме общих усилий отдельного разговора. Поэтому мы остановимся не на методе тщательного сопоставления исторических фактов, а на методе общей сторонней оценки всего исторического процесса.

И что же в этой оценке нас может убедить в том, что история направляется не нами, а Им? В этом нас может убедить один неотъемлемый признак всей истории - *непредсказуемость*. Никто не знает, что будет завтра. Никто не знает, чем закончится завтра то, что предпринято сегодня. И никто не знает, что из того, что было вчера, привело к тому, что есть сегодня.

История непредсказуема ни в форме будущего, ни в поворотах настоящего, ни в закономерностях прошедшего.

Но если про будущее и сегодняшнее с нами вряд ли кто решится поспорить на что-нибудь крупное, то относительно прошедшего могут найтись желающие, которые будут пытаться убедить нас в том, что им понятны логические законы того, что происходило в истории до настоящего времени. Но мы им не поверим. Во-первых, потому, что всегда легко махать кулаками после драки, объясняя задним числом логику того, что произошло. Такое объяснение прошлого сродни предсказанию будущего. Никто не может опровергнуть предсказания будущего, потому что отсутствие будущего события на момент его предсказания позволяет собой наличие его *бесчисленных* прогнозов, а тогда почему бы и не сбыться данному предсказанию? Точно так же и наличие события в прошлом позволяет приписывать ему *бесчисленное* количество причин, которые можно подогнать под это событие. Попробуйте объяснить, например, причину того, что Австралия, созданная каторжанами и уголовниками, на сегодняшний день самое законопослушное государство в мире, а Православная Русь, опора восточного христианства, в одночасье стала убивать своих священников и разрушать храмы. И под то, и под другое нельзя применить ни одной веской причины, а *предположить* их можно сотни. Как прогноз, так и объяснение происшедшего, таким образом - только предположения.

А, во-вторых, если кто-то так хорошо научился находить закономерные причины в прошлом, то он должен это свое умение применять и для будущего - история единый организм, и если в нем действовали декларируемые причины раньше, то они должны действовать и теперь. А они не действуют, как мы хорошо знаем, и, значит, они не действовали и раньше. Значит заявка о владении ими - блеф.

А теперь, исходя из всего этого, очередной вопрос - можно ли себе представить что-либо, что делалось бы по плану человеком, но было бы для него самого непредсказуемым? Можно ли представить себе портного, который шьет что-то непредсказуемое для себя самого? Можно ли представить себе коллектив строителей, которые, не покладая рук, созидают то, что для них непредсказуемо по конечному результату? А тогда - знают ли самые мудрые лидеры человечества, руководя своими странами, что произойдет хотя бы завтра, а не то, что через десять лет? Их положение напоминает положение гребцов на бурной реке, которые едва успевают разруливать те ситуации, которые им создает история.

Человек, делая что-то, всегда знает о том, что у него должно получиться. Он хотя бы имеет это предварительно у себя в голове. А хоть у одного человека в голове есть то, что получится из истории дальше? (Астрологических глупостей мы в расчет не берем). А если у человека что-то не получается, то он корректирует свою деятельность в нужном направлении. Он знает и направление, и цель и то, что сокращает к ней путь. Это - его процесс. А если человек вообще не знает, куда все идет и куда все придет, а просто участвует в чем-то, едва успевая понять, что от него требуется сегодня, и каким боком ему это вывернется завтра, то это - не его процесс. Он в него просто включен, но он им не управляет. Это бесспорно. Поэтому мы должны как минимум сказать себе, что история управляется не нами. А кроме нас есть только один разум

в истории, который может что-то направлять. Это - Его Разум. И мы готовы это с радостью и надеждой признать.

Однако - это только первый якорь нашей убежденности в том, что Бог в истории все-таки верховодит. На этом якоре нас будет нещадно болтать и крутить, если мы не докажем и другого: того, что история не только не направляется нами (мы это только что доказали), но и того, что история вообще направляется кем-то. Это будет наш второй якорь, и если мы станем на эти два якоря, то наша позиция будет весьма прочной. Нам бы этого, конечно, очень хотелось.

Как это доказать? Во-первых, мы это уже доказали один раз через роль науки. Наука направляется Им, и она же направляет историю. Следовательно, в какой-то мере Его присутствие уже есть. История уже не пущена на самотек. Это первое наше доказательство.

А второе наше доказательство будет состоять в том, что скорость исторических процессов поразительным образом всегда обгоняет понимание их человеком, и всегда заставляет человека *успевать*. Если бы история никем и ничем не направлялась, включая и нас, то этот процесс был бы не только бессмысленным, но и вялотекущим в той степени, которая позволяла бы нам осмысливать направление процесса. Если наша деятельность не подстегивалась бы неведь откуда взявшимися историческими обстоятельствами, то эти обстоятельства были бы результатом нашей деятельности, пусть непредсказуемыми, но осознаваемыми еще до тех пор, пока они вплотную не подступили. Тот же портной, если бы он шил даже нечто бессмысленное и непредсказуемое для себя без всякого плана по одному и тому же кругу операций, не пытался бы постоянно успеть за скоростью машинки и не попадал бы постоянно в ситуации, когда машинка опережала бы своими действиями его понимания того, что происходит. Потому что - машинка в его руках. И не она заправляет темпом процесса, а он. И этот темп ему подвластен. А если портной в постоянном напряжении просто пытается успеть за тем, что выкидывает машинка, *то машинку крутит кто-то другой*. Точно также, если человечество не заправляет темпом исторических изменений, и он ему неподвластен, то не оно этот темп задает, а если не оно задает этот темп, то кто его тогда задает? И если тот, кто этот темп задает, не делает что-то осмысленно и планомерно, то зачем он тогда вообще задает какой-то темп?

Мы видим постоянно, что история - это гонка с непредсказуемыми последствиями. Человек не может остановиться и передохнуть. Все происходит стремительно и как снег на голову. Какая-то скрытая и неведомая необходимость заставляет человека постоянно торопиться и опережать своими действиями даже свою простую логику самосохранения. Остановись в потребностях, (итак все попадает на бесчисленные свалки от избытка), сократи хотя бы вредные производства - и природа будет жива. Но человек не может остановиться, даже понимая, что если все пойдет дальше так, как идет сейчас, то природа погибнет, а вместе с ней погибнет и он.

Научись сначала безотходной ядерной технологии, а затем строй атомные электростанции. Но - некогда! Отовсюду жадные щупальца экономики - поскорее дай энергию, а там будь, что будет! И скоро отходы ядерного топлива превратят землю в один большой могильник.

Один ядерный заряд любой ядерной державы, взорвавшись случайно на складах хранения, сдетонирует другие ядерные заряды, а те, взорвавшись от детонации, сдетонируют все

остальные ядерные заряды всех остальных ядерных держав, и Земля развалится на куски или сойдет с орбиты. Уничтожь ядерное оружие, тебе же спать будет спокойнее. Но - некогда! Надо еще и еще ядерных зарядов, непонятно зачем, когда хватает для выполнения любой военной задачи и одной сотой того, что уже имеется сейчас.

Перестань вообще воевать, остынь, это не красит. Но - некогда! Враг уже топчет твою землю, или собирается это сделать, и если ты как можно быстрее не запустишь в ответ свою военную машину, то проиграешь.

Не сбрасывай отраву в реки - тебе же пригодится воды напиться. Но - некогда! Надо производить и производить, иначе не успеешь.

Останови поток информации, которая становится уже просто жвачкой и отупляет население. Но - некогда! Уже интернет и глобализация устанавливают свой скоростной график, по которому тебе придется жить и жевать бесполезные массивы данных.

Кто не успел - тот опоздал. Вот закон истории от ее первого дня, и до сегодняшнего. А успеть можно только *за кем-то*, за самим собой успевать нечего. Сам - что ни сделал, всегда вовремя. Если все человечество постоянно не успевает, то *за кем оно не успевает?* Ответ для нас ясен в очередной раз.

Мы не знаем опять же, как Бог это делает. Но мы *видим*, что Он это делает - как быка за кольцо в носу он ведет человечество неведомым тому путем и с неестественной для него скоростью. Куда ведет? Зачем ведет? Мы рады, что у нас вновь появились законные основания задавать себе эти вопросы.

Здесь, правда, часто приходится слышать, что не человек и не Бог складывают исторические обстоятельства, а сама история разворачивается во времени по своим внутренним обстоятельствам. Эти концепции очень модны, но они не выдерживают испытания той самой строгой и простой формальной логикой - если убрать из истории человека, то нет никакой истории, есть только один неисторический животно-растительный мир. Без человека нет истории. "Если включать человека в историю..." (так могло бы начинаться дальнейшее развитие мысли), то так вообще нельзя говорить, потому что - куда его включать, этого человека, если без него не может быть того, куда мы хотим его включить? История - это и есть человек в перипетиях своей коммуникации с другими людьми. Какие такие внутренние обстоятельства, не связанные с человеком, могут быть у этого процесса, если этот процесс без человека совсем не процесс и даже вообще невозможная вещь для мира? Если история не движется человеческой инициативой и помыслом, то она вообще не движется, как не движется она у слонов или у тигров. А поскольку, как мы выяснили, человеческие помыслы и человеческая инициатива - это всегда лишь только рефлексия (ответ) на накатывающие обстоятельства истории, то чем движется сама история? Мы на это уже ответили. И после этого ставим вновь те же самые вопросы - куда и зачем, и какова наша роль по Его Замыслу?

А первым ответом на эти вопросы у нас был, как мы помним, вывод о том, что *прямое* развитие субъектов истории для человека ни к чему не приводит, а оставляет все на месте. Следовательно, мы должны за этим прямым действием истории найти нечто скрытое. Это тем более логично, что физический мир, являясь полигоном истории, одновременно является и

полигоном для усовершенствования человека. Для выработки нужного характера. Но могут ли одни и те же задачи и действия, которыми живет человек уже сотни тысячелетий, вырабатывать все новые и новые черты характера? Не могут. Следовательно, мы должны признать, что эти действия не должны быть одними и теми же. Они должны быть обязательно постоянно изменяющимися. Но на свой внешний вид они совершенно одинаковые. Следовательно, надо отойти от их внешнего вида и посмотреть - не заключено ли в их внешнем однообразии некое невидимое нам и постоянно изменяющееся, как того требуют наши предположения, содержание? В этом случае мы нашли бы то, что нам нужно - такое искомое содержание постоянно присутствует, и оно же постоянно изменяется. Тот самый исторический субъект, но находящийся не на материальном плане, а в духовной сфере. Потому что третьего в этом мире не дано. Или материальное бытие, или нематериальный план сознания и духа.

И этот нематериальный план нам тем более предпочтителен, что как сам Бог, так и наша истинная сущность нематериальны, и только здесь Его может что-то интересовать по-настоящему. Именно это было бы Ему тождественно и близко в силу нематериально-вечного характера.

Ну, а тогда нам осталось только перебрать те сферы доховно-умственной работы человека в истории, которые ему присущи, и выбрать именно ту, которая соответствовала бы нашим условиям: непрерывность присутствия в истории, историчность (то есть постоянное изменение) и направляемость Богом (в части непосредственного содержания).div> Таких сфер немного: наука, религия, искусство, этика. Все они переплетаются между собой или включают в себя остальные сферы фрагментарно.

Разберемся по порядку. С наукой и философией, как своеобразной формой науки, мы разобрались уже давно, и мы их сразу же отбрасываем. Перейдем к религии. Казалось бы - что может быть ближе к Богу и к нашим задачам, если не она? Действительно, - ничего. Однако нельзя увязывать между собой религию и историю. Религия сама по себе, а история - сама по себе. Во-первых, для развития религии совершенно не обязательна наука, хотя наука этому не мешает, а только способствует. Но религия обошлась бы и без науки. А история без науки не обошлась бы. Следовательно, у истории и у религии разные гены.

Кроме того, нельзя религию втискивать в историю. Это равносильно попытке втиснуть Земной Шар в скорлупу грецкого ореха. По своей величественности и мощи религия никак не может быть неким субъектом истории, то есть приравняться к национальному самосознанию, или задачам государства. Один лишь короткий миг истинной веры и живой связи с Живым Богом всего лишь в одной душе одного священника гораздо значимее и грандиознее достижения всех возможных цивилизаций вкупе. Религия по своему содержанию даже рядом стоять не должна с пустым содержанием всей истории, а не то, что быть ее частью.

В третьих - религия не исторична. Ничего не было бы смешнее вечно изменяющейся религии, когда брюки превращаются в шорты, шорты - в юбку, юбка - в жилетку, а жилетка снова в брюки. Религия присутствует непрерывно, но она не изменяется. Следовательно, она, хвала ей, не исторична в смысле изменчивости.

Религия - совершенно отдельное явление, стоящее вне истории, над историей и в некотором смысле она и есть история (как единственно значимое, что происходит с человеком), если историю понимать не как постоянную смену обстоятельств физического мира. А мы именно на такую историю и вышли, когда вывели ее из науки. Следовательно, истории не место в религии, поскольку - Бог един, вечен, неизменен и совершенен, что предполагает полное отсутствие каких-либо изменений. Религия в своих земных формах отражает Бога, поэтому и она должна быть единой, вечной, неизменной и совершенной. Ничего общего с понятием истории она не имеет. Извинимся за фамильярное беспокойство и оставим религию на том месте, на котором она должна стоять.

Что у нас следующее? Искусство. Ворвемся в искусство.

### Искусство

Сразу следует здесь сказать, что выделение темы "Искусство" в отдельную главу - искусственно. Мы рассматриваем искусство не как искусство вообще, а как субъект истории. Поэтому гораздо правильнее было бы оставить все позиции данного раздела в главе "История", но поскольку эта тема определенным образом отделяется по своей специфике от истории вообще, то не будет большого греха в целях удобства повести о ней разговор в несколько самостоятельной форме.

Итак, что мы можем сказать об искусстве, как об историческом субъекте, через который история чему-то нас может постоянно учить и этим совершенствовать? Прежде всего, не должна вызывать сомнений сама непрерывность присутствия искусства в истории. Самые первые стоянки человека уже имеют своей составной частью картинные галереи (их мы сейчас называем наскальной живописью), а также такие экспонаты, как украшения из кости, стекла, дерева и камня. Даже предметы быта (особенно гончарного производства) доисторического периода уже в той же мере технические приспособления, в какой одновременно и произведения искусства (орнамент, нефункциональная форма, преследующая собой сугубо красоту, раскраска, резьба, стилизация под животных или человека и т.д.). Песни и танцы также уходят в самую глубь истории, до самых ее корней. С непрерывностью нам все понятно, потому что это всегда было, никогда не прерывалось и продолжается до сих пор.

Историчность (постоянное изменение) также бросается в глаза: театр изменился до неузнаваемости, музыка трансформировалась почти в немую музыку, живопись вывернулась наизнанку, танцы вообще меняются каждые 5-10 лет, манера стихосложения отличается в каждом поколении поэтов, а школы живописи сменяют друг друга как очередники в пивном ларьке и т.д. Все это нам очень подходит. Остается только доказать, что содержание этой деятельности человека наполняется Богом, и найти в соответствии с этим содержанием свою роль и задачу.

Но как нам это возможно сделать, если фактический материал об искусстве в истории не менее объемный, чем сама история? Попробуй, охвати взором все искусство только сегодняшнего дня - глаза разбегутся. А нам это следует сделать во всей исторической ретроспективе. Это невозможно вообще, а не то, что в пределах одной главы из одной книжки. Одно лишь



намерение ворваться в такие необъятные пределы с целью анализа и группировки фактов - вызывает тоску. Причем нет никаких оснований для предположений того, что когда наше намерение перейдет в фазу исполнения, то эта тоска не приобретет суицидального характера. Надо как-то сужать круг поиска!

Конечно, можно выбрать какой-либо отдельный вид или жанр искусства, и на его примере поискать то, что мы ищем. Но есть ли у нас уверенность, что этот избранный нами для обобщающего опыта вид искусства будет отражать в себе всё то, что присуще всем остальным видам искусства? И даже - есть ли у нас какая-то уверенность в том, что он вообще отразит в себе то, что присуще всем остальным видам? У нас такой уверенности нет. Случайным образом мы действовать не можем. Не лотерея. А выбирать намеренно одно из многих можно только тогда, когда есть критерии отбора. Но сами критерии отбора любого выбора определяются тем, что выбираемое должно соответствовать какой-то намеченной цели. Если, например, это подходит нам по каким-то критериям соответствия нашей цели, значит, мы это выбираем, а если это, например, - не подходит для наших целей, следовательно, мы его не выбираем. А в нашем случае такой отбор совершенно невозможен, потому что мы даже не знаем - для чего мы вообще выбираем? Цели-то мы и не знаем, как раз. Мы ее наоборот - ищем! Под что нам подбирать критерии соответствия, если мы пока еще и сами не знаем что мы ищем, и найдем ли мы вообще что-либо там, где ищем? Поэтому мы не можем составлять критериев отбора, не зная цели, а без критериев отбора мы не знаем, как выбирать, а, не зная, как выбирать, лучше вообще не выбирать. То есть отказаться от попытки выделить для отдельного показательного рассмотрения один из видов искусства.

Памятуя о том, что мы совершенно необоснованно и механически выделили тему искусства из всей темы "История", мы должны для себя признать, что у нас остается только одна возможность - пользоваться старыми критериями: непрерывность, историчность и наличие анализируемого содержания. С этими критериями мы вновь и подойдем к искусству, но уже не с целью доказательства его соответствия искомым характеристикам искомого исторического субъекта, а в попытке отсеять из всей его массы то, что не отвечает хотя бы одному из этих критериев. В шахматах это называется упрощением. Есть определенная категория рационально мыслящих шахматистов, которые закономерно считают, что выяснить, кто сильнее и поставить мат, можно с помощью всего лишь пяти-шести фигур, а не усилиями всего исходного набора доски, который только засоряет видимость и создает усложняющее количество возможностей, превышающее своей массивностью простые потребности. Эти шахматисты начало игры строят так, чтобы разменять побольше фигур и упростить ситуацию до небольшого количества вариантов, что как раз и обеспечивается малым количеством оставшихся фигур. То же самое с помощью наших старых критериев попытаемся сделать и мы.

А, подходя с этим намерением ко всем существующим видам искусства, мы, очевидно, первым делом должны отбросить те из них, которые связаны с достижениями науки и имеют своей основой техническую базу. Потому что эта техническая база не всегда была к услугам, скажем, фотографии или кино, вследствие чего их долгое время вообще не было ни в природе, ни в сфере искусства, что прямо заявляет нам о том, что эти виды искусства не имеют

исторической непрерывности, так нами отстаиваемой в качестве одного из необходимых критериев. Киномеханики не разъезжали с передвижками по Шумеру или Египту, а рыцари Круглого Стола даже не предполагали, что когда-то появится некий вид искусства, где темы их заседаний станут переходящими из сценария в сценарий. Солдаты Наполеона видели и египетские пирамиды, и Московский Кремль, но ни слайдов этих экзотических мест не привезли с собой домой, ни фильма "Ватерлоо" не смотрели, утирая бессильные слезы. Исходя из всего этого, мы ведь не должны говорить о том, что все эти поколения людей жили без всякой задачи в том случае, если задачи человечества хоть в какой-то части располагаются в области кино. Так что кино мы должны исключить. Нам от этого только легче станет.

Хотя, по первому предъявлению вполне имел бы вид действительного тот чек, который предлагают нам в оплату за подтверждение непрерывности кино в истории человечества некоторые киноведы, которые утверждают, что кино - это просто продолжение театра иными средствами. Причем, конечно же, предполагается, что более совершенными. Но мы не можем принять этот чек к оплате - он не подкреплен авуарами его владельцев. Кино нельзя считать развившейся в совершенный вид формой театра. Это два совершенно разных жанра. И различие их кроется не в технических возможностях, а в наличии в одном случае, и в отсутствии в другом из них, выбора метода восприятия предлагаемого действия непосредственно самим зрителем. При просмотре театрального действия зритель может вникать в него любым удобным ему способом. Он может смотреть на любого из героев на любом участкесцены и на любую деталь представления. Он выбирает и последовательность перемещения своего взора, и очередность акцентов своего внимания. Действие просто целиком разворачивается перед нами, а мы смотрим на него *своими глазами*, через вольный фокус своего предпочтения. В итоге у нас возникают *свои впечатления и свои эмоции*.

А в кино мы находимся в положении автоматов, которым ввели программу, строго направляющую их и на объект просмотра, и на объект внимания в определенной последовательности и в неизменном виде через фокус кинокамеры. Сами автоматы (мы) не могут выбирать как, куда и на что им смотреть в каждый следующий миг: это за них делает встроенная внутрь программа. А осуществляется такое программирование в кино с помощью оператора кинофильма, который монтирует материал так, что мы смотрим на происходящее не своими глазами, а глазами режиссера. При этом нам *навязываются* впечатления и эмоции. Если в данный момент режиссеру нужно, чтобы мы что-то прочитали на лице героя, то нам это лицо дадут на весь экран, и нам просто не на что будет больше посмотреть, и не о чем будет больше подумать, кроме как о том - что же написано на этом лице, и долго ли мы еще будем вникать в смысл его застывшей мимики? Как гид в автобусе просит туристов: "Поверните голову налево, а теперь направо, обратите внимание на... и т.д.", так и способ монтажа киноплёнки заставляет нас послушно поворачивать голову внимания туда, куда хотят авторы фильма, и смотреть на то, что они нам ненавязчиво, но безвариантно подбрасывают. В кино хочешь, не хочешь, а смотреть надо все в той последовательности, которая предусмотрена создателями действия. В итоге театр - это свободное зрелище, а кино - это когда нас подвешивают на ниточках, дергая за них, в силу чего мы становимся простым придатком кинопроекторного аппарата, его оболваненным

продолжением. Аппарат нам постоянно говорит: "Сейчас видим это, а теперь - вот это, а теперь - вот это, а теперь - вот это, а теперь - вот так, а теперь вот так, здесь замечаем эту мелочь, а тут отмечаем эту деталь, пока все хорошо, идем дальше. Слышишь, какая звучит музыка? Сейчас что-то произойдет! Будь готов, но для начала посмотри, как капелька пота стекает со лба героя - он боится, и ты бойся вместе с ним! А теперь смотрим на портьеру (что значит "портьера, как портьера"? не будь дураком! С какого перепугу мы стали бы тебе показывать простую портьеру? Знаешь, сколько метр пленки стоит?!), за портьеркой что-то может быть, трепещи! А вот теперь ноги героя, его ступни, видишь, как неуверенно идут? Как бы не споткнулся, недотепа, в довершении всего! Давай, волнуйся! И т.д." В итоге мы вообще не видим свободно ни где герой, ни что вокруг него происходит, потому что кто-то умело нажимает на кнопки наших впечатлений этими неожиданными крупными планами, наездами камеры, резкими сменами кадров и т.д., и с помощью этих кнопок вызывает у нас нужные, заготовленные заранее для нас эмоции. Театр таких возможностей не имеет. В театре зритель не так послушен и вторичен действию. Поэтому мы будем считать это разными жанрами, и расстанемся с кино на период нашей беседы об искусстве из-за того, что оно не характеризуется такой же исторической непрерывностью, как театр.

По тем же соображениям мы отбрасываем и такие грандиозно-комические виды искусства, как опера и балет. У них тоже нет непрерывности. Позвольте, (спросят нас), но ведь пели всегда, и танцевали всегда! Так точно - всегда. Но пели своими голосами. А в опере поют нечеловеческими. Люди так не поют. У них не бывает такого голоса от рождения. Все эти контральто, меццо, теноры, сопрано и т.д. являются искусственно созданными голосами, трудолюбиво сотворенными с помощью специальной системы тренировок. А в природе простой человек так не голосит, как бы ему порой тяжело не приходилось. Если бы Богу угодно было *такое* пение, то Он дал бы такие способности людям от природы, а не через долгие упражнения с дыханием и диафрагмой, от которых человека все распирает и распирает вширь, в результате чего, оценивая оперную Джульетту по тактико-техническим характеристикам габаритов, больше всего поражаешься только одному - из-за чего это Ромео так изводится?

Танцует в природе нетронутый человек тоже не так, как это делается в балете. Избави Бог кому-нибудь в компании так расплясаться, чтобы порхать из угла в угол с поворотами в воздухе, или завертеться волчком, выбрасывая на одном и том же градусе поворота ногу. Народ не оценит. А наиболее отзывчивые попросту выведут из помещения. Такой танец, к тому же, ничего не выражает кроме технического умения. Он бездушен. Народный танец - другой. Его может сплясать любой, лишь бы душа захотела. Тело само все сделает без диет, растяжек и изнурительных репетиций. У каждого человека здесь свой танец, несмотря на то, что, на первый взгляд, все танцуют один и тот же. А в балете у каждого человека - один общий для всех танец, несмотря на то, что у каждого вроде бы своя партия. Основа балетного танца - это определенный набор классически утвержденных движений, где каждый сантиметр жеста и ... (как называется жест ногой?) утверждается постановщиком и заучивается всеми одинаково. Потом все эти одни и те же движения, в разной своей комбинации балетных комбинаций составляют разные партии. Но все это вкупе имеет вид одного непрекращающегося однообразно танца. Из-за этого народ

балета сторонится и не считает его танцем. Он считает его неопасным заблуждением неопасных людей. Поэтому мы также, памятуя о том, что до 19 века не было балета, а до 17 века не было оперы, должны с ними расстаться. Нам с ними не по пути.

Без кино, оперы и балета, конечно же, легче дышать, но остаются еще и другие виды искусства, которых не так уж мало, и надо попробовать упроститься дальше. Похоже, под это упрощение следующим этапом сразу же подпадает и музыка, так как она хотя непрерывна и исторична по своей вечной изменчивости, но она не имеет никакого содержания, и нам никогда не доказать, что в ней что-то наполняется Богом, ибо бессодержательные звуки дают слишком много поводов для совершенно различной трактовки их смысла. Музыка сама по себе содержания не имеет. Содержание имеет только то, что на нее цепляется. Отдельно от этого музыку совершенно невозможно оценивать - что в ней от Бога, а что нет? Например "Хорст Вессель", как музыка, - красивая мелодия? Очень красивая. Но может ли быть от Бога гимн фашистов? И виновата ли тут в чем-либо музыка? Убери слова и наслаждайся. Бессодержательно.

Бывают вообще казусы: на одну и ту же мелодию в 30-е годы двадцатого века две страны пели два разных марша - в СССР "Марш авиаторов" ("Мы рождены, чтоб сказку сделать былью"), а в Германии "Марш штурмовиков"! Иногда в истории происходят удивительные параллели-подсказки! Однако - поди, разбери, где музыка хорошая, а где плохая? Одна и та же музыка при разных стихах в одном случае своя, а в другом случае - вражеская! Как видим, - какое хочешь содержание музыке ни придавай, она не отказывается.

"Вставай страна огромная" - величественная по красоте песня-призыв. Сразу же вспоминается плакат "Родина-Мать зовет" и ополченцы на параде 7 ноября 1941 года, идущие прямо на смерть за Родину. Но и эта песня и этот плакат были заказаны, написаны и распечатаны в ... феврале 1941 года! За полгода до того, как Гитлер двинулся на Москву и Киев. Тогда, когда Сталин сам собирался двинуть уф Европу, куда "Родина-Мать зовет" освобождать пролетариат и поэтому: "Вставай страна огромная" - народы ждут освободителя. Благороднейшая в нашей истории песня могла превратиться в гимн захватнической орды. При одной и той же музыке.

Так что с музыкой мы играть не будем, так как у нее нет содержания, которое что-либо нам могло бы подсказать о смысле своих исторических изменений и наших задачах в течение этого. На этих же основаниях мы не будем играть и с танцами, которые также выражают всего лишь состояние души (печаль, флирт, удаль любовь, веселье и т.д.) но не имеют содержания. Вернее - оно у всех танцев одно и то же в разное время и в разных формах. Чем твист отличается от присядки? Оба они говорят своим содержанием одно и то же: "Нам весело и хорошо до такой степени, что ни себя не пожалеем, ни соседей за ради такого нашего веселого возбуждения!". Об этом же самом говорят и чарльстон, и шейк, и лезгинка, и гопак, и жок, и барыня, и плясовая, и джига, и хабанера и т.д.

Одно и то же предложение-уговор: "Давай, в прятки играть, - если найдешь меня, то я твоя, а если не найдешь, так я за сараем буду", языком танца выражается в танго, кадрили,

котильоне, менуэте, мазурке, спортивном (парном) рок-н-ролле, румбе, пассадобле, мамбо, самбо, тустэпе и т.д.

А поднимающая мысль: "Мы все здесь как братья и сестры уже пока еще, но сейчас что-то будет!" выражается в ламбаде, летке-енке, хороводах, макарене, дискотечных групповых танцах, карнавальных танцах, ручейке и т.д.

Танец принимает каждый раз другой национальный или исторический вид, но по содержанию это один и тот же танец. По содержанию он не историчен. И его мы тоже отбросим. Кстати, если кто-либо захочет с нами побороться и доказать, что балет, все же, танец, то в этом случае мы можем сообща расстаться с балетом еще раз именно по этой причине, поскольку балет также не может иметь содержания, если признать его танцем. Если считаете балет танцем, то тогда автоматически соглашайтесь и с тем, что у него не может быть своего собственного содержания как у набора бессодержательных па и индифферентных по своему внутреннему смыслу танцевальных приемов. В этом смысле балет как музыка. Какое хочешь придать содержание его позам, такое и придавай - ничего не помешает. В них самих нет никакого содержания.

Если убрать из рук зрителя ту программку, которую он получает перед балетным спектаклем при входе в зал, (в которой ему подробно рассказывается о том, что на его глазах происходит не то, что он подумал, а история Тристана и Изольды), и не сказать ему названия балета, то он никогда в жизни не догадается, что, собственно, он смотрел. Без литературной подоплеки сами балетные танцы - бессмыслица. Ими ничего однозначного передать нельзя. Например, если мы включим запоздало телевизор и увидим на экране мученическими движениями покрывающего сцену танцовщика, который в финале конвульсивно бьет друг о друга сильными нижними конечностями с вытянутыми паралично носками, катаясь по полу в последних усилиях измученного тела, то, что нам помешает просто предположить, что этот достойный человек всего лишь мучим похмельем? Откуда нам знать, что это доктор Фауст из одноименного балета страдает муками совести? И чем наша версия уступила бы официальной, исходя из того, что доктор в колготках вытворяет над собой *в действительности*, а не из того, что предполагается текстом программки? Более того, мы наоборот должны в балете постоянно *преодолевать* видимое нами воочию действие в угоду литературному содержанию, ибо в противном случае мы должны будем сделать окончательный вывод о том, например, что Спартак просто "допрыгался", вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом. А разве взаимное верчение и хватание балерины и балеруна не могло бы выражать своим танцем, например, тщетность такой технической идеи, как попытка навернуть гайку на болт при разном их калибре и шаге резьбы? В любом случае их танец хорошо выразил бы *и эту* мысль.

Итак, мы освободились и от танца. Осталось не так уж много. Изобразительное искусство, литература, песня и театр. Начнем с песни. Это - совмещение жанров. Литература и музыка в сожительстве. С музыкой мы распрощались раньше, следовательно, остается голая литература в форме поэзии. Итак, песня вошла у нас в литературу своим содержанием. Уже меньше.

Театр - тоже литература. Инсценированное литературное действие. Все, что мы можем увидеть на подмостках театра, мы можем и прочитать. При этом у нас возникнет своя версия этой

истории. Театральный же коллектив представит нам свою, несмотря на то, что режиссер вообще имел в виду совсем другое. При этом в одном процессе представления реализуются совершенно разные версии одного и того же содержания. Литературного. Следовательно, в целях упрощения мы относим театр также по его содержанию к литературе. Обстановка с искусством еще более прояснилась.

И вот перед нами два столпа искусства - изобразительное искусство и художественное слово. О непрерывности изобразительного искусства мы уже говорили - человек еще корову доить толком не научился, а из глины уже ее лепил неисчислимо. А как насчет литературы? Ведь до литературы было так называемое народное творчество (сказы, поэмы, саги, эпосы, былины, легенды, притчи, сказания, мифы, мистерии и т.д.), которые передавались изустно, а не в записанном литературном виде. Может быть, нельзя литературе присваивать непрерывность? По-видимому, можно.

Во-первых, художественное слово, если оно даже и не записано, остается художественным словом, то есть литературой. А примитивное слово, даже если оно издано в виде роскошной книги, художественным словом, то есть искусством, не является. Не все, что вышло в печати - искусство, и не все, что в печать не попало - не искусство. План издательства здесь критерием не является.

Во-вторых, все это народное творчество давно уже стало литературой. По крайней мере более двух тысяч лет мы знакомимся с ним именно в этой форме, а не в его исконной. Мы все это читаем, как читаем фельетоны. Тот же процесс. Никто на площадях нас с подвигами Микулы Селяниновича нараспев не знакомит. Книжки есть для этого. Литература.

В третьих, совсем непонятно - что такое народное творчество (фольклор)? А "Преступление и наказание" - не народное творчество? Почему? Потому что автор известен? А если бы автор был неизвестен, то это называлось бы "Былиной о Родионе, Порфирии, карге убиенной и топоре неправедном"? Если мы возьмем восхитившую нас народную песню, сказание или притчу и начнем скандировать: "Автора! Автора!", то к рампе выйдет поклониться с благодарным достоинством не 20-30 миллионов населения того периода, когда предполагаемо было создано так увлекшее нас творение, а кто-то один, просто забытый. Следовательно, если память отшибло, - то это народное творчество, а если автор вписан в каталоги - то это уже не фольклор? Станный принцип разделения полномочий. Нам трудно признать за ним достаточно оснований. Поэтому мы будем считать литературу непрерывным видом искусства, начиная с первых охотничьих рассказов, передающихся из поколения в поколение, и заканчивая нынешними детективами, мало уступающими полетом фантазии этим рассказам.

Точно также без особых потуг можно с полным правом отнести изобразительное искусство и литературу к субъектам истории, которые постоянно изменяются. Осталось только разобраться с их содержанием. А здесь сразу же - неприятности. Потому что изобразительное искусство, конечно же, имеет вполне реальное содержание в каждом своем произведении (картина, скульптура, вышивка, выжигание, энкаустика, лепка и т.д.), но это содержание сугубо вторично. Оно просто отражает мир (если это пейзаж), жизнь (если это жанровая сцена), конкретного человека (портрет) или опять литературу (сюжетные сцены). Абстрактные живопись и скульптура

ничего не выражают своим содержанием, кроме внутреннего мира своих авторов, то есть опять же - ничего. Изобразительное искусство является как бы неким персонифицированным отражением от лица автора окружающего нас мира. Но и мы ведь сами видим окружающий нас мир персонифицировано. Просто не увековечиваем это в творениях. Способностей таких нет. Но ничего нового "изо" (изобразительное искусство, куда нам без аббревиатур?) нам не дает. Тот же мир, только чьими-то глазами. Видимое содержание мира переходит в содержание произведений изобразительного искусства. А мы уже отказались от поисков каких-либо изменений в *видимом содержании*. Оно одно и то же по своему внутреннему смыслу наших одних и тех же встреч с ним.

Кроме того, без литературной основы все содержание изобразительного искусства становится несколько куцым и малозначительным. В этом случае искусство становится искусством ради искусства, то есть формой просто ради своей формы. Такое искусство без литературы в своей основе не дает достаточного простора мыслям своей фабулой (общим законченным замыслом главной идеи) изображенного сюжета, поскольку картинка застывшая, и не видно ни ее предыстории, ни ее конца. Думать не о чем. А с другой стороны искусство без литературы тут же, наоборот, дает настолько большой простор для *разнозначного* понимания того, что изображено на картинке, что мысли просто неудержимо растекаются и размазываются в равновероятных направлениях смысла того, что стоит за тем, что застывшим образом видится перед глазами. Например, если под картиной целующейся пары не помещена надпись "Первый поцелуй", то, без ее пояснительного комментария эта сцена ничего не дает уму, поскольку мы не знаем вообще ничего о том, как развивались события до того момента, пока они не привели к слиянию губ героев, что это вообще за герои, и по какому поводу они целуются. Так же нам трудно в этой ситуации подобрать основания под то мнение, что это какой-то особенный поцелуй, а не привычные уже шалости, а тогда в чем может предполагаться особенность данной сцены от остальных таких же сцен из жизни героев? А с другой стороны без этой подписи та же самая картина одновременно слишком много дает свободному уму, который может предположить, что это вообще последний поцелуй, или 37-й поцелуй, или хороший поцелуй, или плохой поцелуй, или совсем поцелуй между обалдевшими братом и сестрой, или вообще никакой не поцелуй, а какая-то рискованная игра, приведшая к случайному поцелую по неслучайной оплошности и т.д. Ну а если такая надпись под картиной для нас есть, то, наоборот, с одной стороны слишком большое поле для вольных предположений получает уже сама предыстория первого поцелуя, и содержание становится совершенно неконкретным из-за неисчислимого количества наших версий. Единого содержания нет. Но при данном широком на первый взгляд выборе возможных вариантов предстоящих поцелую событий, слишком мало вариантов остается для заинтересованного поиска нюансов уже зарисовано предложенных житейских обстоятельств на текущем плане картины, поскольку все в ней тогда ясно, кроме, может быть, одного - для кого из двоих этот поцелуй первый? А это тоже не столь существенно для того содержания, которое могло бы определять наши задачи перед Ним в этом мире. А вот если бы художник, например, изложил эту сцену в форме краткого литературного очерка о своем первом поцелуе, то мы

узнали бы об этом гораздо более того, что нам вообще хотелось бы узнать от него об этом моменте его жизни. Но это было бы конкретно и содержательно.

Например "Счастливые возможности качелей" Фрагонара - забавная сценка. Но что в ее содержании такого, что не могло бы иметь места в реальной жизни, то есть в реальной истории, и почему мы должны в этом случае свои реальные возможности нашей возможной задачи переносить в нереальную живопись? "Шубка" Рубенса вообще уступила бы по нашим личным последствиям всей гаммой наших переживаний тому случаю, если бы героиня этой картины в тех же обстоятельствах предстала перед нами вживую. За каким содержанием здесь можно из реальной жизни идти в область изобразительного искусства? "Охота на львов" Делакруа - это всего лишь эпизод охоты и не больше. А вот "Христос в пустыне" Крамского - это литература, потому что мы про это читали, а теперь видим в качестве иллюстрации. Эту картину можно рассматривать часами. Следовательно, все изобразительное искусство (в пределах задачи нашего поиска) - всего лишь иллюстрация литературных замыслов. Там, где у него есть серьезное содержание, там есть литературная подложка. А там, где это просто некий мазок природы или нашего быта без литературной сердцевины, там бессодержательность, которую мы не приветствуем для наших узких целей. Все это заставляет нас действовать дальше по уже знакомой схеме - избавляться от "изо" в пользу литературы, потому что в изобразительном искусстве нет ничего, что было бы без литературы значительно глубоким по содержанию, а в литературе есть все, что может сделать изобразительное искусство субъектом истории, в котором есть содержание, поддающееся анализу.

Вообще, перескакивая от изобразительного искусства к литературе, следует сказать, что и все остальные виды искусства, как некоторые уже могли заметить, замыкаются своим содержанием на литературу, то есть на определенный сюжет. Если какой-либо вид искусства хочет иметь содержание, то он обращается к литературе, поскольку сюжет - это и есть содержание. Опера, балет, песня, сюжетная живопись, театр, кинематограф - все это формы и способы переработки сюжета в различные условные приемы его передачи. Сначала есть литературный сюжет, а затем он превращается в сценарий, либретто, композицию картины, текст песни, музыкальный лад и т.д. Нас весьма насущно интересует содержание искусства, следовательно, нас интересует именно сюжет, а сюжет - это прерогатива литературы. Поэтому мы закономерно подошли к тому виду искусства, который может стать результатом нашего поиска - литература.

Конечно, если смотреть на все искусство более широко, то есть как на способ познания гармонии мира, то сюжет можно отнести и ко вторичным, или даже к несущественным элементам искусства. Но нас искусство интересует не как форма сопричастности человека красоте мира, а как исторический субъект, поэтому мы так и заикливаемся на содержании.

С другой стороны гармонию лучше познавать вообще в бессюжетно чистом виде - на пейзажах, натюрмортах, мелодиях, в крайнем случае, на портретах и т.д. Гармония может в чистом виде проявляться только там, где нет сюжета. Иначе от содержания вообще никуда не уйти. В одной книге посчастливилось прочитать вывод искусствоведа о том, что гармония и красота сами по себе создают высокое искусство, используя содержание лишь как



вспомогательное средство. Ученый приводит пример росписи, где Орфей поет свою песню, а ему почтительно внимает высокое общество. Что в этом сюжете такого, что заставляет его переживать века (спрашивает автор)? Ничего! Один поет, а другие слушают. Но сама композиция фигур, наклоны головы, положения рук, утонченные по соотношению пропорций позы слушателей, и само выбранное по теории "золотого сечения" местоположение певца в центре фигур создают ту красоту гармонии, которая из банального сюжета позволила древнегреческому художнику создать непреходящий шедевр. Вот так это трактуется. Ну, что ж, мы согласны. Мы готовы проголосовать за это двумя руками. Всем сердцем и всей душой. Сюжет банальный. А гармония спасает. А если бы сюжет был не банальный? Если бы, например, Орфей не пел в центре восхищенных фигур, а онанировал? Тогда гармония спасла бы?

Поэтому мы, обращаясь к содержанию, сознательно уходим из-под настоящей увязки нашего содержания с гармонией или красотой в искусстве, поскольку это предмет не нашего ума и не нашего разговора. В силу сказанного факт того, что мы отбросили все виды искусства и оставили лишь литературу, говорит не о том, что мы отвергаем эти виды вместе с их несомненной красотой и способностью к высокой гармонии, а говорит только о том, что именно литература насыщает эту гармонию и красоту неким смыслом, который нам удобно анализировать в поисках присутствия Бога в этом процессе таким образом, как мы это делали, например, в науке. Это не эстетический, а чисто технический прием. Пожелаем себе успехов.

Переходя к литературе, хочется сказать, что есть еще одно ее преимущество перед остальными видами искусства, которое заложено в том, что литературная деятельность ненавязчива, но общедоступна. Рисовать может далеко не каждый. Абсолютный слух достается единицам. Дальтоники не могут видеть красоту картин. Люди без слуха не понимают красоты музыки. Человек неискаженных чувств не ходит в оперу или на балет. Не посещает он и филармоний, выставок, экспозиций, вернисажей, бьеннале и прочих духовных праздников. А книгу прочитать может каждый. В этом сила литературы. Она не требует особых подвигов - достаточно лечь на диван и раскрыть издание. И так исторически человек может получать ту духовную информацию, которую Бог мог бы через избранных (писателей и поэтов) поставлять человеку с древности и до нынешнего времени. А почему бы и нет? Схема доставки очень удобная. Почему бы и не воспользоваться? Но прежде, чем разобраться с тем, что поставляется таким путем (если поставляется), посмотрим на самих участников транзита. На тех, кто эту информацию получает для передачи нам. То есть на литераторов. Прямо скажем, что даже простой обзор имен, заставляет опустить руки еще задолго до того, как придется, возможно, перейти от них самих к тому, что они пишут. Возникает удивительная закономерность присутствия в их судьбах и жизнях одних и тех же, не вдохновляющих нас своим содержанием, событий. Эта группа людей выделяется из всех остальных профессиональных групп людей на земле одним поразительным признаком - наличием огромного процента умопомешательств, самоубийств, алкоголизма и половых извращений. Нельзя сказать, конечно же, что как писатель, так шизофреник или гомосексуалист, но таких среди них слишком много для того, чтобы совсем не было оснований предполагать, что литературный дар сопровождается именно этими дарами психики. Обратимся к фактам.

Эдгар По. Американский писатель. Он создал такие жанры, как триллер и детектив, ("Убийство на улице Морг", "Золотой жук", "Украденное письмо" "Рукопись, найденная в бутылке", "Черный кот", "Падение дома Эшеров" и т.д.), что уже говорит о многом. Согласимся, что создать два таких популярных жанра, может быть, два самых популярных жанра в литературе, мог только человек непростой. Как минимум это непреходящая фигура для истории литературы. Эта фигура умерла в психиатрической больнице от алкоголизма в 40 лет.

Сергей Есенин - ужасное по исполнению самоубийство в 30 лет: взрезал себе вены, кровью написал последнее стихотворение и повесился на трубе отопления, от которой правую сторону его тела покрыло волдырями от ожогов.

Хосе Марьяно Ларра - испанский писатель, автор первой романтической пьесы Испании ("Масиас"). Уже велик, как первый. Кроме того, является основателем направления "костумбризма" в испанской литературе. Что это такое - мы не знаем. Мы знаем только, что основать что-либо вообще, а тем более в литературе - занятие не для простого обывателя. Маститый, видать, был писатель. Покончил собой в 28 лет.

Дмитрий Писарев. Русский публицист и критик. Советское литературоведение почему-то относилось к его наследию с повышенным интересом. А он уже в 20 лет впал в тяжелое умственное расстройство и лечился в психиатрической больнице, после чего был совершенным подавленным неврастеником. Утонул при странных обстоятельствах в 28 лет.

Ла Рошель Дриё. Французский поэт и писатель. Вошел в энциклопедии. Самоубийство в 32 года.

Иоганн Гёте. Самый великий немец в литературе. Великий поэт и автор великого "Фауста". Гордость Германии и литераторов всех других стран. Был душевнобольным. Официальный диагноз - циркулярный психоз.

Александр Левитов. Русский писатель, автор очерков о деревне после отмены крепостного права и рассказов о "Московских норах и трущобах", в которых оказались разорившиеся крестьяне. В 25 лет спился, нищенствовал в Москве, бродяжничал по России. В 42 года умер в университетской клинике больной туберкулезом и страдающий длительными запоями.

Михай Эминеску, румынский и молдавский поэт и писатель. Исторические романы, поэмы, новеллы, сказки, сборники фольклора. Был издателем журнала. Считается последним романтиком румынской литературы. Сошел с ума в 33 года.

Август Юхан Стриндберг - шведский писатель ("Красная комната", "Фрекен Юлия"). Шведы им гордятся, все остальные сильно уважают. Страдал шизофренией в тяжелой форме.

Шарль Жиль - французский поэт-песенник. Был необычайно популярен в свое время. Французы любят хороший шансон. Самоубийство в 36 лет.

Эмпедокл из Агригента - древнегреческий поэт-философ. Написал две философские поэмы, имел массу почитателей и учеников. Считал себя богом. Чтобы доказать это всем остальным разбежался и прыгнул в кратер Этны. Почему-то решил, что боги периодически сигают в кратеры потухших вулканов. А может и по другим соображениям. Было ему уже 60 лет - соображать к тому времени должен был.

Николаус Ленау - австрийский поэт. Очень плодовитый. Оставил пять невероятно крупных по объему поэм об исторических лицах (Яне Жижке, Савонароле и т.д.). Кроме того, написал свой вариант "Фауста" и "Дон Жуана", а также пять больших сборников стихов. Сошел с ума от всего этого в 42 года.

Алексей Плющ - украинский писатель, автор стихов и рассказов. На Украине почему-то искони немного было поэтов и писателей. Каждый на счету и каждый дорог. Этот покончил жизнь самоубийством в 20 лет.

Микалюс Чюрлёнис - гордость и слава литовской литературы (кроме того, художник и композитор). Автор первых литовских симфонических поэм. Работал над синтезом музыки и изобразительного искусства. То есть предварил собой клипмейкерство. У литовцев нет фигуры, более монументальной по оригинальности и новаторству. Сошел с ума. Умер в 36 лет.

Иван Бунин, нобелевский лауреат. Влюбился в лесбиянку и привел ее домой. Жили все троим - жена, писатель и пришлая лесбиянка. Затем эту лесбиянку увела другая лесбиянка. Бунин их нашел и вернул в дом. Теперь жили вчетвером. К счастью все это было в его последние годы, иначе вскорости его дом превратился бы в общежитие лесбиянок. Нормальный?

Лорд Байрон - английский поэт, создатель моды на романтизм во всей (!) европейской поэзии. Для Англии - культовый поэт. Врач-психиатр доктор Бэли в свое время признал его буйно помешанным и настаивал на помещении поэта в психиатрическую лечебницу. Байрон бежал из Англии. Был наркоманом (употреблял опиум) и имел кровосмесительную половую связь с собственной сестрой.

Симона де Бовуар, французская писательница. Экзистенциалистка по философским воззрениям (непознаваемость мира человеком и общая абсурдность мира). Известна как жена Поля Сартра, но, вероятно, это было всего лишь творческим союзом, так как сама Симона радости любви получала исключительно с женщинами. То есть была лесбиянкой.

Эрнст Теодор Амадей Гофман. Немецкий писатель-романтик (например, знаменитые сказки "Щелкунчик" и "Крошка Цахес"), композитор, автор романтической оперы "Ундина". Самоубийство в 46 лет.

К великому сожалению поклонниц Сомерсета Моэма мы должны их огорчить, упомянув о том, что он гомосексуалист.

Янонис Юлюс - литовский поэт-революционер. Руководил бродячим театром и издавал рукописные (!?) журналы. Основоположник литовской пролетарской поэзии (как поэзия может быть пролетарской - непонятно, но тем более почетно быть, наверное, основоположником чего-нибудь непонятного). Самоубийство в 21 год.

Рауль Помпейя - бразильский писатель, директор Национальной Библиотеки Бразилии, автор первого психологического романа в бразильской литературе ("Атенау"). Еще один первый. Для Бразилии и для всей Южной Америки - величина! Самоубийство в 32 года.

Марина Цветаева, русская поэтесса. Повесилась в 49 лет.

Антонен Арто - французский писатель. Имя очень громкое. Арто - герой контркультуры (интересно, а можно его называть "контргероем культуры?") и основатель сразу: "театра действий", "тотального театра", психодрамы и хеппеннинга. Неплохо, даже для героя. Кроме

того, известен как теоретик языка. У него в 30 лет начались проблемы психики, приведшие к наркомании. Но он продолжал писать до тех пор, пока в 41 год не был насильно интернирован в клинику для сумасшедших, причем, навсегда. Вероятно, он и там писал, потому что попал прямо в средоточие контркультуры.

Фердинанд Саар - австрийский писатель, последователь Тургенева. Самоубийство в 73 года.

Сам Иван Тургенев любил Полину Виардо, ездил за ней повсюду по свету, писал либретто к ее операм, которые ставил ... муж Полины Виардо, которую любил Иван Тургенев, и который жил все время рядом с ее домом и писал либретто для ее опер, которые ставил постоянный сосед Тургенева, который был мужем Полины Виардо, которую любил его неизменный сосед Иван Тургенев, которому жилье оплачивала Полина Виардо и который писал либретто для ее опер, которые ставил ее муж, на деньги которого Полина Виардо покупала дома Ивану Тургеневу, который ...

Адам Гордон. Австралийский поэт. Создал новую поэтическую форму, обогащенную разговорной речью. Предтеча австралийских поэтов-балладников. Тоже немало, тоже непросто. Покончил с собой в 37 лет.

Маркиз де Сад. Французский писатель. Из значительных. Слово "садизм" произошло от его фамилии. Писал порнографические романы с элементами насилия и жестокости. Эротоман, неоднократно помещался в клиники для душевнобольных. Последние 12 лет своей жизни провел в качестве неизлечимо больного в психушке Шарантон.

Ян Лехонь. Польский поэт, редактор литературного еженедельника, шесть сборников стихов. Гордость польской поэзии. Самоубийство в 57 лет.

Валерий Тарсис - советский писатель, лидер диссидентской литературы. Умер в Швейцарии в сумасшедшем доме. С таким же успехом он мог бы это сделать и в ненавистной ему России.

Алиса Бейли - знаменитая английская писательница-эзотерик ("Трактат о семи лучах", "Трактат о космическом огне"). Уже в детстве трижды (!) пыталась покончить собой. В последний раз в 5-летнем возрасте. С тех пор всю жизнь под постоянным наблюдением психиатров. Утверждает, что все книги написаны ею под диктовку какого-то "тибетца". Для эзотериков (специалистов по тайнам тонкого мира и его энергетическим составляющим) это может быть и нормально. Работа такая. Для нас - не совсем.

Томас Беддоуз - английский поэт, последователь Шелли (который довел до самоубийства свою первую жену), автор романтических поэм и драм. Самоубийство в 46 лет.

Елеонский С. (Сергей Милявский) - русский писатель, бытоописатель, обличитель духовенства (интересно - в чем можно обличать духовенство?), по-видимому, закономерно сошел с ума, а затем и покончил с собой в возрасте 50 лет.

Фридрих Ницше - великий немецкий, да и мировой философ и филолог, а также писатель. Сошел с ума в возрасте 45 лет и умер в сумасшедшем доме через 11 лет после этого. Кстати, это он автор знаменитой фразы: "Каждому - своё". Соглашаемся с ней в данном случае.

Панаит Истрати - румынский писатель. Его называют - "балканский Горький". Титул сомнительный, но звучный. Тяжелое нервное расстройство с 1912 по 1923 годы. 11 лет полного молчания. Затем Ромэн Роллан уговорил его вновь начать писать. Истрати уговорился и написал ... антисоветскую книжку. Роллан обиделся. На больного!

Джек Лондон сидел в тюрьме за бродяжничество, будучи уже состоятельным гражданином и писателем. По собственному признанию всю жизнь боролся с алкоголизмом (с Джоном-ячменное зерно) и тягой к опиуму. Самоубийство в 40 лет. Отравился.

Константин Батюшков. Храбрый офицер, герой, изысканный поэт. Один из зачинателей русской поэзии. Его очень ценил и любил Пушкин. Батюшков сошел с ума в 36 лет. Поражение психики было настолько сильным, что он не узнавал даже навещавших его друзей.

Франц Кафка. Знамя модернизма в литературе. Австрийский писатель. Постоянное депрессивное состояние психики, постоянные ночные кошмары. Половую любовь считал наказанием за право быть вместе с человеком, который нравится. В 29 лет заболел тяжелой формой неврастении. В завещании запретил издавать свои книги, в которых кошмары перемежаются бессмыслицей, а бессмыслица кошмарами. Но считается знаковой фигурой и его принято хвалить именно за эти кошмары и бессмыслицу. Сам Кафка, как мы понимаем, относился к себе строже и правильнее, чем критики, судя по его завещанию.

Фридрих Глаузер - швейцарский писатель, автор детективных романов. Создатель первого в литературе образа неудачника-полицейского, расследующего дела по обязательному счастливому везению, а не по проницательности и хватке (комиссар Якоб Штудер). Прожил Глаузер на белом свете 44 года, из них треть - в больницах или в тюрьме из-за наркомании.

Надежда Львова - русская поэтесса, которая перевела на русский язык Пьера Лафарга. Удивительно талантлива. Валерий Брюсов даже написал о ней книгу "Стихи Нелли". Покончила с собой в 22 года.

Атила Йожеф - венгерский поэт. Экспрессионист и сюрреалист сразу. Пытался соединить марксизм с фрейдизмом. Это уже говорит о многом. Даже если бы он был специалистом в одном из этих двух течений, то его уже можно было бы направлять на обследование. А он вообще пытался их соединить. Для Венгрии весьма значительная персона. Но не тем занимался. В результате - душевное расстройство и самоубийство в 32 года.

Вальтер Хазенклевер. Немецкий поэт-драматург. Один из создателей стиля экспрессионизма. Весьма серьезный автор, раз создал целый стиль, как мы видим. Самоубийство в 49 лет.

Стиг Догерман - шведский писатель. Романы и драмы. Известен как реалист-сатирик. Самоубийство в 32 года.

Эрих Мюзам. Немецкий поэт, драматург, редактор сразу двух журналов. Проповедовал в книгах и пьесах право народа на революционное насилие, поскольку по политическим взглядам был анархистом. Фашисты применили к нему провозглашаемое им право на насилие и посадили его в концлагерь Орианненбург, где он в 56 лет покончил собой.

Иегуда Галеви - еврейский поэт. Родом из Толедо. "Книга Хазара" - поэтический диалог представителей разных религий. Сильно замахнулся. Один из первых испаноязычных поэтов

вообще. Тоже не из простых участников истории литературы. Первые они всегда первые. Заболел душевным расстройством, сошел с ума и ушел бродяжничать в Палестину, где сгинул без вести.

Анна Кирпищикова - русская писательница, летописец революционного движения в горнозаводской промышленности Урала. Советская власть даже установила ей в 1926 году (за год до смерти) персональную пенсию. Оказала почести. Но в пустую, потому что за 36 лет до этого у летописицы наступил период слабоумия, который продолжался до смерти.

Александр Казбег. Грузинский писатель. Один из крупнейших в грузинской истории. Перевел на грузинский язык "Горе от ума" Грибоедова, "Ромео и Джульетту" Шекспира, стихи Лермонтова. Высокообразованный дворянин. 7 лет пастушествовал с чабанами, после этого за шесть лет написал все, что написал, а затем в 38 лет сошел с ума.

Йохен Клеппер - немецкий писатель, романист. Совершил самоубийство в 39 лет *вместе со всей своей семьей!* Николас Линдсей, американский поэт. Ввел в американскую поэзию мотивы негритянского народного фольклора. Самоубийство в 42 года.

Ги де Мопассан, которого не могут не знать наши читатели, страдал манией величия в самой острой форме и умер в сумасшедшем доме буйно помешанным прямо в смиренной рубашке. Врачи не решались ни на час развязать его, настолько был буен.

Гарсиа Анхель Ганивет - испанский писатель. Предтеча современной испанской литературы. То есть от него она и пошла. Исполин! Самоубийство в 33 года.

Фредерико Гарсиа Лорка. Один из тех, кого породил Ганивет. Испанский поэт и драматург. Знаменит. По воскресеньям устраивал дежурные праздники, сутью которых был один и тот же домашний спектакль, где сеньор Лорка умирал и лежал в гробу. Гости подходили к гробу по очереди, где должны были удрученно сообщать вслух те приметы разложения и гниения, которые они заметили на трупе почтенного поэта. Заканчивалось все это всегда одной и той же сценой - труп не выдерживал и раздражался истерикой от жалости к себе. Его связывали и давали успокоительное. Так продолжалось с удивительным постоянством, пока франкисты не расстреляли Лорку по настоящему. Этим они сразу же сделали его героем гражданской войны.

Костас Кариотакис - греческий поэт, один из лидеров греческой поэзии 20-х годов 20-го века. А лидером в то время быть было нелегко, поскольку это время было вообще расцветом поэзии во всем мире. Это был тогда самый модный жанр литературы. Лидер совершил самоубийство в 32 года.

Жерар де Нерваль - французский поэт. Его перевод "Фауста" заслужил похвалу самого автора (Гёте). Автор пьес и рассказов, либретто к операм, сонетов. Считается, что вместе с Гюго и Бодлером положил начало перевороту во французской лирической поэзии. Не просто стрелочник. Тяжелое душевное расстройство и самоубийство в 47 лет.

Соратник де Нерваля по перевороту Шарль Бодлер был совершенно пропащим наркоманом.

Эрнст Хемингуэй, флаг американской литературы, лауреат Нобелевской премии. Выйдя из психиатрической больницы, застрелился в 62 года.

Всеволод Гаршин. Удивительно поэтический русский писатель. Если кто читал "Лягушку-путешественницу", тот помнит, как после первых же абзацев оправданное отвращение к лягушкам пропадает, и сердце проникается к ним нежностью. Удивительный по доброте талант! С детства страдал неврозами. 2 года провел в психиатрической больнице. По выходу - бросился в пролет лестничной площадки во время припадка. Самоубийство. 33 года.

Иоганн Хёльдерлин - немецкий поэт. Да не простой, а новатор немецкого поэтического языка. Разработал новые для немцев формы свободного лирического стиха. В Германии существует культ Хёльдерлина. Они на него молятся. Сошел с ума безвозвратно в 32 года.

Нуво Жермен. Французский поэт. Считается, что его творчество - источник художественных приемов Элюара. Так сказать, предтеча. Гомосексуалист. Любовник поэта Артюра Рембо. В 49 лет повредился умом и стал бродяжкой. Нищенствовал и скитался в безумном виде около 30 лет.

Антеру Кинтал - португальский поэт. Основатель португальского реализма и борец с романтизмом. Жизнь своей реально доказал наоборот силу романтизма - покончил с собой в 49 лет.

Николай Васильевич Гоголь. Комментариев этот писатель не требует. Умер в 43 года от умственного расстройства. Сам себя уморил голодом. Добровольно.

Генрик Ибсен, знаменитый норвежский драматург, имеющий мировую славу. В последние годы жизни сошел с ума.

Александр Фадеев. Великий автор "Разгрома", который до сих пор многими считается образцом подачи материала в самой краткой и насыщенной форме. Непревзойденным считается Пушкин, который смог первой фразой "Дон Жуана" ("Уф! Наконец достигли мы ворот Мадрида!") передать невероятное количество информации: "уф" - говорит об изнеможении от длительного пути, усталости, "наконец" - о нетерпении, надежде, завязке какой-то надежды, "достигли" - герои находятся вплотную у цели физически, а не в мечтах или планах, "мы" - героев как минимум двое, "ворот" - дело происходит в средние века, "Мадрида" - в Испании, в ее столице. Второе место занимает в этом ряду первый абзац романа "Разгром" Фадеева, где тому удалось буквально в нескольких предложениях передать место действия, время действия, боевую обстановку на этом участке фронта, рост Левинсона, его отношения с Метелицей, место Метелицы в романе и в отряде, и сам характер всей партизанской обстановки в районе описываемых событий. Фадеев застрелился в возрасте 55 лет. До этого страдал удивительно тяжелым алкоголизмом.

Орасио Кирога. Уругвайский писатель. Первый и крупнейший новеллист Латинской Америки. Помимо этого еще и основатель литературы "зеленого ада" (борьбы с тропиками). Сколько мощи и величия! Самоубийство в 59 лет.

Алексей Горький. В молодости стрелялся. Не его заслуга, что остался жив. Целился в сердце, но врачи вытянули. Если бы не врачи, так бы и ушел из жизни и считался нами самоубийцей. А так он всего лишь бродяжничал, был бомжем, в конце жизни усыновил тридцатилетнего парня и непонятно зачем жил в Советской России, руководство которой ненавидел всей душой.

Виктор Викторович Гофман - русский поэт, символист. Не последняя фигура среди символистов. Последователь Бальмонта. Самоубийство в 27 лет.

Тококу Китамура - японский поэт. Руководитель движения молодых писателей Японии 19 века. Не просто так жил человек! Помимо этого был издателем. Издавал журнал "Мир литературы". Наложил на себя руки в 26 лет.

Оскар Граф. Немецкий писатель. "Почвенник". То есть не просто писатель, а один из ведущих в каком-то направлении. Бродяжничал, 3 года лечился в психиатрической больнице. Лечение закончилось неудачно - после выписки вступил в социал-демократическую партию.

Владислав Озеров - русский драматург, демократизатор языка классицизма. Ввел в язык трагедий нетрадиционные метры, в том числе и вольный ямб, который до этого считался пригодным только для басен. На его пьесах сформировалась национальная русская школа трагической игры. Колоритная личность! В 41 год сошел с ума. Сжег весь свой архив.

Осаму Дадзай - японский писатель. Написал знаменитую книгу "Цвет остроумия" о попытке самоубийства. Прославился, а затем наложил на себя руки в 39 лет. В качестве эпилога к книге?

Генрих фон Кляйст - немецкий писатель-романист. В Германии с 1911 года существует литературная премия имени Клеяста (лауреаты Бертольд Брехт, Анатоль Франк, Стефан Цвейг, Анна Зегерс). Почетное имя. Кроме того, считается предшественником всей современной модернистской драмы. Очень значимая фигура, получается. Самоубийство в 34 года.

Юджин О'Нил - американский писатель, лауреат Нобелевской премии. Самый великий американский драматург. В 48 лет начала прогрессировать душевная болезнь, полностью победившая его в 52 года. Перед смертью сжег рукописи шести из 8 неопубликованных пьес, написанных до умопомешательства.

Иван Гончаров, автор "Обломова", в конце жизни страдал сильным психическим расстройством.

Христиан Граббе - немецкий писатель. Немцы называют его "немецкий Шекспир". Лестное имя для любого писателя. Умер от алкоголизма в 35 лет.

Владимир Маяковский - самоубийство в 37 лет. Ругал Есенина за самоубийство и ядовито замечал, что, наверное, чернил не оказалось в гостинице, где тот повесился, иначе - зачем было писать кровью? Там же от него досталось и Пушкину, который в понимании Маяковского стрелялся по пустякам: "Их и сейчас поныне много ходит, охотников до наших жен". *Наших!* Мол, мы с Пушкиным... Пушкина *убили* на нечестной дуэли (у Дантеса под китем была кольчуга), а Владимир Владимирович сам в себя стрельнул, также, не удержавшись от предсмертного стихотворения ("любовная лодка разбилась о быт").

Чарльз Алджернон Суинберн - английский поэт, драматург, критик. Выпускник Оксфорда! Враг церкви и ниспровергатель викторианской поэзии (старой английской манеры стихосложения). Обновил систему английской просодии, ввел в поэзию трехсложные размеры, а также дольник, чем первый освоил и дал другим новые ритмы. Вообще-то, знакомясь с отзывами на Суинберна, нельзя не заметить, что чаще всего его не называют просто "Суинберн". Негласно в этом случае принято говорить обязательно "Ах, Суинберн!". Указав в начале данного абзаца его



имя без этого восторженного местоимения, мы несколько нарушили добрую традицию, потому что нам не до конца ясно - относится ли это "ах!" также и к тому, что поэт был демонстративным гомосексуалистом? Правда, иногда он, бывало, менял сексуальную ориентацию: для этого у него была любимая обезьянка, которую он одевал в женское платье, давал ей нежные прозвища и ходил с ней на приемы, представляя как свою любовницу. Вот поэтому мы и сомневаемся - может быть одного "ах!" перед его именем непочтительно мало?

Чезаре Павезе. Итальянский писатель, перевел на итальянский язык Даниеля Дефо, Чарльза Диккенса, "Моби Дик" Мелвила, Джона Стейнбека, Уильяма Фолкнера. Автор повестей и романов, лауреат престижной литературной премии "Стрега". Самоубийство в 42 года.

Ту Сук-Ун, китайский поэт, буддист по вере. Поэма "Ши пинь" вызвала в Китае волну подражания, которая накатилась, но не отхлынула, преобразив полностью всю китайскую поэзию (поэма - литературоведческое исследование законов и таинств поэзии!). В зените славы покинул перспективную службу, уединился и уморил себя голодом. Мы уже знаем "балканского Горького" и "немецкого Шекспира", может быть, у нас появились основания говорить о "китайском Гоголе"?

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский. Русский писатель. Перевел "Спартак" Джованьоли, писал пропагандистские сказки, автор биографий-очерков о Софье Перовской, Вере Засулич, Петре Кропоткине, Степане Халтурине. Можно считать его основателем русской серии "Жизнь замечательных людей". Также имел на счету романы (литературные произведения, имеется в виду, конечно) и активно участвовал в народничестве. Возможно, излишне активно, потому что в 1878 году убил шефа жандармов Мезенцева Н.В.. Но сам так не считал, потому что написал об этом откровенную книжку и скрылся за границу, где в 33 года озадаченно бросился под поезд.

Демосфен - древнегреческий оратор. В то время это приравнивалось к литературному труду. Легенды о его красноречии живы до сих пор. Самоубийство в 62 года.

Эзра Паунд - американский поэт, основатель имажизма. Издавал свой вариант "Божественной комедии" Данте в виде поэтических сборников "Песни". Задумал 100 "Песен", но не успел. Издал 93 и помешался в 60 лет. Провел в психиатрической клинике 13 лет.

Сумароков Александр Петрович - русский поэт и драматург. Его любовные песни были новым жанром для русской поэзии и расходились в списках еще задолго до печати. Первый русский драматург, который начал ставить драмы и трагедии не в условно-мифологическом ключе, а на основе событий реальной жизни. Издатель первого русского литературного журнала ("Трудолюбивая пчела"). В последние годы жизни совершенно спился, обнищал и умер от запоя.

Бонавантюр Деперье - французский писатель-гуманист. То есть тоже нестандартная фигура, если есть уточнение, что он "гуманист". Самоубийство в 43 года.

Карло Роберт Крамсу - горячий финский поэт и описатель горячих крестьянских восстаний горячих финских крестьян против холодных шведов и горячих финских феодалов. Привнес в поэзию крестьянскую лексику, чем заслужил звание горячего новатора. В 36 лет сошел с ума. Погорячился.

Оскар Уайльд, английский писатель и автор знаменитого "Дориана Грея". Получил 2 года тюрьмы за педерастию по иску отца своего любовника. Жена от позора сменила фамилию и бежала с детьми из Англии.

Казимеж Тетмайер - польский писатель и поэт. Лидер течения поэтов "Молодая Польша". Опять лидер! Исторические романы о Татрах. Борец с культом Наполеона в Польше, которого поляки просто обожали за то, что тот попытался воевать с Россией (хотя именно они, поляки, здесь были вообще не при чем). Тетмайер сошел с ума в 55 лет.

Лев Толстой до такой степени замучил своих домашних скандалами и угрозами, что они вызвали врача-невролога Россолимо Григория Ивановича, который в то время был светилом клинических методов исследования нервной системы. Вот диагноз, который поставил Россолимо графу: "Дегенеративная двойная конституция, паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой". Надо было писателя в клинику укладывать, да не поверили врачу. В итоге больной сбежал из дома и умер на вокзале.

Эмили Дикинсон - американская поэтесса, новатор поэтического языка. Новаторство состоит в том, что она игнорирует официальную грамматику и создает неведомые ранее в литературе ритмы поэтического стиха. В 24 года сильное психическое расстройство и добровольное затворничество в доме. Прожила 32 года (!) после болезни не выходя из дома. Завещала уничтожить весь свой архив, но он вызвал огромный интерес (более 2000 стихов) и сделал ее знаменитой через 34 года после собственной смерти и вопреки ее воле.

Матвей Дмитриев-Мамонов - русский публицист, поэт. Писал белым стихом и свободным ритмом, что было в то время большим новаторством, так как он был современником Пушкина. Сошел с ума в 36 лет.

Любимый многими за свои новеллы Стефан Цвейг совершил самоубийство в 61-летнем возрасте в Бразилии, да еще и подбил на это солидарную жену.

Жан Жене - французский писатель. Пожалуй, самый скандальный писатель и драматург Франции, если не считать маркиза де Сада. Модернист, многократно сидел в тюрьме за ... воровство. Не скрывал своего гомосексуализма и даже публично гордился им. Де Сад в этом отношении получше будет...

Ткачев Петр Никитович, русский публицист и критик. Тот самый Ткачев, начитавшись которого, семинарист Сосо Джугашвили, вместо того, чтобы стать православным священником, стал русским царем Сталиным (кстати, его мать говорила ему прямо в лицо, что лучше бы все обернулось наоборот! Вот тебе и яблоко от яблони!). Ткачев, помимо того, что известен как философ, высказавший мысль, что малая часть народа имеет право через насилие над всем остальным народом в виде революций менять условия государственного строя, нам в данном случае интересен тем, что это был первый литературный критик, основывающийся на марксизме. Это ему вменяется в заслугу. Напомним, что марксизм - это экономическо-политическое учение. Интересно, а можно ли быть критиком литературы на основе какого-либо экономико-географического учения, или сразу уже на основе бухгалтерского аудита? И будут ли при этом воздаваться те же самые почести? Ткачев не успел подумать над этим, основываясь на марксизме, - сошел с ума в 38 лет.

Петроний - римский писатель, автор "Сатирикона", имел прозвание "арбитр изящества". Покончил с собой. Не можем ручаться, что изящно.

Харт Крейн, американский поэт. "Мэтр модернистской поэзии". То есть ее непревзойденный мастер, достигший всех вершин. Мэтр покончил собой на одной из вершин в 33 года.

Достоевский Федор Михайлович страдал шизофренией.

Эрнст Толлер - немецкий драматург и публицист. Лидер европейского экспрессионизма! Ого! Его пьесы и сейчас ставятся в Австрии и Германии. Самоубийство в 46 лет.

Георг Тракль - австрийский поэт. Фармаколог по профессии. Его популярность не уступала популярности Брехта. По крайней мере, бунтарская молодежь Германии их двоих не разделяла по восторгу и не различала по рангам. Оказал большое влияние на поэтов в странах немецкого языка. В 27 лет покончил с собой.

Теодор Драйзер, американский писатель. В конце жизни вступил в коммунистическую партию. В Соединенных Штатах Америки!!! Это само по себе - диагноз.

Иван Куцевский - русский писатель. Написал один роман, рассказы, очерки. Был известен и читаем в Петербурге. На него была мода, но она не перешла в устойчивую - умер от алкоголизма в 29 лет.

Курт Тухольский - немецкий писатель, публицист и поэт. Особенно популярен был именно как поэт. Любимец немцев Эрнст Буш (немецкий Фрэнк Синатра) пел песни, сочиненные как раз на слова Тухольского. В Германии самодовольных ослов называют нарицательным именем "Вендринер". А это персонаж из произведения данного писателя, который в 45 лет покончил с собой.

Аваз Отар-Оглы - узбекский поэт. 1700 газелей, просветитель. Сошел с ума и был закован в цепи как дикий зверь.

Николай Васильевич Успенский - русский писатель и талантливый журналист. "Современник" Некрасова работал с ним с особым удовольствием. Его очень хвалил Чернышевский. За описания трудной жизни простого народа его сначала очень любили народники, а потом также очень и разлюбили, потому что Николай Васильевич не считал, что народ надо делать героем истории - народ, если его не принуждать, сам к красивой и культурной жизни не очень стремится. Долго ли коротко ли они спорили, а в 37 лет Успенский сошел с ума, стал бомжем и покончил жизнь самоубийством.

Дельмира Агустини - уругвайская поэтесса, модернистка. Признано, что от нее пошла все поэтессы Америки. Если это так, то пожелаем им далеко не заходить в этом подражании, так как Агустини покончила с собой в 28 лет.

Мануэль Акунья, мексиканский поэт и борец против религии за материализм. Как и следовало ожидать, хватило ненадолго - самоубийство в 24 года.

Акутагава Рюноске - великий японский писатель, автор знаменитого "Расёмона". В Японии самая престижная литературная премия носит его имя. Наследникам, наверное, есть, чем похвалиться, но сам он наложил на себя руки в 35 лет.

Еще один японец Арисима Такэо. Сначала он "кропоткинец", затем "толстовец", а затем и совсем "активный социалист". Писал романы о трудовом народе. Прервал превратности перемен политических пристрастий в 45 лет, когда покончил с собой.

Ну и еще один японец. Тамики Хара. Японский писатель и поэт. По молодости авангардист. Автор всемирно известной книги "Летние цветы" (о бомбардировке Хиросимы). Самоубийство в 46 лет.

Виктория Бенедиктсон. Шведская писательница, бытоописатель шведской провинции и яростный борец за эмансипацию женщин. Воспользовалась всего лишь одним правом, оспариваемым у мужчин - совершила самоубийство в 38 лет.

Николай Бобрищев-Пушкин - русский поэт. Печатался в российских альманахах и журналах начала 19 века. В 35 лет сошел с ума. Садег Хедаяг - иранский писатель, публиковался в Бельгии, Франции и Иране. Современная персидская литература ему многим обязана. Он прорубил для нее "окно в Европу". Переведен на многие языки мира. Совершил в 48 лет самоубийство в Париже.

Михаил Булгаков, автор "Мастера и Маргариты". Хронический алкоголик, пил до беспамятства, до постоянных видений наяву и кошмаров ночью. От алкоголя отказали почки и наступила смерть.

Роберт Вальзер - швейцарский писатель-эстет. Изысканность стиля вводит его в круг избранных писателей-эстетов мировой литературы. Романы, интимная лирика. Сборники рассказов, сказки о Снегурочке, Золушке и т.д. Сошел с ума в 45 лет.

Йозеф Вейнхебер - австрийский писатель, автор стихов и автобиографической трилогии. Последователь Шопенгауэра (философия пессимизма). Закономерное самоубийство в 53 года.

Юрий Олеша на рулоне типографской бумаги практически без правок написал революционную сказку "Три толстяка". Затем каялся на Первом съезде писателей в присутствии строгого Горького, обещая написать что-нибудь из реальной жизни, которая своей прекрасной революционностью исторического момента, конечно же, красочнее любых сказок. Очень старался, аккуратно писал и также аккуратно заштриховывал абзац за абзацем (все это уже на хорошей бумаге), потому что спился. В Доме Писателей была кодовая фраза - "Олеша идет!", по знаку которой все прятались по щелям - будет занимать деньги и никогда не отдаст, потому что пить уже не на что.

Йосеф Вексель. Финский поэт и драматург. Является зачинателем прогрессивного романтизма в европейской литературе. Повторим - в целой европейской литературе! Не халам-балам! Представитель демократического направления финляндской литературы. В 24 года сошел с ума, да так и умер в больнице для умалишенных в 69 лет.

Иван Худяков - русский фольклорист. Народник по политическим убеждениям. Сборники народных песен, сказок и загадок. Создатель самоучителей русского языка. Дружил с Герценом и Огаревым (данный факт приводится не в качестве комплимента, а так - к сведению). Последовательный революционер-конspirатор - фольклорные книги умел подать как скрытые агитлистки. Творческое, но изнуряющее занятие. Умер в сумасшедшем доме в 34 года.

Поль Верлен - очень известный французский поэт. Популярен был необычайно. Любовник другого французского поэта Артюра Рембо. Колесил с ним по Бельгии и Англии, откуда их с омерзением гнали как гомосексуалистов после освидетельствования у врачей. Сидел 2 года за попытку убийства своего любовника. Тот еще был тип! Спился и умер в нищете.

Винье Осмунн - норвежский поэт и журналист. Издатель литературного журнала, демократ, сторонник крестьянства, которое и является основным героем его творчества. Отравился на 52 году жизни.

Вирджиния Вулф - английская писательница, представительница изящного эстетства. Одна из создателей так называемого психологического западноевропейского романа. Неплохо для женщины, однако! Но, - три нервных срыва на протяжении жизни и самоубийство в 59 лет.

Томас Чаттертон - английский поэт. Известен как литературный мистификатор - писал стихи на староанглийском языке от имени некоего Томаса Раули, и народ читал! Возможно, Чаттертон и забавлялся, но для таких забав нужна особая литературная одаренность - писать на старом языке так, чтобы составлять конкуренцию современникам, это не антиквар собирать, а самому антиквар создавать! Томас Чаттертон отравился в 18 лет.

Владимир Алексеевич Пяст - русский советский поэт, переводчик, автор учебника "Современное стиховедение". Переводы Сервантеса, Рабле, де Молины и других. Книга воспоминаний, сборник стихов, исследователь Александра Блока. Много умел. Самоубийство в 54 года.

Радищев Александр Николаевич - русский писатель, автор нашумевшего в свое время "Путешествия из Петербурга в Москву", за которое получил 10 лет ссылки. Отсидел 6 лет. Был помилован. Еще через 5 лет был обласкан Александром 1 и назначен в Комиссию составления законов. Лечился в сумасшедшем доме. Отравился в 53 года.

Артюр Рембо - тот самый любовник того самого Верлена, по совместительству - великий французский поэт.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, русский писатель-сатирик. Всю жизнь прожил с мыслями о самоубийстве. Постоянно порывался это сделать. Также постоянно пытался от этого вылечиться. Боролся, как мог и умер своей смертью.

Жорж Санд - французская писательница, чье настоящее имя была Аврора Дюпен. Взяла мужской псевдоним, носила мужской костюм и курила трубку. Что-то серьезно перепутала.

Джонатан Свифт - автор "Путешествий Гулливера", сошел с ума и умер сумасшедшим.

Луций Сенека - римский философ и писатель. Наставник и советник императора Нерона, один из представителей "нового стиля". Заменил длинные цicerоновские фразы на короткие, рубленые. Автор 9 трагедий, переполненных сценами насильственного умерщвления и призывов к самоубийству. Сам покончил жизнь самоубийством в возрасте 69 лет. Внял призыву?

Хосе Асунсьон Сильва - колумбийский поэт. Способствовал утверждению латиноамериканского модернизма. Латинская Америка должна его благодарить. Жил в Париже, где вступил в половую связь с Полем Верленом (тот еще был тип этот Верлен, скажем еще раз!). Вернулся в Колумбию, затосковал и покончил жизнь самоубийством в 31 год.

Андрей Соболев (Юлий Михайлович) русский советский писатель еврейского происхождения. Пьесы, рассказы, воспоминания, бесцельные скитания по стране, известность, самоубийство в 38 лет.

Михаил Зощенко страдал тяжелой невралгией.

Александр Блок умер в состоянии умопомешательства.

Бернард Шоу ненавидел половую близость и в брачном контракте особо оговорил, что исполнять супружеские обязанности не намерен. Может быть, стоило назвать этот документ как-нибудь иначе?

Тенесси Уильямс, великий американский писатель - гомосексуалист.

Торквато Тассо, культовый итальянский поэт эпохи Возрождения. Создатель европейской пасторальной драмы. Масса последователей в Италии, громкий успех во Франции, оказал влияние на творчество самого Вольтера, Спенсера, Мильтона, ему подражал Лопе де Вега, далматинцы и поляки. Гёте написал драму "Торквато Тассо", Байрон поэму "Жалоба Тассо", а Делакруа картину "Тассо в госпитале св. Анны". Что делал Тассо в госпитале святой Анны? В 33 года он помешался и сбежал из дома. Через два года объявился и попал в сумасшедший дом, который негромко назывался "Госпиталь св. Анны". Там он провел 7 лет, после чего был выпущен, но тут же последовал новый припадок, в результате которого он опять сбежал и скитался. Умер Тассо в приступе шизофрении.

Афанасий Фет, знаменитый русский поэт. Умер от разрыва сердца, когда домочадцы у него отняли нож, которым он пытался зарезаться.

Владимир Высоцкий, создатель современной разговорно-литературной манеры русских писателей. Страдал хроническим алкоголизмом, из-за чего посадил сердце и печень. Умер в запое.

Жан Жак Руссо, великий француз, который привлекался к суду за эксгибиционизм (демонстрирование в присутственных местах своих половых органов).

Марк Твен в конце жизни переписывался с ... дьяволом на полном серьезе.

Михаил Юрьевич Лермонтов. Печально распущенный и невыразимо гениальный пессимист. Изо дня в день публично доводил несчастного Мартынова (своего единственного друга!) своими колкостями и тонкими издевательствами, пока не дождался дуэли, на которой даже не поднял пистолета: мрачно подставил грудь и удовлетворенно скончался. Чем не самоубийство?

Джеймс Болдуин, американский классик, был гомосексуалистом.

Василий Шукшин был неизлечимым алкоголиком.

Александра Коллонтай, русская писательница и революционерка, проповедовавшая в своем творчестве свободную любовь, сама страдала тяжелой нимфоманией (в народе это называется "бешенством матки") и отдавалась любому матросу по первому требованию (чаще исходящему от нее самой).

Фрэнсис Маттисен. Американский филолог, критик, литературовед, профессор Гарварда. Знаменит исследованиями Теодора Драйзера и Уолта Уитмена. Крупнейший и признанный в мире специалист по американской поэзии. Самоубийство в 48 лет.

Уолт Уитмен, на котором сделал себе имя Маттисен, который обратил в поэтическую веру Маяковского, и которому ставятся памятники, был не только великим поэтом Америки, но и таким же великим (по строению тела) гомосексуалистом.

Пожалуй, хватит.

Многим может показаться, что мы сейчас занялись некрасивым делом: роемся в чужом, зачастую грязном, белье. Однако мы далеки от того, чтобы как-то осуждать этих несчастных людей или же высокомерно сравнивать их с собою. Сами факты, которые мы приводим об их жизни - не секрет. Они взяты нами из энциклопедий, справочников, мемуаров и судебных хроник. Ничего из того, о чем перешептывается по углам в качестве заманчивых домыслов, мы не приводим. Мы лишь сгруппировали в кучу то, что разрозненно существует в открытой печати. Мы не сплетничали. Тем более что сами эти люди зачастую несли все эти свои пороки как щит перед собой и даже иногда весьма гордились ими. И нам совсем не до личных особенностей каждого из них. Нам важно все это как обобщающий признак того самого слоя людей, которые, как мы предполагаем, могли бы являться передатчиками Слова Божьего так же, как ученые являются передатчиками Знания Божьего. Если мы признаем их таким передаточным звеном между нами и Богом, то мы этим самым тут же опровергнем самих себя, задав себе же всего лишь один единственный вопрос - если Бог избрал литературу как способ наполнения чем-то наших задач в истории, а самих литераторов как своих исполнителей этого плана, то неужели он для этого избрал *таких людей*? В это трудно было бы поверить. Вряд ли может быть учителем жизни тот, кто сводит с самой жизнью счеты через петлю или пулю; вряд ли может быть врачевателем душ тот, кто сам является душевнобольным и вряд ли что-то без искажений может воспринимать для передачи тот, кто туманит ежечасно свои мозги алкоголем или наркотой. Гомосексуализм, как нас убеждают, совершенно безобиден, и мы не будем впадать в полемический задор по поводу данного утверждения, однако позволим себе серьезно усомниться в пророческих или пронизательных талантах тех людей, которые даже мужчину с женщиной близоруко путают на близком расстоянии, а не то, что могут разбираться в скрытых путях жизни или ее смысла. Если они ошибаются на таком простом тесте, как пол партнера, попавшего к ним в постель, то чего от них ждать при условии решения тех задач, которые нам хотелось бы придать литературе? Они, пожалуй, будут посложнее (эти задачи).

Все это заставляет нас серьезно усомниться в том, что через литературу может приноситься в мир нечто, что заставляет его переламывать наши души и оттачивать характер в угодном Богу направлении.

Правда, можно предположить, что те единицы творческой элиты, которые являются психически вполне нормальными людьми, могли бы вполне эту задачу выполнять. Однако, беря в руки литературное произведение, мы не можем требовать от их авторов, чтобы они к предисловию своих книг и сборников прикладывали справки от психиатров или нотариально заверенные свидетельства сексуальных партнеров. Это был бы уже фашизм. Эти люди имеют право на творчество, а мы имеем право на то, чтобы читать их, или не читать. Пусть каждый воспользуется своим правом и пусть будет все так, как есть, но в таком случае мы должны

признать, что литература все-таки занимает какую-то другую нишу в нашей жизни, а не ту самую, которую мы ищем, то есть исторически определяющую Его Замысел,.

Кроме того, происходит постоянно удивительная вещь, когда светлые и нормальные гении литературы, такие, как Пушкин, Шекспир, Дюма, Шолохов, Данте, Сервантес, Жюль Верн и еще немногие другие - не читаются! В общем-то, наиболее чистые по внутреннему содержанию и праздничные по доброте книги составляют так называемое классическое наследие, что подразумевает то, что их будут читать вечно, и что они никогда не забудутся. Но, похоже, классикой скорее можно назвать то, что никогда не будет читаться, но что действительно всегда будет помниться. Очень метко про классику говорил Марк Твен: "Классика - это нечто такое, что каждый хотел бы прочесть, но никто не хочет читать". Читается, как ни странно, то, что скоро беспроблемно забудется. Все это читается взахлеб, забывается, затем читается еще что-то аналогичное, вновь забывается и так все время. Так называемый эффект бестселлеров - книг, которые сегодня занять хочет каждый, и которые полностью исчезают из обращения через год или два, причем иногда на века. Если бы Бог и задумал передать нам что-либо через литературу, которая творится нормально психическими людьми, то Ему не составило бы труда вбить в наше сознание некий предпочтительный интерес к этим авторам, а не наоборот. Уж, наверное, Он не пустил бы этот процесс на самотек. Иначе, Он Сам бы Себя не уважал, - прикладывай, понимаешь, усилия по внедрению в здоровые головы отдельных здоровых писателей Своих замыслов и идей, а потом допускай, чтобы это вообще не читалось, а только хрестоматийно уважалось! В это невозможно поверить и это еще один довод против того, что через литературу может осуществляться какое-то Его направляющее присутствие.

Правда, знакомый уже нам Эзра Паунд, который пытался тягаться непосредственно с Данте и умер за решеткой психушки, говорил, что незачем критиковать литературное произведение, исходя из личных качеств его автора. Только плохой критик критикует поэта, а не его поэму, говорил он. Может быть и так. Но, во-первых, личность автора не может не накладывать отпечаток на то, что он пишет. И даже плохой критик не сможет не заметить, что в содержании поэмы есть что-то болезненно странное. А биографическая справка о поэте всего лишь объясняет происхождение этих странностей. Тут связь неразрывная. Кроме того, сумасшествие, например, это не банальный перелом колена и даже не сифилис. Вывих мозгов - это не вывих сустава. Такое не происходит в одно мгновение, разделяя жизнь автора на два разных отрезка - до несчастья и после. Если человек, в конце концов, все-таки сошел с ума, то это громко признается только в том случае, когда это перешло в необратимую или опасную для окружающих форму. А до этого он годами находится в той фазе, в которой процесс еще кажется обратимым или не представляется угрожающим для здоровья соседей и родственников, *но процесс-то идет все время!* И в этом состоянии человек творит, и это состояние не может не отражаться на том, что он пишет. В итоге появляется всегда оригинальное литературное новшество, увлекательное и талантливое, но питает оно скорее не душу, а какие-то ее темные закоулки, где таятся пороки и запретное любопытство.

Зачастую приходится слышать и такую версию психической ущербности многих литературных талантов - это люди особенные и особо остро чувствующие, им дана великая



возможность ощущения истинного страдания и великая способность пропускать через себя метания и болезни духа. Из-за такого избыточного набора душевных талантов они, мол, и становятся душевно не совсем уравновешенными. Не выдерживают нагрузки. Если мы согласимся с этой версией, то она вполне может дать некоторые надежды литературе: в самом деле, если Бог избирает этих людей для какой-то миссии, то эта миссия, естественно, не может быть простой, и эти люди просто не выдерживают и погибают психически на ниве сотрудничества с Ним. Можно было бы и ухватиться за эту возможность для литературы, но мы не станем этого делать. Потому что, если бы эти люди были такие особенные и так особенно бы чувствовали все то, что не дано чувствовать нам, то с каких таких радостей нам было бы интересно вообще то, о чем они пишут, и с какой такой причины нам было бы вообще понятно то, что они переживают? Если они совсем другие по своим душевным талантам, то, как мы можем им сопереживать? Чем, какими такими собственными талантами мы можем сопереживать их необузданно эксклюзивным талантам? Вот цветы, например, страдают, когда их режут, а лабораторные опыты показали, что даже посторонние цветы впадают в панику, когда в помещение входит человек, который всего-навсего утром срезал у себя в саду цикламены. Для них у него руки в крови! А для нас все это непонятно. Потому что это совершенно две разные системы душевных переживаний - у цветов и у нас. Мы цветов не понимаем, потому что они особенные. А если мы понимаем писателей и поэтов как себя самого, переживаем вместе с ними над одним и тем же, и одинаково с ними над одним и тем же смеемся и плачем, то надо признать, что в таком случае и они, и мы - особенные совершенно в равной степени. Мы ничем от них в таком случае по особенностям душ не отстаем. Но, отмечая, что мы считаем себя одинаково особенными с литераторами относительно друг друга, мы должны признать и то, что это абсолютная глупость: что-либо в равной степени особенное относительно друг друга всегда должно считаться просто одинаковым, а особенным оно может быть только относительно чего-то третьего, от чего разительно отличается. Например, от цветов. А такой случай, как одинаковая способность что-то особенно переживать должен считаться просто нормой. Например, если все вокруг дураки, то не будет противоречить истине и то утверждение, что все вокруг умные. Относительно друг друга, конечно. Поэтому мы со спокойной уверенностью можем сказать - эти ребята и девчата особенные не в том, что могут увидеть или почувствовать что-то такое, чего не можем увидеть или почувствовать мы (потому что мы ведь отлично видим и чувствуем то, на что они пытаются нас заострить в своем творчестве), а особенные они в том, что не могут реагировать на это также достойно, как можем реагировать мы. И с нами происходят все те страшные и убивающие нашу жизнь вещи, которые описываются в литературе. И мы точно также на грани жизни и смерти переживаем измены, на грани душевного здоровья скорбим о близких, и нам также сокрушают дух неразделенная любовь, предательство детей, равнодушие родителей, проявленная ненависть друзей, унижения от сильных, невозможность правды и бессилие мести. Иначе нас не трогали бы переплетения судеб вымышленных героев, как не трогает погоня льва за антилопой в телепередаче из жизни животных, потому что *это из другой относительно нас жизни!* А то, что в книгах - все из нашей жизни. Но мы не вешаемся, не спиваемся, не кусаем наше ближайшее окружение и не впадаем в противоестественные половые связи. Мы справляемся. Может быть, это, как раз, мы особенные?

Но как бы там ни было, а предполагать, что литераторы несут какую-то особую душевную нагрузку в жизни, которая не достается нам - смешно. Поэтому и этого слабого шанса у литературы для ее возможного высокого значения в качестве инструмента в Его руках, нет.

Но вернемся к бестселлерам. Раз уж мы все так на них падки, то разве не логично было бы предположить, что программу этого неудержимого интереса к ним в нас заложил Он, и благодаря этой программе обеспечивается то, что мы постоянно находимся в этом состоянии жадного впитывания какой-то информации, которую Он закладывает в эти бестселлеры? Логика, и в самом деле, против данного предположения не возражала бы, если особенно не вдаваться в содержание этих бестселлеров. А оно, к сожалению, убеждает нас в обратном. Похоже, что Его присутствием в создании бестселлеров ничто не отдает. Давайте посмотрим, что удалось нам собрать из всего количества этих книг, которые становились в свое время (короткое, надо еще раз отметить) самыми модными у читающей публики.

Владимир Набоков, "Лолита". Очень громкая была книга. О чем эта книга? О педофилии. Омерзительная история без тени осуждения автором хотя бы за строкой. От Бога?

Овидий Назон, "Наука любви". Книга римского поэта, которую иногда до сих пор можно встретить кочующей по студенческим аудиториям в перепечатанном самодеятельным образом виде. Подробное описание техники половых актов. Поэтизированная порнография на уровне сексологического пособия.

Омар Хайям, рубаи (четверостишья). Культ пьянства и половой любви.

Николай Гоголь, "Вий". Фантазмагория ужасов, где покойница летает во гробе, а вампиры помогают героя три ночи к ряду.

Братья Гонкуры. Их книги вырывались буквально из рук друг у друга французскими почитателями и с нетерпением ожидалось к изданию. Их именем названа крупнейшая литературная премия Франции. Каждая книга была бестселлером, что почти уникально в истории литературы. Вот темы их книг - физиологические подробности человеческой жизни в отвратительных мелочах, детальное и любовное описание различных физических и психических патологий. Истории героев этих книг - истории страшных болезней, где вся суть повествования сводится к натуралистической биологии. Сами Гонкуры говорили - главное не содержание, сюжет вообще не нужен, главное вызвать специальные ощущения. Ощущения выше мысли, считали братцы. Особенно ощущения шока от грязных деталей физиологии человеческого тела. Отсюда и успех.

Иван Гончаров. Роман "Обломов". История о человеке, который не встает с дивана и находится в депрессивном состоянии душевного расстройства.

Иван Тургенев, "Отцы и дети". История об абсолютно невоспитаннейшем человеке, да еще к тому же и психе, который сам не имеет смысла в жизни и за другими не хочет его признавать.

Дон Жуан - любимые во все века истории о совращении женщин из спортивного интереса, поспрашивании уважения к мертвым и мистической неодолимости смерти. Созданный в 1630 году персонаж до сих пор обязательно присутствует в любом пласте актуального по времени искусства.

Сервантес, "Дон Кихот". История о сумасшедшем рыцаре. Была невероятным бестселлером в Испании. Что особенно в этом плохого? А то, что вся Испания *неудержимо смеялась над больным идалго*, и считала эту книгу самым смешным из всего, что доводилось писать на земле человеку. Наборщики от смеха даже допускали недопустимо глупые ошибки. Унижения беззащитного романтика - это же, по сути очень смешно! Это только в наши времена герой Сервантеса вызывает сострадание. Но в наше время "Дон Кихот" и не бестселлер...

Достоевский, "Преступление и наказание". История об убийстве, психологии убийства, психологии совращения, психологии самоубийства, психологии нищеты, психологии цинизма и психологии самоубийства (Свидригайлов). Полный набор.

Теодор Драйзер, "Сестра Керри". О том, как порядочный человек бросает работу и семью ради актрисы, катится на дно и становится бездомным бродягой. Есть что почитать.

Морис Женвуа, "Раболио". Бестселлер из бестселлеров, Гонкуровская премия и забвение в настоящее время - очень показательный пример. Книга о том, как безобидный браконьер превращается в убийцу. Копание в патологическом внутреннем мире убийцы. Ну как не перечитать несколько раз?

Эмиль Золя. У него несколько бестселлеров. "Нана" - история проститутки, роман о половых извращениях, бесстыдстве и моральном падении на самое дно. Главная героиня - бисексуалка без всяких нравственных понятий. Завершает роман любимая многими подробная сцена медленного разложения ее некогда ненасытного тела от сифилиса. "Жерминаль" - подробное натуралистическое описание нравов (вернее, их отсутствия) шахтерского поселка, революционно-авантюрное буйство, жестокость, почти животные совокупления людей, запоздалая любовь двух обреченных на смерть, заваленных в шахте. "Земля" - попытки изнасилования, натуралистические описания половых актов, эксгибиционизм, звериная борьба за имущество, изнасилование с убийством, описание оргазма насилуемой и убиваемой женщины.

Мопассан - главное содержание всех его сборников, бывших бестселлерами, - низменная, почти животная эротика, неудержимый зов плоти, бешеная похоть и отсутствие моральных устоев.

Древнегреческие трагедии, бестселлеры тех времен. Кровосмешения, половые извращения, семейные убийства, убийства по соображениям интриги.

Йозеф Отченашек, роман "Хромой Орфей" покорила на короткое время всю читающую Европу. В центре романа - связь молодой чешки с пожилым гитлеровским оккупантом. Конфликт сюжета состоит в том, что вагина девушки любит умелого немца сильнее, чем ненавидит его ее патриотическая душа. Подробная сцена убийства девушкой своего престарелого любовника.

Александр Куприн, "Яма", роман о жизни публичного дома.

Всем известная "Эммануэль", прочитанная запоем всем населением Земли. Порнография, обрамленная в незатейливый сюжет, который всего лишь как конференсье номинально связывает номера невероятных сексуальных приключений невероятно податливой героини.

Лев Толстой, "Крейцерова соната". После "Войны и мира" и "Анны Карениной" Толстой не имел читателя ни в России, ни в мире. О нем писали, что романы его ни о чем, что они скучны, тяжеловесны, с невероятной кучей персонажей, которые настолько безлики, что ни один из них

не стал нарицательным. И вдруг в 1889 году всероссийская слава и мировой успех! Написана "Крейцера соната"! Книга о сексуальных комплексах, супружеской измене, патологической ревности и убийстве. То, что людям надо, чтобы стать бестселлером, а писателя прославить.

Иван Бунин, "Темные аллеи". Нобелевская премия. Энциклопедия случайных связей в каютах, кладовках, гостиных, коридорах, на обочинах дорог и даже на могиле собственного мужа. Сборник неудавшихся жизней, тоскливых воспоминаний о пережитых сексуальных приключениях и несостоявшихся чувствах. Сцены порывистых совокуплений описываются даже в монастыре! Жемчужина творчества - рассказ "Легкое дыхание" о развращенной гимназистке, распутничающей с 56-летней женщиной и убитой на вокзале казачьим офицером.

Франц Кафка, "Превращение". Рассказ о том, как герой превратился в огромного таракана и заморил себя голодом, чтобы не мешать другим людям. Этот мрак некогда был самым читаемым.

Вольфганг Кёппен, "Смерть в Риме". Книга сделала его богатым и знаменитым. В ней рассказывается о том, как старый нацист приезжает из Германии в Рим, где ему маразматически повсюду видятся недобитые евреи, на почве чего двоих из них он действительно убивает, а затем, чтобы отпраздновать успех, за плату приводит в номер юную продавщицу, мощно проводит с ней половой акт (описывается ее неожиданный оргазм), но не рассчитывает своих сил и на ней же умирает от переутомления, обгадившись напоследок. Конечно же, такая история не может не быть бестселлером!

Поль Шарль Кок. С 1820 года по 1890 годов в Европе не было более популярного романиста. Это достижение - абсолютный рекорд по моментальной распродаваемости книг. В чем причина популярности? До сих пор эротическая фривольная литература (порно тех лет) называется литературой "а-ля Кок", то есть "в стиле Кока". Этот автор выбрал тему для своих книг, просто обреченную на бешеный успех.

Дэйвид Лоуренс, "Любовник леди Чаттерлейд". Совсем недавний бестселлер. Мягкое, изысканное порно. В 1960 году в Лондоне даже проходил судебный процесс над этой книгой за ее порнографичность. Автор, конечно же, был оправдан. Он же книгу писал, а не в поездах фотки продавал!

Маргарет Митчелл, "Унесенные ветром". Роман переведен на 24 языка, 70 изданий только в США. История женщины, которая всю жизнь почти открыто домогалась чужого мужа и хищно пользовалась любовью собственного мужа. Она теряет единственную дочь, ее отвергает чужой муж, который к тому времени стал вдовцом, и от нее уходит собственный муж, который считает ее более недостойной своей любви. Книга о закономерном жизненном крахе, как следствии продажности и предательства. После этой книги за Маргарет Митчелл совсем другие люди написали продолжение жизни Скарлетт, где пытались придать ей более человеческие черты, но все последующие книги бестселлерами не стали.

Аугусто Д\Альмар долгое время был никому неизвестным писателем, пока не написал роман, который сделал его знаменитым на весь мир. В романе описывается жизнь девушки Хуаны от ее первого падения и первых сексуальных опытов, до подробнейших описаний ее жизни в публичном доме.

Ихару Сайхаку, "История любовных приключений одинокого мужчины". Роман, который имел в Японии непревзойденный до сих пор никем успех. Название не требует дополнительных пояснений. А еще говорят, что японцы какая-то совсем другая ветвь человечества!

Альбер Камю, "Калигула". Кровосмешение, гомосексуализм, онанизм, жестокость, садизм, свальный секс, убийства, самоубийства, умопомешательства и извращения. Популярность необыкновенная. Благодатные темы!

Михаил Булгаков, "Мастер и Маргарита". Ведьмы, чертовщина, парад самых знаменитых убийц истории, любование Сатаной, скрытая пародия на Иисуса, мистика и черная магия. Все то, что требуется.. Но все очень талантливо.

Жоржи Амаду, "Донна Флор и ее два мужа". Скрытый фрейдизм на тему о том, что женщина мечтает видеть в одном муже двух мужчин - извращенного распутника и благопристойного отца семейства. В романе мечта осуществляется способом сожительства героини с двумя мужьями: с умершим, но навещающим ее желанным Гулякой и живым, надежным, но скучным аптекарем. Людям нравится.

Анакреон, древнегреческий поэт. Есть даже такое понятие - "анакреонтическая поэзия", что в переводе с литературоведческого означает половую распущенность, пьянство и праздность (в форме воспевания всего этого). Греки его очень даже читали, да и европейцы обожали без меры еще в 18-19 веках.

Апулей, "Золотой осел". Сцены гомосексуализма, группового секса, магии, сексуального томления, совокупления осла и женщины. Аристофана никто не знает, об Эзопе знают что-то приблизительное, а Апулей читаем до сих пор. Он так близок к современным авторам!

Михаил Арцыбашев. Сейчас забыт, но был, пожалуй, самым популярным автором России начала 20 века. Герой его романа Санин был в то время для шокированной России символом беспорядочных сексуальных связей и связанного с этим абсолютного цинизма. И наши не лаптем порнографические щи хлебали, оказывается!

Рафаэль Ломбо. Этот человек коронован как лучший поэт Колумбии. Его стихи - любовная лирика. Ничего противоестественного. Никакого гомосексуализма. Все гетеросексуально. Все его стихи - о томлении влюбленной женщины, о ее невыносимо жгучем желании мужчины. Страдалицу зовут Эдда и написаны эти стихи именно от лица этой женщины. Напомним слегка, что Рафаэль, вообще-то, имя мужское...

Французы считают, что таким успехом, каким пользовался в свое время роман "Манон Леско", не будет пользоваться больше ни одна книга. Напомним - Манон Леско это героиней романа, которая подвижнически работала она на тяжелой работе: проституткой в публичном доме.

Тамэнага Сюнсуй, роман "Сливовый календарь любви" о похождениях Тандзирос (японский Дон Жуан). Огромный успех, два продолжения, полное безумие публики и запрет правительством к печати с домашним арестом автора в кандалах. Спыхватились!

А вот совсем ныне неведомая литературным кругам фамилия: Нагородская Евдокия Аполлоновна. Чем знаменита? Романом "Гнев Диониса", который с 1910 года по 1916 год выдержал ни много, ни мало, а десять (!!) изданий! По два издания в год! Люди никак не могли

начитаться! Наверное, мы уже можем даже заключать пари на то, что представляет собой содержание такого полюбившегося всем романа. И мы это пари выиграем, потому что, как и ожидалось, роман абсолютно непристойный, посвящен сексуальным проблемам, в захватывающем и пропагандирующем виде показывает прелести свободной любви, а напоследок подкидывает нечто фрейдистское, (как всегда полубезумное), дилемму - как в человеке (женщине) примирить два начала: благородное желание всегда дать любому и животное побуждение стать матерью. Второе начало осуждается, потому что может отнять у свободного творчества слишком много времени и здоровья.

Что мы пропустили? "Декамерон" пропустили, который можно трактовать как сборник неумело косных порнографических рассказов, голоновскую Анжелику, случайные любовники которой могли бы сформировать собой роту почетного караула французского короля, а также неизменные по все подавляющему успеху, переписываемые от руки не одним уже поколением и приписываемые Алексею Толстому, "Возмездие" и "Баня", а также аналогичные сладкие фантазии неизвестных авторов "Элеонора", "Поэма о Леночке" и "История шведской девушки". Разве можно себе даже представить, чтобы с таким же неудержимым любопытством и томительным интересом расходились по рукам произведения Грибоедова или Шекспира? Этих авторов знают только вынужденно - по экранизациям и ежегодным юбилеям. И такое положение вещей образовано Богом?

Можно вспомнить и такие крутые бестселлеры, как "Давай поженимся" Джона Апдайка и романы Франсуазы Саган. У Апдайка выворачиваются наружу скрытые механизмы супружеской измены от самых первых поползновений души, и до последнего бесстыдного падения, а в романах Саган также разбираются по винтикам сексуальные комплексы, темные движения души, процессы доминирования плоти над моралью, мотивы измен, смен партнеров, преступная ревность, например, к любовнице отца, способы изощренного доведения человека до самоубийства и тому подобные прелести. Один американец, а другая француженка, но бестселлеры обоих затягивают душу совершенно одинаковой пеленой беспросветности половых испытаний и отчаяния от вечного напряжения в ожидании чужого предательства и от невозможности справиться с искушением предать самому. Вряд ли будет удивительным узнать, что кто-то из этих двоих повесился или сошел с ума, но когда они делятся с нами этими своими состояниями души, то их книги становятся бестселлерами.

Продолжить можно великими "латинос". Хулио Кортасаром и его нашумевшим романом "Выигрыши". Группа победителей лотереи в качестве приза совершает круиз на корабле, в течение которого всеми овладевает безумная идея фикс проверить, что находится на носу корабля, куда посторонним вход воспрещен. Массовое помешательство. Параллельно этому один пассажир (мужчина) пытается соблазнить другого пассажира (мальчика), но его опережает матрос из команды корабля, (а вот интересно, если мальчик познал женщину, то он теперь называется мужчиной, а когда его самого, еще девственника, познали как женщину, то, как его теперь называть?). Помимо этого еще несколько параллельных болезненных сексуальных тем, убийство единственного положительного героя, насилие, наркотики, маразматические выкладки

сумасшедшего метафизика по ночам на корме (данные курсивом!), и еще ой-ой-ой сколько всего полубредового.

Следом за Кортасаром идет Маркес, но следом он идет только относительно диспозиции информации о нем на нашем листе. На самом же деле Маркес должен стоять впереди вообще всех современных писателей по мощи своего литературного дарования, которое, правда, удивительным образом проявило себя почему-то только в одном из его произведений, а именно в романе "Сто лет одиночества". Эта великая книга единым захватывающим дыханием рассказывает фантастическую историю одной семьи, на протяжении которой мы знакомимся с кровосмешением, жестокими убийствами, проституцией, рисованием экскрементами, жестокостью родителей, трагическими смертями и разлуками, любовью, проявляющейся как многолетняя ненависть, изменами, грубыми совращениями и незатейливыми соблазнами, самодурством, хищностью, неприкрытым блудом, с ослаблением воли женщин к сопротивлению при виде огромных фаллосов, с малолетнею проституцию, революционным террором, самоубийствами, и если вы хотите еще что-нибудь добавить из того перечня, которым обычно характеризуют пороки и психические недомогания, то можете вполне уверенно относить это к какому-либо из эпизодов данной книги.

Разве не удивительно, что такой набор сюжетов, годный более для архивов психиатрических клиник и полицейских участков, привлекает наше неослабное внимание и постоянный всеядный интерес? Это не должно быть удивительным только в том случае, если этот процесс, как и некоторые другие процессы нашей жизни, обходится без Его присутствия. Это чисто наше. Поэтому все так и убого. Поэтому мы и выбираем именно эти перлы и шедевры. Так происходит всегда, когда мы предоставлены самим себе. И, кстати, даже понимая это, скажем себе честно - разве не лучшая реклама всем этим бестселлерам все эти краткие аннотации, которые мы им сейчас дали? Ведь теперь даже тот, кто их не читал, но случайно встретил на каком-нибудь книжном развале, обязательно их теперь себе купит. Естественно, только с тем лишь намерением, чтобы разделить свое возмущение, которое эти книги вызывают у него своей низкой нравственностью, с нашим возмущением, которое зародилось в наших душах сразу же, как только мы с сожалением перелистали последнюю страницу.

Все эти вышеперечисленные перлы и шедевры, правда, можно сильно разбавить не менее популярными детективами и любовными романами, век которых длится не более года, но, несмотря на литературную бледность этих жанров, по содержанию в них почти то же самое - убийства, измены, совращения, секс, низменные страсти, дешевый юмор, физиологические подробности, маниакальные злодеи, кровь, предательство, насилие, алчность и "хэппи энд". Есть еще любимые некоторыми книжки про вампиров, фантастических монстров, кибернетических серийных убийц и т.д., но все это, естественно, также не может относиться к тому, что напутствовалось бы в нашу жизнь через литературу Богом. Это не от него. Тут и сомневаться не надо. Если признать, все-таки, реальное существование дьявола (что сомнительно), то он, наверное, курирует как раз искусство, в основном кино, и литературу в частности. Потому что, как подросток вождельно перед сном кладет руки под одеяло, так и мы, похоже, попросту забавляемся в искусстве собственными пороками и подавляемыми зовами к ним. Все, что может

подпитывать любопытство или переживания в этой области, - все это всегда имеет успех. А знает ли читатель, какая отрасль искусства наиболее прибыльна по своим барышам и стоит на уровне торговли нефтью и оружием? Если читатель знает, то мы с ним многозначительно и понимающе помолчим. А если он не знает, то мы ему подскажем - это порнография. Теперь и с этим просвещенным читателем мы также можем многозначительно и понимающе помолчать на тему того, сколько в искусстве от Бога, а, сколько от дьявола.

Довершить данное соображение можно еще одним аргументом. Ведь если предполагать, что Бог наполняет искусство своим содержанием, то этот процесс должен непосредственно наблюдаться как идущий от каких то исходных позиций, к каким-то более высоким по своей сложности или уровню исполнения, рубежам. Если кто-то прикладывает руку к чему-либо на протяжении тысячелетий, то последствия этого участия должны всегда быть видимыми в постоянном усовершенствовании и развитии к лучшему того, к чему усилия прикладываются. А если процесс идет беспорядочно, или, наоборот, сверху вниз, то вполне резонно говорить о том, что никакого Бога за ним не найти. Переходя в этой связи без обиняков к искусству и литературе, можно сразу же заметить одну особенность - и искусство и литература деградируют! Как ни обидно было бы об этом говорить, но говорить об этом можно, потому что здесь толкает на выводы не столкновение вкусов, о которых можно спорить, а объективные характеристики сравнения.

Например, музыка докатилась до рэпа. Рэп - это художественная декламация текста под музыкальное сопровождение. Ну и шут бы с ним, но посмотрите вокруг: рэп побеждает все остальные виды музыкальной культуры. На всех "эвордах" побеждает только рэп. Музыка вымирает на глазах. Причем этот процесс происходит красиво и не без приятности для нас всех. Мы не только не возражаем, мы даже голосуем "за" своими кошельками. Если пишущего эти строки поставить перед выбором между посещением филармонии, где дадут 1-й концерт Чайковского для фортепиано с оркестром, и стадионом, куда проездом заскочил Роберт Плант, то он выберет второе. То есть его вкус за "Лед Цеппелин". Но даже самые горячие поклонники "цеппелинов" не могут не признать, что в 1-м концерте Чайковского звучит около 100 инструментов, а у рок-групп хорошо, если наберется пять. Объективно говоря, - деградировала музыка или не деградировала? Больно признавать, но деградировала весьма основательно даже по этому показателю. Правда, здесь может последовать возражение, что Бах, например, вообще обходился одним инструментом - клавесином или органом. Обходился, это так. Но Бах писал полифонически! Всего на одном инструменте у него в одной музыкальной пьесе одновременно (!), сходясь и расходясь, сплетаясь и расплетаясь, живя отдельно, но в гармонии, начинаясь одной общей нотой и заканчиваясь также одной общей нотой или аккордом, звучат сразу несколько мелодий! Кому сейчас такое под силу даже несколькими рок-группами сразу, или несколькими струнными квартетами вместе?

Нынешние живопись и скульптура разве могут сравниться с тем, что делали древние греки или Мастера Возрождения? Кто сейчас также изысканно и величаво может изобразить бегущую антилопу, как это делал резчик по кости каменного века? Посмотрите - это недостижимо! Какой сюрреалист сравнится с Иеронимом Босхом? И рядом не поставишь. А что



поставишь рядом с "Черным квадратом"? Куда дальше уже падать? Единственное, что могут нынешние, - это повторить старых. Как Уайтсон, например, в картине "Мир Кристины". Да и старые в почете только те, которые по силам для недалекого восприятия - Рубенса с неуверенной рукой знают все, а кто знает Винтерхальтера или Петруса Шенделя? А все, что новое от модернизма двадцатого века - несомненное уродство, причем сами авторы не смогут объективно оспаривать, что собранная кое-как из рваных осколков бронзы женщина, или набросанная размытыми треугольниками и прямоугольниками на холст лошадь, - уродливы. Они с этим согласятся *относительно нашей эстетики* (принципов понимания прекрасного). Но относительно их эстетики, скажут они нам, это является красотой. Не будем спорить с их эстетикой, пожелаем от всей души им просто жениться на таких женщинах и кататься на таких лошадях. Это их дело. А признать, что изобразительное искусство пало ниже некуда - наше дело.

Многие виды искусства просто пережили собственную смерть, и держатся в этом мире на престиже, который обуславливается только тем, что наиболее богатой группе людей хочется иметь свое собственное поле игры в наслаждение прекрасным, куда не входили бы представители других слоев. Для этого финансово поддерживаются через государственные программы и частное меценатство такие жанры, как опера и балет, куда обывателя и в качестве наказания не затянешь, но куда с тоской в душе, но с негою во внешнем облике ходит элита общества, чтобы на фоне разворачивающихся событий на сцене показать себя как можно с более выгодной стороны в зале и в вестибюле. Опера, которая когда-то была подлинно народным искусством, превратилась в цирковое состязание вокальных данных, где каждый одновременно и клоун по общей картине зрелища, и эквилибрист по профессиональной сложности партии. Балет, который когда-то был, несомненно, волнующе эротичным зрелищем со своими понятиями красоты, теперь превратился в невинное по намерениям участвующих, но срамное по антуражу их сценических нарядов и устаревшее по форме, напыщенно-костюмированное представление. Если бы, скажем, кино было так же престижно, как балет и опера, то и его постигла бы та же судьба - до сих пор верхние слои общества многозначительно ходили бы смотреть на фильмы, где актеры играли бы в манере Мэри Пикфорд и братьев Маркс, а смеяться над их наивными ужимками считалось бы признаком низкой культуры. Слава Богу, кино не прибрали к рукам сильные мира сего, и оно продолжает идти в ногу со временем, то есть вырождается с каждым годом, благодаря вырожденцам-извращенцам режиссерам.

Однако и кино превратилось в наборы штампов, которые можно проглатывать без разжевывания, где злодеи узнаются по первым кадрам, герои действуют по одной и той же схеме, полицейские теряют напарников, самых любимых людей берут в заложники, самые преданные супруги оступаются, самые ревнивые прощают, самые честлюбивые смиряются, дети учат родителей чистому взгляду на жизнь, а родители учат детей не сдаваться, убитый враг обязательно вскочит для еще одной пули, плохие хотят взорвать корабль, хорошие все время стреляют в сторону плохих, средние помогают хорошим, безвольные становятся плохими, армия делает настоящими людьми, тюрьма для того, чтобы из нее бежать, телефон для того, чтобы по нему угрожать или сообщать неожиданные пренеприятные известия, собаки говорят о тонкой душе хозяев, с утра надо не забыть спасти мир, а с 25-ти граммов виски можно напиться в

усмерть и наделать много глупостей, во время которых тебя спасут случайно вовлеченные в твои неприятности спутники, а потом воспользуются этим и склонят тебя к свадьбе. Увидеть что-либо подобное тому, что было у Чаплина, где все так непредсказуемо и так трагически смешно, сегодня вряд ли кому удастся. Хотя, Чаплин - это и не кино. Это - клоунские репризы высочайшего мастера клоунады, получившие технические возможности кинематографа. Отдельные удачи, такие, как, например, "Иди и смотри" Климова, где язык истинно киношный и честный, погоды не делают.

А что касается литературы, то здесь и говорить не о чем. Лучшие ее времена давно уже прошли. Мы сейчас просто впишем в две колонки названия стран и напротив их литературных гениев, которые давно ушли из жизни. Пусть любой попробует вписать рядом с этими именами хоть кого-либо одно из современных. Для этого потребуются много смелости. Но окончательно воспользоваться этой смелостью поможет позволить только наглость. Потому что поставить рядом некого.

Иран - Заратустра

Индия - "Бхагавадгита и Махабхарата"

Греция - Гомер

Россия - Пушкин

Грузия - Шота Руставели

Англия - Шекспир

Таджики - Омар Хайям

Израиль - Екклесиаст

Испания - Сервантес

Италия - Данте

Арабы - "1000 и одна ночь"

Финляндия - "Калевала"

Бельгия - Шарль де Костер ("Легенда о Тиле")

Китай - Конфуций

Франция - Дюма и Жюль Верн

Армения - "Сасунци Давид"

Чехия - Ярослав Гашек

Япония - Акутагава Рюноске

Польша - Прус и Мицкевич

Узбеки - Навои

Мексика - "Пополь вух"

Корея - Кёсан ("Повести о Хон Гиль Доне")

Туркмены - "Шасенем и Гариб"

Это, так сказать, личностная составляющая двух уровней сравнения. А есть и техническая: древнейшие произведения литературы писались в стихах. И так продолжалось еще долго после этого. И только в 18-19 веках эти две области сравнились между собой по значению. Согласимся, что писать в стихах гораздо сложнее, чем в прозе. Попробуйте написать так и этак

простую записку о том, что деньги на картошку на телефонном столике, а светлые брюки не одевай, потому что на улице дождь: тротуары в машинном масле и брюк потом не достигаешь. Что потребует большего мастерства? То-то же! А ведь то, что написано прозой, вполне может излагаться стихом, а вот, чтобы наоборот - далеко не всегда! Попробуйте "Мцыри" Лермонтова рассказать словами - не о чем будет вообще говорить. А стихи дают возможность рассказать об этом же в тоне красивой, зажигающей трагедии. А что касается литературного авангарда, то здесь вообще клониться к низу дальше некуда, потому что если литература отказывается от связного содержания, то чем она принципиально отличается от бессвязного бреда?

Кроме того, говоря о литературе, как о виде искусства, аккумулирующем в себе и сам смысл, и саму возможность содержания, надо признать здесь, что ее содержание никуда не уходит от содержания нашей жизни, которое, как мы уже отметили для себя, имеет совершенно однообразное для истории значение. Отсюда и вечные сюжеты, и вечные персонажи, и вечные темы, и вечные завязки с развязками, и одна и та же фабула. Никаким новым содержанием литература также не наполняется, как и содержание самой нашей жизни. А если и наполняется, то только вслед за самой жизнью, которая в свою очередь ничем новым не наполняется. Меняется время описываемых событий и исторические условия. А события одни и те же, несмотря на то, что пиратов заменила братва, кавалеров частные детективы, придворных дам юные адвокатши, дуэли сменились драками в баре, ночные разговоры под балконами телефонными перезвонами, героические подвиги выполнением государственных заданий и т.д. Так что, в своем самом основном смысле литература также не исторична. Например, ее основная фабула - история об испытаниях, выпавших на долю двух любящих сердец, - вполне подходит и к истории Лейли и Меджнун и к истории Саши и Кати из "Двух капитанов" Каверина. Все это про одно и то же по своему основному смыслу. Как и все остальные сюжеты. Литература - не тот объект в истории, который мы пытаемся для себя определить как искомый. Наверное, к счастью. Но мы говорили об общей деградации искусства. Закончим эту тему театром.

Что мы здесь видим? Театр, там, где он сохраняет традиции, еще держится. Но, столкнувшись с его новыми формами, где герои ходят на ходулях, одеваются в одинаковые простыни или юбки (все повально!), совершают постоянные непередаваемые пантомимы, вылезают из немотивированного содержанием бочек, передвигаются ползком, поочередно намеренно шарахаются спиной о жестяную пластину в центре сцены, монологи проговаривают лежа, а также совершают прочие безобразия, хочется, чтобы кто-либо властный и нормальный ткнул носом этих новаторов и как Белолобому (неразумному щенку, из какого-то детского произведения о животных) повторил несколько раз: "Ходи в дверь! Ходи в дверь! А не в окно!". Но даже если и предоставить театральным экспериментаторам самим себе без всякого воспитующего действия на них со стороны, то и обычный театр, не падая низко, никуда и не растет. Тоже все вершины уже достигнуты, остается только достойно повторять нажитое предшественниками.

Даже в порнографии, которая по рейтингу популярности занимает двадцать первых сайтов (двадцать *первых!!!*) в списке наиболее посещаемых тем интернета, произошел откат от достигнутых позиций. Наше "даже" говорит не об осуждении порнографии. Мы не вправе

осуждать свой интерес к ней. Это - тоже наша природа. Отказавшись от материализма, как возводящего эту природу в причину Всего, мы отказались и от идеализма, который делает эту природу иллюзорной и недостойной. Мы договорились, что раз уж Бог создал нас для жизни *и в природе*, то ничто в природе не может не быть занятием для людей, если это не встречает сопротивления других участников данного занятия. Наше "даже" имеет в виду только соотносительность порнографии с искусством, потому что с одной стороны это уровень средневекового бродячего цирка (раньше в нем показывали исключительные уродства человека и гребли на этом деньги, а теперь показывают наоборот исключительные достоинства и гребут деньги, опять же, с этого), а с другой стороны, она прямо является не искусством, а наркотиком, миром мечты, в котором через отождествление с персонажами переживается то, на что вряд ли пошел бы каждый человек в реальности. Поэтому никто не против порнографии. Это - дело личного интереса. Здесь каждый свободен в предпочтении, отвергании или даже в поклонении ее стереотипам. Большого общественного вреда за ней вряд ли можно заметить. А полезна она хотя бы уж тем, что способствует обмену опыта между людьми, будит чувства, дает сексуальный заряд, совершает методико-наглядное обучение начинающих, сближает случайных знакомых и помогает коротать длинные зимние вечера. Но и здесь - ощутимые потери. От французских игриво-монументальных картинок она перешла к чувственной голландской, оттуда перевалила к изобретательной итальянской, оттуда откинулась к смачной немецкой, а от нее докатилась до механистически-животной американской, где никакого томления, никакой неги, где все смешалось в уродливую кучу: кони, люди, собаки, идиоты в масках, заумники с камерами, мужчины с мужчинами, женщины и мужчины с неженщинами-немужчинами, хлещут плети, жужжат вибраторы, им на смену приходят телефонные трубки и баллончики дезодорантов, истекает кал и струится моча, как будто все это происходит в мебелированном туалете, куда каждый рвался, судя по отправлениям, как минимум три дня, но когда все там счастливо встретились, то решили пока повременить ради других потребностей. Конец пришел и этому "искусству".

Если любое творчество, даже такое примитивное, достигает своих пределов и начинает угасать, то такие рваные ритмы могут возникать только от истощения творческого запала человека. У Бога не могло бы истощаться ничего. Пределы достигаемого в искусстве говорят о том, что данные пределы порождаются пределами возможностей того, кто за этими достижениями стоит.

Наука, например, не знает никаких пределов, поскольку Бог постоянно эти пределы необозримо расширяет. А там, где Его нет, естественны вот такие тупики и откаты назад. Без Его поддержки недолго задерживается человек даже на том высоком, чего достиг собственными усилиями. Если все в истории прогрессирует, а искусство регрессирует, то это не то, для чего Он затевал историю. На этом придется и закончить.

А впереди у нас совершенно невеселая перспектива. Этика, за неимением ничего другого.

Этика - это понятия о морали и нравственности. То, что нами обычно принято объединять знакомыми всем категориями Добра и зла. Не случайно эту сферу духа мы оставили напоследок. Нравственность, как явление истории, конечно же, имела бы право рассматриваться и самой первой, но ... как ее вообще можно рассматривать с точки зрения возможного анализа? От чего прикажете отталкиваться при этом самом анализе? Что брать за основу для размышлений? Самым лучшим подспорьем для размышлений являются справочники, энциклопедии, хроники, указатели имен, учебники, словари, информационные указатели, сборники статей и прочие печатные издания информационно-собирающего характера, где может содержаться необходимый набор фактов, который в свою очередь можно принять к сведению, переварить и переосмыслить. Ну, а если дело методологически исследуется прямо через исторический аспект своей сущности, (как наше дело), то специальные издания и монографии вообще являются исключительно единственными возможными источникам, на которые можно не то, что бы всерьез, а вообще хоть сколько-нибудь правомерно опираться в своей работе.

А где брать такие правомерные источники для такой нашей растяжимо-обтекаемой темы, как этика? Кому-нибудь приходилось встречать "Учебник Добра и зла", "Словарь нравственных нормоуложений", "Энциклопедию хороших поступков" или "Алфавитный указатель злых деяний"? Мне они тоже не попадались. Именно поэтому мы постоянно отодвигали этику под конец, в надежде на то, что, отыскав что-либо более предметно-конкретное еще до нее, мы избавим себя от необходимости встать с ней лицом к лицу. Потому что, столкнувшись с нею лицом к лицу, любой впадает по непреложной необходимости в зону оторванного от фактов свободного философствования, чего как раз хотелось бы меньше всего.

Если мы берем к работе самый голый факт, то, чем более он гол, тем легче нам разглядеть в нем его истинное содержание. А если мы берем для этого же самого просто голое умозаключение, (что предполагает философствование), то будь оно хоть абсолютно голо, хоть разукрашено в самые категорические одежды, а до тех пор, пока мы не подтвердим его фактом, оно так и останется всего лишь философской теоремой, которую следует доказать. То есть любое умозаключение может приниматься в качестве жизнеспособного и правомочного только тогда, когда оно опирается на факт. Раньше мы так и делали. Более того, мы вообще старались всегда идти от факта к умозаключению. Это было оправдано. Потому что, как принято избито говорить, - "факты упрямая вещь". Они могут этим своим упрямством создавать конструктивные пределы возможных разбросов для любого умозаключения до тех пор, пока оно своими выводами полностью не уместится в рамки, не противоречащие факту. Факт определяет собой умозаключение. Это - естественно.

Но факт не просто определяет собой умозаключение, он его *собой порождает!* Ведь, даже совсем не имея в виду какой-нибудь мысли или идеи, мы можем к ним придти, натолкнувшись, на соответствующий факт. А на сами факты мы имеем возможность благодатно наткнуться в любимой нами справочной литературе. Натыкаясь на факты, мы, тем самым, в общем-то, натываемся и на сами умозаключения, потому что, обратившись к фактам не праздного любопытства ради, а получения каких-либо ответов на свои вопросы для, мы приходим в процессе этого ко всем возможным умозаключениям. Поле, засеянное фактами, дает всходы выводов. Если

признать факты полным набором того, что может представлять собою жизнь (а это так и есть, ибо, что такое факт, как не единично-событийный элемент, из которого складывается все тело истории?), то не погрешит против истины утверждение о том, что на основе фактов можно получить полный набор выводов о жизни. Мы шли этим путем, и это был, повторимся, правильный путь. Поэтому мы и держались за него до конца. Но он себя исчерпал.

А теперь нам придется идти от умозаключений. И это очень печально, потому что в этом случае очень легко может получиться так, что, не располагая изначально какой-либо нужной идеей или мыслью, мы так никогда и не натолкнемся на нее, если не натолкнемся на генерирующий их своим смыслом факт. Идя от умозаключений к фактам, у нас не будет совершенно никаких гарантий, что без фактологической основы мы наловим у себя в голове тот весь возможный набор предположений, который мог бы образоваться обратной связью с ними фактов, при которой факты берутся за основу. И тем более у нас не будет никакой уверенности в том, что именно там, где мы что-то пропустим, не будет находиться именно то, что мы ищем. Мы вполне можем и промахнуться. Мы это с досадой осознаем. И это делает нашу работу менее веселой, но зато и более ответственной.

Кроме того, проникая в область философствования, надо помнить, что это занятие требует специальной подготовки. Специальная подготовка требует специального языка. А специальный язык дает специальные понятия. Специальные понятия дают специальное знание. А специальное знание лично нам ни черта не дает, потому что предположить, что целью человека на земле по мысли Бога является получить докторскую по этике, значило бы уравновесить по значимости критерии Создателя с критериями ученого совета, утверждающего защиту этой докторской.

Однако, упомянув такую науку, как этика, сразу же согласимся и с необходимостью дать ответ на законный вопрос некоторых читателей - а почему бы нам всем не обратиться к ней? Разве она ничему не учит? Неужели со времен Аристотеля, который придумал само это слово, и до нынешнего дня, эта наука не создала ничего такого, чем сможет воспользоваться человек в своей жизни? Резонный вопрос. Но почему вы именно у нас об этом спрашиваете? Задайте сначала себе этот ваш вопрос - какими достижениями науки этики я руководствуюсь в своей повседневной жизни? Ответ не будет рождаться в муках. И смысл этого ответа затронет сразу же как продуктивность самой этой науки, так и целесообразность нашего обращения к ней, основывающуюся на ее продуктивности. Это, во-первых.

Во-вторых, возвращаясь к специальному языку, являющемуся следствием специальной подготовки, мы не рекомендовали бы кому-либо руководствоваться желанием познать смысл Добра и зла через специальные термины этики. В таких случаях здоровье дороже. Иначе придется долго кругами ходить вокруг таких, например, выкладок, как - "источник нравственности детерминируется эмпирическим монизмом мыслей о своей "яйности", как внутренней светоносности". Или долго стоять в оцепенении перед таким заявлением, как - "мораль выступает эпифеноменом онтологической сопричастности ноэзису и ноэме". Если вы выйдете из оцепенения, то можете впасть в кому от предположения, что "интенциональность через нравственное побуждение продуктивно цели определяется через модус "выигрыш-

проигрыш" или "выгодно-невыгодно". Если же вы и после этого будете подергиваться и тянуть бессознательно-настойчивую руку к философско-этическим трудам, то можете нарваться на контрольную фразу в голову: "Тинктура добродетели в человеке не может не опровергать гилозоизма, даже если ее основная доминанта эсхатологична по гносеологии".

Это даже не бег с препятствиями, это бег через выстроенные в ряд платяные шкафы.

Однако, может быть стоит и побежать? Возможно, в преодолении этих криптограмм был бы какой-нибудь великий смысл? Может быть, мы именно поэтому и не знаем прикладного значения этики для жизни, (как хорошо, наоборот, знаем, например, прикладную механику), что не удосужились перевести для себя на понятный язык ее достижения? А вдруг за этими непонятностями что-то очень важное и судьбоносное? Может быть, стоит окрыситься и освоить этот язык? Не стоит. Там - банальности. Например, последняя фраза из наших примеров, переведенная с помощью словарей и той самой матери, означает: "внутренняя красота добродетели отделяет человека от неживой природы, даже если эта добродетель диктуется его разуму страхом возмездия после Конца Света". Можно короче: "чем бы ни порождалась добродетель в человека, она своей красотой отделяет его от неживого в природе". А можно и совсем просто: "человека из всего Божьего Творения выделяет наличие в нем понятий о нравственности". Вот скажите, стоит ли обращаться к целой науке, чтобы научиться на специальном языке выражать такие простые и совсем не специальные мысли? По-видимому, если не иметь в виду ничего другого по результатам таких усилий, то не стоит. Вот мы и не станем.

А в третьих, этика, как и все прочие науки, как мы уже убедились, не дает ответов, а только описывает то, что видит своим узкоспециализированным зрением. Тем более что она относится к философскому разделу наук, то есть к тем наукам, чьи выкладки не проверяемы практикой и не реализуются в физических законах. Впрочем, об этой, постигнувшей нас беде, мы уже говорили.

Очередной раз зададим себе вопрос - что же делать? Мы попали в ситуацию, где нельзя опереться ни на основополагающие факты, ни на положения науки. Это расстраивает. Но это же и несколько укрепляет в решимости.

Потому что, во-первых, сам предмет Добра и зла носит определенно универсальный характер, и мог бы при его нашем освоении объять собой как всю историю, так и каждый ее субъект в отдельности. Это то, что все-таки можно применить к любому факту истории, пусть даже и в обратном по желаемой последовательности порядке.

Во-вторых, само то, что категории нравственности руками не потрогаешь, глазами не увидишь, рулеткой не измеришь и на атомные весы не положишь, говорит о том, что это совершенно нематериальная область бытия, которая наиболее близка Ему как по нематериальности, так и по способности в силу данной нематериальности переноситься с нами из этой жизни в другую, и обратно, сохраняясь в некоем непрерывном виде на нематериальном плане уже не только в Его, но и в нашем будущем нематериальном бытии. Нравственность может быть всегда с нами, а все остальные виды деятельности человека, имеющие своим выражением реальное воплощение результатов в материальных предметах, останутся здесь, что не так уж и важно, как важно то, что они не могут уйти с нами *туда*, чтобы иметь равнозначную для обоих

планов нашего существования значимость. Последствия любой другой нашей деятельности, (даже в своих самых шедевральных видах), остаются здесь и теряются со временем в череде других шедевров, а нравственность может быть как раз тем, что мы можем Ему предоставить наглядно по итогам жизни при переходе в нематериальный мир во время того самого экзамена на зрелость, который нам устраивается перед окончательным переступанием черты загробного мира. Больше ничего с нами не может уйти туда в качестве наглядных пособий при ответе. Нравственность такую возможность имеет изначально и, следовательно, она может вместе с нашими вечными душами не только иметь какую-либо задачу при новом воплощении, (разве не логично предположить, что именно то, в чем отчитываешься по концу деятельности, и было бы непосредственно заданием на эту деятельность?), но и, в конце концов, достичь Царства Божьего, и кто знает, не она ли будет как раз нашим пропуском туда?

В третьих, признавая бесплодность целой такой науки, как этика, для реальной жизни, мы тем самым последовательно признаем, что и наши возможности вряд ли смогут обеспечить нам законченно определенную и безупречно неоспоримую трактовку Добра и зла. Уж если великие философы запутались в этих прениях, то и нам ничего конкретно идеального не породить. И это очень хорошо, потому что мы для себя когда-то уже определили, что чем ближе мы подходим к Богу, тем менее понятно и квалифицируемо будет все, чего мы не коснемся своим разумением. Как Сам Он непознаваем нашим умом, так и все, что от Него, будет на каком-то моменте для нас уже непознаваемым. Именно там, где логика азартно говорит: "Фас, теперь твоя работа!", а мы не знаем на кого, собственно говоря, нам тут кидаться, именно здесь всегда что-то правильное. Похоже, подведя нас к этике, логика отдала уже свою последнюю команду. Осталось только собраться и прыгнуть. Прыгнем.

А для опоры мы воспользуемся нашей прежней методикой - непрерывность, историчность и наличие содержания - потому что мы все еще не вышли из пределов истории, и мораль нами должна будет рассматриваться именно через нее, как через явление, организуемое для нас Богом.

Начнем с непрерывности. Здесь первая трудность. Она (непрерывность) на первый взгляд недоказуема. Мы не знаем доподлинно, присутствовала нравственность в первых человеческих сообществах, или нет? Добро и зло не могут быть археологическим экспонатом или артефактом, поэтому можно с равной уверенностью утверждать как то, что людям времен дикости и варварства присущи были моральные устои, так и то, что они не были им ведомы вообще. Поход в палеонтологический музей здесь не перевесил бы содержанием своих стендов в пользу ни одной из этих точек зрения. Но это только на первый взгляд. А если смотреть внимательнее, то кое-что, все-таки, можно увидеть. И, похоже, это будут серьезные аргументы в пользу непрерывности.

Например, мы можем обнаружить, что люди всегда были одеты. Остатки одежды и орудий ее изготовления найдены на всех первобытных стоянках. Об этом же говорят и детали одежды персонажей наскальной живописи. Значит, в то время уже была стыдливость. А это уже нравственная категория! Набедренная повязка не избавляет ни от жары, ни от холода, она же не имеет и гигиенического значения по своему покрою. Она имеет определенно моральный аспект -



она *прикрывает*, подчиняясь чувству стыда. Уже, имея один такой факт, никто не сможет сказать, что нравственность присутствовала не всегда даже в своих зачатках.

Тем, кто скажет нам, что известны и другие исторические факты, когда некоторые отдельные племена были некоторое время стихийными нудистами, и лишь затем стали одеваться, мы возразим - нудисты есть и сейчас. Также и сейчас есть племена, которые не одеваются и не знают стыда. Но можно ли будет на основании того, что некоторые приезжающие ходят топless на обычных пляжах или обнажают обвисшие формы на специальных, исключить из нашего времени стыд вообще, как таковой? Если бы даже одно племя из всех племен того времени имело бы одежду, как следствие стыдливости, то уже тогда нельзя было бы говорить о том, что в природе человека нравственности не было *совсем*. Тем более что не прикрывались одеждой как раз наоборот - считанные единицы племен.

Но если стыдливость эпизодически имела бреши в те времена, то можно увидеть еще один исторический факт, который присутствует буквально у всех первобытных племен. Это - захоронение мертвых. Ни одно племя не бросало своего мертвого соплеменника на съедение зверям и птицам. А ведь это было бы дешевле! Оттащи подальше, брось - и, всего делов! Не надо яму рыть, украшать могилу, любовно обряжать покойника, зарывать с ним вместе необходимые самому себе позарез вещи, такие, как очень дорогие и трудно получаемые в то время запасы пищи, оружие, одежду, украшения, предметы быта, орудия труда и т.д. Что это, как не *нравственная обязанность*? И разве не логично было бы предположить, что уж если *так* относились к мертвым, то неужели могли хуже относиться к живым? Такое почтение к умершим может быть только производным от широкого круга твердых и привычных моральных устоев среди живых. Ибо трудно себе представить дикого человека, не имеющего в своей душе никаких элементов нравственности, но, все-таки, непонятным образом достающего их все же оттуда для нужд того, кому это уже не нужно, и кто уже не может заявить о каких-либо претензиях на свой счет, а затем, пока вокруг снова никто не умер, теряющего вновь все способности к нравственности.

Только два этих вышеприведенных факта твердо сообщают нам о том, что понятия морали уже от начала руководили поступками человека. Пусть даже и только в двух этих случаях, которые мы можем научно обосновывать. Этого достаточно.

С непрерывностью разобрались. Теперь следовало бы по принципу очередности перейти к историчности. Однако формируется некоторое смутное желание с этим повременить. Похоже, что делать это еще рано. Дело в том, что говорить об историчности или неисторичности чего-то (то есть об изменчивости на протяжении истории) можно только тогда, когда совершенно ясно, о чем, в конце концов, мы говорим вообще, и что мы, все-таки, здесь имеем в виду. Сами эти понятия - нравственность, мораль, Добро и зло - слишком громоздки для того, чтобы ими оперировать в каком-либо конкретном виде. Это общие понятия, требующие частного своего определения в составных частях. Ибо все они выступают перед нами как некий обобщающий заголовок тех единичных явлений и соображений, которые непосредственно как раз и складывают из себя эти обобщающие понятия. Раз эти понятия являются обобщающими, то они носят просто характер ярлыка, который навешивается на группу однородных предметов. По

ярлыку судить о предметах тяжело. В конце концов, ведь именно сами эти составные части образуют собой нравственные проблемы и проявления, а не их общее название. Разговор об этом не может быть настолько общим, чтобы не разобраться с тем, о чем собственно вообще разговор ведется. По-видимому, нам следует для начала разобраться с тем, что есть такое нравственность и из чего она состоит, а потом уже смотреть - исторична она или нет. Параллельно провести два этих анализа будет слишком сложно. Это как раз тот неприятный момент, когда нам следует уйти от фактов и перейти к умозаключениям.

Морально-нравственных критериев и категорий очень много, как ни странно это для нашей жизни, и прежде, чем как-то работать с ними, следовало бы, наверное, навести в них порядок. Во-первых, их следует разукрупнить. То есть разделить на отдельные группы, с которыми было бы удобно работать по принципу их родства, чтобы не перескакивать мыслью туда-сюда слишком большими прыжками, амплитуда которых создавала бы еще большую сумятицу в размышлениях, чем использование "яйности" или "тинктуры". Во-вторых, можно воспользоваться этим процессом группировки однородных понятий с тем, чтобы сразу же определить еще один необходимый принцип работы с этими категориями - признак отнесения их к той или иной группе. Ведь группировать можно по многим признакам: по признакам положительного содержания и отрицательного содержания, по признакам соотношения с правом, государством, семьей, собственностью, отношениями полов, по признаку значительности ущерба или выгоды, по признаку соответствия религиозным догматам и т.д. Мы должны определиться - что будет в основе нашей классификации нравственных категорий?

В общем-то, любой из этих признаков деления должен был бы нас привести к одному и тому же результату, ибо от перемены мест слагаемых здесь результат также не должен меняться. Поэтому все они равны по своим правам. И ни один из них не имеет предпочтения перед другими по возможности приведения нас к нужному итогу. Поэтому мы ничем особым не обязаны к тому, чтобы, как-то особенно обосновывать тот принцип группировки, который нам нравится больше других. Возможно, сейчас раздастся улюлюканье специалистов от этики, потому что у них есть, конечно же, своя классификация нравственных категорий, но это не должно нас заставлять боязливо ежиться. Ведь нравственность, это то, что каждый понимает, как он может. Вот и мы разделим все нравственные категории так, как мы можем. А можем мы их разделить по признаку сопричастности с индивидуальностью человека. Мы ведь помним, что индивидуальность это то, что создается нашей сущностью для работы в этом мире и в данном воплощении. Вот от нее мы и пойдем.

Итак, вот наша градация всех нравственных категорий:

1. Околонравственные категории (присущие человеку, или неприсущие ему в зависимости от характера его индивидуальности). 2. Моральные принципы (однотипно вырабатываемые конгломератом многих индивидуальностей устои для показательного применения в жизни).

3. Самостоятельные понятия (реально существующие в истории и обществе понятия о нравственном характере тех или иных исторических или бытовых явлений, не зависящие в своей оценке от тех или иных моральных принципов отдельных людей).

4. Универсальные категории (Добро и зло непосредственно в "чистом виде", но не в качестве обобщающих понятий трех предыдущих групп нравственных категорий).

Теперь можно приниматься за дело и начать с первой группы. Как мы уже в общих чертах обрисовали - околонравственные понятия, это понятия, относящиеся к личным качествам человека, чертам его характера, которые тесно соприкасаются с этикой и могут, как переходить непосредственно в нее, так и оставаться в пределах моральной оценки только непосредственно данной отдельной личности, не выходя за ее пределы и не составляя собой тело истории. Это: самодовольство, скупость, ябедничество, лень, вздорность, скрытность, тактичность, бестактность, назойливость, щедрость и тому подобное.

Все эти качества человека могут запросто замыкаться на нем самом, не выходя за границы его личного быта, и нравственная их оценка здесь чаще всего возникает только тогда, когда одно из них способствовало бы своим проявлением, или, наоборот, не способствовало бы, осуществлению какого-либо действия, последствия которого можно было бы оценивать с моральной позиции. Например, если человек скуп, то это, как говорится, его личное дело. Он может с душевной болью расставаться с каждой копеечкой, ворочаясь по ночам от горя при воспоминании о том, что жена вчера купила книжку, на стоимость которой можно было бы оформить полугодовую подписку на местную газету - и читай, сколько влезет, хоть каждый день, а книжка всего на два-три дня, а потом выкинуть. А газета может пригодиться. Но все это будет далеко от проблем нравственности, потому что другому от этого ни жарко и ни холодно. Если же этот человек начинает упрекать в расходах домашних и близких, с кровью сердца постоянно им напоминая, что вы, конечно же, ешьте-пейте, но не забывайте, что, денежки-то, на дороге не валяются, то это уже та грань, за чертой которой находится нравственность, но которая еще не до конца пройдена. А если он по своей скупости отправляет родную мать в дом престарелых, то здесь он уже совершает страшный грех, не достойный человека, и ранее просто некая черта его характера уже сама принимает характер нравственной категории.

Точно также самодовольство может не причинять никому никакого вреда, если это просто напыщенный индюк, который никого не трогает. Но эта же черта характера может вызывать и безобидные тяготы общения с таким человеком, если он в процессе диалога не удовлетворяется до тех пор, пока не услышит от собеседника похвалы или восхищения в адрес своей персоны. Бывает, такое трудно дается, но эти трудности не могут апеллировать непосредственно к нравственности, поскольку ее пока здесь также нет. А вот когда какой-нибудь чинуша в приступе самодовольства ломает жизнь какому-либо независимому человеку, публичная правда которого опровергает какой-нибудь глупый постулат начальника, поднятый подхалимами на высоту цитат Мао Цзэдуна, то он также переводит некое свое личное качество в состояние нравственной категории, ибо поступает уже противонравственно.

Таким образом, у этих нравственных категорий может быть совершенно нейтральный по нравственному значению результат, но может в какой-то момент выплывать и определенно моральный аспект взаимодействия с жизнью. То есть, мы не можем считать ни скупость, ни самодовольство, ни леность, ни вздорность, ни мнительность и т.д. категориями чисто нравственными или, тем более, чисто безнравственными. Часть этих качеств имеет психическую

основу (жадность, подозрительность, вспыльчивость и пр.) и относится к морали только в качестве специфически возможной оценки по результату своего проявления. Другая часть качеств данной группы имеет своей природой просто низкую культуру (бестактность, грубость, наглость, скандальность), а в этом случае также нет особой нравственной вины обладателей данных качеств, ибо они не могут посмотреть на себя с неведомой для них позиции элементарных приличий, и даже не подозревают о своем хамстве, считая его нормой взаимоотношений. Здесь же есть и категории, которые можно признать родственными этическим только относительно комфортности их проявления для окружающих - назойливость, нытье, ехидство, бравурная нескончаемая веселость, пошлость, постоянное произнесение сальностей и т.д. Здесь тоже нет оскорбления нравственности, а есть только определенное состояние души, которое утомляет тех, кто приблизился к этому состоянию на опасную дистанцию возможного контакта. До тех пор, пока последствия этих черт характера не зацепят чем-то другого человека или группу лиц, они не могут никак примыкать к нравственности.

В общем-то, пока все ясно. Но нетрудно заметить, что мы до сих пор приводили примеры в основном на тех категориях, которые могут колебаться от нейтрального к отрицательному. А как обстоит дело с такими околонравственными категориями, как щедрость, доверчивость, тактичность, прямота, открытость и т.д., которые заранее предполагают собой какую-то положительную нравственную оценку, и одновременно относятся к психическому складу человека? В предыдущем случае мы видим, что сама по себе черта характера, вне ее осуществления через какие-либо общественные последствия, моральной значимости не имеет. А похвальная категория? Удивительно, может быть, но и положительные черты характера сами по себе также не имеют никакого значения, если они не проявляют какой-либо свой результат в процессе взаимодействия с миром. Более того, они вообще в таком случае не имели бы никаких опознавательных признаков похвальности, ибо, что такое, например, доверчивость сама по себе вне ее демонстрации на какой-либо жизненной ситуации? Без конкретного действия ни одна из самых положительных черт характера не видна вообще, и даже, можно сказать, что не существует в принципе. Открытость по отношению к чему? Обязательность в чем? Тактичность в каких соприкосновениях с другими? Все эти вопросы говорят об одном - нельзя показать человека и сказать: "Он доброжелателен", не обосновывая это какими-либо примерами из его жизни. Такие вещи по разрезу глаз или по группе крови не утверждаются. Нужно соответствующее действие, которое своим характером очерчивает характер того, кто это действие совершает. Следовательно, так как здесь также для появления этических оценок нужна обязательная возможность проявления в действии, а проявиться в действии какое-либо качество может только в условиях, когда для этого есть человеческое сообщество, то мы из всего сказанного уже совершенно определенно можем сделать первый свой вывод: для того, чтобы существовали сами понятия нравственности, даже на самых таких элементарных полукатегорийных уровнях, как в первой группе, необходимо человеческое общество. История. Иначе вне общества и истории нравственные категории остаются просто отвлеченными понятиями, которые витают где-то в далах возможного своего осуществления, но реально не существуют.

То, что мы замкнули нравственность на историю, - это очень хорошо. Это первый сигнал того, что мы пока идем правильным путем.

Однако здесь можно придти еще к одному соображению, которое имеет неожиданный интерес. Если вдуматься, то не может остаться незамеченным следующий парадокс: положительные качества могут в одном случае носить характер высокой нравственности, а в другом случае иметь такого же порядка характер полной безнравственности! Это поразительно, но это так! Например, бесхитростная прямота. Она не всегда уместна. Можно, например, ответить некоей женщине, которая испросила вашего честного мнения о своей внешности, следующим образом: "Если от Вашего носа забрать и добавить это к груди, забыть, что передние зубы у когда-то были, а сейчас их нет, ноги имеют форму исполненного небрежной рукой овала; не обращать внимания на то, что один глаз у Вас дергается, а другой косит, (что, очевидно и не позволяет вам чаще бриться); отвлечься от того, что спина у Вас нигде не заканчивается, но везде начинается, то с Вами очень даже можно будет кушать в одном помещении". Это будет *прямо*. Но будет ли это нравственно? А если сказать ей: "Мадам, в Вашем облике есть что-то, что не позволит Вас никогда забыть", то это будет окольно, но вполне нравственно.

Доверчивость также хороша только тогда, когда на ее кону стоит имущество или здоровье самого носителя этого качества. А если от его доверчивости зависит жизнь сотен людей, то такая доверчивость не имеет нравственного права на существование. Например, доверчивый руководитель проекта может охотно довериться убеждениям шарлатанов от науки при строительстве железнодорожного моста. После того, как с этого моста сверзится пассажирский поезд, вряд ли найдется много желающих из тех, кто падал вместе с составом, утверждать, что доверчивость всегда хороша сама по себе.

И стеснительность также хороша не везде. Если бы вместе с платьем женщина не сбрасывала с себя и стеснительность, то вряд ли имела бы смысл и сама агитация мужчины, направленная на предложение это платье снять. В этом случае все остальное приобрело бы характер печальной комедии и взаимного издевательства. Также стеснительность совершенно безнравственна и на медосмотрах или визитах к венерологу или дерматологу. Если уж человек сам пришел, то врачебный персонал не должен его ласково и терпеливо уговаривать долгие часы обнажиться и сделать возможным медицинскую процедуру. Иначе это вообще переворачивает все с ног на голову, и ставит медиков в противоестественное состояние непристойного домогательства чужого тела, продлевая к тому же муки тех больных, которые нетерпеливо ждут медицинского вспомоществования в очереди.

Тактичность иногда только вредит, и по моральным соображениям преступна. Например, защищая свою жену от своей же матери, муж просто обязан поступать бестактно. Пресекая издевательства свекрови над невесткой, сын поступает высоконравственно относительно справедливости и относительно своей семьи, обращаясь одновременно не с должным тактом со своей матерью. Но в данном случае тактичность это то, чем следует пожертвовать во имя нравственности. Иначе, проявляя высокую тактичность к матери, мужчина не исполняет своей нравственной обязанности супруга защищать свою жену с одной стороны, и позволяет этой

безнаказанностью все больше морально распускаться матери, тем самым, умножая количество зла на земле.

Также высоконравственна и бестактность, с которой хозяин пинком под зад выдворяет за дверь гостя, который напился до зеленых соплей и начинает выдавать вслух то, о чем все всегда молчат, как о, якобы для них неведомом. Например, о том, что Ларка с Валеркой перелюбили друг с другом по всякому, а теперь сидят возле своих супругов, как невинные голубки, а те и не знают, какие они у них на самом деле не голуби, а сволочи. В этом случае, чем быстрее сменит хозяин, (к которому это вообще, кстати, не относится), свою тактичность на бестактную грубость, тем более нравственно он поступит. Так как только он может на полных основаниях, как уполномоченный на данной территории, этим силовым образом сохранить "тайну" двоих и уберечь две семьи от распрей. Это будет весьма нравственно в принципе, но весьма бестактно в конкретике.

Сын с отцом тоже, в конце концов, обязан поступить максимально бестактно, если старый хрыч своими домостроевскими порядками пытается лишить внуков детства, а по-хорошему отступить от них не хочет.

Мудрость, которая не может измеряться степенью образованности, (ибо дурак и диплом - вещи не такие уж и несовместные), а определяется как особый уровень интеллектуальных задатков, весьма ценится и одобряется. Но никто не может отнять мудрости ни у Сталина, ни у Гитлера, хотя их мудрость тождественна самому большому нравственному преступлению своей направленностью. Впрочем, здесь можно привести хорошо известный пример из Библии, где змей был самым мудрым из всех животных, и это в итоге привело к тому, что мы теперь рожаем в муках, добываем хлеб в поте лица своего и знаем смерть.

Вспомним также выражение "медвежья услуга". Оно пошло от басни, в которой мужик дружил с медведем, а тот в пылу дружбы убил муху у него на голове огромным камнем. Услужливость, как форма доброжелательности, также может обернуться совершенным злом, как видим. Да и сама доброжелательность, по-видимому, также должна осторожно избирать адресата или цель своей реализации, если хочет оставаться в числе примеров для подражания. Потому что, к примеру, сострадательный дядя, наливающий мальчугану, поссорившемуся со своей пассией, водки для утешения, заслуживает вообще одиночной камеры, а доброжелательность по отношению к преступникам или, например, к "наперсточникам" и "игровым", раздевающим доверчивых пенсионеров на рынках и вокзалах, не только противоестественна, но и противонравственна.

При известном желании можно такие перевертыши организовать с любыми чертами характера, которые, вроде бы, априорно (до практического опыта) считаются положительными, а в реальном примирении оборачиваются злом.

Таким образом, мы можем сделать второй свой вывод из вышеприведенных обстоятельств: нравственная категория не имеет непривязанного к конкретным обстоятельствам, самостоятельного значения в самой себе. Она в одном случае порицается, а в другом поощряется. Одна и та же категория!

Теперь, переходя непосредственно к нравственности, то есть к тем ее понятиям, которые определяются не конкретным индивидуальным характером, а имеют некий признак, которым может наделяться любой человек вне зависимости от его собственных психических индивидуальных черт, мы посмотрим, как будут себя вести два наших этих главных вывода дальше. А дальше у нас - моральные принципы.

К моральным принципам относятся такие понятия, как, например, честь, правдивость, благородство, честность, верность, сострадательность, скромность и т.д. Можно сказать, что если околонравственные категории являются невольными продуктами человеческого характера, то моральные принципы вырабатываются самими людьми и являются волевым продуктом человеческого общества. Поэтому наш первый вывод о том, что реализоваться эти принципы могут только в сообществе людей, здесь вполне применим. Оставь человека на необитаемом острове с запасом еды на сто лет, и в продолжение этих ста лет у него не будет ни одной возможности хоть как-то заявить о своих даже самых высоких принципах - их можно будет для себя выработать, но их нигде будет применить. Они останутся неопознанными. С этим ясно.

Но здесь у нас появляется еще одно основание для еще одного интересного вывода. Моральные устои данной группы нравственных категорий могут носить уже некий законодательный характер, то есть являться *общеобязательными* для всех. Если психический склад каждого отдельного человека совершенно не обязывает всех остальных быть, например, такими же открытыми или щедрыми, то такие понятия, как гостеприимство или честность, прямо-таки всем *вменяются*. Следовательно, мы вправе сделать еще один важный для себя вывод - нравственность может носить характер признаваемого всеми закона, обязанности, непреложности. Категории нравственности могут носить, (и несут на самом деле в себе), понятие *должного*. Итак, зачатки признаков нравственных категорий, рассмотренные нами на явлениях, прилегающих непосредственно к нравственности в первой группе, уже сразу не только усиливаются в данной второй группе нравственных категорий, но и наполняются совершенно новым содержанием обязательности при переходе от личных особенностей человека непосредственно в область самой нравственности. А что происходит с двойной возможностью нравственной оценки самих этих принципов? Не носят ли они здесь уже неизменно положительного характера, не допуская своим содержанием никаких оборотных Добру результатов или понятий? Похоже, что не носят.

Например, все преступления можно разделить на:

1. Зверские (убийство, изнасилование, геноцид, избиение, похищения, теракты).
2. Плутовские (финансовые аферы, мошенничество, сделки с мнимыми ценностями, хищения госсобственности, незаконная спекуляция, контрабанда).
3. Хулиганские (драка, оскорбление, бесцельная порча чужого имущества, нарушение общественного порядка и тишины).
4. Бандитские (рэкет, вымогательство, шантаж, грабежи, унижение личного достоинства и прав, побуждение к сожигательству под угрозой).
5. Маниакальные (растление малолетних, поджоги, эксгибиционизм, некрофилия, садизм).

#### 6. Бесчестные - воровство.

К чему этот перечень? Не к тому, чтобы нравственно опровергать все эти мерзости, или нравственно обосновывать, почему это нехорошо. Просто мы перешли к одному из нравственных принципов, который называется "честь". Как-то даже на это слово рука не поднимается, правда? А вместе с тем есть такое понятие, как "воровская честь". У представителей просто бесчестного по своему чистому характеру вида преступления, оказывается, есть своя честь, и это не пустые слова, а такой же "нравственный" закон для определенной категории преступников. Какая честь может быть у вора? Однако если мы признаем, что честь, как таковая, сама по себе универсальна по положительной оценке, то мы должны признать наличие чести и у воров, коль скоро они о чем-то таком, все-таки, заявляют, и признать одновременно, что это хорошо, ибо если честь есть, то, что еще нужно?

Также мы должны будем в данном случае признать и нравственное достоинство у чести самурая. Тоже рука не поднимается, не правда ли? Но ведь сам кодекс чести самурая как раз и предполагает свободу от всякой нравственности как таковой! Ее заменяет собой собачья верность хозяину, причем с нравственной стороны верного пса вполне можно приравнять к самураю, поскольку как тот, так и другой выполняют любую команду, не задумываясь о нравственной подоплеке своих действий. "У лошади голова большая, вот пусть она и думает" - вот как называется такая нравственная позиция. Поэтому за самураями, которые могут, не волнуясь, вырезать целые деревни в феодальных стычках, можно признать наличие чести, но вряд ли можно эту честь хоть как-то смыкать с какими-то нравственными основами.

Есть еще одна категория из группы моральных принципов, само простое даже произнесение вслух которой не предполагает уже никаких поползновений к усомнению в том, что она всегда благостна для людей. Это - благородство. Это слово просто давит на нас своим величественным авторитетом. Но и оно не безгрешно. Начать можно с первой его ипостаси, которая непосредственно предполагает наличие благородства, как признака высокого родства. "Благо-рожденный", то есть, знатный, следовательно, благородный. Если благородство основывается на происхождении, то это уже само по себе безнравственно, ибо унижает человека "простого" происхождения самим своим понятием. Каким бы набором высоких качеств такое благородство не слагалось, оно низко именно этой своей высотой, которая опирается на само существование низа. Если не унижить низ, то не будет и благородного верха. Нравственная категория, происходящая своими корнями из отвратительного разделения людей на людей непосредственно и на подневольный скот, отвратительна не только сама по себе, но и в своем действии. Ведь такое высокое благородство французских дворян, например, предполагало отношение к крепостным, приравненное по характеру к обращению с быдлом. Если дворянин вел себя не столь "благородным" образом с простолюдинами, то он отвергался дворянским обществом, как недостаточно благородный для него. И это было понятно, потому что, если в своем поведении дворянин уравнивал бы в правах на достоинство с собою чернь, то не было бы и того фона, на котором могло бы светиться данное "благородство". Такое благородство не более чем фикция, с точки зрения нравственности, в самой безобидной его оценке, и абсолютная безнравственность в его принципиальном смысле.



Если же это понятие имеет смысл, как исходящее из наследственных регалий, но не предполагающее дискриминации и унижения других людей по этому поводу, как это происходит в наше время, то оно с нравственной точки зрения тем более пустой звук, поскольку кроме законной гордости за свою геральдику, оно не предполагает никаких исходных претензий ни на какое обладание особыми нравственными качествами. В этом случае само понятие и не осуждается, и не одобряется, поскольку находится в стороне от проблем этики.

Есть и второй смысл благородства, который предполагает просто состав определенно высоких душевных качеств, имеющих приобретенный в процессе жизни характер. Но и здесь трудно что-либо сказать о самозначности этого понятия в положительном смысле, потому что оно здесь не первично, а определяется полностью содержанием тех самых качеств, которые его собирают и являются отдельными нравственными категориями, которые также могут показывать в отдельных случаях лицевою, а в отдельных случаях, и обратную по отношению к Добру, сторону. Кроме того, образуясь из некоего реестра высоких качеств, формирующихся в свою очередь определенной культурой человека, само благородство попадает здесь в полный плен и в полную зависимость от самой этой культуры, которая будет определять своим состоянием это благородство. Например, абсолютно благородный рыцарь Кавказа (мы говорим это не с иронией, а с должным уважением к кавказскому рыцарству), обязан был непосредственно доказывать свое благородство так называемым "наездничеством". То есть он должен был периодически храбро и удало воровать, убивать людей, отрезая им головы, грабить, угонять скот, умыкать детей, нападать на поселения и станицы, разорять хозяйственные обозы, насиловать и убивать после этого иноверку и т.д. Девушка-горянка всегда отдала бы предпочтение пожилому наезднику при выборе между ним и трудолюбивым юношей, который живет неблагородным разведением овец или огородничеством. Эти джигиты были, несомненно, благородны по принципиальному складу своего мировоззрения, но культура, на которой складывалось их благородство, была абсолютно лишена каких-либо нравственных помыслов и не делала данное благородство нравственным даже отчасти, не лишая его, правда при этом, некоей негативной красоты.

Правдивость, (если идти дальше), сама по себе также не всегда положительна. Мы уже видели ее двойственность на примере прямоты, как неодолимого свойства характера. Но и оформленная в осознанный жизненный принцип, она при универсальном своем применении может совершать по результатам зло. Классический, набивший уже оскомину, пример из этики: за несчастной жертвой гонится убийца, и спасающийся прячется в огороде человека, который, отвечая на вопрос убийцы, не пробежал ли здесь такой-то человек, лжет, глядя ему прямо в глаза, что тот, кого он ищет, побежал в сторону леса. Как здесь выбрать, что нравственно? Естественно, спасти человека - абсолютно нравственно. Следовательно, отвергнуть ложь и сказать правду в данном случае - также абсолютно безнравственно.

Честность, как возведение некоей индивидуальной правды в абсолют, также может приводить к большому злу. Честность, обычно, подразумевает под собой недопущение со своей (личной) стороны неблагоприятных поступков, отказ от получения выгод через нравственные уступки, отказ от обмана и хитрости, наносящих ущерб другому. В этом случае мы должны признать бесчестными Александра Невского, который показательным отступлением заманил

тяжелых немецких рыцарей на лед, а вслед за князем мы признаем бесчестными и всех других военных стратегов, устраивающих засады и старающихся поразить побольше врагов, поменьше при этом убивая своих, за счет беззастенчивого объегоривания противника. Мы должны также строго осудить всех разведчиков, занимающихся бессовестным воровством информации, дипломатов, специализирующихся на дезинформации и на ложных обещаниях, политиков, чьи единственно срабатывающие методы - подкуп, обман или шантаж - так "невидимы" нам и которых мы, несмотря на это, так любим, что проигранные выборы могут расстраивать целые семьи и вызывать драки с коллегами по работе. За нечестность мы должны поставить в угол также всех руководителей государств, которые ежедневно выбирают, какой из неблагоприятных поступков, которые им необходимо совершить завтра, принесет наибольшую выгоду его стране, и всех матерей, дающих взятки зарвавшимся преподавателям, которые сажают их детей на тройки под перспективу, что мама никуда не денется, а все же даст студенту денег и долгожданным образом уладится.

Если честность переходит в чистоплуйство, то она становится аморальной, например, в тех случаях, когда для спасения армии отдается батальон. Четыреста солдат заведомо отправляются на смерть, спасая жизни тридцати тысяч других за счет высоконравственного, но бесчестного поступка командующего, потому что он не говорит батальону о том, что задание невыполнимо, чтобы не начались истерики и дезертирство, а ставит им последнюю для них задачу, как обычную в ряду других боевых. Это ужасная правда войны. Она может касаться не только тех случаев, которые удобны для пережевывания тонким ценителям моральных нюансов тем, что здесь погибает сразу четыреста человек. На самом же деле вся война состоит из этого личного решения командира послать на смерть того или иного подчиненного, и если взяться жевать эту этическую проблему - право лишить жизни человеком человека - то не хватит на всей земле жидкости, чтобы запивать эту жвачку. На войне это происходит ежечасно, когда сержант или лейтенант посылают на верную гибель прикрывающих отход или дозорных встречного боя, телефонистов для восстановления связи под минометным огнем, танкистов на танкоопасное направление, где они погибнут, но своим маневром дадут возможность перегруппироваться полку, солдат в город без разведки в силу обстоятельств времени, наводчиков на пристрелянный противником участок, ополченцев, не имеющих тяжелого вооружения и не умеющих толком воевать с наказом выстоять до подхода резерва, с расчетом только на то, что на само их физическое истребление врагу потребуется какое-то спасительное для дела время и т.д. Принимаются такие решения с болью и муками, но не принять их еще большее нравственное зло, потому что, пожалев свою честность, или одного солдата, командир этой жалостью убивает всех остальных. Честность, конечно же, хороша, но если представить себе принципиально честного маршала, который в угоду своим принципам отдает на убой всю армию (включая и тех четыреста, которых ему его устои не позволили предать), а вслед за этим и все мирное население, которое его армия прикрывает собой, а в итоге и всю страну, то за такую "честность" трудно похвалить - если ты такой честный, то не ходи в академии и не становись военным человеком, зная, что в определенный момент тебе нужно будет соврать прямо в лицо подчиненному, деловито и оптимистично посылая его на гибель по непреложному закону войны.

Пойдем далее. Сострадательность, как поднимаемый на хоругвь принцип многих религий, точно также требует конкретной нравственной оценки объекта сострадания. Вообще-то данный принцип несколько проистекает из психического склада человека, но он же может и возводиться в жизненные устои некоторыми, как мы уже говорили, учениями. Такие переходы друг в друга между группами нравственных категорий, вероятно, возможны, и, пожалуй, даже закономерны, потому что ничего не мешает, к примеру, возвести в моральный устой такое качество, как храбрость или щедрость, даже если они вступают в психологически надрывную борьбу с характером тех людей, которые такими качествами не обладают по своему индивидуальному складу психики от рождения. То есть некоторые качества характера могут составлять какие-то отдельные пункты моральных кодексов, хотя сами по себе они возможны только физиологически, и в острых ситуациях человек, принимающий их в качестве своих принципов безоговорочно, не может их применять, поскольку вся его физическая природа этому препятствует. Например, не очень храбрый по конституции своего врожденного характера человек, может испугаться оравы хулиганов и не вступить за женщину. В этом случае нельзя говорить, что он поступает безнравственно, хотя сам поступок его объективно безнравственен. Но субъективно он не совершает зла, потому что психика его не может преодолевать страха, и вводит его в неуправляемый ступор при наступлении опасных ситуаций, откуда он выходит в полубессознательном состоянии не отдающего себе никакого отчета бегства. Поэтому сострадательность, как моральный принцип, может существовать только при наличии психических предпосылок в характере человека, который избирает его к руководству в жизни. В противном случае это не будет срабатывать. А если и будет срабатывать, то также только тогда, когда конкретный случай разбудит соответствующие *чувства*. В противном случае это будет внешний акт, не имеющий подлинно нравственного содержания, поскольку совершается по *самопринуждению*, которое стимулируется общественным мнением. Это всего лишь сделка с обществом, при которой, наоборот, объективно деяние будет нравственным, а субъективно - безнравственным, потому что не наполнено искренним чувством и исполнено *не по внутренненравственным предпосылкам*, а из страха обструкции, то есть носит *механически положительный характер*, при котором сохраняется на самом деле полное равнодушие к объекту сострадания. Так же равнодушно солнце согревает замерзших за ночь бродяг, что не дает никаких поводов приписывать солнцу нравственность.

Но и в этом случае, и в том случае, когда человек имеет сострадательность просто чертой характера, повторим, что совсем не все равно, *кому* сострадается в каждом из эпизодов. Общая генеральная склонность к чувствительности какой-нибудь сострадательной природы человека не будет иметь никаких положительных заслуг, если, например, он будет сострадать казненным эсэсовцам. Ведь эти люди (или не люди) провели каждую ужасную ночь перед казнью, выходили в тоске на эшафот, и веревки больно ломали им шейные позвонки под тяжестью их собственных тел - разве это не ужасно? Это ужасно, но впадать в искреннее сострадание к этому зверью вряд ли будет нравственно. Если у кого-то есть по этому поводу сомнения, то пусть он справится на этот счет у тех людей, чьи дети, жены, мужа, родители, любимые и родственники были заживо

сожжены в крематории, просто в целях производства сумочек из кожи, подушек из волос, украшений из золотых коронок, или удобрения для плодовых деревьев из человеческого пепла.

Не отходя от этой темы, скажем еще об одном принципе - чувстве долга. Наверное начальник концентрационного лагеря, где по спискам ежедневно уничтожали евреев, русских, цыган, поляков, украинцев и т.д., также был исполнен этого чувства, и, наверное, также не жалел себя на "работе", и также выходил на нее, несмотря на недомогания или семейные неурядицы. Он также задерживался после службы, если не успевал все обустроить как надо за рабочее время, и также мыслил долгими вечерами над усовершенствованием мер экзекуции и массового уничтожения "унтерменшей". Так что же, давать ему на этом основании приз "Лучший по нравственности парень сезона"?

А, например, уж, казалось бы, куда ни кинь, и как ни положи, а верность всегда хороша сама по себе. Однако, похоже, что и с нею все не так гладко. Для начала разберемся с верностью в любви. Если один человек любит другого, то он тем самым отдает ему предпочтение перед всеми другими людьми, и в упоении обладания даже в качестве варианта поставить никого рядом со своим избранником не может. При этом существует абсолютная верность. Но разве есть нравственные основы у такой верности? Эта верность естественна так же, как мысль ходить на ногах, а не на руках, что совершенно не предполагает собой никакого нравственного выбора. Эта верность физиологична и естественна. Она не от нравственности. А если любви нет, а верность сохраняется, то это может быть высоконравственным делом только тогда, когда нарушение такой верности повлекло бы за собой горе детям, или другому человеку, то есть когда она носит характер жертвы. А когда такая верность в отсутствии любви продиктована определенным удобством в жизни, или личной выгодой, то это также не высоконравственный поступок, а еще одна сделка, но уже не с обществом, а с партнером. Такая верность также по своим причинам не насыщена нравственностью, и не может расцениваться как некий одобряемый нравственностью акт. Хотя прямо противонравственного здесь ничего и нет, но здесь нет и ничего прямо нравственного. По сути дела такая верность - от безвыходности. Точно также может расцениваться и верность, которая продиктована безвыходностью другого порядка, когда, например, изменить хочется, но нет к этому ни условий, ни возможностей. Это верность не по принципам морали, а по житейским обстоятельствам в своей основе. Когда виноград зелен, сказал бы Эзоп.

А может ли верность быть напрямую злом по своим последствиям? Очевидно, может. Если люди не живут больше вместе, и один из них нашел себе другого спутника, то второй, оставшийся одиноким, может своей показной верностью просто задолбать бывшего супруга, если у того мягкое сердце и добрая душа, обильно сдобренные ранимостью. В этом случае хранящий верность и сам не живет, и другому этого не дает, постоянно кисло упрекая, что ему сломали жизнь, и теперь единственное, что ему осталась от прежнего счастья, так это только верность, которая постоянно должна колоть глаза тому, кто эту жизнь сломал, и кому эта верность уже больше не нужна. В таком случае объект данной назойливой верности ходит в церковь и ставит там свечи, чтобы Господь послал бывшему супругу новый объект любви и избавил бы, наконец,

от этой убивающей радость, верности, всех участников пьесы. Такая верность просто превращается в избранное орудие мести и по своей изначальной мотивации - зло.

А что касается других "верностей", то понятно и без особых затрат: верность слову зависит в нравственном смысле от содержания того слова, на верность которому присягал, верность делу, человеку, флагу, идее и т.д., также может быть Добром или злом в зависимости от того, что нравственного или безнравственного несут в самом себе данные объекты верности.

При желании можно упражняться с любыми категориями нравственности, и мы заметим, что данная закономерность проявится обязательно. Причем любой человек, покопавшийся в своей жизни, или жизни знакомых ему людей, может всегда найти там и более убедительные примеры того, как кого-то уела верность, оскорбило благородство, нанесла душевные раны демонстративная честность и т.д. В чистом виде, вне конкретного смысла своего результата, эти категории нравственно не имеют однозначного смысла. Надо еще знать, где и для чего их применять. А если махать вокруг себя этими красивыми принципами напропалую, как дубиной, то можно не только дров наломать, но и судьбы перекалечить.

Наши примеры отчасти слишком общи, отчасти слишком частны, они могут быть даже неуклюжими, но это не снимает основного их смысла - если вырабатываемые человеком принципы имеют в самих себе способность при столкновении с действительностью оборачиваться или Добром или злом, а то и вообще нести некий межнравственный смысл, то эта способность обязательно будет реализовываться. Что постоянно и происходит.

Большого из этой группы нам, пожалуй, не выжать, можно переходить к следующей.

На очереди у нас самостоятельные нравственные категории. Суть их самостоятельности по нашей классификации состоит в том, что они не вырабатываются человеком в качестве норм соответствия своего поведения, а существуют в качестве всеобщей принятой оценки тех или иных исторических, общественных явлений или личных взаимоотношений. Они имеют вид скорее оценочной квалификации уже непосредственно результатов постоянно присутствующих событий истории и частной жизни, а не исходных внутренних обязательств отдельных людей. Это такие понятия, как любовь, правда, ложь, ненависть, насилие, справедливость, жестокость, милосердие и т.д. Человека кружит водоворот истории, где он выгребает с помощью своих моральных принципов, а то, что из этого получается, имеет своей констатацией итоговые определения, сделанные с помощью данных самостоятельных нравственных категорий.

Естественно, что к этим категориям также абсолютно приложимы все нами выведенные ранее понятия о необходимости истории и человеческого взаимодействия друг с другом, о законодательной обязательности и ро зависимости от конкретных результатов применения в своей нравственной оценке. Последнее положение если и требует какой-то расшифровки, то она будет уже традиционна. Например, насилие не всегда есть зло. Когда опер применяет насилие к грабителю, то это - истинное Добро. Жестокость снайпера спецподразделения, засаживающего пулю между глаз террористу, также имеет похвальную меру при нравственной оценке, поскольку всего лишь ранив бандита, снайпер берет на себя моральную ответственность за возможную гибель заложников, а такая ответственность не может быть моральной, даже если она избирается в качестве неприятия жестокости как таковой вообще, а не по данному случаю.

Вера сама по себе очень высокая категория, но ведь и талибы, взрывающие статуи Будды и отправляющие в гетто с желтыми флагами индуистов, также руководствуются интересами своей веры. И напомним, что крестовые походы, инквизиция и газават - также дети искренней веры.

Ложь бывает во спасение, а правда - во вред. А такая вещь, как справедливость, обнаруживает под собой источник столкновения интересов, и вынуждена становиться на одну из враждующих позиций. Здесь - дилеммы. Если, к примеру, суд куплен и не хочет наказать насильника, то по справедливости ли поступят родственники жертвы, если сами произведут возмездие топором? Кто упрекнет их в том, что они поступили вопреки справедливости? Но кто одновременно и укажет меру этого справедливого воздаяния: отрубить голову, или только руки, или только ноги, или только ноги по самую шею? Лучше, конечно, последнее, но в данном случае все равно возникает любимое древними греками понятие меры, которое делает справедливость в одном случае Добром, а в другом случае злом при несоблюдении меры отмщения.

Если человека оскорбили словесно, то по справедливости его нельзя упрекнуть в том, что он двинул хаму в рожу. Но если он после этого избивает его еще пятнадцать минут до тех пор, пока тот собственными зубами не прикусит собственные легкие, то это будет уже активным злом, несмотря на то, что возможно по внутренней мере мстителя он уравнил свой ущерб с ущербом обидчика. Следовательно, справедливость, как связанное с мерой понятие, переходит более в область права, чем нравственности, поскольку в ее основе лежит не нравственное понятие Добра, а правовое понятие *правомочности*. Справедливость, таким образом, всегда выступает как состязание прав, а не как состязание добродетелей. Простой пример: один человек дает другому денег взаймы. Тот, кто взял деньги, вложил их в хорошее дело и намеревается в срок вернуть. Случился пожар и все, что у него было, сгорело. Он остался на пепелище и без денег. Пришел срок возврата долга. Займодавец обращается в суд, и суд принимает решение посадить заемщика в тюрьму. Справедливо требование человека о возврате ему его денег? Абсолютно! Он пострадал? Несомненно, и, возможно, очень чувствительно. Кто виновник его имущественной утраты? Тот, кто взял деньги и не вернул. Вправе требовать человек наказания тому, кто нанес ему урон? Вправе и еще раз вправе! Нравственно он поступает, зная, что виновному нечем расплатиться? Нет и еще раз нет! Но справедливость-то торжествует? Еще как! А нравственность попирается? Еще более попирается, чем торжествует справедливость!

Возьмем не столь крайний случай долгов и их возврата. Представим себе другого человека, который занял деньги у нескольких кредиторов сразу. Имея по итогам своих операций с этими деньгами сумму, которая дает возможность отдать долги лишь отчасти, не удовлетворив при этом полностью всех, кто ждет возврата долга, человек решает поступить *по справедливости* - не отдавать денег вообще никому. Справедливо ли данное решение относительно тех, кому возможно денег не достанется после тех, кто оказался бы первым на очереди? Справедливо, ибо как не досталось бы им своих денег при частичной уплате долга только отдельным кредиторам, так и не достанется при полной неуплате никому. А по отношению к тем, кто оказался бы первым на очереди, это будет справедливо? Также справедливо, ибо каждый из них имеет равные шансы, как попасть в первые списки, так и оказаться в неприбыльном конце. При отказе человека отдать деньги всем сразу, их шансы также остаются равными между собой - нулевыми.

Всем поровну. Каждому свою долю от нуля. По справедливости. Таким образом, проявляя равенство предпочтения, человек проявляет номинальную справедливость и не берет греха на душу через необоснованное преимущество одних кредиторов за счет других. То есть он и по отношению к себе поступает справедливо. Кто скажет, что это не справедливость везде? Но ведь никто не скажет и того, что эта справедливость нравственна! Деньги-то, хоть кому-то. но надо отдать, проявив несправедливость.

Сама по себе справедливость в чистом виде должна, как проясняется, также иметь нравственные опоры, чтобы называться Добром. Если родственники богатого старика собираются у адвоката, чтобы узнать его последнюю волю, то все ожидают справедливости. То есть каждый считает, что никто не должен быть ущемлен относительно другого. В этом, ведь, и есть справедливость! И вот вскрывается пакет с письмом и узнается, что старик не оставил никому из них ничего, а все передал государству. Здесь также высшая справедливость - все получили ровно одинаково, и никто ни перед кем не ущемлен. Это справедливость в чистом виде. Могут возразить, что такая справедливость не может быть справедливостью хотя бы потому, что умерший, ничего им не завещав, уже поступил несправедливо. Хорошо, допустим, он завещал им свои пожелания и напутствия на эту жизнь. Может это быть справедливым? Может, ибо духовные вечные ценности также должны много значить для скорбящих наследников, как и преходящие материальные. В этом случае он также должен поступить справедливо, не забыв абсолютно никого, иначе опять кто-то почувствует себя обделенным. Покойный (будучи еще живым), в своем нотариально заверенном посмертном послании мог разрешить эту проблему, например, следующим образом: его единственное пожелание всем, кто пришел, и даже тем, кто не пришел на вскрытие документа, не обделяет никого, касается совершенно всех равно справедливым образом, и гласит - "Черт бы вас всех побрал!" Кого он при этом упустил, или кого он при этом неоправданно выделил? Никого! Полная справедливость! Каждый - бери, сколько сможешь унести. Опять справедливость в чистом виде, которая безнравственна.

Любовь, как категория нравственности, тоже залетела в этику, похоже, не из той оперы. Любовь имеет явно психическую основу, хотя и не может являться чертой характера. Это, пожалуй, даже более психопатическое, чем психическое явление, поскольку является не нравственным выбором, а критически предельной душевной экзальтацией, во время которой человек не выбирает, а просто нацеливается на кого-то непонятным повелением своего существа. Влюбляясь, человек видит своего избранника совсем не таким, каков он есть на самом деле, и каким его видят все остальные, не подпавшие под этот психоз. Если все окружающие видят в ком-то самую обыкновенную девушку, каких много, то для влюбленного она самая красивая из женщин, чудо совершенства, самое прекрасное творение Бога за всю историю мира и неповторимый образец очарования. Если кто-либо будет настаивать, что данное дерево в лесу самое прекрасное дерево на всей земле за всю историю фауны, и готов будет вцепиться в глотку тому, кто попытается это опровергать, то на такого человека есть все доброкачественные основания заводить историю болезни. А если он эти же нервные симптомы зацикливает на другого человека, то это трактуется как нравственность. Почему?

Любить человека, конечно, хорошо, но, выбирая объект любви, поклонник совершает не нравственное движение души, а душевный сдвиг в сторону помрачения реальности в своих глазах. Следовательно, это святое, в общем-то, дело, не может быть категорией нравственности в качестве побуждения. Это скорее категория чисто психическая, не имеющая с моралью прямых отношений.

А вот сам факт любви, как свершившегося божественного умопомешательства, являет собой объективно существующую категорию нравственности, поскольку в любви человек (непроизвольно) видит другого человека таким, каким *он должен быть*, и исполняется нравственно самых предельно добрых чувств по итогам своего тяжелого психического состояния. Возможно, он видит свой идеал даже таким, каким его задумал Бог. Может быть, поэтому так сильна всегда боль разочарования, когда чары любви ниспадают с глаз и, может быть, поэтому всегда так неожиданны до последнего момента те смертельные обиды, которые обязательно нанесет тот, кого любят тому, кто любит.

Ну и не грех, наверное, будет вспомнить, что по причине этой объективно существующей категории люди убивают, переступают закон, предают друзей, бросают детей, воруют, совершают растраты, и, в общем, идут на все, не задумываясь о средствах. Такие последствия любви также не могут относиться к Добру и так же реально работают на зло. Так что и любовь может оборачиваться злом. Вспомним, как из-за любви Ондрий предал своих, и Тарасу Бульбе пришлось его убить. Любовь была виновата в горе всех этих людей и в позоре молодого казака.

Оптимизм и вера в лучшее капитана "Титаника", как мы все знаем, долго еще плавали по волнам Атлантики в виде замерзших трупов на спасательных кругах. Энтузиазм студента, осваивающего науки, - добродетель, энтузиазм филателиста, собирающего марки, - форма тихого помешательства, а энтузиазм вуайериста, подглядывающего за женщинами в общественных туалетах, - постыдная мания.

Милосердие к неимущим - высокая заслуга. А милосердие к коменданту Аушвица, который ежедневно упражнялся в том, что одним ударом в пах убивал по одному узнику, заслуживает той же участи, что и участь этих мучительно умерших.

Бескорыстие человека, совершающего добрые дела, не предполагая за них благодарности, суть Добро. А бескорыстие повесы, раздарившего всё, свое собственное и приобретенное наследно, имущество по своим бабам, и оставившего своих детей на бобах, - нравственное преступление.

Патриотизм человека, любящего свою Отчизну, несмотря на то, что она бедна и не очень удачлива - хорошо. А патриотизм человека, помышляющего силами своего богатого и сильного государства закабалить и грабить слабых соседей - плохо. Хотя в обоих случаях человек бескорыстно ничего не хочет лично себе, а радуется только о своей Родине.

Заканчивая с этим, скажем, что, в общем-то, ничего нового группа данных категорий нам не дает. Кроме одного. самого важного. И все, очевидно, это уже давно увидели. Причем это присуще всем трем группам, но мы говорим об этом только сейчас, потому что далее предмет разговора будет непосредственно предварять собой последнюю группу (Добро и зло) нравственных категорий.



Да, действительно, рассмотрев и разобрав все группы категорий, и сделав о них важные предварительные выводы, мы подошли уже к самым последним и самым важным категориям, так и не поняв, все же, что такое ... нравственность. Не удивительно ли: начав обзор категорий с целью выяснения для себя, что же такое Добро и зло, мы вгрызлись в них по самую мякоть, судим, оцениваем, делаем выводы и заключения, так и не зная, - что есть нравственность, а что - нет? Причем с самого начала мы весьма уверенно оперировали ее категориями, и все было стройно и понятно, но сказать теперь, наконец-то, что мы конкретно имеем в виду, когда говорим о моральных категориях - мы по-прежнему не можем! Как же мы, не зная того, что хотим узнать, можем безошибочно узнавать это незнаемое, и с помощью этого самого, не известного нами, оценивать на истинность то, что пытается под него рядиться? Такое можно не колеблясь делать только тогда, когда уже знаешь, что ищешь! Если мы не испытываем затруднений в том, чтобы определяться для себя в каждом конкретном случае, что нравственно, а что нет, то не наводит ли такая легкость на мысль, что мы уже знаем, что такое Добро и зло? Мысль настолько естественна, но и настолько поразительна, что принять ее сразу не получается.

А, может быть, нравственность просто осталась для нас сокрытой в своей формулировке внутри самих категорий, и мы просто не смогли ее оттуда экстрагировать (вытянуть сердцевину)? На это не похоже - мы каждый раз брали нравственные критерии и оценки не из самих категорий, а откуда-то *со стороны*. Нам совершенно не нужно было в них копаться терминологически, чтобы смело их оценивать. Мы оценивали их не из них самих. Следовательно, источник оценки также находится *не в них самих*. А источник оценки - это и есть сама нравственность, как естественно здесь это понимать. То есть нравственность - не в существовании самих категорий.

Может быть, морали вообще нет, раз мы берем ее ниоткуда? Это уж совсем не так - *ведь мы понимаем друг друга и понимаем то, о чем говорим и что имеем в виду!* Если собрать аудиторию всех возрастов и всех социальных групп, и задавать им конкретные вопросы о нравственности или безнравственности тех или иных поступков, то ответы "да" или "нет" будут раздаваться в один голос. Следовательно, *мы действительно знаем, что такое нравственность!* Но если спросить эту же проверенную аудиторию: "А теперь скажите, добрые люди, что такое мораль и нравственность?", то в ответ не раздастся ни одного уверенного писка. Знаем, но не можем это знание для себя сформулировать логически! Это как раз то знание, которое может быть единственно правильным - сверхлогическое! Это то, на что мы надеялись! Знаемое, но не познаваемое! Признак Его близости! Похоже, мы попадаем в цель.

Отсюда, переходя к понятиям Добра и зла, мы можем, прежде всего, сказать: Добро - это то, что мы знаем и что принимаем за нравственный критерий. Это - где-то в нас. А зло - это то, что мы знаем и отвергаем, и это тоже - в нас. Вспоминая о том, что главное преимущество Жизни над нежизнью состоит в способности живого программироваться на что-то Богом, мы можем предположить, что такое знание Добра, как высшее знание сопричастности непознаваемому, может программироваться Им к нашему образу действий в истории. То есть, нравственность - это то, что мы знаем о том, чего Бог от нас хочет.

Вспоминается при этом знаменитый афоризм Бернарда Шоу: "Мы уже научились летать в небе как птицы, плавать под водой подобно рыбам, и теперь должны научиться жить на земле как люди". Никто ведь не задается недоумением - что Шоу имел в виду? И сам Шоу также не поставил после этих слов запятой, за которой бы последовали слова "а именно" с двоеточием. Все это знают и без расшифровки. "Как люди" - значит по критериям Добра. Всем и так все ясно. *Двоякого толкования даже не предполагается!* Очевидно, что такое знание было вложено в человека от Сотворения, реализуется через взаимоотношения людей в истории, но является ли оно, в конце концов, также двояко оцениваемым? Может ли Добро быть злом и наоборот?

Это древний спор, и он пока остается без победителей. Существуют разные версии решения этой проблемы. Одна говорит, что зло - это противоположность Добру и существует в мире самостоятельно, представляя собой самостоятельного равнозначного противника Добру. Другая говорит о том, что Добро и зло нераздельны, как свет и тень, и наличие одного обеспечивается существованием другого. Имеется в виду, что мир дуален (составлен из двух неразделимых противоположностей) и живет именно такими движениями всего между этими двумя противонаправленными по содержанию, но неудержимо устремленными друг к другу по своей природе полюсами, в каждом единичном по смыслу явлении мира, и в нравственности в том числе. Третья говорит о том, что мир лежит во зле, а Добро являет собой чистую совершенную идею, которая находится в нематериальном совершенном мире идей и отражается в материальном мире в виде зла, испытывающего чувство несовершенства по отношению к той идее, которая искажается в реалии физического мира непременно порочным образом в силу невозможности высокой идеи равноценно реализовываться в иллюзорной материи (уф!). Четвертая говорит о том, что зла вообще нет, а есть только Добро, поскольку у Бога все хорошо в этом мире, и только человек приписывает по своим понятиям тому или иному явлению характер зла, именуя злом то, что вызывает у него страдания, недовольство или душевный дискомфорт. Ну, и пятая говорит о том, что в мире происходит борьба двух личностей - дьявола и Бога, каждая из которых своим злом или Своим Добром пытается пересилить другую.

Само по себе разобраться в том, что из всего этого правильно, а что нет - не помешало бы. Но сделать это надо из самого смысла нашего разговора: а каково может быть наше место во всех этих вариантах теорий, и какова может быть наша задача, которую Он на нас возлагал бы, если бы одна из этих концепций была верной? Без этой целеустремленности наш разговор приобрел бы вид, оторванный от основной логики всего нашего пути решения вопроса - через что спасется человек и попадет в Царство Божие? Поэтому мы кратко попробуем найти себе место в каждой из этих трактовок Добра и зла. Таким вот именно образом, значит, подойдем к этому, а не с пустым любопытством профессионального интереса.

Мы не будем пытаться оспорить ни одну из этих позиций, поскольку каждая из них остается не оспоренной окончательно уже тысячи лет. Не стоит браться за то, что другие уже пытались сделать неоднократно, но безрезультатно. Иногда неплохо поучиться и на чужих ошибках. Мы заранее предположим, что все они могут быть правильными, и просто попытаемся втиснуться в них по очереди со своим скромным промыслом - что через нравственность, как через имеющуюся в нас программу Бога, мы должны были бы сделать в каждом из обрисованных

случаев? То, что нас удовлетворительно устроит и обнадеживающе воодушевит, то мы и выберем для себя.

Начнем мы с идеи противоборства сатаны и Бога. По всей вероятности, нам придется от нее отказаться. Во-первых, мы не можем себе серьезно предположить, что кто-то может бороться с *самим Богом*. Признать такое - это признать, что есть что-то, *равное по силам и возможностям Богу*. А это - ересь, потому что, чем тогда существенно дьявол отличался бы от Бога? Тогда мы должны признать, что есть два бога, добрый и злой, а в этом случае между ними должны быть противоречия, что предполагает наличие двух противоположных полюсов еще до Сотворения мира, и нам тогда не ясно будет: кто был Причиной мира - добрый бог или злой бог? Две причины у одного следствия не бывает, следовательно, из процесса Сотворения одного из богов следует исключить. Кого? Если доброго, то тогда мир - порождение зла, и создавший его злой бог все равно осилит доброго, потому что добрый вынужден возникать на чужой территории и уходить назад, ибо он в системе зла никогда не сможет находиться по причине своей несовместимости с противоположным по знаку мироустройством. В этом случае рано или поздно, несмотря на все партизанские включения в события истории доброго бога, она все равно завершится царством зла, как процессом изначально спроектированным под это. В таком случае - зачем нам нужны какие-то задачи в области нравственности, если все обречено на зло? Наши попытки бесполезны и ничтожны. Можно забыть о всяческих своих задачах окончательно, даже если доброму богу и удалось на какое-то время посеять в наших душах знание о Добре. Оно все равно не реализуется в конце времен.

Если мир создан добрым из богов, и он борется со злым богом, то чем мы можем ему помочь в этой борьбе? Две этих мощи ничем не утяжеляться и ничего не потеряют от нашего участия или не участия на той или иной стороне. Это разборки совершенно не нашего уровня. Надо просто подождать, пока добро победит, и не вмешиваться. Если нещадно палят друг в друга изо всех своих калибров два крейсера, и пуляют друг в друга торпедами, то чем мы можем помочь более симпатичному нам кораблю, если достигнем вплавь вражеского, и будем, не жалея сил, стучать о его броню кулаками, и забрызгивать его борта мощными всплесками своих возмущенных рук? Наша пылкость будет оценена, но не будем забывать, что мы именно *созданы для чего-то*, а не просто приплыли с окрестного побережья, не в силах оставаться в стороне. Так неужели нас создавали как союзника в борьбе, который в схватке ничего решить не может? Если это так - то это была ошибка. Мы своему такому назначению никак соответствовать не можем. Ибо мы не боги. Следовательно, раз Он хочет от нас нравственности, то не для перевеса сил в схватке с дьяволом. Он или может его победить без нас, или не победит даже с нами.

Если же мир был создан нашим Единым Богом, а в дело вмешался уже из пределов Его творения некий Сатана, то, в таком случае, мы, во-первых, должны признать, что наш Бог или недостаточно силен, чтобы пресечь зло, или недостаточно добр для этого. В первом случае - опять ересь. Потому что, если Он недостаточно силен, то *кто-то* как раз силен достаточно, чтобы составлять ему конкуренцию, и не давать искоренить зло. А тогда это опять два бога - Бог и бог. Но никакой другой бог в пределах Сотворенного другим Богом порядка не может появиться, так как творимое (тварное, как принято это называть в теологии), никогда не может обладать

совершенством (во-первых), полной силой (во-вторых) и (главное!) *самостоятельностью* относительно Своего Сотворителя и Породителя.

Можно возразить - если мать порождает дитя, то *со временем* дитя становится совершеннее и сильнее матери, а затем получает и самостоятельность. Но давайте вспомним, что основная категория любого бога - вечность, что предполагает неизменность, где никакого "со временем" быть не может. Если из системы творения Бога может возникнуть еще какой-то бог, то это, во-первых, не пряма ипостась Бога (как Иисус), а всего лишь прямой потомок тварной природы вещей, которая не совершенна, более слаба и полностью несамостоятельна по направлению развития и смыслу своего назначения. Если дитя прогрессирует, *изменяясь*, то такой бог не должен изменяться, а должен оставаться всегда на уровне породившей его тварной системы вещей, ибо, если он бог, то он неизменен. Такой бог был бы слаб, неуместен и подчинен Богу, то есть был бы не богом. А если бы он мог меняться даже в сторону совершенства, то он также был бы не бог, ибо в таком случае был бы не вечен. Но в любом из этих вариантов Богу не составило бы труда вправить этому непонятному существу (личности) мозги и без нашего содействия.

Это к тому же ересь и в том понимании, что мы, допустив бунт на Его корабле, отнимаем у Него качество совершенности - значит не все дано Ему предвидеть, и не все дано предусмотреть, если всякие там сатаны и дьяволы могут пакостить и палки в колеса вставлять. Если Он хоть в чем-то ошибся и нажил Себе неприятности из того, что сам же и сложил, то он не совершенен. Поэтому мы должны исключить Сатану как равного соперника, и не должны искать в нравственности характер гранатомета, из которого должны быть всегда готовы пальнуть в дьявола ракетой морали и добродетели.

Ну, а если Сатана не бог и не равен по силам Богу, то приписываемое дьяволу зло можно смело переадресовывать самому Создателю, ибо если в Его силах нечистому воспретить, а Он этого не делает, то Он *мирится со злом!* Если уж Сам Бог мирится со злом, то чего тогда нам с этим злом бороться и искать Добра? Тогда мы тем более получаем свободу от нравственных обязанностей, и никаких непереносимых задач в этой связи иметь не должны.

А если Бог со злом не мирится, а временно допускает его в каких-то лучших целях будущего, то это тоже злой бог, ибо, действуя через зло и не имея возможности устроить все через Добро, разве можно считать себя добрым? Но дело даже не столько в этом, а, сколько в том, что и мы тогда получаем моральное право действовать через зло, подобно Ему. Если Его зло оправдывается Провидением, которое в итоге приведет неисповедимыми путями к Добру, то почему мы не можем также предполагать, что и наше личное зло также входит в систему того же Провидения? И в этом случае нам опять нечего задумываться о нравственном выборе - Провидению видней, чем обернется наш злой поступок. Вполне возможно, что через извилины его последствий в нем предполагается конечное Добро.

Получается, что в данной концепции противостояния двух личностей нигде нет места нашей особой роли и нашей особой задачи, как специального творения Бога, и на основе всего этого коллизию "сатана - Бог" мы устраняем из наших возможных вариантов.

Идем дальше. Об отсутствии зла в мире Бога и о том, что зло - это человеческая выдумка, порожденная какими-то своими личными недовольствами. Трудно сказать, насколько объективно то невыговариваемое знание, которое мы имеем внутри своего сердца о Добре и зле. Несомненно, что оно складывается из отдельных знаний субъектов и, образуя общее знание, является в своей сумме субъективным по характеристике каждого слагаемого. Поэтому, действительно, объективно может существовать абсолютное Добро, а субъективно (в личной оценке каждого человека) в нем может что-то кому-то казаться злом, но только казаться, ибо на самом деле - оно Добро. Но, во-первых, мы должны в этом случае предположить, что субъекты (отдельные люди) сами порождают такое знание о правде Добра и зла, а не получают его от Бога, раз уж их мнение расходится с мнением Создателя о смысле того или иного явления жизни. В этом случае мы должны найти такой параллельный источник понятий Добра и зла в самом человеке. Перспективен ли такой путь? Он тупиковый, но о том, что нравственность идет не из человека, а *входит в него извне*, мы убедительно скажем дальше. Там, где это будет решать более полезную задачу. А здесь скажем просто - если все вокруг Добро, а мы лишь капризничаем, и что-то почитаем за зло, то к чему тогда какая-то наша задача в Его мире и какая-то наша роль в его Замысле? Если уже все так хорошо, то зачем нам вообще еще стараться? Для чего? В этом случае нам надо просто смириться с тем, что происходит вокруг нас, и в полном абсолюте одобрения заняться аутотренингом: "Когда у моей дочери муж пьет, и дети бояться приходить домой, то это хорошо, очень хорошо, просто прекрасно, лучше не бывает, просто нечего больше желать, просто скинуть бы его козла с балкона, а сказать, что сам упал, и это было бы так хорошо, просто хорошо, лучше не бывает!" В этом случае нам остается только *понять*, что в превратностях жизни зла нет, а есть только Добро и, следовательно, нет самого понятия нравственности, а есть только некая недоразвитость нашего интеллекта и души, не дающая нам способности понять, что когда воруют людей, сажают в подвалы и требуют за них выкуп, отрезая каждую неделю по пальцу, то Бог не имел ввиду ничего плохого, а просто мы чего-то не достигаем своим уровнем совершенства при оценке этого факта. При этом нет необходимости в нравственных движениях и через нравственность от нас ничего требоваться не может. Надо просто смиряться или уметь. Это первое, что выносит нас центробежно из этой теории.

А второе, что еще поддает нам в этом направлении, так это возможность предположения, что если, например, отнять у ребенка деньги, которые ему дали родители на мячик из соседнего магазина, и выпить на них пива с друзьями, утверждая, что это великое Добро от Бога, если правильно в этом разобраться, (просто ребенок, да и многие остальные еще не созрели до этого понимания), то, следовательно, мир живет по законам добра, которые не *сопричастны человеку*. Следовательно, мир создан не для центральной роли человека в Творении. А в этом случае мир пойдет к Царству Бога своим путем своего Добра, а мы пойдет совсем другим путем и совсем в другую сторону. В таком случае - зачем Бог к нам приходил в образе Иисуса, и зачем создавал на земле историю? Уж если мы в центре Его замысла, то относительно нас и должны работать критерии Добра и зла. И то, что не Добро для нас, то не должно быть Добром и для Него. Иначе, зачем тогда откровение Иисуса, и зачем тогда история и т.д.? И главное - зачем тогда нам искать

Добра, если оно, во-первых, уже есть везде и всюду, а, во-вторых, если оно вообще не для нас? И этот вариант нас не устраивает окончательно, потому что в нем нам нет места. В нем мы вообще не при чем.

Пойдем еще дальше. Здесь перед нами вырастает гармонично излагаемая многими учениями дуальность, которая предполагает, что Добро переходит во зло, зло переходит в Добро, в самом Добре находится зерно зла, а во зле, соответственно, зерно Добра. И так они и живут, неразрывно состязаясь в переходах друг в друга, и составляя собой живую сущность мира. Это, кстати, весьма подходит к нашему выводу о том, что нравственные категории в одном случае работают на Добро, а в другом на зло. Все это очень похоже. Но это только обманчивая похожесть, если вдуматься. В нашем случае каждая нравственная категория может обернуться злом или Добром относительно *внешнего критерия* нашего знания истины Добра и зла, а в дуальной версии этой смены света и тени все происходит *из внутренней сущности* Добра и зла. Это сразу же развенчивает весь смысл дуальности относительно наших задач. Во-первых, такой мир механистичен. Он не имеет высшего смысла. По каким-то внутренним причинам две паточки, светлая (Добро) и темная (зло), булькая и вспениваясь по своим внутренним причинам, постоянно перемешиваются между собой, насыщаясь то преимуществом одного цвета в каком-то месте, то преимуществом другого в другом. Они беспричинно и неуправляемо образуют то одну, то другую субстанцию, постоянно поочередно сталкиваясь и меняя свой окрас на противоположный. Причины движения мира - внутри двух противоположностей, которые *по своей природе* тянутся друг к другу и сталкиваются, образуя движение и развитие. Причем, если белое вытесняет черное в одном месте, то черное вытесняет белое ровно настолько же в другом месте. Этим обеспечивается постоянное и безостановочное движение, а также постоянная гармония мира, не допускающая перевеса одного над другим. То есть ни Добро не должно побеждать зла, ни зло не должно побеждать Добра, иначе миру не на чем будет стоять. Дуальность пропадет. А без нее - никуда.

Вывод здесь очевиден - если ничего не должно побеждать, то для чего нам примыкать к одной из противоположностей? Зачем совершать нравственный выбор? Очевидно, что незачем, и дуальность, как теория, не для нас.

Кроме того, если все так механистично, то Бога в этом уже нет. Он нажал рубильник самообеспечивающего себя самого из самого себя же механизма, и ушел в полном доверии к процессу. Следовательно, этот процесс сам перемелет все нужным образом, в конце концов, своими неумолимыми шнеками, и нам не надо напрягаться в попытках морального совершенства - то, что сегодня Добро, завтра будет злом, и наоборот. Все происходит по законам дуального мира! Значит надо просто плыть по течению обстоятельств. Бери скипидар и ставь клизму собачке, созерцая, как она будет кончаться в адских болях - в этом есть какое-то зерно Добра! А, кроме того, ты должен при этом знать, что, мучая собаку, ты не только автоматически уже имеешь это зерно добра, но и непосредственно совершаешь добро дело - на другом конце земли сейчас кто-то должен совершить столько же добра, сколько ты сейчас совершил зла. Чем больше, ты совершишь зла, тем больше это где-то обернется добром. И, помогая старику взобраться в троллейбус, будь осторожен - сейчас по закону дуальности где-то за углом, или

дальше, должно совершиться ровно столько же зла. Чем меньше ты делаешь добра, тем меньше ты несешь ответственности за то возможное зло, которое этим вызовется, чтобы все гармонично уравновесилось в мире.

Лучше в этом случае вообще никуда не соваться, не правда ли? Дуальные учения это и предлагают. Их смысл - выбор срединного пути. То есть попытаться втиснуться между Добром и злом и, сидя в этой норке, уйти от законов дуальности. При этом не совершается зла, но ведь и не делается Добра! И в чем положительный смысл такой жизни? Чем человек тогда отличается от куста бузины? Она также не вредна и не полезна - и не делает зла (не сорняк), и не делает Добра (никуда ни на что не годится). Чем тогда человек отличается от всего остального живого, если хочет быть ни за белых, ни за красных? Здесь также не видится никаких наших задач и никакого нашего смысла в Творении. Зачем Бог затевал нас самих, речь, науки, историю, давал нам программу нравственных ориентиров, если наша цель - убежать от всего этого в медитацию, отшельническую пустынь или в нирвану? Нет, это нам не годится. И последнее о дуальности - такое движение друг в друга, разве это не движение *в никуда*? О каком развитии через все это может идти речь? Разве это не топтание на месте? Если все движется навстречу друг другу, чтобы превратиться друг в друга, то все вообще не двигается, ибо по смысловому результату это не движение, а *взаимозамещение*! Если весь мир в своих составных частях поделен на две противоположные половины, которые стремятся друг к другу, чтобы, заняв место противоположного, уступить тем самым ему же свое недавнее место, то это не движение куда-то, а просто какое-то кубло противоположностей. Если это допустить, то придется допустить и то, что мир никуда не движется. Цели никакой нет, и, следовательно, нет и Царства Божия. Тогда где нам искать вечного спасения от смерти и зачем нам нравственность? Опять это не для нас.

И еще один вопрос по дуальности не в нашу тему. Такое автоматически обязательное встречное движение противоположностей предполагает наличие каких-то закономерных причин этого процесса. Если причины в самих противоположностях, как говорят дуалисты, то откуда *единый процесс*? У единого процесса должна быть и единая причина! По-другому не бывает! Сказать, что одна причина в тяготении минуса к плюсу, а другая в тяготении плюса к минусу - это просто дать два разных названия одной и той же причине! Следовательно, причина неоспоримого взаимного устремления противоположностей друг на друга должна находиться вне них, поскольку их содержание противоположно и должно порождать противоположные причины. А соединяет их общая причина, не противоположная ни одной из них! Это говорит о каком-то общем для них законе, который стоит над ними, и которому они подчиняются. А при наличии такого закона саму видимую нами вокруг дуальность нельзя назвать основополагающим законом мира, потому что есть еще какой-то закон, который основополагает и саму дуальность в этом мире. А это убивает сам смысл дуальности, как формы *внутреннего состояния вещей*. Она становится лишь *внешним проявлением* другого закона, который может составлять ту самую сущность вещей, а может и не составлять. Видимые следствия данного закона создают иллюзию отсутствия целенаправленного плана при поверхностном понимании повсеместного столкновения противоположностей. То, что выдается за слепую дуальность, на самом деле, получается, всего лишь способ, которым зрячий закон производит взаимодействие, а не суть самого

взаимодействия. Но по любому в дуальности нет применения нравственности, а есть только признание ее бессмысленности как явления, которое не может своими последствиями обеспечить преимущества доброго выбора над злым, так как предполагает не только их вечно равное количество в мире, но и полное родство между собой. Здесь смысла истории через нравственность также не найти. Оставим дуальность самой себе.

Следующее мнение, к которому мы подобрались, состоит в том, что Добро существует в виде совершенной идеи, которая, отражаясь в мире, проявляется как отступление от Добра, или как плохое, несовершенное Добро. Пошло это от Сократа и Платона, и составляет собой основную идею идеализма. Хорошая идея о хорошей идее. Но, по сути, здесь Добро приравнивается к злу. Ведь источник зла на земле - Добро в нематериальной сфере совершенных идей. В таком случае хочется сказать, что как ни хороша такая Идея Добра, но уж лучше бы ее совсем не было. Может быть, нам было бы даже легче пережить отсутствие Добра в идеале, чем его столь оригинальное наличие в реалии. Если зло - это искаженное Добро, то почему Добро нельзя назвать совершенным злом? Ведь если признать, что дерево Добра расцветает прекрасным цветом в мире идей, а в область физического мира сбрасывает плоды зла, то зачем такое дерево или зачем такой мир, который не может ему соответствовать? Самое тонкое здесь состоит в том, что эти плоды в мире идей совершенно окультурены и добры, а, проникая в материальный мир, приобретают вкус дикого зла. Следовательно, эта идея Добра не настолько уж совершенна, чтобы преодолевать материю, а в таком случае Добро в мире невозможно, и нам незачем здесь за него бороться, ибо это ему предначертано самой его более низкой, чем у причинной ему Идеи, природой.<> И здесь же возникает еще один круг противоречий, который образуется положением о невозможности реализации нематериальной Идеи в материальном мире. В этом случае мы должны или признать, что Бог создал такую Вселенную, где полагается всегда царить злу в силу самой ее природы, что предполагает, опять же, принятие Богом зла, а, как следствие, допускает и наше аналогичное право на принятие темных сторон морали, что опять же лишает нас всяких нравственных задач. Или же мы должны признать, что Бог не настолько совершенен, чтобы с равным успехом реализовывать Себя и в видимой части бытия, и в невидимой. В невидимой реальности, исходя из идеализма, Бог создает совершенную идею, но не может перенести ее в видимую реальность, ничего не расплескав и ничего не испортив. Это, опять же, говорит о несовершенстве Бога, и это мы ни в коем случае не можем принять, поскольку то, что несовершенно, то есть незаконченно еще в своем развитии, то есть имеет потенцию к изменению, не может быть никаким Богом. В этом случае мы или теряем санкцию Бога на нравственность, или допускаем, что Бог зол. Ни там, ни там мы своих задач обнаружить не сможем.

Кроме того, это затемняет сам смысл Царства Божия до неузнаваемости, ибо если мы нужны Ему в Его Царстве, то для чего мы помещаемся периодически в реальный мир, где ничего не можем пересилить из-за его исконно должного несовершенства, а там, куда мы возвращаемся из этого мира после каждой жизни, мы также ничем не можем усилить совершенства уже и так совершенной идеи? Ни здесь, ни там, получается, у нас вообще нет никакой нравственной работы.



Мы, правда, можем вписываться или не вписываться в это совершенство нематериального бытия. Для этого возможны какие-то наработки в реальном мире через нравственные испытания, и совершенствование своего характера в нравственных столкновениях истории. Это можно допустить. Но с чем мы сталкиваемся, и с чем тогда ведем саму борьбу за Добро в этом мире? С миром теней, отраженных от совершенной идеи? Но ведь данное отражение должно быть неизменным, ибо неизменной должны быть и сама совершенная идея. Можем ли мы иметь историю в таком случае? Одинаково отражающаяся идея не может создавать усложняющихся условий борьбы для выработки все новых и новых качеств. Это становится похожим на гонку "Формулы-1" по одной и той же трассе из года в год, где каждый нюанс дороги давно выучен гонщиками наизусть, и где их мастерство не растет, а превращается в постоянный по характеристикам биологический механизм, добавляемый в качестве корректора ко все возрастающим по мощностям моделям двигателей. Можно допустить, что мы еще не вписались своим мастерством в возможности трассы данного мира, которую формирует совершенная идея, а вот как впишемся, тогда и наступит Царство Бога. Но *трасса истории все время меняется!* Если она - отражение совершенной идеи, то она или не должна меняться, или идея несовершенна. Идея, конечно, может совершенствоваться, а вместе с ней совершенствуется и трасса физического мира, но тогда идея - вне Бога, потому что все, что присуще Ему, совершенно. А ведь мы ищем задач именно перед Ним. Если мы в самом начале отринули материализм, как попытку обойтись без Бога, то теперь должны отвергнуть идеализм, как попытку *заменить* Бога идеей. А вместе с этим мы должны прекратить поиски нравственных задач по системе идеализма.

Ну и последняя концепция - наличие в мире двух самостоятельных, борющихся друг с другом явлений Добра и зла, но не переходящих друг в друга и не составляющих постоянного баланса, (как при дуализме), а имеющих возможность преодолевать друг друга по итогам схватки, а то и уничтожать. Здесь есть целесообразность нравственного выбора. И здесь есть великий смысл данного выбора - победить зло. Здесь присутствует и смысл Добра, и недопустимость зла, и здесь нам, вроде бы, все подходит.

Однако, опять допустив борьбу двух самостоятельных начал, мы тем самым опять усомнимся в силе Бога, или опять предполагаем, что Он допускает зло Своей Волей. А это мы уже преодолели и отринули. Эта версия хромает на те же ноги, что и другие. Получается, что у нас нет другого выбора, как исключить саму возможность какой-либо борьбы Добра со злом в мире, и отказаться от самой мысли самостоятельности зла. Иного выбора у нас нет. Иначе мы останемся без Бога (выведенного логически). Вот опять то же самое с этой логикой - она упирает нас туда, куда бы нам совершенно не хотелось упираться. Мы подошли к таким серьезным проблемам теологии и философии, что просто всякое желание думать дальше - пропадает. Ощущение бессилия, которое охватывает при попытках в этом разобраться, делает мысль вязкой и скованной. Это сродни отчаянию. Но, повторяем, выбора нет. Хоть как-то, а надо заканчивать то, что начали. Даже если придется расписаться в своей беспомощности. Продолжим.

Существует ли Добро? Да. Мы это знаем доподлинно, и через непонятный феномен его общего одинакового понимания каждым в отдельности человеком образуется общечеловеческое ощущение нравственности. Существует ли зло? Да, и мы можем сказать о его всеобщей

одинаковой трактовке то же самое, что и по поводу Добра. Следовательно, зло есть? Так что такое зло и что такое Добро? Что между ними происходит? Существует ли зло как противоположность Добру? В этом вопросе кроется сам смысл нашего поиска. Если зло противоположно, то обязательно есть его борьба со злом. Если зло - самостоятельная равноценная по содержанию противоположность, то оно одно из начал Мира, созданного Им. Самостоятельная и равнозначная. А такого не должно быть по нашим понятиям. Мы этого не можем допустить, если хотим остаться с Богом. Может быть, покопаться здесь, где цель намерения так ясна?

Может ли зло быть равноценным и самостоятельным началом бытия? По нашей логике - не может, так как мир создан Им, а Он не мог создавать зла. А если, все же, допустить для зла равноценное и самостоятельное, относительно Добра, существование, то следует допустить и то, что мир мог бы устроиться по одному из этих двух начал: или только на Добре, как на самостоятельном начале, или только на зле, как на таком же самостоятельном начале. Если мы предполагаем, что зла в качестве начал мира не должно быть, то мы ведь одновременно предполагаем и то, что мир может быть построен на оставшемся, единственно присущем ему начале - на Добре. Если мы даже просто предполагаем, что Добро может победить зло, то мы одновременно предполагаем и то, что мир останется существовать только на одном из начал - на Добре. Это же предположение можно перевернуть, и допустить, что если зло составляет собой одно из начал мира, то мир мог бы быть построен исключительно на нем, или остаться навечно на этом начале, если зло победит Добро. Если и то, и это - начала, то у них равные основания для того, чтобы составлять собой единственную основу принципов существования мира, как в его начале, так и в его конце. Посмотрим, что было бы в каждом из этих случаев.

Для этого мы вернемся к нравственным категориям, но только к тем, которые имеют самостоятельное значение, независимое от характера индивидуальности или помышлений отдельных людей. Обратимся к самостоятельным понятиям. К третьей группе. Потому что категории двух других групп - черты характера и нравственные принципы - имеют явно человеческий источник, а любой человеческий источник - смутный источник. И для нравственности в том числе. Мы будем брать эти категории в том виде, в котором они предполагают свое содержание по их прямым формулировкам, причем делать это будем, теоретически предполагая, что у них вообще нет возможности превращаться в противоположное, поскольку ничего противоположного в принципах конструкции мироздания, согласно условиям нашего опыта, - попросту нет. То есть, если доброта - то, как отдельно существующая законодательно в мире причина отношений без своей противоположности, жестокости. А если ложь, то, как единственно царящий в мире принцип без всякого даже намека на какую-то возможность правды. Одно из начал мира в каждом предположении выражается одной из категорий, при условии полного отсутствия другого противоположного начала. Что будет? Попробуем.

Правда. Это что такое? Это то, что соответствует действительности. Это то, что есть. Это то, что описывает мир, и делает его опознаваемым в действительном соответствии ему самому.

Если бы в мире не было лжи, то правда была бы. И мир был бы. А правда в нем существовала бы как описательная категория, просто всегда верно фиксирующая реальность.

А что такое ложь? Это то, чего нет. Это то, что искажает мир, даже если мир и злой. Ложь - уход от реальности, потеря связи с миром и, в конце концов, какое самостоятельное значение может иметь ложь, если она ничего в себе не отражает и ничего в себе не может содержать? Мир сам по себе, а ложь вне него, и сама по себе. Она никакого отношения к миру не имеет. Представить себе мир без правды нельзя, потому что если есть мир, то есть и то, что можно о нем бесстрастно сказать, что и будет правдой. А представить себе мир без лжи, можно - мир ничего от этого не потеряет, и в нем все равно будет правда, потому что есть сам мир.

Следовательно, Творение предполагает уже само собой правду, и обязательно ею сопровождается, как явлением самостоятельным и неукоснительным, поскольку оно определяется наличием конкретного факта. Таким образом, Правда заложена в основу Творения в качестве одного из начал.

А ложь создает несуществующий факт, миф, выдумку, и если такой принцип заложить в Творение, то и получится миф или выдумка. Нечто не существующее. То есть ничего не получится. На лжи ничего создать нельзя, потому что если правда едина, то ложь бесконечно разнообразна своими отступлениями от правды, и не имеет никакой основы для создания чего-то упорядоченного, а не полного хаоса равновероятных по искажению вариантов уловок. Следовательно, ложь, как зло, не могло входить в одно из начал Творения, которое упорядочено и единично по факту.

Может ли ложь бороться с правдой? Нет. Это борьба с самим миром, попытка отрицать очевидное. Следовательно, борьбы и в помине быть не может, потому что у правды есть аргумент в виде факта, а у лжи нет ничего. Откуда же это зло? Мы ведь сталкиваемся с ложью повсеместно? Ответ ясен, если подумать, - *от намерения человека*.

Любовь - это что? Это то, что притягивает все друг к другу. Мужчину к женщине, родителей к детям, всех их к родственникам, их всех к друзьям, а этих всех - к своему народу, земле, небу, красоте, к миру, к Богу в счастливом итоге. Любовью создается человек, любовью продолжается человеческий род, любовью образуется семья, народ, творчество, искусство, высокий долг, дружба, желание трудиться и общаться. Любовью создается и собирается история. В конце концов, аналогом любви в соединении атомов и молекул образуется и сам мир. Может ли любовь царить единоначально на земле? Вполне. Следовательно, и она может быть одним из начал Творения.

Что такое ненависть? Это то, что разъединяет. Если бы на земле царила только ненависть, то люди не вступали бы в браки, не создавали бы семьи, а какие-нибудь случайные дети убивались бы, или истязались до смерти, так как кроме ненависти человек не знал бы другого чувства. Человечество на этом принципе не могло бы существовать физически, ибо род его прервался бы очень быстро взаимными убийствами и нежеланием элементарного сожительства во имя детей. Даже если бы и было сотворено такое общество, то никто не рождался бы вновь. Все только убивали бы друг друга в утолении единственно заложенного в основы мира побуждения - ненавидеть. Ничего не образовывалось бы, а только распадалось бы

до отдельных ненавидящих друг друга единиц. Говорят, что ненависть может объединять против общего врага. Но такое объединение предполагает собой наличие определенной *приязни* между объединяющимися, чего не могло бы случиться, если бы мир стоял только на *безальтернативной* ненависти. По самому смыслу непримиримого разъединения, образующего собой ненависть, весь мир не смог бы сложиться из молекул и атомов, которые в физической модели ненависти убегали бы друг от друга, или пытались бы уничтожить аннигиляцией ближайшего мельчайшего соседа по всем естественным законам своих свойств. Мира бы не было. Следовательно, ненависть не может быть самостоятельным началом мира. На этом начале мир не возник бы вообще, поскольку в основе мира заложено собирательство отдельного в общее, а не разъединение всего. А случайные связи мира на одной ненависти разваливались бы, не успев устояться в формы, так как в мире аккумулировалась бы только всеобщая задача всеобщего взаимоуничтожения. Значит, Он не мог опираться хоть как-то на ненависть при Творении. Откуда она? Из намерений человека.

Бескорыстие может жить без своей противоположности, своекорыстия? Конечно же, может. Взаимная помощь сближает и усиливает сообщество, обеспечивает чистую нравственность отношений. Если каждый бескорыстен, то в итоге все имеют свою выгоду. Здесь ты отдал, там отдали тебе. Бескорыстное перемещение помощи среди людей создало бы общий уровень среднего благополучия, так как каждый отдавал бы от своего избытка другому, и было бы материальное равенство. Следовательно, бескорыстие могло спокойно укладываться в систему создаваемого Им мира.

А своекорыстие? К чему бы оно привело, если на нем основать единственный закон взаимоотношений? Во-первых, вокруг понятия "выгодно" выстроилась бы вся нравственность, которую уже нельзя было бы назвать нравственностью. Это был бы уже просто кодекс борьбы за выгоду. Но выгоду *каждого!* Не имея понятия ни о чем другом, кроме как о собственной выгоде, каждый тянул бы только в свою сторону, и сообщества были бы также невозможны. Никаких групп или коллективов, где все строится на уступках и учете интересов других, не было бы, и человеческое сообщество разбрелось бы по лесам и весям в поисках единичной выгоды каждым. Матери бы не кормили детей - не выгодно. Да и не заводили бы их - это еще менее выгодно, если учитывать, что дети не только едят. Мужья не содержали бы семей, - какая в этом для них корысть? Никто не стоял бы за свой народ и за свою землю - невыгодно. Бескорыстный поиск истины и открытий не имел бы места, и наука с искусством не зародились бы. Гораздо выгоднее убить, ограбить, залечь в берлогу и пользоваться самому. Создавать материальные ценности невыгодно - все равно умру, а с собой не заберу. Любить - невыгодно, надо подарки дарить и жертвовать, следовательно, любовь исключаем и человеческий род угасает. Все невыгодно в итоге в этом мире, если вдуматься, кроме чисто звериного существования, к которому все и скатилось бы. Истории не было бы, брошенные дети не восполняли бы населения, организовать ничего совместного нельзя было бы, потому все тянули бы только на себя, а, по сути, это тот же всеобщий раздор с переходом в разъединение, что и при ненависти, только без неодолимой агрессии. Следовательно, самостоятельно существовать данная категория не может. Она ничего

не образует, а только все разрушает. Тогда и она не может закладываться в основы мира. Откуда она? Из намерения человека.

Доброта может быть без жестокости? Еще как! Если все добры друг к другу и не знают никаких других возможностей взаимоотношения, то уровень счастья имел бы нормой самые высокие степени. Всеобщее взаимное расположение и сострадание создало бы общество и историю. Следовательно, доброта может лежать в основе начал мира в качестве полностью единоличного фактора.

А жестокость? Жестокость также все разъединяет, потому что при воцарении единственного императива отношений в виде жестокости, не было бы любви, а был бы только страх и подозрительность, которые заставляли бы людей укрепляться в своих жилищах по отдельности, по одному, так как даже между двумя возможна была бы только жестокость. Люди не тянулись бы друг к другу, а избегали бы любых соприкосновений. Общество не смогло бы сложиться, и истории также не было бы. Жестокость породила бы хаос межчеловеческих отношений, поскольку принцип всеобщей обязательной жестокости состоит в насилии над другим, которое встречает встречное насилие, и если кто-то хочет представить себе, что бы это было, то это хорошо демонстрируют пауки в банке. Там - хаос убийства. Жестокость, на первый взгляд, не имеет такого же разъединяющего характера, как ненависть, потому что жестокость, наоборот, устремляет человека к другому человеку для своей реализации, и для ее проявления также необходима некая возможность общения. Но механическая жестокость, как, например, жестокость морской волны, истирающей камни друг о друга в песок, в живом мире существовать не может. В основе жестокости лежит чувство, и это - чувство ненависти. Без ненависти нет жестокости, без неодолимого желания утолить ненависть, жестокость невозможна. Механическая жестокость - это действие того же порядка, что и ковыряние палкой в дерьме: к этому может привести некое разовое странное любопытство, но это никогда не станет потребностью. Для того, чтобы возвести жестокость в принцип мироустройства, следует сделать эту жестокость единственно определяющим все действия побуждением, для чего нужна ненависть. То есть мы опять приходим к ненависти, которая не может составлять собой единственного начала мира, как не способная ничего создавать по своей разъединяющей природе. В данном случае жестокость - более мелкая категория, являющаяся спутником ненависти на проявленном в действии уровне. Но и она откуда берется? Из намерения человека.

Не стоит, конечно же, продолжать развернуто эту мысль на примере всех остальных категорий, так как порядок выводов не только уже наметился, но вполне отчетливо виден. И так уже ясно, что такие основы мира, как верность, милосердие, дружба, патриотизм, сострадание и т.д., не имея они себе противоположностей, образовали бы и скрепили бы собой человеческое сообщество. А их антагонисты - (непременные и единственные по вариантам поведения) предательство, черствость, равнодушие, замкнутое единоличие, космополитизм (в виде отсутствия национального чувства), эгоизм - все разваливали бы, разобщали, и человек никогда не выпрыгнул бы из животного мира в историю.

Вот теперь, по крайней мере, один вывод мы уже можем сделать, и он, пожалуй, будет наиболее важным из всех наших прежних выводов, а именно: зло, как явление, способствующее

разъединению человечества на отдельные минимальные по смыслу единицы (социальные морфемы, если можно так сказать), то есть как начало, толкающее его на образ жизни, который стоит ниже звериного (так как животные хоть в стаи собираются), не могло бы закладываться в мир Богом. И это не только то соображение того порядка, что Он не мог быть настолько недалеким или равнодушным, чтобы, не подумав, или не проникшись, примешал зло в состав Своего Творения. Смысл этого вывода состоит в том, что *Ему негде было бы взять зла до мира!* Разъясним.

Укладывая план мира в какие-то идеальные начала, Он должен был бы пользоваться только тем, что созидает и гармонирует. То есть только тем, что *может и реально способно по своему сущностному смыслу сотворять*. А то, что не может сотворять, а может только разрушать - не могло находиться у Него под рукой. Во-первых, оно не относится к началам мира, как не могущее собой ничего соединять в единоклеточную форму, и, открыв воображаемый ящик с началами мира, Он просто не смог бы их там обнаружить. Они должны были бы быть где-то на другой полке и в другом ящике. Если вы, например, думаете о средствах создания цветника, то у вас из головы будут извлекаться идеи полива, подпушивания, удобрения, посадки, прививки, ограждения, перекапывания, пасынкования, вегетации и т.д. С какой бы это стати вы одновременно *обязательно* предполагали бы, что надо всё непременно устроить таким образом, чтобы обеспечить в будущем цветнике круглогодичную засуху, отсутствие времени на посадку, отсутствие тяпки и лопаты, нехватку денег на удобрения и рассаду, незнание методов прививки, наличие оживленной тропки через ваш цветник к автобусной остановке, каменистую или необрабатываемую почву, вечный радикулит садовника и вечно пьяного соседа с его больным братом, у которого болезнь имеет вид поражения психики, проявляющегося в том, что он не будет давать выпить своему брату до тех пор, пока он сам, или вдвоем с братом что-нибудь где-нибудь не скосит своей самодельной косой?

До Сотворения мира никто не должен говорить о том, что не было ничего. Был Он. Вечный и неизменный. Следовательно, именно в его Бытии, которое было до нашего бытия, находились те начала, по которым строится этот мир. Они ведь не возникли вместе с миром. *Он их избирал в качестве основы еще не существующего!* Если уж даже *мы* можем сообразить: что нам пригодится для дела, а что будем ему во вред, то мы должны безоговорочно признать, что не разглядеть вреда от зла в Своем будущем творении Кто-Кто, а Он - не смог бы. Такое грубое упущение с Его стороны и представить себе нельзя.

Кроме того, ведь избирая начала, Он и обращался к *началам*. А среди перечня начал мы не встретим ни одной категории зла, которые, как мы знаем, к началам мира вообще не могут относиться! Следовательно, мы должны предположить, что, внедряя зло в мир при его Создании, Он одновременно и разрушал бы его, ибо брал бы категории не только из начал творения, но и из начал разрушения. Извините, но такая недалекость даже человеку, и то не каждому доступна, (несмотря на то, что человек может все), а не то, что Богу. Да и зачем Ему вообще надо было бы обращаться к началам бессильного создавать что-то зла, если мир может спокойно без них существовать на одних только началах Добра? Причем, даже более оптимально, чем со злом вместе. В чем был бы причина этого примитивного рецепта смешения Добра и зла в единое? Так

невероятно гениально сотворив физический мир в каждом из его даже самом малом нейтринно или электроне, неужели так "безруко" Он же мог устроить все в мире духовном? Конечно же - нет! И хотя здесь нет прямого доказательства, но оно, похоже, излишне, поскольку не будем же мы требовать прямых доказательств тому, например, что это не наш дедушка (профессор кафедры или заведующий КБ, на учете не состоит) вчера вечером сидел на тополе и кидался в прохожих презервативами, наполненными до отказа водой. Нам не нужны будут такие доказательства, даже если у дедушки нет алиби, а остроумца с тополя никто по темноте не разглядел. Здесь прямым доказательством будет служить способность видеть очевидное.

И второе соображение по этому поводу. В мире мы видим наличие соединяющих его сил и наличие Добра. Бог создавал мир из Себя. Он брал начала Добра не из пустоты. Там, где Он, там есть одна лишь реальность - Он Сам. Только из этой реальности могли браться идеи и принципы для Сотворения. Если мир сотворен по идеям Добра и соединения (ведь даже противоположности и те соединяются каким-то законодательным усилием мира), то в Реальности Бога, как в источнике мира, также могут быть *только* идеи Добра и соединения, *но не может быть никаких идей зла и разрушения!* Почему не может быть в Его Реальности таких идей? Потому что это - *противоположные* Добру значения, что подразумевает *противоречие* Его Реальности в своих частях (наличие двух противоположностей), что предполагает *негармоничность противоречного целого* (то есть самого Бога), что опять предполагает *несовершенство* целого, что теперь предполагает *относительность совершенства* этого целого относительно некоего допустимого совершенного Абсолюта (как возможности высшего совершенства), то есть наличие *высшего* этому целому, то есть наличие Бога для нашего Бога. В этом случае мы должны предполагать, что нашему Богу совершенен еще какой-то Бог, а это опять ересь, и, главное - бесконечная цепь причин в виде бесконечного ряда более совершенных богов, что порождает помимо казуса реальной бесконечности, еще и расхолаживающую мысль: а насколько наш Бог в этом случае Бог, если есть еще что-то, высшее ему? Значит, пойдя по пути предположения того, что в реальности Бога есть и зло и Добро, мы остаемся без Бога (по ущербу логических выводов), теряем начальность мира и превращаем все окружающее в бредовую бессмыслицу. Здесь же мы опять совершаем ту же самую техническую ошибку, которую уже пытались совершить раньше - признав через противоречивость Его внутренней сущности несовершенство Бога, мы делаем его не богом только на том уже основании, что несовершенное может совершать движение к совершенному, то есть быть изменяемым, то есть не вечным, то есть и т.д. Естественно, что вся цепь доказательств здесь упирается в существование Бога. Но логическую необходимость Бога мы поняли еще в самом начале нашего разговора, и теперь вполне правомерно можем на нее опираться. И ясно из этих наших доказательств нам должно быть совершенно отчетливо одно: поскольку в Реальности Бога есть только Добро, то через Бога зло не могло возникнуть в мире, который является *производным от Его Реальности, в которой нет никакого зла*. Ни по нашей логике, ни по Его Способностям, зло не могло быть привнесено Богом в мир не только в смысле логического абсурда данного предположения, но и *в самом смысле Сотворения* - в момент Сотворения зла еще не было и, следовательно, оно не могло закладываться в систему мира. Даже

если допустить нечестивое предположение, что Бог захотел бы это сделать, то Ему негде было бы взять зла, как только из Самого Себя, а в Нем как раз этого и нет.

Тогда откуда зло в мире? Мы уже сказали, что от намерений человека. Но не получается ли тогда, что обретя Совершенного и Доброго Бога в предыдущем рассуждении, мы здесь вновь теряем совершенство? Ведь, создав нечто такое, (человека), что может порождать зло в мире, задуманном Самим Богом как Добро (в качестве выражения Его Сущности), Он уже выглядит недостаточно совершенным. В этом случае мы получаем Доброго, но не совершенного Бога, а это в итоге не будет Бог (см. выше). В любом случае наличие какого-либо зла по какой-либо причине, пусть даже и не от Него, а от любого другого тварного (сотворенного) объекта тварного мира, говорит о несовершенстве самого творения. Опять тупик?

Если здесь и есть тупик, то это тупик речного порога, который, если отдаться его волнам, сам через свои завихрения вынесет *единственно имеющимся путем*. И здесь данный путь видится сразу, ибо других возможностей объяснить данную ситуацию мы не найдем, - *тварность человека не сродни тварности Природы!* Это в третий раз в нашей логике рассуждений, после очередности по времени Сотворения и явления Иисуса, придает особый смысл человеку в Создании Мира.

Говоря о нашем намерении ко злу, не свойственного Ему вообще, мы говорим не о том, что зло соответствует нам. Ведь наряду с этим в нас есть и намерение к Добру! И мы признаем его, и расценили даже данное благое стремление, в свое время, как программу, вложенную в нас Богом при Творении. Ибо это, независимое от опыта знание, абсолютно категорично, но не выражаемо ни в каких логико-семантических категориях. Оно является сверхлогическим и безошибочным ощущением истинности Добра. А теперь: *Если бы мы творились аналогичным всему остальному живому в природе принципом, то программа Добра жила бы в нас на уровне инстинкта, который не допускал бы отклонений ко злу, как инстинкт всего живого не допускает вариантов поведения, не входящих во внешние границы им допустимого!*

Вот она наша особая роль - мы самостоятельны! Тысячи мотыльков, повинаясь инстинкту, полетят на свет. Никогда и нигде не будет так, чтобы хоть какой-то один мотылек *не захотел бы* лететь на огонь. Инстинкт, как врожденная, очерченная мудрость. И, если бы человек так же инстинктивно летел только на свет Добра, то разве было бы такое Добро его (человека) нравственной заслугой, и разве не нужен был бы тогда Ему еще какой-то другой живой вид, который мог бы *добровольно избрать Бога, чтобы Бог, отдав любовь, мог бы ее и получить?*

Если в нас есть программа, но она не носит характер обязывающего безвыборочного инстинкта, то мы - действительно особое творение во всем Творении. Можно долго пытаться объяснить себе эту "особость", но, наверное, проще и смелее, чем в Библии, не скажешь - Бог создал нас "по образу и подобию Своему". То есть, не равными Себе, а *подобными*. Это подобие не может носить видимой формы, так как Бог находится в невидимой реальности, и Сам не имеет видимой *собственной формы*, но оно может иметь духовно-нематериальное насыщение, содержащее в себе неосмысляемый словами смысл.

Так откуда же в нас зло при таком обязывающем нас подобии? Это - следствие первосущного хаоса. Характер хаоса и зла один и тот же, как мы это поняли, - разъединенность, бессмысленность и уничтожение смысла своим наличием. Сама природа, как мы наблюдаем,



постоянно удерживается через Волю Его Духа в нужно-собранном виде. Для этого ежесекундно тратятся огромные силы. Дух удерживает постоянным Своим разумным напряжением воли потенциальный хаос атомов и молекул в виде данного устройства мира, и, отпусти Он Своей Волей природу, она тут же рассыплется на бесформенные и бессмысловые беспорядки бесчисленных вариантов своего взаимосложения. Материя останется, *но наш мир* безвозвратно исчезнет, так как в нем самом без Бога нет ничего, что могло бы его формировать и удерживать из себя. Можно сказать, что хаос никуда не делся. Он за каждым углом. Откажись Бог от этого мира, и этот мир тут же распадется на атомы. Для этого достаточно всего лишь короткого Его усомнения, которое может привести к произвольному прекращению Его Волевого Усилия! Естественно, что такой мир не должен быть вечен. Он имеет вспомогательную роль.

Следовательно, в мире есть понятие хаоса, при том, что самого хаоса в мире нет. Но понятие хаоса, имеющееся в мире, не означает, что в мире автоматически присутствует и понятие зла. Зло - нравственная, а не физическая категория. Ведь своим злом мы не можем причинять зла непосредственно миру, в хаосе он или не в хаосе, а можем мы это зло причинить *только друг другу*. Следовательно, зло существует не относительно мира, а относительно человека. Вот мы еще раз и убедились в том, что в мире зла нет, если в мире нет человека. Воцарись хаос в мире, это не означало бы воцарение зла, ибо воцарение хаоса равно исчезновению мира вообще, то есть исчезновению вообще *всякого его смысла*, в том числе и смысла зла. Или есть хаос, и нет ничего, а, следовательно, нет еще никакого зла, или мир есть и зла уже в нем нет, так как мир создан из Добра (из Бога). Но *понятие* хаоса, а вместе с ним и понятие зла, в мире существуют. Как понятия отсутствия данных категорий - мира как такового и зла в нем. Как ноль в арифметике является понятием отсутствия числа, то есть не выражает своим содержанием непосредственно числа, так и абстрактное понятие зла, как отсутствия смысла, не имеет в себе никакого содержания и смысла. Но в алгебре, например, понятие нуля условно может означать некое число в качестве оговорено принятого момента отсчета какой-либо системы (если температура равна нулю, то это не означает, что температуры вообще нет, просто какая-то температура признается условно граничной, принятой за ноль). Так и в алгебре нашего духа есть *понятие зла*, которое в отличие от равнодушной природы реализуется через *намерение к его познанию, как к одному из возможных состояний без Бога*. Когда Бог огорчился тем, что человек вкусил от древа *познания* Добра и зла, то Его горечь была не осуждением намерения людей к познанию Добра, ибо Добро в мире уже было, и люди его знали. Богу больно было от намерения первой пары познать *не только Добро, но и зло*. Именно это намерение познать то, чего *не должно быть, если что-то вообще должно быть*, ставилось в вину Адаму и Еве. Ибо, будь у людей *правильное намерение быть в Боге*, Ева сказала бы змею: "Я не хочу познавать зла, потому что зло - уничтожает". Поэтому, обнаружив в человеке эту любопытствующую устремленность ко злу, Бог дал человеку свободу намерений: познайте зло, испытайте его, реализуйте свое намерение и выбирайте - либо остаетесь со Мною в Добре, либо *с ничем и ни в чем*, то есть без Меня, во зле. И этот выбор мы можем совершить только через нравственные намерения. Вне Бога - вечная смерть в хаосе, с ним - вечная Жизнь в Его Царстве. Спасение - только через доброе намерение.

Мы так настойчиво говорим именно о "намерении", потому что сам факт объективного зла без намерения к нему не ничтожит человека нравственно. Самое большое зло, как следствие лжи, например, не может быть моральной виной солгавшего, если он просто оговорился, или даже честно сказал то, что казалось ему правдой по недомыслию. Без намерения нет нравственной оценки совершенного действия. Невольная жестокость водителя, сбившего в тумане женщину, наказуется системой правосудия, но не подлежит нравственному суду, ибо он не имел намерения убивать эту женщину. Ненависть, вызванная поруганием, так же идет не от намерения ненавидеть кого-то вообще или в корысти, а является логичным *ненамеренным* откликом, что может делать такую ненависть праведной, если она отстаивает Добро и направлена против носителя зла. Вот, похоже, то, что мы должны знать о том, что мы должны делать в нравственности. Оценивать свои намерения. Через что мы можем это сделать? Ежеминутно сталкиваясь с намерениями, мы ведь должны знать ориентир к действию. И этот ориентир есть. Бог не оставил нас наедине с обезличенным выбором, ибо Его программа Добра в нас реализуется через совесть. Наша совесть - это и есть то самое сверхлогическое *знание о должном*, с которым мы можем сверяться. Как слепой чувствует близость огня, не видя его, так и мы через совесть чувствуем присутствие Бога и ощущаем, ближе мы или дальше всякий раз к этому святому теплу.

Ведь если мы будем поступать сообразно с совестью, то духовная ипостась мира будет удерживаться нашими силами, то есть мир будет поддерживаться и через нее, как через посредствующее Богу явление. Вероятнее всего, Бога не может привлекать такая перспектива, чтобы вечно удерживать нас от зла тем же постоянным волевым усилием, которым Он безостановочно удерживает мир в его виде. В этом случае нам вечности не видать - любому надоеет. Поэтому, обладая самостоятельностью и, соответственно этому - *в какой-то своей части не удерживаемые Его Волей*, мы можем устремляться и к самоуничтожению (в хаос зла), и к вечности (в созидательное Добро). Пока что Он нам помогает с помощью совести. Но придет время Царства Божия, и выбор произведется автоматически - то, что не будет соответствовать Добру при соединении нашего бытия с Его Бытием, то будет уничтожено, как противоположное Богу. То есть мы, как не соответствующие его Сущности через свое имеющееся в нас зло, исчезнем. Это, кстати, к слову о той самой свободе выбора, которую мы якобы имеем в нравственности. Эта свобода напоминает свободу Мули из старого кинофильма, у которого жена спрашивала, не смея ограничивать свободы его выбора: "Муля, чего ты хочешь - поехать на дачу, или чтобы тебе свернули шею?".

Вечную Жизнь мы можем получить только через соединение с вечным, то есть с Богом, а для возможности этого воссоединения мы не должны Ему противоречить в себе самих, а противоречить Ему - это носить в себе зло. Ибо Он, как мы уже доказали, - непротиворечное ни в чем внутри себя Добро.

Итак, смысл спасения понятен. У Николая Оттовича Эссена, командующего Балтфлотом в период 1-й мировой войны, был негласный приказ, который не смел нарушать ни один патруль: если моряк во время увольнительной на берег напился и не вернулся вовремя на корабль, то он подлежал аресту только в том случае, когда лежал на мостовой головой в сторону,

противоположную порту. А если матрос упал и заснул головой в направлении порта, то его не наказывать! Шел на службу. Обстоятельства помешали. Эссен ценил *намерение*! Так и мы, как пьяный матрос, должны иметь правильное намерение, и оно нас спасет. Почему только намерение? Почему не законченное совершенство своей души, не принимающей зла? Не было бы это более верным и спасительным - стать таким, каким предполагает намерение, а не ограничиться одним лишь им? Об этом - позже.

А пока нам надо убедиться окончательно в том, что мы играем не в игру, условия которой для себя придумали сами, а в авторах предполагаем Бога. Пока что мы только разобрались с непрерывностью нравственности в истории и с тем, что она, собственно, такое. При этом попутно мы обнаружили в ней действительный путь спасения. А нам еще нужно убедиться в том, что нравственность в истории *изменяется*, и в том, что ее содержание может в себе раскрыть присутствие Бога.

Если мы не докажем, что нравственность не является природным свойством человека, а дана ему Богом, то пользы от наших выводов нет. В этом случае мы создаем фетиш (вещь для поклонения вне смысла ее назначения). То есть, в таком случае вся нравственность - это наше же, а тогда, как ни хороша она даже в этом виде, ее источник находится в нас, следовательно, ее критерии также в нас, следовательно, она для нас, а не для Него. Но и это не беда бы, а плохо то, что ничто создаваемое нами не может иметь силу и свойства того, что могло бы создаваться Им. В данном случае, если нравственность выработана, вольно или невольно, человеком, все наши выводы - явный промах. Ибо мы не можем спастись через то, что сподобимся создать какую-либо пародию на то, что может быть создано Богом. Человек не может создать ничего нового, имеющего хоть какое-либо значение для Бога настолько, чтобы Он задумался о нашем спасении. Ибо в Боге есть все, и человек, как происшедший из Бога, ничего из себя добавить не может.

А если мы не докажем, что нравственность исторична и имеет содержание, которое убеждает нас в Боге за ней, то мы не увидим смысла в истории, так как если за ее содержанием мы не найдем Его, то мы вообще ничего не найдем, и человечеству тогда незачем жить, если у жизни истории нет цели.

Тщательно отслеживающий все повороты наших мыслей читатель, конечно же, уже смог заметить, что каждое из этих трех доказательств упирается друг в друга. Ибо понять источник нравственности (первое) можно только через его содержание (второе), а содержание, в свою очередь можно понять только на конкретных фактах изменения Добра (третье) в истории. В этом клубке трех доказательств, очевидно, и должно родиться единое доказательство нашей уверенности в правильности обнаруженной нами ранее цели. То есть, все будет делаться одновременно.

Но здесь не надо забывать, что первое наше доказательство в ряду всех доказательств должно носить характер опровержения ошибочных, по нашему мнению, доказательств того, что нравственность диктуется природой, или измысливается человеком. Поэтому, когда следующие наши абзацы приобретут некоторый вид и характер полемики, то эта полемика - ради

доказательства (источник нравственности - в Боге), которое делает возможным существование остальных доказательств, то есть само продолжение нашего разговора.

Итак, что касается природы, то, признавая в ней маму нравственности, мы должны перенести ее, очевидно, в гены, как в механизм, регулирующий поведение. Равнодушное свойство генетических установок, (должны признать мы), в этом случае проявилось неплохим для нас образом, образовав в нас нравственность в качестве биологического побуждения. Могло быть и хуже. И не на кого было бы обижаться. Таким образом, мораль, Добро и зло - зависят от желания или нежелания наших генов. То есть от каких-то механических комбинаций молекул. Эту дикость не мы придумали. Это научная теория "генной нравственности". У нас самих никогда на такое ума не хватило бы. Впрочем, и мы внесли свою лепту в эту теорию, потому что это уже наш термин - "генная нравственность". Официально она называется "эволюционная психология". За словом "эволюция", как мы и предполагали ранее, рано или поздно сможет спрятаться безнравственность, ибо, что помешает злу в этом мире, если оно начнет преобладать на основании каких-то генных изменений в человеке? Борьба между Добром и злом тогда не имеет никакого смысла для нас, ибо она переносится в микромир на уровень мельчайших элементарных частиц. В этой, невидимой нам, и не управляемой никем стычке Добра и зла, не должно быть ни наших заслуг в Добре, ни нашего осуждения зла: что там получилось в генах, то и должно быть. В таком случае любое наше нравственное намерение продиктовано молекулярно комбинированными обстоятельствами нашей психики, и нравственность следует в итоге отнести непосредственно к одному из психических явлений. Но мы уже знаем, что психическое явление не может иметь законодательного характера, поскольку оно имеет отношение только к тому или иному душевному складу отдельной личности, что не может налагать обязанности на психики других людей уподобляться какому-либо чужому психическому эталону. Это невозможно! Потому что *этому помешают как раз те самые гены*, которые всякий раз создают неповторимую психику, которая не только не может быть аналогичной еще какой-либо психике, но и *не может через себя переступить* даже в лучших побуждениях именно в силу того, что она - психика. То есть она - законченная и неизменная конфигурация видов реакций человека на раздражители. А нравственность, как мы знаем, имеет характер *принимаемого всеми закона*. То есть, признав, что обязательность нравственности (которую мы видим повсеместно и которая признается всеми) имеет психический признак, мы должны признать, что психику одного человека можно вменять психике другого человека! Мы должны признавать, что гены одного человека должны иметь власть заставлять гены другого человека стать себе подобными! То есть, по таким исходным предпосылкам, гены должны в идеальном варианте все подряд уподобиться самой оптимальной с моральной точки зрения комбинации, то есть - стать одинаковыми, и все люди, соответственно, при этом так же должны стать одинаковыми, как имеющие одну и ту же комбинацию генов! Еще один эволюционный бред.

Кроме того, если признать, что мораль вошла в мир с подачи генов, то, как тогда объяснить то, что в природе нет морали, а в человеческом обществе она есть? Да, да, мы знаем - гены разные. А кто доказал, что они разные?

Долго не хотелось даже заикаться об этом, и даже предполагалось данную мысль совсем опустить. Но, вспоминая о том, что в начале разговора мы договаривались об условии не взирая ни на какие авторитеты, все-таки решусь: *гены изучены настолько приблизительно и настолько ничтожно мало, что не видно никаких фактических оснований для утверждения, что они не одни и те же у всего живого!* Различие генов повсюду утверждается настолько уверенно, что считается *само собой разумеющимся*, но нигде еще не сказано - вот здесь и вот этим гены человека отличаются от ген лягушки, и наоборот. Да, ДНК у всех разные, но *первичный состав* всех ДНК должен быть у всех *одинаковым*, так как он состоит из *одних и тех же молекул!* Ну, так как же может один и тот же первично-молекулярный состав разных ДНК создавать *сам собой* разные психические установки? Из кирпича, что ни построй, - все будет хорошо работать на сжатие, но никак не будет работать на растяжение. А скроенные из одних и тех же кирпичей ДНК - откуда в себе имеют разные психические побуждения?

Есть моль. И есть какая-то необходимость, которые сложила молекулы в эту моль и в гены внутри нее. Есть человек. И есть та же самая необходимость, которая сложила те же самые молекулы в человека и в гены внутри него. Почему эти гены должны быть разными не по виду, а *по существу?* Сейчас раздастся много смеха по поводу этой мысли. Но он не задевает. В конце концов, тот, кто не имеет биологического диплома, может и ошибаться. Но гораздо веселее мы посмеемся все вместе, если *когда-нибудь* наука установит, что гены человека и ящерицы одни и те же, как подсказывает нам это здравая логика *уже сегодня*.

И, наконец, если гены образуют нравственность, то они должны это делать *во имя выживания и размножения* биологического вида! В этом ведь и есть главное предназначение эволюционного понятия генов! Тогда мы должны, не колеблясь, предположить, что нравственность, как следствие генов, - это то, что способствует человеку, как биологическому виду, для выживания и размножения. Нужно ли здесь долго говорить в опровержение, что биологически гораздо более выгодно всегда быть скорее безнравственным, чем нравственным? Ведь давно известно - чем больше у человека нравственности, тем меньше у него всего остального. Разве муки совести, жертвенность, преодоление жадности, корысти, эгоизма, чувства голода ради другого и ощущения потери тепла ради слабого, способствуют выживанию или размножению? Как нравственность может происходить из генов, если она даже переступает через их главный крик о самосохранении, и заставляет человека преодолевать данный генный инстинкт и бросаться в воду, чтобы, рискуя собой, спасти совершенно чужого человека? Здесь человек поступает именно вопреки генам! А разве отнять не более выгодно, чем поделиться, для выживания? Разве бросить больного не более выгодно? Разве беспорядочные половые связи не более способствуют размножению, чем наличие норм приличий в этой области? Разве украсть не выгоднее, чем заработать? Назовите хоть что-нибудь из категорий Добра, что биологически выгоднее категорий зла. Все наоборот! В таком случае "эволюция психики" давно уже должна была полностью уничтожить Добро, как невыгодно биологический вид поведения. Даже всякая эпизодически контурная устремленность к Добру в душе человека должна генами подавляться, как биологически не оптимальная по последствиям.

И, вообще, люди! Когда мы, наконец, поймем, что, даже обращаясь к природе, мы все равно обращаемся к Богу? Ведь природа без Него - неупорядоченный хаос! Что бы природа нам на подносе ни преподносила, вся ее видимая близоруко многими мудрость - Его Мудрость, поскольку это Он сделал ее Природой из свалки атомов! Даже если мы что-то такое в ней увидели, что формирует собой что-то такое в психике, то не будем забывать -это делается по Его Промыслу!

С природным источником морали ясно. А с человеческим? Если это допустить, то, опять же, - через какое побуждение? В чем его источник? Личную выгоду мы отбрасываем сразу. Выше мы видели, как она связана с моралью. Как только мы ее коснемся, то сразу же столкнемся с необходимостью потакания своим искушениям и грехам. Тот, кто жил, тот знает, что путь к выгоде через зло всегда более прям, чем через Добро. Тогда, откуда нравственность? Есть нередко звучащая версия, которая трактует нравственность в качестве коллективно вымученного рацпредложения человечества, применяемого как некое духовно-психическое устройство, приносящее определенную социальную пользу для всех. То есть, нравственность выработывалась человечеством по разделу тем "Всеобщее благо через всеобщую пользу". Причем, эта версия довольно напористо и гладко излагается. Так и хочется поверить. Если бы не одно большое сомнение - такая всеобщая польза сама в себе распадается на составные пользы для каждого из нас, каждая из которых, в свою очередь, предполагает все ту же личную выгоду, которая опять проще достигается в обход Добра, чем через него. Ведь всеобщей пользы, как *минимально необходимого зла*, с которым придется примириться, достичь гораздо проще, чем обеспечить ту же самую всеобщую пользу, в виде максимально необходимого Добра. Потому что силы зла сами автоматически уравнились бы возможностью противостояний, а силы Добра требуют нравственного *усилия* по преодолению зла, и *конструирования* условий требуемого порядка, что уже тяжелее. При этом само обозначение данной темы для разработки требовало бы уже некоего нравственного понимания личного отказа и личной жертвы во имя общего. То есть, до создания самой нравственности в качестве алгоритма отношений, уже должно быть определенное понятие нравственности, и, тогда, - в чем источник этого исходного понятия? Легче найти пользу для всех в пассивно-потенциальной *возможности урвать, чем в непреложной обязанности поделиться или отдать*.

В этом случае, если источник и причина нравственных усилий ускользает от определения, и все замыкается только на осуществляемую конкретно пользу, то из процесса конструирования такой всеобщей пользы выпали бы все бескорыстные люди, ибо они не искали бы здесь ничего для себя, а все дело вершилось бы опять только теми, кого волнует исключительно индивидуальная польза, то есть людьми, осознающими пользу, как высшую *личную цель*. При такой составляющей данного процесса, он бы ушел от нравственности и перешел в зону законоуложений, ибо здесь опять всплыло бы понятие меры, которая должна уравнивать каждую отдельную пользу относительно всех отдельных польз. На это, кстати, система права и направлена. Но она не имеет своей основой нравственных целей, хотя и включает нравственность в свои предпосылки, как включает ее в себя все, что имеет человеческое движение в истории.

Итак, если признать, что в человеке есть такая побеждающая установка о всеобщей пользе, то она должны быть результатом уже готовой великой нравственности, высшей по своему смыслу. А тогда, повторимся, - что же породило эту самую нравственность, которая своим уровнем порождает идею всеобщей, а не личной пользы? Ведь в этом смысле уже само стремление к пользе всех - есть следствие нравственности, а не наоборот. То есть, если нравственность определить в качестве источника идеи общего блага, которое (благо) может решаться через всеобщую пользу, то такой источник все равно должен возникать не на пустом месте, а только на базе уже имеющегося запаса морали. Следовательно, в этой концепции источник нравственности или не решен, или решен мнимо.

Ну и, наконец, - всеобщей пользы вообще быть не может. Во-первых, потому что совершенно невозможно на пользе, как на принципе, удовлетворить всех. Если у меня угнали машину, то мне есть от этого польза? Никакой, значит это - зло! А тому, кто угнал машину, есть польза? Конечно же! Значит это - Добро! Как на пользе основать всеобщую нравственность? Признать, что не надо воровать? Тогда какая польза будет от этого тому, у кого машины нет и угнать нельзя? Такая польза уже не будет всеобщей! Она не будет признаваться всеми, и нравственность также не будет общеобязательной для всех.

Во-вторых, всеобщей пользы быть не может, потому что есть люди злые, испорченные, преступные по наклонностям, маниакальные, больные и душевно косные. Как через нравственность удовлетворять их пользу? Наоборот, польза других обеспечивается тем, что притесняется по возможности сама возможность пользования своими намерениями дурных людей, и это упреждающее насилие над ними считается нравственным.

Есть также люди, которые полезны по роду деятельности, но не увеличивающие силу Добра в мире, при этом, правда, и не расширяя сферу действия зла. Например, сутенеры. Как учитывать их пользу в выработке нравственных категорий? Как-то, конечно, можно. Но, чтобы разделить пользу на нравственную по смыслу, и противонравственную по побуждениям, надо опять же, *прежде* иметь в себе знание нравственности, чтобы предполагать, что всеобщая польза не должна касаться всех, а только тех, кто имеет ее в виде Добра для остальных. То есть моральный критерий здесь должен появиться раньше применяющей его идеи пользы, иначе в сферу нравственности попали бы и педофилы, и воры, как субъекты нравственности, претендующие на собственную пользу от нее. Таким образом, всеобщая польза не может быть источником нравственного критерия, потому что данный критерий заранее определяет не огульное включение всех намерений в систему их свободного осуществления ради пользы как таковой, а совершает собой избирание *по соответствию* уже существующим принципам морали.

И остается последний возможный источник нравственности в человеке - его личные ощущения. Они могут не связываться с выгодой и пользой, а основываться на душевном удовлетворении, или комфорте. Или, наоборот, на чувстве духовного страдания и дискомфорта. Это похоже на то, что Иисус говорил в виде некоторого общего правила поведения - поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. В центре - человеческие ощущения, желания или нежелания того или другого. Но и здесь похожесть опасная, поскольку Иисус говорил это *пришедшим к Нему* за "глаголами жизни вечной", и, напутствуя их этим "золотым правилом",

Иисус заранее предполагал, что эти люди имеют в своем намерении Бога и Добро. Вытянутым из контекста Евангелия (письменного свидетельства обстоятельств земной жизни Спасителя) данное правило не сможет иметь универсального применения, поскольку на этом основании могут с игриво-назойливым прищуром размахивать своими правами, например, мазохисты или гомосексуалисты, предлагающие с ними делать то же, что они намереваются сделать с вами, а также просто беспринципные люди без далеко идущих целей. Однако если исходить из того, что нравственность создавалась на базе своих ощущений нормальными людьми (когда-то, может быть, таких было больше), такую возможность, на первый взгляд, признать можно.

Но в этом случае мы должны предположить за человеком некий опыт, по итогам которого у него возникали соответствующие душевные переживания, и которые научили его - это хорошо, а это плохо. Ведь, если человек не получил знание Добра и зла изначально, то он должен был его получить по результатам взаимоотношений с другими людьми, через выводы о том, что было ему хорошо, а что было ему плохо. На основании этих выводов он мог относить к Добру то, что лило ему на душу елей, а к злу то, что вызывало страдания. Но, тогда, чем бы вызывались эти душевные страдания и неудовлетворенности, если бы в его душе уже не было эталонов Добра? Что могло бы оскорбить, унижить, покоробить, разочаровать, расстроить, устыдить и смутить человека? Если в душе нет никаких понятий Доброго, то зло существует в виде нормы, которая принимается естественно и без дискомфорта. Точно так же и Добро. Без любого из этих эталонов невозможно отличить одно от другого, следовательно, если Добро и зло неразличимы на начальном периоде накопления нравственных переживаний, то нет никакой нравственности (ибо нравственность - это и есть непосредственно различение Добра и зла), и, следовательно, не может быть никаких нравственных переживаний, не может быть никакого их опыта, и, в итоге, никакого построения модели нравственных отношений для всеобщего блага. Если в душе нет *ожидания должного варианта*, то любой вариант законен, и не должен вызывать чувства страдания из-за несоответствия идеально ожидаемого, реально происшедшему. Если нет понятия хорошего, то относительно чего в душе может появиться понятие плохого? Такая невозделанная душа должна жадно принимать в себя все, что в нее брошено, и возвращать это в себе *как нормально сущее!* С чем сталкивался бы опыт жизни в душе, и что могло бы придавать этому опыту вид зла, если в душе уже не жило бы знание о Добре? То есть, личные чувства без внутреннего этического шаблона не могут быть источником нравственности, а могут быть только ее следствием, и эти моральные шаблоны - производное от готовой уже конструкции нравственности.

А если бы они, эти личные переживания и ощущения даже и стали бы этим источником, то нравственность ограничилась бы понятиями физически неприятных ощущений - боли, голода, неудовлетворенности полового желания, страха и т.д. *Духовных* переживаний не могло бы быть. Потому что если пигмей не страдает относительно того, что у него нет микроволновки, то только оттого, что *он вообще не знает*, что микроволновка существует. В его душе ее нет, поэтому и нет страданий по ее поводу. И по опыту своих ощущений он не может сказать: "Микроволновка - это удобно и хорошо, а горячая зола - неудобно и плохо". Он может только сказать, что несколько часов, которые тратятся на пропекание лепешек в золе, это ни хорошо и ни плохо, а так, как



надо, ибо единственно возможно. А вот если бы он *знал*, что те же лепешки можно испечь за три минуты, то это вызвало бы у него понятие о том, что на золе готовить пищу долго, а, следовательно, и плохо - жене некогда книжки читать. В душе был бы эталон, и несоответствие с эталоном вызывало бы расстройство. То есть, не имея понятий о том, что нарушение морали приводит к душевным ранам, (а иметь такие понятия можно только в том случае, если уже есть знание о том, *чем* может наноситься такая рана), никаких душевных ран получить невозможно. И на такой бесконфликтной пустоте нравственность не только не может создаваться из ничего, но и при первых же своих случайных проявлениях должна глушиться, так как нарушает непобедимый комфорт тиши да глади равного принятия всего происшедшего, как должного. В таких случаях исполнительные шаманы лечили бы ощущения душевных мук так же, как лечили лихорадку - симптом боли есть, пользы от нее никакой, надо избавляться.

Теперь, убедившись, что особых оснований приписывать мораль к собственным достижениям у нас нет, поищем за ней Бога.

Начнем. И начнем с историчности. Первая письменность и незапамятно более раннее устное творчество говорят о том, что понятия любви, ненависти, верности, предательства, доблести, справедливости, хитрости, жестокости, мстительности, воровства, убийства, наказания, распутства, благородства, прощения, трудолюбия, подлости, лжи, сострадания, гордости, презрения и т.д., были в ходу во все времена, и во все времена имели нравственную оценку. Ничего нового, ни мы сами не сможем добавить, ни в самой истории не прибавилось чего-либо относительно самых первых ее свидетельств. Незамысловатая оценка данного факта может сразу же создать картину того, что нравственность неисторична. Но, вглядываясь в нее именно через историю, мы обнаружим, что данное внешнее затруднение разрешается удивительно складным и неожиданно компенсирующим все образом. Действительно, рассмотрев историю всех нравственных категорий, мы не видим изменения, дополнения или исчезновения каких-то нравственных понятий в процессе времени. Они присутствуют в полном, завершеном и неизменном составе. Одни и те же понятия на протяжении тысячелетий. Но мы видим постоянное изменение *содержания* данных понятий! Понятия остаются, но содержания, составляющие их, постоянно изменяются! Мы уже упоминали, что увидеть это можно только через непосредственно сами эти содержания, и нам придется соединить анализ историчности морали с анализом ее содержания. Так и сделаем.

Итак, нравственность в истории. Начать можно с Библии, которая является в каком-то смысле исторической хроникой, и даже в этом авторитетном для всех источнике мы спокойно применяем сегодняшнюю нравственную оценку для происходящего в те далекие времена, *не соответствующую декларируемому содержанию Библии!* Например, когда в Библии пишется, что это именно Бог требовал от евреев, чтобы те поголовно уничтожали всех до одного жителей тех городов, которые они захватывали, то мы Библии не верим, не правда ли? Наша нынешняя нравственность не допускает того, чтобы Бог настаивал именно на таком способе обращения с населением покоренных городов. Тем более, мы не верим Библии, когда в ней пишется, что Бог наказывал кого-либо из вождей еврейского народа только за то, что тот поубивал всех, включая и детей, но оставил, например, скот (вообще уже ни в чем не повинный перед завоевателями).

Вот, например, как царь Давид поступал с аммонитянами: "вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступал со всеми городами Аммонитскими" (2 Царств, 12:31). То, что тщательно передавалось иудеями из поколения в поколение, как единый образец для подражания, сегодня вызывает у нас отвращение. Но на этом основании мы ведь не считаем Библию учебником фашизма. Мы как-то списываем это на *нравственный примитивизм* общества тех времен, которое не только еще не знало, что пилить пилами мирных жителей негоже, но и не считало это фактом, который, будучи внесенным в хроники, имел бы *постыдное, а не доблестное значение!* Здесь мы видим, как изменилось во времени содержание, например, такого понятия, как "доблесть" (понятие о необходимых составляющих воинской чести). Нравственность с тех времен шагнула так далеко, что зверское убийство не только перестало быть богоугодным делом в глазах людей, но и сама звериность тех народов имеет наше снисхождение, как *нечто, только начинающее формироваться в нравственность!*

Давайте, сравним гладиаторские бои со спортивными состязаниями нашего века. Есть разница? Огромная! Особенно, если представлять гладиаторство не по кинофильмам. На самом же деле, на этих площадках, конечно, все было не так красиво. На этой арене визжали раненые, волочились человеческие потроха по пыли, перемешиваясь с мозгами и блевотиной, а дикие звери рвали живых вопящих людей на части. Чтобы было более интересно, гладиаторов редко выпускали, так сказать, в их естественном состоянии. Для увеличения забавности происходящего им давали тупые и короткие мечи, одевали на голову шлемы и маски, от которых они становились полуслепыми, разбрасывали по арене металлические колючки, связывали гладиаторов между собой, стреноживали им ноги, привязывали одну руку к спине и т.д. И этот мерзкий ужас был любимым зрелищем! И ни у одного из самых просвещенных римлян того времени мы не найдем ни одного слова не то, чтобы осуждения этой пакости, но и даже размышления над тем, насколько это нравственно или безнравственно вообще в силу самого факта! В то время это было совершенно нравственно! Убийство людьми друг друга, организованное другими людьми для собственной забавы, ни у кого ничего не затрагивало ни в совести, ни вообще нигде в душе!

А что сейчас? За толчок соперника на борт - 2 минуты, за удар ногами сзади в подкате - красная карточка, за простое притрагивание к противнику с мячом - фол. В боксе перчатки, а удушающие приемы запрещены в *вольной* борьбе. А там, где они разрешены, ни один зритель не может своим большим пальцем решить судьбу удушаемого - вмешается судья и остановит схватку. А ведь спорт живет на деньги зрителей! Если бы зритель хотел жестокости, а не уважительного к сопернику мастерства, то эта жестокость также процветала бы на нынешних аренах, как процветала она в Риме. Но прошли времена и зритель не тот. Вряд ли человек стал праведнее, но планка нравственности повысилась, и теперь каждый должен или гасить в себе плотоядную жестокость наблюдателя увечий, или ходить на такие концерты, как рестлинг, где весь бой репетируется до полного автоматизма и при полной имитации всего, что там происходит. Даже октагон, на котором бои происходят *якобы без правил*, запрещает удары локтем, укусы, выкалывание глаз, откручивание вторичных половых признаков и прочее, что

может нанести травму, несовместимую со здоровьем или жизнью. Гладиаторы таких поблажек не знали. Понятия о Добре были другими.

Вспомним историю обращения с военнопленными. Раньше их приносили в жертву, убивали или делали рабами. Высшей доблестью было со стороны правителей высечь на нетленном камне, что столько-то военнопленных было сожжено на жертвеннике, столько-то убито как-нибудь особенно по-изуверски, столько-то обращены в рабство и т.д. Этим питалась земная слава царей. Количеством замученных и убитых людей! А еще более славными считались такие решения вождей, как поотрубить всем военнопленным кому руку, кому ногу - и отпустить. А еще лучше - ослепить и отпустить! Вот тогда слава просто сияла над самой фигурой предводителя! Более геройского вряд ли что-то еще мог предпринять победитель. Причем наша ирония в те времена была бы совершенно неуместна, потому что по всем понятиям всех подданных считалось, что настоящий царь именно своей жестокостью и безжалостностью являет собой высшую *добродетель*, доступную человеку.

После появления оружия, способного поражать войска не в тесном контакте, а на расстоянии, военнопленных стали использовать в качестве живого щита, или в качестве рабочей силы, устанавливающей под огнем (стрелами) противника осадные сооружения. При малейшей нехватке воды или пищи военнопленных просто убивали. В те же времена плененных стали использовать в качестве гладиаторов, гребцов на галерах, которые жили чуть дольше гладиаторов, и в качестве живых мишеней для тренировки меткости лучников. Но уже никто не рубал им руки, и никто не кидал их в жертвенный костер. Какая-то установка на уровень нравственности в мире изменилась. По крайней мере, их только использовали, как не имеющую ценности вещь, но не похвалялись зверствами над ними. Само зверство перестало быть притягательным для навешивания на его факты лавров добродетели.

После этого, правда, с военнопленными по-прежнему делали, что хотели, но это уже стало относиться к оттенкам войны, а не к прославляющим деяниям. Потихоньку, потихоньку, а появились лагеря, где пленных содержали, лечили, обменивали на своих и заставляли работать. В конце концов, даже появились всякие конвенции, обязывающие к гуманному обращению с пленными. Эти конвенции редко когда соблюдаются и редко когда кем вспоминаются, но теперь нечеловеческое обращение с военнопленными не демонстрируется в качестве достижений, а утаивается в качестве *преступления*. Войны есть войны, чем бы ни воевал в них человек, а пленник есть пленник, когда бы это не произошло во времени, но понятие нравственности для обращения с ним не всегда было одним и тем же. Произошла гуманизация понятия, то есть совершилось его явное движение к Добру.

Рабство когда-то было просто формой собственности, когда слуга или мастерской приравнивались по правам к любой другой вещи, принадлежащей хозяину. Что такое могло измениться в человеке, чтобы подорвать изнутри этот удобный способ взаимоотношений? Но прошло какое-то время, и даже самые сильные мира сего, которым никто не указ, маскируют фактическое рабство своего окружения в некую форму отношений, которая не должна напрямую указывать на рабство, ибо это уже *осуждаемо* нравственно. Никаких экономических или других причин тому, чтобы рабство исчезло, не было. Рабы никогда не играли решающей роли ни в

одном из рабовладельческих государств, потому что труд одного свободного крестьянина всегда был производительнее труда пятидесяти подневольных рабов. В основном рабы составляли собой домашнюю челядь, чернорабочих (ассенизаторы, мусорщики, гробокопатели и т.д.) и строителей общественных сооружений. Такое положение могло бы сохраняться до сегодняшнего дня и ничего в экономике не пострадало бы. Нет никаких экономических причин тому, чтобы рабство не нашло в нашем времени места, или не принесло бы даже какую-то социальную "пользу" на грязных работах. Сохранись рабство, и многие вопросы тех же муниципальных хозяйств просто отпали бы. Но рабства нет! Почему? Кто-то ввел в мир знание о том, что это бесчеловечно, если человек становится просто средством для блага другого человека. Вспомним: когда в Америке отменили рабство? В середине 19 века! А теперь вспомним: какие экономические причины побудили это сделать южных плантаторов? Да никакие! Общественное мнение заставило. А его (это мнение) какие причины из экономики сформировали? Тоже никакие! Вдруг стало всем ясно, что дальше с этой мерзостью жить нельзя, хоть экономически и выгодно. Понятие равенства наполнилось откуда-то понятием равенства *всех*. Добро возросло.

Доисламские арабы закапывали новорожденных девочек живьем в песок, если их было уже более двух в семье. По каким-то их понятиям, очевидно, в этом была какая-то существенная польза (кстати, о пользе!). Какая, - не совсем ясно, если ставить ее рядом с жизнью ребенка. Но это *сейчас* мы готовы бросать на любые веса жизнь одного ребенка в уверенности, что она перевесит собою все, чтобы не было положено ей в противовес. А тогда такого понятия, как "ценность человеческой жизни", даже и не было, и матери не бунтовали. Социальные предпосылки к тому, чтобы было больше сыновей и поменьше дочерей, на Востоке еще сохранились, и пока незыблемы. Но никому и в голову не придет сейчас решать эту проблему таким механическим образом отмены результата родов по половому признаку через обыденное убийство. Кто бы помешал этим бедуинам сохранить данную "традицию" в нынешнее время в их недоступных никому кроме них пустынях? Никто! Что произошло? В их мозгу появилось понятие о том, что это недостойно человека, и они этим понятием руководствуются, несмотря на некоторые свои экономические неудобства, которые вызываются повышением требовательности Добра к их действиям.

Но не одни арабы убивали детей по соображениям быта. Например, удивительно похожие в этой отрасли изуверства обычаи были в географически отдаленных друг от друга Полинезии и в Восточной Африке: согласно этим "традициям" две трети (почти 70%!) всех родившихся детей в этих племенах умерщвлялись. Понятно, - еды на всех не хватало, противозачаточных средств не было, но в тех же ситуациях находится и сейчас множество племен, где периодически разражается голод, и тогда гуманитарные организации ООН высылают туда врачей и продовольствие (вот еще один пример возросшего гуманизма мира - раньше никто не поделился бы ни с кем куском хлеба!). Любое из этих племен могло бы, зная, что голод возникает из-за того, что скудные урожаи не покрывают потребностей в пище растущего населения, придти к мысли, что надо убивать семерых из десяти детей. Но такая мысль теперь никого больше не посещает. Добро проникло и в эти дебри.

Народ мбайа (Южная Америка) вообще убивал всех детей, кроме последнего! Кто-то очень мудрый придумал такой метод регулирования плотности народонаселения! Вы можете себе представить этот идиотизм? Откуда мать и отец знают, что это ребенок последний? Они и не знают. Растят, выкармливают, играют, а тут тебе - бац! Еще один ребенок! Значит, нового оставляем, а старого убиваем, хоть уже и привыкли. Этакий аборт наоборот. Без шокирующей паузы после этой информации вообще жить нельзя. Насколько эти люди были "людьми"? Насколько же, насколько сейчас такое невозможно нигде ни в одном из самых диких племен. Человек стал более похож на человека именно через понятия Добра.

Йаги (Ангола) убивали *полностью всех своих детей* не только для того, чтобы не кормить их, но и для того, чтобы они не были обузой в походах, так как этот народ слыл народом-воином, самым свирепым и самым бесстрашным, где даже женщины не уступали в своей опасности мужчинам. Как этот народ пополнялся? Да что за вопрос для народа-воина! Убивали в чужих племенах родителей 12-13 летних детей, и сразу же их под ружье, а погибших родителей - на обед! Это не гротеск - все так и было!

Наверное, самыми цивилизованными детоубийцами были уветы (Западная Африка), те высчитывали, сколько детей не навредит уветскому столу, а лишних травили. Делалось это периодически. То есть дети уже бегали вокруг и резвились друг с другом, но тут какой-нибудь уветский Мальтус выходил с таблицами из шалаша и говорил: "Тридцать шесть по подсчетам - лишние". Тут же: отраву в котел, детей подмышки и на последнюю трапезу. Даже волки так не делают. Но волки и не усовершенствовались с древних времен. А человек стал добрее. У нас тошноту вызывает одно только упоминание об этих обычаях, а ведь когда-то, наверное, у этих "математиков" был постоянно действующий комитет, который следил за равновесием между пищей и количеством ртов, и в нем, надо полагать, заседали не самые глупые люди племени. Детоубийство осталось в прошлом. Потому что Добро укрепилось в настоящем в той силе, в которой не было в прошлом. Впрочем, эту тяжелую тему детоубийства пора оставить.

Вот показательный пример - вопросы сепаратизма. Вспомним, как решались эти вопросы раньше? Не хочет кто-то жить в одном государстве с другими, бунтует, - вошли войска и всех вырезали. Кто спасся - тех ассимилировали. Кого не ассимилировали - выселили к черту на кулички, или запретили говорить на своем языке и носить родные фамилии. Вот и весь сепаратизм. Персидский царь Ксеркс, подавив восстание сепаратистов в Вавилоне, всех жителей города: а) забил кнутах до смерти, б) закопал живыми в землю, в) утопил в Евфрате. А жрецам бога Мардука разбил головы молотками, разрубил на куски и бросил шакалам. А теперь? Что стоило бы Канаде за три дня арестовать и расстрелять всех сепаратистов и навести порядок в Квебеке? Что стоило бы России за неделю стереть с лица земли всю Чечню? Что стоило бы туркам, иракцам и иранцам выжечь сообща Курдистан и, наконец-то, навсегда забыть про него? Что стоило бы сербам вырезать всех косоваров, пока тех еще было не так уж много? Что стоило бы англичанам убить всех ирландцев одной хорошей газовой атакой? Что стоило бы грузинам бомбить Южную Осетию три недели к ряду, а затем войти туда и убить оставшихся? Что стоило бы Израилю танками сравнять с землей всю Палестинскую Автономию? Все это ничего особого не стоило бы, кроме одного - нравственного осуждения мирового сообщества и собственного народа

внутри своего государства. То, что раньше было вполне приемлемым и даже обязательным через истребление или военное усмирение, сегодня по какому-то окрику сверху стало совершенно невозможно переступить, не осознавая, что совершаешь античеловеческое преступление. А ведь сепаратизм все тот же, что и был тысячу лет назад. А ведь гноится он на теле любого государства также досадно и так же болезненно, как и во все времена. А ведь удалить его одним разом всегда хочется так же, как хотелось и раньше. Но... понятия Добра уже не те. Военные меры принимаются только в крайних случаях, а в остальном все ограничивается бесполезными переговорами и политическими увязками.

В настоящее время иногда повторяются сожалительные сведения о том, что англичане в школах и в семьях продолжают бить детей. Никто, конечно, во внутренние дела Англии не вмешивается, потому что англичане имеют свой взгляд на воспитание детей, который рекомендует ребенка именно иногда побивать, недокармливать и недоодевать в ненастье, чтобы у того был настоящий характер. Но при этом объективно считается, что бить детей вообще нехорошо. В принципе. Согласны. Бить детей не просто не хорошо, это - самое мерзкое, что может делать человек с другим человеком. Это мы сейчас, опять же, понимаем. А еще пятьдесят лет назад битье детей было непрямым спутником воспитания, и считалось, что если отец не порет розгами или ремнем, то из оболтуса ничего хорошего не выйдет. Нынешние наши дети, которые уже не знают, что такое порка, вырастают не хуже, а даже лучше, чем мы или наши старшие братья, но битье детей прекратилось не в виду этого, а только потому, что кем-то было вдруг поставлено еще одно условие нравственности - не поднимай руку на ребенка, он беспомощен, верит тебе, и когда ты его бьешь, он испытывает не только боль и унижение, мир рушится в своих основах для него в эти минуты. Человечество не знало этой истины около пяти тысяч лет! Детей били в качестве мер воспитания не только дома любящие руки родителей, но и в школах! Преподавателям не просто давались такие права, преподаватели к этому обязывались! В школьные принадлежности учительского состава входили розги, плетки и линейки для битья! Они *производились промышленно* специально, как школьные пособия! Вся просвещенная Европа должна встать на колени, покаяться и попросить прощения за муки детства у этих детей! Насколько больше стало Добра в мире, когда оно осветило собой и этот участок нашего бытия!

А что произошло за это время с судами? В Древней Греции, в этом "детстве человечества", человек, оказавшийся в местах следствия, еще до прихода следователя, и до начала самого дела, уже подвергался пыткам и истязаниям *по закону*. И в древней Греции, и до нее, и после нее, пытки были абсолютно обычным явлением при проведении судебного дознательства. Но и не только для этого! Преступников вообще мучили ради их мучений, по самому смыслу их статуса! Профессия палача предусматривала не только исполнение казней, но и производство регулярных пыток над заключенными. Это была работа, не имеющая в своей подоплеке никаких нравственных проблем. Пытки и сейчас, по свидетельству тех, кто прошел через следствие, бытуют, но они уже не являются *законным придатком* следствия или тюремного содержания, а являют собой нарушение законности и прав личности, расцениваясь как варварство и дикость следователей.

Сами суды раньше также не церемонились в принятии решений. И по нашим понятиям нравственность мало участвовала в то время в выработке норм правосудия. В средние века, например, убийство по тяжести содеянного приравнивалось к ссоре, и наказывалось имущественной компенсацией! Так сказать, они повздорили, и он поссорился с ней, размолив ей голову топором. Плати штраф, - ссориться у нас нельзя! А фальшивомонетничество в том же уголовном праве предусматривало обязательную казнь. Цена фальшивого таллера - вот цена человеческой жизни по такому праву. А сейчас? Сейчас самыми тяжкими преступлениями считаются преступления против личности, а все экономические шалости, переступающие нормы закона, наказуются может быть и не менее строго, *но оцениваются нравственно* совершенно по-другому, и даже не считаются большинством людей вообще преступлением, если их поставить рядом с, например, тяжкими телесными повреждениями. Даже в порядке текущей ссоры. Добро раскрыло людям глаза на то, что есть ценность, а что есть лишь ее видимый эквивалент.

Но и сама система правосудия тогда более напоминала речной поток, попавши в который, любому оставалось просто отдаться на волю стихии, поскольку никаких прав обвиняемый не имел вообще, и никакие обстоятельства содеянного судом не рассматривались. Есть состав - получи соответственно. А сейчас и смягчающие обстоятельства тебе, и верткие адвокаты, и апелляция, и добрые присяжные. Если раньше попасть под суд означало понести наказание в любом случае, и вопрос стоял только о том, насколько несправедливым оно может быть, то теперь суд чаще является способом избежать законного наказания, чем ответить по существу содеянного.

Ни общество, ни законопослушные граждане не могут искать какой-то целесообразности в уважительном отношении к преступникам. Оно появилось также от повышения меры соответствия наказания Добру, даже если наказуемый с этим Добром и не в ладах. Наглядный пример - суд Линча, который мы знаем более по отрицательным примерам, но который более производился возмущенной толпой над действительными изуверами - насильниками, убийцами, совратителями, ворами и т.д. Аналогом этого суда в России можно назвать избиения конокрадов, которые никто в деревне не хотел пропустить без своего посильного участия. Непосредственное преступление, наказываемое на месте стихийным судом возбужденного общества, не считается более достойным и законным, поскольку имеет формы личного зверства каждого участника такого суда. Нравственность и в этом случае своим непонятным повышением требовательности к соблюдению личного Добра прекратила самосуд в форме действия, которое не может не осуждаться моралью. Еще сто лет назад этот ее устой не мог бы укрепиться в обществе. Добро возросло, хотя прямое преступление при возможности прямого наказания вполне могло подпитывать такие не процессуальные суды и в наше время.

Но даже и не прямое наказание на месте преступления, а судебно определенная кара по результатам следствия, в наше время совершенно изменило свой характер, смысл и облик. Если раньше любому осужденному светили колодки или цепь с ядром на ноге и с кандалами на руках просто так, для того, чтобы ему жизнь с копеечку показалась, то теперь в камерах ставят телевизоры, в холлах тюрем - спортивные залы, а по коридорам по вечерам ходит грустный библиотекарь (это, к сожалению, не про Россию, где содержание заключенных безобразно

скотское). Если раньше инки подвешивали провинившихся вниз головой на медленную смерть, сбрасывали их в пропасть, или, опять же, подвешивали над этими пропастями за волосы, а частенько и просто закрывали в пещере с ягуарами и змеями, то сейчас смертная казнь вообще отменяется все шире и шире даже в такой мягкой (относительно инков) форме, как выстрел в затылок. Европа также знала различные формы приведения в исполнение смертной казни - и четвертование, и одевание железного, раскаленного добела обруча на голову, и сжигание на медленном огне, и расплющивание головы в тисках, и усаживание на кол и многое другое, и именно эта Европа сегодня отменила смертную казнь вообще. Что, дешевле - кормить всю жизнь какого-либо маньяка, который изнасиловал и убил десяток мальчиков и девочек, чем просто вздернуть его в зале исполнения приговоров? Или еще какой-либо в этом пожизненном пансионе есть смысл, кроме нравственного? Никакого другого. Добро возросло и не позволяет делать что-то несоответствующее себе уже и там, где по всем понятиям следовало бы делать.

Даже в обращении с умалишенными произошел нравственный прогресс. Раньше сумасшедшего убивали, если он вел себя слишком опасно, сажали на цепь, если слишком шумно и вообще не замечали, если он не мешал и помирал обычной голодной смертью. Затем их стали сажать в тюрьмы. Вместе с преступниками. Причем их также подвергали обязательным телесным наказаниям, как и преступников! Не видели разницы! Затем их стали сажать в отдельные дома, где... по инерции тюрьмы также ежедневно подвергали их там избиениям и экзекуциям. Но не в качестве лечебной процедуры, а для порядка. Чтобы им не жилось лучше, чем тем, кто своими налогами их содержит в этих домах. И только буквально в последние два века их начали лечить и запретили избивать. Что там происходит - мы не знаем. Может быть, все еще избивают. Но не по больничному расписанию, а по каким-то другим, личным причинам санитаров. Это больше не только не разрешено, но и запрещено. Стало понятно, что это не по-доброму.

Пойдем дальше, к более тонким случаям.

В течение феодализма, например, также произошел, не изменяя внешней формы самого строя, сдвиг в сторону нравственности в вопросах прав феодала относительно своих вассальных крестьян. Прочно бытующее в его начале право первой брачной ночи на территории принадлежащей ему деревне, считавшееся само собой разумеющимся, и не вызывавшее поначалу никаких возражений отцов и женихов, со временем вдруг стало выглядеть как низкое распутство, и начало не только получать противодействие снизу, но и облеклось в недостойную форму даже среди мнения самих дворян. Кому, какой вред наносил барин, единолично лишая девственности всех женщин, входящих в круг его земель? Он не делал с ними ничего такого, что не сделал бы с ними кто-нибудь потом, и, может быть, даже делал это более профессионально в силу определенного специфического опыта. А ведь до этого проблема девственности ни разу нигде вообще не прозвучала за всю историю культуры в качестве дилеммы - входит или не входит она в компетенцию правомочного хозяина девственницы. Его права никогда не оспаривались. Но вдруг в средние века возникло понятие девственности, как чистоты, а не как неготовности к эксплуатации, и возникло стремление отдать эту чистоту своему возлюбленному, как дар, сохраненный для него. Какие экономические причины или генетические причины перевернули так сильно представление об этом? Откуда физиологическое понятие стало



понятием нравственным? Что превратило акт демонстрации собственности в акт насилия? Нравственность и здесь пришла из-за моря и установила свои незабываемые права через увеличение Добра.

Затем это приняло оборотную сторону, когда девственность приняла вид того самого фетиша, с которым нельзя было уже расстаться по законам любви, а можно было это сделать только по законам общества. Девственность ушла из-под нравственности непосредственно и вошла в плоскость человеческих догм. Теперь она не могла отдаваться по выбору девушки, и должна была сохраняться до того момента, когда за нее этот выбор сделают разрешительные для дефлорации акты венчания или законного брака. Девственность превратилось не в символ достояния непосредственно самой девушки, а в символ достояния законно избранного по устоям общества жениха, который мог даже и не вызывать у нее особой любви. Возродился некий персональный феодализм, поддерживаемый юстицией. То есть девственность стала принадлежать не столько самой женщине, сколько тому мужчине, который имел на нее даже более прав, чем она сама, поскольку не она сама могла распорядиться ею по своему усмотрению, а только он мог удостовериться в ней по праву, врученному ему законом или церковью. Вместо символа сокровенного избрания первого мужчины для познания любви, девственность превратилась в наказание и в нечто такое, решить проблему чего хотелось любым приличным для общества способом, а затем уже вступать на путь познания самой любви. Нравственность ее смысла была подменена внешним символом соблюдения регламента свадебного союза, и не одна женщина прокляла в свое время сам тот день, когда природа наделила ее таким отягчающим признаком, ожидая этой брачной ночи, где все может быть, а потом, иди - доказывай. В настоящее время девственность уже не является обязательным признаком первой брачной ночи, и через несомненно доброе изменение понятия о ее обязательности или не обязательности, никто не может отсутствие девственности осуждать, что, хотя и не предполагает бурного поощрения или активного подталкивания этого факта к жизни, но, все-таки, *никто более не может унижать, оскорблять или попрекать этим всю жизнь женщину*. Личное право на свое тело (что, несомненно, более нравственно, чем чье-то право на него, как бы это кому не претило) реализовалось здесь в свободе женщины и в ее неподсудности человеческим законам опять же через некий нравственный закон, который пришел и пересилил закон человеческий. А пересилить его было трудно, потому что за него держались многовековые устои, практически все мужчины и практически все те женщины, которые имели печальный опыт одного партнера в жизни. Как видим, нравственность опять приходит ниоткуда и все, что ей противоречит по своим человеческим помышлениям, все равно выстраивается в том виде, в каком она захочет.

Самое противоречивое явление в истории - войны, несмотря на свою фиктивную внешнюю ясность и некоторое изначальное несоответствие нравственности вообще, также претерпели во времени совершенно удивительные превращения под напором нравственного вмешательства. Уж, казалось бы, что может слушать и чему может вникать война, которая нацелена всеми своими средствами на решение крайнего вопроса - или тебя, или ты? Основная цель войны в тактико-операционном плане - уничтожение армии противника. Но это только сейчас! Раньше война подразумевала, что оккупант будет убивать, грабить, насиловать и

изгонять мирное население. А еще раньше и брать в рабство. Прошло очень много времени, прежде чем в сознании людей возникло понятие "мирного противника", против которого применение оружия, не обусловленное военной необходимостью, - неоправданная жестокость. Только в 20 веке появилось понятие "военное преступление", именно, как преступление против мирного населения. А до этого по праву победителя мирное и беспомощное население убивалось, если не успевало уйти в леса и болота. Иисус Навин, как с захлебывающейся гордостью пишется в Библии, убивал жителей покоренных городов всех, до единого. Если провести Нюрнбергский Процесс по преступлениям против человечества на итогах всей истории, то еврей Навин сидел бы рядом с антисемитом Гитлером и, возможно, у них был бы даже один адвокат на двоих - суть защиты была бы одной и той же по аналогии самой сути преступлений обоих. Но Гитлер осужден *людьми его времени*, а Иисус Навин *людьми его времени* сделан героем. Вот как изменились понятия нравственности!

Позже греки в своих междоусобицах уничтожали население городов полностью - мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. Ассирия покрывала стены завоеванных ею городов кожами из жителей. Обычай такой был. А зачем еще жители городов, как не для этого, в самом-то деле? Карфагенские воины Ганнибала Гизгена, взяв очередной город, украшали себя отрубленными частями тел их жителей. Развешивали по себе, как регалии. Руки, ноги, головы, кто во что горазд. Такие действия входили в состав понятия воинской доблести! Полководец, который не учинил резни на захваченных землях, был недостаточно доблестным, а солдаты, которые этой резней не упивались - плохие солдаты. Не странно ли, но по действительным фактам истории все население тех времен стояло из одних Чикатило! Но этот-то хоть знал, что поступает преступно, и его пример ужасает всех остальных, живущих сейчас. А те ведь считали, что поступают по самым высоким принципам действующих понятий о хорошем и плохом, и, наоборот, являли собой пример для детей! Так разве не усилилось Добро за это время в мире?

Все агрессивные войны по своему существу во все времена были грабительскими и преследовали одну простую цель - разорить соседа и забрать его имущество себе. Этих целей никто не скрывал, и этими целями вдохновлялись полки и когорты, а достижение этих целей создавало тем больше славы командиру, чем больше было награблено. В отчетах о победах подробно фиксировалось, сколько мешков, кораблей, пудов, сиклей, мер, телег, голов, штук и прочего наворовано силой в промыслово-завоевательном походе. Чем больше ограбил, тем более величественна была по смыслу победа. А что теперь? Теперь каждая агрессивная война, имеющая те же экономические цели попользоваться чужим, рядится в тогу необходимости. То политической, то национальной, то еще какой-нибудь, но никто уже прямо не заявляет - хочу силой оружия награбиться от пуза! Потому что за это славы уже не видать. Возникло понятие несправедливой войны, и каждый стремится эту несправедливую войну подать как нечто совсем не то, чем она на самом деле является. Природа войны осталась той же, природа человека, опирающегося в действиях на методы войны, так же все та же, а природа нравственной оценки всего этого - другая! Наверное, не изнутри самой войны она, все-таки, возникла, эта нравственная установка, что нападать и забирать чужое даже через личное геройство легионов - зло.

А что произошло с имиджем воителей? Раньше быть агрессором считалось высшей добродетелью. Везде у всех народов самым почетным добавлением к имени своего предводителя была пометка "-Завоеватель". Этим гордились все поколения данной династии, и за это народ любил своих героев. Быть человеком, помышляющим день и ночь только о том, как бы напасть из-за угла на соседа, убить его, отнять имущество, забрать его женщин и детей, - это было просто-таки делом чести! Именно такой образ главаря-правителя вызывал восхищение и любовь своих, а также зависть чужих. А теперь? Теперь каждый в любой войне с обеих сторон старается доказать, что это на него напали, а он только защищается. Потому что если продемонстрировать свою агрессивность, то это будет порицаемо и закончится международной обструкцией. И войны, и агрессоры, их затевающие, вынуждены действовать "на тихаря" и осторожно - нравственный смысл агрессии полностью перевернулся, став из похвального преступным.

Глядя фильмы про викингов, понимаешь, что эти мужчины могут вызывать симпатию только в условиях тех понятий нравственности, которые господствовали в их время, что мы и предполагаем, когда восхищаемся их военным умением. Но если сейчас объявится еще где-либо клан умелых воинов, которые решат, что пахать землю, разводить скот и производить продукцию на заводах - не мужское дело, а мужское дело - грабить всех подряд своей теплой компанией и на это жить, то их правомерно сочтут просто ублюдками, на которых надо натравить спецназ и вертолеты. Времена изменились. Теперь грабеж уже не может быть формой деятельности, приравняемой к земледелию или ремесленничеству. Грабеж теперь не форма законного пропитания, а просто грабеж. Понятие осталось, а содержание его полностью изменилось в противоположную сторону. Опять, просим заметить, в сторону Добра.

Война - огромная мясорубка, где людей бросают в ее жерло и насколько лучше, чем чужая, крутит своя мясорубка, настолько вернее победа. С этой целью во все века все штабы были озабочены созданием все нового и нового по своим возможностям оружия. Оружие решает исход войны почти так же, как тот народ, который это оружие в руках держит. Народ один и тот же, испытанный и верный. Какой есть, - такой есть. Другого для войны не будет. А вот оружие можно совершенствовать, и тем самым увеличивать свои шансы. Прямой интерес и прямая зависимость - чем лучше поражает врага твое оружие, тем больше ты в нем заинтересован. Так все и было до тех пор, пока откуда-то, совершенно нелогично для логики войны, возникло понятие "запрещенного оружия". Уж как хорошо поражают врага разрывные пули и газы, а - запрещены! Почему? Чтобы понизить свои шансы? Нет, чтобы не противостоять неожиданно вставшему над законом войны закону Добра, который говорит, что войны войнами, а людьми оставаться в них все же надо. Когда царское правительство России отказалось от производства шимозы (специальной системы осколков, способных проникать в комендорские башни и уродовать там орудийные расчеты наподобие тысячелезвийной бритвой), то уже тогда возник совершенно новый для военных мотив отказа - не по-божески так воевать: не удалью, а подлостью. И когда в Цусимском сражении японцы косили наши команды той самой шимозой, которую Россия не захотела производить, то это могло стать уроком для всех - воюйте с любой жестокостью, война все спишет. Этот пример, однако, не произвел собой никакого последнего вывода о соразмерности средств поражения понятиям морали, и через тридцать лет люди,

вспомнив, что они люди, стали договариваться воевать без применения средств, которые можно отнести к категории "не по-божески" действующих. Как это не кощунственно прозвучит, но войны и те стали ближе к Добру.

Еще в 19 веке действовало международное, так называемое, "право войны". Захватил земли - они твои. Хватило силы отнять территорию - будет твоя до тех пор, пока кто-то другой не оттяпает её назад все по тому же праву войны. Удобно было. Набрался силенок, двинул на соседа, оттеснил его, переименовал улицы и города на свой лад, насадил свою администрацию - и теперь моя земля. В международном праве такие акты засчитывались, и перемена суверенитета земель всегда признавалась. Страдали от этого, конечно же, малые народы, которые не смогли создать своего государства и пытались остаться вне зоны споров больших народов. При этом, например, когда побеждали турки, то кавказские народы переходили в подданство Турции, а когда побеждали русские, то эти народы становились подданными России. Ни Турция, ни Россия даже и не задумывались о том, насколько насущно горцам вообще быть чьими-либо подданными. Когда турки пришли на эту землю, они считали ногайцев и кавказцев своим турецким населением, а когда Россия вытеснила Турцию на другой берег Черного Моря, то стала это же население считать российским. Сами кавказцы во все горло кричали и тем и другим, что не хотят ни того, ни другого гражданства, а хотят жить вообще без всякого государства, как чужого, так и своего, но по праву войны их никто не слушал.

Попробуйте сейчас не услышать какой-нибудь народ! Целая Югославия распалась на какие-то непонятные государства только потому, что каждый народ этого бывшего союза вдруг заголосил на все мировое сообщество - не хотим быть югославскими гражданами, а хотим быть словенцами, хорватами, македонцами, босняками, черногорцами, косоварами, герцеговьянами и т.д. И вся Европа поддержала! Право наций на самоопределение! Неизвестно, чего более от этого права ждет Европу - беды или просто потно-кровавой неразберихи, но залог этой содеянной в мировом праве ошибки, все-таки, нравственный. Вдруг, опять же стало как-то не совсем прилично говорить малым народам - послушайте, при чем тут вы, когда такие дела вокруг творятся, и не дай Бог новую войну допустить при ядерном-то оружии в заглавнике! Нельзя им теперь такое говорить! Хоть и самоубийственно для мира, а нравственность диктует - уважай! Он хоть и малый, но такой же, как и ты. И совершенно невероятно, например, чтобы лет сто назад, какое-либо государство доплачивало в месяц по 5000 долларов каждому представителю исчезающей национальности только за то, чтобы тот не забывал своего родного языка, жил по укладу предков или сохранял их устную и рукодельную культуру, как это происходит с саамами в Норвегии. Что у норвежцев деньги лишние? Или у Норвегии сразу же возникнут неприятности, когда последний саам ассимилирует в норвежца? Или гены кричат каждому норвежцу - "Без саамов домой не возвращайся!"? Нет - Добро проникло в национальный вопрос и поставило задачу сохранения каждого народа в его первоизданном виде. А раньше таким же добром считалось, например, отуречить черкесов, эмигрировавших в Турцию по договору с Россией, онемечить лужичан, завоеванных Пруссией, обираниить армян-беженцев, окитаить непальцев, обританить индийцев, обангличанить ирландцев, онорвежить исландцев, и, совсем еще недавно, оболгарить турков. Непосредственной целью войны, вслед за экономической, раньше была

именно ассимиляционная для тех народов, которые вместе с завоеванными землями попадут под власть завоевателя. А теперь и "права войны" нет (если территорию завоюешь, то тебя заставят ее вернуть, как, например, это было у Ирака с Кувейтом) и насильственную ассимиляцию в виде запрещения национальных фамилий, языка и культуры, также никто уже не позволит совместными усилиями мирового сообщества. Так что, цели нравственности делают цели войны все более расплывчатыми. Нравственность постепенно изменяет даже войну.

Война - тема беспредельная, и надо от нее уходить. Например, в защиту животных, которая сегодня также все больше и больше получает побед в судах. Это откуда? Чем дальше время цивилизации, тем дальше человек от животного! Это раньше от здоровья коровы могла зависеть жизнь целой крестьянской семьи, а от наличия лошади - все ли выживут этой зимой на запасах посеянного хлеба? А сейчас-то - что до животных? Они где-то, а мы где-то. Однако только сейчас появилась эта мысль - к животным надо относиться с таким же неукоснительным добром, как и к людям. Опять Добра в мире стало больше.

Проникая в историю просто навскид, абсолютно без плана, мы постоянно встречаемся с примерами, которые просто поражают нас той дистанцией пути, которую прошла нравственность в своем содержании. Например, законы Ликурга в Спарте, которые по его же настоянию не записывались на бумаге, ибо предполагалось, что законы могут действовать только тогда, когда они вписаны в сердце граждан, так вот эти законы просуществовали неизменными двести лет! А как только спартанцы начали эти законы модернизировать, Спарта пала. Но дело не в этой мистике, а в том, что целых двести лет по этим совершенно справедливым законам, которые были вписаны в сердце каждого, и даже не имели дубликата на бумаге, больные дети сбрасывались со скалы при рождении, а юноша-спартанец, чтобы доказать, что он уже самостоятельный мужчина, должен был убить илота, то есть грека-неспартанца, одним лишь ножом. Двести лет не было никакого понятия в этих сердцах, что убивать живых детей и живых пастухов - мерзость. Представить себе, что такой закон может быть вписан в сердца какого-либо народа сегодня - невозможно. А если это и произойдет, то этому народу двести лет не протянуть - он будет осужден и, либо вернется к человечности, либо будет рассеян, чтобы не распространять заразу. Возросшие принципы Добра делают такую "справедливость" сегодня невозможной.

Еще в 19 веке рабочие и ремесленники жили на 20-30 лет меньше, чем чиновники, капиталисты, духовенство и оптовые торговцы. Это официальная европейская статистика. На 20-30 лет! Почти на целую жизнь меньше! Все было так ужасно, потому что не существовало никаких норм трудозатрат и рабочего времени, из-за чего рабочие работали по 16 часов в сутки при одном выходном дне в неделю. При таком режиме жизни они редко переживали сорокалетний рубеж. И так бы все и продолжалось, если бы сверху, через возмущенное общественное мнение не пришли реформы, которые потребовали снижения трудозатрат и ввели понятие о досуге, как о необходимом для человека времени для личной жизни помимо все забирающего труда на пропитание. Бессильные что-либо противопоставить силам государства, рабочие сами никогда не подняли бы головы, ибо даже физические силы их были подорваны из поколения в поколение на непосильном труде, а дух был задавлен монотонностью тягловой

жизни и тяжелым пьянством. Нравственный порыв общества, которое больше не могло мириться с этим индустриальным рабством, их освободил и спас. Причем дело было непростым - промышленники сопротивлялись, ибо введение 8-часового рабочего дня вместо 16-часового грозило им потерями прибыли. Но они на это пошли - не могли бы больше в глаза смотреть другим членам общества в противном случае. Каково? Однако не деньги только уже все решали! Вот был кровосос кровососом, а теперь признает, что человек должен иметь досуг, отдых и обеспеченную старость! Что за перемены? И разве они были для него экономически выгодны? Или гены поднапряглись? Да нет - принципы Добра усилились и сделали далее невозможным то, что ранее было единственно применяемым. А ведь не только промышленники ворчали! Экономисты просчитывали *риск регресса* от этих реформ - не покатится ли вообще вся цивилизация к чертовой матери безостановочно назад при таком резком сокращении рабочего времени? Подсчитали - не покатится. Отдохнувший и полный творческого задора, основанного на чувстве своего человеческого достоинства, рабочий, как предполагалось (что и подтвердилось) сделает больше за восемь часов, чем изможденный до скотского состояния доходяга делает за шестнадцать. А ведь могли и плюнуть на рабочих! Не родственники же! Но не плюнули - времена стали не те. Добро уже стало требовательнее.

И, наверное, все теми же категориями Добра можно больше объяснить такую вещь, как пособие по безработице, нежели социальными уловками властей. Власть - есть власть, ей плевать на социальную неустроенность. Крутись сам, как хочешь. Нам, россиянам, - это знакомо. Это же было знакомо даже США еще в 30-е годы XX века. Сейчас в западном мире человека не бросают на произвол, даже если он сам не хочет работать и согласен с квотой пособия. Зачем тратят деньги? Ведь пример России у них перед глазами - перестань платить пособие по безработице, сделай их в социальном плане "россиянами", и народ никуда не денется, а кинется торговать сигаретами, перебиваться случайными заработками, шабашить, возделывать огороды, челночить, работать реализаторами на рынках, ремонтировать телевизоры, устанавливать антенны, носить обеды в предприятия, печь пирожки для торгующих на рынках, подваривать глушители, делать водку на дому, воровать в садах и огородах, рыбачить сетями в заповедных местах, собирать бутылки и т.д. и т.д. и т.д. Тебе, как власти, оказывается, ничего не надо - властвуй себе от выборов до выборов, да обещай в промежутках. Почему они не берут с России примера? А у них "западные ценности" есть - человека нельзя делать полунищим, даже если сам в парламенте или в министерстве. Нам трудно это понять - но они там добрее и они это понимают.

Даже в религиях совершались нравственные движения в сторону Добра, что предполагает, естественно, какую-то их позицию, недостаточно к нему поначалу близкую. Вообще-то религии трогать опасно, так как предполагается, что само истинное *намерение* любой религии должно уводить ее из-под критики по поводу *методов* осуществления данного высокого намерения. Но Церковь, похоже, сейчас не стоит в позиции страуса, опустившего голову в песок, и все больше готова говорить с обществом на равных, хотя по своему смыслу Церковь, конечно же, стоит выше общества. Но, прежде чем осознаться обществом, как нечто избирательно более высшее ему, Церковь должна встать как минимум сбоку от общества в вопросах политического и

светского участия в истории. Встав, вроде бы в сторону от этого, Церковь тем самым встанет автоматически и выше, поскольку стоять рядом с историей нельзя - затащит. Можно стоять только над ней, олицетворяя собой единственно реальную земную историю Пребывания Духа Божия в людях. Поэтому, трогая религию, мы трогаем не саму Церковь, а губительность ее связи с текучкой политического или идеологического дня. Но и это не предмет нашего разговора, смысл которого состоит единственно в том, что путь Истины, который указывался Церковью, в своих методах тоже во все времена всегда определялся конкретно-историческими нравственными понятиями Ее руководителей.

Напоминания о крестовых походах и инквизиции стали настолько банальными, что не выглядят убедительными уже в силу своей затертости. Однако данная затертость все же не должна закрывать нам глаза на то, что инквизиция, например, подается в историческом аспекте неправомерно тенденциозно. Выглядит это так, что духовенство сжигало, топило и карало ни в чем не повинных людей. На самом же деле все было не совсем так. Большинство ересей, с которыми пришлось бороться Церкви, на самом деле представляли собой прикрываемые Именем Божиим сборища безумцев, маньяков и откровенных распутников. Помимо теоретической стороны дела, которая отстояла истинное и неизвращенное понятие Христа, была и другая сторона дела, которая своими фактами просто повергает в холодный ужас от того, что происходило на собраниях этих сект. Но если в то время решением проблемы был костер, позже - заточение в монастырь или тюрьму, то теперь в аналогичных случаях Церковь ограничивается отлучением или осуждением. Единая цель, не изменившаяся от средневековья и до наших дней, не заставила сохранить единство методов, потому что вместе с возрастанием нравственности в обществе возросла и нравственность самих Отцов Церкви, что не могло быть иначе, поскольку эти Отцы - также дети времени и также соразмеряются новыми правилами нравственности в своих решениях, попутно общему возрастанию Добра.

Кстати не только христианские Церкви страдали необузданным желанием жестокости в отношении неверных. Европейская культура в настоящее время лидирует в мире, и все, что относится к ней и к ее истории являет собой предмет заинтересованного изучения. Ислам в этом отношении менее популярен, как узкий представитель Востока, поэтому факты исламской инквизиции менее интерпретированы историками. Но и мусульманство пережило период, когда его методы были совершенно далеки от понятий современного Добра. Например, сегодня уже невозможен в полном аналоге факт того, что азербайджанского поэта Несими по решению ортодоксального духовенства за ересь подвергли страшной казни - с него содрали живьем кожу. Сейчас ислам сам отказался бы от такого наказания любому отступнику - люди, его возглавляющие, также получили в себя новую порцию программы нравственности, как и люди, возглавляющие католицизм.

Но не только монотеистические религии (имеющие знание о Едином Боге) совершали нравственные ошибки. Языческие религии (многобожеские) в своих самых простых ритуалах были иногда совершенно бесчеловечны, а зачастую так же просто распутны или аморальны. Достаточно напомнить о жертвоприношениях людей. Греки и римляне для того, чтобы земля

была плодородной, и наливались колосья злаков, приносили в жертву богине злаков и земли ... беременных женщин. Греки и римляне! Как это все у них уживалось?

Жертвоприношения древних мексиканцев имели форму сжигания кровоточащего сердца живого еще человека и совершались практически ежедневно, для чего планово велись завоевательные войны, чтобы обеспечить приток жертв в виде пленных. Даже головорезов Кортеса поразили своими размерами хранилища костей принесенных в жертву - в одном из них было более сотни тысяч скелетов! На Маркизских островах некоторых людей при жизни объявляли богами, селили в уединенные места и приносили им жертвы людьми. Людям - людьми же! В Пенджабе вообще ежегодно какому-то кедру приносили в жертву девочку по очередности каждой семьи, пока английские власти кедр не срубили. О людских жертвах Молоху известно даже простому школьнику. Почему сейчас жертвы людьми не приносятся? Умнее стали, поняв, что богов нет? Давно ли? Последнее уголовное дело о жертвоприношении произошло в 1871 году в ... Англии! Лорд Лей подозревался в том, что замуровал человека в основание моста в Стоунлее (Йоркшир) на основании того обычая, что у всех народов, строящих мосты, существовал один и тот же прием задабривания богов - замуровать в основание моста человека, чаще всего женщину. И в данном случае никого не волновало, что по предположению следствия лорд Лей использовал для ритуала никому не нужного пропащего бродягу - то, что раньше было обычным для всех народов, сегодня уже преступление. Что, просвещенный сэр не знал, что богов нет? Ну и что, что нет? Делу такая перестраховка не мешает. И дело не в просвещенности или дикости, а в том, что жертвоприношение сегодня по новым понятиям всех народов - убийство, даже если боги и есть. Даже кошки, которых сжигают по ночам сатанисты, сегодня вызывают жалость и возмущение, хотя этот ритуал уже не требует осмысления с точки зрения целесообразности жертв вообще. Дело не в целесообразности, а в том, что кошку жалко. Жалко потомкам тех, кто не жалел беременных женщин ради успеха будущего урожая. Добро усилилось.

Вообще в истории с жертвоприношениями людьми творилось такое, что на основе только того, что они прекратились, можно убедительно говорить о том, что история изменилась в сторону Добра кардинально. По всей земле во время посевов убивались люди! Народ гуайакиль (Эквадор) разбрасывал по посевам кровь и сердца людей. Чтобы лучше росло. Можно представить себе этот процесс - старательный крестьянин несет корзину с изрезанным на куски человеческим телом, и окровавленными руками разбрасывает все это вокруг себя, щурясь добрыми лучистыми глазами. В тех же местах каньяры во время сбора урожая убивали сто детей в качестве благодарности богам за пищу, и у них кусок лез после этого в горло! В Мексике *на празднике* (!) жатвы убивали человека, расположив его между двумя огромными качающимися камнями. Праздник, ведь! Как без этого? А когда камни домолотят жертву - танцы! Смерь - сигнал к веселью. Раньше нельзя, еще не совсем праздник! В той же Мексике продуманно убивали людей по возрасту выращиваемого маиса: посеяли - убиваем новорожденных, пробилась первые ростки - детей старшего возраста, и так далее до полного созревания, когда приходила очередь стариков. Сплошной праздник.

Североамериканские индейцы пауни перед посевом убивали мужчину и женщину. Сначала поджаривали на медленном огне. А потом расстреливали из лука или проламывали



голову томагавком. После этого верховный жрец съедает сердца жертв. А остальное разрывалось на куски и разбрасывалось по полям. В Западной Африке также перед посевом убивали человеческую пару. В Гвинее сажали на кол молодую девушку в день весеннего равноденствия. Тоже в целях урожая. Это к вопросу о связи уровня знаний с нравственной дикостью: равноденствие могли вычислить, ума хватало, а знаний о том, что девушку на кол - это изуверство, знаний не было. Знание и сверхзнание - не одно и то же. Источник один, а содержание разное. Одно можно иметь при том, что совсем не имеешь другого.

Причем уровень знания нисколько не влияет на уровень даже имеющегося сверхзнания добра. Сейчас мы приведем примеры племен, которые остались на том же уровне знаний и на той же ступени цивилизации, но которые уже больше не убивают людей для своих богов, в которых по-прежнему свято верят. Маримы в Африке убивали мужчину или женщину перед посевом. Багобо на Филиппинах перед посевом риса убивали мужчину и женщину. Там же бантоки охотились за головами по всей округе после посева риса, потому что, чем больше закопаешь на своем участке отрезанных голов, тем больше будет риса. А как не постараться ради риса? Лхотнага на Брахмапутре распахивали поле, а перед посевом отлавливали случайных прохожих, рассекали их на части и зарывали в пахоту - пусть полежат, урожаи обильнее будет. Гонды (Индия) убивали мальчиков других племен вне своих полей, но так же для урожая. Ораоны (Чота-Нагпура) убивали беспризорных детей, перерезая им горло: зачем беспризорник нужен? А так хоть урожаю польза. Конды (Бенгалия) для этого же убивали молоденьких девушек. Кто сколько сможет. Причем убийства происходили очень эстетично с их точки зрения - девушку или защемляли между двумя половинами рассеченного надвое дерева, а затем отрезали от них от живых по кусочку и раскидывали по полям, или просто тащили по полям, отрезая на ходу по необходимому куску живого тела. Онитши (Нигер) убивали двух людей в год как грешников за всех остальных. В качестве козлов отпущения убивались народом йоруба (Западная Африка) также по одному человеку, как только, по их мнению, грехи племени накопились. Причем, опять по схеме народного праздника - сначала отрубает голову, а потом веселятся! *Теперь* греха на них нет!!! Эти народы остались при тех же верованиях и не сильно сблизилась с цивилизацией, но теперь они все это же проделывают с козами, буйволами, овцами или другими животными, - и ничего. Знание то же, а сверхзнание Добра другое.

И чтобы закончить эту тему, зададим вопрос - Древние Греки и Римляне были цивилизованными? Спору нет - были. Перестали они к тому времени убивать людей в качестве религиозного ритуала на базе своей цивилизованности? Нет, не перестали. Афиняне, например, держали в городской тюрьме двух-трех изгоев, чтобы на *празднике* Таргелий забить камнями мужчину (во искупление грехов афинян) и женщину (во искупление грехов афинянок). Вот так цивилизованные греки через ужасную процедуру медленного умерщвления людей камнями открывали городской праздник. Помимо этого праздника процедура повторялась и в других случаях, вовсе не праздничных, когда следовало бы задобрить богов. Случилась эпидемия, ураган, непогода или еще какая-нибудь неприятность - а у нас есть для этого средство: идем в тюрьму, берем жертву и забиваем ее камнями. Смотрите, боги, - мы о вас помним, вспомните и

вы о нас. В других районах Греции раз в год в море бросали юношу. Пусть боги порадуются. Может и нам от их радости какая милость ниспадет.

Всем известны римские Сатурналии - порнокарнавалы с участием всего населения, где можно было все, что хочешь, с кем хочешь, как хочешь, когда хочешь и сколько можешь, а рабы становились равными своим владельцам. У этого праздника тоже интересная процедура открытия. Согласно ей, сначала избирается самый красивый юноша, назначается царем Сатурном, и в течение 30 дней после вступления в должность пользуется всеми удовольствиями, которые только могли быть доступны в те времена молодому юноше по его же собственному выбору. После этого для "царя Сатурна" приходило время подумать о своих подданных: в первый день праздника "царю" перерезали горло на алтаре и - все на карнавал! Теперь - можно! Цивилизованность не мешала. Наоборот вносила свой изысканный оттенок - царя любовно избирали всем народом, а не назначали грубым тычком указательного пальца дикого вождя. Добро только вступало в свои права на земле, когда на этой же земле были уже винт Архимеда, сложные исчисления, совершенная астрономия, понятие о Земле как о шаре, система юриспруденции, государственное право и принципы демократического устройства общества. Одно не определяет собой другого, как видим. Вспомним, что календарь майя был намного точнее календаря человечества 19 века, и только современные сверхточные устройства смогли обставить майя в вычислении звездных движений. Тех самых майя, которые ежедневно ножами из обсидиана вырезали человеку сердце и бьющемся кидали его на жертвенник.

Даже в семье, в этом островке любви, происходило нарастание понятий Добра. Достаточно вспомнить, как менялось с веками положение женщины в доме. От откровенной рабыни до равноправного члена. В Древней Греции у мужа официально могла быть любовница. Сейчас она также может быть. Но не официально. Суть этой связи остается той же, а нравственное содержание - другое. Сейчас это делается тайком, - люди осудят, да и сам человек понимает, что привести любовницу в дом и представить ее жене - издевательство над нею (над любовью из двух). В Риме муж вообще мог убить жену или детей по закону - это входило в его права в качестве права на жизнь любого члена своей семьи. В современной семье у женатого мужчины воспользоваться таким правом могло бы возникнуть не меньше поводов, чем в Древнем Риме, но такое право уже отсутствует - мораль запрещает. Так же куда-то кануло обязательное и даже приветствуемое некогда женами их битье мужьями. Больше это не является внутренним делом семьи, теперь это осуждаемое нравственностью насилие.

Не только составляющие престижа царей и вождей изменились, но и составляющие престижа того же мужа и хозяина дома приобрели более мягкий и добрый оттенок. Раньше глава рода должен был быть хищным, жестоким, мстительным, кровожадным и тираничным. Это было добродетелью. Гомер описывает, как чувствительный и тонкослезый Одиссей, вернувшись на Итаку, всех слуг повесил, четвертовал или отдал на съедение собакам. За то, что они якшались с наводнившими его дом женихами. Представим себе эту картину! Ее ни одна цензура полностью не пропустила бы в самый опущенный современный триллер! А Гомер и общество, в котором он жил, считали это высшей добродетелью. Хозяин в доме! По этому понятию хозяин должен был поступить именно вот так по-хозяйски, и в этом была обязательная нравственная доблесть того

времени - маниакальная жестокость к предателям рода. Сейчас бы Одиссея засудили в окружном суде, предварительно проведя психиатрическую экспертизу на вменяемость.

Тема для сравнений в истории на предмет нравственности - неисчерпаема. Копни, где вздумается, и везде увидишь, как то, что раньше было общепризнанным добром, сегодня - зло. Никаких преимуществ такое возрастание Добра, как мы убедились, для решения повседневных задач истории не дает. Из смысла исторических коллизий наоборот выходит, что чем ниже по уровню нравственной оценки действие, тем более оно удобно и успешно, как для руководителей государств, так и для каждого человека в отдельности. Откуда же тогда наполняется Добро и пронизывает собой всю историю? Откуда же оно приходит в мир, это Добро, если ни физических, ни исторических причин для его возрастания нет? Только от Бога. Таким же нераспознаваемым нами образом, каким наполняется в науке знание, таким же образом наполняется в душе своим возрастанием отметка необходимого в Добре.

И как в науке сам ученый поначалу не знает - зачем он привнес в мир новое знание, так и в морали идея воспринимается, но реализуется еще не понятой - по обязаловке, через полученное приказное знание о новой норме соответствия Добру. Чтобы осуществить новое знание, пришедшее директивно извне, надо еще до него внутренне дорасти, иначе: свобода, равенство и братство французской революции - через кровь террора и гильотину; всеобщая любовь, сострадание и терпимость христианства - через инквизиторские костры; защита истинной веры у испанцев - через убийства протестантов; идея имущественного равенства марксизма - через трудовые армии (концлагеря), массовые расстрелы, грабеж и уголовно-государственный беспредел; западные ценности - через бомбардировки; борьба с коммунизмом - через напалм и отравляющие газы во Вьетнаме; возврат к старым ценностям у ваххабитов - через похищения людей, взрывы домов, вокзалов и рынков, паранджи, телесные наказания и вандализм; идея уничтожения варварства язычества - через уничтожение всей культуры инков и т.д.

О том, что нравственность не может порождаться силами истории, говорит и то обстоятельство, что она преодолевает и унифицирует между собой любые этнические границы и государственные заборы. Нет этики китайской, нет этики африканской, нет этики гондурасской или индийской. Каждое из этих государств, и каждый народ в их пределах имеют свою историю в истории и у каждого своя неповторимая особенность во всем, что ему присуще, кроме ... понятия Добра. Оно *общечеловечно!* При столь разных источниках не могло бы возникать что-то одинаковое для всех. Должен быть *единый источник для такого единого явления.* И этот источник - Бог, ибо только Он один над всеми.

Государства, имеющие каждое свои особые понятия обо всем, почему-то сходятся, не пререкаясь, только в одном - одни и те же законы этических понятий действуют абсолютно на любой территории, невзирая на границы. Несколько странно всегда наблюдать, как у каждой страны, где живут такие же люди, что и в других странах, и где решаются совершенно те же проблемы, что и вокруг, несмотря на это существует всегда свой, не похожий ни на какой другой, свод законодательства, система министерств, административная иерархия, военная структура, территориальное деление и т.д. Никто не указ никакому государству в вопросах, как

ему что-нибудь внутри себя обустроить. И двух одинаковых принципов обустройства не найдешь. А этический закон приходит в мир и, стоя над всем, своей неизреченной обязательностью к применению, заставляет склоняться перед ним любые государственные законы и *выравнивает всех абсолютно одинаково относительно одного Закона*. Что еще, кроме Бога, может так уверенно привходить в мир и подчинять себе *всех в одинаковом образе и подобии*?

Мы, может быть, и знаем науку этику, но мы не знаем истории этики, как коллективного творчества различных народов, где, синтезируясь, взаимопроникая друг в друга, перенимая лучшее, и, оставляя для пользы наиболее приемлемое, планомерно создавались бы общепринятые для человечества устои. Везде в другом есть и обмен опытом, и научение лучшему, и перенимание эффективного, и соединение с заимствованным новым и трансформация старого под влиянием этого заимствования. Нет этого только в этике. Этика приходит одна для всех, никем не перенимается у другого народа или у другого государства, и никем не видоизменяется применительно к своим национальным понятиям или географическим условиям. История не знает ни имен изобретателей добродетелей, ни дат договоров о применении тех или иных неперенных моральных понятий между людьми, ни указов мудрых правителей о том или ином изменении данного нравственного понятия в ту или иную сторону. Этическое поле вбирает в себя все народы одним спокойно уверенным общим действием и четко ориентирует внутри себя все плюсы или минусы объектов, попавших в ее объятия, в нужных направлениях. Этика принимается всеми, как *данный от рождения единый для всех Закон, стоящий над личным и над национальным*. Такое тоже возможно только Богу, ибо только относительно Этого Источника мы можем выглядеть абсолютно одинаковыми, и только Этот Источник мог создавать нечто такое, что имело бы *наднациональную природу*.

А ведь народы сами по себе и даже по более простым вещам договориться не могут, не то, что по вопросам морали. Джонатан Свифт внешне невинно на примере своих маленьких человечков метко показал способность двух стран передрасться между собой из-за принципиально разного понимания даже методов выедания яйца - иметь началом тупой конец или острый. На самом деле причины возникновения войн или просто бряцающей оружием вражды могут быть и более смешными. Например, грузины, с абхазами никак не поделят приоритета первенства заселения Колхиды. Мингрельцы заявляют, что они жили на побережье Черного моря раньше, а абхазы потом к ним с гор спустились. А абхазцы снисходительно пытаются им втолковать, что первые князья данной территории были абхазами и если некоторые носили фамилию Шервашидзе, то разве это не говорит о том, что даже все грузинские фамилии на сегодня - абхазские по корням, хотя звучат, как грузинские? Казалось бы, чего делить то, что было тысячу лет назад? Живите сейчас вместе! Но вот этот никому не нужный принцип заселения территории, который имеет ровно столько же значения, сколько и то, с какого конца следует начинать есть яйцо, с одной стороны привел к таким крайним формам демонстрации барской власти, что даже обычного участкового в столице Абхазии назначали из столицы Грузии (Абхазия входила на правах автономии в Грузию), а абхазам приходилось стоять против танков и внутренних войск еще при советской власти только за то, чтобы на пачках абхазских сигарет появилась надпись на абхазском языке. Грузинам явно хотелось иметь их на положении негров

где-нибудь в Алабаме. А с противоположной грузинам стороны демонстрация первенства заселения выразилась в непримиримой ненависти вообще ко всему грузинскому, к полному отсутствию каких-либо внутренних движений для сближения культур и в готовности умереть, в конце концов, но доказать, что на этой земле может быть только один полноправный хозяин - абхазский народ. В итоге восемьдесят тысяч абхазов после распада СССР с невероятным усилием в невероятно разрушительной войне изгнали из Колхиды боле двухсот тысяч грузин, и создался еще один политический тупик, в основе которого лежит недостойный даже упоминания среди народов принцип первенства заселения. Такой же тупик образовался из-за не нужных по сути до зарезу ни Японии, ни России, Курил, где все смешалось, но ясно только одно - с обеих сторон не ясно другому то, что первым был не он. Израиль пытается изгнать палестинцев с их земли на основании того, что когда-то она входила в зону древнееврейского царства, а палестинцы напоминают им о том, что само слово "Палестина" произошло от их древнего самоназвания "филистимляне". То есть мы жили здесь до любого древнееврейского царства, так что - подвиньтесь сами. Остается только уповать на то, что какой-нибудь природный катаклизм не разморозит где-нибудь сразу несколько десятков неандертальцев, которые могут догадаться предъявить свои права сразу на всю Землю. По первенству заселения. Единственное, что остается среди народов вне спора, и что позволяет им говорить, что везде есть хорошие люди, и везде есть плохие люди, так это - единообразное понимание того, что такое "хорошие" и что такое "плохие".

Откуда вообще во всем этом инстинктивность кровных уз родства сменилось патриотизмом, в котором личное благо и благо государства стали неразделимыми? Если выгода одного государства может смениться для человека выгодой другого государства, то разве в целесообразности исторической выгоды должны мы искать истоки любви к Отчизне? В таком случае мы должны все полюбить Соединенные Штаты или Швецию, где живется выгоднее, чем где-либо. Откуда вообще берется эта собирательная нравственность верности Родине? Понятно было бы, если бы она сменила собой любовь к родне, но она ее не только не сменяет, но и ничего оттуда не забирает. Человек так же любит свою родню, а через любовь к Родине любит и все остальные семьи своего государства, и у него появляется теплое понятие "наши" уже обо всем народе, а не только о своих сродственниках. Какая историческая необходимость могла породить собой такую жизненную нагрузку? Разве не проще было бы жить вообще без этого? Что человеку до необъятного и непонятного по деталям государства и до всех остальных "наших", которых он вообще не знает, а если и знает, то, только ругаясь в метро, или толкаясь на лестничной очереди в столовой летнего курорта? За что человек *любит* свое государство и его ущербы с внешней стороны переживает, как личные оскорбления? Ведь государство ему - не мать, не жена, не сестра и даже не друг детства. Он может *принимать* его полезность и по достоинству ценить его преимущества, но откуда *любовь*, как мера гражданской нравственности? Очень полезна и имеет многие преимущества, например, некоторая работа. Но одну и ту же работу могут одни любить, а другие не любить - никто не скажет, что подл или дурен тот человек, который не любит свою работу. А любовь к Стране опять действует в качестве обязательного элемента нравственности в человеке, без которого он презираем как предатель.

Прийти такая общая для всех программа может только от Бога, поскольку сам смысл такой любви никак не проистекает из ее *необходимости по историческим предпосылкам или историческим преимуществам для человека*, ведь, почему бы и не поменять страну, как работу? А потому.

Впрочем, гораздо проще эту мысль выразить на другом примере, более волнующем душу. Когда человек отказывается от земных радостей и, борясь со своей плотью, ставит перед собой идею безбрачия, то мы это называем аскетизмом. То есть отказом от удовольствия через борьбу с ним своими *добровольными* запретами в душе. Это (почему-то) приравнивается к нравственному подвигу и считается, что на такое идет только тот человек, душа которого попала под непосредственный взор самого Бога, потому что земные целесообразности не могут порождать желания аскезы. Только мистически-божественные повеления духу могут быть его источником. Пусть так. Скорее всего, это действительно так. Но разве брак - это не форма аскезы? Разве есть хоть какие-то выгоды для плоти в том, что по незыблемому закону морали в браке должна сохраняться верность? Если бы мораль не препятствовала непринужденному половому соединению любых людей, понравившихся друг другу, то разве от этого меньше в мире стало бы радости и счастливого огня для людей? *Откуда, если брать природу человека, могла из нее породиться такая установка на добровольный отказ от получения единственно настоящего удовольствия, возможность которого Бог нам показал, но не дал?* Какими такими усилиями своей души или генов человек мог решить для себя, что пусть будут не спеты сотни этих пленительных дуэтов, пусть будут не слиты сотни этих душ в одном взрывном порыве, пусть мелькнут и исчезнут навсегда в мимолетных встречах жизни люди, сока тела которых никогда не познать, пусть взметнутся и сразу же угаснут искры в глазах, говорящих друг другу "я тебя хочу", из-за того только, что сказать такое *не глазами* - нельзя? Неужели *сам человек* решил, что так для него будет лучше? Неужели в этом есть хоть какой-то смысл для истории, экономики, политики, размножения, выживания или для безопасности, который мог бы пересилить собой это подавляемое всеми, но не оставляющее никогда влечение к новому партнеру? И разве не противодействует это тому, что заставляют делать гены? Что породило эту добровольную повсеместную жертву, которую бездонно пожирает время и старость? Кому бы это мешало, если бы это было столь же нравственным, как подать руку или сделать комплимент? Откуда этот закон, переступая который в открытую, люди в итоге саморазрушаются? Такой закон человеку мог установить только Он, ибо только Его закон может довлеть над нашей природой, и только Ему ведомо - в чем смысл этого ограничения.

На одном этом примере уже видно, что нравственность не может быть предметом личных потребностей, а скорее, наоборот, она есть ответ на некий сверхличный человеку заказ, осуществленный через общественное, то есть историческое, содержание постоянно усложняемой формы. Условия нравственности, таким образом, формируются *извне мира*, а не изнутри человека. Вряд ли в настоящее время стало больше праведных людей, чем их было во все другие времена, но уровень нравственности невероятно усилился и, конечно же, не за счет увеличения доли более благоразумного по характеру населения человечества. За счет чего это произошло? Праведность, как соответствие нормам морали, среди людей в процентном отношении осталась той же. Но сами нормы соответствия этой праведности повысились. Почему? Личные

устремления, потребности, инстинкты, соображения выгоды, удобства и т.д. не могут заставлять человека улучшать свою нравственность, а даже более заставляют его за нее бороться именно в ущерб вышеперечисленным целям. Таким образом, не внутренняя работа над собой, а наличие незыблемых нравственных принципов, появляющихся ниоткуда по некоему поступательному плану нарастания, *заставляют* человека совершенствовать свое соответствие Добру, ибо по своей силе данная программа не позволяет человеку ее духовно оспаривать, а воспринимается как гипнотический приказ. А вот после получения такого приказа человечество уже через внутреннюю работу над собой исполняет его через подстройку своих привычных норм морали к постоянно усложняющимся рубежам соответствия.

Более того, говоря об истории, (а не надо забывать, что мы по-прежнему остаемся в рамках темы "История", в которой ищем тот исторический субъект, через который нам ставится задача), мы должны будем, в конце концов, признать, что только наличие *общих понятий нравственности* лежит в основе общей истории человечества. Народы, не способные договориться друг с другом вообще ни о чем, если бы не имели каждый в себе этого неписаного пакта общих принципов морали, который неукоснительно соблюдается всеми, вообще не нашли бы точек соприкосновения друг с другом. *Все были бы чужими, потому что общая нравственность - это единственный принимаемый всеми радостно и ожидательно знак родства!* Нравственность, понимаемая всеми одинаково, дает единственную возможность вообще для какой-либо истории. Если к нам прилетят инопланетяне, полностью соответствующие нам биологически, но совсем с другими понятиями о морали, то у нас с ними доброго контакта не произойдет, а если и произойдет, то только в виде взаимного уничтожения. А если прилетят инопланетяне, которые будут иметь по восемь ног и по шестнадцать глаз, но они полностью будут разделять с нами те же *самые* понятия хорошего и плохого, то они станут нашими братьями. Возникнет новая форма межпланетно-межнациональных отношений. Возникнет общая история. А с теми, кто на вид абсолютно такой же, как мы, договориться мы не сможем *вообще ни о чем*, если они, например, будут из какой-то своей неполноценной расы разводить мясную породу, которую в возрасте около 18 лет отправляют на убой и переработку, или считают, что убийство чужого ребенка - это вполне естественный и разумный способ воздействия на конкурента для решения конфликтов в свою пользу.

Не существуй на земле такого обязательного, приходящего со стороны в сознание всех людей из всех народов, понятия того, что можно, а чего нельзя, Земля не просто превратилась бы в существующие обособленно клубы и салоны по национально-государственному признаку, Земля превратилась бы в жуткое поле постоянных битв, тревожных встреч и ожидания нападения. Потому что, как рысь с леопардом не могут дружить, а пантера с ягуаром обходят друг друга стороной, несмотря на то, что все они из одной семьи, так и люди *не имели бы обязательной уверенности в ненападении* на себя, и не имели бы сдерживающих центров души, не позволяющих нападать на другого. Люди были бы зверьми относительно чужих себе людей. Непонимание чужого языка не мешает людям стремиться к взаимодействию и совместному сосуществованию, а несовпадение категоричных установок на понятия Добра, превратило бы людей в совершенно разные виды живых существ по расовому и национальному внешнему

признаку, (как это происходит, например, с семейством кошачьих), даже если бы люди имели один язык на всех. То есть, нравственность - это и есть история в каком-то смысле, поскольку делает своим наличием многообразное - единым и общечеловеческим.

История, как мы видим, все более и более становится общечеловеческой при абсолютно разном национальном содержании каждого народа не просто сама собой по внутриисторическим причинам. Разделенные на физическом уровне по своим национальным камеркам люди, в свою очередь совершенно едины на своем духовном плане тоже не сами из себя. Именно Добро, этот духовный каркас истории, без которого она рассыпалась бы в своем материальном оформлении, входит в историю и в человека не откуда-либо, а от Бога. Естественно, что этот, оформляющий все в себя каркас, постоянно усложняется в своей конструкции по какому-то осознанному Плану, в котором мы можем рассмотреть постоянное поступление порциями Добра в историю, и постоянное его властное укрепление в системе принятых координат человеческой нравственности. Если отдать дань моде, то можно выпендренно сказать, что происходит постоянное "квантование Добра" в систему обеспечения исторических процессов. Это не всем будет понятно, но об этом скажут все, что это понятно, потому что сегодня через кванты (как в свое время через электричество) стремятся объяснить всё. В данном случае с нашей стороны это даже не улыбка авгура, а уже его игривое перемигивание. Вот так вот.

В общем, именно в этом (в постоянном поступлении Добра непрерывными порциями) и состоит содержание истории, которая при постановке одних и тех же неизменных задач человеку, все время меняет и усложняет заданные условия нравственности для их решения. А через историческую необходимость решения данных задач человек попадает в обязательную ситуацию постоянной работы над собой. Уклониться от нравственной борьбы он не может. Потому что перед ним встает конкретная историческая необходимость жизни, которую надо сегодня же решать, и за которой, в свою очередь, его ждет каждый раз все более высокое, все более сложное нравственное ограничение допустимого зла. Если за видимыми изменениями исторических субъектов ничего, на самом деле, не стоит, то неуклонное и поступательное внедрение нравственности в историю как раз и создает ту самую историю, в которой есть движение, непрерывность, постоянное изменение и наполняемое Богом содержание. Похоже, что мы нашли то, что хотели. Можно кричать "ура".

Но пока воздержимся...

И даже не по соображениям логики, или из-за того, что в рукаве у нас спрятаны еще какие-либо сомнения, которые следует эффектно вынуть и столь же эффектно развенчать. Просто - не вызывается ничем такая радость. Нет ни ощущения праздника, ни состояния облегчения, как в тех случаях, когда старые проблемы решаются, и начинается другая по качеству жизнь. Есть просто приятное утомление, или некая утомленная удовлетворенность. И даже какое-то разочарование чуткий читатель мог бы уловить. Не говорит ли это нам о том, что мы все еще не в конце пути? Конечно же, говорит. Чего-то не хватает, не так ли? Чего?<>div Похоже, что путь к этому ответу лежит через некоторые логические парадоксы, которые высвечивались поочередно в процессе нашего движения к знанию своей задачи. *К знанию!* Это - первый парадокс, который читатель, конечно же, уже давно заметил. И считает уловкой автора



тот факт, что тот на нем совсем не останавливается. Так сказать, искусственной натяжкой рассуждений под заданный заранее итог. Но это - не так. Да, действительно, все, чего мы достигли в наших выводах - это лишь получили *знание о том, что знали и так*. Зная, через совесть и через требования морали свою задачу изначально, и, более того, основывая всю логику своей оценки именно на этом знании, мы закончили тем, что объявили - вот теперь, основываясь на том, что мы знаем, мы можем утверждать, что мы действительно знаем о том, на чем мы основываемся. Мы просто перевели это истинное сверхлогическое знание совести в логические категории - и все. А отсюда же вылез и второй парадокс - незаметно для себя мы пошли по пути *создания учения*, хотя не только не претендуем на столь высокую цель, но и вообще ее не ставили и не искали, заранее оговорившись, что не собираемся втискивать в сонм этических учений еще какое-нибудь свое.

Но все это не так страшно. Во-первых, это говорит о том, что для реализации сверхзнания Добра нам все же мало этого не формулируемого знания, каким бы сильным оно не было. Если бы хватало только его одного, то Добро уже давно победило бы зло. Следовательно, мы искали там, где что-то можно и нужно найти. Все было не пустым занятием. Но, найдя это, мы выяснили, что когда *сформулировали* его, оно стало совсем не тем, чем было. Потому что, (во-вторых), мы, попытавшись его сформулировать, пошли естественным для человека путем, и через логику выводов вышли *на обычное знание* в виде изложенного в единой системе свода закономерных положений. Мы просто заменили Его Знание на собственное "знание". Перенеся идею из Его Реальности в свою, мы потеряли вдохновляющую силу Этой Идеи. И нам это надо как-то преодолеть, потому что человеческим явным знанием никогда ничего не решается для самого человека в нравственности. Как бы не было верно логическое знание - оно не способно нацеливать *душу человека*, где вмещаются понятия Добра. Душа устроена на восприятие интуитивного знания, а не на логические догмы. *Она их понимает, но не воспринимает, как своего Хозяина!* Говоря *о намерении*, мы естественно предполагаем здесь некое волевое устремление. Может быть, в таком случае, наше знание может действовать на нашу волю, а через нее уже потом давать силу нашему намерению? Может быть, этим путем как-то можно использовать наше логически законкретизированное ощущение Добра? Нет, нельзя. Не только для души, но и для воли человека логическое знание ничего не дает. На каждой пачке сигарет написано: "Курение опасно для Вашего здоровья". Здесь разве есть несовершенство или сомнительность знания? Нет, это верно и не может никем быть оспорено. И что? Поможет это знание, прочитав его на пачке, сразу же ее выбросить и помыть руки? Увы. И воля тоже не воспринимает знания, как повелителя. Иначе люди не курили бы, часовые не спали бы на посту, водители не переезжали бы перекресток на красный свет, а все дважды в день чистили зубы специальной пастой. Итак, знание, как таковое, в виде логических установок, ничего не дает ни душе, ни воле. Мы должны преодолеть эту его бессильную форму.

Но это только первая причина для беспокойства. Вторая состоит в том, что, выведя для себя некоторое учение о задаче человека, мы сразу же должны понять, что мы не вывели тем самым для себя ничего. Потому что *любое учение* ничего не способно вывести. В какой-то мере короткая фраза Минздрава на пачке сигарет - это тоже учение. В нем есть основная мысль,

предыстория ее зарождения и гранитно-бетонная аргументация. Не каждый трактат может с ней поспорить в этих качествах. Но никакое учение, как видно на данном примере, не может иметь для нас *обязательности*, потому что оно имеет своим источником наш ум, а знание Добра имеет источником Ум Бога, который Своей Силой подчиняет себе и наш ум, и нашу душу, и нашу волю. Наше знание бьет мимо, а Его - заставляет исполнять.

Второе: никакое учение не может охватывать согласием со своим знанием всех без исключения людей, насколько верным оно бы ни было. Оно может быть хорошим, но касаться не всех. То же учение о вреде курения не затрагивает, например, тех, кто не курит. Оно не для них. Хотя, закурить, конечно же, теоретически могут все. Но это только теоретически. А, например, еще более краткое учение, такое, как: "Корми грудью!", вообще не может звать за собой каждого даже теоретически. Конечно, этическое знание могло бы собрать под себя заинтересованность всех и каждого, но при этом его аргументация так же должна иметь под собой все основания, которые могли бы живо затрагивать всех и каждого. А это трудно себе представить. Например, преступников, оно вообще не заинтересует. Даже, если в качестве наказания заставить их слушать такое учение перед сном по радио, то оно к ним не пробьется, - они для себя проблемы этики давно уже решили. Единственное, что из него они вынесут, так это то, что их бить при задержании нехорошо. С этим они согласятся. А с остальным, - нет. Или, например, ленивый от природы человек плохо воспримет в этом учении положение о том, что счастье и добродетель - в труде. В этой части учение для него уже не будет актуальным. У него есть на этот счет свое мнение, и все аргументы будут стрелять вхолостую, из-за чего даже количественно он воспримет учение не полностью. Выпадет из-под него. Женщина, у которой муж пьет и едва доползает до кровати, не воспримет высокой идеи о сохранении супружеской верности, а будет наоборот ей всячески противодействовать в душе. И вполне законно. Ибо звание супруга подразумевается не столько подписью в брачных документах, сколько супружескими обязательствами перед нею и детьми. Можно ли считать супругом того, кто превратил дом просто в ночлежку? *И для каждого любого отдельного случая* нужна своя аргументация и свой разбор полетов для выявления вины или безвинности. Ни одному учению это не под силу. Следовательно, всеобщей задачи человечества на базе учения не сформировать.

И третье - учения создаются людьми. А люди создаются временем, которое имеет в себе исторические этапы. Любое внятное учение стареет. То, что сегодня хочется сказать человечеству мудрецами, - со временем может стать или глупостью, или капканом, если этому точно следовать в его же букве. Жесткие формулировки учений требуют их жесткой трактовки, а понятия морали, как мы видим в истории, гибки и постоянно совершенствуемы. Рано или поздно старая обойма учения уже не сможет вставляться в новый магазин этики. Умирают заданные условия нравственности, и умирают учения, которые их своими положениями пытались отразить. Поэтому, зная теперь о вечно изменяющейся конструкции, содержащей в себе моральные устои правил этики, мы должны не сомневаться и в том, что ни одно учение за ними не угонится и не предвосхитит на будущее. Не зря, ведь, наиболее живучими оказываются те учения религиозного толка, которые высказаны иносказательно и неопределенно. К ним всегда можно подсоединить через распознавание аллегорий нынешние взгляды и всё, вроде бы, остается в силе. А этические

учения, например, древних греков, где четкость мысли и четкость обоснования красивы и закончены по смыслу, - благополучно скончались. Выглядят наивными или варварскими (как идея Платона, например, о том, чтобы жены были общими, а люди жили в казармах, где все для всех одинаково, благодаря чему не будет поводов для искушения злом).

Неизвестно, что будет с нами дальше, и где в каком месте невиданным злом завтра станет то, что сегодня ускользает от этой прямой оценки. Например, это может случиться с абортными, которые являются по своему прямому смыслу убийством ребенка, но пока еще не оцениваются столь категорично. Придет время, Бог изменит что-то в нашем знании об этом, и за этот грех будут судить так же, как сейчас судят за удушение нежелательных новорожденных случайными мамами, которые не только мамы по недоразумению, но и люди только по названию и внешнему виду. Такое с абортными может произойти, а может и не произойти. Кто знает Планы Бога? Какое учение сможет ругаться за что-то здесь или в чем-либо другом? Никакое.

Поэтому, получив такую мертвую изначально форму знания о *Живом Знании*, мы должны его вновь преобразовать в нечто, что может снова тянуться к нам живительным светом от Него, а не отрываться из нас же в виде перебродившего продукта настоянных мыслей.

Зачем нам это нужно? Затем, во-первых, что в мире есть те же самые знания, которые через умопомрачения народов могут полностью забивать своим ложным стимулом голос совести. Таких случаев массового помешательства в истории немало: фашизм в Германии, основанный на идее "сверхчеловека"; марксизм в России, имеющий вид самоубийства этого государства, где и верх и низ делали все, чтобы России не стало, и ее не стало в крови и атеистическом бесчинстве; работоторговля неграми; истребление армян турками; период сексуальной революции в Швеции; культ воров в Грузии в 70-90- годах конца XX века; резня палестинцев в Израиле сразу после образования этого государства; культурная революция в Китае; исламская революция в Иране; северокорейский военный социализм и т.д. Несмотря на массовый характер этих происшествий истории (на их внешний вид), их внутренний смысл для нас должен состоять в том, что для *каждого* человека в составе этих безумных масс теперь становилось *возможным все*, и этика как бы отменялась во имя цели, которую ставило всякий раз новое головокружительное учение. То есть, мы должны признать, что ориентир совести совершенно недостаточен для того, чтобы мы не сбивались с Его пути. Какое-то горячее убеждение со стороны может эту совесть заглушить, и нам не помешало бы иметь свое собственное убеждение, которое могло бы превращать в ничто любую пропаганду зла под видом любых высоких государственных, идеологических, финансовых или других целей. Это убеждение не должно быть логическим, чтобы быть *универсальным и неуязвимым* для любого случая. Оно должно быть внутренним, невыговариваемым, но непреодолимым. Таким, чтобы с ним ничто не могло соперничать. Оно должно быть от Бога. Только у него не может быть соперников.

Во-вторых, нам нужно этому знанию-убеждению придать вид дисциплинирующего сверхзнания и потому, что в мире есть искушения. В этом случае уже не через эффект толпы в нас могут извне проникать побуждения отмахнуться от совести, а изнутри нас самих появляются нашептывания собственных причин повременить на время с совестью и апологетика тонких предпосылок того, что лучше (на "пока", конечно!) ее совсем отключить. Зло совершается

человеком в немалой доле своих причин именно через искушение, то есть *через сознательное преодоление сверхлогического знания совести логическими аргументами*. Поэтому, поднаторев в учениях и знаниях, можно всегда найти основания для того, чтобы не просто убедить себя в том, что результат нарушения этики по своей выгоде в данном случае превосходит награды спокойной совести, но и даже в том, что по определенной внутренней логике, не видимой наружному равнодушному наблюдателю, данное зло есть совсем и не зло, а необходимость. Потому что для его совершения есть определенные, ведомые только мне самому, правильные основания. То есть, делая плохое, самого себя можно убедить в том, что делаешь хорошо.

Все это может навести на ложную мысль о том, что нечто из разума может побеждать совесть. Но этого не происходит. Совесть никуда не уходит и никогда не поддается на уговоры. Ее не берет ни один аргумент. И рано или поздно, когда человек устает от этих своих самозабалтывающих монологов, выясняется, что все осталось там же, где и было - вот она совесть, не изменившая ни в чем своего первоначального мнения, как будто ничего и не слышала в оправдание. Но уже поздно - зло свершилось.

Поэтому, едва ступив на путь оформления какого-либо учения, мы должны с этого пути тут же сворачивать, ибо это не путь вперед, а кружение вокруг истины.

Ну и куда нам свернуть? Вывод очевиден - к Богу. Если мы хотим достичь соответствия Богу, то надо не просто *знать о Боге*, логически обосновав, что Он есть, и логически определив, чего Он от нас хочет, надо еще и *знать Бога*, то есть иметь Его в себе в виде убеждения, эталона, силы сопротивления злу и устремленности к правильному направлению намерения. А этого логикой не добиться. Логика дает не то знание, которое может быть рядом с Ним, ибо он сверхлогичен для нашего ума. Через что можно знать Бога? Какое знание доступно нам, характер которого имеет нелогический смысл, то есть не может быть обоснованным, но может исходить не от Бога, а, все-таки, от нас самих? Какое знание не может быть сформулировано доказательно, но которое имеет точно выверенное направление к Богу? Что не может иметь в себе логических оснований по самой своей сути, но *может иметь в своих причинах устремленное к Богу намерение, движение души к Богу, ожидание Бога и желание Бога*? Это - Вера.

#### Единственное отличие

Почему, перейдя к Вере, мы назвали эту нашу новую главу именно таким образом? Потому что, начав путь поиска своей задачи, мы сразу же оттолкнулись от той мысли, что мы - не обычное животное в цепи Сотворения, а в чем-то особенное. Поэтому мы стали, прежде всего, искать разительные отличия человека от животного, и сразу же набрали на самое видимое из них - на речь, которая повела нас дальше по ступеням наших рассуждений. В дальнейшем мы скрупулезно отмечали для себя всякий раз, что новое наше предположение о задачах человека в мире одобряется нашим внутренним куратором на тех основаниях, что оно все так же продолжает собой линию отличий между нами и другими видами живых существ. А потом мы перестали это делать вообще, как бы считая, что тут и говорить уже не о чем - искусство и этика это чисто человеческое, и не стоит даже вешать себе на шею такую заботу: доказывать, что животным данная деятельность не присуща.

И это действительно так. Но если быть скрупулезными до конца, то мы, конечно же, можем сказать и другое: речь, наука, история, искусство и этика, хоть и не составляют собой принципов организации животного мира, но в какой-то мере, все же, присутствуют в нем. Мы не можем сказать, что животные совершенно не знают всего того, что мы выше перечислили. Каждое из этих явлений действительно не определяет собой какую-либо необходимую предпосылку, обеспечивающую какую-либо структуру фауны (животного мира), но все же мелькает эпизодически в ней везде и повсюду. Дельфины переговариваются на ультразвуке и передают связную информацию друг другу. Танец пчелы-разведчицы это тоже речь, которая передает направление, азимут, расстояние и количество запасов найденного нектара. Когда гомонит стая дроздов, (что знакомо даже горожанам), обсыпав несколько деревьев сразу, то это не просто так, а для выяснение дальнейших намерений ее членов. Одна часть дроздов кричит: "Давайте, полетим!", а другая: "Давайте, посидим!". Кто кого перекричит, так и поступят. Народное вече. Так же в животном мире широко бытуют и крики об опасности, и брачные призывы, и вызов самца сопернику на бой, и окрики вожаков (например, в курятнике) и т.д., выступающие вполне как элементы речи. Речь до конца мы, все-таки, не можем исключить из примет животного мира. Она - отличие разительное между нами и ним, но не исключительное.

Что касается науки, то совсем беспомощными животных и здесь назвать нельзя. В особых случаях они проявляют изобретательность и способны делать открытия, граничащие по своей значимости с нашими научными открытиями. В основном это происходит тогда, когда по некоторым причинам им приходится менять среду своего привычного обитания. Медведи гризли, которых занесло в северную Канаду, придумали себе способ ловли лосося: на перепадах рек, через которые лосось идет нереститься в верхние озера, мишки ловят их прямо зубами, когда лосось выпрыгивает из воды, чтобы пересечь порог. Особо умные из гризли даже не стоят в холодной воде - они дожидаются, когда очередной сородич-рыбак ухватит пастью рыбку, подскакивают к нему, и оскаливают клыки (знак агрессии), а когда в ответ сверкает такой же оскал (мол, смотри, нарвешься!), хватают выпавшую рыбу и съедают ее на берегу. Они этому *научились*. Некоторые птицы научились бросать в воду белый камешек, которые хищные рыбы принимают за более мелкую рыбешку и бросаются на перехват, но тут их самих перехватывают из пике. Кошки, попавшие случайно на каменистый остров, где единственная пища находилась в каком-то озере, научились, к изумлению людей, нашедших их там через год, плавать! Когда человек поднялся в воздух, то это было торжеством человеческой науки - освоена новая среда обитания! А когда кошки научились плавать, то разве это не торжество их кошачьей науки - освоена новая среда обитания! Собаки и попугаи умеют считать. Не те шарлатаны, которые по тайному знаку дрессировщика в цирке достают нужную карту с цифрой из колоды, а лабораторные Декарты, которые выполняют задания людей по сложению и вычитанию вполне арифметическим способом. Животные могут научиться и могут совершать практические научные открытия при возникшей серьезной необходимости, или при наличии стимула. Это, конечно же, не наша наука, но это и не наше *единственно полное* отличие от них.

Что касается истории, то в вопросах организации общества муравьи и пчелы заткнули бы за пояс любую человеческую организацию. Их разделение труда, порядок и организованность

недостижимы ни одному человеческому сообществу. У муравьев есть даже такие отрасли совместной деятельности, как земледелие, переработка пищевого сырья, дойные коровы (некоторые виды тли) и животные для забавы (некоторые насекомые). Всего, так или иначе, в соприкосновение с муравьями вступают и взаимодействуют около 584 видов других насекомых. Чем не многонациональные отношения?

Так же у животных зачастую происходят настоящие войны (муравьи и жуки, например), завоевательные походы (саранча, волки), союзы (у рыб в основном), коллективы (стаи) и лидеры народов (вожаки). Не так, как у нас, но то же самое, что и у нас.

А касательно этики нельзя не напомнить здесь о примерах лебедей, которые убивают себя, если гибнет возлюбленный, собак, которые чахнут от любви к умершему хозяину, бегемотов, которые защищают антилоп от крокодилов на водопоях и тех же собак, которые стесняются и чувствуют свою вину. Кроме того, вспомним птиц, которые кидаются на коршунов за свое потомство, животных, которые дружат между собой, и это тоже из этики. Как и то, что дикое животное может быть благодарно спасшему его человеку, а дельфины спасают людей даже не в качестве оплаты долга, а просто так, из сочувствия. Этические понятия им знакомы, хотя и не обязательны для всех. Но даже единицы из них, которые ими обладают, не дадут нам оснований полагать, что этика - это только наше.

Что сказать об искусстве? А то, что птицы поют и, причем, всякий раз совершенно новую песню (музыка). Причем они поют просто так, для удовольствия без всяких необходимостей и стимулов. Ради чистого искусства. Многие животные совершают танцы и пантомимы, когда флиртуют в брачный сезон или натаскивают молодняк (хореография). Обезьяны могут часами примерять на себя наряды перед зеркалом (понятие об истинной красоте мира и высоком гламуре), а в одном из зоопарков есть даже слониха, которая рисует на холсте кистью, размешивая краски на мольберте (живопись). Австралийская ворона не только ворует все блестящее и цветное, что позволяет своими размерами утянуть это к себе в гнездо, но еще играет в гнезде с этими предметами, перебирая их и выставляя на солнце по очереди. И здесь мы не столь уж одиноки по исключительности.

Единственное, чего нет у животных - так это знания высшего себе и Веры в него. Почему мы так уверены в этом? Потому что Вера проявляется в *поклонении* высшему, что предполагает ритуал и благоговение. Это проявляется в молитве (разговоре с Высшим себе), обрядах (служении Высшему себе по своим понятиям) и святынях (местах или предметах предполагаемого обитания Высшего или олицетворяющих собой Его). Ничего этого у животных нет. Даже и не ищите. Это то - что *является нашим единственным отличием от них*. Вера, проявляемая через поклонение, и поклонение, определяемое верой.

Хотелось просто проскочить мимо нижеследующей темы, но штамп настолько повсеместен, что, пожалуй, на секунду остановимся. Речь идет о широко бытующем мнении, что собака считает хозяина (или человека вообще) богом, то есть имеет основы религиозного чувства. Такое мог придумать только тот, кто никого не считает Богом вообще. Смеем вас уверить, что если бы какой-то бог приносил нам еду, нуждался в нашей защите, побивал бы нас дружески по спине и хвалил за исполнение разных показательных выступлений, то мы его богом

не считали бы, потому что мы по-другому понимаем Бога. Тот же, кто считает чувства собаки к хозяину *аналогом религиозного чувства*, тот пусть будет осторожен - таким же аналогом можно квалифицировать, например, его чувства к какому-либо "большому боссу", отцу родному, кормильцу, работодателю и властелину судьбы, находящемуся недосыгаемо наверху - в центральном кабинете последнего этажа с секретаршей у врат. Видимое не бывает Богом. Оно бывает только хозяином. Для собаки тоже. На этом и остановимся.

Следовательно, даже и не ожидая, мы, логически выйдя на Веру в поисках отсутствия этой самой логики в основе нужного нам Знания, находим логическое подтверждение своему же логическому методу. Еще один, но уже приятный парадокс. Он говорит нам о том, что мы на верном пути, потому что именно отличие человека от животных мы положили в основу нашей логики в самом начале, и именно предельно точного по возможному результату логического пункта мы достигли, опершись в свое время на данную основу. Этот путь был правилен или неправилен, будущее покажет, но то, что он логически стройно завершился, можно признать. А так же можно вдохновляться дальнейшими поисками.

А они не будут легкими. Потому что вера - это понятие весьма широкое, и нам не резон браться раскрывать его полностью. Мы затеряемся в его объеме. В который раз уже мы вновь должны сузить круг поисков. Но здесь и особых метаний быть не может - нам ближе всего пока тот смысл веры, который предполагает некое душевное состояние именно в качестве некоего *знания*, так как именно неудовлетворенность характером того знания, которое мы получили, заставила нас искать то же самое знание, но без посредства разума, в качестве непосредственной связи с Богом. Нам надо разбудить Веру в себе с помощью некоего знания о Ней, которое уже можно было бы считать начатками веры. Знание, как начало Веры, как Ее первый зародыш и толчок к жизни - вот наш путь. Возможно ли это?

Можно ли вообще веру называть знанием? Не ошибаемся ли мы в задачах? Ведь, верить, (как утверждают нам философы), в то, что уже знаешь, - нельзя. Это уже не вера, а некое согласие с фактом. Верить, говорят они, можно только в то, чего не знаешь. То есть, когда, не сомневаясь, предполагаешь действительную и обязательную вероятность того, чего еще не знаешь. То есть - зерно веры состоит в необоснованности, а знание не может быть необоснованным. Там, где вера, там не может быть знания, и наоборот. Когда вера подтверждается фактом, то она перестает быть верой и становится просто знанием. Таким образом, стремясь от знания о Боге, (что сохраняет своей неполнотой резервы для веры), к знанию непосредственно Бога, мы не можем этого делать через веру, так как она предполагает в своей основе именно незнание. А, узнав Бога, Мы теряем веру и получаем вместо этого совершенно другое чувство, основанное уже на точном знании. То есть, вера для нас имеет смысл только тогда, когда мы не можем получить знание, и порождается именно этой невозможностью знания. Получается, что вера не может быть инструментом знания, (каким мы хотим ее сделать для себя в наших дальнейших поисках ее же), поскольку сама она является продуктом незнания. А знание не может быть началом Веры, поскольку вера появляется только там, где еще нет знания. Рассматривая знание, как побуждение к Вере, как ее первичный элемент, мы мгновенно теряем веру, так как два этих понятия не могут составлять ступеней

единого и обязательно уничтожают друг друга там, где появляется одно из них. А, разыскивая себе Веру, мы автоматически уходим от знания, поскольку см. предыдущее предложение. Напомним - так говорят философы.

В очередной раз нам приходится в очень краткой форме излагать очень обширные философские выводы, что со стороны философов может вызвать нарекания к нам в профанации нами их науки. Но ведь развернутое изложение философских идей осуществляется самими философами, все-таки, не ради самого этого развернутого изложения, а ради той самой мысли, которая эти выводы собой увенчает. Поэтому, не думаю, что мы что-то очень сильно профанируем, когда, ознакомившись с доказательствами, берем в итоге именно только главную мысль, и работаем уже с ней. Ведь, в конце концов, для чего-то же эта мысль рождалась, так почему бы и не для того, чтобы брать ее уже готовой, без ссылок на ее великолепное обоснование? Вот мы и берем в очередной раз в вольном изложении, (что означает на простом русском языке: "без сложных философских терминов"), эту мысль о несрастаемости веры и знания, и - что мы можем об этом сказать? Скажем - это остроумно, как и все, что в философии. Но это не более, чем игра в слова. Ведь никто не может нам помешать сказать, в свою очередь, что вера - это не глубокая убежденность в существовании чего-то незнакомо возможного, а именно *знание о том, что должно быть, но чего пока еще нет*. "Мы тоже умеем в ножички играть" - как говаривал Квентин Дорвард, доставая свой меч в ответ на очередные попытки его зарезать.

В данной трактовке веры, правда, в ней меньше будет от чувства, и более будет от разума, но ведь и мы берем веру пока только что узко, только в качестве *формы знания*, которое, однако, не определяется полностью логикой, а имеет свою силу и в нелогическом *намерении*. Мы берем веру, как уверенное нелогическое ожидание, что является чисто нелогическим чувством, но одновременно же и основанным на благоразумии неоспоримой логики полагаемой цели ожидания. Без намерения, устремленности и духовной надежды такую веру нельзя получить, как нельзя ее получить и без внутреннего усилия на веру от доводов разума. Естественно, что это - ущербная вера. Настоящая Вера, где Бог ощущается как Живой Отец, другая. Но те, у кого такая Вера есть, вряд ли уже читают эту книгу, а мы, не имеющие Ее в себе, должны цепляться и за то, что есть, ибо и за соломинку цепляется тот, кто ищет Спасения.

Иными словами, не имея живой связи с Богом, мы должны наладить ее, хотя бы поначалу механически, в виде знания какой-нибудь религии. Ибо религия соединяет в себе и знание, и учение, и веру, и устремленное намерение, и отношение к жизни, и поклонение. Мы должны выбрать себе религию, чтобы разбудить в себе Веру!

Сильно сказано, не правда ли? С одной стороны - сказано правильно, потому что, даже не пройдя такого длинного пути от Речи к Вере, который мы прошли, мы могли бы на Веру указать сразу же, если признать, что это то, что отличает нас от всего живого. Естественно было бы предположить, что, создавая человека *для чего-то, что не дано животным*, Бог наделил его и способностью, не доступной животным. И эта способность - в осознании человеком высшего себе, в вере и в поклонении этому высшему. И, попади мы на Веру изначально, мы уже не обязаны были бы анализировать все остальные отличия, поскольку это и есть то отличие,



которое нас выделяет коренным образом. И уже тогда мы должны были бы сказать - нам надо выбрать себе религию.

Кроме того, религия - это то, что базируется собственно на самой Вере непосредственно. Если мы не ощущаем в себе достаточно Веры, чтобы сделать наше *знаемое намерение* своей неистребимой сущностью, то где нам искать для этого силы, как не там, где именно Вера все создает и все определяет? Если машина по каким-то причинам не заводится от ключа, то ее толкают, *создавая, таким образом, для ее агрегатов ту среду, в которой они должны жить, формируют внешние условия, где они как бы живут, и они оживают!* Точно также, войдя поначалу механически в благодатную сферу религии, где все живет Верой, мы, включившись в эту жизнь, возможно, могли бы через совершение каких-то внешних действий оживить агрегаты своей души, способные ощущать в себе Веру. Ведь Вера - это продукт ощущения Бога, а каждое ощущение базируется на своем собственном органе ощущения, и, следовательно, где-то в нас должен быть орган ощущения Бога, но он еще не разбужен. И как в машине происходит поначалу обратная связь (колеса крутятся, проворачивают валы, по некоторой цепочке дело доходит до генератора, тот дает искру и далее связь уже становится прямой - искра возжигает бензин, тот толкает поршни, поршни - валы, валы - колеса) так и обратная поначалу связь в движении от мира религии к спящему органу восприятия Бога может создать этому органу некоторую облегченно-пусковую среду, попав в которую ему просто ничего не останется, как пробудиться и подключиться уже к готовой схеме духовного взаимодействия с Богом. То есть, наше знание о вере и решение искать ему соответствия в какой-либо религии ничем не отличается по сути от тех благородных усилий, во время которых пассажиры не смиряются с тем, что автомобиль не заводится, и своими руками разгоняют его до момента появления зажигания. Они *знают, что надо ехать*, и решают эту проблему прямым по действенности образом. Такими же усилиями можно попытаться и нам разжечь в себе Веру, ведь мы тоже уже *знаем, что надо Верить*, и в этом случае обратиться к религии - это и будет прямой по действенности способ, которым следовало бы, похоже, воспользоваться в первую очередь. Так что предложение поискать себе религию - логически оправданное предложение в нашей ситуации. Но это все, по-прежнему, - только с одной стороны.

А, с другой стороны, делать такие заявки в мире, где каждый уже, кто крещен от рождения, кто обрезан в детстве, кто введен в храм, кто в мечеть, кто в пагоду, а кто и вообще соблюдает религиозные праздники и каноны, осознавая себя принадлежащим к какой-либо религии, - несерьезно. Но, приглядевшись к верующим вокруг себя, и взглядевшись в себя со спокойным исследованием явности осознания своей веры, мы, к сожалению, увидим, что чаще всего вера каждого - всего лишь автоматическое вступление в клуб какого-либо вероисповедания по признаку рождения, территории или наследственной традиции. Христиане сплошь вокруг не знают смысла своих праздников, мусульмане не знают, что Аллах - это тот же Бог, который в одном случае Иегова, а в другом - Троица, не знают ни одной строчки из Корана и считают Христа врагом ислама, в то время, как Христос почитается исламом как один из величайших пророков Аллаха. Буддисты вообще заполонили Голливуд и футбольные клубы Европы, не зная никаких основных принципов жизни истинного буддиста. Роберто Баджо играет

на полях Италии отнюдь не в желтом плаще, а Ричард Гир ни разу не ездил на ежегодный праздник очищения буддистов, во время которого они живут оборвышами в шалашах на берегу Ганга, скудно питаются и пылятся в молитвах вплоть до долгожданного омовения в реке. Но и это не беда, а беда то, что, например, попросив однажды у буддистов из российской республики, вероисповедание которой официально считается буддистским, объяснить разницу между большим колесом Махаяны и малым, пришлось услышать много веселого смеха: мы не для того буддисты, чтобы забивать себе голову подобной ерундой. А для чего тогда? Принадлежность к вере чаще всего, определяется от рождения, и носит в основном более внешний характер замешанного на вероисповедании патриотизма, чем истинного ощущения Бога в себе. Поэтому не так уж несерьезно спросить каждому и самого себя - насколько я осознаю свою веру, как живую связь с Богом, а не как неизбывную традицию отцов, которую принимаю устоявшимся образом жизни и умом, но не сердцем непосредственно? Насколько моя вера не национальный стиль моей жизни, а существо моей души?

И с другой стороны - разве не может не вызывать даже легкого беспокойства уже сама та мысль, что родись ты, например, пятьюстами километрами южнее, то быть бы тебе не христианином, а мусульманином? А занеси судьба твоих родителей еще чуть ближе к экватору и чуть правее, то быть бы тебе буддистом. А окажись ты затерянным в большом городе атеистом, растерянным от нервной недостаточности, и - прямая дорога в Свидетели Иеговы, где тебе тут же расскажут, что конец света уже не то, что не за горами, а вообще наступил потихоньку от тех, кому не дано это увидеть а тебе мы об этом доверительно рассказываем, так что плюнь на все и спи спокойно, потому что ты уже отдал все свое имущество в братство, и спасение тебя не минует, а в воскресенье ждем тебя опять на совместную молитву вместе с детьми. Практически в каждом из этих случаев человек не имеет выбора! Он получает религию, так сказать, вместе со свидетельством о рождении. Откуда уверенность, что твоя религия истинна, если столько же людей других вероисповеданий считают истинной именно свою религию? Неужели все религии истинные? Может быть и так. А может быть, и нет? Значит, есть вероятность, что, даже зная о том, что Спасение - через религию, как форму веры и поклонения, ты можешь оказаться независимо от себя совсем не там, где можно это Спасение обрести? Не странно ли - мы можем выбирать профессию, супруга, хобби, друзей, квартиру, машину, телевизор и прочую ерунду, но лишены самой главной возможности выбора - как верить. и Кому поклоняться? Религиозные конфессии как-то уже вроде бы поделили Земной шар на сферы влияния, и, рождающийся в одной из этих сфер, сразу же с младенчества обретает веру, которую сам не выбирал. Поэтому мысль о том, что нам надо выбрать религию - это возможность, все-таки, сделать свой выбор, который тем более не обязательно должен заставить кого-то отказаться от "своей" религии, а вполне может оставить его с нею вместе и по итогам этого выбора. Чего бояться, если уверен, что веришь правильно? По меньшей мере, бежать от такого вопроса - разве не косвенно-натуральное признание сомнения в истинности своего вероисповедания? Именно через такую уверенность, даваемую знанием, можно самоубедиться в том, что твоя вера - не ошибка.

И, главное, - эти слова обращены и к тем, кто имеет религию, но не имеет Веры. Этого "добра" полно вокруг. и люди этим мучаются. А зачем религия без Веры? Может быть лучше

сначала поискать Веру, а потом с ней войти в религию? Ведь осознанная вера потребует религии, как формы счастливого поклонения и благодарного благоговения, а "прирожденная" религия, к сожалению, не требует Веры, ограничиваясь поклонением ритуальным.

И, самое главное, - тот, у кого вера и религия уже вместе и не требуют выбора, может не идти дальше вместе с нами. Мы сами к вам придем. Ждите.

Однако на первый взгляд сами наши побуждения могут оскорблять религию, как таковую, так как мы, вроде бы, выбираем ее как картошку. Но в основе стремлений нашего выбора - намерение найти Бога, а не намерение получить выгоды или какую-либо приятность. В конце концов, любая религия, которую мы выберем, должна будет оценить это именно как *сознательный выбор* с нашей стороны, что не может быть никак ниже выбора несознательного. И собираемся мы в религию не как гости, а как будущие клеточки ее тела, так что отвергать нас заранее только из-за того, что мы естественно-природным путем в детстве не отдали ей слепого предпочтения перед другими, она не должна, какой бы она ни была. И надо иногда вспоминать, все же, о том, что религия - это не ее представители на местах, которые тем более не представители Бога на земле. Это не вопросы иммиграции и ли эмиграции в государствах, где мнение старожиллов становится официальной точкой зрения народа. Приходя в какую-то религию, мы приходим к Богу, и только Его Суд и Его Мнение нам важны. Другие старожилы не должны нам указывать регламентированных путей в религию, если эти, санкционируемые ими пути, на нас не сработали, с одной стороны, и если они помнят, что есть Один Хозяин любой религии, который ждет всех, независимо от одобрения своих служителей, с другой стороны. В конце концов, признавая в себе недостаточно Веры, мы, может быть, создаем тот случай, когда, имея благую цель, мы избираем единственно благой метод, поскольку лучше поиск Веры через выбор религии, чем смирение с отсутствием Веры через внешнее почитание какой-нибудь этнической или государственной религии, которая Веры не дает, но почему-то считается делом национальной чести.

Будем считать, что с презумпцией мы покончили. Пора начать саму процедуру выбора. Что будет критерием нашего отбора? Конечно же, прежде всего, понятие о том, что Бог един, как единственная Причина всего. Это был наш главный логический вывод. Это - то наше знание, которое может быть положено нами в основу выбора и в основу Веры. Поэтому мы должны сразу же отбросить все языческие религии, которые имеют и веру и поклонение, но имеют вместе с тем и множество богов. Этим исключаем сразу. Причем, к этому разряду исключаемых мы должны отнести не только такие мистические виды языческого мировоззрения, как шаманство, эзотерику, магические воззрения (как практическую форму эзотерики), египетские, греческие, римские, друидские, кельтские и прочие древние верования, браманизм, индуизм, кришнаизм, синтоизм и прочее, где богов целые пантеоны, достигающие порой до нескольких сотен к ряду при вечерней перекличке, но так же и такие механические построения язычества, как астрология, дуализм, идеализм и материализм, где *личностных* богов нет вообще, а есть какие-то самосушущие безличные боги-причины: идеи, кармы, чакры, планеты, физические или общественно-экономические законы и противоположности. Несмотря на то, что они научны по

форме, они языческие по своему смыслу и по слепому поклонению воле этих механических причин. Так сказать, научно-языческие верования.

Следом за ними мы отправляем той же дорогой и марксизм с коммунизмом, где божков заменяют вожди, а воля богов подается в виде экономических предпосылок и программных установок партии. Это - тоже форма язычества, где есть свои "священные книги" и свои бессмертные боги ("Ленин жил, Ленин жив, Ленин - будет жить!", или "Ленин и сейчас живет всех живых", ну, просто настолько живет, что не сравнить даже ни с каким живым, только руками нельзя трогать). Причем, если мистическое язычество не является отрицанием Единого Бога, а показывает собой только *бессилие Его понять*, то эти теории уже Бога отрицают как по своему воинственному содержанию, так и по тем кощунствам, которые случаются всегда там, где они становятся государственной идеологией. Мы их убираем, даже нисколько не сожалея и не сомневаясь, просто даже как врагов Бога.

Кроме того, как не языческие, но полностью безбожные, должны нами быть оставлены без доброго внимания и все этические учения, как плод человеческого разума, а также любимые многими правозащитниками (почему, кстати, в футболе нет правозащитников и левозащитников?) "Права Человека", где, исходя уже из самого названия, в центре стоит человек с какими-то своими правами, а не Бог со Своим Законом. Туда же отправляем мы и высокие социальные идеалы равенства, свободы, братства и справедливости, как имеющие отношение только к материальному плану бытия человека и не имеющие в себе Бога, и туда же - все философские доктрины, как опирающиеся на механизм логического знания, которое не способно давать знание о непознаваемом.

Надо сказать, возникает ощущение, что мы сильно повысили свое мастерство в различного рода очищении от ненужного нам материала. Прямо пыль столбом стоит, и искры из-под каблучков летят - так мы управляемся! Посмотрим, как у нас будет получаться непосредственно с выбором, а не с сокращением его вариантов. Но, продолжим. Следом мы должны отправить в корзину те религии, которые имеют в своей основе национальную составляющую верующего народа: синтоизм (японцы), индуизм и кришнаизм (индусы), иудаизм (евреи). Во-первых, потому, что национальность - слишком *условная причина* религии, ибо нации, как мы убедились, это просто стиль жизни определенных групп одних и тех же людей, они просто вспомогательно формируют собой один из субъектов истории и не могут составлять собой *безусловного смысла* человека. А, во-вторых, - нас туда никто и не зовет, если мы, конечно же, не японцы, не евреи и не индусы. Обратиться в такую веру - сродни тому, чтобы мужчине прийти в женскую раздевалку, и, примеряя там лифчик и колготки, сказать: "Девочки! Я теперь навеки с вами!". Ничего, кроме озадаченной улыбки, не могут вызывать, например, индуисты или кришнаиты европейского происхождения, расхаживающие в тогах и распеваящие "харе, Кришна", так как эти религии прямо говорят о том, что последователями их веры могут быть только индусы, и что доступны они только индусам, и вершина цепи перерождений - только индус. Все остальные рылом не вышли. Не имея в виду получить для себя такую религию только лишь в форме личной клоунады, лучше ее совсем не получать. Стоит ли уже говорить, что у нас цель как раз иная?

Итак, что же у нас осталось? Да то же самое, что мы и предполагали - ислам, христианство и буддизм. Три монотеистические, как везде пишется религии, то есть, признающие Единого Бога для всех людей. А все остальное, что было до этого, мы привели просто в качестве разминки, и чтобы не было недоразумений якобы недосказанных возможностей. Пора начинать выбирать. С чего начнем? С буддизма.

Мы начнем именно с него, потому что он считается самой древней из мировых религий (около 1 тысячелетия до нашей эры). В мире насчитывается около 700 миллионов верующих-буддистов. Вообще-то сама методика рассмотрения религий не должна здесь иметь интриги. или строиться на манер университетских лекций, где идет просто обзор доктрин и канонов, а выводы оставляются на потом. У нас не религиозно-конфессиональный справочник, и, поэтому, те вопросы, которые у нас могут возникнуть к религии, должны нами ставиться сразу же, потому что ответы на них могут так же сразу решить для нас все дело в том случае, если они противоречат нашим логическим выводам, основываясь на которых, напомним, мы ищем то знание, которое заменит нам логическое знание. А таких вопросов у нас сразу же к буддизму возникает много. Очень много. Например, первое, что бросается в глаза уже из самой истории этой религии, (даже не из ее самой!), так это такой удивительный факт, что источник буддизма - это *личные выводы о собственной жизни одного человека*, который родился в 567 году до нашей эры и звали его Сидхартха Гаутама. Позднее он проповедовал под псевдонимом "Будда", что и дало название *его личной философии*, которая стала личной религией нескольких сотен миллионов человек (!). Одно это уже не вызывает собой торжествующих междометий. Мы, все-таки, ищем Веры, а не философии. Но, все-таки, пойдём дальше. Возможно, мы чего-то пока недопонимаем.

Гаутама был наследным принцем, жил беспечно и счастливо в своем дворце, а затем отказался от своего сана, ушел из дома и стал аскетом. Ну, здесь пока - ничего особенно нового, так как в то время любое духовное беспокойство, связанное с поиском истины, модно было искать именно через отвержение нормальных человеческих условий жизни. Как-то так в те времена это почему-то между собой увязывалось - глубокая задумчивость о путях жизни и потребность в мучениях тела. Так что - пока ничего оригинального или религиозно значимого для нас нынешних.

Итак, первый этап этой истории не назовешь особенным с одной стороны, поскольку аскетами тогда вся Индия и весь Восток вообще были переполнены, а с другой стороны - тоже все ведь не просто, потому что не каждый день будущий царь становится аскетом. Но по любому, это всего лишь предыстория, а не сама история. Сама история началась со второго этапа истории буддизма, который историками данной религии выделяется особо, потому что здесь произошло знаменательное событие (!!!) - Гаутама стал просить милостыню! Даже точный период указывается - в возрасте 29-ти лет. Вот такой особый этап. Однако, опять для нас пока что единственное, что здесь, в общем-то, загадочно, так это - что именно считается знаменательным, то, что некий человек в истории стал просить милостыню, или то, что он докатился до этого уже в 29 лет? Предположение, что знаменательность этого факта обосновывается только тем, что милостыню стал просить принц, мы никак не можем признать, поскольку принц когда-то уже стал аскетом и не был больше принцем, а вот уже аскет стал просить милостыню, и что здесь

знаменательного? Вот если бы действующий принц ходил и просил милостыню, то это было бы знаменательно. Вот если бы аскет не стал просить милостыню - это было бы очень знаменательно, потому что, на что он тогда жил бы? А так мы остаемся на распутье - или сам факт милостыни для аскета считать нам знаменательным, или знаменательно то, что сам возраст, когда еще хочется, все-таки, чего-нибудь покушать, может достигать высокой отметки? В общем, второй этап понятен нам по содержанию, но не понятен пока по религиозному значению и по знаменательности.

Далее наступает 3-й этап буддизма - конец странствий и побирательства. Гаутаме надоела такая жизнь, и он ушел в джунгли, в уединенное место, где добровольно подвергал свое тело суровым лишениям. Вы заметили, что уже три этапа мы преодолели, а о самой религии в них все еще ни слова, - все какие-то дикие приключения, да истязания? В общем, Гаутама очень увлекся этой новой жизнью - сидел без крова и пищи в джунглях, и добровольно издевался над собственным телом. Это третий этап. Что тут для нас и для нашей Веры? Трудно сказать. Согласны - это неординарный поступок. Но, во-первых, это тоже не оригинально - были еще и другие самоистязатели в истории, которые жили в ямах, пещерах, чащобах, пустынях, ели невесть что, томили себя жаждой, холодом, неудобством позы, хлестались плетью, стояли на столбе на одной ноге целый день и т.д. Кроме того, это было не оригинально вдвойне - ибо с Гаутамой в это время жило рядом еще пятеро друзей, которые ни в чем от него не отставали. Следовательно, этот этап буддизма мы должны отнести и к ним тоже?

Нет, не должны, потому что закончилось все это тем, что из всей этой шестерки только Гаутама стал Буддой, то есть просветленным. Остальные зря мучались, не просветлились, и их имен никто не помнит. А Гаутама внезапно озарился новым светом и овладел истиной, которую счел обязательным донести до людей. Наконец-то мы подошли к главному! Сейчас начнется непосредственно сам буддизм. Проникнемся.

Итак, Будда (теперь уже) вышел из леса и произнес свою первую проповедь, из которой мы сейчас узнаем совершенно потрясающие вещи:

- 1) полностью отдаваться страстям и благам земной жизни - пошло, низко и бесцельно,
- 2) полностью отказываться от земных благ и самоистязать себя - болезненно (!), неблагородно и тоже бесцельно.

Не правда ли - оригинальное, проливающее совершенно новый свет на жизнь, суждение? Особенно поражает нас тонкое замечание, что самоистязаться бывает больно! Ну, что ж, возможно и правы те, кто считает, что именно в устах Будды эти прописные истины засверкали величаво. По праву опыта. Потому что обычный человек не был принцем и не знает, что такое купаться в роскоши по настоящему, как и не был он никогда вечно голодным отшельником и не знает по-настоящему, как саднит иногда в тех местах, в которых самоистязался. У него опыт не столь контрастен. Если просто поживший человек говорит внуку: "Имей голову - знай, когда погулять, когда поработать, а когда и отдохнуть и во всем соблюдай меру", то это - не религия. Потому что дедушка дошел до этого сам без сбора милостыни и суточных неподвижных заседаний на голой земле с пустым желудком и бесцельным взглядом на Восток. Дедушка не

просветленный, а просто умный. Это не одно и то же, даже если это одни и те же выводы о жизни. Путь будет так.

Однако это было только началом открытия человечеству великих и знаковых истин. Далее Будда поведал людям еще "четыре благородных истины", от которых они опешили и стали буддистами. Мы их далее перечислим. Если кто не знаком с буддизмом, то пусть приготовится к тому, что сейчас опрокинутся все его недалекие понятия о жизни, а духовный опыт будет несметно обогащен поражающе новыми открытиями. Итак, четыре благородных истины:

- 1) существует страдание (а вы и не подозревали, однако, не так ли?)
- 2) у страдания есть причина (Люди! Вы слышите? Как вы могли раньше жить, и думать, что у ваших страданий нет причины?!)
- 3) страдание может быть прекращено (новее этой мысли, наверное, вообще не бывает)
- 4) известен путь к прекращению страданий.

А вот это уже интересно. Во имя этого даже можно простить три предыдущие банальности, расценив их просто как преамбулу к четвертой благородной истине. Так в чем же этот путь, скажите нам поскорее!! И нам поскорее говорят - в нирване. Хорошо, что сказали коротко, но плохо, что не совсем понятно. Так что же такое нирвана?

А нирвана, если перевести буквально, - это "угасание", а если перевести шире, то это - вечное успокоение, отсутствие желаний, достижение такого уровня сознания, при котором достигается состояние совершенной невозмутимости, безразличия, блаженства и самообладания без всякого страдания. Итак - надо достичь совершенной невозмутимости, и тогда конец всем страданиям. Ничего не должно тебя волновать: ни Добро, ни зло, ни любовь женщины, ни смерть матери, ни горе ребенка, ни желание свободы, ни тяготы рабства, ни боль любимого, ни надежда престарелого, ни сочувствие к больному, ни радость от рождения детей, ни горе от разлуки, ни счастье встречи, ни гнев от несправедливой обиды, ни торжество победы. Ни-че-го! Ни по-хорошему, ни по-плохому. Нирвана!

Хитро придумано и здорово задумано! Но если это исполнится, и человек уйдет в непробиваемую колею этого "срединного пути", то не побоимся самим себе задать простой вопрос - а в чем смысл такой жизни? И жизнь ли это, в конце концов? Ибо, кроме биологически внешнего совпадения и способности самопроизвольно двигаться, - чем такое существо отличается от неживого, если оно ни на что не откликается? В чем его жизнь? Где его жизнь? Есть ли у него жизнь вообще? А если она у него есть, то, как нам ее в нем заметить? Полагаем, что для того, кто хотел бы жить, а не прятаться от жизни, буддизм, как выбор религии, уже теряет некоторые приоритеты для выбора. Можно, конечно, согласиться, что, в таком случае, действительно страданий уже не будет. А всего остального? Того, что составляет противоположность страданиям? Всех этих прекрасных моментов жизни, которые примиряют со страданиями и заставляют своей силой о них забывать? Их ведь также уже не будет! Неужели цена страданий так высока, что должна нас заставить отказаться и от того счастья, которое всегда есть в каждой жизни вместе со страданиями? И вообще - что это за цель такая у религии - уйти от страданий? Причем здесь вообще понятие религии? Это просто какая-то самопсихотерапия, и не больше.

И почему нирвана так грубо декларируется в качестве способа прекратить страдания? Если бы сказали, что нирвана - это возможность искоренить страдания, сохранив все счастливое, то такое определение нирваны, как избавительницы от страданий, было бы правильным. Но нирвана не может расчлнить жизнь на две составные части - на страдание и на блаженство, чтобы одно стереть, а другое оставить. Она *избавляет (!)* сразу и от того, и от другого! Если у человека есть хрустальная ваза из богемского стекла с браком в виде маленького пузырька в ее основании, и этот пузырек раздражает его настолько, что он разбивает всю вазу - то разве он может сказать, что знает способ, как избавляться от пузырьков в хрустале? Поэтому про нирвану надо бы сказать потоньше и поточнее - это способ вообще уйти от всего, и *от страданий в том числе*. Заманчивая цель прекратить страдания, поставленная здесь буддизмом в заглавие параграфа, все-таки, не заслоняет собой главного смысла его содержания - выплескивая из корыта жизни страдания, мы одновременно *выплескиваем и вообще все, что есть в этом корыте, то есть все, что может быть в нашей жизни, а в таком случае разве это не тождественно более короткому утверждению - что выплескивается вообще сама жизнь?* Кроме того, это выплескивает вместе со страданиями и тот главный путь, по которому мы собрались идти, - преодолевать зло и стремиться к Добру, что предполагает собой борьбу, то есть *неравнодушие*, то есть абсолютную *возмутимость* и никакого абсолютного *успокоения*. Это противоречит тому знанию, на котором мы строим свою веру, и это уже основательно отчуждает нас от буддизма во второй раз.

Но самое важное относительно буддизма мы откроем для себя чуть впереди, для чего сначала разберемся - а как все-таки достичь нирваны, и что при этом "по буддизму" из нас получится? Буддизм не скрывает магистрального пути достижения нирваны и даже методологически его описывает, как заправская прикладная философия для домашнего пользования. Дается что-то вроде инструкции к тому, как следует докатиться до нирваны. В этой инструкции обозначены ступени пути, которые следует преодолеть человеку. Инструкция называется "Восьмеричным благородным путем", который по его замыслу осуществляется через достижение всеми желающими всего лишь восьми добродетелей. Это любопытно уже хотя бы потому, что из всех добродетелей выбрано именно каких-то восемь, и мы их внимательно рассмотрим, продолжая все тот же метод незамедлительной постановки волнующих нас вопросов прямо вместе с процессом изучения основ религии. Итак, добродетели, ведущие к нирване. 1) "Праведная вера". То, чего мы ищем! Но сразу спросим: "в кого?" Или "во что"? Ибо нам это совершенно не все равно! И буддизм нам отвечает - праведная вера именно в те самые "четыре благородных истины". И все?! То есть верить надо в человека Гаутаму, который придумал эти истины? Это еще что за религия такая? А где Бог? И где таинство такой веры, которая говорит, что верить надо в то, что сказал странствующий монах? И почему эта вера "праведная"? А вера в афоризмы Ларошфуко может быть праведной? Или для этого надо было предварительно загнать Ларошфуко в отдаленные фиорды и морить его там голодом несколько лет? Без этого факта своей биографии Ларошфуко не может назвать свои афоризмы "благородными", а веру в них "праведной"? Как может образ жизни, подложенный фоном к изречениям, придавать статус праведности какой-либо вере в данные изречения? Пожалуй, это не та вера, которую мы искали.



Этой Веры мы пока в буддизме не видим. Она пока что явно подменяется верой в человека, а не в Бога.

2) "Истинная решимость". Для добродетели несколько странное название, поэтому это следует расшифровать. Здесь подразумевается твердое решение отказаться от дурных намерений и *вражды* к другим людям. Очень хорошо! Мы это просто приветствуем! Здесь все очень похоже на то, что мы называем намерением. Однако, вопрос первый - а кто нам скажет, какие намерения дурные, а какие наоборот? Где этому критерии? Объясните нам, мы хотим этой истинной решимости! Мы уже знаем, что критерии дурного и хорошего не в природе и не в человеке. И, если не в Боге, то тогда где? Про Бога мы пока еще в буддизме ничего не услышали. В Будде? Но тогда - опять в человеке, потому что Будда - это прозвище аскета Гаутамы! Опять эта религия пока что обходится без Бога. Ну, ладно, мы можем взять своего Бога и попытаться отправиться в Буддизм дальше уже вместе с Ним. Но это уже будет экскурсия в буддизм со своим багажом, а не вхождение в него. То есть поездка с познавательной целью на время. Туда и назад. А что делать?

А вот вопрос второй - как быть с враждой к бандитам, захватчикам, извращенцам, убийцам, наркодельцам и прочим? Неужели и с ними надо идти обязательно на мировую, чтобы не споткнуться уже на втором пункте восьмеричного пути? Иисус, например, очень даже враждовал с фарисеями и саддукеями. Слава, Богу, не буддист был. Как же нам тогда прикажете поступать - враждовать, например, с оскорбляющими Бога, или отказаться от этого? Что-то тут пока для нас не совсем клеится.

3) "Праведная речь". Здесь подразумевает воздержание от лжи, клеветы, жестоких слов и фривольных разговоров. Ну, что ж, этому даже в школах учат без всякого буддизма. Но - во имя чего? Во имя самой речи, или во имя того, чтобы не иметь к этому нравственной потребности? Если во имя речи - то это сухой внешний атрибут, и он не имеет духовно-нравственного значения. Это, так сказать, просто уставное поведение. Глаза говорят: "Пошел вон, сволочь, никогда я тебе этого не подпишу!", а праведная речь звучит: "Приходите, если Вас не затруднит, пожалуйста, завтра. Мы всегда рады Вас видеть. Завтра, может быть, что-нибудь придумаем и поможем, чем сможем". Есть праведная речь? Есть. Можно назвать такую речь одной из восьми добродетелей, которые забросят в нирвану? Наверное, вряд ли.

А если все же праведная речь требуется здесь во имя нравственности, то надо вообще убрать этот третий пункт, как ненужный, поскольку он автоматически снимается, если в человеке нет дурных побуждений, что может быть достигнуто им уже на второй ступени пути, и, благодаря чему, уже не будет дурных побуждений и к неправедной речи в том числе. Ведь, хоть праведная, хоть неправедная речь, а произносятся они всегда по некоторым побуждениям, не так ли? Естественно тогда предположить, что в основе неправедной речи лежит дурное побуждение. Следовательно, речь будет всегда праведной, если уже не будет дурных побуждений. А, в этом случае, опять вопрос - что же, все-таки, является критерием дурных побуждений? Смотри вопрос 1-й из пункта 2 восьмеричного пути, и убедишься, что опять нет Бога и это опять не приближает нас пока к буддизму.

4) "Праведные дела". Отказ от *уничтожения всего живого*, от воровства, от удовлетворения низменных чувств, от недозволенных поступков и активное стремление делать добрые дела. То есть нельзя ничему живому причинять смерти, бороться с пороками и стремиться к Добру. Великолепно! Но, извините за наивность, но, все-таки, - а землю можно пахать, если при этом плугом убиваются черви? А живые зерна можно молотить, чтобы хлебом питаться? А руки можно с мылом мыть, чтобы живых микробов убивать? А выздоравливать можно за счет своего собственного фагоцитоза, который убивает вредные, но живые клетки? А огонь разжигать, на который насекомые погибельно для себя летят, можно? А стрелять в фашиста? А удалять глистов? А воду кипятить? А вшей выводить? Куда ни кинь, - все наши дела несправедливы, поскольку даже блоху солдату убить нельзя! И лекарства нельзя ребенку дать - вирусы побьют. Вот насчет воровства, согласны, но это есть и в 10 заповедях, буддизм здесь не монополен, а вот насчет добрых дел - это опять самодеятельность без Божеских Стандартов. Опять пустое умничанье без Бога. Это начинает уже удивлять. Все-таки четвертая ступень, пора бы как-то и добраться до Него.

К тому же, наконец, хоть когда-нибудь хочется уже узнать - какие чувства можно называть низменными, а какие нет? Тут и так с этим покоя нет, например, - хотеть соседку низменно или нет? Желать нокаутировать своего соперника в полуфинале - низменно или нет? Желать побольше денег заработать - низменно это или нет? Желать, чтобы наши солдаты убили в войне побольше врагов - низменно или нет? Желать, чтобы жены всех террористов всего мира поскорее стали вдовами - низменно или нет? Желать, чтобы при конкурсе в 10 человек на одно место твой ребенок прошел, а остальных девять завернули - низменно или нет? Тут и так голова пухнет только от самих вопросов, а буддизм еще и рану берedit: низменных чувств не удовлетворяй, говорит, а что низменно, что не очень, что на половинку, а что вполне допустимо - опять не рассказывает. А даже если бы и рассказывал, то мы ему не поверили бы - почему мы должны верить экс-принцу и монаху первого тысячелетия до нашей эры? Здесь нам только Бог мог бы быть указом, но мы Его по-прежнему пока в буддизме не видим.

Опять от нас буддизм требует чего-то непонятного - или доверься самому себе, или доверься давно умершему страннику, что вполне приемлемо для любого из вариантов, но только в том случае, если дело не касается ... религии. В религии доверяются Богу. Что-то буддизм все меньше становится похожим на религию.

5) "Праведная жизнь". Зарабатывать на жизнь честным путем и вести достойную жизнь. Ну и чем это отличается от "праведных дел" предыдущего пункта пути? Разве все наши дела, как праведные, так и неправедные - это не наша жизнь? И что такое жизнь в религиозном смысле, если не наши дела? Зачем еще этот пятый пункт? Чтобы искусственно добраться до заветной восьмерки? А если бы было только 7, а не 8 ступеней, то это был бы "неблагородный семеричный путь"? Только наличие восьми шагов делает этот путь благородным? Чем восемь ступеней лучше семи, чтобы искусственно их пристраивать до этой четной цифры? Пункт, явно дублирующий предыдущий, поэтому его пропустим.

6) "Праведные мысли". Человек постоянно должен заполняться идеями добра и устранять из головы всякие вредные идеи. Приехали! Можно было вообще оставить один этот шестой

пункт, так как он своим содержанием полностью обеспечивает достижение 2, 3, 4 и 5-й добродетелей. Правильно думай - и будешь правильно говорить, и, соответственно, правильно делать дела, правильно жить и правильно проявлять правильную решимость. Но опять без Бога. Итак, мы имеем, в конце концов, некий "двоичный путь" без Бога по-прежнему, где первая ступень - верь опыту странствующего аскета Гаутамы, а вторая, - правильно думай. Но, поскольку и сама "праведная вера" буддизма взывает не к *ощущению* Бога, а обращает к *осмыслению* нескольких совсем простых истин в количестве четырех штук, то такая "праведная вера" также может вполне считаться просто "праведной мыслью". То есть, тем же самым, что и вторая ступень нашего уже "двоичного пути" - "правильно думай", в силу чего у нас остается вообще благородный "единичный путь" к нирване, но по-прежнему не к Богу и не через Бога, а как-то в обход Него.

7) "Праведные помыслы". Это - постоянно помнить, что вещи по своей природе преходящи, а сама жизнь постоянно наполняется скорбью. При чем тут "помыслы", то есть намерения? Или цель всех намерений - помнить, что все пройдет, а вокруг одни беды и ужасы? Зачем это? А затем, отвечают буддисты, что, помня об этом, ни о чем не будешь жалеть, ни к чему не будешь привязан, и ни от чего не будешь зависеть. Так у нас уже вокруг полно буддистов! Это - бомжи, которым на все чихать, которые ни о чем не жалеют, ни от чего не зависят и ничего, кроме горя ни вокруг себя, ни в прошлой жизни, ни в нынешней не видят. Может быть, стоит их облачать в обноски желтого цвета, как в символ принадлежности к праведным помыслам свободы от бренного и обыденного, и как в символ постоянного наполнения скорбью?

Вот это так помыслы - все вокруг тлен и беспросветный мрак! Очень праведные помыслы! В чем их праведность? В том, что *вот так оценен* порядок, созданный Богом? В этой самой оскорбительности и состоит их праведность? Очень праведно - швырнуть Богу в лицо мир, созданный им с любовью и с великой целью, только потому, что он не устраивает наше несовершенство, и мы через свое же зло в нем страдаем! Буддизм, как ни удивительно это для религии, пока что не только не показал нам вообще никакого Бога, но и вообще стал отдавать кощунством. Это не добавляет для нас заманчивости в нем!

8) "Истинное созерцание". Вот мы и добрались до последней ступени на пути к нирване. У этой ступени четыре стадии. Пройдемся по порядку.

1-я - сосредоточение на осмыслении истин с наслаждением радости свободной отрешенности и чистого мышления. Каких истин? Да все тех же четырех благородных, наверное, других то больше пока не названо никаких. А что они говорят нам, если мы вспомним? А они говорят нам: "Все вокруг погано, ох, как погано, хлопцы, трэба тикать в нирвану!" Вот об этом надо думать с наслаждением и ... "чисто". Это, простите, - как? А если думать "отрешенно", то от чего? От мира? Но истины-то, о мире! Как думать об истинах отрешенно, если их невозможно "отрешить" от мира, поскольку они о мире? Смотреть со стороны? Когда тебя это не касается? Тогда зачем уже думать о том, что тебя совсем не касается? Ничего не понятно с этой 1-й стадией этого "спасительного" пункта! И, опять же, - через что спасаемся? Опять через свою голову? Опять без Бога? Это становится уже подозрительным! Но у нас есть еще вторая стадия.

2-я стадия последней ступени - это усиленное невозмутимое размышление. Перечитаем несколько раз. Перечитали? Не помогает? Мне тоже. Как соединить "усиленное" и "невозмутимое"? Кто подскажет? Усиленное, следовательно, напряженное, следовательно, в соответствии с какой-то целью, следовательно, данная цель имеет определенную *важность*, а тогда - что может быть важным для невозмутимости? Если что-то *заставляет* напрягаться, то разве не *"возмущает"* оно этим самым невозмутимого спокойствия духа? И, что значит - "невозмутимое размышление"? Если ничего в голове "не возмущается", то о чем тогда вообще можно размышлять? Как можно фиксироваться на том, что не трогает и не возмущает внимания? Уж сказали бы проще - ни о чем не думай, и все. Или даже - усиленно ни о чем не думай. То есть - усиленно гони от себя все мысли. Невозмутимо усиленно гони от себя все мысли. По-простому - перестань быть мыслящим существом. Призыв понятный, но пустота невозмущенного разума не дает места Вере, и это не для нас.

3-я стадия - совершенная невозмутимость и освобождение от ощущений телесности. Ого! А это - как? Зачем нам без "ощущения телесности"? А если, извините, понос? Мы, получается, в своем ощущении бестелесности этого не заметим, несмотря на переполох, который начнется вокруг нас? Или, например, нас будут бить ногами, а мы будем усиленно невозмутимо похохатывать? Это что - анестезия всего тела, или выход из тела, или просто превращение в бессловесного идиота, ничего не чувствующего и ни о чем не думающего? И зачем такой длинный путь нарисовался впереди ко всему этому? Не проще ли - сразу умереть? Тут тебе и невозмутимость, и бестелесность, и безмыслие и полное отсутствие страданий. Чем не нирвана? Тем более что 4-я стадия, к которой мы уже подошли вплотную - это состояние совершенной невозмутимости, безразличия (!) и самообладания. Вот и спаслись! Вот и в нирване! Мы стали, как мебель. Ни пользы от нас, ни вреда, обмывай иногда под душем, да врачам показывай. Великая цель великой религии?

И самое главное - при чем здесь вообще понятие о религии, как о живой связи с Богом через живую Веру? Где Бог, спросим мы в который раз? Сплошная философия вперемешку с техникой умственного тренинга для превращения в безликий и полуспящий образ вида некоего человека, который вышел на утреннюю пробежку, забыв, что он в коме.

И не стоит, наверное, пугаться собственной решимости отказать буддизму в звании религии. Это просто специфическая философия бегства из мира, которая называется "пробуждением" по какому-то странному недоразумению, ибо ее цель как раз состоит в процессе обратном пробуждению - в "угасании", как мы помним! Цель буддизма состоит в глубоком обмороке мозга, вызванном страхом перед страданиями и жизнью. И мы ничего не имеем против того, что 700 миллионов людей видят в этом фокусе религию, но нам она не подходит, потому что мы ищем Веры в Бога, *которого вообще в буддизме нет как такового!!!* Сила буддизма, возможно, состоит не в его религиозной составляющей, которой в нем вообще нет, а в тех великих догадках, которые сделал несомненно умный Гаутама не как проповедник, а как философ. Это: дхармы, сансара и карма. Может быть, опираясь на эти догадки, можно включить в систему идей Гаутамы самого Бога, и получится что-либо приемлемое? Ведь как-то управляют с этим буддисты, раз они считают свою философию религией? Может быть, они идут

именно этим путем - добавляют от себя лично Бога в учение, в котором Его нет, и получается религия? Попробуем и мы.

Дхарма. Это открытие Гаутамы, которое является центральным пунктом его учения. Некоторые исследователи буддизма даже называют его учение "теорией дхарм". Что такое дхарма? Сразу не ответишь, как не особо сразу и выговоришь. Будда умел излагать свои мысли. Здесь он был, несомненно, талантлив. Поэтому пересказать буддистским языком понятия дхармы, это то же самое, что обрадовать чукчу на весь день, дав ему листок бумаги, с обеих сторон которого написано всего по одной фразе: "Смотри на обороте". Только прямое значение дхармы имеет в восточном изложении 7 (!) совершенно различных толкований. И все они верные. И все не имеют друг к другу никакого отношения, потому что имеют в виду совершенно разное! Всё очень запутано. Из всех наиболее простых и коротких изложений понятия дхармы удалось выбрать одно, наименее накрученное, которое звучит так: "Дхармы - это "носители", или истинно-реальные, непознаваемые субстраты тех элементов, на которые в абстракции разлагается поток сознательной жизни, то есть единство субъекта и переживаемого им мира, как внешнего, так и внутреннего. Сущность каждой дхармы трансцендентна, непознаваема; "признаки", или проявления, дхарм образуют поток сознательной жизни. Таким образом, элементы, на которые разлагается поток сознания, не являются дхармами, а "проявлениями дхарм", однако ради краткости часто употребляется термин "дхарма" вместо выражения "проявление дхармы"; в таком случае понятие "дхарма" можно передавать словом "элемент". (Конец цитаты). Нам, конечно же, легче, что в некоторых случаях вместо "дхарма" можно говорить "элемент", но уж лучше бы сразу написали - "см. на обороте". Результат был бы тот же, а читать короче. Вообще, помимо приведенного нами, описываются еще бесчисленные оттенки значений понятия "дхарма", а также сложные, но абсолютно неконкретные пояснения этого "элемента" (мы тоже, уже кой чему научились!). Курт Воннегут в своем фантастическо-печальном романе "Лёд-9" высказал жесткую мысль о том, что ученый, который не может семилетнему ребенку объяснить просто и доходчиво то, чем он занимается, - шарлатан. Мы далеки от намерения навешивать на кого-нибудь такие ярлыки, и просто попытаемся за них сделать их же работу - объяснить просто и понятно, что такое дхарма.

Для этого следует представить себе детский калейдоскоп. Это такая игрушка - бумажная труба, с одной стороны которой расположено зрительное стеклышко, а с другой стороны встроено несколько совмещенных под углом зеркал на матовом фоне. Там, где находятся зеркала, в потайное место насыпаны разноцветные мелкие стекляшки различной формы. Если взглянуть на свет через зрительное отверстие, то на поверхности разнонаправленных зеркал цветные стекляшки, многократно и одинаково в них отражаясь, образуют красивый симметричный рисунок, хотя самих стекляшек, лежащих беспорядочно, не видно. Вот эти цветные стекляшки - это дхармы. Как стекляшки являются составляющими рисунка, не будучи сами непосредственно рисунком, так и дхармы являются тем, что составляет нас, не являясь непосредственно нами, а являясь только отраженным в материи своим собственным видом. Они - нематериальные составные элементы каждого из нас, отраженные в материи. То, из чего мы состоим. Наши субстраты. Как самих стекляшек не видно, а видно только их отражение в

зеркала, так и наших дхарм не видно, а видны только их признаки, отраженные в вещественно-физическом мире в виде нашего образа. Отраженный в зеркалах рисунок стеклышек - это тот наш вид, который наши субстраты-дхармы-стекляшки приобрели в материальном проявлении данной нашей жизни в физическом мире.

Если повернуть трубу калейдоскопа, то стеклышки пересыпятся с места на место и изменят свое взаимное месторасположение. В этом случае изменится их рисунок в зеркалах. В этом и состоит суть игры - одними и теми же стеклышками при осевом вращении трубки калейдоскопа все время образуется новый, четкий, неповторимый рисунок. С каждым новым поворотом трубы будет меняться вид горки цветных стеклышек, и будет меняться отраженный в зеркалах рисунок. Это - наши новые рождения. Реинкарнации. Каждая новая наша жизнь - это новое расположение наших дхарм (на нематериальном плане) в новый вид (на материальном плане) в зеркалах физического мира. Крутится колесо рождений и смерти, и при каждом его новом повороте наши дхармы образуют новый рисунок, и каждый раз появляется новая личность из одних и тех же дхарм, расположившихся по-другому.

Согласно буддизму наша сущность состоит из одного и того же, но принимает постоянно новую неповторимую конфигурацию в каждом воплощении. Вот что несут в главном основном своем понятии дхармы.

Теперь посмотрим, как это согласуется с тем, к чему пришли в свое время мы. Мы не будем спорить с самим Гаутамой, а будем просто исходить из того, что наши идеи нам нравятся больше, но если нам что-то из буддизма подойдет, то мы это примем. А если нет, то оставим буддизму.

Итак, первое, что нас не устраивает - это неизменность дхарм. Мы пришли к выводу, что всякий раз в новую жизнь воплощается уже обновленная и улучшенная пережитым опытом наша индивидуальность, а дхармы говорят нам о том, что наша сущность не меняется, а просто *перекombинируется* в своих одних и тех же элементах. Это с нами не совпадает, поскольку в нашем варианте есть смысл перерождений, выражаемый в собственном усовершенствовании через позитивные изменения собственной сущности, а в буддизме - бессмысленный круговорот случайной тряски неизменных дхарм, что *не изменяет* нашей сущности никак, то есть не совершенствует и не приближает нас ни к Добру, ни к Богу.

Второе, что нам здесь не нравится, это то, что смысл своего спасения мы видим в *наращивании* положительных свойств своей сущности, соответствующих Его критериям и Его требованиям, что предполагает наше *активное участие* как в формировании условий своей собственной очередной жизни, так и в самом замысле создания собственной, следующей по виду индивидуальности. Мы даже можем предположить, что Он как-то советует нам это делать, поскольку, если Он устраивает нам экзамен на нравственность в первые минуты после жизни, то почему бы Ему не помочь нам подтянуться по отстающим темам специальными заданиями в новом рождении? Это нас здорово успокаивает, обнадеживает и целеустремляет.

А теория буддистского спасения состоит в сокращении дхарм-носителей нашей сущности путем их какого-то успокоения. (Это главный "технический" момент теории - уменьшить количество дхарм до их полного отсутствия через их же некое успокоение). В одном случае (в

нашем) в нас становится все больше активно хорошего, а в другом (в буддизме) - нас самих становится все меньше и меньше за счет успокоения-смерти наших составных элементов. Но мы не хотим умирать, пусть даже таким великим восточным способом, и поэтому соглашаемся по сути, что есть некая наша нематериальная сущность, которая каждый раз проявляется в материальной жизни по-разному, но считаем, что эта нематериальная сущность может изменяться в лучшую сторону, и принимает сама в этом сознательное участие, а не подчиняется слепому бухгалтерско-кредитному закону кармы.

А здесь мы уже лицом к лицу со второй догадкой Гаутамы - с кармой. Это слово уже плешь проело своим постоянным употреблением, и, поэтому, особо не вдаваясь в восточные тонкости, определим понятие кармы, как положительный или отрицательный итог от суммы двух чисел, одно из которых с плюсом (добрые дела), а второе с минусом (плохие дела). То есть  $+3 - 6 = -3$ , где  $-3$  - это карма будущей жизни, согласно которой уложатся твои дхармы. Число с плюсом ( $+3$ ) - это количество добрых дела за твою прошлую жизнь, а число с минусом ( $-6$ ) - это количество плохих дел. Следовательно, в следующей жизни у тебя начальный счет  $-3$  в пользу кармы и ты, рождаясь по ее закону, приобретаешь следующий вид своей судьбы  $-3 + ? = ?$ . То есть, начнешь с наказания некоторого объема, составляющего условия твоего рождения и предполагающего страдания на сумму  $-3$ , а дальше все пойдет по арифметическим раскладам добрых и злых дел.

По сути, мы можем и с этим согласиться. Идея переноса прошлых недостатков в новую жизнь для их устранения нам близка. Но в данном случае карма, как некая вселенская мораль, требующая соответствия себе, выступает обезличенно. Как нечто, работающее неумолимо, но беспристрастно. И главное - равнодушно и бесцельно. Здесь человека наказывает все, а спасает его - только он сам! Опять без Бога, что уже привычно, в общем-то, но главное, что нам здесь не импонирует, так это то, что карма - это не Добрая Личность, которая заинтересована в нашем спасении, а какая-то неведомая сила, слепой закон, механизмы которого нам неизвестны. Как ей угодить? Чего она хочет? Чего она от нас требует, когда предопределяет нам судьбу при рождении? А ничего! Потому что, - чего может хотеть "ничто"? Она просто работает без цели и без поддержки нам. Очень одиноко от такого предположения становится. Холодно и страшно. Естественно, что от такого хочется бежать в нирвану, где нет ничего, а, следовательно, и этого холода и страха. Но мы не хотим бежать в летаргическую нирвану мозга, и поэтому, соглашаясь с идеей связи своих нынешних дел с тем, за что нам придется расплачиваться в следующей жизни, мы не хотим соглашаться, что сделаем это не с помощью нашего Доброго Отца, а под воздействием холодной механической руки кармы. Мы не согласны с тем, что наши изменения (как пересортировка дхарм) происходят не из внутреннего нашего устремления к Богу, а по какому-то внешнему, чуждому нам, совершенно равнодушному к нам же фактору. Мы, как представляется, имеем право на это несогласие.

Кроме того - как через карму достичь нирваны? Надо сделать ровно столько же добрых дел, сколько было сделано злых и не больше? То есть, надо, чтобы было  $-3 + 3 = 0$ ? Тогда кармы не будет, не будет наказания и страданий? Тогда зачем нирвана? Живи и радуйся, как обладатель нулевого баланса Добра и зла в своих поступках. А если сделать много-много добрых

дел и мало-мало злых? То есть  $-3 + 48 = +45$ ? Тогда будет только положительная карма? Тем более - зачем нирвана? Живи и радуйся в 45 раз больше! Что-то тут не вяжется. Зачем так упорно стремиться превратиться в бездумного моллюска, убегая как от страданий, так и от счастья, если можно заработать счастье добрыми делами? Патология какая-то. От всего буддизма так и веет суицидом (неутолимимым стремлением к самоубийству). Добровольно не помрешь в нирване - так карма добьет нескончаемыми страданиями. Жуть!

И третья догадка Гаутамы - сансара. Это еще проще. Это круг перевоплощений, где смерть является лишь началом новой жизни. Это мы одобряем в корне. Но только именно это, потому что этот круг перевоплощений буддизмом трактуется не как путь усовершенствования, а как бесцельно замкнутая система, наподобие приведенного нами для примера детского калейдоскопа. Если не пробудиться (то есть, не угаснуть!), то колесо будет вертеться вечно. Постоянно приходится читать, что восточные религии - это религии пробуждения. Имеются в виду те религии, в основу которых заложен буддизм. Само слово "Будда" означает "пробужденный". По декларации это составляет следующее содержание: все, с чем сталкивается человек в мире, создано им же самим. Следовательно, по сути, все пусто, все лишь плод его разума и надо от этого сна пробудиться. Все обман, кроме духовного пробуждения, некоего слова пробуждения и некоего братства пробужденных. Но, во-первых - почему для этого сделано исключение? Почему и пробуждение, и его слово и его братство - не обман? Никакого обоснования! А во-вторых, в таком случае, и Бог тоже - ничто и обман? А это нам совсем не подходит. И вообще, если все ничто, тогда это "все" не имеет никакого содержания, а тогда не имеет содержания и сама эта религия, не имеет содержания и сама жизнь, и не имеет содержания само пробуждение, потому что то, через что достигается пробуждение - правильная мысль - тоже ничто, как порожденная все тем же "ничто", мозгом. Несколько дурная наследственность у такого "пробуждения" (даже если это и угасание, которое упорно называется пробуждением).

И теперь последнее, что можно сказать о буддизме, исходя из сансары. Сначала напомним себе, что это все же никакая не религия, а философия жизненной позиции суицидного толка, потому что это не может быть религией при отсутствии понятия высшего человеку, то есть Бога. Став Буддой в череде рождений, человек уподобляется богу, и сам становится богом, Буддой. Гаутама-Будда выступает в этой "религии" как бог только потому, что он - первый Пробужденный Побудитель, родоначальник всех остальных пробуждений и сострадания ко всему существующему. Следовательно, когда образуется то самое "братство пробужденных", где каждый будет Буддой, то появится множество богов, таких же, каким сейчас считается Гаутама, и в этом случае получается вообще какая-то неразбериха терминов - с одной стороны вообще нет понятия высшего человеку (Бога), но появляются откуда-то какие-то боги в неопределенном количестве, что рождает какое-то несваримое понятие смеси язычества с самопоклонением человека самому себе без всяких богов, которых одновременно вокруг не считано и не меряно! Восток - дело слишком тонкое в данном случае. Надо осторожно положить это на место и постараться забыть - психиатрия может лечить только буйных, а на тихой радости этого красивого тупика можно прожить в удобной палате с трехразовым питанием до конца своих дней



почти в нирване, но это не совсем та нирвана, в которую стоило бы свалиться даже на крайний случай.

А теперь о сострадании ко всему существующему. У пробужденного человека нет желаний, нет страданий, нет радостей, нет целей. Разве такой набор достижений не убивает нравственность? Если все в мире обман и пустота, то и нравственность - обман и пустота. Однако человек-Будда не уходит совсем в никуда от нравственности в этом положении пробужденного, так как полагается, что у новоявленного Будды должно остаться все же одно состояние души - жалости ко всему. То есть, нравственность как бы декларируется. Но это - химера. Если собаки напали на ребенка, и грызут его, то жаль ребенка и без буддизма, а вот жалеть собак и не бить их обрезком подвернувшейся трубы - даже с буддизмом не хочется. Такая жалость ко всему - это равнодушие ко всему. Уравняв всех в жалости, мы уравниваем обиженного и обидчика, делая, по сути, жалость просто вненравственным биологическим состоянием, бисером, который приходится метать перед любой свиньей. Так работает дождь - одно растит, а другое сносит с фундамента и уносит в потоках наводнения. Он равнодушен - выплюнул, что должен был выплюнуть, и вот рядом тучнеют заливные поля, а чуть дальше погибли. или остались без крова и имущества, люди. Я свое сделал (говорит дождь) - это мое состояние души, а вы хотите, съешьте, хотите, выблюйте. Сострадание буддизма - это сведение нравственного чувства, сознательно избирающего объект сострадания, просто к природному явлению, которое одно на всех, даже если всех и не надо уже жалеть. Даже если такое сострадание и сохраняется у пробужденного - оно не из нравственности, и нам здесь нечего искать.

Жалость как состояние души по своей сути не имеет никакого значения для жизни - я должен жалеть всех, но, очевидно, только не в случае необходимости действия, поскольку действие может обязывать меня во имя одной жалости поступиться другой, а у меня нет никакой другой жалости - одна большая жалость на всех. Но и это - химера, потому что даже в нашем простом примере - пожалеть всех, это не пожалеть ребенка! На такой голый принцип, как на кол, сажается нравственность в буддизме и нам с этим не по пути. Мы ведь помним, что любая принципиальная добродетель оборачивается злом, если к этому могут складываться соответствующие обстоятельства.

Еще про пробуждение. По буддизму пробуждение достигается через череду снов! Вдумаемся в это! Проснуться через череду снов! Проснуться через более правильный сон! Не отряхнуться от сна, чтобы пробудиться, а заснуть более верным образом с той же целью! Им самим в этом что-нибудь понятно? Каждый сон (жизнь) в этом учении все более совершенен и совершенен, если предыдущий ему сон подпадал под благотворное влияние законов кармы. Спи все лучше, тревожься все меньше, - и ты проснешься! Очень стройно! То есть, достичь цели, отрицающей жизнь как обман, через обман же! Славно, но несколько мутно даже для того, чтобы хоть контуры смысла разглядеть.

Но, даже и через эту логическую неразбериху учения видно одно его весьма точное по логике понятие - Единого Бога, Создателя всего, Отца - нет, а есть человек, который может стать богом. Появляется нечто новое в природе - какой-то самобог, понятие, которого, конечно же, возвышает человека в его собственных глазах, но этому самому самобогу можно задать сразу же

несколько вопросов. Первый - а как самобог мог создать Вселенную, ввести в нее карму, дхармы и сансару тогда, когда он еще не был самобогом? Ведь и до Будды, как до первого самобога, все это уже было! Он просто удачно вписался в этот порядок вещей, как он утверждал. Если все это создал Бог, то где он в буддизме и чего стоит любая просветленность по сравнению с возможностью соединения с Ним? А если все это не создал ни Бог, ни самобог, то тогда кто? Никто? Ну и ну! Каким-то материализмом уже несет и несет довольно крепко! Неужели буддизм - язычески-материалистическое по своей базе воззрение? Вот было бы смешно! В такое недоразумение трудно поверить, но поверить этому придется, поскольку осилить это помогает понятие сансары, которое утверждает, что (внимание!) цепь перерождений является ...(трижды внимание!!!) безначальной! То есть никакого Начала или первотолчка ни миру, ни человеку не было! Безначальность в самом сердце самого смысла учения! Вот и встретились материализм и буддизм! Вот и можно теперь смеяться, потому что о безначальности мы уже наговорились от души, что бы над нею только смеяться, а, во-вторых, потому, что на самом деле все эти храмы, молитвы, обряды, монахи, церковная иерархия и толпы верующих - все это материализм? С таким материализмом даже мавзолеем на Красной Площади не сравнится!

И второй вопрос самобогу - все эти молитвы, храмы, обряды, церковная иерархия и толпы верующих - для кого? Кому все эти поклоняющиеся поклонения, если сам станешь Буддой? Самому себе будущему? Или тому из нас, кто уже вошел в это пробужденное будущее? Извините, но это не религия, где человек поклоняется человеку. Это философия в форме религии.

Но даже если буддизм, все-таки, и религия в чем-то национальном понимании, то его нравственное содержание (в виде жалости ко всему живому) совершенно нелогично из его же собственного базового содержания! Жалость всего лишь объявляется, но абсолютно безо всяких к этому оснований, потому что если все вокруг сон, не имеющий значения, то естественнее была бы своим результатом бесстрастность и равнодушие, а не сострадание! Откуда изнутри буддизма можно выдавить жалость, если сама жалость не проистекает из связи жалельщика с тем миром, от которого он наконец-то освободился в вечном покое нирваны? Зачем жалеть обман и пустоту? Где этому логика?

Нелогично и само поклонение буддизма, поскольку оно является лишь следствием и *спутником относительного несовершенства личности*, так как если личность сама становится Буддой и достигает нирваны, то она становится ему равной, и смысл поклонения сразу же для нее пропадает. Ведь даже сам верховный бог Брами поклонялся Будде, учился у него и оказывал ему божеские почести. То есть все наоборот - даже боги будут поклоняться пробужденному человеку, а не человек будет поклоняться Богу. Человек в буддизме поклоняется человеку, который стал выше богов через познание истинности всего, и сам стремится стать выше богов. Здесь нет вечного предмета поклонения! То есть, это поклонение всего лишь эпизодическое по задачам - как признание своего временного несовершенства через почитание тех людей, которые этого совершенства уже достигли. Получается, что сам путь буддизма имеет высшей своей целью утерю религиозного чувства!!! И чем это как раз не тот путь, обратный которому мы предприняли? То от чего мы хотим уйти в поисках Веры, к этому стремится буддизм! Кто-то уже,

особенно пронизательный, наверное, делает ставки на то, что буддизм мы не выберем. Похоже - он делает верные ставки.

Потому что нирвана - это всего лишь абсолютное состояние за пределами всего, а нравственность - это норма, которая должна укрепляться в пределах того же. Поэтому нирвана ничего не может исправить и целесообразовать своим уходом из мира. Для Добра она совершенно бесполезна. Она лишь момент достижения абсолютного отрицания действительности, а высшая нравственность - это момент абсолютного утверждения действительности, как реализации Замысла Бога. Да, по всему видать, что мы буддизм не выберем.

Не выберем мы его еще и потому, что он не может быть целью всех. Если все мы станем Буддами, то есть просветленными равнодушными аскетами, то кто нас будет кормить и подавать нам милостыню? Кто будет рожать детей, оберегать их, растить и продлевать человеческий род? Получается, что, или буддизм предполагает собой некую элиту общества, которая станет пробужденными богами, а остальные будут их кормить и им же поклоняться, или же все оставшиеся со временем станут тоже Буддами, то есть тоже остановят сансару, перестанут рождаться и все человечество уйдет в ничто, растворится в этом "ничто", успокоив все свои дхармы, и даже воспоминания от него не останется, потому что некому будет об этом помнить в невозмутимо безразличном состоянии отсутствия вообще где бы то ни было. От человечества не останется вообще ничего, потому что даже жалеть в этом случае уже некого будет, (все Будды, чего их жалеть?). Все будут безразличны друг к другу и пусты внутри до такой степени, что Бог, найдя нас в этом состоянии, вообще не сможет нас разделить на отдельные личности, поскольку все мы растворимся и угаснем в некоем Абсолюте Невосприимчивого Ничто. Наверное, только Бог и будет тогда единственным, Кто кого-то будет жалеть. А жалеть Он будет нас. Как дураков, которые не поняли, ЧТО ОН МОГ БЫ ИМ ДАТЬ. Это если Бог есть, а по буддизму Его, похоже, нет, поэтому мы с буддизмом закончим, в надежде на то, что Богу мы нужны в собранном состоянии, а не в виде архивных чертежей того, что когда-то было, да сплыло в нирвану.

Но еще кое-что о буддизме мы скажем. Представляется, что буддизм несколько ажиатажно раскручен и разрекламирован в Европе. Он подается на каком-то блюде, в виде яства, уникального по методам и способам для работы духа и мысли, которое неведомо местным поварам. На самом деле, как ни странно, в нем нет ничего, чего не было бы, например, в христианстве. Например, в 13 и 14 веках во Франции, Швейцарии, Германии и Австрии распространились секты "свободного духа". Главным в их доктрине была вера в возможность "преображения в бога". Ну и чем это не буддизм на родной почве? Эти секты учили следующему - так как душа каждого человека состоит из божественной субстанции (а вот вам и дхармы!), то такого состояния "божественности" может достигнуть каждый человек. Как это сделать? А все так же - через многолетний искус в секте, отказ от собственности, семьи, от своей воли (и желаний?) и жизнь на милостыню (!). Все знакомо, не так ли? Этаким образом можно достичь состояния "свободного духа", что является не временным экстазом, а постоянно длящимся состоянием свободы от всех нравственных и моральных законов (нирвана!). В этом состоянии человек становится равным Богу (пробуждается?). Здесь даже выше, чем в буддизма идея, поскольку

ведет не в какое-то ничто, а в Бога. Чего обезьянничать за Востоком, когда у себя все это давно пройдено и забыто?

Или, например, эти отшельники буддистские монахи, которым наши христианские сподвижники сто очков дадут вперед по ограничению себя в пище и в самоистязании, разве чем-то отличаются от европейских "святых"? Только скуластостью да разрезом глаз.

Знаменитая медитация, о которой готовы разговаривать все, для Европы тоже совершенно знакомое явление. Если кто-либо захочет помедитировать, не искажая ноги скрещиванием в лодыжках, тот может податься в христианский монастырь, где монахи научат его точно такой же медитации, которую называют более просто и более точно - "умное делание" (то есть работа умом), или "неизреченная молитва" (то есть неоформленная в понятия внутренняя речь или мысль). Это та же самая медитация, только ориентированная не на поиск и соприкосновение с пустотой, а направленная на тонкий контакт прямого ощущения Бога. Причем без всякой акробатики и в самой удобной позе.

Что еще осталось от буддизма, чего, вроде бы нет в Европе? Ах, да! Знаменитые коаны! Что такое коаны? Это фразы, которые специально придуманы таким образом, что они или вообще не имеют смысла (согласимся - трудно придумать такую фразу!), или смыслы их разных частей прямо противоречат друг другу. Зачем это? Для того чтобы, обмениваясь такими фразами, или задавая их в качестве вопросов, вводить собеседника в особое состояние ума, при котором отключается логика. Задача ясна - познать можно только взглянув на что-то со взаимно противоречивых позиций, когда каждая из них в отдельности правильна относительно данного явления, а вместе они логически исключают друг друга, так что приходится познание брать наитием, порожденным логическим клином этих двух столкнувшихся суждений. Пожалуй, сказать здесь, что это тот же самый европейский принцип дополнительности, о котором мы уже знаем, - это обидеть читателя, который уже и сам уже догадался. Считай, читатель, что я этого не говорил.

Однако европейский метод дешевле и продуктивнее - он направлен на сверхзнание, и опирается на предел логического познания, после чего человек не теряет навыков полезной деятельности. А буддистский метод направлен на просветление, которое на что бы не опиралось в своем достижении, является поводом к тому, чтобы человек выпал из общества и сел бы кому-либо из родственников на шею, ибо даже просветленного надо одевать и кормить.

Но буддистские и даосские мудрецы очень похваляются своими коанами, видя в них нечто совершенно недостижимое для грубого европейского ума. Для болей ясности приведем несколько коанов:

"Если у тебя есть посох, я тебе дам посох, а если у тебя нет посоха, я у тебя заберу посох"

"Если ты хочешь к чему-то приблизиться, то ты, конечно, его упустишь"

"Если некто видит, что формы есть формы, то он видит Будду, а если некто видит, что формы не есть формы, то он видит Будду".

По типу коанов строятся целые диалоги между учителями и учениками, между самими монахами и т.д. Например, отличники боевой и политической подготовки из монастырей могут совершить между собой такой диалог:

Монах спросил Сян Линя: "Что означает приход Бодхидхармы с Запада?". Сян Лин ответил: "От долгого сидения наступает изнурение". Мудрый ответ, не правда ли? Но зря читатель предполагает, что более мудро на этот вопрос уже невозможно ответить, потому что некий Чжу Фэн сделал это еще более совершенным образом. На тот же вопрос он ответил совершенно поразительно: "Дюйм волоса черепахи весит девять фунтов". Обычно после таких ответов спрашивающие просветляются. А как ты себя чувствуешь, читатель? Если еще, все-таки, у тебя остались где-то непросветленные области, то послушай еще один ответ на все тот же невезучий вопрос. Автор этого ответа Дун Шань Лун, и он про Запад и про Бодхидхарму вот что думает: "Я хочу сказать вам, когда горный поток потечет вспять".

Когда мы, попав в незнакомую деревню, спрашиваем глуховатого дедушку на крылечке: "Дедуля, как выехать на трассу?", а он нам отвечает: "Сейчас стропила не получатся - лес еще не просушился", то это не коан. Хотя просветляемся мы в такие минуты здорово. Причем и дедуле может достаться немножко. Однако в том же христианстве есть такие "коаны", которые точно также застопоривают логику, но не бессмысленностью, а наоборот приближением непосредственно к самому сокровенному внелогическому смыслу. Евангелие от Иоанна вообще начинается коаном всех коанов.: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Чем не коан? А чем не коаны такие изречения Иисуса, как: "Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее" (Матфей, 17:25), или: "Многие же будут первые последними, а последние первыми" (Матфей, 20:30) (речь шла о Царстве Бога).

Похоже, что весь буддизм можно представить себе в качестве экзотического филиала христианства, основанного на ереси. Хотя на такой базе он, конечно же, не может быть филиалом. Скорее всего, тонкости буддизма совершенно не интересуют самих буддистов, которые реализуют в нем ту самую потребность человеческой души в Вере и в поклонении, не задумываясь о смысле совершаемых действий. Если человек родился буддистом и какое-то потребное для жизни религиозное чувство у него проявляется через форму буддизма, то это, несомненно, благое дело, поскольку человек удовлетворяет этим неосознанную потребность в благоговении перед высшим, не понимая или не желая понимать, что это высшее подменяется в буддизме таким же человеком. Но если человек осознанно выбирает себе предмет Веры и объект поклонения, как это пытаемся сделать сейчас мы, то он должен или выбрать себе что-то, ведущее к Богу, или буддизм. В нашей воле пойти дальше, а в воле любого остаться в помыслах о нирване.

А дальше перед нами всего две религии - ислам и христианство. Впрочем, здесь игр уже быть не должно. Во-первых, это уже действительно религии, где есть Бог, и легкое ерничество в тоне, которое мы допустили в отношении буддизма, здесь будет неуместно. Если в буддизме мы затронули только его философскую сторону, и это позволило нам определить, что в нем религией по своему содержанию и не пахнет, то ислам и христианство имеют в себе Бога, и это не те области, в которые следует шумно вторгаться с исследованиями, аналогичными предпринятым

при оценке творческого наследия Гаутамы. Потому что если кто-то оскорбится за Гаутаму, то это затронет всего лишь *чувства ученика к учителю*, а если кто-то в исламе или христианстве оскорбится за Бога, то это затронет религиозные чувства, которые надо всячески щадить и беречь от нанесения ран. Это чувства, затрагивание которых - табу.

Поэтому, уважая чувства мусульман, мы не будем детально разбирать, в чем ислам не соответствует тем выводам, которые мы сделали для себя на протяжении нашего пути к вере. Просто через ислам, основываясь на простом знании того, что должно из себя представлять ощущение Бога, веру получить трудно. В исламе есть великое и благодатное чувство Бога, поклонение Ему и благоговение перед Ним. Вселенские картины хаджа вызывают высокое и одухотворенное восхищение этой верой. Если бы у нас уже было такое чувство, то мы ничего другого не искали бы. Но у нас этого чувства нет, мы идем к нему через знания, а многое в исламе именно с этой стороны с нашим знанием не совпадает. Может быть, и к сожалению. Но по-другому нельзя, потому что уже само знакомство с основами ислама наталкивает нас на одну совершенно неприемлемую для нас вещь - ислам утверждает, что Бог не может принимать никакого физического облика. Что это за Бог, который чего-то *не может*? *Бог может все!* Поэтому такая теологическая позиция, где человеком определяются Богу границы возможного, представляется нам несколько заносчивой, и нам уже ничего не остается, как идти в христианство, где не все, но многое соответствует тому, к чему мы пришли.

Понятие Троицы - это первое, что нас сближает с этой религией, потому что в наших выводах мы логически определились, что Бог находится вне вселенной, присутствует в ней Своей все определяющей Волей (Духом) и оживляет вселенную телом Иисуса Христа, равным по ипостаси Духу, то есть самому Богу, то есть также Богом. Учение о Троице подкупает нас в христианстве не только тем, что совпадает с нашими предположениями, но и тем, что оно *честно*. Такое бесстрашие первотеологов до сих пор еще не оценено по достоинству. Осмелюсь предположить, что христианству дешевле было бы это учение вообще не озвучивать, ибо на косный взгляд застарелой логики это совершенно абсурдное предположение - Бог одновременно Един и одновременно же в трех лицах. Но они сказали это тогда, когда до принципа дополнительности еще было двадцать веков (!!!), не побоялись и не нашли в себе ничего, что могло бы своей очевидной пользой побудить скрыть истину. Это было высшим проявлением Веры, поскольку ясно было, что в это можно *только поверить*, но никак не понять. Четвертой женой пророка Мухаммеда была христианка Мария. Когда он, смеясь, спросил ее: "Как вы, христиане, утверждаете, что верите в Единого Бога, если сами же говорите, что богов трое?", совсем еще девчонка ответила ему: "Не знаю, Мой Господин, умом я не могу этого понять, но сердцем чувствую, что это именно так". Что можно к этому добавить?

Второе, что сближает нас с христианством, это определение того, что Бог создал все в видимой и невидимой форме. Разобравшись ранее с взаимодействием нематериального и материального, мы полностью, или почти полностью, совпадаем с этим христианским положением.

Далее, пожалуй, главное, за что следует бороться, и что единственно имеет великий смысл во всем нашем поиске - христианство базируется на идее *неслиянности и нераздельности*

*Бога и человека.* Даже если бы в христианстве была только одна эта краткая мысль, следовало бы читать ее перед сном и с утра, поскольку глубина трогательной надежды и предощущение счастливой благодати судьбы в ней неисчерпаемы! Это, пожалуй, то, чем христианство не просто притягивает нас к себе, но прибавляет намертво, потому что это единственное, что может дать настоящую надежду!

Далее - Бог в христианстве олицетворяет собой Добро и Любовь, то есть абсолютно то же самое, что мы предположили, разбирая вопросы этики. Как бы строго христианские иерархи не относились к тому, что мы сейчас дилетантски делаем, но и они должны будут признать, что увидев Бога в Добре, мы увидели его *по христиански*. И еще один момент христианства, который чисто логически делает его более предпочтительным относительно нашего выбора - в нем не ощущается последствий источника учения. Во всех остальных религиях напрямую видна личность лидера и основателя учения, отражение его земных понятий или статуса в обществе. Разберем с этой точки зрения некоторые религии, которые надолго и массово овладевали умами людей.

Моисей. Ему приписывается основание иудаизма, хотя это сомнительно и мы увидим дальше, почему. Но как бы то ни было, а иудаизм полностью отразил в себе личность Моисея, который был придворным фараона, высокообразованным и грамотным. То есть *книжником* на взгляд еврейского народа, находившегося в Египте в непонятном положении то ли рабов, то ли не рабов, но очевидно, что не имевшего повсеместной грамотности. Авторитет Моисея основывался на наборе умений писать и читать, и наборе сведений, которые были недоступны простым пастухам и чернорабочим, которое делало его влиятельность притягательным. С тех пор иудаизм, как вера евреев, так и базируется на писаниях, слепом следовании букве, нескончаемых толкованиях и диспутах, переписывательстве, постоянном, практически ежедневном продолжении писания в виде Талмуда (непрерывно дополняющейся инструкции еврейской жизни), авторитете раввинов, книжников, знающих Талмуд. На вере в то, в конечном итоге, что истина может быть *записана*. Постоянные указания на то, что говорил Моисей от лица Бога, не могут скрыть того, что метод иудаизма - метод книжников и грамотеев, которые опираются в аргументах на упрямой вере в правильность записанного. Если убрать каким-либо чудом у иудаизма все сотни томов Талмуда, то от веры не останется ничего, потому что она питается только содержанием священных текстов. Даже если признать, что Моисей говорил от лица Бога, то вполне можно усомниться в том, насколько такой инструктивный тон присущ самому Создателю, и в том, насколько такая запараграфированная речь Бога может передавать истинно ее смысл, поскольку любой смысл, который может быть от Бога, должен быть *воспринимаемым, но невыразимым*. Если Моисей и воспринял смысл, то он вряд ли смог бы его выразить, ибо в противном случае разница между Знанием Бога и знанием человека уничтожается, но скорее при этом теряется Знание Бога, чем знание человека становится идентичным Знанию Бога. Таким образом, личность Моисея наложила на иудаизм такой неизгладимый методологический отпечаток добросовестного регистратора из отдела хроники, что напрямую считать эту религию продиктованной Богом сложно - мы ведь знаем, что логическое знание только подступает к пороговым пределам начала запредельного, где уже есть ощущение,

но уже нет логических механизмов перевода этого ощущения в понятийные категории. Следовательно, эта религия несет в себе отпечаток особенностей конкретного человека. Книжника и грамотея.

Будда. Это практически царь, воспитанный на уединенном, изолированном от мира, возвышающемся над ним, состоянии. Идея нирваны, в общем-то, также плод такого воспитания. Уединенность просветленного и пробужденного, его изолированность от мира, возвышение над ним - последствия царской породы Гаутамы. Здесь он не смог перепрыгнуть через самого себя. А стимулом к попытке такого прыжка было то, что Гаутама, при жизни находясь в таком своеобразном раю, (где для него возможно было все, и не было ни в чем недостатка), а вокруг находились только избранные здоровые и лучезарные люди, считал, что весь остальной мир находится в таком же райском состоянии. И, когда он, оказавшись по случайным обстоятельствам вне дворца, случайно увидел больных и старых людей, узнал, что в мире есть нищета, болезни и смерть, то это настолько ударило по его миропредставлениям, что оправиться от шока он так и не смог до конца, найдя единственный выход в том, чтобы из этого мира перейти в немир, где можно забыть о том, о чем не хочется знать, то есть о том, что в этом мире не все так, как в его дворце. Не только происхождение этого человека, но и психическая травма, полученная им в юности от столкновения с настоящей реальностью, находит явное отражение в буддизме, как в умственно организованном бегстве от страданий, в попытке повернуться к ним спиной, по детски закрывая глаза ума, как будто если страданий не видеть, то их совсем нет. И здесь виден отпечаток особенностей конкретного человека. Царя и надломленного страхом перед жизнью юноши.

Мухаммед. Этот человек имел две особенности, от которых ни он сам не мог уйти, ни его религия не смогла не отразить в себе. Это был торговец с одной стороны, и член рода корейшитов с другой стороны. Отсюда понятие рая в исламе, как прибыли за какие-то земные дела, причем это *абсолютно арабский рай*, где по понятиям бедуинов самое главное - много, ну, просто, сколько хочешь, воды и, что не менее заманчиво, - как ни женщина, так девственница к твоим услугам. Говорить о том, что Бог поведал о таком рае, очевидно, не приходится, потому что загробная жизнь, как мы догадываемся - нематериальна, где ни воды, ни других крайних радостей земной жизни не будет. Естественно, что смысл рая передан пророком в соответствии со своими представлениями, и где уверенность, что и весь остальной смысл Корана не передан в этой же авторизированной манере? Причем это не первый случай рая, который определяется верующими как некое идеальное земное существование. Например, у викингов рай (Валгалла) представлял собой участок земли, где с утра они будут пить, хорошо есть, буйно веселиться, бурно совокупляться с женщинами, а вечером наступит самое приятное - они выйдут в чистое поле и порубают друг друга мечами и топорами в капусту. На следующее утро они воскреснут и опять с наступлением дня начнут есть, пить и гулять, а вечером снова пойдут на любимую работу. Механизм переноса земных мечтаний в райские условия загробного мира говорит о том, что здесь человек довлеет над тем, что ему сообщает Бог. И это не удивительно, потому что для человека все произрастает из земных страстей и устоев. Именно поэтому ислам так требователен к единообразию нормобытовых отношений, совместной молитве, жестким устоям в семейной и



общественной жизни и непримиримостью к чужому верованию, потому что Мухаммед видел основу общества через *родовые понятия*, где никто не должен выбиваться из общих задач, все должно подчиняться общему, и всё должно быть регламентировано незыблемыми устоями. Ислам в себе это блестяще отразил, и даже та задача, которую он поначалу ставил перед собой - создать силой оружия всемирное мусульманское государство, говорит о том, что это последствия родоплеменного мировоззрения пророка: род только тогда чувствует себя в безопасности, когда вокруг или родственники, или вообще один только этот род. Эта религия также несет в себе особенности конкретного человека - торговца, жителя пустыни и члена рода, вне которого человек тогда вообще не имел шансов выжить, потому что вне рода он был не то, что "ником", а попросту "ничем".

Марксизм, как выражение идей Маркса. Маркс - неудавшийся экономист, просядливший все на бирже бездельник, который всю жизнь не работал, а только вел отвлеченные расчеты. В итоге появилась теория о том, что все должны работать и делить все поровну, причем, предполагая по себе самому, что работать заставишь не каждого, он выдвинул прекрасную идею создания трудовых армий, где как на войне все работают на общее дело, потому что личных дел ни у кого больше никогда не будет. В результате все эти экономические фантазии благополучно провалились во всех странах, строивших экономику по Марксу, но самое главное состоит в том, что в основе этой теории лежат все те же черты характера конкретного человека - подслеповатое знание мира, жесткое желание не работать, жить на чужой счет и только распределять результаты работы других, желание просто пристроиться к процессу, поскольку марксизм - это независимый (по своей идее) от человека процесс развития классовой борьбы и производственных отношений. Позиция неудачника-наблюдателя за миром породила экономическую позицию наблюдения за развитием противоречий между средствами производства и производственными отношениями с целью механического использования этих противоречий в политических целях, как водный лыжник механически использует силу гребня волны в целях адреналина. Эта религия также несла в себе особенности конкретного человека. Неудавшегося экономиста и заоконного ленивого наблюдателя.

Ленинизм. Ленин - неудавшийся адвокат и профессиональный революционер. В нем и в его идеях органично сплелись адвокатская беспринципность ("нравственно все, что идет на пользу революции") и жестокость профессионала-революционера ("необходимо проводить показательные расстрелы в завоеванных Красной Армией городах, где к стенке выборочным жребием ставились бы просто ни в чем не повинные представители старых привилегированных слоев"). Созданное им государство сегодня объявляло военный коммунизм, а завтра развивало самый настоящий капитализм (НЭП). Основная идея всех его идей - действуй по обстоятельствам, не жалея для успеха никого и ничего. Тут и адвокат, и сумасшедший подпольщик, то есть все то, что создало понятие "ленинизм", которое предполагает социализм хоть в виде капитализма, хоть в виде первобытнообщинного строя, хоть в виде коммунизма, хоть в виде продразверстки, но ни в чем до конца не конкретный кроме того, что если кто-то будет возражать против актуального на сегодняшний день понятия социализма (или на несколько ближайших дней), тот получит пулю в лоб, как враг революции. Эта религия также отразила в

себе особенности конкретного человека. Всеядного адвоката, которому все равно кого защищать, и одержимого революционера, которому все равно, сколько людей он погубит ради собственной экспериментальной идеи.

Сталинизм. Сталин - неудавшийся священник, затем рэкетир от партии большевиков, грабящий банки и облагавший данью определенных людей в целях партийной кассы. В итоге государство, которое построил он, было большой воровской зоной, где закон был только один - "бзик" (настроение, каприз) пахана. Сталинизм уникально соединил в себе умелую проповедь (недосвященник) с невиданной зверской жестокостью к тем, кто умел и хотел работать свободно или был честен и независим (бандит). Привлекательность сталинизма в этом, наверное, и состоит - безынициативные и рабски настроенные массы получают возможность проявлять насилие над инициативными и свободными согражданами во имя красивой проповеди и елейного обмана грядущего счастья. В этой религии также отразились черты и особенности конкретного человека. Хитрого кавказца, витиеватого семинариста и жестокого вора в законе.

А теперь скажите нам, что в христианстве от плотника? Какие черты и особенности плотника можно найти в том, что говорил Иисус, или в том, на чем основываются догматы религии, названной его именем? Вы таких примеров не найдете. Если уж и предполагать, что где-то чьими-то устами говорил Бог, то быстрее всего это можно сделать именно здесь, потому что за словами Иисуса не стоит ни иудей, ни галилеянин, ни плотник, ни книжник, ни священник, ни аскет, ни царь, ни принц, ни торговец, ни что-нибудь еще. Воля или способность любого - увидеть за Его словами Бога, или не увидеть, но увидеть за его словами плотника-галилеянина ни в воле, ни в способности ни одного человека. Поэтому здесь открываются истинные возможности услышать Бога. Мы пока что ничего не утверждаем, мы просто говорим, что *здесь эта возможность есть*, в отличие от всех других религий, где мы, прежде всего, слышим конкретного человека конкретной профессии, конкретного запаса культуры и знаний конкретного времени, конкретной национальности и конкретного общественного положения.

Ну и чтобы не тревожить дальше официальных представителей различных конфессий христианства, закруглимся и, раз уж мы подошли к Христу, то скажем еще одну вещь. Кое-кто, наверное, помнит обещание автора объяснить в будущем, почему наша цель состоит именно в намерении к Добру и совершенству, а не в самом достижении этого совершенства. Автор своего обещания не забыл, как некоторым показалось, и время дать этому объяснение настало. Дело в том, что, признавая Бога совершенным, мы тем самым автоматически создаем понятие *относительности* совершенства, достигаемого человеком вообще и в принципе. Человек не может быть настолько же совершенным, как Бог. Насколько совершеннее мы не становились бы, наше совершенство всегда будет невероятно далеким от совершенства Бога и поэтому намерение - вот наш удел. То есть, постоянный путь к совершенству нам еще доступен, но само совершенство, как предел положительного, - нет.

Как долго ни продолжалась бы цепь наших перерождений, и как удачно для нашего совершенства все в ней ни складывалось бы, Бог всегда найдет возможность через историю нравственности создать нам новые условия бытия, где достигнутое нами к этому времени совершенство будет выглядеть очень бледненько. В таком контексте нам вообще непонятно - где

и в чем тот момент нашего совершенства, который позволил бы говорить о том, что этот уровень оплатил нам наше Спасение? Шутка Зенона Александрийского касательно того, что достигнуть любого рубежа невозможно с изысканным обоснованием этого казуса, пожалуй, только в данном случае перестает быть шуткой и становится ужасающей правдой. В самом деле: нацелившись на реализацию намерения через Веру, мы стоим перед путем без конца с одной стороны, поскольку совершенство Бога не имеет пределов, и нам соответственно этих пределов не преодолеть, и перед путем, у которого не может быть конца вообще, поскольку достичь идеала совершенства мы не можем из-за разной природы с Богом, которая Одному дает совершенство по внутренней сути, а другим не может дать того же даже в намеке.

Ну и что же такого из этого следует? А следует из этого то, что любое наше намерение похвально, но любой достигнутый нами рубеж - ничтожно мал для того, чтобы говорить о том, что что-то в нас может заслуживать соратнического уважения Бога. Не зря Иисус ответил обомлевшим от необозримых просторов требований соответствия Царству Бога ученикам очень честно и очень резко. Вспомним, как об этом рассказывает Марк:

"Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, возрев на них, говорит: человекам это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу" (Марка, 10:26, 27).

То есть Спасение каждого - дело выбора Бога. Он может оценить наше намерение и нашу устремленность, но сами мы достигнуть какого-либо качества, которое давало бы проходной балл в Его Царство, явно не можем - уровни слишком разные. А что следует из этого? А из этого следует то, что никакого критерия уровня совершенства быть не может никогда, потому что никогда, во-первых, относительное совершенство не сможет удовлетворять Бога настолько, чтобы признать это относительное *достаточным*, поскольку в таком случае Бог этой достаточностью *умалил бы как несущественное после определенного уровня все последующее возможное совершенство, а как следствие, и Свое Совершенство так же*. То есть, абсолютное перестало бы быть абсолютным, сочетаясь в единой системе оценочных измерений с относительным. А, во-вторых - как вообще мерить этот уровень? Если брать его по самым лучшим людям, то в чем виновны все остальные, которые старались, но у них получилось не совсем так, как получилось у других? Бог не должен их наказывать. *Он их создал такими, каковы они есть, создал Сам*, так за что же наказывать их, если они получились достаточно старательными, но недостаточно способными? А если брать критерий спасения по самому низу - то такая уравниловка разве не принижает значение совершенства лучших людей и, как следствие, в самой своей идее, и непосредственно само то совершенство, которое находится выше данного низа по самому своему смыслу и заслуге? А если брать какой-либо диапазон от лучшего до допустимо худшего, то, как определять порог, за которым наступает *недопустимо худшее*? Процесс ведь не физический, нюансы перехода от уровня положительного в одном человеке к уровню положительного в другом человеке могут быть вообще неуловимыми. Понятно, что для Бога разграничить эти нюансы было бы нетрудно, как нетрудно Ему все, что невозможно для нас. Но даже ему пришлось бы определить какой-либо момент, за которым шлагбаум перед желающими опускался бы. *Пришлось бы резать по живому - были бы те, которым осталось*

*совсем чуть-чуть!* Допустить, что Наш Добрый Отец может закрыть дверь перед носом у кого-то, кому не хватило какого-то нюанса - признать, что мы имеем в виду не совсем того отца.

Поэтому, задумываясь об этом, и, понимая, что данная проблема в конце времен будет решаться не механически и не по уровню достигнутых нами нравственных характеристик членами какой-либо комиссии, единственно приемлемым способом здесь действительно представляется то, что Иисус обещал каждому, кто в Него уверует, стать его Личным Заступником перед Богом, стать Личным Спасителем лично каждого из нас в решающий момент. "В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам". Это обещание Иисуса не оставить нас наедине с Отцом во время Суда, а с любовью присутствовать рядом в качестве ходатая, заставляет кидаться в христианство просто с закрытыми глазами. Нигде ничего подобного больше нет.

Впрочем, вполне понятно, что такой утилитарный подход к выбору религии может вызывать досаду, как у христиан, так и у тех, кто ищет Веры ради Веры, не предполагая целью выбора личный успех по концу времен. Бескорыстие Веры, несомненно, задача благородная и, пожалуй, единственно стоящая. Поэтому, ощущая, что наше обоснование преимуществ христианства с одной стороны напоминает позицию купца в виду товара, а, с другой стороны, становится все больше похожим на апологетику (намеренную защиту) христианства, остановимся. Во-первых, потому что нельзя перебарщивать с выгодами Вечной Жизни, определяя их как цель единственно достойную для получения Веры, а во-вторых, христианство не уполномочивало нас за него агитировать - за него есть, слава Богу, кому сказать. Есть специальные люди (проповедники) и специальные тексты (Библия). Проповедники - это всего лишь посредники. Ни один посредник не может того, чего не может сам привлекаемый проповедью. Проповедник не в лаборатории изобрел содержание проповедей, выйдя оттуда поутру со счастливым выражением небритого лица. Он их взял из письменного источника. Итак, решившись идти в христианство, послушаем тот источник, который прежде всего может сам за себя сказать любому сомневающемуся без всяких посредников - послушаем Библию.

#### Библия

Однако, обращение к Библии, кстати говоря, столь же естественно, сколь и проблематично для целей поиска знания о Вере. Такое сочетание целей, которое предполагает получение Веры через знание, вероятно можно определять как исследовательское по характеру. Это, очевидно, так и есть, поскольку любое знание получается через исследование. Но это - не перспективно. Потому что, исследуя Библию, очень легко заплутать в том нагромождении фактов и в тех горах материала, которые она предлагает нашему вниманию от Сотворения мира и до 1-го века нашей эры. Причем затрудняется все это тем, что сведения из Библии зачастую аллегоричны, зачастую явно тенденциозно поданы, зачастую абсурдны, зачастую совершенно непонятны, а зачастую, наоборот, настолько глубоки и беспредельно прозрачны, что исследовать всю оставшуюся жизнь можно только одну лишь какую-нибудь фразу, и этого остатка может не хватить. Кроме того, Библию исследовали уже все, кому было не лень, и если сложить вместе все

выводы этих исследований, то выясняется простая вещь - они не то, что складываться вместе не могут, но и рядом лежать друг с другом не должны. Сотворить еще одно исследование, которое повторит одно из тех исследований, которое делает честь автору, но не признается никем, кроме него самого и его последователей - упражняться в оригинальности. Поэтому, несмотря на исследовательские внешние признаки нашего обзора, наша цель не может быть исследовательской. Наша цель проще - прочитать Библию.

Это вызывает удивление? Мол, и всего то? Но, осмелимся предположить, что это немало уже само по себе, потому что Библия в массе своей людьми не читана. Да, действительно, эта книга считается самой читаемой в мире (по какой-то статистике), и она есть в доме практически у каждого иудея и христианина, а также, возможно, у многих мусульман, потому что Коран считается у них просто правильным толкованием первых пяти книг Библии, а, кроме того, у всех сектантов, у всех граждан уже почти всемирного государства Свидетелей Иеговы, у мормонов, у молокан, а также у тех атеистов, которые считают, что нельзя называть себя культурным человеком, если у тебя на книжной полке не маячит корешок с надписью "Библия". Однако этот факт скорее может заставить безоглядно признать Библию *самой покупаемой* книгой в мире, чем настаивать на том, что все, что продано, прочитано. Практика показывает, что на самом деле все происходит наоборот - из того, что продано, мало что читано. Поэтому, если Библия нами уже куплена, то не худо было бы ее, в конце концов, попытаться и прочитать, хотя бы оригинальности ради. Вот в этой оригинальности, пожалуй, есть смысл и поупражняться. Это мы и предлагаем для начала.

Во-вторых, не надо забывать, что Библия какой-то своей частью легла в основу сразу трех религий: иудаизма, христианства и ислама. Иудаизм, который основывается на "Торе", (так называется в нем сборник из пяти первых книг Библии), ничего общего с христианством не имеет и даже более того - во многом ему полностью противоположен не только по духу, но и по центральному содержанию. Причем и там и там содержание берется из одного и того же Пятикнижия!

Ислам не столь противоположен христианству, как иудаизм, но все же диаметрально расходится с христианством в оценке сущности Христа, и по-другому видит задачи человека перед Богом. Но при этом ислам также вышел из Библии, поскольку пророк Мухаммед заявлял, что Пятикнижие было неправильно понято евреями и христианами, и Коран призван эти ошибки исправить. Отсюда в исламе Марьям, Ибрагим, Иса, Адам, Юсуф, Ева, Джабраил, Муса, Салман и т.д., как арабизированные по произношению Мария, Иисус, Адам, Иосиф, Ева, Гавриил, Моисей, Соломон и т.д. Само слово Аллах в исламе происходит от еврейского имени Бога "Элохим", то есть от уважительного наименования Бога во множественном числе, которое употреблялось в одной из версий еврейских источников Библии. Точно такие же параллели известны и для греческого слова "мессия", которое пошло от еврейского "машиах", и от которого позднее родилось арабское "махди" из Корана. Все это говорит о том, что, читая один и тот же текст Библии, оказывается, можно прийти к совершенно разным выводам. Разве не интересно прочитать такую "универсальную" книгу?

В третьих, всякий раз, когда нас где-либо призывают прочитать Библию - нам обязательно заранее говорят, *что именно* мы там читаем по своему смыслу прочитанного. Вспоминая предыдущую универсальность этих текстов, можно сразу же не поверить никому, кто утверждает, что знает о том, о чем написана Библия. Лучше положиться на собственный опыт. Потому что Библия последствиями своей универсальности превратилась в универсальную санкцию на мировоззрение, под которую каждый пытается подвести свою конкурентную идею. Заправски аргументируя любую свою мысль примерами и цитатами из Библии можно поднимать эту мысль на такую высоту, о которой она даже и не мечтала бы, если бы ее не подпирал невольно этот притянутый за уши авторитет. Высказывайся, хоть наобум, находи что-нибудь созвучное из Библии, и делай на этом свою идею Божеской. Чтобы никто не смог свои личные понятия выдавать за понятия Бога только на основании того, что он знает разницу между Исавом и Исайей, нам бы следовало самим знать тексты Библии. Иначе нас будут и дальше дурачить несметным количеством образов.

Если кто общался со Свидетелями Иеговы, тот не мог не заметить, как они на ваши простые вопросы отвечают отмеченными маркером цитатами из Библии. Причем, как ни ставь их в тупик, они сами из него выйти и не пытаются - ищут цитату. Считается, что цитате из Библии нельзя не поверить, даже если она не совсем в тему вашего вопроса, или вообще нелогична даже в самом своем содержании. Считается, что доказывать логичность и правильность того, что есть в Библии - нелогично, неправильно и греховно, и надо верить всему, что в ней есть, без всяких логических или других обоснований. Вот и шарятся проповедники свидетелей по страницам, вместо того, чтобы подумать собственной головой. Отбиваются цитатами. Но православные священники могут именно на тех же цитатах из той же Библии доказать совсем обратное тому, что пытаются натянуть себе на голову Св. Иеговы. Спор вокруг Библии все больше превращается в спор цитат, и это очень плохо, потому что метод цитирования порочен в самой своей основе.

Цитата, вырванная из контекста всей книги - прямое жульничество, потому что может трактоваться, как угодно. Например, сказано в Библии (переходим на высокопарный тон бродячих по подъездам проповедников): "И скажешь: били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал, когда проснусь, опять буду искать того же" (Притчи 23:35). Эту фразу можно выделить маркером и призывно говорить: "Вот так, не боясь лишений и прямого рукоприкладства со стороны неправедников, праведник стремится к Богу". А можно выделить маркером другого цвета и говорить предостерегающе: "Вот что говорит Библия о тупом упрямстве, беспринципном упорстве и нежелании слышать истину". Тоже будет воспитательно. А можно даже трактовать эти слова, как начало какого-то раскаяния некоего человека, который уже близок к пониманию того, что наставники были правы, предупреждали, и даже силой пытались остановить его, а он, все же, совершил эту ошибку и теперь корит себя - что я за человек такой, пока лоб сам не разобью, радателям своим не поверю и "когда проснусь, опять буду искать того же"? Как видим, цитата, что фотография монгола в российском городе, которую, размножив до количества двух штук, можно повесить и на стенд "Их разыскивает милиция" и на стоящую напротив Доску Почета. В этом случае одни и те же люди на одного и того же человека

будут смотреть на одной стороне улицы со строгим осуждением, а на другой стороне - с равнодушно одобрительным удивлением.

А на самом деле в выше приведенной фразе из Притч речь идет просто о вреде алкоголя, который подчинит человека настолько, что если он будет им злоупотреблять, то, несмотря на все неприятности, которое несет с собой пьянство, он с утра только и будет думать о том, где бы выпить. Итак, хотя бы только для того, чтобы никто не играл нами с помощью цитат, Библию надо прочитать.

Одновременно с тем, что за Библией признается роль святителя вариантов какого-либо понимания вопросов веры и религии, считается, что косвенных знаний сюжетов Библии, а также знаний имен основных ее персонажей достаточно, чтобы утверждать, что содержание Библии ведомо, даже если оно и не читано. Просто ради курьеза приведем несколько интересных ответов на намеренно наивный вопрос "Что такое Библия и что в ней написано?" и несколько суждений об этом же тех людей, которые готовы разговаривать о Библии компетентно:

- Библия - это сборник религиозных мифов и сказок древних людей;
- Библия - это Слово Бога, где каждая фраза имеет свое *прямое* значение;
- Библия - это зашифрованное Слово Бога, где каждая фраза имеет *скрытое значение*, которое следует раскрыть и тогда раскроется судьба мира;
- Библия - это магический текст, продиктованный Богом, где исчезновение или искажение даже одной только буквы может изменить судьбу человечества, потому что в этот текст заложена программа будущего, прошлого и настоящего;
- Библия - это сборник древних книг, объединенных религиозной темой;
- Библия - это Книга Бога, написанная им через тайное руководство wybranными для ее написания авторами (пророками);
- В Библии сокрыта судьба каждого человека и, владея некоторыми приемами гадания, по Библии можно предсказывать судьбу, как отдельных людей, так и целых народов;
- Библия - самая эротическая книга из всех древних книг (фраза преподавателя научного атеизма в высшем учебном заведении!);
- В Библии подробно описано и точно указано, когда и как наступит конец света;
- В Библии зашифрована дата конца света, и пока ее расшифровать не удалось;
- В Библии написано, что конец света начнется с одной маленькой страны в составе одной большой страны (проповедник в троллейбусе);
- В Библии написано, что конец света начался в 1914 году (Свидетели Иеговы);
- В Библии категорически запрещается оральный секс (!!?) (из беседы с проповедником одной из западных конфессий какого-то не запоминающегося названия);
- В Библии оральный секс поощряется и одобряется (!!?) (из беседы с бизнесменом, читающим Библию во спасение погибающей в кознях конкурентам души);
- Ветхий Завет написан для христиан, а Новый Завет - для баптистов (библиотекарь научной библиотеки на выдаче!!!);
- В Библии ничего не понятно и для того, чтобы ее читать, надо закончить сначала духовную семинарию;

- Библия - не более чем талантливая литература и затейливый фольклор;
- Библия - это историческая хроника Палестины древних времен;
- Библия - это история об Адаме и Еве;
- Библия - это книга про Бога и про дьявола;
- Библия - это книга про первых людей (внимание!) Адама, Еву и Марию Магдалину(!!!);

(из беседы с человеком, который знал, что такое "самая древняя профессия на земле" и ссылался при этом на Библию!)

- Библия - это самая первая книга на земле; - Библию написал Иисус Христос;
- В Библии написано, как надо молиться и соблюдать посты; и т.д.

Несомненно, что эти суждения - "особо удачные". Попадались, конечно, и более средние по категоричности, или не столь драматично оцененные, сведения, "вычитанные" из Библии, но самое поразительное состоит в том, что каждое из этих суждений проговаривалось всегда тоном доверительной передачи сокровенной тайны, которая, в свою очередь, была получена путем тщательного и вдумчивого личного чтения Библии.

Ну, а тот, кто Библию действительно читал, тот подтвердит, что ни одно из суждений о ней, расположенных выше, не может принадлежать человеку, который эту книгу открывал и читал в объеме большем, чем только оглавление и выходные данные издательства.

Поэтому для того, чтобы хотя бы не выглядеть смешно в глазах знающих людей, Библию надо прочитать, ибо, и читая, и не читая эту книгу, на ее изречения и в том и в другом случае каждый из нас нет-нет, да и сошлется для красного словца. Это уж так принято, без этого в застольных спорах, например, никуда. А вдруг попадет какой-нибудь ханыга, оторвет наглые беспардонные глаза от шахматной доски из дальнего угла, да и нахамит нам беззастенчиво: "Простите, милейший, но в Библии этому придается несколько иной смысл". Не за каждое же хамство бить в морду, в самом-то деле, поэтому лучше не давать поводов для невоспитанных выпадов со стороны всяких начитанных типов, для чего следует уместно применять библейские выражения и сюжеты, предварительно с ними ознакомившись воочию.

Но, прежде чем эту книгу читать, не помешает, пожалуй, разобраться изначально - что же она из себя представляет? Потому что если мы берем с полки целенаправленно по своему настроению детектив, а натываемся на подвиги фронтовых разведчиков, то мы не совсем быстро перестраиваемся, и не совсем до конца меняем один интерес на другой. В итоге мы плохо "входим" в книгу, равнодушны к судьбам героев и ждем, чтобы она поскорее закончилась, чтобы все-таки взять вслед за ней какой-нибудь детектив. Имея направленную цель чтения, мы имеем и определенно направленный интерес, и если этот интерес не находит предмета своей заостренности, то чтение происходит без усвоения, наподобие рекомендуемых пищевых добавок из целлюлозы, цель которых состоит только в том, чтобы "промести" кишечник и исчезнуть из организма без остатка.

Исходя отсюда, надо, наверное, сразу же определиться, что же мы хотим найти в Библии, если все же будем ее читать. Если нам нужна мистика, страхи, таинства, загадки, зашифровки и т.д., то это будет один интерес. Если нам нужны прямые сведения о вопросах религии и ее истории, то это будет совсем другой интерес. А если нас интересуют истоки христианства, то это



будет совсем третий интерес, но в любом случае необходимо, как представляется, определить для себя - насколько этот источник, к которому мы обратились, верный? Сейчас в нас летят гнилые помидоры и тухлые яйца, а кто-то и вообще потрясает пистолетом и кричит: "Друзья, дайте патроны, я этого не стерплю!", потому что само усомнение в верности текстов Библии во многих конфессиях приравнивается к страшному кощунству. Иногда Библию называют даже "Священным Писанием" и испытывают к ней такое же благоговение, какое испытывается к самой наивозможно большой святыне. Но, все-таки, это просто книга для того, кто взял ее в первый раз, и каждый читающий какую-либо книгу, должен трезво оценивать достоверность того, что в этой книге может содержаться. Это - право любого, как и право любого, наоборот, заранее верить любой книге, даже только со слов тех, которые ее читали за него. Тут, кому как удобно.

Нам более удобно разобраться без придыхания и спокойно, что же такое Библия? Попробуем это сделать.

Первое, что мы узнаем о ней, так это то, что она состоит из двух частей. Из Ветхого Завета и Нового Завета. Кстати, большинство людей, которых приходилось спрашивать, как они понимают слово "Завет", считают, что завет - это то, что "завещал" нам Бог. То есть очень многие так и считают - в Ветхом (старом) Завете Бог заповывал нам одно, а в Новом Завете - уже нечто новое. Так подспудно человек и делит всю Библию на две противоречащие друг другу части: если Сам Бог "перезавещал" нам свои требования от старых к новым, то новые, наверное же, отличаются от старых и в чем-то, наверное, их отрицают, поскольку призваны их собой заменить. На самом же деле слово "завет" - это принятый в библеистике синоним слова "союз", и речь здесь идет о двух союзах, которые якобы были заключены Богом с людьми. В одном случае это старые союзы, заключенные по тексту Библии через Ноя, Авраама, Моисея и пророков (причем неоднократно и по разным поводам), а в другом случае это Новый Союз через Иисуса Христа. Основанием для понятия о Новом Завете служат слова Иисуса, которые он произнес на последнем ужине со своими учениками. Передав по кругу чашу с вином, Он сказал: "Сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается" (Лука 22:20). Поскольку никто тогда, кроме Него, не знал, что через сутки Его земной путь будет кроваво закончен, то Его и не расспросили подробней об этом союзе, но весь период жизни Иисуса Христа, а также события немного ранее Его Рождения, и немного позже Воскресения, объединены в отдельную книгу, которая и называется Новый Завет. Итак, теперь ясно, что Ветхий Завет - это исторический период человечества до Христа, а Новый Завет - это время Христа. Уже легче ориентироваться.

Но не только. Узнав такое, мы сразу же задаем себе вопрос: если христианство - это религия с Христом, и если до Нового Завета всё в Библии происходит без Христа, то насколько необходим нам вообще Ветхий Завет? Что нам до тех непонятных союзов, которые люди заключали с Богом при каждом удобном случае в стародавние времена, если по нашей вере, которую мы выбрали, для нас важен союз именно с Иисусом Христом? Ведь в любом случае мы должны быть верны именно этому союзу, а не каким-то более ранним соглашениям, утратившим, все-таки, для нас силу в результате вступления в действие Нового Союза. В таком понимании (а ему трудно что-то возразить по логике) мы не делим Библию на две противоречивые части, а разбиваем ее на две отдельные книги. Даже не читая всей Библии, можно предположить, что,

прочитав только Новый Завет, можно уверовать в Иисуса Христа, а, прочитав только Ветхий Завет - можно остаться вообще без Иисуса, то есть между иудаизмом и исламом, в некоем преддверии христианства.

Только первое стороннее знакомство с этой книгой уже порождает у нас определенное убеждение в том, что для нас важнее Новый Завет. Более того, теперь становится понятно, как на основе Библии могут произрастать не только три основные религии монотеизма (ислам, иудаизм и христианство), но и такие верования, в которых намешано всего понемногу, и которые рядятся под христианство, как, например идеология Свидетелей Иеговы, которые, как буддисты, пытаются создать нечто вроде поклонения человеком человеку, трактуя Иисуса просто как человека, и объявляя себя параллельно истинными христианами. Естественно, что из Нового Завета не может вырасти ни ислам, ни иудаизм, они могут исходить только из Ветхого Завета, и именно Ветхий Завет несет в себе эту универсальную возможность дать всем сестрам по серьгам. Поэтому заранее отметим для себя, что с Ветхим Заветом придется быть повнимательнее.

Второе, что мы узнаем о Библии, так это то, что Ветхий Завет, то есть отдельную по нашим предположениям книгу, называют еврейскими писаниями, а Новый Завет - греческими писаниями. Мы находим здесь подтверждение тому, что это совершенно две разные книги, ведь даже язык их авторов совершенно разный - в одном случае еврейский, а в другом случае - греческий (как перевод с арамейского).

Всего в Библии установлено 40 авторов - царь, пастухи, рыбаки, чиновники, священники, пророки, полководец и врач (Лука), и 66 книг с периодом написания около 1600 лет. Что может дать нам этот факт? А дает он нам, во-первых, понятие о том, что Библия написана на двух языках, оба из которых мертвы и, следовательно, мы сталкиваемся в Библии с *переводом*, причем не обязательно непосредственно с мертвого языка на непосредственно язык издания, а иногда с двойным или тройным опосредствованным переводом!! (О том, насколько можно верить переводу - смотри эксперименты над ним филологов, приведенные в нашей главе "Речь"). Как бы то ни было, а говорить о том, что в книге, которая неоднократно переведена, объявлять о наличии каких-либо оснований ручаться не то, что за каждую букву или за каждое слово, но и вообще за каждое предложение, не стоит. А если кто-либо, все-таки, будет пытаться это делать, то мы не примем всерьез для себя такого ручательства. За такое ручаться нельзя.

Тем более, нельзя ручаться за книгу, которая писалась полтора тысячелетия. Потому что даже в языке, который еще не умер, а еще жив, за эти полторы тысячи лет происходили такие изменения, что смысл какого-либо слова или словооборота мог изменяться до противоположного, и, читая сегодня то, что писалось тысячу лет назад, и было после этого еще и переведено, пусть даже и подстрочно, никогда нельзя иметь гарантию, что древний автор имел в виду то же самое, что и мы. Например, наши предки русичи, говоря: "С ним каши не сваришь", имели в виду крайне озлобленного агрессора, который никогда не пойдет на перемирие. Потому что обрядом перемирия у русичей был ритуал совместного приготовления каши и вкушения ее за общим столом. Мы же имеем в виду сейчас под этой характеристикой некоего необязательного или некомпанейского человека. Прошла всего тысяча лет... С библейскими текстами произошло то же самое во многих частях. Старые понятия забываются, и заменяются новыми. Например, все мы

знаем библейское изречение "не сотвори себе кумира", и любой из произносящих эту фразу просто кодово обозначает развернутую мысль о том, что не следует фанатично идти за любым авторитетом, теряя критические способности оценивать истинную значимость того, что предлагает последователям какой либо выдающийся деятель. А в Библии имелось в виду совершенно другое - не лепи из глины, не высекай из камня, не отливай из золота, не вырезай из дерева (и т.д.) статуэток божков для совершения обрядов поклонения (именно "кумирами" назывались такие образцы творчества ). Если провести анализ большого количества фраз из Библии, то такая подмена смысла произошла в ней неоднократно. Это как раз последствия того самого цитатного метода подтверждения собственных мыслей, когда эти мысли иллюстрируются набором сходно звучащих слов в сходно скомбинированных сложениях.

Следовательно, следующее, что мы можем сказать: приступая к чтению Библии, мы должны понимать, что искать сокровенного смысла *именно в словах* этой книги - несерьезно, ибо здесь, даже если и были когда-то Слова Бога, то они давно уже заменены словами переводчиков, или применялись некогда для выражения совершенно не того, что стали выражать впоследствии. Какой бы ни была Библия в своем первом оригинале, сейчас уже искать смысла надо в общем содержании ее страниц, а не в характере того или иного слова, с помощью именно которого неизвестный переводчик решил передать смысл изначального слова.

Это в меньшей степени, опять же, относится к Новому Завету, который был написан примерно за период 50-70-ти лет, и с тех пор только переводился с языка на язык людьми, которые говорили на двух языках - на языке оригинала и на языке перевода. В основном эти недуги относятся к Ветхому Завету, потому что в какое-то время евреи полностью забыли свой язык и стали говорить на арамейском, а потом и вообще на греческом. Для того чтобы евреи могли читать свои писания, в III веке до нашей эры они стали переводиться на греческий язык, да так и пришли в эллинизированном виде ко всем остальным людям. А потом, гораздо позднее, состоялся уже какой-то отдельный перевод с древнееврейского языка, хранителями которого были считанные единицы, да и те, знали его лишь как язык письменной формы.

Тогда, почему бы не выучить древнееврейский, и не прочитать Ветхий Завет на языке оригинала? Не стоит. Во-первых, потому что споры о значении слов древнееврейского языка до сих пор не утихают, и зачастую каждое слово *переводится* весьма произвольно, что опять говорит о переводе, как таковом, поскольку носителей древнееврейского на земле не осталось, а те, кто его выучил - являются теми же самыми переводчиками с древнееврейского, (на котором говорили древние евреи), на древнееврейский, на котором *предполагаемо, по мнению ученых* говорили эти древние евреи. Даже, как звучали слова древнееврейского языка, зачастую никто не знает. Например, то, что своего Бога евреи называют Яхве, а свидетели Иеговы то же самое имя произносят как "Иегова", говорит не о национальных особенностях произношения, а о лингвистических несогласиях *в трактовке того, как МОГЛО звучать Имя Бога на древнееврейском*. То есть, буквы написания сохранились, но как их произнести - никто не знает, и никому другому не верит. Так что, этот путь не поможет. Даже, зная древнееврейский, смотрим в книгу, а видим - несколько вариантов толкования того, что в ней может быть написано.

Но самое ужасное для положения Ветхого завета состоит в том, что даже единое и верное толкование языка оригинала, на котором он написан, не помогло бы считать его книгой священной или полностью продиктованной Богом. Почему? Потому, что за 1600 лет Библия *неоднократно переписывалась*, что говорит о том, что Ветхий Завет является *копией копий!* И в каждую из этих копий могла вкрасться случайная или преднамеренная ошибка переписчика! Даже следователь сельского отдела милиции не доверяет копиям, так как же мы можем доверять копиям копий настолько, чтобы считать в них каждую букву чем-то, исчезновение чего может привести к изменению судеб мира? Пожалуй, придавать магического смысла тексту Библии не стоит - если что-то искать в ней, то надо искать то, что стоит за текстом, за словами, *в общем* их смысле. Искать какого-то хитрого глубокого смысла в словосочетаниях такого документа было бы просто смешно.

Правда, нам постоянно напоминают, что после VI века до н. э. хранителями писаний Библии стали некие соферимы, которые тщательно проводили переписывание текстов с целью их размножения, сверяясь с каждой буквой, а после них за это дело взялись уже некие масореты, которые, сменив соферимов, настолько добросовестно боролись за соответствие текстов копий, что проверяли свое знание оригиналов, прокалывая иглой десять любых страниц Пятикнижия и, называя, не глядя, при этом, через какие десять букв прошла игла на всех десяти страницах.

Ну и что? Во-первых, эти соферимы стали сохранять уже только то, что имели к VI веку до нашей эры, а за то, что было до этого не только они, но и вообще никто не отвечает. Какой смысл бороться за каждую букву в шестом веке, если до этого с этими буквами могло вытворяться все, что угодно? Смысл, конечно, был, и он состоял в том, чтобы сохранить хотя бы то, *во что превратился к этому времени оригинал*. Но нам деятельность соферимов подается так, как будто эти усердные люди задались задачей сохранить *непосредственно* оригинал, испугавшись, что при переписывании могут быть допущены ошибки или диверсии, и тексты писания будут искажены. На самом же деле их самоотверженность и прилежание уже не могло иметь значения сохранения первоисточника, ибо первоисточник канул в вечность уже за много веков до этого, и никакого понятия "оригинала" ко времени соферимов ни одна научная позиция здесь признавать не может.

Но, даже признавая заслуги соферимов, зададим вопрос - откуда тогда взялись масореты, сменившие соферимов на вахте? Если соферимы работали так уж качественно, как о них слагаются песни, то зачем их заменили масоретами? И, напомним, что в X веке нашей эры не стало и масоретов, так как тексты Библии были канонизированы и неукоснительно проверялись Христианской Церковью без всяких там трюкачей с иглами в руках. Так что относительно подлинности Ветхого Завета своим первоисточникам можно, получается, задавать вопросы уже только соферимам, а те, не будь дураками, ответили бы нам: "Все, что после нас - бессрочная гарантия, а что до нас - претензии к поставщикам". Поэтому, читая Ветхий Завет, надо всегда помнить, что гарантии в точности этого текста нет, и не может быть, потому что поставщиками соферимов, как мы увидим дальше, были нечистые на руку люди.

А что в этом смысле можно сказать о Новом Завете? По исследованиям, проведенным в Европе в XX веке, соответствие нынешних текстов Нового Завета первым текстам Евангелий, из

которых в основном и состоит Новый Завет, равно 100%. Следовательно, тому, что написано в Евангелиях (свидетельствах учеников Иисуса), можно верить хотя бы в той части, что мы читаем в них именно то, что писал данный человек, а не авторскую трактовку различных переписчиков, описки, упущения, добавления, инсинуации и прочее, *без чего не обходится ни одно переписывание*, если оно призвано решать текущие политические проблемы, а с помощью Пятикнижия многие и многие века проводились именно попытки решать проблемы именно этого толка. Причем самое интересное в этой истории то, что ни соферимы, ни масореты тексты Нового завета не хранили, и не заботились о том, чтобы они сохранились в чистоте! Все обошлось полностью без них, потому что и соферимы и масореты - это продукт иудаизма с его убежденностью в том, что все дело Божье в буквах и в словах, но только не относительно ненавистного Иисуса, сведения о Котором они скорее тщательно жгли бы, нежели тщательно переписывали бы, тыча иголками строки для самоконтроля. Как видим, и без специально обученного отряда священнохранителей можно сохранять тексты в неприкосновенности на сто процентов. Европейский метод и здесь дешевле и эффективнее.

Благодаря этому, мы еще раз убеждаемся, что, не читая Нового Завета, мы теряем для себя истинный источник событий, а, не читая Ветхого Завета, мы, собственно, именно такого источника и не теряем, поскольку его вообще в природе нет. Причем дело не только в том, что о сохранности текстов спохватились слишком поздно, и не сразу научились этому делу по-настоящему. Дело в том, что по лексико-научным исследованиям, которые стало возможно проводить тогда, когда за это не отправляли больше на костер, выяснилась поразительная вещь - весь Ветхий Завет состоит из добавлений и компиляций! Добавления - это понятно, это неприглядная история, когда первоначальный текст этого Завета постоянно дополнялся и дополнялся веками все новыми и новыми вставками, словами, мыслями, врезками и т.д. И беды бы в этом не было, но дело в том, что добавления эти производились в пределах уже готовых фраз, слов, мыслей и текстов таким образом, чтобы создавалось впечатление, что все так и было написано с самого первого раза. Проще говоря, составителей Ветхого Завета, кто бы они не были, поймали с поличным за руку - они вписывали в готовые тексты свои выдумки, и выдавали их за оригинальные, то есть за то, что Бог сказал Моисею.

Самое интересное, что "Второзаконие", которое легло в основу иудаизма, по научным данным составлено много веков спустя после смерти самого Моисея. То есть, прямой связи между Моисеем и иудаизмом нет, но нам это и не очень интересно, а интересно нам то, что "Второзаконие", сочиненное левитами (еврейскими священниками), входит в текст Священного Писания (библии), перед которым нам предлагают некоторые особенно экзальтированные верующие безоглядно падать ниц. Левиты, конечно же, могли предполагать, что живи Моисей среди них, спустя несколько столетий после своей смерти, то он написал бы именно такое Второзаконие (то есть, "второй закон", более детализированный), но им бы надо было его так отдельно и издавать, как свою версию общеврейского закона. Однако они втихаря втиснули его в Библию, и на многие века этот закон считался законом для всего человечества. Диковинная штука, это почитание "священных" текстов!

В книге пророка Исаяи вколочено старательными переписчиками столько текстов, принадлежавших явно не ему, что даже возник в среде историков Библии какой-то призрачный "Второисайя", который также жил несколько веков позже, и не постеснялся свои думки выдать за Исаяины, гладко встроив их в пророчества своего предшественника. В игры с текстами Ветхого Завета играли по-крупному и не чисто, как всегда играют, когда играют по-крупному.

В книге Иова и в Екклесиасте живого места нет от исправлений и добавок, они буквально перепаханы вставками неизвестных лиц, и тоже не могут служить примером чистого первоисточника.

Песнь Деборы - самая древняя литературная форма еврейских сказаний, относимая к XIII веку до нашей эры, помещена в Книгу Судей, и так понатыкана поздними добавками, что в ней смешались почти все эпохи еврейской истории. И даже само название поэмы появилось позже, чем сама поэма. Элементы коллективного творчества, конечно же, приемлемы для фольклора и даже для литературы, но в таком случае мы так и должны относиться к Ветхому Завету, но никак не тем образом, который предполагает видеть Бога за каждой строкой его текстов.

Причем лексический анализ неумолим и объективен для таких не красящих Ветхий Завет выводов в достаточной степени, чтобы не считать этот анализ пропагандой атеистов. Имея доброе желание видеть истину, нельзя, например, отмахиваться, на том только основании, что Библия традиционно признается священной книгой, от такого факта, что Екклесиаст, приписываемый Соломону, то есть к 950 году до н. э., насыщен арамеизмами, которые вместе с арамейским языком вообще возникли в Палестине только спустя пятьсот лет. Выявление еще одной подтасовки не должно коробить чью-то почтительность к Богу, поскольку Богу вряд ли нужны такие методы, и вряд ли через такие методы Он мог бы допустить, чтобы Его Слово проникало в человечество. Не желая признавать, что многое в Ветхом Завете основано на шулерстве и вранье, мы тем самым еще более оскорбим Бога, поскольку предположим, что Ему могут быть необходимы эти шулерство и вранье, то есть поставим Его рядом с теми мистификаторами, которые подделывались под Его Имя. Это было бы сродни тому, что в определенных кругах называют "клеить групповуху". Конечно же, все это происходило без Него, и чем честнее мы будем смотреть в глаза правде об истинной цене многих откровений Ветхого Завета, тем более это должно быть угодно Богу.

Поэтому спокойно воспримем и такие факты, которые неопровержимо доказывают то, что книга Даниила написана через 400 лет после описанных в ней событий, что и позволило каким-то шутникам вложить в уста Даниила давно известные уже события истории, как пророческие с его стороны. Многие псалмы, приписываемые Давиду, вообще не относятся ко времени жизни Давида, и это тоже говорит о том, что шутки с текстами библейских книг до соферимов совершенно не считались дурным тоном.

Естественно, что раввины и их паства занервничают от того, что мы сейчас скажем дальше, но это должно быть для них полезной тратой нервов, поскольку правду должна любить любая религия. А правда состоит в том, что по филологическо-лексическому анализу законы, приписываемые Моисею, написаны сотнями лет позже. То есть, их написали те же раввины, которые тогда назывались левитами, а прикрылись они именем Моисея. Если кто-либо не

доверяет лексическому или филологическому анализу (а смысл их экспертизы прост - они утверждают что те слова и понятия, которые использованы в текстах "законов Моисея", в его время или вообще еще не существовали в природе, или всегда обозначались другими словами и понятиями), то анализ топонимики, которую "использовал Моисей", говорит о том, что те географические названия и населенные пункты, которые он "приводит в тексте", ко времени его жизни еще не существовали. Кроме того, утверждая, что Моисей автор Пятикнижия, никто так до сих пор так и не объяснил, как автор (Моисей) написал об обстоятельствах собственной смерти и подробно расписал *собственное погребение!* По основной версии ученых Пятикнижие написано после завоевания Палестины, куда, как известно даже по самому Пятикнижию, Моисей так и не попал. Получается, что с Ветхим Заветом следует быть не просто повнимательнее, но и в прямую поосторожнее.

А может быть не стоит так строго относиться к добавлениям в тексты Библии неизвестных аферистов из числа переписчиков и левитов? Может быть, добавления не так уж страшны? Похоже, что это не так. Ведь если бы в них не было пользы, то их не добавляли бы и не вкрапляли бы, тщательно маскируясь под авторов. Во-вторых, даже если добавлениям и не удастся исказить первоначальный смысл какого-либо текста, то весь текст, который нам преподносится уже вместе с ними, *как истинный и никогда не подправленный* ручательством некоей группой лиц, которая этот текст сама же *всегда подправляла*, заставляет нас не верить данной группе лиц заранее. Но в данном случае это - не вопрос морали. Это вопрос копирования восприятия. Если уж сами левиты и их агенты-переписчики *не относились к Пятикнижию, как к Священному Писанию, допуская со своей стороны всякие вольности с ним, то точно также должны к Пятикнижию (Ветхому Завету вообще) относиться и мы.* Авторы сами продемонстрировали нам соотношение между человеческим и Божеским в Ветхом Завете, и это отнюдь не говорит о том, что теперь к Ветхому Завету можно относиться как к телефонному справочнику, например, Чикаго за 1937 год, где все полезные сведения уже устарели. Просто надо понять, что эта книга, как и любая книга на земле, не написана Богом. Она написана и переписана людьми о Боге, и о том, как складывались духовные и религиозные понятия Бога от древности до периода Римской империи.

Но если даже так и относиться к Ветхому Завету, то не стоит забывать о том, что помимо добавлений в нем есть еще и много компиляций. Что такое компиляции? Это манипуляции с двумя, тремя или более текстами, в результате которых из них составляется один текст, соединяющий в себе несколько источников. Лишнее отбрасывается, нужное оставляется, и из этих отрывков собирается совершенно новый текст. Классический пример компиляции: маньяк из голливудского триллера присылает угрожающее письмо жертве, которое склеено из отдельных слов или фраз, вырезанных из статей и заголовков различных периодических журналов. Это и есть метод компиляции. А он уже будет повеселее добавлений. Потому что, хотя добавления и определяют текст Библии, как не санкционированный исключительно Богом, но сохраняют разделительные понятие первоисточника и добавлений к нему (хотя, такое добавление, например, как целый свод законов, уже является само по себе чистым *новоисточником*, а не подправленным первоисточником), то компиляции вообще затушевывают само понятие о каком-

то первоисточнике, потому что сами источники документа, составленного путем компиляции, исчезают безвозвратно. В этом случае мы имеем перед собой уже совершенно вторичный документ по самому своему *возможному содержанию*, и нет никакой гарантии, что этот вторичный документ составлен просто в целях экономии бумаги, а не в целях изменения смысла самих его источников.

С помощью компиляций можно творить самые невероятные вещи. Казалось бы, что можно радикально изменить в тексте события, если он составлен из нескольких выборочных мест его описаний разными источниками? Ведь ничего не *добавлено от себя*, просто несколько объективных точек зрения объединены в одну скомпилированную, (то есть, составленную из отрывков разных точек зрения), общую точку зрения! Но все может быть не так безобидно на практике, как это невинно звучит в теории. Давайте, посмотрим.

Возьмем простой бытовой пример некоего события. Первый источник - короткий газетный репортаж в отделе криминальной хроники поселкового масштаба: "Вчера вечером, в одном из пригородных поселков, двое собутыльников повздорили и завязали драку. Вмешавшаяся в потасовку хозяйка квартиры Н. была убита ударом ножа одного из дерущихся жильцов. Ведется следствие. Двое дерутся - третий не лезь".

А вот второй источник - объяснительная обвиняемого в убийстве: "Вчера я, Р., вместе со своим другом С. отдыхали вечером, немного выпили, вспомнили бурную армейскую молодость, и стали демонстрировать друг другу приемы самообороны. Я шуточно имитировал нападение с ножом в руке, а С. как бы защищался приемами. Мы завозились в этой игре настолько, что не заметили хозяйку Н., и она случайно оказалась на линии имитации удара ножом, и тут произошел этот просто несчастный случай".

А вот показания свидетеля С.: "Мы с Р. выпили и стали спорить, не помню о чем. Р. начал махать ножом и кричать что-то на меня - почему и зачем я плохо помню. Тут вошла Н. и заступилась за меня. и последнее, что я помню - Р. стал кричать на нее, а она на него. Дальше я упал и вырубился".

А теперь текст протокола первичного дознания: "Задержанные С. и Р. показали, что произошло распитие спиртных напитков. Соседи показали, что слышали шум скандала. Потерпевшая Н. ничего не смогла показать, потому что к моменту нашего приезда она не могла говорить - у нее было повреждено ножом горло".

Ну, вот перед нами несколько источников одного и того же события. Теперь, давайте, не прибавляя ничего от себя, скомпилируем одно общее описание того, что произошло с хозяйкой Н. и ее жильцами С. и Р. Выглядеть это могло бы так: "В одном из пригородных поселков хозяйка квартиры Н. услышала шум скандала. Соседи Р. и С. вспомнили армейскую молодость, и произошло распитие спиртных напитков. Р. начал махать ножом и кричать что-то С., они повздорили и завязали драку. С. упал и вырубился. Н. не могла говорить, потому что у нее было повреждено горло, но она шуточно показала им, что они, двое собутыльников, выпили, повздорили и стали демонстрировать бурные линии имитации, которые, как последнее, что она помнит вчера вечером - просто несчастный случай. Тогда Р. вместе со своим другом стали как бы защищаться, спорить, что к моменту приезда сама Н. ничего показать не могла бурного. Тут



потерпевшая завозилась, заступилась и упала. Случайно нож стал на нее, а она на него. Двое жильцов - потасовка. Третий ведется - вошла, не лезь, почему и зачем".

НИ СЛОВА не добавлено и смысл происшествия, в общем-то, остался, но появились такие нюансы и такие многозначности, что полученный текст вполне можно приравнять к тому, что называют "таинственным текстом древних мудрецов". Не отсюда ли эта самая многозначная таинственность некоторых книг Библии, чем не отличаются другие древние книги не библейских древних мудрецов? Очевидно именно отсюда, потому что эпически звучащая торжественной многозначностью Книга Бытия как раз и является самым сильным примером компиляции.

Эта книга, самое начало Библии, - составлена из целых трех различных источников в IV веке до нашей эры. При этом неизвестными составителями все сведения о Сотворении мира были разбиты на разные по объему куски, из которых вновь составилась один текст. Причем все три источника три составные части Бытия являются изначально совершенно независимыми повествованиями. Одно из них относится к концу VI до нашей эры, и получило название Жреческий Кодекс (или Священнический Кодекс). Вторые два написаны одно израильскими, а другое иудейскими священниками в то время, когда государство евреев распалось на два этих враждующих царства - Израиль и Иудею. Иудейский источник получил название Яхвист, потому что Бог в нем назывался именем Яхве (Иегова), а израильское повествование названо Элохист, так как Бог в нем упоминается под именем Элохим (Аллах). Причем самым невразумительным по методу составления компилированной Книги Бытия представляется то, что за основу взят Жреческий Кодекс, написанный на 300 лет позже, а более ранний Яхвист его только дополняет. Это говорит о том, что составители вообще не отдавали приоритета более древним текстам, что, в свою очередь, говорит о том, что сделанное сегодня у них считалось более правильным, чем сделанное ранее, что присуще всегда тому настроению, *с которым человек создает что-то для современности*, а не ищет истины *для вечности* в древности, когда предполагается какому-то предку известия могли попадать в голову напрямую от Бога. То есть, те, кто составлял Ветхий Завет, наоборот считали, что более ранние авторы были менее правы, чем они, что подтверждает нашу мысль об их отношении к писаниям *не как к Голосу Бога*. Если некая группа товарищей смело выбрасывала, как ненужное, что-то из самих источников Книги Бытия, то почему мы должны со священным трепетом относиться к каждой букве из того, что в нем осталось для нашего пользования по их барскому выбору?

Впрочем, они были люди неглупые, и мы не должны быть глупее их не только потому, что должны доверять их более близкому пониманию "святости" источника текстов, но и потому, что у трех независимых повествований о Сотворении не может быть единого источника в виде одного Бога. В этом случае следует признать, что Бог, или как сеятель разбрасывал в давние времена сведения о Начале мира, или признать, что источников этих повествований должно быть столько же, сколько было самих самостоятельных повествований. Если возложить эту ответственность на Бога, то это будет совершенно неправильно, потому что все три повествования различаются не только важными деталями, но и самим временным периодом, который отражают в себе. Бог мог бы быть щедрым на информацию, но Он не мог быть непоследовательным в ее составляющей

части. Поэтому источники Библии следует искать где-то глубже во времени, а не глубже в мистическом.

Долгое время, наоборот, искали только в мистическом, вопреки всякой логике, потому что Библия считалась самой древней книгой на земле, и никаких письменных источников до нее человечество не знало в такой систематизированной законченной форме. Однако в 1872 году разразился гром среди ясного неба - была открыта цивилизация шумеров! Расшифрованные таблицы Месопотамии позволили прочитать книгу, которая написана намного раньше Библии, и в которой содержатся сведения, в деталях описывающие историю о Потопе и многое другое из того, что есть в Библии. Это был эпос о Гильгамеше. Стало ясно тем, кто не боялся разочарований привычных стереотипов, что Библия списана с шумерского эпоса. Это был тяжелый удар. И от него оправились не все, а многие и не оправились до сих пор, делая вид, что никакого Шумера вообще не было и никаких книг, соответственно, которые навевали собой библейские темы, также сроду не было. Легко это пережила только Христианская Церковь, которая с самого начала интуитивно не пропагандировала чтение Библии простым народом (а папство вообще противодействовало изданию Библии для повсеместного чтения), поскольку мудро решила, что Голос Божий следует слышать за самими словами, *пересказывающими* услышанное от Него, а не в прямом изложении этого пересказа. Но и Христианская Церковь не заостряет на этом особенно своего внимания - сильны традиции считать Библию боговдохновенной книгой полностью в том ее составе, который когда-то церковью был определен, как приписываемый Моисею и пророкам. Вносить поправки в традиции не считается особо необходимым, но и активной пропаганды Ветхого Завета в христианстве нет - умная Церковь подает его в изложениях своих специалистов по толкованию, но не призывает его читать в запой самостоятельно. Но и не препятствует. Обходит проблему.

Нам нет нужды совершать этот маневр, и мы посмотрим - сколько в Книге Бытия, самой величественной части Ветхого Завета, от шумеров или, может быть от других источников?

Начнем с главного - история об Адаме и Еве явно перекликается с шумерским мифом о боге Эа и богине Нин-ти. Дело в том, что в языке шумеров (который, как мы уже знаем, самый многозначный из всех языков), слово "ти" означает сразу и "ребро" и "давать жизнь". Ну, вот такой язык, что поделаешь! Богиня Нин была создана великим шумерским богом воды Эа с чисто хирургической целью - она должна была исцелить боль в его ребре. Богу проще создать себе индивидуального костоправа, чем записываться в регистратуру и брать талончик к хирургу на "послеобед". Называться богиня Нин после этого стала Нин-ти, что означает "Госпожа ребра", но что может одновременно в бесподобном шумерском называться и "Госпожа жизни". Видно, кто-то понимал правильно ее название, а кто-то и слишком широко, потому что в Библии теперь совершенно нелогично общему повествованию о первых людях Бог сначала создает мужчину и женщину одновременно, а потом вдруг из ребра Адама создает Еву, чье имя на еврейском означает "дающая жизнь", то есть является подстрочным переводом с шумерского "Нин-ти". Что же произошло? А произошло то, что авторитетный знаток шумерской литературы Самуэль Крамер назвал "одной из первых литературных ошибок, которая укоренилась на века". Один переводчик перевел в трогательной истории об излечении бога Эа имя лечащего врача, как "госпожа ребра",

а другой, того же заведующего кабинетом, обозначил как "госпожа жизни", и в итоге получились две разные истории о сотворении человека, которые, встретившись на компиляциях в Книге Бытия, создали эту непонятную легенду о каком-то повторном создании сотворенной уже однажды до этого в одно время с Адамом Евы из ребра первого мужчины. Составители Книги Бытия уже давно забыли о шумерах, поскольку и в еврейскую культуру когда-то эпос о Гильгамеше попал уже через десятые руки, возможно даже без ссылки на источник, поэтому, не владея языком источника, они сочли за лучшее оставить оба варианта перевода, соединив их в одном повествовании о Сотворении человека, невзирая на то, что в этом не было никакой разумной последовательности событий. Вот яркий пример достоинств компиляций, где две версии события не составляют собой одной версии при своем соединении, а сохраняют их различный смысл в некоем искусственно многоплановом изложении в виде нелогичной общей версии.

Как видим, история об Адаме и Еве - это всего лишь перепутанное изложение на заданную тему, а не прямое откровение. Кроме того, не уходя далеко от этой истории, следует сказать, что Эдем, или рай, как иногда называют место, где обитали первые люди вместе с Богом, также заимствован у шумеров, которые первыми сказали о "золотом веке", когда не было болезней, тяжелого труда, горя и смерти. Причем, шумеры поведали о находящемся *на Востоке (!) "саде богов"*! И здесь все напрямую слизано у шумеров! От шумеров эти сведения перешли к египтянам, которые дополнили характеристику этого времени еще и понятиями об отсутствии страха, ужаса, несправедливости и уточняли, что это были времена "предвечных богов". Поэтому, говоря о том, что понятие "предвечный", то есть "до времени", пришло из Библии, надо быть осторожнее - в любой момент можно нарваться на упоминаемое уже нами возможное хамство какого-либо невоспитанного знатока, который беспардонно может заявить, что этим понятием вовсю оперировали еще в Египте. Самое непростительное, что можно вменить всем этим неинтересным сухарям, знающим историю древности, так это то, что они всегда пользуются действительными фактами. Видно наслаждение испытывают от вида честных мучений тех, кому хочется, чтобы Ветхий Завет был первым и единственным источником земной мудрости.

Но он, этот источник в виде Ветхого Завета, далеко не первый, потому что даже понятие о первичном океане первозданного хаоса - шумерское достижение. Увы. Кроме того, число "двенадцать", под которое все настолько подгоняется в Ветхом Завете, что даже двенадцатое колено (род) евреев, где прародительницей была не еврейка, называется "полуколеном", лишь бы родов (кстати, что такое "полурод" вообще?) было двенадцать, так вот это число - шумерское число. Именно это число было положено шумерами в основу своей математики. И тут прямой источник опять намного древнее самой Библии.

Так же от шумеров взято и количество праотцев (первых глав рода человечества). Шумеры, несмотря на исчисление дюжинами, назвали их количество равным десяти. Библия повторила это в точности. Сама библейская идея о том, что эти праотцы жили несравненно дольше, чем нынешнее племя людей, также взята от шумеров, у которых эти "десять древнейших царей" жили по 400 тысяч лет. Библия просто приблизила сроки их жизни к более скромным рекордам - в пределах одной тысячи лет.

Многие знают, что библейские пророки видели возле Бога в своих видениях четыре существа - крылатого быка, орла, крылатого человека и крылатого льва. Когда мы говорили о том, что видели люди, побывавшие в клинической смерти, то убедились, что им можно верить хотя бы потому, что в их рассказах невозможно найти ничего такого, что говорило бы о наведенных земными темами галлюцинациях. Ничего из того, с чем столкнулись эти выжившие, по ассоциациям не увязывается ни с их религиозными представлениями о загробной жизни, ни с какими-то другими земными стереотипами. А вот пророки и здесь подкачали. Конечно же, в жизни львы не летают, размахивая крыльями, не говоря уже о быках, и этого они в реальной жизни видеть не могли, и дело всего лишь в том, что именно так выглядят астральные боги шумеро-ассирийской культуры: Мардук - крылатый бык, Набу - крылатый человек, Нергал - крылатый лев и Нинурта - орел, которые, чего уж там особо подчеркивать, громко и не таясь, были озвучены намного более древней цивилизацией, чем время написания Библии. Выходит, что даже пророки брали образы своих видений из культур, за тысячелетия предшествующих им по времени.

А вот жил в Шумере Саргон I, Эламский царь, и жил он а-а-а-ж в 24 веке до нашей эры. Жил он себе и никому не мешал этим фактом до той поры, пока в раскопанных глиняных таблицах мы не прочитали о нем интересную сказку - младенцем он был положен по рождению в корзинку и пущен по реке. Его подобрала, и впоследствии он стал царем. Многим хочется, чтобы этот Саргон вообще никогда не жил, потому что тогда можно было бы считать историю про Моисея хоть сколько-нибудь правдой, несмотря на всю ее детскую нелепость. А теперь нельзя - эта история всего лишь пересказ легенд тех мест о царе Саргоне, быть бы ему неладным!

История про потоп вообще полностью скопирована у шумеров настолько, что сходится даже в деталях о том, как спасенный глава семейства трижды посылал с ковчега птицу, пока она не принесла в клюве веточку растения, что позволило Ною предположить наличие некоторых уже не затопленных мест суши. Причем уже не вызывает никакого удивления тот факт, что бог Энлиль, который подсказал Утнапиштиму построить корабль и взять с собой семью и животных, говорит ему и его жене: "Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю". Такой факт уже не просто литературная ошибка, и не просто изложение на избитую тему - это прямой плагиат, который никогда не красит, если не дается ссылка на источник. Впрочем, мы сейчас эту ссылку дали.

При раскопках Угарита были найдены целые библиотеки, и как неприятно кое-кому было там вычитать, что какие-то хананеи сплошь и рядом употребляют устойчивое словосочетание "бог отца твоего", которое столь часто потом через десятки веком упоминается в Ветхом Завете как достижение мысли избранного народа. Папе надо было не естествознание запрещать, а археологию. Не угадали.

В тех же египетских космологических текстах всегда звучит одна и та же бестактно обозначенная мысль о том, что Вселенная образовалась из хаоса, (причем абсолютно по всем многочисленным версиям возникновения мира), и также неуместно во всех этих версиях всегда говорится, что человек - творение Бога. Диспозиция библии в качестве эксклюзивного источника мудрости, переданной Богом людьми через людей же, под знаком вышеупомянутых сведений

смещается с главной позиции, столь привычной официальной теологии, на некую собирательно-составительную версию старых знаний, собранных под авторитетным авторством несчастного Моисея, который, как мы уже догадываемся (см. выше), за этот политфокус не отвечает.

В 1901 году в Сузах был найден кодекс законов Хаммурапи (II тысячелетие до н.э.), в котором только нежелающий не усмотрит источника законодательных установок "Пятикнижия". Пятикнижие явно составлено под влиянием месопотамских законов. Более того, в тех же в древних текстах Суз, намного более древних, чем Библия, говорится о страшном суде по конце времен, загробной жизни, рае, аде, ангелах и сатане. Все это было позднее скопировано в текстах Ветхого Завета. Или придумано по новой. Или получено от Бога. Но тогда и месопотамские писания - богодухновенные книги. Если в них впервые разработано то, что затем лишь повторяется в Библии, которая считается "словом Бога", то почему они тоже не такое слово?

Скопированы в Библии не только события древних легенд о сотворении мира, о потопе, о божественных сущностях, дружественных людям, о плохих сущностях, которые вредят людям и бунтуют против богов, об устройстве загробного мира и о последнем суде, но и сами жанры древней литературы перетянуты всё оттуда же, из древних цивилизаций. Например, те же псалмы, то есть молитвы в виде песнопений, которые составляют одну из книг Библии, также жанр вполне шумерский. Именно у его царей этот способ беседы с Богом был как бы одним из видов духовной работы. Вот, например, один из псалмов Лугальзаггиси (около 2350 года до нашей эры!), в котором он в очередной раз обращается к богу Энлилю с просьбой о том, чтобы тот: "продлил мне жизнь и дал моим землям пребывать в безопасности, и пусть он даст мне столько воинов, сколько растёт травы, и да не изменят боги хорошей судьбы, которую они мне определили". В своих псалмах библейский царь Давид говорит с Богом в том же самом тоне и с теми же самыми просьбами, что и Лугальзаггиси, который был так же, надо полагать, не менее музыкально одаренным, чем Давид, раз уж и ему тоже проще было петь, чем говорить. Но придется и здесь напомнить - что первым запел в этом жанре и с этим репертуаром Лугальзаггиси, а не Давид. Причем, некоторые просьбы Давида несколько даже мелочнее, и несколько неприличнее того, что просит Лугальзаггиси. У последнего явно нервы были покрепче, чем у Давида, который поет псалмы постоянно в какой-то затравленной панике, в страхе перед какими-то жестокими и бесчисленными врагами. А те псалмы, которые не содержат меркантильных просьб, очевидно как раз те самые, которые были добавлены в Библию под псевдонимом "Давид" столетиями позднее.

В 15 веке до нашей эры в своем "речении" царица Нефертити, то ли сестра Эхнатона, то ли его жена, но в любом из этих случаев самая прекрасная из женщин за всю историю человечества, (если не брать во внимание, естественно, действующих подруг и жен наших читателей), изрекла абсолютно мессианскую концепцию завершения истории мира - наступит конец света, а затем возрождение жизни, которое связывалось с приходом спасителя человечества Амени, будущего тысячелетнего царя. И здесь, если говорить об идее прихода царя-мессии, Спасителя, как об открытии библейских пророков, то лучше совсем этого не

говорить, потому что исход евреев из Египта и зарождение писаний произошло позже этого пророческого достижения этой невероятно красивой женщины.

И тут не только археология виновата в том, что Библию совершенно непропорционально одарили мессианским приоритетом. Очевидно, и без археологии были еще какие-то причины не видеть, например, мессианской идеи мировоззрения Заратустры, или не обращать внимания на богов-избавителей древних греков, так называемых "сотеров", призванных спасти мир - Асклепия, Сабазия, Диоскура и непосредственно Зевса (после отождествления его с Сабазием и Сараписом). И совершенно не археология виновата в том, что никто не вспомнил ни разу, что сведения об этом почерпнуты из Гомера, чьи поэмы... догадаетесь - как назывались в Древней Греции? Правильно - Священным Писанием! Если приводилась цитата из Гомера, то среди греков считалось, что прозвучали слова богов, записанные Гомером, и они *были непререкаемым аргументом в любом философском диспуте!* Здесь только многозначительно покряхтеть...

Понятие нравственности также появилось впервые не в библейских текстах, как некоторым очень хочется, потому что в Египте уже в Старом Царстве господствовала идеология о том, что душа бессмертна, и после смерти будет судиться на посмертном суде неким высшим авторитетом, который и будет решать - в ад пойдет душа, или в рай. Если скончавшийся этот суд проиграет, то он исчезнет как личность, и будет обречен на вечное пребывание в качестве бледной тени в царстве мертвых. А если выиграет, то получит вечную жизнь в обители богов. Как видим даже обещания Иисуса каким-то образом были ведомы людям задолго до "Священного Писания", были пророки и пораньше. Но об этом мы уже говорили, и здесь мы о другом - что же нужно человеку, чтобы выиграть этот такой важный для него процесс? А немного надо - надо отчитаться за прошлую жизнь. И что же это за отчет? Вот его идеальная формула, которая если позволит по итогам прожитой жизни быть произнесенной, то дает право на вечную жизнь в раю:

Я не был алчным

Я не крал

Я никогда не убивал

Я не отнимал чужого и не ростовщичествовал

Я не лгал

ну, и еще кое-что... Как видим никаких геройств, кроме нравственных, на суде к рассмотрению не брали. И, опять же, кое-что нам здесь довольно-таки знакомо, не так ли? Моисей, воспитанный во дворе фараона (или даже при дворе), сказал много веков спустя то же самое темному народу, но несколькими другими словами - не пожелай осла ближнего твоего, не укради, не убивай, не лжесвидетельствуй. Ну, и еще, кое-что, о чем немного попозже. Несомненно, если бы археология достала все это намного раньше, то первые церковные соборы не подставились бы с Ветхим Заветом так, как они подставились, признав, что его диктовал Бог своим пророкам. Тогда они ничем не рисковали - аналогичного этим текстам ничего не было. Теперь же все выглядит по-другому, а решения вселенских соборов все еще в силе... Положеньице!

Но мы сейчас о приоритете нравственности для древних источников. Приоритет нравственного содержания законов, который постоянно отдавался Ветхому Завету, то есть

непосредственно богу Иегове, также не выглядит теперь обоснованным, поскольку в раскопанных таблицах упоминаемых нами уже законов Хаммурапи (который, кстати, сам и собрал ту самую библиотеку глиняных табличек, которую откопали ученые), прямо и недвусмысленно говорится о том, что сильный не должен обижать слабого, а с вдовами и сиротами требуется поступать по справедливости, причем безо всякого экономического обоснования, а просто так, из высоких побуждений этого пока первого в истории великого законодателя.

Можно, конечно, предположить, что и сам Хаммурапи был просто уникально справедливым человеком, и его справедливость была явлением, во-первых, чисто человеческим, а не идущим от Бога, и, во-вторых, была явлением совершенно уникальным для тех времен. То есть явлением на уровне исключения, подтверждающего то общее правило, что до Ветхого Завета государственные законы не имели чисто нравственных прожилков, а тем более освященных непосредственным откровением пророка, то есть не были "услышанными" от Бога. Это можно предположить. Но, тогда, что делать с надписями последнего правителя Лагаша Урукагины (конец 3 тысячелетия!), который еще не знал слова "пророк", и поэтому просто пишет, что *прямо* передает в этих надписях слова бога Нингирсу. И что же ему сказал Нингирсу? Хвалил царя и требовал покорности подданных своему избраннику Урукагине? Да нет, бог передал царю Лагаша требование не обижать вдов, бедняков, слабых, *не убивать*, не грабить, не заниматься ростовщичеством и обманом в торговле. В общем, все, что есть во Второзаконии и в десяти заповедях. Если это не первый образец пророчества, когда некие люди сообщают другим людям непосредственную волю Бога, то, что это? И здесь шумеры были первыми.

Ничего особенного не хочется сделать из шумеров, чтобы не создать новый объект поклонения, который сменил бы собой Ветхий Завет, но нельзя не проследить аналогий в том, что увидевшие именно на седьмом небе Бога пророки Библии жили позже тех времен, когда была построена Вавилонская башня, у которой было семь площадок, на самой верхней из которых находилось жилище бога Мардука. И что такое "скиния завета" Ветхого Завета (специально устроенный ларчик, в котором на Земле ютится Иегова), как не маленький храм бога Мардука на вершине Вавилонской башни, к которому также нельзя было прикасаться под угрозой немедленной смерти, и куда также раз в год мог войти посвященный?

Не слишком ли много совпадений? Откуда они? С Египтом понятно - евреи жили в Египте, Моисей исходил из культуры Египта, тут и гадать не надо. А вот как могла протянуться цепь шумерского мировоззрения аж до самого возникновения еврейского царства, миновав, например, Египет, откуда евреи не могли бы почерпнуть шумерскую философию, религию, мифологию и персонажей, потому что в Египте хоть и была письменность, но письменность Египта не сохранила сведений о цивилизации шумеров? Мистика? Тайна? Загадка? Ничего мистического и ничего загадочного. Просто в состав шумерской цивилизации входили не только такие самостоятельные образования, как Лагаш, Элам, Вавилон, ассирийские царства и т.д., но и кочевые семитские племена. А семитские племена - это предки тех самых древних евреев, которые тоже были семитами. А кочевники - это мастера составления не только устных родословных, которые передаются из рода в род, и у какого-либо нынешнего бедуина вполне

можно узнать имена всех мужчин его рода до времен фараонов, но и мастера по созданию устных преданий и легенд, которые также передаются от старших к младшим, постоянно дополняясь и совершенствуясь. Вот так и донесли евреи свои кочевые предания до тех времен, когда создали письменность и вписали их туда, как некие священные знания. Отсюда и выпирает шумер из каждой складки этих одежд, миновав Египет, который был оседлым и все привык записывать, а не запоминать.

Что можно в итоге сказать о Ветхом Завете? Теряет ли он для нас при этом интерес? Наверное, скорее, наоборот. То, что в нем живая весточка из самой древней цивилизации на Земле, история возникновения которой до сих пор загадочна, наоборот притягивает к Книге Бытия. А в том, что кто-то хочет приписать ее авторство Моисею, то есть автоматически Самому Богу, наверное большого греха нет, если при этом информация о том, о чем мы говорили выше, не делается закрытой или богохульной. Если кому-то удобнее считать, что Книгу Бытия Моисею продиктовал Бог, то в этом ведь нет покушения на нашу личную свободу ознакомиться с фактами самостоятельно? Поэтому здесь не должно быть места спорам, ибо тут уже даже и спорить не о чем. Тем более что задача этой книги - не публицистика. У нее вообще нет никакой задачи. Это просто разговор с единомышлинниками.

Но вернемся к Библии. А Ветхий Завет Библии не весь состоит из Книги Бытия, на каком-то этапе сама эта книга переходит в историю еврейского народа, и далее все остальные книги занимают во внешней своей канве именно этим. Следовательно, у нас есть повод и сам Ветхий Завет разделить на две самостоятельные книги, одна из которых относится к доисторическим временам человечества вообще, а другая к периоду формирования именно еврейского народа, его царства и его религии. Поэтому резонно было бы разделить рассмотрение Библии на эти две части относительно Ветхого Завета. В дальнейшем мы так и сделаем, а пока закончим знакомство с самим характером этой части Библии.

Следующее, что бросается в глаза при прочтении Библии - это постоянная аллегоричность повествования. Это не вызывает никаких возражений к методу изложения событий, но, занимаясь поисками некоего знания, которое мы ищем, приходится признать, что нельзя все аллегоризировать бесконечно, надо или признавать факт библейского события, или искать за ним *действительный факт*, переделанный затем в библейском изложении. Как нам поступить? Пожалуй, следует поступить вторым, нетрадиционным образом, поскольку признать, что Бог может, например, напрямую беседовать с людьми, приходить к ним в дом гости, бороться с ними по ночам, пытая и вываливаясь в пыли и делая их хромыми, или даже подвергаться опасности быть изнасилованным толпой чрезмерно возбужденных извращенцев, не вполне серьезно. Также не совсем доброго слова заслуживает и та позиция, которая требует верить тому, что моря расступаются перед одними и накрывают водами других, а также и другим невероятным несурзацам, которым, кстати, исследователи Библии уже нашли объяснения чисто естественного характера. Следовательно, читая Библию, мы должны в самом ее тексте увидеть то, что могло своими событиями привести к сотворению фантазий, и это впоследствии откроет нам глаза на многое. А иначе мы попадем в неприятный тупик неперменного толкования прямого значения слов, из которого выхода нет. Даже САМ ЛЮТЕР, не выдержал, и когда его в очередной



раз спросили, что же делал Бог в седьмой день, ответил: "Пошел в лес!". На обескураженный вопрос: "Зачем?", ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР ответил: "Чтобы нарезать розог для тех, кто задает этот вопрос!". Лютер не решил вопроса об аллегоричности. Мы его только что решили. Не во вселенско-реформаторском аспекте, правда, а лично для себя. С этим и пойдем дальше.

И еще немного об аллегоричности. Любая аллегория дает повод для самого различного толкования. Особенно аллегория пророчеств, которая строится на перечислении сведений, которые изложены без пояснительных комментариев самих пророков. Поэтому увлекаться расшифровкой аллегорий - не совсем благодарное дело. Приложив немного стараний можно всегда найти какое-либо толкование туманно изложенным коллизиям любого текста. Причем делать это можно столь же безнаказанно, сколь и бездоказательно. Например, в "Апокалипсисе" Иоанна вертеть содержанием его откровения можно настолько изощренно, что саранча с железными челюстями, предвиденная им в конце времен, свидетелями Иеговы просто соотносится с ними самими! То есть Иоанн под видом этой саранчи видел эту организацию верующих XX века, и не больше!

Вообще "Апокалипсис" является любимой игрушкой всех толкователей древних текстов. Но это - баловство с самим собой. И побаловаться может таким интересным образом, действительно, любой. Мы уже приводили пример другого баловства - придумывание искусственных языков, где плодovitость может быть столь же невероятной, сколь невероятной может быть предположена и любая возможность успеха в этой области. И мы даже приводили свой пример идеи такого языка. Можем мы (совершенно с той же целью) привести и собственный пример толкования "Апокалипсиса", например, в части пришествия двух зверей. Первый зверь - зверь из моря. Вот наше его толкование через указанные в откровении характеристики этого зверя:

1. У этого зверя семь голов (7) и десять (10) рогов, десять диадим. На основе этой характеристики мы можем предположить, что этот зверь - Владимир Ильич Ленин, поскольку в семье у Ленина было семеро (7) детей. Что касается десяти рогов, то это мы отнесем к тайне матери Володи Ульянова, которая, как теперь известно, имела внебрачные связи, которые не были секретом для Симбирска. Может быть, их не было десять, но данное количество рогов отца Ленина можно считать просто символическим.

2. У этого зверя ноги медведя, а голова льва. Медведь - символ России, следовательно, этот зверь придет из России, что вполне соответствует нашему варианту толкования. Голова льва - тоже понятно, поскольку львы - символ еврейства. Двенадцать львов у трона Соломона - символ двенадцати еврейских колен. Тоже нам подходит, поскольку у Владимира Ильича самого было много еврейской крови (от дедушки), а, кроме того, он был последователем Маркса (еврея), и все вожди большевизма, меньшевизма, Бунда, эсеров, мартовцев и др. - были также евреями, и все руководство Советской России при Ленине также состояло из евреев.

3. Одна из голов этого зверя смертельно ранена, но исцелела. Тоже подходит на все сто процентов. Если мы считали количество голов по количеству детей в семье Ленина, то одна из семи голов, смертельно раненная, - его старший брат Александр, который был приговорен к смерти за террор. Исцелела - тоже понятно, потому что тот личный террор, за который брата

Сашу вздернули в Петропавловке, перерос у брата Вовы вообще в государственный. Все подходит пока.

4. Зверь будет иметь сорок два месяца власти. Это как раз те 3,5 года, которые Ленин правил созданным им государством. Комментарии излишни.

5. Зверь одержит победу над святыми. Все так и вышло. Ульянов-Ленин опрокинул тысячелетнюю христианскую Церковь России, и народ пошел за ним, грабя храмы и уничтожая священников.

6. Зверь получит власть над народами. Тоже в самое яблочко. Многонациональная Российская Империя, где каждый народ жил своим обычаем и укладом, где были ханы, эмиры, князья и прочие национальные посредники центральной власти, превратилась в единый комплекс трудовых масс, и власть Ленина стала полной и единоначальной над всеми народами сто пятидесятимиллионного государства.

7. Ему поклонятся все живущие на Земле, имена которых не написаны в книге жизни у Агнца. И тут все совпадает - за коммунизмом пошли все те, кто не имел Бога в себе, то есть те, которым жизнь вечная не светила с самого начала, что подразумевается как отсутствие регистрационной записи в списках на ее получение. Как видим, ни одна из характеристик данного зверя не выпадает из нашей картины.

Теперь второй зверь: 1. У этого зверя одна голова. Иосиф Виссарионович Сталин был единственным ребенком в семье.

2. У зверя два рога. Одно можно сказать - мать Сталина была целомудреннее матери Ленина по соотношению рогов.

3. Этот зверь установит поклонение всех живущих первому зверю. Разве так и не было? Эти постоянные Сталинские "Ленин жив", "Ленин с нами", "заветы Ленина", "верный ленинец", "дело Ленина" и, как высшая похвала, "Сталин - это Ленин сегодня" утверждали культ Ленина, который работал на культ Сталина, как на продолжателя дела Ленина. Ленину ставились памятники, все переименовывалось под Ленина, Ленин был на знаменах, эмблемах, "дедушку Ленина" учили любить с самого детского садика, Ленин издавался миллионами экземпляров, про жизнь Ленина писались фантастические художественные рассказы и снимались елейно-умильные кинофильмы. Прямое поклонение живущих первому зверю. Все как у Иоанна.

4. "Образ зверя говорил так, чтобы убиваем был всяк, кто не будет поклоняться". Не просто говорил, а создал систему, при которой убивался не просто тот, кто не поклонялся, но и тот, кто поклонялся недостаточно рьяно или недостаточно в соответствии с линией партии. Опять совпадает.

5. Зверь осуществил начертание своего знака на правую руку или на чело тех, кто верен ему. Это - пятиконечная звезда, которую носили все от младших школьников (октябрьская звездочка) до особо выделенных партией деятелей (Герои Советского Союза), а в промежутках между двумя этими зонами - все остальные граждане в виде воинских регалий, торжественной атрибутики, гербов обществ и т.д.

6. Бесправен стал тот, кто без начертания. Тоже "про это". Тот, кто не признавал советской власти, не имел никаких прав, даже права написать письмо из тюрьмы домой. Иоанн как в воду глядел.

7. Число 666 - число зверя. Уж сколько вариантов толкования этого числа знало человечество! Наверное, не меньшее, чем само число. Мы даем свою версию - Сталин правил 36 лет.  $1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8 + 9 + 10 + 11$  и так далее до 36 будет ровно 666! То есть, если сложить между собой все числительные, которые образуют собой ряд от единицы до тридцати шести, то получается как раз шестьсот шестьдесят шесть. Что еще надо?

Так что, читая Библию, следует аллегории или пропускать, наверное, или отказываться от их прямого применения для искомого нами знания.

Это примем за основу и на этом, пожалуй, и все. Теперь можно читать саму книгу. Но мы не будем делать этого вместе. Это был бы несколько странный способ чтения. Невиданный доселе. Пусть каждый сделает это сам. А мы пойдем по библии дальше. Туда, где начинается история еврейского народа.

#### Евреи

Переходя к данной теме, а тем более *так* называя новую главу, испытываешь мало чувств, которые могут относиться к тому, что обычно квалифицируется в качестве источника вдохновения. Полностью пропадает даже настроение что-нибудь делать всерьез и хочется просто отбыть номер. Все это потому, что разговор по данному поводу каким-то странным обычаем всегда приобретает характер скандальности, даже если этот разговор затевался совсем не во имя скандала. Причем достается здесь затеявшему словоговорения буквально со всех сторон, потому что мир явно разделился на тех, кто не любит евреев, на тех, кто сочувствует тем, кто не любит евреев, на тех, кто считает образцом высшей морали показательно любить евреев и на самих евреев. Попасть куда-то в спокойную незаинтересованную зону совершенно невозможно. Ничего среднего здесь не дано и каждый, кто не находит в чужой позиции соответствия своей личной позиции (а надо заметить, что все позиции в данном вопросе всегда, почему-то, крайние), начинает разнузданно голосить и нещадно призывать все святое, что есть на свете, себе в свидетели. Угодить совершенно невозможно ничем другим, кроме как полным и неистовым разделением любви или ненависти, глазами на выкате от преданности и всегда готовым вырваться наружу поддерживающим кличем. Точка очень болевая.

Причем традиции эти образовались давно, принципиально и, что самое безысходное, на уровне физиологического отношения к предмету. Этот вопрос привыкли для себя решать наподобие того, как решается вопрос относительно вкуса оливок - кто-то им упивается, а у кого-то от него позывы на рвоту. Так произошло и с евреями. Как и в случае с оливками люди не задаются ни причинами своего отношения к ним, ни логикой этих возможных причин. Определяются нутром. Поэтому и логика в данном разговоре совершенно бесполезна. Нельзя же логикой, например, убедить одного, что маринованные оливки - это высокий образец изысканного гастрономического вкуса, а другого, что оливки напоминают по вкусу кошачью мочу, если первый относится к ним как к кошачьей моче, а второй как к высокому образцу

кошачьей мо... пардон, гастрономического вкуса. Здесь никого не переубедишь и на свою сторону не перетянешь, а, оставаясь на средней, независимой от всего крайнего, позиции, вызовешь ненависть всех сразу. Поэтому данных проблем лучше вообще не касаться.

Однако нам придется коснуться. Если мы будем говорить о Библии, то у нас другого выхода не останется. Потому что никто до этого не касался нашей темы в той проблеме, которую мы сейчас перед собой поставим, и никто из авторитетных нам до сих не объяснил - насколько вообще все то, что написано в Ветхом Завете касается *не только евреев, но и нас*? С одной стороны мы постоянно слышим, что Ветхий Завет - это история возникновения единобожия, а, поскольку Бог один для всех людей, то Ветхий Завет нас касается напрямую. Мы это все время слышим отовсюду, но ... не из самой Библии. Эта книга нам повествует о том, что Бог избрал из всех людей на свете только одних евреев, и будущее есть только у них. Все остальные народы волею Бога будут евреям порабощены или стерты с лица земли при несогласии с таким порядком вещей. Только слепой не может не прочитать этого постоянно повторяющегося рефрена в Библии. И только глухой в таком случае - самый благодарный слушатель тех речей, которые пытаются огласить нам о том, что Ветхий Завет писан для всех нас. Надо, в конце концов, открыто сказать, что Ветхий Завет написан евреями и для евреев, и наполнена эта книга постоянным нетерпеливым ожиданием того, что все неевреи или истребятся, или будут работать на евреев. Можно отбыть номер на бытовом уровне, обходя еврейский вопрос с мудрой осторожностью, но нельзя отбивать номер здесь, в разговоре о Библии, где все так основательно уложено в понятия боговдохновенности текстов.

С другой стороны мы от самих евреев в открытую никогда не слышим, что Ветхий Завет писан только для них, но толкования и комментарии к нему, которые составляют их Талмуд, содержат многочисленные положения о том, что все неевреи - это полулюди, животные с человеческим лицом, нечистые, то есть грязные, если говорить открыто, язычники. Причем, просто упомянув о том, что данные характеристики других народов находятся в главной еврейской книге, которой они руководствуются, которую они чтут и которую *сами же написали* (мы имеем в виду "Талмуд"), можно тот час же получить на шею табличку с надписью "антисемит". Говорить об этом не принято без того, чтобы тебя не пристыдили. Евреям можно говорить в наставлениях Талмуда о том, что даже выражать соболезнование нам по поводу смерти наших детей неразумно, поскольку смерть нашего ребенка приравнивается к смерти скота. За это их никто не стыдит. А нам просто повторить за ними то, что написано ими же, не осуждая и не поощряя, а просто приводя, как факт, - недостойно. Кто-то очень ловко повернул все дело в эту сторону.

Однако мы будем отвечать на свои вопросы, несмотря на то, что, скорее всего наши ответы или вызовут гнев антисемитов, или породят истерический вопль самих "семитов". С этим придется заранее смириться, потому что нам надо разобраться - а не правы ли евреи?

В самом деле: если уж так прочно укладывается даже Церковью Ветхий Завет в основание христианства, то есть, того знания, сведений о котором мы ищем, то нельзя опираться на Ветхий Завет, не определившись - насколько правомочно наше вмешательство в личное дело евреев, которые рассматривают в своей основе Ветхий Завет как собственную книгу и как

непосредственное "обетование" (то есть, обещание) Бога возвысить их над всеми народами? Беря в руки книги Библии до Нового Завета, невольно возникает вполне оправданная содержанием данных книг мысль о том, что Бог тебя не хочет, а хочет только евреев. Уж если называть эти тексты "священными", то надо или признать священность их главной мысли о predetermined жестоком отмщении евреев всем другим народам в исторической перспективе, или смотреть далее на эти тексты несколько проще, чем следовало бы смотреть на любое священное писание. Как нам поступить?

Прежде всего, похоже, следует признать, что воля Бога нам введима быть не может. Как бы дико это не казалось нам, не евреям, но предположить то, что мы заранее вычеркнуты из книги вечной жизни Агнца, можно. Если уж так громко об этом сказано в том, что упорно называется "Священным Писанием", то, как мы можем с этим спорить бездоказательно? Если так упорно придерживаться ветхозаветных текстов, как их придерживаются до сих пор теологи и философы религии, то ничто не заставит никого поверить предположению, что в этих текстах до одного места что-то правильно, а до другого - что-то же и неправильно. Там таких разделительных флажков не стоит. И ничего в них, в этих текстах, не закавычено. Они очень откровенны и предельно ясны в своем отношении к другим народам. Они очень цельны в этой мысли. Никто не может разделить содержание этих текстов на правильное или неправильное, исходя из них самих, именно в этом смысле. По своей внутренней, собственной логике ненависти они очень правильны. Они могут быть неправильны только в нашей внешней относительно них логике, потому что мы можем с ними соглашаться, или не соглашаться. Поэтому надо или признать, что в них все правильно, и согласиться с этим, или признать, что все неправильно, и согласиться уже с этим. Третьего, опять, не дано. Так надо, наверное, и подойти, если подходить честно к тому, что там, не таясь, кто-то написал.

Но в этом случае все это занятие - чепуха. Потому, что если в этих текстах все правильно во всех местах, и они продиктованы Богом, то они нам "до одного места", как нас не касающиеся. В этом случае единственный путь к Спасению лежит только через влагалище еврейской женщины, и, несмотря на то его преимущество, что он не извилист, этот путь не для нас, как не для нас сама Библия, не для нас Сам Бог, не для нас вся целесообразность Его Замысла, не для нас все Творение, не для нас весь этот мир, не для нас вся этика и можно гулять смело - все равно у нас будущего нет.

А если в этих текстах все неправильно во всех местах, то зачем тогда вообще обращаться к этим текстам? Надо поискать то, что мы ищем, где-нибудь в другом месте.

Что же нам делать с Ветхим Заветом? Вопрос тяжелый. И выход, пожалуй, можно увидеть в следующем. Во-первых, надо доверять всегда специалистам. Как ни пузырься, а положить, например, кафель не хуже, чем это делает профессионал - никогда не получится. Сам себя будешь хвалить, все вокруг будут тактично тебя подхваливать, но любому видно, что специалист кладет лучше. И так в любом деле. Профессионал - он и есть профессионал. У него свое знание, уровень которого можно получить, также только став профессионалом. Мы же - дилетанты, потому что идем в христианство со стороны в поисках той Веры, которой профессионалы христианства уже обладают. Поэтому надо обратиться к профессионалам и в нашем вопросе. А

профессионалы у нас одни - церковники. Библия - это то, чем они занимаются уже много веков и то, что они знают о ней, никому так не знать.

Чем мы можем здесь себе помочь? Прежде всего, тем, напомним, что Библия не очень охотно Церковь всегда допускалась до простого люда. Иногда это даже принимало прямые формы препятствования тому, чтобы в домах у людей были тексты Библии. Это подтверждает наше предположение о том, что в ней может быть что-то неправильно. Но, с другой стороны, сами церковники не отделяют ветхозаветную часть от новозаветной, и даже часто ссылаются на отдельные тексты Ветхого Завета. Это нам говорит о том, что в Библии все правильно. Опять тупик и чепуха? Нет. Осторожные теологи сумели как-то преодолеть эти вопросы отношения Бога и евреев лично для себя, и, следовательно, можем преодолеть их и мы. Короче, - то, что Церковь не отбрасывает Ветхий Завет, а что-то в нем черпает для своей высокой Веры, заставляет и нас его сходу не отбрасывать. Вот пока и все. Но и это немало. Потому, что отсюда есть еще один ход, который можно сделать.

В тех случаях, когда кто-то передает информацию от кого-то, и переданное нами никак не может уложиться во что-то разумное, мы всегда предполагаем только одно - а не переврали ли информацию? Причем это может происходить и без злого умысла. Человек *может в любом сообщении услышать то, что именно он всей душой ожидает услышать*. Например, какой-нибудь гей на Балканах может сильно взбодриться от того, что к ним в городок по сообщениям прессы едут "голубые каски" (так называют части миротворцев ООН). Естественно, что он может принять эту информацию очень созвучно своему сердцу и понять при этом ее однозначно, но слишком своеобразно. Не это ли произошло и с евреями? Не то же самое заблуждение, которое было присуще *абсолютно всем народам* на стадии формирования их в нацию, (то есть мнение о том, что их народ самый великий и единственно любимый богами), легло в основу их восприятия пророческих откровений? Если, например, это заблуждение просто законсервировалось и умело подогревалось священниками народа, то в таком случае можно отбрасывать все напевы Ветхого Завета о "богоизбранности" евреев даже чисто механически и без анализа, (здесь бы маркер пригодился!), оставляя для чтения все остальное, что в нем есть. Это - вариант, и вариант, пожалуй, единственный, который напрашивается сразу.

А если - нет? Если это не заблуждение? Если евреи и в самом деле - избранный Богом народ? Кто бы мог исключить и такой вариант? Этот вариант исключается полностью только нашим пониманием Бога, как нашего Доброго Отца. Следовательно, если верить прямому тексту Ветхого Завета, то Бог только для евреев Добрый Отец, а для нас ... никто! Следовательно, дело вообще не в евреях, а в том, насколько много у Ветхого Завета полномочий ставить нас перед такой дилеммой и в том, насколько оправданны наши обращения к Ветхому Завету, если он нам скажет, что Бог вот именно для нас никто? Уже от одного этого предположения, что какая-то книжка может ВОТ ТАК обрисовать Бога, эту книгу не следует брать в руки. И мы бы ее и не взяли никогда, поскольку у нас есть Новый Завет, но ... она в руках профессионалов, а профессионалам надо доверять. Таким образом, богоизбранность евреев становится вопросом, который видится нами не как "еврейский вопрос", а видится нами как вопрос простой - Ветхий Завет или книга для нашего чтения, или это книга не про нашего Бога? Вот с этим и стоит

разобраться, если мы хотим читать Библию дальше. Только ответ на этот вопрос скажет нам - отбросить Библию подальше или, наоборот, читать ее тщательнее. Ну и как мы на это ответим?

Одним лишь естественным образом - посмотрим, действительно ли этот народ особый и избран Богом, или он такой же, как и мы. Если мы найдем подтверждение их избранности, то мы согласимся с этим и приготовимся к своей незавидной судьбе. А если не найдем - то примем утверждения Ветхого Завета в части особой любви Бога к евреям как голословные и неправомерно приписываемые Богу. Понятно, что если этот народ действительно "избранный", то мы не сможем этого не заметить ни в его истории, ни в его настоящем. Вот и попробуем.

Для этого мы будем как можно меньше отходить от Библии, поскольку, уж если она такой авторитет для всех, то пусть она и говорит сама за себя. Кроме того, Библия в части истории еврейского народа написана действительно очень точно, потому что этот народ жил ежедневным ожиданием своей великой судьбы хозяев Земли, когда каждый его летописец фиксировал события не просто в качестве регистрации происшедшего факта, а именно как описание *события, вплотную предшествующего окончательной и полной победе евреев над другими людьми*. Естественно, что, подходя таким предпарадным образом к тому, что происходит сегодня в качестве залога великой удачи завтра, летописцу нет никакого смысла исказить сегодняшние дела, которые все равно завтра обратятся своей истинно хорошей стороной, несмотря на некоторое несоответствие тому, чего хотелось бы иметь хотя бы сегодня. Поэтому мы будем Библии верить.

Но, с другой стороны, даже такая точная регистрация, навеянная фатальным оптимизмом обещаний Иеговы, не может не отразиться на литературном стиле этих летописей. Он будет изобиловать эвфемизмами. Что такое эвфемизмы? Это способ называть неприятные вещи приятными словами. Причем часто этот способ не просто надевает розовые очки на человека, искажая *видимый им мир*, (что само по себе не очень хорошо), часто он искажает непосредственно и сам мир. Эвфемизм бывает и без идеологической подоплеки. Например, когда мы говорим: "Все пошло коту под хвост", то это самый прямой эвфемизм, продиктованный просто правилами приличия и тактом по отношению к тому, чьи усилия мы оценили так пронизательно. Ведь все мы знаем, что находится у кота под хвостом... А если мы говорим: "Я ему как врезал с правой! Потом встал и с левой, как двинул! Потом встал и ногой, с размаху, как саданул! Потом приподнялся и второй ногой - бац! Потом открыл глаза, попытался встать, и думаю: ну, что, может, хватит с него?", то это эвфемизм, продиктованный именно фатальным оптимизмом идеологической установки неистребимого самомнения. Все это мы увидим и проберемся через эти эвфемизмы далее. А пока начнем с наиболее естественного по логике.

А наиболее естественным, как представляется, для любого народа, если он претендует на избранность, является вопрос происхождения. Вопрос происхождения евреев, как народа, в Библии не обойден стороной, естественно. Здесь есть на что взглянуть. Хотя, если уж говорить о Библии, то все мы произошли от Адама. И евреи тоже. Так что на этом этапе никакого особого происхождения нет. Может быть, далее от Адама какая-то особая ветвь людей превратилась в евреев не так, как все остальные ветви превратились в другие народы? НО и этого в Библии мы

не находим. Все, кто пошел от Адама, погибли в водах потопа, кроме Ноя. А что было после Ноя? А после Ноя три его сына Хам, Сим и Иафет дали начало всем народам. Посмотрим, как это было.

Вот сыновья Иафета (Иафет - это греческий Япет, отец Прометея, греки считали именно его создателем рода человеческого, который начался с того, что Япет-Иафет лепил людей из глины, причем это были именно греки, однако на основании этого греки никогда не претендовали на особое место среди других народов):

Гомер - киммерийцы (Крым), постоянные соперники Ассирии,

Магог - лидийцы (Запад Малой Азии), воевали с киммерийцами, которые воевали с ассирийцами,

Мадай - мидийцы, которые завоевали Ассирию, с которой воевали киммерийцы, с которыми воевали лидийцы,

Иаван - ионийские греки (острова Эгейского моря), впоследствии греки вообще,

Фувал - юго-восточные племена Причерноморья, так называемый "Тибаренон",

Мешех - фригийцы, те, которые были вытеснены киммерийцами и лидийцами (Мидас, царь фригийцев). Каким-то образом имя Мешеха в настоящем связывают с нашей Москвой.

Фирас - знаменитые этруски (Италия), о которых Фоменко говорит непосредственно как о русских, впрочем, похоже что это, как все, что говорит Фоменко, ошеломляет по исходным обоснованиям, но вызывает сомнения по слишком широко идущим выводам.

Итак, это были всё непосредственно сыновья Иафета, как родоначальники народов. А вот его внуки.

Сыны Гомера, то есть народы, производные от киммерийцев:

Аскеназ - скифы, предки тевтонов, те, которые вытеснили своих же киммерийцев из Северного Причерноморья,

Рифат - соответствия какому-либо историческому народу найти не удалось и

Фогарма - народ "тилгаримму" (верховья Евфрата).

Далее идут сыновья Иавана, то есть потомки ионических греков:

Елиса - Кипр (Эллада), (по ассирийски Кипр звучит как "алашийях"),

Фарсис - город Тарсус, греки, юг Малой Азии.

Киттим - народ южной оконечности Кипра,

Доданим - Роданим, Родс, народ, обитающий западнее Кипра.

То есть, получается, что от Иафета пошли европейские народы, если за библейскими именами увидеть исторические реалии тех времен. Вполне достоверная информация, которая говорит о том, что все европейцы родственники, и никто не имеет никакого особого происхождения.

А вот сыновья другого Ноева сына, Хама, не самого лучшего из них. Его имя стало даже нарицательным, и "хамом" называют теперь того, кто не имеет понятия о приличиях:

Хуш - нубийцы, жители Нубии (южнее Египта), то есть африканцы в широком понятии,

Мицраим - египтяне ("мицраим" по еврейский Египет),

Фут - народы к западу от Египта (ливийцы),

Ханаан - народы Палестины.



А вот далее сыновья сынов Хама.

Сыновья Хуша, то есть родственники нубийцев:

Первые пять сыновей и два внука Хуша - народы Аравии,

Нимрод (шестой сын Хуша) - Двуречье и его города: Вавилон и Урук (нижнее течение Евфрата); Аккад - долина Евфрата, Халне (переводится, как "все остальные") и Сеннаар - Шумер. Причем, несмотря на то, что Шумер назван последним из городов Нимрода, обо всех остальных городах сказано, что все они находятся в земле Сеннаар, то есть Шумер был главным, и объединяющим все царство Нимрода, городом. Нимрод, кстати, был идеологом строительства Вавилонской башни. Археология это подтвердила. Следовательно, мы и здесь видим историческую правду, которая парадоксальным образом говорит нам о том, что именно внуки Хама ("хама", напомним) создали великую цивилизацию, от которой пошли все остальные цивилизации. Вот вам и вопрос происхождения!!!

Далее в Библии упоминается, что из Шумера вышел Ассур, который построил Ниневию, Реховоф-ир и Калах. То есть по Библии ассирийцы - не потомки Хама, они потомки Сима (семиты), хотя каким-то образом они входили в состав Шумера, а потом вышли из него и создали свое государство, наделавшее много шума в истории. Так что наше предположение о том, что шумерская философия религии вошла в еврейское мировоззрение от семитов-кочевников Шумера не только подтверждается Библией, но и даже явно намекает на то, что передаточным звеном между семитами-кочевниками (которые были предками евреев) были именно оседлые семиты ассирийцы. Выходит, что "ненавистные" для евреев ассирийцы были когда-то учителями самих евреев. Чудно!

Ну, и последний сын Хуша, внук Хама, дал начало филистимлянам из Кафтора, то есть тем самым палестинцам, с которыми Израиль сегодня что-то там не может поделить на Синае. То есть, по Библии палестинцы, идущие от Хама, и их нынешняя автономия братаются с арабами, которые являются семитами, то есть идут от Сима, против евреев, которые также идут от Сима. Никто происхождением не руководствуется. Но это политика сегодняшнего дня, а, что касается Библии, то и тут видно вполне достоверное отражение истоков народов. По библейскому источнику народы Африки, Аравии и Азии родственники, причем их особые заслуги перед человечеством совершенно не умаляются тем фактом, что Хам когда-то не очень деликатно обошелся с нализавшимся до бесчувствия, и по-хамски валяющимся голым, Ноем.

Но это еще не все потомки Хама. Вот его внуки.

Сыновья Ханаана, то есть жители Палестины:

Сидон - сидоняне, ливанцы, жители Ливана.

Хет - хетты, восточней Малой Азии,

Иевусей - те, которые жили в Иерусалиме, иевусеи,

Аморрей - амориты, Двуречье,

Гергесей - гергесеи упоминаются в Библии, но найти им аналога в истории не удалось,

Евей - евеи, государство Миттани в верхнем течении Тигра и Евфрата,

Аркей - аркиты, финикийцы (царство города Арки),

Синей - синиты, финикийцы (царство города Сианны),

Арвадей - арвадиты, финикийцы (царство города Арвада),

Цемаррей - цемариты, город Симарра по соседству с городом финикийцев Арки,

Химафей - химафиты, сирийцы, город Хамат.

Эти народы были непосредственными соседями евреев в Палестине, причем добрососедство тогда не входило в круг понятий, принятых в приличном обществе. Хотя и здесь, как видно из родословной, все равны и все - родня.

Мы так подробно остановились на этих двух ветвях человечества, чтобы посмотреть, как и чем будет отличаться та ветвь, от которой произросли евреи. Чтобы сравнить. Сравним.

Семиты, то есть, сыновья Сима:

Елам - север Персидского залива, древнее государство, соперник Ассирии в Двуречье,

Ассур - Ассирия,

Арфаксад - прямой предок евреев, Луд - аналогов найти не удалось,

Арам - арамейцы, нынешняя Сирия,

Лот - моавитяне и аммониты, появившиеся в результате кровосмешения Лота со своими дочерьми.

Как видим, происхождение евреев пока ничем не отличается от происхождения других народов по Библии, которая считается в этих вопросах авторитетом.

Следовательно, если даже искать что-то особенное дальше, то это уже само по себе неразумно, поскольку Арфаксад был братом Ассура и братом Лота, двух народов, которые были наиболее ненавистны евреям. В те далекие времена, если и предполагалось, что Иегова даст им в рабство какие-то народы, то, прежде всего, именно эти. Это был семейный междусобойчик, где считать другие народы нечистыми по происхождению - считать аналогичным образом сразу же грязным и себя. Следовательно, на этом этапе понятие о собственной богоизбранности базировать на происхождении было опасно. Искать эти попытки следует где-то дальше. После Арфаксада.

Ну, и что Арфаксад? У Арфаксада был сын Сала, который в возрасте тридцати лет стал отцом Евера, от которого и пошло нечто созвучное слову "евреи" для этих племен, и в цепи потомков которого родился, в конце концов, Авраам, который, однако, считается праотцем евреев, потому что Иегова сказал Аврааму "Я произведу от тебя великий народ". Следовательно, если верить Библии, то именно от Авраама богоизбранный народ и начинается. То есть, уже от его детей. Однако, первый вопрос в таком случае - у Авраама было двое детей, Измаил и Исаак. Почему первенец Измаил и пошедший от него народ не считается богоизбранным, а дети Исаака считаются? Евреи отвечают - потому что Измаил не был сыном еврейки. Вот это да! Следовательно, к моменту рождения Измаила уже были евреи и не евреи? То есть, избранные Богом и не избранные? Если это так, то как Бог мог обещать Аврааму произвести от него великий народ, если этот народ уже был, и уже только рождение от женщины этого народа засчитывалось в качестве пропуска в этот народ? Бог, что, - не знал, что творится на земле, и обещал произвести то, что уже есть, а Авраам просто постеснялся его поправить?

А если этого народа еще, все же, еще не было, то ни Авраама ни Сарру еще нельзя считать евреями, и тогда и у Измаила и у Исаака равные основания считать свои народы

богоизбранными в качестве потомков Авраама. Как выбраться из этой логической ерунды? А - никак. Или признавать, что евреи уже были, и Сарра, как еврейка и мать Исаака, была просто одною из матерей-евреек, как и Исаак был одним из сыновей-евреев, с самым обычным происхождением, как и у всех народов, или признавать, что богоизбранные поколения людей пошли только от Авраама, а вместе с ними, однако, и Измаил, и все его потомство. Именно этот тупик, очевидно, и породил еврейскую идею о том, что евреями могут считаться только родившиеся от еврейки. Иначе никаких *безальтернативных* указаний Иеговы на то, что именно дети Исаака, а не Измаила, станут богоизбранным народом, мы не найдем. Иегова высказался довольно ясно в этом смысле, когда Сарра стала выгонять служанку Агарь, мать Измаила, вместе с Измаилом из дома: "Но Бог сказал Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее, ибо в Исааке наречется тебе семя; И от сына рабыни Я произведу народ, потому что он семя твое" (Бытие 21:12,13). Вот тебе, и, пожалуйста! Здесь явно допустили ошибку те, кто не захотел в свое время поделиться богоизбранностью с исмаилитами - впоследствии можно было бы всегда найти то, за что Иегова отрекся бы от этого народа. А сейчас нет никаких оснований говорить, что евреи начались с Авраама (в таком случае - Измаил тоже еврей), и нет никаких выгод говорить, что евреи были до Авраама, и только их жены определяли эту национальность, потому что в таком случае - происхождение народа самое обычное и ставит Иегову в дурацкое положение обещающего то, что у человека давно уже в кармане.

Однако, это то, что касается прямой логики. Создатели учения богоизбранности, как мы не раз еще это увидим, если и пренебрегали чем-то в своих логических построениях, то именно прямой логикой. Их логика - это установка на то, что логичным должно быть все, что отвечает идеологическому запросу. А если это не логично, то оно все равно логично, потому что отвечает идеологическому запросу. Поэтому надо несколько подробнее остановиться на их аргументах, основой которых является семнадцатая глава Книги Бытия. Эта глава, как представляется, является вообще центральной в самой сути предпосылок претензий на богоизбранность, и поэтому не пожалеем времени и остановимся на ней подробнее.

В этой главе впервые озвучивается мысль об особой привязанности Бога к евреям и, в оправдание тезиса о том, что евреи должны идти от женщины их родившей, а не от отцов, приводятся такие слова Иеговы Аврааму: "Но завет мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год" (Бытие 17:20). Вот на этом все и держится - и то, почему род Измаила не богоизбранный народ, и почему надо определять национальность по женской линии. Причем расположены эти слова Иеговы в главе очень выгодно, как последнее, что Иегова сказал Аврааму, после чего перестал говорить "с Авраамом и восшел от него" (Бытие 17:22). Такое впечатление, что разговор заводился именно для этого, завершился главной мыслью и далее уже не имел смысла. Но это - уловка искусственной композиции данной главы. Не будем забывать, что в Бытии мы, как нигде, сталкиваемся с компиляциями и дополнениями, поэтому не будем удивляться и тому, что несколькими стихами ранее (Бытие 17:11) Иегова в этой же главе так определяет круг богоизбранных людей: "Обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знаменем завета между Мною и вами". Здесь буквально мы находим то, что прямо говорит: с

женщинами вообще никакого завета быть не может, потому что даже Богу не найти у них крайней плоти для обрезания. Несколько шансов имеют на этот случай гермафродиты, но и они не могут называться женщинами. То есть вообще вести какой-то отсчет включенным в завет людям не от обрезанных отцов, а от женщин, которые не могут подлежать "знамению завета", - глупо само по себе. О них вообще нет речи, не то, что о том, что они могут играть какую-то роль в определении принадлежности к союзу с Иеговой!

Но и это не главное, а главное то, что дело здесь вообще не в Исааке и не в его матери, а в том, кто обрезан, а кто не обрезан. Причем открывается еще более странная вещь - оказывается совершенно неважно, еврей ты или не еврей, лишь бы было совершено обрезание, на основе которого Бог и определит, что ты входишь в союз с Ним. Причем Бог здесь напоминает какого-то уролога, Который путем осмотра крайней плоти делит людей на Своих и не на Своих.

"Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени" (Бытие 17:12).

Мы специально привели эти слова Иеговы Аврааму отдельным абзацем, чтобы они не затерялись. Они важны, эти слова, потому что они говорят о том, что богоизбранность по словам самого же Бога, является не последствием национальности, не последствием принадлежности к семени Авраама, а последствием аккуратной операции по принудительному фиксированному оголению головки мужского полового члена. Богу, конечно же, проще и приятней заглядывать именно в эти области мужского тела, чем на отрезанную, например, мочку уха или на шрам от надреза брови или, на худой конец, на дырявую ноздрю.

Но, впрочем, верим мы этому или не верим, а данное изречение Иеговы никак не согласуется с его же другим изречением в этом же разговоре с Авраамом об Исааке и Сарре, как об исключительных родоначальниках богоизбранного народа, и даже полностью ему противоречит! Это уже интересно относительно достоверности всей истории!

Но и это еще не все, что можно найти в этой главе относительно того, кто является богоизбранным народом. Чуть-чуть ранее Иегова в той же самой беседе с Авраамом выражался еще шире: "И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя" (Бытие 17:7). Здесь вообще *про всех* потомков Авраама сказано, исключение составлено только для потомков не Авраама. То есть, Измаил подпадает...

Чтобы все это понять, прочитаем эту важную и короткую главу еще раз, но уже сначала и до конца, а не наоборот, как мы это сделали до этого. Итак, Аврааму было девяносто девять лет, когда "Иегова явился Авраму и сказал ему" (далее мы изложим свободным стилем то, что составляет содержание 17-й главы): "Аврам, Я заключаю с тобой союз ("между Мною и тобою"). Суть этого союза состоит в том, что ты будешь отцом множества народов, которым Я буду Богом. Короче, ты понял, да? Ты и Я - мы союзники. Значит, запоминай - все твои потомки, и только они, войдут в этот союз, станут Моими, и Я дам им Палестину в вечное пользование. Короче, ты понял, да? Я заключаю союз через тебя с твоими потомками. Смотри ничего не перепутай, поэтому повтори тебе еще раз - каждый, кто будет обрезан на восьмой день от рождения, тем

самым уже входит в союз со Мной, независимо от того, твой он потомок или не твой он потомок, еврей он или иноплеменник, лишь бы он был обрезан. С бабами поступай, как хочешь. До них Мне вообще никакого дела нет. Короче, ты понял, да? Сарра родит тебе сына, назовешь его Исааком, и именно от него пойдет тот великий народ, который войдет в союз со Мной. Не прошу тебя повторить то, что Я сказал, потому что по глазам твоим вижу, что ты и так хорошо все понял. Разговор окончен, я пошел".

Не удивительно, что в какой-то момент данного разговора Авраам не выдержал, "пал на лицо свое и рассмеялся"...

Но нам не до смеха, хотя все это, действительно, очень смешно. Мы по серьезному видим, как выдвигаются самим Иеговой три основополагающих признака избранного им для себя народа буквально на протяжении одного монолога:

а) сначала именно все потомки Авраама вообще

б) затем обрезанные вообще, независимо от того, потомки они Авраамовы или нет, евреи они или иноплеменники,

в) а затем только потомки Исаака, как сына еврейки.

Теперь вопрос, (вспоминая в очередной раз, что Книга Бытия это компиляции и дополнения), - что здесь добавлено позже к тому, что было с самого начала? Ответ виден даже в самой очередности возникновения версий принадлежности к богоизбранным слоям населения. Здесь явно видно, что сначала добавили обрезание, потому что Измаила Авраам обрезал не на девятый день, как Исаака, а в тринадцать лет, что не считается по срокам основанием для союза с Иеговой, и можно скрутить фигу всем остальным потомкам Авраама, кроме Исаака, которого обрезали по регламенту. Но потом вспомнили, что, не дай Бог, исмаилиты начнут говорить о том, что уже дети и потомки Измаила обрезывались как положено строго на девятый день, и будет как с самаритянами, (которые тоже считали себя богоизбранным народом, поскольку даже более тщательно исполняли Второзаконие, чем евреи), и вложили в уста Иеговы еще и упоминание о Сарре. Получилось нелогично и комично, но зато это теперь отвечает правильно на идеологический запрос.

В общем, сама Библия своими собственными сведениями, даже без отрицания возможности постоянных смешных диалогов Авраама с Богом, делает вопрос происхождения евреев неубедительным с точки зрения неповторимой оригинальности. Впрочем, они вообще зря на это особо претендуют. Потому что есть еще одно обстоятельство, которое вообще низводит до полного абсурда даже те абсурдные аргументы считать евреев по матери, а не по отцу, которое совершенно неожиданно открылось в жизни первого богоизбранного Исаака, (то ли еврея как сына первой еврейки, то ли первого еврея, как обрезанного по закону). Обстоятельство это заключается в том, что если считать, все же, Исаака родоначальником избранных богом людей (евреев) на том основании, что его родила еврейка, то на нем же на самом, то есть на Исааке, согласно этой логике, евреи и закончились! Потому что *женой Исаака и матерью Иакова, сыновей которого называют главами двенадцати колен Израилевых, была не еврейка, а арамеянка Ревека!* Вообще, это очень забавный момент всей концепции иудаизма о богоизбранности и знака принадлежности к еврейству. Если мирно согласиться с ними в том, что

национальность надо считать по матери, то сын Исаака Иаков, то есть будущий Израиль, как звучало его второе имя, - самый настоящий арамеец, а никакой не еврей, как сын арамеянки. В этих трех соснах надо было еще умудриться так удачно запутаться!

Но и это еще не все! Согласно Библии *все дети Иакова*, которые стали родоначальниками еврейского народа, то есть, первыми евреями вообще, - это дети арамейцев! Они дети арамейца Иакова (как сына арамеянки) и арамеянок Рахили (как дочери Лавана Арамеянина), ее сестры Лии, тоже арамеянки, а также их служанок Валлы и Зелфы, естественно, не евреек! Жена Исаака, арамеянка Ревекка уговорила его женить их сына Иакова на одной из своих племянниц! В итоге расторопному Иакову достались сразу обе племянницы-арамейки, да еще с их служанками. Итак, богоизбранные евреи произошли из арамейцев, одним каким-то непонятным мановением забыв, что девяносто процентов крови в них арамейской! Все двенадцать сыновей Иакова, которые стали главами двенадцати еврейских родов, *по еврейским же законам - арамейцы!* Тут вообще мало кому что понятно, но в Библии написано именно про это. Толковать, конечно, можно как угодно, но написано там именно это. Так что с происхождением все ясно. Оно, действительно, оригинально. Но, не более того. Например, если бы грузин и грузинка родили двенадцать сыновей, которые стали бы впоследствии азербайджанцами, то это было бы оригинально? Еще как! Но азербайджанцами они были бы весьма условно. По своему хотению только. Возможно ли это было бы вообще? Наверное, возможно, потому что, как мы знаем, вопрос национальной принадлежности - вопрос самоосознания человека себя тем или другим по национальности лицом. Следовательно, такое допустимо. Но это все же не вопрос происхождения, а вопрос - выбора. Так с этим и порешим.

Итак, некая семья арамейцев дальнейшими составителями Библии стала называться еврейской семьей с непонятными заявками на богоизбранность относительно других семей, пошедших от общего дедушки Авраама (надо добавить, что потомки Исава, родного брата Иакова-Израиля, его близнеца, опять не попадают, почему-то, в богоизбранные отряды народа!!!), и от нее начинается повествование о евреях. Вряд ли сами двенадцать братьев задумывались над тем, кто они по национальности, ибо в то время им было не до этого из-за постоянной нищеты и угрозы голодной смерти, но будем считать, что именно с этого момента условно появились евреи, чьи пророки писали о том, что этот народ с помощью Бога встанет ногой на грудь всем другим народам.

Это, в общем-то, не уступка с нашей стороны данной идее, а просто констатация пока что только того факта, что происхождение данного народа совершенно банально и признаки избранности надо искать где-то в другом. Больше о происхождении говорить даже и не будем. Если кому-то хочется арамейцев считать евреями, но евреев не считать арамейцами, поскольку арамейцы тоже народ нечистый, то пусть они так и считают. Мы с этим никак спорить не будем. Пусть даже такие евреи будут богоизбранными, но пока не по происхождению. С этим все.

Говоря об особом происхождении, нельзя согласиться тем аргументом, что мы ищем там, где вообще нельзя ничего найти. То есть, предлагаем виртуальному оппоненту пойти с той карты, которая нами заранее будет обязательно бита. Играемся в честных изыскателей, наперед зная, что это всего лишь наша козырная уловка. Но это не так. Если брать мифы разных народов,

то попытки вести свое происхождение непосредственно от богов встречаются постоянно. И у большинства народов такое происхождение прямо и недвусмысленно утверждается национальными верованиями. Например, японцы по своей религии синтоизма считают, что Бог создал именно их, а все остальные народы появились случайным образом. Они с этим живут и не видят для себя никаких преимуществ ни перед другими народами, ни в формировании расклада между людьми в будущем. У них вообще все там странно и не по-нашему. Например, японский флаг, где в центре белого поля находится красный шар, трактуется нами, как идеографическое выражение смысла "Страна Восходящего Солнца". Но это - наша примитивная трактовка. Она продиктована тем, что за центр мира принимается Европа, и относительно этого центра солнце поднимается сначала над Японией, а затем над всеми остальными. Но сами японцы так не считают! Когда они создавали свой флаг, они вообще про Европу ничего не знали и себя окраиной земли не воспринимали. В их понятии на их флаге вот что нарисовано: весь мир в виде красного круга, а белое поле вокруг красного круга - это Япония. Вот так вот. Пойди, с ними разберись! Да и разбираться не следует, а следует признать, что если искать где-то мифических аналогий особого происхождения, то у японцев для этого есть все, что надо, а у евреев нет вообще ничего. Тем более что никто до сих пор не знает - откуда взялись японцы и кто был их предками? Никакого японского Сима или Арфаксада история не знает. Поэтому, если и считать, что Бог кого-то избрал в ущерб другим народам, руководствуясь на имеющихся религиозных положениях и древних сведениях, то это могут быть только японцы, потому что реши Бог, наконец-то, свершить что-то, соответствующее назначению богоизбранного народа, то в чистом виде, в смысле происхождения и состава крови, могут предстать перед Ним, опять же, только японцы. Все остальные народы давно уже безбожно перемешались.

И евреи тоже. Здесь мы переходим к интересному моменту всех наших рассуждений - к существованию некоторых мифов, которыми в настоящее время окружены евреи и все, что с ними связано. Первый миф мы уже рассмотрели - происхождение еврея только от еврейки-матери. Сама та позиция народа, которая не поддерживает всячески своего отечественного производителя, уже вызывает некоторое изумление, но последствия этого постулата запутывают дело еще больше, чем оно запутано относительно Авраама, Исаака и Иакова. Согласно этой выдумке сын англичанки и еврея - англичанин, а сын еврейки и китайца - еврей. Во всем мире - наоборот, а у евреев - именно так. В этом случае вообще непонятно где евреи, а где неевреи. Например, Исаак Рувимович Левинсон - может быть только русским, потому что мама у него Евдокия Федоровна урожденная Воронкова, а Шамиль Магомадович Казанджи-оглы - обязательно еврей, потому что мама у него Сара Борисовна, урожденная Хенкина. Получается, что для нас одни люди евреи, а для самих евреев эти же люди - не евреи. С этим никогда не разобраться ни нам, ни тем несчастным, которые в России - евреи, а в Израиле - русские. Большой свиньи самим же себе евреи не могли бы подложить.

Однако, возвращаясь к Библии, мы должны признать, что реши Бог действительно отдать предпочтение именно евреям, он бы не стал следовать логике происхождения, избранной самими евреями. Во-первых, он постоянно обещал произвести некий народ *из семени, а не из чрева*, что трудно спутать даже при самом очерченном идеологическом запросе, и что уже говорит о том,

что Богу удобнее вести родство по отцу, а не по матери. А, во-вторых, Бог даже по самой Библии не сказал никогда ничего обратного тому, что принято у всех остальных людей. Он ни разу даже не намекнул, что принадлежность к избранному народу определяется национальностью матери, и вел отсчет, все-таки, от мужчины (от Авраама), а не от женщины.

Исходя из этого, вообще предполагается веселый нонсенс - Бог, если предположить за Ним, все же, намерение осчастливить особым образом именно евреев, сделает это относительно именно тех людей, которые евреями у евреев не считаются! То есть, те, кто и не думал никогда становиться под знамя иудаизма, потому что его туда не пускают, как нечистого, получит все обетования пророков, а сами иудаисты в той их части, у которых папа не был евреем, на раздачу пущены не будут! С одной стороны - мы видим еще одно свидетельство удивительной способности мыслителей этого течения путаться в самой простой логике, создавая нечто такое, что не может быть уложено в одну не рассыпающуюся кучу, а, с другой стороны, (и это для нас важнее), наглядно просматривается их метод - сказать за Бога то, что Он никогда вообще не говорил. И даже более того: сказать совершенно обратное тому, что Иегова говорил по их же писаниям, как бы совершенно естественно предполагая, что сказанное в Талмуде является брифингом деятельного пресс-секретаря, который снисходительно разъясняет собравшимся, что именно хотел сказать вчера в Библии шеф, говоря совершенно обратное. Здесь мы сталкиваемся еще раз с тем, что наше предположение о том, что идеология иудаизма, как богоизбранности евреев, могла быть привнесена в Ветхий Завет просто их честными усилиями, получает весомое основание. То, что мы и предполагали. Но пойдём дальше.

Итак, мы остановились на том, что пока вообще непонятно - кто евреи, а кто не евреи? Евреи говорят одно, а их бог Иегова говорил совсем другое. Однако, несмотря на этот кавардак, существует еще один миф, который гласит, что евреи постоянными усилиями сохраняют чистоту своей крови среди тех, кого считают между собой, таки, евреями. Да, действительно, смешанный брак среди евреев считается с подачи раввинов самым страшным преступлением, изменой народу и вызывает страшное беспокойство в каждом своем случае. Зачастую девушке еврейке или юноше еврею стоит большого мужества пойти за своим чувством и сочетаться браком с иноплеменником. А зачастую - это разрыв с семьей. Все дело обставляется так, как будто еще *осталось что-то*, за что стоит здесь бороться! На самом же деле - давно не осталось. Обратимся все к той же Библии.

Допустим, мы легкомысленно решили, что именно с двенадцати братьев-арамейцев, сыновей Иакова, который далее получил имя Израиль (оно переводится, как "борющийся с богом"!!!) начинается еврейский род на земле. Закроем глаза на все остальное и начнем, как бы сначала. Пойдем по порядку. С самого начала, с истоков этого народа, который сейчас так озабочен сохранением чистоты своей избранной крови.

Итак, у одного из сыновей Иакова, Иуды, родоначальника самого многочисленного рода евреев, жена была не еврейка, а хананеянка. Иуде повезло, что еще не было раввинов, ему бы досталось за это. А евреям не повезло - в их *арамейскую кровь* стала вливаться еще и хананейская. Трое из пяти сыновей Иуды были хананеями. Старший из них, Ир, умер молодым, не оставив детей. За ним умер Онан, не оставив детей только потому, что более увлекался той



игрой, которая именно благодаря ему получила название "онанизм", а третий сын Шела жил долго и счастливо. То есть в этом главном еврейском роде с самого начала уже течет еще и 30% хананейской крови, поскольку один из трех сыновей Иуды, от которых пошли все евреи этого рода, хананец! И это только по самым скромным подсчетам, поскольку двое других сыновей Иуды, Фарес и Зара, давшие начало всему остальному роду, родились от безумного приключения Иуды со своей невесткой Фамарью, вдовой Ира, происхождение которой не уточняется.

У родоначальника другого рода евреев, Иосифа, женой была Асенефа, египтянка и дочь египетского жреца Потепфора. Его двое детей Ефрем и Манассия, главы двух полуродов евреев, были, таким образом, египтянами. Еще одна мощная струя чужой крови с самого начала формирования рода, которая составила также половину всей крови колена по нашим понятиям, а по еврейским законам - *все колено Иосифово* следует считать не евреями, а египтянами!!! Кроме того, уже в потомстве египтянина-еврея Манассии первенец его Асриил - наполовину арамеец, а второй сын Махир - на такую же половину такой же арамеец. От этих сыновей пошли *все "евреи"* рода Манассии!!! Не многовато ли для самого начала, чтобы потом попозже говорить о недопустимости смешанных браков?

У Моисея, который входил, как утверждается, в род Левия, жена была мадиамкой по имени Сепфора, следовательно, в том самом роду, который считается священным и от которого пытаются вести свою родословную сегодняшние раввины, течет мадиамская кровь также почти от самого начала. Сыновья Моисея Гирсам и Елиезер - мадиамитяне. Вторая жена Моисея - "ефиоплянка", то есть негритянка. Были или нет у них дети - история умалчивает. Кстати, именем Моисея, у которого *не было ни разу ни одной жены еврейки*, освящается весь иудаизм, как религия богоизбранного народа, запрещающего смешанные браки!!! Похоже, теоретики иудаизма вообще не интересуются никакими историческими увязками. Есть цель и все.

Еще один родоначальник евреев, Симеон. Один из его шести сыновей (Саул) был также сыном хананейки. С самого начала 17% крови и в этом роду - хананейская.

И это до завоевания Палестины! И это только по тем данным, которые отразились в Библии! И это в самом начале родов, на тех предках, чья кровь пошла дальше по всем остальным жилам всего народа не вливаясь в общую кровь народа, *а составляя ее основу!!!* Неплохо для народа, борющегося за чистоту своей крови всеми своими установлениями, не правда ли?

Теперь, посмотрим, что было после завоевания Палестины.

А здесь первый факт - на радостях победы и за особые заслуги евреи приняли в род Иуды несколько семей мадиамитян. Это уже не одна жена, а *несколько семейя!* А семья в то время - это не мама, папа и любимый эрдельтерьер. Это сто и более человек. Говорить о чистоте рода Иуды вообще теперь не приходится, а вместе с этим и вообще о крови всего народа, поскольку род Иуды смешивался со всеми другими еврейскими коленами, привнося с собой туда все, что имел чужого сам.

Кроме того, обосновавшись в Палестине, евреи начали напропалую смешиваться с народами, которые там бытовали до них - с хананеями, хеттеями, аморреями, ферезеями, евеями и иевусеями. Это не наши предположения, это сведения из Библии. Ибо после завоевания Палестины "жили сыны Израилевы среди Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Евеев и

Иевусеев. И брали дочерей их себе в жены, и своих дочерей отдавали за сыновей их..." (Книга Судей 3:5, 6). Ни о какой чистоте крови теперь вообще говорить не приходится. Потому что евреи *"жили среди"* других народов и смешивались с ними, а не другие народы жили среди евреев, то есть, этих народов было больше. Те, кто пишет Талмуд на основе Пятикнижия, не читали этих строк? Ну и что они там такого вычитали, что позволяет поддерживать миф о том, что существует понятие о какой-то чистоте еврейской крови?

Далее, во время жизни народа в Палестине выявляются еще некоторые интересные моменты. Самсон, еврейский богатырь, женился на филистимлянке, представительнице народа, который на тот период покорил Израиль. Если даже такой отчаянный и непримиримый боец за свободу своего народа от ига филистимлян, народный герой, берет в жены филистимлянку, то, очевидно, это было делом совершенно обычным и не порочило Самсона. Следовательно, евреи свободно смешивались еще и с филистимлянами. Подтверждением тому, что Самсон не был одиозным примером, служит история, которая с ним произошла непосредственно на его же свадьбе. Вкратце говоря об ее итогах, сообщим, что, не прожив с женой и дня из-за своего горячего характера, на следующий вечер Самсон узнает, что его жена больше не его жена, а жена его друга, тоже еврея, который был его свадебным дружкой, но несколько шире понял пределы своих обязанностей. То есть, налицо самая банальная обыденность смешанных браков евреев и филистимлян. Здесь даже неуместно уже задавать вопрос - а что осталось вообще в этой крови чисто еврейского?

Далее. Во время сильного голода, который случился в Израиле, евреи уходили жить к моавитянам, поля которых не пострадали. Там тоже происходили смешанные браки. "И умер Елимелех, муж Ноемии, и осталась она одна с двумя сыновьями своими. Они взяли себе жен из Моавитянок..." (Книга Руфь, 1:3, 4). Дело, как видим опять, также обычное, когда сразу два брата еврея берут в жены моавитянок, и упоминается оно в связи только с тем, что одной из этих жен была Руфь, трогательная история которой составила целый раздел Библии.

Но таких трогательных (по-настоящему трогательных, надо сказать) историй человечество знало много, и составители писаний руководствовались не столько этим мелодраматическим пафосом обстоятельств жизни Руфи, а, сколько тем, что Руфь - прабабушка Давида! Выходит, даже если предположить, что до этого евреи ни с кем совсем не смешивались, то великий еврейский царь Давид согласно нынешним законам раввинов - моавитянин! Иногда чтение даже древних книг может доставить истинное развлечение!

У Давида было 17 сыновей. Один из его сыновей, Авессалом, - сын от гессурской матери, внук гессурского царя Фалмая. Авессалом даже потом прятался в Гессуре у дедушки целых три года после того, как убил своего брата Амнона, который изнасиловал их общую сестру Фамарь. Опять смешанные браки, опять жены не еврейки и их не еврейское потомство.

Сам Давид влюбился в Вирсавию, замужнюю женщину, и с помощью интриг убил руками аммонитян и сирийцев ее мужа Урию, который был хеттом и честно воевал на стороне Давида. И так, еще и с хеттами смешивались. Кстати, Вирсавия стала матерью Соломона, второго великого царя евреев. На момент зачатия Соломона она жила с двумя мужчинами - с мужем хеттом и царем Давидом, внуком моавитянки. Кто же стал отцом Соломона? Чей сын Соломон? Говорят,

что Давида, потому что муж Вирсавии, хетт Урия, считал, что пока идет война, (интересно, а были ли в те времена периоды, когда войны вообще не было?), что пока идет война - муж не должен входить в спальню жены. Это так в Библии написано. М-м-м-да...

Итак, после Давида стал править Соломон (то ли сын моавитянина, то ли сын хетта...) и ... взял себе в жены египтянку! Еще один развлекательный пример для запрета смешанных браков. Кроме того, он разделил царство на 12 областей и поставил над ними двенадцать приставников. Одним из этих губернаторов был некто Гевер, который был сыном Урии, наполовину хетт. В те времена - кто богаче, у того больше жен и больше детей. Приставник - второй по чину после царя чиновник в стране. Наверное, много хеттенят нарожали его жены, и, наверное, эти дети потом поперезенились не обязательно с хеттами.

Потом у Соломона было еще семьсот жен, и они почти все были моавитянками, аммонитянками, идумеянками, сидонянками и хеттеянками! Своих не очень ценил. В то время аборт не знали, и даже если половина из этих жен родила по одному разу, то, наверное, царские дети не были утоплены в младенчестве и тоже успели наделать детей, а их дети еще детей, и все это были, как мы уже понимаем, по сегодняшним еврейским законам, также вовсе не евреи. Но их было много, и по тем старым законам они были вполне евреями, и никто не возбранял им дальше жить среди народа и смешивать свою кровь с его кровью.

После смерти Соломона Израиль распался на два царства - Иудею и Израиль. В Иудее обосновались два рода евреев - Иуды и Вениамина. Мы помним, что род Иуды с самого начала на треть имел в себе хананейскую кровь. Кроме того, когда мы упоминали о свидетельствах Библии, описывающих неприглядное для нынешних раввинов смешение евреев с окружающими племенами, то эти свидетельства относились именно к этим двум родам, к роду Иуды и к роду Вениамина. Потому что это именно они оказались, в отличие от других вошедших в Палестину родов, в окружении других народов. Со стороны Средиземного моря их плотно прижали филистимляне, со стороны Мертвого моря - моавитяне, а у Иордана - аммонитяне. Не было ни одного метра границы, где бы их ни поджидали заинтересованные иностранные невесты или озабоченные иноплеменные женихи. Именно здесь и происходило основное смешение евреев с другими народами, упомянутое в Библии. Остальные же десять еврейских родов такого плотного соседства не знали и более чем Иуда и Вениамин, сохранили некую чистоту крови. Но это - не повод говорить о каких-то шансах еврейской крови. Потому что эти десять колен Израилевых создали государство Израиль, которое впоследствии исчезло под ударами врагов, а евреи этих десяти родов полностью растворились в других народах и прекратили существование как отдельный народ. Кстати нынешний Израиль - это бывшая Иудея, а не бывший Израиль. Почему это государство называется сегодня не так, как оно называлось в свое время, а называется именем своего врага, с которым нещадно воевало, - непонятно. Может быть потому, что имя Иуды тоже стало нарицательным, и означает "предательство"? Неизвестно. Но и имя Израиль тоже звучит не лучше. Напомним, что оно означает "борющийся с богом". Лихое название для страны и для народа! Но дело не в этом, а в том, что в какое-то время на исторической сцене остались евреи только двух племен Иуды и Вениамина, разбавленные родом Левия, (который своей земли не имел, так как его назначением было - священнослужение среди всех племен

понемногу), а еще более разбавленные всеми возможными соседними племенами. То есть остались именно те колена Израилевы, в которых и с самого начала и потом было намешано чужой крови более всего. Все больше похоже на то, что раввины Библию не читают по недостатку времени, а читают только комментарии на комментарии к ней, написанные уже самими собой же, что забирает весь их досуг. Здесь у нас появляется интересная мысль - если они не увязывают содержание Библии с иудаизмом, просто голословно что-то комментируя, то почему мы должны увязывать Ветхий Завет с тем же иудаизмом, если наши комментарии к нему идут не из пальца, а именно из Библии? Это несколько развязывает нам руки.

Но пройдемся по иудейским царям, поскольку хроника оставшихся на планете евреев традиционно (но не обоснованно, как станет ясно позднее) движется далее хронологически именно по периодам их царствования.

1-й царь нового государства Иудеи Ровоам - наполовину аммонитянин. Мы даже восклицательного знака в конце этого предложения не ставим, поскольку все это давно уже не сенсация относительно еврейской крови. Не сенсация для нас также и те сведения, что одна из двух его жен - иессейка, которая родила ему 3-х сыновей, а его любимая жена Миаха - внучка гессурянина.

Следующий царь, Авия, - бабушка аммонитянка, а прадедушка сириец. Истинный еврей. Далее идет царь Аса - бабушка сирийка. И здесь чистота крови сохранена со всей тщательностью. А царь Иорам взял в жены полуеврейку-полусидонянку. Чтобы кровь еще чище стала.

Царя Иоаса свергли заговорщики Завад (наполовину аммонитянин) и Иегозавад (наполовину моавитянин). Выходит - среди царедворцев-евреев было полно лиц со смешанными браками. Этих заговорщиков убил сын Иоаса царь Амасия, но детей их не тронул по закону Моисееву, и пошла гулять моавитская и аммонитская кровь дальше среди евреев. Амасия плохо знал законы Моисея или не вчитался в них так, как вчитались те, кто писал Талмуд?

Затем наступило время завоевания Иудеи Вавилоном. Это - особая история не в смысле истории, а в смысле еще одного мифа, который вклинился и примостился в этой истории с невинным видом законного жильца. Миф этот состоит в том, что евреи Иудеи в вавилонском плену остались евреями, а евреи Израиля в ассирийском плену (Израиль был завоеван Ассирией) превратились в самаритян. О самаритянах говорится столько много, что на них надо остановиться хотя бы из уважения к тому, что они дали столько поводов для различных библейских историй.

Самаритяне образовались очень просто - к евреям Израиля были завезены гутии и другие народы, которых ассирийцы переселили на территорию бывшего Израиля, который стал одной из частей Ассирии после порабощения. Все эти племена перемешались, освоили новый язык - арамейский, и образовали единый народ самаритян, который существует и поныне. Здесь ничего не было сделано именно против евреев или что-то эксклюзивное тому, что вообще делали ассирийцы. Ассирийцы просто так мыслили себе судьбы всех покоренных ими народов - пусть живут не в своих местах, а в каких-нибудь других пределах Ассирии, работают, растят урожай, пасут скот, качают воду, изготавливают оружие, строят дома, торгуют, врачуют, танцуют, ткнут,

шьют, промышленяют чем хотят, лишь бы это шло на пользу государству. А призвание ассирийцев - воевать. И оружие должно быть в Ассирии только в руках ассирийцев. Вот и весь план. Причем ассирийцы не просто переселяли завоеванные народы с их насиженных мест в глубь Ассирии, но и селили их так, чтобы они там смешивались и теряли национальные отличия. С евреями, в частности, это произошло до такой степени, что они вообще забыли свой родной язык, ассимилировали, и, как мы уже упомянули, Моисеевы законы при этом у самаритян сохранились. Назвали этот новый народ "самаритянами", поскольку жил этот народ на территории, центром которой был большой город Самария.

Вот так ассирийцы уничтожили десять колен Израилевых. А что же два оставшихся еврейских колена Иуды и Вениамина, населявших Иудею, которые попали в вавилонский плен? С ними-то как? О них говорят, что они евреями остались, в отличие от тех евреев, которые стали самаритянами в Израиле. Чтобы поверить этому рассмотрим разницу между падшими самаритянами и этими стойкими евреями.

К евреям Израиля, завоеванным Ассирией, были подселены другие народы с окраин государства Ассирийского, поскольку Израиль оказался в центре Ассирии. Если бы Израиль находился на окраине Ассирии, то евреев Израиля переселили бы в более центральные места ассирийского царства, к другим народам, и они смешались бы с ними уже на чужой, а не на своей территории. Тут все понятно.

Но разве не это ли произошло и с евреями Иудеи, которые оказались переселенными завоевателями на окраину Вавилона?

Почему нам постоянно говорят о том, что насильственное переселение народов было прерогативой только Ассирии, когда мы видим, что Вавилон сделал с теми же евреями то же самое? И не только с евреями! Когда Вавилон был завоеван персами, то персидский царь-демократ Кир разрешил *всему множеству завоеванных Вавилоном народов* вернуться на места их родного обитания! Постоянное акцентирование того, что данная этнографическая политика была в те времена присуща только Ассирии, направлено только на то, чтобы создать устойчивое впечатление о том, что судьба Иудеи, разгромленной Вавилоном, чем-то отличалась от судьбы Израиля, покоренного Ассирией. Ничем, как видим, эта политика не отличалась, да и не могла она отличаться, потому что это было в обычае тех мест повсюду. Следовательно, если одни евреи смешались с другими народами под воздействием направленных усилий завоевателей и потеряли право называться евреями, став самаритянами, то и другие евреи тоже уже не имели право больше называться евреями, как полностью разделившие судьбу самаритян.

Евреи Израиля забыли свой родной язык, став из-за этого самаритянами. Почему евреи Иудеи, которые тоже забыли свой язык в то же самое время по тем же самым обстоятельствами, по-прежнему должны считаться евреями?

Евреи Израиля, перестав быть евреями и став самаритянами, сохранили Пятикнижие и *ни в чем от него не отступили*, и за это их прозвали самаритянами. А евреи Иудеи, сохранив Пятикнижие на чужбине, *грубо нарушили его*, придумав синагоги, поскольку никаких синагог ни Иегова, ни Моисей народу не завещали, а предполагали только скинию завета, как место

центрального отправления культа. Кто больше был верен законам Моисея? Ответ на этот вопрос и породил неистребимую ненависть к самаритянам со стороны ... кого? Как их теперь называть?

Кого-то коробит данный вопрос? *Но мы только поставили его задним числом*, а сам вопрос был поставлен самими евреями того времени и самими же ими был дан ответ на него - после возвращения из Вавилонского плена *евреи не называли себя больше евреями, а называли себя только "иудеями"*! Им самим было понятно, что евреев больше нет, и они сами себя назвали "иудеями", тем самым показав, что возникла новая нация, такая же как самаритяне, но отличающаяся от них политически-религиозно, то есть синагогами. Слово "евреи" вновь выплыло только после провальной попытки иудеев внедриться в Европу через Испанию и Хазарию! Библия же честно пишет, что по возвращении из Вавилона возникла новая нация - "иудеи".

Об этом возвращении также надо сказать особо. К тому времени не только язык был утерян, и за долгие десятилетия все браки практически были уже смешанными, но возникли еще и самаритяне. Здесь произошло вообще нечто водевильное - эти самаритяне оставили для себя Пятикнижие в качестве священной книги, как мы уже упоминали, и стали жить по законам Моисея, подрывая этим самым вообще само понятие избранного народа, как народа еврейского! Получается, что на момент возвращения иудеев из Вавилона, на их старом месте уже жили даже более евреи, чем они сами, поскольку эти самаритяне были недостижимым образцом исполнения всех Моисеевых законов, жили в земле обетованной, и уже на иудеев смотрели, как на пришельцев в эту землю!!!

И вот в эти места возвращаются евреи. Здесь начинаются тайны, которые далее всегда будут окутывать еврейскую историю. Читая повествование об этом возвращении в Библии, буквально на каждой фразе рождается по несколько вопросов сразу, и главный из них - зачем персам это было надо? Причем вопрос не праздный - если остальные народы переселялись, как могли, то этот народ переселялся так, *как хотели персы*. Потому что вдохновителями, спонсорами, организаторами, военным гарантом и законодательной опорой этого возвращения были именно персы, которые ничего не пустили на самотек в этом мероприятии.

Организация возвращения была проведена на самом высоком политическом уровне мастерства. Прежде всего, евреев тщательно переписали. Случай невиданный, чтобы народ, который просто переселяется из одного места в другое, тщательно переписывался бы в те времена. Но, читая этот подробный список, видно, что это чисто государственное мероприятие персов, поскольку перечисляются даже верблюды, лошаки, ослы, денежные средства, наименования родов, количество человек в них, сколько чьих сыновей и т.д. Список очень подробный, есть цифры в тысячах, а есть и в десятках, цифры не круглые, а точные, до одного человека. Причем именно здесь и началось то самое нынешнее противодействие смешению с другими народами, которое занимает евреев и по сей день.

Происходит казус - 652 человека, которые считают себя евреями, евреями не признаны! Как? Почему? На том основании, что не помнят своей родословной! Глупее причины трудно придумать! Можно представить себе состояние этих людей! Происходит что-то дикое - народ возвращается на землю, занятую другим народом, в полную опасностей и неизвестного будущего обстановку, на счету каждый человек, потому что не только воевать, но и строиться придется.

Ставится задача воссоздания общности евреев, и при этом изгоняется более чем полтысячи евреев на основании только того, что они что-то там не помнят про прадедушку или про прабабушку. Чтобы так разбрасываться людьми надо иметь определенные гарантии (а они предоставлены в виде отрядов прикрытия, которые выделили персы) на силовой успех возвращения и иметь *определенное презрение к судьбам людей*, которые пришли к тебе с верой, что ты, руководитель похода на Родину, исполнишь мечту отцов о возвращении домой. Евреям впервые дали понять - есть сила, которая может в один момент решить судьбу любого, кто будет *недостаточно евреем*. В историю этого народа вошел страх не только перед завоевателями, но и перед собственной администрацией.

Но и на этом не остановились. Три священнических семьи не смогли доказать левитской родословной, и в евреи, хоть и приняты, но из священничества исключены. Здесь сделан второй важный и показательный ход: священничество - особая часть народа. Ты можешь быть недостаточно евреем настолько, чтобы вышвырнуть тебя на верную погибель среди других народов, но ты можешь быть недостаточно евреем и для того, чтобы быть священником, левитом. Возникло новое понятие власти, которое сменило понятие царей - левиты, священники, вот кто отцы народа и стоят над ним. Будущее государство становится не светским, а клерикальным. Власть переходит к религиозным авторитетам.

И опять все тот же вопрос - зачем персы создавали нацию, вход в которую наподобие входа в *тайное общество*? Ведь эта нация была *создана заново, создана искусственно под Второзаконие*, по совершенно новым уставам и совершенно новым обычаям жизни, неведомым прежним евреям!

Похоже, что это были какие-то политические игры. Об этом говорит и то, что первым душевным движением самаритян было радостное стремление объединиться с прибывшими, как с единоверцами и родственниками по крови - но их жестко оттеснили от нового сообщества и в компанию не взяли. Удивленные самаритяне увидели совсем не тех евреев, которых они знали когда-то и которых помнили по совместным поклонениям различным богам и богиням той местности. Они увидели покорное дисциплинированное сообщество во главе с левитами. От буйного и неуправляемого народа не осталось ничего. Вместо него образовалась строго подчиненная организация с полувоенными законами и строгой слежкой за соблюдением этих законов. Вернулась религиозная секта, рабство в пределах которой было страшнее рабства завоевателей, поскольку власть оккупантов не могла закабалить душу и частную жизнь, а власть собственных священников распространялась на каждый шаг не только в частной жизни, но даже и в лично-бытовой. Возник тот самый иудаизм, который подчинил все в их жизни своим регламентациям, начиная от того, как произносить молитву, и, заканчивая тем, можно ли есть яйцо, которое курица наполовину снесла в субботу до появления второй звезды, или, можно ли в субботу вытирать пот со лба платком.

Казалось бы - пора персам и успокоиться. Что хотели - получили. Но нет. Вслед за этим персы отправляют к переселенцам с деньгами и широчайшими полномочиями Ездру, который окончательно показывает новому народу, как они теперь будут жить. Прибывший сразу же командует: всем собраться в три дня перед ним *под страхом отлучения от общества*

*переселенцев!* И куда деваться тем людям, которые вернулись, как они думали на свободную жизнь в землю отцов? Попробуй не собраться! Куда пойдешь, если отлучат? К самаритянам? Но их там теперь никто не ждет, после того, как самаритянам доходчиво объяснили, что они самозванцы и мерзкий, нечистый народ, и после того, как был принят закон, запрещающий даже прикасаться к самаритянину, даже разговаривать с ним, *чтобы не оскверниться*. Нет, этот вариант отпадает. Назад в Вавилон? Но персы жестоко накажут за неисполнение своей политики, они об этом предупреждали в своих рескриптах. Выход один - собраться в три дня.

И вот некогда гордый и воинственный народ собирается в три дня по приказу какого-то заезжего священника! Народ, который раньше и царей-то не слушался особо! Народ, который раньше этих священников вообще ни во что не ставил, продолжая кадить Ваалу и Астарте, лишь изредка вспоминая об Иегове, теперь пришел по первому окрику. Ловушка в которую они попали - не отпускает их до сих пор. Позволив священникам продекларировать открыто ненависть и презрение к другим народам, они попали в полную зависимость от этих священников, поскольку пути в другие народы уже не было.

Для священников же важно было на этом этапе сломить волю народа силой персидского оружия, стоявшего тут же наготове. И это было сделано весьма элегантно.

Чтобы сломить человека, надо убить в нем чувство достоинства. Туда и ударили. Собрав народ, Ездра оглашает свой приказ: мужьям выгнать всех жен неевреек и их детей. Страшнее по бесчеловечности приказа история не знает. Дети и женщины не еврейской национальности приравнивались этим приказом к уровню дворового пса. И таких жен и таких детей *было много!* Народ никогда, как и любой другой народ, не стремился отделиться от других народов, чего бы ни требовали от него какие-то там законы придурковатых книжников. У народа была своя жизнь, а у верхушки государства - своя. Тем более что верхушка, как мы видели, сама не очень то прислушивалась к левитам. Но теперь все будет не так. Ездра называет все другие народы, кроме евреев, "отвратительными народами" (Книга Ездры 9:14) и заставляет мужей и отцов выгнать жен и детей на верную смерть. Если до приезда Ездры в мире появился иудаизм, то после его приезда мир узнал, что такое фашизм. Нет, конечно, в печь или в газовую камеру этих женщин с детьми никто не кидал только из-за того, что они не той национальности, но, может быть, только по той причине, что кидать должны были собственные мужья, а это даже для фашизма опасно: если человек не видит, *как именно с его позволения погибнет его семья*, то об этом можно и не думать. А если *он сам будет ее убивать, своими руками*, то эти руки могут совершенно неожиданно оборотиться не в нужную сторону. Перегибать палку здесь нельзя. Ее и не перегнули. Просто лишили человека чести и сломали.

Так охранники лагерей избивают вновь прибывшего криминального авторитета до кровавого поноса, после чего он остается авторитетом только среди своих, а для него самого каждый охранник - авторитет...

Так персы и новые священники народа убили этот народ и создали новый - бездумный и вышколенный. Происхождение нынешних евреев надо вести не от Авраама, Евера, Арфаксада или Сима, а от этого скорбного дня, когда они убивали своих жен и детей. Этот новый народ, иудеи, не только в своей крови уже имел кровь других народов, но и на руках своих уже имел



кровь собственных невинных детей. Это была повязка. Если кто-то сейчас закричит на нас - "антисемиты!", то мы отправим его к Библии, написанной "семитами". Напоминаем: все, что мы приводили выше и приводим ниже - Библия!

А Библия пишет, что иноплеменных жен у евреев было настолько много, что к моменту приезда фюрера Ездры по итогам его (Ездры) расследования, которое он, в соответствии со своим высоким положением, провел *только относительно священников*, был составлен список виновных, где указывалось 113 (сто тринадцать!) имен. Женщины выгонялись просто на улицу с детьми во время, которое "теперь дождливое" (Книга Ездры 10:13). Бедные евреи просили дать оттяжку во времени, объясняя, что за день не управятся, мол, в этом деле мы нагрешили много, да и холод и слякоть на дворе, как-то нехорошо это - не собак же выгоняем, все-таки. Но все это было уже бесполезно. И все подчинились. Ни один не взбунтовался. Всех сломали. А когда-то среди этого народа были Самсон, Гедеон и Навин. Впрочем, это был другой народ. И по крови и по духу. Семя Авраамово исчезло...

Разделив ранее Библию на две совершенно разные книги, на Ветхий завет и на Новый завет, мы разделили далее Ветхий завет на религиозную историю человечества, основанную на заимствованиях из верований Египта и шумерской цивилизации, и на историю еврейского народа. Теперь есть все основания выделить в Ветхом завете еще один раздел - историю иудаизма, наступившую после конца еврейского народа стараниями Саргона и Навуходоносора, царей Ассирии и Вавилона, завоевавших и ассимилировавших евреев Израиля и Иудеи. И все это частное дело некоего искусственного народа - в истоках христианства? При чем здесь христианство? Как бы нам еще продержаться, чтобы вообще не бросить копаться в этой книге?

Но пока разговор у нас о другом. Итак, евреи исчезли, появились самаритяне и иудеи. Самаритяне нам неинтересны для нашего вопроса, поскольку их осталось в настоящее время всего около 400 человек, а иудеи, которые теперь называются вновь евреями, борются за чистоту своей расы.

Что ж, в таком варианте мы можем предположить, что эта борьба имеет под собой какие-то основания. Какой смысл был запрещать смешанные браки под страхом отлучения, если уже все было давно так перемешано, что непонятно было чего в крови больше, а чего меньше? Естественно, что смысл был только в одном - начинается *новая нация*, которая по-новому будет исполнять Второзаконие, для чего появляется секта книжников, которые начинают писать толкования к Второзаконию и инструкции для народа от имени Иеговы (!), а, следовательно, что имеем на данный момент в этой нации в смысле крови, то и *принимая условно за чистую*, и дальше уже ни пяди не отдадим. Как в детской игре: напортачили - тьфу, не играю! начинаем все сначала, как будто ничего до этого не было, как будто все с начала - тьфу, играю! Это произошло в 444 году до нашей эры. И что же было дальше? А дальше Библия молчит. Она закончилась! Потому что, хотя далее идут Книга Есфирь и Книги Пророков, занимающие по объему добрую половину всего Ветхого Завета, но это хитрость составителей, потому что все пророчества написаны *практически в одно время* - во время последних царей Иудеи, Вавилонского плена и возвращения из него, если, конечно не считать выдуманной истории о Данииле и Валтасаре, который тоже выдуман. После Ездры *даже пророки замолчали!* Никто

больше не мог говорить без одобрения руководства секты! К пророкам мы еще вернемся. А пока закончим с чистотой крови.

Для этого нам придется отклониться от Библии, как это теперь понятно, раз она уже закончилась, как от неоспоримого источника, и обратится к историческим материалам, которые всегда спорны, и с ними надо быть аккуратнее в выводах. В силу этого будем скупы в сообщениях.

Скажем главное - в 70 году нашей эры Иерусалим, как столица Иудеи, был разрушен римлянами, Иудея была ликвидирована и евреи разъехались кто куда по всему Ближнему Востоку. Затем с арабами они перебрались в Испанию, а оттуда в Западную Европу, где живут до сих пор. Что мы можем сказать о чистоте этой нации?

А вот что. Евреи - семитский народ. Те же арабы, как предполагается. Каждый народ, как представитель своей расы, отличается от других народов характерными особенностями внешнего облика. Если поставить рядом араба и немца - их никогда не спутаешь, даже не заглядывая в паспорт.

Если поставить рядом араба и еврея, двух, как предполагается, опять же, семитов, то нужен ли будет нам и здесь паспорт, чтобы их отличить друг от друга? Куда делась семитская кровь из семитского народа? Она растворилась в западноевропейской крови. Это бесспорно.

Если же поставить рядом западноевропейского еврея и европейца, то мы без паспорта никогда не догадаемся, где есть кто. Народ, по внешности не отличающийся от европейского расового вида, не может считаться семитским народом, и не может бороться далее за чистоту своей крови без того, чтобы это не выглядело одним из разделов цирковой программы бродячей труппы с репертуаром, слишком смелым для уровня актеров, у которых только бравая улыбка соответствует тому, что они пытаются делать на публику. Вся генетика западноевропейских народов - давно европейская.

Если посадить рядом еврея Дизраэли и англичанина Черчилля, то кто из этих двух премьеров правительства Великобритании по внешнему виду более англичанин? Дизраэли своей английской внешностью сухого лорда даст сто очков вперед Черчиллю, у которого нос картошкой и круглая физиономия. Откуда у семитского народа такая английская внешность?

Если поставить рядом француза и французского еврея, итальянца и итальянского еврея, американца и американского еврея и т.д. и т.д., то, что семитского мы найдем в этих евреях? Да ничего! А ведь это люди семитской расы! Как еврейская нация превратилась в европеоидную нацию? Наверное, не оттого, что дышали единым воздухом тысячу лет с другими народами, а оттого, что делили с ними одну семейную подушку тот же период времени. Ну и когда настанет время сказать открыто, что бороться больше не за что? Ведь, если судить по внешности, то Пушкин более эфиоп, чем Мадлен Олбрайт - еврейка. Нынешние потомки Пушкина уже ничего эфиопского во внешнем облике не проявляют. Кровь растворилась за пять-семь поколений. А у предков Мадлен Олбрайт - еще раньше, как и у всех остальных "сефардов", как называют евреев Западной Европы.

Один из сефардов - Карл Маркс. Он похож на араба? Он копия еще одного человека, принесшего меньше вреда людям, но известного немного меньше. Это - Демис Русос. Он и Карл

Маркс - как два брата близнеца. А ведь Русос - грек. Да и на знаменитых барельефах коммунистической эпохи на территории России, где Маркс и Энгельс изображены в профиль, никогда не скажешь, что там араб затесался. Сефарды, то есть потомки тех евреев, которые вошли в Испанию с арабами, одним лишь своим обликом говорят - мы европейцы, - более чем порой сами европейцы.

Однако есть еще и другие евреи. "Ашкенази". Это евреи Восточной Европы. Их намного больше, чем сефардов. Может быть это те, кто со времен Ездры сохранил кровь в чистоте? Может быть, и так. Но кровь у них - не семитская, а тюркская. Потому что они потомки не евреев, а хазар! В VI веке нашей эры хазары были обращены в иудейство! Чужой народ, ближе, чем за тысячу верст никогда не приближавшийся к Палестине, явно нечистый и "отвратительный", был обращен в свою святую веру! Это зачем? А кто его знает наверняка? Но предположить можно.

Около 640 года нашей эры арабы отправились завоевывать Европу с запада. Омар-калиф вторгся в Испанию, а в войске у него находилось еврейское кочевое правительство без государства, которое он взял с собой! В то время как арабы завоевывали Испанию и отдавали испанские города под управление евреям, именно в это время на востоке Европы около 680 года хазары перешли в иудейскую веру. Это был тюркский народ, который создал хазарское царство от Каспийского до Черного морей. Эти воинственные, жившие грабежами и войной языческие орды вдруг стали иудеями, избранным народом, и все мощью навалились на Европу с Востока. Странная вещь история - одновременно с двух сторон евреи шли на клинках других народов в Европу, а никто данной аналогии ни разу не отметил!

Однако на Востоке получилось не так хорошо, как на Западе. На Востоке хазары напоролась на русских, которым все равно была какая у них теперь вера, русские их разбили, покорили и основали на их территории Киевскую Русь, ставшую впоследствии христианской.

Ну, а хазары, оставаясь иудеями по вере, и подчиняясь политически всемирному талмудистскому правительству евреев, ушли в Малороссию, а оттуда в Польшу, где ( сразу же после того, как испанцы выгнали арабов вместе с еврейским правительством со своей земли), вдруг возникло ниоткуда новое еврейское правительство со своим государством Кагал. В этом государстве на территории Польши, со своей конституцией и со своей закрытой зоной, уже откуда-то жило *несколько миллионов евреев* (так этот народ снова стал называться между собой), которые были бывшими хазарами. Поэтому евреи семитской наружности вообще отсутствуют на земле в настоящее время почти полностью (кроме тех, чьи предки бежали от испанцев назад на Ближний Восток и в Северную Африку), а евреи тюркской наружности преобладают среди всего нынешнего еврейского народа. Вот за какую кровь борются нынешние раввины. За тюркско-европейскую. А могли бы бороться и за русско-европейскую, потому что хазары приняли иудейство после того, как от него отказались русские. Представляете?!

Итак, по крови не осталось ни одного не то что бы чистого, но вообще никакого еврея от тех иудеев, которые когда-то кричали "хайль, Ездра", проводили расовый геноцид, чистку религиозно-партийных рядов и расторгали смешанные браки.

Однако борьба продолжается, несмотря на то, что в США сейчас по официальной статистике среди евреев 50% смешанных браков, в Англии также почти 50% и из них только

половина заключается в синагоге. По всей Европе этот процент колеблется от 30 до 50%, а в России вообще достигает 70%. Но борьба за чистоту крови только нарастает по накалу. Приятно сознавать, что есть люди, которых не останавливают трудности. Это так редко в наш сложный век. В давние времена таких было буквально единицы. Настолько мало, что мы до сих пор о некоторых из них помним. Например, Сизиф...

Причем, вся эта борьба не баловство. Горя она приносит немало, несмотря на бутафорность всего того, что эту борьбу окружает. Однажды молодая еврейка выходила замуж за молодого русского парня. Это было незабываемо. Описать эту свадьбу не под силу ни одному комедиографу с того момента, когда на ней появились родственники невесты. А появились они внезапно, все вместе и уже под самый занавес. Ни на бракосочетании, ни на прочих этапах торжества ни одного человека со стороны невесты не было. И вот, когда в ход уже пошел привезенный из станицы самогон, поскольку "казенка" быстро таяла на глазах, которые уже мало что различали вокруг себя однозначно, пришли "сваты". После некоторого замешательства, возникшего в зале, положение спас дедушка жениха. Он рассадил вновь прибывших по свободным местам, образовавшимся за счет слабаков, выпавших из застольного марафона, и, нарушив тягостное молчание, произнес речь в честь новых гостей.

Это была показательная речь, единственным недостатком которой можно считать только то, что она состояла из трех совершенно независимых друг от друга тематических частей, каждая из которых была, почему-то, ничем не связана между собой. Однако все эти три автономные части вполне объединялись тем искренним добродушием, которым дедушка пронизал все свое приветственное слово. В первой своей части он мягко принес свои извинения за то, что постоянно сомневался, действительно ли родственники "Хаечки" настоящие евреи, поскольку теперь он видит, что евреи они самые настоящие, без обмана, поскольку пришли на свадьбу тогда, когда ритуал одаривания новобрачных подарками уже закончился. После этого реверанса в сторону новой родни дедушка переметнулся ко второй части своего тоста так внезапно, что когда все уже устали ждать красивого перехода к свадьбе от рассказов об опыте моряка заграничавания нефтеналивного флота порта приписки Новороссийск, дедушка уже находился в третьей, завершающей стадии спича, которая была предельно короткой, и звучала, наверное, музыкой в ушах вновь прибывших: "Так я не вижу подарков!".

В пикировке интеллектов верх взял отец невесты, который скромно объяснил в ответном благодарственном слове: "Мы еще не пили, не ели, вот поедим, погуляем, тогда будут и подарки". Нельзя сказать, что он не выполнил первой части своего обещания. Что касается второй его части, то, очевидно, в какой-то момент, им были внесены в нее определенные коррективы, которые позволили вообще снять ее с повестки актуальных дел на сегодняшний вечер.

Затем свадьба приняла тот свой необратимый вид, когда все говорят, но никто никого не слушает, когда все танцуют, несмотря на то, что двигаться по ровной уже никто не может, когда все одновременно поют хором разные песни каждый в отдельности, с благодарностью за поддержку и понимание, кивая головами друг другу в такт, и когда не занятые этим участники торжества, разбиваются по парам и выясняют отношения.

Первая пара была очень красива. Очаровательная невеста смотрела на окружающих удивительно мягким, спокойным и иронически лучистым взором, иногда доверчиво отвечая на жадный взгляд пылкого жениха с добрым обещанием. Во всем этом бедламе она сохраняла удивительную умиротворенность, уверенную силу и какую-то понятную только ей радость. Жених же не видел вообще никого, кроме нее.

Вторая пара была очень картинна. Отец жениха обнимал отца невесты и тем, кто не мог пересилить умиления от трогательного вида двух породненных мужчин разных народов, достаточно было подойти поближе, чтобы услышать, как отец жениха ласково говорил отцу невесты: "Ты пойми, что Хайка теперь и моя дочь, такая же, как твоя. Так что, если вы ее и дальше будете мордовать, то я дипломатию больше вести не буду, - буду сразу в харю бить". Отец невесты очень энергично качал в ответ головой, и на его солидарном лице было написано: "Дело говоришь!".

А третья пара была очень трагичной. Дедушка сидел рядом с матерью невесты, и что-то тихо говорил ей. Та кивала, но в ее глазах, которые смотрели куда-то вовнутрь себя, было такое горе, какое редко встретишь на похоронах. *Она хоронила дочь!* Приглядевшись к этому неслышимому никому крику матери, можно было заметить, что она ни разу не посмотрела на дочь, не попрощалась с нею и не подошла к молодым, когда наступил конец застолья. Раввины придумали игрушку, играя в которую доверчивые люди теряют смысл жизни и радость этой жизни, если игрушка выскользывает из их рук. Потому что раввины не объяснили, что это - всего лишь игрушка, чтобы у дитя шаловливые руки заняты были, а не действительная правда необходимости.

Стоит ли вся эта выдумка страданий только одной этой матери, которое заволакивало ее голубые (!) глаза?

Но, каков бы ни был ответ на этот вопрос, а избранность этого народа их кровью совершенно не подтверждается, поскольку многократно и не единожды это уже совсем другой народ по крови. Того наивного народа, к которому они себя сейчас относят, уже нет ни физически, ни исторически.

Что остается? Остается еще один миф, который гласит на всех углах, что евреи на протяжении всей своей истории постоянно так уютно устраиваются среди других народов, что нельзя не подумать, что Бог за ними действительно присматривает. Иногда даже поговаривают о том, что мир вообще тайно в их руках, что они управляют всеми правительствами, особенно европейскими и американским. Если это так, то это действительно в чем-то избранный народ. Посмотрим.

Для этого опять вернемся к Библии, как к авторитету, который никто не будет оспаривать. Вроде бы, библейские события были слишком давно, чтобы искать в них что-то, затрагивающее эту тему. Но если Бог помогал им особо, то Он помогал бы им всегда, и нам легче будет это увидеть с самого начала, тем более что в Библии на это столько много *прямых ссылок*, что обойти их было бы совершенно непорядочно. Поэтому начнем прямо с нашего доброго знакомого Авраама.

Авраам был шейхом, кочевником, и жил со своим кочевым племенем в Уре Халдейском, то есть на территории Месопотамии. Месопотамия была в те времена сильным и богатым государством. В нем были свои правила игры, как и в любом, впрочем, государстве и, очевидно, Авраам со своим народом играл по этим правилам. А правила были просты - вы кочевники, вот и пасите свой скот и водите свои караваны, делайте, что умеете, мы вас трогать не будем. А если захотите стать оседлыми - оседайте в городах и подчиняйтесь царю Вавилона. Ну, а если не хотите оседать в городах и подчиняться царю Вавилона, то пасите свой скот и водите свои караваны, мы вас трогать не будем ... если вы испросите заблаговременно на это разрешение у царя Вавилона и он подпишет вам вашу заявку. Иначе мы вас трогать не будем, но царь рассердится и его войско вас поубивает, а ваш скот заберет себе. Вот и все правила. Понятные даже шейху.

У Авраама и его племени было два выхода. Первый - осесть в одной из крепостей Вавилона, приобщиться к письменности, культуре, спокойной жизни, выращивать хлеб, жить в домах, служить царю и быть под защитой царя от кочевников. Второй выход состоял в том, чтобы оставаться теми, кто они есть - разводить скот, спать под открытым небом, есть полусырое мясо, продавать скот и молоко горожанам, для чего эти горожане и будут им давать разрешение выпасать означенный скот в окрестностях своих городов, где есть вода, а, следовательно, и пастбища.

Оба выхода хороши по-своему. Ни один не плох настолько, чтобы перевесить другой своими преимуществами или недостатками. Так жили все. Но Авраам выбирает третий путь, при котором он из богатого Вавилона уходит в пустыню, в Ханаан, где и самим хананеям есть было нечего, воды было мало, пастбищ совсем почти что не было, городов практически не было, население было дикое и ни на какие договоры не шло, что, в конце концов, и привело потомков Авраама к выбору - или помереть с голоду, или идти на оседлую жизнь в подчинение к египетским фараонам за банальное пропитание. Непонятное решение Авраама было явной авантюрой, которая провалилась, едва не стоив жизни всему его племени.

О том, что Авраамово племя устроилось уютно и тайными интригами руководило какими-то там правительствами и говорить пока не приходится. Пока что все наоборот. Обижаемые всеми чужаки ходили по Ханаану (так называлась тогда Палестина) и Аврааму приходилось довольно часто расплачиваться своей женой Саррой с местными царьками, чтобы сохранить свою жизнь. Он выдавал ее за свою сестру и в качестве подарка одалживал на время ханаанским вождям. И Сарра честно отработала право на претензии, чтобы не Авраам назывался патриархом этого народа, а именно она. Потому что расплачиваться за недальновидность патриарха поначалу пришлось именно ей.

Естественно, что обида накапливалась, и отсюда, именно во времена Авраама, возможно, родилась эта мечта когда-нибудь отомстить всем и вся на этой земле, став ее властителем. Но Аврааму это не удалось. И вряд ли он это даже пытался сделать. Он пытался сделать обратное - заслужить дружбу и уважение местных. Что ему, в общем-то, удалось. Зато левиты, которые писали Книгу Бытия веками позже Авраама, (в то время, когда евреи вторглись в Палестину из Египта и воевали там ежедневно на протяжении столетий со своими соседями), для поддержки

боевого духа народа и для обоснования политических претензий на эту чужую им землю, вложили эту тихую бессильную мечту Авраама и его потомков в громкое обещание Иеговы дать евреям Палестину в вечное пользование и совершить месть над всеми народами, обижающими евреев.

Но как бы то ни было, а неужели Богу следует вменить в заслугу "мудрое" решение Авраама выйти из уютного Ура во враждебный Ханаан на голод и на несмываемые оскорбления? Только не Ему. Все почести надо отдать или самому Аврааму, или кому то из сильных в Вавилоне, с кем Авраам не поладил. Второй вариант более реалистичен, потому что Авраам, конечно же, не был глуп и не мог не знать, что его ничего хорошего не ждет в чужой, бесплодной и дикой земле. Его заставили туда уйти. А, может быть, это было даже бегством. История этого народа началась, как видим, не с масонских лож, а с крупных неприятностей. Очевидно, богоизбранность начала проявляться в его истории несколько позже. Поищем.

От верной смерти племя спасло только то, что Египет разрешил ему поселиться в своих пределах, где можно было заработать на кусок хлеба. Об этом Библия пишет очень печально, как о периоде рабства евреев у египтян. Иногда это называют еще и "сытым рабством", хотя, наверное, трудно составить два этих слова вместе без того, чтобы не повеяло чем-то вроде стилия дешевых конферансье, которые отпускают именно такие шуточки, типа "заклятые друзья" или "верные враги". Мы не будем это так называть. Рабство сытым не бывает, а сытость никогда не была сколько-нибудь длительным состоянием раба настолько, чтобы он мог это ощущение сочетать со своим социальным положением.

И тут в Библии начинаются такие несурезицы, что нет удивления большего, кроме как от вопроса - как могли все это веками читать всерьез?

Начнем с того, что в этом рабстве племя размножалось до такой степени активно, что фараонам пришлось специальными постановлениями ограничивать его рождаемость. Не рассмеяться вслух при первом же чтении этого просто невозможно. Момент очень интересный - любое рабовладельческое государство всегда было заинтересовано *только в увеличении количества рабов*. Чтобы занять побольше рабов правители вступали друг с другом в кровопролитные регулярные войны, основной целью которых всегда было - *навоевать себе у соседа рабов!* Это - азбука рабовладельчества. "Рабов! Рабов!" - звучало отовсюду в те времена. Египет строился, развивался, нужна была дармовая сила, которую можно было использовать просто за кормежку, не оплачивая труда. Чем больше рабов, тем более свободны свои граждане, следовательно, тем больше воинов, мастеров, людей свободных профессий. А каждый из этих людей в свою очередь не прочь иметь своего личного прислужника-раба. Рабы нужны везде, всегда, по всякому поводу. Рабами награждают и рабов отнимают в наказание. Рабами меряется личное состояние. Рабами меряются возможности областей (номов), рабами меряется мощь государства.

Тут бы и плясать от радости фараонам, что таким дешевым способом рабы плодятся у них прямо под боком без всяких завоевательных экспедиций! Тут бы и радоваться, тут бы и благодарить своих богов, что такие плодовые рабы попались, сами батрачат, да еще и новых рабов рожают несметно! А фараоны, наоборот, грустят: "Слишком много рабов!". Разве может

быть слишком много воздуха? Очередной миф на уровне бреда. Все-таки, наверное, мы скоро придем к выводу, что "Священное Писание" - это жанр искусства, который позволяет писать все, что только вздумается и даже все, что вообще никак не может "вздуматься", а может только придуматься. По крайней мере, книга Библии "Исход" наводит именно на эти мысли.

Следом за этим, и даже не следом, а непосредственно вместе с этим, в этой книге мы читаем еще один дикий миф - о жестоком притеснении евреев в Египте. В чем было столь жестокое притеснение? "Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам и делали их жизнь тяжелой от работы" (Исход 1:13, 14). Они там толи кирпичи делали, толи еще что-то. А чего хотели сыны Израилевы? Прийти в чужую страну, упасть в ноги к правителям и, умоляя спасти от голодной смерти, после этого получать хлеб даром? Тут вообще совершенно ничего не понятно! В то время праздно жили вообще считанные единицы людей, а здесь обида на то, что приходится работать, у целого племени! Не только чужаки, но и сами египтяне весь день от зари до зари занимались только тем, что добывали себе кусок хлеба. То есть, жестоко себя притесняли. Это же они решили преступно распространить и на сынов Израилевых. Изверги! Нет, разум отказывается понимать эту претензию. Это, наверное, одно из тех мест Ветхого завета, о которых говорят, что кое-что в нем невозможно постичь разумом. Надо согласиться, что такие места в этой книге, действительно, есть. Спору нет.

Этот миф имеет еще одну дикую сторону - *не бывает рабства в составе племени!* Рабовладельцы вообще не знали ничего такого, что заставляло бы их держать рабов на свободном жительстве в составе племени. Это уже не рабство. Рабов брали столько, сколько нужно, туда, куда нужно, не взирая ни на какие племенные особенности, и у рабов не было никакого имущества, никаких семей, дети которых не продавались бы или не принадлежали бы хозяину сразу же после рождения, и у рабов вообще не бывает никакого понятия о компактном проживании с выходом на работу и возвращением в свои собственные поселки. Раб живет там, где ему укажут, среди тех, кого ему укажут, и женится на той, которую ему покажут. Если бы евреи были рабами, то этого племени мгновенно не сохранилось бы даже памяти, оно было бы растащено по местам принудительного труда и потеряло бы свою цельность и связи между собой. Такое передергивание, однако, до сих пор никого не заинтересовало! Еще одно место Священного Писания, к которому не стоит подходить с банальной логикой?

И закончить с этим мифом, пожалуй, стоит еще одним невероятным фактом - жестоко притесняемое племя рабов бурно размножалось! Придумать такое сочетание фактов можно только обладая особыми талантами! Как может невероятно интенсивными темпами размножаться угнетаемый народ? История таких примеров совершенно не знает! Достаточно посмотреть на демографические таблицы истории наций и народностей, как в каждой из них видно, что при факте исторического угнетения одной нации другой нацией, рождаемость угнетаемых катастрофически падает вплоть до исчезновения вообще. Это даже без демографии ясно, просто из самого обычного смысла угнетения - тот, кто плохо ест, подвергается наказаниям, работает без отдыха ежедневно до того момента, пока его носят ноги, чье положение не отличается от положения скота, у кого нет не то, что будущего, но нет даже и настоящего, вообще не размножается, а не то, что размножается, как кролик.



Чему здесь поверить? Тому, что размножались, как у Христа за пазухой, или тому, что были угнетаемыми рабами? Учитывая все то, что мы знаем о рабстве, следует признать, что рабства никакого не было, даже если забыть про небывалую плодовитость. Уж слишком вздорно все это, чтобы укладываться в историческую правду. Следовательно, следует сказать, что размножались, а, следовательно, жили хорошо и действительно сытно. Бог помог?

Не будем торопиться с выводами. Египет никогда не был пунктом бесплатного питания для неудачливых кочевников. За еду платить пришлось по полной. Сейчас попробуем объяснить.

Во-первых, получается, что фараоны не угнетали этих пришлых кочевников, а наоборот *вращивали их*. По ошибке? Или руки не дошли навести здесь порядок и определить в рабов тех, кто рабами не был, но мог бы ими стать в одно мгновение, прикажи это фараон? Вряд ли. Уж чему-чему, а внутренней политике в Египте уделяли достаточно внимания. Только это была не внутренняя политика, а, скорее внешняя. Чтобы это понять, посмотрим на карту Египта того времени.

Соперниками могущества Египта тогда могли быть только могучие царства ассирийцев, халдеев (Вавилон) и воинственные мидийцы. При выяснении отношений с любым из них Египту пришлось бы несладко. Но подступы к Египту надежно охраняли Аравийская и Сирийская пустыни. Подобраться к Египту можно было только по узкому коридору Палестины, где в то время жили малочисленные и обособленные друг от друга семитские и другие племена. Их было слишком много, чтобы составить дружественную Египту коалицию с общими интересами внутри этой коалиции, а каждого из этих народов в отдельности было слишком мало, чтобы сделать на него ставку, как на своего союзника. Все эти народы жили по принципу - бей красного, пока не побелеет, и бей белого, пока не покраснеет.

И Ассирия, и Вавилон и мидийцы могли как нож сквозь масло пройти по Палестине в любой момент и наброситься на Египет. Все знают о Великой Китайской стене, но мало кто знает, что у египтян была точно такая же великая стена, и она было *единственным оборонительным сооружением египтян*, представлявшим собой сплошную крепостную стену из кирпича шириной 3 метра! И стояла эта стена в дельте Нила на палестинском направлении! В этой стороне, по мнению Египта, порядка явно не было. Поэтому Египет не мог быть не заинтересован в том, чтобы этот военный коридор заняло государство достаточно крепкое, чтобы обеспечить сопротивление любому агрессору хоть на какое-то время; и достаточно амбициозное, чтобы бороться за свою государственность, оставаясь буфером между Египтом и другими крупными царствами, но при этом и достаточно дружественное, чтобы самому не повернуть на Египет. Кроме того, несмотря на то, что живущие в Палестине народы воевали каждый со встречным поперечным, не исключена была возможность их какого-то временного объединения против общего врага с целью промыслового набега. Да и хетты нет-нет, да и забредут в Египет с военной экспедицией. Чтобы все они не бегали и не забредали в Египет, надо было дать им общего врага в виде такого буферного государства и занять этим на долгие времена.

Как создать такое государство?

А так, как это описано в Исходе. Эта роль была отведена евреям. Других кандидатов не было. Ведь это был народ, не имевший политического статуса. Подданными Египта они не были,

рабами тоже, своей территории не имели, но были уже не кочевыми, а оседлыми. В таком подвешенном состоянии любой народ может откликнуться на идею создания собственного государства по примеру других народов. Вот евреи и откликнулись.

Правда, у фараонов для этого могли быть использованы еще и мадиамитяне. Но с ними все было несколько по-другому. У них уже была своя земля и свое государственное устройство, и они к тому же прикрывали Египет со стороны Аравийской пустыни на тот случай, если кто-то все же вздумает организовать через нее антиегипетский поход. По крайней мере, функцию разведывательного аванпоста мадиамитяне несли и были в полной зависимости от Египта - фараоны в любой момент могли просто вытеснить их своими военными частями в пустыню, где они погибли бы.

Сам Египет не был настолько дураком, чтобы идти укрепляться в Палестину, народы которой будут воевать день и ночь до последнего человека с любым, кто придет на их землю, а на самой земле Палестины земледельческой культуре, основанной на разливе большой реки, делать нечего. Кроме того, занять Палестину - это непосредственно прийти в соприкосновение границами с Вавилоном и Ассирией, то есть подставить себя под прямой удар. Нет, для этого у Египта было это племя, для которого они в коридорах дворца фараона подготовили вождя (Моисея), которому и была поставлена задача - создать на базе еврейского многочисленного и политически неопределенного племени форпост Египта в Палестине в форме обособленного государства.

Фигура Моисея окружена еще более несерьезными мифами, чем сам миф о рабстве в Египте и бегстве из этого рабства. О том, что байка о ребенке, спущенном по воде в корзинке и ставшем царем, перекатана у шумеров, мы уже говорили. Но и без этого археологического доказательства вся история настолько плохо сверстана, что не стоит даже долго вообще на ней останавливаться. Гораздо более интересен по некоторому антуражу другой миф, который говорит о том, что Моисей убив египтянина, обижающего еврея, бежал из Египта и скрылся, (где бы вы думали?) в Мадиама. То есть мы должны поверить, что фараон искал Моисея, чтобы убить, и не нашел его нигде в Египте, не догадавшись даже заглянуть в единственную граничащую с Египтом общину, которую представляли собой мадиамитяне.

Кроме того, мы должны поверить, читая книгу Исход, наверное, тому, что, уже зная о том, что Моисей у мадиамитян, у фараона оказались слишком короткие руки, чтобы его оттуда достать. Из Мадиама, земля которого, наверное, была видна с крыши фараонова дворца! Беглые преступники и политические диссиденты - не антураж нашего времени. Они были всегда. И решался этот вопрос также, как и сейчас - основами международного права. Вот перед нами договор между Рамсесом II, фараоном Египта, и хеттским царем Хаттусили III. Это мирный договор по окончании боевых действий, в которых Египет взял верх, и по одному из пунктов договора хетты обязуются возвращать фараону египетских политических беженцев, а египтяне обязуются делать то же самое относительно хеттских преступников. Обычный пункт обычного договора. Причем данный договор примечателен тем, что уж дальше, чем хетты, географически от Египта никто, наверное, не находился. Из Египта в Турцию и сегодня не сразу доберешься, а

тогда вообще было сродни подвигу. И даже в этом случае беглец возвращался. А Мадиам Моисея не вернул! Библия - интересная книга.

А также мы должны поверить тому, что фигура Моисея была настолько привлекательна для Иофора, вождя мадиамитян, что он взял, да и приютил под боком у Египта его государственного преступника и врага фараона. А чтобы фараон до конца не сомневался в составляющих искренних чувств Иофора к нему и ко всей его фараонской династии вообще, Иофор отдает за Моисея свою дочь! Получи, фараон! Вот это все так написано, как будто читать должны это только те, кто это писал сам. Может быть, так и надо поступить с этой книгой? Потому что даже дебилу ясно, что если бы фараон искал Моисея для наказания, и на него наткнулся бы Иофор, то Моисей немедленно был бы связан и отвезен к фараону в качестве выражения самых добрососедских чувств всех мадиамитян и сейчас, и во веки вечные. Зачем Иофору из-за какого-то беглого неизвестно кого, было ссориться со всем Египтом?

Всю эту околесицу может привести в разумный вид только одно предположение - или Моисей был мадиамитянином по происхождению, или был отправлен фараоном на стажировку в Мадиама, где он должен был под руководством Иофора ознакомиться с принципами существования государства *не египетского толка*, небольшого, мононационального, образованного бывшими кочевниками в полупустыне и верного Египту. Моисей, скорее всего, проходил в Мадиамае школу управленца, а тут и дочка ректора приглянулась...

Потому что дальнейшие события, когда Моисей с братом Аароном приходят к фараону, могут иметь только один смысл - они пришли, чтобы доложить о готовности идти в Палестину. При любом другом предположении, а особенно по версии Библии, в которой Моисей и Аарон пришли с требованием (!) отпустить рабов-евреев в Палестину, хамили фараону и выдвигали различные политические претензии, разговор Моисея с фараоном не длился бы долго, если бы вообще состоялся.

После доклада фараону Моисей объявляет евреям - мы идем в Палестину. Никакой радости у народа это известие не вызвало. "Нас и здесь хорошо кормят" - сказали удивленные люди. Но это никого не интересовало. За них уже все решили. Сколько народ не возмущался всей этой затеей, ни сейчас, ни потом в пустыне, воля фараона подняла их с насиженного места и погнала в ту землю, *из которой их отцы когда-то едва вырвались в сытный Египет!* Большинство уже заметило, что мы незаметно перешли еще к одному библейскому мифу о том, что фараон не отпускал евреев в Палестину. Подобное придумать - надо быть еще более гениальным, чем придумать рабство, в котором повышается до небывалых высот рождаемость, рабовладельцев, которые не хотят, чтобы у них было много рабов, или рабов, которые жили отдельными кварталами, а не по отдельности в каморках своих хозяев. Фараон не хотел отпускать евреев, говорит Библия. Простой вопрос - а что могло в то время помешать фараону, чтобы он не допустил того, чего он не хотел? Фараону, живому богу? Пусть Библия на это ответит! Если бы фараон, как владыка земли и небес, не имел возможности в то время отрубить голову любому, кто сказал бы одному из его рабов - "бежим отсюда", то Египта вообще не было бы! Он бы развалился в течение недели, потому что всем рабам было куда бежать, у них была родина, не то, что у евреев, которые Ура Халдейского уже не помнили, а Палестину помнили

слишком хорошо, чтобы считать ее хоть чуть-чуть родиной, ведь они сами бежали из нее в Египет!!! Нагромоздить столько глупостей сразу в одном только мифе делает своеобразную честь не только тем, кто писал Исход, но и тем, кто его читал и всего этого не увидел.

Однако, возвращаясь к тому, что фараон не отпускал, а евреи упорствовали в лице двух братьев Моисея и Аарона, мы можем дать домашнее задание третьекласснику следующего содержания: что нужно было сделать фараону, чтобы их упорство сменилось на совершенно противоположное настроение? Можем даже дать варианты ответов:

- а) посадить их в темную темницу
- б) распилить их тела пополам
- в) сжечь их на медленном огне
- г) жестоко выпороть
- д) жестоко выпороть их руками друг друга под страхом смерти
- е) жестоко выпороть их несколько раз в обоих вариантах (чужими руками и руками друг друга)
- ж) сжечь их на медленном огне, а потом жестоко выпороть
- з) жестоко распилить их тела пополам, а потом медленно выпороть в темной темнице
- и) медленно распилить их пополам в темной темнице руками друг друга под страхом порки
- к) свой вариант ответа.

Кому приятно побыть немного в роли фараона, может поупражняться со своим собственным вариантом ответа, но итог всех вариантов был бы один - подстрекатели не только забыли бы слово "Палестина" навсегда, но и самих подстрекателей подстрекаемые соплеменники вспоминали бы все реже и реже, да и то в основном шепотом и непослушным детям перед сном.

А теперь главный миф! Самый красивый по оригинальной логике. Наверное, он писался для особых людей, и мы не сможем оценить всех его прелестей, но будет достаточно и тех, которые мы постигнем. Это миф о том, что евреи бежали из Египта, несмотря на запрет фараона. Это - просто высокая поэма, наподобие той, которую рассказывает пьяный прапорщик: "Смотрю, - уходит он от меня! Годы мои не те, чтобы бегать быстро, а он молодой, резвый, так и прет, как олень, и все дальше от меня и дальше. Но я пока не стреляю - может, все-таки догоню? А тут - речка! Он - раз, и на том берегу, а я уже в воде по шейку стою, чувствую, что пока на берег выберусь, он успеет в лесок забежать, а там - поминай, как звали. Дышать нечем, вода глаза заливает, потонуть недолго, течение сильное, а он уже возле первых кустов. Ну, думаю, сам ты, парень нарвался на пулю, пусть Бог меня простит, встал на колени, задержал дыхание, прицелился и засадил ему короткой очередью между лопаток". Если мы внимательно прочитаем Исход, то эпопея прапорщика и беглого заключенного покажется нам не столь уж охотничьей по правдоподобности.

Итак, евреи решили бежать. В это можно было бы поверить, если бы их было двое-трое, и бежали бы они налегке. Однако бежали тысячи, со скотом, имуществом, шатрами, запасами продовольствия, детьми, стариками, беременными женщинами, посудой, утварью, инструментами, больными и калеками, домашними животными и т.д. Одной ночи не хватит, чтобы

все это просто упаковать, уложить, увязать, навьючить, унять плачущих детей, собрать с пастбищ блеющий скот, пересчитаться, собраться вместе и прочее, прочее и прочее. А где же ночная стража номархов? Где пограничные заставы? Где полиция и надсмотрщики? Где бдительное население? Мало вероятно, чтобы все они в одну ночь ослепли, оглохли или упали бы в скоропостижный обморок. Бегство даже одного раба - нарушение не только прав собственности рабовладельца, это - нарушение устоев государства. Это столько шуму и переполоха, что лучше этому рабу и не родиться вообще, если его поймут. Если бы рабы могли ночами бегать тысячами, где захотят и куда хотят - то, что осталось бы от государства, скажем, через десять ночей? В любом рабовладельческом государстве прежде всего предусмотрены и обеспечены все меры, чтобы раб не мог убежать. Предусматривается все. Вплоть до наказания того, кто раба упустил. А тут убегает целый народ, а фараону через время докладывают: "Ваше Величество, что-то евреев нигде не видать. Уж не сбежали ли, в самом деле, как грозились давеча?" Вот *в такой Исход* мы должны поверить, читая Библию! Автору Исхода вполне можно присвоить звание Почетного Прапорщика На Привале.

На самом же деле, естественно, что это было не бегство, а организованный поход. Честное повествование сохранило нам в Исходе одну важную подробность - перед исходом евреи получили от Египта много золота, серебра и одежд. Фараон *оснастил их*. Левиты, или кто там сочинял Исход, правда, пишут, что Бог на это время сделал всех египтян дураками и "дал милость народу Своему в глазах Египта". То есть, египтяне так вдруг полюбили евреев перед их бегством, что стали, торопясь и ругаясь в очередях, нести им свои деньги и имущество, кто сколько мог. Очевидно, от избытка чувств. Еврейский народ не противился, и скромно принимал все приношения надоедливых египтян. До того скромно, что "обобрал он Египет" (Исход 12:36). Увлеченные люди писали.

Налицо же то обстоятельство, что евреи получили, или выторговали взамен своего согласия на поход в Палестину, большие средства и запасы. Для чего в пустыне золото и серебро в таких размерах? Скорость передвижения по пустыне определяется скоростью пасущегося скота, а если пастись больше негде, то скот бегом гонят к другим пастбищам так, что только успевай. А тут обозы с драгоценным металлом и другим имуществом! Да еще, имея в виду, что в первые часы придется бежать ой-ой-ой как быстро! Естественно, что такие запасы придавались народу для организации оседлого хозяйства и строительства укреплений в завоеванной Палестине. Может быть, и не только для этого, но в любом случае фараон хорошо подготовил этот поход и вложил в него немало средств.

Кроме того, спокойному читателю Исхода не может не броситься в глаза еще одно невероятное обстоятельство - сразу же после исхода из Египта евреи вступают в схватку с отрядом амаликитян и побеждают их. Вопрос - *чем евреи сражались с Амаликом?* Домашней утварью, тюками одежды или меткими попаданиями золотых изделий в голову? *У них было оружие!* Откуда оружие у рабов? Да еще в таком количестве, чтобы целый день сражаться с передовыми частями амаликитян? Раб и собственности-то никакой не имеет, кроме набедренной повязки, а тут мечи, щиты, палицы, копья, луки, да и все прочее, без чего тогда нельзя было воевать? Да, окажись у евреев хоть один меч в Египте без ведома номарха - скандал был бы

такой, что всем богам на небе жарко стало бы! Оружие, ведь, даже в то время на дорогах не валялось. Каждая его единица стоила неимоверно дорого, дороже волов и прочей дребедени. Оружие в то время - гарантия жизни нации. Оно собиралось и изготавливалось с любовью и тщательностью, и хоть оно было сплошь холодным и не номерным, утеря простого дротика была случаем невероятным. Тогда оснащение проводилось по принципу один воин - одно оружие. Если у тебя пропало оружие - ты уже не воин. Ты - никто. Наказание за такой грех было позорным, а то и смертельным. Где могли взять евреи столько оружия, которое полагалось иметь только воинам, а никак не рабам-поденщикам, или пастухам? Несомненно, что фараон не только оснастил их, но и *вооружил*.

А вот еще одна честная подробность Исхода. Педантичная Библия пишет, что с евреями вышли из Египта "множество разноплеменных людей". Вы можете себе представить масштабы такого "бегства"? В одну ночь не только евреи, но еще и целые толпы других народов на цыпочках покидают Египет, который спит праведным сном младенца! Авторы Исхода не взяли бы сценаристами даже в самую слабую гонконгскую киностудию. Но это только одна сторона дела. А вот вторая - эти-то народы куда бежали? Что они забыли в Палестине? Их-то Моисей как смог уговорить, если и своих-то уговорил еле-еле? И зачем они ему были нужны? Мы ответим - *их придали* Моисею, как некоторым воинским частям при выполнении особых задач придают вспомогательные подразделения. Фараон рассудил - не помешают. На войне, чем больше народу с нашей стороны, тем веселее воевать.

Вот такой это был "исход", который продолжился сразу же еще одним нелепым мифом о том, что фараон, узнав о бегстве, погнался за беглецами. Прежде всего, зададим себе вопрос, неужели Моисей, Аарон, да и любой из "бежавших" не предполагали такого варианта развития событий? Конечно же, предполагали бы, если бы думали действительно бежать. Ну и какие шансы оставял бы им этот вариант по их соображениям? Войско передвигается гораздо быстрее, чем скот. Со скотом, а тем более с молодняком, не убежишь. Следовательно, при погоне надо будет бросить скот. Войско также двигается быстрее, чем дети и женщины. Их также придется бросить. Войско передвигается налегке, а нам надо волочить на себе золото, запасы одежды, драгоценности, различное имущество и т.д. Догонят. И с этим придется расстаться. В войске - молодые крепкие ребята, а у нас - и больные, и пожилые, и совсем старые. Значит, отцов, дедов, ослабленных братьев придется бросить. Итак, остаемся только мы, сильные, здоровые, свободные, не отягощенные ни скотом, ни запасами еды, ни деньгами и ни каким другим имуществом, долго не протянем на такой вольной жизни, но зато нас никто не догонит. Здорово! А, может быть, вместо бегства в какие-нибудь крестики-нолики поиграем? И вы, Моисей с Аароном, садитесь играть с нами, а то, когда мы еще вот так по-простому посидим вместе, если вы все-таки побежите?

О каком "бегстве" вообще мог идти разговор при тех обстоятельствах?! Даже предварительно? Это - коллективное самоубийство. Оптимизм этого народа вряд ли позволяет предположить, что они загорелись бы таким заманчивым вариантом досадить фараону.

Ну и чтобы не только покончить с "бегством", а посмотреть, *во что стала превращаться Библия* с этого момента, перечитаем еще раз те казни, которые якобы наводил на Египет Бог в

отместку за то, что фараон удерживал евреев. На этом надо остановиться. Это - как песня шарманщика! Ни про что, но жалобно. Итак: сначала *вся вода во всем Египте*, от рек и озер, до сосудов и чашек, превратилось в кровь, вся рыба вымерла, питьевой воды не стало, и везде гнила и смердела только кровь. Веселое было местечко! Впрочем, веселье стало даже более оживленным, когда *всю землю Египетскую* вслед за этим покрыли жабы. (Почему именно жабы?) Причем жабы сидели не только сплошным ковром на улицах и на полях, они забили все горизонтальные поверхности даже в жилых помещениях. Когда жабы издохли, их собирали в огромные горы, и вонь стояла по всему Египту. На этих двух казнях, кстати, совершенно непонятно - в чем они не коснулись и самих евреев? Что они пили, когда вместо воды повсюду была только вонючая кровь, и что они делали, когда жабы падали им отовсюду за шиворот?

Далее *всех людей и весь скот* покрыли мошки. Было очень неприятно, и, главное обидно - жабы только что подошли, а протяни они еще хоть немного, так хоть мошек бы пожирали. Только привыкли к мошкам, как появились песьи мухи (что такое "песьи мухи?") в таком же изобильном количестве, как и песьи жабы. Конечно, же, это утомляло. Поэтому, даже и хорошо, наверное, что вскорости весь скот (ВЕСЬ!) погиб от моровой язвы, что значительно уменьшило зону для посадки всем этим мошкам и мухам. Затем, в качестве шестой казни, очевидно, именно эта же язва покрыла уже и всех людей. Только стали узнавать друг друга по язвам и их конфигурациям на лице, как появился такой град, что "побил град по всей земле египетской все, что было в поле от человека, до скота (откуда скот-то взялся, который вымер от моровой язвы?!), и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал". Если что-то после града и осталось, то не для людей, потому что следом налетела саранча и все пожрала. Вид, конечно, у природы был унылый, поэтому даже и хорошо, наверное, что следующей казнью стала полная темень, которая стояла три дня. Смотреть все равно больше не на что было, и, наверное, до этого многие даже ворчали на пейзаж, а сейчас, когда тьма рассеялась, были вновь рады видеть даже то, что раньше совсем не нравилось. Даже соседку в язвах. На этом подъеме и пережили десятую казнь, во время которой умерли все старшие сыновья у всех египтян и все первенцы их скота (опять скота??!). Это произошло в полночь.

Вот такие страшилки. Скажите, если бы даже одна десятая часть одной десятой из этих десяти казней произошла на самом деле - осталось бы это в египетских хрониках? Почему не осталось? Египетский жрец Манефон составил подробную хронику династий фараонов, где вообще ни о чем подобном даже не упоминается. Кстати, его хроники берутся за основу для сравнения многих археологических источников, как вполне достоверные. Все это выглядит очень невзрачно (то, что написано в Исходе), если предположить, что это писалось не как фэнтези, а как реальная история.

Все больше приходится предполагать, что Исход - книга не для широкого чтения. Жанр больно расплывчат. Для анекдота - слишком громоздок, для легенды - слишком примитивен, для сказки - слишком много подробностей, для шутки - вполне то, что надо, но нет какой-то центральной, главной шутки, для эпоса - слишком много невольных шуток, для пародии - нет объекта подражания, в общем, чистое "Священное Писание".

Но самое интересное в этой истории то, что "убегая", никто не убегал!!! Если бы это был конкурс сценариев фильмов абсурда, то за дельнейшие строки Исхода надо было бы авторам давать первую премию - евреи и другие разноплеменные люди вышли из Египта ночью и *остановились недалеко, на берегу Моря!* Bravo! Пожалуйте к столику жюри за чеком!

Если же это не абсурд, то тогда надо прийти к выводу, что любой беглец первым делом предпринимает все для того, чтобы оказаться загнанным в угол: взбирается на высоковольтную мачту, бежит к краю пропасти, лезет в шахту, у которой один только вход, а лучше всего - прибежать к берегу моря и сесть там, ибо лучшей тактики побега, естественно, и придумать трудно, ведь отсюда путь или только назад, или только в море. Преследователей своих тоже надо жалеть и не мучить их своими маневрами. Поэтому, учитывая то, что высоковольтных мачт на каждого беглеца в те времена было не найти, а пропасти в тех местах отыскать трудно, вот и пошли на бережок и разбили там стан. Бежать, так бежать!

Если читать то, что написано в Библии, то никто, естественно, никуда не бежал, а это был первый привал похода. Причем никто в Палестину не торопился. Дружественный Египет рядом, запасов еды много, а недружественная Палестина сама никуда не убежит. На каком-то этапе поход незапланированно притормозился. Очевидно, народ еще не втянулся в задачи, а может быть, стал что-то выторговывать добавочно у Египта, поэтому фараон, чтобы всем было ясно, что шутки кончились, послал военный отряд, который вытолкнул нерадивых переселенцев через проходы в Суэцких болотах на подступы к Палестине.

И тут начались неприятности. Первым движением Моисея было сделать, как договорились: идти в Палестину и создавать там форпост. И вот - первая военная операция. Та самая битва с амаликитянами, которую мы уже затрагивали. То, к чему готовились, началось. Битва показала, что все будет не так просто. Малочисленный отряд амаликитян, по существу первый тренировочный противник, потребовал невероятного напряжения сил. Бой длился целый день с переменным успехом, и лишь к вечеру евреи с трудом победили. Стало ясно, что к войне народ не готов. Если столько проблем возникло в чистом поле с кочевниками, то, что произойдет там, где стоят укрепленные города с регулярным войском? Было все - оружие, достаточная численность, безвыходность положения, боевой задор, но не было умения воевать. Это все же были бывшие пастухи.

И тогда фараон посылает к Моисею его тестя Иофора, у которого Моисей проходил практику руководства народами и с которым к Моисею прибывает его жена и дети: жесткий ход фараона - назад дороги нет. Но главная задача Иофора - сделать из орды войско. Закончить обучение на месте, восполнив упущенное в теории. Иофор, вождь мадиамитян и союзник Египта, конечно же, знал военное дело, и сам был полководцем, вот он и учит Моисея: "усмотри из всего народа людей способных, остальной народ раздели на отряды по 50, 100, 1000 человек, и поставь этих людей начальниками". Если мы почитаем текст Библии, то левиты пишут, что это была не военная мера, а просто организационная. Трудно в это поверить. Ни один народ, ни тогда, ни сейчас не делится на отряды с командирами, которые по субординации подчиняются высшим командирам и так до самого главного командира. Такого нет нигде. Зато так всегда и везде организовывались и организуются армии. Только так.



Это еще один аргумент в пользу того, что цель исхода - военная, и после оснащения и вооружения, фараон еще и *научил* евреев военной организации. Фараон или Иофор? Иофору слишком дорога была его голова, чтобы учить военному делу врагов фараона. Это понятно.

Иофор сделал свое дело и уехал. А Моисей остался. Но планы его резко переменялись. С ним произошло нечто, что до сих пор делает его великим пророком среди всех пророков - он соединил эхнатоновское единобожие с шумерским откровением и стал другим человеком. Его ценности изменились, а ситуация осталась прежней. Начался бунт Моисея, который называется "хождением народа по пустыне", который продлился 40 лет. От Египта до Палестины - 5 дней пути, но Моисей не преодолел этого расстояния и через 40 лет. Почему? Он не видел будущего для этого народа в Палестине, и не хотел, чтобы этот народ был игрушкой фараона на этой кровотокающей земле. 40 лет он водил по пустыне на узкой полоске между Египтом и Палестиной народ, который то рвался назад в Египет, не зная тайных договоренностей, то пытался свергнуть Моисея и войти в Палестину. А Моисей был против! Он постоянно отговаривал! Они совались, не слушая его, и их там били хананеи и амаликитяне и гнали прочь. Евреи пытались убить Моисея, но вместо этого он убивал их сотнями. Они не знали того, что знал он, а он надеялся, что время что-то изменит в их судьбе. По приказу фараона ни один мелкий царек не разрешал ему просто пройти с его народом по своим владениям, не останавливаясь и ничего не трогая. С каждым ему пришлось воевать и каждого пришлось победить, чтобы пройти к новому пастбищу. Земля горела у него под ногами, не было места его народу, никто не смел нарушить волю фараона и разрешить ему кочевничать в своих пределах. Только в Палестину! Политику эту проводил Мадиама, послушный Египту. В конце концов, он мстит и Мадиамаму, родине своей жены, месту, где его сделали вождем. Он сжег Мадиама дотла и убил всех его вождей, но это ничего не изменило в положении народа. Это был просто отчаянный набег, и он отправился кочевать дальше.

Он сдерживал своих соплеменников, как мог, он заранее делил палестинские города между ними, играя с ними в эту игру, лишь бы занять их пусть результатами несостоявшегося похода, но лишь бы не самим походом. Это был необычный человек, Сам Бог нашел в нем то, что не нашел ни в ком другом. Он все понимал. Но как были они от него далеки, его люди, уже замороченные левитами и ничего не понявшие из того главного, что он им принес на скрижалях! Он сделал все, что мог. Сразу же после его смерти евреи ринулись в Палестину. А там произошло то, что и должно было произойти...

Началась новая жизнь, которая рисуется Библией в виде некоего блицкрига, во время которого евреи только и знали, что брали вражеские города и уничтожали под корень их жителей. На самом же деле "блицкриг" длился 200 лет! Двести лет на этот народ обрушивались несчастья войны! В конце концов, эта война оказалась победоносной. Но радоваться этому могло лишь поколение победителей. Люди, жившие в течение полутора сотен лет до победы, знали только одно - или они вырежут всех, кто живет здесь и займут их место, или местные вырежут их. Так и жили. Веселого в такой жизни мало, согласимся. И все это в интересах Египта! Ну и как говорить после этого о том, что евреи имеют счастливую историческую судьбу? Тем более что до конца вырезать никого из соседей не удалось. Удалось просто протиснуться между народами и оборудовать там свое царство, оставив вопрос о том, кто кого перережет, на потом.

Образовавшееся царство было реальным знаком победы, но не самой победой. Победы там так никогда и не было ни сейчас, ни потом.

Итак, было государство, и был царь. Теперь можно жить и не тужить? Однако Великое царство просуществовало только 300 лет! Для истории - вообще не срок, а тем более для истории тех времен, где царства существовали тысячелетиями. Двести лет за него воевали, а триста лет оно мужественно падало под ударами врагов все ниже и ниже. Тоже особо выгодный исторический удел?

Поскольку зона наших интересов лежит не в области истории, а нам важна именно суть происшедшего, которая просматривается через то, что еврейский народ подставили, то коротко посмотрим, как это было, исходя из той же Библии. Обратимся к хронике царств. Посмотрим, как жили евреи в земле обетованной, то есть, там, куда, как им говорили, их звал Иегова. Пусть опять говорит Библия.

1-й царь нового государства Саул. Нашествие аммонитян, победа под Иависом. Через год война с филистимлянами, победа при Михмасае. Непрерывающиеся войны с Моавом и Едомом, а также с амаликитянами. Новая война с филистимлянами. Сам Саул погиб в одной из схваток в этой войне.

Царь Давид. Сразу же после воцарения - война с филистимлянами. Победа под Ваал-Перацимом. Не прошло и года - новая война с филистимлянами. Победа под Гаваией и Газером. Затем, сразу же, без перерыва, еще одна война с филистимлянами. Возвращение захваченного ими ранее Мефег-Гаама. Война с Моавом и облагание его данью. Битва с Сувским царством за некоторые земли у Евфрата, победа. Война с Сирией, победа, оккупация и обложение Сирии данью. Война с аммонитянами. Победа. Война с амаликитянами. Победа. Захват и оккупация Идумеи. Война с коалицией аммонитян и сирийцев, победа. Новая война с аммонитянами, победа. Сразу же после этого война с филистимлянами, которая окончилась ничем. Новая война с филистимлянами, победа в Гобе и Гефе. Давид царствовал 40 лет, за это время произошло 13 крупных войн. Везде он одержал победу. Так пишет Библия. Но мы видим истинную цену этих побед, после которых побежденный противник через год начинает новую войну, в результате которой иногда даже приходится отбирать у него свои захваченные земли, утерянные в результате предыдущей победы.

Царь Соломон. Царствовал 37 лет. Это тридцать семь лет мира и довольствия в истории еврейского народа. Всего 37 из тысячелетий. Больше такого никогда не было. Соломон породнился с фараоном, стал его зятем, что и обеспечило ему влияние в Палестине, а с ним и мир. Во время этого мира фараон готовил Израилю сюрприз - в его доме, на его содержании рос и мужал мальчик Адер, сын царя идумейского, который погиб на глазах у маленького сына во время резни, которую Давид устроил в Идумее. Евреи резали идумеян шесть месяцев, пока не вырезали все мужское население. Несколько идумеян и с ними сын царя бежали в Мадиям, откуда их взял к себе фараон. Мальчик был выращен в ненависти к Израилю и был женат на сестре царицы Египта Тахпепсы. Соломон прекрасно знал, что его ждет, если этого мальчика спустят с цепи. Египет умел добиваться послушания простой дипломатией...

Но после Соломона короткое процветание закончилось. Израиль не нужен был Египту в этом виде - сытном и слишком сильном, чтобы безоглядно подчиняться Египту. И Египет навел порядок. Вот как это было.

После смерти Соломона воцарился его сын Ровоам. Перед самой процедурой коронации нового славного царя на славное царство из Египта (!) приезжает ... еще один царь! Зовут его Иеровоам, он когда-то сильно повздорил с Соломоном и бежал в Египет (!). Теперь Египет отправил его обратно. Прибывший заявил, что ни он, ни весь другой народ, царя Ровоама не признает и налогов платить ему не будет. И весь народ поддерживает самозванца! Народ знал, откуда дует ветер! Но Иеровоам не свергает Ровоама, как это всеми ожидалось! Он становится *вторым царем!* То есть, воцаряется параллельно Ровоаму! Так Египет, как когда-то он создал одно царство, теперь создает два царства, у каждого из которых остается та же задача, но порознь. И, главное, эти царства значительно слабее, естественно, чем было бы одно царство. А еще говорят, что это римляне придумали - разделяй и властвуй!

Итак, получилось два слабых царства взамен одного сильного, то есть сразу два форпоста в Палестине. Причем одно царство (Иудея) находится непосредственно под боком у Египта, а второе (Израиль) выдвинут несколько вперед, впереди первого. Форпост получился ступенчатым. Это был сильный ход египтян. С этого момента и возникает Иудея во главе с Ровоамом, сыном Соломона, законным наследником, скрытым ставленником Египта, потому что возникает Израиль с прямым ставленником Египта Иеровоамом. Теперь Египет спокоен - им есть чем заняться на ближайшие сто лет, и это больше на руку Египту, чем непредсказуемое укрепление единого соседа.

И фараоны в новом роде занятий этих государств не ошиблись. Ровоам не был доволен таким положением вещей и стал готовиться к тому, чтобы стать вновь единым царем единого царства, не признавая никакого нового государства Израиль. Поначалу у Иудеи нет сил воевать с самозванцем, но "когда царство Ровоама утвердилось и он сделался силен" настолько, чтобы пойти на Израиль, (на пятом году существования Иудеи), фараоны показали евреям, кто в их доме хозяин - Египет захватил Иудею, взял Иерусалим, разграбил храм Иеговы, задал взбучку Ровоаму и вернулся в свои земли. Все стало так, как и было им задумано - неразумных наказали, преданных поощрили, буфер между собой и врагами привели в соответствие, можно и отдохнуть. И дальше все уже пошло по накатанному сценарию двух пауков в банке.

Следующий царь Иудеи Авия. Правил 3 года. Война с Израилем. Очень кровопролитная. Одних Израильтян погибло до 500 тысяч. Иудея получает Вефиль и Ефрон.

Царь Аса. 41 один год царства. Война с Эфиопией, победа при Гераре. Все сорок лет непрекращающаяся война с Израилем. Война с Ливией.

Царь Иосафат. 35 лет у власти. Война с Сирией. Поражение. Война с коалицией Моава, Аммона и Маонита. В стане врагов произошла междоусобица и те на пути в Иудею перебили друг друга. На этот раз пронесло.

Царь Иорам, сын Иосафата. 8 лет царствования. Восстание в Едоме и отпадение этой провинции от Иудеи. Провальная экспедиция по подавлению восстания. Восстание и

освобождение от Иудеи в Ливне. Нашествие филистимлян и аравитян. Поражение и разграбление Иудеи.

Царь Охозия, младший сын Иорама. Правил только год и весьма неудачно воевал с Сирией.

Царь Иоас. Правил 40 лет. Нашествие сирийцев. Взятие сирийцами Иерусалима, разграбление города и храма.

Амасия. Царствовал 29 лет. Воюет с Сеиром, а в это время Израиль опустошает Иудею и истребляет ее население. Война с Израилем, поражение, *во время которого израильтяне захватили Иерусалим, разрушили его стены, ограбили храм Иеговы (!!!) и сокровищницу Царского дома!!!* Израильтяне! И после этого нам пытаются доказать, что храм был святым местом для всех евреев, независимо от того, где они жили. Как видно из этого исторического примера, храм соединялся в понятиях евреев с Иудеей, а евреи Израиля вполне обходились без него и даже его спокойненько грабили.

Озия. 52 года у власти. Отбил у Израиля Елаф. Война с филистимлянами, аравитянами, аммонитянами. Отбил у филистимлян Азот. Обложил данью аммонитян.

Иоафам. Срок - 16 лет. Война с Сирией и Израилем. Война с аммонитянами, победа.

Иоахаз. Также 16 лет. Поражение от Сирии. Поражение от Израиля. В один день было убито 120 000 иудеев, 200 000 уведено в плен в Израиль. Вот тебе и братство еврейского народа! Нашествие Идумеи и избиение жителей Иудеи. Филистимляне захватывают Вефсалил, Авилон, Гезер, Фимну и Гимзо. Пришла Ассирия и забрала оставшееся - сокровища из храма Иеговы и Царского дома.

Езекия. 29 лет рулил государством. Война с Ассирией. Ассирия дошла до Иерусалима, но на этот раз инфекция поразила осаждавших и они отошли. Война с филистимлянами.

Манассия. 50 лет на царстве. Поражение от Ассирии.

Амон. 22 года. Ничего примечательного. Видно после Ассирии другим завоевателем в Иудее искать уже было нечего.

Иосия. 31 год. Взбунтовался против Египта, которому в то время выгодно было иметь в союзниках Ассирию, обидчицу Иудеи. Потерпел поражение.

Царь Иохаз правил всего 3 месяца, потому что Египет не забыл выходки Иосии и решил провести в Иудее ревизию. Для этого фараон вторгся в Иудею, завоевал ее, поставил другого царя и, как водится, ушел обратно в Египет.

Иоаким. Правил 11 лет. Война с Сирией, Моавом, аммонитянами. В это время Вавилон победил Египет и ... Иудея больше никому не была нужна. Наступил закономерный конец. Сначала Иоаким потерпел поражение от Вавилона, затем Иехония, который правил всего три месяца и, наконец, Седекия, который правил 11 лет, и на долю которого выпал финал этой истории - Вавилон окончательно утвердился в Иудее, сжег храм бога Иеговы, а также и весь Иерусалим. Все жители Иудеи были уведены в Вавилон на новое место жительства.

Вот такая печальная история. Войны, войны, войны во имя безопасности Египта, постоянная политическая редакция власти Египтом и бесславный конец на чужой земле.

Судьба же евреев Израиля была не только печальнее судьбы евреев Иудеи, она была *еще более закономерной по печальному итогу*, чем судьба жителей Иудеи, потому что Израиль находился на более дальних подступах от Египта, чем Иудея, принимал на себя первый удар всех завоевателей на пути в Египет и заранее не имел никаких шансов. Вот что произошло с Израилем после того, как египтяне создали это государство, посадив своего посланника Иеровоама в нем на царство. Хроника Израильских царей.

Иеровоам. 21 год. Египет все эти годы оберегает свое детище, дает ему укрепиться и Израиль живет вполне сносно и благополучно.

Нават. 2 года. Пока тишина.

Вааса. 24 года постоянно воюет с Иудеей.

Ила. 22 года. Война с филистимлянами.

Амврий. 12 лет. Без особых происшествий.

Ахав. 22 года. Нашествие сирийцев. Отбили. Через год новое нашествие. Опять отбили. Мирный договор с Сирией. После этого, как всегда водится после мирных договоров, новая война с Сирией. Поражение. И началось...

Охозия. 2 года у власти. За это время успел потерять Моав.

Иорам. 12 лет. Война с Моавом, попытка вернуть его под себя. Военный успех был недолгим - пришлось отступить ни с чем. Война с Сирией.

Ииуй. Поражение от Сирии. Потерял земли трех израильских колен.

Иоахаз. 17 лет на троне. Разбит сирийцами. У него осталась только личная охрана, 10 колесниц и десять тысяч пеших воинов. Остальные перебиты сирийцами.

Иоас. 16 лет. Войны с Иудеей. Это он ограбил Дом Господень (храм Иегова) и попереломал стены Иерусалима.

Иеровоам II. 41 год. Долгожитель на троне для Израиля. Война с Сирией. Возвращение Израилю Дамаска и Емафы.

Захария. 6 месяцев.

Селлум. Убийца Захарии. Сам протянул всего один месяц. Ни себе, ни людям...

Менаим. Убийцы Селлума. 10 лет. Пришли ассирийцы и забрали все, что было в качестве выкупа за жизнь и свободу.

Факия. 2 года.

Факей. Убийца Факия. 20 лет. Опять пришли ассирийцы, захватили Ион, Авел-Беф-Мааху, Ианох, Кедес, Асор, Галаад, всю Галилею и все земли рода Неффалимова. То есть уже четвертое колено осталось без своей земли. Большую часть жителей увели в Ассирию. Мы об этом рассказывали выше.

Осия. Убийца Факея. 9 лет. Попал под власть Ассирии и платил дань. Кинулся за помощью в Египет, но ассирийцы узнали о тайных переговорах и засадили его в тюрьму. Вслед за этим они, возмущенные таким коварством, вошли в Израиль, сравняли его с землей, а к оставшимся жителям привезли разные народы, которые образовали с местными новую нацию с верой в бога Иегову, которая впоследствии получила название "самаритяне". Об этом мы тоже рассказывали выше.

В общем, из Книги Царств Библии видно, что евреям так досталось в Палестине, что если Иегова и присматривал за ними особо, то делал это весьма халатно, или вообще этого не делал. Второе больше похоже на правду.

Дальше мы наем, что было. Персы создали общину евреев, которые назывались теперь иудеями, но и здесь никаких особых преимуществ для этого народа не образовалось впоследствии. Потому что, очевидно, персы имели на них аналогичные египетским цели. Но здесь появилось уже кое-что новое. Маленький и слабый народ не мог играть больше самостоятельную политическую роль, он мог играть только некую локальную роль и только *в тайной политике*, для чего, вероятно, и воссоздавался наподобие секты. Если Египет орудовал ими через создание государства, то персы за ними таких перспектив уже не видели. Если Киру они понадобились для исполнения замыслов своих тайных интриг, то это было как раз то, что надо, где орудием явным были бы евреи, а руководителем тайным - он сам. Левиты же соглашались на эти условия, получая огромные средства и полную власть над своим народом, надеясь, возможно, со временем переиграть персов, как Моисей надеялся переиграть фараонов.

Слишком мало осталось евреев, чтобы создавать из них политически самостоятельное образование, но слишком заманчива была эта послушная сила, беспрекословно готовая исполнить любой приказ первосвященника.

Чего мог хотеть Кир и другие Ахемениды от этой пригретой и стреноженной секты? Попробуем предположить. Заканчивалась Эпоха Завоеваний. Если раньше одному монациональному государству достаточно было захватить земли и истребить коренное население, чтобы затем веками жить спокойно, периодически завоевывая у соседних племен новых рабов, то теперь пришло время союзов, объединений и политических движений с непредсказуемой реальностью, которую нельзя просто истребить и забыть про нее. Вокруг было слишком много мощных соседей, а внутри - слишком много верных союзников, чтобы спать спокойно. Наступила Эра Распространения Влияния, где военный успех мог подкрепляться только политическим успехом. Сам царь Кир объединил два войска - персидское и мидийское. Время родственных интриг внутри двора сменилось временем интриг с политическими противниками внутри собственного же союза. Нужна была сила, которая в самый нужный момент не переметнется к врагу, сила, которая даже не должна осознавать себя силой, чтобы не вступать в торг с соперниками, сила, о которой даже конкуренты не могли бы подумать, что она - сила.

Надо ли говорить, что такой силой должны быть представители чужой нации? Ни один перс или мидиец не понял бы, если бы еврейский первосвященник сверг их царя и предложил им взамен свои услуги. Спасло бы его в этом случае только наличие какого-либо народного обычая, не позволяющего предавать смерти сумасшедших, убивающих царей или претендующих на их трон. За это персы могли не волноваться. На это данная сила покуситься не могла бы, то есть, собственный трон под ее прямой удар не подставляется.

Надо ли говорить, что в случае неудачи какой-либо интриги это опять должна быть чужеродная сила? В этом случае их можно легко отдать на растерзание соплеменникам или соперникам, перед которыми можно от них откреститься. Своих тайных политиков отдавать

нельзя - и свои отвернутся, и соперник козырь получит: вы предатели общего дела. Заступиться за своих - свои вроде бы и поймут, но чужие укажут - тебе личное важнее общественного. Нужны те, кого не жалко и за которых, вроде бы, можно не отвечать.

Надо ли говорить, что в любом невыгодном повороте событий можно вообще от всего отбояриться - ничего такого я от евреев не хотел, это их священники меня неправильно поняли. Достаточно было иметь дело только с несколькими представителями секты и достаточно ясно давать понять, что от них требуется. А дальше - их дело. Успех делим вместе, а при поражении друг друга не узнаем при встрече.

И много еще дает преимуществ наличие явного общества, которое может действовать по тайному замыслу, думая, что оно преследует совершенно другие, явные цели, даже не подозревая, что работает своими явными действиями на тайную доктрину. Одним словом это можно выразить просто - подставка. В эту игру с евреями уже сыграл фараон, а теперь решили поиграть персы.

Что и как персы делали с помощью евреев, мы не знаем - давно было. Даже в те времена подготовка тайных операций и их обеспечение хранились в тайне, которую сейчас, к тому же, покрыли века. Например, этих людей можно расставить по хорошим местам по всему царству, и они давали бы нужную информацию, например, своему раввину, и думать не могли бы, что каждый из них - часть раскинутой политической сети. А простой народ будет возмущаться: "Эти евреи все теплые места позанимали!". Точно так же могли финансироваться и различные тайные мероприятия, призванные укрыть прибыль от союзника, от чего верхушка евреев получала долю, а простой народ обирался. Аналогично можно было нечистыми путями сделать деньги через цепочку верных, подчиненных и гарантированно не проболтающихся людей. Мы этого не утверждаем, мы это предполагаем. У нас нет доказательств. Но один эпизод такой работы мы можем привести. Он описан Библией в Книге Есфирь.

События этой библейской книги относятся ко времени правления Артаксеркса. Это смешная и страшная сказка, нелепости из которой выпирают на каждой странице. Смешная - потому что нельзя без искреннего смеха читать ее перипетии, и страшная, потому что рассказывается в ней о резне. Преподана она с самым серьезным и назидательным видом, как абсолютно реальная история, что, конечно же, не должно нас обмануть. Почитаем.

Начинается история с того, что царь Артаксеркс собирает на пир всех князей и военачальников Мидии и Персии, а его жена параллельно устраивает пир для жен приглашенных. В разгар пира, на седьмой его день, царь решает показать свою жену гостям - пусть посмотрят, какая она у него красивая! *Как будто до этого никто царицу Астинь не видел!* Рояль в кустах. Но красавица царица отказывается идти к пьяным мужикам, и возмущенный царь по совету одного из несдержанных князей дает ей развод и объявляет конкурс на соискание звания новой царицы. На кастинге (смотринах) победила еврейка Есфирь, племянница некоего Мардохея. Есфирь становится новой царицей Персии.

Вроде бы ничего особенного в этой истории нет, но одно обстоятельство сразу вызывает веселую улыбку - Есфирь никому, даже царю, не сказала какого она рода и кто у нее родственники. Можно поверить, что царицей Мидо-Персии стала девушка, у которой даже никто

не поинтересовался, откуда она и кто она по национальности? Женитьба, между прочим, готовилась не один год и не в тайне произошла. По этому случаю пир был горой, и случилась налоговая амнистия по всей стране. Однако никто в стране не знал, что Есфирь еврейка. Прочитав такой забавный факт, невольно начинаешь читать эту книгу дальше еще заинтересованнее.

А дальше читаем - однажды Мардохей, дядя новой царицы, сидел у ворот царских. То есть он вход уже был и во дворец, если у входа в сами царские покои посиживал. Что ж, и это допустимо. Но вот дальше! В то время, как он сидел у входа в царские покои, рядом с ним стояли два стражника, которые эти покои охраняли, и, не стесняясь такого уважаемого человека, как дядя царицы, вслух говорили между собой о том ... как они убьют царя! Остановим смех, и пойдем дальше.

Мардохей, конечно же, рассказал Есфири о нехороших людях у входа в царские покои, а Есфирь, конечно же, рассказала об этом царю. Дело было расследовано, найдено верным, и обоих, замышляющих цареубийство, повесили на дереве. Вы представляете себе двух цареубийц-идиотов, которым на следствии достаточно было сказать, что Мардохею все просто приснилось и спасти себе этим жизнь? Но и им, очевидно, жизнь была не дорога, да и царь был совсем идиотом, чтобы поверить в то, что два евнуха-стражника могли бы всерьез замышлять его убить, и получить при этом какую-либо иную выгоду, кроме более медленной и запоминающейся смерти, чем смерть в родной постели или банальное повешение. Такое чтение просто захватывает своим неподдельным очарованием подлинного кретинизма.

Ну, а итогом этого знаменательного события стала скромная запись в книгу ежедневных событий, хроника которых принята во всех дворах. На этом мы с Мардохеем и Есфирью ненадолго расстаемся и переходим к следующему персонажу анекдота.

Это князь Аман, который возвысился выше всех князей Персии и Мидии, и стал к тому времени настолько влиятелен при дворе Артаксеркса, что все служащие царя должны были падать ниц перед ним, как перед самим царем. Они так и делали. А почему бы и нет? Один Мардохей не падал ниц. Рекомендую запомнить это обстоятельство - сейчас начнется одно из самых веселых мест повествования. Читайте внимательно - из-за того, что Мардохей не падал ниц перед Аманом, а оставался стоять перед ним во весь рост, другие царедворцы рассказали Аману, что Мардохей не падает перед ним ниц, а остается стоять перед ним во весь рост, и тогда Аман специально прошелся мимо Мардохея и увидел, что Мардохей действительно не падает перед ним ниц, а остается стоять перед ним во весь рост! Получается, что тщеславному Аману вообще все равно было, падают перед ним ниц, или нет, если он не замечал величавой фигуры Мардохей среди согнувшихся спин придворных? Зачем тогда все остальные падали? А если ему было не все равно, то, как он мог многократно не заметить, пока ему не наябедничали, что Мардохей остается стоять над распростертыми телами, гордо покачивая станом? Но, это только завязка истории, которая началась с того, что Аман на все это очень рассердился и решил убить Мардохея.

И дальше все разворачивается еще веселее! Мы знаем, что Есфирь никому не открыла тайны, что она еврейка. Об этом не знал никто. Могила. Следовательно, и про дядю ее тоже



никто не знал, что он - еврей. Вот так прохаживался по дворцу мужичок туда сюда, хотел, падал ниц, хотел, не падал, сидел возле самих Царских ворот, и никто его не спросил: "А какого ты роду племени, добрый молодец будешь, и что ты здесь вообще делаешь?". Мы знаем точно, что этим никто у него не поинтересовался, потому что если бы царь и дворцовые знали, что Мардохей еврей, то они, хоть и с большим опозданием, но вычислили бы и его племянницу. Это произошло бы рано или поздно. Нашелся бы какой-нибудь ученый-звездочет тех времен, который провел бы аналогию между тем, что этот человек еврей, следовательно, его родственники тоже евреи, следовательно, исходя из того, что при дворце он находится только потому, что он дядя некоей Есфири, следовательно, Есфирь его племянница, следовательно, она его родственница, следовательно, она ... НЕУЖЕЛИ!!! Но этого, почему-то, не произошло.

Итак, некий безродный дядя царицы, лицо неопределенной национальности, задирает нос перед фаворитом самого царя Артаксеркса, и этот фаворит решает за это наказать его смертью. И тут еще раз внимание: но когда "сказали ему из какого народа Мардохей", то задумал Аман убить всех евреев заодно! Каково!!! Единственный приемлемый вариант объяснения этой несурзаицы состоит в очень простой версии - люди при дворце знали, что Мардохей еврей, раз уж они об этом сказали Аману, следовательно, они знали, что и Есфирь тоже еврейка, но они ... постоянно об этом забывали и считалось так, что они об этом не знали. Видите, мы уже хорошо научились понимать "Священное Писание". Однако, восхищение от этого текста не оставит нас и дальше. Продолжим.

Аман приходит к Артаксерксу и говорит:

- А ты знаешь, что в Персии полно евреев?
- Да ты что? - удивляется Артаксеркс. - Кто такие?
- Да, родственнички твои. Соплеменники жены твоей и ее дяди полоумного.
- Надо же! - радуется царь, - И что же нам с ними делать?
- А давай их убьем!
- А почему бы и нет? - оживает царь, - Давай!

Ударили они по рукам и на том и порешили. Конечно, такого диалога дословно в Книге Есфирь нет, но в контексте того, что Аман пришел к царю и предложил за просто так поубивать всех евреев, родственников его жены, было где-то так, как мы написали.

Итак, царь соглашается. И что же делает Аман с ненавистным "Мардохеевым народом"? Он немедленно, не теряя ни секунды, рассылает в самом спешном порядке письма во все области царства, в котором за царской надписью предписывается убить всех евреев от мала, до велика *через год*. Кто не вчитался, повторим - через год. Уж так хотелось убить Аману Мардохея и всех его соплеменников, что не было у него ни сил, ни терпения ждать хоть немного, и он решил поубивать их всех тут же, на месте, без промедления, сразу, через год. Еще один поворот истории, достойный общего стиля изложения. Очевидно, Аман был кретином (это не национальность). Но даже полный кретин, даже если он второе лицо в государстве, и тот не мог не понимать, что за год от приговоренных не останется никого. Терять им будет нечего, а бороться есть за что, и побегут они с превеликой силой в течение этого года в заморские дали за

тридевять земель, туда, где царский циркуляр - не указ. Ну да, ладно, не будем строги. Персонаж то - сказочный! Аманушка-дурачок.

Что же было дальше? А дальше - Мардохей плачет, весь народ плачет, а Есфирь ... ничего не знает. Откуда, в самом деле, царице знать, что происходит в государстве? Весь народ траур одел, Мардохей траур одел, вышел из дворца, встал на городской площади, кричит, убивается, а царица людей к нему посылает, мол, найдите дядю, и спросите: "Что это и от чего это?". Нашли его, спрашивают, как царица велела, а он им в ответ слово молвит - "передайте Есфири, одна надежда на нее. Пусть идет к царю, признается, что она еврейка, и просит за народ свой". Донесли верные слуги Есфири ответ Мардохея, а она через слугу ему ответ шлет: "Не в фаворе я, дядя. Вот уже 30 дней, как царь меня видеть не хочет".

А дальше немножко скучно. Все, как в обычной сказке. Есфирь оделась попримечнее и стала мелькать в тех местах, где царь ее увидеть может. И вот он ее увидел, и она ему понравилась, и от красоты ее он тут же сказал ей - "проси что хочешь, хоть полцарства". Ну и она, конечно же, попросила за свой народ и ... стоп. Это мы увлеклись. Все было не так. Он, действительно, предложил ей хоть полцарства, а Есфирь в ответ попросила придти царя к себе на пир следующим вечером, но обязательно вдвоем с Аманом, а за это время она подумает, и на пиру скажет царю, чего она хочет - полцарства, или чего другого.

Если до этого мы видим в этой истории отлительно умных людей: стражников, которые громогласно обсуждают на посту планы по убийству царя, Мардохея, который хамит Аману, способному одним щелчком его уничтожить; придворных, которые не догадываются, что племянница еврея тоже еврейка; царя, который подписывает заявку на убийство целого народа; Амана, который назначает для исполнения своей заявки предельно короткие сроки; сам народ, который вместо того, чтобы взять ноги в руки, плачет и носит траур; то Есфирь автор этого сочинения наделил прямо-таки своим уровнем интеллекта. Потому что только особо умная девушка может тянуть с исполнением желаний от мужчины, который еще вчера ее видеть не хотел, а сегодня неожиданно воспылал страстью. Казалось бы - чего ждешь? Проси у него поскорей, пока у него характер мягкий! Ан, нет! Дело-то, пустяковое. До завтра подождет. За рюмочкой, за закусточкой, как принято у белых людей, и поговорим. Ну, а вдруг война завтра начнется? Вдруг ночью царя заговорщики убьют? Вдруг просто своей смертью помрет, или настроение из-за геморроя обострится? Но с таким умом, как у Есфири, она не торопилась. Она знала, что ничего такого непредвиденного уже произойти не может. Ничего не помешает. Она читала сценарий.

Аман же в это время был весел и доволен, но Мардохей опять ему испортил день - "не встал и с места не тронулся перед ним". Перестал кричать и биться, значит. Сидел и не вставал. Тогда Аман решил его повесить сегодня же. Хоть год - это и очень быстро, но сегодня - все же чуть-чуть быстрее. Приготовил злодей дерево для Мардохея, да не тут-то было.

Занемог царь в эту ночь. Бессонница настигла его. Вызвал он слугу своего и велел читать себе что-нибудь усыпляющее. Слуга взял в руки книгу ежедневных событий и стал читать о событиях, которые происходили *за 5 лет до этой ночи*. Представляете себе такую книгу? Официальный ежедневник царя. Писано чернилами, крупно, каллиграфически, разборчиво и

подробно. Обязательно с указанием даты, времени и титулов всех записанных. Как минимум 1 лист на один день. Бумага очень толстая. Формат большой. Если даже книга началась бы именно за 5 лет до этого дня, то она должна была содержать около 4000 страниц. Для сведения - неподъемные старинные фолианты содержат около 300-360 страниц. И эту книжку размером с буфет слуга приволок с собой в царскую опочивальню? Если учесть, что это был 12-й год царствования Мардохея, то книжка должна быть даже чуть больше. Где-то с небольшой экскаватор. Ну, да и Бог с ним. Никто слуге не виноват. Мог бы взять и другую книгу.

Если же брать за предположение, что книгу писали по томам, то, исходя из количества 300 страниц, приемлемых для физически возможного с ней обращения, получается, что к этому времени под рукой у слуги должно быть уже *как минимум* 160 томов увлекательного чтения. Слуга, конечно же, взял из бибфонда только одну, и тут Мардохею крупно повезло - рука слуги выкопала из хранилища, отерла пыль и раскрыла перед царем именно ту книгу, в которой описывалось, как два идиота стражника хотели убить царя, а Мардохей им помешал. Тут царь востроился, вспомнил, что Мардохей до сих пор не отмечен за свой подвиг, и это обстоятельство спасло дядю от смерти - когда явился Аман, то вместо разрешения на повешение Мардохея он получил приказ оказать Мардохею лично им, Аманом, всяческие почести. Наверное, тому, кто все это придумал, понравилось, как у него получилось. Но Аману это утро совсем не понравилось. А ведь он еще даже не знал, что его ждет ночью...

А ночью состоялась вечеринка у Есфири, куда пришли взволнованный Артаксеркс и Аман с подпорченным настроением. Нетерпеливый царь вновь стал требовать от Есфири - "скажи, чего хочешь, скажи, чего хочешь, а то, если не скажешь, полцарства дам". И тогда Есфирь открывается, что она еврейка, и *сообщает царю (!)*, что через год всех евреев убьют, и ее, наверное, тоже, так что полцарства оставь себе, а мне и моему народу подари жизнь. Тут царь возмутился страшно и потребовал к ответу того, кто "отважился в сердце своем так". "Где он?" - кричал царь, - "покажите мне его!". "Да вот он, сидит с тобой рядом, Аман его зовут, ты его хорошо знаешь" - говорит царица. И тогда окончательно рассвирепел Артаксеркс, просто даже озверел от этой новости (!), прямо как-то даже ожесточился до предела, встал во весь свой рост и ... ушел в сад! Когда же царь оттуда возвратился, то застал Амана почему-то в кровати у Есфири, опять ожесточился и повесил его за попытку изнасилования царицы.

После этого дом Амана царь отдал Есфири. Есфирь поселила в нем Мардохея (чтоб не шлялся больше по дворцу). А после этого принялась за дело - начала плакать и еще *два месяца* умоляла Артаксеркса отменить *его царский указ* об избиении евреев через год. В конце концов, Артаксеркс так устал от нее, что отдал ей перстень, которым скреплялись все его законы и указы, и сказал - "пиши, что хочешь, отменяй, что хочешь, только меня не трогай".

Ну, дальше, понятно, - дело техники. Позвали Мардохей и Есфирь писцов царских, составили документ, размножили, скрепили царской печатью и разослали по всем областям. А в документе записано было: прежний документ, что в месяце Адаре всех евреев надо убить, считать недействительным, и даже, наоборот, это евреи могут убивать в месяце Адаре всех, кого захотят. И, конечно, когда месяц Адар настал, евреи добросовестно исполнили царский указ и два дня убивали всех, кто их не устраивал.

Вот такая мечта.

Причем одно обстоятельство отмечено особо - убито 10 детей Амановых, которых после их смерти по просьбе тонкой душой Есфири развесили на деревьях. Теперь это событие называется еврейским народным праздником "Пурим". Это послесловие страшнее, чем самая страшная сказка.

У Генри Каттнера есть герои рассказов - семья Хогбенов. Это прототип семьи Адамсов, только в фермерском варианте. Эти мутанты могут практически все, но хотят всего лишь спокойной деревенской жизни, не извлекая никаких выгод из своих способностей. Однажды они задолжали своему соседу, злобному и вздорному старикашке, который в оплату долга потребовал от них предоставить ему возможность на несколько секунд оказаться одновременно и сразу перед каждым жителем Земли. Предусмотрительный Хонк (сын Хогбенов) за мгновение до исполнения просьбы старика предстал перед каждым жителем Земли и вложил в его руки дубину. Сосед исчез на несколько секунд и вернулся полным калекой. Его единственным желанием было - плюнуть каждому в лицо. Но у каждого после этого была дубина и немного времени...

Чем отличается мечта этого человеконенавистника от мечты тех, кто придумал Есфирь? Только кровавостью.

Ну, вот мы и поговорили о смешном и о страшном, а в конце отметим самое смешное и непонятное - написано, что когда жители Персии узнали, что через три квартала (9 месяцев) евреи их будут убивать выборочно, то многие из них сделались евреями (?), потому что "напал на них страх" перед евреями. Это как? Хорошо это для евреев или плохо? И вообще, как англичанин, например, из-за страха перед испанцем может стать испанцем? И наоборот? Если говорить, что Библия - это книга загадок, то подразумеваются загадки именно такого рода?

Однако, что в очередной раз можно вычитать и здесь? А вычитать можно вот что - у царя Артаксеркса появился сильный и честолюбивый противник, князь Аман. Когда этот князь был во дворце, вообще было не понятно, сколько во дворце теперь царей. Назревали неприятности, и Артаксеркс в одну ночь вырезал всю семью Амана и его сторонников по всей Персии руками боевиков еврейской религиозной общины, предвестниками "зилотов". Поводом для убийства Амана и его сторонников послужила провокация царицы (кто бы она ни была), которая затащила Амана к себе в постель, что было зафиксировано стоявшим наготове царем или его верными сторонниками. Расплатился царь имуществом и домом Амана, который передал Мардохею (или его прототипу), как посреднику между ним и боевиками.

Остается еще один вопрос - чем руководствовалась Церковь, когда, отбирая тексты древних авторов, включила Книгу Есфирь в Ветхий завет, как "слово Бога"? Может быть, затем и включила - читайте, думайте?..

Однако и это положение народа нельзя считать сильно выгодным. Все преимущества тайных сговоров доставались верхушке, а народ как бедствовал, так и бедствовал, и принимал все удары на себя. И главный удар, повторим, он получил от своей же верхушки, которая полностью подчинила его постоянно дорабатываемыми параграфами Талмуда, несоблюдение каждого из которых приравнивалось к преступлению. Помимо этого активно насаждалась

доктрина зависимости личного успеха и каждого, и всего народа от лояльности к иудаизму, то есть к особым формам почитания бога Иеговы.

Постоянные чтения книг Писания в синагогах по субботам преследовали одну цель - вколошматить в головы евреев понятие о строгой зависимости между соблюдением постоянно расширяющихся и уточняющихся законов, и между исполнением обещания Иеговы сделать народ хозяином других народов. Для этого, кстати, авторы комментариев и самого Ветхого завета старались не отступать от некоторой исторически, на первый взгляд верной, достоверности. Более того, непосредственно компиляции, поздние вставки и добавления, очевидно, и сохранили эту историчность событий, которая так и лезет, как шило правды из мешка фантазий "Священного Писания". Самая большая польза компиляций и добавлений состоит в том, что, во-первых, опасаясь разоблачения, священники оставляли факты в очень точном изложении, так как особая точность изложения событий отбрасывала глянец достоверности на их компилированно-добавленную трактовку этих же событий. Во-вторых, с самого начала был взят принцип назидательного объяснения исторических фактов своей главной доктриной - исполняете закон, ходите к храму, приносите деньги и жертвы, подчиняетесь священникам, - Иегова будет с вами по-хорошему. А поскольку до возвращения из Вавилона никто из евреев Иегову особо не выделял среди других богов, то именно этим и объяснялось поражение обоих еврейских царств - Иегова рассердился и наказал евреев. Исправьтесь, и все будет по-другому.

Поэтому, повторяем, в Библии легко можно разглядеть истинные события за их неумелой трактовкой и откровенными измышлениями их сути. Но после Книги Есфирь больше в Библии нет никаких сведений о евреях, и, лишившись такой опоры, мы вынуждены плавать в истории уже просто со своими догадками.

Что же было с этим народом, который был поработен и иноземными властями и своими книжниками, дальше? Дальше персов сменили греки, и мы не знаем досконально, что здесь происходило. Мы знаем только одно - в это время тексты писаний были переведены на греческий язык? Зачем? Нам говорят, для того, чтобы греки с ними ознакомились. Мы зададим новый вопрос - зачем? Разве это для греков писано, что греки такой же нечистый и отвратительный народ среди всех нечистых и отвратительных народов?

Какой интерес был у левитов передавать свои знания язычникам? Да никакого! Даже наоборот! Самаритян, которые разделяли с ними Второзаконие, они за это ненавидели, а греков за это же стали бы любить? Не видно повода. К тому же Талмуд вообще грозит смертью всем, кто будет рассказывать язычникам тайны еврейской веры. А тут вдруг все тайны переводятся на самый распространенный в то время язык! Кроме того, как выяснилось, греки вообще не стали этих переводов читать. Почему? Да потому что не для них писано. Греки - европейский народ, который захватил Азию и Ближний Восток, и считал эти области варварскими и дикими. И что могло здесь греков заинтересовать в смысле каких-то писаний какого-то маленького народа? Наоборот - это весь Восток жадно перенимал греческий образ жизни. Все ударились в театр, в свободные дискуссии, в спортивные состязания, празднования, в изобразительное искусство и т.д. Наступил период так называемой "эллинизации" мира. Каста осталась без дела и народ жил спокойно. Он распался на колонии, самая большая из которых была как раз в Александрии, где

говорили только на греческом. И евреи тоже. Они в очередной раз поменяли свой язык и текст писаний, с помощью которых их удерживали в подчинении, стал им недоступен! Вот и пришлось переводить писания на греческий, чтобы размахивать ими перед носом почуявших и полюбивших греческую свободу сограждан.

Это был тяжелый период для верхушки народа. От живущих в Палестине, находящихся в ежовых рукавицах, но очень бедных и неимущих, проку было мало. А самые денежные находились как бы уже не совсем в подчинении. Греческим духом заразились и язык свой забыли. Прикидываются не знающими законов. А знать они должны главное - им нет места среди других народов, они не такие, как все, они избранные и должны всех ненавидеть и ждать того часа, когда отмщение свершится, и Иегова бросит все эти грязные народы к ним под ноги. Это с одной стороны.

А с другой стороны, *опубликовав писания на языке всех народов того времени*, они дали возможность каждому народу прочесть мнение о себе евреев, и воздвигли между устремившимися в общую семью народов соплеменниками и всем остальным человечеством, стену отчуждения. Теперь ловушка захлопнулась окончательно. Если иноплеменники спросят у еврея - а что, действительно ли вы считаете всех мерзкими, кроме себя?, то, что должен ему ответить бедный еврей, который, конечно же, в большинстве своем так не считает? Если он откажется от этого - его отлучат от общины и он останется нищим и тайно, но весьма эффективно, преследуемым (вспомним трагедию Спинозы и Да Косты). Если же он это подтвердит, чтобы угодить общине, то так и останется навеки вечные в этой общине, поскольку остальные народы, хоть и мерзкие, но гордость свою имеют. Вот так до сих пор они нам и не отвечают толком - мы такие же, как они, по их мнению, или мы недочеловеки? Этот вопрос хитро подменяется его зеркальным вывертом - достойна ли дискриминация евреев для христианина? А ведь каждый еврей должен трижды в день произносить молитву, которая начинается со слов: "Благодарю Тебя, Господи, что ты не создал меня гоем (неевреем)". Если бы немцы или французы произносили такую молитву ежедневно по предписаниям своей религии, то, наверное, в мире появился бы "антигерманизм" и "антифранкизм". Евреи зря думают, что если в их синагоги никто не заходит, то никто не знает, что там делается. Тайн тут нет давно, как бы им не хотелось вообще обойти этот вопрос стороной. Впрочем "антисемитизм" не заслуга евреев, как народа, а заслуга их тайного руководства, которому они до сих пор не могут перечить, хотя каждому видно, как это мучает самих евреев, и как это им самим надоело.

Вот так в период греческого владычества с помощью фокуса гласности раввины между евреями и другими людьми поставили барьер. Дело самих евреев этот барьер убрать, а мы пойдем дальше по истории. Теперь евреям было предписано раз в год являться в Иерусалим со всех концов земли, сдавать деньги в храм, укрепляться в сознании своей избранности и великого будущего. За неисполнение - отлучение. Очень удобно: нет отметки, что такие-то за год побывали в храме - рассылаем указания об их отлучении со всеми вытекающими последствиями. Смешанные браки по-прежнему запрещены, общаться с "нечистыми" и даже входить в их дом запрещено, за попытку перехода в общность других народов наказание вплоть до линчевание. Еще один нюанс особо удачной исторической судьбы?

Впрочем, греческая вольница все равно сломала бы эти установления, да тут пришел Рим, и все переменялось.

Если греки принесли человечеству *идеи*, а во всем остальном у них была сплошная сумятица и хмельные порывы, то римляне дали миру порядок, закон и *право*. Это было началом неминуемого конца власти раввинов, которую мы возможно даже в нашем поколении сможем наблюдать в окончательной фазе.

Во-первых, римляне установили в своих владениях строгий порядок, который настолько обеспечивался их военной мощью, что никакой тайной политики в пределах своей империи им было не нужно. Секта окончательно осталась не у дел. Кроме того, размах Империи был таков, что никакая маленькая группа хорошо организованных людей ничего не бросила бы на чашу весов в политическом раскладе. Любой римский легион был изначально лучше организован, чем любая тайная организация, а в Риме все решалось легионами, а не подковерными кознями против союзников, потому что у Рима вообще не было союзников. Это было самодостаточное государство. На то время Риму просто не с кем было играть в эти игры.

Во-вторых, еще одна особенность этого порядка сводила на нет всю организационную задумку священников. Принцип римского порядка (разделяй и властвуй) позволял Риму иметь дело с каждым в отдельности всей своей мощью. Для этой цели Рим не стал, не только проводить истребление народов, но и дал каждому из них политическую автономию, где каждый жил по своим обычаям, но по римскому закону и работал на Рим. В этом случае, собственно, получалось, что не за что и бороться. Социальная база освободительной борьбы сразу резко была вышиблена из-под ног амбициозных руководителей народов, ибо простому люду абсолютно все равно на кого горбатить - на римлян или на своих, а в бытовом отношении оккупационные власти Рима вели себя очень корректно и никогда не бесчинствовали. Подвисшие на собственных национальных амбициях вожди не могли привести никаких социальных или экономических причин, кроме тех же национальных, когда призывали простого человека бросить детей, дом и спокойную жизнь ради борьбы с огромным Римом. Естественно, что, выдвигая только национальные цели восстания, ни один лидер не мог получить союзников другой национальности, что и позволяло быстро тушить все эти одиночные костры мятежей.

Значение национальных лидеров сильно упало и окончательно нивелировалось тогда, когда им, чтобы голова оставалась на плечах, пришлось сотрудничать с оккупационной администрацией в статусе младшего помощника. В этом облике было мало героического и, несомненно, первосвященник Иерусалима и его окружение в глазах евреев, героями не выглядели.

Этот же принцип разделения дал еще одно огромное преимущество, что выражалось тем благодатным миром, который наступил для всех народов внутри Римской Империи. С одной стороны у всех был один обидчик - Рим, и это объединяло, но с другой стороны у всех был и один хозяин, который не позволял между собой драться, потому что только у хозяина было оружие и войско. Рим, защищая свои границы, защищал тем самым и границы своих политических автономий. В этих условиях на особую роль в глазах римских политиков никто не мог претендовать, и у священников не осталось таких аргументов в свою пользу перед своим

народом, как персидские солдаты на защите Моисеевых законов, или таких, как полный бардак правления Селевкидов и Птолемеев (династий греческих царей), где со своим народом можно было поступать, как угодно, окрика не последует.

Остался только один аргумент - закон, который они написали, придав его авторство Моисею. Однако если раньше этот закон выдвигался в качестве примера какой-то особенности еврейского общества, потому что остальные народы жили по постоянно меняющимся традициям и по временным установлениям очередной дворцовой семьи, то по сравнению с Римским Законом "Моисеевы" законы вдруг стали выглядеть карликом, имеющим довольно жалкий и неконкурентоспособный вид. Закон, авторство которого приписывалось напрямую Богу (неоднократное напоминание "и сказал Бог Моисею" в текстах Ветхого завета) с приходом Рима поблек и потускнел. Ведь, если ранее про персов и про греков можно было говорить, что эти "нечистые" люди не знают закона, а мы (иудеи) знаем, то римляне принесли с собой не просто закон, они принесли с собой Побеждающий Закон. Римляне показали, что "нечистый" и "отвратительный" народ может создать такой Закон, по которому будут теперь жить все населяющие землю народы и которому *будет подчиняться* иудейский закон, в который римляне пренебрежительно даже вникать не стали, снисходительно разрешив иудеям применять его в своей жизни в той части, которая не вступает в противоречие с их Законом.

Естественно, что для иудеев не могло не возникнуть вопроса - а так ли уж верно то, что Бог стоит за их законом, если вот пришел другой народ *со своим Законом*, и подчинил их закон этому своему Закону? Если другой закон выше иудейского, то чем боги этого народа уступают родному богу Иегове?

Не мог не возникнуть здесь и попутный вопрос - царь Соломон был закоренелым язычником. Уж сколько Соломон оказал почестей другим богам других народов, никто из царей столько не оказывал. Соломон, правда, построил первый в истории евреев храм богу Иегове, но вокруг этого храма он понаставил места служения всем остальным известным на то время богам, и сам служил этим богам, и жены его служили этим богам, и закон не выполнялся на каждом шагу в самом главном своем содержании ("пусть не будет других богов перед лицом твоим, кроме Меня"), *а жизнь у евреев была райской!!!* При Соломоне ни один еврей вообще не работал, работали только наемные батраки из соседних племен. Остальные цари также были не лучше относительно соблюдения верности закону и Иегове, это сама Библия признает, но при этих царях государство как-то держалось. Дела, как пишет Книга Царств, шли хорошо, прямо-таки бойко, только как-то по-плохому. И виноваты были именно эти цари, которые не почитали Иегову, и этот народ, который вообще позабыл и про Иегову и про законы Моисея.

Но вот пришел царь Иосия (640-609 г.г. до н.э.), *единственный из всех царей*, который свято и истово соблюдал закон, любил левитов и даже культивировал в народе знания о законе и о необходимости его исполнять. Вернее поборника закона, чем царь Иосия, история евреев не знает. Наконец-то Иегова получил то, что так долго требовал от своего народа! Иосия даже идет на прямой подлог, лишь бы утвердить в Иудее Пятикнижие. Некто Хелкия находит при ремонте Иерусалимского храма после очередного его разрушения и пожара от рук завоевателей (запомним этот факт - неоднократное полное разрушение и неоднократный испепеляющий



пожар) не что иное, как древнюю книгу законов Моисея, написанную им, но утерянную священниками в храме и забытую народом!!!! Выходит, некогда левиты трясущимися руками приняли из рук Моисея книгу, написанную под диктовку Иеговы, донесли ее до храма, а там ... потеряли, да так и забыли поискать. Что поделаешь - "Священное Писание"! И вот после нескольких пожаров и полных разграблений, наконец-то Хелкия наткнулся на эту книгу, которую теперь предписано читать всем евреям и соблюдать все, что в ней написано. Иосия очень старался. Иегова, наверное, был доволен. Все, что он требовал через Моисея, теперь впервые стало государственной политикой евреев и их непреложными обязательствами. И что же? Именно при Иосии звезда Иудеи, как мы знаем, закатилась окончательно. На десятый год после конца его правления.

Люди, ведь, не были дураками. Свести это "дважды два" в одно уравнение и понять, что полное несоблюдение закона сопровождалось расцветом, а его полное соблюдение обернулось печальным концом, было нетрудно. Несомненно, что вслух об этом широко не говорилось, ибо власть священников была велика, но той опоры этой власти в виде авторитета Иеговы уже не могло быть, потому что Иегова много обещал через них, но получилось все наоборот с этими его обещаниями.

Но и на этом неприятности книжников народа не закончились. Наиболее страшным оказалось то, что Рим принес народам понятие Права. Мы пишем это слово с большой буквы, потому что, во-первых, и мы, грешные, живем сегодня, в сущности, все по тому же римскому праву, а, во-вторых, потому что впервые в истории человечества человек стал подчиняться не прихоти более сильного человека, а закону, общему для всех людей. Закон защищал любого всей силой Рима от попрания любых его прав, если этот любой ... был гражданином Рима. Чем дело закончилось? Совершенно верно: наиболее умные и богатые евреи начали всякими путями (чаще всего самым прямым - через подкуп) получать римское гражданство и делать ручкой своим закабаленным раввинами соплеменникам - мы теперь граждане Рима и вы нам больше ничего не сделаете, потому что Рим за нас заступится. Так, в частности, произошло и со Святым Павлом, которому распаленные ненавистью иудеи ничего не смогли сделать, потому что в последний момент, уже в руках у них, ему удалось намекнуть представителю римской администрации, что он гражданин Рима, и толпа сразу же потеряла на него все права.

Это было уже не просто опасным для священников, это было смертельным. Так могли со временем слить из-под них полностью все соплеменники. Римский гражданин мог плевать на Синедрион (иудейский суд), как на игрушку варваров, а также и на все его решения. Синедрион не мог, по существу, ничего, если человек лично для себя не считал трагедией его решения, потому что наказания он мог ожидать только от римской администрации. Сама же римская администрация вообще не прислушивалась к тому, что решал Синедрион. Положение было весьма унижительным. Особенно эта унижительность проявилась в истории с распятием Иисуса, во время которого иудеи просто умоляли Пилата: "Убей Его", потому что сами такой власти не имели. Они пришли и унижительно пожаловались на Этого Человека, который свел все их законы к пустому звуку, а Пилат сказал им: "Я не вижу вины в Этом Человеке, если вы ее видите по вашим законам, то и судите по вашим законам". Такого тонкого плевка в лицо не каждый раз

получали священники! Вот Он, Иисус, в руках у них, беззащитный и насмешливый, поступай с ним *по своему закону*, барин разрешил. И вот она - цена этого закона, который бессилён наказать. Закон, который не может наказать - не заслуживает ли другого названия? Вот и пришлось хитрить и придумывать, что Иисус оскорбил Цезаря, а иудеи, так любят Цезаря, что просят за это распять Иисуса! Как это было мелко и уничижительно - просить хозяина наказать кого-то за то, что тот оскорбил хозяина этого хозяина! Вот только под таким соусом и удалось убить Иисуса! Естественно, что при таком положении вещей иудейский закон больше не мог быть для самих иудеев чем-то авторитетным. После Воскресения Иисуса иудеи валом, тысячами повалили в христианство, освобождаясь от кастового рабства, для народа забрезжил свет, но ... тут их подставили в очередной раз.

Кто? На этот раз - свое же руководство. Для того, чтобы остановить устремленное к свету движение соплеменников, выбрали простой метод - сделали их врагами Рима, подбив на восстание. Это была самая настоящая "подстава", потому что Рим в это время достиг наибольшего могущества, границы Империи были как раз в эту пору самыми обширными за всю ее историю, легионы жирели без войны, метрополия купалась в роскоши и развлечениях, и того, кто портил эту атмосферу благополучия мятежами, подавляли играючи, но наказывали очень жестоко, несоизмеримо своим усилиям по подавлению бунта. Наказание в этом случае использовалось как устрашающее и воспитательное мероприятие для всех остальных даже больше, чем просто воздаяние по заслугам непосредственному виновнику.

Иудея была жестоко наказана, народ захлебывался в крови и погибал в изуверских пытках. Причем восстание поднималось под знаменем Иеговы, и даже мессия какой-то был (Бар-Кохба), то есть обещанный Иеговой новый царь народа, который отомстит за все унижения евреев другим народам. Народ поверил - наконец-то дождался! - и пошел на Рим, каждый день ожидая, что вот-вот Иегова со своим воинством небесным обрушится сверху на врага и его обетование восторжествует. Все вышло наоборот.

Есть понятие "большевистский эксперимент". Это - когда сначала делают, потом думают, а потом находят виновных. Один из таких экспериментов был произведен со скунсами в 30-х годах 20 века в степях под Астраханью. Скунса завезли из Америки и стали его разводить на родном Поволжье. Видели в нем большую пользу. Однако, памятуя о том, что скунс - это не только ценный мех, но и две железы невероятно вонючей жидкости, которую он выпускает в момент опасности, решили, что на Советской земле американских вонючек можно научить хорошим манерам, для чего по марксистки вырезали им эти буржуазные железы. Через год скунсов поели лисы и волки, потому что прооперированные скунсы поворачивались к врагу задом, напрягались ... и попадали в зубы. Они даже не убежали. Верили в свою программу выживания. Так с верой и погибли все.

Относительно же иудейского восстания, которое привело к полному уничтожению Иерусалима и ликвидации самой Иудеи, термин "большевистский эксперимент", (когда народ, как несчастный зверек ожидал тщетной помощи от непомерно громадного хищника со стороны своего племенного бога), не совсем точное название. Потому что виновных после его закономерного завершения никто не стал называть.

Виновные не только остались живы и невредимы, *перебравшись за несколько месяцев до падения Иерусалима в Ямнию*, но и подружились с Римом! Восстание решило сразу две цели - евреи получили клеймо бунтовщиков и сильное поражение в правах в Риме, что надолго закрыло для них вообще даже возможность разговоров о получении римского гражданства, а верхушке евреев, наконец-то, удалось обратить внимание высокого Рима на себя. Чем это удалось обеспечить? Риму объяснили, что теперь и для иудеев и для Рима - одна угроза. Иудеи могут ее разнюхать, выследить, определить, найти, навести на след, а римляне могут ее физически ликвидировать. Без римлян у иудеев нет сил бороться с угрозой, а без иудеев римляне не смогут ее распознать вовремя, чтобы уничтожить в зародыше. Что же это за угроза? Христианство!

К этому времени были уже написаны Евангелия, и человечество становилось другим, сбрасывая старую кожу. Христианство распространялось по всей многонациональной Римской империи от народа к народу, и благодать духа этой религии низводила душные установления иудаизма до ощущения колодок на душе. Христианство первой из религий не требовало никаких повседневных обрядов или бытовых мелочей, имеющих характер табу. Это была свобода духа, наполняемого любовью к Богу и Христу, Искупителю грехов перед Богом. Это было то, куда мог уйти от левитов народ. Это было смертельно.

Так же смертельно было христианство и для Рима. Одной Своей фразой "отдавайте Богу богово, а кесарю (Цезарю, то есть правителю Рима) кесарево" Иисус разделили Бога и Императора на Бога и на человека. Раньше правитель Рима был человекобог. Римский император официально объявлялся и считался богом, на этом держались основы власти Империи, и спокойный совет Иисуса ударил в самое сердце римских устоев - в божественность императорской власти. Стала все явственней мерещиться республика, триумvirаты и т.д. Императоры же хотели быть богами. Вот на этом и сошлись с иудейским правительством. На том, что с христианством, которое утверждает, что ни один человек не больше другого, а есть Один Бог над всеми людьми, перед которым все равны, надо кончать. Причем оскорбляло здесь союзников разное - императора то, что ему равна румяная проститутка из веселого квартала, а иудея то, что ему равен какой-нибудь римлянин, пусть он даже сам император. Но общее чувство ненависти объединяло. С христианством боролись вместе, рука об руку.

Именно поэтому после восстания верхушка народа и руководители восстания не были уничтожены, а все их книги, которые они возили с собой в обозах, кочуя из города в город, не были сожжены. Вместо этого иудеи и римляне стали разыскивать Евангелия и сжигать их. В очередной раз от иудаизма несет признаками и атрибутами фашизма. По крайней мере, это были первые исторические примеры, когда жглись книги.

Но это был короткий период непрочной дружбы, потому что ни они, ни Рим, ничего не могли поделать с христианством, которое, несмотря на жестокие убийства, преследования, пытки и мучения своих сторонников, распространялось все шире и шире, пока не стало государственной религией Рима, и сменилось Церковью. Это было Дело Божье, которому никто не мог препятствовать и дружба с Римом закончилась. Тем более что Риму было больше не до них, поскольку варвары уже взяли Северную Африку и до их вступления в Рим оставалось совсем немного.

Наступил период Талмуда, когда в Ямнии проводилась ревизия законов. Старый закон показал свою слабость, многие его положения, которые раньше были основой доктрины, (например, понятие о едином Иерусалимском храме, как центре верования в Иегову, было уже невозможным, потому что от храма не осталось и камня на камне), нужно было составить новые, которые более соответствовали бы историческим обстоятельствам. Тот постоянный логический тупик, который виден нам в поворотах Ветхого Завета, и в который книжники сами же себя завели своими скороспелыми добавлениями, больше их не устраивал. Так не устраивает больше рисунок, на котором постоянно неудачно пририсовывалось рукой совсем не то, что виделось внутренним зрением. Их глаза уже не могли больше видеть этого Пятикнижия, где столько было наворочено под воздействием мимолетных исторических импровизаций, что ничего уже нельзя было разворочать для применения в новых условиях. Что было делать?

Долго ли думали, неизвестно, но решение приняли единственно соответствующее уровню всей затеи - было объявлено, что, оказывается, Бог, наряду с законом, дал Моисею еще и некие устные толкования, а раввины являются носителями этих сведений. Где были эти толкования раньше, как они попали к раввинам, и почему эти толкования держались столетиями в секрете - не уточнялось. В большой игре не до мелочей. Если на кону лежит миллион долларов, а я бросаю на стол *сразу два козырных туза*, несмотря на то, что все тузы вообще на памяти игроков вышли тремя ходами ранее в "бито", то кто меня будет спрашивать, где я взял сразу два козырных туза? Мне или отдадут кон слабонервные, или удалят на две минуты стойкие. Но никто не спросит меня - где взял два козырных туза? Всем ведь ясно - из рукава...

Так Талмуд, как толкование закона, стал выше самого закона. Закон умер, да здравствует Талмуд. Если раньше закон был отличительным признаком жизни еврея, то после Рима таких признаков не осталось. Талмуд такой признак породил снова. Теперь в соответствии с положениями Талмуда обыденная жизнь еврея абсолютно отличалась от жизни любого другого рядом живущего народа. Это разительно бросалось в глаза в еде, способе ее приготовления, одежде, манере поведения, праздниках, повседневных формах общения, внешнем облике, прическе и т.д. Одного обрезания, чтобы выделять своих от чужих уже было мало, нужны были внешние атрибуты (обрезание, конечно, наглядно, но его трудно сделать внешней приметой). Талмуд их разработал, эти приметы, и пометил ими евреев для всех остальных людей.

Из-под Талмуда можно было уйти в христианство. И евреи уходили. Человек хочет свободы, кем бы он ни был, и держать его в постоянном напряжении страха, что он съест что-либо приготовленное не так, как устно говорил Иегова Моисею, или в субботу сделает что-то, что можно посчитать со слов Иеговы Моисею работой (а таких слов, переданных разговорчивым Иеговой, становилось с каждым годом все больше и больше), трудно. Поэтому, чтобы он не бежал в христианство, из Ямнии, где до этого все писалось тайно и распространялось через раввинов, через синагоги, по общинам, выходит указ, который распространяется *явно* и в котором говорится о том, что еврей может принимать христианство в случае нужды, по возникшим обстоятельствам и в целях своей безопасности, *для вида отказываясь от своей веры*, чтобы христиане думали, что он такой же, как они, и не обижали его. Последствия такого указа представить нетрудно - перешедший в христианство еврей теперь не только наживал врагов

среди соплеменников, но и не получал доверия среди христиан - а вдруг это он просто хитрит, как разрешает ему его указ?

Это тоже, в общем-то, подставка. Получается, что после персов еврейское руководство только и делало, что подставляло свой народ: то переводило на греческий Писания, где говорилось о презрении, ненависти и грядущей мести всем другим народам, то подбивало на обреченные восстания в Риме, то придумывало Талмуд, чтобы отделить их от других на бытовом уровне, то "халатно" допускало утечку информации об указе, который разрешает дурить христиан, для отмазки разрешая принимать символы их грязной веры, и т.д. и т.д.

Что было дальше мы знаем - арабы, хазары, Европа, князь Святослав, испанская инквизиция, Польша, Кагал, гетто и т. д. В общем - ничего такого хорошего, о чем стоило бы говорить, как о результатах особой заботы Бога. Хотя все было вполне стабильным и как-то притерпелось. Если бы не Польша...

Польша совершила ошибку, которую совершали и до нее даже более сильные государства. Она вместе со Швецией вступила в оппозицию России и даже предприняла в 17 веке против России интервенцию. Оказавшись во вражеском России стане, Польша получила только то, что в 1772 году по Петербургским конвенциям Польша была разделена между Пруссией, Австрией и Россией, как неразумное дитя, не умеющее себя вести, а большинство восточных евреев попало на территорию России, которая Кагал разогнала, и евреи начали ассимилироваться.

Причем, если западные евреи ассимилировали уже до этого (нельзя же говорить, например, что Генрих Гейне, еврей по крови, соблюдал Талмуд и подчинялся раввинам), получив после Французской революции равные гражданские права со всеми народами Европы, то восточные евреи, не получив в России всей полноты прав, все-таки изменились настолько, хлебнув российской вольницы духа, что Талмуд стал для них побоку, и все многовековые старания раввинов пошли насмарку, потому что эти новые евреи, придя к власти в России в 1917 году, стали действовать не в интересах иудаизма и его доктрины, а в интересах какого-то нового, пусть уродливого и неведомого для истории ранее государства, но по задачам не иудейского. Интересы этого государства, хоть и осуществляемые евреями, никакого отношения к иудаизму не имели, как не имели они отношения, впрочем, и к интересам русских людей.

Момент для России очень интересный. То, что называется "русской революцией", было осуществлено в виде государственного переворота несколькими партиями, который имели ярко выраженный еврейский национальный руководящий состав. Вот эти партии.

ЦК большевиков	12 человек	из них 9 евреев	то есть 75%
ЦК меньшевиков	11	11	100%
ЦК правых эсеров	15	13	87%
ЦК левых эсеров	12	10	83%
ЦК анархистов	5	4	80%

Это те партии, которые захватили власть в 1917 году в результате военного мятежа. Действовали они сообща. Это потом большевики поустраняли конкурентов и стали все заслуги "революции" приписывать только себе.

А вот правительство, которое было создано победившими партиями:

Кабинет министров	22 человека	17 евреев	77%
Министерство обороны	43	33	77%
Министерство иностранных дел	16	13	81%
Министерство финансов	30	24	80%
Министерство юстиции	21	20	95%
Министерство просвещения	53	42	79%
Министерство соцобеспечения	6	6	100%
Министерство труда	8	7	88%

Налицо ситуация, когда к власти пришла одна из этнических группировок. Но, может быть, она просто оседлала "русскую" революцию, забравшись всякими правдами и неправдами в самые верхи управления? Пойдем ниже верхов. Вот руководители регионов - из 23 трех областей 21-й управляет еврей, то есть 91% власти на местах также у лиц еврейской национальности.

А вот руководители "четвертой власти" - из 41 руководителя печатных изданий России после 17 года - все 41 еврей.

Ну, ладно, это все назначенцы. А в выборных органах, которые по утверждению историков КПСС осуществляли настоящую власть в стране? Да, пожалуйста: Первый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов (та самая Советская власть) имеет оргбюро (то есть руководящий орган), которое состоит из 23 человек, 19 из которых евреи. 83%. Это те люди, которые готовят постановления Совета, за принятие которых в качестве государственных законов проголосуют затем мудрые, созданные на несколько дней, рабочие и солдатские депутаты.

Но все мы знаем, что важнее всего для власти те, кто возглавляют силовые ведомства. Силовики могут решить любые проблемы власти очень быстро и очень эффективно, и снова уйти в тень. Что там у них? Минобороны мы видели выше (77% евреев), а вот второе силовое Министерство внутренних дел (куда и входит то самое ЧК): из 64 человек 43 еврей, то есть 67%. Причем непосредственно ЧК практически полностью состоит из евреев.

Также очень важно знать, в чьих руках находятся тайные средства, которыми осуществляются тайные операции. Так называемое "золото партии". Оно находится в руках Гуковского Исидора Эммануиловича, казначея Владимира Ленина и партии большевиков.

Может быть всей этой силой заправляли вожди, которые были русскими? Вот список вождей "русской революции":

- Владимир Ленин - мать еврейка, отец чуваш;
- Лев Троцкий - он же Лейба Бронштейн;
- А. Мартов - он же Юлий Цедербаум;
- Литвинов - он же Филькенштейн Мейр Моисеевич;
- Макс Литвинов - Макс Валлах;
- В. Володарский - он же Гольдштейн Моисей Маркович;
- Яков Свердлов - он же Свердлов Янкель Моисеевич;

Пятницкий - он же Таршис Иосиф Аронович;  
 Юрий Стеклов - он же Юрий Нахамкес;  
 Зиновьев - он же Анфельбаум Гершель Аронович;  
 Сергей Гусев - он же Драбкин Яков Давидович;  
 Каменев - он же Розенфельд Лейба Борухович;  
 Суханов - он же Гиммер Николай  
 Урицкий Моисей Соломонович;  
 Лазарь Каганович;  
 Парвус - он же Гельфанд Израиль Лазаревич;  
 Лагецкий - он же Крахман;  
 Богданов - Зильберштейн;  
 Горев - Гольдман;  
 Борис Камков - Кац Борис Давидович;  
 Федор Дан - Федор Гурвич;  
 Розанов - Гольденбах, Мартынов - Зимбар, и т. д.

Дальше перечислять нет смысла. Кроме Луначарского, Петерса, Красина, Чичерина и Сталина - все евреи.

А, может быть, они случайно оказались в момент переворота в Москве и в Петербурге, и предложили свои услуги в качестве руководителей русским восставшим? А тем более и в остальной России вообще сами русские бедняки боролись с русскими богатеями, а эти Робины Гуды просто помогали бедным (в смысле имущественного положения) русским? Посмотрим, кто был руководителем, готовил и осуществлял перевороты по крупным городам и регионам.

КИЕВ. Гамарник Ян Борисович, Крейсберг Исаак Миронович и Карл Бауман. От Киева переходим непосредственно

УКРАИНА. Шварц Исаак Абрамович, Квириг Эммануил Ионович, Эпштейн Яков Аркадьевич, Гопнер Серафима Ильинична, Евгения Бош, Ратманский Михаил Соломонович.

Дальше пойдем вразброс, чтобы пестрота картины подтверждала ее повсеместность.

КОВРОВ. Абельман Николай Самуилович.

ПОВОЛЖЬЕ. Авейде Мария Оскаровна.

БЕЛОРУССИЯ. Иосиф Адамович (это не отчество, а фамилия), Вильгельм Кнорин, Борис Позерн, Вацлав Богуцкий.

ЯКУТИЯ. Аммосов Максим Кирович.

АСТРАХАНЬ. Аристов Мина Львович.

ТВЕРЬ. Аросев Александр Яковлевич.

ДОН. Петр Блохин, он же Свердлин Григорий Иосифович.

АЗЕРБАЙДЖАН. Богданов Соломон Абрамович, Зевин Яков Давидович, Коганов Марк Романович, Басин Меер Волькович.

КРОНШТАДТ. Бреслав Борис Абрамович, Рахья Юкка Абрамович, Людмила Сталь, Семен Рошаль.

УРАЛ. Валек Антон Яковлевич, Кадомцев Иван Самуилович и Кадомцев Эразм Самуилович, знакомый нам Янкель Свердлов, Белобородов Александр Георгиевич (он же Вайсбарт) и Голощекин Филипп Исаевич (тот самый Шая Голощекин, который руководил расстрелом семьи Романовых).

ПОДОЛЬСК. Иосиф Варейкис.

МОСКВА. Таршис Иосиф Аронович, Мануильский Григорий Натанович, Ольга Пилацкая, Лев Хинчук, Зеленский Исаак Абрамович, Залкинд Розалия Самойловна (более известная, как Землячка), Оскар Калнин, Иосиф Косиор, Альберт Яковлевич Лапин, Александр Шлихтер, Шлихтер Евгения Самуиловна, Павел Штернберг, Емельян Ярославский он же Губельман Миней Израилевич, Бричкина Софья Борисовна, Пече Ян Яковлевич, Елизавета Арманд, Бобинский Станислав Янович, Зеликсон Цецилия Самуиловна, Лядов он же Мандельштам Мартын, Антон Цихон, Владас Ракашюс, Ян Рудзутак, Ефремов он же Штейнман Михаил Ефремович, Павел Драуге, Рузя Иосифович Черняк. Вот тебе и "русская революция"!

ПЕТРОГРАД. Урицкий Моисей Соломонович, Шейнкман Яков Семенович, Александр Шотман, Эйдельман Борис Львович, Эдуард Эссен, Анцелович Наум Маркович, Радомысльская Злата Ионовна, Карл Гайлис, Фридрих Ленгник, Любович Артемий Моисеевич, Мойров Михаил Моисеевич, Мануильский Дмитрий Натанович, Лев Политикус, Клавдия Свердлова, Станислав Пестковский, Яков Петерс, Нина Дидрикиль, Рахья Эйно Абрамович, Елена Розмирович, Рывкин Оскар Львович, Рудольф Сиверс, Склянский Эфраим Маркович, Слуцкая Берта Брониславовна, Сольц Арон Александрович, Иосиф Уншлихт, Цвиллинг Самуил Моисеевич, Чудновский Григорий Исаакович, Драбкин Яков Давидович, Гурвич Федор Ильич, Егорова она же Марта-Алла Епинь, Карл Зедин, Иоффе Адольф Абрамович, Лев Карахан, Козловский Мечислав Юлиевич, Станислав Косиор, Павел Казимир, Лазуркина Дора Абрамовна, Ю. Ларин он же Лурье Михаил Залманович, Ян Судрабс, Гольдман Михаил Исаакович, Драбкина Феодосия Ильинична, Литвин-Седой Зиновий Яковлевич, Беленький он же Хацкелевич Абрам Яковлевич, Вайнберг Гавриил Давидович, Ильин-Женевский Александр, Алекса Зигмас Ионович, Ян Зиемелис, Михаил Лашевич, Гоц Абрам Рафаилович. Ленинград - колыбель русской революции, напомним.

ЛИТВА. Грейферберг Иосиф Юрьевич.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. Губельман Моисей Израилевич, Нейбут Арнольд Екабович, Виталий Баневур.

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ. Александр Штейнгарт, Мойрова Варвара Акимовна, Александр Круссер.

ЯРОСЛАВЛЬ. Ленцман Ян Давидович.

СИБИРЬ. Энгельберт Мадисович Штраух, Роберт Эйдман, Иван Яхновский, Карл Ильмер, Трилиссер Меер Абрамович.

РИГА. Роберт Эйхе.

БЕССАРАБИЯ. Якир Иона Эммануилович.

ЗАКАВКАЗЬЕ. Мишне Исай Абрамович, Мирзоян Лев Исаевич.

САМАРА. Коган Евгения Соломоновна.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. Карл Ландер, Калманович Моисей Иосифович, Кац Борис Давидович.



ЛАТВИЯ. Карл Данишевский, Ян Калнберзин, Анс Дауман, Ян Шилф, Фрицис Адамович Азис.

КРЫМ. Ян Дауман, Борис Ждановский, Жан Миллер.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ. Григорий Анджиевский, Рубин Абрам Израилевич, Юрий Фигатнер.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ. Семен Нахимсон.

ОРЕНБУРГ. Терентий Дерибас.

ГРУЗИЯ. Дзnelадзе Борис Давидович и Ной Жордания.

КАЗАНЬ. Дридзо Соломон Абрамович и Шейнкман Яков Семенович.

ХАРЬКОВ. Сильвестр Покко, Рухимович Моисей Львович.

ПРИАМУРЬЕ. Попок Яков Абрамович, Саммер Иван Адамович.

ЦАРИЦЫН. Отто Рястас, Ерман Яков Зельманович.

ЭСТОНИЯ. Арнольд Соммерлинг, Николай Янсон, Ян Сихвер, Ханс Пегельман, Михкель Коольмейстер.

ПЕРМЬ. Александр Спунде.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ. Фигельский Владимир Дамианович.

ГОМЕЛЬ. Хатаевич Мендель Маркович.

КРАСНОЯРСК. Яков Дубровинский.

СМОЛЕНСК. Иоффе Семен Самуилович.

ТУЛА. Каминский Григорий Наумович.

БАЛТФЛОТ. Эйжен Берг.

ЕКАТЕРИНБУРГ. Войков Петр Лазаревич.

ПРИБАЛТИКА. Бейка Давид Самуилович.

ПСКОВ. Гей Константин Вениаминович.

КОЛОМНА. Ян Грунт.

Причем все эти данные собраны не из тайных архивов. В настоящее время коммунисты славят Октябрьскую революцию и предлагают "гнать жидов" из России, хотя по вышеприведенным спискам видно, что они наследники тех, кого кидаются сегодня "гнать". Но предмет разговора не в этом, а в том, что после какого-то момента история революции стала уходить из открытой печати в партийные тайники, и не в последнюю очередь, конечно же, из-за того, что имела вот такое еврейское лицо в стране, которая занимала во внешней политике антиизраильскую позицию. Поэтому получить *всю полноту сведений* об истинных участниках переворота трудно, а все вышеприведенные сведения почерпнуты просто из открытых источников, где они промелькнули, то там, то здесь, в связи с разными поводами. Причем автор не занимался этим особенно системно или особо кропотливо, так что этот список должен быть несколько больше при более активных и целенаправленных усилиях.

Кроме того, совершенно невозможно даже в разрозненных сведениях открытой печати и сегодня найти материалы о тех руководителях переворотов на местах, которые впоследствии расплевались с большевиками, или стали уклонистами, ревизионистами, попутчиками, и черт его знает еще кем, но настолько грешными перед официальным курсом партии, что их имена

полностью исключались из дальнейшего употребления вне зависимости от заслуг в период Октября. Так что этот список должен быть, конечно же, намного большим.

Кроме того, у автора есть еще около 200 (двухсот) фамилий, которые непонятным образом везде имеют загадочный пропуск в своей биографии, когда дело касается периода непосредственного переворота в Петрограде и дальнейшего трехмесячного "победного шествия Советской власти" по стране. Это говорит о том, что некоторые поручения этих людей были настолько тайными, что даже теперь эта страница их жизни как бы прикрыта черной бумагой для шифровальных блокнотов особого состава, через который не проходит никакой свет. Так что, этот список должен быть больше еще, как минимум, на 200 фамилий, среди которых такие, как будущий министр иностранных дел Макс Валлах, убийца посла Германии Мирбаха Блюмкин, личный исполнитель казни девочек, матери и их отца Николая Романова, а также личный убийца ползающего по полу, раненного и хрипящего мальчика, царевича Алексея, Янкель Юровский, чекистка, будущий палач Киева и жена красного командира Щорса Фруня Хайкина, такие мамонты, как Радек и САМ Лазарь Каганович, комиссарша Балтфлота Лариса Рейснер, биограф Троцкого Лев Дейч, будущий убийца тысяч русских офицеров в Крыму Бела Кун он же Арон Коган, САМИ Камков и Ларин они же Кац и Лурье и другие.

А также Шверник, который имел на момент переворота стаж партийной работы 12 лет и который стал Председателем Президиума ВС СССР, а затем шефом всех советских профсоюзов; Софья Смидович, стаж 19 лет к 1917 году, будущий член правительства; Любовь Исааковна Аксельрод, стаж 17 лет, следы которой теряются в Октябре и появляются вообще только после отечественной войны на ниве социологии искусства; Владимир Гиттис, который появился неизвестно откуда и в 1918 году в возрасте 37 лет командовал несколькими фронтами поочередно; Коц Аркадий, тот самый, который перевел на русский язык "Интернационал", тоже, имея к 1917 году стаж партработы 14 лет, вообще не упоминается по поводу его рода занятий в этом году; Иосиф Юзефович, 12 лет стажа, будущий член правительства; Яков Алкснис, стаж 2 года, будущий командующий ВВС республики; Яков Тарханов, будущий секретарь комсомола и КИМа (международного комсомола); Дмитрий Гразкин, появляется тихо и с 1918 уходит в ЧК; Берзин Рейнгольд Иосифович, в период революции имеет стаж 12 лет, что делает в 1917 году - неизвестно, но затем выплывает в должности командующего всеми карательными частями вооруженных сил; Кон Феликс Яковлевич, 11 лет партстажа к 1917 году, род деятельности неизвестен, затем становится руководителем Радиокомитета Республики; Лев Мехлис выплывает ниоткуда и становится зам. министра обороны.

И этот список можно продолжать - вот он лежит на столе, но это не имеет смысла, вывод ясен - и тайные операции и явные народоводительные мероприятия любимых вождей опирались на революционеров-евреев.

Но главный вопрос любой революции - это вопрос власти. Так завещал великий Ленин. И вот как этот вопрос был решен в 1917 году: глава государства Янкель Свердлов, глава армии - Лейба Бронштейн (Троцкий) и его заместитель Эфраим Склянский, глава Петрограда - Гершель Анфельбаум (Зиновьев), Москвы - Лейба Розенфельд (Каменев), партии - Ленин, комсомола -

Оскар Рывкин, а затем Ефим Цетлин, профсоюзов - Соломон Дридзо (А. Лозовский), руководители ЧК от Петрограда до Туркестана только евреи.

Знаковый момент революции - убийство русского царя, как символ конца монархии. Это сделали "негодяи большевики", чекисты, которые были евреями, руководил которыми еврей Юровский, которым руководил глава Екатеринбурга еврей Шая Голощекин, которым руководил глава Урала еврей Белобородов он же Вайсбарт. Негодяи большевики написали на стенах подвального расстрела стихи на идиш (одна из версий еврейского языка) из Генриха Гейне, которые были отрывком из поэмы, навеянной библейской историей о роковом убийстве царя Валтасара за то, что он оскорбил Иегову...

А может быть это были просто многочисленные солдаты партии? Ттак сказать, просто особо ретивые, а сама партия за них не отвечает, потому что она занималась великим делом - поднимала массы на святую борьбу, и ей было не до чистоты своих рядов, как обычно. Разговоры о том, что партия сварганила народную революцию, знакомы уже давно, но даже простой арифметический подсчет не дал бы этим разговорам вообще никаких шансов. Возьмем 1983 год, расцвет власти партии, период застоя, который через 8 лет закончился долгожданным концом этой самой партии. В 1983 году в СССР жило 270 миллионов человек. Членов КПСС было 18 миллионов человек. Партия не была в подполье, власти ни с кем не делила, полностью держала все в стране в своих руках, имела заманчивый вид для любого, кто хотел добиться карьеры, и с детства усваивалась населением, как спасительница народа и гарантия его будущих благ. Все, кто партию не только не любил, но даже и не сочувствовал ей, были или выдворены из страны, или молчали, или пускали слюни в психбольницах. По простому подсчету получается, что коммунисты составляли 7% населения, то есть один коммунист приходился на 15 человек. При таком соотношении еще можно говорить, учитывая все те способствующие партии факторы, которые мы привели выше, что она могла бы как-то оказывать влияние на население и вести его за собой. Однако партия проиграла в мгновение ока, едва лишь народу дали хоть чуть-чуть свободы.

"А теперь возьмем 1917 год. Коммунистов 400 тысяч. Даже миллиона нет. Народонаселение - около 160 миллионов. Половина населения темная и не знает, что такое марксизм. Одна треть населения вообще не знает русского языка. Вторая треть - Польша, Финляндия, Прибалтика и труднодоступные районы Сибири, Алтая и Дальнего Востока с большим иммунитетом к любой пропаганде. Оставшаяся треть, как минимум наполовину вражеская - всякие там классовые элементы. Партия в подполье, все ее лидеры за границей или в тюрьмах. Всего коммунистов вместе с теми, кто в заграницах и в тюрьмах, 0,25% населения. То есть (внимание!!) на одного большевика приходится ... 400 человек простого небольшевистского населения. И при всем при этом нам говорят, что партия как-то могла влиять на это население и куда-то за собой вести. Один человек может подбить 15 человек на что угодно, но чтобы четыреста услышали одного, это - мало вероятно."

Так что Великий Октябрь - не что иное, как переворот, осуществленный профессиональными революционерами евреями. Недалекая Крупская сама проговорила об этом и о другом в своих наивных воспоминаниях. Вот что она пишет.

В феврале (просим отметить этот месяц) 1917 года (просим отметить и этот год) Ленин выступает перед революционной молодежью Цюриха. (Вот таков был уровень вождя в то время - в маленьком Цюрихе, который был не больше любого российского волостного городка, он выступает не перед серьезной публикой, а перед не справляющейся с гормонами молодежью). При этом он всего лишь *один из докладчиков!* Крупская пишет подробно, как в Библии. Тот же случай...

Тема доклада старенького вождя - революция 1905 года в России. Он называет ее "прологом грядущей европейской (!) революции". Мол, в России попробовали, не получилось, теперь, может быть, в Европе... Вот дословно текст Крупской об этом докладе: "Что таковы перспективы Ильич ни минуты не сомневался. Но как скоро придет эта грядущая революция - знать этого он, конечно, не мог. "Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции" - с затаенной грустью сказал он в заключительной фразе". Это за 8 месяцев до октябрьской революции, и *за несколько дней* до февральской революции!!!

А вот как "гениальный провидец" и руководитель партии, которая "готовила революцию", узнает вскорости о февральской революции. Пусть священное писание Надежды Константиновны говорит само за себя: "Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, а я кончила собирать посуду, пришел Бронский со словами: "Вы ничего не знаете?! В России революция!". Вот так. Вот, тебе, и сходил в библиотеку...

Спасибо Надежде Крупской, что она как левит писала все в точности так, как было, чтобы мы могли потом разобраться все-таки, как оно было.

И дальше супруга Ильича проговаривается еще об одной очень важной вещи, которую знать не могла, но своей точностью ее оголила лучше, чем нынешние расследования. Она пишет о намерениях ехать в Россию, и произносит очень откровенные и важные слова: "Англия и Франция ни за что бы не пропустили в Россию большевиков". Бедная женщина не разбирается в географии, не понимая, что из Швейцарии вообще невозможно попасть в Россию через Англию или Францию. Это путь как раз в другую сторону. Что слышала, то и сказала. А слышала она о том, что французы и англичане будут препятствовать проникновению большевиков в Россию. Почему? Потому что немцам надо было вывести Россию из войны, и они поставили на большевиков, как на организацию, способную расшатать Россию, без которой Англия и Франция для немцев в этой войне были бы не так уж и страшны.

Поэтому совершенно потерявшийся "старик", узнавший после обеда о революции в далекой России от случайно забежавшего знакомого, вдруг получает несметные деньги и пломбированный вагон, в котором он и его соратники с комфортом через немецкую территорию (и зону немецкой оккупации) отправляется в Россию.

Значит, не евреи виноваты в том, что произошла ужасная Великая Октябрьская Социалистическая Революция, а немцы? Здесь уместна пародия на известный еврейский анекдот о том, откуда Абрам деньги берет. "Кто совершил октябрьский переворот в 1917 году?" - Евреи! "А кто им дал на это деньги?" - Немцы! "Так кто виноват в перевороте?" - Немцы! "А кто совершил переворот?" - Евреи! "А где они деньги брали?" - У немцев! "Так кто по сути совершил

переворот?" - Немцы! "Значит, кто виноват?" - Евреи! "Почему?" - Потому что они его совершили! "А деньги им кто дал на это?" - Немцы!.. и т.д.

Так кто виноват? Русские! Почему? Потому что до того довели свою страну и показали такую политическую импотенцию, что власть в Росси просто валялась на улице, и подобрал ее тот, кто быстрее сориентировался. Поэтому не будем винить евреев за кончину Великой России, она *скончалась своей смертью*. После ее конца кто-то должен же был встать у власти, вот немцы и нашли этого "кого-то". Вот, за что, за что, а за Октябрь мы на евреев обижаться не должны. Только на себя. Если мы еще раз так поступим со своей страной, то не должны будем обижаться и на следующих желающих. Нас удивляет, что Запад, который раньше за тарелочку супа был рад ехать в сытную Россию поработать хоть даже гувернером в доме барина-самодура, с нами сейчас разговаривает через губу и пытается нас постоянно чему-то учить. Этот маленький Запад, который даже представить себе не может наших расстояний, и который несколько раз может разместиться на нашей территории (правда, почему-то никак не размещается), разговаривает с нами свысока. Мы бы тоже разговаривали с любым народом свысока, если бы среди 130 миллионов его сыновей не нашлось никого, кто смог бы противостоять нескольким десяткам пришельцев, и оравой, горланя революционные призывы, пошел бы громить свои святыни и переименовывать свои города и улицы, построенные предками, на фамилии людей иной веры, иной нации, пришедших неизвестно из каких Цюрихов или Женев. России уже не было, но были еще русские, и мы должны понимать, что период с 1917 года по 1941 год самый позорный в истории нашей нации.

И не должны мы обижаться на евреев за то, что они полностью уничтожили казачество, кулачество, священников, техническую интеллигенцию и офицерство, то есть самую лучшую часть народа. Как мы позволили с нами поступить, так с нами и поступили. Если Троцкий называл русских "навозом истории", то мы и были тогда этим навозом, а тот, кто им не был, погиб в рядах белого движения или покинул Родину.

Кстати, нам сейчас говорят, что мы живем совсем в другой стране, и большевизма больше нет. Это неправда. Мы живем в той же самой стране. Мы все тот же навоз, только уже не только русские, но и все россияне. Вспомним недавний дефолт. После семнадцатого года в результате экспериментов во имя крайне левой марксистской идеи довели страну до разрухи (кризис), отказались платить по внешним долгам (дефолт) и послали по деревням красноармейцев с телегами, обобрав крестьян, чтобы восстановить финансовую стабильность (продразверстка). Сейчас во имя крайне правой монетаристской идеи довели страну до полного падения производства (разруха), объявили дефолт (нечем отдавать международные долги) и обобрали народ девальвацией (денежная разверстка), уменьшив сбережения каждого ровно в пять раз. И тогда и сейчас дефолт не у крестьянина и не у среднего класса случился, он случился по некомпетентности верхушки государства, а расплатился за это народ. Тогда был государственный капитализм с социалистическим лицом при сменно-партийной команде собственников, а сейчас государственный социализм с командой собственников, не превышающей собой значительно своим количеством членов политбюро. И говорят - все так и должно остаться, иначе опять будет большевизм. Пусть мальчики, которым едва за тридцать,

владеют недрами всей страны - мы должны с этим согласиться? Чем этот большевизм лучше другого? А все началось с предательства - со свержения монархии, а затем с другого предательства - пошли не за русскими, а за евреями. Вообще все гораздо правильнее понимается даже в истории эмоциональными образами-картинами. Представьте себе какое-либо заседание какого-либо самого главного государственного совета Советской России в двадцатых годах: сидят усталые люди в темной прокуренной комнате, решают "за всю страну", и неужели нигде над их головами не витает невысказанная авгуровская мысль - вот мы тут сидит, все мы евреи, а определяем судьбу этого стомиллионного народа, который на нас молится...

Впрочем, в этом, надо повторить, не было ничего еврейского, то есть талмудистского или иудаистского. Это была просто этническая группировка без этнических задач, вынужденная везде опираться в море чужого народа на своих. И приди к власти тогда в России, например, армяне, вряд ли что-то изменилось бы в будущем страны или в методах приближения этого будущего. Любой маленький народ пугается большого государствообразующего народа даже где-то биологически, и будет делать все, чтобы помочь своему страху. И это делалось. Разве не страхом перед огромной массой русских в этой стране, где все руководители, начиная от жилконтор, и, заканчивая министерствами, были евреи, на ежегодных съездах партии инициировался дружно одобряемый тезис о том, что *самое опасное на сегодняшний момент - возрождение русского шовинизма или великорусского шовинизма*? На каждой сходке партийных депутатов обязательно принималась подобная резолюция, которая предупреждала, предостерегала, настропляла и требовала - душейте все русское в корне, не давайте этому народу вновь осознать себя великим народом, это - самое опасное! Понятие других наций не отменялось. Только русские должны были себя уже понимать, как советские, и в чем-то до конца дней виноватыми перед всеми другими "младшими братьями".

Просто, даже интересно, чем бы все это кончилось, если бы не Гитлер. Потому что, когда костлявая рука Адольфа Алоизиевича потянулась к горлу руководителей СССР, вдруг в один момент в речах самых высших партийных боссов (включая и Сталина) замелькали слова "великий русский народ", "русское оружие", "русская слава" и т.д. Появились ордена Суворова, Невского, Ушакова, Нахимова, в частях появились батюшки (священники), снимались фильмы о русских полководцах и *вернули погоны ненавистной русской царской армии!* И русские вновь не подвели. После окончания войны, как-то незаметно внутренний курс руководства стал вырисовываться все более и более антисемитским, а новое поколение стало все более и более вспоминать, что они русские. Вспомним ли мы это когда-нибудь до конца - вопрос, от которого зависит само существование русских на земле. Здесь, кстати, в этом призыве к русским вспомнить о том, что они русские, нет ничего экстремистского, или направленного против других народов. Все, что здесь подразумевается автором, касается лишь только непосредственно самих русских. Ведь в нашем печальном положении нам сегодня никто не виноват, и все достигло роковой черты только потому, что мы живем в ненависти, зависти и равнодушии друг к другу. Ей-богу, иногда хочется, чтобы те деньги, которые мы затрачиваем на обучение "в заграницах" нашей талантливой молодежи всяким менеджментам, экономике, финансовому делу и прочим псевдонаукам, пошли совсем на другое, например, на то, чтобы в размере тех же средств и тех

же сроков посылать подающее надежды юношество, например, в Абхазию. И просто дать им там пожить, ничего больше не делая, а, только обучаясь у абхазов главному - любить родного брата, как себя самого, родственника любить как родного брата, друга, как ближайшего родственника, соседа, как лучшего друга, а каждого русского считать своим другом только за то, что он тоже русский. Пользы от этой науки было бы намного больше, потому что если мы ее освоим, то обязательно выкарабкаемся. А так, в тех же заграничах, они оставляют у себя наиболее перспективных удальцов, а нам назад стряхивают остатки селекционного отбора, напичканные знаниями, которые в условиях нашей шкурной экономики никогда не пригодятся. То есть готовят себе кадры за наши же деньги. И мы продолжаем жить *каждый поодиночке*. Из удивительно соборной и общинной страны, где были невиданные нигде больше посиделки, завалинки, слободские площадки, совместные катания с горок, катки, заоколичные хороводы, ярмарки, гулянья, благородные по правилам и беззлобные по духу кулачные бои, где дома в деревне строились каждому всем миром, где на каждом шагу были собрания, общества, попечительские советы, различные "субботы", "пятницы", в стране, где почти все решалось на местах земством (землячествами), где русского переселенца никто никогда не решался тронуть, мы превратились в народ, который радуется несчастью ближнего, тяжело переживает его успех и не знает имени соседа по площадке этажом ниже. По-сути нас, как народа, как бы и нет, за исключением тех моментов, когда идет международный футбол, где мы упорно десятилетиями внедряем эксклюзивную тактику "сами не играем и другим не даем". Все это кончится очень плохо, если... Бог нам не поможет. А Он вряд ли посмотрит на нас как-нибудь по-другому до тех пор, пока в самом центре нашей страны лежит языческий символ поклонения сохраненному усилиями специального института труп человека, который *всю свою жизнь посвятил борьбе с Богом*.

Но мы отвлеклись. Самое веское подтверждение немецкого замысла революции: что сделали большевики сразу же после захвата власти? Не считая анекдота (исторически верного, кстати, абсолютно), что первым указом новой власти была весть о свободе гомосексуализма, (это посчитали самым важным для новой жизни, и, наверное, понятно почему), большевики перво-наперво заключили Брестский мир с Германией, которая была уже на волоске от поражения, и не только дали немцам возможность воевать на один фронт, но и выплатили им 6 миллионов марок, отдали Польшу, Прибалтику, часть Украины, Белоруссии и Закавказье. Выполнили тайное соглашение.

Но это не значит, что они были за немцев. Это не значит, конечно, что они были за русских, но это не означает и то, что они были за евреев. Дело в том, что Россия попала к ним в руки совершенно неожиданно. Никто вообще не имел ее в виду в перспективах марксистского преобразования мира. По марксизму считалось, что соцреволюция произойдет в одной из самых развитых стран Европы, *но только не в России*, где капитализм еще не достиг той фазы, которая может перерасти в социализм. Поэтому и Ленин говорил о "европейской революции", и все остальные готовились к работе в Европе. Первые дни после переворота в верхах партии царило настроение, которое коротко выражалось следующим - мы продержимся неделю, может быть месяц, но мы дадим еще один пример революционной жертвенности, наподобие парижских коммунаров. И только практичный Ленин успокоил их - мы всерьез и надолго, в этой стране нет

политических конкурентов и нет соперничающей власти. Так что, говорить о еврейском заговоре в отношении России нет никаких оснований. Эти люди просто попали в историю, совершив при этом историю.

Какое все это имеет отношение к нашему розыску содействия Бога евреям? Самое прямое. Эти люди были безбожниками. Даже учитывая, что какое-то время они пользовались всеми благами самой богатой страны мира, можем ли мы говорить, что это именно Бог дал им обещанное некогда Аврааму, учитывая то, что именно против Бога была направлена вся их идеологическая машина? Можно, конечно, предположить, что так Иегова отомстил христианству, но это будет поверхностное предположение, потому что христианство снова выходит из инсульта в России, а большинство русских евреев - выкресты. И, кроме того, то, чем закончилось для евреев то, что они же сделали в России, пожалуй, самое страшное, что могло вообще произойти для иудаистки-еврейской идеи. Русские евреи, как никакие другие, почувствовали за железным занавесом СССР свободу от раввинов и Талмуда, с упоением кинулись в обычную жизнь обычных свободных людей, переняли русскую культуру, стали заниматься искусством, наукой, свободными профессиями, вросли в новую жизнь и *никогда уже не примут законов Талмуда*. Даже те, кто остался жить в Израиле, уже не истребят в себе свободной вольницы духа, и еще покажут кузькину мать и его официальной государственной религии, и тем законам о пище, субботе и прочем, на что поначалу запали по известной *русской доверчивости и русскому желанию высокой духовности*. Израиль совершил огромную ошибку, переманивая евреев из России. Эти люди изменят эту страну или вернутся в Россию.

Кроме того, Израиль вообще совершил огромную ошибку, когда появился на свет после второй мировой войны. Повторилось все то же, что было во времена Египта. Только теперь роль Египта играют США и Англия. Погибают теперь на Синае не американские или английские солдаты, а еврейские, и война эта никогда не закончится. Закончится она может лишь тогда, когда закончится помощь США Израилю. Как в свое время закончилась помощь Египта. Израиль постоянно говорит о том, что у него одна из самых мощных армий мира. Но сам Израиль не смог бы содержать такую армию. Все держится на финансах Запада. Запад же решил проблему Ближнего Востока, дав арабам на долгие годы предмет для ежедневных занятий, прикрывая свой Суэцкий канал еврейскими частями. Очередная подставка. Представьте себе ситуацию - вы бьете по носу, дергаете за уши, пинаете под зад и оскорбляете противника, поступая с ним так смело лишь потому, что за спиной у вас некто огромный с большой дубиной, который обещает вам в случае чего этой дубиной огреть соперника покрепче. А если он (этот гарант за вашей спиной) передумает завтра дружить с вами и скажет - ребята, разбирайтесь сами? Что будет?

Понятно, что будет. И это когда-нибудь будет. Поэтому американские евреи постоянно кричат, что евреи должны жить в Израиле, но сами, если и согласятся жить в Израиле, то только по очереди, по кратковременному графику. Поэтому и едут в Израиль доверчивые евреи из СНГ, которых расселяют на границах с арабами. В самых горячих точках противостояния. Если это дело рук Иеговы - то это очередное наказание за что-то, но никак не удачная историческая судьба.



Второй проигрыш, который приобрели евреи с появлением Израиля, состоит в том, что теперь ни в одной стране мира не может быть больше никакого *"еврейского вопроса"*, с помощью которого они постоянно пытались выторговать себе какие-то привилегии или просто на всякий случай напомнить, что перед евреями кое-кто крупно виноват. Теперь любое государство может им сказать: "Вам что-то не нравится? Так у нас есть кое-что для вас - чемодан, вокзал, Израиль". Туда, где еврейский вопрос решается руками евреев, и где можно его решить так, как хочется евреям. Потеряны очень крупные козыри в политической игре со странами, где живут еврейские общины, и это еще скажется.

В общем, ошибка Авраама, потерявшего Родину и пришедшего в чужую землю, продолжает быть главной бедой евреев, народа без своей земли. Вообще в истории самое интересное - сопоставления. Если взять три древних народа, которые потеряли свою землю (ассирийцы, евреи и цыгане), то мы увидим, как по-разному решили они для себя эту проблему на сегодняшний день - ассирийцам принадлежит вся земля, потому что их везде считают абсолютно своими, хотя они и хотят считать себя чужими (только в качестве родовой памяти, на самом деле в них ничего чужого нет), цыган все вокруг считают абсолютно чужими и неуместными, но им тоже принадлежит вся земля, потому что они везде считают всех своими потенциальными клиентами, и полагают, что весь мир существует именно для этого, а евреи хотят быть на всякий случай своими для чужих, на всякий случай своими для своих, и в результате нигде не могут прижиться. Как астматика постоянно не хватает нескольких кубиков кислорода в легких, несмотря на огромную атмосферу вокруг Земли, так евреи нигде не могут спокойно приткнуться, несмотря на миллионы квадратных километров суши. Очень точно это подметил с присущим этому народу тонким юмором Губерман: "Проснулся утром в Берлине, открыл окно, и понял - в городе немцы!". Как евреям выбраться из этого? Это уже не наше дело. Если сам Иегова ничего не может для них сделать, то чем можем им помочь мы?

Итак, мы не видим никакой избранности этого народа и в его исторической судьбе. Если нам скажут, что те басни о тайном руководстве евреев всей мировой политикой могут подтвердить некоторые положения об их избранности, то мы этому не поверим. Потому что - где были тайные еврейские руководители мира, когда фашисты миллионами уничтожали их братьев? Они не только не смогли помешать этому, но даже не смогли добиться того, чтобы из Европы раздался хоть один протестующий голос на уровне каких-либо политических организаций. Возмущались только гуманитарии, да люди умственного труда (гуманитарии, как известно, умом не работают, это ум ими работает). Политики остались равнодушными. Если *даже уничтожение трети своих европейских братьев не может ни предотвратить, ни остановить это тайное еврейское руководство*, то стоит ли вообще говорить о том, что это руководство где-то есть. А то, что сейчас евреи за это получают от немцев деньги, то разве положишь на чашу весов все и эти, и будущие деньги, против оглушающей трагедии только одной еврейской девочки из быковского "Сотникова"? Если *так* Иегова зарабатывает евреям деньги, то надо поскорее попросить раввинов объяснить нам, что же такое он говорил Моисею в своих толкованиях о преимуществах такого финансирования очередного переселения в Палестину.

Где еще искать нам избранность? Далеко ходить не надо. Это раздается отовсюду. И может быть не евреи даже в этом виноваты. Имеется в виду миф о том, что евреи самые умные люди на земле, и все ученые вообще - евреи. Причем оспорить этот миф совершенно невозможно. Тебе тут же начнут возражать со знанием дела и с насмешливым удивлением от того, что ты не знаешь такой очевидной вещи. Само собой, усомниться в том, что румыны умнее всех на земле, вещь вполне допустимая. Но усомниться в том, что евреи самые умные - это показать себя совершенно несведущим в простейших вопросах. А мы усомнимся.

И начнем с простого. Что дал еврейский народ человечеству? Для этого посмотрим на те народы, которые когда-то были соседями евреев и их родственниками на Ближнем Востоке. Жили евреи с ними в одно время, в одинаковых условиях и чем же таким особым они выделялись? Да ничем! Даже наоборот! *Евреи не дали цивилизации ни одного изобретения, открытия или новшества, и пользовались только достижениями соседних народов!* Например, лидийцы придумали монеты. Самих лидийцев уже никто не помнит, а монеты в ходу до сих пор. Финикийцы изобрели алфавит, а арамейцы создали на основе этого принципа записи звуков речи так называемое "арамейское письмо", которое впоследствии переняли все народы, имеющие в то время письменность. И евреи тоже! Кстати, арамейцы предки наших нынешних айсоров, или ассирийцев, которые скромно осознают свой огромный вклад в культуру человечества и никогда не говорят, что они самые умные.

Арабы, еще одни прямые родственники евреев, создали алгебру и цифры. Не будем повторяться о том, что арабский способ записи чисел до сих пор не превзойден никаким другим способом и является основой всех математических наук. Халдеи дали человечеству астрономию, египтяне математику, ирригацию и грузоподъемный флот, греки физику, механику и философию, ассирийцы железное оружие, а шумеры все остальное. В истории тех времен известно о "коптских тканях", изделиях из льна, которые доходили из Египта аж до Индии. "Народы моря" и, в частности, нубийцы были непревзойденными скульпторами и изготовителями росписей. Народ Крита придумал линейное письмо. Финикийцы по поручению Нехо II обогнули Африку (за три года) на кораблях собственной конструкции. Народ хатти (протохетты) первым стал изготавливать предметы из железа сыродутным способом. Гиксосы создали первый известный математический задачник. Халдеи издали первый свод законов. Хетты первыми выплавили железо, способ изготовления которого держали еще долго в секрете, а филистимляне были лучшими оружейниками из этого железа. Что евреи? Ничего. Не надо обвинять нас в антисемитизме, потому что в тех землях было еще много народов, которые также не дали ничего. У каждого народа свои таланты. И ведь речь идет не о том, что евреи полные дураки, а всего лишь о том, что они не самые умные. Самых умных вообще не бывает.

Правда, у евреев есть свой предмет гордости в этой области. Это храм Соломона, который был построен для Иеговы. Это даже не предмет гордости. Это предмет хвастовства. *Но евреи не сами построили свой знаменитый храм.* По свидетельству еврейского историка Иосифа Флавия, сделанному на основании копии переписки Соломона с царем Тира, архитектором храма был тирянин Абиэфф. Среди евреев не нашлось. Зато храм тщательно строился усилиями только

самых высококвалифицированных специалистов и только самых уникальных мастеров, среди которых евреев было аж, сколько ты думаешь, читатель? Правильно думаешь - ни одного!

Здесь ситуация достойная того, чтобы полностью привести данные Библии о том, как распределялись роли при строительстве храма. Вот кто строил храм: "Весь народ, оставшийся (!) от Аморреев, Хеттеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, которые были не из сынов Израилевых, детей их, оставшихся после них на земле, *которых сыны Израилевы не могли истребить (!!!)*, Соломон сделал оброчными работниками до сего дня. Сынов же Израилевых Соломон не делал работниками, но они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесниц и его всадников" (3-я Книга Царств, 10: 20-22). Только "главных приставников над работами Соломоновыми" было 550. Это - о строительстве. Понятно - строительство дело сложное, тут и знания нужны, и навыки определенные, да и талант не помешает. Тут можно и простить. Но даже отделку, (медные украшения) в храме сделал умелец Хирам, который был сидонянином, сыном тирянина-медника, выписанным в Израиль из Тира. Иегова был, наверное, доволен, что его храм был возведен полностью "нечистыми" руками.

Здесь есть еще один забавный момент, который как-то никто не хочет увидеть в Библии. Библия пишет, что Соломон строил храм 7 лет. Достойный срок. Но одновременно и попутно Соломон строил, оказывается, еще и свой собственный дворец, на который ушло 13 лет (в два раза больше!). Размер храма Иегове - длина 60 локтей, ширина 20 локтей, высота 30 локтей. А вот размер собственного дворца Соломона - длина 100 локтей, ширина 50 локтей, а высота 30 локтей. То есть дом Соломона *был в два раза длиннее и в два раза шире дома Иеговы при одной и той же высоте!* Далее - крытая колоннада перед домом Иеговы составляет 20x10 локтей, а перед домом Соломона это же украшение фронтона достигает 50x30 локтей. *В 2,5 раза длиннее и в 3 раза шире, чем перед домом Иеговы!* Кроме того, у своего притвора Соломон сделал крыльцо с колоннами и порогом, а на Иегову или поспешил, или решил, что надо, все же, каждому - по его положению, уравниловки быть не должно...

Когда начальник советского строительного треста строил детский садик, о чем гордо рапортовал на очередном пленуме, а параллельно с этим садиком, в хорошем месте, вырастала его дача, куда вместилось бы в три раза больше детей, чем вмещалось в официальный ДДУ-47 (так интересно обозначались тогда детские сады), на который списывался весь стройматериал с обоих объектов, то, что он строил на самом деле? *Что строил на самом деле Соломон?* Здесь, кстати, можно вопрос поставить и по-другому - кого поставил Соломон выше Иеговы? Себя? Не будем зря винить Соломона. Он был скромн. В новый дворец первой вошла его законная жена, дочь египетского фараона, как мы помним...

Однако вернемся к нашим временам. Похоже, что какое-то всеобщее желание считать евреев оплотом всей мировой науки, закрывает глаза даже на самые простые факты, которые это опровергают. Вот, например, данные из журнала, издающегося в Израиле, который называется "Время и мы", № 25 за 1978 год. Данные касаются процента евреев среди научных работников в СССР. 1950 год - 15,4%, 1960 - 9,5%, 1973 - 6,1%, а к 1980 году прогнозируется 4%. Не будем говорить о том, почему в России так резко падает процент евреев-ученых. Они ясны - захват власти в 1917 году сопровождался мощной протекцией своих в научную среду через этнический

блат, а потом положение приняло совершенно иной вид, поскольку стали появляться русские кадры, составляющие конкуренцию не по благу, а по делу. Но как бы там ни было, а даже 15% от общего числа в 1950 году не могли говорить о том, что "все ученые евреи". Впрочем, это такая тема, которую очень легко прокомментировать фактами прямыми, а не пересчитанными в проценты. Для этого следует всего-навсего выписать всех великих ученых за историю человечества и посмотреть, сколько среди них евреев, а, сколько всех остальных. Мы так и сделаем.

Но здесь есть некоторая оговорка. Дело в том, что в науке очень много администраторов, которые не самые умные, но самые организованные, и помогают самым умным не растрачивать ум по пустякам. Причем зачастую администраторы выступают фасадом науки, символом ее славы, а действительные умы остаются в тени. Те, кто работал в советских НИИ, знают, как это делается - сначала разрабатывается и доводится до конца тема, затем долго и подробно объясняется начальнику отдела или лаборатории, что означает то, что написано в научно-технической документации, а когда он нахватается оттуда звучных фраз, то благосклонно позволяет разработчикам вписать свои фамилии в качестве соавторов мелким шрифтом после фамилии Генерального и своей. Как нам не ошибиться в своих списках, памятуя об этой принятой в научных кругах системе воровства? Очень просто. Среди ученых давно уже придумана защита от подобного рода административных приемов, которая выражается в том, что еще до того, как официально будет запатентовано изобретение или объявлено какое-либо открытие, к которому обязательно приклеятся бдительные руководители, этим открытиям и изобретениям рядовые ученые дают имя настоящего автора. И, что потом не будет нарисовываться официальными историками науки, а в научной среде так и будут дальше гулять все эти теоремы, принципы, узлы, приборы, формулы, реакции, препараты, методы, циклы, эффекты, операции, постулаты и т.д., носящие имена своих породителей. Вот по этому принципу мы и пойдем, благодаря чему в наш список не попадут такие тузы науки, как, Павлов, Мичурин, Вернадский, Лесгафт, Иоффе и прочие, которые руководили большими коллективами, и чьими именами названы научные школы, но конкретного вклада в науку, который внесли *лично они*, как особенно умные ученые, найти трудно. Однако сюда не должны попасть, естественно, и такие, например случаи, как "лошадь Пржевальского", потому что эта лошадь хоть и носит фамилию Николая Михайловича, но он не был ее породителем (избави, Бог!), не изобретал ее и даже не открывал, а просто описал. Итак, когда методология отбора принята без возражения, (в том числе и настоящими потомками Пржевальского), пойдем в свободном порядке.

#### ФРАНЦУЗЫ.

Жюльен Жоффруа - изобретатель, в 1741 году изобрел способ производства твердого мыла, (раньше мылом намазывались, как мазью). Фернерон Бенуа - инженер, построил первую гидравлическую турбину. Шарль Рише - иммунолог, первый описал анафилаксию (реакцию организма на чужеродный белок). Луи Дагер - художник, изобрел первую фотографию (дагерротип). Фотографироваться надо было в очень утомительной процедуре многоминутного неподвижного удержания экспозиционной позы, поэтому совершенно непонятно, как делалась первая дагерротипная порнография, на которой была изображена женщина, совокупляющаяся с

шотландским пони. Наверное, ноу-хау этого позирования было не менее гениальным, чем само изобретение дагерротипа. Припишем эту заслугу на всякий случай французам (или шотландцам?).

Пьер Оже, физик - эффект Оже (автоионизация возбужденного атома), ливни Оже (широкие атмосферные ливни в космических лучах). Никола Орем - математик, ввел дробные показатели степени. Луи Пастер - пастеризация (стерилизация), знакомая каждой домохозяйке, как самое наглядное следствие гениальной догадки Пастера о существовании рядом с нами целого мира невидимых нами, из-за своей малой величины, живых существ (микробов). Жюль Дежерин - невролог, синдром Д. (в дальнейшем для сокращения многие фамилии-обозначения будем давать первой буквой). Жерар Дезарг - математик, создал начертательную и проективную геометрии (пожалуй, многим студентам хотелось бы, чтобы Дезарг родился лет на восемьсот позже). Жан Перрен - физик, открыл отрицательный заряд катодных лучей, доказал существование молекул. Алексис Каррель - хирург, предложил сосудистый шов. Луи Вильморен - селекционер, первым предложил метод искусственного скрещивания. Жолио-Кюри - супруги, открыли искусственную радиоактивность. Жан Пикар, астроном, первый просчитал, что Земля не шар. Это было в те счастливые времена, когда математика еще подтверждалась физикой, а если не подтверждалась, то считалась фантазией. Пьер Вейс - физик, молекулярное поле В. (внутреннее магн. поле в ферромагнетиках), область В. (область самопроизвольной намагниченности), открыл магнетокалорический эффект. Жан Дюма - химик, метод определения плотности пара и теория типов. Этьен Дюплей - хирург, болезнь Д. (бурситы плечевого сустава профессиональной природы). Анри Деландр - астроном, изобрел спектрограф. Братья Монгольфье изобрели воздушный шар. Жюль Анри Пуанкаре, математик и физик, который вывел в трактате "О динамике электрона" математические последствия "постулата относительности", которые скромно присвоил себе Альберт Эйнштейн в художественно-занимательном варианте, низведя постулат (то есть аксиому, которую считают истинной по причине недоказуемости ее положения в рамках той системы, которая строится на ее базе) до "теории" (то есть до системы идей, на которой ничего невозможно построить, пока она не будет доказана практикой).

Этьен Марэ - физиолог, изобрел кардиограф и сфигмограф. Анри Лабори - хирург, ввел в практику аминазин (антишок). Жан Ламарк - естествоиспытатель, ввел термин "биология", ламаркизм - эволюция животных в пределах своего вида (что против эволюции Дарвина, которая базируется на предположении изменения одного вида в другой вид). Поль Ланжевэн - физик, статическая теория диа- и парамагнетизма, первым применил ультразвук для подводной сигнализации и для обнаружения подводных лодок. Доминик Ларрей - хирург, ввел походные лазареты в армии. Урбен Жан Леверье - астроном, вычислил Нептун и его орбиту. АНДРЕ АМПЕР! Этьен Безу - математик, теорема Безу. Клод Бернар - основоположник эндокринологии. Клод Бертолле - бертолетова соль. Жан Био - закон Б., (поляризация света). Жан Бодо - аппарат Б. (телеграф), код Бодо. Огюст Браве - физик, решетки Б. (кристаллография). Луи Брайль - изобрел азбуку для слепых (шрифт Б.). Антуан Брегет - изобрел карманные часы, которые долго после этого назывались просто "брегетами". Леон Бриллюэн, физик - открыл твердые тела (так называемые зоны Бриллюэна). Поль Брока - анатом, центр Б. (двигательный центр речи). Пьер

Бугер - закон Б. (ослабление света). Клод Буржеля - создатель ветеринарии (Не путать с Клодом Бужеро, великим английским художником, лучше которого, по мнению автора, никто никогда не рисовал, (тфу, ты, Господи, ну, конечно же - "писал"!)), детей).

Гюстав Бужарда, первым получил искусственный каучук (лабораторным способом). Пьер Вариньон - теорема В. (сложение и разложение сил). Фернан Видаль - реакция В. (брюшной тиф). Франсуа Виет - формулы В., разработал всю элементарную алгебру. Луи Теньяр - перекись водорода. Адемар Сен-Венан - принцип С-В. (теория упругости). Девиль Сент-Клер - разработал первый промышленный способ получения алюминия. Эварист Галуа - теория Г. (алгебраические уравнения высших степеней). Рене Гаюи, закон Г. (один из основных в кристаллографии). ГЕЙ-ЛЮССАК. Виктор Гриньяр - реактивы Г. (органическая химия). Жозеф Пруст - закон постоянства состава хим. соединений. Жан Пуазейл - закон П. (з-н истечения жидкости). Луи Пуансо, теорема П. (вращение твердого тела), ввел понятие эллипсоида инерции (интересно, имеет ли отношение к Пуансо устройство "пуансон", предназначенное для пробивания округлых отверстий в перфорированных лентах?).

Симеон Пуассо - коэффициент П. (модули упругости), уравнение Пуассо. Франсуа Рауль - законы Р. (свойства растворов). РЕНЕ РЕОМИЮР. Мишель Ролль - математик, теорема Ролля. ЖАН Д / АЛАМБЕР. Жак Д/Арсонваль, дарсонвализация - метод лечения неврозов током ВЧ, когда Остап говорил Кисе Воробьянинову "вас надо лечить электричеством", то он имел в виду именно дарсонвализацию. ЛУИ ДЕ БРОЙЛЬ и РЕНЕ ДЕКАРТ!!!!!! (Каждому по три восклицательных знака). Пьер Дюмонт, закон Д, (з-н теплоемкости). Гийом Депотрен - хирург, перелом Д., контрактура Д. (в дальнейшем надо иметь в виду, что когда мы будем называть переломы, синдромы, болезни и т.д., получившие имена врачей, то это не означает, что эти доктора произвели данные переломы своим пациентам своими руками, или изобрели для мира означенные болезни - это означает, что они первыми научились их лечить).

Шарль Дюфе доказал существование двух родов эл. зарядов и то, что одноименные отталкиваются, а разноименные притягиваются. Жозеф Жаккар - жаккард, ткацкий станок для ковров и скатертей. Робер Эно-Пельтри создал первый моноплан. Шарль Эрмит - математик, эрмитова матрица (самосопряженная матрица), эрмитова формула. Поль Эру изобрел дуговую сталеплавильную печь. Жан Эскироль - создатель психиатрии. Абрахам де Муавр, несмотря на характерное имя, - чистокровный француз, математик, создатель знаменитой формулы Муавра. Жан Шарко - душ Шарко (может быть, уместно добавить, что Шарко был не водопроводчиком, а врачом, хотя нынешние врачи работают этим душем именно как водопроводчики).

Поль Клайперон, уравнение К. (состояние идеального газа). Никола Карно, цикл Карно (определение КПД тепловых машин). Огюстен Френель, дифракция Ф., зеркала Ф. (интерференция света), зоны Ф., формулы Ф. (интерференция волн). Жан Фурье, ряды Ф. (тригонометрические ряды), закон Ф. (теплопроводность). Клод Шапп - механик, изобрел семафорный телеграф. Дени Папен изобрел паровой котел с предохранительным клапаном, после чего котлы перестали взрываться. Амбруаз Паре был уникальным врачом, который не только не был равнодушен к боли пациентов, но даже и не наслаждался ею. Поэтому он решил заменить прижигание ран раскаленным железом на что-нибудь другое, и придумал мазевую

повязку. Очевидно, прочитав об этом, все мы должны не поскупиться на полезное пространство, и вписать его в наш список еще раз - АМБРУАЗ ПАРЕ!

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ! Пьер Фошар - основатель стоматологии, как научной дисциплины. ШАРЛЬ КУЛОН. Жак Кусто изобрел акваланг. Жорж Кювье - зоолог, ввел понятие "типа", кювьеровы протоки (кровеносные сосуды), придумал принцип корреляции органов - восстановление вида вымерших животных, благодаря чему палеонтологические музеи перестали быть убыточными предприятиями, но, главное - ОН ЖИЛ В 19 ВЕКЕ И НЕ ПРИЗНАВАЛ ЭВОЛЮЦИИ!!! Никола Кюньо первым создал передвижное средство на силе пара (паровая повозка, которая "жива" до сих пор и стоит в музее). Пьер Кюри открыл пьезоэлектричество (в профанированном виде этим электричеством мы пользуемся в неиссякаемой кухонной зажигалке для газовой плиты), принцип К. (симметрия кристаллов), закон К., точка К. (магнетизм), открыл радиоактивность, ввел термин "радиоактивность" (очень часто люди путают супругов Жолио-Кюри с супругами Кюри, считая Пьера Кюри одним из двоих супругов Жолио-Кюри. Однако по уточненным научным данным хоть обе пары Кюри и занимались радиоактивностью, но это были разные пары. Отличать можно по женам - у одной из этой пары лучшей половиной, женой Пьера Кюри, была Мария Склодовская. Отбросив этим простым методом из вариантов эту пару, можно с уверенностью утверждать, что все остальное в этой истории - Жолио-Кюри).

Жан Корвизар придумал перкуссию (выстукивание грудной клетки при медицинском осмотре). Гюстав Кориолис - механик, ускорение К. (поворотное ускорение), сила Кориолиса (к самому Кориолису и его мышцам она не имеет никакого отношения, просто он научил людей рассчитывать одну из сил инерции). Огюстен Коши - математик, задача Коши. Эжени Коттон, эффект Коттона-Мутона (двойное лучепреломление света), надо, пожалуй, добавить, что "Коттон-Мутон" это не восточный каламбур, типа "хабур-чабур", "павлин-мавлин", "гай-гуй" или "базар-вокзал", а означает соавторство некоего Мутона. Этьен Малюс - закон М. (поляризация света). Шарль Манту - всем знакомая реакция Манту, с помощью которой проводится ранняя диагностика туберкулеза. Пьер Мари - невропатолог, ряд заболеваний нервной системы названы его именем и не потому, повторимся, что он довел людей до этого состояния, а потому, что он первым начал их лечить.

ЭДМОН МАРИОТТ. Шарль Лаверан - врач, открыл возбудителя малярии. Жозеф Лагранж - формула Л. (формула конечных превращений). АНРИ ЛАКАЗ-ДЮТЬЕ - ЖИЛ В 19 ВЕКЕ И БЫЛ ПРОТИВНИКОМ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ, БУДУЧИ УЧЕНЫМ-ЗООЛОГОМ! Габриэль Ламе - автор теории криволинейных координат, постоянные Л. (упругие свойства изотропных материалов). ПЬЕР ЛАПЛАС. Рене Лаэннек изобрел стетоскоп, аускультацию и ввел термин "туберкулез". Луи Неель - точка Нееля (фазовый переход 2 рода). Никола Леблан изобрел промышленный способ получения соды. Адриен Лежандр - математик, многочлены Л. (тоже не имеют никакого биологического смысла и не имеют никакого отношения к Лежандру в этом биологически, как-то все-таки возможном виде, а относятся всего-лишь к ортогональной системе функций математики).

Рене Лериш - врач, ряд клинических синдромов носят его имя. Анри ле Шателье - физико-химик, закон смещения термодинамического равновесия. Бернар Лио - астрофизик,

изобрел внезатменный коронограф, благодаря чему не нужно было больше десятилетиями ждать солнечного затмения для наблюдения и изучения солнечной короны. Габриель Липман (имел немецкие корни) изобрел цветную фотографию на интерференции света и интегральную фотографию. Гаспар Монж - еще один создатель начертательной геометрии, (французы - враги студенчества!). Анри Муассон получил карбид. Филипп Лебон разработал метод получения светильного газа сухой перегонкой древесины. Анри Реньо определил тепловые константы многих паров, газов и жидкостей. ЖАН ФУКО! Пьер Ферма - математик, теоремы Ф. (теория чисел), принцип Ф. (оптика). БРАТЪЯ ЛЮМЬЕР придумали кино! Пьер Мартен придумал способ выплавки стали, получивший название "мартеновский" (переработка чугуна и металлолома в сталь). Пьер Меньяр - врач, болезнь М. (внутреннее ухо). Мари Мерсенн измерил скорость звука и дал идею зеркального телескопа. Вот почти и все веселые французы.

#### ПОЛЯКИ

Игнасий Лукасевич - аптекарь, первым получил керосин и изобрел первую керосиновую лампу. КОПЕРНИК! Богдан Шишковский - уравнение Ш. (зависимость между поверхностным натяжением и концентрацией раствора). Кароль Ольшевский первым получил жидкий кислород и жидкий азот. Казимир Фаянс - проявитель Ф. (радиоактивность). Ян Гевелий - астроном, открыл оптическую либрацию Луны. Юзеф Вроньский - математик, определитель дифференциальных уравнений "вронскиан". На этом амбициозные поляки заканчиваются.

#### ШВЕДЫ

Эрик Лаксман разработал современный метод получения стекла. Ханнес Альфен - физик, волны А. (поперечные волны в плазме). Ханс фон Эйлер-Хельпин - биохимик, разработал методы выделения и очистки ферментов. Нильс Дален изобрел устройство автоматического зажигания (с темнотой) и автоматического гашения (с рассветом) ацетиленового пламени в маяках, благодаря чему смотрителям маяков больше не пришлось ежедневно дважды карабкаться и спускаться по винтовой лестнице без окон внутри маячного столба, что повысило вероятность того, что маяк вечером, все же, зажжется. Кай Сигбан разработал метод электронной спектроскопии для химического анализа вещества. КАРЛ ЛИННЕЙ, который описал 1500 (!) видов растений, создал систему растительного и животного мира, первую классификацию растений и, в конце жизни оторвавшись от этого занятия, посмотрел на белый свет, и сказал: "Классифицируя мир, я встретился с Богом...".

Карл Лаваль изобрел паровую турбину активного типа. АНДЕРС ЦЕЛЬСИЙ. Юханнес Ридберг - физик, постоянная Ридберга, единица энергии в оптике названа его именем - 1 ридберг. Карл Шееле - химик и аптекарь, первым получил хлор, перманганат калия, глицерин и синильную кислоту, доказал сложный состав воздуха. Юхан Бриккель - метод Б. (определение твердости металлов), да и сама твердость металлов измеряется в единицах НВ, которая звучит как "харднессбриккель".

АНГСТРЕМЫ отец и сын, Андрес и Кнут. Сванте Аррениус - уравнение Аррениуса. Йенс Берцеллиус ввел современные химические знаки элементов, создатель электрохимической теории. Аксель Теорелль - биохимик, впервые разделил фермент на белок и кофермент. Внушительные шведы выглядят вполне внушительно.



## БЕЛЬГИЙЦЫ

Эрнест Сольве разработал аммиачный способ получения соды из поваренной соли. Альбер Клод - биохимик, установил, что клеточное дыхание локализовано в митохондриях. Кристиан де Дюв - биохимик, открыл лизосомы (субклеточные структуры). Мы бы с удовольствием добавили сюда еще и Эркюля Пуаро, но он - продукт фантазии англичан, непосредственно к которым мы сейчас и переходим.

## АНГЛИЧАНЕ

Брук Тейлор - формула Т., ряд Т. (разложение функций в степенные ряды). Герберт Тёрнер - астроном, метод Т (определение точного положения звезд по фотографиям). Джон Тиндаль - эффект Т. (рассеяние света в мутных средах). Джозеф Томсон - открыл электрон и определил его заряд. Уильямс Томсон - предложил абсолютную шкалу температур (надо сказать, что в науке термин "предложил" означает не "выступил с одним из вариантов", а переводится, как "наконец-то, нашел способ"), которая сегодня называется шкалой КЕЛЬВИНА, поскольку Томсон за свои заслуги перед наукой получил от королевы звание "барона Кельвина".

Эрнест Старлинг - физиолог, ввел понятие "гормон" (здесь также уместно добавить, что "ввести понятие" или "ввести термин" не означает только назвать то, о чем все знали до сих пор, но не знали, как это называть; это означает найти для всех что-то, о чем теперь все будут знать, да еще и так удачно это найденное назвать, что другие согласятся с тем, что это именно то, как оно теперь называется). Уильям Старджен изобрел электромагнит. Джордж Стефенсон создал первую практически пригодную модель паровоза и построил первую железную дорогу общественного пользования. Дж. Габриель Стокс - закон С. (сила сопротивления в неограниченно вязкой среде), правило С. (оптика), формула С. (векторный анализ).

Томас Янг сформулировал принцип интерференции, модуль Я. (модуль упругости, который прекратил своим применением самопроизвольное разваливание кораблей на составные части), объяснил аккомодацию глаза (фокусировка). Годфри Хаунсфилд создал компьютерный рентгеновский томограф для сканирования внутренних органов. Джон Рэлей - диск Р. (прибор для абсолютных измерений интенсивности звука), закон Р. (рассеяния света), закон намагничивания Рэля. Томас Сэвери изобрел паровую машину для откачки воды из шахт, (задача, над которой бились все шахтопромышленники того времени). Томас Симпсон - математик, формула С. (формула парабол). Ричард Синг разработал метод распределительной хроматографии. Джозеф Грин - математик, формула Грина. Уильям Грове - элемент Г. (тепловой элемент в гальванике). Томас Грэм ввел деление веществ на коллоиды и кристаллоиды. РОБЕРТ ГУК!

Чарльз Вильсон - камера Вильсона, та самая камера, которая говорит - через меня пролетела частица, вы можете увидеть ее след в тумане газов, торопитесь, потому что, пока вы моргнете два раза эта частица будет уже около Луны. Роберт Гадфильд - металлург, сталь Г. (особо прочная сталь для ударных механизмов). Эдмунд Галлей в средние века открыл "комету Галлея", которая периодически пересекает орбиту движения Земли, но пока с миром. Уильям Гамильтон - автор так называемого канонического уравнения механики. Уильям Бэтсон - им предложен термин "генетика". ДЖЕЙМС УАТТ! Генри Бригс - бригов логарифм, составил первые

таблицы десятичных логарифмов. Том Аддисон создал эндокринологию. Роберт Броун - броуновское движение молекул. Уильям Брэгг - физик, условие Брэгга. Джордж Буль - математик, булева алгебра (алгебра логики). Ричард Аркрайт изобрел прядильный станок. Фрэнсис Астон изобрел масс-спектрограф.

Генри Бессемер изобрел бессемеровский процесс (выплавка стали из чугуна). РОБЕРТ БОЙЛЬ. Уильям Боумен - медик, боуменова капсула (урология). Джеймс Бредли открыл аберрацию света. Эдвард Эплтон - физик, слой Э. (слой ионосферы, отражающий радиоволны). Дэйвид Хьюз изобрел буквопечатающий телеграфный аппарат, угольный микрофон. Хамфри Дэви изобрел безопасные рудничные лампы, хотя шахтный газ взрывается и до сих пор, но уже по другим, менее прямым причинам. Кристофер Инголд разработал концепцию изомерии в органической химии. ГЕНРИ КАВЕНДИШ изобрел крутильные весы, определил массу Земли, состав воздуха и хим. состав воды. Джон Дальтон законы Д. (два газовых закона), закон кратности отношений, понятие "атомный вес", описал любопытный эффект зрения, который мы сегодня называем дальтонизмом. Эдвард Дженнер - основоположник оспопрививания. Джеймс Джинс придумал не джинсы, как некоторые сразу же могли подумать, а всего лишь сформулировал закон теплового излучения, который так и называется - закон Джинса. Брайан Джозефсон - эффекты Д. (квантовые эффекты при протекании сверхпроводящего тока). ДЖЕЙМС ДЖОУЛЬ!

Джозеф Листер - хирург, ввел в хирургическую практику антисептику, после чего зашитые больные перестали умирать от заражения. Джозеф Лармор - физик, прецессия Лармора. Уильям Лассел - астроном, изобрел телескоп-рефлектор (открыл им спутник Нептуна и 2 спутника Урана). Джеймс Несмит изобрел паровой молот. Уильям Мэрдок - механик, первым произвел сухую перегонку каменного угля и применил полученный газ для освещения. Генри Модсли изобрел токарно-винторезный станок с механизированным суппортом, механизировал производство винтов и гаек. Генри Мозли - закон М. (основа рентгеноסקопии). Ричард Тревитик - изобретатель, создал первый паровоз для рельсового пути.

Алан Тьюринг - математик, "машина Т." (понятие абстрактного эквивалента логарифма). Джефри Вилкинсон - химик-органик, катализатор Уилкинсона. Чарльз Уитстоун открыл самовозбуждение электрических машин, предложил мостовой метод электрических измерений. МАЙКЛ ФАРАДЕЙ!!!!!!! Александр Флеминг открыл пенициллин, а Ховард Флори впервые применил его в лечебных целях. Эдвард Фрэнкленд ввел термин "валентность". Сесилл Пауэл открыл пи-мезоны. Уильям Перкин получил первый синтетических краситель, реакция П. (получение ароматических насыщенных кислот). Джон Пойнтинг ввел понятие потока эл/магнитной энергии.

ИСААК НЬЮТОН!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Чарльз Парсонс изобрел многоступенчатую реактивную паровую турбину. Фредерик Хопкинс открыл витамины А и Д, накопление молочной кислоты в работающей мышце. Энтони Хьюиш - астроном, открыл пульсары. Джеймс Чедвик открыл нейтрон и ядерный фотоэффект. Оуэн Чемберлен открыл антипротон. Эдмунд Картрайт - сельский священник, изобрел ткацкий станок с ножевым приводом (ничто земное ему не было чуждо). Эдвард Каупер изобрел "каупер"

(доменный воздушнонагреватель). Джордж Кейли в 1849 году построил планер, на котором был совершен первый полет человека. Уильям Конгрев - конструктор в чине полковника, "конгрев" (метод тиснения переплетов).

**ДЖЕЙМС МАКСВЕЛЛ!** Сэмюэл Кромптон изобрел прядильную "мюль-машину". Генри Корт - металлург, создал способ прокатки фасонного железа. Ханс Кребс (корни немецкие) - биохимик, цикл К. (аэробное окисление). ЭРНЕСТ РЕЗЕРФОРД!!! Осборн Рейнольдс - физик, число Р. (течение вязкой жидкости), магнитное число Р. (магнитная гидродинамика). Оуэн Ричардсон - физик, эффект Р. (термоэлектронная эмиссия), формула Р. (зависимость плотности эмиссионного тока от температуры). Джозеф Пристли открыл кислород, получил хлористый водород и аммиак, первым открыл, что зеленые растения "исправляют воздух, испорченный дыханием".

Уильям Крукс - физик и химик, трубки К. (разряды в газах), изобрел спинтарископ (прибор для наблюдения за спинтилляциями). Томас Сиденхем - врач, описал скарлатину и подагру. Джеймс Дьюар первым получил жидкий водород, сосуд Д. (первый термос). Джон Джексон - невролог, эпилепсия Джексона. Джон Мунц - металлург, металл Мунца (разновидность латуни). **ПОЛЬ ДИРАК!!!** Уильям Рамсэй - открыл аргон, криптон, ксенон и неон, благодаря чему сейчас мигают рекламой ночные города. Джозеф Витворт - инженер, нарезка В., создал систему стандартизации резьбы и калибров. Фредерик Содди ввел понятие об изотопах и сформулировал правило смещения. Джордж Томсон открыл дифракцию электронов. Джозайя Уэджвуд - керамист, изобрел высококачественный фаянс (кремовый, "базальтовый", "яшмовый"). Томас Аддисон - врач, болезнь А. (бронзовая болезнь). Натаниел Гаймор - анатом, гайморова полость, гайморит. Френсис Бофорт - гидрограф, бофортова шкала (шкала силы ветра в баллах). С джентльменами в науке всё.

#### ФЛАМАНДЦЫ

Меркатор (Герард ван Кремер) - картограф, проекция М. (для морских карт). **НОРВЕЖЦЫ**  
Нильс Абель - автор первой работы по интегральному исчислению. Софус Ли - математик, создатель теории непрерывных групп (у него английские корни). Ларс Онсагер - теорема О. (термодинамика неравномерных принципов), уравнение электропроводности Онсагера. Герхард Хансен - врач, открыл возбудителя проказы и доказал невозможность ее наследственной передачи.

#### ГОЛЛАНДЦЫ

Симон Стевин - математик и инженер, ввел в употребление десятичные дроби (в Европе) и отрицательные корни уравнений. Томас Стилтес - математик, интеграл Стилтеса. Снеллиус (Снелль ван Ройен) - астроном и математик, создал метод триангуляции (все эти вышки непомерной высоты по всей земле), закон С. (закон преломления света). Ян Хельмон ввел термин "газ". Ван-де Грааф - генератор Ванд-де Граафа (электростатический ускоритель). Ван-дер-Ваальс - физик, уравнение Ван-дер-Ваальса (состояние реального газа), Ваен-дер-Ваальсовы силы (межмолекулярное притяжение). Якоб Вант-Хофф - закон осмотического давления в растворах и закон химической кинематики.

Варениус (Бернхард Варен) - создатель географии, как науки. Фридрих Бекке - метод Б., (минералогия). Христиан Эйкман установил, что причина заболеваний может находиться в

витаминовой недостаточности. Виллем Эйнтховен - физиолог, изобрел электрокардиограф. Хейке Каммерлинг-Оннес открыл сверхпроводимость. ХЕНДРИК ЛОРЕНЦ - физик, преобразование Л. (теория относительности, к которой Лоренц подошел очень близко, но сам в нее не поверил и остановился вовремя на разумном этапе ее применения), сила Л. (эл/магнитное поле), уравнение Л.-Максвелла (классическая электродинамика). Ян Лотси - ботаник, доказал, что гены постоянны и неизменны и отрицал теорию эволюции растений - уже в XX веке!

ХРИСТИАН ГЮЙГЕНС! Петер Дебай, модель твердого тела Д., закон теплоемкости Д., автор дипольной теории диэлектриков, 1 Дебай (единица электрического дипольного момента молекул) - в его честь. Питер Зееман - физик, эффект З. (расщепление уровней энергии и спектральных линий атома). Питер ван Мушенбрук - физик, изобрел лейденскую банку (первый электрический конденсатор), автор первого систематического курса физики. Ренье Грааф - анатом, графовы пузырьки (фолликулы яичников). Якобус Каптейн - астроном, площадки Каптейна. Цейлен ван Лудольф - лудольфово число (приблизительное значение числа "пи").

#### ШОТЛАНДЦЫ

Джеймс Стирлинг - математик, формула С. (основание натуральных логарифмов). Джеймс Брейд - слово "гипноз" является его изобретением, первым из людей лечил гипнозом. Дэйвид Брюстер - физик, закон Б. (поляризация света), угол Брюстера. Джозеф Блэк открыл углекислый газ, ввел понятие теплоемкости. ДЖОН НЕЙПЕР изобрел логарифмы. Джон Керр - эффекты К. (электрооптический и магнитооптический), ячейка К. (оптический затвор). Колин Маклорен - математик, ряд Маклорена. Уильям Ранкин - цикл Р. (цикл парового движения).

Уильям Каллен - врач, первым еще в 18 веке сказал, что "все болезни от нервов". Джеймс Грегори - математик, разработал прием вычисления площадей сектора круга, гиперболы, эллипса. Александр Белл изобрел телефон.

#### ДАТЧАНЕ

Нильс Стено - естествоиспытатель, закон С. (один из основных законов кристаллографии), открыл проток околоушной слюнной железы. Сёрен Сёренсон ввел понятие водородного показателя pH, которым теперь агрессивно оперируют в рекламе изготовители шампуней. НИЛЬС БОР!!!!!!!!!!!! Тихо Браге - астроном, который сказал "за астрологию, но против астрологов!", и на основе наблюдений которого Кеплер вывел свои законы. Ханс Эрстед открыл магнитное действие электрического тока. Вильгельм Иогансен - основоположник современной селекции, ввел термины "ген", "генотип", "фенотип". Август Крог - физиолог, открыл механизм регуляции капиллярного кровообращения.

#### ЯПОНЦЫ

Эсаки Лео изобрел туннельный диод. Хидеки Юкава предсказал существование мезонов и электронный захват. Хантаро Нагаока - физик, создал ту самую модель атома "типа Сатурн", где электроны вращаются вокруг положительно заряженного ядра, и которую мы на сегодняшний день знаем в качестве общепринятой иллюстрации атома.

#### ИТАЛЬЯНЦЫ

ТОРРИЧЕЛЛИ! Паоло Руффини дал первое доказательство неразрешимости в радикалах общего алгебраического уравнения 5-й степени. Камилло Гольджи - гистолог, комплекс Гольджи

в клетке. АЛЕССАНДРО ВОЛЬТА! ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ!!!!!! ЛУИДЖИ ГАЛЬВАНИ! АМАДЕО АВОГАДРО! Джованни Амичи изобрел имперсионный объектив микроскопа. Бартоломео Евстахий - анатом, евстахиева труба (орган, выравнивающий давление в среднем ухе по отношению к внешней среде). Пьер Нерви изобрел армоцемент (бетон). Гильермо Маркони изобрел радиоприемник, который ему удалось запатентовать первым, потому что за два года до этого умер Попов и не предъявил заявку на свое первенство.

Джераломо Фабриций - анатом, открыл венозные клапаны. Габриеле Фаллопий - анатом, фаллопиевы трубы. ЭНРИКЕ ФЕРМИ!!! Людовико Феррари - ничего общего с автомобилем "Феррари" не имеет, он был математиком и нашел способ решения алгебраических уравнений 4-й степени. Сципион Ферро - также математик, открыл правило решения приведенного кубического уравнения. Фибоначчи (Леонардо Пизанский) - еще один математик, числа Ф., ряд Фибоначчи. Леонардо Пизанский - первый европеец, который осилил достижения арабской математики и систематически их изложил, что дало возможность Европе совершить скачок в развитии теории математики.

Антонио Пачинотти впервые применил кольцевой якорь в магнитоэлектрической машине с независимым возбуждением. Джузеппе Пеано - математик, аксиомы П. (аксиоматика натурального ряда чисел).

Джераломо Кардано - карданный вал, формула решения неполного кубического уравнения. Жан Кассини - математик, овалы Кассини. Гвидо Аретинский - музыкальный теоретик, изобрел ноты. Станислао Каннизаро - химик, основатель атомно-молекулярной теории, разграничил понятия "атом", "эквивалент" и "молекула". Анджело Секки - астроном, автор первой классификации спектров звезд.

#### ГРЕКИ

Здесь, естественно, имеются в виду более древние греки, которые не являются предками нынешних греков напрямую, но мы не будем их разделять между собой, как не стремятся этого сделать и нынешние греки. Итак

Соран Эфесский - врач, чьи труды по акушерству, гинекологии и педиатрии оставались единственным источником этих наук до 18 века. Герон - формула Герона. ГИППОКРАТ! Гиппократ Хиосский, однофамилец ГИППОКРАТА, - гиппократовы луночки (метод геометрических построений). Анаксимандр создал первую географическую карту. АРИСТОТЕЛЬ!!!!!! АРХИМЕД!!!! Асклепиад ввел в медицину трахеотомию. Константин Экономо (из новых греков) - невролог, болезнь Э. (энцефалит), установил корковый центр глотания и дыхания. ЕВКЛИД!!!!!!!

Ктесибий изобрел нагнетательный пожарный насос, водяные поплавковые часы, водяной орган (ударение на втором слоге!), который назвал "гидравлос", откуда и пошло слово "гидравлика". Евдокс Книдский - автор первой теории пропорций. Эратосфен первым измерил дугу меридиана. ПИФАГОР!!!!!!

#### ШВЕЙЦАРЦЫ

Никола Соссюр экспериментально доказал, что растения в процессе дыхания поглощают углекислый газ, а выделяют кислород. Рудольф Вольф - астроном, число В. (характеристика солнечной активности). Якоб Бернулли - теорема Б., уравнение Б., распределение Бернулли.

Иоганн Мишер - врач, первооткрыватель ДНК, ввел термин "нуклеиновая кислота". Теодор Кохер - хирург, ряд хирургических инструментов названы его именем. Габриель Крамер - математик, правило Крамера. Пауль Мюллер создал ДДТ. Леонард Эйлер - формулы Э. (тригонометрическая функция переменного через показательную функцию), Эйлеровы углы (прямоугольные системы координат). Жан Агассис - естествоиспытатель, который отрицал эволюцию в середине 19 века.

#### АВСТРАЛИЙЦЫ

Артур Берч - реакция Б. (химия).

#### НЕМЦЫ

Иоганн Тициус - правило Т. (определение расстояния радиуса планет от Солнца). Гуго Юнкерс создал первый цельнометаллический самолет Ю-1. Адольф Сакс (жил в Бельгии) изобрел саксофон. Эрнст Сименс создал электрический машинный генератор с самовозбуждением. ГЕРМАН ГЕЛЬМГОЛЬЦ! Отто фон Герике изобрел воздушный насос. ГЕНРИХ ГЕРЦ! Август Хофман - химик-органик, реакция Х. (образование аминов). Герман Грассман - физик, законы Грассмана (цветоведение). Альбрехт Грефе - офтальмолог, симптом Г. (пучеглазие при базедовой болезни, которое создало такой незабываемый образ Н.К. Крупской). Иоганн фон Гротхус (прибалтийский немец) - дал первую теорию электролиза, закон Г. (закон фотохимии). Иоганн Гуттенберг создал книгопечатание.

Вильгельм Вин - физик, законы Вина. Георг Виттиг - химик-органик, реакция Виттига. Карл Гаусс - распределение Г., система единиц Г., теорема Гаусса. Курт Гёдель - математик, теорема Г. Ханс Гейгер сконструировал "счетчик Гейгера" для измерения уровня радиоактивности. Карл Бэр - отец эмбриологии. Фридрих Ванкель - двигатель Ванкеля (роторно-поршневой). Август Вассерман - реакция В. (на сифилис). Вильгельм Вебер изобрел веберметр (измерение магнитного потока). Эрнст Вебер - анатом, Веберов аппарат (у рыб). Густав Видеман - физик, эффект В., коэффициент В. (теплопроводность металлов).

Карл Браун - трубка Б. для исследования электрических колебаний. Отто Брунфельс - отец ботаники, автор первого ботанического атласа. Роберт Бунзен - химик, закон Б. (взаимозависимости), который лег в основу фотографической химии. Георг Агрикола (Бауэр) создатель горной металлургии. Рихард Ассман открыл существование стратосферы и изобрел психрометр. Артур Ауверс - создатель первого фундаментального каталога звезд. Генрих Бергхаузен - эффект Б., изобрел генератор незатухающих СВЧ колебаний. Фридрих Бергиус - бергинизация (способ получения жидкого моторного масла). Фридрих Бессхель - астроном, уравнение Б., функции Бессхеля. Иоганн Боде - астроном, правило Боде. Фридрих Эсмарх - хирург, предложил кровоостанавливающий жгут, эластичный бинт и наркозную маску, а не только кружку Эсмарха, как можно сразу же нервно подумать по его фамилии.

Теодор Шванн впервые сформулировал положение о клеточном строении всех организмов, открыл пепсин в желудочном соке, шванновские клетки (оболочки первичных волокон). Карл Шварцшильд - астроном, закон Ш. (фотография). Кристиан Шёнбайн открыл озон. Йоханнес Штарк - физик, эффект Ш. (расщепление спектральных линий в электрическом поле). Герман Штаудингер ввел термин "макромолекула". Отто Штерн - физик, опыт Ш. (метод измерения скорости теплового движения молекулы газа), открыл дифракцию атомов и молекул.

Карл Линде изобрел установку для получения жидкого воздуха. Иоганн Ламберт доказал иррациональность числа "пи", закон Л. (сила света). Бернхард Лангенбек - хирург, его имя носят свыше 20 операций. Макс фон Лауэ - "лауэграмма" (рентгеновский структурный анализ).

Карл Нойберг - биохимик, эфир Нойберга. Альберт Нейсер - дерматовенеролог, открыл возбудителя гонореи (вот интересно - специалистами по случайным связям считают французов, а вензаболеваниями занимаются немцы, если вспомнить здесь еще и Вассермана!). ВАЛЬТЕР НЕРНСТ! Эмми Нётер - единственная женщина в нашем списке, математик, теорема Н. (одна из фундаментальных теорем теоретической физики). Отмар Мергенталлер изобрел линотип. Рудольф Мёссбауэр - физик, эффект М. (ядерный гамма-резонанс). Хуго Моль - ботаник, ввел понятие "протоплазма". Карл Драйз был лесничим и изобрел велосипед (для езды по лесу?). ГАБРИЕЛЬ ФАРЕНГЕЙТ изобрел спиртовой и ртутный термометры. Отфрид Фёрстер - врач, впервые применил энцефалографию. ВОЛЬФГАН ПАУЛИ!!!!!!.

Фридрих Пашен - физик, закон П. (электрические разряды в газах), серия П. (спектральная серия водорода в инфракрасной области). МАКС ПЛАНК!!!!!! ГЕОРГ ОМ! Николаус Отто создал 4-тактный ДВС (газовый). Вильгельм Оствальд - физико-химик, закон разбавления Оствальда. Карл фон Фриш расшифровал танец пчел (метод передачи информации пчелами), доказав, что человек, все-таки, тоже не глупее. Фридрих фон Хефнер-Альтенек - электротехник, изобрел барабанный якорь для эл/машин постоянного тока. Эрнст Хладни - физик, фигуры Х. (формы колебаний). Иоганн Цёльнер - астроном, фотометр Ц, (астрофотометр для визуальных наблюдений). Карл Циглер - химик-органик, катализатор Ц. (титан-алюминиевый катализатор). Рудольф Камерариус - нескромно подсмотрел наличие пола у растений (тычинки - мужской половой орган, а пестики - женский).

Георг Кантор - математик, разработал основы теории множеств. Карл Карус открыл кровообращение у насекомых. Христиан Квинке - врач, отек Квинке. ИОГАНН КЕПЛЕР! Густав Кирхгоф - закон К. (основной закон теплового излучения), правило К. (позволяет рассчитывать любые эл. цепи), уравнение К. (позволяет определить тепловой эффект хим. реакций). Рудольф Клаузиус - первая формулировка второго начала термодинамики, понятие энтропии идеального газа, длины свободного пробега молекул, теория поляризации диэлектриков. Адольф Кольбе - химик, реакция К. (электрохим. синтез углеводов). Рейнхард и Макс Маннесманы, которые придумали станы для изготовления бесшовных труб и чью фамилию до сих пор носит самый крупный мировой концерн по производству труб "Маннесман".

Андреас Маргграф - химик, обнаружил в свекле сахар, после чего сахар перестал быть дорогостоящим экзотическим восточным чудом. Карл Людвиг - физиолог, открыл секреторные нервы слюнных желез и так называемый депрессорный нерв. Генрих Магнус - физик, эффект М. (поперечная сила в обтекающем потоке). Юлиус Майер - естествоиспытатель, первым сформулировал закон сохранения энергии. Эльвин Кристоффель - математик, символы Кристоффеля. Леопольд Кронекер - математик, символы Кронекера. Вальтер Коссель был первым автором теории ионной связи. Роберт Кох - микробиолог, палочка К. (туберкулез), триада К.

Фердинанд Рейсс открыл электрофорез. ВИЛЬГЕЛЬМ РЕНТГЕН!!! Бернхард Ритман - математик, ритмановы пространства, ритманова геометрия. Людвиг Прандтль - число П.

(процессы теплопередачи в движущихся жидкостях и газах). Эд Пфлюгер - физиолог, законы П. (электрофизиология). Альберт Дёдерляйн - акушер-гинеколог, палочка Дёдерляйна. Ганс Дембер - эффект Д. (ЭДС в неравномерно освещенном полупроводнике). РУДОЛЬФ ДИЗЕЛЬ! Петер Дирихле - математик, задача Дирихле. Томас Зеебек - физик, эффект З. (термопара). Алоиз Зенефельдер изобрел литографию. Меркатор (Николаус Кауфман) - математик, дал разложение в ряд логарифмических функций. Бернхард Риман - математик, риманова геометрия, римановы пространства. Ритман и Риман нами помещены в одном абзаце, чтобы навсегда прекратить споры о том, как правильно пишется - "Риман", или "Ритман". Правило простое - как слышится, так и пишется.

Эдвард Бухнер положил начало выделению и изучению ферментов. Август Кундт предложил метод измерения скорости звука в твердых телах и газах, установил закон аномальной дисперсии света, определил показатель преломления света в металлах. Теодор Бильрот - хирург, первым произвел удаление пищевода, гортани и мочевого пузыря (надо полагать, не все сразу у одного пациента?). Фридрих Вёлер - химик, первым синтезировал из неорганического вещества органическое соединение. Фридрих Кольрауш - закон К. (электропроводность электролитов). Фридрих Кёниг изобрел первую печатную машину (у Гуттенберга это был еще только станок с ножным приводом). Август Мёбиус - математик, знаменитый лист Мёбиуса (односторонняя поверхность), с которым так любят играть неконкретные философы.

Юстус Либих - химик, открыл изомерию, автор геохимической теории брожения и минерального питания растений. Фриц Липман установил роль АТФ печени, как универсального переносчика энергии. Братья Маузеры - конструкторы знаменитого автоматического пистолета. Виктор Мейер разработал метод определения молекулярной массы по плотности паров. Герхард Домагк - патолог, разработал первый препарат для лечения гонореи (опять добросердечные немцы!!!). Иоганн Глаубер - глауберова соль. Эйльхард Мичерлих открыл изоморфизм и диморфизм. Карл Нейбер - биохимик, эфир Н. (фруктозо-6-фосфат). Вообще немцам только за одну квантовую теорию в ноги поклониться мало... А дальше у нас

#### ВЕНГРЫ

Лоранд Этвеш - физик, изобрел гравитационный вариометр, доказал равенство гравитационной и инертной масс. Кальман Кандо - электротехник, изобрел синхронный преобразователь фаз (используется на электровозах). Янош Сегнер изобрел "Сегнерово колесо" (реактивное действие вытекающей воды). Йожеф Марек - терапевт, болезнь М. (болезнь кур; у венгров, кстати, лучшее птицеводство в Европе). Шандор Кораньи - терапевт, ввел понятия почечной недостаточности и методы ее диагностики. Аньош Йедлик - физик и электротехник, изобрел первый в мире электродвигатель вращательного движения.

Рихард Жигмонди - химик, изобрел ультрамикроскоп и ультрафильтр. Дьёрдь Бекеши - физик, открыл механизм возбуждения во внутреннем ухе (физик!). Имре Пекцели - врач, создатель иридологии. Дьёрдь Хевеши - радиохимик, первым применил изотопы для изучения химических и биохимических процессов. Ганс Селье впервые сформулировал понятие стресса.

#### ФИННЫ



Арттури Виртанен - метод Виртанена (метод консервирования).

#### ИНДИЙЦЫ

Мегнад Саха создал теорию ионизации газов при высоких температурах. Раман Чандрасекхара - физик, эффект Ч. (комбинационное рассеяние света). Хар Корана - биохимик, первым синтезировал ген тРНК. Шатъендранат Бозе - физик, Бозе-газ (квазичастицы), Бозе-жидкость (квантовая жидкость), Бозе-частицы (бозон, квазичастица).

#### ЧЕХИ

Ян Янский - врач, открыл IV группу крови у человека, предложил классификацию групп крови (I-V). Йозеф Рессель изобрел гребной винт. Ян Пуркине - естествоиспытатель, волокна П. (работа сердца). Карл Кори - цикл К. (синтез гликогена из молочной кислоты), эфир К. (глюкозо-1-фосфат). Зденко Скрауп - реакция С. (метод синтеза хинолина). Йоханнес Марци - объяснил цвета радуги и тонких пленок (дисперсию цвета). Прокоп Дивиш изобрел громоотвод. Ярослав Гейровский создал полярографию.

#### КИТАЙЦЫ

Изобрели порох. Чжан Хэн - астроном, изобрел армиллярную сферу, вращающийся звездный глобус и прибор, указывающий на эпицентр землетрясения.

#### СЕРБЫ

#### НИКОЛА ТЕСЛА!!!

#### АМЕРИКАНЦЫ

Эдвард Тэтам - генетик, открыл генетическую рекомбинацию бактерий. Уильям Стайн создал аминокислотный анализатор. Алфред Стёртевант - генетик, открыл то самое явление, которое так не любят вспоминать многие ученые, а именно - в процессе новой мутации у мутантов восстанавливаются нормальные проявления вида, что ничего не оставляет от теории эволюции в ее биологической основе. Чарльз Янг - астроном, установил природу солнечной короны. Гарольд Юрэй открыл дейтерий. Фрэнсис Роус - патологоанатом, вирус Роуса. ДЖОЗЕФ ГЕНРИ. Джозайя Гиббс - правило Г. (правило фаз), три уравнения Гиббса, закон распределения Г., энергия Г.

Джордж Ган - физик, эффект Гана. Джордж Вестинхаус - изобрел пневматические тормоза железных дорог. Уолтер Браттейн - создатель первого транзистора. Джон Браунинг - создатель знаменитой системы стрелкового оружия. ТОМАС ЭДИСОН!!! Уильям Шокли разработал теорию электронно-дырочного перехода. СЭМЮЭЛ МОРЗЕ. Уильям Мортон был стоматологом и ввел эфирный наркоз в стоматологическую практику. Эли Уитни изобрел первую хлопкоочистительную машину и фрезерный станок. ГЕНРИ ФОРД изобрел стандартизацию, типизацию и конвейер, то есть *массовое производство*. Ли Форест - инженер, создал триод, ламповый детектор и аудион Ф. (усилитель). Эдуард Пёрселл открыл ядерный магнитный резонанс.

Джеймс Френсис - гидротехник, турбина Ф. (радиально-осевая гидротурбина). Эдвин Хаббл - астроном, открыл расширение Вселенной, постоянная Х. (скорость разбегания галактик). Эдвин Холл - (внимание, автоэлектрики!) датчик Холла (измерительный преобразователь), который основан на действии "эффекта Холла". Мелвин Кэлвин - цикл К. (фотосинтез). Уолтер

Кеннон ввел термин "гомеостаз". Фрэнк Кларк - геохимик, "кларки элементов" (числовые оценки среднего содержания химических элементов в земной коре, гидросфере, атмосфере). Сэмюэл Кольт - создатель стрелкового оружия, о котором говорили: "Бог создал одних людей сильными, а других слабыми. А потом пришел Сэмюэл Кольт и уравнил их в правах". Артур Комптон - эффект К., обратный эффект К., комптонова длина волны, комптоновый спектрометр.

Эрнст Лоуренс - физик, построил первый циклотрон. Гилберт Льюис первым получил тяжелую воду. Виллис Лэмб - физик, лэмбовский сдвиг (имеется ввиду не психическое состояние Лэмба, а сдвиг уровней энергии электрона в атоме водорода). Леон Купер - физик-теоретик, эффект К. (сверхпроводимость), куперовские пары (свободные электроны в металле). Джон Слэйтер - автор теории валентных связей. Арно Пензиас - радиофизик, открыл реликтовое излучение (микроволновое фоновое излучение). Роберт Годдард осуществил первый в мире запуск ракеты с ЖРД. Роберт Фултон изобрел и построил первый в мире колесный пароход, братья которого "колесили" по всей Америке и взрывались до 80-ти штук в год. Чарльз Хаггинс первым применил гормоны для лечения рака предстательной железы.

Джордж Хейл - астроном, изобрел спектрогелиограф, открыл, что у солнечных пятен есть магнитное поле. Филип Хенч - врач, первым применил гормоны коры надпочечников для лечения ревматизма. Уоллес Каротерс изобрел нейлон.

#### АВСТРИЙЦЫ

Фердинанд Гебра создал первую в мире дерматологическую клинику, болезни Гебры. ЛЮДВИГ БОЛЬЦМАН!!! Эрвин Шрёдингер разработал волновую механику и сформулировал ее основное уравнение (уравнение Ш.). Кристина Допплер - физик, принцип Д., эффект Доплера. Карл Ландштейнер открыл группы крови человека, резус-фактор, доказал инфекционную природу полиомиелита. Эрнст Мах - число М. (течение сжимаемого газа). Грегориус Иоганн Мендель, законы М. (наследственные факторы).

Виктор Гесс - физик, открыл космические лучи. Клеманс Пирке - педиатр, реакция П. (проба на туберкулез). Йозеф Лосмидт - число Л. (число молекул в 1 см<sup>3</sup> идеального газа).

#### БОЛГАРЫ

Ангел Балеvский - металлург, изобрел литье с противодавлением. Георги Наджаков - физик, открыл фотоэлектреты.

#### КАНАДЦЫ

Фредерик Бантинг открыл инсулин.

#### ИРЛАНДЦЫ

Эрнест Уолтон создал первый каскадный генератор и осуществил первую ядерную реакцию с искусственными протонами.

#### ЕВРЕИ

Альберт Эйнштейн, физик, уравнение фотоэффекта, закон Э. (фотохимия). Лев Ландау - физик, диамагнетизм Ландау. Григорий Ландсберг - физик, открыл комбинационное рассеяние света и селективное рассеяние света. Борис Патон - металлург, создатель электрошлаковой сварки. Патон Евгений, отец Бориса, создал первый и единственный пока в мире цельносварочный мост в Киеве. Семен Хайкин - физик, открыл радиоизлучение солнечной

короны. Исаак Кикоин - эффект Кикоина-Носкова (электрическое поле освещенных полупроводников).

Исаак Померанчук - физик, теорема Померанчука. Изидор Раби - метод Р. (резонансный метод измерения магнитных моментов атомных ядер). Иеремия Рихтер - открыл закон эквивалентов. Борис Розинг - изобрел и первый в мире осуществил телепередачу с электронно-лучевой трубкой. Альберт Майкельсон - физик, интерферометр М., эшелон М., опыт М. (скорость света). Леонид Мандельштам - физик, открыл комбинированное рассеяние света. Александр Красновский - биохимик, реакция Красновского. Гавриил Илизаров - врач, автор метода наращивания костной ткани конечностей. Отто Варбург - биохимик, объяснил механизм клеточного дыхания действием ферментов. Максим Мейсель - микробиолог, обнаружил мутагенное действие хим. веществ.

#### АРГЕНТИНЦЫ

Луис Лелуар - биохимик, установил механизм ферментативной реакции биосинтеза полисахаридов.

#### РУМЫНЫ

Джордж Паладе - биолог, открыл рибосомы (гранулы Паладе).

#### РУССКИЕ

Николай Телешов - изобретатель, автор первого в мире проекта самолета (1867 год). Петр Тимофеев - электроник, изобрел супериконоскоп (передающая телефонная трубка, которая до 70-х годов 20 века была основной телевизионной трубкой в мире). Александр Спиринов открыл информосомы. Александр Столетов получил кривую намагничивания железа и открыл первый закон фотоэффекта. Павел Яблочков - свеча Я. (дуговая лампа без регулятора, первый практически применимый прибор для электрического освещения). Петр Шарыгин открыл резонансное комбинационное рассеяние света. Александр Саблуков изобрел центробежный вентилятор и центробежный насос. Александр Садовский - физик, эффект С. (момент количества движения электромагнитного поля). Николай Сеницын первый в мире успешно осуществил в эксперименте пересадку сердца (правда, у лягушки).

Николай Склифосовский - хирург, замок С. (операция соединения костей при ложных вывихах). Дмитрий Скобельцын открыл электронно-ядерные ливни и ядерный каскадный процесс. Сергей Смирнов - создатель металлогении (новое направление в науках о полезных ископаемых). Герман Иванович Гесс (обрусевший немец) - закон Г. (основной закон термохимии). Александр Вишневский - мазь Вишневского. Юрий Вороной - хирург, осуществил первую пересадку трупной почки человеку, с чего и возникла эта нынешняя тонкая проблема донорства из моргов. Михаил Вревский - физико-химик, законы Вревского. Дмитрий Гедеонов - астроном, разработал метод точной поправки часов (метод Г.). Николай Вавилов - биолог-селекционер, закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организма. Егор Егорович Вагнер - реакция В., перегруппировка В., (химик-органик).

Владимир Алексеев - открыл существование критической температуры растворения. Иван Андреев - открыл способ получения азотной кислоты каталитическим окислением аммиака. Кузьма Андрианов первым осуществил синтез полиорганосилоксанов. Андрей Архангельский

установил ведущий принцип составления тектонических карт в мире (по возрасту складчатости). Владимир Баранковский изобрел первую скорострельную пушку. Николай Бекетов открыл восстановление металлов из окислов (создал алюминотермию). Владимир Бехтерев - основатель рефлексологии, болезнь Бехтерева. Александр Бобров - врач, аппарат Боброва для подкожного выведения жидкости. Василий Бородовский - радиохимик, закон Бородовского. Сергей Боткин - болезнь Б. (гепатит, "желтуха").

Александр Ковальский - физико-химик, первым исследовал разветвленные цепные реакции. Леонид Курчевский изобрел динамо-реактивную пушку (двигатель ракеты включается после вылета ее из ствола). Михаил Лавдовский - гистолог, установил роль тромбоцитов в крови. Михаил Лаврентьев - математик, создал гидродинамическую теорию кумуляций (механика сплошной среды). Сергей Аничков создал дибазол. Георгий Федорович Ланг - терапевт, ввел понятие о гипертонической болезни. Сергей Лебедев разработал первый в мире промышленный способ получения синтетического каучука. Борис Долгопоск открыл окислительно-восстановительное инициирование радикальных процессов.

Михаил Доливо-Добровольский - электротехник, доказал оптимальность системы трехфазного тока, создал технику трехфазного тока, как таковую, сконструировал асинхронный двигатель, осуществил первую электропередачу трехфазного тока. Сергей Навашин - цитолог, открыл двойное оплодотворение у покрытосеменных растений. Николай Виноградов - математик, создал классический метод тригонометрических сумм. Николай Демьянов - химик-органик, перегруппировка Д. (алициклические соединения). Николай Кольцов - первым разработал гипотезу хромосом, как "наследственных молекул". Иван Кондаков - открыл полимеризацию диметилбутадиена в синтетический каучук. Юрий Кондратюк - разработчик ракетной техники и полетов в космос. В Центре Космонавтики США стоит памятник Кондратюку, и его знает каждый американский астронавт. А в России его не знают, потому что он был современником Циолковского, жил далеко на Урале и никогда не говорил, что Советский Союз рай на земле и что будущее космоса может для человечества выйти только из социалистического отечества.

Константин Константинов - ученый-артиллерист, первым создал научные основы расчета и проектирования боевых пороховых ракет и пусковых станков. Николай Дубинин - генетик, открыл делимость гена. Николай Бенардос - изобретатель, создал способ электрической дуговой сварки с помощью угольных электродов. Иван Греков - хирург, первым в мире провел успешное ушивание раны сердца. Матвей Капелюшников изобрел турбобур. Евгений Завойский открыл электрический парамагнитный резонанс. Петр Куприянов - врач, первым применил хирургический метод лечения пороков сердца. Николай Лунин - догадался и доказал, что в организме живых существ есть витамины. Потом эти витамины по его наводке ступенчато, в течение восьми лет, нашли двое других ученых, уже не русских.

КЛИМЕНТ ТИМИРЯЗЕВ! КОНСТАНТИН ЦИОЛКОВСКИЙ! Сергей Вавилов - оптик, свечение В., на основе которого создана лампа дневного света. Николай Вагнер открыл педогенез насекомых. Иван Кулибин - автор первого прототипа прожектора ("зеркального фонаря"). Николай Славянов - электротехник, первым в мире применил для сварки металлов электрический генератор. АЛЕКСАНДР БУТЛЕРОВ. Михаил Ломоносов - открыл (но не обосновал) закон

сохранения вещества своим опытом с запаянным стеклянным сосудом; открыл атмосферу Венеры. АЛЕКСАНДР ПОПОВ!

Валерий Глушко создал первый в мире эл/термический ракетный двигатель. Святослав Федоров - офтальмолог, "хрусталик Федорова". Сергей Юдин впервые произвел переливание трупной крови человека. Алексей Шубников - физик, шубниковские группы (58 точечных кристаллографических групп антисимметрии). Лев Шубников - эффект Шубникова-де Хааза (магнитные свойства сверхпроводников). Владимир Шухов - изобретатель, башня Ш. (гиперболоидные башни из металлоконструкций). Павел Львович Шиллинг (корни у него немецкие) изобрел первый в мире практически пригодный электромагнитный телеграф. Эдуард Шпольский - физик, эффект Шпольского.

Николай Жуковский (дедушка у него турок, а сам он "дедушка русской авиации") - основоположник современной аэродинамики, теорема Ж. (основа теории крыла самолета и гребного винта). Владимир Зворыкин изобрел первую в мире передающую телевизионную трубку в 1931 году в США, куда он эмигрировал из красной России. Николай Изгарышев открыл явление пассивности металлов в неводных электролитах. Владимир Демихов - биолог, первым в мире осуществил пересадку легких, и первым создал модель искусственного сердца. Петр Лебедев - физик, первым получил и исследовал миллиметровые эл/магнитные волны, открыл и измерил давление света на твердые тела и газы. Ленц Эмилий Христианович (корни немецкие) - правило Л. (определяет направление индукции тока), закон Джоуля-Ленца, открыл обратимость электрических машин. Александр Лавров - металлург, открыл и объяснил ликвацию стали (неоднородность химического состава сплава, возникающая при его кристаллизации). Петр Лазарев - автор ионной теории возбуждения. Дмитрий Лачинов - физик, доказал возможность передачи э/энергии по проводам на значительные расстояния в 1880 году.

Сергей Мосин создал первую в мире магазинную винтовку, знаменитую "трехлинейку". Михаил Налетов создал первый в мире подводный минный заградитель "Краб", по существу - первую подводную лодку. Сергей Неустроев - почвовед, ввел понятие "серозем". ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ! Петр Минаков - медик, пятна М. (по ним в судебной медицине определяется смерть от острой кровопотери). Павел Молчанов - метеоролог, создал первый в мире радиозонд. Николай Умов - физик, уравнение движения энергии, понятие потока энергии, кстати, первым объяснил практически и без эфира заблуждения теории относительности. Евграф Федоров - столик Ф. (прибор для кристаллографических исследований). Нил Филатов - врач, болезнь Ф. (моноклеоз инфекционный). Василий Петров - физик, "первый сварщик", он открыл электрическую дугу и догадался, что с ней можно делать.

Григорий Петров - химик, контакт П. (смесь нефтяных сульфокислот), первое в мире синтетическое моющее средство. Василий Петрушевский, ученый и генерал, изобрел дальномер для артиллеристов. Игорь Петрянов-Соколов - фильтры П-С. (принципиально новые фильтрующие материалы). Николай Пирогов - врач, первым ввел неподвижную гипсовую повязку. Лев Обухов - металлург, сталь О. (уникальная рудийная сталь, пушка из которой выдерживает свыше 4000 выстрелов). Иван Орлов изобрел способ изготовления тканых

кредитных билетов и способ однопрогонной многократной печати (орловская печать). Михаил Остроградский - математик, формула О. (кратный интеграл).

Пафнутий Чебышев - математик, многочлены Ч. (ортогональная система функций), параллелограмм Ч. Павел Черенков - физик, излучение Ч. (новый оптический эффект), счетчик Ч. (детектор ядерных излучений в ядерной физике). Дмитрий Чернов - точки Ч. (критические точки фазовых превращений стали). АЛЕКСАНДР ЧИЖЕВСКИЙ. Александр Чичибабин - химик, реактив Чичибабина. Лев Чугаев - химик, реактив Ч. (реактив для определения никеля), реакция Ч. (метод синтеза углеводов). Василий Калашников - это не тот Калашников, а другой, который первым в мире оснастил речные суда паровой машиной с многократным расширением пара. А вот и сам МИХАИЛ КАЛАШНИКОВ (АКМ)!!!!!!!!!!!!!!

Александр Кирсанов - химик-органик, реакция К. (фосфорореакция). Алексей Кожевников - врач-невропатолог, болезнь К. (форма кортикальной эпилепсии). Яков Колотыркин изобрел анодирование (метод анодной защиты металлов от коррозии). Александр Максимов - гистолог, автор унитарной теории кроветворения (в 1922 году эмигрировал в США). Александр Марков - протозоолог, марковский процесс (специальный вид случайных процессов). Василий Морковников - химик, правило М. (взаимное влияние атомов в органической среде), открыл изомерию жирных кислот. НИКОЛАЙ ЛОБАЧЕВСКИЙ!!!

Александр Лодыгин - электротехник, изобрел угольную лампу накаливания (через 7 лет Томас Эдисон ее усовершенствовал, и мир получил бытовую лампу для освещения с излучателем в виде проволоки, нити или спирали из вольфрама). Олег Лосев - свечение Л. (кристаллические полупроводники). Василий Любарский - металлург, разработал способ получения ковкой платины, чем положил начало порошковой металлургии. Александр Ляпунов - математик, создал теорию устойчивости, равновесия и движения механических систем с конечным числом параметров, а также теорему Л. (одна из предельных теорем теории вероятности). Павел Кузьминский - изобретатель многоступенчатой реверсивной турбины радиального типа.

Александр Кулябко - физиолог первым оживил изолированное сердце человека после смерти (через 20 часов). ИГОРЬ КУРЧАТОВ создал первую в мире АЭС! Дмитрий Коновалов - химик, законы Коновалова (упругости парарастворов). Петр Ребиндер (корни немецкие) - физико-химик, эффект Ребиндера. Сергей Реформатский - химик-органик, реакция Реформатского. Константин Поленов - металлург, автор "русского бессемерования" (бессемерование жидкого чугуна). Василий Семенников - металлург, первым в мире осуществил бессемерование медного штейна и получил черновую медь. Дмитрий Ползунов - теплотехник, изобрел первый в мире универсальный паровой двигатель непрерывного действия (2 цилиндра). Илья Пригожин - физик, теорема П. (термодинамика неравновесных процессов). Николай Прилежаев - химик-органик, реакция П. (получение окислов олефинов). Михаил Протодьяконов - ученый, разработал общепринятую в мире шкалу крепости горных пород. Александр Прохоров создал первый в мире квантовый генератор (мазер).

Владимир Родионов - химик-органик, реакция Р. (аминокислоты). Михаил Коновалов - реакция К. (нитрования предельных углеводов). СЕРГЕЙ КОРОЛЕВ!!!!!!!!!!!!!! Сергей Корсаков - психиатр (нозолог), корсаковский психоз. Глеб Котельников изобрел первый ранцевый парашют.

Михаил Кошкин изобрел Т-34, лучший танк 2-й мировой войны. Феодосий Красовский - астроном-геодезист, эллипсоид К. (земной эллипсоид). Николай Занин - химик-органик, реакция З. (получение ароматических аминов), первым получил анилин. Адриан Крюков - офтальмолог, установил границы цветоощущений сетчатки. Андрей Нартов, современник Петра Первого, изобрел токарно-копиральный станок. Владимир Кузнецов - физик, первым доказал возможность скоростного резания металлов.

Александр Зайцев - правило З. (цинкорганический синтез). Андрей Болотов - естествоиспытатель, первым в мире ввел севооборот в агрономию. Михаил Борясков - формула Б. (расчет зарядов для взрывных работ). Николай Зелинский изобрел знакомый всему миру угольный противогаз. Семен Зимницкий - терапевт, проба З. (диагностика почек). Михаил Шостаковский - химик-органик, бальзам Ш. (винилин). Михаил Цвет - метод Цвета (хроматография пигментов растений). Владимир Чиколев - электротехник, создал дуговую лампу с дифференциальным регулятором. Андрей Туполев сконструировал первый в мире реактивный пассажирский самолет и первый сверхзвуковой пассажирский самолет. Митрофан Турский - лесовод, метод Т. (определение светлюбивости древесных пород). Алексей Улесов изобрел "ванную сварку" (микрометаллургический процесс в условиях открытой стройплощадки, осуществляемый в бронзовых ванночках для скрепления арматуры несущих конструкций непосредственно при монтаже здания с помощью простого сварочного трансформатора).

Андрей Фаминцын - физиолог растений, первым разработал метод осуществления фотосинтетических процессов при искусственном освещении. Борис Стечкин создал две великих теории - теплового расчета авиационных двигателей и воздушно-реактивных двигателей, итак, БОРИС СТЕЧКИН!!!!!!!!!!!!!! Игорь Торгов - химик, реакция Т. (способ получения эстрогенных и анаболических гормонов). Николай Преображенский - оториноларинголог, операции П. (ряд слуховосстанавливающих операций). Игорь Россолимо - невролог, рефлекс Р. (патологический пальчиковый эффект). Александр Лейпунский - физик, открыл явление передачи энергии возбужденными атомами и молекулами свободным электронам при столкновениях. Дмитрий Максотов - оптик, телескоп М. (менисковая система оптических приборов).

Петр Меликов - химик-органик, открыл глицидные кислоты. Николай Меншуткин - химик, открыл влияние растворителя на скорость химической реакции. Илья Мечников - открыл фагоцитоз (защитная реакция клеток организмов при воспалениях). Сергей Виноградский открыл хемосинтез. Анатолий Власов - физик, уравнение В. (теория плазмы). Валерий Вологдин - пионер высокочастотной техники, создатель первой в мире высокочастотной радиосвязи, высоковольтного ртутного выпрямителя, методов пайки ВЧ и закалки. Василий Пятов - металлург, изобрел способ производства броневых плит прокаткой. Николай Басов создал вместе с Прохоровым первый квантовый генератор (мазер).

Владимир Каврайский - геодезист, способ К. (способ поправки часов из астрономических наблюдений определения широты). Леонид Рамзин - теплотехник, котел Р. (первый промышленный прямоточный котел). Алексей Бахмутский изобрел первый в мире угольный комбайн (для добычи угля). Андрей Белозерский открыл ДНК в высших растениях. Сергей

Брюхоненко - физиолог, создал первый аппарат искусственного кровообращения в мире (автожектор). Георгий Георгиев - биохимик, открыл РНК в ядрах клеток животных.

#### ИСПАНЦЫ

Луис Альварес открыл ионный захват.

#### АРМЯНЕ

Виктор Амбарцумян - астрофизик, открытие звездных ассоциаций. Юрий Осипьян - физик, открыл фотопластический эффект в полупроводниках.

#### УКРАИНЦЫ

Степан Тимошенко создатель теории упругости устойчивых систем (эмигрировал в США). Вячеслав Тищенко - реакция Т. (конденсация альдегидов жирного ряда).

#### ГРУЗИНЫ

Иван Тарханов (Тарханишвили) - физиолог, кожно-гальваническая реакция Тарханова. Иустин Джанелидзе - хирург, впервые успешно зашил рану восходящей аорты. Петр Багратион - металлург, разработал цианирование (метод получения золота из руд).

Как видим из этих списков, невысокий процент евреев-ученых в России вполне соответствует их мировой доле в научной среде. Кроме того, мы уже приводили обширные списки великих ученых в главе "Наука", когда касались двух научно-технических революций, и если к этим спискам возвратиться, то легко обнаружить, что в первом евреев нет вовсе, а во втором они занимают далеко не доминирующее положение, если вообще своим количеством позволят говорить о каком-то положении вообще. Но, похоже, с мифом о подавляющей доле евреев среди ученых также бесполезно бороться, как и с мифом об эволюции, который каждый год подтверждается какой-нибудь новой экзотической археологической находкой с комментариями типа "ученые наконец-то нашли недостающее звено между обезьяной и человеком", причем никто так до сих пор и не задумался - как могло такое огромное человечество постепенным образом превратиться из огромного количества обезьян в человека, оставив после себя всего лишь какое-то припорошенное грунтом одиночное "звено", которое всякий раз, к тому же, потом признается ошибочным. Но мы и не будем с этим бороться. Пусть остается, как есть. Нам важно другое - мы понимаем, что в очередной раз потуги Ветхого завета в части богоизбранности евреев ничем не подтверждаются.

Правда, надо честно сознаться, что данные списки могут неполными, что-то может быть упущено, а что-то, наоборот, перепутано. Но любая погрешность этих списков общей их картины не изменит. Из них видно, например, что неожиданно мощно выглядят голландцы на фоне столь же странно средненького уровня итальянцев, от которых ожидалось большего. Так же удивляют венгры, которых в Европе считают, чуть ли не за кочевников, но тем же норвежцам, ирландцам или испанцам нечего противопоставить венгерскому интеллекту в науке. Это тоже всплыло неожиданно, как неожиданно всплыло и несоответственно малое число японцев. Можно многое заметить еще интересного в сравнительной аналогии национального состава ученых, но все это совершенно не затрагивает никаких расовых или национальных предрассудков, и не должно быть обидно ни для какой нации. Не должно быть это обидно и евреям (то, что у них средне-нормальный уровень процента ученых в мире для их количества населения). Видите, нам даже



невольно пришлось извиняться за то, что мы выяснили, что евреи не самые умные, а самые обыкновенные, настолько крепко этот миф уже считается ими "своим".

Кстати, абсолютно пустой миф об особой одаренности евреев очень схож с другим неистребимым мифом - о культурном превосходстве прибалтийских народов над русскими. Причем достаточно просто упомянуть Прибалтику, как тут же раздаётся - "да, там культура, не то, что у нас". Поборникам культурного отставания русских от прибалтов я предлагаю сыграть со мной в игру, которая называется "в города". Только вместо городов мы будем называть фамилии великих деятелей культуры человечества - я русских, а вы прибалтийских. Начинайте. Не знаете с чего начать? Я вам помогу - Чюрлёнис. Не знаете такого? Не только вы. Но я его картины видел. Итак, на "С". - Серов. Ваше слово. Не получается? Давайте на "Ч" (какая разница?) - Чехов. Ладно, иду на уступки, я назову несколько русских фамилий, а вы на любую букву (хоть в конце, хоть в начале) назовите латышскую, эстонскую или латвийскую, которую не стыдно было бы поставить рядом: Достоевский, Чайковский, Репин, Крамской, Пушкин, Шолохов, Федин (только "Города и годы"), Бердяев, Соловьев, ну и пока хватит. Но только одно условие, раз уж я дал вам фору выбирать любую букву, то я уравниваю наши шансы, до предела ограничив ваше время на раздумье - даю не более трех часов. Если, не сходя с места, за это время назовете хотя бы одну фамилию, согласен игру продолжить даже в таком количественном соотношении. Торопитесь, три часа пролетят быстро и вымучают вас окончательно, поэтому мы пока займемся тем, чем занимались - закончим с наукой и евреями в ней.

Естественно, что некоторые евреи могли не попасть к своим из-за того, что они не носят еврейских имен и фамилий, но это тоже будет небольшой погрешностью, которая не изменит общего положения. Мы бы здесь не возражали, даже если их бы их количество увеличилось в два-три раза - это ничего не изменило бы, поскольку это, пожалуй, единственный народ, который никогда не крестьянствовал, не уходил в забой, не стоял за станком, а занимался в основном интеллигентским трудом, торговлей и финансовыми операциями. Если большая часть других народов - трудовой люд, который не может, естественно повышать шансы от своей нации на пополнение списков ученых, и только верхушка народов составляет собой интеллигентов, то у евреев, наоборот, большая часть нации - интеллигенты, которые как раз и занимаются наукой. Поэтому даже двойное их количество ничего не изменило бы в соотношениях между национальностями научных гениев. Нет, здесь богоизбранности мы не видим.

Где еще ее искать? Если вспомнить, что основная задача человека по замыслу Бога кроется в преодолении негативных этических побуждений, то рассудительнее всего поискать надо было бы именно здесь. Но здесь даже мифа об особых нравственных качествах евреев не существует...

Впрочем, можно обратиться еще к одной стороне жизни любой нации, которая аккумулирует в себе истинную мощь духа и мысли любого народа, являясь его своеобразным зеркалом. Это - религия. Может быть именно в религии, как в чем-то, непосредственно связанном с Богом, евреям удалось достичь высот, которых не удалось достичь другим не избранным народам? Это тем более стоило бы сделать (познакомиться с иудаизмом поближе), поскольку существует еще один великий миф о том, что иудаизм - это строгая и детально

продуманная система, которая заковычивает в цепи послушания весь народ не просто коллективным психозом любой совместной веры (не только иудаизма), но и четко очерченными требованиями, оформленными в понятные и однозначно трактуемые всеми правила, равным которым по стройности и точности в мире нет.

Здесь надо вспомнить, что иудаизм - это Талмуд. А Талмуд написан людьми. Мы уже говорили, то Талмуд по своему значению - это инструкция жизни, которая претендует на некое божественное освящение своими истоками из частных бесед Иеговы с Моисеем. Содержание этой инструкции постоянно как бы "вспоминается" писателями Талмуда и доводится до остальных в своей личной интерпретации. Причем эти "воспоминания" исторически шли двумя параллельными путями двух групп книжников, в результате чего появились Иерусалимский Талмуд и Вавилонский Талмуд. Оба они являются не только комментариями на слова Иеговы Моисею, но и комментариями этих комментариев, и комментариями комментариев на эти комментарии, что собственно и неважно, поскольку в Талмуде важнее всего комментарии комментариев комментариев на комментарии комментариев комментариев вообще. В сущности, уже не важно, о чем там беседовали эти двое, потому что важнее всего - постоянные комментарии. Комментариев так много, что когда англичане перевели меньший по объему Вавилонский Талмуд, то он занял 15 000 (!) страниц. Причем, с момента перевода составлены еще комментарии на эти пятнадцать тысяч страниц комментариев, поскольку Талмуд имеет дело с явлениями повседневной жизни еврея, стараясь ничего в ней не упустить, чтобы не дай Бог, еврей не сделал в своей обычной жизни что-то не так, как это видел своим глазом Иегова.

Все это вызывает у нас сразу же серьезные сомнения в том, что такого объема документ может быть кем-то освоен настолько, чтобы его правила стали второй натурой, или его жизненной привычкой. Такое даже прочитать в течение жизни трудно, а не то что применять в качестве некоего лично-бытового Устава каждый день. Но, может быть, в этом и есть та самая избранность? Может быть, этот народ может то, что не дано никакому другому народу - вобрать в себя единым духом более десятка тысяч страниц и строго ими руководствоваться в своей жизни? Если это так, то евреев очень жаль, потому что Талмуд - совершенно не монолитное по смыслу и требованиям произведение комментаторов, в котором об одном и том же дважды никогда не говорится одинаково. Даже если выучить его наизусть, то совершенно непонятно - что брать за религиозный закон? Потому что одни положения Талмуда спорят с другими и опровергают друг друга. Как бы там ни было, а говорить об особой гениальности (не в ироническом смысле) тех, кто составил такую книгу с содержанием ни про что, не приходится.

Начиная с самых главных положений, которые еще не опускаются до уровня кухонь и спален, а еще где-то как бы остаются в сферах духа, в Талмуде одна лишь неразбериха и споры. Например, в таком важном вопросе, (из-за которого в частности поссорились в свое время католики и православные), как толкование выражения "Дух Божий", в Талмуде существует три точки зрения:

1. Дух Божий - это дыхание,
2. Дух Божий - это Адам,
3. Дух Божий - это Мессия.

Не говоря уже о том, что сами эти трактовки Духа Божия вообще далеки от понятия Духа вообще, здесь, кроме детской растерянности в попытке что-то неуверенно угадать, не видно вообще ничего философски значимого. В любом случае нам, русским, нельзя ввязываться во внутриталмудистскую борьбу этих точек зрения, поскольку выражение "Дух Божий снизошел на него" сразу же навеивает невеселый и подозрительный вопрос - кто и как на кого снизошел: Адам на кого-то, или сам Мессия, неужели, все таки, на Адама?

В Талмуде представлено много школ иудаизма, которые толкуют одни и те же вопросы каждая по своему, зачастую, очевидно, даже и не знакомясь с тем, что думают по этому поводу другие школы. Например, вот как различными школами объясняется тот казус, что все евреи - это арамейцы. Школа Ицхака говорит, что, поскольку матерью Иакова и Исав была нееврейка (арамейка Ревекка), то человек может стать евреем, поднявшись над своим происхождением. Вот так просто. То есть древние арамейцы поднялись над своим происхождением и стали евреями. Ну, что ж, мы бы это приняли, если бы не школа Рабби Ионахана, которая утверждает, что когда беременная Ревекка проходила мимо синагоги (!?), то Иаков толкался о стенки ее чрева, (так хотел в синагогу), и, следовательно, Иаков был уже евреем от рождения, а Исав нечистым. Кроме законного вопроса - а кто мог заглянуть в живот Ревекке и определить, кто именно из двоих близнецов толкался? - здесь есть вопрос еще проще - откуда взялись синагоги во времена Ревекки, если они возникли тысячу лет позже, во времена Вавилонского плена, как следствие того, что храм, где только и предписывалось собираться евреям для молитв, был разрушен и его развалины остались на родине? Знакомясь с такой аргументацией, пожалуй, можно дальше вообще не разбираться с иудаизмом на предмет особой гениальности, поскольку в нем те же самые натяжки под заданный результат, что и во всем Ветхом завете. Однако важно нам сейчас будет не только то, что аргументация появления еврейства, как особой нации, взята с потолка и даже без особой оригинальности или остроумия, а то, что *в том же Талмуде* есть и противоположная точка зрения обоим этим версиям одной и той же точки зрения о еврействе арамейцев. Это школа Рабби Леви, которая говорит, что Исав и Иаков оба, оказывается, мечтали о синагоге (это - более просвещенная, очевидно, исторически школа, которая знает, что синагог еще не могло быть, и поэтому переносит их в область мечты, хотя тогда и мечты такой у этих мальчуганов не могло быть: нельзя мечтать о том, о чем еще никто не знает, что оно вообще есть), следовательно, оба были хорошими евреями.

Вот такие игры с комментариями. Принцип их довольно прост - пиши, как понимаешь, даже если ничего в этом не понимаешь, и тебя никто не уличит в неточности (даже с разрывом фактов в тысячи лет), лишь бы это попадало в нужную в струю. Причем все это сейчас - государственная религия Израиля! Так неужели толкования и различные идеи не забралась и в эти государственно-политические вопросы? Не без этого. Ну и как они трактуют положение этой обреченной страны и ее задачи? Здесь тоже полный набор разноголосых партий: сионизм Герцля считает, что евреи должны жить в Палестине, имея собственное государство, чтобы выжить физически, а сионизм Гинзберга считает, что жить в Палестине необходимо всем евреям не для физического выживания, поскольку евреям ничего в этом отношении не угрожает, а для сохранения своей культуры и для духовного выживания. В общем - ясно. Но тут выплывают

социалистические и коммунистические еврейские идеи (наподобие союза Бунда в России, который так прямо и заявлял, что его цель - соединить марксизм с сионизмом!), которые утверждают, что евреи должны стать дрожжами всех революций в мире и добиваться себе преимуществ через приход к власти революционным путем в любой стране мира. Этот опасный бред слегка сглаживается положением трезвой Школы Реформаторов, которая спокойно говорит, что где еврей родился, там и его дом родной, а ни в какой ни в Палестине. Этому отдаленно вторит и Движение Хареди, которое напоминает, что Палестину отнял у евреев Бог, и Он же должен ее им вернуть в Век Мессии, а пока никакая отдельная земля евреям не нужна (здесь Богу как бы говорится - где взял, туда и положи!). По сути, союзником этой позиции выступает Движение Нетурей Карта, которое тревожится, что свое государство превращает евреев в таких же людей, как и все остальные обычные нации (!), отрицает уникальность еврейства (!!), и вообще - создание государства Израиль это переход в веру иноверцев (!!!) и ересь, так как оно (государство) оскорбляет и нарушает завет Иеговы (какой?). Однако им качают головами представители финансово самой мощной школы иудаизма Туш Эмумим, и терпеливо объясняют - евреям надо жить в Израиле и развивать еврейский образ жизни, иначе Мессии некуда будет прийти (как бы для Мессии все это делается, а не для откочки денег из Германии и США). Ну, и закончить все эти споры хочется хасидской позицией (хасидов легко отличить по внешнему виду - у них широкие шляпы, длинные бороды, белые сорочки, черные сюртуки и черные штаны, заправленные в сапоги. В свое время они объявили, что спасут еврейство от физического исчезновения тем, что будут плодить в своих семьях как можно больше детей, а от грехов перед Иеговой спасут еврейство тем, что станут как никто и никогда исполнять Моисеевы законы. Чтобы Иегова их ни с кем не спутал, они и придумали этот вид деревенского щеголя. Но данный карнавал обернулся для них трагически - вместо Иеговы их издали узнавали гитлеровцы и большая часть хасидов была уничтожена), хасидской позицией, которая всегда и везде выставляет себя истинной спасительницей еврейства, благодаря чему у нее всегда оригинальная логика: (внимание, это надо читать вдумчиво) земля Палестины дана евреям Богом, поэтому она не принадлежит ни арабам, ни евреям, а только Богу и только Богу, а поэтому (внимание!) арабы очень некрасиво поступают, когда спорят с евреями о правах на эту землю, потому что она принадлежит евреям! Апофеоз!!!

Впрочем, вопросы политики и духа это то, что заставляет спорить даже двух собравшихся вместе людей, а не то, что целый народ и его высоких представителей. Может быть, опустившись в сферы, рекламируемые иудаизмом, как охваченные своим вниманием в первую очередь, то есть в сферы повседневного быта, мы как раз там и найдем, что ищем - гармоничное и законченное регламентирование обыденной жизни, доведенное до уровня религиозного обряда в каждом шаге или действии простого необходимого быта? Посмотрим. Для этого начнем с субботы, как с наиболее яркого элемента еврейской экзальтации над забавой "можно-нельзя", которая (забава), собственно, и составляет собой основное содержание Талмуда не только в части субботы, но и в части всего основного. Что же касается субботы, то на первый взгляд понятно - в субботу не следует работать. А дальше - чудеса! Ортодоксы, например, считают прием лекарств в субботу работой, поэтому лекарства принимать нельзя, хоть помри! Но реформаты возражают -

лекарства можно принимать, если это не связано с растиранием, дроблением и измельчением ингредиентов. А если связано, то тогда - помри!

Ортодоксы считают, что катить перед собой в субботу детскую коляску нельзя (представляю себе маму, которая тянет коляску за собой, как пристыжная, и зачарованно представляю себе то, что вместо маминого лица видит перед собой по субботам ребенок!), а другие ортодоксы не согласны - катить перед собой детскую коляску в субботу можно, если территория общественная, а не частная, но для того, чтобы территория считалась общественной в том смысле, что по ней можно катить перед собой коляску, она должна быть нейтральной (далее - песня!), для чего ее надо ограничить стенами, или проволокой на столбах! Вы представляете себе этот субботний загончик для прогулки с ребенком?

Но есть еще не только "другие ортодоксы", есть еще и ультраортодоксы, которые всех поправляют - территория, даже огороженная, не может считаться нейтральной, если через нее проходят общественные дороги, и даже если вы ее огородите проволокой, а через нее проходит общественная дорога (как???), то никаких колясок перед собой катить нельзя - Иегова против!

А тут и евреи-сефарды упрощают все по-европейски смело - если вы хотите иметь нейтральную территорию, то вы ее получите только тогда, когда обнесете эту территорию стеной. Обнесете стеной - тогда и делайте там, что хотите. Все равно никто не видит. Но смотрите, чтобы через вашу стену не проходила общественная дорога. Не допускайте этого. Это очень важно.

Кроме того, ортодоксы считают, что в субботу нельзя использовать электрический свет, нельзя заводить машину (это тоже - зажечь свет) и нельзя курить (это - зажечь огонь). Но хитрые реформаты не унимаются - а если с пятницы поставить выключатель на таймер и он сам включится в субботу, то пусть себе и светит, мы его не включали - ручки-то, вот они! (Все это не придумано, это действительно содержание комментариев!) Да еще и либералы (есть и такое направление в иудаизме) раздраженно бьют - "не занимайтесь ерундой, разве нажать выключатель это работа? Включайте свет, пользуйтесь, и никого не слушайте!". Консерваторы соглашаются - "свет включать можно, это вы правы, но на машине, все-таки, батенька, просто так кататься нельзя, а только в синагогу поехать. В синагогу поехать - пожалуйста, а просто так ездить, уж как хотите, батенька, а не можете, нельзя-с!".

С телефоном то же самое. Ортодоксы говорят, что даже в руки его брать в субботу нельзя, а реформаторы издевательски подмечают - "телефон - это просто разговор, а никакая совсем и не работа, так что если хотите ортодоксально не брать его в руки, ну и не берите, а мы будем, будем, будем!".

Да, ладно, чего уж там про быт говорить, - наверное, в синагогах они отводят душу, в едином порядке и в едином ритуале совершая молитвы Богу и прочие религиозные обряды. Увы! Такого бардака, как в синагогах у евреев, нет нигде. Не в том смысле, что в каждой отдельной синагоге происходит черт-те что, а в том, что в каждой синагоге происходит что-то свое, что никогда не происходит в другой синагоге, и даже никогда там не может происходить! Вот реформисты Самуила Голдхейма, например, проводят службы на немецком языке, с органной музыкой и с хором вместо кантора, как это совсем не предписывается иудейским обрядом,

полностью отменив наставительные проповеди и молитву о восстановлении жертвоприношения (то есть о постройке нового храма Иегове на старом месте, что неминуемо переведет политический конфликт в Палестине в религиозное русло и окончательно предопределит повторно уже известную историческую судьбу Израиля). А вот Ассоциация Раввинов США решает проблему хора и канторов правильно - она разрешает и то и другое, совершая при этом совершенно непонятное для всего Талмуда и всего иудаизма в целом - разрешает женщине быть раввином. То есть в синагоге у *этих евреев* службу может совершать женщина!

Рабби Гольдхейм еще более революционен - субботу надо заменить воскресеньем (какая разница?), голову покрывать не надо и звук бараньего рога отменить (он ему не нравится). Карбонарии от иудаизма дошли до того, что, например, Еврейская Британская Община Западного Лондона вообще косит все налево и направо - для нее только письменная Библия авторитет, а весь Талмуд - выдумки, и поэтому (здесь очень логичный переход) главное это молитва и ее формы. Вот тебе и жестко регламентированная и строгая религия!

А что касается самих молитв, то абсолютно непримиримо схватились между собой здесь все те же ортодоксы (во время молитвы надо быть неподвижным), другие ортодоксы (а вот и нет! - во время молитвы следует слегка покачиваться из стороны в сторону, а уж никак не быть неподвижным!) и хасиды, как всегда очень последовательно по логике (во время молитвы надо делать энергичные движения, но в свободном порядке, а не фиксировано).

Ладно бы, относительно только позы спорили бы, так спорят даже и о языке молитвы! Даже в этом вопросе ума не дали! Галаха считает, что молиться надо только на иврите и в полном предписанном объеме утвержденных молитв. Эта школа явно сделала финансовую ставку на молитвенники. А вот либералы опять бузят - "язык старых молитв надо осовременивать, и вообще молиться можно на любом языке, и вообще сами молитвы можно придумывать самому, и вообще молитвы должны быть все время новыми и новыми". Им не возражает Гамбургская Платформа, которая под шумок споров ликвидировала большую часть молитв, которые были созданы до 13 века, как устаревшие и <ш>слишком длинные (!), а также разрешила молиться на немецком языке. Но школа Рабби Франкеля твердо заявляет - молиться только на иврите! Ах, так! - говорят Прогрессивные Иудаисты - Тогда, как вы, так и мы! Получайте - молиться можно только на английском, а на иврите нельзя! Похоже, основным преимуществом иудаизма перед другими религиями является то, что ему никогда не приходится искать специальных поводов для веселья.

Относительно молитв раздается в очередной раз трезвый голос реформаторов - надо из молитв убрать всё, что унижает неевреев, а также исключить молитвы о возрождении жертвоприношений. Ну, и завершить это можно вполне хасидским положением Консервативного Иудаизма, который предлагает (внимание! Тут даже хасидам делать нечего!) *молитвы о жертвоприношениях произносить в прошедшем времени (!!!)*, а, кроме того, создать молитвы о личности Мессии и воскресении из мертвых.

Вот тебе и тайная сеть синагог по всему миру! Они даже между собой разобраться не могут, а не то, что объединить всех евреев под одними обрядами. Причем, за недостатком времени, по скучности темы и намерению упростить изложение, мы просто не передаем здесь

всех остальных мелочей еврейского богослужения, которое постоянно меняется от жилого квартала к кварталу, где есть другая синагога. Все это, действительно, не интересно, (хотя над предложением разговаривать с Богом и обращаться к Нему с просьбами в прошедшем времени можно думать долго и очень долго в сослагательном наклонении), гораздо интереснее то, как набедокурил Талмуд в жизни самих людей. Например, в вопросах развода. Ознакомимся.

Школа Шаммая: "муж не может развестись с женой, если только не найдет в ней что-нибудь постыдное". Основание для развода - только сексуальная связь вне брака. Сурово. А вот Школа Гиллеля (заметим - одной и той же религии!): муж может развестись с женой по любому поводу, даже если она просто "испортила кушанье". Однако! Скажите - что хотел сказать Талмуд о разводе, говоря и то, и другое сразу? Может быть, то, что муж может развестись с женой вообще без повода, если "он нашел другую, более красивую", как комментирует Иегову школа Раби Акива? Или, что развод вообще недопустим ни по каким причинам, как считает Рабби Гиттин? Нам в этом на разобраться. Как и самим евреям, скорее всего. Будем верить, что хоть Иегова с Моисеем когда-то что-то знали об этом.

Потому что сегодняшние - совершенно запутались. Например, та же Галаха утверждает, что мужчина, потомок левитов, не может жениться на разведенной женщине, а Реформизм над этим смеется - нет ни одного еврея, кто может считать себя из рода левитов, поэтому любой может жениться на любой женщине. В такие мелочи не вдаются ортодоксы и определяют все по-крупному - развод возможен только с согласия мужчины. Если же муж не дает согласия на развод, а закон государства их все же (!) разводит, то эта женщина считается замужней, и все ее последующие дети - выродки, которые могут вступать в браки только с такими же выродками или (здесь внимание для тех, кто хочет вступить в иудаизм) с обращенными в иудаизм людьми другой веры. Наш статус еще раз виден очень четко с позиций иудаизма.

Как всегда ищут выхода из бессмыслицы реформаты - если муж не дает согласие, а юридически развод оформлен, то раввины могут дать согласие за мужа (красиво!) и тогда все ее дети - полноценные. Знакомую нам уже и неповторимую логику этого учения ярко демонстрируют в этом вопросе либералы (все это надо читать, наслаждаясь!) - никакого особого согласия мужа на развод не надо, если развод оформлен юридически, но если женщина хочет свой второй брак провести через синагогу, то ее первый муж должен дать согласие на развод *хотя бы задним числом!* Если что-то и может смутить разум окончательно, так это попытка разобраться в необходимой последовательности причин и обоснований различных моментов иудаизма.

Но, все-таки, не все пары разводятся, (пусть даже и таким милым способом, где через пару лет муж, все-таки, *должен дать сегодня согласие про то вчера*, которое уже и так произошло без всякого его согласия), поэтому, естественно, не могли раввины упустить и те интересные для Иеговы с Моисеем моменты, которые происходят с супругами в промежутке между браком и разводом, или между браком и их смертью. Например - контрацепция. Галаха здесь строга - предохраняться от беременности совершенно недопустимо! Поэтому не допускаются ни прерванный половой акт, ни вазэктомия, ни презервативы ни оральные контрацептивы. Впрочем, Школа Евамот менее огульно запрещает предохранение беременности,

налагая обязательство на супружескую пару иметь как минимум одного мальчика и одну девочку, а потом можно уже и применять оральные контрацептивы (под которыми, надо полагать, понимаются все-таки противозачаточные таблетки, принимаемые "перорально", то есть путем их проглатывания). Реформаты тут и совсем покладисты - пусть каждый сам решает, сколько иметь детей, каких детей и иметь ли вообще детей, а реформисты (школы в иудаизме столько много, что на всех не хватает названий, и они различаются суффиксами одних и тех же слов) вообще говорят - предохраняйтесь, как хотите, мы тут вам не указ (все равно не проследишь!).

Недалеко находятся от вопросов контрацепции, как это знают многие, и вопросы секса. Их тоже не обошли своим пристальным вниманием комментаторы. Возможно, тут виноваты не Иегова с Моисеем, и это просто дело личных вкусов, но, например, ортодоксы отрицают гомосексуализм, а реформаторы (не реформисты, не реформаты и не Реформизм, следите за суффиксами!) его радостно допускают. В одной и той же религии! Очевидно, перемена сексуальной ориентации должна сопровождаться переменой принадлежности к той или иной школе. Разумно. Потому что случаи бывают разные, а каждый еврей на счету.

Кроме того, вопросы секса волнуют иудаизм и в той сфере, в которой их коробит сама возможность секса между евреями и неевреями. Об этом некоторым из них больно даже просто думать. Тем более что после этого может наступить тот самый преступный смешанный брак, в котором могут быть даже и дети. Ортодоксы считают, что браки евреев с неевреями недопустимы в принципе, а если это брак с представителем христианской веры, то он рассматривается сразу же автоматически как отречение от веры и еврейства вообще. Надо запомнить. Однако браков таких становится все больше и больше, и, вероятно поэтому, в 1983 году Талмуд дополнен революционным положением школы Реформизма США: ребенок от смешанного брака всегда больше еврей, чем нееврей. Тут революционность во всем, начиная от нарушения традиции, и заканчивая огульным лозунговым характером оценки принадлежности родившегося к той или иной нации. Впрочем, это половинчатая революционность. Ведь, что такое, в самом деле, "больше еврей, чем нееврей"? Все-таки, это - еврей или не еврей? По-настоящему революционно решает этот вопрос либеральный иудаизм - ребенок всегда еврей, и когда мать еврейка и когда мать нееврейка. Здесь революционность такова, что может вообще обратить в прах один из основных базовых принципов всей религии вообще - происхождение от матери, как критерий принадлежности к избранному народу.

Впрочем, вопросы секса - это всегда вопросы "где, с кем, как и чем". Если первые три вопроса талмудисты оставляют на выбор смешанных партнеров, то последний их тревожит более основательно. Поэтому реформаты считают, что хотя бы механика полового акта в части специфической формы узлов трения должна не нарушаться, для чего с 1977 года требуют от мужчин неевреев совершить над собой обрезание, если они хотят взять себе в жены еврейку. Однако менее взволнованно к этому относятся либералы, которые понимающе машут рукой: хочешь жениться на еврейке - женись без всякого обрезания, какая теперь уже разница...

Вообще вопрос обрезания - один из смакуемых вопросов этой религии. Но и тут не без вольностей. Строгая Галаха считает, что если еврей не обрезан, то он, собственно, и не еврей вовсе. Однако вся эта принципиальность оборачивается полной своей изнанкой, если в



смешанном браке родился мальчик, и родители его решили не обрезать. В этом случае положение об обрезании (если объединить два его положения, одно "вообще", а второе для данной ситуации) Галахи звучало бы так: каждый еврей должен быть обрезан, иначе он не еврей, а если он рожден от матери-еврейки, но не обрезан, то он еврей, даже если он не обрезан. Вполне в духе. Хотя радикалы упрощают это еще более - обрезание совершенно не обязательно, так как главным признается духовное исцеление (уж не считается ли обрезание при этом физическим исцелением?). В пику этому Галаха не просто настаивает на обрезании, но и придает ему несколько повышенное внимание, потому что "засчитывает" обрезание только тогда, когда оно совершается в присутствии 10 мужчин старше 13 лет. Если мужчин в этот важный момент присутствовало 9, или кому-то даже из полного кворума не хватило месяца до исполнения заветного тринадцатилетнего рубежа, то не трясите перед нами тут своим этим, и не тычьте нам в глаза - может быть у вас это от рождения, или после несчастного случая на бильярде, а никак и не обрезание. Причем, реформаты допускают, что обрезание можно проводить в больничных условиях с помощью хирурга. Вот если бы объединить Галаху и реформатов! Красиво выглядела бы эта операция: доктор в белом халате с блестящим инструментом в руке, а вокруг десять строгих мужчин старше тринадцати лет. Ассистенты. Обрезание проводим.

Кстати, тринадцатилетний возраст свидетеля обрезания не случаен, поскольку иудаизм считает его возрастом совершеннолетия. Ну, наконец-то, вопрос, в котором не может быть споров? Отнюдь! Вдумчивый иудаизм и здесь перебирает варианты! Ортодоксы по своим подсчетам определяют, что девочка становится совершеннолетней в 12 лет, а мальчик - в 13. Ортодоксы торопятся, выходит, когда дело касается девочек. Реформаты не столь пылки - они считают, что совершеннолетие наступает в 15-16 лет и неважно, девочка это или мальчик. Здесь тоже видна занимательная оригинальность: возраст наступления совершеннолетия дается в виде эволюционного процесса, длящегося во времени целый год (от дня рождения до дня рождения, или как?). Хотя, те же реформаты считают, что и мальчика и девочку можно считать совершеннолетними в 13-летнем возрасте, если они подпишут письменное обязательство продолжить религиозное образование до 16 лет. То есть, такое решение говорит о том, что человек уже достиг того, что должно наступить у него в течение неопределенного года между 15-м и 16-м годами жизни. А расписочка - на всякий случай. Пригодится. Дело любит порядок.

Разница в подходе к полу человека ощутима в иудаизме так же, как и в исламе (благо, корни у этих религий общие) не только в вопросах наступления совершеннолетия. Вокруг женского вопроса в Талмуде накручено многое. Видно любили об этом поболтать Моисей с Иеговой. Например, школа Берахот считает, что молиться могут только мужчины, а женщинам этого делать нельзя. А другая школа Киддушин этого женщинам не запрещает, но "освобождает" их от этого полностью, поскольку допускает молитвы только в особой одежде, а она, извините, у нас мужская, поэтому, мадам, вам молиться можно, но нельзя, потому что не будете же вы мужскую одежду специального покроя на себя одевать, чтобы воспользоваться вашим правом. Впрочем, Киддушин очень великодушная школа - она разрешает женщинам даже находиться в синагоге, если за занавеской. Такое брезгливое благородство.

Особую демократичность в женском вопросе проявляет Мегилла, которая считает, что чтение Торы в синагоге женщиной приемлемо, но при этом оно же оскорбляет "достоинство общины", ибо (далее - сплошной Мопассан!) голос женщины и ее внешность может возбуждать в мужчине сексуальные желания! И правильно - что там Тора, когда таким голосом, да такими губками... Впрочем, выход из этого найден солидарный с Киддушином - марш за занавеску, или на отдельный балкон, чтобы мужики вас не видели, а то, ишь, развозбуждались, кобеля...

Но женщины и здесь молчать не намерены, чтобы там Иегова Моисею не говорил, и английская "Организация еврейских женщин" проводит сами богослужения в синагогах, куда мужчинам вход воспрещен. Дискриминация.

Всех примиряет организация "Синагоги Англии", которая с 1975 года разрешает участие женщины в богослужении и даже позволяет женщине самой быть раввином. Новый Свет пошел за Старым и в 1983 году "Объединенная синагога США" разрешила мужчинам и женщинам сидеть в синагоге вместе, а женщине быть раввином. Прорыв явно наметился, потому что, не только уже есть такие прогрессивные формы богослужений, когда женщины и мужчины сидят в синагоге (Масорти), правда в разных ложах, а женщинам раввинами быть запрещено, но и такие факты, когда, например, Прогрессивный Иудаизм ставит своих женщин-раввинов в пример другим школам и даже гордится ими.

Но не молитвами едиными и сексом успокаивается в этой жизни человек. Еще он любит поесть и делает это гораздо чаще, чем все остальное. И это тоже заботит Талмуд на предмет соответствия заветам Иеговы. И тут все очень строго. Например, Галаха требует, чтобы любое животное, которому была нанесена смертельная рана или физическое увечье, в пищу не применялось. Нельзя есть также насекомых, из птиц только утку, гуся, курицу и индейку. Рыбу можно отведать только в том случае, если у нее есть чешуя и плавники, но осетр не подпадает под разрешение - у него чешуя плохо счищается. Моллюсков есть ни в коем случае нельзя. Чем-то не приглянулись Иегове. Свинина, естественно, категорически запрещена. Также нельзя связываться с молоком верблюдницы и со страусиными яйцами. От этих всего можно ожидать. Еще седалищный нерв всех животных есть нельзя, мясо и молоко нельзя есть вместе, и нельзя пить вина, если в процессе его приготовления на любой ступени участвовал нееврей, и т.д. Всего не перечислить, но смысл ясен - никакого смысла. Поэтому, тщательно изучив положения иудаизма о пище, Питсбургская платформа этой религии пришла к выводу - все законы о пище (так называемый "Кашрут") - вредные предрассудки. Светлые головы. Реформистский иудаизм также это поддерживает и не считает законы о пище жизненно необходимыми. Есть еще и Колумбийская платформа, которая более мягкая, чем Питсбургская, то есть не называет эти законы напрямую идиотизмом, но не осуждает и Галаху. В общем, все тот же разброд.

Но это никого не смущает. Каждый настаивает на своем. Галаха требует, чтобы и посуда и раковины для молока и для мяса были абсолютно отдельными, и без улыбки настаивает на том, что в доме должно быть две раковины. Иначе - грех. Реформаты морщатся - мясо и молоко есть нельзя вместе, это правда, но посуда для их приготовления и хранения может быть общей, да и раковины достаточно одной. Ничего это и не грех.

Галаха грозит сухим пальцем - пить вино можно только тогда, когда оно приготовлено особым образом и без неевреев, а из соседнего кабачка раздаётся весёлый клич реформатов: "Ребята, пить можно все, проверено!"

Галаха мрачно предупреждает, что еврей не должен есть в нееврейском доме, ибо это его оскверняет, а также не должен подавать гостям-нееврейцам в своём доме пищу, которую сам есть не должен по иудейским законам. Ортодоксы более сочувственно относятся к положению гостя-еврея в доме нееврея - можно выпить молока и поесть вегетарианской пищи, сохраняя достоинство (если это есть на столе, а если нет?). Реформаторы считают, что два приема пищи - один по типу Кашрута дома, а другой в мирской жизни - только путает детей, и надо выбрать что-то одно. То есть, принимать пищу или только дома, или только в миру? Однако здесь уже просвечивает некое понятие выбора, которое вполне оформляется Консервативным Иудаизмом до конца - каждый еврей пусть сам выбирает себе форму исполнения законов о пище. Кстати сказать - соединение понятия "закон" и права выбрать себе форму его исполнения является ещё одним достижением логики данной религии. Что это за закон, который не подчиняет себе, а предлагает избрать тот вид своего исполнения, который устроит подпадающего под закон субъекта? Это уже не закон. Представим себе, что было бы, если бы уголовный закон мы исполняли в удобной для себя форме - кто назвал бы это законом вообще?

Но зачастую человека отвлекает от молитв, секса и пищи ещё одно жизненное обстоятельство, которое нарушает этот привычный ритм - он умирает и его надо похоронить. Здесь тоже есть куда обратиться, чтобы сделать из похорон диспут-клуб. Ортодоксы, например, считают, что кремировать тело нельзя, ибо оно тогда уже никогда не воскреснет. Поэтому несите покойничка на кладбище и зарывайте в землю, но без гроба, в гробе нельзя, не положено, и не слушайте этих реформаторов, который говорят, что скромный гроб допускается и кремация не мешает дальнейшему воскрешению, если при кремации из крематория убрать все христианские символы. Покойнику хорошо - он умер и все, а нам тут решать не перерешать, как и что с ним теперь делать.

Однако до смерти ещё дожить надо. И здесь тоже головной боли не избежать, потому что хасиды, к примеру, настаивают, что надо не только полностью соблюдать все предписания Талмуда, но ещё и восстановить систему жертвоприношений. Есть чем заняться. Но митнагдимиаты (есть и такие), полагают, что соблюдение всех мелочей Талмуда не обязательно, главное - образование и благочестие. Образование на первом месте? Питсбургская платформа облегчает дело - по ней евреи больше не священная нация и не должны вести жизнь, полностью отличающуюся от жизни других наций; обязательны только моральные законы, а все остальные церемонии и талмуд - пережиток далекого прошлого, приносящий только вред, как и идея возрождения государства Израиль, потому что в Питсбурге жить не хуже. В Колумбии, очевидно, не так комфортно, как в Питсбурге, потому что эта платформа положительно воспринимает задачу возрождения государства Израиль. А евреи Сан-Франциско считают службы и ритуалы обязательными, образование засчитывает только на иврите, а главным определяют создание еврейского дома каждым евреем, изучение Библии, молитвы и богослужение в синагоге, соблюдение субботы и святых дней. Их пытаются поправить представители Реконструкционизма,

которые ликвидируют понятия "избранный народ" и "Мессия еврейского народа", а ритуалы вообще считают делом второстепенным. Это, наверное, немало раздражает Консервативный Иудаизм, который главной задачей считает восстановление храма и жертвоприношений, попутно декларируя, что все неевреи - неполноценные люди, а женщины вообще хуже мужчин. Чем-то насолили.

В общем - все очень несерьезно. Даже в таких вопросах, как основные религиозные догматы. Например, вопрос мессианства. Ортодоксы здесь предполагают, что Мессия еще не пришел, и придет он только для евреев, восстановит храм (такой трудяга!) и возобновит жертвоприношения. Мессианские же иудаисты считают, что Иисус был Мессия и мир уже спасен, а неортодоксы уверены, что Мессия еще не пришел, и когда придет, то не будет ерундой заниматься и восстанавливать систему жертвоприношений, а займется преобразованием всего человечества. Полная каша.

Вопросы источника Библии, как книги, также этой религией трактуются по-разному. Ортодоксы считают Моисея автором Пятикнижия, но содержание ниспослано Богом. Школа рабби Льюиса Якобсона признает авторство Моисея в написании Пятикнижия, но не уверена, что Бог был здесь соавтором. Ибн-Эзровцы вообще считают, что Второзаконие написано Иисусом Навином, псалмы не все принадлежат Давиду, а у книги Исаии на самом деле два автора, а не один. Барух Спиноза вообще говорил, что Библия никакого отношения к Богу не имеет, а является просто творением человека. Моисей Мендельсон справедливо считает, что у Пятикнижия авторов слишком много, чтобы считать его надиктованным Богом, но Джонатан Ромейн уверен, что Библия ниспослана Богом, да только записана людьми в соответствии с их понятиями, и поэтому она неизбежно устаревает. Израиль Якобсон мудро замечает, что Библия - слово Божье, но интерпретированное человеческими существами и поэтому каждое новое поколение должно проверять понятия, высказанные Богом в свете новых знаний. Чем Талмуд, собственно, и занимается.

В итоге дадим слово одному из главных специалистов по иудаизму, Неснеру. Вот как он с гордостью пишет о своей религии: "Иудаизм Талмуда с его упором на то, как и что человек есть и пьет, называют религией горшков и сковородок. И таков он и есть, и ничего больше (?!), ибо его материал - предельно малые частички конкретной жизни". С. Пилкингтон в своем труде "Иудаизм" комментирует этот вывод Неснера буквально так: "Талмуд, таким образом, представляет собой вершину (!), которой достиг процесс толкования Библии (!!!)". Далее идет восхищение самим методом такого толкования - даже когда предмет дискуссии чисто практический, сама дискуссия должна проводиться *строго теоретически*, ибо этапы доказательства более важны, чем само доказательство. "Поручик, Вы любите детей?" - "Детей - нет, но сам процесс..."

Вот еще одна цитата из Пилкингтона: "Даже там, где раввинов называют по имени, совершенно не имеет значения, являются ли приводимые ими аргументы реальными или воображаемыми". В таком случае не имеет значения и то, ради чего приводятся сами эти аргументы. Образцом отношений с Богом для других народов считать такую религию нельзя именно из-за этого отсутствия реального значения таких отношений. Но даже и не поэтому. А

еще и потому, что нас не должно обманывать невинное упоминание о том, что иудаизм - это религия горшков и сковородок. За этими кухонными причандалами не надо забывать, что по своей сути иудаизм - *самая античеловеческая идеология*, из всех известных, поскольку четко разделяет людей на полноценных и неполноценных, ссылаясь при этом именно на Бога, а не на расовые, классовые или политические установки. Бога здесь подводят под основоположника самого простого и неприкрытого никакими горшками фашизма - Всевышний делит людей на людей и на полулюдей, на евреев и на всех остальных, и обещает в будущем всем неевреям один большой Освенцим, а евреям общеземной рейх и процветание за счет всех остальных.

Кроме того, выдвигая еще одной особенностью иудаизма его вечное и непрестанное изменение и трансформацию, и весьма восторгаясь ею, иудаисты, как всегда, находятся в противоречии с обыкновенной логикой. Ведь если говорить о постоянной трансформации иудаизма, как самой внутренней сущности этой религии, то где основания считать эту трансформацию законченной? Она никогда не закончится, ибо с ней закончится и сам иудаизм, построенный на ней. А если нет таких оснований говорить о какой-либо возможности прекращения трансформации, то где вообще основания считать, что иудаизм есть? Личинка может трансформироваться в бабочку, но разве не будет этот итог трансформации нечем совершенно другим относительно того, из чего всетрансформировалось? Пока есть личинка, бабочки еще нет. А пока нет бабочки, нельзя в законной основе брать за что-то базовое личинку, ибо ее путь, как и путь любой трансформации - *исчезнуть полностью по результатам своего же процесса..*

Однако все что запутано, всегда можно распутать. Если провести непредвзятый анализ этой религии, то возможно не до конца аргументировано (не хватает для этого знаний по теории религии), но вполне определенно можно увидеть одну забавную особенность. Как-то попались на глаза общие закономерные закономерности всех языческих религий. Сразу бросилось в глаза, что все языческие религии, это религии табу, то есть религии запретов. Тут же вспоминается иудаизм, который с гордостью упоминает, что только во Второзаконии Иегова дал евреям 613 запретов, не считая тех, которые далее наплодили на их основе талмудисты. Для интереса перечислим основные табу языческих религий:

1) Табу на общение с иноплеменниками и очищение после таких общений. Все это перенесено в иудаизм просто в чистом виде.

2) Табу на некоторые виды пищи и питья. Все это наполняет иудаизм в виде таких же табу процентов на пятьдесят.

3) Табу на обнажение лица. Здесь давайте вспомним запрет на фотографирование и кино съемку своих лиц хасидами - совершенно аналогичное табу.

4) Табу на выход из жилища. Аналогичное табу есть и в иудаизме, когда речь идет об общественной или необщественной территории, которые надо огораживать то ли проволокой, то ли стеной, и где можно делать определенные вещи, запрещенные вне этой зоны.

5) Табу на прикосание к некоторым людям и к некоторым вещам (к вождям, их одежде, некоторым предметам обихода) - одно из центральных табу еврейской религии, выраженное запретом под страхом смерти прикасаться к Скинни Завета (вместилищу Бога).

6) Табу носящих траур. Этого добра также много в иудаизме - люди, которые участвовали в похоронах также должны долго очищаться, и какое-то время также не могут участвовать в повседневной жизни как обычные люди, пока не очистятся.

7) Табу на женщин во время менструации. В иудаизме такая женщина также считается не только нечистой и к ней нельзя прикасаться, но и даже в чем-то виноватой, и ей запрещается что-то там делать по хозяйству так, как она могла бы делать это в обычные дни.

8) Табу на прикасающихся к покойникам. Иудаизм полностью сохраняет это табу и те, кто вынужден был прикоснуться к умершему, подвергается затем длительному и утомительному недельному очищению особыми ритуалами и омовениями.

9) Табу на рожениц. В иудаизме женщина 40 дней после родов считается нечистой и затем совершает также специальные длительные ритуалы очищения.

10) Различные табу, налагаемые на воинов. В иудаизме также есть определенные ритуальные правила чистоты при вступлении в войну в виде табу.

11) Табу, налагаемые на охотников и рыболовов. Иудаизм перенес их в нынешнее время в виде запретов на убийство дикого зверя и убийство домашнего животного для пищи обычным образом - для этого используются специальные ножи и прочие детально регламентированные приемы приготовления пищи.

12) Табу на различные предметы, главным из которых считается кровь. Иудаизм это табу полностью сохранил в виде запретов на употребление крови в пищу даже в недомытом мясе и т.д. и т.д. везде мы увидим как язычество удивительно перекликается с иудаизмом.

Вопрос - иудаизм это подавленное язычество, или язычество, наоборот, развитое в форму монотеистической религии, усиленное выдуманскими предписаниями Бога? Третьего не видно.

Особенно наглядно видны языческие корни иудаизма в обрезании и в запрете на свинину. Обрезание бытовало у кочевников, как способ избежать различных воспалений крайней плоти у мужчин по причине дефицита воды для ежедневной гигиены. Кроме того, египтяне также совершали обрезание, что показала археология, обрезаются и дикие племена Полинезии, Африки и других жарких краев, где самый радикальный способ избавиться от гнойных воспалений - заголить головку для обеспечения доступа воздуха и препятствования накоплению нечистот под кожей. Помимо всех перечисленных выше табу у язычества есть еще одна особенность, которая не носит характер запрета - это фаллический культ в мировоззрении диких племен. Все, что было связано с фаллосом, всегда носило знак особого почтительного внимания и трогательного уважения. Соединившись вместе два этих явления - фаллопочитание и замена гигиены однократной хирургией, - в глазах евреев сделалось ритуальным обрядом, сначала таинственным, а затем и напрямую одобряемую Богом. А отсюда это переехало и в ислам.

В ислам перепрыгнуло от евреев и отвращение к свинине, которое они переняли из ...Египта! Египтяне питали к свинье отвращение, и тот человек, который даже нечаянно ее коснулся, должен был прямо в одежде войти в реку и отмыться. Свинопасам запрещалось в Египте входить в храмы - единственным из всего населения! Это была каста неприкасаемых! И браки заключались этой кастой только между собой. Зачем вообще свиней разводили и свинопасов держали? А свиньи кормили весь Египет хлебом! Как? Когда после разлива Нила

начиналась посевная, то зерно просто разбрасывалось по грязи, оставшейся после Нила, а затем по ней прогоняли стада свиней, которые втапывали зерно глубоко в ил, чтобы оно не высохло под жарким солнцем, пока не прорастет. Раз в год свинью приносили в жертву Луне и Осирису и в этот день свинью можно было есть, а во все остальные - нельзя. Так Египетский языческий обычай перекочевал вместе с опытом народа в Пятикнижие, как рекомендация Иеговы. Вот таков источник мифа о некоторых особых гастрономических предпочтениях Бога.

Есть еще один миф, который ни сами иудаисты не оспаривают, и никто не даст оспорить - миф о том, что евреи первыми пришли к вере в Единого Бога. Это очень удобно и для евреев (как-то возвышает в плане исторических заслуг), и для христианства (можно опираться на Библию, как на книгу о единобожии), и для мусульман (евреи и христиане недопоняли Библию, для чего Богу пришлось дать людям Коран). Но если читать Библию открытым взором, то там нет нигде никакого упоминания о том, что евреи совершили переворот от язычества к монотеизму. И даже совершенно наоборот - Бог в Ветхом завете трактуется напрямую, как "Бог-ревнитель", то есть ревнующий евреев к другим богам. Иегова постоянно упрекает евреев в том, что они предаются сладострастию с другими богами, а им пренебрегают, и за это он посылает им всякие неприятности. Нигде ни разу Иегова не сказал - нет других Богов, я Бог единственный и Единый. Как раз напротив - в первой заповеди так и звучит: да не будет у тебя (обращается Бог к Израилю, как к народу) других богов, я буду твоим Богом. Иегова первый бог в истории, который выступает как единый *племенной бог*, как самый сильный из всех богов, сотворивший землю и мир, и взявший в удел себе на земле евреев, а остальные народы предоставил другим богам. На время. Потому что основной смысл обещаний этого племенного бога уже набил нам оскомину и звучит так - брошу все народы в рабство евреям. Так и хочется его спросить - а чего тянуть-то? А того (отвечает Иегова), что евреи любят других богов больше, чем меня, совершают им поклонения и приносят жертвы, мне обидно и я их за это наказываю. Исправятся - тогда посмотрим. "Исправятся" - это надо понимать, когда "обратятся от других богов ко мне". Где тут единобожие?

То, что в книгах Библии нееврейские народы называются "язычниками", не должно никого путать, потому что в те времена в понятие "язычники" вкладывалось не оппонирование единобожию, а подразумевалось - люди другой, и, естественно, неправильной веры. Как мы знаем, римляне называли евреев тоже "язычниками". Язычниками же называли в Китае и английскую оккупационную администрацию.

Простой анализ Книги Бытия позволяет говорить о том, что писавшие ее были язычниками именно сравнительно единобожия, и бог-Иегова подразумевается в ней не в единственном числе, а одним из богов. Например, Бог везде говорит от множественного числа - "сотворим человека по образу нашему" (Бытие, 1:26). Можно предположить, что это такая манера - говорить о Себе только во множественном числе. Но тут же в Бытие 1:29 говорится: "Вот Я дам вам всякую траву... и т.д.". Явно видно, что когда Бог совершает диалог с людьми, Адамом и Евой, то он говорит от в единственном числе. От себя. А когда он разговаривает с другими богами, то говорит во множественном числе, как председатель консилиума, от всех сразу ("сотворим"). Такие литературные приемы говорят о том, что это отголоски того

представления о многобожии, которое было в голове тех, кто писал Бытие, да и всю остальную Библию, где постоянно приводятся призывы отбросить других богов и быть верными одному Иегове. Нигде в Ветхом завете нет ни одного упоминания о том, что Бог Один и других богов нет, а вот ссылок на то, что все боги чужие, а только один Иегова свой - полно.

Надо только прочитать Библию не тенденциозно, и это вполне станет ясно. Достаточно привести такие цитаты, как: "И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как *один из нас*, зная добро и зло", то есть стал как боги (Бытие, 3:22). Здесь видно, что Бог это опять *кому-то из своих* сказал, сказал. То есть другим богам.

Заслуги Ветхого завета в единобожии нет. Единобожие возникло только с Христом, который рассказал об Отце Небесном и Его любви ко всем нам, Его детям.

Хотя шанс у евреев был. Ведь так называемый "исход" из Египта произошел непосредственно вслед за смертью Эхнатона. А кто такой Эхнатон? Это египетский фараон. А чем он знаменит? А знаменит он тем, что его никто не любит. А почему его никто не любит? Потому что он первым сказал, что Бог един, гораздо раньше Библии, только об этом поздно узнали из-за преступного отставания археологии от темпа оформления церковных догматов. До сих пор Эхнатон описывается везде как полудурок, который разрушил систему верований (такую удобную и привычную для защиты диссертаций!) Египта, отменил известных для того времени богов, закрылся в построенном "городе солнца", бродил там неприкаянно среди монументальных колонн по своему храму, 17 лет мучил египетских жрецов непонятными требованиями переквалификации для поклонения... солнцу! Вот так прямо и пишут - "был солнцепоклонник, имел какую-то хитрую болезнь теститкулов, что можно определить по сплюсненной голове, в общем, был неполноценный, неадекватный, детей иметь не мог, но, зараза, имел в женах такую невозможную красавицу, как Нефертити". Иногда добавляют - "умер молодым". Мы тоже можем добавить к этой картине кое-что. Например, гимн Эхнатона новому богу, которого он назвал Атоном (не поленитесь его почитать внимательно):

"О, сколь многочисленно творимое Тобою, и скрытое от мира людей, Бог единственный! Нет других, кроме тебя! Ты был один - и сотворил землю по желанию сердца своего... Ты единственный, Ты восходишь в образе Своем, Атон живой, сияющий и лучезарный, далекий и близкий! Из Себя единого, творишь Ты миллионы образов Своих "(курсив - автора).

Вот такой был неадекватный, что даже Кришну предвосхитил... Есть что-либо хоть отдаленно похожее на единобожие в Ветхом Завете? Нет. Этот человек первым сделал монотеизм государственной религией и никогда не изображал Атона в виде Солнца! Не был Эхнатон солнцепоклонником. Солнце было *символом Бога*, чего и сейчас мы не избежали (символического изображения), если посмотреть на иконы Троицы.

А при чем тут евреи? Так ведь Моисей из свиты фараона к ним пришел! Причем по некоторым историческим разработкам именно из свиты Эхнатона, которая была разгромлена и разогнана после его смерти! И далее, смотрите - Эхнатон жестоко преследовал магов, прорицателей, гадателей и колдунов (все это есть в "Моисеевых законах"), Эхнатон запретил изображать животных и птиц, так как таким образом изображались около 2000 официальных богов Египта, и благодаря этому возникла новая письменность - словесная, из которой



образовалось финикийское письмо, которое распространилось на севере Африки благодаря их постоянным торговым экспедициям. Благодаря этому же в перечень запретов попало и табу на изображение животных и людей (людей уже в исламе). Но, как видно из Нового Завета, Моисея не поняли...

Пока никакой избранности мы не нашли. Правда, в Библии говорится, что Бог кого любит больше других, того бьет больше других. Но тогда самые избранные - негры. Одна только работорговля унесла около 100 000 000 (сто миллионов!!!) их жизней, причем евреи сделали на этих операциях хорошие деньги. С мучениями негров в истории не сравнятся мучения ни одно из народов. Даже отдаленно. По этому признаку они самые избранные.

Короче говоря, становится понятно, что из Ветхого завета действительно мог появиться иудаизм, как религия избранного народа, ибо Ветхий завет писался евреями для себя, под себя и против всех. Но все это оказалось безосновательным, поскольку избранности этого народа мы не нашли - самый обыкновенный народ. Ни лучше, ни хуже любого другого народа. Ни умнее, ни глупее. А то, что когда-то понаписали вдохновенные мстительной идеей его книжники - не его вина, а его беда, с которой только он сам и может справиться.

От всей этой главы остается какой-то неприятный осадок, и автор просто не знает, как ее завершить. Многое здесь не сказано, многое скомкано, потому что, несмотря на предупреждение о нежелательности знакомства евреев с этой книгой, они могут туда заглянуть. И кое-что может показаться неприятным некоторым русским евреям, многих из которых автор считает совсем нашими. Например, мог ли "не наш" человек написать такую песню, как "Русское поле"? Вот с этой песней и закончим главу. А не наши евреи ни на что не обидятся, потому что им не может быть интересно мнение нечистого.

Итак, имея вывод о том, что для Бога все равны, у нас остается смысл покопаться в Ветхом завете дальше. Тем более что в нем для нас осталось совсем немного из того, что мы не затронули вниманием - пророчества. Остальное мы даже и рассматривать не будем. Остальное - чистая жанровая литература (весьма хорошая, кстати) о жизни семей, поэзия (местами бездарная, как "Песнь песней", местами гениальная как "Экклезиаст", местами средненькая), псалмы, о которых мы уже говорили, и притчи в виде сборника банальностей по типу афоризма Козьмы Пруткова "Военные люди защищают отечество". Причем Козьма Прутков и литературно интереснее (сравните, например, его перлы с библейской притчей "Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости" Притчи 17:22), и по смыслу глубже, поскольку является пародией на банальности, а не претензией на богодухновенность. Итак, пророчества.

#### Пророчества

Вопрос пророческих предсказаний некоторыми теологами полагается как, пожалуй, центральный во всем Ветхом Завете. Хотя выделять что-то в этой книге всегда несколько опасно, поскольку целостная концепция ее применения для нужд каждой из религий, вышедших из Ветхого Завета, всегда определено хрупка и неустойчива. И это понятно - если бы была возможна однозначная и твердая оценка текстов первой книги Библии, то из нее вышла бы только одна религия, а не сразу три, да еще и с различными конфессиями, которые в пределах

каждой религии составляют собой как бы подрелигии, которые также разделяются между собой во мнениях по основным принципам толкования сведений Ветхого Завета. Кстати, из того же Ветхого завета выходит и вся заманчивость религиозной концепции Свидетелей Иеговы, которая как раз и базируется на пророчествах о тех сказочно красивых картинках будущей жизни, которыми Свидетели заманивают людей из опостылевшей действительности. Собственно говоря, в этом смысле пророчества, действительно, можно считать для нас центральным местом Ветхого Завета, потому что все обещания будущей судьбы человечества проповедниками христианства так же берутся именно из них.

Вопрос о пророчествах и сложный и простой. Сложность его состоит в той непосредственной таинственности самого процесса пророчества, при котором человек что-то громогласно объявляет своими устами другим людям, предваряя это прологом, который все наперед сказанное объясняет волей Божьей, которая вот именно сейчас будет слетать с этих самых уст, поскольку Богу угодно было использовать данного человека в качестве транслятора Своих мыслей. Таких трансляторов и называют пророками. Физиологическая и психическая сторона пророчеств абсолютно не идентифицируется никакими науками и судить о достоверности пророчества, или зафиксировать момент приема информации непосредственно от Самого Бога не удастся. Выходит, что пророк берет на себя все сам, а все остальные должны брать на веру все то, что он берет на себя опять же сам. То есть, верить в то, что он говорит именно от Бога под его же ответственность. В этом и сложность.

Но, представляется, что вопрос гораздо проще, чем это традиционно полагается. Не отрицая возможности какой-то связи с какой-то информацией тонкого мира, вероятно даже и Божественной, правильнее всего, очевидно, следует усомниться, что все это санкционировано Богом. Уж больно несерьезно все это выглядит для Всевышнего. Если уж Он и захотел бы нам передать какую-нибудь информацию, то она, например, могла бы каждый вечер на закате бежать по небу бегущей строкой. Для Него это не составило бы труда, а результаты были бы однозначными и понятными для всех. Представить себе, что Бог силится нам что-то передать, и ничего лучшего не может изобрести, чем натужно сообщать что-то невнятное неким избранным людям, которые затем неизвестно что и как передают дальше - не соответствует квалификационной оценке Того, Который создал весь этот мир. Такой нелепый механизм связи с людьми вряд ли Его удовлетворил бы, если бы Он в этой связи был действительно заинтересован. Допустить Самого Бога досадствующим от того, что какой-то пророк что-то упустил, или что-то понял неправильно, и теперь все может пойти наперекосяк и не так, как Ему бы хотелось - это просто допустить, что развитие мира и человечества попросту доверено рукам пророков и зависит только от них. Нет - все, что сделано Им, сделано совершенно. О пророчествах такого не скажешь. Пожалуй, это действительно личное дело самих пророков.

Но в этой простоте оценки пророчеств - новая сложность. Потому что мы знаем не только таких пророков, как жуликоватый Мишель Нострадамус, который был действительно пророчески пронизателен хотя бы в том в своем предположении, что его катрены каждый расшифрует, как захочет, переведет, как сможет (тот французский и нынешний не одно и тоже), истолкует, как надо, чтобы подогнать под уже свершившееся событие, а все лавры достанутся ему. Слава Богу,

помимо этого непрерывного шоу "А Нострадамус предупреждал!", мы знаем еще и таких людей, как Жанна Д'Арк, Сведенборга, Ванга, Вольф Мессинг, Эдгар Кейси, Валя Блаженная, а также всех подряд шаманов, монаха Авеля, Сергия Радонежского, Григория Распутина, бабушек-гадалок, астрологов-предсказателей и т.д. и т.д., и знаем мы их именно потому, что их предсказания без всяких криптографических обработок произносились детально и определенно, и также детально и с той же определенностью сбывались.

При всем при этом мы неоднозначно видим, что некоторые пророчества абсолютно точны в описании деталей и даже иногда сроков, а некоторые по этим параметрам характеризуются как абсолютно обтекаемые и неконкретные. Например, если монах Авель с абсолютной точностью описал обстоятельства и сам срок кончины императрицы Екатерины II, то, например, в откровении Иоанна Богослова, называемом чаще "Апокалипсисом", все наоборот: там и церкви какие-то мелькают в качестве адресатов непонятных посланий, и престол небесный, и 144000 каких-то избранных толпятся у этого престола в белых одеждах, и ангелы в трубы трубят, и громы и землетрясения проистекают внезапно и по команде, и книги съедаются по непонятным побуждениям, и драконы мечутся по небу, сшибая хвостом звезды на землю (!), и многое еще такое происходит совершенно в духе религиозного фэнтези тех времен, где непонятно ни "как", ни "когда", и вообще мало что понятно, кроме того, что все это высокое творчество является некоей авторской версией простого обещания Иисуса прийти еще раз, чтобы полностью изменить порядок жизни на Земле. Как видим в обоих случаях оба пророка знали о предстоящем событии - Авель знал, что императрица когда-нибудь, все же, умрет, ну, и Иоанн знал, что будет Второе Пришествие и конец времен, поэтому чистым пророчеством по факту излагаемого ими ни то, ни другое назвать нельзя. Однако предсказание Авеля перевешивает по своей силе предсказание Иоанна, потому что Авель описал будущее событие в мельчайших нюансах, а Иоанн сделал из будущего события какой-то ветхозаветный глюк, где меч зачем-то торчит из уст Царя царей, животные разговаривают, николаиты осуждаются. Иезавели какой-то грозитя, моря стеклянные, ноги и руки из драгоценных камней и т.д. в духе боевой фантастики тех времен.

Исходя из этого, мы должны различать грань между пророчеством, как апофеозом творческого самовозбуждения, и пророчеством, как *прямым видением*. Если в первом случае человека просто, как говорится, "понесло", то второй случай является так называемым "инсайтом", то есть непосредственным восприятием будущего, тем самым "инсайтом", о котором мечтает каждый предсказатель и моменты которого делают каждому из них имя. Инсайт отличается от других видов пророческого видения тем, что детален в мелочах и непоследователен запросу предсказания. Вот эта непоследовательность запросу говорит за инсайт, пожалуй, даже больше, чем сама детальность, потому что у того же Иоанна в Откровении есть некто, кто золотой тростью меряет ширину и высоту ворот и стен нового Иерусалима, и при этом даются точные размеры, а также перечисляется количество ворот, которые никогда не будут запираются, и прочие детали, но все это и остальное находится в точности в духе запроса о заветном возрождении Израиля и славы его двенадцати колен. А вот если Авель стоял перед обер-прокурором и тот его строго спрашивал - ты что же это на матушку-императрицу накликаешь беду великую, заняться больше нечем? - то монах смиренно отвечал - не сам я

это, Бог заставил сказать. То есть, у Авеля своих забот вполне хватало, надо полагать, чтобы не понимать, что встречи с обер-прокурорами не только отвлекают от забот, но и создают совершенно новые проблемы, однако это пророчество пришло к нему, и пришло оно *непрощено*. Следовательно, мы, вникая в пророчества, должны с большим доверием относиться к непрошенным и детализированным предсказаниям.

Вскользь упомянув "о моментах" инсайта, мы должны на этом теперь заостриться, и определить для себя, что инсайт бывает действительно только моментами. Даже у Ванги, которая, несомненно, была рекордсменкой по проценту попадания предсказаний, даже у нее оказалось очень много совершенно неправильных прогнозов. И что же нам из этого? А из этого нам опять прямой путь к первому нашему выводу, что этот процесс (пророчество), если он идет снизу, то есть имеет целью прояснить какой-либо важный для пророка процесс, скорее всего не санкционирован Богом, ибо если пророчество избрано Богом в качестве средства передачи сведений, то надо полагать, что Богу и самому не все ведомо, коль скоро одни сведения верны, а другие нет. Это, несомненно, не так, Богу ведомо все, и поэтому если снизу что-то и выцарапывается, то только усилиями предсказателей и под их личную гарантию. Здесь, пожалуй, следовало бы добавить, что предсказателя, у которого был инсайт, не следует считать абсолютно безгрешным, и придется полагать, что у него, наряду с удачами, могут быть и заблуждения, но это и так понятно.

А как же быть с непрошенными пророчествами? С ними посложнее - их следует считать, все же, непосредственно идущими от Бога, особенно в тех случаях, когда самому пророку эти предсказания идут только во вред. Например, Вольф Мессинг вдруг на своем сеансе прямо в центре фашистской Германии не только увидел русские танки на улицах Берлина еще до начала войны с Россией, но еще и угораздился это произнести вслух, за что и пострадал. Может быть, и не от Бога было это видение, но оно, несомненно, было непрошенным и никак не вязалось с эстрадным характером того, что он делал тогда на сцене. Этот пример, конечно, несколько спорен. Но, например, пророчество Жанны Д'Арк о том, что она спасет Францию, пришедшее к ней в маленькой деревушке в Лотарингии, было, несомненно, этого порядка, поскольку было и непрошенным, и конкретным, и закончилось костром для несчастной девушки.

Абсолютный пример такого пророчества - это предсказание иеромонаха Иова из Соловецкого монастыря, который абсолютно неожиданно сказал, что Соловки станут Голгофой. Ни самому иеромонаху, ни его современникам это было совершенно непонятно - какая связь между Голгофой и Соловецкими островами? Но это было сказано со всей определенностью и без всякого внутреннего или внешнего заказа. И что же? Через двести лет на четырех Соловецких островах расположился, так называемый СЛОН, Соловецкий лагерь особого назначения, первый в мире концентрационный лагерь, специализирующийся в большей части поначалу на уничтожении русского духовенства. Что-то такое бывает.

Итак, пусть все это и без непосредственного одобрения, или прямого участия Бога, но все же это бывает! Существует какой-то механизм проникновения в тайны будущего, и пусть он несовершенен и неуклюж, но он существует. Поэтому нельзя полностью исключать, что израильские пророки, собранные в Книге Пророков, не могли бы определенными усилиями

своего естества выходить на какой-то информационный план нематериального мира. Это - допустимо. И нельзя исключать, что в этих пророчествах может быть что-то и от Бога. Кстати сказать, уже подходя к данному разделу Библии, этот вывод можно предположить - собравшись жить по закону, этот народ в части своих пророков нарушал один из основополагающих его разделов. Ведь в законе сказано - предсказателя побей камнями, и ни более и ни менее. И при этом - целый легион пророков. Легко, конечно, сразу же предположить, что пророки использовались для продавливания своих политических целей, назначение которых освящалось именем Бога. Однако, само то, что закон превозмогался вот так массово, может дать основания и тому предположению, что пророчества могли быть в какой-то части и непрошенными, подчиненными какой-то высшей задаче, ускользнуть от исполнения которой невозможно, как не ускользнули ни Авель, ни Мессинг, ни другие предсказатели, говорившие себе на беду или излагавшие нечто, совершенно непонятное для них самих.

Но в любом случае здесь возникает все та же проблема: а что в полученной информации действительно верно, что искажено, а что вообще притянута собственными пожеланиями? Впрочем, эта проблема в библеистике решается весьма просто - берется нужное для каждого данного случая пророчество и цитируется. То есть все пророчества загодя считаются верными. Такой метод выхватывания нужной цитаты из пророчеств не только весьма удобен, но и весьма плодотворен - с одной стороны, не подвергая сомнению никаких других пророчеств, тем самым как бы освящая на достоверность и собственную цитату, а, с другой стороны, приводя собственную цитату, всегда можно сделать вид, что противоречащей ей цитаты как бы и нет вовсе. Мы таким радикально остроумным способом к пророчествам подходить не будем. Предлагается совершенно иной метод.

Необходимость этого метода объясняется следующим - даже если мы и вооружимся вышеизложенной методологией оценки пророчеств, то это всего лишь метод, но никак не алгоритм отбора. Предлагаемый метод и является таким алгоритмом. Суть его очень проста. Если мы придем к какой-нибудь бабушке-гадалке, и она нам нагадает кучу всяких верных вещей, которые сбылись, и кучу вещей, которые не сбылись, то мы вполне можем считать, что для всего объема предсказанного еще не наступило время, и надо просто подождать. Но если мы побывали у двух бабушек-гадалок, и среди тех предсказаний, которые еще не сбылись, есть такие, которые обещаниями одной бабушки совершенно нивелируют обещания другой бабушки, то мы вправе сделать вывод, что ожидать не приходится ни того, и ни другого, поскольку у них тут вышла осечка. Например, если одна бабушка сказала, что ты станешь олимпийским чемпионом по велосипедным гонкам в ответ на твой вопрос о целесообразности занятий этим видом спорта, а другая бабушка на тот же вопрос утешительно замахала руками - забрось, милоч, ты этот спорт, все равно тебе ноги поездом отрезет и будешь ты на этот лисапед только смотреть издалека, то из вероятных событий будущего логичнее всего было бы исключить и поездку на Олимпиаду, и залетный поезд на перегоне. Если они предсказывают разное, то следует, может быть подождать, что из этого окажется более правильным. Но если они предсказывают *взаимоисключающее*, то верить, очевидно, не следует ни тому и ни другому. Тут как в алгебре -

противоположное должно взаимно уничтожаться. Возможно, такой метод оценки пророчеств несколько несовершенен, но всегда интересно, что из этого получится.

Итак, мы сделаем то, чего, наверное, еще пока не делал никто - расклассифицируем пророчества на однотипные по содержанию, присвоим им индексы, и посмотрим - нет ли среди них взаимоисключающих пророчеств, и, если таковые обнаружатся - засчитаем их как ошибочные. Оставшееся рассмотрим и сделаем вывод - что же обещают нам пророки Библии?

Начнем мы рассматривать нелегкое творчество пророков в том порядке, в каком они идут в Библии. Пророчества будем приводить также в прямой копии их последовательности в оригинале, и будем присваивать каждому пророчеству буквенный индекс. Первые пророчества мы изложим более подробно, чем последующие, поскольку в них очень много повторов и практически один и тот же стиль при одном стиле изложения, и нет насущной надобности об одном и том же говорить с равным усердием.

Итак, Исая, Сын Амоса, пророк во дни царей Озии, Иоафама, Ахаза и Езекии.

Пророчество "А". Начинается оно с гневной брани в адрес соплеменников-евреев: "племя злодеев, сыны погибельные!" и т.д. Все это, разумеется, за измену Иегове. Исая негодует - все земли потеряли, остался один Иерусалим, да и самих осталось уже немного. Бог здесь говорит устами Исаяи следующее - не нужны Мне ваши жертвы, обряды и ваши религиозные праздники, соблюдение суббот, видеть вас не могу, пока не научитесь делать добро, искать правду и помогать тем, кто в беде, а если этому научитесь, то прощу вас. Все достаточно прозрачно.

"В" - Далее Бог называет евреев Своими противниками и врагами, обещая им отомстить, оставив из них только самых праведных, для которых возродит славу Иерусалима. Здесь многое накручено, но некоторая идея просматривается - останутся какие-то самые праведные, а судьба остальных пока не известна.

"С" - После этого "многие народы" придут к вере в Бога, все народы будут жить в мире, одной семьей, и (здесь впервые звучит эта крылатая фраза) "перекуют мечи на орала". Достаточно светлое пророчество.

"D" - Придет время и наступит День Господень, когда Господь "сокрушит землю", и все человеческое (богатство, религии, гордость, все "высокое человеческое") "унизится", станет ничем, а ценность будет иметь только Божье. Речь идет о каком-то моменте коренного преобразования жизни человечества путем радикального и резкого вмешательства Бога в текущий порядок вещей.

"E" - Господь лишит евреев умных руководителей и сильных личностей, править ими будут недоумки, не найдется ни одного вождя, и таким именно образом придет конец Иерусалиму и евреям. Тут же Господь упрекает старейшин евреев в угнетении собственного народа. В принципе это узконациональное пророчество, но мы его приводим как некий пример некоторого вида пророчеств, которыми обильно пестрят тексты всех пророков - это пророчества о судьбе еврейства. Они нас, вроде бы, не касаются, но замечаний на эту тему среди пророчеств столько много, что не приводить их относительно опасно - возможно в этом есть что-то еще, кроме понятной заинтересованности пророков в судьбе собственного народа.

"F" - Исайя предрекает горькую судьбу евреям - гордые и изысканно одетые еврейки потеряют мужей убитыми, подурнеют от голода и лишений, обнищают, будут использованы бесчестно, их останется семь на одного мужчину, и они будут просить хотя бы номинального брака у любого мужчины, лишь бы не умереть в позоре. После этого "отрасль Господа" явится и "уцелевшие сыны Израиля" станут именоваться святыми. Здесь интересны не столько проблемы одиноких евреек, сколько известие о том, что явится что-то простое и необычное ("отрасль Господа").

"G" - Господь сделал все для евреев, а в ответ вместо добра получил "дикие ягоды". Поэтому Господь разорит Израиль и оставит его в запустении. За то, что евреи предали себя стяжательству и порокам Господь отдаст их в плен другим народам, а отцы нации и богачи потеряют свое богатство. За извращение добра и истин, за самодовольство и распутство, за продажность евреев "истлеет корень их, и цвет их разнесется, как прах". Господь прогневался на народ Свой и поэтому дает силу и выгодные обстоятельства всем народам до края земли и те, сильные и оснащенные, отнимут у евреев все, что у них есть, безвозвратно.

"H" - В видении Исайи Господь очистил его горящим углем и послал к евреям сказать - вы стали совершенно невосприимчивы к слову Моему, за это земля ваша опустеет, и если кто возвратится, то вновь все будет разорено, но "святое семя будет корнем её". Останется только корень, как от дуба, когда он срублен, и этот корень вновь не произрастет.

"F" - Сирия и Израиль нападут на Иудею, а Исайя пророчествует иудейскому царю Ахазу, что поход будет бесплоден, но род Ефрема, от которого пошел нынешний Израильский царь, нападающий на Иудею, через 65 лет вообще "перестанет быть народом", то есть исчезнет. А от Господа будет Иудее знамение - "дева во чреве примет и родит Сына", он будет способен "отвергать худое и избирать доброе", но до этого придут ассирийцы и египтяне, и почти захватят Иудею. Но вы не вникайте в политическую ситуацию, говорит Бог, надейтесь на Меня и бойтесь Меня, так как если от кого и пострадаете, так только от Меня. Наступает время скорби, беспросветна будет ваша жизнь, будет в ней полный мрак, но придет свет из Галилеи, ибо "младенец родился нам - Сын дан нам", "Бог крепкий, Отец Вечности, Князь Мира". Его владычеству не будет предела, и царство Его не будет иметь границ, а будет же он из рода Давида.

"H, I" - сдвоенное пророчество и поэтому имеет сразу два индекса. Израильское царство погибнет от междоусобиц и нашествия других народов по воле Господа. Но и это будет еще не все. Продажные и несправедливые правители не спасутся богатством и пойдут в плен или будут убиты. Но и это еще не все. Ассирийцы будут грабить, жечь и попирали евреев "как грязь на улицах", но ассирийцы припишут это не воле Божьей, а своей силе, и за это Бог сделает этот народ таким малочисленным, "что дитя в состоянии будет сделать опись". Да и к самому Господу обратится только остаток Израиля, ибо Господь истребит евреев Израиля. Опять все тот же остаток.

"K" - Из народа Иессеев выйдет Некто, Кто станет Судьей Земли и на земле наступит рай, обусловленный "ведением Господа". "Корень Иессеев" станет знаменем всех народов, и народы

обратятся в его веру. А в это время евреи помирятся, Господь соберет их вместе и они "ограбят всех детей Востока". У народа, который будет в плену у Ассирии, тем не менее великое будущее.

"-С" - Пророчество, которое полностью противоречит более раннему пророчеству "С", поэтому мы даем его в том же буквенном символе, но с противоположным математическим знаком. Господь возвратит евреев на их землю - народы сами приведут евреев "на место их" и станут их рабами, а евреи будут над ними господствовать.

"L" - через 70 лет Тир восстанет и будет работать на евреев, отдавая им всю свою прибыль.

"M" - Сирия и Дамаск исчезнут навеки с земли.

"N" - Египет, Ассирия и Израиль заключат дружественный союз. Народы этих стран будут верить в одного и того же Бога. Через Исаяю Бог называет египтян "народ Мой", ассирийцев - "дело рук Моих", а евреев - "наследие Мое". Однако Ассирия победит Египет и возьмет всех египтян в плен. Здесь полная неразбериха, потому что, Ассирия то дружит с Египтом, то побеждает его одновременно, но показательны сами уклоны Исаяи в сторону от генеральной линии вражды с соседями к дружбе с ними же. Это опять говорит о том, что пророчества - вещь достаточно непредсказуемые даже для самого пророка.

"D, C" - Господь устроит Страшный суд над землею - опустошит ее, сделает бесплодной, изменит ее вид. Люди сожжены. Остались лишь немногие. Дальше - страшные землетрясения, царей земных заключат в темницы и после долгого заключения накажут. После этого Бог сохранил все народы и не будет больше смерти и горя.

"E" - За то, что евреи со Мною только на словах, только в законах, которые сами же и придумали, а сердцем далеки от Меня, Я сделаю так, что мудрецы их будут без мудрости, а разумники - безумными.

"B" - наступит время - не будет болезней и горя, а законники, путающие людей в словах, будут истреблены. Тогда оставшиеся евреи обретут мудрость и научатся послушанию. За то, что подменяете Мой закон своими выдумками, Я накажу вас, и от вас останется небольшой остаток. Опять речь о каком-то остатке.

"O" - Господь помилует евреев, и они будут богато и сытно жить в Палестине.

"G" - Земля евреев будет разорена, но потом народ будет жить в мире и безопасности.

"-С" - Господь наведет порядок - все народы (кроме евреев) будут сожжены в огне, "не увидишь больше народа свирепого, народа с глухою, невнятною речью, с языком странным, непонятным", останется только процветающий Иерусалим. Все евреи пойдут делить добычу, "так что и хромы пойдут на грабеж. И ни один из жителей не скажет - "Я болен". Господь рассердится на все народы и уничтожит их.

"O" - Придет время, и Господь превратит пустыню в водяной рай, сделает большую дорогу, по которой нечистым нельзя будет ходить, а евреи вернутся по ней в Сион для радости и веселья.

"P" - Господь говорит евреям - не бойтесь, "в стыде и посрамлении останутся все, раздраженные вами, и борющиеся с тобою будут как ничто, совершенно ничто".



"F" - Суд народам возвестит "Отрок" Господа. Он будет спокоен, доброжелателен, он не будет действовать угрозой или силой, он будет нести истину. Его закон станет надеждой для всей земли. Он будет светом для язычников.

"S" - Господь нарушит молчание, терпение Его закончится, Он опустошит земли, даст истину и путь людям, а евреи виноваты больше всех, потому что видели многое, но не замечали. Но Бог прощает их, не ради них, а ради "Себя Самого" и возвращает только потому их из плена вавилонского, и накажет вместо них в качестве выкупа другие народы - египтян, эфиопов и неких савейцев. Господь называет евреев своими свидетелями (свидетельствующими о нем), которые будут возвещать Его славу. Задача евреев - оставить языческих идолов и нести весть о Господе.

"C" - Все народы придут к Господу и преклонят перед Ним колена, "все концы земли" будут спасены, "Мною клянусь", говорит Бог. Так же Господом будет "оправдано и прославлено все племя Израилево".

"S" - Господь обращается к евреям - имея с вами дело, Я всегда знал, что вы поступите "вероломно", вы от рождения "отступники" и исповедуете Меня "не по истине и не по правде", но "ради имени Моего" и "ради славы Моей" Я "удерживал Себя от истребления тебя", поэтому выходите (приказной оттенок) из Вавилона не только для "возвращения остатков Израиля", но чтобы и "спасение Мое простерлось до конца земли".

"-C" - Все другие народы будут лизать евреям ноги, кормить их и поить.

"D" - Господь произведет Суд Его "во свет для народов", придет время - неба не будет, земля обветшает, жители ее вымрут, "а Мое спасение пребудет вечным".

"F" - "Возвысится и вознесется и возвеличится" некто Раб Бога тем, что многие народы придут в изумление от Его вести. Слова царей земных ничего не будут значить в сравнении с тем, что скажет Он. "Ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слышали". Это будет нечто настолько новое, что и царям невдомек это было. Это будет настолько мощное, что и царям добавить нечего будет. Но евреи не поверят Ему, им не откроется Сила Господня в Вестнике. Потому что "нет в Нем ни вида, ни величия", ничего в Нем не будет того, что привлекало бы евреев. Он будет "презрен и умален перед людьми", мучим физически и духовно, но евреи отвернутся от Него и будут ставить "ни во что". Евреи будут думать, что Он наказан и унижен Богом, но на самом деле Он наказан за грехи мира, все наказание мира - "на Нем", и своими ранами Он всех исцелит. Все истязания Он перенесет добровольно, и не будет говорить о несправедливости. Через познание Его подвига Он оправдает "грехи многих" и станет ходатаем перед Богом за грешников.

"P" - Господь будет всегда заступником евреев, придет время и Он научит их правде и тогда больше никто не будет их угнетать, тогда все, кто попытается воевать с евреями - падет, а кто попытается судиться - проиграет.

"T" - Евреи призовут к себе народ, который они раньше не знали (а вот и хазары), а народы, которые раньше не знали евреев, станут евреями, ибо за евреями Единый Бог (а вот и Свидетели Иеговы). Здесь первая часть пророчества весьма прозрачно расшифровывает так называемое пророчество Ноя о своих сыновьях. Как известно сыновья Ноя стали

родоначальниками всех других народов. Многие отмечают, что пророчество Ноя удачно вкладывается и в историю народов, и в нынешний геополитический расклад между ними, кроме последней его части, в которой говорится, что Иафет (европейцы) поселится в шатрах Сима (арабы и евреи). Эта часть предсказания до сих пор вызывает одни лишь недоумения. Однако, мы, похоже, уже можем это недоумение разъяснить. Иафет - предок европейских народов. Сим - предок семитов, то есть арабов, ассирийцев и евреев. Те, кто сегодня живет в Израиле, то есть в "шатрах Сима", это по крови индоевропейские народы - сефарды (западные евреи) и ашкенази (восточные евреи). И те, и другие по генетике давно уже не семиты, то есть они - Иафет. Сефарды самый обычный Иафет, как продукт многовекового смешения евреев с европейцами, а сами ашкенази - потомки хазаров, которые никогда семитами не были и являются напрямую потомками того же Иафета. При этом живущие в Израиле генетические европейцы, считающие себя семитами, находятся в самом сердце семитской территории (среди арабов, палестинцы из другой оперы), то есть расселились в шатрах Сима. Ной был прав.

А вторая часть пророчества о том, что народы, которые раньше не знали евреев, станут евреями, впрямую указывает на государство Свидетелей Иеговы, которые так прямо и указывают в своей религиозной идеологии, что они - тот же священный народ, что и когда-то были евреи, и завет Бога с евреями теперь распространяется на них, как на народ избранный.

"С" - Придет время, и Богу будут молиться все народы. Господь собирает "рассеяных израильтян", но предупреждает, что соберет к Себе и другие народы.

"U" - Господь спасет не всех, а только надеющихся на Него. А нечестивых не спасет. "А" - Пост сам по себе не имеет никакого смысла. Хочешь Мне угодить, говорит Господь, то не надо мучить себя голодом. Мне этого о т тебя не нужно, лучше борись с неправдой, помогай обездоленному, исправляй несправедливость.

"V" - Соблюдай субботу, не занимайся "обычными твоими делами", не развлекайся и не пустословь.

"F" - Евреи отделились от Бога, и Он за это их накажет, но придет Искупитель для тех из них, которые отойдут от нечестия, Господь вложит в Искупителя Дух свой и в Уста Его Слова Свои, и эти слова останутся во все потомства.

"-С" - Придет время и "достояния народов" достанутся евреям, евреи работать не будут, будут трудиться иноземцы, а их цари - прислуживать евреям. А те народы, которые не захотят покориться евреям - погибнут и "совершенно истребятся", и даже вместо Солнца днем и Луны ночью Сам Бог будет каким-то образом светить евреям. Причем не только плоды труда иноземцев, но даже их слава будет пользоваться евреями, и таким именно образом "Господь Бог проявит правду". Далее идет образно-поэтическое пророчество в виде интересного диалога: некто идет из Едома в красной одежде и его спрашивают - "Ты кто?", на что он отвечает - "Я изрекающий правду, сильный, чтобы спасти", - "А почему у тебя одежда красная?", и вот ответ: "Да, она не красная. Это я давил другие народы, и она вся их кровью забрызгалась". Имеется в виду тот самый момент, когда Господь "проявит правду"...

Далее, у Исайи идет пророчество-недоумение: Господь избрал нас своим народом, но если посмотреть на нас самих и на нашу судьбу, как народа, то "мы сделали такими, над

которыми Ты как бы никогда не владычествовал". "Все мы сделались - как нечистый" народ, нет в нас ни праведности, ни веры, нет у нас вождя нормального, все города разграблены, Иерусалим опустошен, Храм Твой осквернен, может быть, хватит? Не перегнул ли Ты, Господь? "После этого будешь ли ... карать нас без меры?". Исайя, как видим, даже пытается определить Богу меру в Его действиях. То есть, развитие событий воспринималось пророками не как идущее так, как оно идет, а как постоянное отклонение от того магистрального пути, который они постоянно ожидали наконец-то увидеть, а это ожидание, в свою очередь, было порождено собственными пророчествами о собственной избранности, да текстами Пятикнижия, которое было написано такими же пророками, только безымянными.

"U" - Те, кто будут верить в Бога, обретут радость, а неверующие будут прокляты и уничтожены.

"W" - Господь сотворит новое небо и новую землю, где будет совершенно другая жизнь, по новым закона. Люди будут жить долго, и работать каждый на себя, хищников среди животных не будет, змеи не будут кусаться и Бог будет с людьми.

"A" - Жертвы и ритуалы Мне не нужны, говорит Бог. Все обряды - прямое язычество. А раз вы пошли этим путем и находите в этой "мерзости" удовольствие, то конец ваш будет ужасен, а Я "призрю" смиренного и страдающего, благоговееющего предо Мною.

"U" - Господь придет на землю и спасет рабов своих, а врагов своих накажет.

"C" - Господь придет и соберет все народы и возвестит Славу Свою, и все народы будут поклоняться ему, и из этих народов будут также набираться левиты и священники.

На этом пророчества Исайи заканчиваются. У него есть еще множество пророчеств относительно политических треволнений того дня - кто на кого пойдет, как все это произойдет, чем все это закончится и т.д. Мы их не приводим, как несущественные для нас, сегодняшних. Помимо этого стоит отметить, что и данный пророк, и все остальные, как сыны своего народа и граждане своего государства, естественно, прежде всего, были озабочены судьбой именно евреев и еврейских царств, что в тексте пророчеств занимает основное, просто подавляющее место. А остальные пророчества, выходящие за этот план интересов, даны вскользь и как бы невольно. В силу этого они занимают по объему от общего материала настолько незначительное и непоследовательное по логике текстов место, что их очень легко попросту проскочить. Но поскольку данные пророчества как раз и выбивались по своим результатам из канвы того основного интереса, с которым совершали свои духовные усилия пророки для запросов информации у Бога, то цена их более значима, чем у всего остального, поскольку они не навеянных конкретным ожиданием, и проникают в пророчества сами по себе, каким-то собственным командным усилием, то есть тем самым непрошенным методом, который мы в свое время оценили достаточно высоко.

Далее идет пророк Иеремиа.

"E, C, O" - Северные племена придут и захватят Иерусалим за то, что евреи отдают предпочтение другим богам. Ни один народ не предавал своих богов, только евреи предали Своего Бога. "Осрамил себя дом Израилев;" и народ, и цари, и князья, и священники, и пророки. Не только Израиль отдался другим богам, как блудница, но и сестра его, Иудея "вероломно"

начала "блудодействовать" и осквернила землю, притворяясь при этом верной Мне. Иудея даже хуже Израиля, потому что Израиль - явный отступник, а Иудея прикрывается верой в Меня. Иди, Иеремия, скажи Израилю - возвратись, и Я его прощу, пусть только признает вину свою. Я дам народу новых правителей и учителей, знающих и благоразумных. Ваша религия больше не будет только вашей религией, и завет с вами будет заветом для всех, и все народы придут к Единому Богу, а иудеи и израильтяне вернуться в Палестину. С самого начала все начинания евреев были бесплодны из-за язычества. Если хочешь измениться, Израиль, говорит Господь - вернись к Богу, и скитания твоего народа закончатся. И будешь вместе с другими народами в истине, суде и правде Господа.

"Н" - С севера идет великое бедствие на евреев. Уже покорены колена Дана и Ефрема, уже близко враг. Уже в городах Иудеи он, и вините только себя за это, только свое собственное "нечестие". Вся земля Иудеи будет опустошена, но часть народа останется. Если бы среди евреев остался хоть один, кто соблюдает правду и ищет истину, Я пощадил бы Иерусалим. Но таких нет от низов, до благородных верхов, хотя все утверждают, что верят в Бога. За это придет иноземный завоеватель и поработит вас. Но до конца народ не истребится.

"Z" - Это очень интересное пророчество, которое напрямую говорит о сговоре пророков с левитами (священниками) в своих пророчествах. "Пророки пророчествуют ложь и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это" (Иеремия, 5:13). Здесь откровенно раскрыт механизм идеологической обработки народа, где священники дают заказ, а пророки изрекают пророчества под этот заказ. Далее тема раскрывается также открыто - с севера идет гибель Иерусалима за корыстолюбие народа и *лживость пророков* и священников. Господь возмущен - сначала иудеи крадут, убивают, развратничают, лгут, язычествуют, а затем

"А" - приходят в храм Бога, совершают обряды и считают себя спасенными. Нет - не спасены. Он поступит с ними так, как поступил с Израилем и с племенем Ефрема, которого больше нет. Далее мужественный Иеремия прямо объявляет все Второзаконие левитской выдумкой "... отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди ... о всесожжении и жертве. Но такую заповедь дал им: слушайте гласа Моего" (Иеремия 7:22-23), говорит Бог, но евреи жили не по голосу Бога, а по "внушению сердца своего". Дальше хуже - весь культ служения Иегове, который левиты кропотливо создавали, все обряды и обстановку Храма вот как оценивает Бог - "Поставили мерзости свои в доме, над которым наречено имя Мое, чтобы осквернить Его" (Иеремия 7:30).

"Z" - Даже птицы знают то, что им необходимо знать, не обучаемые никем, а евреи, получив Слово Божье, превратили его в ложь при помощи своих книжников. Народ слишком любит деньги, а пророки и священники - лгуны, успокаивают народ, что все в порядке, а на самом деле все наоборот. За это

"G" - жены их и поля их достанутся завоевателям, Иерусалим станет грудой камней, а города Иудеи - пустынею без жителей. Господь рассеет евреев "между народами, которых не знали ни они, ни отцы их, и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их".

"С" - Придет время, Говорит Господь, и Я приду ко всем народам, и к обрезанным, и к необрезанным, так как хоть евреи и обрезаны, но это ничего не изменило в сердце их. Если другие народы отойдут от язычества и обратятся ко мне, то они будут Моими народами, а

"U" - те народы, которые останутся язычниками - будут истреблены.

"G" - за измену Себе Господь сокрушит Иудею, и народ ее делается "ни к чему не годен."

"V" - Соблюдайте субботу, не работайте и не носите тяжести, тогда Иерусалим будет стоять вечно, а если не будете соблюдать субботу, то Иерусалим сгорит от пожара.

"-X, -E" - Евреи вернутся из всех стран в Палестину, и Господь поставит над ними руководителей, которые не будут бояться и пугаться, и не будут "теряться". Кстати, на современных руководителей Израиля это очень похоже.

"J" - Из рода Давида воцарится Царь, который будет производить суд и правду на земле. Во дни Его Иудея спасется и Израиль "будет жить безопасно".

"Z" - Пророки "обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних", говорит Бог, от пророков нет никакой пользы (!?).

"-С" - Все соседи Иудеи и все царства земные будут жестоко наказаны Богом, потому что если с евреями произошел такой позор, то где справедливость, если того же не произойдет со всеми остальными народами? Господь истребит все народы, среди которых рассеял евреев. А евреев не истребит. Все враги евреев сами сдадутся им в плен, Иерусалим снова будет построен, и будет у евреев вождь, которого Господь приблизит к себе.

"Q" - Господь заключит с евреями новый завет, потому что старый они нарушили. Он вложит закон Свой в душу евреев и даст им знания о Себе.

"Z, -H" - Евреев будет на земле неисчислимо много, также много будет левитов-священников, а на престоле еврейского царства будут восседать потомки Давида.

Пророк Иезекииль.

"U" - Праведники останутся жить, а неправедные погибнут.

"G" - Израиль будет разрушен, а народ его рассеян. Иерусалим станет пустыней. Евреи "падут от меча, а оставшиеся будут развеяны по всем ветрам".

"Z" - Пророки - лгут.

"H" - От евреев останется небольшой остаток.

"R" - Господь восстановит союз с евреями для того, чтобы они помнили измену свою и стыдились. "Чтобы вперед нельзя было тебе и рта открыть от стыда, когда Я прощу тебе все".

"V" - Соблюдайте и святите субботу.

"X" - Господь рассеет евреев среди других народов и развеет их по всем землям, чтобы положить конец "мерзостям" среди них.

"Q" - Господь заключит с евреями новый завет.

"Y" - Господь воскресит умерших евреев и поместит их в Палестине.

Пророк Даниил.

"F" - Сыну человеческого будет дана власть над всеми народами, племенами и языками, Его владычество будет вечным. Иерусалим будет восстановлен, народ возвратиться, но времена

будут трудные, а затем придет Христос Владыка и будет предан смерти, а город и храм опять будут разрушены.

"U" - Праведники останутся на земле.

"Ф" - Наступит "конец времени".

"Д" - Произойдет воскресение из мертвых - одних для жизни вечной, а других на вечное поругание.

Пророк Осия.

"-G" - Государство Израиль восстановится.

Пророк Иоиль.

"D" - Будет День суда Господа.

"-G" - Израиль возродится.

"U" - Праведники спасутся.

Пророк Амос.

"G" - Израиль будет наказан, никто не избежит смерти, Господь уничтожит евреев.

"-Z" - Пророки говорят только правду.

"H" - От евреев останется небольшой остаток.

"A" - "ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших".

"D" - День Суда Господня будет страшен.

"C" - Все народы равны перед Богом.

"X" - Евреи будут жить рассеянными среди других народов.

"B" - От евреев останутся только праведники.

"O" - Евреи вернутся в Палестину и будут жить сытно.

"-C" - Все народы будут рабами евреев.

Авдий.

"-C" - Господь накажет все народы.

"O" - Сытная жизнь в Палестине. Евреи вернут себе все земли.

Иона.

"C" - Господу одинаково дороги все люди и все народы.

Михей.

"C" - Все народы будут жить в мире и счастье.

"S" - Слово Божье выйдет из Иерусалима.

"F" - Из Вифлеема выйдет Владыка, происхождение Которого "из начала, от дней вечных". Сначала Его не будет с людьми, а затем Его родит женщина. Власть Его будет до краев земли, и придет мир. Евреям тогда тоже будет хорошо и безопасно.

Наум.

Все пророчества Наума - сладострастно смакуемые подробности ужасов разрушения Ассирии.

Аввакум.

Практически все пророчества - псалмопения, кроме пророчества о победе Вавилона над Иудеею.

Софония.

"D" - День Суда Господня - день гнева Его.

"B" - Остаток евреев будет праведным, "народ смиренный и простой".

Аггей.

"Ж" - Слава "последнего храма будет больше, нежели прежнего", когда придет Желаемый всеми народами.

"A" - Все дела священников нечисты.

Захария.

"C" - Все народы будут верить в одного Бога.

"F" - Идет Царь "праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле", "Он возвестит мир народам и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли".

"Ъ" - Придет время, и евреи оценят своего Бога в 30 серебряников, которые будут отданы в церковное хранилище для горшечника.

Малахия.

"Э" - Приносите десятины Господу.

"З" - Соблюдайте 10 заповедей.

"И" - Перед наступлением Дня Господа придет от Господа Илия пророк.

Вот, в принципе, и все пророчества. Не все из пророчеств мы стали классифицировать по индексам только потому, что некоторые из них не интересны нам сегодня, как завязанные на межгосударственные стычки тех времен, а некоторые вообще не выглядят пророчествами, хотя и втиснуты в этот раздел. Например, монотонные словоизлияния одного из пророков о том, какого размера, что и где должно быть в предполагаемо построенном новом храме, причем вплоть до сантиметра, никак нельзя назвать пророчествами, поскольку это просто напоминает один из вариантов подробного строительного генплана, и вряд ли такую точную и подробную в мелочах информацию, напоминающую проектно-сметный документ какого-нибудь дотошного ПТО, можно получать пророческим путем.

Теперь пришло время разобраться с тем, что мы наделали. Начинаем отбрасывать взаимоисключающие пророчества. Естественно, что первыми это будут пророчества "C" и "-C", потому что сведения о том, что с одной стороны все народы будут жить одной семьей и верить в одного Бога совершенно обесцениваются сведениями из того же источника, что Бог эти же народы уничтожит или подчинит евреям. Будем считать этот вопрос открытым. С точки зрения пророчеств, разумеется.

Далее, само собой, идут пророчества "G" и "-G", так как обещания Бога окончательно больше не жалеть евреев и навсегда навести разорение и запустение на Израиль, опровергается Его же обещаниями когда-нибудь все же Израиль восстановить. Равновероятен и тот и другой вариант, а, следовательно, равновероятен и любой другой. Поэтому и данные пророчества ни в одном из видов в актив не идут.

Пророчество "X" о том, что евреи будут рассеяны среди народов и станут жить среди них, опровергается пророчеством "O" о возвращении евреев в Палестину. Здесь также возможно и то, и другое, и нечто среднее, как это получилось сейчас, и вообще, неведь что, и поэтому оба этих пророчества также можно всерьез не принимать.

Пророчество "E" о том, что учителями евреев будут недоумки опровергается пророчеством о том, что со временем Бог даст им умных и храбрых руководителей. Может быть, здесь просматривается то нынешнее положение вещей, при котором раввины умом не блещут, а политические лидеры на высоте? Скорее всего, данное пророчество об этом. Но в любом случае это не актуальное для нас неевреев пророчество, и поэтому мы его просто отложим в сторону, как касающееся только еврейского народа.

Пророчество "H" о том, что евреев останется небольшой остаток опровергается пророчеством "J" о том, что евреев будет неисчислимо много. В любом случае - характеристики "много" и "мало" - понятия относительные. Для современного Израиля даже трех миллионов мало, а для кабинета урологии - и одного слишком много. В общем, эти два варианта закономерно (согласно нашей методике) уничтожают друг друга.

Пророчество "I" о том, что ассирийцев останется очень мало, тоже малозначимо для нас, поскольку оно хоть и сбылось, но носит весьма частный характер.

Исходя из того, что ассирийцев осталось мало ("I") и они, как народ вполне солидный и разумный, не станут добиваться восстановления Ассирии по ее прежнему месту дислокации, то мы вправе отменить пророчество "N" о союзе Ассирии, Египта и Израиля.

Пророчество "Y" о "восстановлении" Богом евреев и поселении их в Палестину, противоречит пророчеству "G" о полном и окончательном истреблении евреев. Тут, как говорится, что на Иегову найдет...

Пророчество "B" о том, что из евреев останутся только праведные, ничем не опровергается. Тем более, что есть пророчество "U", которое говорит, что на земле когда-нибудь вообще останутся только праведные. По-видимому, это подпророчество пророчества "U", относящееся частным образом к одному из народов, в данном случае - к евреям. Нам оно также дальше не пригодится.

Расстанемся мы и с пророчеством "M" об исчезновении Сирии и Дамаска. Оно пока не сбылось. А если и сбудется, то также будет касаться только сирийцев и жителей Дамаска.

Отбросим мы и пророчество "P" о том, что евреи будут выигрывать все суды и побеждать во всех войнах, поскольку ему прямо противоречит по своему содержанию уже известное пророчество "G" об их полном уничтожении.

Пророчество "Q" о том, что Бог заключит с евреями новый завет сводится на нет пророчеством "R" о том, что этот союз будет заключен только для того, чтобы евреям во веки вечные было стыдно за все, что они наделали. В любом случае - это опять только дело евреев.

Больше, похоже, взаимоисключающих друг друга пророчеств нет. Итак, - что же остается в пророчествах непротиворечивого и ценного? Сразу скажем, что произошла закономерная вещь - те пророчества, которые повторяются обильно и целыми блоками страниц в угрожающих объемах, оказались логически исключаящими друг друга. А маленькие эпизодические



пророчества, выстреливающие случайно то там, то тут, вне общей связи повествования, дают стройную картину целостности, и сияют такими правдоподобными деталями, которые пришли вообще не в связи с главной темой всех пророчеств. Как шум в ушах у переходящего в иной мир, который своим звуком не ассоциируется ни с каким жизненным опытом, так и детали этих эпизодов пришли к пророкам ниоткуда и ни для чего, но были, очевидно, настолько явными, что те не смогли их не озвучить. Пророки привели их, даже не понимая, что они, собственно, вообще означают, и даже их не толковали. Не замечали. Если говорить о богодухновенности данных текстов, то, очевидно, только для этих моментов, когда *что-то заставило* пророков сообщить сведения, смысла которых они не понимали, и которые были до опасного конкретны для этого околофактологического стиля их пророчеств. Именно эти пророчества и сбылись.

Оставшиеся пророчества можно располагать в любом порядке. Но их содержание не изменится. Поскольку ни одно из них не противоречит другому. Однако, прежде всего, следует выделить из этих пророчеств пророчества-проповеди. Дело в том, что понятие "пророчество" стало почему-то символом понятия "предсказание, а слово "пророк" вообще подразумевает под собой провидца. Это одна из ошибок в осмыслении Библии. На самом же деле пророк - это тот, кто "прорек" Слово Божье. Это не обязательно должно быть предсказанием. Это может быть и назиданием, и советом, и обличением, и разъяснением. Начиная свой разговор о пророчествах, мы, кстати сказать, характеризовали их тоже как предсказания, и чтобы закончить тем, с чего начинали, мы сначала рассмотрим пророчества-проповеди и пророчества-разъяснения, а затем перейдем к нашим пророчествам-предсказаниям. Сразу скажем, что эти проповеди приводятся здесь только для полноты изложения результатов, поскольку характер таких пророчеств не исследовался автором в виду полного отсутствия у него интереса к данным проблемам. Личная позиция автора состоит в том, что данная часть нашей действительности носит чисто эзотерический характер, то есть является переводом сверхлогических тайных, знаний, полученных сверхлогическим тайным путем, в систему явно действующих субъектов, у которых абсолютно собственная и уже не эзотерическая потенция к действиям в логической системе нашего мира, к чему автор, повторимся, не имеет ни склонности, ни доверия (чтобы быть понятнее, упрощенно скажу - к ритуалам, заповедям, наставлениям, назиданиям, системам постов, обрядов, покаяниям, исповедям и т.д., за исключением великого таинства евхаристии, которое является не эзотерическим, а наказано нам непосредственно самим Иисусом)

Итак, пророчества-проповеди говорят нам о том, что за обрядами, традициями и ритуалами Бога не найти. Богу вообще все равно - соблюдаем мы или не соблюдаем установления священников, Богу важно, чтобы мы искали добра, правды и не изменяли Ему. Он также говорит нам о том, что седьмой день недели надо святить, то есть посвящать его Богу. Подробности не прилагаются. Подробности от лукавого. Но если допускать, что это непротиворечивое пророчество, то это так.

Пророчества-проповеди говорят нам также и то, что пророки и священники всех религий - не истина в последней инстанции. Они могут ошибаться и даже лгать. Подчиняясь их авторитету мы крупно рискуем, ибо за нас никто не найдет для нас Бога - это дело каждого и дело это самостоятельное.

Одно из главных пророчеств говорит нам о том, чтобы мы давали десятину от своих доходов Богу. Скорее всего, имеется в виду помощь своим церквям. Другого пути, по крайней мере, пока не видно. Хотя церковь это не священник на джипе с кондиционером, а объединение людей для совместных обрядов поклонения, все же иного пути отдавать десятину Богу, кроме как, возможно и на джип, действительно не видится. Отдадим священнику, а дальше все на его совести.

Следующее пророчество-проповедь говорит нам о соблюдении десяти заповедей. Эти заповеди - удивительная вещь, наполненная достижениями всей истории от Шумера и до Египта, где сплелось все - и великое, и мелкое, и ошибочное, но все же это еще одна очередная попытка создания морального кодекса, и само их соблюдение похвально со всех сторон.

Далее после пророчеств-проповедей идут пророчества-растолкования. Это еще не предсказания, но уже и не проповеди. Это ответы на те вопросы, которые мы себе задаем. Прежде всего, это пророчество "S", в котором говорится о том, что евреи были избраны Богом не для чего иного, как для того, чтобы *засвидетельствовать* о Нем. Они, правда, этого не поняли, и оценили свою избранность совсем другим образом. Когда Моисей проводил свою религиозную реформу, у евреев уже были, естественно, боги с идолами, которые они когда-то дикими кочевниками переняли у более цивилизованных ассирийцев, которые имели высококультурное государство еще со времен Шумера, и поэтому Моисей, как последователь Эхнатона, хотел дать им имя нового Бога, чтобы отделить этого Единого Бога от других кумиров. И Моисей сообщил им это имя - "Иегова", которое сейчас переводят по-разному. Но смысл-то у этого перевода один - "Тот, который существует, Тот, Который есть". Смысл этого известия был прост - Один Единственный Бог, Который вообще есть, других богов в природе нет. Однако, ни тогда, ни сейчас, этого до сих пор не поняли - *это было не имя, это было растолкование*. В итоге евреи остались язычниками, но задача их оставалась той же - дать людям весть о Едином Боге. И здесь плохое обернулось хорошим. Своим упрямством и фанатизмом книжники народа сохранили и принесли в Палестину знание об одном Боге, которого пусть и не считали единственным, но и это было революционно: один Бог вместо сонма богов даже только для одного племени - это был шаг в заданном направлении.

А Палестина была в то время единственным местом, откуда такое знание могло бы открыться всему человечеству. Палестина была стыком культур Востока и Запада. Если бы Бог избрал для этого какой-нибудь африканский народ, то мы до сих пор были бы язычниками, потому что - для кого авторитет африканское племя? Так же точно эта идея затерялась бы и на просторах Индии, Китая и всей остальной Азии, или осталась бы их региональной истиной, потому что их культура также со скрежетом проникает в другие области земли. Если бы эта истина была европейской, то ее не приняли бы восточные народы, отторгая ее как религию поработителей и завоевателей. Если бы это было знание американских индейцев, то оно бы или сгнуло в резервациях на Севере, или было бы уничтожено вместе с государствами и культурой Юга. Только из Палестины могло идти знание о Боге и на север, и на юг, а далее и во все земли. Европа приняла это как свое, потому что христианство пошло через Рим. А Рим в то время - это и был весь мир. Христианство легко пошло от народа к народу, так как не было политических

границ между ними в пределах необъятной Империи, а Восток принял это как свое, ибо оно и было по культурным истокам своим, восточным.

Кроме того - только евреи были готовы встретить Христа. Именно его пророки возвестили о Его приходе и весь народ Его нетерпеливо ждал. Правда ждали-то нового царя, который истребит всех врагов и восстановит славу евреев, однако ждали такого царя именно как Посланника Бога, другие же народы ничего такого и не могли ждать, потому что каждого своего вождя считали посланником богов, а чаще и живым богом непосредственно. Кроме того, все привыкли, что богов очень много, и весть о Едином Боге, для того, чтобы укрепиться и открыться Воскресением Христа, должна была придти именно оттуда, где к этому разговору вообще хоть чуть-чуть были готовы хотя бы в количественном смысле. А это было возможно опять же только в Иудее. Над Святым Павлом еще греки смеялись, настолько им было дико то, что он сказал - Бог один, а все другие боги - фантазия.

И только с евреями Иисус мог говорить о том, о чем никто в мире еще и понятия не имел - о том, что законы Божеские не в ритуалах и установлениях, а в вере духовной. И только среди евреев могли найтись единицы, лучшие из лучших, которые были подготовлены верой в приход Мессии (Христа). Великая вечная благодарность всех людей всех народов этим одиннадцати и Савлу Тарсянину, которые превозмогли оковы духовного порабощения левитов и создали христианство. Двенадцать человек перевернули мир. Но эти двенадцать могли появиться только среди этого народа. Об этом и говорит пророчество "S", о свидетелях Бога другим народам из евреев, из небольшого остатка, который мы действительно сегодня называем святым.

Ну, и, наконец, остались только футурологические, то есть, касающиеся будущего, пророчества. Вкратце мы их можем изложить так: придет на Землю Отрасль Бога, Сын Его и Сын Человеческий. Его родит дева. Придет он из Галилеи. Но будет Сам из Вифлеема. Будет Он способен отвергать злое и избирать доброе. Сам будет добр, насилия в Нем не будет, Он будет нести истину, и Его закон станет надеждой для всей Земли. Он откроет глаза язычникам, весть, принесенная Им будет абсолютно новой до её непонимания, но и абсолютно мощной до смирения перед ней самых сильных мира сего. Слова Его будут от Бога и останутся с людьми навсегда. Происхождение Его - от самого начала. От того времени, когда самого времени не было ("от дней Вечных"), то есть божественное. Но евреи ему не поверят, так как в Нем не будет величия. Он будет унижен, презрен, Его будут истязать физически, что Он примет добровольно и без жалоб. Евреи будут считать, что Он наказан Богом, а на самом деле Он взял на себя наказание за их грехи и грехи всего мира. И этим всех людей спасет и исцелит. Тот, кто правильно осознает Его подвиг, будет принят Им, и за того Он будет ходатаем перед Богом. В конце концов, Он будет предан смерти, но владычество Его над Землей и над всеми народами будет вечным, и принесет оно людям мир и счастье.

Это - пророчества об Иисусе Христе, которые действительно сбылись. Сбылись до тех самых непонятных и не контекстных деталей: до въезда Иисуса в Иерусалим на осле; до того обстоятельства, что Его пронзят (Его пронзил римский воин уже мертвого на кресте, чтобы проверить, жив ли Он еще, или нет), но костей не переломят (чтобы долго не ждать смерти распятых, стражники-римляне перебивали у них голени - от болевого шока при этом распятый

умирал: Иисус же был так жестоко пытаясь перед крестом, что умер на кресте быстро и Его голени перебивать не пришлось). К таким деталям можно включить и поразительное пророчество о том, что евреи назначат Богу цену в 30 серебряников, которые через церковное хранилище перейдут к горшечнику. Все так и случилось - Иуде заплатили за предательство именно 30 этих монет, они стали жечь ему руки, и он, перед тем, как повеситься, сдал их в церковную казну. Священники также не захотели оставлять деньги, на которых была кровь у себя, и в результате на них была куплена земля, которая *впоследствии отошла к горшечнику!* Также в точности сбылось и то предсказание, что Его одежды будут делиться по жребию - после распятия палачи не смогли разделить поровну полагающиеся им по обычаю Его одеяния, и кинули на спорную часть туалета жребий.

Как видим, из всего предсказанного, помимо упоминания о Судном Дне и грядущем воскресении из мертвых, невероятно стройно прорисовывается земная жизнь Иисуса Христа. Единственное, что последовательно и непротиворечиво излагается в Ветхом Завете, и единственное, что в этой книге, можно считать Словом Бога, относится только к Иисусу Христу. И теперь понятно почему Он Сам так и говорил иудеям - Писания читаете, а не понимаете, что читаете про Меня. Большого в писаниях, действительно нету. Это вызывало у них бешенство, но скажите, - так ли уж много и сейчас религиоведов и теологов, которые согласны с Иисусом?

Итак, у нас осталось единственное пророчество "И", которое носит спорный характер. Оно гласит о том, что перед Судным Днем придет пророк Илия. До Судного Дня еще есть какое-то время, и неизвестно - придет перед ним Илия или не придет? О чем спор? Спор о том, что Иисус сказал однажды ученикам, что Илия уже пришел, и предварил он не Суд Господень, а Его, Иисуса приход, и пришел Илия в виде Иоанна Крестителя, то есть, говоря нашим языком, реинкарнировал в этого пророка. Получается, что, либо пророк напутал, либо Илия еще раз придет перед Судным Днем, либо Иисус был прав. Что выберем? Во всяком случае, Иисусу стоит поверить больше. Он, конечно же, лучше знал.

Заканчивая с пророчествами, да и со всем Ветхим заветом приходим к единственно верному выводу - Ветхий завет это книга об Иисусе Христе, хотя Сам Он появляется только в Новом завете. Христос - центральная и объединяющая мысль всей книги, без нее она распалась бы и превратилась просто в исторический очерк о событиях на Ближнем Востоке от древности до нашей эры. Из всего ее содержания осталось бы только Бытие, да 10 заповедей. Библии бы не было, как не было бы любой другой книги, у которой нет основного, главного сюжета, скрепляющего собой вспомогательные отдельные сюжеты. Это был бы просто сборник рассказов, где каждый повествовал бы о чем-то, о своем. А при наличии Иисуса Христа все раздробленные события собираются от Адама до Его прихода в одну историю о том, как люди появились, как им открылся Бог, что Он от них хотел, как они были неспособны выполнить Его заповеди, и как Он в образе Человека пришел к людям и спас их, взяв их грехи перед каким-то механизмом наказания, на Себя.

Без Иисуса Библия превратилась бы в Талмуд, то есть в непрестанное толкование центральной идеи иудаизма, а с Иисусом книга становится книгой и порождает еще одну книгу под названием "Коран".

Наличие Иисуса в Коране так же делает Коран законченной книгой, ибо хоть Мухаммед и не принял истинной *сущности* Христа, он понял его *роль* Вестника Бога. В Коране есть эта благая весть, следовательно, ислам - благая религия.

В общем, мы выяснили для себя, что христианину есть, что почитать в Ветхом завете, если он догадывается, *о чем* там написано. И не беда, что все полезное чтение заключено в нескольких коротких пророчествах, разбросанных по разным временам и текстам, потому что это, вероятно, пришло от Бога. И это тем более замечательно, что, как мы поняли, Бог совершенно не заинтересован в том, чтобы мы имели возможность заглядывать на последнюю страничкуу бестселлера "История человечества и Земли".

Поэтому Ветхий завет можно рассматривать как пролог к Новому завету, написанный совершенно с другой целью, более помпезной, но на поверку истории принявший вид вступительного очерка перед Основной Историей. Итак, вступление окончено, впереди - Новый Завет. А что такое Новый Завет? А Новый завет - это Иисус Христос в рассказах современников. Вот мы и подошли к Иисусу...

### Иисус

Вообще-то наступил момент, когда надо заканчивать и, логически выводя Иисуса из всего выше пройденного, сказать - друзья, читайте Евангелия, в них есть все, что Вам нужно, и - в добрый путь! Говорить об Иисусе обзорно-исследовательским образом или назидательным тоном - самое глупое, что можно себе позволить. И, действительно, можно заканчивать, потому что Евангелия (свидетельства о Нем) сами все скажут. Однако прежде чем отправить кого-либо в поисках Веры к Евангелиям, следует предупредить, что Веру через них можно обрести только тогда, когда нет намерения расчлнить изречения Иисуса на их смысловые единицы и составить из них некое пособие по основным постулатам Веры. То невероятно сильное воздействие Евангелий, которое производит прямо-таки физически ощущаемые движения по изменению души, никогда не произведет своего действия, если читать их аналитически-лабораторным методом. Их надо воспринять единым духом, прочитав в одном порыве, не вмешиваясь в процесс восхождения духа, не пытаясь разобраться в непонятных местах, не пытаясь логически оценивать вероятность или невероятность происходящего, пройти как бы вместе с Иисусом и Его учениками эти три года Его служения, и когда все в душе перевернется и осветлится, когда Иисус войдет в нее, тогда можно начинать пытаться проводить исследования. Потому что страшно потерять Иисуса в своей душе, но еще страшнее никогда, даже на короткий миг не ощутить Его в ней, ибо эти несколько секунд могут соприкоснуть с Вечностью.

В свое время Иммануил Кант в работе "Религия в пределах чистого разума" пытался доказать, что содержание Евангелий очень легко и просто укладывается в резоны и закономерности процесса логического мышления и вообще в свойства человеческого сознания. В принципе, говорил Кант, все это (он имел в виду Нагорную Проповедь) можно спокойно вывести методом дедукции и обосновать затем другими методами познания, а священные книги нужны только для того, чтобы эти сведения просто передавались из поколения в поколения и не затерялись. Кант красиво и плавно излагает смысл и логическое содержание Нагорной

Проповеди, читается все это здорово, но по окончании этого чтения ни в голове, ни в душе не остается ничего. Почему? Потому что в этом изложении *нет Иисуса*. Есть комплекс высоких идей, но нет их истинной высоты. Просто еще один моральный кодекс. В чем проблема?

Представляется, что проблема состоит в том, что основное содержание Евангелий ускользает от читателя, несмотря на то (а, может быть и, наоборот, в силу этого), что оно несложно и понятно. Почему одни люди промахиваются мимо цели, когда читают Евангелия, а другие попадают именно туда, куда надо? Ответ прост. Самое ценное в Евангелиях - Личность Иисуса. Все остальные события, насколько значимы бы они не были, ничего божественного сами по себе не несут без Него. Именно Эта Личность делает свет Евангелий неугасимым, и именно в этом их великая сила. Забываются детали событий, забываются сами события, их повороты и последовательность, замутняются со временем в восприятии детали писываемого, а память о духовном соприкосновении с Ним остается. И если эта неизречаемая высота соединения души с Иисусом была отодвинута на задний план казенно-диагностическим методом изучения текстов евангельских событий, то человека пронесет мимо христианства, и, как представляется, заодно и мимо единственной возможности ощутить в себе Бога. Богу можно поклоняться, и можно даже сделать это сущностью своей жизни, но ощутить *личностную связь* с Ним можно только через ощущение Личности Иисуса.

Многих останавливает на этом пути непонимание этой действительно трудной для понимания вещи - как Бог может быть и Богом и человеком одновременно? Нас данное обстоятельство не должно пугать. Мы ведь знаем, что как раз на стыке таких взаимно опровергающих логически друг друга понятий и лежит Правда. Мы видим это даже в точной науке, где, чем сложнее явление, тем сильнее из него выпирает этот принцип дополнительности, который с одной стороны говорит о том, что "это" белое и никак не может быть черным, а с другой стороны настаивает на том, что оно же и черное и никак не может быть белым. Если это допустимо в физическом мире, который является всего лишь проявлением нематериальной идеи, то почему это не может быть допустимо в естестве Бога?

С другой стороны в этом непонимании просматриваются явные издержки некоей борьбы собственного духа с собственным же сознанием, которое в некоторых моментах вполне закономерно соединяет несоединимое даже в обыденной жизни, но почему-то отказывает в этом Жизни Высшей. Вот, например, если вспомнить всем известные фразы, которые ни у кого не вызывают позывов на их логическое отрицание, или на духовный подвиг согласия с ними: "Человек - это звучит гордо", "Человек - венец природы", "Человек всей своей историей показал, что ...", "Человек - существо не просто физическое, а и ...", "Человек создал свою цивилизацию...", "Человек населяет эту планету...", "Человек по своей природе..." и т.д. Самые обычные фразы, не правда ли? Гораздо важнее даже то, что последовало бы в них за многоточиями, настолько их первые части легко воспринимаемы. Тогда - позвольте вопрос: а, какой человек? Мужчина или женщина? Или ребенок? Однажды во французском парламенте конца 19 века один из докладчиков в своей речи о равноправии мужчин и женщин оговорился, что звучало буквально так: "Как известно, женщину от мужчины отличает только одна маленькая разница". В ответ с депутатских мест раздался возглас истинного француза: "Да здравствует эта

маленькая разница!". Но если без шуток, то мужчина и женщина - это совершенно *два разных Человека*. И внешне, и физически, и психически, и духовно, и по образу мысли, и даже по химическому строению некоторых молекул! То же самое можно сказать и о ребенке, у которого еще нет, по сути, пола, и о стариках, у которых пола уже нет. К тому же, какой это "человек" - белый, африканец, монголоид, азиат или еще кто? Что-то заставляет нас в своем сознании спокойно преодолевать эти явные водоразделы между мужчиной, женщиной, детьми и расами, и иметь в своем представлении *действительное понятие о цельном и неразрывном явлении Человека, состоящего при этом же из совершенно несоединимых и противоположных частей!* Так что же мешает нам это же сделать относительно Бога?

Некоторые религии и религиозные течения отрицают такую возможность еще и потому, что не верят в умаление Бога до физического состояния простого человека. Здесь явно видна еще одна ошибка - антропоморфизм сознания. Антропоморфизм вообще свойственен сознанию человека, и в простом смысле это означает, что всему виденному человек придает человеческую подоплеку. Например, данная гора вызывает у него ассоциации с угрозой, и он называет ее Медведем. На самом же деле гора лежит себе спокойно и никому не угрожает, но человек распространяет свое впечатление от нее на ее характер, которого у горы вообще-то и нет совсем. Или, например, взрослый тюлень вызывает смех, а маленький тюлененок - умиление. Здесь тот же самый антропоморфизм мышления: и большой тюлень, и его малыш совершают совершенно одни и те же движения, но по *людским* понятиям зрелому самцу это не идет, как неэстетичная неуклюжесть, а детенышу все это к лицу, поскольку человеческий детеныш также *забавно* неуклюж и неуверен в движениях. В более широком смысле антропоморфически мыслящий человек задает себе вопрос - если бы я был Богом, то на кой мне надо было бы принимать образ человека, разрешать бить себя плетью и дубинками, а потом позволить распять на кресте? Так прямо конечно вопрос не формируется, он прикрывается тем положением, что Величие Бога несоизмеримо с человеческим уровнем, и такое падение для Бога не резонно ни с какой стороны. Но, по сути, здесь чистая подмена своими собственными представлениями возможных мотивов поступков Бога. Величайшая ошибка, во-первых, считать, что Бог должен, или может действовать, только руководствуясь соображениями внутреннего порядка, которые должны быть обязательно понятны человеку. Многое в мире непонятно верующему человеку, но он оставляет это промыслу Бога, а вот явление Иисуса, как Сына Бога и человека одновременно, которое человеку непонятно, как и многое другое, он промыслу Бога не оставляет, а судит сам. Нам тоже логика Бога известна быть не может, но даже с точки зрения антропоморфизма мы можем здесь задать простой вопрос - а почему вы так однобоко смотрите на Явление Иисуса? Почему в этом видится только умаление Бога? Бога ничем умалить нельзя! А вот *этим же* человека возвысить можно! Так почему в этом не увидеть возвышение Богом человека, а продолжать видеть только обратное? Тем более, что за Бога не надо думать, Он хорошо за Себя думает Сам. Давайте увидим именно это в том, что Бог принял образ человека, что нам мешает? Мешает все то же - Личность Иисуса не воспринята. А просто логически это доказывать бесполезно.

Ну, а что касается, так сказать, технической стороны этого дела, то есть, совмещения человеческого и божественного на реальном плане материальной истории, то и тут, если подумать, также все ясно. У человека под одним только ногтем располагается несколько миллионов вирусов. Средняя продолжительность жизни человека составляет около семидесяти лет. Средняя продолжительность жизни вируса - меньше секунды. Теперь, представьте себе, что вам, человеку, надо осуществить некую миссию в среде вирусов, и для этого вам пришлось принять форму вируса, его образ жизни, способ общения, мышления и в арсенале у вас только лексикон понятий этих самых вирусов, потому что ваше человеческое знание при вас, но передать его вирусам можно только с помощью их языка, который даже в наметках не имеет ничего, что относилось бы к уровню человеческих понятий. Естественно, будучи облаченным в форму существования вирусов, вы будете самым настоящим вирусом и будете заниматься тем же самым, чем должен заниматься вирус. На первый взгляд вас никак не выделит. Но в окопах этого образа существования с вами остается вся мощь вашего знания (относительно знания вирусов, естественно) и все безграничные вершины человеческого духа. То есть, вы одновременно и человек. А теперь попробуйте за жизнь, длящуюся менее секунды донести до вирусов истину о Спасении. Подумаем, что из этого могло бы получиться. Достаточно подумав, мы приходим к выводу, что, испытав определенное бессилие изменить этот мир внешними средствами, единственное, что вам останется, это дать ему внутренние ориентиры и сказать в конце - вы все равно ничего не поймете, вам остается *только верить*, что когда придет конец света, я приду и спасу тех, кто верил в то, что я сказал. Верьте в меня и стремитесь исполнять то, что я говорил, а остальное - за мной. Спасу каждого, кто будет пытаться сделать хотя бы это. Это, так сказать, упрощенный вариант миссии, без взятия на себя всех грехов всех вирусов и искупительной смерти за эти грехи. Так что с чисто логической стороны (мы тоже не хуже Канта можем профанировать идеи) - то, что произошло, было единственным, что могло произойти при данной постановке задачи Богом. Логике трудно сопротивляться, тем более что это перерастает просто в упрямое сопротивление Иисусу, как истинному человеку и истинному Богу в одной сущности. Не надо сопротивляться. Но и не надо делать вид, одновременно, что тут до конца все понятно, ибо логикой этого понять до конца нельзя. Логика просто позволяет *допустить этот вариант, как единственно закономерный для явления Бога к людям*.

Есть еще одна точка сопротивления Иисусу, которая выражается в том, что Бог - не человек, и не должен восприниматься людьми в образе человека. Согласно этому мнению Явление Бога к людям должно было бы иметь более величественный эффект, чем образ галилейского плотника. Это должно было быть нечто действительно божественное, не вызывающее споров. То есть, Бог, вряд ли допустил бы, чтобы человек воспринимал Его отчасти в своем человеческом образе. Тут трудно что-то возразить именно со стороны Бога, потому что здесь опять же за Бога решается - допустил бы Он или не допустил... Но, похоже, Бог сделал все правильно. Потому что любое другое Его Явление, пусть и самое величественное по масштабам, самое запоминающееся, самое феерическое, было бы *мертвым* явлением, за которым ничего кроме цирка не стояло бы. Человек мог бы это увидеть, оценить, поразиться, восхититься, рассказать детям, записать в книги, праздновать юбилеи, слагать произведения искусства и т.д.,



но человек не изменился бы и не соприкоснулся бы с Богом, потому что человек - это личность, и только другая Личность может соединиться духовно с его личностью и осветить его душу Своим Светом. Уж сколько тысячелетий светит людям Солнце - пожалуй, самое величественное явление Бога людям, уж сколько тысячелетий перед людьми раскрывается ночное небо с захватывающей картиной звезд, сколько тысячелетий люди видят Бога в окружающей природе и в Космосе - но мир не менялся. А простой плотник изменил мир в течение одного дня, когда воскрес. У людей нет точек соприкосновения ни с Солнцем, ни с небом, ни с Природой - это внешний человеку мир, а Личность Иисуса входит во внутренний мир человека, *непосредственно в самого человека*, и только так, через Свою Личность, Бог мог соединиться с нами, только через Себя в виде человеческой личности, потому что ничто другое не может слиться с нами и восприниматься нами так близко, как своё. Только к Личности может испытывать человек *любовь*, и только через Личность Иисуса эта любовь к Богу может реализоваться в истинном человеческом тепле и устремлении. Об этом Иисус и говорил - "будьте во Мне, а Я в вас, как Я в Отце, а Отец во Мне". Через какое величественное природное явление может установиться такая связь? Только через души, а душа - это и есть личность.

Особое место в оппозиции Иисусу составляет определенная теологическая позиция, которая говорит о неспособности Бога принимать какую-либо физическую форму. Мы уже об этом говорили. Это - идеологическая натяжка, как единственный способ борьбы с богочеловеческой сущью Иисуса. Наше возражение здесь естественно - если Бог мог создать *из ничего* все физические формы, то, что может Ему помешать принять одну из них *из Себя*? Но при любой противоречивости этого нашего предположения, повторимся: что это за Бог, который на что-то неспособен? В общем-то - это крайняя позиция, хотя и понятная. А в любую крайность впадать нельзя, потому что у любой крайности есть противоположная крайность. В итоге рождается только тупик, а не принцип дополненности. Потому что, если в любом принципе дополненности две противоположных характеристики идут *в явление*, несоединимо в нем соединяясь, то крайние позиции, наоборот, раздирают это явление на части, изымая из него какую-то одну характеристику для отдельно-независимого использования. В итоге, после такой обработки, самого явления для понимания больше нет, потому что две противоположные позиции относительно него борются друг с другом, вместо соединения, и оно так и не может восприниматься целокупно. То же самое происходит и с данным теологическим утверждением. С одной стороны оно рождает обязательное положение, при котором можно сказать - не поверю в Бога, если увижу Его (физическая форма, ведь, это, прежде всего, то, что можно увидеть), а с другой стороны порождает оппозицию себе со стороны обывательского материализма - не поверю в Бога, пока его не покажут по телевизору. Соединить эти две крайности нельзя. Но, если мы вчитаемся в них, то увидим, что первая позиция гораздо абсурднее второй. "Не поверю в Бога, если увижу Его". Разве эта фраза, обязательно вытекающая из положения о невозможности принятия Богом физического облика, звучит не странно? Данная фраза может говорить за весь теологический принцип, (правильно и кратко раскрывая весь его смысл), лучше, чем любая конфессиональная критика или борьба. Вот и мы не будем с этим бороться дальше, как с автоматически преодоленным. Мы просто примирим эту позицию с Иисусом - не хотите видеть в

каком-либо физическом облике Бога, ну и не надо! Физически облик Иисуса здесь - третьестепенное! Главное - Личность. А Личность, как совокупность духовно-психических качеств - объект не физический. Евангелия дают нам Личность? Дают! Ну, и хорошо. При желании можно понять, что Это - Личность Бога в человеческих категориях. *При желании.*

Ну, что еще привести в качестве примеров борьбы с Иисусом? Например, можно привести такое обстоятельно выстроенное некими антихристиански настроенными теологами предположение, что Богу гораздо сподобнее было бы явиться людям в лике Царя или другого Повелителя, который, став бы через череду неких политически ангажированных самим же Собой мероприятий, Властителем всех народов Земли, просто утвердил бы Единобожие, и навсегда законодательно ввел бы в обращение среди людей понятия добра. А история с распятием и воскресением слишком хрупка и непредсказуема по последовательности событий и по своим результатам, чтобы видеть в этом Божий замысел. Здесь как бы секретариат советников составляет некий план непременно успешных действий своему высокому шефу. Мол, если бы Бог нас спросил... Честное слово, по поводу ценности такого "спущенного" сверху единобожия и смысла такого вколотенного силовыми министерствами добра, даже изъясняться лень. Но вот по поводу того, что для Бога гораздо приличнее быть Властителем Земли, чем простым плотником. - можно поспорить. Похоже, что быть плотником для Бога выше. Потому что *любая, даже самая высшая земная власть - это высота, которая определяется только тем, куда могут вознести подданные.* В этом случае у беспредельной высоты Бога появился бы предел. А это - теологический нонсенс. Потому что - дальше (в понимании людей) Богу уже некуда. Но это только с одной стороны. А, ведь, с другой стороны - *это была бы человеческая высота.* И в чем тогда величие Бога? В том, что он может достичь предела человеческих мечтаний? Здесь - Бога нет, и все перевернуто с ног на голову. Критерий человеческий становится как бы мериллом Величия Бога. Очевидная глупость. А вот в Иисусе, который не хотел *никакой* власти, потому что *знал другую высоту,* проявилось именно то, божественное, которое не доступно человеку - равнодушие к власти и свобода от нее. Простой плотник в этом смысле выше царя царей, потому что в сравнении с истинным Величием Бога любой Его возможный земной чин - карикатура, а положение *обычного* человека, который олицетворяет собой *Человека как такового,* вне социальной нагрузки данного понятия, не дает даже повода для таких посмешищных сравнений.

Ну, а что касается непредвиденности евангельских событий, приведших к распятию Иисуса, то утверждающие это должны согласиться с нашим утверждением, что они невнимательно читали Евангелия. Напомним - Евангелия написаны людьми, которые (за исключением Луки, который был греком) ожидали царя Израиля, как посланника Бога, который освободит их от Рима и создаст великое государство, где тысячелетия иудеи будут только пожинать плоды славы и труда других народов по завету Иеговы. Они, видя то, что может Иисус, нисколько не сомневались в том, что так оно и будет. Оттяжку времени с Его стороны они воспринимали лишь как простое чудачество. Он им неоднократно говорил, что будет убит и в три дня воскреснет, но они *этого как бы и не слышали,* потому что в синагогах их учили совершенно другому, тому, что наоборот, - кто-то там будет убит, только не Этот Царь, который отомстит еще всем за евреев, и наведет должный порядок вокруг Себя. Они даже спорили между собой, кому

сидеть справа от него (по тем временам это было символом высшей приближенности к Хозяину), а кому слева, и никак не хотели поверить, что *предназначение* Его прихода совершенно в другом. В этом смысле очень интересен момент взаимоотношений Иисуса с Иоанном Крестителем. Между прочим, Иоанн Креститель - единственный пророк, который предвосхитил буквально за часы приход Христа. Причем это произошло, надо полагать, совершенно невероятным для обоих образом. Как известно, *если очень внимательно читать Евангелие от Луки*, Иисус был двоюродным братом Иоанна Крестителя, и выходит, что в маленькой Галилее они не могли друга друга не знать, тем более что их матери были дружны. И вот Иоанн начинает свое служение, которое выражается в том, что он крестит людей. Он совершает так называемые баптизмы, смысл которых состоит в том, что, погружаясь в воды реки Иордан, человек совершает символический акт смерти, как отречение от прошлой жизни, и, выходя из вод снова на поверхность, посвящает свою новую жизнь Богу, отрекаясь от старых грехов. Все шло, как шло, люди охотно шли к Иоанну, воспринимая это как еще один обряд очищения, которыми полон иудаизм, как вдруг Иоанн начинает говорить, что вслед за ним придет Христос и даже, что Он уже почти пришел. Народ даже предполагал, что Иоанн это и есть Христос, но Иоанн упрямо твердил - скоро придет Тот, Кому я недостоин даже обувь подавать. Все ждут Христа и попутно совершают модные баптизмы. Иисус тоже пошел совершить крещение. И здесь - очень интересно: как вы думаете, как должна была бы произойти встреча двух братьев на реке Иордан? Родственными приветствиями, вопросами, как поживает дядя или тетя, как здоровье племянников и т.д. Очевидно, перед крещением все так и должно было бы произойти. Но вместо этого Иоанн остолбеваает - он вдруг *видит оком пророка* в двоюродном брате Того, о Приходе Которого предвещал! Что-то чувствуют оба! Потому что Иоанн вдруг говорит Иисусу: "Мне надобно креститься у Тебя", а вместо этого, мол, Ты приходишь креститься ко мне, на что Иисус, который до предстоящего крещения был самым обычным плотником, вдруг говорит в ответ: "Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду". "Тогда Иоанн допускает Его". (Евангелие от Матфея 3:15). Мы приводим этот случай достаточно подробно, с одной стороны, для того, чтобы показать - вот что значит читать Евангелия внимательно. Если это разговор просто пришедшего креститься и Крестителя, то это один случай, а если это разговор двоюродных братьев, для которых одновременно и неожиданно открывается *Что-То* в их судьбе, то это совсем другое Евангелие, не так ли? А, с другой стороны, теперь понятно, что даже у Иоанна, на глазах которого произошло что-то с Иисусом, вышедшим из воды, что позволило Иоанну говорить о том, что он видел Духа Божия, спускающегося на родственника и слышал Глас Божий, который утверждал, что это Сын Его, даже у Иоанна возникли серьезные сомнения - а не ошибся ли он? Все-таки Христос и сын его тетки Марии...

Здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали - откуда пошли сомнения? А сомнения пошли от того, что *Христос не делал того, чего ждали от него все и даже сам пророк, видевший момент свершения пророчества!* К тому времени Иоанн уже сидел в тюрьме, за то, что влез в семейные дела царя Ирода, и стал его учить с кем тому спать, а с кем не спать, и из заключения он пересылает Иисусу строгий и принципиальный вопрос: "Ты ли Тот, Который должен придти или ожидать нам другого?" (Евангелие от Матфея 11:3). Это Иоанн у Иисуса спрашивает,

Которому сам же первый сказал, что Он Христос! Расшифровать этот вопрос можно так (и нужно, вероятно) - чего Ты медлишь?, почему не прогонишь римлян?, почему Ирод до сих пор правит, да еще и твоего брата в тюрьме держит?, Ты будешь, наконец-то, заниматься делом, или мы поищем другого Мессию? Это письмо родственника родственнику. В ответ от Иисуса *приходит ответ Христа пророку*, где на вопрос, Христос Он или не Христос (посланник Бога людям), дается ответ без ответа в стиле Иисуса, который предполагает, что человеку ответ станет очевиден, если он немного подумает над своим же вопросом сам: "Пойдите и скажите Иоанну, что слышите и видите: Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют" (Евангелие от Матфея 11:4;5). Здесь, как всегда, выпад Иисуса, который нельзя парировать. Иоанн и раньше знал то, что принесут ему в ответ верные люди. Об этом говорила вся Иудея, вся Галилея, все Десятиградие и все другие регионы Палестины. *Но это было даже для Иоанна второстепенным!* Главное было - когда возродится слава царства Израиля? Вот такими людьми писались Евангелия, поэтому нельзя автоматически принимать на себя их опыт восприятия событий земной жизни Иисуса. Надо смотреть шире, как не могли смотреть непосредственные свидетели. А если мы посмотрим шире, то увидим, что никакой непредвиденности в событиях не было. Все шло *предопределенным образом*. Самое нежелательное - впасть в пересказ Евангелий. Пусть каждый прочитает и найдет это сам, мы лишь дадим некие вехи, чтобы заострить зерна внимания на этой предопределенности.

Во-первых - тайна рождения. Не та тайна с ангелами и волхвами, а простая - Мессию ждали, знали из какого он будет рода, и со всеми мальчиками этого рода связывали определенные надежды. По *двум родословным Иисуса*, которые приводятся в Евангелиях, Он - кандидат в ожидаемого и предсказанного пророками Царя. Но его прозевали! Что, как не вмешательство Бога затмило разум книжников, которые в Иисусе Мессию не увидели, а в Его брате, после убийства Иисуса, увидели, и даже котировали его какое-то время, как долгожданного Христа?

Во-вторых - есть некоторые фразы Христа, которые говорят о предопределенности всего, что должно произойти. Однажды Его спросили - почему слепой слеп, кто согрешил, он, или его родители? Иисус неохотно отвечает - слеп он для того, чтобы Я его излечил, и на нем проявились дела Божьи. То есть, сценарий событий писался еще тогда, когда рождался этот слепой человек. Так же мягко, но непреодолимо спорит Иисус с учениками на тайной вечери о Своей земной судьбе и близкой гибели: "Сын человеческий идет по предназначению" (Евангелие от Луки 22:22). Кратко, но емко. А как Иисус буквально *посылает Иуду* совершить предательство - "что должен сделать, иди делай"! Молчание Иисуса перед Пилатом, это тоже усталая молчаливая подсказка - делай, что должен, смешной человек! Когда возникают попытки сопротивления его аресту, он останавливает Петра: как тогда исполнятся Писания, если Меня не арестуют и не убьют? Особенно показателен въезд Иисуса в Иерусалим на осле. Он уже было вошел в Иерусалим, где Его ждала столь много раз им предсказываемая Собственная смерть, как вдруг остановился и послал учеников *по точному адресу*, где надо найти, отвязать осла и то-то и то-то ответить тем людям, которые заподозрят их в воровстве. Они пошли по адресу, действительно нашли там осла, и между ними и местными жителями произошел именно тот разговор, который

дословно описал им Иисус! Зачем Ему понадобился этот осел? Да он Ему и не нужен был! Он до этого все время пешком ходил! Все дело в том, что в Писаниях этот Его въезд был описан на осле, и он должен был исполниться именно таким образом. Тут же Он со свойственной Ему иронией отвечает одному из фарисеев, который просит Его заставить замолчать ликующий в приветствиях народ: "Если они умолкнут, то камни будут кричать". То есть, если написано в пророчествах, что будут раздаваться крики "Осанна!", то, значит, они будут раздаваться. Если люди замолчат, то по договору-контракту с Провидением их заменят камни. Все должно исполниться в точности...

Здесь, кстати, из истории с ослом, четко виден интересный нюанс исполнения пророчеств о Христе. Иисус не только вписывался в пророческие события, но и направлял их своим вмешательством. Когда у других действующих лиц не хватало чего-то для исполнения предназначенного, он Своим поведением или Своими словами заполняет эту пустоту и обеспечивает тем самым исполнение плана. Делает чужую работу. Почитайте, вы это во многом увидите. Например, если вспомнить этот бестолковый суд над Ним, который сразу же после ареста учинили над ним первосвященник и его люди. Ни одно из лжесвидетельств, которые приносились на этом суде, не оказалось достаточным для осуждения Его по иудейским законам! Даже не это ума не хватило! А ведь долго готовились и решались! Тогда Он нарываясь сам, говорит, что Он Христос и Сын Бога, тут-то Его и приговаривают. Такая статья в законе есть! *Его судят по Его же показаниям!* Это самый уникальный суд в истории! И с Пилатом история о том же. Как мы помним Пилату даже жена строго наказала - ничего плохого не делай Этому Человеку. Вы можете себе представить человека, который пошел бы против жены? Все было на стороне Иисуса в этот момент! Надо было только подружиться с Пилатом, который оказал Ему поначалу явное сочувствие. Вместо этого на вопрос-намек - правда ли говорят, что ты царь Иудейский (мол, скажи, что неправда)? - Иисус отвечает: "Ты сам это сказал". Хуже для Себя он не мог ответить. Это было единственное обвинение, которое по римским законам каралось смертью - политическая оппозиция Единственному Царю, римскому Цезарю. Иисус, кстати, никогда себя царем Иудейским и не называл. Это придумали Иудеи, как единственный способ заставить Пилата убить Его. Если это обвинение подтверждалось, то у Пилата просто не оставалось выбора - или он карает Иисуса, или становится его политическим сообщником, если милует. Зная это, Иисус, вместо того, чтобы хотя бы промолчать, еще и громогласно говорит - даже сам Пилат называет меня царем Иудеи. Теперь у Пилата выхода нет. То есть, и Пилату Он помогает свершить предназначенное одной короткой фразой. Он немного сказал Пилату в их приватной беседе. И мы этого еще коснемся. Но из того, что Он сказал, одно выделим особо: когда Пилат пытался угрожать Иисусу, напоминая, что Тот находится в руках человека, который на этой территории, как представитель Рима, может все, Иисус ему, как ребенку, разъяснил - ты ничего не сможешь Мне сделать, если это не предназначено тебе свыше, ты исполняешь то, что должен исполнить, ничего не имея против Меня, и не зная, по сути, Меня, а гораздо более виновны и грешны те, кто предает Меня в этой истории. Если говорить о вмешательстве Бога в события тех дней, то, как видим, оно было не только скрытым, но и *непосредственным* в лице

Иисуса. Ничего непредвиденного не могло произойти. Все, как говорится, было под контролем (здесь бы смайлик с форумом не помешал).

Здесь кроется простой ответ на недалекий вопрос - как мог Бог позволить, чтобы люди били его и унижали? Он мог этого и не позволить. Он этого и не позволил. Он дал выбор. И люди выбрали. Кроме нескольких единиц, которые не предали. Здесь также надо говорить не о Боге, а о себе самих. Иисус ведь не сделал никакого зла. Он делал только Добро. За что с Ним так поступили? А ни за что! Из-за склонности ко злу. В любом другом случае склонения к злу можно что-то находить оправдывающее. Но *если мы так поступили со своим Богом*, то, что еще нужно нам, чтобы понять, что зло - в нашем устремлении к противоположному хаосу вечной смерти вопреки Его Природе Творчества и Созидания Вечной Жизни? Убийство Иисуса - законченное и ничем не оправданное зло, зло, чище которого по проявлению самой природы зла, Бог нам не мог дать пережить и осуществить. Ради этого он и допустил, чтобы Его били и унижали. Добровольно. "Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимет ее у Меня, но Я Сам отдаю ее" (Евангелие от Иоанна, 11:17-18).

Если вспомнить главное, из-за чего мы на каком-то этапе все это затеяли, то вернемся к тому моменту, когда мы решили, что мало знать о Боге, надо знать и Самого Бога. Узнать Его можно только из Евангелий, через непосредственное знакомство с Иисусом. Другого пути нет. Однако здесь этому знанию существует серьезная препона. Дело в том, что даже никогда ни читавший Евангелий человек, беря их в руки, *уже знает* заранее, с Кем он там встретится. Образ Христа уже создан кинематографистами, живописцами, писателями, иконами, церковниками и каким-то витающим повсюду в умах осознанием Иисуса неким воздушно-умиротворенным, кротким, печально-горестным и уныло-блаженным персонажем Библии, пострадавшим безропотно за правое дело. С такой уверенной базой читать Евангелия очень легко - они легко вписываются в это представление. Но это - поверхностное чтение. Если читать глубоко, то вырисовывается совсем другой образ.

В одном фильме пришлось даже увидеть, как зелот дает Иисусу пощечину. Это - последствия как раз того самого постного понимания Этой Фигуры. На самом же деле, если вчитаться в то, что написано, невозможно себе представить не то, чтобы кто-то мог поднять на Него руку, но даже и то, чтобы кто-то мог вообще как-то непочтительно с Ним обойтись в любой форме. Он к этому явно не располагал и явно этого не позволил бы. Достаточно сказать, для начала, что Его рост (источник этих сведений мы укажем ниже) был около 180 сантиметров, а вес около 80 килограммов. Согласимся, что даже для нашего времени, это мужчина крупный. А ведь с тех времен человечество подросло на 25-30 сантиметров! Гигант Портос по анкетным данным полка королевских мушкетеров едва дотягивал до 1 метра 60 сантиметров, а остальные мушкетеры были и того ниже. Доспехи богатырей древнего мира не налезает сейчас на наших подростков! Теперь представим себе, как смотрелся в то время человек под два метра ростом и с таким весом, составленный из одних только мускулов, потому что питался не обильно по бедности, много ходил пешком, и всю жизнь до этого проработал плотником. Пожмите и сейчас плотнику руку, и вы почувствуете бешеную силу этой руки, которая обрабатывает дерево разными современными приспособами, созданными только для того, чтобы сократить мышечные

усилия. А во времена Иисуса плотники работали самыми примитивными инструментами, компенсируя их несовершенство выносливостью и силой. Понятно, что это не тот человек, которому можно дать пощечину, перед этим несколько раз хорошо не подумав, все ли дела в этой жизни ты уже привел в порядок.

Помимо физического облика, который совершенно не тот, к которому мы привыкли, почему-то проходят мимо исследователей и те черты характера, которые делают его уникальным по силе и мощи воздействия и на врагов и на друзей. Сейчас это назвали бы "крутой нрав". Приведем простой пример. В Евангелиях написано, что Иисус выгнал бичом из храма торгующих и менял, опрокинул их лотки, и стоял у входа в храм, не давая никому из них туда больше войти. Картина прямо из боевика! А ведь это были не простые мелкорозничные торговцы! Это была торговая мафия, которая под крышей священников обирала прихожан и наживалась на этом безмерно! Дело в том, что по иудейским законам каждый иудей должен был один раз в год придти в храм, отдать в жертву домашнее животное и заплатить определенную сумму в сокровищницу храма. Священники очень требовательно осматривали животных, которые приносились иудеями со всех краев, и, если у животного был хоть какой-либо изъян, оно в жертву не принималось и, естественно, им предлагалось купить для жертвы животное тут же в храме у тех самых торговцев, у которых, естественно, животные были заранее без всяких изъянов, и даже просто идеальные. Цена у этих животных, правда, была тоже идеальной, и всегда много выше рыночной, но что поделаешь - один раз в год ведь... Менялы наживались по-другому. Для приношения взноса принималась только определенная валюта, которой не было у тех иудеев, которые жили не в Иудее, а жили в других странах, и таких было очень много, добрая половина. Они приносили менялам настоящие деньги, а те их обменивали по невероятному курсу на местные. И вот этот спаянный коллектив Иисус разогнал! Кто скажет, что это был кроткий и неслышный уже на расстоянии трех метров человек, тот пусть пойдет на какой-нибудь рынок и попробует прогнать оттуда хоть одного торговца. Или пусть подойдет к автобусной остановке и прогонит оттуда левых таксистов. Бичом. Возможно, это будет то, о чем потом ему в подробностях расскажут только врачи, потому что некоторые детали происходящего на каком-то этапе начнут от него ускользать.

Кто скажет, что это был мягкий и кроткий характер, склонный только к прощению и непротиворечию, тот пусть войдет в здание любой налоговой инспекции, подойдет к любому налоговому инспектору, и скажет: "Бросай ты это грязное дело. Пойдем со мной. Будем под открытым небом ночевать, есть, если повезет, ежедневно, и много ходить пешком, повсюду наживая себе врагов среди руководителей данного региона". У кого хватит чего-то неведомого в характере, чтобы после этой речи инспектор послушно отбросил папки с недоимками и пошел вслед за ним? А ведь именно так произошло у Иисуса с Матфеем, который был сборщиками налогов, и, проходя мимо которого, Иисус посмотрел ему в глаза и перевербовал в одно мгновенье!

Сила духа у Него была невероятная. Достаточно сказать, что перед казнью он гордо отказался пить вино со смирною - обезболивающее тех времен, типа наркотика, которое давали перед распятием приговоренным, чтобы те не вопили от боли. Дело в том, что смерть на кресте

наступает от медленного удушья, обеспеченного своеобразием позы, а боль от этого, и от гвоздей, настолько невыносима, что крики мучимых раздирали душу даже палачам. Для этого им и давали вино со смирною, от которого они забывались и умирали в негромких мучениях. Иисус все это знал и отказался. И ни разу не закричал. Даже разговаривал с креста. Это надо оценить.

Кстати до распятия его били плетками. Это тоже надо оценить. Били его римские солдаты, которым сказали, что это враг Цезаря. Били от души, от скуки и от злости, что в этот жаркий час их заставляют делать потную работу. А надо знать, что такое римская плетка - это несколько жгутов, на концах которых приспособлены металлические и костяные утяжеления с острыми зубринами. При каждом ударе они не только пробивали кожу, но и буквально взрывали мясо. Иисус вел себя настолько мужественно, что после избияния Пилат удрученно-восхищенно сказал: "Вот человек!".

Но не только в последний час проявилась Его сила характера. До этого тоже нет совершенно никаких обратных примеров. Когда Он уже знал, что принято решение убить Его, и Ему нельзя было идти в Иерусалим, наступил иудейский праздник. Все ждут - не появится ли Он снова в храме, как это было раньше? Братья спрашивают Его - не собираешься ли Ты идти в храм, (намереваясь, очевидно, отговаривать Его), на что Он их успокаивает - нет, не пойду. И вот "в половине праздника вошел Иисус в храм и учил" (Евангелие от Иоанна, 7:14). Он не просто пришел, а пришел тогда, когда было больше всего народу и все было в разгаре - в половине праздника. Он не просто пришел, а "учил", то есть нарушил распорядок богослужения, которое было единственным законом и единственной надеждой для народа, который собрался в храме! В ответ раздаются оскорбления, отвечая на которые, Он еще больше намеренно распалает толпу. Евангелист пишет "возгласил", когда говорит о его речи, то есть Он перекрикивал собравшихся. Возникает спор по сути Писаний, и ему говорят - мы знаем, откуда Ты пришел, а в Писаниях написано, что Христос придет из того места, которое никто не будет знать. Это, кстати, кто-то переврал Писания (пророчества), потому что там четко сказано - из Галилеи и из Вифлеема. Здесь Иисус может вступить в литературно-текстологический спор, где все аргументы на его стороне, потому что все всегда дивились, что Он, никогда не учившийся, (всех, кто учился тогда Писаниям, народ знал как избранных из себя), знал Писания лучше других, но Он этого не делает. Вместо этого он произносит фразу, которая сама за себя говорит о смысле всего происходящего для Него - Меня-то вы знаете, а вот Бога, Который послал Меня, не знаете. Возбужденной и распаленной толпе прямо в оскаленные лица Он говорит сразу две кощунственные для них вещи - во-первых, Меня послал Бог, и вы Мне не верите, потому что Моя весть противоречит вашей религии, а, во-вторых, ваша религия - ложь и ошибка. Умел сказать. И главное - вовремя. Далее происходит закономерное - оскорбленная в самом святом для нее месте, в самый святой для себя миг, толпа кидается убить Его. И что? В Евангелиях, как всегда скромно написано "но никто не наложил на Него руки" (Евангелие от Иоанна, 7:27-30). Он спокойно проходит сквозь яростную толпу, выходит из храма и удовлетворенно говорит ученикам - все, теперь недолго Мне осталось, скоро вернусь к Пославшему Меня. И про Него снимают кино, что где-то кто-то дает Ему пощечину?!



Это не первый случай, когда толпа сникла перед ним. Однажды, во время спора об истине, Иисус превращает этот спор просто в беспредметное издевательство на иудеями, которые, конечно же, затеяли этот спор не для истины, а для того, чтобы поиздеваться над Ним. Началось с того, что Иисус говорит иудеям - истина сделает вас свободными. На что те подначивают Его - мы и так свободны, начиная от самого Авраама, никому рабами не были. То есть, сами задают тон спору - разговор шел об истине, а они начали вертеть понятиями, пытаясь вызвать у Него раздражение. Он подхватывает этот тон, и с невинным участием говорит - всякий делающий грех становится рабом греха, а освободить из этого рабства вас могу только Я, а если вы ссылаетесь на Авраама, то и поступайте, как Авраам, а то замыслили убить Меня, дающего вам истину, а при этом об Аврааме вспоминаете, на которого такой образ поведения совершенно не смахивает. Следовательно, Авраама оставьте в покое, не позорьте его, не называйте себя "детьми Авраамовыми", потому что если сравнить вас и его, то у вас должен быть какой-то другой отец. Крыть иудеям нечем, прозвучало обвинение в покушение на убийство, спорить они с этим фактом не могут, поэтому они выдвигают бастион, который, как священную корову, трогать нельзя - богоизбранность. Они говорят - да, есть у нас такой отец, Ты прав, это - Бог. Уводят разговор от опасной темы в тему бесспорную тогда для всех. И тут начинается: Иисус с доброжелательной озадаченностью говорит - если ваш отец Бог, тогда не пойму - почему Вы Меня не любите и не слышите слова Моего? Нет, какой-то другой отец должен быть! Кто бы он ни был, но получается, что вы, все-таки не от Бога. Дальше все срывается в ответную злобную ругань, среди которой раздается самое страшное слово, которым тогда могли назвать иудеи самого ненавистного человека - они называют Иисуса "самаритянином" и бесовским слугой. Они уже невменяемы, они уже не спорят, а просто истерично ругаются. Но Иисус по-прежнему издевательски участлив и показно наивен, он раздумчиво продолжает - это что же получается: я чту Отца Моего, а вы Меня бесчестите. А это не для Меня плохо, глупыши вы этикие, а для вас, потому что, бесчестя Меня, вы косвенно бесчестите Его; ой, смотрите, не прогадайте, потому что - кто Меня не слушает, тот умрет, а тот, кто слушает, тот не умрет. В ответ истерика - и Авраам умер, и пророки умерли, неужели Ты больше них, "Чем Ты Себя делаешь?". Но толпа еще держится, никто пока не кидается. Тогда Он подбрасывает еще хворосту в костер - да, конечно, немного нескромно славить Себя Самого, но ведь лично Моя слава - ничто, это Отец Мой Меня Прославляет, через Него все и идет, а если считаете, что Я лгу, то докажите, что Я лгу, а если не можете Меня опровергнуть, то, следовательно, Я прав, а если Я прав, то почему вы Мне не верите и т.д. Естественно, что по этой логической цепочке должно получиться, что опять они не от Бога. И тут толпа не выдержала, "тогда взяли камень, чтобы бросить на Него". Камнями тогда убивали по обычаю Второзакония безнаказанно, потому что неизвестно было, чей камень нанес рану, несовместимую с жизнью, а коллективное наказание за коллективное убийство не предусматривалось. В сегодняшней телевизионной хронике можно часто увидеть арабов, мечущих камни в евреев. Когда-то евреи были такими же семитами и хватались за камни с тем же азартом. Ну и чем все закончилось? А закончилось все тем, что Иисус "вышел из храма, пройдя посреди них, и пошел далее". Красиво сказано, не так ли? Прошел посреди них! Каждый держал камень, замахивался и хотел кинуть в ненавистного галилеянина. Закон толпы превратил

отдельные личности в одно бездумное и безумное существо, которое хотело только одного - убить! Достаточно было просто отшатнуться от одного из замахов, показать неуверенность - и забросают до смерти. А Он *прошел* посреди них, *вышел* из храма, и *пошел* далее. Евангелист трижды повторил один и тот же глагол, чего ни за одним из них, в общем, особенно не замечается. В этом и хитрость Евангелий - в мелочах, которые просто пропускаются. А в этих мелочах кроется Великое. Трижды повторенный глагол для того времени и для того народа, который уже знал поэзию Екклесиаста, это не случайность - это литературный прием усиления, который подчеркивает, что ни спешки, ни сумятицы не было. Вышел, пройдя, и пошел. Все в ровном темпе. Характер был.

Если говорить о литературных особенностях Евангелий, то в аспекте нашей темы, нельзя не отметить Евангелия от Марка. По предположениям Марк знал Иисуса поверхностно, буквально в последние дни Его жизни. Или не знал вовсе. Но Марк путешествовал с Петром и слушал его рассказы об Иисусе. Считают, что Марк - это пересказанный Петр. В итоге получилось Евангелие, как сухой документальный отчет, где нет ничего второстепенного. В этом Евангелии, если говорить о литературной стороне, нет эпитетов! Эпитеты - это украшательные элементы речи, которые дают авторскую характеристику описываемому. Например - он встал, подошел к окну, посмотрел куда-то, обернулся и сказал... Здесь все без эпитетов. А с эпитетами выглядеть может так - он порывисто встал, нервно подошел к окну, задумчиво посмотрел куда-то, не спеша обернулся и иронично сказал... Вот без этих эпитетов обходится все Евангелие от Марка, кроме двух случаев. И эти случаи для нас очень показательны! В одном из них Марк пишет об Иисусе "воззрев на них с гневом" (на фарисеев). Это ж надо было так посмотреть, что по прошествии многих лет даже Марку, не видевшему этого взгляда, обращенного не на него, до сих не по себе, и он этот эпитет оставляет! И второй эпитет звучит аналогично - "строго посмотрел". Это была Грозная Фигура, если из всех украшений речи применились только эти. Совсем не иконное лицо вырисовывается! И, кстати, Марк в одном месте говорит "повелел", а не просто "сказал". Для литературного стиля, который носит характер протокола, это очень важное свидетельство устрашающей силы Его влияния на собеседника. Ну и, если заканчивать с литературными подсказками в Евангелии от Марка, то можно привести здесь еще один пример усиления, который также для скупого на эмоции Марка говорит очень о многом. Когда уже известно было, что Его должны убить, что Его разыскивают и устроено что-то вроде тайной облавы на Него, Иисус получает сообщение о смерти своего друга Лазаря. Лазарь умирает в Иудее, куда Иисусу ходить нельзя, ибо Он там враг священства. Иисус находится в Галилее со своими учениками. Два дня Он думает и молчит, а потом говорит - идем в Иудею, к Лазарю. Всем было ясно, что это путь на верную гибель. И вот картина - Он идет впереди, направляясь в Иерусалим, а сзади, немного в отдалении, выражая этим свое тихое несогласие, идут Его ученики. От одной мысли о том, что ждет Его, а, может быть и их заодно, в Иерусалиме, у них отнимаются ноги. Но они не оставили Его. Был короткий бунт, но Фома сказал - пойдём, и мы умрем вместе с Ним. И они пошли. Итак, Он шел навстречу смерти "впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе" (Евангелие от Марка, 10:32). "Ужасаться" и "быть в страхе" - синонимы. Для литературного стиля того времени это сильный мастерский прием, акцентирующий особое

внимание читателя на какой-то особой детали. Невитиеватый Марк таким способом подчеркивает ту глубину этого безнадежного страха, который охватил будущих апостолов. У Него же страха не было.

Чтобы понять Этот Характер, надо понять одно - он был галилеянин. Говорят, что сейчас в Израиле восточные евреи (ашкенази) и в особенности выходцы из России, евреи как бы второго сорта. Галилеяне были иудеями даже не второго сорта, а вообще не считались иудеями за иудеев. Галилея была отдельным политическим образованием, и в свое время какими-то мероприятиями верхушки Иудеи все истинные евреи из Галилеи были перемещены в Иудею (две "Иудеи" автора в одном предложении - это не мастерское усиление, а недостаток мастерства). Оставшиеся считались недоразумением. И вот Этот галилеянин приходит в Иудею, где живут истинные носители истины, и начинает их учить и изобличать их ошибку в вероисповедании, которое, как ими предполагается, они получили непосредственно из рук Самого Иеговы! Причем, происходит при этом вещь совершенно невообразимая для них - Он ставит себя на уровень, который выше того авторитета, которым вся эта религия держится. Он постоянно говорит "В вашем Писании написано так-то и так-то, *а Я вам говорю...*"!!! Вот это "А Я вам говорю" в пику всем Моисеевым законам и всем вековым установлениям, говорит о монументальности характера так много, как только можно себе эту монументальность представить, если до конца вдуматься в то, *кто, где и кому* говорил это в глазах иудеев! Весь масштаб величия и силы этого "а Я" просто даже не с чем сравнить в качестве экспериментально допустимого примера из человеческой истории.

Причем, Этого Галилеянина никто не может просто прогнать или одернуть! Даже самые уважаемые среди иудеев саддукеи и фарисеи, которые плели заговоры о Его убийстве, в глаза Ему говорили при обращении: "Учитель". Ему было 33 года! Он был из Галилеи! Он не входил в круг книжников, которым позволено иметь свое мнение о Писаниях, как обучавшихся им! Он был без оружия! Он был по сути один и вне закона на чужой для Себя административной территории! Он говорил вещи, которые вызывали бешенство и мстительную ненависть! Он разрушал все то, что было столетиями выстроено левитами! Он опрокидывал сами основы существования этой огосударственной секты! Почему Его боялись те, которые ничего не боялись по своему положению в Иудее? Он никому не угрожал и никого не пугал. В Нем было то, что заставляло пасовать любого. Как произошло, что в какой-то момент все перевернулось, и Его стали бить, связывать и унижать? Для того, чтобы это понять, надо вспомнить тот момент, когда все перевернулось. Есть ли такой момент? Есть. И почему-то нигде он не отмечен. Наверное, оттого, что это опять не вписывается в кисейно-сиропный образ Христа.

Напомним, что даже толпа отступала перед Ним. Что-то было в Нем такое, что вызывало подчинение и преклонение. Это, очевидно, было что-то неуловимое, но неодолимое. Один из персонажей Евангелий, познакомившись с Иисусом, бежит к знакомому и говорит - мы нашли Мессию! А вы уверены? - отвечает знакомый? Чем докажете? И тогда с пылу с жару, из самой души, звучит эта невероятная, если вдуматься, но единственно точно отвечающая на все, фраза: "Пойди и посмотри"! *Достаточно было только посмотреть на Него!* Даже в родном городе, где Его знали с детства и считали самым обычным обывателем, равным себе самим, когда попытались

сбросить Его со скалы, в какое-то мгновение, уже на краю пропасти, Его сила открылась им, и Он прошел сквозь их руки, произнеся ту самую издевательскую фразу, что пророк - везде пророк, кроме как в доме своем и среди сродственников своих. Однажды Первосвященники и фарисеи наняли людей, которые должны были его схватить. Но те вернулись, и в ответ на гневный вопрос "для чего вы не привели Его?", с самонедоумением ответили: мы было хотели, но "никогда человек не говорил так, как Этот Человек". Когда произошло то, что позволило поднимать на Него руку, и как это произошло? Вопрос, на который нигде нет ответа. Но мы, похоже, уже нашли его сами.

Вспомним обстоятельства его ареста. Кто читал Евангелия, тот обязательно вспомнит, или то, как Он ожидал ареста, разговаривая в молитве с Отцом так напряженно, что с него капал *кровавый пот*, или то, как Его поцеловал Иуда, который договорился с группой захвата таким образом выделить в темноте сада из одиннадцати человек Того, Кого надо брать, или то, как Петр схватился за меч и отрубил Малху ухо, или еще что-нибудь. А мы восстановим главную картину: отряд вооруженных людей с факелами врывается в Гефсиманский сад, чтобы схватить Его. Он выслежен и должен быть доставлен к первосвященнику. Посреди ночи раздается шум голосов возбужденных воинов и служителей, лязгает оружие, трещат факелы, все мерцает, ничего не понятно, все возбуждены охотой и азартом захвата, каждый из них знает, зачем пришел и готов ко всему. Дальше пусть говорит Евангелие: "Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я" (Евангелие от Иоанна, 18:4-5). Какова должна быть дальнейшая программа действий этого отряда? Вопрос праздный - программа ясна всем, а в особенности самому отряду. И вот что произошло: "И когда сказал им: "это Я", - они отступили назад и пали на землю" (Евангелие от Иоанна, 18:6). *Он мог, как и прежде, делать с этими людьми все, что угодно! Достаточно было только выйти на свет факелов и показаться!* Но вот тут-то все и меняется. Он поднимает их с колен, и еще раз успокаивающе говорит - вы Меня искали, так вот Он Я, а дальше *распоряжается*: Меня забирайте с собой, а всех остальных отпустите. И ему опять подчиняются! Что и как снял Он в Себе и в Своем облике в этот момент - непонятно, но только после этого Его схватили и потащили, и далее все произошло за время, меньшее, чем за сутки, когда Он больше молчал, а если и говорил, то только для того, чтобы дело шло в ту сторону, ради которой Он и *позволил теперь все это*.

Но уже на кресте это был опять прежний Иисус, которому внимал рядом распятый бандит как своему Владыке. Уже на кресте Он отдает свое последнее распоряжение относительно Марии и Иоанна, и это - распоряжение уже опять *Того Иисуса*. Представляется, что его последние слова к Матери и Иоанну трактуются абсолютно неверно. Опять в том же стиле благообразного инока и почтительно-заботливого сына. Он говорит Ей - теперь он (Иоанн) твой сын, а Она (Мария), Иоанн, твоя мать. Объясняется это тем, что сын перед смертью думает не о себе, но о матери. Но такое объяснение просто нелепо! Это весьма странное представление о заботе, если вспомнить, что у Марии были еще родные сыновья, а сам Иисус последние три года никак сыновней заботы не проявлял. Она была как-то устроена и без этого. Его уход никак Ее жизни не усложнял, а даже облегчал! Наконец-то Она может больше не переживать за Него и за последствия его

деятельности для всей остальной семьи, и жить спокойно! Очевидно, у них были не простые отношения. Мария знала, как Он родился, и знала, что Он должен был стать Царем. И если мы вспомним, что отмашку на чудеса ему дала именно Она, когда подтолкнула его совершить первое чудо с обращением воды в вино, несмотря на Его отговорки, что время еще не пришло, то поймем, что Она была первой и единственной, кто был *посвящен*. Затем Она вместе с Ним пошла в Капернаум, где Он начал Свое Служение. Она хотела видеть Его триумф с самого начала и до конца! Но когда Он начал делать то, что Он делал, Она вместе с Его братьями сочла Его... сумасшедшим! Теперь же, когда Он умирал, не было никаких житейских причин верить Ее молодому Иоанну. *Была другая причина!* Она теперь перестала быть матерью плотника Иисуса, а стала *человеческой Матерью Бога!* Начинаясь новая эра человечества, которая назовется Его именем, и Ее место в этой эре - Богоматерь. И это был приказ - быть с Иоанном, как с идеологом Его Истинного Дела, которое вскорости должно было восторжествовать. Занять, наконец-то, то место, которое Она никак не могла занять, ощущая себя матерью человека. Теперь Она больше не может и не должна быть просто домохозяйкой, и жить, как прежде. Она должна жить с Его учеником, ощутив себя Матерью Бога. И Мария исполнила Приказ Бога и Своего Сына. Тайна Этой Женщины - самая непроявленная тайна Этих Событий...

Впрочем, мы, похоже, потихоньку впали все-таки в пагубный пересказ Евангелий. Идти этим путем весьма соблазнительно, но неверно. Единственное, что в конце этого хочется добавить, так это предупредить от уже готовых стандартов. Читайте Евангелия по-свежему, забыв о том, как их назойливо трактует устоявшееся мнение. Там совсем не про то рассказывается, про что люди теперь пишут. Невозможно удержаться еще от одного примера, настолько он хрестоматиен. Все знают историю о том, как к Иисусу недоброжелатели привели девушку, уличенную в прелюбодеянии, и спросили Его - что с ней нам делать? По закону Моисееву ее надо забить камнями, так скажи нам - забить или не забить? Это была очередная попытка загнать Иисуса в угол - если Он скажет "забить", то вся Нагорная Проповедь пойдет насмарку, и над Ним можно будет просто посмеяться, заодно обвинив Его в убийстве перед римлянами, а если скажет - "надо отпустить", то будет повод темному народу рассказывать, что "этот галилеянин" не чтит пророков и Моисеевых законов, и народ от Него отвернется. Они задали вопрос, на который в то время не было правильного ответа. В ответ же Иисус, не отрываясь от своего дела, которым был занят, едва повернув к ним голову, говорит - кто из вас без греха пусть первый бросит на нее камень. В итоге все потихоньку разошлись. О невероятном умении Иисуса загонять оппонентов в угол, который был уготован ими поначалу для Него, этот далеко не самый яркий пример говорит достаточно, как, впрочем, и многие другие примеры из Евангелий. Но почему-то нигде не подчеркивается то, что произошло вслед за тем, когда толпа с камнями разошлась. А дальше произошло самое главное! В этой истории достаточно подробно рецензируется и поведение Самого Иисуса, и поведение толпы. Но, если поднапрячь память, то в ней есть еще один эпизодический персонаж, который хоть и действительно незначителен с точки зрения рецензентов, но мы уделим ему внимание, невзирая на его очевидную второстепенность и несущественность относительно того, что там происходило. Мы имеем в виду ту девушку, которая все это время стояла и ждала - побьют ее камнями или не побьют? Так вот, поскольку мы люди

маленькие, то и поставим себя на место этого маленького человека. Причем предлагается ассоциироваться с ним в переживаниях, не имея в виду красочные моменты прелюбодеяния, к чему некоторые из нас уже с участливой решимостью приготовились, а, имея в виду тот самый простой момент, когда, уже распрощавшись с жизнью, она осталась наедине с Иисусом, спасшим её. *Почему она не уходит?* Ей надо не просто уходить, ей бежать надо! От смерти! Пока, правда, все идет хорошо, но вдруг толпа передумает, вернется и на нее посыпятся камни? А вокруг другая толпа. Толпа свидетелей происшедшего. А она, прелюбодейка, стоит "посреди". Надо хотя бы от позора бежать! Может быть, она хочет отблагодарить этого человека, который спас ей жизнь? Так нет же. Она стоит и молчит. Вы, поставив себя на ее место, можете самому себе сказать, что вас удерживает на месте, и чего вы ждете? Вы не можете, потому что вы стоите перед Ним мысленно, а она стоит перед Ним воочию, и, что ей смерть и позор в Его присутствии, *если Его суд над ней еще не произошел!* Для нее еще ничего не закончено, учитывая даже все те обстоятельства, что вокруг больше нет палачей и она, возможно, теперь будет жить! Она стоит, потому что *Он еще не отпускал ее!* Когда мы читаем в Евангелиях, что народ постоянно дивился тому, что Он говорит с ними "как власть имеющий", то нам трудно будет понять, что имеет в виду этот народ, если мы не увидим этого в покорной фигуре девушки, стоящей перед Ним, и ожидающей *своей судьбы*, потому что жить или не жить - это еще не судьба, пока Он не сказал Своего Слова. И Он говорит это слово, поднимает голову и спрашивает - ну что, никто не осудил тебя? Никто, Господин - отвечает девушка. И в ответ слышит то, что делает теперь возможной ту жизнь, которая минутами ранее ей была подарена - и Я тебя не осуждаю, иди и больше не греш...

Говорят, Он был добр. Можно ли все это назвать просто добротой? Его доброта жестка как тиски и всегда ко многому обязывает. Лучше всего эта властная доброта видна в истории, когда после Воскресения Он нашел Петра. Тут очень тонкий с точки зрения психологизма случай. Петр не был самым любимым из Его учеников. Любимым был Иоанн. Петр поразил Иисуса тем, что был первым, кто увидел в Нем "сына Бога живого". Иисус понял, что у Петра особая роль, поскольку такое не могла Петру сказать его собственная "плоть", это снизошло на него от Духа Божия. И вот в тот момент, когда Он говорит ученикам о Своей скорой и неминуемой гибели, они "воодушевляют" Его тем, что обещают не дать Его в обиду, мол у них есть оружие - отобьемся. В ответ он со спокойной прямоотой говорит - как только Меня схватят, вы все разбежитесь, кто куда. Петр заявляет - даже если все разбегутся, я Тебя не оставлю. И в ответ получает - а ты отречешься от меня, пока петух не успеет прокричать. И вот его судят сразу же после ареста, Он стоит связанный и битый во дворе первосвященника, а Петр в том же дворе инкогнито пытается незаметно присутствовать при событиях. Трижды его лицо напоминает кому-то человека, который "ходил с этим галилеянином", и трижды Петр клянется, что не знает Его. Как только Петр сказал это в третий раз, пропел петух, и они встретились взглядами. Петр и Иисус. Петр заплакал и ушел. Состояние Петра можно понять. И взгляд Иисуса можно представить. И вот Иисус распят, но Его видели воскресшим, причем Он передал, что еще не время Ему появляться, потому что Он еще не восшел к Отцу Своему, но скоро Он вернется. Петр не поверил и занялся тем, чем занимался до встречи с Иисусом - стал вновь рыбачить. И вот ночью на берегу

появляется человек, который зовет рыбаков, садится с ними у костра, преломляет хлеб, и по характерному, знакомому уже им жесту преломления в свете костра, они узнают Его! Вот и представьте себе теперь состояние Петра! Представьте себе, что он готов был выслушать, отрекшийся от Него и забывший То Дело, которое ему было завещано недвусмысленно и четко. И вот он слышит после тяжелого молчания - любишь ли ты Меня, Петр? Очевидно, что любой на месте Петра это расценил бы как начало большого выговора - мало того, что Петр действительно трижды отрекся от Него, так еще и вместо того, чтобы по наказу Иисуса создавать на земле после Него Церковь, удалился на рыбный промысел, проявив тем самым полное неверие и в Воскресение, и в Дело, на которое его при жизни поставил Иисус. Кругом виноват! Но Иисус добр. Он не делает ему выволочки. Он просто вторично спрашивает Петра, как бы не слыша произнесенного им уже единожды ответа - любишь ли ты Меня? Петр вторично отвечает утвердительно. Мировая? Но Иисус молчит. И Петр молчит. И все молчат. Все понимают, что самое страшное для Петра сейчас - эта доброта! Лучше бы Он его ругал, или даже бросил в этот костер! И добрый Иисус в третий раз спрашивает - любишь ли ты меня, Петр? Петр не выдерживает и стонет - зачем Ты меня спрашиваешь, ведь знаешь, что люблю! И тогда Иисус говорит - в таком случае паси овец Моих. Вот так по-доброму все решил. Без всякого насилия. После этого Петр встал, и пошел учить народы христианству. И бедный Петр успокоился после этой доброты, наверное, только тогда, когда за проповедь о Христе был распят, потребовав при этом, чтобы его распяли вниз головой, чтобы не оскорбить аналогичной смертью память о своем Учителе.

А ведь кому, как не Петру было знать, как может Он съязвить и несколькими словами превратить человека ни во что. Даже правителей земель Он мог вежливой издевкой выставить в смешном свете. Когда Ирод, правитель Галилеи, подданным которой был Иисус, прислал к Нему делегацию с требованием немедленно под страхом смерти покинуть его земли, Иисус ответил буквально следующее - передайте, что Я уйду, но только денька через три. Как только дела Свои закончу, так и уйду, раньше никак не управлюсь, как ни просите; да еще передайте ему, что ухожу не потому, что Меня Ирод убить пообещался, а Я испугался, а уйду Я потому, что если израильтяне должны кого-нибудь убить, то пусть убьют в Иерусалиме, а не в какой-нибудь там Галилее. Всем сразу досталось. А уж Петру Он нашел бы что сказать. Буквально несколькими днями раньше, когда Он просил их пободрствовать с Ним в саду перед смертью, пока Он молится Отцу, а они заснули, Он подошел к ним, разбудил и со свойственной добротой спросил: "спите и поживаете"? В этом вопросе было все. Потому что спят простолюдины, а поживают знатные господа. Это то же самое, что обратиться "высокочтимые господа бомжи"! Ни слова упрека нет в этой фразе, но сказано исключительно точно - Я вас просто спрашиваю об очевидном, а за моими участливыми словами есть то, что Я о вас сейчас думаю... Зная этот стиль, Петр многого ждал, а получил лишь три одинаковых вопроса - любишь ли ты Меня? Для Петра это было ужасно. Но с другой стороны мы не можем сказать, что в этом нет доброты. Да, Он был добр. Как добр хирург, который вправляет сломанную ногу. Это не конфетная доброта.

Кстати, однажды, не обращаясь лично к Матери и братьям, а, говоря вообще, Он в этом же убийственном косвенном стиле сказал им то, что хотел сказать, но, будучи добрым, не

говорил. Одиночество Его было безмерным. Народ видел в нем просто чародея и целителя, ученики видели будущего царя, а мать и семья считали сумасшедшим. Он их не упрекал. Но однажды, когда очередная толпа в одном из очередных домов слушала Его, Он был прерван сообщением о том, что за Ним пришли его мать и братья. Они пришли забрать родственника, но не могли войти, потому что народ (по их мнению, собравшийся как на цирковое представление) толпился далеко за порогом. Когда Ему сказали, что Его вызывает мать и братья Его, Он, будучи добрым, но поставленным в положение, когда все грозило закончиться некрасивой семейной распрей, просто обратился к народу, как бы продолжая Свою проповедь - кто Мать Моя и братья Мои?, те, кто слушают слово Божие... От себя добавим - а кто тогда те, кто пришел за ним? Наверное, они тоже задали себе этот вопрос. И ощутили на себе Эту Доброту. И еще раз "кстати", совсем уж не хочется говорить, но раз уж мы коснулись этой темы, то упомянем и то мнение, которое иногда нет-нет, да и проскользнет в якобы честных раздумьях о Нем. Это мнение как бы в потугах добросовестного поиска правды утверждает, что если мать и семья считали Его не в себе, то, может быть, им как-то видней? Развернутый спор тут вообще не уместен. Надо просто читать Евангелия честно. Если уж в них есть свидетельства, что некоторые из людей считали Его сумасшедшим, то надо бы вычитать и другое свидетельство, которое гораздо более объективно и совершенно окончательно говорит об обратном. Даже не вдаваясь во всю глупость такого предположения, и даже не приводя никаких других аргументов ошибочности родственного взгляда на Него, и, тем более не прибегая к перечню Его Слов и Поступков, говорящих совершенно о противоположном, будем это тихое предположение о сдвиге в психике бить тем же методом. Вспомним, *как Его любили дети*. Это даже стало проблемой Его взаимоотношений с учениками, потому что редко на них гневающийся, Он грозно им выговаривал за то, что они не пускают к Нему детей, которые отовсюду стекались туда, где Он появлялся, и облепливали Его со всех сторон. Он сильно уставал от пеших переходов, голода, гонений и проповедей, и ученики оберегали Его покой в редкие минуты отдыха, не подпуская гомонящих детей. Это Его возмущало. Он любил детей и говорил, что если человек будет как ребенок, то войдет в Царство Божие. Теперь спросим сами себя - могут ли дети любить сумасшедшего, или тянуться к бесноватому? Детей не обманешь. Сумасшедших они или боятся или смеются над ними. И много ли мы знаем людей, к которым отовсюду сбегаются дети? Кто ищет правды в Евангелиях, тот ее всегда найдет.

Впрочем, мы опять пересказываем Евангелия. Надо решительно прекратить разговоры об их содержании, потому что оно доступно всем. Сказать надо, очевидно, о другом. Существует еще одна версия относительно Евангелий, которое выражается тем, что это просто литература, выдумка, а Иисус просто литературный персонаж. Было, мол, что-то такое, кто-то умел лечить, или какие-то чародейства чародействовать, а его казнили по недоразумению или из зависти, но потом все это было описано с такой талантливой фантазией, что возникла целая религиозная концепция, базирующаяся на чистой литературе, а на самом деле ничего такого не было. Вопрос ли это веры - верить Евангелиям, или считать их красивыми сказками, которых, если бы не было, то все равно стоило бы придумать? Представляется, что это не может быть вопросом веры. Их



надо признать действительными документальными свидетельствами событий. И это можно доказать. Начнем, как всегда, с логических выводов.

Вспомним, когда и как были написаны Евангелия. Они были написаны в период времени, когда еще всюду были живы свидетели описываемых событий. Евангелия представляют собой запись тех проповедей, которые апостолы разносили по миру. Началось все в Иудее. И писали Евангелия иудеи в Иудее. Теперь попытаемся себе представить ситуацию - некто описывает события, которые произошли во времена, о которых помнит больше половины населения здешних мест, причем произошли они именно в этих местах и на глазах этих людей. Если начать фантазировать в этих записях, а чуть ранее в проповедях этому же населению, то какова могла быть судьба и таких проповедей, и таких записей? На первом же углу нашелся бы кто-то, кто крикнул бы - да не было такого, вранье все это! Ни одного окрика не последовало. Несколько раз собирались синедрионы (суды) над проповедниками христианства, и ни на одном из судов ни разу не было произнесено обвинения в искажении фактов. Наоборот, на всех этих судах запрещалось как раз разглашать данные факты, как разрушающие концепцию взаимоотношений Иеговы и богоизбранного народа. В ответ подсудимые говорили - слушать надо не вас, а Бога, а Бог дал нам достаточно хороший знак, чтобы мы не прекратили проповедь: Бог воскресил Иисуса Христа, *чему все вы были свидетелями*. Именно на этом строилась защита проповедников и, в конце концов, суды прекратились, потому что на последнем заседании было решено - пусть проповедуют, если это человеческие козни, то они рассыпятся сами собой, а если это дело от Бога, то его тем более судами не остановить. Логически мы должны признать, что придти в любой город и рассказывать его населению о том, что с ним (с населением) никогда не было, и на базе этого призывать то же самое население менять свое вековое вероисповедание - невозможно. А ведь иудеи уходили в христианство сотнями тысяч. Следовательно - все было правдой.

Второе. Евангелий - четыре. Следовательно, если предположить, что это четыре выдумки четырех разных людей, то даже простой следователь райотдела милиции соберет четырех лгущих об одном и том же свидетелей, и, подвергнув их перекрестному допросу, уличит во лжи всех четверых. Такой перекрестный заочный допрос содержания Евангелий продолжался очень долго всеми истовыми врагами христианства. И что же? Честные исследователи отмечают - все четыре свидетельства не идентичны в своих материалах, но если их сопоставлять, *то они нигде не противоречат друг другу, ни в чем не опровергают ни одного факта, а наоборот только дополняют друг друга своей разной информацией!* И это естественно, поскольку каждый из четырех запомнил свое, более близкое своей натуре, нигде не наврал, а если все это вместе сложить, то получается взгляд с четырех сторон на одно и то же.

В таком случае можно предположить, что некие шутники просто договорились и создали коллективный труд с одним и тем же персонажем и со строгим перечнем одних и тех же событий. Возможно ли это? Вряд ли. Во-первых, потому что можно четверем писателям описать одно и то же событие, по договоренности выделив одни подробности, и опустив другие, но *четырем писателям создать один и тот же персонаж, абсолютно не отличающийся от себя самого во всех четырех книгах, невозможно!* А во всех четырех Евангелиях Иисус - один и тот же. Это одна и та

же Личность. Можно придумать события и, отмечая галочкой переносимые из общего списка детали, выводить одинаковые повороты сюжета, но невозможно создать один и тот же характер, одного и того же героя. К тому же напомним, что все, кто проповедовал Иисуса, были мученически умерщвлены, и шли на это добровольно. Если это была шутка, то такой способ шутить быстрее утомил бы самих шутников, чем публику. И ради даже самой удачной шутки человек не идет добровольно на то, чтобы его по-изуверски убили. Повод должен быть серьезней. Повод в этом случае может быть только одним - правда очевидца и жертвенная Вера, которая уже не знает страха. Нас в данном контексте более акцентирует на себе первое.

Похоже, этих простых доводов вполне достаточно для того, чтобы считать Евангелия не художественной литературой с поправками на авторские фантазии, а художественным изложением действительных фактов. Почему такая простая мысль не доминирует в их оценке? Ведь спорить с очевидными фактами невозможно. Трудно сказать. Но одной из самых мощных причин этому можно считать тот набор чудес, который содержится в событиях этих свидетельств. До середины девятнадцатого века Библию вообще считали книгой иносказательной, а все имена, народы и названия некоторых мест считались вымышленными. Но вот ворвалась в жизнь археология и выяснилось, что жили на этой земле и филистимляне, и моавитяне, и хетты, был такой город Иерихон, и все остальное прочее действительно в Истории существовало. Взгляд на Ветхий Завет, как на тайнопись изменился. Причем, если раньше все считалось выдумкой, и чудеса тоже, то теперь начали разграничивать - события не выдуманы, народы, страны и города не выдуманы, а чудеса (в силу их фантазмагоричности) - выдуманы. Очевидно, это правильный подход. Но его нельзя переносить на Новый Завет, где также много чудес, но каждому из них *были свидетелями тысячи*. А между тем чудеса совершались Им не ради чудес и не ради рекламы. Мы уже говорили о первом чуде обращения воды в вино, и упоминали, что настаивала на этом Мария, а Он ей уступил. Но и другие чудеса совершались не театрально. Тридцать восемь лет лежал возле купальни в Вифсаиде больной без надежды на излечение, и Иисус излечил его "увидев его лежащим и *узнав*, что он лежит уже долгое время" (Евангелие от Иоанна 5:5-6). У человека просто не было надежды, его лежание было явно пустым занятием, и Он сжалился над ним. Накормил несколько тысяч человек несколькими кусками хлеба и рыбы Он тоже от безвыходности, потому что народу собралось за Ним столько много, что пришлось на гору от них взобраться, а они не уходили и слушали Его. Местность была пустынная, и оголодали все настолько, что Ему стало ясно: они, обессилившие, уже не дойдут до тех мест, где можно найти еду. По воде ходил тоже не ради демонстрации возможностей, а от необходимости. Экзальтированная толпа хотела, чуть ли не насильно, сделать его своим царем, и все превращалось уже в некое политическое мероприятие. Поэтому Он сказал, что Ему надо уединиться, а ученикам приказал потихоньку садиться в лодку и отплывать к другому берегу моря. Лодок больше не было, и все знали, что Ему никуда отсюда не уйти. Когда наступила ночь и толпа заснула, Он тайком пошел по воде и догнал учеников. Вот и вся причина чуда. На все просьбы о знамении, то есть о демонстрации какого-либо фокуса, неподвластного простому смертному, Он не отвечал, уходил от этого и не любил пустых эффектов. Только воскрешение Лазаря имело смысл несколько иной - обращаясь к Отцу, но так, чтобы слышали все остальные,

Он сказал, что смысл воскрешения Лазаря в том, *чтобы все поверили*. Этим он перевел ситуацию окончательно в необратимую. Узнав об этом чуде народ стал совершенно выходить из повиновения, и именно после этого было принято окончательное жесткое решение - как можно быстрее Его убить. Остальные же чудеса совершались по возможности без апломба. Если исцелял кого, то говорил - не говорите никому. Сам славы не искал. Дочь начальника исцелить Его настоятельно просили. Двое слепых шли за Ним до самого дома и буквально кричали об излечении, Он уступил, но опять строго наказал - никому не говорите. Остановил бурю на море только потому, что спал, как убитый от усталости на корме, а ученики разбудили Его с криками - мы тонем, хватит спать, умирать пора пришла. С досады, что разбудили, Он остановил ветер и унял волны. Везде больных приводили к Нему и просили об излечении, Он шел навстречу, но излечивал при этом безнадежно больных или "отведя в сторону от народа" (Евангелие от Марка 8:33), или "выведа его вон из селения" (Евангелие от Марка 8:23), и всегда сопровождал излечение словами - иди прямо домой, никому не рассказывай, не надо лишнего шума. Эпилептика излечил также только тогда, когда толпа вокруг собралась, и стало ясно, что не отстанут. Хананейка также должна была учеников благодарить, потому что это они поставили Ему ультиматум - или излечи ее, или мы с ума сойдем от ее воплей, ибо ее заявка на излечение приняла вид непрекращающегося крика за их спинами. И так далее. Так что это совсем не те чудеса, которыми переполнен Ветхий Завет, и которые вполне имеют традиционно сказочную подоплеку, никак не вытекающая из логики событий. Здесь же простой психологический анализ ситуаций показывает всегда, что каждому чуду было свое необходимое по обстоятельствам место.

Однако, если говорить о Евангелиях как о достоверно-исторических документах в своем содержании (а не в их форме, естественно), то, если наука подтвердила общее содержание Ветхого Завета, она же должна подтвердить и содержание Евангелий. Подтверждает ли? Подтверждает. Археология подтверждает, например. Она откопала сведения о Понтии Пилате, как наместнике Рима в Иудее именно в то время. А ведь когда-то Пилат считался таким же персонажем-символом, как какой-нибудь аморрейский царь. Также наука имеет свидетельства происшедшего в Иудее и в записях римских историков. В этой связи постоянное утверждение о том, что нет исторических свидетельств и научных доказательств существования Христа, выглядят очень бледно. Основной козырь этих утверждений состоит в том, что написано в римских хрониках настолько мало, что их нельзя принимать в расчет. Мол, это буквально строчки. Однако сразу же можно возразить - об этом написано сразу четыре книги, которые называются Евангелиями. Почему нельзя их считать историческими свидетельствами? Ведь все четыре автора были известными историческими конкретными личностями, которым никто (как мы уже говорили) никто из конкретных исторических оппонентов *не возражал по правдивости изложенных фактов*. Почему мы, например, безоговорочно верим *только одной короткой строчке* римского историка, что в Риме жил такой-то сенатор, или даже император, больше не встречая ни одного документального свидетельства этому нигде, и пытаемся не верить четырем свидетельствам, которые к тому же имеют аналогию в той же самой священной римской историографии?

Кроме того, аргумент "мало" для науки - не аргумент. Это оценочная категория, а не научная. А оценочная категория всегда опирается на какую-то сравнительно стандартную эталонную базу, относительно размеров которой и можно сказать "мало". Если относительно железа платины действительно очень мало, то это не значит, что платины нет. "Мало" - это вообще не аргумент, даже вне науки. Пуля тоже маленькая. Но ей нельзя не верить. По крайней мере, последствия такого недоверия могут надолго выветрить блажь из головы о том, что мало - это не есть. И, наконец, это вообще нечестный аргумент. Потому что даже дураку ясно, что "много" и быть не могло. Что было историкам Великого Рима до того, что Понтий Пилат где-то в одной из провинций распял очередного варвара? До победы христианства было еще 300 лет. Разве могли они знать ЧТО произошло? Учитывая все это, мы должны сказать, что сам факт упоминания римскими историками этого события - это очень и очень много. Это, практически, говорит обо всем. Рим чуть ли не ежедневно тогда распинал бунтовщиков по всему миру, и ни одно событие в череде этих римских забав не удостоилось даже одной строчки. А это было записано. Значит настолько громкое было событие, что даже до Рима докатилось. Кроме того, совершенно на необычную высоту поднимает достоверность происшедшего сам характер одной записи, где говорится, что Пилат распял человека, называемого Христом, и дальше добавляется "если это вообще был человек"! Тут вообще комментарии излишни. Раздумчивая оговорка римского историка в сухом историческом труде весит очень много "за", и перевешивает все остальные аргументы "против". Так малое может говорить не просто о многом, но и обо всем. Если его правильно понимать.

От исторической науки перейдем к точной. Это священная корова, которой все привыкли верить вслепую. Зачастую зря. Но если уж она берется за что-то, то, как точная наука, дает хотя бы точную информацию. А от этого отталкиваться всегда легче. Пыталась ли точная наука разобраться - миф Иисус, или нет? Пыталась. Ну и что? Да то же самое - наука подтверждает. Каким образом? Рассмотрим ниже.

Естественно, не имея под рукой ничего более, кроме текстов Евангелий, ученые обратились к ним и попытались выяснить, можно ли в них что-либо научно подтвердить, или же, наоборот, научно обличить? Надо сказать, что до ученых первым это сделал монах Дионисий Малый. Возможно, это была не вполне точная наука, но это был определенно научный подход, когда Дионисий Малый в 533 году на основе имеющихся тогда сведений, основанных *только на различных литературных данных (!)* вычислил год рождения Иисуса. Этот год стал первым годом нашей эры, которая отмеряется от Рождества Христова, а год завершения труда монаха Малого для него самого и для всего человечества неожиданно, но навсегда стал 533 годом нового летоисчисления. Так вот, ученые для начала перепроверили Дионисия, используя для этого уже накопленные *исторические* сведения, открывшиеся после жизни Дионисия. Они перепроверили, и выяснили, что Дионисий, не имея исторических точек отсчета в своей работе, ошибся на 5 лет. Всего на 5 лет! Календарь, естественно, переделывать не стали, но стало ясно, что литературные источники не так уж исторически бесперспективны для исследователей, как иногда считается.

Однако, соединение литературных данных с историческими данными в одно целое - это еще, все-таки, не точная наука, потому что прерогатива для расчетов отдавалась именно

литературными сведениями. То есть, не литература дополняла науку, а наука дополняла литературу. Причем - гуманитарная наука, а не точная. Нужно было полученные данные сверить с какой-либо точной наукой. И такая наука нашлась. Это - астрономия.

В Евангелии описывается появление в небе над Вифлеемом при Рождении Иисуса яркой звезды. Было решено - если удастся к той дате, которая была получена предыдущим путем, найти астрономическое подтверждение, то и сам факт Рождения станет неоспорим. Стали искать. Долгое время найти астрономического подтверждения не удавалось, потому что лучшие астрономы времени описываемых событий - ассирийцы и халдеи - *не занимались звездами!* Они были астрономами-астрологами, изучали только движение планет, *некоторых* крупных звезд, а также *известных* созвездий. Задача астрономов тогда была не научной, а предсказательной. По их концепции все события на земле "держат" и управляют крупные планеты и созвездия, а остальная мелочь на них (на события) никак не влияет, и нечего заниматься праздным любопытством. Поэтому, если они даже и видели эту яркую звезду над Вифлеемом, то не придали ей особого значения. Обратили на нее внимание, как мы знаем, только волхвы, которые помимо астрологии занимались еще и магией, то есть пытались не просто пассивно наблюдать закономерности истории, но и как-то практически влиять на местные события. Для немасштабных мероприятий годились немасштабные астрономические явления, поэтому волхвы из появления звезды сделали своевременные и правильные выводы, а официальная астрономия оставила это явление без внимания, как незначительное для их системы сведений.

Данные европейских астрономов также ничем не могли помочь ученым. Европейцы занимались тем же самым. Ловили крупную рыбу, а маленькую выбрасывали. Подтверждением служит тот факт, что когда в 1054 году на небе загорелась *необыкновенно* яркая звезда, что было вспышкой сверхновой, породившей целую Крабовидную Туманность, то ни в Европе, ни на Ближнем Востоке, ни один астроном не оставил об этом ни одной записи.

И что было делать? Идея осенили (напишем имена этих великих людей полностью) Дэвида Кларка, Джона Паркинсона и Ричарда Стефенсона, английских астрономов. Идея была простой - проверить записи китайских и корейских астрономов того времени. Проверили. И что же? И китайские, и корейские астрономы, независимо друг от друга, находясь в разных странах, зафиксировали в 5 году до Рождества Христова (за пять лет до даты Дионисия Малого, что один раз наука уже подтвердила!!!) вспышку очень яркой сверхновой звезды, которая длилась 70 дней! Кроме того, астрономы обеих этих стран показали, *что звезда по небу не перемещалась*, а это полностью соответствует Евангелию от Матфея. И, наконец, расчеты по ее положению подтвердили, что она должна была быть видна в Вифлееме до восхода Солнца с восточной стороны!!! Все, как у Матфея. Так было получено первое научное подтверждение.

А вот второе. Если удалось подтвердить время и обстоятельства Рождения научно, то нельзя ли также научно подтвердить время смерти? Резонный вопрос. Путем долгих расчетов различных вероятностей, исходя из особенностей еврейского календаря при определении Пасхи, на которую был распят Иисус, а также исторических данных, ученые остановились на двух реально возможных датах смерти Иисуса, если брать события Евангелий в качестве исторически достоверных. Первая дата - 7 апреля 30 года, а вторая - 3 апреля 33 года. Предпочтение не

могли отдать ни одной из них. Равноценность их была абсолютной. Ясность внесла опять астрономия. В Евангелиях говорится о том, что сразу после казни Христа Луна окрасилась в красный свет. Маленькая зацепочка, которая привела к большому успеху.

Ученые задались вопросом - если верить Евангелию, то есть признать, что Луна после казни покраснела, то отчего такое могло произойти? Такое могло произойти по простой причине - Луна окрашивается в красный свет при лунном затмении. Красный спектр света меньше всего подлежит рассеиванию, и поэтому те лучи Солнца, которые все же достигают Луны, преломляясь через Землю, это лучи красного спектра, которые и делают цвет Луны красным. Астрономы из Оксфорда К. Хэмфри и У. Уоддингтон составили перечень лунных затмений, падающих на время наместничества Понтия Пилата в Иудее. И, конечно же, одно из затмений совпало с одной из дат - 3 апреля 33 года. Не удивительно и то, что это обстоятельство записано Евангелием. Восход Луны на Пасху для иудеев был сигналом к празднику. Пасха всегда подгадывалась под полнолуния и переносилась то вперед, то назад по календарю. Вся Иудея, постившаяся до этого, с нетерпением ждала восхода этой Луны, чтобы, наконец, начать поедать молодых барашков, и дождалась - взошла кровавая Луна. По расчетам затмение началось как раз при восхождении Луны. Кое-кого, наверное, это неприятно впечатлило. Нас это впечатляет по-другому.

Ну, и теперь о самом главном научном подтверждении. История этого подтверждения длится уже более 100 лет, и с неизменным успехом влетает человечеству в одно ухо, а вылетает в другое. Интересное дело - достаточно откопать в Китае какую-то древнюю птичку, у которой есть зубки в клюве, как по всем средствам массовой информации по всему миру объявляется - доказано, что птицы произошли от других животных, а не сами по себе появились. Если взять, например, автомобиль какой-либо серии, то от первого номера и до последнего в этом автомобиле что-то постоянно изменялось, в результате чего от первого образца и до последнего существует множество промежуточных автомобилей, где поступательно накапливаются изменения, которые потом и составляют конечную разницу между первой машиной и последней. При этом существует один первый образец, один последний образец и *множество* промежуточных образцов, которые в автомобилестроении называются "переходными моделями". Это - яркий пример эволюции. Так она и происходит. Есть последний вид и множество предшествующих. Так же все должно происходить и в живом мире, где есть законченный вид, и намного-намного-намного превышающее его по количеству стадо "переходных моделей". Так вот, если весь мир верит такой глупости, что когда в земных пластах находят только одних птиц миллионами экземпляров, а одна птичка с зубками подтверждает, что все эти миллионы птичек произошли от млекопитающих или змей, и больше переходных форм нет и не надо для такого ясного факта, то после такого всемирного оглупления совершенно не удивляешься тому, что после научных фактов, которые мы приведем ниже, до сих пор раздаются голоса - кто знает, был ли Иисус, и было ли распятие? Наука, мол, не в курсе. А наука давно уже в курсе. Не в курсе по-прежнему человек. Среднестатистический. Лично мы уже тоже в курсе и готовы поделиться сведениями с остальными. Пусть еще раз влетит в одно ухо.

Суть дела состоит в том, что после гибели Иисуса, Его тело было завернуто в саван. Все мы знаем, что это такое. После Воскресения саван остался, стал реликвией, ученики сберегли

его, и в настоящее время посмертное одеяние Христа хранится в часовне Гварини кафедрального собора Иоанна Крестителя в итальянском городе Турине. Саван этот принято называть "плащаницей", и мы далее не будем отступать от общепринятой традиции. Плащаница считается самой важной реликвией христианства. И быть бы ей просто реликвией, пусть даже и самой важной, если бы не постоянные уколы со стороны праведных атеистов, которые утверждали, что плащаница - подделка. Эти обидные подначки атеистов вызваны были одним интересным обстоятельством - на плащанице запечатлена человеческая фигура в полный рост. Изображение очень нечеткое, с близи даже и не поймешь, что это, но если отойти шагов на пять назад, то видно, что желтовато-коричневые пятна на плащанице складываются в образ худощавого мужчины с длинными волосами, бородой и усами. Помимо желто-коричневых пятен, образующих фигуру, по самой фигуре еще разбросаны красно-бурые пятна в тех местах, где Иисус получил наиболее страшные раны. Как бы следы от кровотечений. Естественно, что скептиков такое удачное сочетание деталей не могло оставить равнодушными, и пошли прямые утверждения, что некто, небогатый фантазией, но с явно большими художественными возможностями, все это просто нарисовал, и никакая это не реликвия, а очередной опиум для народа. То есть, если бы когда-то неизвестный художник не набросал в таинственно-реалистичной манере образ Христа на этот кусок ткани размером метр на четыре, то это и было бы всего лишь куском льняной ткани, каких много. Вообще получилось очень интересно и очень "по-человечьи" - если бы демонстрировалась просто белая ткань, то поверить в то, что это саван Иисуса было бы легче, чем в том случае, когда на этом куске ткани просматривается Сам Иисус. Это - как принято обычно у нас, у людей.

Надо здесь отдать должное католикам. Они продемонстрировали свою ВЕРУ. В 1898 году католическая церковь позволила профессору сравнительной медицины Иву Делажу сделать с плащаницы фотографический снимок. Ив Делаж, проще говоря, был анатомом, и вот к чему пришел анатом высшей квалификации, анализируя полученные снимки. В дальнейшем результаты исследований плащаницы будут накатывать на нас как цунами, и многие из них невозможно читать без содрогания, но, наверное, первое впечатление от выводов Делажа в свое время было крепче по воздействию. Вот эти выводы:

- изображение на плащанице *до мельчайших подробностей* соответствует анатомическим особенностям человека (это следует понимать как то, что это не рисунок, если конечно не допустить, что рисовал не только неизвестный гениальный художник, но и неизвестный гениальный анатом одновременно);

- тело находится в состоянии трупного окоченения, но особенности этого окоченения состоят в том, что *тело окоченело в распятом состоянии*;

- форма подтеков крови и их направление говорит о том, что кровь застыла *на распятом человеке*.

Естественно, что целая Академия Гениальных художников не смогла бы создать образ, который лежит на их полотне сомкнув руки и ноги, но характер трупного окоченения и кровоподтеков говорит о том, что человек умер на кресте, раскинув руки, обвисая под тяжестью своего тела, с головой, опустившейся на грудь. Итак, стало ясно - каким образом непонятно, но

на плащанице изображен усопший, но предварительно распятый человек. Мы специально так округло произнесли эту фразу, поскольку для науки совершенно недостаточно было утверждать, что это обязательно Иисус. Получилось опять совершенно по-людски - плащаница с этим изображением передавалась из рук в руки веками, в те времена, когда никакой другой техники, кроме живописи, для создания изображений не было, и было ясно, что природа этого изображения чудотворна, но все-таки - кто сказал, что это Христос? Как будто чудеса сопровождали еще кого-то из распятых при жизни и после нее...

Но наука совершенствовалась, развивалась, и повторная фотосъемка плащаницы в 1931 году дала новую информацию:

- рост изображенного человека от 175 до 180 сантиметров;
- вес тела распятого человека от 75 до 81 килограмма;
- возраст - 30-45 лет;
- раны от гвоздей находятся не на ладонях, а на запястьях.

Последнее обстоятельство вообще перевернуло полностью представление о том, куда были вбиты эти римские гвозди. Французский хирург П. Барбе сразу же после этого срочно поставил ряд экспериментов с трупами и выяснил, что если гвозди быть в ладони, то ладони рвутся, и тело на кресте не удерживается. А ведь до этого на всех картинах гвозди торчали из ладоней Иисуса! Опровергая эту привычную деталь распятия, наука неожиданно подтвердила реальность самого распятия - до этого никто никогда не сомневался, что ладони выдержат вес тела на кресте! Если бы Барбе провел свои эксперименты до получения данных с плащаницы, скорее всего само распятие, как процедура казни в Древнем Риме, была бы признана очередным мифом!

Впрочем, относительно того, что это именно Иисус, наука безапелляционно не утверждала. Для науки нужно еще что-то большее. И вот что произошло дальше. Реликвия пролежала более тысячи лет, и нельзя было допустить, чтобы она испортилась от неправильного хранения. В 1969 году архиепископ Турина нанял несколько известных ученых для изучения ткани савана и определения оптимальных условий ее содержания. Ученые помогли, но ... согрешили. Они украдкой исследовали и само изображение. 7 лет они почему-то молчали, а потом решились и опубликовали свой вывод - ЭТО НЕ КРАСКА!

Такого надругательства над привычной реальностью ученый мир стерпеть не мог, и в том же 1976 году в США было создано специальное исследовательское объединение СТАРП, которому была поставлена задача дать наконец-то исчерпывающий ответ - саван это Христа, или выдумка? В СТАРП собрали специалистов по точным наукам. Аппаратуру поставили корпорация "Локхид", компания "Интернейшнл бизнес мэшинз", Центральная Лаборатория ВВС США, Ядерный Центр США, Академия ВВС США и Лос-Аламосская Национальная Лаборатория США. Были задействованы методы:

- криминалистики;
- методики выявления различного рода подделок;
- спектроскопии в видимой области;
- спектроскопии в ультрафиолетовой области;



- спектроскопии в инфракрасной области;
- флуоресценции с традиционными видами возбуждения;
- флуоресценции с лазерным возбуждением;
- радиографии;
- термографии;
- масс-спектропии;
- компьютерного исследования для перевода двухмерного изображения в трехмерное (то есть в объемное), и другие.

Церковь отдала плащаницу на неделю с условием, что при всех исследованиях целостность ее нарушена не будет. Это было в 1978 году. Результаты были опубликованы в 1982 году. Вот они:

- в местах изображения пятен крови найдены химические элементы, типичные для крови человека (проще говоря, на плащанице кровь настоящая);
- ни одного микроэлемента, который говорил бы о присутствии красителей или красок на изображении фигуры нет (проще говоря, все это не нарисовано уже и с технической стороны дела);
- трехмерное изображение следов кровоподтеков, ран и ударов соответствует всем видам пыток, которым подвергся Иисус;
- по всему телу и на лице находятся следы бичевания;
- на лице и на теле следы избивания дубинкой, одним из таких ударов сломан нос;
- на лбу и на затылке - глубокие уколы и сильные царапины от тернового венца (это так римляне над Ним издевались - царю положена корона, так у нас есть кое-что для таких случаев: венчик из огромных почти стальных по крепости колючек, который Иисусу с силой насадили на голову);
- на правом плече след от тяжелого креста, который Иисус нес для Своего распятия;
- в правой части грудной клетки - рана от проникновения копья (один из воинов пронзил Ему ребра, чтобы убедиться, что Он уже мертв).

Особенно удивительная история произошла с глазами Иисуса. Лицо на мониторе получилось объемным, а глаза остались плоскими! Начали фотографировать отдельно каждый глаз в поляризованном свете и делать увеличение. Выяснилось - на обоих глазах лежит что-то круглое. После долгих опытов разобрались в том, что лежит на правом глазу - монета! Позвали нумизматов и те указали, что это очень редкая монета, печатавшаяся при жизни Понтия Пилата! Следовательно, это Иисус? Но - в тексте надписи на монете была грамматическая ошибка. Именно из-за этой ошибки плащаница стала вновь считаться недостоверной. Одна неправильная буква перетянула все остальные аргументы! Тут дело, похоже, уже не в науке. Дело в нас. Однако, после опубликования в печати изображения этой монеты, нумизматы разных стран нашли еще шесть монет с подобной опечаткой! Анализ этих монет с изображенной показал - одна и та же монета! Спасибо нумизматам.

Теперь оставалось разобраться с левым глазом. Изображение его было очень нечетким, но когда постарались, то обнаружили на нем еще одну монету, но другую. И тоже очень редкую.

Нумизматы помогли и здесь - это "лепта Пилата", которую начали печатать только в 29 году. По времени подходит!

Идем дальше:

- на волосках ткани, находящихся в зоне изображения, нет никакого покрытия (то есть изображение видно, но оно ничем не нанесено!, в это просто вдуматься надо!!!);
- между волосками ткани нет никаких следов красителя (это уже было);
- белок обнаружен только в тех местах, где была кровь;
- никаких посторонних органических веществ, которые могли бы рассматриваться в качестве основы краски - не обнаружено;
- белок, обнаруженный на изображении пятен крови, содержит билирубин и гемоглобин, то есть - это белок крови;
- изображение - не отпечаток с деревянной гравюры;
- изображение - не перевод с барельефа;
- изображение - не след от оборачивания горячей статуи.

Но самое интересное состоит в том, что изображение на плащанице - негативное! Если образ Иисуса каким-либо образом отпечатался на плащанице при соприкосновении с ней, то левый глаз должен быть на изображении слева, а правый глаз - справа. *То есть, изображение должно было быть зеркальным! А оно получилось зеркальным зеркальному!!!* Это было единственным, чего не смогли разгадать ученые. Но мы-то с вами уже знаем, что так и должно было быть, поскольку тело Иисуса, имея посмертный облик после Воскресения, было уже зеркальным относительно своего прошлого облика, и, отпечатавшись на плащанице дало, зеркальную своему уже зеркальному виду форму. Впрочем, подробнее мы говорили об этом в главе "Смерть", когда упоминали о симметрии и асимметрии живого и потустороннего.

Ну, вот и все, теперь уже нет никаких, даже естественнонаучных причин сомневаться, что, читая Евангелия, мы читаем дневник подлинных событий. Впрочем, последнее нас не выручит. Ибо читать Евангелия - это только вероятный шанс, а не гарантированный путь. Как этот шанс использовать - никто не знает. Но попытаться надо. Ибо, как сказал апостол - как можно верить в Того, о Котором никогда не слышал? В Евангелиях же можно не только услышать о Нем, но и услышать *Его Самого*. Как апостолы когда-то. Это шанс для каждого. Попытаться, или не попытаться - решать также каждому самостоятельно. Тут - кто как захочет. Тем более, что, по мнению автора, не мы сами открываем Бога для себя, а Бог открывается нам. И это происходит по-разному. Иногда и через Евангелия. Если читать в них то, что в них написано. Остальное - в последней главе.

#### Мелхиседек

На этом можно было бы и закончить эту книгу, тем более что конец любой книги - всегда процесс искусственный, а не закономерный. Но осталось два вопроса, на которые надо ответить. Первый - несущественный, но он слегка раздражает. И в самом деле - почему книга названа "Мелхиседек"? По простой причине - эта книга должна была быть совершенно не о том, о чем она получилась. Книга переписывалась несколько раз, и вышло совсем не то, что предполагалось. Первоначальное ее название подразумевало разбор некоего континуума (непрерывной линии)

поиска человеком Бога от Мелхиседека (первого священника) до наших дней. Мелхиседек - библейский персонаж. Авраамова родственника обидели, Авраам жесткой рукой навел справедливость, а вслед за этим откуда-то появился Мелхиседек, который был первосвященником Бога, и принес Аврааму свои дары. Эта фигура заинтересовала. И вот почему.

В 1941 году фашисты захватили Украину, и группа подростков в Краснодаре организовала нечто вроде подполья. Большого вреда оккупантам они нанести не могли, да и опыта подпольной работы у них не было, но они сделали все, что могли, как настоящие патриоты своей Родины. Одного из них взяли гестаповцы, и под пытками он назвал остальных. Убиты все были с невероятной жестокостью. Эту историю рассказала автору учительница немецкого языка, которая жила в Краснодаре и знала, как все это было. Эту историю описал в своем романе "Молодая гвардия" Александр Фадеев. Книга вышла в журнальном варианте. После этого Фадееву сильно досталось, и его заставили переписать роман и ввести в него новых действующих лиц - партийных руководителей подполья в лице большевиков-коммунистов. Без партии патриотизм не мыслился. Фадеев был талантливым писателем, и ввел их настолько органично, что если бы не пожилая женщина, знающая правду, автор так бы и считал, что герои-подростки были руководимы взрослыми дядями с партбилетами в нагрудном кармане. Писатели Ветхого Завета были не столь талантливы, как Фадеев, и этот Мелхиседек, неведь откуда взявшийся в те времена, когда еще не было понятия о Едином Боге, когда "безродный" человек имел шансы на какую-либо судьбу меньше, чем даже неодоушевленная вещь, и когда не было даже первосвященства как такового, сразу же указывает - кем написан Ветхий Завет. Ну, и не беда. Есть Новый Завет, который написан теми, кто жил в описываемые события, кто знал, как это было, и кого никто не заставил ничего переписать. Им не пришлось стреляться от угрызений совести, как Фадееву. Так что наша книга совсем не про Мелхиседека. Автор просто оставляет это имя на обложке только ради противовеса, только для того, чтобы название книги звучало и читалось не менее сложно и неудобнопроизносимо, чем его собственная фамилия. Только и всего.

А второй вопрос - вопрос вопросов. Обещая ранее вернуться к беседе Пилата с Иисусом, мы его сейчас и зададим - что есть истина? Как мы знаем, Иисус на этот вопрос Пилата отвечать не стал. Почему? Потому что ответил на него минутой раньше: Я на то и пришел в мир, чтобы принести истину, и слышащий Меня слышит эту истину. Пилат не понял. Если мы до сих пор задаем себе тот же самый вопрос, то услышали ли мы Иисуса? Несмотря на все наши обряды, праздники, благочестие, венчания, исповеди, причащения и т.д., не готовы ли мы и сейчас спросить у Него - так что же есть истина? Значит, не услышали...

Но мы дали предыдущий абзац в стиле все того же невероятно произвольного толкования Евангелий! На самом же деле Пилат ни о чем не спрашивал! И никакие подковырки о том, что Иисус не ответил на какой-то вопрос об истине, неправомерны! Люди добрые, давайте же читать то, что написано! А написано следующее. Вот последние слова Иисуса Пилату: "Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего" (Евангелие от Иоанна 18:37). И далее читаем внимательно - "Пилат *сказал* Ему: что есть истина? И, *сказав* это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем" (Евангелие от Иоанна 18:38). Где и кто тут увидел вопрос? Римский прокуратор просто вот такой красивой риторической фразой закончил разговор, бросив напоследок тираду, традиционную для просвещенного римлянина, и эта фраза означала - никто не знает, что такое истина. И сказавши это, римский наместник, не дожидаясь ответной реплики, поскольку эта салонная фраза означала закрытие темы и подразумевала, что уже никаких реплик больше быть не может, пошел дальше торговаться с иудеями насчет свободы одного из узников относительно традиций наступившего праздника.

И вот прошли века. Во времена Пилата об истине знали то, что об истине никто ничего не знает. Что изменили прошедшие тысячелетия? Человечество поднапряглось, ощерилось, спружинилось и выдало, наконец-то, некое определение истины, которое если его коротко и без развернутых дополнений изложить, звучит коротко: истина - это то, что не зависит от нашего сознания. И мне предлагается это принять если не к действию, то к сведению. Но, в таком случае, я вообще не вижу ничего, что смогло бы стать независимым от моего сознания. Все, что попадает в зону моего сознания, уже не может быть от него независимым, поскольку все это обрабатывается и классифицируется набором понятий, лежащих в пределах моего сознания, и, соприкоснувшись с ним, никак уже не может быть от него не только независимым, но и вообще свободным. Если мне скажут, что два плюс два равно четыре, и это никак не зависит от моего сознания, то я спрошу в ответ - а два "чего"? Если мне скажут, что "вообще" дважды два - четыре, то я отвечу, что это ваше "вообще" является в таком случае *чистой конструкцией моего сознания*, и только в пределах этой конструкции и существует, не подтверждаясь наблюдениями из какого-либо независимого от моего сознания аспекта бытия. Если мне скажут, что два яблока плюс два яблока равно четыре яблока, и это совсем не конструкция моего сознания, то я замечу, что никаких "два яблока" быть не может, и "четыре яблока" быть не может, "и тысячи яблок" быть не может независимым от моего сознания, поскольку каждое яблоко существует самобытно, отдельно само по себе, и только я в своем сознании условно соединяю эти абсолютно обособленные объекты в некое группировочное понятие "четыре" или "два", и это тоже моим мысленным усилием образуются эти числовые связи, которых в реальности нет, и что же здесь независимо от моего сознания?

Если же меня подавят более знающие оппоненты, и докажут самым непреодолимым образом, что яблоки, даже по одному, но, однако же, существуют совершенно независимо от моего сознания, и это есть самая настоящая истина, то у меня останется к ним главный вопрос - а зачем мне такая истина? Это, ведь, не истина, а просто статистический факт, и, в таком случае, всю науку статистику следует назвать наукой об истине, потому что она именно этим и занимается - собирает и подсчитывает то, что существует независимо от нашего сознания, то есть, независимо от того, знаем мы об этом, или не знаем, хотим мы об этом знать, или не хотим, нравится нам это, или не нравится. Всё остальное, (вне констатации простого факта своего существования), никак не может быть независимым от моего сознания, от этой многофункциональной и мультизадачной системы обработки информации, где постоянно работают ссылки и отсылки, тасуются и выбираются понятия, согласуются связи, узнаются явления, каталогизируются сведения, вытаскиваются аналогии, избираются определения, выстраивается логика - и все это под знаком моих эмоций, предрасположенностей, вкусов, интересов, способностей и психических установок.

И даже то самое яблоко (как и все остальное) если существует независимо от меня, то совсем *не так, как я это понимаю*, потому что состоит из молекул, а молекулы состоят из атомов, а каков из себя атом, никто до сих пор не знает, несмотря на несколько существующих его моделей. Яблоко существует независимо от меня совершенно по-другому и недоступно моему пониманию. А то, про что мы говорим, произнося "яблоко" - это всего лишь *мыслимый* фасад того объекта, который никогда даже и не бывает одним и тем же объектом, так как то же самое яблоко не просто существует независимо от меня, оно *живет*, и каждый раз старше самого себя предыдущего, и сразу же младше самого себя, постоянно изменяющегося. Разве вмещается даже вот такая простая истина в простой факт того, что яблоко существует? Оно, опять же, даже в независимости от моего сознания, существует только в форме, доступной моему сознанию, а не в истине относительно всей истины своего существования. Что же может быть совершенно независимым от моего сознания? Где может располагаться истина?

Понятно, что если истина где-то и существует, то существует она в реальности действительно недоступной моему сознанию, причем в реальности высшей моему сознанию, потому что ниже моего сознания, если и есть какая-то истина, то эта истина не требует *осознания*, она требует всего лишь знакомства с ней и дальнейшего ее узнавания, как в случае со статистикой. Ни слева, ни справа, как равное моему сознанию, истина также не может находиться, поскольку, если она равна моему сознанию, следовательно, она может в него вместиться и тут же подпасть под процесс его переработки, чтобы тут же стать полностью зависимой от него. Только то, что не может уместить мое сознание, может быть от него независимым, и только то, что недоступно моему пониманию, следовательно, может быть истиной. В таком случае мы должны признать, что истины или нет совсем, поскольку все воспринимаемое нами - это игры нашего ума с нами же, или же истина есть, но она совершенно в другой, единственно недоступной нам реальности, и такую реальность мы гораздо раньше определили здесь как Бога. Если истина есть, то истина может быть только в Боге.

Ну, и разве нам от этого легче? Если мы не можем вместить эту истину в свое сознание, то не равносильно ли это тому, что для нас, ее (истины), как бы и нет? Да, равносильно, если мы будем по-прежнему напирать только на сознание. Мы придаем нашему сознанию такое выпячено преимущественное значение всего лишь потому, что процессы сознания кодируются в слова и понятны для обмена результатами, а сами результаты, в свою очередь, информационно полезны и позволяют решать различные проблемы. Но ведь сознание - это всего лишь один из компонентов нашей психики, нашей внутренней реальности, или, как это принято говорить, нашей души. Если мы говорим, что истина находится в совершенной иной для нас реальности, то в поисках этой истины надо идти к этой Внешней Реальности всей своей внутренней реальностью, а не одним только сознанием. Перефразируя эту мысль, можно сказать, что к Богу нужно идти душой, а не разумом.

Сделав такой вывод, мы, несомненно, должны будем прийти и к следующему предположению - область познания, доступная душе, открывается ей всегда только через ощущения. Именно здесь и лежит исток любой религии и любой веры. Именно такое ощущение связи с высшим себе и порождает религию и веру. Религия - это не Мелхиседек с догматами и ритуалами, это ощущение своей связи с Богом. Эта связь коротка, почти мгновенна, но она настолько реальна, что побеждает все сомнения относительно существования этой Реальности. Именно так и возникла религия и вера у первого человека, когда не было ни писаний, ни ритуалов. Именно так в своей истинной правде она существует и теперь. И я никогда не поверю, что восхождение духа язычника, отрицающего Христа, или мусульманина, признающего Христа лишь в общей череде пророков, или буддиста, совсем не знающего Христа и трогающего колокольчики в одном из десятков своих ящичков, где его навещают многочисленные боги, ниже или слабее того, что ощущаю я, верующий в Христа. И что же нам из этого относительно истины?

А из этого следует то, что сами эти *ощущения истинны, но это не обязательно ощущения истины*. Они и не могут быть ощущениями истины. Почему? Потому что, признав это ощущение связи с Высшим нашим непосредственным ощущением Бога, мы допустим большую ошибку, ибо из этого следует, что у нас, и у этой ощущаемой нами Высшей Реальности - *одна природа!* Если мы можем Это стабильно ощущать, следовательно, Это может входить в систему ощущений нашей внутренней реальности, следовательно, Оно родственно нам и, следовательно, это такая же реальность, как и наша реальность, следовательно, мы - тоже боги.

Реальность Бога мы не можем ощущать, поскольку это абсолютно иная для нас реальность, тогда что же мы ощущаем в высшие моменты восхождения нашего духа? Что может соприкоснуться с нами своей реальностью, абсолютно идентичной нашей, и в том же время дать нам ясное и просветленное восприятие того, что мы тут же соприкоснулись с Чем-то, абсолютно

иным себе, но невысказываемо реальным, даже более реальным, чем мы сами? Что это такое? Лично я не вижу больше ничего другого, кроме богочеловеческой реальности Иисуса Христа. Здесь есть и то, что можно вобрать в себя, и то, во что можно войти, и то, за неуловимым порогом чего уже Другая Реальность, где происходит короткий момент Её сверхоощущения. Только такое ощущение, где человеку доступно человеческое, но где тут же из Богочеловеческого нас останавливает и замыкает на высоком пределе нашего восхождения мгновенная искра Истинного Света, только оно может быть ощущением Истины. Если нет Такого Пути, по которому человек человеческим путем идет к Богочеловеческому, если нет такого стыка нашего бытия и Его Бытия, то любое другое ощущение, взятое не на этом стыке, обречено на искажение истины.

Но даже если пережит этот момент неслиянного слияния, а затем опыт этого высокого ощущения переводится в слова, "откровения" и "писания", (то есть в систему кодировки нашего сознания, где истина моментально убивается сортировочными канонами и понятийными ранжирами мозга), то совершается обратное падение на самое начало пути, а Истина забалтывается и, предательски облачаясь в чужие и ложные формы единиц языка - теряется.

Если же, это благодное короткое ощущение Высшей Реальности переводится не в слова, а в систему эзотерических феноменов (ритуалов, преданий, обрядов, иерархий тонких сущностей, магических или кармических воздействий, эгрегорных или мыслеобразных объектов, астралов и т.д.), то, тем самым, создается всего лишь система мыслимых абстрактно субъектов, с которыми человек также взаимодействует только в пределах своей мысли и в пределах своих духовных движений, то есть в пределах всё той же своей собственной реальности. Все замыкается в круге собственного сознания и собственной психики. Что сознание создает, с тем же оно и работает. Что психика сама из себя извлечет, то и перерабатывается духовно. Совершается более плавный, но вполне надежный возврат от Истины к наркотической системе ритуалов-процедур, обращенных к эзотерическим фетишам, созданных самим же человеком.

Если же это ощущение не переводить в "писания" и не создавать из него источника тайнознания (эзотерики), то куда отправить его дальше? В безобъектную пустоту безличного Непознаваемого Бога или в бездонный провал "Ничто"? Тогда, и в этом случае, ты остаешься только со своими ощущениями, то есть только с реалиями собственной души. Истина здесь только в том, что под воздействием Истины твое ощущение приобретает вот такую-то и вот такую-то благодную отдачу внутри тебя. Ты благоговеешь перед собственными ощущениями, и не больше. Происходит лишь внутреннее наблюдение за благодным восхождением своей души, и всё. При этом человек фиксируется лишь на собственной рефлексии, теряя сам Источник Рефлексии, Истину.

Ни в толкованиях, ни в тайнодействиях, ни в медитативных состояниях не совершается выхода из своей внутренней реальности в Высшую Реальность, потому что наша и Его реальности - это две абсолютно несоприкасаемые реальности, за исключением одного переходного мостика, соединяющего собой два этих несоединимых берега. Есть только одно звено, соединяющее нас и Его. И это единственное, известное исторически и подтвержденное научными свидетельствами, переходное звено между нами и Богом, Которое можно было видеть, слышать, трогать руками и вкладывать эти руки в Его раны. Выход же куда-то еще через все остальное - это выход неизвестно куда через то, что мерещится. А мерещиться может разное - от Астарты, про которую все уже почти забыли, до смотрящего за всем типа с подозрительной фамилией Гагтунгр, с которым нас сейчас усиленно хотят познакомить. Померещиться может и то, что мультфильм "Том и Джерри" сделал ауру нашей планеты почти непригодной для жизни. Или то, что существует некое впускное-выпускное устройство, куда через одну трубу капает, а из другой вытекает, и не

что-нибудь, а именно наша карма, и надо просто знать, когда из-за чего где закапало, и вовремя определенный краник закрыть, или, наоборот, открыть.

*Логически нет ничего более логического, чем понять, что путь к Богу для человека может иметь только богочеловеческий смысл и характер, если иметь в виду даже только логику данного пути.* Такой путь может совершиться только через богочеловечество Христа. И всё, что имеют все, отрицающие Христа, (если имеют), когда говорят об этой высокой связи, они, согласно простой логике, могут иметь только через Него. И это давно уже стало бы ясно многим, если бы... не Мелхиседек, который изрекает от имени Христа, поучает от имени Христа, подменяет собой Христа, и подсовывает нам вместо Христа писания, про которые Христос говорил "Ваши писания". Те самые писания, в которых нам предписывается мелодично петь псалом о том, что под Богом ходит тот человек, который берет детей за ноги и разбивает им голову о камень только за то, что это дети народа из государства, политического оппонента. Мелхиседек дискредитирует Христа и гневается на тех, кто понимает христианство не так, как понял его он в IV веке. Мелхиседек забывает, что его Учитель в земной жизни гневался только на мелхиседеков, и еще один раз на Своих учеников, когда они возомнили себя мелхиседеками...

Так какова же задача человека, (говоря о конце книги), которую мы пытались найти? Делать добрые дела? Верить в Иисуса Христа? Пожалуй, что сегодня - сохранить Христа. Потому что это - возможность слышать (ощущать) истину. Единственная. А дальше видно будет. Все остальное приложится. Христианство - это умение слушать Истину. Это умение не обманет и насчет всего остального. И относительно Добра тоже.

Нам говорят - не того слушаешь. Мы готовы выслушать любого, только пусть он предварительно сделает хоть что-то из того, что сделал Он. Не надо нам ничего величественного - излечивать больных прикосновением, ходить пешком по воде, пятью хлебами кормить целые армии, обращать воду в вино, делать слепых зрячими, заставляя истлевшие трупы оживать, менять в один миг мир и т.д. Пусть этот кто-то сделает самую малость, и нам будет достаточно - пусть умрет и воскреснет, и пусть при этом пообещает нам жизнь вечную. И мы готовы будем его выслушать. А пока этого нет, мы не должны больше никого слушать.

На этом и закончим. Книга подошла к завершению. Обычно в конце делаются оговорки, что это личная позиция автора и т.д., но эту оговорку мы сделали уже в начале, когда предупреждали, что книга не угодит никому. Однако автор себя в этом не винит. Потому что книга не угодила даже ему. Более того - автор вообще берет на себя смелость заявить: любая книга - это самостоятельно существующая реальность, которую надо только правильно описать с нескольких попыток. Авторы вообще тут не при чем. Книги сами приходят через них. Так что, все претензии к ним, а не к авторам. В итоге, как видим, нет смысла не только в названии книги, нет смысла и в ее авторстве. Впрочем, всегда можно пожертвовать определенными частными смыслами ради одного большого. Надеемся, что нечто от этого, все-таки, в книге есть, тем более, что если это и есть, то это только ее собственная заслуга. Или беда. Автор пока не в курсе.